

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

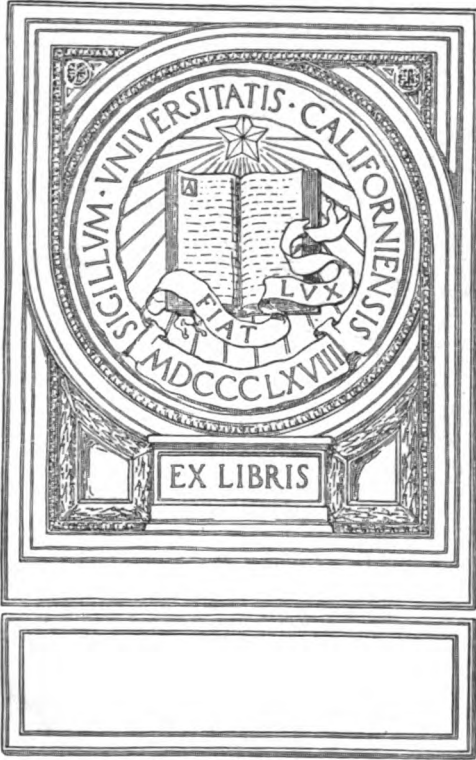
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 3 027 644

С. С. С. С.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛІЦ.

УДК 37.01
СЛ. ПР. 15

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1871.

L451
A4
v. 153

TO YOU
ALSO

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

НАШЕМУ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ, ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА ПАВЛУ МУХАНОВУ.

Въ ознаменованіе особаго благоволенія Нашею къ долговременной, постоянно ревностной службѣ вашей и просвѣщенной дѣятельности по званіямъ члена департамента государственной экономіи государственнаго совѣта и предсѣдателя археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, Всемилоствивѣйше жалуемъ Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашею св. влаговѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, коего знаки, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою и Царскою Нашею милостию къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ, 1-го января 1871 года.

854516

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го октября 1870 года). *Объ отдѣленіи для преподаванія русскаго языка въ Сѣдлецкой мужской гимназій четырёхъ уроковъ, а въ Бѣльской трехъ уроковъ изъ числа назначенныхъ на языкъ польскій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, удостоивъ Высочайшаго утвержденія сдѣланное въ 1868 году распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія объ отдѣленіи для преподаванія русскаго языка въ Сѣдлецкой мужской гимназій 4 уроковъ изъ числа назначенныхъ на языкъ польскій по Высочайше утвержденному уставу русскихъ мужскихъ классическихъ гимназій для греко-уніатскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ на выдѣленіе сверхъ того еще 3-хъ уроковъ для русскаго же языка на счетъ языка польскаго, и на распространеніе таковой мѣры на Бѣльскую гимназію.

2. (26-го ноября 1870 года). *Объ освобожденіи учителей начальныхъ училищъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ освобожденіи учителей начальныхъ народныхъ училищъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго

просвѣщенія объ освобожденіи учителей народныхъ училищъ, мѣлъ лицъ податныхъ сословій, отъ рекрутской и всѣхъ другихъ повинностей, согласно въ существѣ съ заключеніемъ его, управлѣшаго министерствомъ, *мнѣніемъ полковника*: въ дополненіе къ уставамъ рекрутскому и о земскихъ повинностяхъ (Св. Зак. Т. IV), постановить:

«Лица, занимающія должность учителя начального народнаго училища, по предварительномъ выдержаніи испытанія на это званіе въ установленномъ порядкѣ (мн. госуд. сов. 22-го апрѣля 1868 года), или же по успѣшномъ окончаніи курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ право на званіе учителя начального народнаго училища, освобождаются отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей на все время служенія ихъ въ упомянутой должности».

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (30-го декабря 1870 года). *О назначеніи для Академіи Наукъ на лѣтнія вакаціи двухъ съ половиною мѣсяцевъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: соотвѣтственно сроку лѣтнихъ вакацій, положенному для Россійскихъ университетовъ по § 92-му Высочайше дарованнаго имъ въ 1863 году устава, на лѣтнія вакаціи для Академіи Наукъ назначить два съ половиною мѣсяца, съ 1-го іюня по 15-е августа.

4. (30-го декабря 1870 года). *Объ избраніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича въ почетные члены Московскаго университета.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства совѣта Московскаго университета и о предварительно изъявленномъ на это согласіи

Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Алексія Александровича, Высочайшее соизволеніе разрѣшить избрать Его Высочество въ почетные члены Императорскаго Московскаго университета.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

7-го декабря 1870 года (№ 18). *Производится за отличіе:* почетный смотритель С.-Петербургскаго Никольскаго уѣзднаго училища коллежскій регистраторъ Константинъ *Бенардани* — въ губернскіе секретари. *Утверждается:* Гольдингенскій уѣздный предводитель дворянства баронъ *Ганз*, на все время состоянія его въ сей должности, почетнымъ попечителемъ Гольдингенской гимназіи. *Командируются за границу:* ассистентъ клиники Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины *Шредеръ* — на десять мѣсяцевъ; директоръ С.-Петербургской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лемоніусъ* — въ январѣ 1871 года на время отъ трехъ до четырехъ недѣль. *Зачисляется въ командировку по дѣламъ службы:* управляющему имѣніемъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Тимме* — двадцати-восьми дневный отпускъ за границу.

25-го декабря 1870 года (№ 19). *Производятся за отличіе:* въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Василій *Кулинъ*, директоръ училищъ Бессарабской области Кирилль *Яновскій*, директоръ астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета Богданъ *Швейцеръ*, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Старіонъ *Ходескій*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Памфилъ *Юркевичъ*, Иванъ *Блляевъ* и Алексѣй *Соколовскій*, Дерптскаго — Александръ

Петцольдъ и сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Александръ *Селивъ*, ординарный профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института Николай *Астафьевъ* и вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, старшій астрономъ оной, Августъ *Вамеръ*. *Въ статскіе совѣтники*: инспекторъ Плоцкихъ мужской классической и женской гимназій, на дворный совѣтникъ Игнатій *Езерскій*.

30-го декабря 1870 года (№ 20). *Производится: въ дѣйствительные статскіе совѣтники*: отставной статскій совѣтникъ Леонтій *Ротштейнъ* — за пожертвованіе на пользу образованія юношества. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю*: магистру Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Макушеву* — по 1-е апрѣля 1871 года, почетному смотрителю Кишиневскаго 2-го уѣзднаго училища, титулярному совѣтнику *Герашеневскому* — на восемь мѣсяцевъ. *Командируется за границу, съ ученою цѣлю*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета *Навроцкій* — на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го января 1870 года.

1-го января 1871 года (№ 1). *Производятся за отличие: въ дѣйствительные тайные совѣтники*: попечитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ Христофоръ *Лазаревъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности. *Въ тайные совѣтники*: дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Григорій *Щуровскій*, ординарный профессоръ сего же университета Сергѣй *Соловьевъ* и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ и непремѣнный секретарь оной Константинъ *Веселовскій*. *Въ дѣйствительные статскіе совѣтники*: статскіе совѣтники: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, Мануилъ *Брадке*, дѣлопроизводители того же департамента: V-го класса — Тимофей *Маевскій* и VI класса — Владиміръ *Лефевръ*, редакторъ жур-

назла министерства народнаго просвѣщенія Александръ *Георгиевскій*, и начальникъ Сувальской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Автономъ *Солтановскій*. *Въ статскіе совѣтники*: коллежскіе совѣтники: управляющій канцеляріей министра народнаго просвѣщенія по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія Іосифъ *Сидорскій*, наставникъ Императорскаго историко-филологическаго института Александръ *Вейсманъ*, членъ отъ дворянъ попечительнаго совѣта Казанской Марининской женской гимназіи Петръ *Костомаровъ* и надворный совѣтникъ, почетный попечитель Астраханской гимназіи Никита *Сергѣевъ*. *Въ коллежскіе совѣтники*: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, причисленный въ сему министерству, коллежскій секретарь Николай *Вессель*. *Въ надворные совѣтники*: дѣлопроизводители VII-го класса департамента народнаго просвѣщенія: коллежскій секретарь Андрей *Бѣляевскій* и губернский секретарь Петръ *Новицкій*.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ, 1-го января 1871 г., пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія ордена: Бѣлаго Орла — вице-президенту Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику *Буляковскому*; св. Владимира 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ, членамъ совѣта министра народнаго просвѣщенія *Корнилову* и *Воронову*; ординарному академику Императорской Академіи Наукъ, директору Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Струве*; состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія: гофмейстеру графу *Потоцкому* и тайному совѣтнику *Бэру*; знаки ордена св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короною — члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Благовещенскому*; св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ректору и ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета *Коче-*

тову; заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — *Варенинскому* и Казанскаго — *Котельникову*; правителю дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія *Галамину*; ординарному академику Императорской Академіи Наукъ *Чебышеву*; экстраординарнымъ академикамъ Императорской Академіи Наукъ *Кункину* и *Безобразову*; св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Московскаго учебнаго округа *де-Витте*; директору Керченской Александровской гимназіи *Надремъ-де-Карне*; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Харьковского университета *Черняку*; ординарному профессору Московскаго университета *Буслаеву*; ординарному академику Императорской Академіи Наукъ *Видеману*, и редактору ученыхъ работъ Императорской публичной библиотеки, ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Коссовичу*; св. Владимира 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: чиновнику особыхъ порученій V-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера *Маркевичу*; дѣлопроизводителю V-го класса департамента народнаго просвѣщенія *Шенжу*; окружному инспектору Одесскаго учебнаго округа *Пятину*; директору С.-Петербургской третьей гимназіи *Лемоніусу*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Березину* и Московскаго — *Гивартовскому*; статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа *Новикову*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Бекетову*, Московскаго — *Любимову*, Казанскаго — *Микшевичу* и Харьковского — *Ламбто*, и Минскому директору народныхъ училищъ *Кандидову*.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета министровъ, Всенншлостивѣйше соизволилъ, 25-го декабря 1870 года, пожаловать нижепоименованнымъ лицамъ, служащимъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, слѣдующія награды: знаки ордена св. Анны 2-й степени, съ Императорскою короною; стат-

снимъ совѣтникамъ: директору Харьковской второй гимназіи *Свенуръ* и ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета *Карастелеву*, и начальнику Ломжинской учебной дирекціи, надворному совѣтнику *Захарову*; орденъ св. Анны 2-й степени: доценту Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительному статскому совѣтнику *Линиченко*; статскимъ совѣтникамъ: директорамъ училищъ губерній: Полтавской — *Кулжинскому*, Воронежской — *Блосорову* и Саратовской — *Сколову*; директору Кроштадтской гимназіи *Янишу*, директору Виленской 2-й гимназіи и дирекціи училищъ *Лопину*; председателю Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ *Головацкому*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Совтнову* и *Бауеру*, Московскаго — *Захарьину*, *Брауну* и *Новицкому*, Варшавскаго — *Троицкому*, Дерптскаго — *Булмеринку*, *Гольсту*, *Вейриху* и *Швабе*, св. Владимира — *Ващенко-Захарченко* и Новороссійскаго — *Смирнову*, *Бергевичу*, *Абшеву* и *Вольскому*; исправляющему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета *Власеву* и учителю С.-Петербургской 5-й гимназіи *Закржевскому*; коллежскимъ совѣтникамъ: Ковенскому директору училищъ *Өоктистову*; директору Таганрогской гимназіи *Порумову*; дѣлопроизводителю V-го класса департамента народнаго просвѣщенія *Ильинскому*; инспектору Императорскаго историко-филологическаго института *Некрасову*, и инспектору Харьковской 3-й гимназіи *Зиберу*; ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому ассессору *Бродовскому*, и бібліотекарю Императорской публичной бібліотеки, не имѣющему чина *Поссемиу*; знаки ордена св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною: статскимъ совѣтникамъ: инспектору Вологодской гимназіи *Левинскому*, и учителю Варшавской 1-й женской гимназіи *Юдиму*; коллежскимъ совѣтникамъ: инспекторамъ гимназій: Казанской 2-й — *Куби* и Одесской 2-й — *Смирнову*, экстраординарному профессору Императорскаго историко-филологическаго института *Ю-*

ниту, и дѣлопроизводителю VI-го класса департамента народнаго просвѣщенія *Пемеллеру*; ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, надворному совѣтнику *Гиритову*; инспектору Калишскихъ мужской классической и женской гимназій, титулярному совѣтнику *Стефановичу*; начальнику отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, воллежскому секретарю *Отчковскому*; не имѣющимъ чиновъ: исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета *Гуришфельду*, и инспектору Сѣдлецкихъ мужской классической гимназіи и женской прогимназіи *Пономареву*; орденъ св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною; статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—*Петрову*, Дерптскаго—*Гельмлингу*, Св. Владиміра—*Борцову* и *Авенариусу*; инспекторамъ гимназій: С.-Петербургской первой—*Шумману* и Гродненской—*Аржавину*; инспектору народныхъ училищъ Пензенской губерніи *Хохрякову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—*Саковичу* и седьмой—*Гришину* и Псковской—*Массону*; коллежскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—*Фирсову* и св. Владиміра—*Бецу*; директору главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ *Граффу* и экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета *Разивътову*; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра, надворному совѣтнику *Романовичу-Славатинскому* и управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камеръ-юнкера, отставному штабсъ-капитану *Ляхницкому*; тотъ же орденъ второй степени безъ короны: статскимъ совѣтникамъ: инспекторамъ гимназій: Усть-Медвѣдицкой—*Юрилевскому* и Варшавской пятой мужской классической—*Езерскому*; инспектору народныхъ училищъ Полтавской губерніи *Добротворскому*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей—*Юрьеву*, Орловской—*Тихенко*, Вятской—*Хватунову*, Симбирской—*Степанову*, Витебской—*Трофимову*, Чер-

ниговской — *Крылову* и Нѣжинской — *Александровичу*; коллежскимъ совѣтникамъ, инспекторамъ гимназій: Костромской — *Рогозникову* и Кіевской 1-й — *Палието*; инспектору Острогской прогимназій *Лысетю*; исправляющему должность инспектора Пинчовской мужской классической гимназій *Дембицкому*; инспектору Виленской дирекціи народныхъ училищъ *Олонцеву*; прозектору Императорскаго Варшавскаго университета *Котелевскому*; исправляющему должность инспектора классовъ Рижской Александровской гимназій *Москвину*; учителямъ гимназій: Харьковской первой *Шейдту*; Астраханской — *Соколову*, Немировской — *Антониковскому*, Кіевской второй — *Ольману*, Кишиневской — *Славинскому* и Еваторинославской — *Залобовскому*, и учителю С.-Петербургской второй прогимназій *Гордану*; надворнымъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета *Андрееву*; инспекторамъ гимназій: Воронежской — *Сольскому*, Херсонской — *Соколову* и Таганрогской — *Каменскому*; инспектору Варшавскихъ четвертой женской гимназій и первой мужской классической прогимназій *Бульмерингу*; старшему астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Гюльдену*; почетнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Царскосельскаго — *Зетрнову* и Бѣлозерскаго — *Владимірскому*; учителямъ гимназій: Калужской — *Данилову* и Виленской первой — *Пермскому*, и врачу Императорскаго Новороссійскаго университета *Иванову*; коллежскимъ ассесорамъ: инспектору Ломжинскихъ мужской классической гимназій и женской прогимназій *Клюстерману*; экстраординарному академику Императорской академіи наукъ *Штрауху*; учителю Московской третьей гимназій *Кашадамову*, и почетному смотрителю Кологривскаго уѣзднаго училища *Панову*; инспектору Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, титулярному совѣтнику *Добровольскому*; инспектору Сандомирскихъ мужской классической и женской прогимназій, губернскому секретарю *Левинскому*; не имѣющимъ чиновъ: исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета *Голевинскому*; исправляющему должность ин-

спектора Радомскихъ мужской классической и женской гимназій *Хорошевскому*, и доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Васильевскому*; орденъ св. Анны 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителямъ гимназій: Архангельской — *Меллеру*, Московской четвертой — *Павлову*, Житомирской — *Иснерскому* и Киевской первой — *Резаню*; коллежскимъ совѣтникамъ: учителямъ гимназій: Московской первой — *Студенникову*, Калишской мужской классической — *Ковальскому* и Усть-Медвѣдицкой — *Николаеву*; преподавателю Нижегородскаго Александровскаго института *Гетлингу*; врачу Евнаторійскаго уѣднаго училища *Китнеру*; старшему учителю Николаевской Либавской гимназій *Гаррисену*, и исправляющему должность старшаго учителя той же гимназій *Косовицу*; надворнымъ совѣтникамъ: помощнику инспектора и учителя Мариампольской мужской классической гимназій *Пржегорскому*; прозектору Харьковскаго ветеринарнаго училища *Ладину*; почетному смотрителю Глуховскаго уѣднаго училища *Борщову*; учителямъ гимназій: Ярославской — *Пяткину*, Варшавской первой мужской классической — *Сысареву*, Екатеринбургской — *Кумбергу*, Симферопольской — *Радкевичу*, Одесской второй — *Вобсту*, и учителю Острогской прогимназій *Бурчаку-Абрамовичу*; коллежскимъ ассессорамъ: помощнику инспектора и учителя Сувалкской мужской классической гимназій *Мисемевичу*; учителямъ гимназій: Харьковской второй — *Пальчинскому*, Виленской второй — *Насакину* и Новгородсѣверской — *Котынскому*; врачу Московскаго первой гимназій *Климентову*; дѣлопроизводителю канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа *Заторовскому*; старшему помощнику бібліотекаря Императорской Академіи Наукъ *Перицетскому*; штатнымъ смотрителямъ уѣдныхъ училищъ: Великоустюгскаго — *Васильеву*, и Ораниенбаумскаго — *Петрову*; титулярнымъ совѣтникамъ: учителю Воронежской гимназій *Роцункину* и почетному смотрителю Лузскаго уѣднаго училища *Табеткинскому*; почетному смотрителю Бобринецкаго уѣднаго училища, отставному штабс-ротмистру *Скаржинскому*; не имѣющимъ чиновъ: учителямъ гимназій: Витебской — *Крицкому*; Варшавскихъ мужскихъ классиче-

скихъ: первой—*Янищевичу* и шестой—*Войке*, Сѣдлецкой мужской классической—*Линиченко*, Петровской мужской классической—*Смеродинову*, и Радомской мужской классической—*Брузендорфу*; учителю и бібліотекарю Сѣдлецкой мужской классической гимназіи *Сольскому*; штатному учителю Холмскихъ педагогическихъ курсовъ *Тарасову*; штатному учителю Люблинской женской гимназіи *Рождественскому*, и учителю Грубешовской мужской классической прогимназіи *Лавровскому*; орденъ св. Станислава 3-й степени: надворнымъ совѣтникамъ, учителямъ гимназій: Рижской губернской—*Фоссару*, и Дерптской—*Брутману*; коллежскимъ ассессорамъ: учителю Виленской первой гимназіи *Грязнову*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Опочецкаго—*Эккерману*, Торопецкаго—*Красильникову*, Кемскаго—*Шарину*, Капшинскаго—*Мельничкому*, Бѣлгородскаго—*Залотъ*, Слободскаго—*Коробову* и Ананьевскаго—*Хераскову*; учителю Дерптской гимназіи *Блумбергу* и учителю Ревельскаго уѣзднаго училища *Фельдману*; титулярнымъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю канцеляріи Варшавской учебной дирекціи *Малешевскому*; бухгалтеру и казначею Императорскаго историко-филологическаго института *Кедрову*; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа *Госицьскому*; письмоводителю Нижегородской гимназіи *Скворцову* и учителю Кишиневскаго втораго уѣзднаго училища *Фокшъ*; казначею Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскому секретарю *Семванову*; штатному смотрителю Лужскаго уѣзднаго училища, губернскому секретарю *Михелсону*; смотрителю Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскому регистратору *Жуковскому-Волынскому*; не имѣющимъ чиновъ: законоучителю Варшавской шестой мужской классической гимназіи *Медину*; учителю Николаевской гимназіи *Месняеву*; учителю Виленской второй гимназіи *Трутневу* и письмоводителю и бухгалтеру Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Геррету*.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (14-го ноября 1870 года). *Предложеніе г. попечителю Одесскаго учебнаго округа.*

Вслѣдствіе представленій вашего превосходительства отъ 30-го минувшаго октября, за №№ 3.601 и 3.602, и на основаніи прим. къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, я разрѣшаю взимать съ начала 1871 года, за ученіе въ гимназіяхъ: Керченской-Александровской — въ низшихъ классахъ по двадцати рублей, а въ высшихъ по тридцати рублей; и Николаевской — въ низшихъ классахъ по двадцати-пяти рублей, а въ высшихъ по тридцати рублей съ каждаго ученика.

2. (21-го ноября 1870 года). *Предложеніе г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа.*

Вслѣдствіе представленія вашего превосходительства, за № 9.498, и на основаніи прим. къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, я разрѣшаю взимать въ Кіевской прогимназіи съ будущаго 18⁷¹/₁₂ учебнаго года плату за ученіе по двадцати рублей въ годъ съ каждаго ученика.

3. (12-го декабря 1870 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ.*

Мониторъ Николаевскаго кавалерійскаго училища Уховъ, представивъ мнѣ печатный экземпляръ изданнаго имъ «Руководства въ педагогической и гигиенической гимнастикѣ», просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о принятіи этой книги въ руководство при обученіи гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего я входилъ въ сношеніе съ г. предсѣдателемъ существующаго въ С.-Петербургѣ врачебно-гимнастическаго общества, прося его о разсмотрѣніи означенной книги.

Нынѣ г. тайный совѣтникъ Гротъ увѣдомилъ меня, что, по

отзывамъ профессора физиологіи Ціона и гимназіарха Берглинда, которымъ книга г. Ухова была передаваема дирекціей на разсмотрѣніе, эта книга имѣетъ цѣлю снабдить гимнастическую литературу руководствомъ въ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, которымъ одинаково могли бы пользоваться и учителя при преподаваніи, и отдѣльными лица при систематическомъ изученіи гимнастики. Она составлена по системѣ шведскаго гимназіарха Линга и дополнена всѣми измѣненіями, введенными въ эту систему.

Судя по первой части, занимающейся изложеніемъ вольныхъ движеній, г. Уховъ вполне достигъ предположенной имъ цѣли. Книга изложена весьма ясно, и приложенные рисунки даютъ вполне вѣрное изображеніе различныхъ положеній, принимаемыхъ тѣломъ при упражненіяхъ. Поэтому гг. Ціонъ и Берглиндъ думаютъ, что книга г. Ухова можетъ съ пользою быть принятою какъ руководство при преподаваніи гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ; г. Берглиндъ замѣчаетъ однако, что таблицами о порядкѣ движеній слѣдуетъ пользоваться съ нѣкоторою разборчивостію, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно бы желать иной послѣдовательности въ движеніяхъ.

Считаю нужнымъ увѣдомить объ этомъ начальства учебныхъ округовъ, покорнѣйше прося сдѣлать распоряженіе о принятіи помянутой книги въ руководство при обученіи гимнастикѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

4. (19-го декабря 1870 года). *Правила для назначенія стипендій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильи Емельяновича Ходовскаго, учреждаемыхъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается пять стипендій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильи Емельяновича Ходовскаго въ 250 рублей каждая, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала.

§ 2. Стипендіи эти могутъ быть предоставляемы студентамъ всѣхъ факультетовъ изъ русскихъ подданныхъ, безъ различія словій, если они удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ: 1) принадлежать въ православной церкви, 2) если родители ихъ имѣютъ осѣдность въ Харьковской или Полтавской губерніяхъ, 3) если при одобрительномъ поведеніи на годовыхъ или полугодовыхъ контрольныхъ испытаніяхъ оказали хорошіе успѣхи (въ среднемъ выводѣ не менѣе 3½ балловъ) въ факультетскихъ предметахъ; студенты же перваго полугодія перваго курса, при томъ же условіи относительно поведенія, если имѣютъ въ гимназическихъ аттестатахъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 3½ балловъ изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, или отмѣтки «весьма удовлетворительно» изъ половины сихъ предметовъ.

§ 4. Замѣщеніе сихъ стипендій, при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, происходитъ не иначе, какъ по жребію, вынутому въ засѣданіи совѣта университета.

§ 4. Могущій образоваться, по какой-либо причинѣ, остатокъ отъ суммы, опредѣленной на содержаніе стипендіатовъ, а равно и прибыль, имѣющая образоваться по выходѣ въ тиражъ билетовъ, въ которыхъ заключается основной капиталъ стипендій, при приобрѣтеніи на оный по биржевой цѣнѣ государственныхъ бумагъ, приносящихъ пять или болѣе процентовъ, причисляются въ суммѣ основнаго капитала, и проценты съ этихъ остатковъ обращаются на увеличеніе размѣра стипендій.

5. (19-го декабря 1870 года). *Правила для замѣщенія стипендіи имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Стипендія имени графа Д. А. Толстаго въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ можетъ быть предоставляема только отличнѣйшимъ ученикамъ изъ бѣдныхъ семействъ, принадлежащимъ къ числу русскихъ подданныхъ.

2) Стипендія эта можетъ быть назначаема не ранѣе какъ по истеченіи года со времени поступления воспитанника въ училище. Объ утвержденіи избраннаго кандидата попечительный совѣтъ входитъ съ представленіемъ къ графу Д. А. Толстому.

3) Въ случаѣ заявленія учебнаго начальства о неблагонадежности стипендіата, попечительному совѣту предоставляется избрать другаго кандидата и войти съ представленіемъ объ утвержденіи его на основаніи § 2 сихъ правилъ.

6. (23-го декабря 1870 года). *Правила о хозяйственномъ комитетѣ Императорской публичной бібліотеки.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Хозяйственный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ помощника директора, изъ четырехъ членовъ: двухъ бібліотекарей, ежегодно назначаемыхъ директоромъ, завѣдывающаго хозяйственною частію и исполняющаго обязанности секретаря.

2. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ старшій по службѣ изъ бібліотекарей, состоящихъ членами комитета.

3. Къ присутствованію въ засѣданіяхъ комитета можетъ быть приглашаемъ архитекторъ.

4. Засѣданія хозяйственнаго комитета бывають по мѣрѣ надобности.

5. Предметы занятій комитета суть:

а) Составленіе ежегодной смѣты о предполагаемыхъ доходахъ и расходахъ по бібліотекѣ.

б) Повѣрка ежемѣсячная сличительныхъ вѣдомостей, отсылаемыхъ въ государственное казначейство и ежетретная матеріальныхъ книгъ.

в) Обсужденіе предположеній архитектора касательно построекъ, передѣловъ и ремонтныхъ исправленій въ зданіи бібліотеки и въ домахъ, ей принадлежащихъ.

г) Производство торговъ на поставки и подряды и составленіе надлежащихъ условій и контрактовъ.

д) Разсмотрѣніе представленій завѣдывающаго хозяйственною частью по заготовкѣ и покупкѣ разнаго рода матеріаловъ, припасовъ и вещей и обсужденіе выгоднѣйшихъ способовъ заготовленія оныхъ.

е) Ревизія построекъ, передѣловъ и ремонтныхъ работъ, произведенныхъ подрядчиками.

ж) Ревизія библиотеки въ хозяйственномъ отношеніи.

з) Обсужденіе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ по порученію директора и по заявленіямъ членовъ комитета.

6. Журналы комитета ведутся лицомъ, исполняющимъ должность секретаря.

7. Журналы комитета, за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ, представляются на утвержденіе директора; въ случаѣ, если образуются отдѣльныя мнѣнія, они присоединяются къ журналу.

7. (23-го декабря 1870 года). *Правила для занятій въ Императорской публичной библиотекѣ и для ея обзорнія.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Императорская публичная библиотека открыта: а) для занятій въ ней и б) для ея обзорнія.

2. Посѣтители библиотеки допускаются къ занятіямъ: а) въ читальной залѣ и въ находящемся при ней кабинетѣ для занятій художниковъ и для чтенія повременныхъ изданій за текущій годъ и б) по особому разрѣшенію директора, въ отдѣленіи рукописей. Дамы могутъ заниматься, если пожелаютъ, въ находящейся при читальной залѣ особой комнатѣ.

3. Читальная зала открыта для занятій въ продолженіе цѣлаго года, какъ въ будніе, такъ и въ воскресные и табельные дни, за исключеніемъ: Страстной недѣли, первыхъ трехъ дней Свѣтлой недѣли, первыхъ трехъ дней іюля мѣсяца и времени съ 25-го декабря по 1-е января. Въ будніе дни читальная зала открыта отъ 10-и часовъ утра до 9-и часовъ вечера, а въ дни воскресные и табельные, за исключеніемъ вышеозначенныхъ, отъ 12-и часовъ утра: съ 1-го октября по 1-е февраля до 3-хъ ча-

сезъ пополудни, а съ 1-го февраля по 1-е октября до 4-хъ часовъ пополудни. Отдѣленіе рукописей открыто для занятій во всё дни года, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ, отъ 10-и часовъ утра до 3-хъ пополудни.

4. Каждый посѣтитель библиотеки получаетъ отъ швейцара особый листокъ.

5. Явившійся въ библиотеку для занятій въ первый разъ въ теченіе года, получаетъ отъ дежурнаго читальной залы бланкъ для означенія въ немъ своего званія, имени и фамилии и мѣста жительства.

6. По предъявленіи бланка (ст. 5) посѣтитель получаетъ отъ дежурнаго нумерованный билетъ, который имѣетъ силу до 1-го января слѣдующаго года. Подъ номеромъ, означеннымъ въ этомъ билетѣ, будутъ находиться въ читальной залѣ потребованныя посѣтителемъ книги.

7. Посѣтитель для полученія нужнаго ему сочиненія долженъ написать его заглавіе, вмѣстѣ съ номеромъ своего годоваго билета, на печатномъ бланкѣ, который получается отъ дежурнаго чиновника, и обратно ему вручается. Съ требованіемъ рукописей читатели обращаются къ завѣдывающему отдѣленіемъ рукописей.

Примѣчаніе. Посѣтители могутъ также оставлять требованія швейцару или опускать ихъ въ находящійся у владѣнныхъ дверей ящикъ, а равно и присылать, адреса дежурному при читальной залѣ Императорской публичной библиотеки.

8. Требования посѣтителей удовлетворяются изъ библиотеки при читальной залѣ и изъ отдѣленій.

9. Книги, внесенныя въ каталогъ читальной залы, выдаются немедленно, если онѣ никакъ въ то время не читаются.

10. Книги, находящіяся въ отдѣленіяхъ библиотеки, выдаются по требовательнымъ листкамъ, поданнымъ съ 10-и до 2-хъ часовъ пополудни, въ тотъ же день, а по листкамъ, поданнымъ послѣ 2-хъ часовъ пополудни, въ слѣдующій день до 12-и часовъ.

11. Требования на находящуюся въ отдѣленіи книгу, подан-

ное въ дни воскресныя и табельныя, а также послѣ 2-хъ часовъ пополудни въ такой день, за которымъ слѣдуетъ воскресный или табельный, хотя бы и не означенный въ ст. 8, удовлетворяется въ первый за симъ будній день.

12. Если требованіе посѣтителя на книгу, находящуюся въ отдѣленіи, по какимъ-либо причинамъ не можетъ быть удовлетворено, то требовательный его листокъ возвращается въ читальную залу, съ объясненіемъ на немъ причины отказа, и въ случаѣ выдачи книги другому читателю, съ означеніемъ номера билета сего послѣдняго.

13. Выдаваемая посѣтителю для чтенія книги и рукописи вносятся въ листокъ (ст. 4), полученный отъ швейцара; по возвращеніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ навладывается на листокъ штемпель, который служитъ удостовѣреніемъ, что все означенное въ листкѣ возвращено.

14. Число требуемыхъ каждымъ читателемъ изъ отдѣленій сочиненій и томовъ не ограничивается. Изъ библиотеки же при читальной залѣ посѣтитель можетъ получить одновременно не болѣе 2-хъ сочиненій и въ сложности не болѣе десяти томовъ.

15. Выданными изъ отдѣленій книгами и рукописями читатель можетъ пользоваться въ теченіе четырехъ недѣль; если же книги или рукописи въ теченіе недѣли оставались безъ употребленія, то онѣ возвращаются въ отдѣленіе. По прошествіи вышеозначенныхъ сроковъ посѣтитель не лишается права вновь требовать тѣ же самыя сочиненія и рукописи, которыя и выдаются ему, если только онѣ не были выданы до его требованія другому.

16. Выданныя изъ библиотеки при читальной залѣ книги остаются за читателемъ только на время его пребыванія въ библиотекѣ.

17. Не выдаются для чтенія:

- а) сочиненія, запрещенныя цензурою,
- б) изданія, подлежащія тайнѣ.

18. Выдаются въ чтеніе не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія директора библиотеки:

а) единственные экземпляры (unicas) и книги, составляющія библиографическую рѣдкость,

б) изданія, выходящія выпусками, доколѣ эти выпуски не составятъ цѣлаго тома,

в) романы, повѣсти, стихотворенія и драматическія произведенія на живыхъ языкахъ.

19. Посѣтители пользуются книгами и другими предметами, выданными имъ для занятій, съ бережливостью; за поврежденія посѣтитель платитъ по оцѣнкѣ управленія библіотеки.

20. Въ читальной залѣ воспрещается шумъ и громкій разговоръ...

21. Посѣтители имѣютъ право заявлять въ книгѣ, находящейся на встрадѣ читальной залы, какъ желанія о приобрѣтеніи книгъ, въ библіотекѣ не имѣющихся, такъ и могущія встрѣтиться неудовольствія на управленіе читальной залы.

22. Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права брать съ собою книги и другіе предметы, принадлежащія библіотекѣ. Посѣтителямъ не воспрещается приносить съ собою въ библіотеку собственные книги.

23. Для общаго обзорѣнія библіотеки назначены два дня въ недѣлю: вторникъ и воскресенье, въ часъ пополудни, за исключеніемъ тѣхъ вторниковъ и воскресеній, въ которые библіотека закрыта для занятій (ст. 3).

24. Обзоромъ распоряжается назначенное для того лицо на основаніи данной ему инструкціи.

25. Запрещается во время обхода вынимать изъ шкафовъ книги, брать предметы, разложенные на столахъ, и т. п. Посѣтители могутъ на память о своемъ посѣщеніи вписывать свои имена и фамиліи въ книгу, для того установленную.

26. Запрещается курить въ зданіи библіотеки.

27. При входѣ въ библіотеку оставляется у швейцара подъ номеръ верхняя одежда, а также мужскія шляпы, шапки, сабли, зонтики, палки и т. п. Для обратнаго ихъ полученія, вмѣстѣ съ номеромъ, возвращается швейцару и листовъ (ст. 4). Ему же

предъявляются посѣтителами принесенныя ими въ библіотеку книги.

Примѣчаніе. За краненіе верхней одежды и пр. никакой платы не взимается.

8. (23-го декабря 1870 года). *Правила о совѣтъ Императорской публичной библіотеки.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Совѣтъ библіотеки составляютъ, подъ предсѣдательствомъ директора, его помощникъ, всѣ библіотекари и завѣдывающій читальною залою.

2. Регистраторъ участвуетъ въ засѣданіяхъ совѣта по тѣмъ лишь дѣламъ, которыя непосредственно касаются регистратуры.

3. Къ присутствованію въ засѣданіяхъ совѣта могутъ быть приглашаемы директоромъ почетные члены и почетные корреспонденты библіотеки, а равно и другія лица.

4. Засѣданія совѣта бывають дважды въ мѣсяцъ, а въ случаѣ надобности и чаще, по назначенію директора. О предметахъ, подлежащихъ обсужденію въ засѣданіи, объявляется членамъ заранѣе

5. Предметы занятій совѣта суть:

а) Распредѣленіе на каждое отдѣленіе суммы, назначенной по штату для покупки книгъ и рукописей, и на ихъ переплетъ.

б) Разсмотрѣніе списковъ книгъ и рукописей, предлагаемыхъ къ покупкѣ библіотекарями и другими лицами.

в) Разсмотрѣніе отказныхъ требовательныхъ листовъ по немѣннѣю сочиненій въ библіотекѣ, и опредѣленіе, какія изъ нихъ слѣдуетъ приобрѣсти.

г) Разсмотрѣніе заявленій, написанныхъ посѣтителами въ книгѣ, для того установленной.

д) Выборъ сочиненій изъ предлагаемыхъ къ покупкѣ книгопродавцами.

е) Обсужденіе, вмѣстѣ съ приглашенными, на случай надобности, специалистами, вопросовъ о приобрѣтеніи цѣлыхъ коллекцій рукописей, книгъ и проч.

ж) Обсужденіе вопросовъ о продажѣ, обмѣнѣ или безвозмездной отдачѣ казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ дублетовъ, и въ случаѣ обращенія ихъ въ продажу, о назначеніи имъ цѣны.

з) Составленіе инструкцій для служащихъ въ библіотекахъ.

и) Избраніе комиссій для ревизіи отдѣленій и разсмотрѣніе донесеній этихъ комиссій.

і) Разсмотрѣніе предложеній, внесенныхъ съ разрѣшенія директора библіотекарями.

к) Разсмотрѣніе представленныхъ библіотекарями конспектовъ систематическаго каталога отдѣленій.

л) Разрѣшеніе вопросовъ, могущихъ возникнуть при каталогизаціи отдѣленій.

м) Избраніе почетныхъ членовъ, почетныхъ корреспондентовъ и комиссіонеровъ.

н) Разсмотрѣніе общей редакціи годоваго отчета.

о) Обсужденіе дѣлъ, предлагаемыхъ на разсмотрѣніе директоромъ.

6. Мнѣнія совѣта, какъ учрежденія совѣщательнаго, приводятся въ исполненіе только тогда, когда съ ними согласенъ директоръ.

7. Составленіе журналовъ засѣданій совѣта возлагается на одного изъ его членовъ. Отдѣльныя мнѣнія членовъ, представленные по поводу обсужденія какаго-либо вопроса, прилагаются къ журналу.

9. (2-го января 1871 года). *О расходахъ по Маньковскому электролѣчебному заведенію, состоящему при Харьковскомъ университетѣ.*

Г. министръ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе представленія г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа и согласно ходатайству совѣта Харьковскаго университета, разрѣшилъ въ утвержденномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 9-го мая 1870 года положеніи для Маньковскаго электролѣчебнаго заведенія, состоящаго при Харьковскомъ университетѣ, п. 6 росписать расходоу,

по этому заведенію изложить въ слѣдующемъ видѣ: «на отопленіе и освѣщеніе заведенія, на застраховку инструментовъ, принадлежащихъ оному, на приобрѣтеніе и ремонтъ аппаратовъ, мебели, полотенець, бинтовъ и проч., а также на покупку матеріаловъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе снарядовъ, на покупку книгъ, на различные мелкіе расходы и на наемъ пособника въ случаѣ большаго стеченія больныхъ — 475 рублей».

10. (6-го января 1871 года). *Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ.*

По доведеніи начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія возбужденнаго одною изъ контрольныхъ палатъ вопроса о точномъ примѣненіи 594 ст. V Т. Уст. о пошл. къ окладамъ содержанія преподавателей въ педагогическихъ курсахъ при уѣздныхъ училищахъ, относительно вычета изъ сихъ окладовъ 2% въ пенсіонный капиталъ, со стороны министерства народнаго просвѣщенія сдѣлано было сношеніе по сему предмету съ государственнымъ контролеромъ, при чемъ были изложены соображенія, на основаніи которыхъ возбужденный вопросъ, по мнѣнію министерства, подлежалъ разрѣшенію въ смыслѣ отрицательномъ.

Нынѣ государственный контролеръ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, въ отношеніи отъ 29-го декабря 1870 года за № 3928, что онъ, согласно съ заключеніемъ сего министерства, съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы съ выдаваемого, въ видѣ платы, вознагражденія преподавателямъ въ существующихъ нынѣ педагогическихъ курсахъ при училищахъ не производилось 2% вычета въ пенсіонный капиталъ, и что онъ, государственный контролеръ, вслѣдствіе таковаго рѣшенія настоящаго вопроса, поставилъ о томъ въ извѣстность подлежащія контрольныя палаты.

О семъ распоряженіи статсъ-секретаря Татаринова по контрольному вѣдомству считаю нужнымъ поставить въ извѣстность начальства учебныхъ округовъ, для надлежащаго руководства.

11. (16-го января 1871 года). *Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ.*

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1869 года о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія, изъ кредита по § 10 ст. 2 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія назначаются сельскимъ начальнымъ народнымъ училищамъ денежныя пособія, равно какъ и учителямъ сихъ училищъ, въ томъ числѣ и окончившимъ курсъ въ семинаріяхъ воспитанникамъ, занимающимъ въ сихъ училищахъ должности учителей, денежныя вознагражденія за труды по народному образованію; но до времени окончательнаго распоряженія о выдачѣ упомянутыхъ пособій и вознагражденій встрѣчаются перемѣны: въ училищахъ по случаю закрытія нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ учителяхъ, кромѣ смерти, оставленіе учительскихъ должностей въ сельскихъ училищахъ и по другимъ причинамъ; такъ изъ воспитанниковъ семинарій иные назначаются, по распоряженію епархіальнаго начальства, на священно и церковно-служительскія должности, иные же опредѣляются по собственнымъ просьбамъ въ другія должности, а другія лица оставляютъ службу при училищѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, и тогда назначенное имъ пособіе не застааетъ ихъ на той дѣятельности, въ поощреніе къ которой оно назначено, ставя тѣмъ начальства учебныхъ округовъ въ затрудненіе—на какой предметъ слѣдуетъ обратить ассигнованное пособіе училищу, которое закрылось, или учителю, который выбылъ изъ училища.

Для единства дѣйствій въ этихъ случаяхъ, я нахожу необходимымъ постановить постоянныя правила, вслѣдствіе чего признаю справедливымъ назначенное закрывшимся училищамъ пособіе распределять, по усмотрѣнію начальствъ учебныхъ округовъ, между другими существующими училищами, или учителями, а съ ассигнованною учителямъ за труды по народному образованію денежною выдачею, не заставшею ихъ уже на тѣхъ должностяхъ, по которымъ они были удостоены оной, вслѣдствіе смерти, или выбытія ихъ изъ сихъ должностей, поступать слѣдующимъ обра-

зомъ: 1) сумму, назначенную прослужившимъ не менѣе 3-хъ лѣтъ въ должности сельскаго учителя или учительницы, выдавать имъ во всякомъ случаѣ, если они были къ ней представлены; 2) сумму же, назначенную тѣмъ учителямъ или учительницамъ, которые не выслужили въ должности сельскихъ учителей и учительницъ полныхъ 3-хъ лѣтъ и оставили службу послѣ представленія ихъ къ денежной выдачѣ, выдавать имъ, въ случаѣ оставленія службы по тяжелой болѣзни; въ отношеніи же воспитанниковъ семинарій можетъ быть принята во вниманіе и причина—назначенія ихъ на священно и церковно-служительскія должности. Въ семъ послѣднемъ случаѣ назначенное вознагражденіе выдается только лицамъ, прослужившимъ въ должности учителя не менѣе одного года; 3) во всѣхъ случаяхъ семейства умершихъ лицъ, которымъ были назначены выдачи за труды въ должностяхъ сельскихъ учителей и учительницъ, пользуются правами на получение этихъ выдѣлъ, если означенныя лица умерли на службѣ въ учительскихъ должностяхъ и 4) распоряженія по означеннымъ перемѣнамъ въ выдачѣ пособій предоставляются непосредственной власти начальствъ учебныхъ округовъ.

Объ этомъ считаю нужнымъ сообщить начальствамъ учебныхъ округовъ, для руководства и надлежащаго исполненія.

VI. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го декабря 1870 года (№ 18). *Утверждаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковского университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бейеръ* — заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковского университета, статскій совѣтникъ *Зарубинъ* — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира, докторъ государственнаго права, надворный совѣтникъ

Романовичъ - Славатинскій — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ государственнаго права, съ 25-го сентября 1870 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ медицины *Перемежко* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ гистологии и эмбриологии, съ 6-го ноября 1870 года; доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологии *Борзенковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологии, съ 20-го ноября 1870 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ зоологии *Карпинскій* — профессоромъ сего института по кафедрѣ воологии съ энтомологіей, съ 5-го декабря 1870 года. *Назначаются:* инспекторъ Одесской второй гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Смирновъ* — директоромъ Николаевской гимназіи; учитель VI-й Варшавской мужской классической гимназіи *Никольскій* — исправляющимъ должность правителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, съ 21-го ноября 1870 года: *Перемѣщается:* директоръ Николаевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гескъ* — директоромъ Ршчельевской гимназіи. *Остаются на службѣ на пять лѣтъ:* инспекторъ народныхъ училищъ Псковской губерніи, коллежскій ассессоръ *Дьячковъ*, съ 28-го августа 1870 года; директоръ училищъ Тамбовской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крупковъ*, съ 28-го ноября 1870 года. *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, согласно прошенію:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гюббенетъ* — съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 23-го октября 1870 года. *Переводится на службу по министерству народнаго просвѣщенія:* учитель Волынской духовной семинаріи *Соловьевъ* — исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевского учебнаго округа инспекціи сѣхъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской. *Опредѣляется на службу:* кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета

скаго университета *Тюльпановъ* — дѣлопроизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 16-го ноября 1870 года.

Командируются въ Москву: директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскій совѣтникъ *Тютчевъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* — на имѣющій быть въ Москвѣ съѣздъ сельскихъ хозяевъ. *Увольняются въ отставку: ректоръ* Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій* — въ Харьковъ, Москву и С.-Петербургъ, на двадцать-семь дней; окружный инспекторъ Вилевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Новиковъ* — въ С.-Петербургскую, Московскую и Владимірскую губерніи, съ 20-го декабря 1870 года, на двадцать-восемь дней.

Остается за штатомъ по случаю преобразования Ярославскаго Демидовскаго лицея: исправлявшій должность профессора сего лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Федоровъ*, съ 1-го сентября 1870 года. *Увольняются отъ службы, согласно прошеньямъ: директоръ* Аренбургской гимназіи *Гетцъ*, съ 12-го декабря 1870 года; директоръ Рипельевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Страмоновъ*. *Дозволяется: бывшему директору* училищъ Тульской губерніи, статскому совѣтнику *Лекторскому* — носить въ отставку мундирный полугафтанъ, сей должности присвоенный. *Объявляется* признательность министерства народнаго просвѣщенія: предводителю дворянства Евпаторійскаго уѣзда, поручику *Арсланъ-Бей-Таши-Оглу* и почетному гражданину *Гарелину* — за пожертвованія ихъ въ пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершій: заслуженный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Каземъ-Бекъ*.

VII. ПОСТАНОВЛЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Засѣданіе 15-го октября 1870 года. (Журналъ № 46).

Слушали (ст. I): Проектъ инструкціи для производства окончательныхъ испытаній въ частныхъ классическихъ гимназіяхъ на право поступленія въ университетъ, -- по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія составленный на основаніи ст. 4-й Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1869 года мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи и дополненіи нынѣ дѣйствующихъ постановленій о частныхъ училищахъ.

Совѣтъ министра, по рассмотрѣніи означеннаго проекта инструкціи и замѣчаній на оный, сообщенныхъ гг. попечителями учебныхъ округовъ и гг. генералъ-губернаторамъ западной и восточной Сибири и предварительно рассмотрѣнныхъ въ ученomъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, призналъ нужнымъ сдѣлать въ проектѣ нѣкоторыя дополненія и измѣненія и затѣмъ полагалъ: проектъ инструкціи утвердить и предложить оную къ исполненію и руководству, въ видѣ опыта, на три года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени, были представлены въ министерство соображенія о дополненіи и измѣненіи инструкціи, если въ таковыхъ встрѣтится надобность.

Инструкція для производства окончательныхъ испытаній въ частныхъ классическихъ гимназіяхъ на право поступленія въ университетъ.

§ 1. Испытанія окончившихъ курсъ въ частныхъ классическихъ гимназіяхъ, для полученія права на поступленіе въ университетъ, производятся въ сроки, опредѣленные начальствомъ учебнаго округа, по соглашенію съ управляющимъ частною гимназіей, въ самой гимназіи, въ особой экзаменаціонной комиссіи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ управляющаго гимназіей, изъ преподавателя или преподавателей оной по тому предмету, въ ко-

торомъ происходитъ испытаніе, и по крайней мѣрѣ, двухъ ассистентовъ изъ преподавателей прочихъ предметовъ.

§ 2. Со стороны начальства учебнаго округа, для присутствія на сихъ испытаніяхъ, назначаются депутаты, которыми могутъ быть: профессеры и преподаватели университета, окружные инспекторы, директоры, инспекторы или преподаватели казенныхъ гимназій и прогимназій. Число депутатовъ, а равно и распредѣленіе предметовъ испытанія между ними опредѣляются начальствомъ учебнаго округа. Депутаты со стороны учебнаго начальства участвуютъ въ испытаніи съ правомъ голоса, и поставленные ими баллы принимаются въ разчетъ при выводѣ средняго балла, опредѣляющаго степень знаній испытуемаго.

§ 3. Лицо, управляющее частною классическою гимназіей, обязано представить попечителю учебнаго округа, не позже какъ за двѣ недѣли до начала испытаній, именной списокъ учениковъ, которые должны подвергнуться испытанію, съ обозначеніемъ времени поступленія ихъ въ гимназію, и распредѣленіе предстоящихъ испытаній съ означеніемъ, въ какіе именно дни и часы и по какимъ предметамъ будутъ происходить испытанія, дабы начальство учебнаго округа могло заблаговременно назначить отъ себя депутатовъ для присутствія на испытаніяхъ.

§ 4. Испытаніе по каждому предмету производится изъ каждой составной его части и въ объемѣ курса казенныхъ классическихъ гимназій. Такимъ образомъ предметы испытаній суть:

1) *По закону Божію* (для лицъ православнаго исповѣданія):

а) Катихизисъ, б) священная и церковная исторія, в) ученіе о богослуженіи.

2) *По русскому языку и словесности:*

а) Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и б) словесность.

3) *По исторіи:*

Всеобщая исторія: а) древняя, б) средняя и в) новая; русская исторія.

4) *По географіи:*

а) Всеобщая географія, б) русская географія.

5) *По математикѣ:*

а) Арифметика, б) алгебра, в) геометрія и г) тригонометрія.

6) а) *Физика* и б) *математическая географія*.

Языки:

7) Латинскій.

8) Греческій.

9) Нѣмецкій.

10) Французскій.

Примѣчаніе. Подвергавшіеся испытанію изъ обоихъ древнихъ языковъ могутъ, если пожелаютъ, держать экзаменъ лишь изъ одного новаго языка, по ихъ выбору.

§ 5. Отвѣты на билеты, вынутые по жребію, въ присутствіи экзаменаторовъ, должны быть: одинъ изустный по каждой изъ означенныхъ частей предметовъ испытанія, и сверхъ того, по одному письменному по языкамъ: русскому, древнимъ и новымъ. Письменные отвѣты замѣняютъ: по русскому языку — сочиненіе, написанное на заданную тему; по древнимъ языкамъ — переводъ съ русскаго языка на латинскій или греческій, и по новымъ языкамъ — переводъ съ французскаго или нѣмецкаго языка на русскій. Всѣ письменные отвѣты пишутся непременно въ присутствіи экзаменаторовъ. Независимо отъ отвѣтовъ на билеты, присутствующимъ на экзаменѣ предоставляется предлагать испытуемымъ неопредѣленное число вопросовъ изъ разныхъ частей науки.

§ 6. По окончаніи каждаго испытанія, въ экзаменаціонномъ спискѣ, составленномъ по прилагаемой при семъ формѣ (лит. А.), степень знанія подвергавшихся испытанію опредѣляется изъ каждой отдѣльной части предмета, по соглашенію испытателей, числовыми баллами: 1, 2, 3, 4 и 5, которые и выставляются въ подлежащихъ графахъ списка предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи и депутатами со стороны начальства учебнаго округа. Употребленіе въ отмѣткахъ дробей и знаковъ + (плюсъ) и — (минусъ) не допускается. Средній выводъ изъ отмѣтокъ за составныя части предмета опредѣляетъ степень знанія въ цѣломъ предметѣ

и выражается словами: «*весьма удовлетворительно*» (отъ 4^{1/2} до 5), «*удовлетворительно*» (отъ 3 до 5) и «*неудовлетворительно*» (менѣе полныхъ 3-хъ). Экзаменаціонный списокъ передается депутатамъ учебнаго вѣдомства для представленія попечителю учебнаго округа.

§ 7. Получившимъ на испытаніи изъ всѣхъ предметовъ при среднемъ выводѣ въ каждомъ предметѣ не менѣе отмѣтки: «*удовлетворительно*» выдаются, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ нижеслѣдующемъ параграфѣ, свидѣтельства по прилагаемой формѣ (лит. Б.), дающія право на поступленіе въ университетъ. Свидѣтельства эти подписываются въ одно время съ экзаменаціонными списками предсѣдателемъ и членами экзаменаціонной комиссіи и депутатами со стороны учебнаго вѣдомства. Къ свидѣтельствамъ прилагается печать управленія учебнаго округа.

§ 8. Права на полученіе такихъ свидѣтельствъ лишаются, не смотря на удовлетворительность средняго вывода: а) *единица*, хотя бы въ одной составной части какого-либо предмета; 2) *два* въ одной изъ составныхъ частей закона Божія, въ русскомъ языкѣ и словесности, въ древнемъ языкѣ, въ ариметикѣ, геометріи и русской исторіи, а для экзаменующихся изъ одного новаго языка -- и въ этомъ языкѣ; 3) отмѣтка *два*, полученная въ двухъ или болѣе составныхъ частяхъ одного и того же предмета; 4) отмѣтка *два*, полученная хотя и по одному разу между отмѣтками изъ составныхъ частей, но болѣе чѣмъ въ двухъ предметахъ, или въ обоихъ новыхъ языкахъ.

§ 9. Переэкзаменовки, хотя бы въ одномъ предметѣ испытанія, а равно и раздѣленіе испытанія на разные періоды ни подъ какимъ предлогомъ не допускаются.

§ 10. Если какой-либо депутатъ со стороны начальства учебнаго округа найдетъ, что экзаменаціонная комиссія частной классической гимназіи ставила баллы, превышающіе дѣйствительное знаніе испытуемыхъ, то онъ представляетъ о томъ попечителю учебнаго округа, который въ такихъ случаяхъ принимаетъ

зависящія отъ него мѣры въ провѣрѣхъ происшедшаго разногласія.

Лит. А.

ЭКЗАМЕНАЦІОННЫЙ СПИСОКЪ

испытанія изъ (такого-то предмета), произведеннаго въ частной классической гимназій *такого-то* (имя и фамилія).

Экзаменъ происходилъ (годъ, мѣсяцъ и число). На экзаменѣ присутствовали:

Управляющій гимназіей:

Преподаватели:

Депутаты со стороны начальства учебнаго округа:

Фамиліи и имена под- вергавшихся испы- танію.	Отмѣтки членовъ экзамен. комиссіи.				Средній баллъ.	Отмѣтки депута- товъ.				Средній баллъ.	Средній выводъ изъ бал- ловъ комиссіи и депута- товъ, опредѣляющій сте- пень знанія предмета въ цѣломъ его объемѣ.
	Части предметовъ.					Части предметовъ.					
	Арифметика.	Алгебра.	Геометрія.	Тригонометрія.		Арифметика.	Алгебра.	Геометрія.	Тригонометрія.		
А. В. . . .	4	3	4	4	3 ³ / ₄	3	3	4	3	3 ¹ / ₄	3 ¹ / ₂ удовлетворительно.
В. Г. . . .	4	3	3	2	3	3	2	4	3	3	3 удовлетворительно.
Д. Е. . . .	3	3	3	2	2 ³ / ₄	4	3	3	3	3 ¹ / ₄	3 удовлетворительно.
Ж. З. . . .	4	3	2	3	3	3	3	1	2	2 ¹ / ₄	2 ⁵ / ₈ неудовлетворительно.
Н. Н. . . .	4	2	4	2	3	4	2	4	1	2 ³ / ₄	2 ⁷ / ₈ неудовлетворительно.
Г. М. . . .	4	5	5	4	4 ¹ / ₂	4	4	4	4	4	4 ¹ / ₄ удовлетворительно.
О. Р. . . .	5	4	5	4	4 ¹ / ₂	5	4	5	4	4 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂ весьма удовлетвори- тельно и т. д.

Подписи: Предсѣдателя и членовъ комиссіи.
Депутатовъ.

Лит. Б.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Такому-то (*звание, имя, отчество и фамилія*) дано изъ частной классической гимназіи (*такого-то*) въ томъ, что онъ обучался въ этой гимназіи (*съ такого-то по такое-то время*), подвергался въ ней, въ присутствіи депутатовъ со стороны учебнаго вѣдомства, испытанію изъ предметовъ, составляющихъ полный гимназическій курсъ, и оказалъ познанія:

По закону Божію:

Въ катихизисѣ	четыре	} удовлетворительныя.
„ священной и церковной исторіи	три	
„ ученіи о богослуженіи	четыре	

По русскому языку и словесности:

Въ русскомъ языкѣ съ церковно-славянскимъ.
 „ русской словесности . . . . .

По исторіи:

Во всеобщей: древней . . . . .
 „ „ средней . . . . .
 „ „ новой . . . . .
 Въ русской исторіи . . . . .

По географіи:

Во всеобщей . . . . .
 Въ русской . . . . .

По математикѣ:

Въ ариметикѣ . . . . .
 „ алгебрѣ . . . . .
 „ геометріи . . . . .
 „ тригонометріи . . . . .

По физикѣ. . . . . .

По математической географіи. . . . . .

По языкамъ:

Въ латинскомъ . . . . .
 „ греческомъ . . . . .
 „ нѣмецкомъ . . . . .
 „ французскомъ . . . . .

А потому экзаменаціонною комиссіей частной классической гимназіи (такого-то) признанъ усвоившимъ себѣ предметы гимназическаго курса и достаточно приготовленнымъ къ слушанію университетскаго преподаванія.

Подписи: Управляющаго гимназіей.

Преподавателей.

Депутатовъ со стороны начальства учебнаго округа:

Городъ.

Число, мѣсяць, годъ.

Опредѣлено: вышеизложенную инструкцію предложить въ исполненію и руководству согласно съ заключеніемъ совѣта министра.

Слушали (ст. II): Дѣло по вопросу о томъ, должны ли быть обсуждаемы въ правленіи или совѣтѣ университета проступки студентовъ, совершаемые внѣ зданій университета.

Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужило нижеслѣдующее:

Въ § 58 уст. унив. постановлено: «Вѣдѣнію университетскаго суда подлежатъ передаваемыя ему изъ правленія дѣла касательно студентовъ: 1) О нарушеніи ими въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго. 3) О столкновеніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями и должностными лицами университетскими съ другой, хотя бы они произошли и внѣ зданій и учреждений университета». Такимъ образомъ этою статьею устава точно опредѣлены тѣ случаи, въ которыхъ правленіе имѣетъ право и обязано предать виновнаго студента университетскому суду; затѣмъ проступки студентовъ, совершенные внѣ зданій университета, но если при этомъ не было столкновенія между студентомъ и преподавателемъ или какимъ-либо должностнымъ лицомъ университета, по точному смыслу означенной статьи устава, вѣдѣнію университетскаго суда не подлежатъ.

Кромѣ § 58 уст. унив., къ этому же предмету относится еще § 102 того же устава, коимъ постановлено: «Если нарушеніе сту-

дентомъ университетскихъ правилъ сопровождалось какимъ-либо уголовнымъ преступленіемъ, то по исключеніи виновнаго, университетскимъ судомъ, изъ числа студентовъ, онъ отсылается, съ препровожденіемъ копіи съ университетскаго приговора, къ обыкновенному уголовному суду, для поступленія съ нимъ по закону».

Между тѣмъ проступки студентовъ, не подходящіе подъ пункты, выраженные въ § 58 и подлежащіе поэтому вѣдѣнію общихъ учреждений, могутъ быть таковы, что университетское начальство найдетъ ихъ несомвѣстными съ званіемъ студента и придетъ къ убѣжденію въ необходимости удалить совершившаго ихъ изъ университета. На практикѣ однакожь университетское начальство встрѣчаетъ при этомъ затрудненіе въ томъ, что, на основаніи циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 20-го іюля 1863 года, увольненіе студента изъ университета *производится по приговору университетскаго суда*, утвержденному совѣтомъ, а исключеніе требуетъ, кромѣ того, утвержденія попечителя учебнаго округа; въ случаѣ же, когда проступокъ совершенъ студентомъ внѣ зданій университета, или когда при этомъ не было столкновенія его съ преподавателями или должностными лицами университета, правленіе, руководясь точнымъ смысломъ устава, *не имѣетъ права предать виновнаго университетскому суду*. Вслѣдствіе этого, правленіе одного изъ университетовъ возбудило вопросъ о томъ: можетъ ли оно въ подобныхъ случаяхъ предавать студентовъ университетскому суду, и обязанъ ли послѣдній, а затѣмъ и совѣтъ университета принимать такія дѣла къ своему разсмотрѣнію?

Министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ, чтобы означенный вопросъ былъ предварительно подвергнутъ обсужденію въ совѣтахъ прочихъ университетовъ. Полученныя вслѣдствіе сего заключенія университетскихъ совѣтовъ были переданы на обсужденіе совѣта министра.

Принимая во вниманіе, что дѣйствительно, проступки студентовъ внѣ стѣнъ университета могутъ быть такого свойства, послѣ совершенія которыхъ было бы несомвѣстно оставлять виновныхъ

студентами; а съ другой стороны, имѣя въ виду, что полиція, принимая всё по закону зависящія отъ нея мѣры по надзору за студентами внѣ заведеній, обязана извѣщать непосредственное начальство университетовъ о проступкахъ студентовъ, совершаемыхъ ими внѣ университета, совѣтъ министра, согласно съ сущностью высказанныхъ по сему предмету заключеній университетскихъ совѣтовъ, полагалъ постановить нижеслѣдующее:

1) Въ случаѣ полученія университетскимъ начальствомъ свѣдѣній о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговору общихъ судебныхъ учреждений за проступки или преступленія, совершенныя ими внѣ зданій университета, вмѣняется ректору въ обязанность предлагать каждый разъ на обсужденіе совѣта вопросъ о томъ, можетъ ли быть оставленъ виновный въ числѣ студентовъ, или же онъ долженъ подлежать удаленію или исключенію изъ университета.

2) Равнымъ образомъ, въ случаѣ полученія университетскимъ начальствомъ свѣдѣній о таковыхъ, совершенныхъ студентами внѣ стѣнъ университета проступкахъ, которые хотя и не подверглись приговору судебныхъ учреждений, но имѣютъ предосудительный характеръ, ректоръ также вносить на обсужденіе совѣта свѣдѣнія о таковыхъ проступкахъ для постановленія надлежащаго рѣшенія.

Вышепостановленное совѣтъ министра полагалъ включить въ правила о взысканіяхъ со студентовъ за нарушеніе ихъ обязанностей, составленныя университетами на основаніи § 100 устава оныхъ.

Опредѣлено: Заключеніе совѣта министра сообщить гг. попечителямъ учебныхъ округовъ для предложенія совѣтамъ университетовъ къ исполненію.

Слушали (ст. III): Проектъ правилъ о срожѣ и порядкѣ производства въ университетѣ св. Владиміра испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и на ученныя степени и б) выписку изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 28-го сентября 1870 года (№ 304).

Изъ означенной выписки изъ журнала ученаго комитета, которому поручено было рассмотреть проектъ правилъ о срокахъ и порядкѣ производства въ университетѣ св. Владиміра испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и на ученые степени, видно нижеслѣдующее:

1) Нынѣ дѣйствующія правила о помянутыхъ испытаніяхъ въ университетѣ св. Владиміра утверждены бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія 16-го марта 1866 года. Этими правилами время для испытаній студентовъ назначено въ маѣ мѣсяцѣ (§ 3); но кромѣ этого нормальнаго срока испытаній, общаго для всѣхъ студентовъ, допущенъ дополнительный срокъ для тѣхъ, которые по причинамъ, признаннымъ уважительными, вовсе не подвергались испытанію или не окончили онаго въ маѣ: этотъ срокъ продолжается для полукурсовыхъ испытаній по 1-е сентября и для окончательныхъ—по 1-е декабря (§ 4). Желаящіе держать экзаменъ въ дополнительный срокъ должны представить доказательство, что они не явились на экзаменъ въ нормальный срокъ по уважительнымъ причинамъ, въ которыхъ относятся: болѣзнь, надлежащимъ свидѣтельствомъ удостовѣренная, семейныя несчастія и случайныя бѣдствія, постигшія студента (§§ 6, 7, 8, 9).

2) Юридическій факультетъ университета св. Владиміра вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи нынѣ дѣйствующихъ правилъ испытанія студентовъ, при чемъ представилъ, между прочимъ, нижеслѣдующія соображенія. Весьма многіе студенты, въ особенности тѣ, которымъ предстоитъ окончательное испытаніе, всячески уклоняются отъ онаго въ маѣ мѣсяцѣ¹⁾, и вслѣдствіе этого, представляютъ доказательства невозможности явиться на испытаніе, которыя, будучи правильными въ формальномъ отношеніи, на самомъ дѣлѣ весьма сомнительны. Не имѣя достаточныхъ средствъ точно отличить, кто изъ студентовъ приводитъ въ своихъ свидѣтельствахъ дѣйствительныя причины не-

¹⁾ Отъ испытанія въ маѣ мѣсяцѣ уклонилось: въ 1867 году — 73 студента изъ 148-и, въ 1868 году—88 студентовъ изъ 149-и.

явки на испытаніе, и кто—вымышленныя, факультетъ допускаетъ къ экзамену въ дополнительный срокъ вмѣствъ съ первыми, безъ сомнѣнія, немало и послѣднихъ. Это поддерживаетъ въ студентахъ неразборчивость въ средствахъ при изысканіи оправданій неявки на экзаменъ въ нормальный срокъ. Къ этому нравственному вреду для студентовъ присоединяется вредъ другого рода: расчетъ студентовъ на возможность приготовиться къ окончательному экзамену въ теченіе продолжительнаго времени съ мая по декабрь, — расчетъ, которымъ руководятся весьма многіе, не можетъ не ослаблять занятій ихъ въ теченіе курса. Вслѣдствіе этого юридическій факультетъ призналъ полезнымъ установить слѣдующій порядокъ испытанія студентовъ: «Окончательныя испытанія (изъ второй половины предметовъ) производятся: до вакацій—въ маѣ и послѣ вакацій—съ 1-го сентября по 1-е октября, а полукурсовыя (изъ первой половины предметовъ): до вакацій—также въ маѣ и послѣ вакацій—съ 15-го августа по 1-е сентября. Испытуемымъ предоставляется держать все испытаніе до вакацій, или же отлагать его (частію или совсѣмъ) на время послѣ вакацій. Затѣмъ не явившіеся въ означенные сроки ни подъ какимъ предлогомъ къ испытанію въ другое время не допускаются». Такимъ измѣненіемъ, по мнѣнію юридическаго факультета, было бы достигнуто значительное сокращеніе нынѣшняго продолжительнаго срока окончательныхъ испытаній, вреднаго въ педагогическомъ отношеніи, и уничтожились бы поводы для студентовъ обращаться къ неблаговиднымъ способамъ уклоненія отъ испытаній въ маѣ мѣсяцѣ. Совѣтъ университета св. Владиміра согласился съ соображеніями юридическаго факультета и одобрилъ предположенія его, и вслѣдствіе этого составленъ былъ новый проектъ правилъ испытанія на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата. Въ этомъ проектѣ, согласно съ вышеизложеннымъ измѣненіемъ сроковъ дополнительныхъ испытаній и съ отмѣною представленія свидѣтельствъ о неявѣ на испытанія, измѣнены §§ 4 и 10 и исключены §§ 3, 6, 7, 8 и 9 нынѣ дѣйствующихъ правилъ испытанія на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кан-

дидата; затѣмъ всѣ прочіе §§-снхъ правилъ и правилъ испытанія на степень магистра оставлены безъ измѣненій.

3) Ученый комитетъ, признавая уважительными соображенія, побудившія сдѣлать означенныя измѣненія въ правилахъ для испытанія въ университетѣ св. Владиміра на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата, а съ другой стороны находя, что приведеніе въ исполненіе помянутыхъ измѣненій можетъ содѣйствовать водворенію большей правильности въ ходѣ занятій студентовъ, полагалъ одобрить вновь составленный проектъ означенныхъ правилъ.

Совѣтъ министра согласился съ заключеніемъ ученаго комитета; но съ своей стороны, обративъ вниманіе на § 3 проекта правилъ, которымъ предоставляется испытуемымъ держать все испытаніе до вакацій или же отлагать его (частію или совсѣмъ) на время послѣ вакацій, призналъ неудобнымъ допустить такое дробленіе испытанія и полагалъ изложить эту часть § 3 слѣдующимъ образомъ: «Если студентъ или посторонній слушатель, начавъ испытаніе до вакацій, не окончитъ онаго, то онъ можетъ явиться на испытаніе послѣ вакацій, но долженъ начать оное снова, безъ зачета отлѣтовъ, полученныхъ на не оконченномъ испытаніи». Затѣмъ совѣтъ министра полагалъ утвердить нижеслѣдующую редакцію помянутыхъ правилъ:

Правила о срокахъ и порядкѣ производства испытаній въ университетѣ св. Владиміра на званіе дѣйствительнаго студента и на ученые степени.

I. Объ испытаніи на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата.

§ 1. Студенты историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ держатъ первую половину испытанія по выслушаніи предметовъ, читаемыхъ въ теченіе первыхъ четырехъ семестровъ, а вторую половину сего испытанія— по выслушаніи полнаго факультетскаго курса.

§ 2. Полукурсовые испытанія считаются окончательными по

предметамъ, кои назначены факультетомъ, и полученные на нихъ отмѣтки зачисляются при опредѣленіи студентамъ степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента.

§ 3. Полукурсовые испытанія (изъ первой половины предметовъ) производятся: до вакацій — въ маѣ мѣсяцѣ, и послѣ вакацій — съ 15-го августа по 1-е сентября, а окончательныя (изъ второй половины предметовъ) — также до вакацій, въ маѣ, и послѣ вакацій, съ 1-го сентября по 1-е октября. Если студентъ, начавъ испытаніе до вакацій, не окончитъ онаго, то можетъ явиться на испытаніе послѣ вакацій, но долженъ начать оное снова, безъ зачета отмѣтокъ, полученныхъ на не оконченномъ испытаніи. Затѣмъ не явившіеся въ означенные сроки ни подъ какимъ предлогомъ къ испытанію въ томъ же году не допускаются.

§ 4. Не выдержавшимъ или не окончившимъ испытанія изъ первой половины предметовъ окончательнаго экзамена предоставляется держать то же испытаніе въ слѣдующемъ году, при чемъ не засчитываются два семестра въ число лѣтъ курса.

§ 5. Студенты, не окончившіе испытанія въ концѣ курса къ назначенному сроку, могутъ подвергнуться оному въ слѣдующемъ году. Затѣмъ, по истеченіи еще годичнаго срока, они подвергаются испытанію по правиламъ для постороннихъ слушателей.

§ 6. Испытаніе производится каждымъ преподавателемъ изъ своего предмета, но и другіе члены испытательной комиссіи или факультета могутъ предлагать вопросы испытываемому. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія испытателя, а также если бы каедрѣ его оставалась не замѣщенной, факультетъ поручаетъ испытаніе одному изъ наличныхъ преподавателей.

§ 7. Испытаніе производится по программамъ, составленнымъ для испытанія и состоящимъ изъ ряда вопросовъ. Испытательныя программы составляются по программамъ преподаванія, утверждаемымъ факультетами на основаніи § 23, лит. А. пун. 4 уст. унив. Программы преподаванія, какъ заключающія въ себѣ указанія объема предметовъ, характера требованій испытателя и главныхъ учебныхъ пособій, воимъ испытываеме должны руководство-

ваться, печатаются, по усмотрѣнію факультетовъ, въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ*.

§ 8. Испытаніе производится по билетамъ. Испытуемый отвѣчаетъ на то число вопросовъ, которое комиссія сочтетъ нужнымъ ему предложить.

§ 9. Отмѣтки: *весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно* ставить испытатель, по соглашенію съ членами испытательной комиссіи.

§ 10. Отмѣтки, полученныя какъ на полувурсовыхъ, такъ и на окончательныхъ испытаніяхъ, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ перемѣнѣ; переэкзаменовки не допускаются ни подъ какимъ предлогомъ.

§ 11. Посторонніе слушатели и лица допускаются къ испытанію на степень кандидата съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ, но съ тѣмъ притомъ, что они держатъ одно окончательное испытаніе изъ всѣхъ предметовъ или въ маѣ, или послѣ каникулъ, съ 1-го сентября по 1-е октября, на основаніи § 3.

II. Объ испытаніи на степень магистра.

§ 1. Испытанія на степень магистра производятся во всякое время года, кромѣ каникулъ.

§ 2. Испытаніе на степень магистра, какъ устное, такъ и письменное, должно быть окончено въ теченіе полугодія. Для представленія диссертации и защиты оной срока не полагается.

§ 3. Испытаніе производится по программамъ, заблаговременно одобреннымъ факультетомъ, и по билетамъ, примѣняясь къ §§ 7 и 8 правилъ объ исполненіяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата.

Опредѣлено: Вышеизложенныя правила сообщить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа для предложенія совѣту университета св. Владимира въ исполненію и руководству.

Слушали (ст. IV): Донесеніе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, отъ 11-го сентября 1870 года за № 2909, по дѣлу объ измѣненіи § 6-го правила испытаній на званіе дѣйствитель-

наго студента и на степень кандидата въ Новороссійскомъ университетѣ.

Правила испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата въ Новороссійскомъ университетѣ были разсмотрѣны въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія, въ засѣданіи 16-го іюня 1867 года, и § 6 силъ правилъ заключается въ нижеслѣдующемъ:

«Для полученія званія дѣйствительнаго студента требуются изъ всѣхъ предметовъ факультета или отдѣленія отмѣтки *удовлетворительныя* (3), а для приобрѣтенія степени кандидата—*весьма удовлетворительныя* ($4\frac{1}{2}$) изъ главныхъ предметовъ и *удовлетворительныя* изъ остальныхъ».

Совѣтъ Новороссійскаго университета призналъ нужнымъ измѣнить эту статью правилъ, изложивъ ее такимъ образомъ:

«§ 6. Для полученія степени кандидата нужно имѣть въ главныхъ предметахъ факультета или отдѣленія общій выводъ изъ отмѣтокъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе 4, и изъ дополнительныхъ 3; для полученія же званія дѣйствительнаго студента общій выводъ по главнымъ предметамъ долженъ быть не менѣе $3\frac{1}{2}$ и по дополнительнымъ не менѣе 3».

Примѣчаніе. «Доколѣ не введено раздѣленіе юридическаго факультета на отдѣленія, для полученія степени кандидата можетъ быть допущена въ главныхъ предметахъ одна отмѣтка 3, лишь бы общій выводъ былъ тотъ же, то-есть, $4\frac{1}{2}$ ».

Совѣтъ министра полагалъ одобрить вышеизложенное измѣненіе § 6 правилъ испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата въ Новороссійскомъ университетѣ, но призналъ неудобнымъ сохранить примѣчаніе, такъ какъ оно было бы не согласно съ § 15 утвержденаго 4-го января 1864 года *Положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученія степени*, на основаніи котораго для приобрѣтенія степени кандидата необходимо имѣть изъ главныхъ предметовъ испытанія отмѣтки *весьма удовлетворительныя*.

Опредѣлено: Заключение совѣта министра сообщить г. попечителю Одесскаго учебнаго округа для предложенія совѣту Новороссійскаго университета къ исполненію и руководству.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Книгу подъ заглавіемъ: «Концентрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ элементарный, состоящій изъ трехъ частей». Составилъ *В. С. Имятовичъ*, преподаватель 1-й С.-Петербургской военной гимназіи. Части 1-я и 2-я. (С.-Пб., 1870 г.),—включить въ число руководствъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ гимназіяхъ.

2) Книга поду заглавіемъ: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу». Составили *Резнеръ* и *Волковъ*. (С.-Пб., 1869 г.),—не смотря на указанная особымъ отдѣломъ ученаго комитета неточности, въ настоящемъ видѣ можетъ быть одобрена для народныхъ училищъ, какъ руководство для учителя.

3) Книгу подъ заглавіемъ: «Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ». (Приложеніе къ «Руководству для обученія грамотѣ») *Резнера* и *Волкова*. (С.-Пб., 1870 г.) — можно рекомендовать народнымъ учителямъ, какъ весьма удовлетворительно составленный сборникъ статей для легкаго чтенія, предпочтительно предъ другими, доселѣ изданными подобными сборниками.

4) Книгу подъ заглавіемъ: «Руководство къ физикѣ въ объемѣ курса женскихъ учебныхъ заведеній». Составилъ *В. Полкотычкій*, преподаватель Варшавской 4-й женской гимназіи. (Варшава, 1870 г.) — одобрить для преподаванія физики въ женскихъ гимназіяхъ Царства Польскаго въ видѣ руководства, въ женскихъ же

гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Имперіи — только въ видѣ учебнаго пособія, такъ какъ въ сихъ послѣднихъ назначено преподавать только *главнѣйшія понятія* изъ физики, и то не какъ отдѣльный предметъ, а вмѣстѣ съ естественною исторіей и съ присовокупленіемъ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству и гигиенѣ; книга же г. Полвотыцкаго, заключаая въ себѣ 333 страницы, является для таковаго курса слишкомъ обширною.

5) Книгу подъ заглавіемъ: «Русская хрестоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній». Составилъ *Ө. Буслаевъ*. (Москва, 1867 г.) — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ преимущественно какъ пособіе при чтеніи древне-русскихъ памятниковъ.

6) Учебные атласы: а) для низшихъ классовъ гимназій и б) для полнаго гимназическаго курса. (С.-Пб., 1869 г.). Изданіе картографическаго заведенія *А. Ильина*, — одобрить для употребленія по принадлежности какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ другихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ составъ учебнаго курса которыхъ входитъ географія.

7) Книгу подъ заглавіемъ: «Руководство къ всеобщей географіи. Въ-европейскія страны въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ». Составилъ *А. Сергѣевъ*. (С.-Пб., 1866 г.) — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ наравнѣ съ учебникомъ для тѣхъ же частей свѣта г. Смирнова, впредь до выхода лучшаго.

8) Книгу подъ заглавіемъ: «Географическіе очерки Россіи». Составилъ *А. Сергѣевъ*. Выпуски II-й и III-й. (С.-Пб., 1866 и 1867 гг.) — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ въ видѣ пособія при преподаваніи отечественной географіи.

9) Книгу подъ заглавіемъ: «Россія. Учебникъ географіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, составленный по по-

вѣдѣніямъ». (С.-Пб., 1868 г.) — рекомендовать для учебныхъ библиотекъ гимназій, такъ какъ нѣкоторые отдѣлы оной не безъ пользы могутъ быть прочитаны учениками VII-го класса при повтореніи географическаго курса.

10) Книгу подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ минералогіи». Составилъ *Александръ Матушевскій*. (Варшава, 1870 г.) — одобрить для употребленія въ видѣ учебнаго руководства въ реальныхъ гимназіяхъ.

11) Книгу подъ заглавіемъ: «Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. Учебное пособіе для учащихся». Составилъ *П. Надеждинъ*. (С.-Пб., 1869 г.) — одобрить для учебныхъ библиотекъ гимназій и прогимназій.

12) Книгу подъ заглавіемъ: «Краткій французскій синтаксисъ для употребленія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». Составилъ учитель гимназій *Н. Свѣшниковъ*. (С.-Пб., 1870 г.) — признать безполезною для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки гимназій.

13) Книгу подъ заглавіемъ: «Опытъ учебника русскаго синтаксиса». Составилъ *В. Кеневичъ*. Второе исправленное изданіе. (С.-Пб., 1868 г.) — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

14) Книгу подъ заглавіемъ: «Планиметрія по системѣ Лезандра, для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ». Составилъ *К. Гезель*. Перевелъ *В. Шиховъ*. (Рига, 1869 г.) и

15) Книгу подъ заглавіемъ: «Стереометрія по Лезандру». Составилъ *К. Гезель*. Перевелъ *В. Шиховъ*. (Рига, 1870 г.) — признать не безполезными для библиотекъ гимназій.

Официальныя извѣщенія.

На разсмотрѣніе учебнаго комитета при свѣтѣйшемъ синодѣ, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, препровождается была, вслѣдствіе просьбы автора о введеніи въ употреб-

леніе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, книга подъ заглавіемъ: «Собесѣдованія о молитвѣ Господней. Опытъ преподаванія закона Божія въ низшихъ классахъ гимназій, въ уѣздныхъ, приходскихъ и сельскихъ училищахъ», составленный по вопросительной методѣ Динтера бывшимъ инспекторомъ и профессоромъ Ярославской семинаріи *Василіемъ Орловымъ*. (Ярославль, 1869 г.).

Комитетъ, разсмотрѣвъ эту книгу, нашель, что она не можетъ быть принята въ употребленіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ качествѣ пособія для наставниковъ, при объясненіи по Православному катихизису молитвы Господней, по несоотвѣтственности ея предполагаемому назначенію. Святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ отъ 23-го октября (7-го ноября) 1870 года, утвердилъ такое заключеніе комитета, тѣмъ не менѣе, однако же, призналъ, что вышеупомянутая книга Орлова можетъ быть съ пользой употребляема, какъ предметъ для чтенія между воспитанниками вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній.

1. *Извлеченіе изъ отзыва учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ о книгѣ протоіеря Соколова.*

Книга протоіеря Соколова, подъ названіемъ: «Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ», была уже разсматриваема въ прошломъ году въ учебномъ комитетѣ, который произнесъ о ней одобрителный отзывъ, съ указаніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ въ изложеніи частныхъ мыслей, такъ и въ неполнотѣ отдѣльныхъ священно-историческихъ фактовъ. Святѣйшій синодъ, по разсмотрѣніи журнала комитета объ этомъ сочиненіи, нашель тогда, что оно, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, содержитъ въ себѣ значительные недостатки, почему и постановилъ, что въ настоящемъ видѣ, безъ исправленія указанныхъ комитетомъ погрѣшностей, оно не можетъ быть введено, согласно просьбѣ автора, въ число учебниковъ для народныхъ школъ и приготовительныхъ классовъ духовныхъ училищъ, но въ качествѣ

учебнаго пособия можетъ быть рекомендовано для сихъ школъ и классовъ. О каковомъ заключеніи и дано было знать епархіальнымъ мрессвященнымъ указомъ свѣтѣйшаго синода.

Въ настоящее время означенное сочиненіе протоіерея Соколова представлено въ учебный комитетъ въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи. При исправленіи своей книги авторъ воспользовался всѣми замѣчаніями учебнаго комитета и исправилъ всѣ указанные въ ней недостатки. Главное достоинство этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно, при простомъ, ясномъ и общепонятномъ изложеніи, заключаетъ въ себѣ полный элементарный курсъ закона Божія, подъ руководствомъ котораго дѣти въ одно и то же время знакомятся и съ главнѣйшими событіями священной исторіи, и съ основными истинами православной вѣры и нравственности, и съ важнѣйшими дѣйствіями и обрядами православнаго богослуженія. Такимъ образомъ въ «Начальномъ наставленіи» протоіерея Соколова соединены три науки: священная исторія, краткій катихизисъ и ученіе о богослуженіи, но все это составляетъ у него не три отдѣльные предмета, а одинъ предметъ, потому что основа у него одна — священноисторическій фактъ, съ которымъ органически связывается то или другое православное вѣроученіе и правоученіе, тотъ или другой праздникъ и обрядъ. Такая постановка закона Божія, какъ нельзя болѣе умѣстная въ первоначальныхъ школахъ, служить въ то же время надежнымъ ручательствомъ успѣшнаго изученія основныхъ истинъ вѣры въ сихъ заведеніяхъ и прочною подготовкою къ слушанію обширнаго курса Закона Божія въ высшихъ школахъ, гдѣ законоучителю не будетъ уже надобности повторять задъ съ своими учениками и тратить время на объясненіе самыхъ элементарныхъ истинъ христіанскихъ, потому что со всѣмъ этимъ они вполне ознакомятся ужъ изъ элементарнаго курса протоіерея Соколова. Къ достоинству этого учебника относится, между прочимъ, и его дешевизна — 20 коп. сер. за книгу въ 132 страницы, съ 27-ю очень хорошими рисунками въ текстѣ — цѣна крайне умѣренная.

2. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ святѣйшаго правительствующаго синода, о сочиненіи протоіеря Соколова подъ заглавіемъ «Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ».

По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали предложенный господиномъ исправлявшимъ должность синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 29-го іюля 1870 года за № 172, журналъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, объ исправленномъ и дополненномъ согласно замѣчаніямъ учебнаго комитета 3-мъ изданіи сочиненія протоіеря церкви Маріинскаго дворца Соколова подъ заглавіемъ: «Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ». Приказали: одобренное учебнымъ комитетомъ «Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ», протоіеря Соколова, въ означенномъ (3-мъ) изданіи, включить въ число учебныхъ руководствъ по преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ, о чемъ епархіальнымъ пресвященнымъ дать знать указами, съ приложеніемъ въ извлеченіи отзыва комитета о сей книгѣ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (7-го декабря 1870 года). *О содержаніи воспитанниковъ въ пансіонъ Тульской гимназіи, на проценты съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Томашевскимъ.*

Потомственный почетный гражданинъ Федоръ Томашевскій по духовному завѣщанію назначилъ капиталъ въ 24.000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала обращаемы были на содержаніе пансіонеровъ въ Тульской гимназіи изъ круглыхъ сиротъ, дѣтей бѣднѣйшихъ дворянъ и чиновниковъ города Тулы и вообще Тульской губерніи, по ближайшему и непосредственному назначенію Тульскаго губернскаго предводителя дворянства. При этомъ Томашевскій выразилъ желаніе, чтобы означеннымъ пансіонерамъ присвоено было наименованіе пансіонеровъ Томашевскаго, и чтобы остатокъ, если таковой будетъ въ процентной суммѣ за покрывтіемъ изъ оной расходовъ по содержанію воспитанниковъ, выдается былъ одному изъ пансіонеровъ его имени, оказавшему лучшіе успѣхи въ наукахъ, въ видѣ пособія, при поступленіи его въ высшее учебное заведеніе или же на службу.

Вслѣдствіе отношенія объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на пріятіе означеннаго пожертвованія съ обращеніемъ процентовъ съ

онаго на содержаніе воспитанниковъ въ пансіонѣ Тульской гимназіи съ наименованіемъ этихъ воспитанниковъ «пансіонерами Томашевскаго», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для сего на основаніяхъ, изложенныхъ въ завѣщаніи жертвователя.

6. (7-го декабря 1870 года). *Объ учрежденіи стипендій* **Θ. Θ. Воропанова** при одной изъ гимназій города **Харькова**.

Суджанское уѣздное земское собраніе вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи при одной изъ гимназій города Харькова двухъ стипендій, съ присвоеніемъ одной изъ нихъ наименованія «стипендіи Ѳеодосія Ѳеодосѣевича Воропанова», во вниманіе къ полезной для земства дѣятельности Воропанова по званію предсѣдателя Суджанской уѣздной земской управы. На содержаніе такихъ стипендіатовъ земское собраніе опредѣлило отпускать по 520 руб. ежегодно.

Получивъ отзывъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства, министръ народнаго просвѣщенія входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору. Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на учрежденіе при одной изъ гимназій города Харькова двухъ стипендій на счетъ помянутой суммы, съ наименованіемъ одной изъ нихъ «стипендіею Ѳеодосія Ѳеодосѣевича Воропанова», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этихъ стипендій.

7. (7-го декабря 1870 года). *О содержаніи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ* одного полнаго пансіонера и двухъ или больше полупансіонеровъ, на проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовою майора **Арапетова**, урожденною **Лазаревой**.

Вдова артиллеріи майора **Елизавета Екимовна Арапетова**, урожденная **Лазарева**, духовнымъ завѣщаніемъ, утвержденнымъ въ Москов-

ской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 10-го марта 1869 года, назначила изъ оставленнаго ею по смерти имущества внести въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ *десять тысячъ* рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ сего капитала были воспитываемы въ упомянутомъ институтѣ одинъ полный пансіонеръ и два или болѣе полупансіонеровъ изъ сиротъ армянскаго происхожденія.

Въ настоящее время означенный капиталъ поступилъ уже въ распоряженіе Лазаревскаго института съ дополненіемъ къ оному процентовъ въ количествѣ *шести сотъ* рублей.

Въ завѣщаніи своемъ Арапетова порядка назначенія сиротъ на вакансіи пансіонера и полупансіонеровъ ея не опредѣлила.

Желая съ одной стороны исполнить въ точности волю завѣщательницы, а съ другой, на всегда сохранить имени ея стипендіи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, попечитель сего института, тайный совѣтникъ Лазаревъ вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія объ испрошеніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія:

1) Содержать въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала *десяти тысячъ шести сотъ* рублей, обращенныхъ въ государственныя бумаги, одного пансіонера и двухъ, а если окажется возможнымъ, и болѣе полупансіонеровъ изъ сиротъ армянскаго происхожденія.

2) Стипендіатовъ именовать стипендіатами «Елизаветы Екимовны Арапетовой, урожденной Лазаревой».

3) Избраніе стипендіатовъ предоставить педагогическому совѣту Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, съ утвержденія попечителя сего заведенія.

4) Въ отношеніи пріема стипендіатовъ въ институтъ и дальнѣйшаго тамъ пребыванія соблюдать общія правила, какія опредѣлены или будутъ впредь опредѣлены въ уставѣ института.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства.

8. (7-го декабря 1870 года). *Объ учрежденіи стипендіи акцизныхъ чиновниковъ Тверской губерніи при Тверской гимназій.*

Чины акцизнаго управленія Тверской губерніи, движимые чувствомъ вѣрноподданнической преданности, въ ознаменованіе дня избавленія Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей 4-го апрѣля 1866 г. опасности вошли съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Тверской гимназій одной стипендіи имени акцизныхъ чиновниковъ Тверской губерніи на счетъ процентовъ съ капитала, собраннаго ими и обращеннаго въ пять 5% билетовъ 2-го внутренняго займа съ выигрышами, всего на сумму 500 рублей. При этомъ жертвователи выразили желаніе, чтобы изъ помянутыхъ процентовъ 15 руб. поступали въ названную гимназію за слушаніе стипендіатомъ уроковъ, а остальные 10 руб. выдавались стипендіату на руки на приобрѣтеніе книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Избраніе стипендіата жертвователи предоставляютъ педагогическому совѣту Тверской гимназій.

Вслѣдствіе отношенія объ этомъ министра финансовъ и по всеподданнѣйшему объ этомъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе сказанной стипендіи при Тверской гимназій, съ наименованіемъ оной: «стипендіею акцизныхъ чиновниковъ Тверской губерніи», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи на изложенныхъ жертвователями основаніяхъ.

При этомъ Его Императорское Величество Всемилоостивѣйше повелѣтъ соизволилъ благодарить жертвователей.

9. (30-го декабря 1870 года). *Объ учрежденіи стипендіи Теодора и Евдокіи Самойловыхъ при Саратовскомъ городскомъ Александровскомъ училищѣ.*

Московскій купецъ Теодоръ Самойловъ представилъ въ попечительный совѣтъ Саратовскаго городского Александровскаго училища шесть рентъ, на сумму двухъ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала, въ количествѣ ста десяти руб., были

употребляемы на образованіе въ означенномъ училищѣ одного изъ бѣднѣйшихъ мальчиковъ города Саратова, и чтобы воспитаннику этому присвоено было наименованіе «стипендіата Теодора и Евдокіи Самойловыхъ».

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ: 1) на учрежденіе при Саратовскомъ городскомъ Александровскомъ училищѣ упомянутой стипендіи Теодора и Евдокіи Самойловыхъ и 2) на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить представленный попечителемъ Казанскаго учебнаго округа проектъ положенія объ этой стипендіи. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

10. (30-го декабря 1870 года). *Объ учрежденіи стипендій двѣнадцати статскаго совѣтника Ротштейна при Казанскомъ университетѣ и 1-й гимназіи.*

Служившій въ Казанскомъ пороховомъ заводѣ старшимъ лѣкаремъ, нынѣ отставной медико-хирургъ, статскаго совѣтника Леонтій Венцеславовичъ Ротштейнъ, желая по мѣрѣ своихъ средствъ облегчить доступъ для бѣдныхъ молодыхъ людей въ Императорскій Казанскій университетъ и Императорскую Казанскую гимназію, вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія, чрезъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, съ ходатайствомъ объ исполненіи Высочайшаго соизволенія на принятіе отъ него принадлежащаго ему и хранящагося въ Казанскомъ отдѣленіи государственнаго банка капитала въ 14.000 рублей, заключающагося въ 5% билетахъ 1-го и 2-го выпусковъ съ тѣмъ, чтобы право полученія съ сего капитала процентовъ было пожизненно сохранено за нимъ; по смерти же его, Ротштейна, на счетъ процентовъ съ 12.000 руб. учредить при Казанскомъ университетѣ двѣ стипендіи по медицинскому факультету въ триста руб. каждую; проценты же съ остальныхъ 2.000 руб. употреблять на плату за ученіе столькихъ неимущихъ молодыхъ людей изъ числа приходящихъ учениковъ 1-й Казанской гимназіи, сколько окажется возможнымъ сообразно

установленной за это платѣ, съ наименованіемъ какъ университетскихъ, такъ и гимназическихъ стипендіатовъ, которые будутъ получать стипендіи на счетъ его капитала, по имени жертвователя и съ предоставленіемъ права выбора такихъ стипендіатовъ обществу врачей г. Казани, въ случаѣ же его ураздненія, совѣтамъ университета и гимназій по принадлежности.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему объ этомъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ.

При семъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть: статскаго совѣтника Леонтія Ротштейна, за такое его пожертвованіе на пользу образованія юношества, наградить чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и наименовать имѣющіяся учредиться при Казанскомъ университетѣ и при 1-й Казанской гимназій стипендіи «стипендіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ротштейна», съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить объ этихъ стипендіяхъ правила, которыя будутъ составлены на изложенныхъ въ прошеніи жертвователя основаніяхъ.

11. (30-го декабря 1870 года). *Объ учрежденіи стипендіи статскаго совѣтника Имшеника при Казанской 2-й гимназій.*

Чиновники и преподаватели Казанской дирекціи училищъ, по случаю приближенія срока 25-лѣтней служебной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ директора училищъ Казанской губерніи, статскаго совѣтника Имшеника, желая выразить предъ нимъ глубокое уваженіе и искреннюю признательность за его неусыпныя заботы о вѣранныхъ ему уѣздныхъ училищахъ и за постоянное его руководство въ дѣлѣ народнаго образованія и воспитанія юношества, ходатайствовали объ учрежденіи при Казанской 2-й гимназій стипендіи, съ наименованіемъ оной стипендіею статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшеника, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго ими капитала въ пятьсотъ руб., обращеннаго въ 5% билеты внутренняго займа съ выигрышами. При этомъ жертвователи просили, чтобы въ случаѣ выигрыша по одному изъ

упомянутыхъ билетовъ число стипендій было увеличиваемо и при возможности учреждаемы были таковыя стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Избраніе стипендіата жертвователи предоставляютъ статскому совѣтнику Имщенику, а послѣ его смерти педагогическому совѣту Казанской 2-й гимназіи.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить какъ на учрежденіе при Казанской 2-й гимназіи стипендіи на счетъ процентовъ съ помянутаго капитала, съ наименованіемъ оной «стипендіею статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшеника», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

12. (30-го декабря 1870 года). *О дозволеніи поставить въ залъ Казанской 1-й гимназіи портреты нѣкоторыхъ бывшихъ учениковъ этой гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на дозволеніе поставить въ залъ Императорской Казанской 1-й гимназіи портреты бывшихъ учениковъ этой гимназіи: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Максимовича Княжевича, тайнаго совѣтника Карла Карловича Фойгта и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, предсѣдателя окружнаго суда въ Казани, Александра Емельяновича Лазарева, а также портреты Гавріила Романовича Державина и извѣстнаго литератора Сергѣя Тимоѣевича Аксакова.

13. (1-го января 1871 года). *О дозволеніи учредителю начальнаго бесплатнаго школы для бѣдныхъ дѣтей въ Лыскомъ институтѣ и двумъ членамъ-сотрудникамъ носить мундиръ VIII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше утвердить соизволилъ представленіе ми-

нистра народнаго просвѣщенія о дозволенія учредителю начальной бесплатной школы для бѣдныхъ дѣтей въ Лѣсномъ институтѣ, кушцу Жѣтнему, и двумъ членамъ-сотрудникамъ носить мундиръ VIII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія,

14. (11-го января 1871 года). *О расходѣ на содержаніе 9-и новыхъ прогимназій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о расходѣ на содержаніе 9-и новыхъ прогимназій Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о расходѣ на содержаніе 9-и новыхъ прогимназій, въ связи съ дополнительнымъ заявленіемъ по сему дѣлу министра народнаго просвѣщенія, не встрѣтилъ препятствія къ открытію въ 1871 году предполагаемыхъ 9-и новыхъ прогимназій, и въ томъ числѣ одной прогимназіи въ городѣ Ельцѣ, Орловской губерніи, съ отнесеніемъ расхода на содержаніе сихъ прогимназій на счетъ указанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія источниковъ.

Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

1) Сверхъ существующихъ нынѣ прогимназій, открыть, съ 1-го іюля 1871 года, еще 9 такихъ же учебныхъ заведеній, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій, въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Одессѣ, Рязани, Казани, Харьковѣ, Пензѣ, Херсонѣ, Кишиневѣ и Ельцѣ, Орловской губерніи, упразднить, съ того же срока, находящееся въ семъ послѣднемъ городѣ уѣздное училище, причемъ служащихъ въ этомъ училищѣ лицъ, кои не

получать другаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

2) На покрытие расхода, въ количествѣ 61.290 руб., исчисленнаго на содержаніе означенныхъ 9-и прогимназій и на наемъ помѣщеній для 7-и изъ нихъ во второй половинѣ 1871 года: а) отпустить новымъ изъ государственнаго казначейства расходомъ 48.349 руб. 75 коп., б) обратить на счетъ кредитовъ: асигнуемаго министерству народнаго просвѣщенія на параллельныя отдѣленія 10.982 руб. 25 коп. и отпускаемаго на штатное содержаніе упраздняемаго Елецкаго уѣзднаго училища 1.150 руб., и в) недостающіе затѣмъ 808 руб. пополнить изъ сбора за ученіе во вновь открываемыхъ 9-и прогимназіяхъ, показавъ всѣ эти суммы въ подлежащихъ подраздѣленіяхъ финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1871 годъ.

3) На будущее, съ 1872 года, время вносить въ финансовыя смѣты министерства народнаго просвѣщенія, на тѣхъ же основаніяхъ, полную годовую сумму на содержаніе упомянутыхъ прогимназій и на наемъ для нихъ помѣщеній, именно по 122.580 руб. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

15. (22-го января 1871 года). *Объ увеличеніи числа почетныхъ наградъ для министерства народнаго просвѣщенія* ¹⁾.

Государь Императоръ, вслѣдствіе ходатайства министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи числа почетныхъ наградъ

¹⁾ До настоящаго времени министерству народнаго просвѣщенія представлено было по Высочайше утвержденному положенію комитета гг. министровъ 31-го іюля 1859 года 147 почетныхъ наградъ въ годъ, изъ коихъ три награды внѣ правилъ, и по такому же положенію комитета гг. министровъ 15-го декабря 1867 года еще 40, прибавленныхъ по случаю подчиненія учебныхъ заведеній царства Польскаго министерству народнаго просвѣщенія, собственно для Варшавскаго учебнаго округа, изъ коихъ одна внѣ правилъ, а всего 187 наградъ. 147 наградъ, во время назначенія таковаго числа оныхъ, въ 1859 году, составляли по отношенію къ числу служащихъ лицъ одну почетную награду на 50 человекъ, и въ послѣднее время распределены были министер-

для министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволивъ, согласно положенію комитета гг. министровъ, разрѣшить министру народнаго просвѣщенія, въ отмѣну установленной въ 1859 и 1867 годахъ для сего вѣдомства постоянной нормы ежегодныхъ наградъ чинами и орденами, представлять ежегодно къ наградамъ по правиламъ число лицъ, пропорціональное дѣйствительному за каждый годъ наличному составу служащихъ по разчету не свыше 1-й награды на 5 лицъ, служащихъ по ученой, учебной и воспитательной части, въ ученыхъ учрежденіяхъ и высшихъ и сред-

ствомъ слѣдующимъ образомъ: на С.-Петербургскій и Московскій учебные округи назначалось по 20-и наградъ, на Казанскій 16, на Харьковскій и Кіевскій по 15-и, на Одесскій, Дерптскій и Виленскій по 12-и, на Императорскую Академію Наукъ 4 и на Императорскую публичную бібліотеку 2; для центрального же управленія министерства народнаго просвѣщенія и непосредственнаго представленія министромъ Государю Императору оставляемо было ежегодно 19 почетныхъ наградъ, въ томъ числѣ 3 въѣ правилъ. Число наградъ для Варшавскаго учебнаго округа разчитано было на 1.000 служащихъ въ семь округѣ, то-есть, 1 награда на 25 человекъ. Между тѣмъ, съ 28-го февраля 1864 года, по военно-учебнымъ заведеніямъ Высочайше разрѣшено назначать одну награду на 5 служащихъ въ учебныхъ должностяхъ и 1 на 10 служащихъ въ административныхъ. Вслѣдствіе этого оказывалось, что въ то время, какъ при 49-и лицахъ, состоящихъ при одной военной гимназій, на долю сей гимназій приходилось 8 почетныхъ наградъ въ годъ, считая 38 лицъ учебной и воспитательной службы и 11 административныхъ, по министерству народнаго просвѣщенія на цѣлое подобное учрежденіе, съ 49 лицами служащихъ, не причиталось и одной награды, и число наградъ одной военной гимназій составляло двѣ трети всѣхъ наградъ по Одесскому, Дерптскому и Виленскому округамъ, болѣе половины всѣхъ наградъ по Харьковскому и Кіевскому, и половину всего числа наградъ по Казанскому учебному округу, заключающему въ себѣ учебныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ 11-и губерніяхъ, гдѣ находятся, между прочимъ, университетъ, институтъ, 13 гимназій и 82 уѣздныхъ училища. По вѣдомству учреждений Императрицы Маріи, Высочайше установлена, 19-го сентября 1870 года, норма одной награды на 20 служащихъ.

Комитетъ гг. министровъ, при разсмотрѣніи настоящаго ходатайства министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи числа наградъ по вѣренному ему министерству, признавъ справедливымъ предоставить равнымъ по разряду учебнымъ заведеніямъ военнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія одинаковое число ежегодныхъ наградъ, остальные же заведенія и административныя должности сего министерства приравнять къ учрежденіямъ Императрицы Маріи, въ коихъ сверхъ учебныхъ заведеній находится много другихъ, пользующихся лишь преимуществами общей гражданской службы.

нихъ учебныхъ заведеніяхъ, и 1-й награды на 20 лицъ, служащихъ въ тѣхъ же должностяхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ должностяхъ по административной и прочимъ частямъ, сохранивъ при семъ за министромъ народнаго просвѣщенія прежнее право представленія 4-хъ лицъ въ тѣхъ правилахъ и выдачи денежныхъ наградъ въ нынѣ существующемъ размѣрѣ, какъ изъ суммъ, вносимыхъ ежегодно въ финансовую смѣту министерства, такъ и изъ другихъ, состоящихъ въ распоряженіи онаго, источниковъ.

16. (3-го февраля 1871 года). *О присвоеніи Курской женской гимназій именованія «Маріинской».*

По всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайствъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа и Курскаго губернатора о присвоеніи Курской женской гимназій именованія «Маріинской», въ честь Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Цесаревны Маріи Фёдоровны, Государь Императоръ Высочайше на сіе соизволилъ.

17. (3-го февраля 1871 года). *Объ учрежденіи при Новороссійскомъ университетѣ, сверхъ 4-хъ лаборантовъ, еще одного сверхштатнаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Новороссійскомъ университетѣ, сверхъ четырехъ лаборантовъ, положенныхъ по нормальному его штату, еще одного сверхштатнаго, съ отнесеніемъ содержанія его на спеціальныя средства означеннаго университета и съ предоставленіемъ этому лаборанту всѣхъ тѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, кои присвоены штатнымъ лаборантамъ по общему уставу Императорскихъ россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденному 18-го іюня 1863 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

30-го декабря 1870 года (№ 21). *Производятся за отличие:* въ статскіе совѣтники: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассессоръ Михайль *Зборомирскій*, съ сохраненіемъ придворнаго званія.

1-го января 1871 года (№ 2). *Производятся за отличие: въ статскіе совѣтники:* почетный попечитель Нижегородскаго Александровскаго института, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ Михайль *Прутченко*, и *въ надворные совѣтники:* дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, губернский секретарь князь Сергѣй *Долгоруковъ*, оба съ сохраненіемъ придворнаго званія.

3-го февраля 1871 года (№ 3). *Назначается:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Ивановскій* — состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ, за выслугою срока, отъ службы при означенномъ университетѣ, съ 21-го декабря 1870 года. *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Соловьевъ* — ректоромъ сего университета на четыре года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Осакинъ* — вновь ректоромъ сего университета по 21-е іюля 1872 года; экстраординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, коллежскій совѣтникъ *Максимовичъ* — ординарнымъ академикомъ сей академіи по ботаникѣ, съ 8-го января 1871 года. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю:* доценту Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскому совѣтнику *Бергману* — по 1-е апрѣля 1871 года. *Командируются за границу съ ученою цѣлю:* учителя

гимназій: Херсонской — *Гизъ* и Таганрогской — *Виноградовъ*, съ 15-го мая по 1-е октября 1871 года.

10-го февраля 1871 года (№ 4). *Назначается:* директоръ училищъ Бессарабской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яновскій* — помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 18-й день декабря 1870 г., пожаловать нижепоименованнымъ лицамъ, оказавшимъ своею дѣятельностію и пожертвованіями пользу учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, слѣдующія награды: званіе личнаго почетнаго гражданина смотрителю и учителю Могилевскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда, изъ мѣщанъ, Ушеру *Розенвейну*; орденъ св. Станислава 2-й степени почетному блюстителю Варнавинскаго приходскаго училища, надворному совѣтнику Степану *Требинскому*; медали съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ: золотыя на Станиславской лентѣ: почетному блюстителю Спасо-Деменскаго двухкласснаго образцоваго народнаго училища, Калужской губерніи, Мосальскому 1-й гильдіи купцу Федору *Аристархову*, Пермскому 1-й гильдіи купцу Александру *Поносову*, почетному блюстителю Семипалатинскаго приходскаго училища, Семипалатинскому 1-й гильдіи купцу Федору *Стетанову*, вторамъ церквей: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, С.-Петербургскому 2-й гильдіи купцу Александру *Калашиникову* и Орловской гимназической домовой, Орловскому 2-й гильдіи купцу Василю *Соломатину*; серебряную на Анненской лентѣ почетному блюстителю Верхне-Муллинскихъ мужскаго и женскаго приходскихъ училищъ, Пермскаго уѣзда, временно-обязанному крестьянину

Павлу *Камчатову*, и для ношенія на груди, серебряныя на *Станиславской* лентѣ — попечителю Ивангородской сельской школы, казаку Павлу *Науменко*, и крестьянину сельца Федоровскаго, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, Степану *Ничулину*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (23-го января 1871 года). *Правила объ учрежденіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендіи штабъ-лекаря Александра Васильевича Лебедева.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія назначается въ двѣсти руб., съ освобожденіемъ стипендіата отъ платы за право ученія.

2) Право пользованія стипендіею предоставляется студентамъ разряда государственныхъ наукъ, съ тѣмъ, что они по окончаніи университетскаго курса не обязуются никакою службою.

3) Стипендія назначается студенту, представившему узаконенное свидѣтельство о бѣдности и удовлетворяющему условіямъ § 45 правилъ Императорскаго Казанскаго университета, преимущественно происходящему изъ духовнаго званія.

4) Свѣдѣнія о предназначаемомъ къ замѣщенію стипендіи студентѣ каждый разъ сообщаются женѣ учредителя Еленѣ Лебедевой и сыну его доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василию Лебедеву съ тѣмъ, что если она или онъ, имѣютъ въ виду кого-либо для замѣщенія стипендіи, то таковому, если университетъ признаетъ его достойнымъ, давать преимущество предъ другими.

5) Избранный на стипендію студентъ пользуется ею въ продолженіи всего университетскаго курса, если не будетъ лишень оной на основаніи § 43 правилъ Императорскаго Казанскаго университета.

6) Для увѣковѣченія памяти жертвователя студентъ, пользуя-

щійся этою стипендіею, именуется стипендіатомъ штабъ-лѣвара А. В. Лебедева.

13. (13-го февраля 1871 г.). *Объ испрошеніи предварительнаго согласія попечителя учебнаго округа при доставленіи отзываетъ о неимѣнннхъ препятствіяхъ къ награжденію лицъ по другимъ вѣдомствамъ* ¹⁾.

Не смотря на циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 9-го марта 1868 г. за № 2243, въ центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія, до настоящаго времени, при запросахъ стороннихъ вѣдомствъ: не встрѣчается ли препятствія къ награжденію лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ сего министерства, занимающихъ въ то же время должности по означеннымъ вѣдомствамъ, — препровождаются отзвывы начальствъ учреждений, находящихся въ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ, что къ таковому награжденію нѣтъ препятствій со стороны сихъ учреждений, и въ этихъ отзывахъ по прежнему не заключается свѣдѣнія: *изъявлено ли попечителямъ учебнаго округа согласіе на предполагаемое награжденіе.*

Въ отстраненіе на будущее время совершенно излишней переписки по запросамъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ по вышеозначенному предмету, министерство долгомъ считаетъ покорнѣе просить гг. попечителей округовъ подтвердить подвѣдомственнымъ имъ начальствамъ, чтобы отзвывы о неимѣнннхъ препятствія къ награжденію подчиненныхъ этимъ начальствамъ лицъ, служащихъ въ то же время по другимъ вѣдомствамъ, давались *непрерывно* съ предварительнаго согласія попечителя округа и о таковомъ согласіи прописывалось бы въ отзывахъ подлежащимъ вѣдомствамъ.

¹⁾ Подлежитъ исполненію на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія, отъ 3-го сентября 1866 года, намечатаннаго въ сентябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за тотъ годъ.

14. (13-го февраля 1871 года). *О присылкѣ на конкурсъ въ Императорскую Академію Художествъ лучшихъ ученическихъ работъ по рисованію.*

Товарищъ президента Императорской Академіи художествъ, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ, желая способствовать развитію художественнаго образованія, предполагаетъ въ текущемъ году открыть конкурсъ по рисованію между учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія.

Съ этою цѣлю Его Высочество назначаетъ денежные преміи и особую комиссію для присужденія ихъ за лучшія ученическія работы по классамъ рисованія.

Увѣдомляя о семъ г. министра народнаго просвѣщенія, Его Высочество проситъ пригласить начальства гимназій и прогимназій прислать въ Академію Художествъ, къ 1-му сентября 1871 г., на означенный конкурсъ работы лучшихъ учениковъ вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ методы преподаванія, составленнымъ учителями рисованія.

15. (13-го февраля 1871 года). *Относительно употребленія и исчисленія специальныхъ доходовъ гимназій и прогимназій.*

При разсмотрѣніи финансовой и специальной смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія на 1871 годъ, департаментъ государственной экономіи, вслѣдствіе неоднократныхъ заявленій государственнаго контроля при разсмотрѣніи смѣтъ министерства за прежніе годы, замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее: 1) По примѣчанію къ § 49 Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 года устава гимназій и прогимназій «параллельныя отдѣленія учреждаются тамъ, гдѣ представится къ тому возможность, предпочтительно на спеціальныя средства учебныхъ заведеній, и только при недостаткѣ сихъ послѣднихъ, на счетъ государственнаго казначейства». Спеціальныя же средства среднихъ учебныхъ заведеній, постепенно возрастая изъ года въ годъ, вообще представляютъ въ настоящее время весьма значительную сумму ежегод-

наго дохода, сравнительно съ прежними годами. Между тѣмъ на содержаніе параллельныхъ отдѣленій отчисляется изъ этихъ средствъ, сравнительно съ суммою, назначаемою на нихъ изъ государственнаго казначейства, весьма незначительная часть. Такъ, изъ кредита 100.000 руб., ассигнованнаго въ 1863 году изъ государственнаго казначейства на параллельныя отдѣленія, распредѣляется по смѣтѣ на 1871 годъ между 44 гимназіями 95.064 руб. 50 коп., изъ взимаемаго же по симъ 44-мъ гимназіямъ сбора за ученіе, исчисленнаго въ 223.920 руб., отдѣляется на содержаніе помянутыхъ отдѣленій только 57.486 руб. 21 коп., слѣдовательно, менѣе половины того, что отпускается государственнымъ казначействомъ и немногимъ болѣе одной пятой части приведеннаго количества всего означеннаго по тѣмъ гимназіямъ сбора. Въ частности, при сличеніи росписаній доходовъ и расходовъ специальныхъ средствъ по разнымъ гимназіямъ, оказывается, что по однимъ гимназіямъ, при большемъ количествѣ суммы сбора за ученіе, отчисляется на параллельныя отдѣленія самая незначительная часть, или даже ничего не отчисляется, по другимъ же, при меньшемъ количествѣ сбора за ученіе, отдѣляется на параллельныя отдѣленія столько же, сколько назначается и изъ государственнаго казначейства. 2) Многія учебныя заведенія показывают по специальной смѣтѣ доходомъ и расходомъ цифры сбора за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ и платы за ученіе далеко ниже дѣйствительнаго поступленія этихъ сборовъ за послѣдніе три года, и наконецъ, 3) нѣкоторыя учебныя заведенія вовсе не показываютъ въ помянутой смѣтѣ капиталовъ и ежегодныхъ взносовъ, пожертвованныхъ разными лицами на содержаніе изъ процентовъ съ оныхъ воспитанниковъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе сего департаментъ государственной экономіи, въ журналѣ отъ 7-го и 25-го ноября 1870 года, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія въ 31-й день декабря того же года, постановилъ: «предоставить министру народнаго просвѣщенія: а) вмѣнить попечителямъ учебныхъ округовъ въ обязанность увеличить

съ 1871 года отпускъ изъ специальныхъ средствъ среднихъ учебныхъ заведеній суммъ на содержаніе при оныхъ параллельныхъ отдѣленій, въ мѣрѣ, соответствующей примѣчанію въ § 49 Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 года устава гимназій и прогимназій; б) принять мѣры въ тому, чтобы смѣтная исчисленія доходовъ отъ поступающихъ въ специальныя средства министерства сборовъ за содержаніе воспитанниковъ и слушаніе лекцій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ составлялись на будущее время по ближайшемъ соображеніи дѣлаемыхъ о нихъ разчетовъ съ дѣйствительными поступленіями сихъ видовъ доходовъ въ ближайшее въ составляемой смѣтѣ трехлѣтіе, и затѣмъ, излагать въ самихъ смѣтахъ специальныхъ средствъ, или въ особыхъ къ онымъ приложенияхъ, цифры сихъ поступленій отдѣльно по каждому изъ означеннаго трехлѣтія году, и в) при составленіи на будущее время смѣты специальныхъ средствъ, показывать по IV отдѣлу оныхъ обороты тѣхъ капиталовъ, которые пожертвованы въ разное время на содержаніе учебныхъ заведеній и на воспитаніе юношества, но нынѣ не заносятся въ смѣты».

Въ исполненіе этихъ постановленій и принимая въ соображеніе, что вышеизложенное, столь несоразмѣрное съ ежегоднымъ увеличеніемъ специальныхъ средствъ по учебнымъ заведеніямъ отчисленіе суммъ на содержаніе при нихъ параллельныхъ отдѣленій, подаетъ поводъ государственному контролю указывать ежегодно министерству народнаго просвѣщенія на отступленіе отъ точнаго смысла вышеприведеннаго примѣчанія къ § 49 устава гимназій и прогимназій, а департаменту государственной экономіи требовать, вслѣдствіе сего, значительнаго сокращенія отпускаемаго на сей предметъ кредита изъ государственнаго казначейства, — г. министръ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь просить гг. попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе, 1) чтобы всѣ среднія учебныя заведенія, въ коихъ есть параллельныя отдѣленія, въ особенности же тѣ, на параллельныя отдѣленія которыхъ назначается сумма изъ 100.000 рублей, ассигнуемыхъ изъ государственнаго казначейства, при со-

ставленія росписаній о доходахъ и расходахъ специальныхъ средствъ на 1872 и послѣдующіе годы, увеличивали постепенно отчисленіе на помянутыя отдѣленія суммы изъ сбора за ученіе соразмѣрно ежегодному увеличенію этого дохода противъ прежнихъ лѣтъ и пропорціонально количеству сказаннаго дохода по каждому учебному заведенію и соотвѣтственно сему увеличенію уменьшали бы расходы на параллельныя отдѣленія изъ государственнаго казначейства, при чемъ обозначали бы въ росписаніяхъ число всѣхъ параллельныхъ классовъ, существующихъ въ каждомъ учебномъ заведеніи и стоимость содержанія ихъ; 2) чтобы всѣ учебныя заведенія показывали въ помянутыхъ росписаніяхъ суммы за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ и сбора за ученіе по выводу этихъ доходовъ изъ сложности *дѣйствительнаго* поступления оныхъ за послѣдніе три года, при чемъ излагали бы въ самыхъ росписаніяхъ цифры сихъ поступленій отдѣльно по каждому изъ означеннаго трехлѣтія году, и 3) вносили бы въ связанныя росписанія всѣ пожертвованныя разными благотворителями капиталы и ежегодныя взносы съ подробнымъ обозначеніемъ какъ цифры капиталовъ и документовъ, въ коихъ они заключаются, такъ и количества процентовъ, съ нихъ причитающихся, и предметовъ расхода, на кои предназначено жертвовать употребленіе этихъ процентовъ.

16. (19-го февраля 1871 года). *О точнѣйшемъ соблюденіи § 49 уст. гимн. и прогимн. относительно комплекта учениковъ въ каждомъ классѣ.*

По § 49 Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 г. устава гимназій и прогимназій положено имѣть по возможности не болѣе 40 учениковъ въ каждомъ классѣ, при чемъ начальству гимназій, въ случаѣ превышенія таковой нормы въ какомъ-либо классѣ, предоставлено право ходатайствовать о раздѣленіи класса на параллельныя отдѣленія.

Между тѣмъ изъ имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣній оказывается, что означенное, вполнѣ основа-

тельное постановленіе устава нерѣдко остается безъ исполненія. Обзорѣвъ въ продолженіе почти пятилѣтняго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія пять учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія лично убѣдился, что во многихъ гимназіяхъ классы чрезмѣрно переполнены учениками, такъ что въ нѣкоторыхъ классахъ число учениковъ болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ норму, опредѣленную для сего уставомъ, и классы эти не имѣютъ параллельныхъ.

При такомъ переполненіи низшихъ классовъ гимназій преподаватель поставленъ въ рѣшительную невозможность слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за успѣхами учениковъ и не можетъ переспрашивать всѣхъ дѣтей, какъ это необходимо въ дѣтскомъ возрастѣ, а все это должно имѣть неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе уровня успѣшности цѣлаго класса. Кромѣ того чрезмѣрное скопленіе дѣтей въ одной комнатѣ не должно быть терпимо и въ гигиеническомъ отношеніи.

Въ виду сего г. министръ народнаго просвѣщенія считаетъ долгомъ обратить вниманіе гг. попечителей учебныхъ округовъ на вышеизложенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, покорнѣйше просить сдѣлать распоряженіе, чтобы начальства гимназій ввѣренныхъ имъ округовъ принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ ограниченію числа учениковъ въ классахъ нормою, опредѣленною для сего уставомъ, и въ случаѣ надобности непремѣнно входили при возможности съ представленіями объ открытіи параллельныхъ классовъ, на каковой предметъ по преимуществу долженъ быть обращаемъ сборъ за ученіе.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го января 1871 года (№ 1). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Березинъ* — деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, съ 7-го декабря

1870 года; ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пахманъ* — деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 21-го декабря 1870 года; ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета, статскіе совѣтники: *Бетхеръ* и *Гревингъ* — деканами сего университета: Бетхеръ — медицинскаго факультета и Гревингъ — физико-математическаго факультета, на три года, съ 1-го января 1871 года; экстраординарный профессор Императорскаго Казанскаго университета, докторъ полицейскаго права *Степановъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ полицейскаго права, съ 24-го октября 1870 года; экстраординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ еврейской словесности, статскій совѣтникъ *Хвольсонъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ еврейской словесности, съ 21-го декабря 1870 года; доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ химіи, надворный совѣтникъ *Зайцевъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 7-го ноября 1870 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ армянской словесности, статскій совѣтникъ *Паткановъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ армянской словесности, съ 21-го декабря 1870 года. *Оставляются на службѣ на пять лѣтъ*: профессоръ православнаго богословія въ Императорскомъ университетѣ св. Владимира, протоіерей *Фаворовъ*, съ 24-го сентября 1870 года; инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, надворный совѣтникъ *Середа* — съ 5-го октября 1870 года; ординарный профессор Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бунге*, съ 31-го октября 1870 года; ординарный профессор Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Соловьевъ*, съ 28-го ноября 1870 года, съ утвержденіемъ съ того же числа въ званіи заслуженнаго профессора; заслуженный профессор Императорскаго Московскаго универ-

ситета, тайный совѣтникъ *Баршевъ*, съ 31-го декабря 1870 года. *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія*: инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, коллежскій секретарь *Юзефовичъ* — съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ настоящей должности, и съ откомандированіемъ его въ распоряженіе начальства Московскаго учебнаго округа. *Переводится на службу по министерству народнаго просвѣщенія*: штатный преподаватель Московской первой военной гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Блалескій* — съ откомандированіемъ въ распоряженіе генераль-губернатора великаго княжества Финляндскаго, съ 21-го ноября 1870 года. *Продолжается срокъ командировки въ С.-Петербургъ*: исправляющему должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета *Павинскому* по 12-е февраля 1871 года. *Увольняются въ отпускъ за границу*: учитель Кишиневской гимназіи *Мейеръ* — на двѣ недѣли, сверхштатный воспитатель при пансіонѣ третьей С.-Петербургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Фрейтагъ*, и доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, надворный совѣтникъ *Неметти* — на двадцать восемь дней. *Увольняется*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Горловъ*, согласно прошенію, отъ должности декана юридическаго факультета сего университета, съ 16-го декабря 1870 года. *Исключается изъ списковъ умершій*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Кауфманъ*.

30-го января 1871 года (№ 2). *Утверждаются*: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ *Срезневскій* — членомъ Археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 28-го декабря 1870 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Кремлевъ* — проректоромъ сего университета на три года, съ 29-го декабря 1870 года; частный преподаватель Лейпцигскаго университета, докторъ философіи сего университета *Мюлау* — экстраординарнымъ профессоромъ импе-

РАТОРСКАГО Дерптскаго университета по кафедрѣ экзегетическаго богословія, съ 19-го декабря 1870 года. *Оставляется на службу на пять лѣтъ:* директоръ училищъ Казанской губерніи, статскій совѣтникъ *Ишеникъ* — съ 18-го января 1871 года. *Увольняются въ отпускъ за границу:* директоръ VI Варшавской гимназіи *Бекманъ* — на двадцать восемь дней; почетный смотритель Епифанскаго уѣзднаго училища *Обросимовъ* — на четыре мѣсяца по болѣзни. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: за отлично-усердную службу:* по Московскому учебному округу: учителямъ Московскихъ гимназій: первой — состоящему въ VIII классѣ *Любимову*, четвертой — коллежскому совѣтнику *Кейзеру* и коллежскому ассесору *Чукаеву*, пятой — коллежскому совѣтнику *Томсону*, надворному совѣтнику *Будде* и состоящему въ VIII классѣ *Станишеву*; надзирателю за воспитанниками пансіона первой Московской гимназіи, губернскому секретарю *Павлову*, исправляющему должность писмоводителя сей гимназіи, коллежскому секретарю *Попову*, исправляющему должность воспитателя Московской четвертой гимназіи, состоящему въ VIII классѣ *Нибергу*, надзирателю за проходящими учениками Московской пятой гимназіи, коллежскому секретарю *Болотникову*, и врачамъ: при больницѣ пансіона Тульской гимназіи, коллежскому совѣтнику *Виганду*, и при Романово-Борисоглѣбскихъ училищахъ — надворному совѣтнику *Цытасеву*; по Казанскому учебному округу: учителямъ гимназій: Самарской — *Невскому* и Уфимской — *Третьякову* и штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Пермскаго — *Коробову*, Алатырскаго — *Иванову*, Бирскаго — *Никитину* и Уржумскаго — *Андрееву*; за пожертвованія и вообще за усердіе къ пользамъ народнаго образованія: почетному блюстителю Рязанской духовной семинаріи, почетному гражданину *Антонову*. *Исключается изъ списковъ умершій:* исправлявшій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Навроцкій*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Составленныя дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Никитою Ивановичемъ *Зуевымъ* карты: а) «Европы» и б) «Азіатской Россіи или Сибири» — рекомендовать: первую — для употребленія въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ имѣются пансіоны; а вторую — для употребленія вообще въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается географія.

2) Книгу подъ заглавіемъ: «Сборникъ ариѳметическихъ задачъ». Учебное пособіе при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *В. Волесъ*. (С.-Пб., 1870 года) — одобрить для употребленія, при практическихъ упражненіяхъ въ задачахъ, въ тѣхъ классахъ гимназій, въ которыхъ ариѳметика завѣнчивается (3-й классъ), и гдѣ она повторяется (7-й классъ).

3) Книгу подъ заглавіемъ: «Искусство и жизнь». Критическія сочиненія Николая *Соловьева*. Изданіе С. П. Анненкова. 3 части. (Москва, 1869 года) — одобрить для приобрѣтенія въ бібліотеки гимназій съ тою цѣлю, чтобы она была рекомендуема для чтенія воспитанникамъ высшихъ классовъ.

4) Книгу подъ заглавіемъ: «Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ *Поливановъ*, преподаватель 4-й Московской гимназіи. (Москва, 1870 года) — рекомендовать для употребленія въ низшихъ классахъ гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ видѣ учебнаго пособія.

5) Книгу подъ заглавіемъ: «Рѣчь Марка Туллія Цицерона въ защиту Секста Росція Америкскаго», переводъ И. Ростовцева — рекомендовать классическимъ гимназіямъ, какъ полезное пособіе при изученіи сравнительной стилистики русскаго и латинскаго языковъ.

6) Книгу подъ заглавіемъ: «Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ». Съ объясненіями Августа *Гобмана*, преподавателя 3-й С.-Петербургской гимназій. (С.-Пб., 1864 года) — одобрить для употребленія въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособия, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги были устранены встрѣчающіяся въ ней погрѣшности противъ русскаго языка.

7) Книгу подъ заглавіемъ: «Приготовительный курсъ всеобщей географіи» для низшихъ учебныхъ заведеній и перваго класса гимназій. Составилъ *М. Ф. Замекофъ*. Третье, исправленное и дополненное изданіе. (Варшава, 1870 года) — рекомендовать для употребленія въ видѣ руководства въ первомъ классѣ гимназій и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края.

8) Книгу подъ заглавіемъ: «Руководство къ изученію французскаго языка, для всѣхъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія». Составилъ по генетическому методу *В. А. Сильманъ*, учитель Кіевской 2-й гимназій и Фундуклеевской женской гимназій. Изданіе 2-е, вновь переделанное. Три части. (Кіевъ, 1869 года (ч. 1 и 2) и 1870 (ч. 3) — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій.

Официальные извѣщенія.

I.

На разсмотрѣніе учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, препровождена была, вслѣдствіе просьбы автора о введеніи въ употребленіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, книга, подъ заглавіемъ: «Собесѣдованія о молитвѣ Господней. Опытъ преподаванія закона Божія въ низшихъ классахъ гимназій, въ уѣздныхъ, приходскихъ и сельскихъ училищахъ, составленный по вопросительной методѣ Дин-

тера, бывшимъ инспекторомъ и профессоромъ Ярославской семинаріи *Васильемъ Орловымъ*. Ярославль, 1869».

Комитетъ, рассмотрѣвъ эту книгу, нашель, что она не можетъ быть принята въ употребленіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ качествѣ пособія для наставниковъ, при объясненіи по православному катихизису молитвы Господней, по несоотвѣтственности ея предполагаемому назначенію. Святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ отъ 23-го октября 1870 года, утвердивъ такое заключеніе комитета, тѣмъ же, однако же, признавъ, что вышеупомянутая книга Орлова можетъ быть съ пользою употребляема, какъ предметъ для чтенія между воспитанниками вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній.

II.

Въ майской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1870 годъ, въ числѣ опредѣленій ученаго комитета сего министерства о книгахъ, рекомендованныхъ въ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, напечатано (Правит. распоряженія, стр. 49, п. 7) опредѣленіе комитета о книгѣ, подъ заглавіемъ: «Иркутскъ и Иркутская губернія съ очеркомъ прочихъ губерній и областей Сибири», составленной инспекторомъ Иркутской реальной прогимназіи *Милютинымъ*.

Согласно съ мнѣніемъ ученаго комитета, признавашаго трудъ этотъ заслуживающимъ поощренія, министерство относилось къ г. генераль-губернатору Восточной Сибири съ просьбою объ увѣдомленіи: какого именно поощренія онъ признавалъ бы наиболѣе заслуживающимъ автора означеннаго труда.

Изъ доставленныхъ главнымъ управленіемъ Восточной Сибири свѣдѣній оказалось, что г. Милютинъ только доставилъ эту книгу на предварительное рассмотрѣніе; составлена же она не имъ, а инспекторомъ Иркутской военной прогимназіи *Михаиломъ Заоскинымъ*.

ОБРАЗОВАНИЕ И ГРАМОТНОСТЬ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Христіанская вѣра сдѣлалась и источникомъ нашего образованія, источникомъ единственнымъ, въ противоположность съ западными народами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили себѣ въ наслѣдство, еще прежде ея введенія, греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее. Они пропитались этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой особый характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго римскаго католичества отъ греческаго, и еще болѣе отъ русскаго православія.

Второе отличіе въ образованіи русскаго народа отъ западныхъ народовъ состоитъ въ томъ, что мы получили съ самаго начала Священное Писаніе и все богослуженіе на родномъ, понятномъ языкѣ. Священное Писаніе и богослуженіе на родномъ, понятномъ языкѣ — вотъ что было краеугольнымъ камнемъ нашего образованія. Еще современникъ св. Θεодосія, мнихъ Іаковъ, глубокомысленно замѣтилъ: „Пріяна. святое крещеніе, *готово имуще святое писаніе*, и книги переведены съ греческаго языка на русскій“. Вотъ великое благодѣяніе, которое Богу угодно было ниспослать Россіи при самомъ началѣ ея исторіи, и которое сторицею вознаграждаетъ другія наши незыгоды, неудобства или недостатки.

Безсмертные славянскіе первоучители, Кирилль и Меѳодій, и ихъ преемники, обогатили славянскій языкъ сокровищами Слова Божія. Всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта *исполнь* были переведены ими. Изчислимъ прочіе труды, слѣдуя преосвященному Филарету.

Константинъ, въ монашествѣ Кирилль (827—869 гг.), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, перевелъ сначала избранныя мѣста изъ Евангелія (или такъ-называемое Евангеліе *апракосъ*, расположенное по церковнымъ праздникамъ, начиная съ Пасхи) и Апостола, потомъ всѣ книги, необходимыя для церковнаго богослуженія: Псалтирь. Слѣ-

жебникъ, Требникъ, Часословъ, Огтоихъ или Осмогласникъ, Минею общую, содержащую въ себѣ возслѣдованія праздникамъ Богородицы, Предтечи, и общія цѣлымъ чинамъ святыхъ, Паремейникъ, или собраніе чтеній пзъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и наконецъ, Уставъ или Общій чинъ православнаго богослуженія. Кирилу же приписываютъ: дошедшее до насъ Написаніе о правѣ вѣрѣ, въ которомъ онъ, согласно съ православною церковію, исповѣдуетъ ученіе о Пресвятой Троицѣ, также догматы о воплощеніи Сына Божія и иконопочитаніи; слово о злыхъ дусѣхъ, съ именемъ св. Кирилла, обращенное къ Славянамъ - язычникамъ и нападающее на ихъ суевѣрія, сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, составленное очевидцемъ, и молитву о покаяніи, исходѣ души и за всѣхъ христіанъ.

„Осмь частей граматикія переложи“ съ еврейскаго на греческій языкъ, свидѣтельствуешь о Кириллѣ, біографъ его святой Климентъ. Этотъ переводъ книгъ не извѣстенъ, какъ и сочиненіе Кирилла — Споръ съ раввинами, переведенное св. Меодіемъ на славянскій языкъ.

Св. Меодій († 885 г.) участвовалъ съ младшимъ братомъ своимъ въ переводѣ чтеній изъ Евангелія съ Апостоломъ, Псалтири и книгъ богослужебныхъ, а по смерти брата перевелъ шестьдесятъ уставныхъ, или каноническихъ книгъ Св. Писанія, вромѣ Маккавеевъ. До насъ, къ сожалѣнію, не дошло вполне великое дѣло Меодіево. Біографъ Меодія приписываетъ ему же переводъ Помоканона, древнѣйшаго собранія церковныхъ законовъ, и отеческихъ книгъ, содержащихъ въ себѣ житія святыхъ вселенской церкви ¹⁾).

Первоначальный переводъ Библии былъ сдѣланъ съ списковъ церкви Константинопольской, которые, какъ извѣстно, отличались отъ текста библейскихъ списковъ, распространенныхъ въ церкви западной и въ Александрію ²⁾).

Разнообразныя чтенія въ дошедшихъ спискахъ служатъ доказательствомъ, что переводы священныхъ книгъ у насъ издревле разсматривались, изучались и исправлялись по подлинникамъ. Слѣдовательно, у насъ уже были люди, способные къ такому дѣлу ³⁾.

¹⁾ Зіновій мовлахъ, ученикъ Максима Грека, въ 52-мъ словѣ своемъ на ересь Осодосія Косаго пишетъ: «Видѣхъ въ правилѣхъ древняго перевода книги; преписанія же быша при Ярославѣ князѣ, Владимировѣ сынѣ, и при епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли».

²⁾ См. въ *Православномъ Обзорннѣ* 1869 г. статью г. Сольскаго.

³⁾ Эти разнорѣчія служатъ живымъ упрекомъ послѣдующимъ такъ-называемымъ старо-, или лучше, нововѣрамъ, которые возмущались исправленіями па-

Преемниками св. Кирилла и Меѳодія были:

Св. Климентъ, ученикъ Кирилла и Меѳодія, епископъ Величскій, въ землѣ Драговичей и Сакулаторъ, родомъ Болгаринъ, скончавшійся въ 916 году, по словамъ біографа, ученика его, писалъ „языкомъ простымъ и яснымъ“ поученія, похвальныя слова Богоматери „на всѣ Ея торжественныя дни“ и похвалы Крестителю, также житія святыхъ, и перевелъ Цвѣтную Тріодь. До нынѣ отысканы у насъ по рукописямъ слѣдующія сочиненія св. Климента епископа: поученія на воскресный день, на день апостола или мученика, на день святаго, на Преображеніе Господне, похвальныя слова на Успеніе Богоматери, Іоанну Крестителю, на день св. Захаріи, отца Крестителя, св. Лазарю, великому Димитрію, Архистратигамъ, св. Клименту папѣ Римскому, св. Кириллу Славянскому, „славнымъ учителямъ Славянъ, переложившимъ Новый и Ветхій законъ на славянскій языкъ, блаженному Кириллу и Меѳодію“; два житія — одно св. Кирилла, перваго учителя славянскаго, другое св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго.

Симеонъ, первый царь Болгарскій, „книголюбецъ“, знаменитый покровитель просвѣщенія († 927 г.). Онъ составилъ выборъ изъ словъ Златоустаго (136) на славянскомъ языкѣ, назвавъ его Златоустремъ.

Іоаннъ, эзархъ Болгарскій, или иначе, „строитель церковный Болгарскія земли“ при князѣ Симеонѣ. Онъ составилъ Шестодневъ изъ сочиненій Василія Великаго, Северіана Гевальскаго и Іоанна Златоустаго, съ прибавленіемъ своихъ размышленій о созданіи міра; перевелъ Богословіе Дамаскина, или книгу Небеса, его же Діалектику и Грамматику. Послѣднюю переводилъ онъ такъ, что не только объяснялъ правила славянскими примѣрами, но и самыя правила иногда измѣнялъ по духу славянскаго языка. Онъ же, безъ сомнѣнія, перевелъ мелкія статьи Дамаскина. Извѣстны четыре слова Іоанна эзарка.

Константинъ, епископъ Болгарскій, одинъ изъ учениковъ св. Меѳодія и сотрудникъ эзарка. Онъ составилъ недѣльныя поученія, выбравъ ихъ изъ Златоуста (37 словъ) и Исидора Пелусіота (5 словъ), съ прибавленіемъ своихъ вступленій и заключеній, при чемъ помѣстилъ одно свое слово; преложилъ четыре слова св. Аѳанасія противъ аріанъ; „ученикъ сынъ Меѳодіевъ архіепископа Моравскаго“, по свидѣтельству черноризца Тудора, списывавшаго книги Аѳанасія въ 907 году. Тому же переводчику Аѳанасіевыхъ трудовъ должно приписать

тріарха Никона, какъ будто дѣломъ необыкновеннымъ, между тѣмъ какъ оно издревле имѣло мѣсто въ нашей церкви.

переводъ Аѳанасіевой жизни, св. Антонія и св. Панкратія: „Не собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли“. Наконецъ, едва-ли не тому же трудолюбивому пастырю и ревнителю къ званію народнаго наставника принадлежит и переводъ оглашеній св. Кирилла.

Григорій, „пресвитеръ и мнихъ, всѣхъ церковникъ Болгарскихъ деревей“, то-есть, старшій іеромонахъ и судья, „повелѣніемъ книголюбца князя Семіона, истинѣ же рещи боголюбца“, перевелъ хронику Іоанна Малалы, дополнилъ ее событіями церковно-библейской исторіи, помѣстилъ въ ней исторію Александра Македонскаго, вставку изъ Флавія и проч.

Черноризецъ Храбръ оставилъ извѣстіе „о писменехъ“ или о славянской азбуцѣ Кирилла и Меѳодія. Онъ пишетъ: „Святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тѣ письма сѣтвори и книги преложи, и Меѳодій братъ его. Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ“. Слѣдовательно, Храбръ былъ ихъ современникомъ.

Козма, пресвитеръ Болгарскій, написалъ книгу „на новоявившуюся ересь Богомиловъ“.

Нѣкоторые митрополиты, пріѣзжавшіе изъ Греціи, были люди ученые и любознательные; они привозили съ собою книги, имѣли, по необходимости, переводчиковъ и старались о распространеніи образованія между своею паствою, напримѣръ, Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ и проч. Вѣроятно, были между ними Болгары (напримѣръ, Іоаннъ II)¹⁾, которые были еще полезнѣе въ этомъ отношеніи для Руси; они были знакомы съ твореніями греческихъ отцевъ, непрерывно переводившимися въ Болгаріи. Посредствомъ ихъ всѣ труды славянскихъ первоучителей и ихъ преемниковъ дошли къ намъ очень рано, распространялись въ народѣ и были продолжаемы.

Связь Руси съ Греціей и Болгаріей поддерживалась путешествіями

¹⁾ Этому митрополиту Іоанна считаютъ Грекомъ. Но какимъ образомъ о Грекѣ могъ бы Несторъ такъ отозваться подъ 1089 г.: «Бысть Іоаннъ мужъ хитръ книгами и ученью, милостивъ, ... рѣчьестъ же, книгами святыми утѣшалъ печальныя... Могъ ли Грекъ прославиться своимъ краснорѣчіемъ между Русскими, не зная русскаго языка? Прибавимъ, что правило митрополита Іоанна мы имѣемъ только на русскомъ языкѣ. Болгаринъ могъ знать греческій и русскій языки въ одинаковой степени. Мы считаемъ митрополита Іоанна II Болгариномъ.

русскихъ людей ко святымъ мѣстамъ и на Аѳонъ, котораго слава тогда начиналась, со времени основанія великой Лавры преподобнымъ Ана-насіемъ (въ 961 году). Эти путешествія начались уже рано: новые христіане, умиленные ученіемъ Спасителя, горѣли желаніемъ видѣть мѣста, гдѣ Онъ родился, училъ, творилъ чудеса, пострадалъ и принялъ крестную смерть, искупая грѣхи человѣческіе. Не смотря ни на какія препятствія и затрудненія, они стремились туда во множествѣ, получали тамъ благія впечатлѣнія, знакомились съ жизнью другихъ народовъ, преимущественно со Славянами, умножали свои свѣдѣнія и приносили ихъ въ отечество.

Первое извѣстіе о русскомъ путешественникѣ на Аѳонъ есть извѣ-стіе о преподобномъ Антоніѣ, которому Аѳонъ подалъ мысль объ учрежденіи монастыря на Руси.

Въ житіи св. Θεодосія упоминаются странники, возвращавшіеся изъ Палестины, которые разказами своими о чудесахъ, тамъ видѣ-нныхъ, возбудили въ немъ святой огонь.

Св. Ефрему Печерскій игумень св. Θεодосій поручалъ достать въ Константинополь Студійскій уставъ для своей обители.

Св. Варлаамъ (около 1060 года) ходилъ въ Иерусалимъ и потомъ въ другой разъ въ Константинополь, гдѣ купилъ нужныя для своего монастыря вещи.

Игумень Даниилъ обошелъ (около 1115 года) всѣ святныя мѣста и оставилъ ихъ описаніе, которое, разумѣется, содѣйствовало въ свое время къ возбужденію у читателей желанія послѣдовать его примѣру. Онъ встрѣтилъ тамъ уже многихъ своихъ соотечественниковъ: „Мнѣ же худому Богъ послухъ есть, святой Гробъ Господень и вся дружина, Рустинъ сынове, приключившійсь въ тотъ день Новгородстѣи, Кіане: Изяславъ Ивановичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича два, и ннѣи мнози“.

Назовемъ еще Янку, дочь великаго князя Всеволода, которая хо-дила въ Константинополь въ 1093 г. и привела оттуда митрополита Іоанна III, и Евфросинію, княжну Полоцкую, которая ходила ко свя-тымъ мѣстамъ около 1173 года.

Изъ вопросовъ Кирика видно, что число богомольцевъ Іерусалим-скихъ въ его время (около 1136 года) умножилось до такой степени, что духовному начальству нужно было останавливать ихъ.

Нѣкоторые Русскіе оставались на Аѳонѣ, гдѣ былъ предоставленъ имъ особый монастырь св. Пантелеймона, существовавшій несомнѣнно,

по крайней мѣрѣ, съ XII столѣтія; преданіе же относитъ его даже ко времени св. Владиміра ¹⁾).

Первые русскіе христіане, устремившіеся читать Священное Писаніе, не были довольны однимъ его текстомъ, искали для него толкованій, и на первыхъ порахъ, ужъ имѣли важнѣйшія сочиненія этого рода, которыя дошли до насъ въ значительномъ количествѣ списковъ, чѣмъ доказывается ихъ значительное распространеніе въ народѣ.

О толкованіяхъ пророчествъ мы имѣемъ подлинное свидѣтельство, что они были въ Новѣгородѣ уже въ первой половинѣ XI столѣтія (1046 г.); это видно изъ слѣдующей приниски, повторенной во всѣхъ новѣйшихъ спискахъ: „Слава Тебѣ, Господи, Царю небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловицѣ, князю Володимеру, Новѣгородѣ княжащю, сынови Ярославлю большему. Почахъ ѣ писати въ лѣто 6555, мѣсяца мая въ 14, а кончашъ того же лѣта, мѣсяца декабря въ 19, азъ пошъ Упирь Лихый. Тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се: велика бо чюдеса написаша намъ сии ярепрочи в сихъ книгахъ. Здравовъ же, княже, буди, въ вѣкъ живи“.

Толковныя Псалтири принадлежать также къ глубокой древности: извѣстенъ отрывокъ XI вѣка (сохранилось 16 листовъ: 14 въ Императорской публичной библиотекѣ, и 2 въ Академіи Наукъ).

Бесѣды (13) св. Григорія, папы Римскаго, (377 л.) остались въ спискѣ XI вѣка (въ Публичной библиотекѣ).

Изъ XII вѣка есть полный списокъ съ толкованіями св. Аванасія Александрійскаго, и такой же съ толкованіями Θεодорита (270 л., тамъ же).

Шестодневъ Іоанна, евзарха Болгарскаго, заключающій въ себѣ толкованіе важнѣйшей части пятикнижія Моисеева, повѣствованіе о сотвореніи міра, имѣемъ въ спискѣ XII вѣка.

Толкованія на всѣ четыре Евангелія Θεофилакта, архіепископа Болгарскаго, сдѣлались извѣстными вскорѣ по ихъ сочиненіи, въ XII вѣкѣ.

Изъ первой четверти XIII вѣка (1220 года) дошелъ до насъ толковный Апостолъ (240 л. въ Синодальной библиотекѣ).

Были извѣстны даже и нѣкоторыя книги апокрифическія, напримѣръ, хожденіе Богородицы по мукамъ.

¹⁾ Стефанъ Новогородецъ (около 1350 г.) нашелъ въ Студійскомъ монастырѣ Новогородецкѣ Івана и Добрилу, которые жили тамъ, «списавши отъ книгъ Святаго Писанія, зане убо искусни были зѣло книжному списавію». Вѣроятно, и прежде были тамъ такіе списатели.

Кромѣ этихъ толкованій были у насъ въ обращеніи сочиненія отцевъ церкви: Василія Великаго (правила, слова), Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Кирилла Александрійскаго, Анастасія Синаита, Мееодія Тирскаго, Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго. Особенно предки наши любили Златоуста.

Преподобный Феодосій, если самъ не поучалъ братію въ церкви, то поручалъ великому Никону или Стефану домашнику „отъ книгъ почитающе, поученіе творити братіи“. Въ числѣ сихъ книгъ были, безъ сомнѣнія, огласительныя поученія монахамъ преподобнаго Феодора Студита, котораго уставъ былъ правиломъ въ Печерской общинѣ.

Черноризецъ Іаковъ упоминаетъ о книгахъ св. Іоанна Дамаскина, рекомыхъ Увѣріе, то-есть, о православной вѣрѣ, переведенныхъ въ X вѣкѣ Іоанномъ акзаркомъ (сохранились въ спискѣ XII вѣка).

Напомнимъ о сборникахъ великаго князя Святослава Ярославича. Первый изъ нихъ 1073 года („написа дьякъ Іоаннъ“). Сборникъ составленъ Грекомъ и потомъ переведенъ на славянскій языкъ для Болгарскаго князя Симѳона. Въ немъ заключаются разныя разсужденія богословскаго, правоучительнаго, философскаго и частію церковно-историческаго содержанія, извлеченныя изъ твореній Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и другихъ. Большую часть книги занимаютъ Анастасіевы отвѣты съ приложениями (въ Синодальной библіотекѣ). Второй сборникъ 1076 года („кончашася книги сія рукою грѣшншаго Іоанна, избрано изъ многахъ книгъ князьскихъ“) по содержанию сходенъ отчасти съ сборникомъ 1703 года, но богатъ болѣе статьями правоучительнаго содержанія (хранится въ Публичной библіотекѣ).

Къ 1095 году относится Діоптра Филиппа Пустынника, написанная по гречески для Смоленскаго инока Каллиника и тогда же переведенная на славянскій языкъ (сохранилась въ спискѣ 1306 года, въ Чудовѣ монастырѣ).

Ранѣе 1100 года стали извѣстны на Руси Пандекты Антіоха.

Изъ XII столѣтія дошли до насъ еще слѣдующія сочиненія, по изчисленію академика Срезневскаго:

До 1119 года: Пчела, сборникъ извлеченій изъ Священнаго Писанія, отцевъ церкви и древнихъ греческихъ писателей.

До 1142 года: Слово о Халкидонскомъ соборѣ и епистолія ко Льву, папѣ Римскому, о божественности Іисуса Христа.

До 1200 года: Сборникъ воскресныхъ поученій, извлеченныхъ Кон-

стантиномъ, пресвитеромъ Болгарскимъ, изъ твореній св. Іоанна Златоуста (264 лл. въ Синодальной бібліотекѣ).

Златоуструй, собраніе учительныхъ словъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста (въ Публичной бібліотекѣ, 128 лл.).

Сборникъ поученій изъ произведеній Іоанна Златоуста, Василия Великаго, Ефрема Сирина, Исидора Пелусіота, Антиоха (въ Троицкой Лаврѣ).

1219 года: Житіе Нифонта (175 лл. въ Синодальной бібліотекѣ).

До 1240 года: Книги Бытѣйска, рекомыя Палѣя, обзорніе событій отъ сотворенія міра до христіанства и до погибели жидовства.

Были извѣстны и житія святыхъ, переведенныя, вѣроятно, съ греческаго языка.

Всѣ эти сочиненія были въ общемъ употребленіи, и у писателей того времени мы находимъ ссылки на нихъ безпрерывныя.

Св. Иларіонъ говорилъ: мы пишемъ не для не знающихъ, а для насыщающихся съ избыткомъ книжною мудростію. Въ его словѣ приводятся мѣста изъ Ветхаго Завѣта: изъ книгъ Бытія и Судей, изъ псалмовъ, пророковъ, Іисуса, сына Сирахова.

Св. Никита зналъ всѣ книги Ветхаго Завѣта наизусть: „бытіе, исходъ, левити, числа, судін, царства, и всѣ пророчества по чину и вся книги жидовскія“.

Іаковъ мнихъ упоминаетъ о житіи Чешскаго князя Вячеслава, которое читалъ св. Борисъ предъ кончиной, о страданіяхъ св. Ниниты и мученицы Варвары.

Преподобный Несторъ ссылается въ житіи св. Бориса и Глѣба на житія св. Плакиды и Романа Сладкопѣвца, въ житіи св. Феодосія на Патерикъ Скитскій, и дѣлаетъ намеки на житія великихъ подвижниковъ древней церкви: Антонія, Феодосія, Саввы, Евфимія; въ глгописи приводитъ мѣста изъ многихъ книгъ Священнаго Писанія, изъ слова Меодія Патарскаго.

Владиміру Мономаху извѣстны были сочиненія Василия Великаго.

Кирикъ domesticкъ ссылается на правила Тимофея Александрійскаго, Василия Великаго и Іоанна Постника.

Св. Симонъ ссылается на Лѣствицу Іоанна Лѣствичника, на творенія Ефрема Сирина.

Даніилъ Заточеникъ говоритъ: „Азь, бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ поучался, но былъ яко падаѣя чела

по различнымъ цвѣтамъ, и совокупляя, яко медвѣнный сотъ, такъ и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную“.

О Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ, въ Суздальской лѣтописи сказано, по поводу его посвященія (въ 1231 году): „Всѣ приходящая удивлеса, князи же и велможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, не токмо же простыца, но и попы и игумены и весь черноризьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ святую соборную церковь, ово *послушающе ученья его, еже отъ святыхъ книгъ*, ово же хотяще видѣти украшенья святыхъ церкви“.

Преподобный Авраамій Смоленскій любилъ читать отеческія писанія, и въ особенности Златоуста и Ефрема Сирина.

Книжное ученіе ставилось высоко и почиталось однимъ изъ главныхъ средствъ для спасенія души. Наши отцы учили согласно съ словомъ великаго первоучителя славянскаго, св. Кирилла, который сказалъ въ предисловіи къ переводу св. Евангелія (по одному сербскому списку): „Проглашь св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядеть собрать языки свѣтъ бо есть всему міру. Они сказали: слѣпые прозрять, глухіе услышать слово *буквеное* и Бога познають, какъ должно. И такъ, услыште Славяне всѣ: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, слышите, Славянскій народъ весь, слышите: слово отъ Бога пришло, слово, которое питаетъ души человѣческія, слово, которое крѣпитъ сердца и умы, слово, уготовляющее къ богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оумъ видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей Божія закона.... Душа безбуквенная мертва является въ *человѣкахъ*“.

Св. Θεодосій завѣщевалъ братіи читать книги и поручалъ это чтеніе своимъ приближеннымъ.

Приведемъ драгоценныя слова Нестора лѣтописателя о пользѣ ученія книжнаго: „Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки, напаяющы вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есми, си суть узда воздержанью.... Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей; иже бо книги часто чють, то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужи, почитая пророческія бе-

сѣды, и евангельская ученя, житія святыхъ отецъ, воспріимлетъ душа великую пользу“.

Въ Пчелѣ (1199 года), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, сказано о книгахъ: „Умъ безъ книгъ, ави птица опѣшена. Якожъ она взлетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится съвершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, его жъ лишився безумный, аки во тмѣ ходить и погибнетъ во вѣи“.

Св. Кириллъ Туровскій говоритъ: „Того ради молю вы: потщитесь *прилежно почитати* святя книги, да ся Божіихъ насытивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ значеніе стяжете.... Аще бо міра сего властели иже въ житейскихъ вещахъ труждаются, прилежно требуютъ *книжнаго почитанія*: кольми паче намъ подобаетъ учиться въ нихъ и всѣмъ сердцемъ взискати свѣдѣнія словесъ Божіихъ о спасенія душъ нашихъ писанныхъ“.

„Книги Священнаго Писанія сдѣлались“, по вѣрному замѣчанію одного писателя ¹⁾, „силою умственно и нравственно воссозидающею и возрождающею древле-русскій народъ. Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣрѣ люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло въ изученіи книгъ Священнаго Писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и правоучительныхъ. Вслѣдствіе того, въ устахъ современниковъ заслуживалъ особенной похвалы тотъ, кто изучалъ книги Священнаго Писанія и зналъ ихъ на память. Самое служеніе книжному дѣлу, списаніе и распространеніе священныхъ книгъ, считалось дѣломъ богоугоднымъ, святымъ, приличнымъ монашескому служенію и достойнымъ занятіемъ cadaго челоѣка, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенною любовію останавливаются на разказѣ о томъ, какъ князь, иноке и просвѣщенные іерархи трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ. Такое значеніе книги Священнаго Писанія имѣли въ дѣлѣ воспитанія и образованія древле-русскаго народа“.

Монастыри, бывъ училищами благочестія и основами духовной жизни, заключали въ себѣ и источники образованія. Монастырь Печерскій въ этомъ отношеніи занималъ первое мѣсто.

¹⁾ *Православное Обзорніе*, 1869 года: вѣсницъ октябрь, Статя г. Сольскаго.

Мы видѣли, что самъ преподобный Феодосій, оставившій нѣсколько поученій, былъ охотникомъ до книгъ: инокъ Иларіонъ, по свидѣтельству Нестора, день и ночь переписывалъ у него книги. Другъ его Никонъ переплеталъ ихъ иногда, между тѣмъ какъ Феодосій пѣлъ псалмы или пралъ волну. Умирая, онъ заповѣдывалъ братіи „бодру быти на пѣнье церковное и на преданія отеческія и *почитанья книжная*“.

Книги мастеровъ греческихъ, строившихъ и живописавшихъ церковь Печерскую, были цѣлы еще въ Симоново время. Точно то же говорится и о Святошинныхъ книгахъ. Святоша поручилъ какому-то Феодосію, знакомому съ Омировыми и риторскими рѣчами, *перевести* для него знаменитое сочиненіе папы Леонтія о божественности Іисуса Христа противъ ереси Евтихія.

У преподобнаго Григорія все богатство состояло во множествѣ книгъ.

Св. Никита зналъ почти наизусть весь Ветхій Заветъ.

Св. Даміанъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ, прилежно читая книги, и опять учащая молитву.

Іаковъ мнихъ, нареченный отъ св. Феодосія преемникомъ его, прославился своими сочиненіями.

Несторъ лѣтописатель прославился тѣмъ же еще богѣе.

Послѣ Нестора упомянемъ о грамотѣяхъ Печерскихъ, епископахъ Нифонтѣ и Симонѣ, черноризцѣ Поликарпѣ.

Изъ Печерскаго монастыря разносилось образованіе по областямъ русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась, такъ-сказать, новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназій, новая церковь народнымъ училищемъ. Вотъ почему строеніе церквей, учрежденіе монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописателями, должно занимать мѣсто и въ исторіи.

Въ богослужебныхъ книгахъ, въ томъ, что изъ нихъ пѣлось и читалось въ церкви, начиная съ „Господи помилуй“, было для народа много новаго, любопытнаго, назидательнаго, а языкъ ихъ былъ для него тогда гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ теперь. Епископы вездѣ должны были заводить училища, чтобъ имѣть достаточное число священнослужителей, не возможныхъ безъ грамоты, по примѣру св. Владиміра, который „понималъ у нарочитое чадѣ дѣти и дати нача на ученѣе книжное“, и Ярослава, который приказывалъ попамъ учить

людей и собралъ отъ пресвитеровъ и старость въ Новѣгородѣ дѣтей триста.

Въ житіи Θεодосіевомъ мы видѣли Курское училище: „Датися волѣ на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учителей... и вскоры извѣче вся граматкѣя, покореніе же и повиновеніе кто исповѣсть“.

Во Новѣгородѣ упоминается подъ 1026 годомъ Ефремъ, ученикъ епископа Іоакима, который „ны учаше“, говоритъ тамошній лѣтописецъ. „Сей, поучивъ люди лѣтъ 5, святительству же неподобиса“.

Въ житіи св. Авраамія Смоленскаго говорится, что когда онъ пришелъ въ возрастъ, родители его доста и книгамъ учить, и что онъ „не унываше, яко же прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извѣче, сему же на игры со инѣми не исхождаше“.

О преподобной Евфросиніи, княжнѣ Полоцкой, преданіе говоритъ: „Случижеса дѣвицѣ сей *учити быти* книжному писанію, еще не достигши ей въ совершенъ возрастъ“.

Многіе князья покровительствовали ученію, уважали книжную мудрость и любили бесѣдовать съ духовными лицами о спасеніи души, что въ особенности съ чувствомъ отмѣчается лѣтописателями. Назовемъ Святослава, который высоко чтилъ преподобнаго Θεодосіа, и для котораго написаны были два сборника 1073 и 1076 годовъ. Хотя послѣсловіе, въ коемъ говорится о его клѣткахъ, наполненныхъ книгами, есть переводъ съ послѣсловія, обращеннаго къ Болгарскому царю Симеону, однако оно, видно, могло быть прилагаемо хотя сколько-нибудь и къ Святославу.

Изъ князей назовемъ еще Всеволода, разумѣвшаго пять языковъ, Давида Святославича, Святошу, Мономаха, Андрея Боголюбскаго, который „божественному ученію зѣло прилежаше“, Ростислава Мстиславича, Константина Всеволодовича, Янку, дочь великаго князя Всеволода Ярославича, Евфросинію Полоцкую, Марію, супругу великаго князя Всеволода Суздальскаго, и Верхуславу, дочь его.

Вслѣдствіе всѣхъ сихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, духовное и нравственное образованіе стало на высокую степень, и мы имѣемъ изъ этого періода (1054—1240 гг.) множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ и епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ

и простолюдинамъ, — о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, произведеній, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ лѣтописи, сказанія, законы, церковныя уставы, грамоты княжескія, монашескія, мирныя, торговые договоры, поучительныя слова, разсужденія, житія, посланія, описанія странствій, вопросы и отвѣты о церковныхъ предметахъ, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобіографію. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной словесности и свѣтскія произведенія: былины, пѣсни, пословицы, поговорки, Слово о полку Игоревѣ, Слово Данила Заточеника.

Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, и за которое нельзя довольно благодарить судьбу. Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ — вѣрно, живо и обстоятельно.

Начнемъ съ обзорѣнія духовныхъ сочиненій.

Поучительныя слова:

Поученіе архіепископа Новгородскаго Луки Жидята (1036 — 1058 гт.) къ братіи.

Слово Иларіона, перваго изъ Русскихъ митрополита Кіевскаго.

Слова Θεодосія, игумена Печерскаго, послѣ многихъ разнорѣчій, догадокъ, сомнѣній и вопросовъ, поступаютъ, наконецъ, въ число источниковъ нашей исторіи, какъ памятники языка и образа мыслей.

Слова Кирилла, Туровскаго епископа, современника великому князю Андрею Боголюбскому, драгоценныя по своимъ мыслямъ, языку и краснорѣчію.

Разсужденія:

Иларіона, митрополита Кіевскаго (посвященнаго въ 1051 году), о законѣ, Мойсеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ, Иисусъ Христомъ бывшимъ, къ которому присовокуплена похвала (похвальное слово) „кагану нашему Владимиру, отъ него же крещены быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля наша“.

Разсужденія Кирилла Туровскаго, подъ заглавіемъ притчей, сказаній и повѣстей, помѣщенныя при его словахъ, напримѣръ, о душѣ и тѣлѣ, о преступленіи Божіихъ заповѣдей, о премудрости и проч.

Молитвы:

Митрополита Иларіона.

Кирилла Туровскаго.

Вопросы и ответы:

Іоанна, митрополита Русскаго (1080—1089 гг.), нареченнаго про-рокомъ Христа, написавшаго „Правило отъ святыхъ книгъ вѣратцѣ, Іакову черноризцю“.

Вопросы черноризца Кирика Новгородскому епископу Нифонту съ отвѣтами послѣдняго о разныхъ недоумѣніяхъ, встрѣчавшихся при богослуженіи (1136 г.). Въ этихъ вопросахъ и отвѣтахъ заключаются любопытныя извѣстія о многихъ обычаяхъ, остаткахъ язычества и признакахъ суевѣрія, вообще о духѣ времени и о личности совопросниковъ.

Житія:

Лѣтописателя Нестора — житіе св. князей Бориса и Глѣба.

Его же — житіе игумена Печерскаго Θεодосія.

Важнѣйшія сочиненія, особенно послѣднее, даже въ литературномъ отношеніи, не только въ историческомъ, представляющее черты древней жизни во всѣхъ почти ея проявленіяхъ, съ драгоцѣнными подробностями о великихъ князьяхъ Ізяславѣ и Святославѣ, о св. Антоніѣ и о многихъ ихъ современникахъ, также объ иконахъ Печерскихъ.

Мѣнха Іакова — житіе великаго князя Владиміра.

Его же — житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Оба эти сочиненія заключаютъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій, коихъ нѣтъ у Нестора, и также нѣсколько разнорѣчій.

Многія житія пропали; изъ нихъ особенно жаль житія Антонія Печерскаго, о которомъ упоминаютъ часто и Несторъ, и Симонъ. Нельзя иначе объяснить себѣ эту удивительную утрату, при такомъ множествѣ рукописныхъ патериковъ, любимаго чтенія въ древности, какъ предположеніемъ, что всѣ патерики происходятъ изъ одного источника, то-есть, изъ одной рукописи, принесенной съ юга на сѣверъ и не заключавшей по какой-нибудь случайной причинѣ житія Антоніева. Но какъ не сохранилось оно на югѣ? Развѣ вслѣдствіе совершеннаго опустошенія татарскаго.

Были древнія житія святыхъ Леонтія и Исаія Ростовскихъ, Ефрема Новоторжскаго, Авраамія Смоленскаго, князя Константина Муромскаго, Антонія Римлянина, Варлаама Хутынскаго, Евфросинія Полоцкой, но они дошли до насъ уже въ новѣйшихъ передѣлкахъ, сокращенныхъ или распространенныхъ.

Посланія:

Два посланія Печерскаго игумена Θεодосія къ великому князю Ізяславу — о Латинѣхъ и объ употребленіи мясной пищи.

Посланіе митрополита Іоанна къ Римскому папѣ Клименту, III (1080—1100 гг.) о „опрѣсноцѣхъ“, писанное первоначально по гречески и переведенное въ то же время на славянской языкъ.

Посланіе Іакова мниха къ великому князю Іваславу Ярославичу (1054—1073 гг.) съ увѣщаніями противъ запоя и блуда.

Два посланія митрополита Никифора къ великому князю Володимеру Мономаху: 1) объ отступленіи латынчанъ отъ православной церкви, и 2) о постѣ и вообще о нравственности, съ похвалою добродѣтелямъ Мономаховымъ.

Посланіе инока Θεодосія (знакомаго съ Омирскими и риторскими книгами) къ князю Николаю Святошѣ при переведенномъ имъ посланіи папы Леонтія къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому, на Евтихія суетудраго и единомысленниковъ его.

Посланіе Симона, епископа Владимірскаго (1215—1226 гг.) къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, посланіе, исполненное высокихъ нравственныхъ правилъ и чистыхъ понятій о достоинствѣ епископскаго званія, съ примѣрами изъ жизни Печерскихъ угодниковъ. Оно вошло въ составъ Печерскаго патерика, равно какъ и слѣдующее:

Посланіе Поликарпа къ Печерскому архимандриту Авиндину. Здѣсь авторъ описываетъ житія другихъ Печерскихъ угодниковъ, какъ слышалъ ихъ отъ того же пресвященнаго Симона, со включеніемъ многихъ историческихъ подробностей.

Есть еще множество произведеній древней русской словесности, кои скрываются безъ имени сочинителей, и даже подъ чужими именами, въ разныхъ нашихъ сборникахъ, напримѣръ, слово неизвѣстнаго сочинителя, произнесенное до Татаръ въ день св. Бориса и Глѣба, найденное мною, равно какъ и нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ такъ-называемой Златой Цѣпи, древнемъ сборникѣ. Это — слова, дышущія простотою, искренностію, еротостію и живо изображающія характеръ древней церкви и духовенства и патріархальность ихъ отношеній между собою.

Укажемъ, слѣдую высокопресвященнику Макарію, на описаніе жизни и чудесъ св. Николая, Мртликійскаго чудотворца, раздѣленное на 40 главъ. Въ главѣ 33-й авторъ описываетъ, одно чудо св. Николая, совершившееся въ Царьградѣ при патріархѣ Керулларіѣ (1043—1059 гг.), когда самъ авторъ находился въ Царьградѣ; въ главѣ 34-й разказываетъ о другомъ чудѣ того же угодника, бывшемъ

при императорахъ Константинѣ и Мономахѣ (1042—1055 гг.) или Дукѣ (1059—1067 гг.); наконецъ, въ 40-й главѣ повѣствуетъ о событіи Киевскомъ, о спасеніи св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Дѣвирь, что случилось въ концѣ XI вѣка.

Таково же слово на перенесеніе честныхъ мощей св. Николая изъ Муръ Ливійскихъ въ городъ Баръ. Здѣсь сочинитель прямо говоритъ, что это чудесное перенесеніе послѣдовало „въ нынѣшнія времена, въ нашу память, въ наши дни — лѣта, въ тысячное лѣто и 95 отъ воплощенія Самаго Бога, при цари Гречествѣмъ и Самодръци Константина града Алексѣѣ Комнинѣ и патриархѣ его Николѣ, а въ лѣто Рускихъ нашихъ Князей, христіюбиваго и Великаго князя нашего Всеволода въ Киевѣ, и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ“. Потомъ излагаетъ самую исторію перенесенія мощей св. Николая, подробно изчисляетъ совершенныя имъ при перенесеніи чудеса, повѣствуетъ о новой церкви, въ честь его устроенной, куда были поставлены его св. мощи, и о новомъ въ честь его празднествѣ. Это русское сочиненіе несомнѣнно относится къ концу XI или къ самому началу XII столѣтія.

Климентъ Смолятичъ, митрополитъ Киевскій (1147 — 1155 гг.), по отзыву Киевской лѣтописи, былъ „книжникъ и философъ“ ....; по другимъ лѣтописямъ: „зѣло вниженъ и учителенъ и философъ велий, и многа писанія написавъ предаде“. Ему приписываетъ архіепископъ Филаретъ краснорѣчивое слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ.

Мы разсматривали духовное образованіе и произведенія духовной письменности. Всѣ они безъ исключенія представляютъ такое сердечное участіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такое глубокое убѣжденіе въ истиннахъ христіанской религіи, соединенное съ такимъ искреннимъ чувствомъ челоуѣколюбія, что подаютъ высокое понятіе о нравственномъ состояніи того народа, который могъ имѣть подобныхъ представителей, и въ такомъ множествѣ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ содержанія мірскаго.

Лѣтописи:

Преподобный Несторъ написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, житіе св. Феодосія и лѣтопись. Вотъ свидѣтельства и доказательства:

Въ заключеніи Феодосіева житія онъ самъ себя называетъ такъ: „Се бо елико же выше о блаженѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Феодосіѣ“

досіа, испытовавъ, слышахъ отъ древнихъ мене отецъ, бывшихъ въ то время, тоже вписахъ азъ грѣшныи Несторъ, мнѣи всѣхъ въ монастыри блаженаго и отца всѣхъ Ѳеодосіа“.... А въ началѣ: „Се бо исперва писавшю ми о *житіи* и убіеніи и о чудесѣхъ святою и блаженою стратотерпцю *Бориса* и *Глѣба*, понудихся и на другое исповѣданіе пріити“.

Лѣтопись приписывается ему, на основаніи словъ Поликарпа, инока Печерскаго, въ посланіи къ архимандриту Акиндину, который въ житіи Агапита ставитъ себѣ примѣръ Нестора: „якоже блаженный *Несторъ* въ *лѣтописци* написа о преподобнѣхъ отцѣхъ, о Даміанѣ, Іереміи, и Матеѣи и Исакии“, — и эти житія, въ этомъ же порядкѣ, находимъ мы въ дошедшей до насъ лѣтописи. Поликарпъ и въ другомъ мѣстѣ, въ житіи св. Никиты, называетъ Нестора лѣтописателемъ.

На нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи стоитъ имя Нестора, на другихъ — черноризца Печерскаго Ѳеодосьева монастыря.

Въ пещерахъ покоются мощи Нестора не книжнаго, въ противуположность Нестору лѣтописателю.

Къ числу довазательствъ о тожествѣ сочинителя лѣтописи съ сочинителемъ житія Ѳеодосія Несторомъ, можно причислить и то, что въ лѣтописи не упоминаются тѣ событія изъ жизни Ѳеодосіевой, которыя описаны въ житіи, и на оборотъ, чтò есть въ лѣтописи, того нѣтъ уже въ житіи, на примѣръ, о погребеніи, объ открытіи мощей.

Сомнѣніе можетъ происходить изъ слѣдующаго разнорѣчія въ житіи и лѣтописи: въ житіи Несторъ говоритъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь св. Ѳеодосія преподобнаго игуменомъ Стефаномъ „и якоже отъ того остриженъ бывъ, и мнишеския одежа способленъ, папы же и на дьяконскій санъ отъ него изведенъ сый“; а въ лѣтописи: „Ѳеодосіеви же, живущю въ монастыри, и правящю добродѣтельное житіе и черничское правило и принимающу всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ и пріять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженъа моего“.

Можетъ-быть, это только обмолвка, неточность очень извинительная, каваля встрѣчается часто и у новыхъ авторовъ въ сочиненіяхъ, между которыми прошло много лѣтъ: Несторъ былъ принятъ Ѳеодосіемъ и постриженъ Стефаномъ, который послѣ сдѣлался игуменомъ. Во всякомъ случаѣ это сомнѣніе, недостаточно еще объясненное, должно уступить количеству и важности вышеприведенныхъ довазательствъ.

Расположенный отъ природы къ авторству, познакомясь, вѣроятно, съ лѣтописями греческими въ болгарскихъ переводахъ, кои были привозимы къ намъ болгарскими и греческими монахами, Несторъ написалъ два житія и потомъ вознамѣрился написать русскую лѣтопись. Примѣромъ ему служили греческія лѣтописи, изъ которыхъ онъ предлагаетъ много выписокъ. Можетъ-быть, онъ досталъ записки, веденныя на княжескомъ дворѣ о происшествіяхъ; можетъ-быть, монастырь получилъ ихъ съ порученіемъ княжескимъ о ихъ дополненіяхъ. Какъ бы то ни было, Несторъ распространилъ и дополнилъ эти записки свѣдѣніями, отъ того или другаго лица слышанными (на боярина Яна онъ самъ указываетъ), и имъ самимъ, по врожденной любознательности, собранными изъ преданій, пѣсенъ, пословицъ; наконецъ, онъ вставилъ цѣлыя сказанія, кои находились уже тогда въ обращеніи, напримѣръ, о путешествіи св. Андрея Первозваннаго, о принятіи св. Владиміромъ христіанской вѣры, и проч. Въ житіи св. Бориса и Глѣба онъ самъ на это намекаетъ: „Се азъ Несторъ грѣшныи о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ.... опаснѣ вѣдущихъ исписая, *другая* самъ свѣдя, отъ многихъ мало вписяхъ“, и проч.

Лѣтопись Несторова доведена до 1111 года. Впрочемъ онъ былъ живъ еще въ 1113 году, ибо этотъ годъ успѣлъ ввести въ свою хронологическую таблицу.

Лѣтопись отличается правдивостію, безпристрастіемъ, любовію къ отечеству, искреннимъ благочестіемъ, и во многихъ мѣстахъ, естественнымъ краснорѣчіемъ. Это есть наше народное сокровище, безъ котораго мы не знали бы ничего ни о нашемъ происхожденіи, ни о первыхъ судьбахъ нашего государства.

Главныхъ списковъ Нестора было шесть: харатейный Лаврентьевскій или Пушкинскій (1380 г.), доведенный до 1305 года; Ипатьевскій (конца XIV или начала XV вѣка), съ котораго списаны Хлѣбниковскій (XVI вѣка) и Ермолаевскій; Радзивилловскій (XV или начала XVI вѣка); Троицкій харатейный (сгорѣлъ при Французахъ); Троицкій, доведенный до 1319 года (на бумагѣ XV вѣка). Къ нимъ присоединился въ послѣднее время седьмой, также изъ XV вѣка, изъ моего древлехранилища.

Несторъ нашелъ любознательныхъ подражателей, которые сдѣлались его продолжателями, и мы имѣемъ, благодаря его примѣру, лѣтописи Кіевскую, Новгородскую, Суздальскую, Волынскую.

Кромѣ этихъ продолжателей, явились особые сочинители, которые описывали тѣ или другія событія. Изъ нихъ самый примѣчательный

былъ нѣкто Василій, современникъ Несторовъ, человекъ значительный, близкій къ князьямъ: случившись въ 1096 году во Владимірѣ Волынскомъ, онъ былъ употребленъ тамошнимъ княземъ Давидомъ Игоревичемъ для переговоровъ съ тестемъ своимъ, княземъ Василькомъ Ростиславичемъ, который находился тамъ въ плѣну, и описалъ подробно всю исторію ихъ отношеній между собою и свое посредничество. Описание его вставлено кѣмъ-то въ Несторову лѣтопись еще въ первое время по ея сочиненіи. Оно представляетъ такія драгоценныя черты, которыхъ не находимъ мы и у Нестора, при всѣхъ его достоинствахъ. Василій въ этомъ отношеніи беретъ преимущество предъ всѣми русскими лѣтописателями, которые обыкновенно опускали характеристическія частности и подробности, живо изображающія время. Если бы мы имѣли лѣтописателей, подобныхъ Василію, то исторія наша приняла бы другой видъ. Василію принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и еще нѣсколько мѣстъ въ лѣтописи, начиная съ кончины Всеволодовой.

Сильвестръ, игумень Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, переписалъ въ 1116 году лѣтопись, со вставкою Василія (а по одному позднѣйшему свидѣтельству, продолжалъ ее), и его списокъ сдѣлалъ прародителемъ всѣхъ послѣдующихъ, повторяющихъ его приписку.

Продолжателей было вдругъ по два, и по три — въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, отчего позднѣйшіе редакторы и переписчики (а они только и дошли до насъ) еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причинѣ лѣтописи уходятъ однѣ передъ другими — годомъ и двумя.

Кіевская лѣтопись есть непосредственное продолженіе Несторовой. Предметъ ея по преимуществу Кіевское великое княжество. Продолжатели Нестора писали сплошь, безъ раздѣленія, и именъ своихъ никогда не сказывали. Только по нѣкоторымъ примѣтамъ можно опредѣлить, что до 1200 года въ Кіевѣ ихъ было трое: первый отъ 1111 до 1132 или 1140 г., второй отъ 1140 до 1170 года, третій до 1200 года.

Волинская лѣтопись, сколько ея дошло до насъ, имѣла двухъ авторовъ: одинъ жилъ около 1226 г., начавъ описывать событія около 1200 года; другой принадлежитъ уже къ слѣдующему періоду, описывая 1289 годъ какъ современникъ. Списки Волинской лѣтописи соединяются съ Кіевскою лѣтописью. Изложеніе ея имѣетъ особый характеръ и отличается любопытными подробностями.

Въ Суздалѣ было, кажется, два лѣтописателя: одинъ описывалъ княженіе Боголюбскаго и видѣлъ его погребеніе; другой жилъ около

1220 года. Начало Суздальской лѣтописи есть плохое сокращеніе Киевской. Она имѣетъ предметомъ въ особенности исторію Суздальскаго великаго княжества, и началась, вѣроятно, при великомъ князѣ Всеволодѣ. (Разсказъ объ Андреѣ Боголюбскомъ составлялъ, должно быть, особое сказаніе).

Новгородская лѣтопись, начинаясь сокращеніемъ Нестора, описываетъ подробно происшествія Новгорода съ 1120 года, заключая въ себѣ признаки древнѣйшихъ записокъ, напримѣръ, о 1067 годѣ. Первый лѣтописатель, начавъ съ 1120 г., кончилъ около 1164 года, когда явился другой, писавшій до 1200 года. Третьему принадлежитъ слѣдующее время. Лѣтопись велася, вѣроятно, при соборной церкви св. Софіи. Она заключаетъ любопытныя черты о внутреннемъ бытѣ Новгорода, о его торговлѣ, цѣнахъ, отношеніяхъ къ Чуди и пр.

Ростовскій лѣтописецъ, о комъ упоминаетъ епископъ Симонъ, пропалъ.

Такъ-называемый Переяславскій лѣтописецъ есть только списокъ съ лѣтописей Несторовой и Суздальской, съ мѣстными дополненіями о послѣднемъ времени.

Въ такомъ видѣ наши лѣтописи, съ Несторомъ въ основаніи, переписывались въ продолженіи XII, XIII, XIV вѣковъ. Въ слѣдующіе вѣка явились новые сочинители, которые брали Несторову лѣтопись съ продолженіями, какъ *матеріалъ*, и заимствовали изъ нея начало своихъ сочиненій, перерабатывая ее по своему, измѣняя болѣе или менѣе, повторяя ея слова или употребляя собственныя, распространяя ее въ однихъ мѣстахъ и сокращая въ другихъ.

Всѣ древнія лѣтописи были современны описываемымъ событіямъ и писались изъ года въ годъ, иногда даже изъ дня въ день, при чемъ приводились не только мѣсяцы, но и числа, дни, часы событія, которыя какъ будто записывались немедленно по своему совершеніи. Лѣтописцы были лицами почти служебными, которыя въ исполненіе обязанности дѣлали свое дѣло, по повелѣнію князей. „Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣваючи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати“, говоритъ одинъ лѣтописатель (годъ 1409 г.). Въ монастыряхъ же производилась, можетъ-быть, окончательная редакція лѣтописей. Описать, напримѣръ, 1146—1152 гг., состоявшіе изъ сотни происшествій, нельзя было иначе, какъ на мѣстѣ, при князѣ.

Лѣтописи наши отличаются вѣрностію. Чтò записывалось, то записывалось, какъ было, кратко, просто, ясно, безъ украшеній, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, безъ разсужденій, развѣ благочести-

выхъ, принадлежащихъ уже редакторамъ. До самаго XVI вѣка вы не найдете пяти показаній невѣрныхъ или умысленныхъ, и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи представляютъ единственное явленіе въ европейской литературѣ. Уже Шлецеръ отдавалъ имъ преимущество предъ западными, слишкомъ хорошо ему извѣстными, и предъ всѣми прочими, а онъ зналъ наши лѣтописи и не вполнѣ, и въ худыхъ спискахъ! Что сказалъ бы онъ, увидя всѣ источники, открытыя въ послѣднее время!

Лѣтописи наши искренны, *безпристрастны* и совершенно одинаковымъ тономъ разказываютъ похвальныя дѣйствія своихъ князей, какъ и поносныя, не стараясь никогда ни оправдывать никого, ни обвинять: разсмотрите сказанія ихъ объ Изяславѣ или Всеволодѣ, или Боголюбскомъ — чистая правда, одни дѣла! Съ одинаковымъ безпристрастіемъ судятъ онѣ какъ дѣла полезныя для своихъ князей, такъ и вредныя. Давидовичи, напримѣръ (въ 1146 году), имѣли своимъ родственникамъ, Игорю и Святославу Ольговичамъ, въ пользу Кіевского Изяслава, и однакожъ Кіевскій лѣтописецъ выражается такъ: „луавный бо пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьей, хотяй приложити зло къ злу, и вложи има мысль не възсвати брата Игоря, ни помянути отчества и о Христѣ утверженія, ни божественныя любве, якоже бѣ лѣпо жити брати единомысленно укупѣ, блюдучи отчества своего; но переступиша крестное утверженіе, и забыша страха Божія, и посластося къ Изяславу: Игорь како бо тобѣ золь былъ, тако и нама, а держи твердо. А къ Святославу посласта, рекоша: пойди изъ Новагорода Путивляю, и брата ся лишн“. Точно то же должно сказать о лѣтописяхъ и въ отношеніи къ иностранцамъ: какъ передаютъ онѣ, напримѣръ, похвалы крестоносцамъ, положившимъ животь свой для освобожденія гроба Господня!

Лѣтописи *нелицеприятны* и учатъ князей наравнѣ съ простолюдинами: „1174 г. Андрей князь толики умникъ см... и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, расплѣвса гнѣвомъ, такова убо слова похвална испусти (объ изгнаніи Ростиславичей изъ Русской земли и о приведеніи къ нему Мстислава). Яже Богови студна и мерзка хвала и гордость, си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже всѣваетъ въ сердце наше хвалу и гордость“.

Вотъ какъ случается говорить лѣтописямъ объ архіереяхъ: „1160 г. Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица Володимирская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго льстеца, лжаго владыку Феодорца“.

изъ Володимеря, отъ Святыя Богородицы церкви Златоверхья, и ото вся земля Ростовская... Се же списахомъ, да не наскакають нѣдци на святительскій санъ, но егоже позоветъ Богъ“.

Лѣтописцы наши *благодѣтели*: всѣ успѣхи, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ помощи Божіей и принадлежатъ молитвамъ угодниковъ. Подъ 1111 г. въ лѣтописи сказано: „Ангель вложи Володимеру въ сердце (звать князей на Половцевъ)... падаху Половци... невидимо бѣми ангеломъ... съ Божьею помощію, молитвами святыя Богородицы и святыхъ ангель възвратилася Русьти князи“. Всѣ несчастія приписываютъ лѣтописцы грѣхамъ людскимъ, дѣйствіямъ злаго духа, и безпрестанно повторяютъ: „Си же вся содѣявшася грѣхъ ради нашихъ“.

Ни одного случая не пропускаютъ они, чтобы не присоединять наставленія на пользу души. „Видьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ“, говорятъ они, описавъ неожиданное избавленіе Мономаха отъ опасности, — „на смиренія и на праведныя призирая и мѣщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиреннымъ же даетъ благодать“. Или о жизни епископа Теодорца: „И сбыхася слово Евангельское на немъ глаголющее: еюже мѣрю мѣрите, возмѣрится вамъ; имъже судомъ судите, судится вамъ; судъ бо безъ милости не сотворшему милости“.

Лѣтописцы *любятъ отечество*. При всякомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ они о Русской землѣ и отъ души прославляютъ тѣхъ князей, которые дѣлали добро ей. Напримѣръ, подъ 1125 г.: „Преставился благовѣрный... христіюлюбивый великій князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, аки солнце луча пушчая; егоже слухъ произиде по всямъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ, братолюбець и нищелюбець и *доброй страдалецъ за Русскую землю*... Святители же жалеюще си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людіе и сынове его“. Подъ 1175 годомъ лѣтописатель, описывая убіеніе великаго князя Андрея Боголюбскаго, обращается къ нему и говоритъ: „Ты же, страсготерпче, молися ко всемогущему Богу *о племени своемъ*, и о сродницѣхъ, и *земль Русской*, дати мірови миръ“.

Лѣтописцы имѣютъ *образованіе*: знакомы очень хорошо со Священнымъ Писаніемъ и приводятъ часто мѣста изъ него, а также имѣютъ общія историческія и богословскія свѣдѣнія. Говоря о внушеніи Мономаху ангеломъ мысли идти на Половцевъ, лѣтописатель при-

водитъ примѣры знаменій изъ исторіи Іерусалима и дѣлаетъ выписки изъ хронографовъ: „Аще кто сему вѣры не имать, да прочтетъ хронографа“. Лѣтописцы знаютъ всю исторію, что видно изъ того, что припоминаютъ иногда событія прежнія.

Въ особенныхъ случаяхъ они заботятся объ украшеніи своей рѣчи; прочтите, напримѣръ, отпущеніе великимъ княземъ Суздальскимъ Всеволодомъ сына Константина княжить въ Новгородѣ въ 1206 году, или заключеніе Кіевской лѣтописи 1199 года.

Описывая преемство князей, рожденіе и смерть ихъ, междоусобныя войны, набѣги иноплемениковъ, походы, строеніе церквей, посвященіе епископовъ и кончины ихъ, знаменія небесныя, не вникая никогда въ причины дѣйствій, не предлагая никакихъ извѣстій о частной жизни, лѣтописатели наши вообще *сухи и однообразны*. Но опытный, тщательный и проникательный изслѣдователь найдетъ въ нихъ многія драгоцѣнныя черты, нечаянно приведенныя или замѣченныя, по коимъ можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, составить очеркъ времени.

Къ сожалѣнію, всѣ наши лѣтописи дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ сокращеніяхъ, болѣе или менѣе полныхъ, о чемъ мы съ увѣренностію судить можемъ по тому, что, напримѣръ, въ Кіевской лѣтописи встрѣчаемъ многія событія Суздальскія и Новгородскія, какихъ нѣтъ въ тамошнихъ лѣтописяхъ, и на оборотъ, въ Суздальской и Новгородской лѣтописяхъ есть извѣстія Кіевскія, опущенныя въ Кіевской лѣтописи. Наконецъ надобно замѣтить, что многія ошибки принадлежатъ переписчикамъ.

Свѣдѣнія бытовыя (историческія), сохранившіяся въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ, велись и преданіемъ, между князьями, духовными лицами, и вообще людьми любознательными. Напримѣръ, подъ 1128 годомъ лѣтопись воспоминаетъ о происхожденіи вражды между Ярославичами и Рогволодовичами.

Подъ 1139 годомъ говорится: „Лѣпше ми (говоритъ сынъ Мономаховъ, Андрей), съдумавъ съ дружиною своею, смерть на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженъе: отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли; хочю на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Русскую держачи, а хочещи сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости; обаче не давно нашему роду, такоже и переже было: Святополкъ про волость ни не уби Бориса и Глѣба? а самъ чи долго поживе? но и здѣ живота лишень, а тамо мучимъ есть вѣчно“.

Подъ 1140 годомъ лѣтопись воспоминаеть о походахъ Мстислава на Половцевъ и о заточеніи Половцевихъ князей.

Подъ 1145 годомъ разказывается о плѣненіи Володаря: „Той же зимѣ Владиславъ, Лядскій князь, емъ мужа своего Петрока, и слѣпи, а языка ему урѣза, и домъ его розъграби, тожмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь. Якоже еуангельское слово глаголетъ: еуже мѣроу мѣрить, възмѣрить ти ся — ты емъ Руского князя лестью Володаря, и умучивы и, и имѣніе его усхыти все, еуже Богъ по нѣколицѣ днєвъ не призрѣ, о немъже бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано“.

Подъ 1147 годомъ: „Рече единъ человекъ“ (изъ Кіевлянъ, при звѣстіи объ измѣнѣ Черниговскихъ князей): „по князи своемъ ради идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и прежде створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава изъ поруба зли они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему. А се Игорь ворогъ нашего князя и нашъ, не въ порубѣ, но въ святѣмъ Ѳеодорѣ, а убивше того къ Чернигову поидемъ по своемъ князи; кончанмы же ся съ ними“.

Подъ 1148 годомъ: „Ты нашъ князь, ты нашъ Володимеръ, ты нашъ Мстиславъ“, восклицають Новгородцы, встрѣчая пріѣхавшаго къ нимъ Изяслава Мстиславича.

Подъ 1148 годомъ: „Се ми хочеть быти Ярославча смерть Изяславича“, говоритъ Андрей Боголюбскій, подвергаясь опасности въ сраженіи подъ Луцкомъ.

Подъ 1152 годомъ: „Поиде Изяславъ отъ Володимеря, съ полкы своими, по королеви дорозѣ еуже бяшетъ пріѣхаль на Андрея на Володимерича съ Ярославомъ Святополчичемъ, егоже и убиша ту у Володимеря“.

Подъ 1154 годомъ: „Положиша (великаго князя Вячеслава) у святны Софѣя, идѣже лежитъ Ярославъ прадѣдъ его, и Володимеръ отецъ его“.

Подъ 1159 годомъ: „Преставися Борисъ князь Дюргевичъ, мѣсяца мая въ 2 день, и положиша и братья въ церкви святоу мученику, юже бѣ сздадь отецъ его Дюрги на Нерли, въ Кидекши, идѣже бѣ становище святоу мученику Бориса и Глѣба“.

Подъ 1170 годомъ: „Не глаголемъ же: прави суть Новгородцы, яко издавна суть свобожени Новгородцы прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти“, и проч.

Подъ 1172 годомъ: „...Богородица церковь десятинная въ Кіевѣ, же бѣ создалъ Володимеръ, же крестилъ землю, и дадъ бѣ десятину церкви той по всей Руськой земли“.

Подъ 1175 годомъ: „О горе вамъ нечестивіи“ (лѣтописецъ влагааетъ въ уста Андрею Боголюбскому, на котораго напали убійцы), „что уподобистесь *Горастру*“.

Подъ 1178 годомъ: Мстиславъ Ростиславичъ пошелъ войною на Полоцкаго князя: „ходилъ бо быше дѣдъ его на Новгородъ и взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебныѣ, и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ“.

Подъ 1178 годомъ: „Преставися князь Мстиславъ... и положиша тѣло его въ той же гробници, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича“.

Подъ 1216 годомъ: „Мы не хотимъ изъмрети на конехъ“, говорятъ Новгородцы предводителю своему Мстиславу, въ Липецкой битвѣ, „но яко отци наши билися на Колокшѣ пѣши“.

Подъ 1218 годомъ, при описаніи убійствъ Рязанскихъ князей воспоминаются злодѣянія Святополковы.

Объ Ярославовыхъ грамотахъ упоминаетъ Новгородскій лѣтописатель. Данило Заточеникъ говоритъ о рѣчи Святославовой, Поликарпъ—о Варягахъ Феодорѣ и Иоаннѣ, умерщвленныхъ язычниками при великомъ князѣ Владимірѣ, о свойствахъ князя Святополка Изяславича и сына его Мстислава, о Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, о Мономахѣ, о дерзости Ростислава Всеволодовича. Пѣвецъ о полку Игоревѣ воспоминаетъ и Владиміра, и Ярослава, и Мстислава, и Олега, и Всеслава, и Святослава Всеволодовича, и Ростиславичей.

Отмѣтимъ и особья *сказанія*, вошедшія въ составъ лѣтописей и попадающіяся въ сборникахъ отдѣльно:

Объ ослѣпленіи Теробовльскаго князя Василька Ростиславича и послѣдствіяхъ этого происшествія,—драгоцѣнное сочиненіе какого-то Василія, переносащее въ древность, представляющее черты личныя и живыя ¹⁾.

Сказаніе о нападеніи Владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго, которое внесено въ лѣтописи Суздальскую и Кіевскую, съ разными подробностями, обличающими *современника*.

Повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новгородской лѣтописи, вѣроятно, по извѣстіямъ очевидцевъ, подъ 1204 годомъ.

¹⁾ См. выше стр. 19.

Сказанія о Калкской битвѣ и о Батыевомъ нашествіи, написанныя *очевидцами*.

(Такъ точно и древнѣйшія сказанія: о пришествіи въ Русь св. апостола Андрея, о принятіи великимъ княземъ Владиміромъ христіанской вѣры, написаны были сначала особо и послѣ внесены Несторомъ въ лѣтопись).

Другія сказанія не вошли въ лѣтопись и встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ; на примѣръ, сказаніе о построеніи великимъ княземъ Ярославомъ въ Кіевѣ на Златыхъ вратахъ церкви во имя своего ангела св. Георгія встрѣчается въ прологахъ; сказаніе о кончинѣ Черниговскаго князя Давида Святославича сохранилось въ Степенной книгѣ и попадаетъ особо въ сборникахъ; сказаніе объ основаніи церкви Печерской, исполненное поэзіи, сочиненіе Симона, епископа Володимирскаго.

Законы.

Русская Правда Ярослава (1019—1054 гг.). Русская Правда сыновей его (1054—1125 гг.). Уставъ Мономаховъ (1113—1125 гг.). Русская Правда, *распространенная* въ послѣдствіи, впрочемъ до Татаръ.

Эти подлинныя законы представляютъ живо и ясно бытъ нашего древняго общества и народа, отношенія къ его князьямъ, различныя словеса, судебныя обязанности, обычаи, признаки нравовъ.

Участіе же церкви въ судопроизводствѣ объясняется греческими Кормчими книгами, переведенными у насъ издревле, и ихъ русскими дополненіями.

Грамоты княжескія.

Грамота Новгородскаго князя Мстислава Володимировича Юрьеву монастырю, около 1128—1132 гг., съ разными примѣчательными указаніями.

Грамота Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, около 1135 г. данная созданной имъ церкви св. Іоанна Предтечи, съ важными подробностями о вощаной торговлѣ въ Новѣгородѣ, о купеческомъ обществѣ, о разныхъ сборахъ, о церковныхъ доходахъ.

Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, 1137 г. Софійскому собору о доходахъ, принадлежащихъ Новгородскому епископу, со множествомъ драгоценныхъ географическихъ данныхъ.

Грамоты Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 года, наиважнѣйшія изъ найденныхъ въ послѣднее время. Изъ нихъ получаемъ мы вѣрныя свѣдѣнія о доходахъ княжескихъ и епископскихъ,

со всѣми ихъ составными частями, о разныхъ судахъ и обычаяхъ, о Смоленскихъ владѣніяхъ, о многихъ древнихъ юридическихъ терминахъ.

Монашескія грамоты.

Двѣ грамоты пр. Антонія Римлянина († 1147 г.): одна въ родѣ купчей, другая — въ родѣ завѣщанія.

Грамоты владѣнія препод. Варлаама († 1243 г.) Хутынскому монастырю на земли и рыбныя ловли.

Двѣ грамоты архіепископа Іоанна къ игумену Архангельскаго монастыря Луѣ и къ Двинскимъ посадникамъ (1110 или 1165 гг.).

Грамотъ было много, но онѣ пропали. Укажемъ на нѣкоторые слѣды ихъ въ лѣтописяхъ; на примѣръ, подъ 1156 г. говорится о грамотѣ патриарха къ Новгородскому архіепископу Нифонту, о рукописаніи или жалобѣ митрополиту Константину на предшественника его Клима и пр.; подъ 1185. г. сказано, что митрополитъ Никифоръ (вслѣдствіе неудовольствія въ Ростовѣ) велѣлъ епископу Николѣ „отписатися землѣ Ростовской“.

Крестныя или договорныя грамоты князей между собою изъ этого періода всѣ пропали.

Торговые договоры.

Торговый договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича 1228 года, съ Ригю, Готскимъ берегомъ и Нѣмецкими городами, въ коемъ сохранились многія любопытныя подробности о законахъ, нравахъ, обычаяхъ, занятіяхъ, товарахъ русскихъ.

Предположенный договоръ Новгородцевъ съ Любекомъ, около 1206 г., также богатый разнообразными свѣдѣніями о торговлѣ и о внутреннемъ состояніи Новгорода, равно какъ и объ отношеніяхъ его къ иностраннымъ купцамъ.

Письма.

Письмо Владиміра Мономаха къ двоюродному его брату Олегу Святославичу, съ напоминаніями о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и съ разными историческими данными.

Письма были въ общемъ употребленіи:

Въ житіи Θεодосія Несторовомъ упоминается о частыхъ письмахъ его къ великому князю Святославу Ярославичу.

Мономахъ упрекаетъ Олега Святославича, зачѣмъ онъ не прислалъ къ нему письма утѣшительнаго о кончинѣ его сына въ сраженіи (1096 г.).

Симонъ, епископъ Владимірскій, говоритъ о письмѣ къ нему Верхуславы Рюриковны касательно посвященія Поликарпова въ епископы: „Аще ми и тысяща серебра расточати тебе ради, и Поликарпа ради“ и проч. Онъ же упоминаетъ о письмѣ къ нему Поликарпа.

Въ прологѣ читается о многихъ посланіяхъ Кирилла, епископа Туровскаго, къ Андрею Боголюбскому.

Подъ 1164 г. въ лѣтописи говорится: „Исписавъ грамоту (Черниговскій епископъ Антоній) и посла ко Всеволодичью, река тако: стрій ти умерлъ, а по Ольга ти послали, а дружина ти по городомъ далече... Святославъ же прочте грамоту вборзѣ и посла сынъ свой“.

Путешествіа.

Паломникъ или хожденіе Данила, Руськия земли игумена. Сей путешественникъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, могъ быть Юрьевскимъ епископомъ Даниломъ, посвященнымъ въ 1113 году. Данилъ поставилъ лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ обители святаго Саввы для поминанія на ектеніяхъ имена князей русскихъ (своихъ современниковъ), Святополка - Михаила, Глѣба Минскаго и проч. Путешествіе его должно относиться къ 1112—1115 гг., ко времени жизни великаго князя Святополка, и предшествовало походу короля Латинскаго Балдуина противъ Дамаска, 1114—1115 гг.

Путешествіе въ Царьградъ Антонія, архіепископа Новгородскаго (1200 г.), не издано.

Поученіе.

Владимира Мономаха (1098 года) или духовная, лучше сказать, *автобіографія* его; въ ней живо представляется намъ вообще древняя княжеская жизнь и занятія, кромѣ драгоценныхъ подробностей, относящихся лично до этого примѣчательнѣйшаго князя въ нашей древности.

Слово о полку Игоревѣ, слово Данила Заточеника, былины ¹⁾, дѣсны, сказки, пословицы, должны быть предметами особыхъ разсужденій.

М. Погодинъ.

¹⁾ Наши замѣчанія о былинахъ см. въ ноябрской книжкѣ *Журн. Минист. Народн. Просв.* за 1870 годъ.

ЧТЕНІЕ ДРЕВНѢЙШЕЙ ЗЫРЯНСКОЙ НАДПИСИ, ЕДИНСТВЕННОГО СОХРАНИВШАГОСЯ ДО СЕГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ВРЕМЕНИ СВ. СТЕФАНА ВЕЛИКОПЕРМСКАГО.

Тринадцать лѣтъ св. Стефанъ посвятилъ на приготовленіе къ своему апостольскому служенію, и восемнадцать лѣтъ трудился онъ среди Зырянъ, проповѣдуя имъ евангельское слово. Крещенныхъ училъ онъ изобрѣтенной имъ грамотѣ пермской, и пермскія книги писалъ имъ, и ихъ училъ писать, и церкви святыхъ созидалъ и освящалъ, иконами украшалъ и снабжалъ книгами, и монастыри устраивалъ, и въ иноки постригалъ, и игуменовъ имъ ставилъ, и самъ посвящалъ изъ обученныхъ Пермь священниковъ, діаконѡвъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ, и чтецы читали *пермскою бесѣдой*, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по пермски. Много церквей было имъ сооружено, и каждая церковь, конечно, была снабжена *пермскими* книгами. Долго держалась зырянская азбука, имъ изобрѣтенная: во второй половинѣ XV вѣка (въ 1473 г.), шестой епископъ Великопермскій подписывался по зырянски. Снимокъ съ его подписи мы представили въ нашей статьѣ „Св. Стефанъ, первосвященитель Пермскій“, напечатанной въ *Ученыхъ Запискахъ* Казанскаго университета за 1868 годъ; даже въ началѣ XVI вѣка (1510 года), въ одной рукописи Номоканона, принадлежащей теперь графу А. С. Уварову, мы находимъ въ послѣсловіи зырянскую подпись. Писавшій книгу пожелалъ видно росписаться *философски* и вмѣстѣ показать свое умѣнье писать по зырянски, и вотъ онъ закончиваетъ послѣсловіе такими словами: „А писалъ сію книгу Васюкъ, поповъ сынъ Гавриловъ (то-есть, сынъ пона Гаврилы), $\text{LZV } \text{OZ } \text{RVN}$, повелѣніемъ господина моего священноіерея Исакія“. Три слога, написанные зырянскими буками, изображаютъ фамилію Васюка Кан-да-шев. Итакъ, снуста два вѣка

послѣ кончины изобрѣтателя зырянской азбуки (св. Стефанъ скончался въ 1396 году), она нашла себѣ мѣсто въ Номоканонѣ (на стр. 244 этого Номоканона помѣщена Азбука Пермская, изложеніе Стевана, епископа Пермскаго), и переписчикъ Номоканона изображаетъ зырянскими буквами свою фамилію. По словамъ А. М., еще въ прошломъ столѣтіи, въ основанной св. Стефаномъ Стефановской обители, въ 60-ти верстахъ отъ Устьсысольска, въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ, нѣкоторые стихи церковной службы пѣли на *зырянскомъ языкѣ* ¹⁾. Но зырянскія книги исчезли безслѣдно: академикъ Иванъ Лепехинъ только и находитъ въ селѣ Подкиберскомъ ²⁾ какіе-то чрезвычайно испорченные остатки перевода обѣдни на зырянскій языкъ, и то уже написанные русскимъ, а не зырянскимъ шрифтомъ. Составитель Краткой церковной исторіи, митрополитъ Платонъ въ началѣ XIX вѣка пишетъ: „И многія книги церковныя на ихъ (пермскій) языкъ перевелъ (св. Стефанъ). Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей пермской грамоты и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ всѣчески старался“ ³⁾. Дошло до того, что нѣкоторые писатели наши рѣшились утверждать, что и самаго зырянскаго языка нѣтъ уже болѣе ⁴⁾. Зырянскій языкъ существуетъ, но зырянскихъ книгъ, переведенныхъ св. Стефаномъ, дѣйствительно, до сихъ поръ не найдено нигдѣ ⁵⁾. Много было предположеній, какъ и почему онѣ исчезли. Приписывали исчезновеніе этихъ книгъ и пожару, бывшему въ Устьвымскихъ церквахъ въ 1740 году (но пермскія книги были не въ однѣхъ же Устьвымскихъ церквахъ), и лѣности и небреженію духовенства ⁶⁾ (но если духовенство было лѣново и небрежно, то народъ сохранилъ бы эти книги), и малой яко-бы вразумительности этихъ книгъ ⁷⁾ (на это достаточнымъ и самымъ убѣдительнымъ

¹⁾ Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стевана епископа Пермскаго, соч. А. М. (архимандрита Макарія).

²⁾ Путешествіе академика *Лепехина*, III, стр. 242.

³⁾ Краткая церковная исторія, соч. преосвященнымъ митрополитомъ *Платономъ*. Москва. 1823 г., стр. 244.

⁴⁾ Исторія Россійской имперіи *Татищева*, кн. I, часть 2, стр. 313. Обзоръіе Россійской имперіи *Плещеева*.

⁵⁾ Въ Румянцовскомъ музеѣ хранится божественная служба на зырянскомъ языкѣ, но тоже написанная по славянски. *Востокова*, Описаніе Румянцовскаго музея, № XXXIX, стр. 56.

⁶⁾ *Татищевъ*, Исторія Россіи, кн. I, ч. 2, стр. 314; *Болтинъ*, Прик. къ Исторіи Леклерка, 1788, т. I, стр. 49.

⁷⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Томъ II, 1827, стр. 240.

возраженіемъ служатъ благотворные результаты дѣятельности св. Стефана). Всѣ эти предположенія не выдерживаютъ критики. А книгъ зырянскихъ все же нигдѣ не находится. И снова невольно представляется неотвязчивый вопросъ: куда же онѣ дѣлись? Судя по той любви, по тому благоговѣйному уваженію, какое имѣютъ Зыряне къ св. Стефану, что видно и изъ чествованія его памяти ¹⁾, слѣдовало бы ожидать, что книги, имъ переведенныя, будутъ храниться въ народѣ пермскомъ какъ святыня; а между тѣмъ ихъ и слѣда нѣтъ. Не послужить ли объясненіемъ этого непонятнаго исчезновенія зырянскихъ книгъ преданіе, слышанное нами отъ Зырянъ: будто во времена Іоанна Васильевича Грознаго, царскимъ именемъ отбирались зырянскія книги, и кто укрывалъ ихъ, того преслѣдовали. Было ли это распоряженіе царя вызвано опасеніемъ политическаго обособленія Зырянъ, или мнѣніемъ духовенства, которое могло смотрѣть неблагосклонно на употребленіе зырянскаго языка въ богослуженіи. Быть можетъ, что это дѣлалось даже и не по повелѣнію царя, а просто по распоряженію мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя прибѣгли къ такой мѣрѣ, видя неудовольствіе, возбуждаемое въ низшемъ русскомъ духовенствѣ появленіемъ созданнаго св. Стефаномъ многочисленнаго духовенства зырянскаго. Какъ бы то ни было, но слышанное нами преданіе едва-ли не имѣетъ основанія. Мы пытались искать зырянскихъ рукописей въ Пермской губерніи, полагая, что, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ глуши и хранятся онѣ людьми набожными. По нашей просьбѣ мировые посредники взялись за это дѣло. Одинъ изъ нихъ услышалъ, что у двухъ стариковъ хранятся какія-то рукописи, и что они показывали ихъ своимъ знакомымъ, которые и передали о томъ мировому посреднику. Мировой посредникъ отправился, правда, не тотчасъ же, въ то мѣсто, гдѣ жили эти старики, но одинъ изъ нихъ забожился, заклился, что у него ничего нѣтъ, а другой, услышавъ, что посредникъ отыскиваетъ находящіяся у него старыя рукописи, убѣжалъ, и съ рукописями. Конечно, легко можетъ быть, что у этихъ стариковъ вовсе не то, чего мы ищемъ; но почему знать, можетъ-быть, что у нихъ, или у другихъ Пермиковъ, или Зырянъ, въ Пермской или въ Вологодской губерніи, и сохраняются рукописныя зырянскія книги, къ

¹⁾ Въ зырянскихъ святцахъ, изданныхъ П. И. Саввантовымъ, день преставленія св. Стевана (26-го апрѣля) отмѣченъ въ числѣ праздниковокъ; въ числѣ же праздниковокъ отмѣченъ, конечно, по завѣщанію св. Стевана, и день 11-го мая, въ который празднуется память великихъ славянскихъ апостоловъ, служившихъ св. Стевану образцомъ.

которымъ теперь, конечно, и влючъ потерянь для владѣльцевъ, хранятся, какъ самая дорогая святыня, какъ талисманъ, и можетъ-быть, эти книги и найдутся ¹⁾, какъ нашлась совершенно случайно современная св. Стефану зырянская надпись, чтеніе которой и служить предметомъ нашей настоящей статьи.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ самой зырянской надписи, намъ необходимо ознакомить читателей съ зырянскою азбукою, которая служила намъ ключемъ при разборѣ этого древнѣйшаго памятника зырянской письменности. Мы не будемъ здѣсь говорить подробно о зырянской азбуцѣ, составленной св. Стефаномъ, такъ какъ мы уже достаточно говорили объ этомъ въ статьѣ „Св. Стефанъ, первосвященитель Пермскій“. Мы ограничимся представленіемъ той азбуки, которую мы признаемъ болѣе полною и вѣрною, а также основаній, почему мы ее почитаемъ таковою.

На основаніи сличенія различныхъ списковъ зырянской азбуки, на основаніи приписки къ Номоканону, о которой мы скажемъ ниже, и чтенія древней зырянской надписи, мы можемъ, кажется, безъ большой ошибки, возстановить древнюю зырянскую азбуку, избобрѣтенную св. Стефаномъ, въ слѣдующемъ видѣ: $\tilde{Z}$, Z , Z , Z — а, Φ буръ, Ψ гаи, Ω дои, $\sqrt{e}$, Π жои, Σ джой, Π зата, Π зята, Υ и, Γ коке, $\vee$ лей, $\cup$ мено, $\vee$ нено, $\wedge$, Π о, $\downarrow$ пей, ∇ рей, $\cup$ сій, Σ тай, μ , Π во, γ , $\int$ цю, $\mathcal{E}$ чери, $\mathcal{R}$ шюи, Z и, $\mathcal{B}$ ѣ, $\mathcal{X}$ ю; всего 26 буквъ. Зырянскую азбуку почти въ такомъ же видѣ находимъ мы въ Номоканонѣ 1510 года, а изъ Номоканона она перепечатана предъ предисловіемъ Грамматики зырянскаго языка П. И. Савванитова. Но въ этой азбуцѣ буквы начертаны только по зырянски, безъ опредѣленія ихъ значенія; ключемъ же для опредѣленія значенія зырянскихъ буквъ служили намъ: 1) приписка къ Номоканону по зырянски и тоже по славянски и 2) древнѣйшая зырянская надпись. Приписка къ Номоканону по зырянски: $\cup\cup. \tilde{Z}. \mathcal{Z}. \mathcal{B}\vee\vee\wedge \cup\Upsilon\Upsilon$
 $\cup\mathcal{Z}\vee\mathcal{Z}\mathcal{R}\Upsilon\mathcal{Z} \cup\vee\vee\wedge \mathcal{Z}\vee\mathcal{Z} \cup\cup\vee\Upsilon\wedge\mathcal{X}\mathcal{Z}\mathcal{R} \mu \mathcal{Z}\wedge: \mathcal{Z}\cup\tilde{Z}:$
 По славянски $\text{МЕ ІЕ КЕ ТНАО} \cdot \text{ПІІ}$ мылышты мено крека мортос

¹⁾ Для отысканія зырянскихъ книгъ полезно, намъ кажется, было бы назначить премію и объявить о ней Зырянамъ и Пермькамъ Вологодской и Пермской губерній; тогда, можетъ-быть, нѣкоторые владѣльцы доставили бы живущіе у нихъ рукописи.

чаш вѣос: амѣн., то-есть: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго человѣка во вѣтъ, аминь. Эта приписка, безъ сомнѣнія, сдѣлана Васюкомъ Кандашевымъ, который, вѣроятно, самъ и сложилъ молитву по славянски и написалъ самъ по зырянски по азбукѣ, которая послужила ему ключемъ и для зырянской приписки. Изъ того, какъ онъ написалъ зырянскую надпись, видно, что онъ не только не былъ Зырянинъ, но и зырянскаго языка не зналъ, ибо иначе онъ не могъ бы слова „во вѣки“ выразить словами *чаш вѣос*, что не имѣетъ никакого смысла, и кромѣ того, написать *чаш* такъ: XZP . Буква X не ч, а ю, и потому слово XZP слѣдуетъ читать *юаш*, или, такъ какъ ю ставится иногда въ зырянскомъ языкѣ вмѣсто е, *ваш*¹⁾ (или *важ* древній); *вѣос* есть не что иное, какъ зырянскій винительный единственнаго числа отъ русскаго слова вѣкъ — вѣбѣс, или вѣос. Въ приписку вошли и другія русскія слова, каковы: мылшты (отъ милуй), крека (отъ грѣхъ). Что эта краткая молитва переведена на зырянскій языкъ человѣкомъ, плохо знавшимъ этотъ языкъ, видно и изъ руссизмовъ, и изъ неправильнаго употребленія слова *нм* въ родительномъ падежѣ (ѣнлѣн) передъ *нѣ*: по свойству зырянскаго языка, если родительный падежъ существительнаго стоитъ непосредственно предъ существительнымъ, отъ котораго зависитъ, то онъ теряетъ свое падежное окончаніе²⁾, напримѣръ: *морт нѣ*, *сынъ* человѣческій; поэтому и *Сынъ* Божій слѣдуетъ сказать *ѣн пі*, а не *ѣнлѣн піі* (*сынъ пі*, а не *піі*, какъ написалъ Васюкъ Кандашевъ). Не смотря на всю слабость переписчика Номоканона въ зырянскомъ языкѣ, онъ оказалъ намъ незамѣнимую услугу, сдѣлавъ эту малограмотную въ отношеніи зырянскаго языка приписку, потому что своею припиской онъ далъ намъ ключъ къ зырянской азбукѣ, далъ намъ возможность возстановить ее. Изъ этой приписки опредѣляется значеніе слѣдующихъ 18 буквъ (при перечисленіи буквъ мы слѣдуемъ порядку приписки): U — м (мено)³⁾, П — з (зата), V — е, Г — и, L — с (сіи), B̄ — ѣ, V — н (нено), V — л (лей), A — о, L — п (пей), Z — н (ны), P — ш (швѣ), T — т (тай), V — р (рей), Z — а, X — ю, P — в (во). Остатся затѣмъ не опредѣленными буквы Ѡ, Ч, Ѡ, М, Ш, П, ф, Э,

¹⁾ Это показываетъ, что переписчикъ Номоканона слышалъ слово *ваш*—гда-нибудь, но не умѣлъ написать его по зырянски.

²⁾ Зырянская грамматика *Савваитова*, стр. 162, § 127.

³⁾ Названія буквъ мы заимствовали изъ рукописнаго житія св. Стеана, которое хранится въ Соловецкой библіотекѣ Казанской духовной академіи, № 562.

и не оказывается еще въ зрянскомъ языкѣ гласной у. Значеніе буквъ Ѡ, Ң, Ѡ ясно уже по мѣсту, ими занимаемому, и по названіямъ бурь, гай, дой, которыя стоятъ въ рукописномъ житіи св. Стефана. Это значеніе подтвердилось при чтеніи первой же строки подписи, въ словахъ ѠZѠѠV7 (мамбри), ҢҢҢ (тупу) (изъ этого слова уяснилось, что буква Ң, означающая во, означаетъ и гласную у, ѠVZV (дори), и стоящее передъ послѣднимъ словомъ первой строки вмѣсто цифры 3 буква Ң прямо показываетъ, что это есть третья буква зрянскаго алфавита гай. Значеніе буквы Ң объяснилось на второй строкѣ въ словѣ муежъ, и еще точнѣе на 4-й строкѣ въ словѣ ҢШZV (ужал). Буква Ш означалась на 6-й строкѣ въ словѣ 7VШZV (ѣджан); значеніе буквы Ң уяснилось въ словѣ ҢҢҢV (водзин). Буквы Ң и Э въ надписи не встрѣчались, но значеніе ихъ послѣ опредѣленія прочихъ буквъ объяснилось мѣстомъ, ими занимаемымъ, передъ буквою шю: передъ этою буквою въ рукописномъ житіи упоминаются именно буквы цю и черы, слѣдовательно, буква Ң есть цю, буква Э есть черы. Слоги, помѣщенные въ этой азбукѣ, послѣ изложеннаго нами, прочитать легко: ѠZ (ба), ҢZ (га), ѠZ (да), ҢZ (жа), ШZ (джа), ҢZ (за), ҢZ (дза), ҢZ (ка), VZ (ла), ѠZ (ма), VZ (на), ҢZ (па), VZ (ра), ѠZ (са), ҢZ (та), ҢZ (ца), ҢZ (ва), ЭZ (ча), ҢZ (ша). Подобравъ ключъ къ чтенію зрянскихъ письменъ, мы теперь можемъ приступить и къ древнѣйшему памятнику зрянской письменности, къ зрянской надписи, о которой мы упомянули.

Эта надпись замѣчена впервые Устюжскимъ штабъ-лѣкаремъ Фризомъ въ 1788 году въ приходской церкви Вожемской зрянской волости, отстоящей отъ Яренска внизъ по рѣкѣ Вычегдѣ на 40 верстѣ. Икона св. Троицы—въ видѣ трехъ ангеловъ, Авраамомъ угощаемыхъ, съ надписью пермскою или зрянскою. По иконѣ видно, что она древняго письма. Въ запискахъ Фриза объ Устюгѣ подъ 1387 годомъ сказано, что этотъ образъ „приложенъ самимъ онымъ епископомъ Стефаномъ при послѣднемъ его отшествіи въ Москву“ ¹⁾. „Вверху сей иконы по словенски надписано: „Образъ св. Троицы“, а надъ гла-

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, издаваемый Владиміромъ Измайловымъ. Москва, 1814: О древностяхъ вологодскихъ и зрянскихъ, статья *Алексыя Флерова*, составителя зрянской грамматики, напечатанной въ 1813 году.

вами трехъ ангеловъ, Авраама и Сарры, вѣроятно, изображены имена ихъ по зырянски. Внизу самой иконы въ шести строкахъ зырянская же надпись, которой однакожь прочесть никто изъ Зырянъ не нашелся¹⁾. Снятый Фризомъ снимокъ съ этой надписи въ первый разъ былъ напечатанъ въ 1790 году въ *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus VI. MDCCXC*, подъ такимъ заглавіемъ: „Inscription Syraïique, qu'on lit au dessus (вѣроятно, опечатка вмѣсто au dessous) d'une image de la Sainte Trinité, placée à l'église de st. Etienne de Perme dans la paroisse de Woschemsk, au cercle de Jarensk“. Подъ снимкомъ зырянской надписи прибавлено: Au dessus de l'image d'Abraham est écrit ЗИВЗУ . Au dessus de Sara ЛЗВВЗ . Au dessus des trois Anges: du premier ГЛГ , du second ГЗ , du troisième ЗГГГ . Этотъ снимокъ очень не точенъ; видно, что надпись сдѣлана дурно, или снята она неумѣлою рукой. Отъ того многія буквы переименованы: такъ буква *б* пишется не Ф , а ближе къ русскому *б*, *л* не — V , какъ бы слѣдовало, а ближе къ латинскому *b*, *с* не L , а какъ русское *с*; многія буквы не доведены до конца: вмѣсто втораго *м* (U) въ словѣ *мамбри*, стоитъ лишь первая часть буквы U ; вмѣсто *ш* (P) въ словѣ *мишиіс* стоитъ P , а въ словѣ *шетіс* M ; вмѣсто *ю* (X) въ словѣ *юрбыртіс* стоитъ X ; слово *пымтос* въ надписи надъ третьимъ ангеломъ въ первой половинѣ не имѣетъ ничего похожаго на *пым* (LZV). Нѣтъ ничего удивительнаго, что по этому снимку не разобрана надпись: ее и разобрать нѣтъ возможности при самомъ наилучшемъ ключѣ, потому что уже по прочтеніи надписи по другому снимку, мы могли въ этомъ спискѣ съ великимъ трудомъ разобрать только 12 словъ. Но не смотря на неточность и невѣрность списка, мы должны быть глубоко благодарны штабъ-лѣкарю Фризу за одно то, что онъ не прошелъ, какъ многіе другіе, мимо этого образа, что онъ остановилъ вниманіе на необычныхъ чертахъ этой надписи, и сообщивъ снимокъ съ нея въ академію, сдѣлался виновникомъ того, что на надпись обратили вниманіе. Въ 1813 году въ *Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія*, въ № 37, появляется новый списокъ съ надписи, „свѣренный“, какъ значитса въ примѣчаніи, „съ подлинною надписью, находящеюся въ Вологодской соборной церкви подъ обра-

¹⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи, писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Томъ II, стр. 246.

зомъ святныя Троицы, учителемъ тамошней гимназіи Николаемъ Фортунатовымъ по препорученію начальства“. Снимокъ напечатанъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Изображеніе зырянской подписи, находящейся въ Вологодской соборной церкви подъ образомъ святныя Троицы“. Этотъ снимокъ отличается добросовѣстностію и усердіемъ снимавашаго, который старательно, какъ видно, передавалъ каждую удѣлѣвшую черту драгоценнаго памятника и въ концѣ прибавилъ такое NB: „Опущенныя мѣста въ срединѣ строкъ были, по видимому, заняты буквами, но за ветхостію образа ихъ совсѣмъ отличить не можно, а черты недокончанныя означаютъ полинявшія отъ времени буквы“. Благодаря тщательности снимавашаго, въ этомъ снимкѣ многія слова и даже цѣлыя выраженія читаются совершенно ясно. Въ этомъ снимкѣ нѣтъ надписей надъ тремя ангелами, надъ Авраамомъ и Саррой. Но и этотъ снимокъ остался не разобраннымъ. „Доселѣ“, говорить Е., авторъ Критическихъ замѣчаній о древностяхъ вологодскихъ и зырянскихъ ¹⁾, „изъ самыхъ Зырянъ не могъ еще никто разобрать и прочесть подписи подъ иконою, а книгъ нѣтъ нигдѣ, писанныхъ зырянскими буквами“. На это замѣчаніе такъ возражаетъ автору Флеровъ, на статью котораго Е. писалъ свои критическія замѣчанія: „Г. изслѣдователь, говоря о невозможности разобрать зырянскую подпись, не осматрѣлъ сей предметъ надлежащимъ образомъ и сдѣлалъ весьма важное опущеніе. Есть способъ разобрать подпись, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь. Онъ состоитъ въ томъ, чтобъ раздробить упоминаемыя самимъ г. изслѣдователемъ въ описаніи иконы (стр. 43) пять надписей, надъ тремя ангелами, Авраамомъ и Саррою находящіяся, коихъ, къ величайшему сожалѣнію моему, я не усмотрѣлъ, даже снимая бошію съ нижней шестистрочной подписи: Си раздробленныя надписи вѣрно покажутъ звуки тѣхъ буквъ, изъ коихъ состоятъ они, ибо особенныя таковыя надписи, какъ надъ ангелами, такъ надъ Авраамомъ и Саррою, безъ всякаго сомнѣнія содержатъ въ себѣ имена сихъ лицъ. Итакъ, надъ однимъ ангеломъ должно быть написано: ѳнъ (или ѳн) Ай — Богъ Отецъ; надъ другимъ: ѳнъ (или ѳн) Пи — Богъ Сынъ, надъ третьимъ: ѳнъ (или ѳн) Лѳвъ (или лѳв) — Богъ Духъ, и можетъ-быть, еще съ прибавленіемъ слова Вежа — святой; надъ Авраамомъ же и Саррой должны быть собственныя ихъ имена. Поколику же въ двухъ первыхъ лицахъ св.

¹⁾ *Вѣстникъ Европы* 1813 г., № 17, стр. 27 — 47. Сочинитель этихъ Критическихъ замѣчаній никто другой, какъ знаменитый въ послѣдствіи митрополитъ Евгений.

Троицы можетъ быть недоразумѣніе по равному числу буквъ въ словахъ Ай и Пи, то для сего стоитъ только взглянуть на имя Авраама, коего первая литера покажетъ лице Бога Отца, или иначе сказать слово Ай. Отыскавъ симъ способомъ значенія буквъ надписей, извѣстны будутъ и въ подписи таковыя буквы, что, можетъ-быть, привело бы къ познанію цѣлыхъ рѣчей, а по рѣченіямъ и содержаніе сего драгоцѣннаго памятника первоначальнаго зырянскаго просвѣщенія; узнавши же надпись, можно бы было разбирать и иныя зырянскія рукописи, если гдѣ-либо онѣ найдутся". Этотъ остроумный способъ чтенія подписи, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, когда перейдемъ къ самымъ надписямъ надъ тремя ангелами, Авраамомъ и Саррой, едва-ли привелъ бы къ желанному результату, къ прочтенію надписи и къ отысканію ключа къ чтенію другихъ зырянскихъ рукописей: 1) Св. Духъ названъ не Лѡвъ, какъ предполагалъ Флеровъ, а древнимъ словомъ *мытос*; 2) изъ этихъ пяти надписей можно узнать только 10 буквъ, именно: $\tilde{Z}$ (а), γ (и), ζ (п), η (ы), Υ (т), Λ (о), ζ (с), μ (в), $\cup$ (м), ∇ (р), чего, конечно, далеко не достаточно для прочтенія всей подписи, въ которой встрѣчаются почти всѣ буквы зырянской азбуки, за исключеніемъ двухъ: $\int$ (цю) и Э (черы). Что этимъ способомъ дѣйствительно не возможно было прочесть подпись, доказательство на лицо: никто ея не прочесть, даже самъ изобрѣтатель способа Флеровъ. Между тѣмъ эта замѣчательная подпись продолжала обращать на себя вниманіе изслѣдователей зырянскаго языка, и въ 1850 году при зырянской грамматикѣ П. И. Саввантова появляется новый списокъ этой подписи, снятый священникомъ Устюжскаго собора Платономъ Аѳ. Скворцовымъ съ образа, который находится въ Устюжской Симеоновской церкви и сохранился гораздо лучше, нежели подлинникъ, взятый епископомъ Арсеніемъ изъ Вожегской Троицкой церкви въ Вологодскій кафедральный соборъ, гдѣ онъ и понынѣ находится. Этотъ списокъ по тщательности и отчетливости снимка имѣетъ большое сходство съ предыдущимъ (напечатаннымъ въ 1813 г.), такъ что трудно отдать преимущество которому-либо изъ нихъ. Но снимокъ г. Саввантова заключаетъ въ себѣ и надписи надъ тремя ангелами, Авраамомъ и Саррой, и надписи довольно отчетливыя (а надъ Авраамомъ и Саррой даже безукоризненныя), только въ словѣ *мытос* (Духъ) опущена буква ζ (л), и написано $\zeta\eta\gamma\zeta\eta\gamma$, но вѣроятно, эта буква находится сверху η и часть ея видна въ надписи. Но и этотъ третій снимокъ не подвинулъ дѣла впередъ, и А. М.

въ 1856 году имѣлъ полное право сказать: „Надписи на образѣ святыхъ Троицы и на иконѣ сошествія Святаго Духа ¹⁾ остаются доселѣ почти не разобранными по смыслу, будучи совершенно отличны отъ дошедшей до насъ древней зырянской азбуки“ ²⁾. Не знаемъ, о какой зырянской азбукѣ говоритъ А. М.; но такъ какъ сочиненіе А. М. вышло въ свѣтъ въ 1856 году, послѣ напечатанія грамматики г. Савваитова (1850 г.), то имѣемъ основаніе полагать, что онъ могъ имѣть въ виду пермскую азбуку (1510 г.), которая приложена къ грамматикѣ г. Савваитова. Если про эту азбуку говоритъ А. М., то онъ не правъ, потому что именно эта азбука служила намъ при разборѣ подписи, и вся разница буквъ подписи съ буквами азбуки заключается развѣ въ томъ, что первыя гораздо крупнѣе вторыхъ. Можемъ прибавить, что даже большая часть буквъ зырянской азбуки, найденной Карамзиннымъ въ архивныхъ бумагахъ Миллера, имѣетъ очевидное сходство съ буквами надписи на образѣ св. Троицы. Впрочемъ и въ прежнее время никто не заподозрѣвалъ надписи на образѣ св. Троицы въ томъ, что она не зырянская: и въ *Nova Acta Academiae*, и въ *Периодическомъ изданіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія*, и въ грамматикѣ г. Савваитова эта надпись признается зырянскою. Изъ словъ штабъ-лѣвара Фриза видно сверхъ того, что она современна св. Стефану. Потому-то разборъ ея, полагаемъ, не будетъ бесплоденъ въ томъ отношеніи, что онъ познакомитъ читателей какъ съ нѣкоторыми свойствами древняго зырянскаго языка, такъ и съ достоинствомъ переводовъ св. Стефана.

Содержаніе шестистрочной подписи на иконѣ св. Троицы есть дословный переводъ начала 18-й главы первой Моисеевой книги Бытія: „Явился же ему (Аврааму) Богъ у дуба Мамврійска, сѣдѣящу ему предъ дверьми сѣни своея въ полудни. Воззрѣвъ же очима своими, видѣ, и се трие мужи стояху надъ нимъ: и видѣвъ притече въ срѣтеніе имъ отъ дверей сѣни своея: и поклонися до земли, и рече: Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба твоего. Да принесетъ вода и омыются ноги ваши, и прохладитесь подъ дровомъ: и принесу хлѣбъ, да ясте, и посемъ пойдете въ путь свой, его же ради уклонистесь къ рабу вашему. И рекоша: тако сотвори, якоже глаголахъ еси. И потщася Авраамъ въ сѣнь къ Саррѣ, и рече ей:

¹⁾ При грамматикѣ г. Савваитова приложена и другая зырянская надпись на образѣ Сошествія Святаго Духа; о ней см. въ нашей статьѣ «Св. Стефанъ первоосвятитель Пермскій».

²⁾ Сказаніе о жизни и трудахъ святаго Стефана епископа Пермскаго, стр. 45.

ускори и смѣси три мѣры муки чисты и сотвори потребники. И тече Авраамъ во кравамъ, и взя телца млада и добра, и даде рабу, и ускори приготовить е. И взя масло, и млеко, и телца, егоже готова: и предложи имъ, и ядоша: самъ же стояше предъ ними подъ дровомъ“. Икона, сколько можно судить по содержанію зырянской надписи, подтверждаемому и описаніемъ самой иконы, изображаетъ святую Троицу, извѣстную въ народѣ подъ именемъ Авраамовой Троицы и наиболѣе у насъ распространенную. На иконѣ изображенія трехъ мужей; въ серединѣ по зырянски написано: $\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}$ Ай (иенъ Ай) Богъ-Отецъ, надъ головой мужа съ правой стороны: $\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}$ и Пи (и Сынъ), съ лѣвой $\dot{\text{B}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}$ и Пылтось (и Духъ); ниже съ правой стороны подъ изображеніемъ Авраама: $\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}$ — Авраамъ, съ лѣвой подъ изображеніемъ Сарры: $\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}$ — Сарра. Икона, съ такою объясняющею изображеніе надписью, — совершенно у мѣста въ церквахъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, какъ наглядно знакомящая ихъ съ важнѣйшимъ моментомъ ветхозавѣтной священной исторіи. Мы приведемъ зырянскую подпись вполнѣ въ томъ видѣ, какъ мы ее возстановили на основаніи сличенія трехъ снимковъ и надписи. Тѣ чистыя мѣста подписи, которыя, по видимому, были заняты буквами, и тѣ мѣста, гдѣ остались только не доконченныя черты полнявшихъ отъ времени буквъ, возстановлены нами въ первомъ случаѣ по смыслу, а во второмъ какъ по смыслу, такъ и по соображенію съ оставшимися чертами буквъ. Чтобы убѣдиться въ вѣрности возстановленной нами подписи, мы читали ее Зырянину, и намъ отрадно заявить (такъ какъ это служитъ къ характеристикѣ достоинства переводовъ св. Стефана), что возстановленный нами текстъ оказался совершенно понятнымъ для Зырянина и согласнымъ съ свойствомъ зырянскаго языка до того, что мѣстахъ въ двухъ-трехъ мы, измѣнивъ слово строго по грамматикѣ, въ противность ясно читаемому нами въ рукописи, при чтеніи Зырянину должны были измѣнить согласно чтенію подписи, такъ какъ находящееся въ подписи слово подходило болѣе къ духу живаго разговорнаго языка. (На эти мѣста мы укажемъ при разборѣ подписи). Чтобы облегчить для читателей сличеніе вариантовъ снимковъ надписи и подписи, мы въ возстановленномъ нами текстѣ отмѣчаемъ особыми подстрочными чертами тѣ буквы и слова, которыя ясно читаются въ снимкѣ 1788 года, тѣ, которыя ясно разбираются въ снимкѣ 1813 года, и тѣ, которыя находятся въ снимкѣ 1850 года.

4
 ТИЦИ ДОНУ. 7 ИРИЗУЕ ВИЗУО УНО СЛАТЯУЗДО, УР. УАДОІЗУ УИУЗУУЗДО
 ТУБЕНА^О КОАМВ^О КОАТУВЕННІА УМІАМОКІ ОРА^О И ШІМІСН^О СМІКІ
 ТИУУЗДО^О ՀԱԾՅԱԼԱՅ ՀԱՆԹԱՀԱՅՈՒՄ ԻՄՀԱՅՀՈՒՄ ԼՈՒՆ. 7 ՔԻԼԱՅ: ԱՅՍԻ
 ՄԱՅԻ ԿԻՃԻ ԿԵՄԻՆՈՒՄ ԵԱՐԵՕՐԱՅՈՒՄ ԿՈՒՅԱՆՈՒՄ ԻՆԻՑ. 7 ՕՐՄՈՒՄ ԿԻՄԻ
 ԻՄՅԱ ՀՅՍՏ ՔԻՍԻ 7 ԿԻՐԻԼ ԿԻՍՅԱ ԱՅՅԱ ԱՅՅԱ 7 ՔԻԼ. 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԿՕՒԵՏԻՍՈՒՄ ԻՆՄ ԻՆՅԱ Ք ՀԱՆԾԱՆԱՅՐ. ԿԻՐԻԼ ԿԻՍՅԱ ԱՅՅԱ
 ՕՐԱՅՈՒՄ ԵՕՐՏԻԿԻ ԵՕՒՄՈՒՄ ԵՐՕՒՄ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԱՅՅԱ 7 ՓՈՒԵՏԻ ԵՆԱՆՔՈՒՄ ՓՐՈՒՄ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԵՄՅԻՄ ՏԻՅՈՒՄ ԵՕՐՏԻԿԻ ԵՊՐՈՒՄ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԿՆՅԱ 7 ՓՈՒԵՏԻ ԵՊՐՈՒՄ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԿՆՅԱ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ
 ԿՆՅԱ 7 ՔՆԵՍՈՒՄ 7 ԿՐՄՈՒՄ 7 ՄԱՆԱԼՈՒՐԻ

Значение подстрочных чертъ:

_____	СНМОЕЪ 1788 года.
.....	" 1813 "
.....	" 1850 "

Первое слово надписи сев значитъ тогда; мытчасисъ — 3-е лицо единственного числа прошедшаго времени отъ глагола мытчася, являюсь, кажусь; іенъ слѣдуетъ произносить ёнъ, потому что зырянское имя Бога происходитъ отъ јона, крѣпкій (вын — сила, мочь; вына или јона — мощный); Аврамлу — древній дательный падежъ единственного числа, нынѣ оканчивающійся на лы; мамбри тупу дорынъ: мамбри — мамврійскій, тупу — дубъ (но вотяцеи тыпы); мамбри не измѣняется, потому что стоитъ предъ существительнымъ, а въ зырянскомъ языкѣ „имена прилагательныя (мѣстоименія и причастія) не измѣняются, когда стоятъ предъ своими существительными“¹⁾; дорынъ — у, — послѣположеніе, соотвѣтствующее предлогу, стоящему въ зырянскомъ языкѣ всегда послѣ существительнаго; мамбри тупу дорынъ — у мамврійскаго дуба; пукышлу сылу — пукыш, причастіе настоящаго времени отъ пукала, сижу; пукышлу, или пукыслу — древній дательный падежъ; сылу вмѣсто сылы, также дательный падежъ единственного числа отъ личного мѣстоименія 3-го лица сыја — онъ; пукышлу сылу — сидящу ему, дательный самостоятельный²⁾; ёнъ водзинъ: ёнъ — пологъ, завѣса, водзинъ — послѣположеніе, предъ; ёнъ водзинъ — предъ пологомъ, предъ входомъ; колыслонъ сылонъ — колыслонъ, отъ кола шалашъ, шатерь, ыс — не отдѣляемое личное мѣстоименіе, употребленное вмѣсто притяжательнаго³⁾; колысь — шатерь его, колыслонъ — родительный падежъ единственного числа отъ колыс; сылонъ — родительный падежъ единственного числа личного мѣстоименія 3-го лица сыја, — сылонъ — его⁴⁾; луншерё — въ полдень, окончаніе ё принадлежитъ вступительному падежу (Illativ); ялись — 3-е лице единственного числа прошедшаго времени отъ яала, вопрошаю, испытываю; Авраамъ синонъ — творительный падежъ единственного числа отъ синъ, глазъ, синонъ — глазомъ; въ статьѣ нашей „Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій“ мы приняли, согласно грамматикѣ, чтеніе синъјасонъ, то-есть, поставили творительный падежъ

¹⁾ Зырянская грамматика *Савваитова*, § 123, стр. 100.

²⁾ „Иногда при дѣепричастіяхъ, кончащихся на *мысѣт*, полагается дательный самостоятельный падежъ“. См. Грамматика *Савваитова*, § 157. Изъ нашего мѣста мы видимъ, что дательный самостоятельный употребляется и при причастіи на *мыѣ*.

³⁾ Грамматика *Савваитова*, § 54, стр. 40 и 41.

⁴⁾ Это двойное употребленіе притяжательнаго мѣстоименія (одно слитно съ существительныхъ колысь, другое отдѣльно — сылбъ), сходное съ такимъ же употребленіемъ въ татарскомъ языкѣ, по мнѣнію академика Видемана, указываетъ на первобытное сродство языковъ урало-алтайской группы («Es ist ein Zug der Urvaterwandschaft des Sprachen des Ural-Altischen Gruppe»).

множественнаго числа; но вышеупомянутый Зырянинъ объяснилъ намъ, что въ разговорномъ народномъ зырянскомъ языкѣ синъ употребляется въ единственномъ числѣ. Зырянинъ говоритъ: язынтѡмъ сивъ (безстыжій глазъ) вмѣсто нашего множественнаго: безстыжіе глаза, такъ что синѡмъ стоитъ здѣсь совершенно по зырянски; и, атдзисъ — увидѣлъ, 3-е лицо единств. числа прошедшаго времени отъ глагола атдзинъ, видѣть; и сотай — и вотъ; Ҡ — 3, кумъ; верось — мужъ; кумъ (Ҡ) верось — три мужа; сулалѡ — стоитъ, третье лицо единственнаго числа настоящаго времени отъ сулала, предстою; сыядыннѡмъ, сыја — онъ, дыннѡмъ — нослѣположеніе у, при, сыядыннѡмъ — при немъ; сыжемъ — винит. падежъ единств. числа отъ сыја, онъ (здѣсь, въ словѣ сыжемъ, и въ глаголѣ сулалѡ единственное число выражаетъ, конечно, единство св. Троицы); атдзисиш ¹⁾ — причастіе, увидя: пышнѡмъ — пошелъ, 3-е лицо единств. числа прошед. врем. отъ пышья, бѣгу; пантылыны — встрѣчать; нанесь — ихъ, отъ наја они; колыслѣнъ — родит. падежъ един. числа отъ колысь, шатерь его; ѡнъ ордышь: ѡнъ — пологъ, ордышь — отъ, ѡнъ ордышь — отъ входа; и юрбыртисъ — 3-е лицо един. числа прошед. врем. отъ юрбыта (юрбырта), бью челою, кланяюсь; муажъ — до земли; и шнѡмъ — 3-е лицо единствен. числ. прошед. врем., отъ шуны, шуисъ или шнѡмъ, сказалъ; мезосемѡ — зват. падежъ ²⁾ отъ древняго мезось, Господь, которое происходитъ, можетъ - быть, отъ мездысь — свободитель (отъ мездета, свобождаю); воръ — если; весикыда — по истинѣ, подлинно; емъ — имѣю; мѡгдемъ — милость; Те — ты; водзинъ — предъ, Те водзинъ — предъ Тобою; ен — не, орд — повелительное отъ ордыа — мимо иду, ен орд — не пройди мимо; ужалысдъ: ужалысь — работникъ, рабъ, съ притязательнымъ мѣстоименіемъ отъ ужала, работаю, ужалысдъ — рабъ твой; тенадъ — отъ те — ты, ужалысдъ тенадъ — раба твоего; мед — да, пусть; ваялсасъ — 3-е лицо единств. числа будущаго времени возвратнаго глагола, отъ ваяла, приношу; ва — вода; мед — пусть; мискаснысь: мискасны 3-е лицо множеств. числа будущаго времени ³⁾ возвратнаго глагола отъ мискала, мою, мед мискаснысь — да омоются; кокъ пидѡсь — подошва, въ подлинникѣ можно читать скорѣе только — пидѡсь (не означало

¹⁾ Въ двухъ спискахъ читается; адымыш (можетъ-быть, вмѣсто аданымъсьтъ дѣврич. прошед.).

²⁾ Грамматика *Саввантова*, стр. 17.

³⁾ Versuch einer Grammatik des Syrjñischen Sprache v. Wiedemann, Reval. 1847, стр. 93, § 113: «Die dritte Pluralperson im Praesens und Futurum so wie im Praeteritum endigt bei Flerow nicht auf *ny*, sondern auf *nyr*», что мы и видимъ въ разбираемомъ нами мѣстѣ.

ли это сперва ногу, или подошву ноги?); тiанбсь — винит. отъ тiанбь, вамъ; и сайкетсяннды — 2-е лицо множ. числ. настоящ. врем. отъ сайкется, прохлаждаюсь; тупу дорынъ — подъ дубомъ; и ваяла — принесу; нянбсь — винит. пад. единств. числа отъ нянь, хлѣбъ; мед — да; сiояннды — 2-е лицо множеств. числа настоящ. врем. отъ сiойны, ѣсть, кушать; сеш — тогда, потомъ; медтырь — опять; мунаынды — 2-е лицо множеств. числа отъ мунны, уйдти; туйнды — вступительный отъ туйнды, дорога ваша, путь вашъ, отъ туй — дорога, туйнды — въ путь вашъ; коды вбсна — ради котораго, отъ коды, который, и вбсна, послѣположеніе, для, ради; колчаннды — 2-е лицо множеств. числ., вы уклоняетесь, вы остаетесь, отъ колтъча, остаюсь; ужалысд ордб — къ рабу вашему; и шисны, или шуисны, 3-е лицо множ. числа прошед. врем. отъ шуны, свазать; сыдзи — такъ; уджалъ — повел. накл. отъ уджала, дѣлаю; кыдзи — какъ; шуинъ — 2-е лицо единств. числа прошед. врем. отъ шуны, сказать; и пышиисъ Аврамъ Сара ордб — и пошелъ Авраамъ къ Саррѣ; колаб — вступительный отъ кола, въ шатеръ; и шисъ — и сказалъ; термбдши — повелит. накл. отъ термбдся, поспѣшаю; и суеты — повелит. отъ сукта, спускаю, смѣшиваю; сестбмъ — чистый; пишь — мука; ѣджанъ ¹⁾ — мѣра; Ч — три, колдбмнянь — тѣсто (колдбмнянь), или колтбмъ — потребный; пышиисъ Авраамъ — пошелъ Авраамъ; москiосъ ордб — къ коровамъ, мось — корова, јосъ — окончаніе множеств. числа удорское ²⁾ („Удорское нарѣчіе употребляется въ такъ-называемой Удорѣ, составляющей сѣверную часть Яренскаго уѣзда“ ³⁾). Если вспомнимъ, что икона св. Троицы, какъ видно по заглавію въ Nova Acta Academiae, стояла въ церкви св. Стефана Пермскаго въ приходѣ Вожемскомъ Яренскаго округа, то не можемъ не прійти къ заключенію, что св. Стефанъ принималъ въ соображеніе при своихъ переводахъ даже отличія мѣстнаго говора, и что онъ, слѣдовательно, зналъ зырянскій языкъ основательно. Сначала мы почли это окончаніе јосъ ошибкою, вмѣсто ясь, но на дѣлѣ оказывается, что это далеко не ошибка; и бостисъ — 3-е лицо единств. прошедш. времени отъ босъта (въ статьѣ „Св. Сте-

¹⁾ Слова *ѣджанъ* (мѣра) не существуетъ въ настоящемъ зырянскомъ языкѣ, и этого слова не пойметъ Зырянинъ; но мы не рѣшились измѣнить его, такъ какъ оно читается ясно въ двухъ спискахъ — 1813 и 1850 годовъ.

²⁾ Именительный падежъ множественнаго числа именъ существительныхъ образуется чрезъ прибавленіе къ именительному единственнаго окончанія яс, по удорскя јбс. Грамматика *Савваитова*, § 29, стр. 19.

³⁾ Тамъ же, предисловіе.

фанъ, первоучитель Пермскій“ мы читали: босьтались, и далѣе: шетались, но въ рукописи ясно значится: бостись и шетись—совершенно правильно, потому что здѣсь выражаются однократныя дѣйствія взялъ—бостись, далъ — шетись, а босьтались значить бралъ, шетались—давалъ); и бостись томъ ошось бурось: томъ—молодой, ошось—винит. пад. единств. числа отъ ошь, быкъ, бур, хоршій, бурось—винит. пад. единств. числа; прилагательное томъ, какъ стоящее предъ существительнымъ, не измѣняется, но прилагательное бур, стоящее послѣ существительнаго, согласуется съ нимъ; и бостись томъ ошось бурось—и взялъ молодаго быка хорошаго; и шетись—3-е лицо единств. числа прошед. врем. отъ сета или щета, даю; ужалысду — рабу своему; и термодись—3-е лицо единств. числа прошед. времени, поспѣшилъ; вычны—приготовить; шіесь вмѣсто сыжесь—винит. пад. единств. числа отъ смја, онъ; и бостись—и взялъ; ѣлось—винит. пад. един. числа отъ ѣль, молоко; віось—винит. пад. един. числа отъ ви, масло коровье; куаньось—винит. пад. единств. числа отъ куань, теленокъ; кодсѡ или кодось—винит. пад. единств. числа отъ коды, который; заптись—3-е лицо единств. числа прошед. врем. отъ запта, przygotowaję; и пугтись, или пуктись—3-е лицо единств. числа прошед. врем. отъ пуетыны, положить; ны водзинь вмѣсто ныжа водзинь—предъ ними; и шіонсны, или сіонсны—3-е лицо множеств. числа прошед. врем. отъ сіойны, ѣсть; ачсь—онъ самъ; сулались—3-е лицо един. числа прошед. врем. отъ сулала, стою, предстою; юкталыси—причастіе настоящее отъ юктала, подчую, угощаю. Въ церковно-славянскомъ подлинникѣ Библіи стоитъ просто: „самъ же стояще предъ ними“; въ зырянскомъ переводѣ прибавлено: юкталыси—угощая, что опредѣлительнѣе указываетъ на гостепрѣимство Авраама и на радость, съ которою онъ принималъ у себя Господа. Ны водзинь—предъ ними, тупу дорынъ—подъ дубомъ.

Итакъ, мы видимъ, что древнѣйшая зырянская надпись, писанная на иконѣ, которую св. Стефанъ самъ отдалъ въ храмъ, и слѣдовательно, современная св. Стефану, отличается правильностію, и смѣемъ сказать, народностію языка и до сихъ поръ понятна Зырянину. Достоинства этой надписи даютъ намъ основаніе заключить, что зырянскіе переводы св. Стефана также имѣли эти достоинства, также отличались народностію языка и общепонятностію. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся жизнь св. Стефана, который еще съ отроческихъ лѣтъ сблизился съ Зырянами, еще тогда несомнѣнно ознакомился съ ихъ языкомъ, а потомъ, въ продолженіи тринадцати лѣтъ въ строгой, монас-

тырской, затворнической жизни въ Ростовѣ приготовлялъ себя къ мисіонерскому поприщу изученіемъ Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ и греческомъ языкахъ ¹⁾, занимался составленіемъ зырянской азбуки и переводомъ на зырянскій языкъ священныхъ и бого-служебныхъ книгъ; для окончательнаго же исправленія переведенныхъ имъ книгъ, согласно законамъ живаго народнаго пермскаго языка, такъ, чтобы переводы его были совершенно понятны Зырянамъ, св. Стефанъ изъ Ростова отправился на родину въ Устюгъ, гдѣ, нѣтъ сомнѣнія, читалъ Зырянамъ сдѣланные имъ переводы и исправлялъ тѣ мѣста, которыя оказывались непонятными для нихъ; наконецъ, восемнадцать лѣтъ онъ пробылъ среди Зырянъ, поучая ихъ слову евангельскому и тысячи язычниковъ обратилъ въ христіанство. Понятно, что, обращаясь среди самихъ Зырянъ, постоянно бесѣдуя съ ними, св. Стефанъ имѣлъ полную возможность изучить всѣ тонкости зырянскаго языка, а такое изученіе не могло не отразиться и на его переводахъ. Родное, понятное слово, которымъ излагалось чистое и святое христіанское ученіе любви и братскаго единенія, не могло не проникнуть въ сердца Зырянъ, дотолѣ не вѣдавшихъ Бога истиннаго и въ слѣпотѣ поклонявшихся идоламъ. „И быше“, говоритъ жизне-описатель св. Стефана Епифаній, „видѣти чудо въ земли той (Пермской): идѣже преже быша идолослужители и бѣсомолци, ту богомолци явишася; идѣже преже быша храмы идольскіа и кумирницы и жрътвища и требища идольскаа, ту церкви святія созидахуся и монастыри и богомолья чиняхуся: кумирская лествъ и идолослуженіе прогнася, а благодать богоразумія возсія, вѣра христіанская процвѣте“.

II. Шестаковъ.

Казань, 20-го октября 1869 года.

---

¹⁾ «И быше умѣя глаголати тремъ языки, такоже и грамоты три умѣяше: русски, гречески, пермски» (Житіе св. Стефана).

ФРИДРИХЪ-ЦЕЗАРЬ ЛАГАРПЪ, ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. ¹⁾

При всестороннемъ изученіи эпохи Александра I не можетъ быть забыто имя Швейцарца Лагарпа. Проведя въ Россіи лучшіе годы своей жизни, энергически отдавшись своему призванію воспитателя будущаго монарха, Лагарпъ рѣшилъ связать судьбу свою съ своимъ новымъ отечествомъ, и если Лагарпу суждено было преждевременно покинуть Россію, то причина этого заключается отнюдь не въ его доброй волѣ, а въ силѣ обстоятельствъ и въ желаніи лицъ, управлявшихъ судьбами Россіи. Въ теченіе всей своей жизни Лагарпъ не оставался чуждымъ Россіи и не разрывалъ связей съ русскимъ обществомъ. Привязанность Лагарпа къ императору Александру выходитъ изъ ряда обычныхъ отношеній въ сильнымъ міра людей, окружавшихъ ихъ въ годы ихъ дѣтства и юности. Въ бумагахъ Лагарпа часто встрѣчаются въ высшей степени сочувственные отзывы объ императорѣ Александрѣ, которые какъ-бы невольно вылились изъ подъ пера, и по своей искренности и теплотѣ служатъ правдивымъ отголоскомъ душевнаго настроенія. Между Александромъ I и его воспитателемъ существовала истинная дружба, и именно этимъ словомъ всего вѣрнѣе можно опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Слово *influenza* едва-ли было бы здѣсь вполне уместно, особенно если имѣть въ виду не одни только годы юности Александра, но все время его царствованія. Въ обширной дѣятельности историческаго лица переплетается столько нитей, что чрезвычайно трудно опредѣлить: чтó возникло вслѣдствіе посторонняго участія, чтó коренилось въ глубинѣ личнаго характера, и чтó вытекало изъ совокупности разнообразныхъ вліяній, которымъ подвергалось лицо, призванное дѣйствовать для настоящаго и будущаго. Въ теченіе четверти столѣтія нѣсколько лицъ выступало на первый

---

¹⁾ Приглашенія къ этой статьѣ помѣщены въ концѣ ея.

планъ въ кругу общественныхъ дѣятелей, пользовавшихся расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. Выборъ этихъ лицъ совпадалъ обыкновенно съ личнымъ настроеніемъ государя и съ измѣненіями, совершавшимися во внутренней жизни Россіи. Новосильцовъ, Чарторижскій, Сперанскій, Аракчеевъ и немногіе другіе были, каждый въ свой чередъ, ближайшими людьми и сотрудниками Александра. Ихъ участіе въ государственныхъ событіяхъ того времени обнаружилось фактами крупными, положительными, несомнѣнными. Не такова была общественная дѣятельность Лагарпа, и участіе его не до такой степени осязательно и неопровержимо. Его сношенія съ императоромъ Александромъ проистекали отъ ихъ взаимнаго сочувствія и личной дружбы, не подчиняясь колебаніямъ, происходившимъ въ общественной и политической жизни. Около сорока лѣтъ длились эти сношенія: ни время, ни люди, ни событія не разрушили пріязни, разъ навсегда связавшей питомца съ его воспитателемъ. Но эта самая продолжительность и неизмѣнность пріязни и сношеній показываетъ, что они ограничивались сочувствіемъ къ образу мыслей вообще и не влекли за собою рѣзкой перемѣны въ образѣ дѣйствій, не вызывали цѣлаго ряда мѣръ, въ которыхъ могло бы сказаться вліяніе бывшаго наставника. Постороннее вмѣшательство часто встрѣчало отпоръ, хотя и скрытый, въ самомъ характерѣ Александра. Притомъ, идеи и стремленія Лагарпа, роль, которую онъ игралъ въ своемъ отечествѣ, и его недостаточное знаніе Россіи придавали многимъ совѣтамъ его весьма условное значеніе. Въ числѣ окружавшихъ государя всегда находились люди, цѣнившіе Лагарпа если не ниже, то отнюдь не выше того, чѣмъ онъ былъ и могъ быть для Россіи. Его письма и проекты, которыми онъ надѣлялъ государя съ такимъ изобиліемъ, подвергались обсужденію лицъ, относившихся къ дѣлу безпристрастно и съ тою осторожностью, которая необходима при повѣркѣ мнѣній иностранца, мало знакомаго съ средой, избираемою для осуществленія его идей.

Но если императоръ Александръ и не слѣдовалъ идеямъ Лагарпа съ слѣпою довѣрчивостью, тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ ихъ безъ вниманія, иногда вопреки заявленіямъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Лагарпъ былъ въ постоянной перепискѣ съ Александромъ, готовый возвратиться въ Россію по первому призыву. Лагарпъ принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ вопросовъ по главнѣйшимъ отраслямъ государственнаго управленія и отчасти въ дѣлахъ внѣшней политики, стараясь о сближеніи государя съ замѣчательными людьми въ сферѣ умственной и политической жизни въ Европѣ и въ Аме-

рихъ. Уроки и бесѣды Лагарпа и выборъ книгъ для чтенія будущему государю съ объясненіями, сопровождавшими это чтеніе, не остались безплодными и содѣйствовали тому направленію, которымъ отличались первые годы царствованія императора Александра. Всѣ эти обстоятельства связываютъ Лагарпа съ историческою жизнію Россіи начала девятнадцатаго столѣтія и возбуждаютъ въ русскомъ обществѣ участіе въ судьбѣ дѣйствовавшаго въ немъ Швейцарца. Свѣдѣнія о Лагарпѣ встрѣчаются все чаще и чаще на страницахъ изданій, посвященныхъ русской исторіи и старинѣ. Предлагаемое обзорѣніе составлено на основаніи свѣдѣній, собранныхъ пишущимъ эти строки во время пребыванія его въ Швейцаріи и занятій въ мѣстныхъ бібліотекахъ и архивахъ, общественныхъ и частныхъ.

Въ отечествѣ своемъ Лагарпъ сталъ привлекать къ себѣ общее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ былъ избранъ членомъ швейцарскаго правительства — такъ-называемой гельветической директоріи. Извѣстный писатель Цшокке, предпринявшій изданіе жизнеописаній замѣчательныхъ людей Швейцаріи, обратился къ Лагарпу съ просьбою сообщить ему необходимые матеріалы, касающіеся лично Лагарпа и его политическаго поприща. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ Лагарпъ послалъ Цшокке довольно подробную автобіографію ¹⁾. Эта автобіографія, въ томъ видѣ, какъ воспользовался ею и напечаталъ ее Цшокке, послужила источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ извѣстій о Лагарпѣ ²⁾.

Съ теченіемъ времени въ Швейцаріи забыли о Лагарпѣ. Онъ сошелъ съ политическаго поприща, и замолкла и прежняя пріязнь, и прежняя ненависть. Но вражда къ нему пробудилась съ новою силою со времени Вѣнскаго конгресса. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра, Лагарпъ оказался гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ предполагали дипломаты и недипломаты. Швейцарскія дѣла устранивались по мысли Лагарпа. Политическая сила его возрастала, и побѣжденные враги, лишившись возможности вредить ему на дѣлѣ, вооружились противъ него въ печати. Изъ ихъ лагеря вышли біографіи, заимствованныя изъ книги Цшокке съ различными дополненіями, неблагоприятными для Лагарпа ³⁾.

Поворяясь необходимости, противники новаго порядка вещей принуждены были положить оружіе. Вся Европа должна была подчиниться рѣшеніямъ Вѣнскаго конгресса. Мало по малу страсти утихли, многіе изъ политическихъ враговъ и друзей Лагарпа удалились со сцены или сошли въ могилу, а самъ онъ мирно доживалъ вѣкъ свой въ кантонѣ, обязанномъ ему своею независимостью. Расположеніе его

содѣйствовать благимъ начинаніямъ своихъ соотечественниковъ приобрѣло ему общее сочувствіе. Литературнымъ памятникомъ этого сочувствія остается біографическій очеркъ Лагарпа, составленный, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, другомъ и душеприказникомъ его Монаромъ ⁴⁾). Книга Монара составлена на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ большею частью изъ бумагъ Лагарпа, и представляетъ наиболѣе полную его біографію. Статьи о немъ, появляющіяся въ послѣдствіи, преимущественно въ энциклопедическихъ словаряхъ, сообщаютъ самыя краткія извѣстія и могутъ быть пригодны только по болѣе или менѣе подробному исчисленію сочиненій Лагарпа ⁵⁾).

Новый по времени, но не представляющій ничего новаго по содержанию, очеркъ біографіи Лагарпа предложенъ Картомъ (Cart) въ одной изъ публичныхъ лекцій, читанной имъ въ Лозаннѣ, въ февралѣ 1868 года, и изданной подъ названіемъ „Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, основатель Ватландской свободы“ ⁶⁾).

Такимъ образомъ главѣйшимъ источникомъ для обзорѣнія жизни и дѣятельности Лагарпа служатъ его собственныя бумаги. Изобиліе ихъ поразительно. Съ самой ранней молодости и до послѣднихъ дней жизни Лагарпъ сохранялъ всякое письмо, всякую строку, если считалъ ихъ мало-мальски стоящими вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Всѣ сколько-нибудь значительныя событія въ его жизни описаны имъ самымъ подробнымъ образомъ, и иногда по нѣскольку разъ. Не смотря на то, что во время паденія „гелветическаго“ правительства бумаги Лагарпа были частью уничтожены, частью конфискованы и подвергались различнымъ мытарствамъ, уцѣлѣвшая ихъ масса составляетъ обширный архивъ въ домѣ его наслѣдниковъ. Множество матеріаловъ налагаетъ на ихъ владѣльцевъ обязанность позаботиться о ихъ изданіи. Но до сихъ поръ еще нельзя было найти издателя. Съ одной стороны, масса матеріаловъ пугаетъ даже охотниковъ до архивныхъ работъ: много времени надо употребить на то, чтобы разобрать груды бумагъ, которыя впрочемъ сохранены Лагарпомъ въ величайшемъ порядкѣ, и воспользоваться ими надлежащимъ образомъ, а ожидаемые результаты, по степени своей важности, едва-ли могутъ вполне вознаградить за тяжелый трудъ. Съ другой стороны, изданіе замедляется политическими соображеніями. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ извѣстѣйшихъ ученыхъ Швейцаріи, продолжатель Миллера, уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія составить біографію Лагарпа, на томъ основаніи, что Лагарпъ былъ отъявленнымъ про-

тивникомъ Бернскаго правительства, а почтенный историкъ, по своимъ убъжденіямъ и отчасти по семейнымъ преданіямъ, не желаетъ пробуждать давно угаснувшей ненависти между областями, вошедшими въ составъ Швейцаріи.

Главнѣйшій отдѣлъ бумагъ Лагарпа, касающихся Россіи, составляютъ мемуары его и переписка съ императоромъ Александромъ. По восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, Лагарпу были возвращены всѣ его проекты и письма, писанные имъ въ разное время Александру I и находившіеся въ кабинетѣ покойнаго императора. Тронутый такимъ лестнымъ знакомъ вниманія, Лагарпъ отослалъ снова въ Петербургъ, снявъ для себя копіи, оригиналы своихъ писемъ и проектовъ и прибавилъ къ нимъ копіи съ писемъ къ нему Александра I. Хотя въ Швейцаріи остались только копіи, но и онѣ не лишены интереса по примѣчаніямъ, которыя Лагарпъ дѣлалъ къ нимъ въ послѣдствіи.

Въ мемуарахъ Лагарпъ разказываетъ свою жизнь. Онъ написалъ было чрезвычайно подробную автобіографію, но по неизвѣстнымъ причинамъ уничтожилъ ее. Друзья уговаривали его снова приняться за подобное сочиненіе. Быть можетъ, и самъ онъ, судя по его характеру, желалъ передать потомству извѣстіе о своей, не совсѣмъ обыкновенной, жизни. Тридцать три года спустя по отправленіи Цшокке мемуаровъ, Лагарпъ принялся за ихъ продолженіе. Въ 1837 году приступилъ онъ къ этому труду; послѣдній листъ помѣченъ мартомъ 1838 года, и въ мартѣ того же года его не стало. Мемуары обнимаютъ время со дня рожденія автора до 1803 года. Жизнь свою (до 1803 года) Лагарпъ раздѣляетъ на шесть періодовъ. Первые четыре заключаютъ въ себѣ время до паденія „гельветическаго“ правительства, два послѣдніе — вторичное пребываніе Лагарпа въ Россіи и возвращеніе его во Францію 7).

Бумаги Лагарпа составляютъ въ настоящее время собственность родственника его по женѣ и наслѣдника, г. Моно (Henri Monod), живущаго въ Швейцаріи, въ помѣстьи своемъ Бель-Эръ (Bel-air), близъ Моржа (Morges). Я обязанъ г. Моно сообщеніемъ мнѣ бумагъ Лагарпа, имѣющихъ отношеніе къ Россіи. Дорожа литературнымъ наслѣдствомъ Лагарпа, какъ семейною и общественною драгоценностью, г. Моно не рѣшился показать мнѣ бумагъ безъ официальнаго заявленія. Считаю долгомъ выразить искреннюю признательность г. посланнику русскому при Швейцарскомъ союзѣ, Николаю Карловичу Гирсу: его просвѣщенное содѣйствіе открыло мнѣ доступъ къ архиву г. Моно.

Архивъ этотъ, не смотря на его богатство, не исчерпываетъ всѣхъ матеріаловъ, которые можно найти въ Швейцаріи касательно Лагарпа и его пребыванія въ Россіи. Большое количество книгъ и нѣсколько томовъ весьма важныхъ рукописей завѣщено Лагарпомъ Лозаннской публичной бібліотекѣ (bibliothèque cantonale). Возможностью пользоваться ими даже внѣ бібліотеки я обязанъ ходатайству главнаго секретаря департамента просвѣщенія Аршинара, при содѣйствіи котораго я получилъ доступъ и въ бібліотеку государственнаго совѣта Швейцаріи.

I.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ родился 6-го апрѣля 1754 года въ небольшомъ швейцарскомъ городѣ Роллѣ (Rolle), лежащемъ на берегу Женевского озера. Родовое прозвище Лагарпа писалось въ разное время на разные лады. Предки его, принадлежавшіе къ мѣстному дворянству (noblesse), назывались Деларпазъ (De l'Agraz). Онъ самъ называлъ себя и Деларпомъ, и Лагарпомъ, и Делагарпомъ (De l'Harre, Laharre, De la Harre). Полагаютъ, что измѣненіе первоначальнаго De l'Harre въ Laharre произошло отъ желанія быть соименникомъ литературной знаменитости своего времени, извѣстнаго французскаго писателя и критика, Лагарпа. Частица *de* тщательно отбрасывалась во время революціи, и по минованіи ея снова явилась на сцену. Въ Россіи его называли Делагарпомъ, когда онъ былъ въ милости, когда ему давали награды, и просто Лагарпомъ, когда онъ подвергся опалѣ, и его лишили орденовъ ⁸⁾.

Отецъ Лагарпа, старый служака, соединилъ въ имени сына, предназначаемаго, вѣроятно, для военнаго поприща, имена двухъ любимыхъ своихъ героевъ, Цезаря и Фридриха прусскаго, назвавъ его Фридрихомъ-Цезаремъ (Frédéric-César) ⁹⁾.

Первоначальное общественное воспитаніе Ф.-Ц. Лагарпъ получилъ въ училищѣ роднаго города (collège de Rolle), которое было весьма плохо устроено. Преподаваніе находилось въ самомъ печальномъ состояніи: о грамматикѣ, исторіи, географіи не было и помину; съ грѣхомъ пополамъ учили латинскому языку и едва-едва греческому. Но къ счастью любознательнаго юноши, у него былъ весьма образованный дядя, открывшій ему свою бібліотеку. Съ необычайною ревностію Лагарпъ сталъ читать древнюю исторію и произведенія древнихъ писателей. Первые впечатлѣнія юности глубоко запали въ его душу, и въ теченіе всей своей жизни Лагарпъ былъ восторженнымъ почитателемъ древности, ея литературы, быта, идей и учрежденій.

Четырнадцать лѣтъ отъ роду Лагарпъ поступилъ въ семинарію въ Гальденштейнѣ, близъ Кура въ Граубюнденѣ, и пробылъ въ ней два съ половиною года. Тамъ окончательно развилась въ немъ и окрѣпла любовь къ древности и къ выработаннымъ ею формамъ государственнаго быта. Пребываніе въ Гальденштейнѣ имѣло рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Лагарпа. Въ оправдательномъ актѣ, представленномъ національному собранію, онъ утверждаетъ тѣсную связь между идеями и воззрѣніями, вынесенными имъ изъ Гальденштейна, и своею дальнѣйшею политическою дѣятельностью. Онъ говоритъ о себѣ: „Иго олигархіи, тяготѣвшее надъ моею родиною, заставило меня покинуть отечество. Будучи съ дѣтства горячимъ приверженцомъ свободн, я окрѣплъ въ этомъ чувствѣ и въ этихъ идеяхъ во время пребыванія въ Гальденштейнской семинаріи, разсадникѣ людей, прославившихся во времена нашей революціи и признающихъ своимъ наставникомъ добродѣтельнаго Неземана, почтеннаго старца, заключеніе котораго въ темницѣ въ Инспругѣ служить искупительною жертвою за воспитаніе свободныхъ гражданъ. Не находя свободы въ своемъ отечествѣ, я рѣшился искать ея въ Америкѣ; но странная прихоть судьбы бросила меня въ Россію... и мои идеи и начала остались непоколебимы, не смотря ни на какія обстоятельства“¹⁰⁾).

Семинарія была главною достопримѣчательностью края и привлекала къ Гальденштейну вниманіе людей образованныхъ. Слава ея распространялась по всей Швейцаріи, и не одни Швейцарцы посѣщали ея: въ числѣ воспитанниковъ было много Французовъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ¹¹⁾). Успѣхъ учрежденія не былъ мгновеннымъ, скоропроходящимъ; оно оставило глубокіе слѣды въ народной жизни; не даромъ провели въ Гальденштейнѣ первые года юности многіе дѣятели на политическомъ и литературномъ поприщахъ, которыми гордится Швейцарія. Гальденштейнская семинарія занимаетъ видное мѣсто въ исторіи швейцарской образованности. При обзорѣ умственной жизни Швейцаріи исторіи съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о семинаріи Неземана, какъ о святилищѣ ума и человѣческаго чувства, воспитавшемъ людей, прославившихъ отечество своими подвигами, силою характера и преданностью общему благу¹²⁾).

Душой учрежденія былъ извѣстный педагогъ Неземанъ, уроженецъ Магдебургскій, вышедшій изъ педагогической школы Франке въ Галле. Современники не находятъ словъ для изображенія по заслугамъ въ высшей степени благотворной дѣятельности Неземана по

воспитанію юношества. Они удивляются его педагогическому такту и умѣнью дѣйствовать на сердца и нравы молодыхъ людей. Девизомъ его было — болѣе дѣлать, чѣмъ говорить (*mehr zu handeln, als zu schwatzen*). До глубокой старости Неземанъ сохранилъ силу мысли и воли. Свѣтлый умъ его неутомимо искалъ истины; будучи уже семидесяти лѣтъ отъ роду, Неземанъ покинулъ прежнюю философскую систему и съ жаромъ принялся за изученіе новой тогда философіи Канта, которую скоро усвоилъ себѣ, сознавъ и оцѣнивъ ея высокое достоинство ¹³). Но ни преклонныя лѣта, ни всѣми признанныя заслуги не спасли маститаго старца отъ произвола олигархіи, осудившей его на изгнаніе и ссылку за то, что онъ проводилъ въ воспитаніе и въ жизнь либеральныя начала и образовалъ нѣсколько республиканскихъ поколѣній. Его сослали въ Тироль, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться до того времени, пока произойдетъ обмѣнъ заложниковъ. Наканунѣ ссылки Неземанъ написалъ Лагарду трогательное письмо, умоляя бывшаго своего ученика, во имя связывавшей ихъ сорокалѣтней дружбы, употребить все его вліяніе у французскихъ властей для ускоренія желаемаго обмѣна ¹⁴).

Неземанъ не только былъ руководителемъ заведенія, но оно и возникло по его мысли и при его содѣйствіи. Основателемъ семинаріи былъ М. Планта (*Martin Planta*), пользовавшійся высокимъ уваженіемъ современниковъ по своей образованности и любви къ общему благу. Его разнообразная ученость обнимала науки богословскія и математическія; ему принадлежатъ честь усовершенствованія электрической машины. Сдружившись съ Неземаномъ, Планта дѣлился съ нимъ мыслями о воспитаніи, и учрежденіе училища на здравыхъ педагогическихъ началахъ было предметомъ ихъ задушевныхъ бесѣдъ. Но друзья должны были разстаться, и разлука ихъ длилась около десяти лѣтъ. Неземанъ со ввѣренными ему юношами уѣхалъ въ Италію, потомъ въ Женеvu и въ Базель. По возвращеніи въ Граубинденъ друзья свидѣлись и рѣшили привести въ исполненіе свою давнюю и завѣтную мечту: въ 1761 году была открыта семинарія въ Гальденштейнѣ ¹⁵).

Цѣль заведенія состояла, какъ говоритъ его учредитель, въ томъ, чтобы давать юношамъ христіанское образованіе и готовить ихъ къ различнымъ поприщамъ: политическому, военному, сельско-хозяйственному и торговому. Мы убѣждены, — продолжаетъ онъ, — что откровеніе есть единый истинный источникъ религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы уважаемъ неоспоримыя права разума. Душою вѣры и основой христіанства

мы признаемъ любовь, но любовь живую и дѣятельную, любовь къ Богу, любовь къ ближнему, ко всякому ближнему, даже ко врагу и къ тому, кто иначе вѣруетъ, нежели мы; любовь, которая все терпитъ, все переноситъ,—вотъ религія, которую мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ.

Предметами преподаванія были исторія, географія, логика, естественное право, математика, естествознаніе, бухгалтерія, чистописаніе и правописаніе. Изъ языковъ преподавались латинскій, италіанскій, французскій и нѣмецкій, а для желающихъ и начала греческаго языка. Несовершенство здѣсь преподаванія греческаго языка было причиною, что Лагарпу пришлось доучиваться ему въ старости. Любимыми писателями Лагарпа были Полибій, Плутархъ и Тацитъ, и чтобы читать Полибія въ подлинникѣ, Лагарпъ, будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, принялся за основательное изученіе греческаго языка ¹⁶⁾.

Общій характеръ преподаванія состоялъ въ томъ, что наставники старались какъ можно болѣе дѣйствовать на умъ учащихся и развивать ихъ мыслительную способность и какъ можно менѣе обременять память, чтобы изъ ученія не сдѣлать муки и пытки для молодыхъ умовъ. Метода, принятая въ семинаріи, равно далека была отъ чрезмѣрной, ниводящей науку до шутки, ирривости филантропина и тяжелаго педантизма старой школы. То, что вынесъ Неземанъ изъ педагогической семинаріи въ Галле, и всего болѣе его личная опытность и наблюдательность содѣйствовали выработкѣ многихъ прекрасныхъ особенностей въ приемахъ преподаванія и въ обращеніи съ дѣтьми.

Во главѣ преподаванія и внутренняго устройства училища стоялъ Неземанъ, и выборъ его рунался за достоинство другихъ преподавателей, призванныхъ имъ раздѣлять его труды и обязанности. Какъ любознательную случайность замѣтимъ, что по перенесеніи семинаріи изъ Гальденштейна въ Рейхенау въ числѣ преподавателей былъ будущій французскій король Людовикъ-Филиппъ. Изгнанный изъ Франціи, онъ удалился въ Швейцарію и по женеуру былъ принятъ учителемъ въ заведеніе Неземана, гдѣ около восьми мѣсяцевъ преподавалъ исторію, географію, математику, языки французскій и англійскій, обучая вмѣстѣ съ тѣмъ и рисованію. Онъ вступилъ въ педагогическое сословіе подъ именемъ Шабо-Латуръ (Chabaud-Latour), и только одинъ Неземанъ зналъ, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ.

По своему внутреннему устройству Гальденштейнская семинарія была слишкомъ съ древней Римской республикой: тотъ же форумъ,

тѣ же трибуны, консулы, квесторы, тотъ же сенатъ, словомъ, вся обстановка римскаго республиканскаго быта. Республиканское устройство семинаріи воспитало въ Лагарпѣ глубокое чувство республиканца, не покидавшее его до могилы.

Между воспитанниками учреждена была *республика*; вся масса воспитанниковъ составляла *народъ*, который выбиралъ изъ среды своей, въ опредѣленные сроки, должностныя лица республики. Тѣ, которые уже несли общественныя обязанности, приносили въ избирательныхъ собраніяхъ рѣчи, обычнымъ содержаніемъ коихъ были достоинства и недостатки юности и значеніе долга, возлагаемаго на избранныхъ представителей народа. Изъ среды воспитанниковъ были избираемы трибуны, цензоры, эдилы, преторы, квесторы, консулы и т. д. *Трибунъ* народный былъ самымъ важнымъ лицомъ юношеской республики, блюстителемъ ея благосостоянія и безопасности; онъ присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, и хотя не имѣлъ на нихъ голоса, но ни одно постановленіе не могло состояться помимо его воли и согласія. Обязанность *цензора* состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за поведеніемъ воспитанниковъ и публично заявлять о ихъ хорошихъ и дурныхъ поступкахъ. *Эдилъ* (aedilis plebejus) долженъ былъ наблюдать, чтобы юноши не позволяли себѣ нескромныхъ разговоровъ, грубыхъ выходокъ, брани, оскорбленій и проклятій. *Преторъ* предотвращалъ и останавливалъ распри, всякаго рода враждебныя столкновенія и запальчивыя споры. Если товарищескіе совѣты и увѣщанія не помогали, то *квесторъ* предавалъ виновнаго въ руки правосудія, и начинался процессъ въ присутствіи всей республики. Квесторъ излагалъ во всеуслышаніе вину подсудимаго, который имѣлъ право защищать себя или лично, или посредствомъ адвоката. *Консулъ* выслушивалъ показанія сторонъ и свидѣтелей, руководилъ преніями, собиралъ голоса и представлялъ дѣло на рѣшеніе судей. Въ судьи выбирались обыкновенно тѣ изъ воспитанниковъ, которые были уже знакомы съ естественнымъ правомъ (jus naturae). Если виновнымъ оказывался кто-либо изъ должностныхъ лицъ, то народъ избиралъ изъ среды своей шесть судей, и они приносили приговоръ, совѣщаясь подъ предсѣдательствомъ самого начальника заведенія ¹⁷⁾.

Подобное устройство студентской корпораціи на древній ладъ встрѣчается и въ послѣдствіи, въ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ родномъ Лагарпу Лозаннскомъ университетѣ студенты, на основаніи устава, образовали сенатъ, состоявшій изъ восемнадцати членовъ: консула, квестора, оратора, пре-

тора, библиотекаря и его помощника, секретаря и одиннадцати цензоровъ, и выборы происходили въ общихъ собраніяхъ студентовъ ¹⁸⁾.

Избирая образцомъ Римскую республику, учредители Гальденштейнской семинаріи желали дать учащимся полную возможность понять и усвоить себѣ духъ римской исторіи и древнихъ писателей. При учрежденіи педагогической республики была и другая, существенно важная цѣль, а именно—призвать юношей къ самовоспитанію, заставить ихъ наблюдать другъ за другомъ и развить въ нихъ чувство нравственнаго достоинства. Посредствомъ введенія „трибунала“ или самосуда они дѣлались собственными своими законодателями, судьями и воспитателями. Неземанъ придавалъ большое значеніе самосуду, сознаваясь, что многому научился въ этихъ собраніяхъ юношей, и что сужденія ихъ другъ о другѣ часто оказывались болѣе вѣрными, нежели выводы наставниковъ и воспитателей. Республика и самосудъ, учрежденные съ чисто воспитательною цѣлью, вызвали негодованіе въ нѣкоторой части общества. Говоря словами современника, нищѣ духомъ порицатели силились поколебать общественное довѣріе къ Неземановой семинаріи, распуская о ней дурные слухи, какъ о расадникѣ революціонеровъ и якобинцевъ ¹⁹⁾.

По выходѣ изъ Гальденштейнской семинаріи Лагарпъ продолжалъ и довершилъ свое образованіе въ Женевѣ и въ Тюбингенѣ. Въ Женевѣ онъ занимался преимущественно философіей, а въ Тюбингенѣ юридическими науками, не повидая, впрочемъ, любимыхъ своихъ занятій математикой и древнею классическою литературой. Душа его лежала къ математическимъ наукамъ, и только житейская необходимость составить себѣ независимое положеніе въ обществѣ да совѣты доктора правъ Фавра расположили Лагарпа избрать юридическое поприще.

Въ распредѣленіи своихъ занятій въ Тюбингенѣ, въ выборѣ произведеній для чтенія и изученія и въ ихъ оцѣнкѣ Лагарпъ обнаружилъ замѣчательную самостоятельность мысли, вѣрный взглядъ и умѣнье совладать съ многочисленнымъ матеріаломъ, надъ которымъ онъ трудился съ неутомимымъ усердіемъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что наука права должна основываться на разумномъ, философскомъ началѣ; но не слѣдуетъ принимать за философію различныя, болѣе или менѣе произвольныя мнѣнія философовъ, ибо для науки очень плохая поддержка въ цѣлой сотнѣ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, изъ которыхъ, быть можетъ, ни одно не заключаетъ въ себѣ истины. Поэтому только тѣ неопровержимыя истины, кото-

рыя вытекають изъ несомнѣннаго опыта и наблюденія, могутъ по справедливости назваться философіей права.

Первымъ предметомъ, въ которомъ устремилась любознательность Лагарпа, было естественное право. Но лекціи профессора Бауера, по отзыву его молодого и весьма строгаго судьи, оказались крайне неудовлетворительными, и Лагарпъ долженъ былъ обратиться къ сочиненіямъ Пуфендорфа и Бурламави: свѣдѣнія, добытыя имъ изъ этого источника, далеко превосходили и по количеству, и по качеству все то, что можно было вынести изъ аудиторіи бездарнаго преподавателя. Отдавая справедливость ясности и логичности изложенія естественнаго права у Бурламави, Лагарпъ находилъ однако же, что авторъ чересчуръ щедръ на объясненія и долго останавливается на вещахъ, не требующихъ особеннаго вниманія и подробныхъ доказательствъ.

Съ наибольшою настойчивостью и рвеніемъ Лагарпъ принялся за Институты Юстиніана, заключающіе въ себѣ существенныя основы гражданскаго права и послѣдующихъ законодательствъ; затѣмъ перешелъ къ Пандектамъ, до того поразившимъ его своимъ безалабернымъ расположеніемъ, что онъ отъ души проклиналъ Трабоіана и его сотрудниковъ. Пособія, къ которымъ онъ обратился для уразумѣнія источниковъ, привели его въ отчаяніе. Онъ называетъ книги Лаутербаха и Шаумбурга умственною пыткой и образцами неясности, сбивчивости и галиматъи, которые слѣдовало бы сжечь, всѣ до единаго экземпляра, чтобъ избавить отъ мучительнаго тумана головы молодыхъ людей, осужденныхъ на изученіе этого хлама юридической литературы.

Сокровищницею мудрости считали въ то время Духъ законовъ Монтескьё. Съ благоговѣніемъ приступалъ Лагарпъ къ знаменитой книгѣ, испрашивая предварительно согласія своего опытнаго друга и руководителя, доктора Фавра. Лагарпа одолевало сомнѣніе, въ состояніи ли онъ будетъ уразумѣть твореніе Монтескьё при недостаточномъ еще запасѣ свѣдѣній, состоящихъ изъ основаній естественнаго права, философіи и римскаго права. Лагарпъ былъ въ восторгѣ и отъ другаго произведенія Монтескьё—о причинахъ величія и упадка Римлянъ (*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*). При чтеніи этой книги онъ невольно сравнивалъ многое, въ ней разсматриваемое, съ явленіями, извѣстными ему изъ исторіи другихъ народовъ.

Обязательныя занятія юридическими науками не подавили въ Лагарпѣ страсти его къ математикѣ и классической древности. Въ Ту-

бингенѣ онь читаль и пересчитываль Элементы Эвклида и труды повѣднѣйшихъ ученыхъ. По его словамъ, математика замѣняла для него логику и тѣмъ приносила ему двойную пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онь не расставался съ Тацитомъ, Саллюстіемъ, Горациемъ и Вергиліемъ, которыхъ считаль лучшими своими друзьями, и искренно жалѣль, что не могъ имѣть подъ руками Цицерона.

Изъ философскихъ вопросовъ всего болѣе занимало его бытіе Бога. Чѣмъ болѣе обдумываль онь все, что приходилось ему читать за и противъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ несостоятельности системы, отрицавшей существованіе Божества, и не допускаль возможности сдѣлаться кому бы то ни было дѣйствительнымъ, а не кажущимся только атеистомъ.

Методу, усвоенную Лагарпомъ въ Тюбингенѣ при изученіи римскаго права и при научныхъ занятіяхъ вообще, называютъ геометрическою по ея основательности и точности. Внимательно изучая каждое явленіе, онь сравниваль его съ другими, однородными ему, постоянно свѣряль пособія съ источниками и доискиваль положительной основы каждаго вывода въ кругу изучаемой имъ отрасли знаний. Особенно высоко цѣнилъ онь Докка до глубинѣ его мыслей, по стройности и порядку ихъ изложенія, по искренности и сдержанности его сужденій. Одно изъ убѣжденій, вынесенныхъ Лагарпомъ изъ его Тюбингенскихъ занятій и изъ послѣдующихъ занятій въ Лозаннѣ, весьма замѣчательно для характеристики его какъ будущаго педагога, призваннаго руководить умственнымъ образованіемъ юношей. Я убѣдился, — говорить онь, — что всего полезнѣе знакомить юношей съ самими источниками и отнюдь не держать ихъ долго на однихъ пособіяхъ и учебникахъ. Не имѣя въ рукахъ источниковъ, молодые люди будутъ ходить ощупью, умъ ихъ можетъ измельчать, и тотъ изъ нихъ, кто при свѣтѣ источниковъ достигъ бы высшаго развитія, тотъ, будучи лишень ихъ спасительнаго свѣта, можетъ навсегда остаться посредственностью, жалкимъ отголоскомъ чужаго образа мыслей и возрѣній²⁰⁾.

II.

Пребываніе въ Тюбингенѣ увѣнчалось для Лагарна приобрѣтеніемъ степени доктора правъ. Возвратившись въ отечество, двадцатилѣтній докторъ правъ посвятилъ себя юридическому поприщу, и искусно проведенный процессъ доставилъ ему мѣсто адвоката при высшей апелляционной камерѣ. По своей новой обязанности онь долженъ былъ каж-

дню зиму проводить въ ненавистномъ ему Бернѣ, такъ какъ тамъ находились всѣ высшія инстанціи, вѣдавшія дѣла земли Ватландской, тогда какъ въ послѣдней были однѣ низшія инстанціи. Время свое адвокат-литераторъ дѣлилъ такимъ образомъ, что жизнь на родинѣ была посвящена преимущественно занятіямъ ученымъ и литературнымъ, пребываніе же въ Бернѣ поглощалось службою, процессами и тяжбами. Подъ вліяніемъ идей, которыя господствовали въ образованномъ обществѣ, сгруппированномъ тогда въ главномъ городѣ края, Лозаннѣ, окончательно выработался тотъ образъ мыслей, тѣ воззрѣнія на жизнь, людей, политическое устройство, воспитаніе и т. д., съ которыми Лагарпъ началъ свою дѣятельность въ Россіи.

Ученіе энциклопедистовъ царило тогда надъ умами. Оно пустило корни по всей Европѣ и въ особенности привилось къ странѣ, гдѣ нации пріютъ и сочувствіе главнѣйшіе представители умственнаго движенія, связанные съ ея обитателями не только духовнымъ, но и физическимъ родствомъ, единствомъ племени. А это послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно: съ отдаленныхъ временъ и до настоящей минуты оно даетъ себѣ чувствовать во всѣхъ событіяхъ народной жизни. Родина Лагарпа была святыней для ворифеевъ тогдашней французской литературы. Покидая Францію, Руссо стремился въ соплеменную ей южную Швейцарію, какъ въ обѣтованную землю, и достигши ея, палъ ницъ и цаловалъ ее, какъ мать-спасительницу, благодаря небо, приведшее его въ страну справедливости и свободы. Герои романовъ Руссо дѣйствуютъ на берегахъ Женевского озера, въ окрестностяхъ Лозанны и Веве. Скрываясь отъ гнѣва Фридриха и преслѣдуемый въ отечествѣ, Вольтеръ ѣдетъ въ Швейцарію и до того увлекается живописнымъ мѣстоположеніемъ Лозанны и тогдашнимъ состояніемъ ея общества, что дѣлается постояннымъ ея жителемъ, домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Онъ былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ въ кругу Лозаннскаго общества людей, проникнутыхъ его идеями, его учениковъ и послѣдователей. Слава Вольтера и Руссо привлекала въ ихъ новое отечество ихъ многочисленныхъ почитателей, и въ Лозаннѣ образовался литературный кружокъ, которому могла бы позавидовать любая изъ европейскихъ столицъ. Въ Лозаннѣ провелъ много лѣтъ Гиббонъ; тамъ онъ получилъ свое образованіе; тамъ же писалъ онъ свой знаменитый трудъ, упрочившій за нимъ такое видное мѣсто въ исторической литературѣ. Гиббонъ до того смылся съ особенностями, нравами и бытомъ края, что наблюденія его надъ внутреннею жизнью среды, въ которой онъ поселился,

служать для мѣстныхъ историковъ неоспоримымъ и драгоценнымъ матеріаломъ, къ которому обращаются они въ свежихъ научныхъ трудахъ какъ къ прямому и достовѣрнѣйшему источнику. Обычное общество Гиббона составляли лица, болѣе или менѣе замѣчательныя въ политическомъ, литературномъ или другомъ какомъ-либо отношеніи, какъ напримѣръ, Некверъ, Рейналь, принцъ Генрихъ Прусскій, родственники Людовика XV и Екатерины II. Въ Лозаннѣ жили и нѣсколько Русскихъ, принимавшихъ участіе въ различныхъ литературныхъ и научныхъ предпріятіяхъ и наданіяхъ. Графъ Разумовскій, вмѣстѣ съ докторомъ медицины Верделемъ (Verdeil) и профессоромъ химіи Штруве, былъ учредителемъ общества физическихъ наукъ (société des sciences physiques de Lausanne), основаннаго въ 1783 году, и т. д.

Подъ вліяніемъ представителей европейской цивилизаціи оживилась литературная дѣятельность края, и литература, не ограничиваясь погонею за изяществомъ и разнообразіемъ формы, затрогивала и социальныя вопросы. На родинѣ Лагарпа явилась соперница знаменитой Парижской Энциклопедіи. Тамъ издавалась обширная энциклопедія, хотя на основаніи Парижской, но со многими и важными дополненіями, принадлежавшими перу италіанскаго изгнанника де-Феличе (de Felice), бывшаго двадцати лѣтъ отъ роду профессоромъ физики въ Неаполѣ, а въ послѣдствіи поселившагося на югѣ Швейцаріи ²¹⁾. Большимъ значеніемъ въ швейцарской литературѣ пользовались повѣсти г-жи Шаррьеръ (madame de Chagrière), принимавшей участіе и въ политической жизни своей страны. Въ романахъ этой писательницы встрѣчаются подобныя слѣдующему мѣста, свидѣтельствующія о настроеніи тогдашняго общества: „Положеніе крестьянъ—говоритъ она—самое ужасное: всѣ земли ихъ и имущество заложены, они истые рабы богатыхъ классовъ. Несправедливо полагаютъ, что причина этого печальнаго явленія въ самихъ крестьянахъ, въ ихъ лѣности, туности и пьянствѣ. Сообразно ли съ природою человѣческой, чтобы бѣдные крестьяне оставались на высотѣ нравственности и добродѣтели, когда все призываетъ ихъ къ пороку? Истинная причина ала —самовластіе гороховъ и гнетъ, наложенный ими на сельское населеніе. Преобладающая страсть человѣка есть стремленіе господствовать надъ другими. Богачи порѣшили, что человѣкъ лѣнивъ, и что нужно принуждать его къ труду голодомъ. Вслѣдствіе этого три четверти рода человѣческаго изнемогаетъ подъ бременемъ труда и бѣдности, борясь съ ежедневными искушеніями, неизбежными спутниками нищеты. Если бы законами руководило че-

любовческое чувство, они не дозволили бы воздвигать великолѣпныя и бесполезныя зданія въ то время, когда тысячи бѣдняковъ остаются безъ крова; одни не предавались бы роскоши и излишествамъ, между тѣмъ какъ другіе умираютъ отъ голода. Богачи твердятъ, что никто не умираетъ отъ голода. Но посмотрите на лицу бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ, сельскихъ поденщиковъ, и вы убѣдитесь, что если она и не причиняетъ немедленно смерти, то ни въ какомъ случаѣ не поддерживаетъ жизненныхъ силъ. И при всемъ этомъ, раздаются возгласы о милосердіи, сострадательности, благотворительности. Я ненавижу благотворительность: она ожидаетъ, пока человѣкъ впадетъ въ нищету и обратится въ ничтожество; она всегда оскорбляетъ и унижаетъ того, кого горе заставляетъ прибѣгать къ ней. Въмѣсто того, чтобъ изобрѣтать наказанія порочнымъ, законодатели должны были бы употребить все усилія, чтобъ предупредить бѣдность и ея слѣдствія — преступленія“, и т. д. ^{2a)}.

Участвіе въ народу, теоретическое и практическое, выразилось заботами о распространеніи знаній, объ открытіи училищъ, о собраніи свѣдѣній о странѣ и народѣ историческихъ, статистическихъ, этнографическихъ и т. д. Добрую память о себѣ въ этомъ отношеніи оставилъ извѣстный писатель Бридель (le doyen Bridel), (род., 1757 г., ум. 1845), находившійся въ сношеніяхъ съ Лагарпомъ, своимъ землякомъ и сверстникомъ и сдѣлавшій извѣстными за границею лекціи, читанныя Лагарпомъ великому князю Александру Павловичу. Литературная извѣстность Бриделя началась съ его элегій на смерть княгини Е. Н. Орловой, умершей въ Лозаннѣ въ 1781 году и покороненной въ Лозаннскомъ соборѣ. Одушевленный любовью къ родинѣ, Бридель исходилъ вдоль и поперекъ многія мѣстности Швейцаріи, отыскивая матеріалы для отечественной исторіи. Хотя повсюду въ странѣ можно было встрѣтить людей образованныхъ, но стремленіямъ и предпріятіямъ ихъ не доставало единства и народнаго характера. Пребудить страну отъ нравственнаго усыпленія, вызвать и воспитать народное чувство изученіемъ мѣстной судьбы отечества, — такова была благородная цѣль литературныхъ трудовъ Бриделя. Онъ тщательно замѣчалъ народныя особенности и собиралъ памятники старины: историческія свѣданія, легенды, вѣсни, образцы народныхъ говоровъ. Его *Étrennes Helvétiques* и другія изданія служатъ памятникомъ его трудовъ по изученію родины и на благо ея. Въ стремленіяхъ своихъ онъ былъ совершенно чуждъ мѣстной, кантональной исключительности, имѣя въ виду общее отечество — единую, нераз-

дѣльную Швейцарію. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходилъ съ Лагарпомъ, проводившамъ эту мысль на дѣлѣ и боровшимся за нее до послѣдней минуты своей политической дѣятельности. Бридель говоритъ о себѣ: — Я гражданинъ не Цюриха, не Берна, не Лозанны, а Швейцаріи; я не католикъ, не реформатъ, а христіанинъ; я не демократъ, не аристократъ, не охлократъ, а патриотъ. Въ дѣлѣ о формахъ общественнаго устройства, какъ и въ вопросѣ о машинахъ, слѣдуетъ предпочитать тѣ изъ нихъ, которыя въ ходу ²³⁾.

Въ Лозаннѣ въ то время жилъ, подъ именемъ графа Эберштейна, наслѣдникъ принца Брауншвейгскій, и Бридель преподавалъ ему исторію, литературу и политическую экономію. Духъ преподаванія какъ нельзя болѣе былъ близокъ къ тому, которымъ отличались наставленія Лагарпа великому князю Александру Павловичу. Это — однѣ и тѣ же мысли, даже однѣ и тѣ же слова, и только то, что Лагарпъ излагаетъ въ прозѣ, въ видѣ лирическихъ разсужденій, то Бридель выражаетъ иногда въ стихахъ. Обращаясь къ Брауншвейгскому принцу, Бридель говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: Будучи поставлены рожденіемъ на высотѣ властителя, помните, что природа всѣхъ насъ создала равными, и обращайтесь съ подвластными по человѣчески. Гоните отъ себя гнусныхъ льстецовъ, восхваляющихъ безграничное самовластіе и произволь... ²⁴⁾.

Число лицъ, поселившихся въ Лозаннѣ и живо интересовавшихся вопросами литературы и науки, было такъ значительно, что въ средѣ ихъ образовалось нѣсколько обществъ, изъ которыхъ особенно выдается такъ-названное Литературное общество, *Société littéraire de Lausanne*, возникшее въ 1772 году. Основателемъ его былъ другъ Гиббона Деверденъ (*Deuverdan*). Оно собиралось каждую недѣлю, и собранія его, судя по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ, были и многочисленны, и весьма оживленны. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ, въ протоколахъ названы, между прочимъ, Джиллисъ (*Gillies*), авторъ исторіи Греціи, и Фергюссонъ (*Fergussou*), авторъ исторіи Римской республики, сочиненіями которыхъ руководствовался Лагарпъ въ преподаваніи исторіи своему царственному питомцу. Изъ Русскихъ членами Лозаннскаго литературнаго общества были князь Михаилъ и Борисъ Голицыны. Лагарпъ былъ единогласно избранъ членомъ общества 4-го іюня 1780 года.

Вступленіе въ общество соединено было съ нѣкоторыми обрядностями, отчасти напоминающими масонскія ложи. Цѣль общества — сказано въ его уставѣ — состоитъ въ изысканіи совокупными силами

истины въ области теоретической и нравственной философіи, литературы и изящныхъ искусствъ. Всякій, вступающій въ общество, обязанъ искренно и утвердительно отвѣчать на слѣдующіе вопросы, скрѣпивъ отвѣты на нихъ своею подписью:

1) Любите ли всѣхъ людей безъ различія ихъ вѣрованій, ихъ религіи, ихъ образа мыслей, и искренно ли желаете всему человѣчеству добра и нравственнаго усовершенствованія?

2) Признаете ли, что никто не долженъ подвергаться за свои мысли и вѣрованія безславію, преслѣдованіямъ и наказаніямъ?

3) Обѣщаете ли искренно трудиться надъ отысканіемъ истины, и любите ли ее ради ея самой? Готовы ли, нашедши истину, съ радостью воспріять ее и съ полнымъ безпристрастіемъ сообщить ее другимъ?

4) Обѣщаете ли употребить всѣ усилія, чтобъ изгнать изъ этого исканія истины всякую страсть, всякое предубѣжденіе, всякій духъ партіи и злобы противъ тѣхъ, которые думаютъ иначе, нежели вы? Обѣщаете ли благодушно выслушивать противорѣчія, прибѣгая единственно къ духовному оружію разума, какъ для защиты, такъ и для нападенія? ²⁵⁾

Въ собраніяхъ общества читались статьи, написанныя его членами, и обсуждались занимавшіе на ту пору общество вопросы, относящіеся къ области философіи, литературы, нравственности и политики. Въ одномъ изъ собраній было читано разсужденіе о народной поэзіи французской Швейцаріи, въ другомъ — о предрасудкахъ, которые слѣдуетъ шадить и уважать, въ третьемъ — о свободѣ книгопечатанія, и т. д.

Въ рѣшеніи вопроса о предрасудкахъ нельзя не видѣть преобладающихъ идей Руссо о постепенномъ развитіи, или точнѣе, искаженіи человѣческой природы. По мнѣнію автора, человѣкъ въ естественномъ своемъ состояніи (*l'homme naturel*), мыслящій единственно на основаніи собственныхъ чувствъ и впечатлѣній, свободенъ отъ предрасудковъ. Они навязываются человѣку вмѣстѣ съ цивилизаціей, заставляющей его жить чужимъ умомъ. Такимъ образомъ возникли идеи о неравенствѣ между людьми и о необходимости подчиняться законамъ, которые въ сущности нисколько не обязательны, какъ дѣла рукъ человѣческихъ, какъ произведеніе людей, совершенно равноправныхъ съ тѣми, отъ кого требуютъ безусловной покорности законамъ. Но между предрасудками есть и весьма полезныя, какъ, на примѣръ, преданность общему благу, менрикосновенность чести женщины, уваженіе къ законамъ и общественнымъ учрежденіямъ, и т. п.

О выгодахъ и невыгодахъ свободнаго книгопечатанія представлено было нѣсколько мемуаровъ. Авторы ихъ горячо защищали свободу книгопечатанія, видя въ ней прочную опору не только политической свободы, но народной нравственности и самого правительства. Въмѣстѣ съ тѣмъ они вооружались противъ сочиненій анонимныхъ, поворящихъ литературу, и настоятельно требовали, чтобъ авторы отнюдь не скрывали своихъ именъ и не прибѣгали къ псевдонимамъ. Только одинъ голосъ возставалъ противъ свободы печати, утверждая, что Женева раздирается внутренними партіями именно вслѣдствіе этой свободы.

Лагарпъ въ своемъ мемуарѣ отвѣчалъ на вопросъ: какими свойствами всего вѣрнѣе приобретается расположеніе другихъ? ²⁶⁾

Литературные труды и просвѣтительныя бесѣды представителей европейской образованности наполняли лучшую сторону жизни Лагарпа. Но была и другая сторона, далеко не столь привлекательная, стоившая многихъ усилій и внутренней борьбы, полная тревогъ, злобы и оскорбленій. Цоставленный въ необходимость служить враждебному правительству, Лагарпъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, выносилъ тяжесть своего служебнаго положенія. Ненависть Лагарпа къ безусловному господству Бернскихъ правителей привела его къ мысли покинуть отечество и послужила поводомъ къ тому, что Лагарпъ переселился въ Россію. Та же ненависть была одною изъ главнѣйшихъ причинъ удаленія его изъ Россіи.

Дорого обходилась Ватланду его зависимость отъерна. Взаимная вражда шла на старыя, и съ каждымъ вѣкомъ и даже съ каждымъ поколѣніемъ, становилась все глубже и глубже. Съ тѣхъ поръ, какъ Ватландскій край подпалъ подъ владычество Бернской аристократіи, то-есть, съ шестнадцатаго столѣтія, начинается рядъ мѣръ самыхъ произвольныхъ и необузданныхъ, посягавшихъ на свободу мысли и совѣсти, не говоря ужъ о политическомъ устройствѣ и матеріальномъ благосостояніи.

Въ январѣ 1536 года Бернъ завладѣлъ Ватландомъ, а перваго октября того же года назначенъ былъ въ главномъ храмѣ Лозанны торжественный диспутъ между протестантами и католиками, который долженъ былъ рѣшить навсегда участь господствующей въ краѣ религіи. Состязаніе было обставлено и ведено такимъ образомъ, что побѣда должна была во что бы то ни стало остаться на сторонѣ исповѣдуемой Берномъ религіи. По окончаніи диспута возвѣщена была побѣда протестантства; Лозанскій соборъ изъ католическаго обращенъ въ реформатскій, и Бернскіе пристава съ военными отрядами зво-

дли повсюду протестантство, жгли образа, разрушали алтари и все, что напоминало собою католичество. Драгоценности, принадлежавшія католическимъ церквямъ, и наполненные вѣками вклады набожныхъ жертвователей были отняты у страны, свезены въ Бергъ и обращены въ его собственность, не смотря на всѣ протесты мѣстныхъ жителей²⁷⁾.

Правительство Бернское состояло изъ двухъ-сотъ членовъ, избираемыхъ въ средѣ привилегированныхъ семействъ, такъ что большинство голосовъ принадлежало въ сущности четырнадцати, пятнадцати или шестнадцати семействамъ, которые и заправляли всѣми дѣлами страны. Это собраніе двухъ-сотъ соединяло въ себѣ и законодательную власть и исполнительную: оно издавало законы, и оно же исполняло ихъ по своему усмотрѣнію. Страхъ, внушаемый полновластіемъ и деспотизмомъ Бернскихъ правителей, весьма ярко выражается въ характеристическомъ объясненіи Вольтера съ Лозаннскимъ судьей. „Господинъ Вольтеръ—говорить судья—я слышалъ, что вы писали противъ Бога: это дурно, но я увѣренъ, что Богъ васъ проститъ. Я слышалъ, что вы писали и противъ религіи: это очень дурно, очень дурно, но Онъ проститъ васъ въ избыткѣ своего милосердія. Но берегитесь написать что-нибудь противъ Бернскихъ господъ: они не простятъ вамъ этого никогда, никогда“²⁸⁾.

Непосредственное участіе въ управленіи принимали пристава-судьи (bailli), которые были полновластными господами въ вѣренныхъ имъ округахъ: въ ихъ рукахъ былъ судъ, войско, финансы, религія; отъ нихъ зависѣла раздача всѣхъ должностей, которыми они открыто торговали. Тяжелый и постоянный гнетъ и подавленіе всякой самостоятельности повели за собою обычные слѣдствія — нравственный упадокъ и униженіе подавленныхъ тягостному игу. Добиваясь милости своихъ Бернскихъ повелителей, подвластные убажвали ихъ ласкательствами, называли ихъ пышными именами свѣтлѣйшихъ, могущественнѣйшихъ, верховныхъ владыкъ, раболѣпно простирались у подножія ихъ трона и осыпали ихъ такими хвалами, какихъ не расточали и Римляне передъ своими цезарями. А Бернскіе маленькіе цезари съ высоты величія смотрѣли на своихъ подданныхъ и даже нисходили до нѣкоторой заботливости о нихъ. Впрочемъ, она ограничивалась только покровительствомъ земледѣлію и отнюдь не простиралась на торговлю и промышленность. Земледѣліе, сглаживая сословную рознь, держитъ всѣхъ занимающихся имъ на одинаковомъ, весьма невысокомъ, уровнѣ. Торговля же и промышленность, способствуя увеличе-

ию богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ, обезпечиваетъ ихъ вліяніе, выдвигаетъ ихъ и дѣлаетъ болѣе способными къ сопротивленію необузданному произволу ²⁹⁾.

Надъ литературой края тяготѣла строгая Бернская цензура. Долгое время обязанность цензуры, а также наблюденія за книжными лавками и типографіями, лежала на Лозаннскомъ университетѣ, и запрещенію подлежало не только то, что было направлено противъ религіи и нравственности, но и то, что могло показаться сколько-нибудь неблагопріятнымъ для Бернскаго правительства. Въ самомъ Бернѣ цензура сильно стѣсняла писателей. Даже произведеніе „Швейцарскаго Оуинида“ Миллера встрѣтило столько препятствій со стороны цензуры, что онъ вынужденъ былъ вмѣсто Берна выставить мѣстомъ печатанія книги Востонъ ³⁰⁾.

Безпрестанныя столкновенія съ враждебною средою могли истощить терпѣніе и болѣе выносливаго человѣка, нежели какимъ былъ Лагарпъ. Поводомъ къ окончательному разрыву его съ Бернскою администраціей послужило рѣзкое объясненіе съ однимъ изъ членовъ верховнаго суда, бывшимъ до того времени въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ молодымъ адвокатомъ. Заносчивыя слова, обращенныя къ Лагарпу, какъ къ подданному, нанесли ему жестокою, не залѣчимую рану. „Мы не потерпимъ новаторскаго духа, и вы должны помнить, что вы наши подданные“, сказалъ членъ Бернскаго суда. Лагарпъ отвѣчалъ на это: „Мы не признаемъ другой власти, кромѣ республики и законовъ“, и тутъ же рѣшился покончить съ служебною карьерою ³¹⁾.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

3) Оригиналъ автобіографіи Лагарпа находится у родственника и наследника его г. Моно (Henri Monod). Списокъ, посланный Цшокке, хранится въ Аару въ публичной бібліотекѣ, а списокъ съ него—въ публичной бібліотекѣ Лозаннской подъ заглавіемъ: Copie des manuscrits autographes, renfermant des détails biographiques sur le général Frédéric César De La Harpe et sur le directeur de la république helvétique Maurice Glayre, ainsi que sur les évènements de leur temps. L'original de manuscrit appartient à la bibliothèque cantonale d'Aarau. Copié sur les manuscrits originaux prêtés par l'administration de la bibliothèque cantonale d'Aarau à Lausanne. Octobre. 1850. (Рукопись 17. P. I. 358).

Въ 1864 г. доцентъ исторіи въ Бернскомъ университетѣ, Фогель издалъ въ Бернѣ автобіографію Лагарпа. Книга Фогеля называется: Schweizer geschichtliche Studien von *Jakob Vogel*, и заключаетъ въ себѣ: 1) *Johannes Müllers Freundschaftsbund mit Karl Victor von Bonstetten*, 2) *Laharpe's Memoiren* (стр. 65—217) и 3) *David Ulrich, Staatsanwalt des Kantons Zürich*.—Въ началѣ мемуаровъ Лагарпа помѣтка: *A monsieur Henry Zschokke, au château de Biberstein près d'Aarau. le 2 floréal an XII*; въ концѣ: *Au Plessis Piquet le 15 floréal an XII*.

Въ спискѣ, находящемся у Моно, есть нѣкоторые добавленія сравнительно со спискомъ Цшокке въ изданіи Фогеля: *Je fis mes études au collège de Rolle qui était fort mal monté (Schweizergeschichtliche Studien, стр. 67)*. Въ рукописи г. Моно: *On y enseignait très mal le latin et à peine le grec. Il n'était question ni de la grammaire française, ni de géographie, ni d'histoire. 5 ou 6 ans étaient perdus de la sorte; le gouvernement ne s'en mêlait pas.*

За словами: *C'est un homme bien redoutable aux intrigants que l'être indépendant qui a le courage de dire toujours la vérité lorsqu'on l'interpelle (Schweizergeschichtliche Studien, стр. 83)*, въ рукописи находится слѣдующее мѣсто, котораго нѣтъ въ изданіи, и которое относится ко времени пребыванія Лагарпа въ Россіи: *Un incident vint encore raviver cette malveillance. Cathérine II admettait dans sa société quelques émigrés du haut parage. Un jour qu'ils faisaient de l'ancien régime français un éloge pompeux que nul des assistans n'osait contredire, l'un des jeunes grands ducs, Constantin, les interrompt tout à coup pour leur dire qu'ils se trompaient. L'impératrice surprise invite son petit-fils à s'expliquer. Aussitôt le jeune prince se met à énumérer article par article les abus.—Mais qui vous a instruit de toutes ces choses?— „Je l'ai lu avec m. de la Harpe dans un historien bien informé et digne de foi“.—Cet historien était Duclos, dont les Mémoires posthumes en disaient plus sur la matière que je n'aurais pu dire. Cathérine II applaudit, les émigrés confus de la réfutation gardèrent le silence, mais eux et leurs amis de la diplomatie n'en furent que plus irrités contre celui qui fournissait à leurs depens de pareilles armes.*

О лицѣ, не названномъ въ изданіи (стр. 83): *les intrigants obtinrent qu' un ministre de l'impératrice me ferait connaître ses intentions qui étaient de quitter ma place,—рукопись говорить, что это былъ Стрекаловъ, слѣпое орудіе графини Шуваловой, первой статсъ-дамы молодого двора, женщины умной, но тщеславной, не выносившей независимаго характера Лагарпа.*

Поводомъ къ изданію мемуаровъ Лагарпа послужило, по словамъ Фогеля то, что до сихъ поръ нѣтъ біографіи Лагарпа; что духъ, оживлявшій Гельветическую республику время Лагарпа, служилъ сокровищницей, откуда брали оружіе свое борцы свободы послѣдующихъ поколѣній, и что эпоха Лагарпа безчисленными нитями связывается съ настоящимъ временемъ (*Schweizergeschichtliche Studien*, стр. II). Не обнаруженіе мемуаровъ Лагарпа произвело въ Швейцаріи неблагопріятное впечатлѣніе, какъ можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ лучшихъ литературныхъ органовъ Швейцаріи. *Les Mémoires de F. C. Laharpe écrits par lui-même* ne répondent pas à leur titre. C'est plutôt un mémoire justificatif de sa conduite politique jusqu'en 1808, envoyé par l'ex-directeur à Zschokke. L'impression que produit à soixante années de distance ce mémoire justificatif est peu favorable à l'homme éminent qui l'a composé et nous sommes très portés à croire que, plus calme et plus heureux, il se fût bien gardé de l'écrire et encore plus de s'en dessaisir. Laharpe, avec de grandes et incontestables qualités, avait des défauts qui se manifestent sans aucune retenue dans son apologie. Dominateur, intolérant, passionné, il y parle de ses adversaires dans termes qu'il a sans doute regrettés plus tard. Le vénérable Lavater lui valut une place à Bedlam. Glayre et Mousson sont fort mal traités et pour cause. Le premier est représenté comme faible et même comme un poltron faisant des jérémiades continuelles, le second comme un séide dénonciateur. En revanche Ratinat est un bon homme et Brune un galant homme! Les mêmes appréciations essentiellement partiales se retrouvent d'un bout à l'autre de ce mémoire, qui du reste doit avoir été écrit à la hâte car le style en est fort négligé. Cependant on y trouve par-ci par-là des jugemens plus froids et des aveux qui ne manquent pas d'intérêt. Homme d'une trempe supérieure, Laharpe ne dissimule pas l'incapacité de beaucoup de ses amis politiques, ni même l'indignité de quelques-uns. (*Bibliothèque universelle et revue suisse*. LXIX-me année. Nouvelle période. Tome XIX. Genève. Lausanne. Neuchâtel. 1864. Bulletin littéraire et bibliographique, стр. 603—608).

Въ *Русскомъ Архивѣ* переданы, частію въ переводѣ, частію въ выпискѣ, отрывки изъ мемуаровъ Лагарпа, относящіеся къ его воспитанію, дальнѣйшей судьбѣ и пребыванію въ Россіи: *Русскій Архивъ*. 1866 года, стр. 75—94, Ф.-Ц. Лагарпъ въ Россіи (изъ его *Записокъ*).

*) *Historische Denkwürdigkeiten der helvetischen Staatsumwälzung*,

gesammelt und herausgegeben von *Heinrich Zschokke*. Dritter Band. Winterthur. 1805. Половину книги занимаютъ Politische Charakter-Zeichnungen einiger in den neuen Geschichten der Schweiz ausgezeichneten Männer. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣщено восемь биографическихъ очерковъ, и въ ихъ числѣ: Friedrich César Laharpe, Director der Helvetischen Republik (стр. 74—131). Цшокке говоритъ, что черпалъ свѣдѣнія свои изъ прямыхъ и вѣрнѣйшихъ источниковъ, избѣгая собственныхъ выводовъ и приговоровъ. Заимствованія изъ рукописи Лагарпа, почти дословныя, въ такомъ родѣ: Лагарпъ говоритъ о своемъ двоюродномъ братѣ, Амедеѣ Лагарпѣ: *destiné ainsi que moi à être proscrit par messieurs de Berne et à verser son sang comme général français pour la défense d'une république française à laquelle aucun de nous ne songeait alors* (стр. 69). У Цшокке: *Da beide von der Regierung des Standes Bern proscribirt wurden, und Amadeus als französischer General für eine französische Republik sein Bluth vergoss, an die damals noch keiner von ihnen beiden dachte, etc.* (стр. 76). Измѣненія состоятъ обыкновенно или изъ перемены и разбавки фразъ, или просто изъ употребленія мѣстоименія третьяго лица вмѣсто перваго: рукописное я замѣнено печатнымъ онъ.

2) *Vie politique de monsieur le colonel Frédéric César de Laharpe*, par de *Gingins-Pillichody*. 1815. Во введеніи авторъ говоритъ: *Monsieur le colonel Fr. C. de Laharpe, principal auteur de la révolution, du bouleversement et des malheurs de la Suisse, depuis 1798 jusqu'en 1800, recommence à jouer un rôle si marquant dans les affaires de sa patrie dans ce moment important de la réorganisation générale des états de l'Europe, qu'il est de plus grand intérêt de le faire connaître, de montrer au public éclairé quelles furent ses passions, ses opinions et quelle a été sa conduite quand il était lui-même à la tête de gouvernement helvétique* и пр. Источниками служили книга Цшокке, собственные сочиненія Лагарпа и *Bulletin officiel* за то время, когда Лагарпъ былъ во главѣ швейцарскаго правительства.

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ *Biographie de monsieur F. C. Laharpe, ci-devant directeur de la république Helvétique, suivie d'extraits de ses ouvrages politiques*.

4) *Notice biographique sur le général Frédéric-César de la Harpe, précepteur de l'empereur de Russie, Alexandre I, directeur de la république Helvétique, citoyen suisse du canton de Vaud; par C. Monnard*. Lausanne. Genève, 1838. Авторъ пользовался книгою Цшокке, дополнивъ и исправивъ заимствованныя изъ нея извѣстія. Сверхъ того,

авторъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми, сообщившими ему разнаго рода данныя: много свѣдѣній получилъ отъ самого Лагарпа, съ которымъ былъ въ самыхъ близкихъ, почти ежедневныхъ, сношеніяхъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Въ приложеніи помѣщено между прочимъ письмо Лагарпа къ отцу, писанное изъ Петербурга въ 1786 году: изъ этого письма видно, что Екатерина II была очень довольна уроками Лагарпа великому князю Александру Павловичу.

5) *Ср. Nouvelle biographie générale, publiée par mm. Didot frères, sous la direction de m. le docteur Hoefler. Paris. 1859. T. 28, стр. 884—888.*

6) *Le canton de Vaud et la Suisse de 1798 à 1815. Récits historiques par J. Cart. Lausanne. 1868.* Съ эпитафюмъ изъ Лагарпа: *Il est salutaire de faire connaître à quel prix on recouvre la liberté lorsqu'on l'a perdue.* Брошюра состоитъ изъ трехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Лозаннѣ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ: первая — *le canton de Vaud au temps de la république Helvétique*; вторая — *le canton de Vaud et l'acte de médiation*; третья — *Frédéric-César de la Harpe, le fondateur de la liberté vaudoise*. *Récit présenté dans une conférence publique de Lausanne, le 25 février 1868.*

7) Первый періодъ обнимаетъ время до возвращенія Лагарпа изъ Россіи въ 1795 году; второй — до вступленія его въ директорію въ июль 1798 года; третій — до 7-го января 1800 года, все время его управленія; четвертый — до июля 1800 года; пятый — до 1802 года; шестой, которымъ прерываются мемуары, обнимаетъ 1802 и 1803 годы. Четыре первые періода изданы Фогелемъ въ *Schweizergeschichtliche Studien* подъ названіемъ *Mémoires de Frédéric-César Laharpe, écrits par lui-même*. Въ рукописи они занимаютъ четыре тетради, означенныя буквами: А, В, С, D. Пятый періодъ занимаетъ въ рукописи шесть тетрадей подъ буквами: Е, F, G, H, J, K, а шестой періодъ — одну тетрадь подъ буквою L.

8) *Biographie de m. F. C. Laharpe, suivie d'extraits de ses ouvrages politiques. 1818.*

Monnard: Notice bibliographique. Стр. 1. Въ письмѣ Лагарпа въ контору Ветглика, отъ 14-го сентября 1804 года: *Dans cette lettre de change mon nom était écrit de l'Harpe, tandis que je signe constamment Laharpe.*

Въ находящемся въ архивахъ орденовъ спискѣ кавалеровъ съ 1782 по 1795 годъ названъ и премьеръ-маіоръ *Деламартъ*. Въ 1799 году состоялось опредѣленіе „о исключеніи *Лагарпа* изъ списка кавалеровъ“.

9) *Monnard*: Notice biographique, стр. 1.

10) Supplement au № 20 du Bulletin helvétique. Livré à l'impression le 23 janvier 1800. Стр. 187—206. Mémoire justificatif présenté au corps législatif helvétique par le citoyen Laharpe, membre du ci-devant directoire, accompagné de quelques notes explicatives. (A la suite de la dissolution du directoire le 7 juin 1800). Экземпляръ Лозаннской публичной библиотеки съ приписками рукою Лагарпа.

11) Dictionnaire historique, politique et géographique de la Suisse etc. 1788. Три тома. Женева. Новое издание. Т. II, стр. 161: *Haldenstein*, baronie près de Coire aux Grisons, absolument libre et indépendante, n'appartient à aucune des trois ligues (ligues grises — grau bünden). Le séminaire qui y a été fondé en 1761 a rendu ce lieu célèbre et fréquenté. Il a été prouvé et confirmé par les trois ligues, et la jeunesse y est enseignée par d'habiles maîtres. Авторъ словаря—Чарнеръ (Johannes-Baptista Tschärner). Словарь пользовался большою известностью и выдержалъ нѣсколько изданій.

Ueber die Schul-und Erziehungsanstalt zu Reichenau bei Chur. In einem Sendschreiben an den Herrn Gymnasialarch Michael von Wagner zu Bern, von *Heinrich Zschokke*. Im Herbstmond. 1796. Стр. 10—11.

12) Histoire de la confédération suisse par Jean de *Müller*, traduite de l'allemand avec des notes nouvelles et continuée jusqu'à nos jours par mm. Charles *Monnard* et Louis *Vulliemin*. T. XV. Charles *Monnard*. Paris et Lausanne. 1846. Стр. 46—47.

13) Ueber die Schul-und Erziehungsanstalt zu Reichenau, von H. *Zschokke*, стр. 10—11.

14) Свѣдѣнія о Неземанѣ и письмо его къ Лагарпу находятся въ собственноручныхъ рукописныхъ добавленіяхъ Лагарпа къ мемуарамъ, отосланнымъ имъ Цшокке.

15) Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz von Dr. Rudolf *Wolf*, Professor der Astronomie in Zürich. 1859. Martin Planta von Süs, стр. 193—206.

16) *Monnard*: Notice biographique, стр. 12.

17) Verhandlungen der helvetischen Gesellschaft. 1766. Geschichte und Beschreibung des Seminarii in der Freiherrschaft Haldenstein nahe bei Chur in Bündten. Стр. 42—44, 46—49, 55—59. Это описаніе составлено самимъ учредителемъ семинаріи. Профессоръ Плата въ одномъ изъ собраній Гельветическаго общества изложилъ судьбу своего учрежденія, и его слова такъ сильно подѣйствовали на общество, что постановили упросить его сообщить письменныя свѣдѣнія о за-

впечательномъ училищѣ. Современное свидѣтельство говоритъ: ... hat eine grosse Aufmunterung gegeben die wichtige und ausführliche Erzählung von der so *berühmten* Pflanz-Schule zu *Haldenstein*. Die Rührungen, mit deren selbige angehört werden, haben den Entschluss verursacht, den Herrn Planta zu ersuchen, über diese merkwürdige Stiftung eine kurze Geschichte zu verfassen. (Verhandlungen. 1766, стр. 27 и сл.).

Schreiben an die helvetische Gesellschaft, die sich jährlich in Schinznach versammelt, über Herrn Professor Basedows Vorschläge zur Verbesserung des Unterrichtes der Jugend. Basel. 1769. Freude und Mitbrüder! Vorzüglich haben die Erziehung und der Unterricht der Jugend ihre Aufmerksamkeit auf sich gezogen. Der *Enthusiasmus*, mit welchem sie die gesegneten Erfolge eines *weisen und muthigen Planta* vernommen haben, sind mehr als überzeugende Proben, wie sehr sie diesen wichtigen Gegenstand beherzigen. (Срп. 3—4).

¹⁵⁾ Réglement pour l'académie. Février 1813. § 190—196. Du sénat des étudiants. Les membres du sénat des étudiants sont au nombre de 18, savoir. Le *consul*, qui est président du sénat. Le *questeur*, qui en est le caissier. L'*orateur*, qui est chargé de porter la parole au nom du sénat et de faire poursuivre devant le sénat la répression des fautes. Le *préteur*, qui doit être nécessairement un étudiant en théologie et qui est chargé de pourvoir aux fonctions ecclésiastiques dont les étudiants en théologie sont chargés. Le *bibliothécaire*, chargé du soin de la bibliothèque des étudiants. Le *secrétaire*, qui tient les registres et les autres écritures. Le *sous-bibliothécaire*, chargé d'aider le bibliothécaire dans tout ce qui concerne la bibliothèque et particulièrement de distribuer les livres pendant que celui-ci les inscrit. Les onze *censeurs*. Les six premiers membres sont élus par l'assemblée générale des étudiants, à l'exception de la dernière volée de l'auditoire de belles-lettres, sous la présidence du recteur, à la pluralité absolue des suffrages et entre les étudiants âgés de vingt ans révolus. De plus, le consul doit avoir été auparavant membre du sénat. Les fonctions des *censeurs* sont de veiller à la conduite des étudiants dans les auditoires et hors des auditoires, de les rappeler à l'ordre par leurs exhortations et de porter plainte contre eux en sénat. (Срп. 46—47).

Ср. также: Histoire de l'instruction publique dans le canton de Vaud par Charles *Archinard*, pasteur, secrétaire en chef du département de l'instruction publique et des cultes. Lausanne. 1870. Chapitre IX. Les étudiants, leur corps et leur vie. Стр. 269 и слѣд.

19) Ueber die Schul- und Erziehungs-Anstalt zu Reichenau, von H. Zschokke. Стр. 13—16.

20) Étrennes nationales, faisant suite au Conservateur suisse, ou Mélanges helvétiques d'histoire, de biographie et de bibliographie. Recueillis par E. H. Gaullieur, professeur extraordinaire à l'académie de Lausanne. Lausanne. 1846. Les études de F. C. Laharpe et ses débats au barreau (1772—1782). Статья о Лагарпѣ состоитъ изъ ряда писемъ Лагарпа къ другу его и земляку, доктору правъ Фавру, въ Ролль изъ Тюбингена, Лозанны и Берна. Стр. 7, 13, 17, 30, 34, 35, 40, 23, 27, 14, 11, 89 и др. Письма изъ Тюбингена 1772 и 1773 года и изъ Лозанны 1780 года.

21) Encyclopédie ou dictionnaire universel raisonné des connaissances humaines. Mis en ordre par m. de Felice. 42 volumes in 4°. Yverdon. 1770—1775; 6 volumes de supplément, 1775—1776; 10 volumes de planches. 1775—1780.

22) Histoire de canton de Vaud, par A. Verdeil. T. III. Lausanne. 1852. Стр. 304—311 и др.

23) Le doyen Bridel, essai historique par L. Vulliemin. Lausanne. 1855. Стр. 241 и др.

24) Тамъ же, стр. 76—77:

Placé par la naissance au rang des souverains,
Vous devez quelques jours commander aux humains;
Prince, n'oubliez pas qu'ils sont ce que nous sommes,
Égaux par la nature.... et traitez les en hommes.
Si jamais près de vous de lâches courtisans
De l'absolu pouvoir se montraient partisans,
Dites leur aussitôt: il est une contrée
Où j'ai vu de mes yeux la liberté sacrée....
Vainement de grandeur je semblais revêtu:
Ils n'assignaient mon rang qu'au poids de ma vertu.

25) Рукопись Лозаннской публичной библиотекы. S. 1378. Réglements et protocoles de la société littéraire de Lausanne. 1772—1782.

26) Histoire du canton de Vaud, par A. Verdeil. T. III. Стр. 296—300 и др.

Bulletin de l'institut national genevois. T. III. Genève. 1855. № 9. Octobre. Etudes sur l'histoire littéraire de la Suisse française, particulièrement dans la seconde moitié du XVIII siècle, par E. H. Gaullieur.

27) Notice historique sur la cathédrale de Lausanne, par Archimand. Lausanne. 1870. Стр. 9—11.

28) Письмо Гиббона о внутреннемъ состояніи Ваатланда, приво-

димое Верделемъ въ его исторіи Ватландскаго кантона (III, 212—226) и другими.

Voltaire à Lausanne, par *Olivier*. 1842. Стр. 8.

Laharpe: Aux habitans du pays de Vaud. Paris. 1797. Стр. 12.

²⁹⁾ Mémoires de Henri Monod, ancien conseiller d'état et membre à vie du grand conseil du canton de Vaud. Paris. 1805. T. I, стр. 40—42.

³⁰⁾ Histoire de l'instruction publique dans le pays de Vaud par André *Gindroz*, professeur honoraire à l'académie de Lausanne. Lausanne. 1853. Стр. 44.

Bulletin de l'institut national genevois. 1855, T. III, № 9, стр. 225.

³¹⁾ Schweizergeschichtliche Studien, стр. 72—73.

М. СУХОМЛИНОВЪ.

САТИРЫ ПЕРСИЯ.¹⁾

Сатира вторая.

Это произведение Персія имѣеть очень мало общаго съ тѣмъ понятіемъ, которое уже въ древности соединяли съ сатирою. Здѣсь нѣтъ ничего, что напоминало бы Луцілія, которому нашъ авторъ такъ торжественно заявилъ сочувствіе въ первомъ своемъ произведеніи. Это въ сущности философскій трактатъ о молитвѣ, обращенный поэтомъ, въ формѣ посланія, къ одному изъ его друзей, Плоцію Макрину. Въ греческой литературѣ существовало множество такихъ трактатовъ περί εὐχῆς или προσευχῆς. Не мало ихъ было и у Римлянъ, особенно въ литературѣ той философской секты, интересамъ которой такъ усердно служилъ Персій. Изъ произведеній на означенную тему, которыя сохранились изъ древности до нашего времени, слѣдуетъ упомянуть здѣсь о Платоновомъ діалогѣ „Alcibiades secundus“, который, впрочемъ, считается подложнымъ, и о X сатирѣ Ювенала. Вообще вторая сатира Персія не отличается характеромъ самобытности и оригинальности. Уже Казобонъ въ своемъ изданіи Персія сопоставилъ многія мѣста этой сатиры съ выдержками изъ писемъ Сенеки. Сходство между тѣми и другими самое близкое. Тѣмъ не менѣе, вторая сатира, по нашему убѣжденію, одно изъ лучшихъ произведеній римскаго поэта. Она смѣло выдержитъ сравненіе съ десятою сатирой Ювенала, которая, какъ извѣстно, нашла многихъ восторженныхъ почитателей, хотя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и отличается многословіемъ и обиліемъ риторическихъ прикрасъ. Напротивъ того, краткость, опредѣленность и (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразъ) ясность въ изложеніи составляютъ не малое достоинство разсматриваемаго произведенія. Здѣсь Персій хорошо совладалъ какъ съ со-

¹⁾ Переводъ и объясненіе первой сатиры Персія напечатаны въ сентябрьской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1870 годъ.

дерзавіемъ, такъ и съ формою своей сатиры, или, если угодно, своего посланія, что рѣдко ему удавалось. Онъ начинаетъ ее поздравленіемъ Плонія Макрина съ днемъ его рожденія и въ то же время хвалить своего друга за его вполне разумныя и возвышенныя религіозныя чувства. Не такими, продолжаетъ поэтъ, отношенія къ богамъ не только народной массы, но и людей, которые по своему положенію въ обществѣ должны были бы имѣть правильный взглядъ на свои религіозныя обязанности. Вся эта невѣжественная толпа смотритъ на боговъ съ чисто человѣческой, то-есть, земной точки зрѣнія и думаетъ задобрить ихъ подарками. Притомъ желанія, которыя высказываются въ молитвахъ, очень часто безнравственны и оскорбительны не только для боговъ, но и для обыкновеннаго челоуѣка. Часто люди сами не знаютъ, что для нихъ полезно, и своими поступками уничтожаютъ возможность исполненія тѣхъ желаній, которыя они возсылаютъ къ богамъ въ своихъ молитвахъ. Ослѣпленные страстью къ золоту, они думаютъ, что и богамъ можно угодить богатыми приношеніями и выладами, и вотъ почему древняя простота храмовъ замѣнилась блескомъ и роскошью. Такія земныя воззрѣнія, говоритъ Персій въ заключеніи своей сатиры, не достойны боговъ. Честные помыслы и свѣтлыя чувства—вотъ чего они требуютъ отъ людей, вотъ жертвы, которыхъ они желаютъ. Таковы ходъ и связь мыслей, изложенныхъ въ этой замѣчательной сатирѣ. Отъ нея вѣетъ христіанскою моралью, которая въ вѣкъ Нерона носилась, такъ-сказать, въ воздухѣ и уже успѣла пустить глубокіе корни въ римскомъ обществѣ.

О личности Макрина ничего не извѣстно, кромѣ тѣхъ подробностей, которыя передаетъ о немъ схолиастъ въ своей замѣткѣ. Онъ называетъ Плонія Макрина „homo eruditus“ и сообщаетъ, что Персій познакомился съ нимъ въ домѣ Сервілія Ноніана. Этотъ Макринъ, представляетъ схолиастъ, уступилъ Персію небольшой участокъ земли (agerius) за умѣренную цѣну. По всему видно, что это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ Персію, и тѣмъ болѣе странно, что въ древней биографіи этого поэта, въ которой, между прочимъ, такъ подробно перечисляются его друзья, пропущено имя Макрина.

II.

Макринъ, отиѣтъ этотъ день короткимъ знаменъ (лучшимъ камешкомъ), этотъ свѣтлый день, который въ текущимъ твоимъ годамъ присоединяетъ еще одинъ. Возлей вино (твоему) генію. Ты не прошишь въ подкупной молитвѣ того, что могъ бы ввѣрить богамъ не

значя, какъ отвѣди ихъ въ сторону. А большая часть (нашея) знати молча будетъ совершать возліанія и курить свѣчки: не для всякаго удобно уничтожить въ храмахъ бормотаніе и низкій шепотъ и жить съ открытыми желаніями. Здравомысліе, добрая слава, честность, — вотъ о чемъ (молить) вышло и такъ, чтобы слышала соудъ, а (въ то же время) про себя, внутренне и сквозь зубы нашептываютъ: «, если бы (поскорѣе) исчезъ (мой) дядя! (какіе бы я устроилъ ему) пышныя похороны! Или: о, если бы у меня подъ заступомъ застучала, во милости Геркулеса, котелокъ съ серебромъ! О, если бы мнѣ обить съ рукъ (устранить, вычеркнуть) мальчишку, чѣмъ у меня подѣ онекой, на котораго я напиралъ, какъ ближайшій наследникъ! Вѣдь онъ въ паршахъ и весь раздулся отъ сильной желчи. Вотъ, Нерій хоронить уже третью жену! — Для того, чтобы освятить эти молитвенныя требованія, ты раннимъ утромъ два и три раза погружаешь твою голову въ Тибрскую пучину и омываешь рѣчною водою (твою) ночные грѣхи (ночь). Ну-ка, отвѣдай мнѣ, — то, что я стараюсь узнать отъ тебя, суная малость, — чѣмъ ты думаешь о Юпитерѣ? стоятъ ли клонотать о предпочтеніи его кому-нибудь (изъ смертныхъ)? Кому бы (напримѣръ)? да хоть Стаю, если угодно? Или ты пожалуй недоумѣваешь, кто нынѣ лучше какъ судья и пригодѣе (какъ опекунъ) для осиротѣвшихъ дѣтей? Итакъ, скажи-ка Стаю то, чѣмъ ты питаешься

Hunc, Macrine, diem numera meliore lapillo,

Qui tibi labentes apponit candidus annos.

Funde merum Genio. Non tu prece poscis emaci,

Quae nisi seductis nequeas committere divis.

5. At bona pars procerum tacita libabit acerata:

Hand cuivis promptum est marmurque humileaque suscipere

Tollere de templis et aperto vivere veto.

Mens bona, fama, fides, — haec clare et ut audiat hospes;

Illa sibi introrsum et sub lingua murmurat: O si

10. *Uatliat patrus, praeclaram funas! et: O si*

Sub rastro crepet argenti mihi seria dextro

Hercule! pupillumve utinam, quem proximus heres

Impello, expungam! namque est scabiosus, et acri

Bile tumet. Nerio iam tertia conditur uxor! —

15. Haec sancte ut poscas, Tiberino in gurgite mergis

Mane caput bis terque et noctem flumine purgas.

Neus age responde — minimum est quod scire labore —

De Jove quid sentis? est ne ut praeponere cures

Hunc cuiquam? cuinam...? vis Staius? an scilicet haeres,

20. Quis potior index, puerisve quis aptior orbis?

Hoc igitur, quo tu Jovis aurem impellere tentas,

поколебать слухъ Юпитера: о Юпитерь, о всеблагой Юпитерь! воскликнулъ бы онъ. А развѣ самъ Юпитерь не воззвалъ бы къ себѣ (въ подобномъ случаѣ)? Ты думаешь, что онъ простилъ тебя, потому что во время грозы (грома) скорѣе поражается священною молніей (сѣрою) ясень, чѣмъ ты и твой домъ? Или (ты полагаешь, что) Юпитерь глупо позволяетъ тебѣ щинать свою бороду, на томъ основаніи, что, по велѣнію овечьихъ (жертвенныхъ) внутренностей и Эргенны, ты не лежишь (гдѣ-нибудь) въ рошѣ жалкимъ и всѣми обѣгаемымъ трупомъ? И какими это ты дарами закупишь благосклонность (уши, слухъ) боговъ? Легкими (жертвенныхъ животныхъ) и жирными потрохами (молоками)? Вотъ бабушка или богобоязненная тетусша вынимаетъ младенца изъ колбелки и сначала, какъ искусившаяся въ отводѣ (устраненіи) худого глаза, освящаетъ среднимъ пальцемъ лобикъ и влажныя губки ребенка, а потомъ гѣстуетъ его на ругахъ и въ своихъ молитвенныхъ желаніяхъ послать эту маленькую надежду то на поля Лицинія, то въ хоромы Красса. Пусть (молится она) пожелаютъ его себѣ въ зятя царь и царица; пусть дѣвушки берутъ его на расхватъ; гдѣ бы онъ ни ступилъ, пусть вырастетъ роза! А я не предѣставляю (не позволяю) наньѣ (приставницѣ) такъ молить; откажи ей въ нихъ, Юпитерь, хотя бы она молилась тебѣ въ бѣлой одеждѣ. Ты требуешь (отъ боговъ) силы для твоихъ

*Dic aedum Statio: proh Juppiter! o bone, clamet,
Juppiter! At sese non clamet Juppiter ipse?*

Ignovisse putas, quia, cum tonat, ocus illex

25. *Sulfure discutitur sacro, quam tuque domusque?*

An quia non fibris ovium Ergennaque iubente

Triste iaces lucis evitandumque bidental,

Idcirco stolidam praebet tibi vellere barbam

Juppiter? aut quidnam est, qua tu mercede deorum

30. *Emeris auriculas? pulmone et lactibus unctis?*

Ecce avia aut metuens divum matertera cunis

Exemit pueram, frontemque atque uda labella

Infami digito et lustralibus ante salivis

Expiat, urentes oculos inhibere perita,

35. *Tunc manibus quatit et spem macram supplice voto*

Nunc Licini in campos, nunc Crassi mittit in aedes.

Nunc optet generum rex et regina! puellae

Hunc rapiant! quidquid calcaverit hic, rosa fiat!

Ast ego nutrici non mando vota; negato

40. *Juppiter, haec illi, quamvis te albata rogarit.*

Pocis opem nervis corpusque fidele senectae:

мускулозъ и надежное (вѣрнее) въ старости тѣло. Пусть такъ, но огромныя блюда и жирныя яства мѣшаютъ богамъ и удерживаютъ Юпитера общать тебѣ (все) это. Убивая (принося въ жертву) быковъ, ты желаешь устроить свое состояніе и жертвами зовешь на помощъ Меркурія. Позволь (говоришь ты) осчастливить меня моимъ пенатамъ; пошли (дай) мнѣ (обильный) скотъ и (богатый) приплодъ моимъ стадамъ. Какимъ же образомъ, жалкій человѣкъ, (можетъ это случиться), когда столько телъ чьихъ сальниковъ топятся (таутъ) у тебя на (жертвенномъ) огнѣ? И однако, этими внутренностями и богатыми владѣями онъ старается настоять на своемъ. Вотъ уже растетъ (увеличивается, грезится ему) мое поле, растетъ моя овчарня... вотъ сейчасъ мнѣ будетъ низпослано (дано)... вотъ, вотъ... пока обманутый и лишенный всякой надежды онъ не скажетъ со вздохомъ и тщетно: деньги (въ моемъ сундуѣ) на самомъ дѣлѣ!

Если бы я привнесъ тебѣ серебряныя чаши и (другіе) дары съ толстымъ золотымъ чеваномъ, то ты вспотѣлъ бы, извелъ бы слезы (вапли) изъ глухой твоей груди, и трепетно забилось бы отъ радости твое сердце. Отсюда пришло тебѣ на умъ покрывать священные лжи (боговъ) добытымъ побѣдами (тріумфами) золотомъ; ибо (думаешь ты) пусть будутъ главными тѣ изъ мѣдныхъ братьевъ (истукановъ), которые низпосылаютъ пророческіе (правдивые, здоровые) сны, и пусть борода у нихъ будетъ золотая. (Вотъ почему) золото вытѣснило (изъ храмовъ) сосуды (священную утварь) Нумы и Сатурнову мѣдь и за-

- Esto age; sed grandes patinae tucetaque crassa
 Annuere his superos vetnere Jovemque morantur.
 Rem struere exoptas caeso bove, Mercuriumque
45. Arcessis fibra: *da fortunare penates,*
Da pecus et gregibus fetum! Quo, pessime, pacto,
 Tot tibi cum in flammis iunicam omenta liquescant?
 Ac tamen hic extis et opimo vincere fertu
 Intendit: *Jam crescit ager, iam crescit ovile,*
50. *Jam dabitur, iam, iam!* donec deceptus et exspes
 Nequiquam: *fundo, suspiret, nummus in imo!*
 Si tibi crateras argenti inonsaque pingui
 Auro dona feram, sudes et pectore laevo
 Excutias guttas, laetetur praetrepidum cor.
55. Hinc illud subiit, auro sacras quod ovato
 Perducis facies; nam fratres inter aenos
 Somnia pituita qui purgatissima mittunt,
 Praecipui sunt sitque illis aurea barba.
 Aurum vasa Numae Saturniaque impulit aera,

мѣнило собою вестальскія урны и этрусскую глину. О, души, склонныя къ земному и непричастныя небесному! Что за охота вносить въ храмы наши нравы, и о томъ, что (составляетъ) благо для боговъ, судить по этой преступной плоти. Это она развела корицу въ испорченномъ маслѣ и окрасила калабрскую шерсть поддѣльнымъ (утратившимъ свои природныя свойства) пурпуромъ; это она повелѣла выцарапывать жемчугъ (ягоды) изъ раковины и отдѣлять (золотоносныя) жилы въ пылающей массѣ отъ грубаго (не обработаннаго) шлака. Грѣшить плоть, грѣшить, но однако, она пользуется своею грѣховностію; а вы, понтифексы, скажите, какое значеніе имѣетъ золото для храмовъ? Вѣдь такое же, что и жертвуемая Венерѣ дѣвушками кукуля. Зачѣмъ мы не приносимъ богамъ въ даръ то, чего не въ состояніи принести имъ на (своемъ) огромномъ (жертвенномъ) блюдѣ близорукое потомство великаго Мессалы: — водворенные (сложенные) въ душѣ правду и долгъ, святость (даже) въ тайныхъ помыслахъ и сердце, пропитанное благородствомъ и честью. Дай мнѣ все это внести въ храмы, и я горстью муки (мукою) умилостивлю боговъ.

Примѣчанія къ II сатиры.

Ст. 1—4. О Макринѣ мы уже сказали. Здѣсь прибавимъ, что „Macrinus“ собственно прозвище (отъ *macer*, какъ *Nigrinus* отъ *niger*), которое встрѣчалось въ нѣсколькихъ римскихъ *gentes* (фамиліяхъ). Выраженіе „*numera meliore lapillo*“ (гдѣ слово *meliore* = *albo*) схоластъ объясняетъ критскимъ обычаемъ отмѣчать счастливые дни бѣ-

-
60. Vestalesque urnas et Tuscum fictile mutat.
O curvae in terris animae et coelestium inanes!
Quid iuvat hoc, templis nostros immittere mores,
Et bona dis ex hac scelerata ducere pulpa?
Haec sibi corrupto casiam dissolvit olivo,
65. Haec Calabrum coxit vitiato murice vellus,
Haec baccam conchae rasisse et stringere venas
Ferventis massae crudo de pulvere iussit.
Peccat et haec, peccat: vitio tamen utitur; at vos
Dicite, pontifices, in sacro quid facit aurum?
70. Nempe hoc, quod Veneri donatae a virgine pupae.
Quin damus id superis, de magna quod dare lance
Non possit magni Messalae lippa propago:
Compositum ius fasque animi, sanctosque recessus
Mentis, et incoctum generoso pectus honesto.
75. Haec cedo, ut admoveam templis, et farre litabo.

лыми камешками. „Nam Cretenses diffinientes (sic) vitam ex laetitia constare dies laetos albo lapillo et tristes nigro indicabant; postea computo facto lapillorum videbant, quantos dies in anno laetos vixerant, vel habuerant, et eos se vixisse testificabantur“. При этомъ схоластика встаетъ указываетъ на слова Горация (Carm. I, 36, 10):

Cressa ne careat pulchra dies nota.

Здѣсь же можно припомнить и слова Марціала (IX, 53):

Felix utraque lux, diesque nobis
Signandi melioribus lapillis“.

Numerare = signare. „Labentes annos“, объясняетъ Козабонъ, „dixit pro lapsis“, то-есть, день рожденія, который къ твоимъ протекшимъ годамъ прибавляетъ новый годъ. Но ничто не мѣшаетъ, вмѣсто къ *протекшимъ*, переводить къ *текущимъ*. Такъ вонялъ это мѣсто и О. Янъ. При томъ и другомъ объясненіи смыслъ его остается одинъ и тотъ же. „Funde merum“ и пр. Въ день рожденія Римляне имѣли обыкновеніе приносить жертву *вину*, который, по вѣрованію ихъ, какъ охранительное божество (*naturae deus humanae*, по выраженію Горация въ Ер. II, 2, 188), сопровождалъ каждого человѣка въ теченіе всей его жизни. Означенная жертва должна была принадлежать къ числу безкровныхъ и обыкновенно состояла изъ вина и цвѣтовъ. Для объясненія этого обычая, комментаторы Персія очень встаетъ указываютъ на Цензорина, который, въ трактатѣ своемъ *de die natali*, утверждаетъ (опираясь на авторитетъ Варрона), что Римлянинъ считалъ какъ-бы преступнымъ лишать кого бы то ни было жизни въ тотъ день, въ который онъ самъ былъ къ ней призванъ. „Merum“ собственно прилагательное, при которомъ подразумѣвается *vinum* (чистое, безпримѣсное вино), но употребляется какъ существительное. *Meracus*, какъ удлиненная форма слова *merus*, встрѣчается у Персія въ IV сатирѣ, ст. 16. Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ „Non tu prese“ и пр. поэтъ называетъ *подкупною* такую молитву, которая сопровождается богатою жертвой или обѣтомъ (*votum*) богатыхъ даровъ, въ случаѣ исполненія богами выраженныхъ въ молитвѣ желаній. Эти послѣднія, прибавляетъ Персій, часто бывають до того неприличны и преступны, что ихъ можно ввѣрять богамъ не иначе, какъ *отведя ихъ въ сторону*. Таковъ здѣсь смыслъ глагола *seducere*, обильнымъ комментариемъ для котораго могли бы служить нравы прежнихъ нашихъ судовъ. Изъ замѣтки схоластика „*seductis, id est, domo corruptis diis*“ видно, что онъ глаголь *seducere* понималъ здѣсь менѣе правильно, въ смыслѣ *corrumpere*

(то-есть, ресупіа соггипреге, поддушить). Этому объясненію слѣдуютъ и нѣкоторые изъ новыхъ издателей Персія. Макринъ, по словамъ поэта, какъ человѣкъ прямой и честный, можетъ открыто высказывать свои желанія и не нуждается въ этихъ тайныхъ переговорахъ съ богами.

Ст. 5—7. Не таковы, продолжаетъ поэтъ, молитвы большей части нашихъ *вельможъ* (prosegiim), для которыхъ, какъ для людей испорченныхъ, громкая молитва не удобна. Замѣчательно, что здѣсь, какъ и въ I сатирѣ, Персій преимущественно порицаетъ высшіе классы римскаго общества. Мнѣ кажется, что это слѣдуетъ объяснять не демократическимъ его направленіемъ, а просто тѣмъ, что поэтъ самъ принадлежалъ къ высшему обществу и былъ плохо знакомъ съ бытомъ простаго народа. Выраженіе „*tacita libabit asetta*“ очень своеобразно. „*Asetta*“ (небольшой ящикъ для храненія благовонныхъ еурений, которыми сопровождались жертвоприношенія, или какъ объясняетъ схоластъ, *arca turis*) очень не умѣстно называется здѣсь *tacita*. Этотъ эпитетъ, очевидно, долженъ быть отнесенъ къ молящимся, и объясненіе слова *tacita* = *ad quam tacetur*, представленное Дюбнеромъ, едва-ли можетъ быть признано правильнымъ. Гораздо умѣстнѣе было бы здѣсь *tacite*, но изъ этого не слѣдуетъ, что Персій не могъ написать *tacita*, такъ какъ онъ любитъ искусственные обороты рѣчи и разсматриваемое мѣсто очень напоминаетъ въ этомъ отношеніи выраженіе „*Pias Atti ebria veratro*“, которое встрѣтилось намъ въ I сатирѣ (ст. 50). вмѣсто „*libabit*“ очень многіе издатели Персія приняли чтеніе *libavit*, полагая, что *perfectum* поставлено здѣсь *ἀορίσως*, какъ у Ювенала (III, 166) „*quod turpe negavit*“, гдѣ, впрочемъ, можно читать и *negabit*. На это Гауталь замѣчаетъ слѣдующее: „*Festzuhalten ist aber besonders, dass in den Handschriften libavit keine absichtliche Variante einer alten Recension, sondern nur eine graphische Verwechselung, ein Irrthum der Abschreiber ist*“ и пр. Германъ, который въ своихъ *Lectiones Pers.* придаетъ значеніе этой замѣткѣ, прибавляетъ въ пользу „*libabit*“ еще и то соображеніе, что такъ это слово читалъ и схоластъ, какъ это видно изъ его комментарія. Кромѣ того, Герману кажется здѣсь *будущее* умѣстнымъ на томъ основаніи, что этому времени присуще значеніе повторяющагося дѣйствія, что вполне согласно съ общимъ смысломъ разсматриваемаго мѣста. Въ 6-мъ стихѣ Гейнрихъ, вмѣсто „*haud*“ читаетъ *aut* и въ концѣ слѣдующаго стиха ставитъ знакъ вопроса. Эти измѣненія не встрѣтили сочувствія, такъ какъ въ нихъ нѣтъ никакой нужды.

Ст. 8—16. Здѣсь наглядно указывается на двѣ категоріи молитвъ, изъ которыхъ однѣ произносятся въ храмахъ громко и такъ, чтобы ихъ слышалъ „hospes“ (чужой, посторонній или незнакомый человѣкъ), а другія—шепотомъ и „sub lingua“, что нѣсколько напоминаетъ наше выраженіе „держать языкъ за зубами“, которое еще ближе къ греческому „ὄπ' ὀδόντα λαλεῖν“. При этомъ можно также припомнить наше „говорить сквозъ зубы“.

Слѣдующій затѣмъ 10-й стихъ дошелъ въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ то той, то другой слѣдуютъ и новые издатели Персія, а именно:

(O si) Ebulliat patruus, graeclarum funus! и пр.

и

(O si) Ebulliat patrum graeclarum funus“ и пр.

Вмѣсто „ebulliat“ въ кодексахъ, а затѣмъ и въ печатныхъ изданіяхъ, много и другихъ чтеній, между которыми главныя: *ebullat*, *ebullet* и *ebullit*. Послѣднее изъ нихъ приняли Казобонъ и за нимъ Кёнигъ, какъ сокращенную форму изъ *ebullierit* (по аналогіи съ *edim*, *comedim* = *ederim* и пр.), хотя, по мнѣнію Яна, чтеніе „ebullit“ *difficilis explicatu est*. Вѣроятно, на этомъ основаніи и Форчеллини (s. v. *ebullio*), слѣдующій этому чтенію, принимаетъ его за *indicativ. graes.*, на сколько это видно изъ неудачнаго его объясненія разсматриваемыхъ словъ: „*prodit pompa sumptuosa funeris patrum: quod est dicere, utinam patruus moriatur*“. *Ebullio* онъ объясняетъ „*bulliendo emitto*“, откуда „*ebullire aminam*“ = *efflare a., mori*. Форма „*ebullet*“ происходитъ, конечно, отъ глагола *ebullare*, который, по своему значенію, очень идетъ къ разсматриваемому мѣсту. Такое же значеніе придавалъ Казобонъ и слову *ebullire*, какъ видно изъ его замѣтки, что этотъ глаголь „*ad omnia repentina transferri solet*“. Дѣло въ томъ, что въ основѣ названныхъ глаголовъ лежатъ слово „*bulla*“, такъ что они собственно означаютъ „*ad modum bullae dissolvi*“ или „*evanescere*“, то-есть, лопнуть, исчезнуть, промелькнуть на подобіе пузыря, исчезающаго на водѣ. Древніе сравнивали человѣка, вслѣдствіе его недолговѣчности, съ водянымъ пузыремъ. Такъ Варронъ, въ началѣ своего трактата о сельскомъ хозяйствѣ, писалъ: „*Cogitans esse propebandum, quod, ut dicitur, si est homo bulla, eo magis senex*“. Что касается до редакціи 10-го стиха, то второе изъ представленныхъ выше чтеній (въ переводѣ: „о, если бы (поскорѣе) промелькнули пышныя похороны моего дяди), конечно, представляетъ менѣе искусственный оборотъ рѣчи, но такъ какъ Персіей очень склоненъ къ вычур-

ному языку, то никакъ нельзя поручиться въ томъ, что онъ не могъ написать разсматриваемый стихъ такъ, какъ онъ представленъ въ первой редакціи. Вотъ, вѣроятно, почему въ этомъ видѣ читаютъ его и лучше изъ новыхъ издателей Персievыхъ сатиръ, О. Янъ и Германъ. При такомъ чтеніи, онъ получаетъ слѣдующее значеніе: „о, если бъ (скорѣе) исчезъ дядя! славныя (пышныя) похороны!“, то-есть, какія бы я устроилъ ему пышныя похороны! Это говоритъ наследникъ богатаго дяди, одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ *heredipetae*, которые составляли весьма замѣтный типъ въ римскомъ обществѣ.

Слово „*seria*“ схолиастъ объясняетъ: „*dolium fictile oblongum*“. Въ такихъ сосудахъ хранили клады. Въ этомъ же смыслѣ употребляется и слово *olla*, откуда названіе одной изъ комедій Плавта „*Aulularia*“ (отъ архаической формы *aula*). Геркулесъ упоминается здѣсь какъ плодотворецъ.

Въ слѣдующемъ стихѣ *heredipeta* снова является съ характеромъ, взятымъ прямо изъ жизни и ловко подмѣченнымъ. Здѣсь онъ выводится въ видѣ опекуна, который „*impellit*“ (а не просто *sequitur*). то-есть, *напираетъ* на ребенка, какъ „*proximus heres*“. „*Exrungere*“ говорится о вымарываніи или вычеркиваніи буквъ и словъ, написанныхъ на *tabula cerata* (восчаная дощечка). При этомъ обыкновенно повертывали *стиль* (*stilus*) тупымъ концемъ. Предполагается, что на такой дощечкѣ написано завѣщаніе, въ которое *rupillus* внесенъ какъ *heres primus*, а за нимъ слѣдуетъ его доброжелательный опекунъ (*tutor*), какъ *heres secundus*, имѣющій получить часть, принадлежащую *rupillus*, въ случаѣ его смерти. „*Namque*“ и пр. Эти слова прибавлены съ цѣлію смягчить грубость и жесткость предшествующихъ пожеланій.

Въ 14-мъ стихѣ, вмѣсто „*ducitur*“ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ встрѣчается чтеніе „*conditur*“, возникшее, по всей вѣроятности, изъ глоссы, такъ какъ Сервій въ примѣчаніяхъ своихъ къ Вергилію (Georg. VI, 256) имѣлъ въ виду первое изъ этихъ чтеній, но понималъ „*ducitur*“ въ смыслѣ *effertur*. Этому объясненію послѣдовали и нѣкоторые новые комментаторы Персія. Противъ такого пониманія вооружается Веберъ (въ своемъ латинскомъ изданіи), утверждая, что „*ducere*“ не можетъ значить *sepelire*, если не прибавляется при этомъ *funus*, или *exsequias* съ *dativus personae*, какъ у Плинія Hist. Nat. VIII, 4: „*Rex defuncto ei duxit exsequias*“. Впрочемъ, Персій могъ употребить и не точное выраженіе, и кажется, его можно дополнить словами „*in pompa funebri*“. Во всякомъ случаѣ, не смотря на опре-

дѣльный смыслъ общезвѣстнаго выраженія „disce igitur“, авторитетъ Сервія долженъ имѣть для насъ значеніе. Почему здѣсь молящійся завидуетъ Нерію, понятно и безъ объясненія. Это имя Персію, вѣроятно, заимствовало у Горация (Sat. II, 3, 69). Изъ слѣдующихъ словъ, а равно и изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ, видно, что омовеніе обыкновенно предшествовало молитвѣ. Двойное и тройное омовеніе (*bis terque*), вѣроятно, нужно объяснить суевѣріемъ молящагося. Слово „sancte“ О. Янъ хорошо объясняетъ „ita ut deorum cultus postulat“.

Ст. 17—23. Съ такими молитвами и пожеланіями (образецъ которыхъ представленъ выше) нельзя, говорить Персію, обращаться не только къ богамъ, но и къ людямъ. Не только Юпитеръ, но и самый обыкновенный человѣкъ, въ родѣ какого-нибудь Стаія, былъ бы возмущенъ такими молитвами. Чтеніе и объясненіе 19-го стиха до сихъ поръ еще не установлено окончательно. Въ однихъ манускриптахъ это мѣсто читается:

De Jove quid sentis? est ne ut praeponeere cures
Hunc? Cuinam? Cuinam? vis Staio? an scilicet haeres,

а въ другихъ:

Hunc cuiquam? Cuinam и пр.

Оба эти чтенія имѣютъ своихъ послѣдователей, но первое изъ нихъ предпочитается второму, такъ что за „cuiquam“ стоятъ только Пассовъ и Гейнрихъ. При этомъ послѣдній изъ нихъ очень оригинально читаетъ 19-й стихъ слѣдующимъ образомъ:

«Hunc cuiquam?» «Cuinam vis?» Staio, an scilicet и пр.

Эта редакція-едва ли когда-нибудь встрѣтитъ одобреніе, такъ какъ глаголь „vis“ гораздо удобнѣе здѣсь отнести не къ „cuiquam“, а къ слѣдующимъ словамъ, что и принято во всѣхъ изданіяхъ. Всѣ также согласны въ томъ, что второе „cuiquam“ принадлежитъ антагонисту Персію, въ чемъ, по моему убѣжденію, нѣтъ никакой нужды. Такимъ образомъ, принимая въ первомъ случаѣ чтеніе „cuiquam“ и относя второе „cuiquam“ къ самому Персію, мы придаемъ разсматриваемымъ словамъ такой смыслъ: „что ты думаешь о Юпитерѣ? стоитъ ли хлопотать о предпочтеніи его кому-нибудь (изъ смертныхъ)? Кому бы (напримѣръ)? да хоть Стаію, если угодно“ и пр. При такомъ объясненіи сама собою уничтожается сила слѣдующаго замѣчанія Вебера, которое побудило Дюбнера отъ „cuiquam“ перейти къ „cuiquam“: „si Latini quisquam in interrogatione utuntur, expectamus, ut interro-

gatus rem, de qua quaerimus, neget: quare si *cuiquam* rectum esset, non interrogari rursus *cuiquam*, sed *nulli* responderi debebat". Смысл этого мѣста почти тѣми же словами передаетъ и Сенека въ X Epist: „Nunc quanta est dementia hominum? Turpissima vœta diis insurgunt: si quis admoverit aurem, conticescent; et quod scire hominem nolunt, Deo narrant". Воззваніе къ Юпитеру въ 22-мъ стихѣ не лишено юмора. Человѣкъ, внезапно пораженный тѣмъ - нибудь, взываетъ къ богамъ. Юпитеръ въ подобномъ случаѣ взываетъ къ самому себѣ, такъ какъ нѣтъ другаго, высшаго существа, къ которому онъ могъ бы обратиться.

Ст. 24—30. „Ignovisse“, то-есть, „Jovem tales preces“ и пр. Изъ того, что не тотчасъ же слѣдуетъ наказаніе за такіа преступныя и грѣшныя молитвы, нисколько не слѣдуетъ, что боги мирятся съ ними. Наказаніе представляется здѣсь въ видѣ священной молніи, поражающей разные предметы. Она очень смѣло и оригинально называется здѣсь „sulfur“ (сѣра), при чемъ схолиастъ объясняетъ эту метонимию слѣдующимъ образомъ: *Sulfure autem pro fulmine. Ex eo enim, quod sequitur, intelligitur quod praecedit, Fulmen enim praecedit, sulfur sequitur, ut Vergilius (Aen. II, 698): „Et circum late loca sulfure fumant“, quia dum fulmen ceciderit, loca vicina odore sulfuris implentur. Unde sacrum dixit*. Такое мнѣніе о сѣрномъ запахѣ молніи встрѣчается и у другихъ древнихъ писателей. По законамъ Нумы, изъ которыхъ Фестъ въ своемъ лексиконѣ, подъ словомъ *occisum* (а не *oscut*, какъ у О. Яна), приводитъ слѣдующіе отрывки (изд. О. Мюллера, стр. 178): „Si hominem fulminibus + occisit, ne supra genua tollito +“ и „homo si fulmine occisus est, ei iusta nulla fieri oportet“; тѣло убитаго молніей чловѣка тутъ же зарывалось въ землю. Такое мѣсто обозначалось оградой, имѣвшею видъ верхней части колодца (*puteal*), и называлось „bidental“. Это названіе произошло отъ слова *bidens* и собственно означаетъ мѣсто, на которомъ были принесены въ жертву овцы, такъ какъ въ древнемъ латинскомъ языкѣ *bidens* означало то же, что *ovis*. Этимологию выраженія указываетъ и Фестъ подъ словомъ *bidental*: „Bidentes sunt oves duos dentes longiores ceteris habentes“. Такое мѣсто считалось священнымъ. Персіей, по свойственной ему страсти къ оригинальности, разумѣетъ здѣсь подъ означеннымъ словомъ самый трудъ пораженнаго молніей чловѣка. Изъ замѣтокъ схолиастовъ къ этому мѣсту считаю не лишнимъ заимствовать слѣдующія слова: „*Bidental dicitur locus sacro percussus fulmine, qui bidente ab aruspicipibus consecratur, quem calcare nefas est*“. Самый обрядъ, о которомъ идетъ

рѣчь, какъ и всѣ первоначальные реллигозные обряды Римлянъ, былъ заимствованъ ими у Этрусковъ. Вотъ почему здѣсь, въ качествѣ жреца, упоминается Эргенна. Это этруское имя, подобно Porsenna, Sisenna, Регренна и пр. О выраженіи „vellere barbam“ мы уже говорили въ примѣчаніи къ 133-му стиху I сатиры. Выраженіе „quidnam est, qua tu mercede“ и пр. поставлено вмѣсто: „quidnam mercedis est, qua“ и пр. „Lactes“ (напримѣръ, lactis agnina), греч. γαλακτίδες = потроха, молоки и вообще внутренности жертвенныхъ животныхъ. Неужели, спрашиваетъ Персій, такими пустяками можно купить (какъ выше *preces et acies*) благоволеніе боговъ?

Ст. 31—40. Поэтъ приводитъ новыя примѣры изъ ежедневной жизни, въ доказательство неразумности и безнравственности молитвъ и желаній, съ которыми люди обращаются къ богамъ. Въ этомъ мѣстѣ Персій смѣется надъ тетушками (*matertera* = *matris soror*), кормилицами и няньками, то-есть, надъ ихъ предразсудками и суевѣрными обрядами, которымъ онѣ придавали особенное и вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственное значеніе. Тѣ же самыя предразсудки существуютъ вездѣ и въ наше время. Стараніе предохранить младенцевъ отъ порчи и худаго глаза составляло одну изъ главныхъ заботъ римскихъ женщинъ. Отсюда множество специальныхъ боговъ и богинь, попеченію которыхъ ввѣрялись младенцы. Между прочимъ, *Cupina* охраняла ихъ въ колыбели (*in cupis*). Подъ „*infamis digitus*“ нужно разумѣть средней палецъ. Онъ же назывался *imprudicus*, такъ какъ этимъ пальцемъ преимущественно выдѣлывались разныя неприличныя жесты, имѣвшія, по убѣжденію Римлянъ, охранительную силу, какъ и все неприличное. Вотъ почему такимъ же характеромъ отличались свадебныя пѣсни (*carmina nuptialia* или *fescennina*), буллы (*bullae*), которыя въ видѣ талисмана дѣти носили на шеѣ и т. д. Подобное спасительное дѣйствіе (*fascinum arcere*) приписывалось также слюнкѣ (отсюда обычай *despuere*). Вотъ почему „*saliva*“ называется здѣсь „*lustralis*“ (очистительной). Выраженіе „*urentes oculi*“ = nocentes o., *худой глазъ*. „*Inhibere*“ = *prohibere*. Подъ „*маленькою надеждою*“ (*spes parva*) здѣсь нужно разумѣть самаго ребенка, хотя изъ замѣтки схоластика, который считаетъ слово „*parvam*“ однозначущимъ съ *modicam* и *dubiam*, видно, что онъ понималъ здѣсь это выраженіе не въ иносказательномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что такое объясненіе также можетъ быть допущено. Непомѣрныя желанія и надежды, о которыхъ здѣсь рѣчь, могли быть названы поэтомъ *маленькими*, разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ. Подъ Лициніемъ, какъ видно

изъ того же схолиаста, нѣкоторые разумѣли извѣстнаго богача Лицинія Красса, но это не вѣроятно, такъ какъ о Крассѣ упоминается отдѣльно въ томъ же самомъ стихѣ. Здѣсь рѣчь о Лициніѣ, извѣстномъ отпущеникѣ Августа или Юлія Цезаря. Это тотъ самый Лициній, о которомъ упоминаетъ и Ювеналь въ I-й своей сатирѣ (ст. 25):

Quo tondente gravis iuveni mihi barba sonabat.

Изъ этого свидѣтельства, а равно и изъ словъ Персіева схолиаста, видно, что Лициній въ молодости былъ цирюльникомъ. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался префектомъ въ Галліи и нажилъ тамъ большія деньги, благодаря своей ненасытной жадности. Надъ его прахомъ на *via Solaria*, близъ Рима, былъ воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, по поводу котораго схолиастъ приводитъ слѣдующую эпиграмму на Лицинія:

Marmoreo Licinus tumulo iacet: at Cato parvo,
Pompeius nullo: quis putet esse deos?

Та же самая эпиграмма въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сохранилась и въ *Schol. Cruqu. ad A. P.*, ст. 301, гдѣ у Горация также упоминается о *tonsor Licinius*. Она приписывается Варрону. О значеніи выраженія „*rosa fiat*“ мы уже говорили въ примѣчаніи къ 40-му стиху I сатиры. Мнѣ кажется, что новые ученые напрасно упрекаютъ Персію за то, что онъ (въ 39-мъ стихѣ), какъ-бы забывъ объ „*avia*“ и „*matertera*“, упоминаетъ о кормилицѣ (*nutrix*). Очевидно, что поэтъ всѣхъ этихъ женщинъ, съ точки зрѣнія ихъ предразсудковъ, относитъ къ одному разряду. Кромѣ того, слово „*nutrix*“ можетъ быть здѣсь принято не въ тѣсномъ, а въ распространенномъ значеніи, какъ у Горация (*Epist. II, 1, 99*), то-есть, подъ кормилицею можно разумѣть всякую приставницу, которой ввѣрено попеченіе о ребенкѣ. Такія женщины, какъ замѣтилъ О. Янгъ, основываясь на языкѣ надписей, назывались у Римлянъ *assae nutrices*. Эта *nutrix* называется здѣсь „*albata*“ (подобно тому какъ въ I сатирѣ, ст. 16, чтець называется *albus*) на томъ основаніи, что набожные люди молились обыкновенно въ бѣлыхъ одеждахъ.

Ст. 41—51. Нерѣдко, говоритъ здѣсь Персію, люди своими дѣйствіями и образомъ жизни дѣлаютъ невозможнымъ исполненіе тѣхъ молитвенныхъ желаній, которыя они возсылаютъ къ богамъ. „*Tuseta crassa*“, говоритъ Кёнигъ, „*opiparum erat ferculum, sed nobis ignotum*“. *Tusetum* или *tuscetum* (ср. *tucca*, тукъ, тучный) Форчеллини объясняетъ: „*genus edulii seu farciminis ex carne bubula, vel porcina una*

cum arvina reconditi in usus mensarum“. Схолиасти Персія также остановились на объясненіи этого слова. Здѣсь, между прочимъ, говорится: „*Tuceta apud Gallos Cisalpinos bubula dicitur caro condimentis quibusdam crassis oblita ac macerata, et ideo toto anno durat*“. По другому толкованію схолиастовъ, „*tuceta dicuntur loca, in quibus tunsae carnes ponuntur*“. Изъ этихъ словъ можно вывести заключеніе, что подъ означеннымъ выраженіемъ разумѣлись также чуланы или погреба для храненія съѣстныхъ припасовъ, въ родѣ тѣхъ погребовъ, о которыхъ Персій упоминаетъ въ III сатирѣ, ст. 4. Наконецъ, въ греческихъ глоссаріяхъ *tucetum* переводится *ξωμός παχός* и *κατάχωρα ξωμός*. Вообще это была, какъ видно, жирная и потому нездоровая пища, которую Римляне заимствовали изъ Галліи, нѣчто въ родѣ мѣстныхъ пастетовъ, которые заготавливались въ провъ, или, какъ видно изъ другихъ объясненій, кушанье съ жирнымъ подливомъ или соусомъ, и притомъ очень гастрономическое, какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Апулеевыхъ „Метаморфозъ“, на которыя указываютъ Форчеллини и О. Янъ.

Въ 44-мъ стихѣ выраженіе „*gem (то-есть, familiarem) struere*“ соотвѣтствуетъ нашему „устроить свое состояніе“, что не мѣшаетъ „*struere*“ понимать въ смыслѣ *augere*. „*Arcessis*“ = *in auxilium vocas*. Меркурій упоминается здѣсь, какъ *deus lucri* (херѣфос). Такимъ онъ нерѣдко выводился древними авторами, напримѣръ, Плавтомъ, въ прологѣ къ „Амфитріону“ и самимъ Персіемъ въ VI сатирѣ, ст. 62:

*Sum tibi Mercurius, venio deus huc ego ut ille
Pingitur . . . .*

Въ такихъ случаяхъ Меркурій обыкновенно изображался съ кошелекомъ.

„*Da fortunare (то-есть, me) penates*“. „*Fortunare*“, по объясненію схолиаста = *fortunatos facere*. Въ 46-мъ стихѣ „*pessime*“ значить не столько гадкій, сколько глупый человѣкъ (Thor, какъ объясняетъ Гейнрихъ) и выражаетъ не брань, а скорѣе презрительное сожалѣніе.

Какъ рукописи, такъ и изданія очень расходятся въ редакціи 47-го стиха, гдѣ главные варианты выражаются въ слѣдующихъ чтеніяхъ: *in flamma*, *in flammis* и *in flammis*. Всѣ они нашли своихъ защитниковъ, и только второе изъ нихъ, принятое Веберомъ и Гейнрихомъ, представляетъ на первый взглядъ нѣкоторыя трудности. Впрочемъ, выраженіе „*in flammis*“ можетъ значить здѣсь „на жертвенное пламя“, то-есть, „на расходы по жертвоприношеніямъ“, и потому по-

зволительно и не согласиться съ О. Яномъ, который говоритъ, что „*accusativus hic vix artus est*“. Тѣмъ не менѣе мы принимаемъ здѣсь чтеніе „*in flammis*“. Слово „*fertum*“ (отъ *ferre*) имѣетъ здѣсь общее значеніе: приношеніе, вкладъ, а не специальное (*libi genus*), какое ему придается у Феста и схолиастовъ. Чтеніе *farto*, вмѣсто *ferto*, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, отвергнуто всѣми издателями. „*Junix*“ *zuncor*. вмѣсто *juvenix*—юница, телка. Въ 50-мъ и 51-мъ стихахъ слова: „*fundo pumtus in imo*“ (то-есть *argae*) составляютъ скорбное восклицаніе неразумнаго человѣка, истратившаго все свое состояніе на жертвоприношенія. Слово „*nequiquam*“, вопреки мнѣнію О. Яна, должно быть отнесено къ „*suspiret*“. Странно, что новый издатель Казобонова Персія, согласно съ мнѣніемъ Плума, принимаетъ здѣсь *prosoporogea*, то-есть, полагаетъ, что въ разсматриваемыхъ словахъ какъ-бы олицетворяется *pumtus*, „*qui a sociis destitutus et solus relictus impendio sacrificiorum ingemiscit in imo fundo argae*“. Этому объясненію слѣдуетъ и Кѣнигъ. Въ такомъ случаѣ это было бы выраженіе слишкомъ искусственное, отъ котораго, какъ кажется, на этотъ разъ можно освободить Персія.

Ст. 52—58. Главная мысль, которую поэтъ развиваетъ какъ здѣсь, такъ и въ остальныхъ частяхъ сатиры, состоитъ въ томъ, что люди ошибаются, перенося на боговъ свои человѣческія, то-есть, земныя воззрѣнія. Все это потому, что, какъ выражается Персій въ 61-мъ стихѣ, „души ихъ склонны къ земному и не причастны небесному“.

Въ 52-мъ стихѣ въ разныхъ изданіяхъ встрѣчаются чтенія: *cratergas*, *crateras* и *creterras*. Первое изъ нихъ предложено Казобономъ, но изъ позднѣйшихъ издателей Персія принято едва-ли не однимъ только Гейнрихомъ. Остальные два заимствованы изъ манускриптовъ и приняты единодушно издателями Персія, изъ которыхъ Германъ держится чтенія „*creterras*“. Это чтеніе впрочемъ не идетъ сюда, такъ какъ *creterra* означаетъ собственно сосудъ для воды (*ὄδρῖα*). Винительный „*crateras*“ можно производить не только отъ *cratera*, но (какъ *accusativ. graec.*) и отъ *crater*, ибо обѣ означенныя формы существовали въ латинскомъ языкѣ. Слѣдующія за тѣмъ слова „*sudes et pectore*“ и пр. представляютъ не мало трудностей. Глаголь „*sudare*“ употребленъ здѣсь Персіемъ на томъ основаніи, что потъ сопровождаетъ всякое сильное ощущеніе, а между прочимъ (какъ здѣсь) и сильную радость. Выраженіе „*excutere guttas*“ можетъ быть также объяснено въ смыслѣ „*sudare*“, какъ и

объясняетъ его Гейрихъ, но въ такомъ случаѣ здѣсь образовалась бы тавтологія, которой легко избѣгнуть, принимая означенное выраженіе въ смыслѣ *lacrimare* (*lacrimae prae gaudio*, какъ объясняетъ Казобонъ). На этомъ основаніи послѣднему объясненію слѣдуютъ почти всѣ ученые, которые однако расходятся въ томъ, что одни изъ нихъ (Казобонъ, О. Янгъ, Германъ) пишутъ „*excutias*“, а другіе (Рейцъ, Пассовъ, Веберъ, Кёнигъ, Гейнрихъ)—„*excutiat*“. Оба эти чтенія подтверждаются кодексами, хотя придаютъ далеко не одинаковое значеніе разсматриваемому мѣсту. Въ первомъ случаѣ „*cor*“ является здѣсь подлежащимъ, а дополненіе его „*praetrepidum laetari*“ можетъ значить „*in laetitiam proripit*“. вмѣсто „*laetari*“, въ манускриптахъ встрѣчается также совершенное умѣстное здѣсь чтеніе „*laetetur*“, которому мы слѣдуемъ, хотя оно никѣмъ не принято. Не принято также и предложенное Гауталемъ „*praetrepidum*“, вмѣсто „*praetrepidum*. Въ 53-мъ стихѣ, вмѣсто „*laevo*“ можно было бы читать *laeto*, но въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Слово „*laevus*“ можетъ имѣть здѣсь такое же значеніе, какъ въ извѣстномъ выраженіи Вергилія: „*si mens non laeva fuisset*“, то-есть, „*nisi fuissemus stulti*“, или можетъ быть принято въ своемъ первоначальномъ значеніи (лѣвый).

Ученые не согласны въ томъ, кого слѣдуетъ понимать (въ 56-мъ стихѣ) подъ „*fratres aeni* (или *aheni*). Одни изъ нихъ слѣдуютъ объясненію схолиаста, по мнѣнію котораго здѣсь идетъ рѣчь о пятидесяти Данаидахъ, статуи которыхъ, рядомъ съ изображеніями пятидесяти сыновей Эгипта, Августъ выставилъ въ портикѣ Аполлонова храма, на Палатинскомъ холмѣ. Другіе, также согласно съ объясненіемъ одного изъ схолиастовъ, разумѣютъ подъ означеннымъ выраженіемъ Кастора и Поллукса. Наконецъ, здѣсь можно разумѣть статуи всѣхъ возможныхъ боговъ въ томъ видѣ, какъ они представлялись въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Пантеонѣ. Обычай золотить такія статуи, вполнѣ или отчасти, былъ очень распространенъ въ древности. Это дѣлалось даже на мраморныхъ статуяхъ. Такъ на волосахъ Венеры Медицейской остались явные слѣды позолоты. Нерѣдко золотили статуи изъ благодарности за оказанныя богамъ милости или въ надеждѣ на таковыя. Персію, какъ просвѣщенный человѣкъ, смѣется здѣсь надъ этимъ обычаемъ, который, по смыслу его словъ, возникъ изъ убѣжденія, будто боги, подобно людямъ, радуются всякимъ приношеніямъ, и притомъ по мѣрѣ ихъ цѣнности. „*Pituita*“ слѣдуетъ здѣсь произносить трехсложно, какъ и у Горация въ послѣднемъ стихѣ 1-го посланія 1-й книги. Выраженіе „*somnia*

pituita purgatissima“ схолиастъ правильно объясняетъ „*certa, quia pituita pleni* (то-есть, больные люди, страдающіе насморкомъ и вообще простудой) *nihil veri somniant*“. Римляне приписывали снамъ пророческое значеніе и вѣрили, что они насылались богами.

Ст. 59—70. Вслѣдствіе такого неправильнаго воззрѣнія на боговъ, продолжаетъ поэтъ, храмы утратили прежнюю свою простоту и замѣнили ее роскошью. Въ глубокой древности въ римскихъ храмахъ существовала только простая, глиняная утварь. Таковы были и „*vasa Numae*“. Съ именемъ Нумы Римляне обыкновенно соединяли память о началѣ своихъ религиозныхъ учрежденій. Подъ „*Saturnia aega*“ разумѣются здѣсь мѣдные сосуды, составлявшіе принадлежность древнихъ римскихъ храмовъ. Сатурнъ, по римскимъ преданіямъ, въ глубокой древности царилъ въ Италиі, и въ это время тамъ былъ золотой вѣкъ (см. *Ovid. Fast. I, 193, 239* и *passim*). Слово „*aega*“ употреблено здѣсь въ той же формѣ и въ томъ же значеніи, какъ и у Горация, *Ep. I, 2, 23* и *A. P. 345*. „*Impulit*“ = *loco deiecit*. Такимъ же простымъ характеромъ отличались урны, которыми весталки (*Vestales ignae*) черпали необходимую для разныхъ религиозныхъ церемоній воду. Эти церемоніи и вообще первоначальный культъ были заимствованы Римлянами у Этрусковъ, чѣмъ объясняется выраженіе „*Tuscum fictile*“. Слово „*mutat*“ нѣкоторые считали за сокращенную форму, вмѣсто *mutavit*, въ чемъ нѣтъ никакой необходимости. Въ 61-мъ стихѣ мы предпочитаемъ чтеніе „*in terras*“, не смотря на то, что О. Янъ и Германъ ввели въ свои изданія „*in terris*“. „*Curvae in terras animae*“, очевидно, значитъ „*gronae in terras a.*“, то-есть, „*animae, quae terram solam spectant*“. Такое чтеніе и пониманіе этого мѣста гораздо болѣе имѣетъ, по нашему мнѣнію, логической связи съ словами „*coelestium inanes*“, чѣмъ почти общепринятое чтеніе „*in terris*“. Это послѣднее выраженіе схолиастъ правильно объясняетъ: „*qui ignorant coelestia*“. „*Pulpa*“, по объясненію грамматиковъ, есть „*caro sine ossibus*“ и соотвѣтствуетъ библейскому *târē*, то-есть, *плоть*, въ значеніи чувственности. *Плоть*, по словамъ поэта, есть истинная мать роскоши. Эта общая идея, по свойственному древнимъ авторамъ обычаю, выражена здѣсь частными примѣрами. Персію допускаетъ проявленіе этой роскоши въ частномъ быту, но находитъ неразумнымъ, бесполезнымъ и неприличнымъ вносить ее въ храмы. Глаголы „*concupiri*“ и „*vitiari*“ употреблены здѣсь въ смыслѣ: терять или утрачивать первоначальное свое свойство. „*Olivo*“ = *oleo*. Въ 66-мъ стихѣ жемчужина

(*margarita*) очень оригинально называется раковинною ягодою (*bassa conchae*). „*Radere*“=avellere, а слѣдующее за тѣмъ „*stringere*“ уже схолиастъ вѣрно понималъ въ значенія *separare*. Здѣсь описывается процессъ добыванія драгоценныхъ металловъ, и для объясненія разсматриваемаго мѣста комментаторы Персія очень удачно указываютъ на слѣдующія слова Плинія (Н. Н. XXXIII. с. 4): „*Quod effossum est funditur (по другому чтенію, tunditur), lavatur, uritur, molitur in fagina*“. Подъ „*venae*“ здѣсь разумѣются золотоносныя жилы, а подъ выраженіями „*massa*“ и „*crudus pulvis*“ — такъ-называемый *шлакъ*, который, посредствомъ огня (отсюда „*fervens*“) и другихъ техническихъ приѣмовъ, отдѣляется отъ этихъ *venae*. Въ ст. 68-мъ „*vitiium*“=luxuria. При объясненіи слѣдующаго затѣмъ стиха, Веберъ справедливо, какъ кажется, вооружается противъ чтенія „*in sacro*“ и говоритъ, что оно „*ex serioris aevi latinitate ortum videtur*“. Впрочемъ, это чувствовали уже Казобонъ, а за нимъ — Рейцъ и Пассовъ. Предлагаемое этими учеными чтеніе „*in sacro*“ подтверждается нѣкоторыми рукописями, и тѣмъ болѣе удивительно, что О. Янъ и Германъ читаютъ „*in sacro*“. 70-й стихъ объясняется обычаемъ, на основаніи котораго Римляне, переходя изъ одного общественнаго положенія въ другое, посвящали богамъ атрибуты прежняго своего званія. Такъ, у Горация (Ер. I, 1, 4):

..... Veianis armis
Herculis ad postem fixis latet abditus agro.

Точно также въ 5-й сатиры Горация (I-й книги), ст. 65-мъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова:

..... donaret iamne catenam
Ex voto laribus quaerebat.....

Изъ этихъ примѣровъ видно, что гладіаторы, кончая свою трудную службу, посвящали Геркулесу свои *арма*, а рабы, получая свободу, приносили въ даръ Ларамъ свои дѣи. Множество другихъ подобныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей приведено у О. Яна adl. Согласно съ этимъ обычаемъ, и римскія дѣвушки, выходя замужъ, посвящали Венерѣ свой дѣвическій поясъ (*zona virginalis*) и упоминаемыя здѣсь „*pira*“, то-есть, игрушки, какъ атрибуты дѣтства. „*Pira*“=πλάγῳν, откуда латинское *planguncula*, въ томъ же значеніи. Такъ объясняетъ это мѣсто и схолиастъ: „*Solebant virgines, antequam puberent, quaedam virginitatis suae dona Veneri consecrare*“. Далѣе, для подтвержденія своихъ словъ, схолиастъ въ этомъ мѣстѣ указываетъ на Варрона.

Ст. 71—75. Подъ Мессалою, упоминаемымъ въ 72-мъ стихѣ, нужно разумѣть Марка Валерія Мессалу Корвина, бывшаго въ 723 году консуломъ. Онъ постоянно пользовался репутаціей умнаго и честнаго человѣка. Подобно Горацію, Мессала Корвинъ сначала былъ сторонникомъ республиканской партіи, а потомъ сдѣлался приверженцемъ и любимцемъ Августа. Потомство (*proprago*) Мессалы называется здѣсь „*lirra*“ въ смыслѣ недалковидности, неразумія и вообще ничтожности. Вообще это слово употреблено здѣсь не въ физическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ. Очень можетъ быть, что Персій разумѣетъ въ этомъ мѣстѣ сына Мессалы, Мессалина Котту. Какъ видно изъ отзывовъ древности, это былъ льстецъ Тиберія и большой расточитель. Въ слѣдующемъ стихѣ лучшіе издатели Персія принимаютъ чтеніе „*apimi*“, вмѣсто „*apimo*“, которое едва-ли не лучше идетъ къ этому мѣсту. Въ 75-мъ стихѣ „*cedo*“ можно принять за сокращенную форму, вмѣсто *cedito*, какъ *cette*, вмѣсто *cedite*.

Н. Благовѣщенскій.

УСПѢХИ НАУКИ О РАЗВИТІИ ЖИВОТНЫХЪ.

(За вторую половину 1869 и первую половину 1870 годовъ) ¹⁾.

Въ теченіе второй половины 1869 и первой половины 1870 года появились слѣдующія *общія сочиненія* по части науки о развитіи животныхъ:

- 1) *Мильтъ-Эдвардс*. Лекціи физиологии и сравнительной анатоміи человѣка и животныхъ (*Leçons sur la Physiologie et l'Anatomie comparée de l'homme et des animaux*), томъ IX, вторая часть. Размноженіе. 1870.
- 2) *Геккель*. Объ исторіи развитія и задачахъ зоологіи, въ *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft*, т. V. Тетрадь 3 (1870); стр. 353.
- 3) *Гисъ*. О значеніи исторіи развитія для пониманія органической природы (*Ueber die Bedeutung der Entwicklungsgeschichte für die Auffassung der organischen Natur*). Рѣчь. 1870.
- 4) *Эд. Ванъ-Бенеденъ*. Изслѣдованія о строеніи и значеніи яйца, основанныя на изученіи его способа образованія и первыхъ эмбриональныхъ явленій, въ *Mémoires de l'Académie de Belgique*, т. XXXIV (Объ этомъ сочиненіи будетъ связано въ слѣдующемъ отчетѣ).

Затѣмъ, въ означенный періодъ времени вышли въ свѣтъ слѣдующія *частныя изслѣдованія* по той же наукѣ:

По отдѣламъ *простѣйшихъ и безкишечныхъ* животныхъ:

- 5) *Стюартъ*. Неаполитанскіе этюды, въ *Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften und der Universität in Göttingen*. 1870. № 6. (16-го марта), стр. 99.

¹⁾ Обзорніе успѣховъ науки о развитіи животныхъ въ теченіе первой половины 1868 года см. въ октябрьской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* того же года.

- 6) Геккель. Обь организаціи губокъ и о ихъ сродствѣ съ кораллами, въ *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft* (1870), томъ V, тетр. 2, стр. 207.
- 7) Геккель. Къ исторіи развитія сифонофоръ (Zur Entwicklungsgeschichte der Siphonophoren). Утрехтъ, 1869.
- 8) Мечниковъ. О развитіи нѣкоторыхъ безкашечныхъ, въ *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de S.-Petersbourg*, т. XV, стр. 95.
- 9) Фоль. Матеріалы къ анатоміи и исторіи развитія гребневниковъ (Ein Beitrag zur Anatomie und Entwicklungsgeschichte der Rippenquallen). Диссертация. Берлинъ, 1869.
По отдѣламъ *млекопитающихъ и червей*:
- 10) Мечниковъ. Этюды о развитіи эхинодермовъ и немертинъ, въ *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S.-Petersbourg*; VII серия, томъ XIV, № 8. (1869).
- 11) Виллемсъ-Зумъ. Гельминтологическія замѣтки, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XIX (1869), стр. 469.
- 12) Онъ же. — Гельминтологическія замѣтки, въ *Zeitschrift für wiss. Zoologie*, т. XX (1869), стр. 94.
- 13) Кнохъ. Замѣтка о способѣ развитія широкой ленточной глисты, въ *Journal de l'Anatomie et de la Physiologie*. 1870, № 1 (Janvier et Février), стр. 1.
- 14) М. Интоузъ. О строеніи британскихъ немертинъ и о нѣкоторыхъ новыхъ аннелидахъ, въ *Transactions of the r. Society of Edinburgh*, т. XXV, 1869, стр. 305.
- 15) Ковалевскій. Предварительное сообщеніе обь эмбриологіи червей и членистыхъ, въ *Запискахъ Кіевского общества естествоиспытателей*, т. I, выпускъ 1 (1870), стр. 21.
- 16) Кронъ. О живородящемъ видѣ Syllis, въ *Archiv für Naturgeschichte*, 1869, т. I, стр. 197.
- 17) Кларедъ. Ислѣдованія обь аннелидахъ, представляющихъ двѣ явственныя половыя формы, въ *Archives des Sciences physiques et naturelles*. Nouvelle période, т. XXXVI. Октябрь 1869 г., стр. 126.
- 18) Бобрежскій. Матеріалы для фауны Чернаго моря. Аннелиды (Annelida Polychaeta), въ *Запискахъ Кіевского общества естествоиспытателей*, т. I (1870), выпускъ 2-й, стр. 188.
- 19) Ковалевскій. Развѣтіе яицъ у Sternaspis Thalassemoides, въ *Запискахъ Кіевск. общ. естествоисп.* т. I, вып. 2-й, стр. 281.

- 20) *Мечниковъ*. Исслѣдованія о превращеніи нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ: о *Togpaga*, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XX (1869), стр. 131. (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869 г., т. 145, стр. 313).
- 21) *Бальбіани*. Исслѣдованія о развитіи и о способѣ распространенія *Eustrongylus gigas*, въ *Journal de l'Anatomie et de la Physiologie*. 1870, № 2 (Mars et Avril).
- 22) *Федченко*. О строеніи и разложеніи ришты (*Filaria medimensis*), въ *Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи*. Засѣданіе 21-го января 1870 года, стр. 71.
- 23) *Ульянинъ*. Къ анатоміи и исторіи развитія *Pedicellina*, въ *Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou*. 1870, № 2.
- 24) *Нитше*. Матеріалы къ познанію мшановъ, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XX (1869), стр. 1.
По отдѣламъ наукообразныхъ и ракообразныхъ:
- 25) *Дорнъ*. Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ, 2. О развитіи и строеніи плектогонидъ, въ *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft*, томъ V, тетр. 2 (1870), стр. 138.
- 26) *Заленскій*. Исторія эмбриональнаго развитія клещей. С.-Петербургъ, 1869.
- 27) *Клаубъ*. Циприсообразная личинка (куколка) усоногихъ и ея превращеніе въ осядлое животное, въ *Schriften der Gesellschaft zur Beförderung der gesammten Naturwissenschaften zu Marburg*. Supplement-Heft V, 1869.
- 28) *Эд. Ванъ-Бенедекъ*. О развитіи личинковаго яйца *Sacculina sarcini*, въ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris* 1869. 29 Novembre. № 22, стр. 1146.
- 29) *Эд. Ванъ-Бенедекъ*. Исслѣдованія объ эмбриогеніи ракообразныхъ. Развитіе яйца и зародыша *Sacculina Sarcini*, въ *Bulletin de l'Académie r. de Belgique*, 2-я серия, т. XXIX, № 2 (1870), стр. 99.
- 30) *Бальбіани*. О строеніи и о способѣ образованія яйца саккуллинн, въ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris*. 1869, т. LXIX, № 25, стр. 1320 и № 36, стр. 1376.
- 31) *Эд. Ванъ-Бенедекъ*. Отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія г. Бальбіани о яйцѣ саккуллинн, въ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris*, т. LXX, № 5, стр. 197.
- 32) *Онъ же*.—Исслѣдованія объ эмбриологіи ракообразныхъ. Развитие

- родовъ Anchorella, Lerneopoda, Brachiella и Hessia, въ *Bulletin de l'Académie de Belgique*, 2-я серия, т. XXIX, № 3 (1870), стр. 223.
- 33) Гессъ. Наблюдения о рѣдкихъ или новыхъ ракообразныхъ береговъ Франціи, въ *Annales des sciences naturelles*, т. XIII (1870), стр. 9.
- 34) П. Е. Мюллеръ. Материалы къ исторіи размноженія Cladocerae (извлечено изъ *Naturhistorisk Tidsskrift*), въ *Bibliothèque universelle et revue Suisse. Archives des sciences physiques et naturelles*, т. 37 (1870), стр. 357.
- 35) Дорнъ. Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 3. Раковинная железа и эмбриональное развитіе дафниды, въ *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft*, т. V, тетр. 2-я (1870), стр. 277.
- 36) Онъ же. — Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 4. Развитіе и организація Praeiza maxillaris, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XX, тетрадь 1-я (1869), стр. 55.
- 37) Онъ же. — Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 6. Къ исторіи развитія панцирныхъ раковъ (Loricata), въ *Zeit. f. wiss. Zoologie*, т. XX, тетр. 2-я (1870), стр. 248.
- 38) Онъ же. — Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 7. Къ познанію строенія и развитія Tanaia. въ *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft*, т. V, тетр. 3-я (1870), стр. 293.
- 39) Онъ же. — Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 8. Остатки стадій Zosa въ онтогенетическомъ развитіи различныхъ семействъ ракообразныхъ, въ *Jenaische Zeitschrift etc.*, т. V, тетр. 4-я (1870), стр. 471.
- 40) Онъ же. — Исслѣдованія о строеніи и развитіи членистоногихъ. 9. Новая форма Nauplius 10. Материалы къ познанію Malacostraca и ихъ личинокъ, въ *Zeitschrift für wiss. Zoologie*, т. XX, тетр. 4-я (1870), стр. 597.
- 41) Мечниковъ. Объ одной личиночной стадіи Euphausia, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XIX, тетр. 3-я (1869).
По отдѣлу насекомыхъ:
- 42) Балбиани. Мангартъ о зароденіи травяныхъ вшей, въ *Annales des sciences naturelles. Zoologie*. Томъ XI, 1869, стр. 5.
- 43) Рутсема. О происхожденіи и развитіи Periphyllus testudo, въ *Annales of natural history*, июль 1870 г., стр. 98.
- 44) Гриммъ. Къ эмбриологій Phtirius pubis, въ *Bulletin de l'Académie de S.-Petersbourg*, т. XIV, стр. 513.

- 45) *Онъ же.* Бесполое размноженіе одного вида *Chironomus* и развитіе его изъ не оплодотвореннаго яйца, въ *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de S.-Petersbourg*; VII серия, томъ XV, № 8, 1870.
- 46) *Мечниковъ.* Сообщение объ исторіи развитія травяныхъ вшей и *Chironomus*, въ *Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей*, т. I, выпускъ 1, 1870 г., стр. 67.
- 47) *Бючли.* Къ исторіи развитія пчелы, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XX (1870), тетр. 4-я, стр. 519.
- 48) *Ганнъ.* Матеріалы къ познанію исторіи развитія насѣкомыхъ, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XIX (1869), тетр. 3-я, стр. 381.
- 49) *Мельниковъ.* Матеріалы къ исторіи эмбриональнаго развитія насѣкомыхъ, въ *Archiv für Naturgeschichte*, 1869, т. I, тетр. 2-я, стр. 136 (эта статья есть переводъ того сочиненія г. Мельникова, о которомъ я говорилъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1869 г., т. 145, стр. 322).
- 50) *Онъ же.* Замѣтка о развитіи *Perlae*, въ *Отчетахъ о второмъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ.* 1869.
- По отдѣлу *мяжкотльицъ*:
- 51) *Лаказъ-Дютъе.* Изслѣдованія объ организаціи и эмбриогеніи Асцидій. Развитіе *Molgula tubulosa*, въ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris.* 1870, № 22, стр. 1154.
- 52) *Кронъ.* О размноженіи ботриллидъ, въ *Archiv für Naturgeschichte.* 1869, т. I, тетр. 2-я, стр. 190.
- 53) *Онъ же.* О первоначальномъ образованіи колоніи ботриллидъ, тамъ же, тетр. 4-я, стр. 326.
- 54) *Ганина.* Новые факты изъ исторіи развитія асцидій, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XX, тетр. 4-я, 1870, стр. 512.
- 55) *Ковалевскій.* Почкованіе *Perophora Listeri*, въ *Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей*, т. I, выпускъ 1-й, 1870, стр. 79.
- 56) *Кунферъ.* Племенное родство между асцидїями и несомочными, въ *Archiv für mikroskopische Anatomie*, т. VI, тетр. 2-я, 1870, стр. 115.
- 57) *Эйзигъ.* Матеріалы къ анатоміи и исторіи развитія половыхъ органовъ *Lymnaeus*, въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, т. XIX (1869), тетр. 3-я, стр. 297.

По отдѣлу позвоночныхъ:

- 58) *Осалинковъ*. О развитіи рѣчной миноги. Предварительное сообщеніе въ *Bulletin de l'Académie Impériale de S.-Petersbourg*, т. XIV (1869), стр. 325.
- 59) *Ковалевскій*, *Овсянниковъ* и *Вазнеръ*. Исторія развитія осетровъ. Предварительное сообщеніе, въ *Bulletin de l'Académie de S.-Petersbourg*, т. XIV (1869), стр. 317.
- 60) *Ковалевскій*. Къ исторіи развитія акулъ, по наблюденіямъ надъ *Mustelus laevis* и *Acantias vulgaris*, въ *Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей*, т. I (выпускъ 2-й), 1870, стр. 163.
- 61) *Ковалевскій*. О пластахъ позвоночныхъ, въ *Протоколахъ заседаній Казанскаго общества естествоиспытателей*, 1869.
- 62) *Де-Сантисъ*. Эмбриогенія электрическихъ органовъ ската, въ *Bulletino dell' Associazione dei naturalisti e medici per la mutua istruzione*. Gennaio 1870, № 1, Napoli, стр. 4.
- 63) *Шенкъ*. О круговомъ движеніи зародышной *Rana temporaria* внутри яичевой оболочки, въ *Archiv für die gesammte Physiologie des Menschen und der Thiere*. 1870, 2-я и 3-я тетр., стр. 89.
- 64) *Жюли*. О круговомъ движеніи зародыша въ яицѣ аксолотля, въ *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, 1870, т. LXX, № 16, стр. 878.
- 65) *Аурбахъ*. О дѣйстви свѣта на оплодотворенныя лягушечьи яйца, въ *Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften*, 1870, № 23; стр. 357.
- 66) *Голубевъ*. Матеріалы къ исторіи развитія нагихъ амфибій, въ *Untersuchungen aus dem Institute für Physiologie und Histologie in Graz*; herausgegeben von *Rollett*. Leipzig. 1870, стр. 87.
- 67) *Денисъ*. О Ремаковскомъ верхнемъ пластѣ (Sinnesblatt), въ *Archiv für Anatomie und Physiologie*, 1869, стр. 600.
- 68) *Панчери*. О превращеніи аксолотля и другихъ животныхъ, представляющихъ, подобно названному, двоякую половую форму, въ *Bulletino del l'Associazione dei naturalisti etc.* 1870, № I, стр. 12. (Эта статья содержитъ изложеніе фактовъ, уже извѣстныхъ въ наукѣ).
- 69) *Еллахеръ*. О сегментаци и объ образованіи пластовъ въ яицѣ курицы, въ *Studien aus dem Institute für experimentelle Pathologie in Wien*, herausgegeben von *Stricker*, 1870, стр. 54.
- 70) *Вальдейеръ*. Яичникъ и яйцо. Матеріалы къ анатоміи и исторіи развитія половыхъ органовъ (*Eierstock und ein Beitrag zur Anatomie und. Entwicklungsgeschichte der Sexualorgane*. Leipzig, 1870)-

- 71) *Дорнъ*. Къ познанію Мюллеровскихъ каналовъ и о нихъ сліянніи, въ *Schriften der Gesellschaft zur Beförderung der gesammten Naturwissenschaften in Marburg*, 1869, стр. 251.
- 72) *Эккеръ*. Къ исторіи развитія бороздокъ и извилинъ большихъ полушарій головного мозга у зародыша человѣка, въ *Archiv für Anthropologie*, т. III, тетрадь 8-я и 4-я (1869), стр. 203 ¹⁾.

Вторая часть девятаго тома известнаго сочиненія Мильнъ-Эдвардса (1) посвящена, между прочимъ, изложенію нѣкоторыхъ процессовъ развитія животныхъ. Въ ней говорится о самыхъ общихъ моментахъ развитія, характеризующихъ такъ-называемыя „типы“ животныхъ, и кромѣ того, въ ней болѣе обстоятельно излагается исторія развитія органовъ растительной жизни позвоночныхъ. Литературныя примѣчанія не полны и указываютъ на то, что авторъ болѣе знакомъ съ исторіей предмета, чѣмъ съ современнымъ его положеніемъ.

Въ своей рѣчи о развитіи и задачахъ зоологін, Геккель (2) указываетъ вкратцѣ на историческій ходъ исторіи развитія животныхъ и повторяетъ часто высказываемое мнѣніе (см. мой отчетъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за мартъ 1869 г.), что въ исторіи развитія недѣлимаго повторяется въ сжатомъ видѣ вся исторія образованія цѣлаго вида.

Въ началѣ своей рѣчи о значеніи исторіи развитія для пониманія органической природы, Гисъ (3) дѣлаетъ короткій обзоръ историческаго развитія эмбриологін. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что многіе эмбриологическіе процессы могутъ быть всего проще объяснены обыкновенными механическими дѣйствіями. Такъ, тѣ первоначальныя складки зародыша, которыя ведутъ къ обособленію главнѣйшихъ частей тѣла его, составляютъ прямой результатъ неравномѣрнаго развитія различныхъ частей зачатка. Это механическое направленіе исторіи развитія Гисъ выставляетъ на первый планъ, предсказывая, что наука должна пойдти впередъ именно по этому направленію. Относительно положенія, столь часто повторяемаго Геккелемъ, что исторія развитія недѣлимаго составляетъ только сокращенное повтореніе исторіи развитія цѣлаго вида, Гисъ высказывается довольно недовѣрчиво. „Не говоря о сомнѣніяхъ въ абсолютной справедливости этого положенія“, замѣчаетъ Гисъ, „во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности признавать за нимъ придаваемое

¹⁾ Нумера, означенные впереди представленнаго выше перечня заглавій, при дальнѣйшихъ ссылкахъ на перечисленные труды помѣщены въ скобкахъ.

ему значеніе, то-есть, считать его (положеніе) физиологическимъ объясненіемъ наблюдаемыхъ исторіей развитія фактовъ. Такимъ образомъ, задача этой науки должна во всякомъ случаѣ состоять въ томъ, чтобы совершенно независимо отъ ученія объ образованіи видовъ, и только руководствуясь собственнымъ методомъ и опытомъ, найти физиологическое объясненіе индивидуальной организаціи“.

Стуартъ (5) описываетъ развитіе одной разновидности *Collozoum inegme* (изъ колоніальныхъ радиоларій). При этомъ „мѣстомъ образованія новыхъ особей является простой комочекъ уплотненной протоплазмы, скопляющейся на псевдоподіяхъ и между ними“. Въ этомъ комочкѣ обособляются два слоя протоплазмы, изъ которыхъ внутренней облекается центральной капсулой.

Описывая почечное развитіе медузъ на такъ-называемыхъ желудкахъ *Veella*, Стуартъ (5) полагаетъ, что у нихъ существуетъ полость тѣла, отдѣленная отъ полости желудка. Такъ какъ авторъ намѣренъ скорѣе подробнѣе сообщить о своемъ изслѣдованіи, то я откладываю дальнѣйшее рассмотрѣніе его до слѣдующаго отчета.

Геккель (6) видитъ въ исторіи развитія известковыхъ губокъ сильное доказательство въ пользу ближайшаго родства этихъ животныхъ съ кораллами. Послѣ раздробленія желтка зародышъ получаетъ овальную форму; снаружи онъ покрывается мерцательными волосками, а внутри его обнаруживается центральная полость — желудокъ, открывающийся наружу ротовымъ отверстіемъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной жизни, при возможности плавать, личинки падаютъ на дно, теряютъ наружные мерцательные волоски и прикрѣпляются къ подводнымъ предметамъ. Стѣнки тѣла личинки очень рано распадаются на два слоя, изъ которыхъ наружный, покрытый сначала мерцательными волосками, потомъ превращается въ слой, дающій скелеть. Эти наблюденія Геккеля относятся къ родамъ *Olynthus*, *Clatrina*, *Nardoa*, *Dunstervillia*. Не распространяя своего мнѣнія на три первые рода, я могу однакожь утверждать, что какъ *Dunstervillia*, такъ и *Sycon* развиваются иначе, чѣмъ полагаетъ Геккель. Я продолжительно и внимательно слѣдилъ за развитіемъ двухъ названныхъ губокъ, и потому рѣшаюсь утверждать, что, напримѣръ, слой личинки, покрытый мерцательными волосками, никогда не превращается въ ткань, дающую скелеть, а напротивъ, углубляясь, даетъ стѣнку такъ-называемаго желудка. Центральная полость личинки есть, по моимъ наблюденіямъ, образованіе переходящее: желудокъ образуется вслѣдствіе переходенія наружнаго мерцательнаго слоя внутрь тѣла ли-

тинки. Слой, дающій скелеть, происходитъ изъ нижней части тѣла личинки, то-есть, изъ кучки клѣточекъ, никогда не покрывающихся мерцательными волосками. Мое разногласіе съ Геккелемъ относительно развитія известковыхъ губокъ ведетъ и къ различію нашихъ заключеній. По моему мнѣнію, развитіе *Syson* и *Dunstervillea* представляютъ намъ примѣры очень оригинальныхъ особенностей, весьма значительно отдаленныхъ названныхъ губокъ (которыя представляются однакожь очень типичными, какъ губки) отъ полиповъ.

Геккель (7) значительно подвинулъ впередъ свѣдѣнія объ исторіи развитія сифонофоръ, сообщивъ свои изслѣдованія о развитіи *Physophora magnifica*, *Athorybia* и *Crystallodes*. Онъ нашелъ при развитіи этихъ трехъ родовъ довольно замѣчательныя общія черты. Сначала желтокъ раздробляется, и покрываясь мерцательными волосками, превращается въ свободноплавающую личинку, въ которой вскорѣ обнаруживаются важныя дифференцированія. У нея обособляются два состоящіе изъ клѣтокъ пласта, изъ которыхъ верхній (наружный) представляетъ такъ-называемую эктодерму, а нижній — энтодерму, то-есть, оболочку полостной системы. Затѣмъ на верхней части личинки образуется крышечка (*Deckstück*), которая представляетъ собою провизорное образованіе. Нижняя же часть личинки у *Physophora* прямо переходитъ въ первый желудокъ (*Polypit*), тогда какъ у *Athorybia* и *Crystallodes* она превращается въ большой желточный пузырь, заключающій въ себѣ питательный матеріалъ для личинки. Дальнѣйшее развитіе представляетъ уже большія отличія. У *Physophora* образуются арканъ (*Fangfaden*) и щупальцы (*Tastern*), а у двухъ остальныхъ родовъ особенно выдающимся оказывается образованіе значительнаго числа крышечекъ.

Мнѣ (8) также удалось изслѣдовать развитіе нѣсколькихъ сифонофоръ, именно: *Halistemma pictum* (nov. spec.), *Halistemma rubrum* (*Agalma rubrum* Vogt), *Agalma Sarsii*, *Physophora hydrostafica*, *Galeolaria aurantiaca*. Послѣ напечатанія статьи я имѣлъ еще случай изслѣдовать развитіе *Hyporodius neapolitanus*. У первой изъ названныхъ сифонофоръ мы встрѣчаемъ простѣйшій способъ развитія, сходный съ тѣмъ, который былъ описанъ г. Ковалевскимъ въ *Göttingische Nachrichten* 1868 года. Въ этомъ случаѣ свободно плавающая личинка дѣлится прежде всего на два отдѣла, изъ которыхъ верхній виѣщаетъ въ себѣ воздухоносный аппаратъ, тогда какъ нижній превращается въ желудокъ. На границѣ между обоими отдѣлами образуются провизорныя арканы.

У *Halistemma rubrum*, рядомъ съ образованіемъ воздухопеснаго аппарата, развивается еще сначала одинъ, а потомъ нѣсколько плавательныхъ колоколовъ. Всѣ эти части помѣщаются на верхнемъ отдѣлѣ личинки, тогда какъ нижній отдѣлъ и здѣсь переходитъ въ желудокъ.

Agalma Sarsii (*Agalma punctata* Лейкарта) развивается по типу, сходному съ тѣмъ, который описанъ Геккелемъ для *Physophora*, *Athopylia* и *Crystallodes*. У нея также образуется сначала пропорциональная крышечка, вслѣдъ за которою появляется цѣлый рядъ листообразныхъ крышечекъ. Желточного пузыря у *Agalma Sarsii* не существуетъ; нижняя часть личинки прямо переходитъ въ желудокъ. *Physophora hydrostatica* развивается очень сходно съ *Physophora magnifica*.

У *Galeolaria* на свободно-плавающей личинкѣ образуется сначала одинъ плавательный колоколъ, рядомъ съ которымъ появляется первый (дефинитивный) органъ. Затѣмъ образуется крышечка, вмѣстѣ съ которою появляется второй плавательный колоколъ. Большая часть личинки переходитъ въ желудокъ.

Личинка *Hipporodius* распадается, подобно личинкамъ другихъ сифонофоръ, на два отдѣла, изъ которыхъ верхній переходитъ въ плавательный колоколъ, а нижній—въ первый желудокъ. Дальнѣйшія стадіи не были наблюдаемы ¹⁾.

Изъ гидромедузъ я прослѣдилъ развитіе двухъ океанидъ, производящихъ полипники, а также развитіе *Cupina* (*Aegineta*) *flavescens*, *Aeginopsis mediterranea* и *Carinariina hastata*, изъ яицъ которыхъ выходятъ личинки, превращающіяся потомъ въ медузу, безъ посредства полипнаго повожденія. У *Cupina rhododactyla* было наблюдаемо почкованіе внутри желудка, то-есть, образованіе маленькихъ медузъ, кото-

¹⁾ Хотя мои наблюденія во многихъ пунктахъ сходятся съ показаніями Геккеля, тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго относительно нѣкоторыхъ, и притомъ весьма важныхъ, моментовъ развитія. Во-первыхъ, я не признаю (на основаніи продолжительныхъ наблюденій) того участія зародышеваго пузырька и пятна при раздробленіи желтка, которое приписываетъ этимъ частямъ Геккель. У всѣхъ изслѣдованныхъ мною сифонофоръ оба названныхъ члени показываютъ еще до оплодотворенія. Кроме того, я совершенно не согласенъ съ Геккелемъ относительно развитія воздушнаго мѣшка. По мнѣнію Геккеля, этотъ мѣшокъ есть ничто иное, какъ простой выступъ энтодермы, тогда какъ въ дѣйствительности онъ гораздо сложнее. Воздушный мѣшокъ состоитъ изъ дубликатуры энтодермы и эктодермы, и полость его никогда не сообщается съ общою полостью тела, а съ самаго начала представляется совершенно отдѣльнымъ пространствомъ.

рил, еще до выхода изъ тѣла матери, получаютъ всѣ характерныя особенности взрослого животнаго. Молодые почки сами оказываются способными въ размноженію; онѣ производятъ на верхнемъ полюсѣ тѣла нѣсколько послѣдовательно образующихся почекъ, которыя также превращаются въ настоящихъ *Cunipa*.

Фоль (9) описываетъ развитіе *Euthamphusa vexilligera* Geobr. Раздробленіе зачатка совершается адѣсь сходно съ тѣмъ, что извѣстно относительно другихъ гребневиковъ. Результатомъ этого процесса является зародынь, состоящій изъ наружнаго слоя мелкихъ клеточекъ и изъ внутренней массы, въ которой замѣчаются очень крупныя клетки. Наружный слой утолщается на нижнемъ полюсѣ — для образованія рта и желудка; кромѣ того, замѣчаются четыре утолщенія того же слоя, помѣщающіеся въ верхней половинѣ зародыша и служація для образованія четырехъ рядовъ мерцательныхъ пластинокъ. Каждый изъ такихъ рядовъ вскорѣ раздѣляется на двое. Слуховые камни (отолиты) лежатъ сначала довольно далеко другъ отъ друга; на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія они значительно сближаются и представляются покрытыми оболочкою.

Мнѣ представилась возможность изслѣдовать развитіе нѣкоторыхъ иглокожихъ (*Echinodermata*) (10), при чемъ у нихъ обнаружился довольно общій типъ. Не говоря уже объ общемъ сходствѣ съ наружными особенностями открытыхъ Иоганномъ Мюллеромъ личинокъ, при развитіи внутреннихъ органовъ у нихъ также обнаруживаются сходственныя черты. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ превращеніе особеннаго музирчатата зачатка, образующагося въ видѣ выступа первичнаго внѣшняго ваналя. Этотъ зачатокъ распадается на нѣсколько частей и даетъ такъ-называемую водную сосудистую систему, и peritoneum, то-есть, оболочку, одѣвающую внутренности, а также — слой кольцевыхъ мускуловъ.

Относительно вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между двояксиметричною личинкой и лучистымъ дефинитивнымъ животнымъ я пришелъ къ другому отвѣту, чѣмъ тотъ, который распространился въ наукѣ со времени изслѣдованій Иоганна Мюллера. По моимъ изслѣдованіямъ оказалось, что на лучистое животное не возможно смотрѣть какъ на почку двояксиметрической личинки, которая только втянула въ себя внутренности послѣдней. Въ дѣйствительности лучистое животное получаетъ не только всѣ внутренности личинки, но также и всю, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (у *Spratagidae*) большую часть стѣнныя тѣла. Мнѣніе Иоганна Мюллера, будто скелетообразовательный

ею италокожихъ происходитъ изъ обособившейся бластемы, налегающей вокругъ кишечнаго канала, также оказалось не вѣрнымъ: этотъ слой составляетъ ничто иное, какъ утолщеніе кожного слоя (*cutis*) личинки; и та же ткань, которая производитъ провизорный скелетъ личинки морскихъ ежей и офиуръ, служитъ и для образованія бѣже массивнаго скелета лучистой формы. Последняя получается вслѣдствіе непомѣрно сильнаго развитія одной половины симметрической личинки и совершеннаго подъ конецъ атрофированія другой половины. То явленіе асиметрии, которое такъ явственно у брюхоногихъ моллюсковъ (*gastropoda*), является у италокожихъ въ гораздо сильнѣйшей степени.

Предположеніе Геккеля, будто италокожее представляетъ собою животное, сходное съ типомъ червей и содержащее внутри себя цѣлое почечное поколѣніе, не подтверждается никакими фактами изъ исторіи развитія. Напротивъ того, всѣ собранныя данныя могутъ служить только для опроверженія этого, не основаннаго ни на какихъ фактахъ воззрѣнія.

Яйца, добытыя изъ члениковъ ленточной глисты *Schistocephalus polyomphus*, развивались, по наблюденіямъ Вилльмез-Зума (11), въ теченіе 24—25 дней, послѣ чего изъ нихъ вышли круглыя личинки, покрытыя мерцательными волосками. Эти личинки представляютъ большое сходство съ личинками *Bothriosephalus latus*; подобно имъ, наружная оболочка, покрытая мерцательными волосками, составляетъ только провизорное образованіе (такъ-называемую серозную оболочку), заключающее внутри себя червячка съ шестью крючечками. Черезъ нѣсколько часовъ по вылупленіи личинокъ изъ яйца, авторъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ теряетъ мерцательную оболочку и выходитъ изъ нея въ видѣ продолговатаго, неправильно очерченнаго червячка.

Дальнѣйшее развитіе личинокъ не было наблюдаемо. Тотъ же авторъ (12) имѣлъ возможность изслѣдовать образованіе и выходженіе личинокъ у *Ligula monogramma* и у *Triacnophorus podulosus*. Въ обоихъ случаяхъ личинки представляются въ видѣ шести-крючечныхъ зародышей, заключенныхъ въ пузырекъ, покрытый мерцательными волосками. У *Ligula* развитіе (до вылупленія) продолжается около двухъ недѣль, а у *Triacnophorus* — вдвое меньше. У послѣдняго изъ названныхъ животныхъ авторъ видѣлъ выходженіе личинки изъ мерцательнаго мѣшка, но дальнѣйшаго развитія онъ, къ сожалѣнію, не наблюдалъ.

Кнохъ (13) изслѣдовалъ внутренности собаки, дважды накормленной личинками *Bothriosephalus latus*, и нашелъ въ ней не только взро-

слуго *Bothriosephalus*, во также и молодого сколекса. Такъ какъ эти два возраста паразита соответствуютъ двумъ періодамъ кормленія (въ первый разъ собака была накормлена за годъ, а во второй разъ — за мѣсяць до смерти), то Кюокъ видитъ въ этомъ новое доказательство своего давне уже высказаннаго мнѣнія, что *Bothriosephalus latus* непосредственно развивается въ кишкахъ жевонитающаго (собаки или человѣка), безъ переходнаго пузырчатого состоянія.

Я изслѣдовалъ (10) развитіе немертины внутри *Pilidium* и нашелъ, что она образуется изъ четырехъ углубленій стѣнки тѣла личинки. Эти углубленія, имѣющія сначала видъ круглыхъ мѣшочковъ, распадаются на двѣ части, изъ которыхъ одна (обращенная внутрь) превращается въ часть зародышевой полосы немертины, а другая (прилегающая въ кожѣ личинки) переходитъ въ одѣвающую молодое животное провизорную оболочку, то-есть, въ амнионъ. При дальнѣйшемъ развитіи, четыре первичные зачатка срастаются между собою, при чемъ они обхватываютъ желудокъ и особенные боковые каналы. Присходящая отъ слиянія четырехъ половинъ зачатковъ зародышевая полоса явственно состоитъ изъ двухъ пластовъ: изъ верхняго, дающаго кожу и нервную систему, и изъ нижняго (соответствующаго среднему пласту другихъ животныхъ), служащаго для образованія мускуловъ.

Развитіе *Pilidium* изъ яйца было прослѣжено сначала г. Ковалевскимъ, а потомъ — мною. Кишечный каналъ образуется въ видѣ углубленія бластодермы.

Личинка *Opimatopsea alba*, по изслѣдованіямъ М. Интона (14), выходитъ изъ яйца очень сходною съ взрослымъ животнымъ. Она отличается только отсутствіемъ хобота и одной пары глазъ. Авторъ наблюдалъ также развитіе *Polia involuta* и *Tetrastemma variegatum*, личинки которыхъ также очень похожи на взрослые формы, но отличаются присутствіемъ на переднемъ концѣ тѣла длиннаго мерцательнаго жгута. О развитіи *Borlamia obscura* (*Nemertes olivacea*) авторъ не сообщаетъ ничего новаго.

Г. Ковалевскій (15) открылъ присутствіе трехъ пластовъ у зародышей *Lumbricus*, *Boaxes*, *Tubifex* и *Nepheleis*. Интересно, что эти пласты имѣютъ то же значеніе, какъ три пласта Ремака у позвоночныхъ и какъ найденные мною пласты у скорпіона. Верхній пластъ даетъ у всѣхъ этихъ животныхъ роговую пластъ кожи и нервную систему. Средній пластъ даетъ происхожденіе мускуламъ, а нижній пластъ превращается въ эпителий кишечнаго канала. Этотъ послѣдній пластъ

развивается различнымъ образомъ у различныхъ червей. У червей дождевыхъ онъ образуется съ помощью углубленія половины бластодермы, у *Euaxex* же и у *Tubifex* онъ составляетъ прямо часть вѣточной массы, происшедшей вслѣдствіе раздробленія желтка.

Бронъ (16) наблюдалъ *Syllis vivipara*, яйца которой развиваются внутри тѣла матери. Выходящія изъ него молодыя особи во всѣхъ главныхъ чертахъ сходны съ взрослымъ животнымъ.

Осенью прошлаго года появилось въ печати то изслѣдованіе Клапареда (17), о которомъ мы говорили въ предыдущемъ отчетѣ (см. *Журналъ Мин. Народн. Просв.*, т. 145, 1869, стр. 316), и которое касается генетическихъ отношеній *Nereis* и *Heteronereis*. Можно считать за доказанное, что *Nereis Dumerilii* можетъ превращаться въ форму, имѣющую всѣ признаки рода *Heteronereis*, и что въ обоихъ этихъ состояніяхъ могутъ развиваться половые продукты. Изъ множества изслѣдованныхъ Клапаредомъ экземпляровъ нерейдной формы, только сравнительно маленькія особи оказывались снабженными зрѣлыми половыми продуктами. У самцовъ оказывались сѣмянные тѣла съ рѣбовидною головкой, а у самокъ — шарообразныя бѣлыя яички. Болѣе крупныя экземпляры Клапаредъ находилъ въ большей или меньшей степени превращенными въ *Heteronereis*, при чемъ также замѣчалось образованіе половыхъ продуктовъ, хотя и отличныхъ отъ вышеупомянутыхъ. У гетеронерейдныхъ самцовъ замѣчалось образованіе сѣмянныхъ тѣлъ съ особеннымъ зубцевиднымъ придаткомъ и яицъ, отличающихся отъ яицъ нерейдной формы, своимъ желтымъ цвѣтомъ и обособленіемъ особеннаго слоя на периферіи.

Клапаредъ полагаетъ, что *Nereis Dumerilii* имѣетъ двѣ гетеронерейдныя формы. Онъ думаетъ, что плавающая на поверхности моря прозрачная *Heteronereis* принадлежитъ также къ циклу превращеній *Nereis Dumerilii*, что впрочемъ требуетъ болѣе положительныхъ доказательствъ.

Г. Бобрецкій (18), независимо отъ Клапареда, пришелъ къ убѣжденію, что мнѣніе Мальмгрена и Элерса объ отношеніи *Nereis* къ *Heteronereis* соответствуетъ истинѣ. Онъ впрочемъ смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія этихъ двухъ ученыхъ, и слѣдовательно, видитъ въ *Nereis* такъ-называемую атокальную, бесполовую форму, которая при приближеніи половой зрѣлости, получаетъ такъ-называемое брачное одѣяніе и превращается въ *Heteronereis*. Кромѣ *Nereis Dumerilii*, г. Бобрецкій наблюдалъ еще превращеніе *Nereis cylindrata* въ гетеронерейдную форму.

Тотъ же авторъ сообщаетъ псевдонимъ данные относительно бесполоваго и половаго развитія *Syllidea*. Бесполовое размноженіе *Syllis pigra* составляетъ переходъ между такъ-называемымъ дѣленіемъ и почкованіемъ кольчатыхъ червей.

Яйца *Grubea tenuicirrata* прикрепляются въ спинной сторонѣ наружной поверхности сегментовъ матери. Выходящія изъ яйца личинки въ существенныхъ чертахъ сходны съ взрослымъ животнымъ, отъ котораго отличаются меньшіе членомъ суставовъ и неполное развитіемъ сегментныхъ придатковъ. Замѣчательно, что у молодыхъ экземпляровъ второй щетинконосный суставъ не имѣетъ спинныхъ усиковъ. Молодые, только что отдѣлившіеся отъ матери экземпляры *Racodophylax laevis* очень похожи на взрослое животное и могутъ служить образцомъ самаго простаго развитія среди *Annelida Polychaeta*.

Г. Бобревичъ описываетъ молодую личинку *Centrocopone tannica*, представляющуюся въ видѣ шарообразнаго тѣла съ двумя пучками длинныхъ провизорныхъ щетинокъ и вообще очень похожую на описанную Катрфамемъ личинку *Netheella*.

Г. Ковалевскій (19) описываетъ развитіе яицъ *Steganauris* на стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ, при чемъ послѣдніе образуютъ петлю, вдающую внутрь яйца въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ развивается микрочлѣ.

Вальбиани (21) имѣлъ случай исследовать зрѣлыхъ самокъ *Eustrongylus gigas*, найденныхъ въ брюшной полости собаки. Яйца этого паразита, имѣющія овальную форму и слабешенныя толстою, перистомъ оболочкой, оплодотворяются въ маткѣ, гдѣ начинается и процессъ раздробленія желтка. Дальнѣйшее развитіе, длящееся отъ 3 до 6-ти мѣсяцевъ (эпюю), совершается въ водѣ (въ сухой средѣ яйца *Eustrongylus* очень скоро умираютъ). Совершенно зрѣлый зародышъ имѣетъ форму, общую всѣмъ молодымъ нематодамъ (струновиднымъ глистамъ); на переднемъ концѣ его находится тонкая колючка; нищеводъ простой, не раздвоенный, съ небольшими челюстями въ верхней половинѣ; кишка тянется вдоль туловища, въ видѣ прямой цилиндрической трубки.

Авторъ не замѣчаетъ, чтобы зрѣлые зародыши выгуливались изъ яйца. Будучи выдавлены наружу, они скоро умирали. Дальнѣйшее развитіе не было наблюдаемо, такъ какъ опыты съ кормленіемъ собакъ, угрей, карповъ, золотыхъ рыбокъ, *Gammarus pulex* и др. яйцами *Eustrongylus* не привели къ положительному результату.

Благодаря изслѣдованіямъ г. Федченко (22), произведеннымъ въ Самаркандѣ надъ *Filaria mediana*, наука получила точныя свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ существенныхъ пунктовъ исторіи развитія этого замѣчательнаго подоживаго паразита. Воверныхъ, мы теперь знаемъ, что личинки Картера, по которому личинки *Filaria* достигаютъ половой зрѣлости еще во время свободной жизни (сходно съ *Leptodera nigrovenosa*), совершенно не вѣрно. Личинки *Filaria* попадаютъ въ воду и отсюда, по наблюденіямъ г. Федченко, переходятъ въ колющія тѣла цикадовыхъ ракообразныхъ. Во время такой паразитической жизни личинки вырастаютъ и нѣсколько измѣняются въ формѣ; но половые органы у нихъ представляются еще въ зачаточномъ состояніи, что прямо указываетъ на отсутствіе того сложнаго развитія, какое мы встрѣчаемъ у *Leptodera nigrovenosa*. Дальнѣйшее развитіе *Filaria* не было наблюдаемо, но авторъ предполагаетъ, что оно совершается въ томъ случаѣ, когда содержащее личинки ракообразное проглатывается человѣкомъ съ водою. Въ кишечномъ каналѣ чловѣка эти личинки должны достигнуть половой зрѣлости; тутъ же должно совершиться совокупленіе, послѣ котораго однѣ только самки должны переселиться подъ кожу. Это предположеніе согласуется со многими фактами изъ жизни *Filaria mediana*, но не менѣе оно согласуется съ ними и предположеніе о гермафродитизмѣ, которое послѣ того, что мы знаемъ о *Leptodera nigrovenosa*, необходимо имѣть въ виду.

Г. Новалевскій сообщаетъ (15), что большая полость, образуемая въ слѣдствіе углубленія половини бластодермы у *Sagitta*, „идетъ только своимъ срединною частью на образованіе полости кишечнаго канала, тогда какъ ея боковыя части, отдѣляясь отъ срединной двумя складками нижняго пласта, образуютъ полость тѣла, а та складка складки, которая прилегаетъ къ кишечнаго трубки, даетъ кишечно-волоконистый и прилегающій въ верхнему листу—кожно-волоконистый пласты. Первая система развивается изъ верхняго пласта“.

Г. Ульяничъ (23) производилъ наблюденія надъ относительно ночного, такъ и относительно полового развитія *Pedacellina*. Почка образуется въ слѣдствіе вступленія подложницы, надъ которою складывается кулка глѣзцы; эта кулка дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ верхняя превращается въ туловище, а нижняя—въ стебелекъ. Въ первой половинѣ появляется вскорѣ двѣ полости, изъ которыхъ одна представляетъ себѣ полость желудка, а другая, по предположенію автора, составляетъ зачатокъ настоящей полости (*Brathble*).

Яйца развиваются внутри маточной полости. Изъ нея выходятъ уже готовые личинки, состоящія „въ вполнѣ симметричной наковной (кутикулярной) чашки, въ которой свободно помѣщается собственно мѣшкообразное тѣло личинки, соединяющееся съ чашкою только своими краями. Внутри мѣшкообразнаго тѣла находится желудокъ, соединяющійся съ двумя короткими, вертикально стоящими трубками, именно съ пищепроводомъ и прямою кишкою“.

Авторъ наблюдалъ и дальнѣйшую стадію развитія, когда личинка уже потеряла способность плавать и приготовилась тѣмъ къ осѣдлой жизни.

Нитше (24) сообщаетъ нѣкоторые факты изъ исторіи развитія *Bicellaria* и *Bugula* (изъ *Chilostomata*). Подобно Гексли и Смитту, онъ полагаетъ, что яйца не образуются внутри такъ называемыхъ яйцевыхъ камеръ (*Ovizellen*), а только попадаютъ въ нихъ изъ общей полости тѣла, для дальнѣйшаго развитія. Авторъ описываетъ плавающихъ личинокъ названныхъ мшанокъ и говоритъ о ихъ дальнѣйшемъ развитіи у *Bugula flabellata*, при чемъ онъ вполнѣ слѣдуетъ Шнейдеру (см. *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1869, т. 145), то-есть, полагаетъ, что личинка, послѣ своего прирѣзленія, превращается въ кучку зернистой бластемы, въ которой новообразуются полное животное. Я уже прежде высказался противъ мнѣнія Шнейдера и теперь съ еще болѣею силою долженъ возразить Нитше. Вообще ни у одной изслѣдованной мною мшанки я не видѣлъ полного распаденія тѣла личинки на кучку зернистой массы. У всѣхъ сохраняется по крайней мѣрѣ кожа, которая и служитъ источникомъ для образованія низшарательнаго аппарата и такъ называемыхъ жаберъ. Подобное развитіе было особенно ясно прослѣжено мною нѣдѣшнимъ лѣтомъ въ *Senec-Va* у одной формы, близкой къ *Membranipora*, личинки которой похожи на извѣстнаго *Syrhonautes* (то-есть, личинку *Membranipora*), и у которыхъ существуютъ двусторчатая очень удлиненная раковина.

Дорнъ (25) сообщаетъ интересныя наблюденія о развитіи пикногонидъ, маленькой группы морскихъ членистоногихъ, которая одними учеными относится къ паукообразнымъ, другими же причисляется къ ракообразнымъ. Дорнъ, не раздѣляя ни одного изъ этихъ мнѣній, полагаетъ, что пикногониды составляютъ самостоятельную группу, находящуюся въ родствѣ только съ ракообразными.

Дорнъ почти не касается эмбриональныхъ процессовъ развитія, но останавливаетъ главное вниманіе на особенностяхъ личинокъ и на ихъ превращеніяхъ, которыя представляются различными у различныхъ

животныхъ. Личинка *Pycnogonum littorale* и *Achelia laevis* выходятъ изъ яйца съ тремя парами не развѣтвленныхъ конечностей, къ которымъ уже во время свободной жизни присоединяется еще четыре пары ногъ. Три пары личиночныхъ конечностей превращаются въ сяжки, такъ-называемые щупальцы (*Taster*) и въ придаточныя ноги, особенно развитыя у самокъ. У *Phoxichilidium* же (изслѣдованный авторомъ видъ не былъ опредѣленъ), собственно говоря, вовсе не существуетъ превращенія, такъ какъ выходящее изъ яйца животное имѣетъ полное число конечностей и вообще представляется очень сходнымъ съ взрослою формою.

Въ томъ обстоятельствѣ, что личинки *Pycnogonum* и *Achelia* выходятъ изъ яйца съ тремя парами конечностей, авторъ видитъ доказательство значительнаго сходства этихъ личинокъ съ такъ-называемыми навплиусообразными личинками ракообразныхъ. На этомъ-то и основывается мнѣнiе Дорна о родствѣ пикногонидъ съ ракообразными. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что авторъ значительно преувеличилъ значенiе констатированнаго имъ факта. Число личиночныхъ конечностей (три пары), какъ оно ни характерно для навплиусообразной стадii, тѣмъ не менѣе еще не достаточно какъ критерiумъ этой стадii. Ноги всѣхъ настоящихъ навплиусообразныхъ личинокъ представляются характерными въ томъ отношенiи, что вторая и третья пары ихъ всегда бываютъ раздвоены, ноги же личинокъ пикногонидъ напротивъ того всегда цѣльны: кромѣ того, ноги всѣхъ навплиусовъ суть настоящiя плавательныя ноги, у личинокъ же пикногонидъ онѣ этой роли не выполняютъ. И самое число личиночныхъ ногъ, столь постоянное у навплиусовъ, оказывается очень не постояннымъ у пикногонидъ. Не говоря о томъ, что существуютъ личинки пикногонидъ всего съ двумя парами конечностей, мы видимъ, что у *Phoxichilidium* не осталось и слѣда навплиусообразной стадii, тогда какъ у ракообразныхъ она всегда сохраняется по крайней мѣрѣ въ зародышевомъ періодѣ.

Своими изслѣдованiями надъ эмбриональнымъ развитiемъ *Hydrachna* и *Tugoglyphus*, г. Заленскiй (26) старается пополнить существующiе пробѣлы въ наукѣ относительно исторiи развитiя отряда *Acaridae*. Уже съ первыхъ моментовъ развитiе обоихъ названныхъ родовъ представляетъ довольно важныя отличiя. Такъ, у *Hydrachna* бластодерма образуется по тому способу, какъ у паутиниковыхъ пауковъ и у насѣкомыхъ, то-есть, вслѣдствiе выдѣленiя на поверхности желтка слоя

бластемы, въ которой появляются ядра. У *Tyroglyphus* же желтокъ прежде всего раздробляется на отдѣльные шары, а бластодерма является уже послѣ вторичнаго измѣненія желтка. Послѣ образованія бластодермы на поверхности ея появляется тонкая кутикулярная кожица, которая встрѣчается у множества членистоногихъ, между прочимъ и у *Tyroglyphus domesticus*; у *Tyroglyphus viviparus* ея однако же вовсе не существуетъ. Эта кожица соединяется съ зародышемъ у *Hudgachna* посредствомъ тонкой брюшной трубки. Однимъ изъ первыхъ образованій является группа изолированныхъ клѣточекъ, лежащихъ между бластодермой и двигающихся подобно амебамъ; эти клѣточки не принимаютъ непосредственнаго участія въ образованіи зародыша, вслѣдствіе чего ихъ никакъ нельзя сравнивать (какъ это дѣлаетъ г. Заленскій) съ полярными клѣточками насѣкомыхъ, которыя всегда входятъ внутрь зародышевой полосы и переходятъ въ зачатки половыхъ органовъ.

Такъ-называемая зародышевая полоса образуется не непосредственно вслѣдствіе утолщенія брюшной части бластодермы, а черезъ посредство особеннаго брюшнаго зачатка, не имѣющаго такихъ рѣзкихъ границъ съ боковъ, какъ зародышевая полоса. Послѣ образованія послѣдней, на ней появляется пять первоначальныхъ сегментовъ, которымъ соответствуетъ пять новообразующихся конечностей (то-есть, двѣ пары ротовыхъ конечностей и три пары личиночныхъ ногъ). Кромѣ того, у зародыша можно еще различать головной и хвостовой вапшоны, въ сферѣ которыхъ образуется пищепроводъ и прямая кишка. У всѣхъ изслѣдованныхъ имъ *Acaridae* г. Заленскій нашелъ провизорное образование въ видѣ непарнаго бугорка, весьма похожее на такъ-называемую верхнюю губу многихъ членистоногихъ.

Дальнѣйшіе процессы эмбриональнаго развитія ограничиваются детальнымъ дифференцированіемъ частей, о которыхъ здѣсь не возможно распространяться. Замѣчу только, что въ этомъ періодѣ развитія яйцевая скорлупа лопается, и изъ него выходитъ зародышъ; одѣтый кутикулярною оболочкой; подобное же явленіе было найдено Клапаредомъ у многихъ другихъ формъ изъ отряда *Acaridae*.

Образованіе внутреннихъ органовъ г. Заленскій не могъ изслѣдовать по причинѣ недостаточной прозрачности зародыша; онъ ограничивается поэтому только нѣсколькими краткими указаніями на этотъ счетъ. Къ сожалѣнію, это обстоятельство не помѣшало автору высказаться противъ развиваемой въ новѣйшее время теоріи пластовъ, которая тѣмъ не менѣе сдѣлала значительные успѣхи за послѣднее

времи (см. ниже рефератъ нашъ объ изслѣдованіяхъ по исторіи развитія насекомыхъ).

Клаусъ (17) описываетъ такъ-называемую циндрисообразную стадію личинокъ *Lepas fascicularis* и *pectinata* и ту же стадію личинокъ *Conchoderma virgata*. Онъ подтверждаетъ главнымъ образомъ показанія Дарвина относительно анатомическаго строенія этихъ личинокъ и прибавляетъ нѣкоторыя мелочныя подробности. Шестъ паръ ногъ усоногихъ Клаусъ считаетъ соотвѣтствующими ногамъ и зачаточнымъ конечностямъ верхняго полового сустава копеподъ. Относительно морфологическаго значенія ротовыхъ частей онъ не высказывается положительно, такъ какъ ему не приходилось наблюдать надлежащихъ стадій развитія. Онъ принимаетъ указанное мною исчезновеніе второй и третьей пары напліусовыхъ ногъ, но ему почему-то кажется сомнительнымъ совмѣстное образованіе двухъ первыхъ паръ челюстей.

Ванъ-Бенеденъ (28) опровергаетъ приведенное нами въ предыдущемъ отчетѣ (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за октябрь 1869 г., стр. 319) мнѣніе Жерба о развитіи яйца саккулины. Ошибка послѣдняго изъ названныхъ ученыхъ заключается въ томъ, что онъ принялъ двѣ совершенно различныя клѣточки за одно цѣльное молодое яйцо. Въ дѣйствительности яйцо саккулины состоитъ изъ одной клѣточки, наполняющейся желточными зернами и терпящей ядро и ядрышко.

Ванъ-Бенеденъ (29) описываетъ также процессы развитія напліусообразной личинки *Sacculina*, изслѣдованіе имъ, впрочемъ, очень поверхностно. Раздробленіе желтка у этого животнаго полное; послѣ раздѣленія желтка на два сегмента, отъ каждаго изъ нихъ отдѣляется маленькій бугорокъ, представляющій всѣ особенности клѣточки. Такимъ образомъ получаютъ въ яйцѣ двойнаго рода элементы, изъ которыхъ одни (клеточки) даютъ бластодерму, а другіе (большіе желточные сегменты) служатъ въ качествѣ питательнаго желтка. Послѣ того какъ бластодерма обрастаетъ питательный желтокъ, тонкая оболочка яйца спадаетъ, но на мѣсто ея образуется новая кожца, видѣяемая клѣточками бластодермы. Дальнѣйшіе процессы развитія изложены авторомъ черезчуръ поверхностно, да къ тому же они въ столь общихъ чертахъ уже извѣстны ¹⁾.

Хотя Вальбиани (30) и соглашается съ Ванъ-Бенеденомъ (28) относительно образованія яйца *Sacculinae* изъ одной клѣточки, тѣмъ не

¹⁾ Авторъ не имѣлъ въ виду моихъ изслѣдованій о *Sacculina*, помѣщенныхъ въ «Исторіи развитія *Nebalia*» (1868 г.); иначе онъ не считалъ бы свои наблюденія о раздробленіи желтка и о зародышевой полосѣ новостью.

менѣе онъ считаетъ нужнымъ пополнить сдѣланное этимъ ученымъ описаніе строенія яйца названнаго животнаго. Бальбіани полагаетъ, что въ молодомъ яйцѣ *Sacculina*, рядомъ съ такъ-называемымъ зародышевымъ пузырькомъ, помѣщается еще другой круглый пузырекъ, сходный съ тѣмъ загадочнымъ круглымъ тѣломъ, которое съ давнихъ поръ извѣстно у пауковъ. Особенно интереснымъ представляется то открытіе Бальбіани, что яйца у саккулины принадлежатъ къ числу очень раннихъ образованій и (по крайней мѣрѣ въ зачаточномъ состояніи) встрѣчаются уже внутри навліусообразной личинки.

Эд. Ванъ-Бенеденъ (31) возражаетъ Бальбіани, утверждая, что въ содержимомъ яйца саккулины никакого круглаго пузырька, кромѣ обыкновеннаго клѣточного ядра (то-есть, зародышеваго пузырька), не существуетъ. Не имѣя возможности теперь разрѣшить этотъ споръ (такъ какъ у меня не находится нужнаго матеріала), я долженъ однако же замѣтить, что Бальбіани вообще очень преувеличиваетъ значеніе и распространеніе круглаго тѣла, помѣщающагося возлѣ зародышеваго пузырька. Въ яйцахъ множества животныхъ вовсе не существуетъ этого тѣла, да и у тѣхъ, у кого оно есть (у пауковъ, лягушекъ), оно не образуетъ зародышевыхъ клѣточекъ, какъ это полагаетъ Бальбіани.

Исслѣдованія Ванъ-Бенеденомъ (32) паразитическія копеподы претерпѣваютъ во время эмбриональнаго развитія такъ-называемую частичную сегментацию, результатомъ которой является бластодерма, состоящая изъ одного слоя клѣточекъ. Эта бластодерма, тотчасъ по своемъ образованіи, выдѣляетъ тончайшую безструктурную оболочку, такъ-называемую бластодермическую кутікулу, найденную авторомъ и у многихъ другихъ ракообразныхъ.

Дальнѣйшіе процессы развитія въ яйцѣ представляются вообще очень сходными съ тѣмъ, что извѣстно относительно развитія *Achteges* и *Basanistes*. Зародышъ претерпѣваетъ одно линяніе внутри яйца, изъ котораго онъ выходитъ въ видѣ циклопообразной личинки, снабженной сажками, челюстями и плавательными ногами.

Относительно образованія внутреннихъ органовъ у автора не находится никакихъ данныхъ.

Гессъ (33) описываетъ развитіе *Lerneae Gadi minutus*, сообщая при этомъ такого рода факты, которымъ положительно нельзя вѣрить. Изъ яйца названнаго паразита выходитъ обыкновенная навліусообразная личинка съ тремя парами плавательныхъ ногъ. При дальнѣйшемъ развитіи, передняя пара ихъ превращается въ сажки, а изъ другихъ выходятъ, по мнѣнію автора, грудныя ноги. Кромѣ нихъ, личинки

получаютъ еще двѣ пары брюшныхъ ногъ. Хотя авторъ не достаточно доказываетъ связь между этими стадіями, тѣмъ не менѣе ничего нельзя сказать противъ вѣроятности существованія такой связи. Относительно же дальнѣйшей стадіи, описываемой Гессомъ, слѣдуетъ высказать болѣе чѣмъ сомнѣніе. Этотъ авторъ полагаетъ, что личинка изслѣдованнаго имъ паразита, уже потерявъ навпліусообразные признаки и уже сдѣлавшись предварительно болѣе сложнымъ организмомъ, снова превращается въ навпліусообразное состояніе, отличное отъ перваго, но совершенно сходное съ личиночнымъ состояніемъ усоногихъ (циррипедій). Это положеніе до того парадоксально, что принять его можно было бы въ томъ только случаѣ, если бы авторъ непосредственно прослѣдилъ и подробно описалъ всѣ переходныя стадіи циклопообразной личинки съ брюшными ногами во вторую навпліусообразную форму. Между тѣмъ онъ не только не сдѣлалъ этого, но и не прослѣдилъ дальнѣйшаго превращенія второй навпліусообразной формы. Не находя у автора строго критическаго метода въ изслѣдованіи, всего легче предположить, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе случайно подвернувшейся ему личинкою какаго-нибудь усоногаго.

П. Мюллеръ (34) сообщаетъ нѣкоторые факты изъ эмбриологіи дафнидъ, между которыми особенно интересно то, что при развитіи животнаго въ тѣлѣ матери (изъ такъ-называемаго лѣтняго яйца), зачатки половыхъ органовъ появляются чрезвычайно рано и могутъ быть прослѣжены до ихъ родоначальной кѣлочкы, входящей въ составъ бластодермы. Тутъ ясно сходство съ подобнымъ же раннимъ появленіемъ размножающихся органовъ у травяныхъ вшей-кормилицъ, и ясно соотношеніе между этимъ явленіемъ и способностью дафнидъ и травяныхъ вшей-кормилицъ размножаться безъ предварительнаго оплодотворенія.

Мюллеръ становится на сторону тѣхъ ученыхъ, которые между такъ-называемыми лѣтними (не оплодотворяющимися) и зимними (оплодотворяющимися) яйцами видятъ только мелочныя, второстепенныя отличія.

Дорнъ (35) сообщаетъ нѣкоторые факты относительно развитія дафній изъ такъ-называемыхъ лѣтнихъ яицъ. Наблюденія его касаются почти исключительно развитія конечностей и представляютъ вообще мало новаго. Зародышъ очень рано выдѣляетъ такъ-называемую бластодермическую тонкую кожицу, въ которой онъ лежитъ во все продолженіе развитія, и которая сохраняется гораздо долѣе, чѣмъ собственно яйцевая оболочка.

Статья Дерна (36) о развитіи *Tanaia* содержитъ въ себѣ только описаніе немногихъ и уже довольно старыхъ эмбриональныхъ стадій, давшихъ автору возможность опредѣлить гомологію нѣкоторыхъ частей самца и самки (прежде считавшихся за два отличные рода). Слѣдуетъ замѣтить, что у зародышей этого оригинальнаго равноногаго ракообразнаго авторъ нашелъ лежащую на спинѣ вучку кльбочекъ, соответствующую такъ-называемому микропиле *Amphipoda*.

Дерну (37) удалось наконецъ доказать самымъ положительнымъ образомъ, что *Phyllosoma*, такъ долго считавшаяся за самостоятельное животное, есть личинка панцирныхъ раковъ. Онъ изслѣдовалъ развитіе *Scyllarus arctus* и *Palinurus vulgaris*, что дало ему возможность вполне опровергнуть прежнее мнѣніе Клауса. Этотъ ученый полагалъ, что *Phyllosoma* устроена гораздо проще, чѣмъ личинки панцирныхъ раковъ, и видѣлъ въ этомъ возраженіе противъ мнѣнія о генетической связи обихъ. Но оказалось, что онъ сравнивалъ *Phyllosoma*, личинку *Scyllarus*, съ зрѣлымъ зародышемъ *Palinurus*, и оттого пришелъ къ невѣрному выводу.

Дернъ сообщаетъ также нѣкоторыя данныя о развитіи панцирныхъ раковъ въ яйцѣ. Онъ констатируетъ и у нихъ существованіе зародышевой навплюсовой стадіи, то-есть, такой стадіи, когда зародышъ имѣетъ только три пары конечностей. И въ другихъ отношеніяхъ развитіе панцирныхъ раковъ въ яйцѣ оказывается очень сходнымъ съ большинствомъ морскихъ десятиногихъ.

Наблюденія того же автора (38) относительно развитія *Tanaia* ограничиваются почти исключительно процессами образованія конечностей съ ихъ придатками. У зародышей *Tanaia* авторъ нашелъ конечныя боковыя отростки, сходныя съ извѣстными листообразными органами зародышей *Asellus aquaticus*. Вообще авторъ обращаетъ вниманіе на сходство въ развитіи *Tanaia* съ описаннымъ имъ врезде (см. мой отчетъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за октябрь 1869 г., стр. 320) развитіемъ *Cuma*.

Дернъ (39), видя существенную особенность такъ-называемой зоообразной стадіи десятиногихъ ракообразныхъ въ присутствіи спиннаго шипа, полагаетъ, что слѣды этой стадіи могутъ быть найдены не только у высшихъ ракообразныхъ (*Malacostraca*), но также и у многихъ низшихъ формъ этого класса (*Entomostrea*). Зачатокъ спиннаго шипа онъ сравниваетъ съ спиннымъ бластодермическимъ утолщеніемъ зародышей *Amphipoda* и *Isopeoda*, вслѣдствіе чего принимаетъ у этихъ группъ переходную, зародышевую зоообразную стадію. За гомологъ

спиннаго шипа Дорнъ принимаетъ извѣстную спинную присоску дафниды, а также — стволикъ *Lepadidae* (изъ усоногихъ) и особенный органъ прикрѣпленія у низшихъ паразитическихъ ракообразныхъ (напримѣръ, *Caligus* и *Chalimus*). Нельзя не замѣтить, что вся эта теорія основана на крайне шаткихъ данныхъ. Уже сравненіе спиннаго шипа десятиногихъ съ бластодермическимъ утолщеніемъ (такъ-называемое *micropyle*) *Amphipoda* и *Isopoda* не можетъ быть принято за доказанное, такъ какъ, при очень небольшомъ числѣ сходственныхъ сторонъ, эти части образуются въ совершенно различные періоды у названныхъ животныхъ, и притомъ получаютъ иное развитіе. У десятиногихъ этотъ органъ принадлежитъ къ числу позднихъ зародышевыхъ образований, у *Amphipoda* же, гдѣ онъ, по мнѣнію Дорна, является въ качествѣ рудимента, онъ появляется гораздо раньше и притомъ гораздо болѣе, чѣмъ соответствующій зачатокъ спиннаго шипа. Еще менѣе можетъ быть рѣчи о сравненіи этого шипа съ прикрѣпительными аппаратами низшихъ ракообразныхъ, гдѣ все сходство ограничивается тѣмъ, что зачатки обоихъ образований являются въ формѣ лежащаго на спинѣ комка клѣточекъ.

Противъ теоріи Дорна нужно привести еще тотъ фактъ, что образованіе зоообразной личинки у высшихъ ракообразныхъ, выходящихъ изъ яйца въ формѣ такъ-называемаго *Nauplius* и дальнѣйшія стадія превращенія сходной навплиусообразной личинки усоногихъ и другихъ низшихъ ракообразныхъ совершаются вполне различнымъ образомъ ¹⁾.

Въ концѣ своей статьи Дорнъ высказываетъ предположеніе, что различные классы членистоногихъ произошли отъ различныхъ первообразныхъ формъ, вслѣдствіе чего теперь оказывается не возможнымъ найти правильныя гомологіи въ конечностяхъ животныхъ различныхъ классовъ.

Въ девятой главѣ своихъ изслѣдованій о строеніи и развитіи членистоногихъ, Дорнъ (40) описываетъ личинку неизвѣстнаго усоногаго, отличающуюся своею сравнительно большою величиною; въ длину эта личинка имѣетъ отъ 4-хъ до 5-и миллиметровъ.

Тотъ же авторъ описываетъ и другую, также новую, личинку неизвѣстнаго ракообразнаго, которую онъ обозначаетъ названіемъ *Ela-phocaris*. Эта личинка, по моему мнѣнію, больше всего подходитъ къ личинкамъ *Squilla*.

¹⁾ Общія замѣчанія объ этихъ стадіяхъ см. въ моей «Исторіи развитія *Nebalia*» (С.-Петербургъ, 1868).

Свѣдѣнія сообщаемыя Дорномъ (40) объ эмбриональномъ развитіи *Portunus*, не содержатъ въ себѣ ничего новаго.

По моему изслѣдованію (41), личинки *Eurhausia* представляютъ въ извѣстномъ возрастѣ особенности, свойственныя навплюсообразнымъ личинкамъ низшихъ ракообразныхъ и *Penaeus* (изъ десятиногихъ). Въ нашей статьѣ мы высказали предположеніе, что личинки, при выходѣ изъ яйца, имѣютъ всего три пары навплюсовыхъ оконечностей. Это предположеніе подтвердилось вполне, такъ какъ мы имѣли случай изслѣдовать въ Виллафранкѣ, въ 1870 году, всѣ стадіи превращенія названнаго ракообразнаго изъ *Schizopoda*. Сначала личинка представляется въ высшей степени сходною съ личинками свободно живущихъ *Copepoda*; она имѣетъ три пары плавательныхъ ногъ. Потомъ у нея одновременно появляются зачатки еще четырехъ паръ конечностей, при чемъ на верхнемъ концѣ тѣла ея обнаруживается маленькій непарный глазъ. Послѣ линянія на тѣмъ личинки появляется характерный щитъ съ верхнимъ зубчатымъ краемъ, и вообще въ это время личинка представляется такою, какою она изображена на фигурахъ 1 и 2 цитированной статьи. Первая и вторая пары личиночныхъ оконечностей превращаются и у *Eurhausia* въ обѣ пары сяжковъ, а третья пара ногъ навплюсообразной личинки переходитъ въ толстыя верхнія челюсти.

Бальбіани (42) напечаталъ начало длинной работы о размноженіи и развитіи травяныхъ вшей, главнымъ образомъ съ цѣлью доказать гермафродитизмъ живородящихъ недѣлимыхъ. До сихъ поръ онъ напечаталъ только длинное историческое введеніе и описаніе половыхъ органовъ самца. Изъ его изслѣдованія о развитіи этихъ органовъ можно вывести тотъ результатъ, что они образуются довольно рано, и что внутреннія части ихъ (главнымъ образомъ сѣмянныя железы и ихъ протоки) обособляются раньше, чѣмъ наружныя.

Ритсема (43) указываетъ на то, что *Periphyllus testudo* Ванъдеръ-Гувена составляетъ особую личинковую форму травяной вши *Aphis aceris*.

По наблюденіямъ Гримма (44), *Phtirius pubis* развивается въ яйцѣ подобно другимъ вшамъ и *Aspidiotus perii*. Ядра клѣточекъ blastoderмы авторъ производитъ отъ продуктовъ дѣленія зародышеваго пузырька. Ноги у *Phtirius pubis* появляются ранѣе головныхъ отростковъ.

Г. Гриммъ (45) сообщаетъ весьма важныя свѣдѣнія о размноженіи и развитіи одного (неопредѣленнаго) вида *Chironomus*, найденнаго имъ около Петербурга. Существенная особенность въ размноженіи этого

насъкомаго заключается въ томъ, что оно весной кладетъ яйца, будучи еще въ состояніи куколки, тогда какъ осенью оно совершаетъ то же дѣйствіе не ранѣе какъ послѣ превращенія въ полное насъкомое (imago). Въ первомъ случаѣ кладка и развитіе яицъ происходитъ всегда безъ оплодотворенія, тогда какъ во второмъ случаѣ, то-есть, при осенней кладкѣ, оказывается необходимымъ (кромѣ исключительныхъ, не нормальныхъ случаевъ) предварительное оплодотвореніе. Развитіе зародыша въ яйцѣ совершается въ обоихъ случаяхъ одинаково, и вообще весьма сходно съ тѣмъ, какъ оно было описано Вейсманномъ. Я не могу однако же не замѣтить, что авторъ черезчуръ слѣдуетъ только что названному ученому и подтверждаетъ такія его мнѣнія, которыя теперь отвергнуты почти всѣми специалистами. Такъ, напримѣръ, онъ признаетъ разрывъ бластодермы и образованіе сжковокъ изъ такъ-называемаго складочнаго листа, что однако же совершенно не справедливо.

Авторъ подробно описываетъ происхожденіе и развитіе яичниковъ, при чемъ указываетъ на такъ-называемыя полярныя клѣточки, какъ на образованія, дающія начало собственно яйцамъ. Клѣточки, образующія желтокъ, равно какъ и эпителиальныя клѣтки яичника, Гриммъ производитъ отъ обыкновенныхъ зародышевыхъ клѣточекъ.

Относительно первыхъ эмбриональныхъ процессовъ Гриммъ придерживается того мнѣнія, что образованіе бластодермы есть въ сущности та же такъ-называемая сегментация. Ядра бластодермы онъ положительно считаетъ происходящими вслѣдствіе раздѣленія зародышеваго пузырька.

Въ послѣднее время много подвинулся вопросъ о зародышевыхъ пластахъ насъкомыхъ. Хотя я еще въ 1866 году видѣлъ два пласта у зародышей полужесткокрылыхъ (*Neuriptera*), тѣмъ не менѣе настоящее распредѣленіе и значеніе этихъ пластовъ было понято мною только послѣ моихъ изслѣдованій надъ развитіемъ скорпіона, у котораго вообще зародышевые пласты выражены съ замѣчательною ясностью. Пересматривая зародышей травяныхъ вшей въ прошломъ году, я безъ труда убѣдился (46), что и ихъ два пласта вполне соотвѣтствуютъ двумъ верхнимъ пластамъ скорпіона. У зародышей *Chironomus* существуютъ тѣ же два пласта, изъ которыхъ нижній представляется впрочемъ сравнительно очень слабо развитымъ.

Г. Ковалевскій (15) нашелъ зародышевые пласты у зародышей *Hydrophilus*, пчелъ и бабочекъ. У перваго изъ названныхъ насъкомыхъ онъ нашелъ три пласта, совершенно сходные по своей судьбѣ съ тремя

пластами позвоночныхъ, скорпіона и кольчатыхъ червей. У пчелъ же и бабочекъ г. Ковалевскій описываетъ всего два пласта, имѣющіе точно такое же значеніе какъ первые два пласта только что перечисленныхъ животныхъ, травяныхъ вшей и *chironomus*. Существенныя различія обнаруживаются при образованіи пластовъ. Особенно оригинально оно у *Hydrophilus*, у котораго образуется бороздка на blastodermѣ, свертывающаяся въ трубку и распадающаяся потомъ на два пласта. Такъ какъ пространное описаніе изслѣдованій г. Ковалевскаго еще не появилось въ печати, то я откладываю подробный отчетъ о нихъ до слѣдующаго реферата.

Бюкли (47), независимо отъ г. Ковалевскаго, нашелъ зародышевые пласты у зародышей пчелъ и сообщил нѣкоторыя данныя какъ относительно ихъ происхожденія, такъ и относительно ихъ дальнѣйшей участи. Образованіе видѣнныхъ имъ двухъ пластовъ Бюкли ставитъ въ зависимость отъ развитія продольныхъ складовъ на зародышевой полосѣ, при чемъ впрочемъ оставляетъ много пунктовъ не разъясненными. Авторъ принимаетъ, что наружный пласть даетъ кожу съ трахеями, паутинными железами, мальпигіевыми сосудами и нервную систему, тогда какъ внутренній (второй) пласть превращается въ мускулы, жировое тѣло и половые органы. Третьяго (такъ-называемаго кишечно-железистаго) пласта авторъ не могъ найти; онъ полагаетъ, что кишечный каналъ образуется прямо изъ массы желтка, при чемъ исключеніе составляютъ пищепроводъ и прямая кишка, являющіеся (по обыкновенію) въ видѣ углубленія наружнаго пласта. Въ видѣ такихъ же точно углубленій появляются трахейные стволы и паутинныя железы; мальпигіевы же сосуды являются въ видѣ углубленій, идущихъ отъ прямой кишки.

Изъ статьи Бюкли мы узнаемъ также, что у зародышей пчелъ существуетъ одна только зародышевая оболочка, не участвующая въ образованіи личинки и происходящая вслѣдствіе разрастанія особаго бугорка, который лежитъ въ верхней части зародыша. Эта оболочка соотвѣтствуетъ серозной оболочкѣ другихъ перепончатокрылыхъ.

Интересныя наблюденія Ганина (48) надъ развитіемъ насѣкомыхъ относятся исключительно къ слѣдующимъ родамъ, принадлежащимъ къ семейству *Pteromalinae* (изъ перепончатокрылыхъ): *Platygaster*, *Polynema*, *Orhioneurus* и *Teleas*.

Подробнѣе всего было изслѣдовано развитіе *Platygaster*, животнаго, кладущаго свои яйца въ тѣло личинокъ *Cecidomyia* и совершающаго все свое развитіе при такихъ условіяхъ паразитизма. Г. Га-

нинъ принимаетъ исчезновеніе зародышеваго пузырька въ зрѣломъ яйцѣ. Рядомъ съ этимъ, совершенно правдоподобнымъ указаніемъ, г. Ганинъ сообщаетъ крайне парадоксальныя мнѣнія о первыхъ эмбриональныхъ процессахъ въ оплодотворенномъ яйцѣ. вмѣсто одного ядра, новообразующагося во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ констатировано исчезновеніе зародышеваго пузырька, г. Ганинъ описываетъ появленіе цѣлой клѣточки, состоящей изъ желточной протоплазмы, ядра и ядрышка и лежащей внутри протоплазмы яйца, на мѣсто прежняго ядра. Подобнаго факта во всей эмбриологіи не существуетъ. Парадоксальность изложеннаго мнѣнія сводится исключительно на невѣрное объясненіе значенія вновь появляющагося въ яйцѣ круглаго тѣла. Г. Ганинъ принимаетъ его за клѣточку, въ то время какъ оно соотвѣтствуетъ несомнѣнно только клѣточному ядру, въ ядрышкѣ котораго находится очень часто встрѣчающееся зернышко (Nucleolus). Высказанное сейчасъ мнѣніе основывается на сравненіи описаннаго г. Ганинымъ тѣла съ ядромъ оплодотвореннаго яйца всѣхъ животныхъ: ядро это всегда водянисто-прозрачно, что говоритъ г. Ганинъ относительно протоплазмы своей „клеточки“; ядрышко бластодермическихъ клѣточекъ вообще всегда плотно, что приписываетъ г. Ганинъ „ядру“ своей центральной клѣточки и т. д. Приведенная критика нужна для того, чтобы правильно понимать и сравнивать первые эмбриональные процессы изслѣдованныхъ г. Ганинымъ насѣкомыхъ съ тѣми же процессами другихъ животныхъ. Вслѣдствіе невѣрнаго признанія ядра за клѣточку необходимо получается и невѣрное толкованіе всего процесса образованія бластодермы. По мнѣнію г. Ганина, этотъ процессъ будетъ соотвѣтствовать настоящему такъ-называемому раздробленію желтка (Dotterfurchung), тогда какъ въ дѣйствительности онъ будетъ совершенно сходенъ съ тѣмъ способомъ образованія бластодермы, который существуетъ у всѣхъ насѣкомыхъ, и въ особенности онъ будетъ тождественъ съ образованіемъ бластодермы у травяныхъ вшей. Вообще въ разбираемой статьѣ нужно вмѣсто слова „клеточка“ подставлять слово „ядро“, для того, чтобы правильно судить объ эмбриологическихъ процессахъ и слѣдить за ихъ ходомъ со всѣмъ заслуживающимъ того интересомъ.

Уже на первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ у *Platygaster* интересное явленіе: изъ разсѣянныхъ въ протоплазмѣ яйца ядеръ одно, лежащее въ центрѣ, начинаетъ быстро размножаться, вслѣдствіе чего въ яйцѣ получаютъ двойнаго рода образованія: вонерныхъ, большія периферическія ядра, входящія въ составъ провизерной клѣточной оболочки

(такъ-называемой серозной оболочки), вовторыхъ, маленькія центральныя ядра, переходящія потомъ въ составъ собственно зародыша. Этотъ процессъ какъ нельзя болѣе сходенъ съ тѣмъ, что мы знаемъ (см. мою статью въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за мартъ 1869 г.) относительно образованія зародыша и серозной оболочки у *Bothriosephalus proboscideus* и мн. др.

Въ то время, какъ серозная оболочка *Platygaster* (г. Ганингъ называетъ эту оболочку *Amnionhülle*) останавливается въ своемъ развитіи, зародышъ развивается все болѣе и болѣе: въ немъ обособляется два слоя кѣлочекъ (съ этихъ поръ уже начинаются повидимому настоящія кѣлочки, хотя по рисункамъ объ этомъ не всегда можно заключать съ должною достовѣрностью), самъ онъ удлиняется, перегибается, и наконецъ, приобретаетъ форму, напоминающую форму нѣкоторыхъ паразитическихъ *Copepoda*, вслѣдствіе чего авторъ и называетъ ее циклопообразною. Въ такой формѣ личинка выходитъ изъ яйца, при чемъ она сбрасываетъ провизорную серозную оболочку. Мы, разумѣется, не можемъ слѣдить за авторомъ при описаніи деталей дальнѣйшаго превращенія, и потому ограничиваемся главнѣйшими фактами. Подвижная и прожорливая циклопообразная личинка представляется больше развитою относительно наружныхъ частей, чѣмъ съ точки зрѣнія внутренней организаціи. Въ то время, какъ внутри у нея обособился только пищеварительный аппаратъ и часть мускуловъ, снаружи мы находимъ сяжки, крючки, лопастевидные отростки, нижнюю губу, особенный непарный бугорокъ и сильно развитыя хвостовыя придатки. При дальнѣйшемъ развитіи, циклопообразная личинка становится все болѣе и болѣе толстою и неуклюжею, сбрасываетъ съ себя кутикулу и превращается въ червеобразную личинку, отличающуюся отъ циклопообразной совершенно обратнымъ отношеніемъ развитія наружныхъ и внутреннихъ органовъ. Червеобразная личинка получаетъ всѣ органы изъ особеннаго первоначальнаго органа, сходнаго во всѣхъ отношеніяхъ съ такъ-называемою первичною полосою зародыша (*Keimstreife*).

Сбросивъ съ себя кутикулу, червеобразная личинка нѣсколько мѣняетъ свою форму, вслѣдствіе чего г. Ганингъ принимаетъ существованіе третьей личиночной стадіи. Тѣло ея раздѣляется теперь на суставы, а къ внутреннимъ органамъ присоединяются еще дыхательныя трубки и зачатки конечностей (то, что г. Ганингъ называетъ *Imaginalscheiben*). Такая личинка превращается уже въ куколку, у которой органы развиваются до окончательной степени, при чемъ

главнымъ образомъ развиваются наружныя части. Авторъ выводитъ заключеніе, что наружныя мужскіе и женскіе половые органы суть гомологи (равнозначущіе) ногъ, крыльевъ, сяжковъ и другихъ отростковъ тѣла, берущихъ начало изъ особенныхъ кружковидныхъ зачатковъ.

Развитіе *Polynema* представляетъ вообще гораздо менѣе форменныхъ измѣненій, чѣмъ развитіе *Platygaster*. Тутъ изъ яйца вылупляется неподвижная продолговатая личинка съ хвостовымъ бугоркомъ, на которой вскорѣ появляются суставы, и которая превращается въ удлиненную подвижную личинку съ оригинальными провизорными отростками на обоихъ конечныхъ суставахъ. Такая личинка увеличивается и непосредственно переходитъ въ куколку, изъ которой обычнымъ образомъ получается полное насѣкомое. Замѣчательно у *Polynema* (какъ личинки, такъ и взрослого насѣкомаго) полное отсутствіе дыхательныхъ трубокъ, очевидно, находящееся въ связи съ водянымъ образомъ жизни этого животнаго.

Одна изъ интереснѣйшихъ особенностей, замѣчаемыхъ при развитіи *Orhioneurus* (а также и *Polynema*), состоитъ въ полномъ отсутствіи клѣточной провизорной (серозной) оболочки. Превращеніе у *Orhioneurus* (у вида, кладущаго свои яйца въ яйца *Pieris brassicae*) сходно съ тѣмъ, что мы видѣли у *Polynema*, только оно представляется еще менѣе сложнымъ. Изъ яйца выходитъ овальная, мало подвижная личинка, которая значительно увеличивается въ объемъ и превращается въ куколку безъ особенныхъ предварительныхъ перемѣнъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о развитіи *Teleas* (вида, кладущаго яйца въ яйца *Hydrometra*), отличаются наименьшею полнотой. Онъ изслѣдовалъ развитіе личинки, по выхожденіи ея изъ серозной оболочки, что однако же не помѣшало ему критиковать не только мои мнѣнія о процессахъ развитія въ яйцѣ, но даже мои прямыя наблюденія этихъ процессовъ ¹⁾. Ганинъ сравниваетъ первую личи-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, г. Ганинъ объявляетъ, что онъ считаетъ «не слишкомъ» существованіе особой полости въ молодомъ зародышѣ *Teleas*. Я не считаю нужнымъ разбирать теоретическія данныя г. Ганина, такъ какъ въ свою пользу я имѣю тотъ фактъ, что я своими глазами видѣлъ у зародышей *Teleas* сравнительно огромную центральную полость (такъ-называемую сегментаціонную полость), діаметръ которой по крайней мѣрѣ вдвое больше діаметра бластодермы. То же самое долженъ я замѣтить и о разногласіи г. Ганина со мною относительно образованія пищеварительнаго канала, первичной полости и головныхъ полостей. Я описывалъ то, что видѣлъ, а г. Ганинъ, не наблюдая существенныхъ моментовъ развитія (то-есть, развитія въ яйцѣ), воз-

ночную форму *Teleas* съ циклопообразною личинкою *Platygaster*, описываетъ ея строеніе и указываетъ на сходства ея дальнѣйшаго превращенія съ превращеніемъ *Platygaster*.

Относительно образованія органовъ мы находимъ у г. Ганина много данныхъ. Онъ вообще не принимаетъ у насѣкомыхъ существованія такъ-называемыхъ зародышевыхъ пластовъ и выводитъ пищеварительный каналъ птеромалинъ изъ центральныхъ клѣточекъ зародыша, а большинство другихъ органовъ — изъ индифференцированной первичной полосы.

Въ своемъ заключительномъ обзорѣ, авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы относительно провизорной серозной оболочки *Pteromalinae*, которую онъ обозначаетъ названіемъ — амнионъ. Во первыхъ, онъ считаетъ эту оболочку гомологомъ бластодермы и потому думаетъ, что оба эти образованія не встрѣчаются у одного и того же животнаго (при этомъ остается не доказаннымъ, отчего зародышевая кожа *Platygaster*, а въ особенности — *Teleas*, состоящая изъ цилиндрическихъ клѣточекъ, не есть настоящая бластодерма). Въ вторыхъ, Ганинъ полагаетъ, что провизорная оболочка у зародышей птеромалинъ не можетъ считаться за гомологъ какой-либо изъ двухъ оболочекъ другихъ насѣкомыхъ.

Изъ наблюдений г. Мельникова (50) надъ развитіемъ *Perlae*, оказывается, что въ эмбриологическомъ отношеніи это насѣкомое принад-

ражаетъ мнѣ на основаніи его наблюдений о развитіи другихъ *Pteromalinae*. Но чѣмъ же онъ доказываетъ свое мнѣніе, что то, что онъ видѣлъ у однихъ животныхъ, применимо и къ другимъ, хотя бы и ближайшимъ по зоологическому порядку? Изъ его изслѣдованій мы напротивъ видимъ очень важныя различія въ развитіи ближайшихъ формъ. Такъ, напримеръ, *Platygaster* имѣетъ серозную оболочку, а *Orhioneugus* и *Polynema* — нѣтъ; *Platygaster* переходитъ нѣсколько стадій, прежде чѣмъ достигаетъ червеобразной личиночной формы, а у *Orhioneugus* эта форма является тотчасъ по вылупленіи. А въдѣ пункты, относительно которыхъ г. Ганинъ расходится со мною, нѣсколько не существъ чѣе только что приведенныхъ. Такъ точно, какъ у однихъ доней есть сегментационная полость, а у другихъ ея нѣтъ, или, какъ у однихъ асцидій она есть, у другихъ ея нѣтъ и слѣда, точно также и между различными видами семейства *Pteromalinae* встрѣчается подобное же различіе, при чемъ нельзя выискать ничего «немыслимаго». То же самое относится и къ другимъ возраженіямъ г. Ганина. Исключеніе изъ этого составляетъ возраженіе г. Ганина на представленное мною объясненіе раздробленія желтка *Daphnia brachiata*, относительно котораго я съ нимъ совершенно согласенъ. Въ равнѣмъ появленіи ядеръ внутри зародышевыхъ клѣтокъ многихъ животныхъ я увидѣлъ доказательство того же и для *Daphnia brachiata*, то-есть, я сдѣлалъ выводъ, не имѣя на то достаточно данныхъ, въ чемъ теперь и каюсь.

лежитъ къ тому же типу, къ которому относятся *Hemiptera* и *Libellulidae*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ зародышевая полоса является въ видѣ новообразованія, соединеннаго только въ одномъ концѣ съ бластодермой, а не въ видѣ простаго утолщенія бластодермы, какъ это извѣстно относительно двукрылыхъ, перепончатокрылыхъ, чешуекрылыхъ и жествокрылыхъ.

Изъ предварительнаго сообщенія Лаказъ-Дютъе (51) омазывается, что *Molgula tubulosa* (изъ простыхъ асцидій) развивается безъ посредства подвижной личинки. Въ яйцѣ этого животнаго образуется молодая особь, которая при вылупленіи наружу совершаетъ амебообразныя движенія, и не имѣя ни хвоста, ни какого другаго плавательнаго органа, прямо падаетъ на дно сосуда, гдѣ прикрѣпляется и вырастаетъ въ полное животное.

Кронъ (52) изслѣдовалъ развитіе половыхъ органовъ у различныхъ недѣлимыхъ колоній сложныхъ асцидій изъ семейства *Botryllidae*, при чемъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: яичники и сѣмянные железы развиваются не одновременно у одного и того же недѣлимаго, такъ что когда у него вполне образовались яйца, то зрѣлыхъ сѣмянныхъ тѣлъ еще не существуетъ, вслѣдствіе чего оплодотвореніе должно совершаться съ помощію сѣмянныхъ тѣлъ недѣлимаго старшаго поколѣнія. Только послѣ оплодотворенія яицъ молодаго поколѣнія у него образуются сѣмянные тѣла, служащіе для оплодотворенія яицъ вновь развивающагося почечнаго поколѣнія и т. д.

Кронъ (53) вполне подтверждаетъ мои наблюденія о личинкахъ ботриллидъ и о жѣстѣ развитія почечъ.

Относительно образованія первой звѣздчатой колоніи ботриллидъ Кронъ сообщаетъ много важныхъ фактовъ, изъ которыхъ мы приведемъ главнѣйшіе. Послѣ прикрѣпленія къ подводному предмету вышедшей изъ яйца личинки, у нея образуется боковая почка; но еще ранѣе окончательнаго развитія послѣдней, произведшее ее недѣлимое умираетъ; та же судьба постигаетъ вскорѣ и первую боковую почку, которая успѣваетъ произвести двѣ новыя боковыя почки. Послѣднія въ свою очередь размножаются почками и умираютъ. Когда число новыхъ почечъ оказывается достаточнымъ для произведенія цѣлой звѣздчатой группы, тогда почки сходятся въ кругъ. Первая такимъ образомъ происшедшая группа производитъ посредствомъ почкованія новую группу, сама же она умираетъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что прежде образованія поколѣнія, получающаго половые органы, является цѣлый рядъ поколѣній, раз-

множающихся только яйцами. Я долженъ однако замѣтить, что хотя я неоднократно наблюдалъ вымирание старыхъ группъ готовой системы, но я никогда не видѣлъ, чтобы происшедшее изъ яйца недѣлимое, также какъ и его почка, такъ скоро вымирали, какъ это наблюдалъ Кронъ. У меня неоднократно бывали стадіи, когда рядомъ съ живымъ первымъ недѣлимымъ существовала вполне развитая первая почка, и кромѣ того, еще три молодыхъ почки.

Независимо отъ Крона, г. Ганинъ (54) пришелъ къ убѣжденію, что недѣлимое боттриллидъ, происшедшее изъ яйца, размножается только почками и не имѣетъ половыхъ органовъ. Кромѣ этого, г. Ганинъ сообщаетъ еще нѣкоторые факты о развитіи боттриллидъ, не упоминая впрочемъ о томъ, что большинство ихъ было уже описано мною въ 1868 году (такъ, напримѣръ, единичность личинки, развитіе почки и проч.).

При развитіи *Didemnum* изъ почки тотъ же авторъ принимаетъ существованіе двухъ зачатковъ, одного — для образованія жабернаго мѣшка, нервной и мускульной системъ, другого — для образованія большей части пищеварительнаго канала, половыхъ органовъ и сосудистой системы.

Относительно развитія *Didemnum* изъ яйца, г. Ганинъ полагаетъ, что при этомъ образуется всего одинъ зародышъ и одна личинка, которая производитъ еще во время зародышевой жизни двѣ почки. Я нѣсколько разъ изслѣдовалъ зародышей *Didemnum* и еще послѣ изданія труда г. Ганина могъ убѣдиться въ несправедливости его мнѣнія. Начальный яйцевой зародышъ *Didemnum* превращается, по моимъ наблюденіямъ, въ ту особь, которая очень рано производитъ другое сходное недѣлимое. Такимъ образомъ получается двойное животное, описанное Макдональдомъ и Гегенбауромъ.

Г. Ганинъ утверждаетъ, будто большинство эмбриональныхъ процессовъ, описанныхъ г. Ковалевскимъ для простыхъ асцидій, вовсе не существуетъ; тѣмъ не менѣе онъ соглашается съ выводами г. Ковалевскаго о сходствѣ асцидій съ позвоночными. Напротивъ того, онъ соглашается съ моимъ наблюденіемъ объ образованіи нервной системы изъ подкожного слоя, а мои теоретическія положенія считаетъ не имѣющими „абсолютно никакого научнаго значенія“. Послѣ провѣрки наблюденій о развитіи простыхъ асцидій, я долженъ однако же согласиться съ г. Ковалевскимъ относительно образованія нервной системы изъ кожного пласта. Хотя вслѣдствіе этого получается дѣйствительно большое сходство зародышей асцидій съ зародышемъ позвоночныхъ, тѣмъ не

менѣе это не мѣшаетъ, чтобы мое мнѣніе о сходномъ происхожденіи нервной системы у скорпіона и позвоночныхъ, также какъ и типическое сходство поперечнаго разрѣза руки морской звѣзды съ разрѣзомъ позвоночнаго было совершенно вѣрно. Относительно перваго пункта (сходнаго происхожденія нервной системы скорпіона и позвоночныхъ) не можетъ быть сомнѣнія послѣ фактовъ, сообщенныхъ выше, при изложеніи работъ г. Ковалевскаго и Бючли.

Г. Ковалевскій (55) подробно описываетъ почкованіе *Perophora*, сообщая намъ данныя относительно происхожденія большинства органовъ этой колоніальной асцидіи. Почка ея суть мѣстныя утолщенія корней, то-есть, длинныхъ, развѣтвленныхъ трубокъ, состоящихъ какъ изъ продолженной кожи животнаго, такъ и изъ особеннаго лентообразнаго отростка жаберной полости. Обѣ эти составныя части корня принимаютъ въ молодой почкѣ форму двухъ заключенныхъ одинъ въ другомъ пузырей. Внутренній пузырь почки (составляющій продолженіе жабернаго мѣшка) дѣлится на три неравныя части, изъ которыхъ срединная превращается въ жаберный, а боковыя — въ два клоакальные мѣшка. Кишечный каналъ составляетъ простое трубовидное продолженіе жабернаго мѣшка.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя описанное авторомъ образование нервной системы, такъ какъ оно представляетъ поразительное сходство съ описаннымъ мною въ 1868 году образованіемъ нервной системы у простыхъ асцидій, при развитіи ихъ въ яйца. Существенные моменты при образованіи нервного узла у почки *перофоры* состоятъ въ появленіи двухъ параллельныхъ колодъ на срединной части жабернаго мѣшка. „Нервная система почки“, говоритъ г. Ковалевскій на стр. 92, „происходитъ безъ всякаго сомнѣнія отъ внутренняго первичнаго пузыря, и кажется, образуется непосредственнымъ отдѣленіемъ двухъ рядовъ клѣтокъ, которыя только въ послѣдствіи свертываются въ трубку“.

Основное положеніе работы Купфера (56) заимствовано имъ изъ извѣстнаго сочиненія г. Ковалевскаго объ эмбриологіи простыхъ асцидій. Присутствіе продольной бороздки на поверхности зародыша, служащей для образованія нервной системы, а также существованіе у личинокъ асцидій хрящеобразной ленты, суть главные пункты, на основаніи которыхъ Купферъ, подобно своему предшественнику, признаетъ типическое сходство между асцидіями и позвоночными.

Исслѣдованіе свое Купферъ производилъ надъ *Ascidia sapina*, яйца которой, повидимому, очень мало прозрачны и потому наименѣе удобны

для рѣшенія труднѣйшихъ эмбриологическихъ вопросовъ. При описаніи развитія яйца въ личинкѣ Купферъ указываетъ на то, что периферическій слой желточной протоплазмы самостоятельно распадается на отдѣльные элементы, составляющіе клѣточки будущей спанчи. Это наблюденіе я могу вполне подтвердить, такъ какъ то же самое явленіе было замѣчено мною еще въ 1866 году.

Уже съ первыхъ эмбриональныхъ процессовъ обнаруживается извѣстное отличіе въ развитіи *Ascidia sapina* отъ описаннаго прежде развитія другихъ простыхъ асцидій. Такъ, напримѣръ, бластодерма здѣсь не представляется въ видѣ однослойнаго кузуря, какъ это было наблюдаемо г. Ковалевскимъ у *Phalusia mamillaris*, а оказывается состоящею изъ нѣсколькихъ, различнымъ образомъ окрашенныхъ слоевъ клѣточекъ. Центральная полость (такъ-называемая сегментаціонная полость) у *Ascidia sapina* несравненно меньше, чѣмъ у другихъ простыхъ асцидій. Вообще я могу замѣтить, что ранніе процессы развитія у *Ascidia sapina* имѣютъ большое сходство съ соответствующими стадіями сложныхъ асцидій.

Относительно образованія нервной системы, Купферъ приходить къ тому же результату, какъ и г. Ковалевскій ¹⁾, то-есть, онъ говоритъ, что мозгъ происходитъ вслѣдствіе срастанія желобка, находящагося на поверхности зародыша. Но при дальнѣйшемъ сравненіи показаній обоихъ авторовъ оказывается, что они не одинъ и тотъ же предметъ разумѣютъ подъ названіемъ нервнаго желобка, такъ какъ Купферъ помѣщаетъ его на верхнюю поверхность зародыша, а по описанію г. Ковалевскаго, нервный желобокъ лежитъ сбоку, то-есть, параллельно хвосту зародыша.

Не смотря на подобное несходство своихъ наблюденій съ показаніями г. Ковалевскаго, Купферъ безусловно принимаетъ его взглядъ на племенное родство асцидій съ позвоночными, и въ присутствіи хрящеваго слоя въ хвостѣ личинокъ асцидій онъ также видитъ сильное доказательство въ пользу этого мнѣнія.

Прежде я считалъ основное наблюденіе г. Ковалевскаго о развитіи нервной системы у простыхъ асцидій не вѣрнымъ; но лѣтомъ 1870 года я имѣлъ случай убѣдиться въ совершенной правотѣ моего ученаго сотоварища. Эти же лѣтнія наблюденія дали мнѣ возможность рѣшить, что въ дѣлѣ исторіи развитія нервной системы, данныя, сообщаемыя г. Ковалевскимъ, болѣе вѣрны, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ въ своей статьѣ Купферъ.

¹⁾ Въ своей «Исторіи развитія простыхъ асцидій», 1866.

Изъ наблюдений Эйтита (57) надъ развитіемъ половыхъ органовъ у *Lupulus auricularis* слѣдуетъ, что эти органы развиваются изъ трехъ отдѣльныхъ зачатковъ, изъ которыхъ нижній служитъ для образованія *penis* и нижней части *vas deferens*, средній — для образованія главной части половыхъ проводниковъ (*oviductus* и *vas deferens*), съ прибавочными железами, а верхній — для образованія гермафродитной железы съ ея протокомъ. Каждый изъ этихъ трехъ зачатковъ представляется сначала въ видѣ сплюснутаго вѣтчаткаго шнура, въ которомъ вскорѣ начинаютъ обособляться отдѣльныя части. Мужскіе половые органы (какъ мужская часть гермафродитной железы, такъ и *vas deferens*, и *penis*) вообще развиваются раньше, чѣмъ женскіе. Исслѣдованія свои авторъ производилъ надъ вылупившимися уже молодыми животными, при чемъ происхожденіе половыхъ зачатковъ осталось ему не извѣстно.

По показаніямъ г. Овсянникова (58), зрѣлыя яйца рѣчной миноги содержатъ внутри себя ядро съ ядрышкомъ, съ раздѣленія которыхъ вообще начинается такъ-называемая сегментация. Такъ-называемое русконіево выводное отверстіе (*Rusconischer After*) появляется у миноги очень рано и превращается въ настоящее заднепроходное отверстіе. Надъ этимъ отверстіемъ образуется воявышеніе, въ которомъ появляется спинномозговая амба, превращающаяся потомъ въ спинномозговую бороздку. Эта часть принадлежитъ къ верхнему изъ трехъ пластовъ, различаемыхъ у зародыша миноги. Изъ средняго пласта образуется спинная струна, пластинки такъ-называемыхъ первичныхъ позвонковъ и сердце. Нижний пластъ превращается, по общиновенію, въ эпителий пищеварительныхъ органовъ.

Исслѣдованіями гг. Ковалевскаго, Овсянникова и Вагнера (59) подолняется значительный пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ въ наукѣ. Эти ученые пришли къ тому заключенію, что съ точки зрѣнія развитія, осетровыя составляютъ переходъ отъ костистыхъ рыбъ и миноги къ амфибіямъ.

Раздробленіе желтка (сегментация) у осетровыхъ полное, такъ же, какъ у миногъ и амфибій. Русконіево выводное отверстіе здѣсь также появляется очень рано (въ концѣ перваго дня развитія); оно образуется въ видѣ вдавленія внутрь сегментационной полости. Вслѣдствіе такого углубленія, внутри зародыша является первичный кишечный каналъ, въ промежуткѣ между которымъ и верхнимъ (роговымъ) пластомъ помещается средній пластъ. Отъ послѣдняго очень рано отдѣляется стволъ, дающій спинную струну. Остальныя части

средняго пласта распадаются на первичные позвонки и на боковыя пластинки, изъ которыхъ образуются кожныя пластинки и такъ-называемый кишечноволоконистый листъ.

Замѣчательно, что русконіево отверстіе находится въ непосредственномъ соединеніи съ прилежащимъ концомъ спинномозговой бороздки. Иногда затѣкающій первое клѣточннй комокъ передвигается впередъ и входитъ внутрь спинномозговаго канала.

Вольфовы каналы образуются у осетровъ въ видѣ замыкающей бороздки кожныхъ пластинокъ. Кровеносные сосуды образуются, напротивъ того, въ видѣ сплюснутыхъ шнурковъ, изъ которыхъ потомъ выходятъ внутреннія клѣтки, вслѣдствіе чего появляется сосудистая полость.

Между тѣмъ какъ у миноги и осетровъ существуетъ полная сегментация желтка, у поперечноротыхъ рыбъ (какъ это съ давнихъ поръ извѣстно) раздробляется только одинъ такъ-называемый образовательный желтокъ, составляющій сравнительно очень небольшую часть яйца. По мнѣнію г. Ковалевскаго (60), образовательный желтокъ „состоитъ изъ ядра первичной клѣтки (изъ которой развилось яйцо) и окружающей его протоплазмы, наполненной большимъ количествомъ мелкихъ и совершенно безцвѣтныхъ жировыхъ шариковъ“. Этотъ образовательный желтокъ дѣлится сначала на нѣсколько, а потомъ на множество зародышевыхъ клѣточекъ, составляющихъ вмѣстѣ дѣльный кружочекъ. Такъ какъ края послѣдняго подгибаются внутрь и растутъ въ центростремительномъ направленіи, то вскорѣ оказывается, что самый кружочекъ состоитъ изъ двухъ пластовъ, переходящихъ на краяхъ непосредственно другъ въ друга. При дальнѣйшемъ развитіи такого зачатка, на его поверхности появляется спинномозговая бороздка, а въ промежуткѣ между двумя пластами обособляется еще средній пластъ, развивающійся на счетъ мѣстнаго утолщенія нижняго пласта. Судьба этихъ пластовъ совершенно сходна съ тѣмъ, что со времени Ремака извѣстно относительно пластовъ куринаго зародыша. Оригинальнымъ здѣсь является, впрочемъ, тотъ фактъ, что спинная струна независимо отдѣляется отъ нижняго пласта.

У акулы, также какъ выше было сказано относительно осетровыхъ, нервная трубка непосредственно сообщается съ пищеварительною полостью. Это обстоятельство, въ связи съ вышеприведеннымъ наблюдениемъ объ образованіи нижняго пласта черезъ простое подгибаніе зародышеваго кружка, заставляетъ г. Ковалевскаго смотрѣть на верхній (роговой) и нижній (кишечножелезистый) зародышевые пласты,

важъ на части одного дѣльскаго пласта. Подобное мнѣніе было выражено имъ и въ другомъ мѣстѣ (61).

Въ своей статьѣ о развитіи электрическихъ органовъ у скатовъ (*Torpedo Galvanii* и *Torpedo Narke*), Де-Санктисъ (62) раздѣляетъ зародыши на слѣдующія пять стадій: *акuloобразную*, съ удлинненнымъ тѣломъ и боковыми жаберными щелями; *райеобразную* (похожую на Раја), съ плоскимъ тѣломъ и съ жаберными щелями на нижней сторонѣ; *торпедообразную*, съ видимыми простымъ глазомъ электрическими органами; на *стадію скатообразную* съ бѣлою спиной, и наконецъ, на *стадію съ пятнистою спиной*.

Электрическіе органы появляются только у зародышей второй (райеобразной) стадіи. Пучекъ нервныхъ осевыхъ цилиндровъ, проходящій по срединѣ между жаберной перегородкой зародыша, раздѣляется на жонглъ на двѣ вѣтви, которыя, въ свою очередь, раздваиваются, и т. д. Въ каждомъ изъ происшедшихъ (вслѣдствіе раздѣленія) угловъ появляется кучка эмбриональныхъ клѣточекъ, принимающая (въ горизонтальномъ разрѣзѣ) округленную форму. Такія кучки свопляются все въ большемъ и большемъ количествѣ, и наконецъ, сближаясь, образуютъ цилиндрики. Эти-то цилиндрики и составляютъ зачатки будущихъ шестигранныхъ призмъ электрическаго органа. Въ теченіе торпедообразной стадіи электрическіе цилиндрики собираются въ двѣ большія боковыя массы, ясно видимыя простымъ глазомъ. При дальнѣйшемъ развитіи цилиндрики дѣлятся на поперечныя пластинки, при чемъ между каждымъ двумя электрическими пластинками, состоящими изъ соединенныхъ отростками клѣточекъ, собирается слой простыхъ слизистыхъ клѣтокъ.

Авторъ не могъ найти у зародышей шульцевской конечной сѣтки на электрической пластинкѣ, хотя онъ и наблюдалъ ее у взрослага ската. Но за то онъ нашелъ у зародышей съ бѣлою спиной другую нервную сѣть (существующую также и у взрослага животнаго), происходящую вслѣдствіе соединенія концовъ осевыхъ цилиндровъ съ ядрами развѣтвленныхъ клѣточекъ электрической пластинки.

По наблюденіямъ Шенка (63), зародышъ бурой лягушки (*Rana temporaria*), начиная со времени появленія на немъ спинномозговой бороздки, производитъ замѣтное круговое движеніе, которое не прекращается до самаго конца зародышевой жизни. Это движеніе, ускоряющееся отъ нагрѣванія до 24°—30° С, производится мелкими мерцательными волосками, которые покрываютъ наружную поверхность зародыша.

Жоли (64) наблюдает подобное же круговое движение зародышевой аксолотля, производимое также съ помощью шрицательныхъ волосковъ поверхности тѣла зародыша.

Ауэрбахъ (65) нашелъ, что дивной, въ особенности же прямой солнечный свѣтъ заставляетъ собираться протоплазму сегментационныхъ клѣточекъ бурой лягушки, вслѣдствіе чего онѣ медленно передвигаются.

Г. Голубевъ (66), подобно Штриккеру, пришелъ къ убѣжденію, что такъ-называемая рускошьева полость (то-есть, зачаточная пищеварительная полость) у зародышевой наихъ амфибій происходитъ не вслѣдствіе углубленія части бластодермы внутрь зародыша. Происхождение этой полости, также какъ и нѣкоторые другіе эмбриональные процессы, авторъ стремится объяснить простыми механическими дѣйствіями. Исходнымъ пунктомъ при этомъ ему служить фактъ, замѣченный еще г. Баромъ, что такъ-называемая сегментация желтка постепенно замедляетъ свой ходъ, начиная съ извѣстнаго пункта темной половины желтка; замедленіе это одинаково наблюдается какъ на периферіи, такъ и въ глубинѣ массъ желтка. Вслѣдствіе такого неравномернаго процесса, сегментационныя клѣтки верхней поверхности яйца, занимая все большую поверхность, отстаютъ отъ болѣе медленно размножающихся внутреннихъ клѣточекъ, и такимъ образомъ, даютъ начало такъ-называемой беровской полости.

Перехожденіе бѣлыхъ клѣтокъ, лежащихъ на днѣ только что названной полости, на поверхность послѣдней, г. Голубевъ объясняетъ иначе, чѣмъ Штриккеръ, который для этого принимаетъ активное передвиженіе элементовъ. По мнѣнію г. Голубева, это передвиженіе составляетъ результатъ быстрого разростанія боковой части бурой зеры. Происхожденіе рускошьевой полости г. Голубевъ объясняетъ тѣмъ же процессомъ неравномернаго размноженія клѣточекъ, который составляетъ и причину образованія беровской полости.

Деницъ (67) не придаетъ важнаго значенія ремановскимъ пластамъ у лягушекъ. Беровскую и рускошьеву полости онъ считаетъ за искусственныя образованія (Kunstproduct). Прежде всего, по описанію Деница, на периферіи зародыша отлагается слой клѣточекъ, составляющій „обволакивающую оболочку“ (Umhüllungshaut) Рейхерта; затѣмъ образуется нервная система въ видѣ плоскаго зачатка, не имѣющаго никакой генетической связи съ зачаткомъ кожи. Эпителій кишечнаго канала Деницъ производитъ изъ внутреннихъ зародышевыхъ клѣточекъ, считая не возможнымъ принять описанное Гетте (см. Журн. Мин. Народн. Просв. 1868 г., т. CXLV, стр. 324) углубленіе верх-

наго пласта. Авторъ вообще полагаетъ, что всѣ органы образуются на ихъ дѣфинитивномъ мѣстѣ изъ близъ лежащихъ клеточныхъ массъ; такъ, онъ говоритъ, что всѣ мускульные нервы происходятъ изъ тѣхъ же зачатковъ, какъ и мускулы (то-есть, изъ средняго пласта), тогда какъ сосуды мяса происходятъ изъ общаго нервнаго зачатка, а не изъ средняго пласта, какъ это обыкновенно полагается.

Еллагеръ (69) описываетъ первые эмбриональные процессы въ куриномъ яйцѣ, слѣдующіе за оплодотвореніемъ. Онъ наблюдалъ такъ-называемую сегментацию, начиная съ самой ранней стадіи, то-есть, съ раздѣленія образовательнаго желтка на двѣ части. Результатомъ этого процесса является расположенная въ видѣ круглой пластинки кучка клеточекъ, которая распадается на два пласта: на такъ-называемый роговой пластъ и на височножелезистый. Это распаденіе на пласты совершается однако же не одновременно на всемъ протяженіи зачатка; сначала замѣчаются мѣстныя распаденія, которыя уже потомъ сливаются вмѣстѣ. Относительно образованія средняго пласта Еллагеръ подтверждаетъ мнѣніе г. Перемежка, по которому элементы этого пласта суть шары, переходящіе со дна зародышевой полости въ промежутокъ между верхнимъ и нижнимъ пластами.

Нанѣ авторъ совершенно не принимаетъ мнѣнія Гиса, по которому элементы такъ-называемаго бѣлаго желтка должны соответствовать клеточкамъ и играть активную роль въ образованіи зародыша.

Вторая часть интересной монографіи Вальдейера (70) посвящена изложенію процессовъ развитія мочевои и половой системы органовъ цыпленка. Основной пунктъ изслѣдованія заключается въ томъ, что обѣ эти системы получаютъ свое начало изъ общаго зачатка, помещающагося въ боковыхъ частяхъ такъ-называемыхъ *среднихъ пластинокъ* (Mittelplatten). Такъ какъ этотъ зачатокъ происходитъ изъ той осевой части зародыша, въ которой верхній пластъ сливается съ среднимъ, то понятно, что о подведеніи моче-половой системы въ одному изъ этихъ двухъ пластовъ, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи. Вальдейеръ высказываетъ однако, хотя и въ видѣ предположенія, что общій зачатокъ названныхъ органовъ, въ послѣдней инстанціи, происходитъ изъ клеточекъ верхняго пласта, вросшихъ въ осевую часть средняго.

Прежде всего въ общемъ зачаткѣ моче-половыхъ органовъ обособляются двѣ части, изъ которыхъ одна представляется въ видѣ плотнаго шнура и составляетъ зачатокъ части вольфова канала, тогда какъ другая часть — боковая — ограничиваетъ часть полости

тѣла и представляется въ видѣ толстаго эпителиальнаго слоя, названнаго авторомъ *зачатковымъ эпителиемъ*. Этотъ эпителий распространяется болѣе или менѣе далеко на брюшинѣ, и такъ какъ онъ, между прочимъ, составляетъ первый зачатокъ яичниковаго эпителия, то вслѣдствіе того, получается замѣчательное сходство съ нѣкоторыми низшими животными, напримѣръ, съ *Annelida Polychaeta*, у которыхъ выше элементы получаютъ съ различныхъ частей брюшеннаго эпителия.

Обособившійся шнурокъ, о которомъ было сказано какъ о зачаткѣ части вольфова канала, представляетъ собою собственно длинный валикъ, ограничивающій съ одной стороны длинный желобокъ, вскорѣ замыкающійся въ трубку; эта трубка и представляетъ собственно первоначальный вольфовъ каналъ, отъ верхней части котораго отходятъ трубки, составляющія главную часть вольфова тѣла.

Послѣ обособленія вольфова канала, на „зачатковомъ эпителиѣ“ появляется новый желобокъ, замыкающійся въ трубку, представляющую извѣстный мюллеровъ каналъ.

Особенную важность представляютъ изслѣдованія Вальдейера о развитіи половыхъ железъ цыпленка. Вообще изъ его наблюденій слѣдуетъ, что при развитіи сѣмянной железы (также какъ и сѣмяннаго протока съ его принадлежностями) важнѣйшую роль играетъ вольфово тѣло съ вольфовымъ каналомъ, тогда какъ при развитіи яичника (также какъ и при образованіи яйцепровода и другихъ частей женскаго аппарата) образовательную роль играетъ вышеупомянутый зачатковый эпителий. Уже на раннихъ стадіяхъ развитія обнаруживается различная степень утолщенія зачатковаго эпителия: Вальдейеръ принимаетъ, что у самокъ этотъ эпителий представляется значительно утолщеннымъ, тогда какъ у самцовъ онъ напротивъ того сильно утончается. Обстоятельство это легко объясняется тѣмъ, что зачатковый эпителий даетъ начало эпителию яичника, вросшая въ сосѣдную соединительную ткань. Въ этомъ эпителиѣ очень рано появляются крупныя кѣтки, принимаемыя Вальдейеромъ за молодыя яйца. *Такъ какъ подобныя кѣтки встрѣчаются и въ тонкомъ зачатковомъ эпителиѣ самцовъ, то по мнѣнію Вальдейера, и высшія позвоночныя представляютъ извѣстную степень гермафродитизма въ зародышевомъ состояніи.* Хотя это положеніе само по себѣ очень вѣроятно, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Вальдейеръ вовсе не доказалъ, что крупныя кѣтки зачатковаго эпителия суть дѣйствительно зачатки яицъ. Для положительнаго рѣшенія важнаго вопроса о зародышевомъ гермафродитизмѣ, необходимо знать точнымъ

образомъ происхожденіе эпителия сѣмянныхъ канальцевъ; хотя у Вальдейера мы и находимъ многія данныя объ этомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе имъ не рѣшено окончательно, что при этомъ образованіи зачатковъ эпителий остается совершенно безучастнымъ. Также точно, авторъ съ большою нетвердостью высказываетъ предположеніе, что сѣмянные канальцы происходятъ изъ тонкихъ канальцевъ вольфова тѣла.

Между тѣмъ какъ вольфово тѣло предполагается участвующимъ въ образованіи сѣмянной железы, вольфовъ каналъ оказывается частью, дающею начало постоянной почкѣ (относительно чего Вальдейеръ подтверждаетъ мнѣніе Купфера).

Вальдейеръ обратилъ особенное вниманіе на то, что вольфово тѣло съ самаго начала представляется состоящимъ изъ двухъ различныхъ частей, изъ которыхъ одну онъ называетъ — *почечною* частью, а другую — *половою*. Каждая изъ этихъ частей сохраняется въ рудиментарномъ состояніи и у взрослога животнаго обоихъ половъ. Почечная часть сохраняется у самки въ видѣ особаго тѣла, названнаго Вальдейеромъ — *Pagorhodon*, тогда какъ соотвѣтствующая часть у самца будетъ такъ — называемая *Parepidymis*, или *Paradidymis*. *Epidymis* же самца и розенмюллеровскій органъ самки (*Europhoron* Вальдейера) суть остатки половой части вольфова тѣла.

Дорнъ (71) сообщаетъ нѣкоторыя подробности о развитіи мюллерова канала и матки человѣка и другихъ млекопитающихъ; за этими свѣдѣніями, касающимися подробностей, читатель можетъ обратиться къ оригиналу.

Изъ изслѣдованій Эккера (72) явствуетъ, что на большихъ полушаріяхъ прежде всего появляется сильвиева борозда и *Fissura Hippocampi*. Затѣмъ, въ теченіе третьяго и четвертаго мѣсяцевъ образуется цѣлый рядъ бороздокъ, располагающихся по направленію лучей около сильвиевой борозды, но играющихъ роль переходныхъ образованій. Дефинитивныя извилины (кромѣ двухъ названныхъ) обыкновенно появляются въ теченіе пятаго мѣсяца.

Замѣчательно, что первоначальное расположеніе извилинъ болѣе симметрично, нежели позднѣйшее, вслѣдствіе чего сильнѣйшая степень симметричности въ развитомъ мозгу составляетъ признакъ недоразвитія и встрѣчается у идиотовъ.

Вообще нужно замѣтить, что въ развитіи извилинъ встрѣчается множество индивидуальныхъ уклоненій, такъ что даже мозги близнецовъ оказываются въ этомъ отношеніи значительно различными.

И. Л. Мечниковъ.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМНѢНІЕ 10/22 ДЕКАБРЯ 1870 ГОДА.

Въ концѣ минушаго года происходило полное солнечное затмѣніе для нѣкоторыхъ мѣстъ, находящихся въ южной Европѣ, а также и въ нашихъ при-Азовскихъ степяхъ. Полное солнечное затмѣніе долго еще будетъ представлять предметъ для заботливыхъ наблюденій физико-астрономовъ; а потому не излишне будетъ представить, какъ отнеслись къ этимъ наблюденіямъ итальянскіе астрономы, имѣвшіе возможность наблюдать полное солнечное затмѣніе прошедшаго года и сопровождавшія его обстоятельства ¹⁾.

Директоръ королевской обсерваторіи въ Болоннѣ г. Іаковъ Микесъ (Michez) препроводилъ въ редакцію изданія *Gazetta dell'Emilia* письмо отъ 6/18 декабря 1870 года, въ которомъ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія объ ожидавшемся полномъ солнечномъ затмѣніи.

„Въ будущій четвергъ, 10/22 числа текущаго мѣсяца, писалъ г. Микесъ, произойдетъ въ Европѣ рѣдкое и величественное явленіе полнаго солнечнаго затмѣнія.

„Первое прикосновеніе, или начало затмѣнія, будетъ видимо въ 11 час. 3 мин. утра, въ Атлантическомъ океанѣ; а послѣднее прикосновеніе, или конецъ затмѣнія, въ 3 час. 31 мин. въ западной части Аравіи.

„Конусъ тѣни луны, на пути котораго будутъ находиться мѣста, для которыхъ произойдетъ полное затмѣніе, пересѣчетъ земную поверхность слѣдующимъ образомъ: онъ пойдетъ въ 0 час. 24 мин. вечера изъ Атлантическаго океана, и именно изъ той точки на югѣ Гренландіи, которая находится подъ 56° 12' сѣверной широты и 56° 11' западной долготы ²⁾; войдетъ въ Испанію близъ мыса св. Вивентія;

¹⁾ Печатаемые свѣдѣнія доставлены въ министерство народнаго просвѣщенія русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ, действительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вахерахомъ. *Ред.*

²⁾ Время и долготы считаются по Римскому меридіану.

покроетъ проливъ Гибралтарскій; пройдетъ чрезъ Алжирію; затмѣнъ по острову Сициліи отъ Джирдженти до Этны; коснется нашего материка нѣсколько на югъ отъ Реджіо въ Калабрію, и пройдя чрезъ Фессалію, Руминію, Черное море, Крымъ и Азовское море, окончится въ Черкессіи (Сігсазіа) въ 2 час. 11 мин. вечера, подъ $28^{\circ} 29'$ восточной долготы и $48^{\circ} 2'$ сѣверной широты, гдѣ солнце зайдетъ при полномъ затмѣніи.

„Но отношенію къ продолжительности полного затмѣнія, главными пунктами въ Сициліи будутъ: Бискари, Аугуста, Терранова, Сиракузы, Кальтаджироне, Модика, Ното, Катанья, Пьяцца, Ачиреале, Джирдженти, Кальтаниссетта. Это будетъ первый и единственный случай полного солнечнаго затмѣнія въ настоящемъ столѣтіи, видимаго въ Сициліи.

„Полное затмѣніе всегда представляетъ такое явленіе, которое производитъ глубокое впечатлѣніе на зрителя, какова бы ни была степень его умственнаго развитія. Для астронома это явленіе, полное разныхъ случайностей, составляетъ трудный предметъ для наблюденій, такъ какъ онъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобъ изъ немногихъ моментовъ наблюденія извлечь возможно большую пользу для науки.

„До тѣхъ поръ, пока затмѣніе остается частнымъ, пока самый малый серпъ солнца остается открытымъ, до насъ доходитъ большое количество свѣта, и затмѣніе не представляетъ почти ничего такого, что привлекало бы особенное наше вниманіе; но едва исчезнетъ послѣдній лучъ, какъ дискъ луны вдругъ представляется намъ совершенно чернымъ; вокругъ него образуется свѣтлый *оттѣнокъ*, бѣловатаго или серебристаго цвѣта, притомъ пересѣченный лучами на подобіе пучковъ или перьевъ; кромѣ того, въ видѣ видны какія-то возвышенія или выпуклости ярко-розоваго цвѣта, большею частію прилегающія къ темному диску на подобіе горъ, а иногда отдѣльно отъ него, какъ облака; ночь заступаетъ мѣсто дня, и болѣе яркія звѣзды и планеты становятся видимыми. Видъ природы измѣняется и становится еще болѣе поразительнымъ вслѣдствіе свѣта, разсѣяннаго, неопредѣленнаго, чрезвычайно слабого и причиняющаго какою-то тоску. Таково общее впечатлѣніе, производимое полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ.

„Въ прошломъ столѣтіи и почти до половины нынѣшняго, наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ производились единственно съ цѣлю собрать данныя для исправленія астрономическихъ таблицъ и

дабы опредѣлить, что такое свѣтлый вѣнецъ: дѣйствительный ли это предметъ, то-есть, атмосфера ли солнца или луны, или же это оптическое явленіе диффракціи. Во время затмѣнія, бывшаго ^{26-го іюня} 1842 г., неожиданно замѣчены были выпуклости, которыя, будучи тотчасъ же приняты за матеріальные предметы, существующіе на поверхности солнца, придали затмѣніямъ величайшую важность, такъ какъ они должны были пролить нѣкоторый свѣтъ на безъисходный лабиринтъ мнѣній относительно физическаго устройства этого свѣтила. Въ 1868 г., на другой день послѣ полнаго затмѣнія, бывшаго ^{8-го іюля} 6/18 августа, физикъ Янсенъ, разлагая посредствомъ спектроскопа свѣтъ, исходящій отъ края солнца, открылъ въ немъ нѣкоторыя особыя свойства, замѣченныя прежде въ свѣтѣ выпуклостей, и такимъ образомъ разрѣшилъ вопросъ о возможности опредѣлить существованіе послѣднихъ, даже и безъ полнаго затмѣнія, случающагося весьма рѣдко. Цѣллеръ, изъ Лейпцига, усовершенствовавъ въ истекшемъ году методъ Янсена, достигъ того, что не только подтверждалъ существованіе выпуклостей, но и видѣлъ ихъ изображеніе и точно начертилъ ихъ. Послѣ этого весьма важнаго открытія, Секки и Респиги собрали въ короткое время такое количество матеріаловъ для изученія упомянутыхъ выше замѣчательныхъ явленій, какого не могли бы дать наблюденія надъ всѣми солнечными затмѣніями въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

„Тѣмъ не менѣе для науки важность наблюденій надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшена. Весьма интересно сопоставленіе между формой и видомъ выпуклостей, наблюдаемыхъ въ искусственномъ затмѣніи, и тѣхъ, которыя представляются при дѣйствительномъ затмѣніи. Остается еще не выясненнымъ происхожденіе свѣтлаго вѣнца и его лучей. Не исполнѣе еще опредѣлены физическія явленія, происходящія на землѣ во время затмѣнія; не извѣстно также свойство связи, теперь почти несомнѣнной, между сѣверными сіяніями, земнымъ магнетизмомъ, атмосферными бурями, съ одной стороны, и измѣненіями на поверхности великаго свѣтила—съ другой.

„Болоньѣ, по видимому, не суждено воспользоваться зрѣлищемъ полнаго затмѣнія, и какъ оно не случилось для нея въ нынѣшнемъ столѣтіи, такъ оно не произойдетъ и въ слѣдующемъ. Въ 1842 году было величайшее частное затмѣніе, простиравшееся на 99 сотыхъ солнечнаго диска. Другое очень большое затмѣніе, около 10 двѣнадцатыхъ диска, произойдетъ 19-го августа 1887 года утромъ, а то, которое совершится въ будущій четвергъ, будетъ имѣть болѣе 7 осмьмыхъ.

„Вотъ главные результаты вычислений относительно этого затмѣнія.

„Начало затмѣнія будетъ видимо въ 0 час. 16 мин. и 22 сек. вечера, и точка прикосновенія будетъ удалена отъ высшей точки солнца на 95 градусовъ, считаемыхъ по окружности на право отъ вертикальной линіи, мысленно проведенной чрезъ его центръ.

„Средина затмѣнія будетъ въ 1 час. 38 мин. и 50 секундъ.

„Послѣднее прикосновеніе прійдется въ 2 час. 56 мин. и 33 сек. и произойдетъ на лѣвой сторонѣ диска, въ точкѣ, отстоящей отъ нижней точки вертикальной линіи на 111 градусовъ.

„Если раздѣлимъ солнечный діаметръ на 12 частей или дюймовъ, и каждый дюймъ на десятиа доли, то во время наибольшаго затмѣнія будетъ закрыто 10,7 дюймовъ, такъ что наименьшая открытая часть солнца будетъ въ 1,3 дюйма; слѣдовательно, только 15 сотыхъ цѣлой поверхности солнца, обращенной къ намъ, останется свѣтiaceю.

„Такое уменьшеніе солнечнаго свѣта должно необходимо повліять на температуру и на гигрометрическое состояніе атмосферы.

„Вѣроятно также, что обыкновенный цвѣтъ предметовъ подвергнется измѣненію“.

Профессоръ и директоръ королевско-университетской обсерваторіи въ Капитоліѣ Лоренцо Респиги писалъ о томъ же предметѣ изъ Рима въ *Официальную Газету* слѣдующее:

„Полное солнечное затмѣніе будетъ видимо въ поясѣ, который, коснувшись Португаліи, Испаніи и Африки, дойдетъ до предѣловъ Греціи и Турціи; но въ Римѣ оно будетъ частнымъ и не на столько величественнымъ, чтобы представить какой-нибудь интересъ, какъ относительно астрономическихъ, такъ и метеорологическихъ наблюдений.

„Я считаю, впрочемъ, не лишнимъ, для удобства тѣхъ, кто захочетъ заняться этими наблюдениями, обнародовать данныя, относящіяся до главныхъ фазисовъ этого явленія и непосредственно мною вычисленныя для Рима. Они заключаются въ слѣдующемъ:

„Начало затмѣнія въ 12 час. 19 мин. 0 сек., по среднему времени въ Капитоліѣ. Максимумъ затмѣнія въ 1 час. 43 мин. 2 сек. Конецъ затмѣнія въ 3 час. 1 мин. 31 сек. Первое прикосновеніе къ западному краю солнца будетъ отстоять на 99° отъ сѣверной точки диска.

„Величина затмѣнія будетъ 0,929, принимая діаметръ солнца за 1, или же въ дюймахъ составитъ 11,14.

„Наблюденія надъ нынѣшнимъ полнымъ затмѣніемъ будутъ очень важны по тому благоприятному обстоятельству, что въ это же время

на краяхъ солнца будутъ находиться нѣкоторыя замѣчательныя группы пятенъ; одна на восточномъ, другая на сѣверо-западномъ. На нихъ 24-го и 25-го ноября (новаго стиля) были наблюдаемы мною, при помощи особеннаго спектроскопа, явленія *изверженій*, а также и выпуклостей. Такимъ образомъ, представится, вѣроятно, случай провѣрить тѣ замѣчательныя свойства, отличающія солнечныя изверженія по близости пятенъ, которыя уже выведены изъ спектроскопическихъ наблюдений, сдѣланныхъ на нашей обсерваторіи“.

О первыхъ результатахъ наблюдений надъ солнечнымъ затмѣніемъ, произведенныхъ комиссіей итальянскихъ астрономовъ въ Сициліи, въ итальянскую *Официальную Газету* были сообщены слѣдующія телеграфическія извѣстія:

Изъ *Алуццы*, отъ вице-президента комиссіи:

„Не смотря на облака и сильнѣйшій вѣтеръ, достигнуты довольно удовлетворительные результаты: были видимы въ спектрѣ во время полнаго затмѣнія свѣтлыя черты одной выпуклости, уже прежде изслѣдованной: черты водорода; желтая черта, болѣе преломленная, чѣмъ черта натрія; не замѣчено черты желѣза; были видимы двѣ яркія полосы въ свѣтѣ отъ вѣнца, одна въ зеленомъ, другая между зеленымъ и желтымъ цвѣтомъ. Сдѣлано четырнадцать фотографій различныхъ фазисовъ затмѣнія; получены изображенія выпуклостей, не смотря на облака; сличены спектральныя формы выпуклости съ прямыми формами. Определено время начала и конца полнаго и частнаго затмѣнія и получены различныя данныя. Кроме того, замѣчено не сомнительно, что вѣнецъ имѣетъ поляризованный свѣтъ, плоскость поляризаціи котораго касательна къ солнечному диску.

„Мѣстное населеніе въ восторгѣ отъ великаго явленія“.

Изъ *Террановы*, отъ мѣстнаго префекта:

„Не смотря на весьма сильный вѣтеръ, наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ получились удовлетворительныя, хотя и не полныя. Все, что лось было предусматрѣно здѣшнимъ астрономическимъ отдѣленіемъ, оказа вполнѣ точнымъ. Никакая предосторожность не опущена; порядковъ полный; народонаселеніе въ восторгѣ; чрезъ нѣсколько минутъ муниципальнымъ совѣтомъ будетъ предложень обѣдъ ученымъ“.

Изъ *Джирдженты*, отъ префекта:

„Наблюденія надъ полнымъ затмѣніемъ удались какъ нельзя лучше; оно продолжалось пятнадцать секундъ; сдѣланы наблюденія надъ выпуклостями, вѣнцомъ и сіяніемъ (*gloria*), относительно ихъ свѣта, согласно съ правилами, данными Секи. Результаты удовлетворитель-

ные. Состояніе неба бурное; затмвнїе представило величественное зрѣлище“.

Во Флоренціи профессоръ, докторъ Доженико Чиполлетти и докторъ Константинъ Ниттенъ наблюдавали слѣдующія свѣдѣнія и результаты своихъ наблюдений на мѣстной астрономической обсерваторіи:

„Необыкновенно продолжительная дурная погода не дала возможности произвести удовлетворительныя наблюдѣнія надъ солнечнымъ затмвнїемъ, которое однакожь составляло во Флоренціи $\frac{3}{10}$ цѣлаго диска.

„Во всякомъ случаѣ вотъ краткій очеркъ наблюдений, которыя возможно было произвести.

„Въ 0 ч. 11 мин. 19 сек., по меридіану Флорентійской обсерваторіи, когда затмвнїе должно было начаться, солнце было совершенно закрыто облаками, и вся сѣверо-восточная и юго-восточная стороны неба были закрыты перистыми облаками; впрочемъ на западѣ было прекрасное ясное небо. Съ этого времени до часу солнце показывалось нѣсколько разъ съ довольно яркимъ свѣтомъ между рѣдкими облаками; но въ 1 ч. 5 м. его закрыла густая дождевая туча, которая, при кругломъ очертаніи, простиралась въ востоку и оканчивалась отъ сѣверо-востока въ юго-западъ по прямой линіи.

„Въ 1 ч. 34 мин. 16 сек., то-есть, во время наибольшаго фазиса затмвнїя, солнце было закрыто болѣе чѣмъ когда-нибудь; свѣтъ, разсѣянный облаками, замѣтно уменьшился, окрестности получили печальный и мрачный видъ; а западная сторона неба, остававшаяся все время свободною отъ облаковъ, получила темный, свинцовый цвѣтъ.

„Въ 2 часа солнце открылось и оставалось видимымъ до времени послѣдняго прикосновенія, которое было замѣчено въ 2 ч. 52 мин. 3 сек. по астрономическому меридіану Флоренціи.

„Туча, закрывавшая солнце, была сильно поляризована; поляризованъ былъ солнечный свѣтъ, который во временамъ слабо проходилъ сквозь нее; точно также былъ поляризованъ свѣтъ перистыхъ облаковъ, показывавшихся въ сѣверной сторонѣ неба, и наконецъ такимъ же былъ свѣтъ, отражавшійся отъ свѣта сосѣднихъ горъ.

„Въ продолженіе затмвнїя атмосферное давленіе представляло слѣдующія колебанія: въ началѣ оно было 742,₂₄ миллиметровъ и уменьшалось на $\frac{1}{10}$ мил. въ каждую четверть часа до наибольшаго затмвнїя; затѣмъ правильно увеличиваясь, но въ нѣсколько болѣе быстрой постепенности, оно въ концѣ затмвнїя достигло 742,₅₈ миллиметровъ.

„Значительное нарушение равновѣсія произошло въ температурѣ: термометръ, обращенный къ южной сторонѣ неба, въ началѣ затмѣнія показывалъ 5 градусовъ; при увеличеніи затмѣнія, онъ упалъ до 3 градусовъ, что составляло его minimum, соответствующій максимуму затмѣнія; въ моментъ послѣдняго привосновенія онъ показывалъ 9 градусовъ.

„Влажность воздуха уменьшалась постепенно и правильно отъ начала затмѣнія до его конца.

„Вѣтеръ былъ постоянно сѣверо-сѣверо-восточный; онъ дулъ сильно до 1 ч. 20 м.; затѣмъ во время наибольшаго затмѣнія онъ ослабѣлъ; снова затѣмъ усиливался до 2 ч., а съ этого момента до конца затмѣнія постепенно ослабѣвалъ.

„Магнитное склоненіе уменьшалось съ начала затмѣнія до момента наибольшаго его фазиса; затѣмъ, постепенно возрастаая, оно достигло наибольшей величины въ концу затмѣнія.

„Слѣдя притомъ, на сколько это было возможно, за явленіемъ въ различныхъ сопровождающихъ его обстоятельствахъ, при помощи подзорной трубы, имѣющей 1,20 метра длины и 8 сантиметро въ отверстіи, мы получили слѣдующіе результаты:

„Такъ какъ въ 0 ч. 43 м. солнце показалось на нѣсколько мгновений, то представилась возможность наблюдать пятно, которое находилось ближе всего къ точкѣ перваго закрытія, но вдругъ налетѣвшее облако помѣшало видѣть это закрытіе.

„Въ 1 ч. 57 м., то-есть, около 23 минутъ послѣ наибольшаго затмѣнія, облака разрѣдились, и явились два очень большія пятна, составлявшія группу вмѣстѣ съ другими, меньшими; и такъ какъ солнце послѣ того мало по малу стало открываться, то спустя около четверти часа послѣ того, можно было замѣтить два другія пятна, очень маленькія въ сравненіи съ первыми; наблюденіе надъ ними сдѣлано лишь нѣсколько минутъ спустя послѣ ихъ новаго появленія.

„До окончанія затмѣнія были наблюдаемы также шесть другихъ маленькихъ пятенъ, изъ коихъ четыре составляли двѣ отдѣльныя группы, а изъ остальныхъ двухъ одно находилось въ значительномъ разстояніи отъ другаго.

„Въ наблюденіяхъ намъ оказали важную помощь профессоры Де-Экверъ и Марки, а также гг. Мессери и Улиссъ Марки и нѣсколько студентовъ училища *Leon Battista Alberti*“.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Императорская Академія Наукъ. Общее собраніе. Засѣданіе 6-го ноября 1870 года. Обсуждался вопросъ объ изданіи записокъ покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа, при чемъ читано было слѣдующее донесеніе комиссіи, назначенной для предварительнаго разсмотрѣнія этого дѣла:

„Общее собраніе Академіи, въ засѣданіи 10-го января 1869 г., по выслушаніи отношенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 25-го декабря 1868 года, при которомъ былъ доставленъ въ Академію запечатанный печатью департамента народнаго просвѣщенія сундукъ, съ завѣщанными Академіи бумагами покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа, поручило особой комиссіи изъ академикозъ Устрялова, Броссе, Веселовскаго, Пекарскаго и Бычкова вскрыть этотъ сундукъ въ присутствіи депутата отъ департамента, и по осмотрѣ содержащихся въ немъ бумагъ, представить конференціи соображенія о способѣ изданія ихъ, согласно волѣ завѣщателя.

„Означенный сундукъ былъ вскрытъ въ засѣданіи комиссіи 16-го января 1869 года, въ присутствіи командированнаго департаментомъ народнаго просвѣщенія дѣлопроизводителя V класса, статскаго совѣтника Брадке. Въ сундукѣ оказались собственноручныя записки покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа, въ пяти частяхъ, съ особыми къ каждой части приложеніями, подробно исчисленными въ описяхъ, находящихся при каждой части. По повѣркѣ этихъ приложеній по описямъ, часть ихъ, и притомъ наименьшая, найдена при самихъ запискахъ; остальная же часть была, по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, оставлена въ департаментѣ для снятія копій. Эти недостававшія приложенія были въ послѣдствіи присланы въ Академію, при отношеніи г. министра отъ 10-го мая 1869 года.

„Затѣмъ члены комиссіи приступили къ разсмотрѣнію завѣщанныхъ покойнымъ архипастыремъ рукописей и нашли слѣдующее:

„Первая часть записокъ, въ одномъ экземплярѣ, писанномъ рукою автора, составлена въ октябрѣ 1850 года и содержитъ въ себѣ 86 страницъ. При ней находятся семь номеровъ приложеній, когорые всѣ, за исключеніемъ № 7-го, писаны вчерня или набѣло самимъ митрополитомъ.

„Часть вторая, равно какъ и послѣдующія, находится въ двухъ экземплярахъ слѣд., отд. 2.

плярахъ: черновомъ, писанномъ самимъ авторомъ, и другомъ, перебѣленномъ писарскою рукою. Эта часть, писанная въ мартѣ 1861 года, содержитъ въ себѣ 96 страницъ. При ней 91 нумеръ приложений, изъ которыхъ большая часть писана также вчернѣ или набѣло самимъ авторомъ.

„Третья часть писана въ апрѣлѣ 1861 года и содержитъ въ себѣ 95 страницъ. При ней 67 нумеровъ приложений, точно также отчасти писанныхъ рукою самого архипастыря.

„Въ четвертой части, писанной въ октябрѣ 1861 года, содержится 88 страницъ. При ней 109 нумеровъ приложений.

„Наконецъ, пятая часть, писанная въ ноябрѣ 1861 года, заключаетъ въ себѣ 86 страницъ, и при ней 113 нумеровъ приложений.

„Кромѣ того, при запискахъ находятся три переплетенные тома, заключающіе въ себѣ выписки изъ протоколовъ Литовской консисторіи о важнѣйшихъ распоряженіяхъ высокопреосвященнаго Іосифа съ 1833 по 1860 годъ.

„По содержанию своему, записки преимущественно, и даже, можно сказать, почти исключительно, посвящены униатскимъ дѣламъ и главнѣйше — великому дѣлу преемственнаго царствованія, воссоединенію униатовъ съ православною церковью въ 1839 году. По важности этого событія и по тому участию, которое имѣлъ въ немъ покойный архипастырь, его записки представляютъ несомнѣнно высокій историческій интересъ. Онѣ, во всемъ своемъ объемѣ, не составляютъ связнаго и объективнаго разказа, а преимущественно назначены къ тому, чтобы рядомъ подлинныхъ документовъ выставить въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельность главнаго двигателя въ униатскомъ вопросѣ, самого автора записокъ. Митрополитъ Іосифъ, задумавъ вести свои записки, намѣревался составить болѣе подробный разказъ, и въ этомъ видѣ написана имъ въ 1850 году первая часть записокъ, доведенная до 1828 года. Остальные четыре части, написанныя въ 1861 году, когда ослабѣвшія физическія силы сдѣлали для автора письменныя занятія затруднительными, уже теряютъ характеръ повѣствованія и представляются болѣе перечнемъ бумагъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что главное значеніе этихъ записокъ, начиная съ 1828 года, по сознанию автора, имѣютъ не самыя записки, а приложения къ нимъ, то-есть, собранные покойнымъ митрополитомъ документы, относящіеся къ его іерархическому служенію и по большей части составляющіе официальные акты. Не смотря на то, что фактическая сторона униатскаго дѣла почти вся сосредоточена въ этихъ приложенияхъ, высокій интересъ представляютъ для историка самыя записки по разсѣяннымъ въ нихъ замѣчаніямъ автора о тѣхъ или другихъ событіяхъ, о тѣхъ или другихъ лицахъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣловыя сношенія. Предназначая свои записки для того, чтобы онѣ были изданы уже послѣ его смерти, авторъ высказываетъ въ нихъ о разныхъ дѣтеляхъ, имѣвшихъ большее или меньшее вліяніе на ходъ униатскаго дѣла, свои личныя мнѣнія, и притомъ съ такою искренностью и откровенностью, съ какими обыкновенно говорятся въ печати лишь о лицахъ, давно окончившихъ жизненное поприще. Эти мнѣнія, совершенно независимо отъ того, справедливы ли они или нѣтъ съ объективной точки зрѣнія, и будутъ ли они оправданы исторіей, имѣютъ для исторической оцѣнки личности автора весьма важное значеніе именно въ томъ отношеніи, что они объясняютъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на тѣхъ или дру-

гихъ дѣятелей, и какого содѣйствія ожидалъ отъ нихъ въ своихъ предпріятіяхъ. По весьма естественному побужденію, желая, чтобы его участіе въ дѣлѣ, которому онъ посвящалъ всю жизнь свою, было правильно оцѣнено судомъ потомства, митрополитъ Іосифъ завѣщалъ Академіи издать его бумаги и записки, конечно, въ увѣренности, что Академія, дорожа справедливостью и историческимъ безпристрастіемъ, напечатаетъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ оставлены авторомъ.

„По разсмотрѣніи этихъ записокъ, коммиссія полагаетъ, что воля завѣщателя должна быть исполнена Академіей въ точности, и слѣдовательно, записки его, со всѣми приложеніями, должны быть изданы въ свѣтъ въ полномъ видѣ, безъ сокращеній и измѣненій. Академія не оправдала бы сдѣланнаго ей довѣрія и нарушила бы волю завѣщателя, если бы, при изданіи записокъ митрополита Іосифа, допустила какіе-либо пережѣвы или пропуски. Затѣмъ представляется лишь вопросъ о томъ, можетъ ли такое наданіе быть сдѣлано нынѣ, или же, въ случаѣ невозможности, должно быть отложено до того времени, когда болѣе не будетъ препятствій къ подобному изданію.

„Для обсужденія этого вопроса, необходимо, по мнѣнію коммиссіи, принять въ соображеніе слѣдующія два обстоятельства:

„1) Большая часть приложеній къ запискамъ, равно какъ и три принадлежащихъ къ нимъ тома выписокъ изъ протоколовъ Литовской консисторіи, суть официальные акты. Такъ какъ они относятся до управленія духовнаго вѣдомства и къ весьма недавнему времени, то Академія въ настоящее время затруднилась бы напечатать ихъ безъ разрѣшенія означеннаго вѣдомства.

„2) Въ запискахъ митрополита Іосифа, какъ сказано выше, встрѣчаются откровенныя сужденія о разныхъ лицахъ, отчасти еще находящихся въ живыхъ, отчасти лишь весьма недавно сошедшихъ въ могилу. По мнѣнію коммиссіи, это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ изданію записокъ: Академія черезъ печатаніе этихъ сужденій нисколько не явится съ ними солидарною, такъ какъ эти сужденія, выраженные, впрочемъ, тономъ спокойнымъ и умѣреннымъ, имѣютъ лишь значеніе личныхъ мнѣній автора“.

Затѣмъ читаны сдѣланныя коммиссіей выписки изъ записокъ митрополита Іосифа, содержащія въ себѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію коммиссіи, нельзя не имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о томъ, могутъ ли эти записки быть изданы въ настоящее время.

По выслушаніи этого донесенія и сказанныхъ выписокъ, общее собраніе, принявъ въ соображеніе, съ одной стороны, что записки высокопреосвященнаго Іосифа должны быть изданы вполне, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій, а съ другой—что онѣ, по содержанию своему, таковы, что въ настоящее время не могутъ быть изданы въ полномъ видѣ, положило: отложить обнародованіе ихъ до того времени, когда, по прошествіи достаточнаго числа лѣтъ послѣ описываемыхъ въ нихъ событій, уже не будетъ препятствій къ ихъ напечатанію; самія же записки, со всѣми къ нимъ приложеніями, хранить до того времени въ архивѣ конференціи.

Физико-математическое отдѣленіе. Засѣданія 29-го сентября, 13-го и 17-го октября 1870 года. Академикъ Б. С. Якоби прочелъ записку объ алкометрахъ съ прибавочными тяжестями.

Академикъ К. И. Максимовичъ сообщилъ продолженіе своихъ краткихъ діагнозовъ новыхъ японскихъ и манджурскихъ растений.

Почетный членъ А. Θ. Миддендорфъ сообщилъ нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ имъ лѣтомъ нынѣшняго года, во время плаванія въ свѣтъ Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексѣя Александровича, въ Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, надъ замѣчаемымъ тамъ теплымъ морскимъ теченіемъ, составляющимъ продолженіе гольфстрема.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ представилъ и предложилъ Академіи записку д-ра Александра Врандта о медузахъ юрской формациі Дрезденскаго геологическаго музея и записку И. И. Мечникова объ исторіи развитія нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ.

Членъ-корреспондентъ Академіи, профессоръ Груберъ представилъ двѣ записки, изъ которыхъ въ одной, въ видѣ продолженія записки, читанной въ засѣданіи 15-го сентября, сообщилъ обзоръ всѣхъ обнаруженныхъ случаевъ полидактиліи рукъ и ногъ и описалъ два новые случая двойственности большаго пальца, а въ другой — изложилъ, въ дополненіе къ прежнимъ своимъ трудамъ по остеологіи руки и ноги, нѣсколько новыхъ наблюденій.

Академикъ Г. И. Вальдъ представилъ записку г. Фритше, директора Пекинской обсерваторіи, о температурѣ земли въ Пекинѣ. Въ ней сообщены ежедневныя наблюденія, произведенныя въ Пекинѣ въ теченіе года надъ температурою почвы на шести различныхъ глубинахъ, черезъ каждые полъ-метра, по способу Бишора, а также вычисленныя по формулѣ Бесселя величины, изображающія собою годичный ходъ температуры почвы въ Пекинѣ. Изъ сравненія полученныхъ такимъ образомъ данныхъ съ выводами изъ наблюденій, произведенныхъ въ другихъ мѣстахъ, оказывается удовлетворительный выводъ. Трудъ г. Фритше, не смотря на то, что онъ основывается на наблюденіяхъ лишь одного года, имѣетъ цѣну ужъ и потому, что изъ тѣхъ странъ мы доселѣ еще не имѣли постоянныхъ геотермическихъ наблюденій. Интересъ, представляемый подобными наблюденіями, въ послѣднее время возросъ вслѣдствіе новѣйшихъ теоретическихъ изслѣдованій, которыми было доказано, что такія наблюденія составляютъ вѣрнѣйшее средство для опредѣленія дѣйствительнаго поглощенія солнечной теплоты атмосферою. Какъ общій, такъ и этотъ частный инте-

ресъ побудили г. Вильда заняться устройствомъ тавихъ же наблюдений и въ здѣшной главной обсерваторіи, хотя напередъ можно опасаться, что присутствіе въ почвѣ воды можетъ послужить препятствіемъ успѣху ихъ здѣсь. При этомъ г. Вильдъ заявилъ, что необходимыя приготовительныя изслѣдованія, относящіяся до' испытанія придуманной имъ новой методы упомянутыхъ наблюдений, нынѣ ужь окончены, и въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій будетъ представлена Отдѣленію записка по этому предмету одного изъ сотрудниковъ г. Вильда.

Академикъ Г. И. Вильдъ сообщилъ, что, по его порученію, г. Кларверъ составилъ указатель всѣхъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюдений и работъ, исполненныхъ въ Россіи или напечатанныхъ въ сочиненіяхъ, изданныхъ въ Россіи. Основаніемъ этой работы послужили не только всѣ имѣющіяся въ библіотекѣ и архивѣ обсерваторіи изданія, но также и многочисленныя цитаты, находящіяся въ сочиненіи академика Веселовскаго: „О климатѣ Россіи“. Этотъ каталогъ содержитъ въ себѣ 320 мѣстъ, гдѣ производились наблюденія. Такъ какъ онъ для многихъ можетъ представлять особый интересъ, то г. Вильдъ предложилъ напечатать его въ „Метеорологическомъ Сборникѣ“, и кромѣ того, въ видахъ пополненія могущихъ оказаться въ немъ пропусковъ, разослать его по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, для чего слѣдуетъ 100 особыхъ оттисковъ. — Одобрено.

Отставной капитанъ-лейтенантъ Н. П. Харламовъ представилъ на судъ Академіи записку „о законахъ гидростатики и гидростатическомъ рычагѣ“. Эта записка будетъ рассмотрѣна академикомъ О. И. Сомовымъ.

Академикъ О. В. Струве представилъ оконченную печатаніемъ записку г. Деллена „о прохожденіяхъ Венеры черезъ дискъ солнца“, въ которой подробно изложенъ взглядъ на этотъ предметъ комиссіи, учрежденной для приготовленій къ наблюденію этого явленія.

Тотъ же академикъ сообщилъ Отдѣленію нѣкоторыя подробности о веденныхъ имъ, по порученію Отдѣленія, переговорахъ съ англійскими учеными относительно установленія обмѣна фотографическихъ снимковъ солнца между Виленскою и Кьюскою обсерваторіями. При этомъ г. Струве, по желанію директора Виленской обсерваторіи, г. Смылова, представилъ Академіи нѣсколько фотографическихъ снимковъ солнца, снятыхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Вильнѣ; они свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время Виленскою обсерваторіей.

Тотъ же академикъ сообщилъ, въ нѣсколькихъ словахъ, о замѣ-

чательномъ явленіи сѣвернаго сіянія, видѣнномъ въ Пулковѣ вечеромъ 12-го октября, сквозь густыя облака, при туманной и дождливой погодѣ.

Академикъ В. С. Якоби читалъ записку о примѣненіи вспомога-тельныхъ или поляризаціонныхъ батарей къ электромагнитнымъ дви-гателямъ.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ представилъ и предложилъ напе-чатать въ *Бюллетень* Академіи записку г. Тарханова о явленіяхъ суммованія при раздраженіи чувствительныхъ нервовъ лягушки.

Тотъ же академикъ, рассмотрѣвъ, по порученію Отдѣленія, за-писку г. Стурта о микроскопѣ Бетли, предложилъ помѣстить ее въ *Бюллетень*.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ оконченный печатаніемъ томъ „Лѣтописей главной физической обсерваторіи“, содержащій въ себѣ наблюденія, сдѣланныя въ Россіи въ 1866 году.

Н. Н. Миклухо-Маклай, при письмѣ отъ 24-го октября, предста-вилъ свое сочиненіе, напечатанное въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Bei-träge zur ergleichenden Neurologie der Wirbelthiere: I. Das Gehirn der Selachier; II. Das Mittelgehirn der Ganoiden und Teleostier (Leipzig, bei Engelmann, 1870), и просилъ о внесеніи его въ число трудовъ, назначен-ныхъ на соисканіе преміи Бэра въ 1873 году. Къ печатному экземпляру книги авторъ приложилъ атласъ оригинальныхъ рисунковъ и фотографій, которыя, по значительности ихъ числа, не могли быть изданы при его сочиненіи. При этомъ г. Миклухо-Маклай объяснилъ, что этотъ атласъ можетъ быть принятъ въ соображеніе при обсужденіи его труда, такъ какъ въ немъ содержатся матеріалы, собранные для представленнаго труда въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ весьма разнообразныхъ мѣстностяхъ: въ Атлантическомъ океанѣ, на Канарскихъ островахъ, въ Средизем-номъ морѣ, въ Италіи и Сициліи, въ рѣкахъ Донѣ и Волгѣ. Оригиналы препаратовъ здѣсь изображенныхъ подарены авторомъ Іенскому уни-верситету. Самый атласъ представленъ авторомъ въ Академію на хра-неніе, а въ случаѣ невозвращенія автора изъ предпринимаемаго имъ путешествія атласъ поступитъ въ собственность бібліотеки при зооло-гическомъ музеѣ Академіи. Въ своемъ сочиненіи г. Миклухо-Маклай имѣлъ цѣлью прослѣдить гомологію частей мозга у разныхъ отрядовъ рыбъ, сравнительно съ другими позвоночными. Доказательствомъ изло-женныхъ имъ положеній служатъ факты эмбриологическіе и сравни-тельно-анатомическіе, поддержанные изслѣдованіями обширнаго мате-ріала, собраннаго авторомъ во время его путешествій.

Записку 10-го ноября. Академикъ Г. И. Вильдъ прочелъ записку о снарядѣ, замѣняющемъ ртутный барометръ въ путешествіяхъ и на труднодоступныхъ станціяхъ.

Академикъ О. И. Сомовъ представилъ записку приватъ-доцента здѣшняго университета Золотарева объ одной формулѣ Ліувилля, при чемъ пояснилъ, что Ліувилль, въ одномъ письмѣ къ Лебегу, даетъ, безъ доказательствъ, замѣчательную формулу, которая можетъ имѣть интересныя приложенія въ теоріи чиселъ; но онъ довольствуется по-вѣркой ея надъ частными случаями. Г. Золотаревъ даетъ доказательство этой формулы, которое онъ выводитъ изъ свойствъ эллиптическихъ функцій.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ представилъ записку члена-корреспондента Академіи, профессора В. Грубера, подъ заглавіемъ: *Neue Fälle des Vorkommens eines neunten, den Processus Styloideus des Metacarpale III substituierenden Handwurzelknöchelchen beim Menschen.*

Всѣ эти статьи будутъ напечатаны въ изданіяхъ Академіи.

Академикъ Б. С. Якоби представилъ напечатанную въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* (1870 г., №№ 30-й и 32-й) статью г. Лачинова „объ освѣщеніи полостей человѣческаго тѣла посредствомъ электричества“, при чемъ пояснилъ, что авторъ этой статьи подвергъ критическому разбору приборы, изобрѣтенные для означенной цѣли, указалъ на ихъ несостоятельность и предложилъ употреблять для освѣщенія внутреннихъ полостей человѣческаго тѣла сильный свѣтъ гальванической свѣтовой дуги, образуемой острыми двумя углей. Возвышеніе температуры, которымъ сопровождается образованіе дуги, онъ устраняетъ тѣмъ, что электроды заключены въ трубкѣ, наполненной перегнанною водою; нагреваніе же этой жидкости устраняется вслѣдствіе удобоприспособленной циркуляціи сей послѣдней. Предложенный авторомъ приборъ заслуживаетъ вниманія, особенно со стороны врачебныхъ заведеній, въ которыхъ устройство и содержаніе батарей, достаточно сильной для образованія вольтовой дуги, встрѣтять меньше затрудненій, чѣмъ въ частной врачебной практикѣ.

Членъ-корреспондентъ Академіи А. Поповъ представилъ записку „объ интегрированіи уравненій съ помощью Діофантова анализа“. — Вице-президентъ академикъ В. Я. Буныковский принялъ на себя трудъ рассмотреть эту записку.

Директоръ Виленской астрономической обсерваторіи представилъ результаты метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ на обсер-

ваторіи въ 1867, 1868 и 1869 годахъ, съ объяснительною къ нимъ запискою.

Академикъ Максимовичъ сообщилъ, что директоръ Уманскаго училища садоводства, занимающійся нынѣ приготовленіемъ третьяго изданія своего сочиненія о народныхъ русскихъ названіяхъ растений, по значительно расширенному плану, обратился къ нему, г. Максимовичу, съ просьбою доставить ему на время хранящійся въ ботаническомъ музеѣ Академіи рукописный сводъ народныхъ русскихъ названій, которыми онъ желаетъ пользоваться при новомъ изданіи своего сочиненія. Къ сему г. Максимовичъ присовокупилъ, что онъ, съ своей стороны, не только не находитъ препятствія къ исполненію означенной просьбы, но и полагаетъ, что должно радоваться столь удобному случаю опубликованія и критической обработки огромнаго матеріала, представляемаго упомянутымъ сводомъ. Въ случаѣ согласія Отдѣленія на просьбу г. Анненкова, г. Максимовичъ предложилъ обязать г. Анненкова представить росписку въ полученіи сказанной рукописи, съ обозначеніемъ срока, къ которому онъ намѣренъ возвратить ее въ Академію. — Это предложеніе Отдѣленіемъ одобрено.

Историко-Филологическое Отдѣленіе. Засѣданія 20-го октября и 3-го ноября. Докторъ Эйтингъ, бібліотекаръ университетской бібліотеки въ Тюбингенѣ, письмомъ отъ 22-го октября, предлагаетъ доставить Академіи, для помѣщенія въ ея *Мемуарахъ*, записку о финикійскихъ надписяхъ на камняхъ. Предметомъ ея служить нѣкоторое число Карфагенскихъ и Сардинскихъ надписей на камняхъ, изъ коихъ нѣкоторыя вновь изслѣдованы или точнѣ воспроизведены, другія же, находящіяся во владѣніи г. Эйтинга или предоставленныя ему другими лицами, будутъ въ этой запискѣ изданы въ первый разъ. Объемъ записки будетъ отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ. На письмѣ г. Эйтинга находится приписка члена-корреспондента Академіи, профессора Рота, который рекомендуетъ означенный трудъ вниманію Отдѣленія. Положено просить г. Эйтинга о доставленіи его записки.

Академикъ Б. А. Дорнъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ получилъ отъ предсѣдателя Императорской археологической комиссіи, генераль-адъютанта графа С. Г. Строганова, для азіятскаго музея Академіи, древній надгробный камень съ еврейскою надписью, найденный въ 1869 году на Таманскомъ полуостровѣ, близъ станціи Сѣнной, на городищѣ, принимаемомъ за остатки древней Фанагоріи. Положено изъяснить графу С. Г. Строганову признательность Академіи за это обогащеніе азіятскаго музея.

Академикъ В. А. Дорнъ представилъ и прочелъ двѣ записки, назначенныя для *Бюллетеня*: одну — подъ заглавіемъ „Выписки изъ двухъ восточныхъ писателей, относящихся до Каспійскаго моря и прилежащихъ къ нему странъ“, и другую — имѣющую своимъ предметомъ восточныя названія судовъ на Каспійскомъ морѣ.

Академикъ А. К. Нѣуъ представилъ обработанное имъ пятое изданіе трагедіи Софокла „Эдипъ въ Колонѣ“, входящей въ составъ собранія греческихъ и римскихъ классиковъ, издаваемого Гауптомъ и Зауппе.

Академикъ Нѣуъ представилъ, отъ имени г. Кубарева, экземпляръ изданнаго имъ разсужденія о Саллюстіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ, находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтиліана (М., 1871).

Непрежнннй секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочиненіе Ф. И. Видемана „Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ“. (Приложеніе къ т. XIII *Записокъ Академіи*).

Германское общество ориенталистовъ, письмомъ отъ 31-го октября, благодаритъ Академію за вниманіе, оказанное ему по случаю празднованія имъ 25-лѣтняго юбилея его существованія — присылкою поздравительнаго адреса и депутата на это торжество.

Докторъ Лоренцъ Штейнъ, при письмѣ изъ Вѣны отъ 20-го октября, доставилъ экземпляръ своего сочиненія: „Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrecht“. (Stuttgart, 1870).

ФРИДРИХЪ-ЦЕЗАРЬ ЛАГАРПЪ, ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. ¹⁾

III.

Убѣгая отъ печальной дѣйствительности, окружавшей его въ отечествѣ, Лагарпъ стремился своими мечтами въ страну свободы, Америку. Но судьба распорядилась имъ иначе. Въ то время, когда Лагарпъ предавался раздумью о томъ, что предстоитъ ему въ будущемъ, къ нему обратился молодой русскій офицеръ съ просьбою сопутствовать ему въ Италію. Это было въ началѣ 1782 года. Лагарпъ охотно принялъ предложеніе, совпадавшее съ его давнимъ желаніемъ посѣтить Италію. На Лагарпа указалъ русскому путешественнику, чрезъ посредство третьяго лица, извѣстный писатель и дипломатъ Гриммъ, бывшій въ постоянной перепискѣ съ Екатериною II. Юноша, обратившійся къ Лагарпу, былъ братъ генерала Александра Дмитриевича Ланскаго, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ Екатерины II. Обязанности, возложенныя на Лагарпа въ отношеніи къ юному спутнику, были довольно сложныя: подобно ментору надо было подѣйствовать на сердце Телемака и стараться заглушить въ немъ страсть, которую почему-то признавали гибельною. Лагарпъ выполнилъ свою задачу ловко и блистательно. Генералъ Ланской заявилъ, что онъ въ восторгѣ отъ благотворнаго вліянія Лагарпа на вѣреннаго его работамъ брата, и приглашалъ Лагарпа въ Петербургъ. Сама императрица въ письмѣ къ Гримму такъ выражалась о Лагарпѣ касательно возложеннаго на него порученія: „Умъ и здравый смыслъ Лагарпа до того очаровали присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо повелъ дѣло, что оно приняло именно тотъ оборотъ, котораго

---

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за текущій годъ.

мы желали, и онъ заслужилъ признательность обѣихъ сторонъ. По-этому я желаю, чтобы Лагарпъ сопровождалъ своего спутника до Петербурга, гдѣ безъ сомнѣнія получить приличное назначеніе“. Сообщивъ Лагарпу отзывъ о немъ государыни, Гриммъ продолжаетъ:

„Желая избавить молодаго человѣка отъ всякой заботы о судьбѣ его избранницы, государыня простерла свое великодушіе до того, что предоставила въ мое распоряженіе значительную сумму въ пользу молодой особы, чтобы она, если не захочетъ воротиться къ отцу, могла жить честно и безбѣдно. Я полагаю, что разсудокъ одержитъ у нея верхъ надъ страстью и что утѣшитель уже найденъ. Но я умоляю васъ ничего не говорить объ этомъ ея юному другу во избѣжаніе не-сносныхъ для меня сплетенъ; притомъ онъ можетъ подумать, что мы обманываемъ его, выдумывая всѣ эти вещи. Ему достаточно знать, что у нея есть чѣмъ жить, и что онъ не можетъ возобновить сношеній съ нею, не погубивши себя и ее. Онъ уже давнымъ давно не писалъ ей черезъ меня, да и едва-ли у нихъ есть возможность переписываться. Впрочемъ она призналась мнѣ, что разъ писала къ нему, вложивши письмо въ два конверта, изъ коихъ верхній былъ адресованъ въ Римъ на имя русскаго посланника. Но какъ въ Римѣ русскаго посланника нѣтъ, то письмо и не могло дойти по назначенію. Если возможно, достаньте это письмо: въ немъ, если вѣрить ей словамъ, она предлагаетъ ограничиться взаимною дружбою, отказавшись отъ страсти, несчастной для обоехъ. Но, какъ вы справедливо замѣтили, она слишкомъ хитра, и на ея слова полагаться нельзя. Надѣюсь, что при вашей помощи все пойдетъ хорошо, и вы благополучно доставите своего Телемака въ Петербургъ“³²⁾.

По поводу путешествія съ братомъ Ланскаго, Лагарпъ вступилъ въ переписку съ Гриммомъ, и въ ней шла рѣчь преимущественно о воспитаніи. Эта-то переписка, сообщенная безъ вѣдома Лагарпа Екатериной II, и послужила, по его собственнымъ словамъ, главнымъ поводомъ къ тому, что онъ вызванъ былъ въ Россію. По свидѣтельству же его лучшаго біографа, это произошло единственно вслѣдствіе блестящаго исполненія роли ментора, оказавшаго такое сильное вліяніе на влюбленнаго³³⁾.

Лагарпъ пріѣхалъ въ Россію въ началѣ 1783 года и былъ представленъ императрицѣ. Прошло довольно много времени, но Лагарпъ не получалъ никакого назначенія, и не имѣя цѣли для дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи, рѣшился было ѣхать къ одному ирландскому лорду, чтобы руководить воспитаніемъ его дѣтей. Узнавъ объ этомъ,

графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, черезъ секретаря своего, Швейцарца, пригласилъ къ себѣ Лагарпа, и говорилъ съ нимъ о предметахъ, относящихся къ воспитанію. Черезъ нѣсколько дней Ланской и Воронцовъ объявили, что императрица имѣетъ намѣреніе назначить Лагарпа въ число лицъ, опредѣляемыхъ для воспитанія великихъ князей, но безъ точнаго указанія, въ чемъ будутъ состоять его обязанности.

Всѣ надежды свои Лагарпъ возлагалъ на Александра Дмитриевича Ланскаго, знакомство съ которымъ вполнѣ оправдало отзывъ о немъ Гримма, писавшаго Лагарпу, что всѣ отдадутъ справедливость свѣтлому уму и прекрасному характеру любимаго Екатерины. Современники съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о его душевныхъ качествахъ, человеколюбии, благотворительности и т. п. Не получивъ въ юности основательнаго образованія, Ланской приобрѣлъ его въ послѣдствіи подъ личнымъ руководствомъ Екатерины, и Екатерина гордилась имъ какъ своимъ созданіемъ. Но счастье его было непродолжительное. Жестокая болѣзнь свела его въ нѣсколько дней въ могилу. Были слухи, что Потемкинъ, повидному весьма расположенный къ Ланскому, былъ не безгрѣшенъ въ его скоростижной смерти. Императрица окружала большого самымъ заботливымъ участіемъ во все время его страданій и до того была поражена его смертію, что перестала принимать пищу, слегла въ постель, желала отказаться отъ престола, умереть, словомъ, впала въ совершенное отчаяніе ³⁴).

Ударомъ, хотя и не до такой степени чувствительнымъ, была смерть Ланскаго и для Лагарпа, который лишился въ немъ единственной опоры на чужбинѣ. Дѣло свое Лагарпъ считалъ проиграннымъ, и поѣздку въ Россію — безцѣльною и неудавшеюся. Къ счастью его, какъ онъ самъ говоритъ, его поддержали и защитили отъ невзгодъ въ это тяжкое время: — письма его къ Гримму, сообщенныя Екатериной, представленный имъ мемуаръ и врожденная доброта души русскаго народа ³⁵).

Мемуаръ, представленный Лагарпомъ Салтыкову, которому ввѣренъ былъ главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей, былъ со стороны Лагарпа рѣшительнымъ шагомъ выйти изъ неизвѣстности и создать себѣ прочное положеніе. До того времени все дѣло о воспитаніи великихъ князей находилось въ переходномъ состояніи.

Лагарпу поручено было принять своихъ питомцевъ изъ женскихъ рукъ, и Екатерина желала, чтобы переходъ отъ женскаго надзора къ

мужскому совершился нечувствительно, и чтобы внуки ея какъ можно скорѣе и легче сжились и свыклись съ опредѣленными къ нимъ учителями, воспитателями и приставниками. Лагарпъ съ большимъ уваженіемъ отзывается объ особѣ, которую можно назвать до нѣкоторой степени его предшественницею, — о нянѣ великаго князя Александра Павловича, родомъ Англичанкѣ, дававшей ему уроки англійскаго языка. По отъѣздѣ изъ Россіи, Лагарпъ въ письмахъ своихъ къ великому князю освѣдомлялся о Прасковѣ Ивановнѣ (имя няни) и ея мужѣ, Иванѣ Ѳедоровичѣ. Въ примѣчаніи къ одному изъ писемъ Лагарпъ говоритъ: „Иванъ Ѳедоровичъ Гесслеръ, первый камердинеръ великаго князя, былъ человѣкъ благороднаго образа мыслей. Жена его — женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе (*une vénération*), дѣлающее честь имъ обоимъ“³⁶).

Когда Лагарпъ началъ свои занятія съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, то питомецъ не зналъ ни слова по французски, а воспитатель весьма плохо понималъ по русски и не могъ говорить по англійски. Поэтому не могло быть и рѣчи о правильныхъ урокахъ, и прежде всего надобно было изобрѣсти средство для взаимнаго пониманія. Къ счастью, Лагарпъ умѣлъ рисовать. Обыкновенно онъ рисовалъ какой-нибудь предметъ, великій князь писалъ подъ рисункомъ названіе предмета, а Лагарпъ подписывалъ это названіе по французски. Мало по малу дѣло пошло на ладъ, посѣщенія Лагарпа становились все чаще и чаще, и вмѣсто прежняго утомленія и неохоты, вызвали въ великомъ князѣ желаніе продолжать занятія съ наставникомъ, сумѣвшимъ его заинтересовать. Сперва онъ читалъ съ Лагарпомъ по французски одинъ разъ въ недѣлю, потомъ охотно согласился заниматься съ нимъ каждый день, а потомъ и два раза въ день, и т. п.³⁷).

Когда утвержденъ былъ составъ лицъ, окружавшихъ великихъ князей, на долю Лагарпа выпало состоять при великихъ князьяхъ въ качествѣ „кавалера“, то-есть, нѣчто въ родѣ камергера или камеръ-юнкера. Но должность эта нисколько не согласовалась ни съ привычками, ни съ намѣреніями Лагарпа. Вслѣдствіе этого онъ представилъ обширный мемуаръ, въ которомъ высказалъ свое настоящее призваніе — быть наставникомъ, и изложилъ подробно и обстоятельно, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ, по его мнѣнію, преподавать великимъ князьямъ³⁸).

Мемуаръ Лагарпа, будучи педагогическою исповѣдью автора, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ отвѣтомъ на требованія, выставленныя въ инструкціи Екатерины о воспитаніи ея внуковъ. 13-го марта 1784 года дана была знаменитая инструкція, а 10-го іюня того же года представленъ мемуаръ Лагарпа. Оба памятника находятся между собою въ тѣсной связи, которую нельзя оставить безъ вниманія ³⁹).

Инструкція Екатерины II состоитъ изъ семи наставленій, касательно: 1) здоровья и его сохраненія, 2) умонаклоненія къ добру, 3) добродѣтели, 4) учтивости, 5) поведенія, 6) знанія и 7) обхожденія приставниковъ съ воспитанниками. Уже изъ этого перечисленія со держанія видно, что знанію отмежевано сравнительно весьма небольшое мѣсто. Рамки знаній сужены до послѣдней степени такимъ опредѣленіемъ его задачи: знаніе должно служить единственно средствомъ для познанія природныхъ особенностей учащихся, для приученія ихъ къ труду и отвращенія отъ праздности. Но такой взглядъ отнюдь не доказываетъ въ составительницѣ инструкціи отсутствія любознательности и умѣнья цѣнить знанія и научные труды. Онъ вытекаетъ изъ общаго склада идей того времени, относящихся къ воспитанію и входившихъ все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе въ Россіи и во всей Европѣ.

Изъ трехъ элементовъ воспитанія: физическаго, умственнаго и нравственнаго, долгое время вниманіе европейскихъ педагоговъ приковано было исключительно къ одному умственному, и выражалось въ отягощеніи памяти учащихся неудобоваримымъ матеріаломъ, передаваемымъ въ схоластической формѣ. Свѣтлые умы возстали противъ такого сведенія воспитанія на тягостное и бесплодное обученіе, и ихъ воззрѣнія заключали въ себѣ рѣзкое отрвеніе прежнихъ понятій. Знаніе—говоритъ Локкъ—есть вещь самая маловажная. Сколько времени и труда пропадаетъ на то, чтобы какъ нибудь выучить дѣтей по гречески и по латыни, какъ будто бы вся сущность воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы они усвоили себѣ одинъ или два языка. По убѣжденію Монтеня, первыя идеи, сообщаемыя дѣтямъ, должны быть таковы, чтобы дѣйствовали на разумъ и нравы, развивая самосознаніе и рѣшимость хорошо жить и хорошо умереть. Изъ свободныхъ наукъ надобно начинать съ тѣхъ, которыя дѣлаютъ насъ свободными ⁴⁰).

Въ русской литературѣ временъ появленія инструкціи неоднократно выражались тѣ же мысли о превосходствѣ нравственнаго образованія передъ научнымъ. Цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ благонравіе,—говоритъ Стародумъ въ Недорослѣ;—просвѣщеніе возвышаетъ

одну добродѣтельную душу; наука въ равращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло, и т. п. ⁴¹⁾).

По своимъ личнымъ убѣжденіямъ, Екатерина давала мало вѣры важущейся учености, безмолвной передъ существенными вопросами человѣческаго ума. Екатерина проницательно отзывалась о заносчивыхъ полунайбахъ, не понимающихъ ни науки, ни жизни, и управляемыхъ въ сужденіяхъ своихъ не собственнымъ умомъ и опытомъ, а теоріями, вычитанными изъ книжекъ. Гораздо болѣе толку — говорила она — въ разговорѣ съ простыми смертными, нежели въ бесѣдахъ съ умнѣями, напичканными разнаго рода теоріями; я очень уважаю ученыхъ, но охотно предпочитаю имъ неучей. Она сказала Дидро: „Съ вашими великими принципами можно писать хорошія книжки, потому что бумага терпитъ все, безропотно повинуюсь и вашему перу и вашему воображенію; мои же дѣйствія отражаются на кожѣ человѣческой, которая гораздо воспримчивѣе и раздражительнѣе“ ⁴²⁾. Это-то сознание необходимости входить въ положеніе людей, которымъ приходится исполнять волю правительства, и заставило Екатерину, помимо всякихъ теорій, поставить въ инструкціи на первомъ планѣ знаніе людей и жизни, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнимъ, познаніе вещей какъ онѣ должны быть и какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

Многое въ инструкціи самостоятельно и имѣетъ прямое отношеніе къ Россіи и къ условіямъ русской жизни. Многое и весьма многое заимствовано изъ сочиненія Локка о воспитаніи, послужившаго источникомъ инструкціи — и въ основной мысли, и въ подробностяхъ, и въ расположеніи предметовъ. Обыкновенно то, что у Локка изложено пространно, съ различными доводами, разсужденіями и примѣрами изъ современнаго ему англійскаго быта, изъ міра древняго, изъ исторіи и обычаевъ другихъ народовъ и т. п., — въ русскомъ памятникѣ передается въ болѣе или менѣе краткомъ извлеченіи. Цѣлыя главы книги Локка сводятся въ инструкціи въ предписанія, выраженные въ нѣсколькихъ строкахъ. Такъ составлены наставленія объ учтивости, о физическомъ уходѣ за дѣтьми, и другія ⁴³⁾.

Сохранился въ рукописи, въ собраніи г. Моно, французскій переводъ инструкціи, сдѣланный Лагарпомъ, съ замѣтками и приписками. Переводъ отчасти можетъ служить поясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, выраженныхъ въ подлинникѣ не совершенно ясно. Замѣтки Лагарпа знакомятъ съ тѣмъ, на что онъ обратилъ особенное вниманіе и на сколько требованія инструкціи исполнялись на самомъ дѣлѣ. Со взгля-

домъ Лагарпа вполне совпадало то, что отъ питомцевъ требовалась безусловная покорность, а наставники должны были всячески чуждаться лести, не виѣшиваться въ игры дѣтей и не смущать ихъ веселости неумѣстными и бесполезными выговорами. Лагарпъ замѣчаетъ, что требованіе инструкціи, чтобы „никто изъ приставниковъ не раздиралъ того, что другіе шиваютъ, и не хвалилъ въ дѣтахъ и при дѣтахъ того, что другіе хулятъ, и наоборотъ“, — ежедневно нарушается, а постановленіе, чтобы приставники однажды въ недѣлю собирались у Салтыкова для обсуждения успѣковъ и поведения воспитанниковъ и во избѣжаніе разногласія и недоразумѣній, — въ дѣйствительности никогда не исполнялось⁴⁴).

Въ мемуарѣ своемъ Лагарпъ неоднократно ссылается на инструкцію Екатерины II, указывая на согласіе своей программы съ требованіями инструкціи. Предметы преподаванія обозначены въ инструкціи въ такой послѣдовательности: географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика, исторія, правоученіе, правила закона гражданскаго и т. д. На каждомъ языкѣ читать избранныя книги, которыя могутъ умножить въ дѣтахъ знаніе и просвѣщеніе, каковы: естественная исторія, математика, художества, какъ снять чертежи или дѣлать разные опыты, и т. д. По мнѣнію Лагарпа, надо начать съ географіи, потомъ немного исторіи, и къ этому прибавить рассказы изъ естественной исторіи и начальныя основанія геометріи, преимущественно практической.

Новый предметъ, вводимый Лагарпомъ, — философія. Подъ этимъ именемъ Лагарпъ понимаетъ разумное сознаніе того, что ведетъ къ истинному счастью, заключающемуся въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, и тотъ, по его мнѣнію, можетъ назваться философомъ, чей образъ дѣйствій вполне соответствуетъ его нравственнымъ убѣжденіямъ. Спрашивать, нужно ли, чтобы будущій правитель былъ философомъ, значитъ спрашивать, долженъ ли онъ сознавать свои обязанности, долженъ ли стараться исполнять ихъ, — словомъ, долженъ ли онъ быть достойнымъ гражданиномъ.

Считая греческій языкъ главнѣйшимъ, инструкція дозволяетъ прибавить въ послѣдствіи и латинскій языкъ, употребляя его при изложеніи минералогіи. Въ этомъ, и только въ этомъ, Лагарпъ расходится съ инструкціей, полагая, что латинскій языкъ составитъ излишнюю и бесполезную роскошь при воспитаніи будущаго государя, тѣмъ болѣе, что времени, удѣляемаго для занятій, весьма мало, а познаній должно быть усвоено много, и притомъ существенно полезныхъ и необходимыхъ.

Лагарпъ указываетъ сочиненія, которыя могутъ служить руководствомъ при изложеніи преподаваемыхъ предметовъ, и не ограничивается однимъ перечисленіемъ источниковъ и пособій, но вращаясь опредѣляетъ ихъ достоинства и недостатки. Такимъ образомъ, прославленную рѣчь Боссюэта о всеобщей исторіи онъ находитъ черезчуръ краснорѣчивою и не въ мѣру проникнутою идеями времени уничтоженія Нантскаго эдикта. Въ выборѣ автора, въ которому Лагарпъ питаетъ особенное довѣріе, сочувствіе и уваженіе, онъ вполне сходится съ Екатериною. Этотъ авторъ — Локкъ. „Твореніе мудраго Локка о человѣческомъ умѣ“, говоритъ Лагарпъ, — „вѣрнѣйшій путеводитель при изысканіи истины. Выявнувъ въ происхожденіи идей и ихъ постепенное развитіе, опредѣливъ причины ошибочныхъ и ложныхъ сужденій, Локкъ простираетъ свои изслѣдованія до тѣхъ предѣловъ, до какихъ достигаетъ живительный свѣтъ опыта. Глубина, сила и ясность мысли этого гениальнаго человѣка могутъ въ высшей степени благотворно дѣйствовать на молодой умъ, оставляя въ немъ живые и неизгладимые слѣды“.

Екатерина вполне одобрила мемуаръ Лагарпа. Лагарпъ просилъ дозволенія сохранить у себя подлинникъ, который былъ дорогъ ему по двумъ собственноручнымъ замѣткамъ Екатерины. Одна изъ нихъ относится къ преподаванію русской исторіи, другая лично къ Лагарпу. Авторъ мемуара говоритъ, что имѣетъ самыя ограниченныя познанія въ русской исторіи, будучи знакомъ съ нею единственно по иностраннымъ сочиненіямъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода русской исторіи, составляемой для великихъ князей. Екатерина замѣтила на это, что отнынѣ можно будетъ получать все, что пишется по русской исторіи, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Лагарпъ выражаетъ надежду, что на него возложить обязанности болѣе серіозныя, нежели простое преподаваніе французскаго языка. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, Екатерина написала: „Дѣйствительно, кто составилъ подобный мемуаръ, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ“.

Одобреніе мемуара Екатериною рѣшило судьбу его автора. Лагарпъ былъ официально признанъ наставникомъ великихъ князей съ увольненіемъ отъ должности кавалера.

Въ бумагахъ Лагарпа сохранились; хотя и не вполнѣ, уроки, читанные имъ и диктованные великимъ князьямъ.

Въ Лозанской публичной бібліотекѣ находится двѣнадцать томовъ рукописей Лагарпа, изъ которыхъ девять относятся къ исторіи пре-

имущественно римской, а остальные три заключаютъ въ себѣ извлеченія и замѣтки по военнымъ наукамъ, статистикѣ, политической экономіи и грамматикѣ. Рукописи историческаго содержанія состоятъ большею частью изъ краткихъ, хронологическихъ и номенклатурныхъ, замѣтокъ, за исключеніемъ римской исторіи, которая изложена весьма подробно ⁴⁵).

Останавливаясь съ особенною подробностью на изложеніи исторіи вообще и римской въ особенности, Лагарпъ оставался вѣренъ духу своего времени и своимъ убѣжденіямъ, сложившимся еще въ Гальденштейнѣ, а равно и тѣмъ понятіямъ, которыя онъ имѣлъ о цѣли воспитанія своего царственнаго питомца. Будущій правитель—говоритъ Лагарпъ въ своемъ мемуарѣ—не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ, и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы на столько, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ милліоновъ. А какая же наука можетъ развитъ гражданское чувство болѣе, нежели исторія? Исторію считали надежнѣйшею школою политической нравственности лучше умы въ отечествѣ Лагарпа, гдѣ изучали ее съ цѣлью практическою, и занятіямъ исторіею отдавалъ досуги свои цвѣтъ образованнаго населенія Швейцаріи, призваннаго къ общественной и государственной дѣятельности ⁴⁶).

Всякій гражданинъ, — говоритъ Лагарпъ въ мемуарѣ, — желающій приносить пользу своей странѣ своимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучать исторію. Тѣмъ болѣе обязанность эта лежитъ на будущемъ правителѣ. Но надобно быть особенно чуткимъ, руководя этимъ изученіемъ, чтобы не прокралась въ него вредная начала. Надобно постоянно помнить, что Александръ Македонскій, одаренный самыми благими и блестящими качествами, опустошилъ и наполнилъ ужасами цѣлую страну свѣта единственно потому, что желалъ подражать героямъ Гомера, подобно тому, какъ Юлій Цезарь изъ подражанія Александру Македонскому совершилъ позорное преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества. Да и въ наше время — прибавляетъ Лагарпъ — неблагоприятное чтеніе Квинта-Курція обратило одного сѣвернаго государя, одареннаго геройскими свойствами, въ тирана и палача своихъ подданныхъ. Поэтому при изложеніи исторіи Лагарпъ считалъ нужнымъ, опуская героевъ, ознаменовавшихъ свои подвиги гибелью и несчастіемъ себѣ подобныя, останавливать вни-

маніе на тѣхъ историческихъ лицахъ, которыя, родившись вдали отъ трона, блистали своимъ собственнымъ величіемъ и непреходящею славою своихъ дѣлъ, скрѣпившихъ за ними святое право на уваженіе, сочувствіе и признательность современниковъ и потомства. Говоря съ негодованіемъ, отнюдь не затаеннымъ, о римскихъ цезаряхъ, Лагарпъ называетъ истинно великими людьми Публикола, Аристеда, Катона, Гракховъ и другихъ знаменитыхъ гражданъ древняго міра.

Курсъ римской исторіи, читанный Лагарпомъ великимъ князьямъ, начинается краткимъ изложеніемъ судьбы Рима отъ его основанія до Пуническихъ войнъ вклучительно. Изъ царей упоминается о Ромулѣ, который названъ искателемъ приключеній, о Сервіи Тулліи и о Тарквиніи Гордомъ. Сообщается нѣсколько свѣдѣній о Гораціи Коклестѣ, Цинциннатѣ, Коріоланѣ, Камиллѣ, Деціи, Фабриціи и другихъ историческихъ лицахъ, изъ жизни которыхъ приводится нѣсколько общезвѣстныхъ, рисующихъ ихъ, чертъ, въ родѣ гражданской доблести и безкорыстія Фабриція, отвергшаго дары враговъ его отечества. Встрѣчается нѣсколько замѣчаній такого рода: рожденный рабомъ, Сервій Туллій доказалъ, что не происхождение, а личное достоинство, добродѣтель и таланты дѣлаютъ людей великими.

При обзорѣ послѣдующихъ событій Лагарпъ съ особенною любовью останавливается на Суллѣ и на другихъ лицахъ такого же республиканскаго закала. Марій — говоритъ Лагарпъ — былъ сынъ простаго крестьянина. Сословіе крестьянское самое неспорченное и приносящее наиболѣе пользы; изъ него вышло много великихъ людей. Никто не задаетъ себѣ труда позаботиться о его просвѣщеніи, и оно обречено на невѣжество со всѣми его грубыми и необузданными порывами. Но если столько людей, поставленныхъ въ самыя счастливыя условія по своему общественному положенію, не пользуются окружающими ихъ средствами къ образованію, то по крайней мѣрѣ отлэдимъ должное генію человѣка, который обяванъ всѣмъ единственно самому себѣ. — Быть равнодушнымъ къ просвѣщенію и наукамъ можетъ только невѣжество и тупоуміе. Презирать науку и ея представителей значить показывать себя варваромъ. Всѣ тѣ, которые разрушили храмы наукъ, истребили сокровищницы знаній и преслѣдовали ученыхъ и писателей, всѣ тѣ покрыли себя вѣчнымъ безславіемъ.

Великая душа Суллы жила подвигами Фабія, Камилла, Деція. Если онъ и желалъ быть первымъ изъ Римлянъ, то единственно въ силу своихъ заслугъ, своего служенія родинѣ и горячей любви къ ней. Онъ нисколько не похожъ на пресловутаго Юлія Цезаря, который,

стремясь къ первенству, попраля священныя преданія родины и принеся свободу ея въ жертву своему преступному властолюбію.

По поводу словъ Солона, сказанныхъ Крезу и повторенныхъ Крезомъ Киру, о непостоянствѣ счастья и невозможности гордиться имъ, Лагарпъ вступаетъ въ подобныя разсужденія: „На свѣтѣ не было бы самонадѣянныхъ гордецовъ, если бы люди чаще спрашивали себя: кто я? чтѣ я знаю? чтѣ хорошаго я сдѣлалъ? у одного ли только меня во всемъ мірѣ есть и умъ, и дарованія, и заслуги? Безразсудная гордость — порокъ, который никогда не прощается правителямъ, и можно привести цѣлый рядъ земныхъ владыкъ, жестоко наказанныхъ тѣми, кого они презирали и оскорбляли. Калигула коня своего сдѣлалъ консуломъ, а Шведскій король Карлъ XII осмѣлился угрожать сенату обѣщаньемъ прислать сапогъ свой въ качествѣ своего представителя; но кинжалъ убійцы отомстил за Римлянъ, а пуля избавила Швецію отъ ея злосчастнаго властелина. Съ другой стороны, посмотрите на Тита, на Траяна, который, вручая мечъ свой начальнику стражи, сказалъ: «Дѣйствуй имъ за меня, если буду поступать хорошо; обрати его противъ меня, если стану поступать дурно». Посмотрите на Марка Аврелія, на Юліана, который еще въ юности отказался отъ всѣхъ удовольствій и развлеченій, а достигнувъ престола, жалѣлъ о времени, отдаваемомъ сну, и въ подданныхъ своихъ видѣлъ людей себѣ подобныхъ, сознавая свою обязанность заботиться объ ихъ благосостояніи и счастья“.

Очень подробно излагается возстаніе гладіаторовъ, которое, вмѣстѣ съ примыкающими къ нему тремя эпизодами изъ швейцарской, голландской и итальянской исторіи, составляетъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ отдѣловъ курса, подобно отдѣламъ объ Августѣ и Константинѣ. Гладіаторы — замѣчаетъ Лагарпъ — рабы, осужденные служить дикою забавою цирка, потребовали съ оружіемъ въ рукахъ восстановленія своихъ человѣческихъ правъ. Римъ съ обычнымъ своимъ счастьемъ восторжествовалъ въ домашней борьбѣ, но это была побѣда злаго и неправаго дѣла. Самый инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ, заставляетъ защищаться отъ нападеній. Пчела впускаетъ свое жало въ угрожающую ей руку и муравей язвить попирающую его пята. По какому же праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и рыданій, и въ высшей степени неблагоприятно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣд-

ствіями. Исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ того, до чего можетъ довести отчаяніе. Таково возмущеніе Швейцарцевъ противъ австрійскаго дома въ четырнадцатомъ столѣтіи, возстаніе Нидерландцевъ противъ Испаніи въ шестнадцатомъ вѣкѣ и возстаніе Генуэзцевъ противъ той же Австріи въ восемнадцатомъ столѣтіи. Красно-рѣчивое описаніе трехъ кровавыхъ событій заключается обычнымъ обращеніемъ къ слушателямъ: „Изъ этихъ примѣровъ вы видите, что необузданный произволъ не ограждаетъ отъ мщенія со стороны угнетаемыхъ, какъ бы ни казались они слабыми и ничтожными. Таковы права законнаго сопротивленія, права, принадлежація всѣмъ и каждому, и напрасно тираны стараются увѣрить человѣчество, что возставать противъ ихъ гнета есть будто бы преступленіе“.

Неудержимый потокъ укоровъ, осужденій и проклятій падаетъ на Юлія Цезаря и на его преемниковъ, шедшихъ по проложенному имъ пути. Въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ противъ Цезарей Лагарпъ не шадить никого изъ представителей ненавистной ему системы, отъ Августа до Людовика XIV.

Побѣдителю въ родѣ Юлія Цезаря какой-то воръ сказалъ: „Вся разница между мною и тобою та, что я ворую одинъ и по необходимости, а ты грабишь во главѣ многихъ тысячъ, для собственнаго удовольствія, и окруженъ льстецами, восхваляющими тебя за твои грабежи“. Желать задавить вопли и жалобы тѣхъ, кого давятъ и разоряютъ — и жестоко и безразсудно. Всегда бывали и теперь есть низкіе люди, обвиняющіе покоренный неправдою народъ въ томъ, что онъ бунтуетъ и возмущается, стремясь разбить наложенныя на него оковы. Но если бы кто сильнѣй васъ похитилъ вашу собаку, а вы бы попытались возвратить ее, и васъ стали бы за это наказывать, нашли ли бы вы такой образъ дѣйствій справедливымъ? А именно такъ поступилъ съ Галлами Юлій Цезарь, и у нихъ отняли не собаку, а вещь священную — свободу, которую не найти снова, если разъ потерять ее.

Цезарь запретилъ уроженцамъ Италіи оставаться болѣе трехъ лѣтъ сряду внѣ ея предѣловъ и т. п. Запрещеніями и угрозами, расположеніемъ войскъ по окраинамъ, можно превратить страну въ обширную темницу, но желаемая цѣль все-таки не будетъ достигнута. Стѣнительныя мѣры вызываютъ народныя волненія. При затруднительности сношеній съ сосѣдними державами торговля и промышленность ослабѣваютъ и падаютъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказы-

ваетъ, что никакая человѣческая сила не въ состояніи удержать угнетенныхъ отъ стремленія добыть себѣ отнятыя насиліемъ права.

При господствѣ системы, несправедливой въ самомъ своемъ основаніи, рушатся всѣ благія предпріятія, подавляемыя общимъ состояніемъ политическаго организма. Составленіе свода законовъ — дѣло великое, и Цезарь задумалъ его. Но для полнаго успѣха дѣла необходимо основательное изученіе исторической судьбы отечества, общій философскій взглядъ и спокойное созерцаніе. Изданіе же, предпринятое на скорую руку, въ борьбѣ партій, одностороннее, какъ при Цезарѣ, не только не содѣйствуетъ благосостоянію народа, но поработаетъ народъ и приноситъ его интересы въ угоду не знающей предѣловъ власти.

Убийство, совершенное надъ Цезаремъ, Лагарпъ признаетъ дѣломъ исполнѣ справедливымъ, неизбѣжнымъ и законнымъ. Заговоръ противъ Цезаря обрекалъ на смерть хищника, развращавшаго гражданъ, безжалостно лившаго ихъ кровь, грабившаго ихъ достояніе и попиравшаго самыя священныя права и законы. Чтò станется съ правосудіемъ, съ порядкомъ и безопасностью, если умъ и сила будутъ направлены только къ тому, чтобы разрушить существующія учрежденія и нагло овладѣть кормиломъ власти? Примѣръ изъ новой исторіи нагляднѣе объяснить дѣло. Виновникъ возрожденія Англіи; знаменитый Кромвель, по силѣ своего ума и дарованій, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо выше жалкихъ Стюартовъ, разорившихъ Англію своею алчностью, расточительностью и безразсуднымъ произволомъ въ управленіи. Но не смотря на всѣ заслуги Кромвеля, потомство заклеимило его названіемъ преступника и похитителя престола. Похитители и тираны употребляли и употребляютъ всѣ средства, чтобы заставить признавать особу свою священной. Но люди съ свѣтлымъ умомъ и неиспорченнымъ сердцемъ легко убѣждаются въ томъ, что присвоившій себѣ власть силою меча долженъ отъ меча и погибнуть. Цезарь не имѣлъ никакого права завладѣть Римскою республикой, и потому не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ справедливости поразившей его кары, ни въ имени, которымъ его слѣдуетъ заклеить.

Помпей былъ великимъ полководцемъ и замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, но онъ не былъ гражданиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Истинный гражданинъ уважаетъ законы и учрежденія своей страны. Безпрекословно повинуюсь требованіямъ закона, онъ свято соблюдаетъ обязанности свои въ отношеніи къ отечеству. Чѣмъ болѣе даетъ оно выгоды, и матеріальныхъ, и нравственныхъ, тѣмъ

силнѣе права его на благодарность и привязанность. Можно простить дикарю его равнодушіе къ мачихѣ-родитѣ; но кто родился среди народа просвѣщеннаго, кому съ дѣтства доступны всѣ средства къ образованію, тотъ не въ правѣ быть равнодушнымъ къ взлелѣвавшему его отечеству. Но недостаточно любить отечество: надобно доказывать любовь на дѣлѣ. Враги этой любви — своекорыстіе и малодушіе. Берегитесь же людей своекорыстныхъ и ничтожныхъ, которые ради собственной выгоды стануть увѣрять васъ, что властители не одинаковаго происхожденія со всѣми смертными и потому свободны отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи и къ родитѣмъ и къ человѣчеству. Ложно понятая слава влечетъ за собою множество бѣдъ. Соблазнительная картина суетной славы, представленная Людовику XIV злыми совѣтниками, наполнила его безразсудною гордостью, и сдѣлала его бичемъ и ужасомъ нѣсколькихъ поколѣній. Продажное перо стихотворцевъ и литераторовъ превозносило его славу и увѣнчало его именемъ великаго. Но потомство отвергаетъ величіе въ челоуѣкѣ, приносившемъ десятки и сотни тысячъ подданныхъ въ жертву своимъ властолюбивымъ замысламъ и грабительскимъ войнамъ, изгнавшимъ изъ страны лучшую часть ея населенія и ставившемъ свой личный произволь выше всякаго закона и требованій правосудія и справедливости.

Въ противоположность Цезарю, свѣтлую сторону Римской жизни представляютъ Катонъ и Цицеронъ. Въ характеристикѣ Катона Лагарпъ останавливается на его дѣтствѣ, распространяясь о томъ, что Катонъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ и имѣлъ на него самое благотворное вліяніе. Описание взаимныхъ отношеній между братьями очевидно имѣетъ въ виду указать живой и назидательный примѣръ великимъ князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу. Лагарпъ безусловно оправдываетъ героическое самоубійство Катона. Неспособный на нравственное униженіе, не продавшій себя на службу хищнику Цезарю, Катонъ рѣшился умереть какъ жилъ, свободнымъ и безупречнымъ, и исполнилъ свое намѣреніе съ поразительнымъ хладнокровіемъ, доказывающимъ глубину его внутренняго убѣжденія и непоколебимую силу воли. Произнесите съ благоговѣніемъ — заключаетъ Лагарпъ — имя этого безсмертнаго челоуѣка, и знайте, что только приблизившись къ его добродѣтелямъ, вы явитесь достойными всеобщаго и неподдѣльнаго уваженія.

Цицеронъ, будучи не знатнаго рода, обязанъ своимъ значеніемъ единственно самому себѣ. Никто лучше его не изучилъ отечествен-

ной исторіи, законовъ и обычаевъ своего народа; никто не говорилъ и не писалъ съ большею пріятностію, силою и краснорѣчіемъ. При этомъ Лагарпъ входитъ въ психологическій разборъ писемъ Цицерона, признавая, что его творенія, исполненныя возвышенныхъ и трогательныхъ истинъ, были и вѣчно будутъ наслажденіемъ для мыслящихъ людей. Обращаясь къ своимъ питомцамъ, Лагарпъ говоритъ: „Читайте и перечитывайте произведенія Цицерона; они должны войти въ составъ вашей избранной бібліотеки: гражданину, призванному къ великой общественной дѣятельности, некогда тратить времени на чтеніе книгъ, въ которыхъ слабая доля истины затоплена дѣльнымъ моремъ многословія; но ему необходимо читать произведенія, въ которыхъ ясно и вѣрно изображаются его обязанности, какъ человѣка и какъ гражданина. Не полагаясь на измѣнчивый и лицемерный голосъ окружающихъ, правитель народа долженъ искать вѣрныхъ друзей въ твореніяхъ великихъ писателей, и въ безмолвной бесѣдѣ съ ними укрѣплять духъ и черпать познаніе жизни и людей. Истинною сокровищницею въ этомъ отношеніи можно назвать сочиненія Цицерона, одна книга котораго „Объ обязанностяхъ“, написанная въ наставленіе сыну, могла бы заслужить автору правдивую и вѣковѣчную хвалу потомства ⁴⁷⁾).

Преслѣдованія и происки Августа простирались на всѣ условія народной жизни. Онъ добивался, чтобы люди богатые, знатные и пользующіеся уваженіемъ, не избѣгали общественныхъ должностей, утратившихъ все свое значеніе подъ гнетомъ деспотизма. Но его заботливость не ослѣпила людей умныхъ и прямо смотрѣвшихъ на вещи. Помимо своей воли онъ доказалъ, что деспотъ хотя и можетъ произвольно располагать достояніемъ и жизнью подданныхъ, но не въ его власти повелѣвать ихъ мыслями. При этомъ Лагарпъ входитъ въ разсужденіе о томъ, что на мысль можно дѣйствовать только силою мысли болѣе просвѣщенной, но отнюдь не другимъ, сколько-нибудь грубымъ, орудіемъ. Предѣлъ безумныхъ желаній деспотизма есть владычество надъ мыслями подвластныхъ. Иначе думаетъ и дѣйствуетъ мудрый правитель. Онъ сознаетъ, что каковы бы ни были заблужденія и предрассудки народа, ихъ невозможно истребить насильственными мѣрами, и народъ отстаиваетъ съ несокрушимою стойкостью и упорствомъ все то, что привыкъ считать за истину. Какъ же слѣдуетъ поступать въ подобномъ случаѣ просвѣщенному правителю, проникнутому чувствомъ гражданина? Онъ долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами

и неотразимою силою насмѣшки. Онъ долженъ пересоздать общественное воспитаніе и тѣмъ приготовить новыя поколѣнія съ инымъ образомъ мыслей, свободнымъ отъ предрассудковъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Такимъ только путемъ задуманное дѣло получаетъ прочность и силу. Всякія же быстрыя, внезапныя и насильственныя мѣры бываютъ дѣйствительны только на самое короткое время, и неминуемо влекутъ за собою народное неудовольствіе, смуты, волненія, и т. п.

Въ видахъ личной своей выгоды Августъ допустилъ гибельное нововведеніе въ судопроизводство. Законами республики не дозволялось рабамъ свидѣтельствовать на судѣ противъ своихъ господъ. Августъ постановилъ, чтобы рабы подсудимыхъ продавались императору, и этимъ приобрѣлъ надежныхъ обвинителей противъ лицъ, поднавшихъ его немилости и судебному преслѣдованію. Такая мѣра развивала домашнее шпіонство и погубила много честныхъ гражданъ. По поводу нововведенія Августа, Лагарпъ знакомитъ своихъ питомцевъ съ сущностью уголовного судопроизводства, говоритъ о необходимости соединить въ немъ требованія закона, а отнюдь не прихоти судей, съ личною безопасностью гражданъ, показываетъ несостоятельность судебной корпораціи и отсутствіе въ ней нравственного права осужденія или оправданія подсудимыхъ. Порицая общепринятую тогда въ Европѣ систему уголовного суда, лишающаго обвиненнаго средствъ къ своей защитѣ, Лагарпъ указываетъ на Англію и на Американскіе Штаты, какъ на страны, гдѣ надобно искать лучшаго, достойнаго подражанія, образца уголовного судопроизводства.

Одна только черта въ жизни Августа заслужила одобреніе со стороны его строгаго судьи, именно скромность, сдержанность и простота въ домашнемъ и общественномъ быту и обстановкѣ. Повелитель могущественнѣйшей въ мірѣ монархіи не покидалъ своего прежняго, скромнаго жилища, не держалъ многочисленной прислуги, въ общественныхъ собраніяхъ помѣщался съ прочими посѣтителями и неоднократно даже являлся въ судѣ то въ качествѣ свидѣтеля, то въ качествѣ адвоката. За этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ у Лагарпа пространная выходка противъ этикета, который окружаетъ дворы, и стѣсняетъ правителя, отвлекая его отъ его существенныхъ обязанностей, расслабляя его умъ и душу, и дѣлая избранника народа недостойнымъ своего великаго призванія.

Чтобы познакомить съ характеромъ и приѣмами преподаванія Лагарпа, мы приводимъ, въ примѣчаніяхъ, два отрывка изъ его курса

въ подлинникѣ. Одинъ отрывокъ касается придворнаго этикета, съ которымъ онъ связываетъ вопросы гораздо болѣе важныя; другой — политическаго устройства обществъ и внутренняго значенія власти, ея происхожденія, правъ и обязанностей ⁴⁶⁾.

Воззрѣніе свое на этотъ предметъ Лагарпъ излагаетъ по поводу правительственной катастрофы въ Римѣ, — паденія Калигулы и возведенія на престолъ Клавдія. Защищая права народа, отвѣчавшаго въ повиновеніи злему владыкѣ и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшаго свою свободу, онъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о возстаніи крестьянъ при Діоклитіанѣ и всю отвѣтственность возлагаетъ на раздражившее народъ правительство. Но въ сужденіяхъ Лагарпа обнаруживается непоследовательность, происходящая съ одной стороны отъ его крайняго радикализма, съ другой — отъ невѣрности исторической точки зрѣнія, отъ смѣшенія различныхъ историческихъ эпохъ.

Люди „крайніе“ въ своихъ теоретическихъ революціонныхъ стремленіяхъ весьма часто при встрѣчѣ съ жизнью впадаютъ въ совершенно противоположныя крайности. Именно о Лагарпѣ замѣчаютъ, что самые ярлые революціонеры по теоріи чрезвычайно легко сживаются съ самымъ консервативнымъ порядкомъ вещей въ дѣйствительности. Увлекаясь отчасти односторонно понятіями идеями Гиббона и Вольтера и смѣшивая понятія средневѣковаго папства съ идеями первыхъ христіанъ, Лагарпъ относится враждебнымъ образомъ къ христіанству и къ общественнымъ движеніямъ, происходившимъ въ средѣ его. Непоследовательность Лагарпа очевидна. Народныя возстанія онъ постоянно называетъ явленіемъ законнымъ и оправдываетъ всѣ жестокости, совершаемыя возмущившимися массами. Упомянувъ о томъ, что Германцы звѣрски обращались съ своими плѣнниками, принося ихъ въ жертву своимъ богамъ, Лагарпъ говоритъ, что такое безчеловѣчіе вполне извинительно, ибо оно обрушивалось на похитителей лучшаго человѣческаго блага — свободы и независимости. Но какъ только идетъ рѣчь о возстаніи христіанъ противъ ихъ повелителей, подвергавшихъ ихъ неслыханнымъ мученіямъ и отнимавшихъ у нихъ свободу мысли и совѣсти, Лагарпъ измѣняетъ тонъ и обвиняетъ христіанъ въ непокорности властямъ, официально признаннымъ законами Христіане оказываются у него кругомъ виноваты, враги же ихъ всегда и всюду правы, чуть не святы.

При такихъ понятіяхъ весьма естественна ненависть Лагарпа къ Константину и живое сочувствіе къ Юліану. Царствованіе Константина часть слпн, отд. 2.

тина — говоритъ Лагарпъ — ознаменовано измѣненіемъ внутренняго устройства имперіи и введеніемъ христіанства. Основанная Константиномъ столица хотя и представляетъ выгоды по своему положенію въ центрѣ торговли и сношеній трехъ, извѣстныхъ тогда, частей свѣта, но не это соображеніе руководило основателемъ, а тщеславное желаніе дать имя свое Новому Риму. Въ числѣ мѣръ Константина были и благія, но онѣ не достигли цѣли по недобросовѣстности администраціи, по допущенному произволу органовъ правительства, по столкновенію властей гражданской и военной, поставленныхъ во враждебное отношеніе съ цѣлью имѣть больше агентовъ, обличающихъ другъ друга, наконецъ — по всеобщему недовѣрію и сильному шпионству. Государственное хозяйство и имущества, доходы, промышленность, торговля, все страдало отъ злоупотребленій своекорыстной администраціи. Тогда-то появились и размножились различные пышные титулы: свѣтлѣйшій, сіятельнѣйшій, великолѣпнѣйшій, всевеличайшій и т. п., и т. п., весь этотъ блескъ и мишура, въ которую любятъ радиться человѣческое тщеславіе. Сенаторы назывались *clarissimi*, проконсулы — *respectabiles*, консулы — *illustrissimi* и т. д., съ мелочнымъ соблюденіемъ разрядовъ и произвищъ чиновной іерархіи. Но за блестящими титулами сврывалось внутреннее ничтожество. Отъ прежняго значенія консуловъ осталась одна тѣнь и призракъ. Ежегодно консулы торжественно вступали въ свою должность, давали празднества народу и снова погружались въ прежнее бездѣйствіе и т. д. Также неблагоприятно отзывается Лагарпъ и о дѣйствіяхъ Константина и современныхъ ему событіяхъ въ сферѣ религіозной, какъ на примѣръ, объ открытіи вселенскаго собора, объ учрежденіи духовнаго суда, о развитіи монашеской жизни, и т. д.

Въ чертахъ живыхъ и сочувственныхъ Лагарпъ изображаетъ Юліана, воспитаннаго, по его словамъ, философией и несчастіями, закалившими его на всю жизнь и давшими ему вѣрный взглядъ на людей, на вещи и на обязанности челоѣка и гражданина. Лагарпъ представляетъ Юліана мудрымъ правителемъ, безпристрастнымъ и правдивымъ судьей, даровитѣйшимъ писателемъ и челоѣкомъ просвѣщеннымъ въ полномъ смыслѣ слова. Суевѣріе Юліана, ревностное соблюденіе имъ языческихъ обрядовъ, страсть къ магіи, фанатизмъ объясняются духомъ времени и обстановкою, среди которой текла его молодость и получались первыя впечатлѣнія. Главную причину нелюбви его къ христіанству Лагарпъ видитъ въ томъ, что воспитаніе Юліана было ввѣрено людямъ недобросовѣстнымъ, которые только по имени были

христіанами, а вину за преслѣдованіе христіанъ взваливаетъ на самихъ преслѣдуемыхъ, не сумѣвшихъ вытерпѣть горе до конца, какъ заповѣдано основателемъ ихъ религіи ⁴⁹).

Въ сужденіяхъ своихъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ и въ постановкѣ существенныхъ вопросовъ, касающихся политическаго устройства обществъ, Лагарпъ руководствовался Монтескьё, Локкомъ, Гиббономъ, Руссо, отчасти Бурламаки и другими писателями.

Въ характеристикѣ Августа Лагарпъ сближается съ Монтескьё, слова котораго приводитъ для рѣзкаго обозначенія противоположности между Августомъ и Силлою. Монтескьё говоритъ: Октавій, котораго льстецы прозвали Августомъ, утвердилъ порядокъ, то-есть, собственно говоря, рабство, ибо на языкѣ похитителей порядокъ значить безграничный произволъ одного лица, а возмущеніемъ зовется честное усиліе гражданъ сохранить свою свободу. Не смотря на крутыя мѣры Силлы, всѣ его дѣйствія, вся его жизнь проникнута республиканскимъ духомъ. Свирѣпный Силла, оглушаемый криками о тираніи, желѣзною рукою ведетъ Римлянъ къ свободѣ, а лукавый Августъ, убажывая Римлянъ сладкими пѣснями о свободѣ, приводитъ ихъ къ позорному рабству ⁵⁰).

Гиббонъ обвиняетъ христіанъ за ихъ внутреннія несогласія, пріенсія, по его мнѣнію, гораздо болѣе вреда христіанскому обществу, нежели всѣ преслѣдованія со стороны язычниковъ. Чтобы возсоздать образъ Константина въ возможно вѣрномъ свѣтѣ, Гиббонъ выбираетъ изъ темныхъ чертъ тѣ, которыя допускаютъ въ Константинѣ самые горячіе его приверженцы, а изъ свѣтлыхъ тѣ, въ которыхъ не отказываютъ ему самые ожесточенные его порицатели. Сочувствіе Гиббона на сторонѣ Юліана. Гиббонъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ говоритъ объ энергіи, любознательности и честномъ образѣ дѣйствій Юліана, разогнавшаго стаю шпионовъ и доносчиковъ и свято уважавшаго законы. Однажды въ цркѣ онъ освободилъ раба въ присутствіи консула; но спохватившись, что присвоилъ себѣ власть, принадлежащую другому, самъ присудилъ себя къ штрафу въ доказательство того, что онъ, подобно всѣмъ гражданамъ, подчиняется законамъ и обычаямъ республики. Гиббонъ осуждаетъ Юліана только за то, что онъ запретилъ христіанамъ быть учителями на томъ основаніи, что они не признаютъ боговъ Гомера и Демосѣена. Это запрещеніе порицаетъ и Лагарпъ, какъ единственное пятно на безукоризненной личности Юліана ⁵¹).

Во взглядѣ на происхожденіе гражданскихъ обществъ и различ-

ныхъ формъ правленія Лагарпъ какъ-бы желаетъ слить примирительную теорію Бурламаки съ строгими выводами Локка и смѣлыми догадками Руссо.

Такъ какъ общества и правительства — говоритъ Бурламаки — такъ же почти древни, какъ міръ, то въ вопросѣ о ихъ происхожденіи публицисты должны ограничиваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Одно изъ самыхъ вѣроятнѣйшихъ есть то, что тщеславіе въ соединеніи съ силой и ловкостью впервые подчинило многія семьи власти одного человѣка. По мнѣнію автора, всякая форма правленія законна, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ. Всего менѣе прочности представляетъ такъ называемое народное правленіе, ибо на толпу полагаться нельзя: въ общей массѣ есть люди съ здравымъ смысломъ и добрыми намереніями, но весьма малая доля людей дѣйствительно способныхъ руководить обществомъ, огромное же большинство — изъ руеъ вонъ плохо; ему нечего терять, а потому ему не возможно и вѣрить общую судьбу гражданъ. За неограниченную монархіей надо признать два важныя преимущества: во первыхъ, она попадаетъ отъ времени до времени въ руки достойныхъ вождей; во вторыхъ, исполнительная власть дѣйствуетъ съ болѣею скоростью, энергіей и рѣшительностью. Монархія ограниченная, не подвергаясь крайностямъ абсолютизма и республики, соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ, и потому она наиболѣе приближается къ идеалу государственнаго устройства. Первая и главнѣйшая обязанность правителя — учредить училища для народа; вторая — дать хорошіе законы. Безъ школъ нельзя достигнуть разумнаго исполненія законовъ; школы, развивая умъ и нравственное чувство, уменьшаютъ число караемыхъ закономъ, а несравненно лучше предупредить зло, нежели дойти до необходимости карать его ⁵²).

Руссо отвергаетъ образованіе человѣческихъ обществъ посредствомъ побѣды сильнаго надъ слабымъ, и вмѣсто права сильнаго допускаетъ взаимное условіе между народомъ и избранными имъ вождями. Люди богатые — говоритъ онъ — сказали другъ другу: „Вмѣсто того, чтобы тратить силы наши на междоусобную борьбу, соберемъ ихъ въ единую высшую власть, которая будетъ править нами по закону и защищать насъ отъ нашихъ общихъ враговъ“. Образъ правленія, какъ и политическая свобода, зависитъ, по мнѣнію Руссо, отъ условій внѣшнихъ, отъ климата, пространства и густоты населенія. Обширное пространство земли съ малымъ числомъ жителей благоприятно для монархій: она прививается тамъ, гдѣ щедрая почва, требуя малаго ухода,

приносить обильные плоды, и гдѣ избытокъ можетъ быть употребленъ на прихоти и роскошь правителей. Страны, въ которыхъ тяжелый трудъ вознаграждается умѣренными плодами, наиболѣе склонны къ гражданской свободѣ. Но собственно говоря, Руссо видитъ въ различныхъ политическихъ системахъ лишь печальную необходимость изъ многихъ золъ выбирать лучшее. Его идеаль — демократія, но она не достижима для человѣчества. Если бы—говоритъ онъ—существовала страна боговъ, она управлялась бы демократически, но такое совершенство не можетъ быть удѣломъ людей; имъ суждено быть жертвою роковой системы, состоящей въ томъ, что въ сущности всѣ человѣческіе законы выгодны для богачей и губельны для бѣдняковъ ⁵³).

Локкъ выводитъ идею правительства и политическаго устройства общества изъ такъ-называемаго естественнаго состоянія, когда каждому принадлежала полнѣйшая свобода дѣйствовать какъ ему угодно, совершенно независимо отъ какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства и вліянія. Хотя мы не имѣемъ—говоритъ онъ—никакого положительнаго свидѣтельства объ этомъ первобытномъ состояніи, но мы необходимо должны допустить его. Иначе намъ пришлось бы утверждать, что люди, составлявшіе войска Салманассара и Ксеркса, никогда не были дѣтьми, ибо всѣ историческія извѣстія упоминаютъ объ этихъ войнахъ, какъ о людяхъ взрослыхъ. Извѣстное число лицъ устроили, по взаимному соглашенію, общество и правительство, которому и ввѣрили свободу, принадлежавшую каждому лицу въ отдѣльности. Гдѣ всѣ и каждый отказались отъ личной исполнительной власти законовъ, тамъ и только тамъ образуется гражданское общество въ настоящемъ смыслѣ слова. Отсюда слѣдуетъ, что это названіе отнюдь не соотвѣтствуетъ монархіи неограниченной, соединяющей въ одномъ лицѣ власть исполнительную и законодательную. Правительство, выходящее въ дѣйствіяхъ своихъ изъ предѣловъ закона, вызываетъ вполне законное противодѣйствіе со стороны подвластныхъ. Они въ правѣ прибѣгать къ силѣ, чтобы сокрушить тяготящую надъ ними незаконный и необузданный произволь ⁵⁴).

Въ способѣ преподаванія Лагарпа особенно замѣчательно безусловное предпочтеніе источниковъ и сравнительная метода, строго наблюдаемая имъ съ цѣлью пріучить учащихся вникать во взаимныя отношенія предметовъ, наблюдать ихъ особенности и давать себѣ ясный отчетъ въ дѣлаемыхъ выводахъ и заключеніяхъ. Лагарпъ читалъ съ своими воспитанниками, въ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ, произведенія Гомера, Геродота, Фукидида, Демосеена, Пла-

тона, Софокла, Эсхила, Тита-Ливія, Тацита, Плинія, Цицерона, Квинтиліана. Онъ весьма часто обращался къ этимъ писателямъ, имѣя въ виду, какъ онъ самъ говоритъ, познакомить своихъ питомцевъ съ древнимъ міромъ не въ жалкихъ компиляціяхъ школьныхъ педантовъ, а въ собственныхъ твореніяхъ замѣчательныхъ умовъ, одинаково искусно владѣвшихъ какъ перомъ писателя, такъ и вѣренною имъ властью правителя и мечомъ полководца. Для ознакомленія съ духомъ среднихъ вѣковъ, съ рыцарствомъ и Крестовыми походами, Лагарпъ читалъ съ своими питомцами Жуанвила и Вильгардуена. При чтеніи позднѣйшихъ авторовъ, пользовавшихся древними источниками, какъ наприимѣръ Монтеस्कьё, читаемое сравнивалось съ соотвѣтствующими мѣстами у древнихъ писателей. Одно и то же мѣсто читалось по нѣсколькимъ переводамъ, которые тщательно сличались между собою. Главныя положенія всеобщей грамматики были излагаемы по сочиненіямъ нѣсколькихъ ученыхъ и служили матеріаломъ для выводовъ и сравнительной оцѣнки ихъ учащимися ⁵⁵).

Преподавательская дѣятельность Лагарпа подвергалась различнымъ толкамъ, впрочемъ большею частью выгоднымъ для наставника, котораго называли умнымъ, достойнымъ, благородномыслящимъ человекомъ, истиннымъ и честнымъ другомъ свободы. Даже люди, вовсе несогласные съ образомъ мыслей Лагарпа, сожалѣя о томъ, что онъ внушаетъ питомцамъ невѣрныя понятія о равенствѣ между людьми и о народномъ правленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали, что эти мысли вложены съ самыми чистыми намѣреніями ⁵⁶). Не столько идея Лагарпа сами по себѣ, сколько ихъ противоположность съ обстановкой и съ призваніемъ того, кому они передавались, вызывали недовѣріе къ принятой системѣ воспитанія. Въ превосходномъ произведеніи своемъ „Воспитаніе льва“ Крыловъ мѣтитъ на Лагарпа и его преподаваніе, котораго объемъ и характеръ нисколько не соотвѣтствовали ни призванію, ни даже лѣтамъ питомца. Подобно Лагарпу, напросившемуся на свою должность, орелъ, въ баснѣ Крылова, самъ вызвался воспитать львенка и приступилъ къ дѣлу съ наивною увѣренностью, что „годовалый львенокъ давно ужъ вышелъ изъ челеноевъ“. Вѣрный наставленіямъ своего ментора, будущій царь звѣрей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о звѣриномъ бытѣ, могъ сосчитать до иголки всѣ птичьи нужды, и общается по востшествіи на престолъ тотчасъ начать учить звѣрей вить гнѣзда. Находили, что полурусское, полуфранцузское воспитаніе съ замѣтнымъ преобладаніемъ началъ, чуждыхъ русской жизни, не могло образовать изъ юноши ни государя, ни фи-

лософа и наполняло его голову странною смѣсью философскихъ и либеральныхъ идей восемнадцатаго вѣка съ самыми строгими требованіями неограниченной власти⁵⁷⁾. Но иначе думали современники Лагарца, наиболѣе близкіе къ дѣлу, и мнѣніемъ которыхъ наиболѣе дорожилъ Лагарцъ, какъ наприимѣръ, члены „гельветическаго общества“ и Екатерина II съ ея избраннымъ кружкомъ.

Въ приговорѣ гельветическаго общества Лагарцъ видѣлъ санкцію своихъ воззрѣній и считалъ этотъ приговоръ счастливѣйшимъ событіемъ своей жизни. Это объясняется высокимъ значеніемъ, которое имѣло гельветическое общество во внутренней исторіи швейцарскаго народа. Стремленіе къ духовному и политическому общенію не покидало лучшихъ людей Швейцаріи, и изъ рода въ родъ переходили воспоминанія о первыхъ временахъ славы Швейцарскаго союза. Съ разныхъ краевъ слышались заявленія объ открытіи національнаго училища, гдѣ уроженцы разныхъ мѣстностей получали бы образованіе въ національномъ духѣ, а равно о необходимости покрыть Швейцарію сѣтью патріотическихъ кружковъ, связанныхъ между собою единствомъ цѣли—содѣйствовать всѣми силами благу общаго отечества. Многимъ грезились патріотическіе сны, какъ называли самые авторы различные проекты, планы, предположенія. Но патріотическимъ мечтамъ суждено было перейти въ дѣйствительность. Юбилей Базельскаго университета, праздновавшійся въ 1760 году, свелъ нѣсколькихъ старинныхъ друзей, живо почувствовавшихъ необходимость подобныхъ встрѣчъ и собраній. Рѣшено было собираться каждый годъ, и само собою образовалось общество, которому дано названіе „гельветическаго“. Собранія общества становились годъ отъ году многочисленнѣе. Въ числѣ членовъ и сотрудниковъ встрѣчаются имена Бернулли, Гесснера, Лафатера, Бриделя и другихъ замѣчательныхъ людей союза. Цѣль общества состояла въ томъ, чтобы хранить и развивать между согражданами любовь къ отечеству, единодушіе, нравственное достоинство и политическую свободу. Предпринято было всестороннее изученіе отечества. Повсюду собирались лѣтописи, грамоты и другіе памятники для составленія исторіи государственной жизни, законовъ, нравовъ и образованности Швейцаріи. Распространеніе хорошихъ книгъ въ народѣ считали недостаточнымъ, ибо многіе изъ крестьянъ едва умѣютъ читать и почти ни у кого изъ нихъ нѣтъ времени для чтенія. Болѣе вѣрнымъ средствомъ дѣйствовать на сознаніе народа представлялась народная пѣсня, но требовалась крайняя осторожность въ выборѣ содержанія. Героями пѣсни должны были быть не одни только лица, прославившіяся воен-

ными подвигами, но и тѣмъ изъ предковъ, мужчины и женщины, жизнь которыхъ можетъ служить образцомъ мирныхъ, общественныхъ и семейныхъ добродѣтелей. Но добродѣтели эти должны быть не ангельскаго, а человѣческаго свойства, естественныя, а не сверхъестественныя, доступныя простому и неспорченному сердцу и пониманію крестьянина. Швейцарскимъ юношамъ предлагалось вмѣсто поѣздокъ въ чужіе края предпринимать путешествія по родной землѣ, болѣе пригодныя во всѣхъ отношеніяхъ. Общество устраивало публичныя чтенія, непремѣннымъ условіемъ которыхъ полагалось тщательно избѣгать какъ оскорбительныхъ, такъ и льстивыхъ выраженій. Стремленіе къ свободѣ, одушевлявшее гельветическое общество, совпадало съ совнаніемъ святости закона. Въ собраніяхъ общества слышались такія рѣчи: чѣмъ выше и неприкосновеннѣе права закона у народа, тѣмъ народъ свободнѣе; какъ въ физическомъ организмѣ сила и крѣпость зависятъ отъ безпрепятственнаго движенія питательныхъ соковъ, такъ благосостояніе и прочность политическаго союза выжидается свободнымъ и животворящимъ дѣйствіемъ закона. По поводу историческихъ воспоминаній высказывались мнѣнія, что главныя основы гражданской свободы заключаются въ единодушіи и умѣренности: не оружіе враговъ, а роскошь и внутренніе раздоры были истинною причиною порабоженія нѣкогда свободныхъ народовъ; и т. д. ⁵⁸). Таковы были мнѣнія людей, составлявшихъ гельветическое общество, которое, по словамъ Лагарпа, было самымъ почтеннымъ и самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ обществъ, существовавшихъ когда-либо въ Швейцаріи. Одинъ изъ членовъ общества, извѣстный литераторъ Бридель прислалъ Лагарпу свой новый трудъ. Цѣня такое вниманіе, Лагарпъ въ свою очередь послалъ уважаемому автору нѣсколько отрывковъ изъ курса исторіи, читаннаго великимъ княземъ. Отрывки эти показали Бриделю до того замѣчательными, что онъ рѣшился прочесть ихъ въ ближайшемъ собраніи гельветическаго общества. Впечатлѣніе, произведенное ими, очевидный свидѣтель передаетъ слѣдующимъ образомъ: 26-го мая 1789 года въ Ольтенѣ, гдѣ на ту пору собиралось общество, происходило чтеніе въ высшей степени интересныхъ отрывковъ историческаго левцій, которыя одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ читаетъ царственнымъ юношамъ, призваннымъ играть важную роль въ Европѣ. Мужественный и энергическій тонъ, съ которымъ онъ защищаетъ священныя права человѣчества противъ необузданнаго произвола власти... Поразительные примѣры, выбираемые имъ изъ исторіи всѣхъ вѣковъ для доказательства, что рабы,

подавленные насиліемъ, рано или поздно возстаютъ отъ своего униженія и сокрушаютъ ненавистное иго... Ясныя и несомнѣнныя начала, руководящія его сужденіями, когда онъ, восходя къ первому образованію государствъ, излагаетъ происхожденіе и дальнѣйшій ходъ общественнаго договора, истинная цѣль котораго—сблизить граждавъ для ихъ общей пользы, а отнюдь не обременять ихъ цѣпями рабства... Мудрость и сила доводовъ для предохраненія питомцевъ отъ ложнаго этикета, отъ гордости, слывущей за величіе, отъ жестокихъ несправедливостей, выдаваемыхъ за славу, и въ особенности отъ лестн, вырывающей изъ души правителя всѣ добрыя начала въ самомъ ихъ корнѣ и зародышѣ... Все это вызвало единодушный восторгъ и удивленіе общества. Едва только окончилось чтеніе, дружный взрывъ похвалъ и рукоплесканій огласилъ собраніе. Провозгласивъ заздравный привѣтъ благородному Швейцарцу, который и у ступеней трона не отрывается отъ своихъ республиканскихъ убѣжденій, президентъ отъ имени всего общества поручилъ передать автору читанныхъ отрывковъ задумевную благодарность за честь, которую онъ приноситъ отечеству подобнымъ образомъ мыслей и подобнымъ преподаваніемъ⁵⁹).

Каждый отдѣлъ, каждая страница читаемаго Лагарпомъ курса была просматриваема Екатериною, которая много разъ выражала свое полное одобреніе и сочувствіе содержанію курса. Начала, которыя вы проводите, — говорила она Лагарпу, — укрѣпляютъ душу вашихъ питомцевъ; я читаю ваши записки съ величайшимъ удовольствіемъ, и чрезвычайно довольна вашимъ преподаваніемъ⁶⁰). Въ одномъ мѣстѣ курса Лагарпъ говоритъ: Лучшій, и быть можетъ, единственный другъ правителя — сила его собственной разсудительности (judiciaire), помощью которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ. Прочитавъ это мѣсто, Екатерина съ свойственною ей любезностью пожурила Лагарпа, что онъ ужъ черезъ чуръ обижаетъ людей, подобныхъ ей по своему общественному положенію, утверждая, что они лишены возможности имѣть истинныхъ друзей. Во время путешествія въ Крымъ Екатерина сообщила отрывки изъ курса Лагарпа лицамъ, ее сопровождавшимъ: принцу де-Линю, англійскому посланнику Фицгерберту (lord Saint-Helens) и другимъ, осыпая похвалами швейцарскаго республиканца, котораго она избрала наставникомъ для своихъ внуковъ⁶¹). Довѣріе Екатерины къ избранному ею воспитателю долгое время не могли поколебать ни французская революція, ни навѣты эмигрантовъ, ни происки Бернской аристократіи.

Лагарпъ искренно и горячо сочувствовалъ французской революціи, видя въ ней залогъ освобожденія его родины. Онъ былъ увѣренъ, что идеи свободы и равенства, провозглашенныя революціей, отразятся въ консервативномъ Бернѣ и заставятъ его подумать о несправедливостяхъ, совершаемыхъ имъ надъ несчастнымъ Ваатландскимъ кантономъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли и для избѣжанія кровопролитія и анархіи, Лагарпъ настаивалъ на созваніи представительнаго собранія. Множество писемъ, мемуаровъ, памфлетовъ въ этомъ духѣ Лагарпъ посылалъ въ Швейцарію и отчасти помѣщалъ въ англійскихъ журналахъ. Все, что выходило изъ-подъ его пера, было проникнуто восторженною любовью къ родинѣ и призывало согражданъ къ свободѣ и независимости. Бернское правительство было возмущено дѣйствіями Лагарпа, и перехвативъ переписку его съ изгнаннымъ изъ Швейцаріи двоюроднымъ его братомъ, Амедеемъ Лагарпомъ, прислало ее Екатеринѣ, настойчиво требуя наказанія мятежнаго Ваатландца. Съѣхавшіеся въ Кобленцѣ представители державъ, составившихъ коалицію для подавленія революціи, склоняли графа Румянцова поддержать справедливую, по ихъ мнѣнію, жалобу Бернскаго правительства, выражая свое крайнее удивленіе, что государыня, показавшая такое сочувствіе коалиціи, терпѣла при своемъ дворѣ и при своихъ внукахъ отъявленнаго революціонера и якобинца. Но къ счастью для этого мнимаго якобинца, доносъ на него бернскіе дипломаты облекли въ такія рѣзкія формы, что Екатерина была внутренно оскорблена ими, сдѣлала выговоръ принцу Евгенію Виртембергскому, бывшему слѣпымъ орудіемъ Бернской интриги, и призвавъ Лагарпа, полусерьіозно, полусутоливо передала ему, въ чемъ дѣло, и ему же самому поручила написать отвѣтъ на взводимыя на него обвиненія⁶²). Не придавая имъ серіознаго значенія, Екатерина при разговорѣ съ Лагарпомъ въ шутку назвала его якобинцемъ — *monsieur le jacobin*; Лагарпъ протестовалъ противъ этого названія и сказалъ государынѣ: „Я—Швейцарецъ, и слѣдовательно, республиканецъ. Мои соотечественники угнетены Бернскимъ правительствомъ, и я совѣтую имъ возстановить законнымъ путемъ свои законныя права. Я уважаю ваше правительство и употребляю всѣ усилія, чтобы оправдать высокое довѣріе, которое вы мнѣ оказали, поручивъ мнѣ воспитаніе вашихъ внуковъ. Я стараюсь поселить въ нихъ чувства, сообразныя съ ихъ происхожденіемъ и призваніемъ, и приготовить ихъ къ тому, чтобы они явились достойными послѣдователями вашему великому примѣру“. Екатерина прервала его словами: „Будьте якобинцемъ, республикан-

цемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите своё дѣло такъ же хорошо, какъ вели его до сихъ поръ“ ⁶³).

Пріемъ, оказанный Лагарпу, говоритъ о тогдашнемъ настроеніи Екатерины, обнаруживавшей до поры до времени замѣчательную терпимость въ отношеніи къ революціи. При дворѣ Екатерины свободно распѣвались революціонныя пѣсни, за которыя въ Италіи сажали въ тюрьму, а въ Англіи доставалось даже птицамъ, которыхъ выучивали произносить два-три слова изъ этихъ пѣсней. Въ Вѣнѣ, Неаполѣ, Лондонѣ преслѣдовали невиннѣйшихъ Французовъ, а въ Петербургѣ ближайшіе родственники коноводовъ революціи безпрепятственно являлись во всѣхъ обществахъ и даже при дворѣ. Екатерина находила весьма естественнымъ, что Лагарпъ въ своихъ прокламаціяхъ и памфлетахъ съ увлеченіемъ вспоминалъ объ основателяхъ швейцарской свободы и независимости, и не могла понять, изъ-за чего подняли въ Бернѣ такую страшную бурю. Уступая дипломатическимъ приличіямъ, Екатерина выразила желаніе, чтобы Лагарпъ не принималъ никакого участія въ швейцарскихъ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока находится въ русской службѣ. Въ оправдательномъ письмѣ, представленномъ Екатеринѣ, Лагарпъ доказывалъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой опасной политической партіи. Онъ говоритъ: Я отъ всей души ненавижу демократію, потому что наблюдалъ ее очень близко и вполне убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости; древняя исторія, обнаруживая въ пресловутыхъ Аѳинскихъ демократахъ безжалостныхъ угнетателей народа, открыла мнѣ глаза и на современныхъ швейцарскихъ демократовъ, которые, при одинаковости человѣческихъ страстей, представляютъ поразительное сходство съ своими древними первообразами. Будучи совершенно довольна содержаніемъ письма Лагарпа, Екатерина пожелала только исключить изъ него то, что относится къ воспитанію ея внуковъ, и ограничиться однимъ отвѣтомъ на обвиненія Лагарпа какъ политическаго агитатора, что и было имъ исполнено съ желаемымъ успѣхомъ ⁶⁴).

Спустя болѣе полутора года послѣ отпора, даннаго Бернскимъ патриціамъ, Лагарпъ сохранялъ повидимому прежнее расположеніе Екатерины, какъ можно судить по аудіенціи, данной ему 30-го іюня 1793 года. Въ дипломатическомъ кругу обвиняли Лагарпа въ томъ, что будто бы по его вліянію Екатерина II отмѣнила данный ею приказъ о выступленіи въ походъ пятидесятитысячной арміи, подъ начальствомъ князя Рѣпина, для поддержанія военныхъ силъ коали-

ціи. Такую переми́ну приписывалъ убѣдительнымъ рѣчамъ Лагарпа самъ графъ Зубовъ, имѣвшій возможность знать всю подноготную дѣла. Впрочемъ, извѣстія о роли, которую Лагарпъ игралъ въ настоящемъ случаѣ, повторяются со словъ самого Лагарпа, который былъ не прочь преувеличить, болѣе по наивности, нежели по умыслу, собственное значеніе и вліяніе.

Благосклонность Екатерины къ воспитателю ея внуковъ начала колебаться съ разгаромъ французской революціи и съ усилившимся вслѣдствіе этого довѣріемъ къ французскимъ эмигрантамъ. Долгое время Екатерина выжидала окончанія кровавой драмы, разыгрывавшейся во Франціи, и по мѣрѣ того, какъ надежда на счастливый исходъ ослабѣвала, Французы и ихъ единомышленники все болѣе и болѣе теряли во мнѣніи Екатерины. Она велѣла вынести изъ своей любимой галереи бюсты Вольтера и Фокса—послѣдняго за то, что онъ противился войнѣ съ Франціей. Враги революціи, эмигранты, стали находить у Екатерины самый радушный пріемъ. При такой переми́нѣ въ настроеніи умовъ, Лагарпъ долженъ былъ, по чувству самосохраненія, измѣнить прежнюю систему преподаванія, и вмѣсто собственныхъ записокъ, составляемыхъ въ либеральномъ духѣ, пользоваться сочиненіями, изданными до революціи, сопровождая чтеніе ихъ устными поясненіями, которыя постоянно имѣли въ виду событія, совершавшіяся тогда во Франціи и въ Польшѣ. *The treatise on government* Локка, исторія Англіи во времена Стюартовъ, исторія парламентской реформы въ Англіи и т. п. служили важнымъ подспорьемъ при изложеніи общихъ началъ. Но эти начала каждый день были порицаемы въ присутствіи императрицы эмигрантами и ихъ угодниками, и Лагарпу стоило большаго труда опровергать то, что признавалось за истину въ императорскомъ кругу. Въ этомъ отношеніи посмертные мемуары Дюкло были для Лагарпа драгоцѣнною находкою, не разъ выручавшею его изъ бѣды. Не вступая въ споры отъ своего лица, онъ давалъ своимъ питомцамъ книгу Дюкло, въ которой ярко выставлена вся тина и грязь восхваляемаго эмигрантами прежняго порядка вещей.

Дюкло говоритъ, что французское правительство было до того развращено, что ни одинъ честный человѣкъ не имѣлъ къ нему ни малѣйшаго довѣрія. Религіей Людовика XIV — говоритъ Дюкло — была его королевская власть; невѣжда и суевѣръ въ собственно религіозныхъ вопросахъ, онъ преслѣдовалъ ереси, дѣйствительныя и воображаемыя, какъ неповиновеніе своей неограниченной власти. Онъ пуб-

лично вывозилъ въ одномъ экипажѣ съ женою двухъ любовницъ, и народъ сбѣгался смотрѣть „трехъ королевъ“. Регентъ велъ жизнь разгульную и распутную. Народъ страдалъ отъ налоговъ и насильно высылался въ колоніи; выборъ переселенцевъ зависѣлъ отъ произвола властей, которыя начинали вербовку свою публичными женщинами и оканчивали честными, но беззащитными гражданами. Общественныя должности продавались; выгодныя мѣста даваемы были въ пожизненное и потомственное владѣніе любимцамъ; права на извѣстныя званія съ соединенными съ ними окладами предоставлялись по протекціи девятилѣтнимъ и семилѣтнимъ дѣтямъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ держали невинныхъ людей въ оковахъ, потому что судьи предпочитали роскошь и удовольствія разбирательству дѣлъ, лежавшихъ на ихъ обязанности и совѣсти, и т. п. ⁶⁵).

Подобныя черты живо врѣзываются въ памяти юношей, и однажды, когда графъ Эстергази распространился въ похвалахъ прежнему французскому правительству, великій князь Константинъ Павловичъ съ увѣренностію замѣтилъ, что панегиристъ ошибается. Екатерина была пріятно удивлена этимъ замѣчаніемъ, и потребовала у внука доказательствъ. Онъ началъ исчислять, одно за другимъ, цѣлый рядъ злоупотребленій. „Откуда же ты все это знаешь?“ спросила государыня. „Я читалъ это съ Лагарпомъ у самаго достовѣрнаго историка“. Екатерина была въ восторгѣ отъ находчивости внука и его дѣльных возраженій. Но эмигранты и ихъ дипломатическіе друзья рѣшились отомстить своему давнему врагу и зорче прежняго стали слѣдить за его каждымъ шагомъ, не упуская ничего, что могло бы повести къ его паденію. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Казнь Людовика XVI и прибытіе въ Россію графа д'Артуа имѣли рѣшительное вліяніе на образъ мыслей Екатерины, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на судьбу Лагарпа.

Наиболѣе опасными для Лагарпа эмигрантами были: графъ Эстергази, принцъ Нассаускій и графъ д'Артуа. Эстергази былъ эмиссаромъ французскихъ принцевъ, съ титуломъ ихъ посланника. Жена его была родомъ изъ Берна. Неутомимымъ восхваленіемъ монархическаго начала и лестью Эстергази сумѣлъ поддѣлаться къ Зубову и другимъ царедворцамъ и сдѣлался постояннымъ членомъ придворнаго кружка. Сынъ Эстергази пѣвалъ въ эрмитажѣ революціонныя пѣсни: *Ça ira* и другія. Прикидываясь бѣднѣйшимъ изъ бѣдняковъ, хитрый эмиссаръ получалъ отъ двора богатые подарки, дома и весьма значительныя пенсіи. Принцъ Нассаускій (Nassau-Siegen), по словамъ Лагарпа,

былъ искатель приключеній, нашедшій возможность сдѣлаться въ Рос-
сіи адмираломъ, хотя никогда не былъ морякомъ. Графъ д'Артуа при-
нять былъ съ царскимъ великолѣпіемъ. Екатерина подарпла ему осы-
панный драгоценностями мечъ съ надписью: Dieu et le roi, освящен-
ный въ Александро - Невской лаврѣ. Въ свитѣ графа д'Артуа былъ
полковникъ Ролль (baron de Roll), патрицій Солотурнскій, которому
Бернскіе патриціи специально поручили дѣйствовать противъ Ла-
гарпа ⁶⁶).

Когда получено было извѣстіе о казни Людовика XVI, Екатерина
прекратила всякія сношенія съ Франціей и издала достопамятный
указъ, 8-го февраля 1793 года, слѣдующаго содержанія. „Замѣша-
тельства, во Франціи отъ 1789 года происшедшія“, — сказано въ ука-
зѣ, — „не могли не возбудить вниманія въ каждомъ благоустроен-
номъ государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда, что время и
обстоятельства послужатъ къ образумленію заблужденныхъ, и что
порядокъ и сила законной власти возстановлены будутъ, терпѣли мы
свободное пребываніе Французовъ въ имперіи нашей и всякое съ ними
сношеніе. Видѣвъ послѣ буйство и духъ возмутительный противу го-
сударя ихъ, далѣе и далѣе возрастающій, съ неистовыми намѣре-
ніями — правила безбожія, неповиновенія верховной государственной вла-
сти и отчужденныя всякаго добраго правоученія, не тоємо у себя
утвердить, но и заразу оныхъ распространить во вселенной, прервали
мы политическое сношеніе съ Францією... Нынѣ, когда ко всеобщему
ужасу въ сей несчастной землѣ преисполнена мѣра буйства, когда
нашлося болѣе 700 изверговъ, которые подняли руки свои на умерщ-
вленіе помазанника Божія, законнаго ихъ государя, въ 10-й день
января сего года.... Мы почитаемъ себя долгомъ предъ Богомъ и со-
вѣстію нашею не терпѣть между имперією нашею и Франціей ника-
кихъ сношеній....“ Вслѣдствіе того повелѣно было: прекратить дѣй-
ствіе торговаго трактата, заключеннаго въ 1786 году съ Людови-
комъ XVI; не терпѣть въ имперіи тѣхъ Французовъ, разумѣя тутъ
учителей и учительницъ, которые признаютъ нынѣшнее въ землѣ ихъ
правленіе и повинуются ему; впускать въ имперію только тѣхъ Фран-
цузовъ, которые, будучи совершенно чужды неистовства ихъ соот-
чичей и оставаясь вѣрными исповѣдуемой ими религіи, пожелаютъ
жить подъ защитою русскихъ законовъ, — да и тѣхъ впускать не
иначе, какъ по свидѣтельству *французскихъ принцевъ*, и именно обо-
ихъ братьевъ покойнаго короля, графа Прованскаго и *графа д'Артуа*,
также принца Конде, и т. д. Французы, остающіеся въ имперіи, обя-

заны были дать присягу въ томъ, что они, „бывъ не причастны ни дѣломъ, ни мыслию правиламъ безбожнымъ и возмутительнымъ, во Франціи нынѣ введеннымъ и исповѣдуемымъ, признаютъ настоящее правленіе тамошнее незаконнымъ и похищеннымъ; умерщвленіе короля христіаннѣйшаго, Людовика XVI, почитаютъ сущимъ злодѣйствомъ и измѣною законному государю, ощущая все то омерзѣніе къ произведшимъ оное, каковое они отъ всякаго благомыслящаго праведно заслуживаютъ“⁶⁷).

Къ причинамъ политическимъ, неблагопріятнымъ для Лагарпа, присоединилось обстоятельство личное, заставлявшее Екатерину желать скорѣйшаго удаленія челоуѣка, въ отношеніи котораго она чувствовала себя въ нѣсколько неловкомъ положеніи, если вѣрить свидѣтельству самого Лагарпа, много разъ имъ повторенному, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Вотъ собственный разказъ Лагарпа.

„Съ конца 1793 года шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія великаго князя Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть, и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ государыни, старшаго внука ея, Александра Павловича. Злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились: бывшій французскій посланникъ въ Константинополь, Шуазель-Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау-Зигенъ. Совѣтники Екатерины полагали, что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе челоуѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго я лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, пронырнутымъ самыми опасными началами, то составители заговора надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиберія, и т. д. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства. Втягивая меня въ свои сѣти, зачинщики весьма удобно могли, въ случаѣ надобности, взвалить всю бѣду на меня. Если бы тайна открылась, вся отвѣтственность пала бы на беззащитнаго иностранца, лишеннаго довѣрія и ославленнаго буйнымъ якобинцемъ, и — кто знаетъ? — быть можетъ, съ воцареніемъ Павла я былъ бы осужденъ на изгнаніе и пытку за участіе въ заговорѣ, отъ котораго я уклонился съ ужасомъ и негодованіемъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя

Александра Павловича. Я одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе, и потому необходимо было или заручиться мною или удалить меня. Екатерина, зная довѣріе и любовь ко мнѣ своего внука, желала меня испытать. Она неожиданно потребовала меня къ себѣ 18-го октября 1793 года. Графъ Салтыковъ, очевидно посвященный въ тайну, былъ озадаченъ вопросомъ моимъ о цѣли приглашенія и отвѣчалъ мнѣ: „Я желалъ бы, чтобы сама государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло“. Разговоръ мой съ императрицею продолжался два часа; говорили о разныхъ разностяхъ и отъ времени до времени, какъ бы мимоходомъ, государыня касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать мнѣ понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись въ чемъ дѣло, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастью, мнѣ удалось и то, и другое. Но два часа, проведенные въ этой нравственной пыткѣ, принадлежать къ числу самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, и воспоминаніе о нихъ отравляло все остальное пребываніе мое въ Россіи. Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однакоже, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ я не могъ бы никоимъ образомъ выпутаться также счастливо, я болѣе, чѣмъ когда-либо, сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе. Екатерина два раза укоряла меня за это; но видя, что я упорствую и явлюсь ко двору только для занятій съ своими учениками, убѣдилась, что я вовсе не расположенъ къ той роли, которую мнѣ предназначали. Въ противоположность съ нею, я не щадилъ ничего, чтобы поселить добрыя отношенія между великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и его сыновьями. Онъ, словно умышленно, отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками; дѣти жаловались на отца, и мнѣ стоило большаго труда истолковывать поведение его съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Несмотря на приписываемый мнѣ карбонаризмъ, я былъ возмущенъ до глубины души предстоящею насильственной мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпионами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Много затрудненій надо было преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ Павломъ, который былъ сильно вооруженъ противъ меня, около трехъ лѣтъ не говорилъ со мною ни слова и даже отворачивался отъ меня

при встрѣчѣ. Наконецъ мнѣ удалось достигнуть желаемого. Не открывая великому князю Павлу Петровичу своихъ предположеній, я успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми. Я разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей, и торжественно заклиналъ его имѣть къ нимъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо, и т. д. Павелъ понялъ меня и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать. — Такой оборотъ дѣла заставилъ смотрѣть на меня какъ на препятствіе, отъ котораго надо было во что бы то ни стало избавиться ⁶⁸).

Свидѣтельство Лагарпа имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Можно еще сомнѣваться въ безусловной точности его показаній, когда рѣчь идетъ о мгновенномъ дѣйствіи его совѣтовъ на политическія предпріятія Екатерины, ибо ея государственный умъ и дальновидность неизмѣримо возвышались надъ всѣми замыслами швейцарскаго философа. Но въ настоящемъ случаѣ, когда надо было уговорить юношу, сама собою представлялась необходимость обратиться къ его любимому наставнику. Немаловажно и то обстоятельство, что Салтыковъ не рѣшился объявить Лагарпу цѣль совѣщанія, и что Павелъ питалъ въ душѣ своей доброе чувство къ Лагарпу, не смотря на то, что въ теченіе нѣкотораго времени преслѣдовалъ его, какъ республиканца и революціонера. Современные свидѣтельства, русскія и иностранныя, подтверждаютъ существованіе плана устраненія; говорятъ даже, что было составлено Екатериною завѣщаніе, устраняющее отъ престола ея сына, но только въ томъ случаѣ, если бы онъ не согласился на нѣкоторыя измѣненія въ правительственной системѣ ⁶⁹). Наконецъ въ письмѣ къ самому императору Павлу изъ-за границы Лагарпъ говоритъ: „Обращаюсь къ вамъ, государь, какъ къ человѣку, неподкупности котораго вы, по всей вѣроятности, обязаны своимъ существованіемъ, подвергавшимся сильной опасности въ 1793 и 1794 годахъ“ ⁷⁰).

Разныя случайности благопріятствовали Лагарпу при послѣднемъ свиданіи, когда и произошелъ разговоръ, переданный нами со словъ одного изъ собесѣдниковъ. Всего болѣе расположило въ его пользу то обстоятельство, что онъ явился на зовъ съ неожиданною скоростью. Получивъ дозволеніе явиться къ великому князю Павлу Петровичу, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ ту же ночь въ Гатчину и рано утромъ былъ уже въ дворцовой приемной. Великому

часть слыш, отд. 2.

князю чрезвычайно понравилась эта быстрота; онъ принялъ Лагарпа весьма привѣтливо, пригласилъ его на балъ, а великая княгиня Марія Федоровна изъявила желаніе съ нимъ танцовать и тѣмъ поставила его въ неловкое положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Великій князь вывелъ его изъ затрудненія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, въ который словно переродился его давній недоброжелатель. Императоръ Павелъ, незадолго до своей кончины, говорилъ сыну своему Александру Павловичу, что онъ не можетъ безъ умиленія вспомнить о послѣднемъ свиданіи своемъ съ Лагарпомъ.

Прощаніе Лагарпа съ Екатериною было также весьма чувствительно. Но особенно сильное впечатлѣніе вѣсть объ отъѣздѣ Лагарпа произвела, какъ и слѣдовало ожидать, на великаго князя Александра Павловича, который и послѣ женитьбы своей продолжалъ занятія свои съ любимымъ наставникомъ и вмѣстѣ съ молодою женою слушалъ у него историческія лекціи. Во время чтенія одной изъ нихъ, Салтыковъ внезапно вызвалъ Лагарпа и объявилъ ему волю государыни, состоящую въ томъ, что такъ какъ Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ, а Константинъ Павловичъ опредѣленъ въ военную службу, то занятія съ ними должны окончиться, и жалованье Лагарпу прекращается съ концомъ текущаго (1794) года. Эта неожиданность поразила Лагарпа, и хотя онъ старался скрыть свое негодованіе, но видно не совсѣмъ удачно, потому что великій князь сейчасъ же спросилъ о причинѣ его волненія и на уклончивый отвѣтъ его возразилъ: „Не думайте, чтобъ я не замѣчалъ, что уже давно замышляютъ противъ васъ что-то недоброе; насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность, все мое довѣріе къ вамъ“. Говоря это, онъ бросился къ Лагарпу, обливаясь слезами; и Лагарпъ едва могъ привести его въ себя, выставляя на видъ, какой толкъ могутъ дать всей этой сценѣ, если невзначай явится какой-либо не прощенный свидѣтель.—Большаго труда стоило Лагарпу отсрочить свой выѣздъ на нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ подъ предлогомъ семейныхъ обстоятельствъ.

Лѣтомъ 1795 года Лагарпъ былъ уже въ Швейцаріи, гдѣ и поселился въ окрестностяхъ Женевы. Сохранилось официальное свидѣтельство о водвореніи полковника русской службы Лагарпа въ Жантодѣ (Genthod), на территоріи Женевской республики¹⁾. Лагарпъ при вступленіи въ русскую службу получилъ чинъ премьеръ-маіора въ соотвѣтствіе за-

нiю майора, которое имѣлъ онъ въ Ваадтской милиціи, а въ 1794 году награжденъ чиномъ полковника. Отъ времени до времени Лагарпъ давалъ знать о себѣ своимъ русскимъ друзьямъ и нѣсколько разъ пытался писать къ великому князю Александру Павловичу и даже къ императору Павлу. Говорю: „пытался“, потому что, посылая письма, онъ не былъ увѣренъ, дойдутъ ли они по назначенію, а было время, когда Александру Павловичу формально запрещалась всякая переписка и всякія сношенія съ его бывшимъ наставникомъ.

Въ письмахъ своихъ къ великому князю Александру Павловичу Лагарпъ продолжаетъ быть тѣмъ же, кѣмъ былъ для него въ теченіе двѣнадцати лѣтъ въ Петербургѣ: даетъ ему совѣты и наставленія, рекомендуетъ ему для чтенія книги и періодическія изданія и указываетъ на лица, бесѣды съ которыми находитъ для него полезными и поучительными. Лагарпъ предлагаетъ возложить на кого-либо составленіе для своего бывшего ученика повременныхъ отчетовъ о новостяхъ въ области наукъ, литературы, искусствъ, ремеслъ и т. п., съ извлеченіями изъ журналовъ и газетъ. На первомъ планѣ онъ ставитъ: *Göttingische Anzeigen*, *Horen*, *Berlinische Monatschrift*, *Litteraturную Іенскую газету* и *Меркурій* Виланда. Что касается французской литературы, то онъ замѣчаетъ, что хотя вандализмъ и отнялъ у нея много достойныхъ писателей, но Франція обладаетъ еще нѣсколькими замѣчательными періодическими изданіями, каковы: *La notice générale des inventions et découvertes*, *Le journal des artistes*, *Le journal de l'école polytechnique*, *Les ressources de la république française ou les conquêtes de l'industrie nationale*, *La décade*, etc, Предлагаетъ прочитатъ „Абдериты“ Виланда, гдѣ мастерски изображены въ юмористическомъ свѣтѣ такъ-называемыя маленькія республики, а также, если позволить время, *Éléments de commerce par Forbonnais* и Политику Аристотеля въ переводѣ Шампаня (*Champagnes*).

Лагарпъ выражаетъ удовольствіе, что великій князь по прежнему бесѣдуетъ иногда съ Гакманомъ, авторомъ географіи Россіи и различныхъ статей по русской исторіи. Гакмана, по словамъ Лагарпа, преслѣдовалъ Завадовскій, и только счастливая случайность спасла достойнаго ученаго отъ различныхъ служебныхъ неприяностей. Однажды Екатерина II присутствовала въ главномъ народномъ училищѣ на урокъ географіи, которую преподавалъ тамъ Гакманъ. Онъ говорилъ о населеніи Сибири. Екатерина замѣтила, что два народа, помѣщаемые имъ у Алтайскихъ горъ, обитаютъ въ другой мѣстности. Гакманъ стоялъ на своемъ, приводя ясныя и убѣдительныя доказа-

тельства. Екатерина слушала его съ большимъ вниманіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нея не ускользнуло недовольное выраженіе лицъ властей, возмущенныхъ состязаніемъ преподавателя съ высокою посѣтительницею. Уходя изъ училища, Екатерина сказала во всеуслышаніе, что Гакманъ правъ, и что возраженія его доставили ей большое удовольствіе, и поручила Завадовскому поблагодарить Гакмана за то, что онъ такъ основательно исправилъ ея ошибку ⁷²⁾.

Извѣстіе о восшествіи на престолъ императора Павла застало Лагарпа въ Парижѣ, куда призвали его заботы о семействѣ убитаго на войнѣ родственника его Амедея Лагарпа. Въ правительственныхъ сферахъ тогдашней Франціи явилась мысль о возобновленіи прерванныхъ революціей сношеній между Россіей и Франціей. Министръ иностранныхъ дѣлъ Делакруа выразилъ готовность начать переговоры. Лагарпъ представилъ ему по этому поводу записку, въ которой, перебирая различныя средства для достиженія цѣли, предлагаетъ обратиться прежде всего къ французскому посланнику въ Берлинѣ, Кальяру, долго жившему въ Петербургѣ и имѣющему тамъ обширныя связи. Съ своей стороны Лагарпъ сообщилъ задуманный планъ великому князю, который довелъ его до свѣдѣнія императора. Но дипломатическое предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ отчасти, какъ полагаютъ, и потому, что противъ него вооружился одинъ изъ вліятельнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ, графъ Панинъ, посолъ въ Берлинѣ, по принципу ненавидѣвшій Францію со времени революціи.

Между тѣмъ революціонное движеніе обнаружилось и въ Швейцаріи. Первые отзывы о немъ въ нашей литературѣ проникнуты большимъ сочувствіемъ къ борьбѣ Швейцарцевъ за свою свободу и независимость. Въ историческомъ и политическомъ обозрѣніи событій 1798 года, помѣщенномъ въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, сказано: „Въ самое то время, какъ въ Римѣ вызвали тѣнь Брутову, Французы ругались надъ тѣнью учредителя Швейцарской республики. Въ первые дни марта счастливыя вольныя области Швейцаріи обращены въ пламень и развалины, и набросаны кучи убитыхъ, истинно вольныхъ людей и ихъ женъ, на горахъ, которыя считаемы были небесною оградой самой счастливѣйшей вольности... Вольная Гельвеція осуждена на рабство пентархіи“ ⁷³⁾. Но лига, составленная Англіей для подавленія революціи, приобрѣла сильнаго сторонника въ императорѣ Павлѣ, и русскія войска посланы были въ Швейцарію подъ предводительствомъ Суворова. Въ походѣ участвовалъ подъ именемъ графа Романова великій князь Константинъ Павловичъ, получившій

въ награду титулъ цесаревича „за подвиги храбрости и примѣрнаго мужества во все продолженіе кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣрн“⁷⁴). Въ швейцарскихъ газетахъ появлялись рѣзкія выходки противъ русскихъ войскъ и ихъ предводителей. Суворова называли челоуѣкомъ безъ страха и жалости, фанфарономъ, шарлатаномъ, а императора Павла—надменнымъ Петровичемъ, и т. п.⁷⁵). Лагарпъ находился въ то время во главѣ швейцарскаго правительства, будучи членомъ и президентомъ директоріи. Вслѣдствіе этого Павелъ прекратилъ выдачу пожалованной Лагарпу Екатериною пенсіи и лишилъ его ордена св. Владиміра.

Въ архивѣ капиула орденовъ сохранился слѣдующій протоколъ 30-го сентября 1799 года: „Орденскій оберъ-церемоніймейстеръ (Валуевъ) объявилъ, что онъ, усмотря изъ *Политическаго Европейскаго Журнала*, подъ № 245, что Лагарпъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской, почему о исключеніи его изъ списка, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, испрашивалъ высочайшаго повелѣнія, на что чрезъ штатсъ-секретаря господина тайнаго совѣтника Неплюева воспослѣдовало высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: Его Императорское Величество, принявъ съ благоволеніемъ и одобрявъ представленіе его, орденскаго оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена св. Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ чрезъ газеты, сообщая также и въ капиулы орденовъ“ и т. д.⁷⁶).

Не смотря на эти лишенія, Лагарпъ не упалъ духомъ и былъ вполне увѣренъ, что письма его произведутъ свое дѣйствіе. Въ этой надеждѣ онъ обратился къ своему старому пріятелю Будбергу, бывшему русскимъ посланникомъ въ Швеціи, и при содѣйствіи его письмо Лагарпа было доставлено императору Павлу. Въ письмѣ своемъ Лагарпъ старался побудить русскаго государя принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи, убѣждая его признать самостоятельность новосозданной Гельветической республики. Приравниваясь къ образу мыслей Павла, Лагарпъ увѣрялъ его, что новая республика, вовсе не имѣя характера пропаганды, вполне уважаетъ законную власть государей въ сосѣднихъ странахъ и свято чтитъ религію, и что она, хотя и республика, но устроена на монархическій ладъ! Въ числѣ выгодъ, которыя Россія можетъ извлечь изъ признанія Гельветической республики,

Лагарпъ указываетъ на то, что въ случаѣ разрыва Россіи съ Австріей, Австрія не будетъ въ состояніи безнаказанно нарушить нейтралитетъ пограничной Швейцаріи ⁷⁷⁾.

Въ письмѣ изъ Плесси-Пике (Plessis-Piquet), въ окрестностяхъ Парижа, Лагарпъ проситъ императора Павла возвратить ему право на пенсію, котораго его лишили; но письмо это не застало Павла въ живыхъ ⁷⁸⁾. Лагарпъ не сомнѣвался, что оно имѣло бы полный успѣхъ, и увѣренность его основывалась на томъ, что онъ считалъ Павла человѣкомъ необщественно добрымъ по душѣ. Лагарпъ вообще находилъ въ Павлѣ много хорошихъ свойствъ, не хотѣлъ вѣрить слухамъ, ходившимъ въ Европѣ о его кончинѣ, и не могъ понять, какимъ образомъ такой государь могъ имѣть столько враговъ. Взглядъ Лагарпа не былъ его личнымъ или исключительнымъ взглядомъ. По замѣчанію другихъ очевидцевъ, перемѣна съ Павломъ произошла незадолго до его поѣздки за границу, а до того времени онъ не былъ ни подозрительнымъ, ни мрачнымъ; сердце его было открыто дружбѣ; онъ былъ душой общества, веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Между прочимъ, онъ удачно подсмѣивался надъ путешествіемъ Екатерины въ южную Россію, о которомъ въ свое время было такъ много толковъ ⁷⁹⁾.

IV.

По выѣздѣ изъ Россіи Лагарпъ жилъ частію въ Женевѣ близъ Женевы, частію въ Парижѣ. И здѣсь, и тамъ преобладающею мыслью его было освобожденіе его родины. Онъ отдался всецѣло своимъ политическимъ стремленіямъ, отбросивъ сдержанность, налагаемую на него пребываніемъ при дворѣ Екатерины II. Самыя событія требовали быстроты и рѣшительности.

Французская революція отразилась въ Швейцаріи двоякимъ образомъ, въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ. Патриціи явились безпощадными врагами революціи и горячими защитниками королевской власти. Бѣгство Людовика XVI отъ ожесточенной толпы было для нихъ торжествомъ: во Фрибургѣ служили благодарственные молебны за спасеніе короля отъ рукъ убійцъ и мятежниковъ, въ Бернѣ давались по этому случаю пиры и празднества. Въ свою очередь, друзья свободы праздновали въ Веве, Лозаннѣ, Роллѣ годовщину казни Людовика XVI и взятія Бастиліи. Уроженецъ Ролля, Лагарпъ, прислалъ изъ Парижа такую прокламацію:

„Свобода. Равенство. Независимость. Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ своимъ Ваатландскимъ согражданамъ. Угнетающіе васъ олигархи Берна

и Фрибурга достигли своей агоніи; но прежде чѣмъ испустятъ послѣдній вздохъ, тираны хотятъ насытить свою жестокость мщеніемъ. Истинные друзья отечества думали, что освобожденіе ваше не потребуеъ столько насилія и крови; но злодѣйское правительство Англіи жаждало крови, и поддерживаемые имъ олигархи заключаютъ доблестныхъ гражданъ въ темницы, въ кандалы, осуждаютъ на изгнаніе и смертную казнь. Вы должны немедленно провозгласить свою независимость. Вы должны арестовать, какъ заложниковъ, всѣхъ приставовъ, комиссаровъ, агентовъ, всѣхъ гражданъ Берна, Фрибурга, Люцерна, Цюриха, живущихъ среди васъ. Вы должны завладѣть всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, этихъ злодѣевъ, и пусть влачатъ они по Европѣ свое жалкое существованіе, терзаемые нищетою и угроженіями совѣсти. Времена умѣренности прошли. Кровь друзей вашихъ, пролитая за ваше общее дѣло, вопіетъ о мщеніи: оно должно совершиться. Рубите на повалъ въ случаѣ сопротивленія. Нечистая кровь двухъ сотъ Бернскихъ владыкъ не стоитъ братской крови одного изъ патріотовъ. И вы еще раздумываете и щадите жизнь разбойниковъ, убивающихъ вашихъ братьевъ!!...“⁸⁰⁾

Революція потрясла всѣ основы общественнаго быта Швейцаріи и вызвала цѣлый рядъ мѣръ, обнаруживающихъ лихорадочную дѣятельность вновь образованнаго правительства. Большая часть изъ нихъ стремилась къ невозможному, къ мгновенному пересозданію государственной и общественной жизни, во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ существенныхъ до самыхъ мелочныхъ. Всѣ члены представительнаго собранія обязаны были принести клятву въ томъ, что они не признаютъ никакой иной власти, кромѣ единой власти народа, отрекаются отъ всѣхъ сословныхъ и наслѣдственныхъ правъ и преимуществъ, обѣщаютъ защищать свободу и равенство, допуская только ту конституцію, которая основана на этихъ двухъ началахъ. Вмѣсто общепотребительнаго календаря введенъ календарь французской революціи съ обозначеніемъ соотвѣтствующихъ чиселъ со дня освобожденія Швейцаріи. Учреждены три праздника, объявленные всенародными и торжественными: годовщина клятвы, принесенной въ 1307 году тремя знаменитыми гражданами Швейцаріи, жертвовавшими жизнью для спасенія свободы отечества; годовщина 14-го іюля 1789 года, то-есть, взятія Бастиліи, и день провозглашенія народными представителями свободы и независимости единой и нераздѣльной Гельветической республики⁸¹⁾). Предложено изгнать слово *monsieur*, напоминающее прежній порядокъ вещей, и замѣнить его словомъ *citoyen*, какъ единствен-

нымъ названіемъ, достойнымъ свободныхъ людей. Даже названіе города Верне предлагали замѣнить другимъ, болѣе либеральнымъ, переименовавъ его въ Villefranche ⁸²). Самая конституція новой республики показываетъ возбужденное состояніе умовъ, заявляя требованія идеальныя и не заботясь о возможности и объ условіяхъ приложенія отвлеченной идеи къ дѣйствительности. Жизнь каждаго гражданина — гласитъ конституція — принадлежитъ отечеству, семейству и несчастнымъ. Онъ открытъ для дружбы, но не жертвуетъ ей ни одною изъ своихъ обязанностей. Онъ отрекается отъ всякаго личнаго чувства и тщеславнаго побужденія. Его единственное желаніе состоитъ въ нравственномъ усовершенствованіи рода человѣческаго; онъ постоянно взываетъ къ нѣжнымъ чувствамъ братства; слава его заключается въ уваженіи порядочныхъ людей, и если бы ему было отказано въ этомъ уваженіи, онъ находилъ лучшее утѣшеніе и награду въ своей собственной совѣсти ⁸³).

Къ сожалѣнію, дѣйствительность была въ полнѣйшемъ разладѣ съ подобными, идеальными требованіями. То и дѣло раздавались жалобы, что люди, въ рукахъ которыхъ была власть, въ томъ числѣ и Лагарпъ, прибѣгаютъ къ самымъ крайнимъ, невыносимымъ и жестокимъ мѣрамъ. Изгнанія и ссылки быстро слѣдовали однѣ за другими. Особенно сильно взволновала общественное мнѣніе ссылка уважаемаго страню Лафатера. Печать подчинена была безусловному и строгому контролю революціонныхъ властей, захватившихъ себѣ право прекращать изданіе журналовъ и газетъ и закрывать редакціи, если только они отваживались высказывать что-либо несогласное съ правительственнымъ настроеніемъ настоящей минуты. Повсюду въ Швейцаріи закрыты были театры, признанные неумѣстными въ то время, когда кипитъ междоусобная война, и непріятельскія войска грабятъ и опустошаютъ отечество. Вся Швейцарія, по настоянію Лагарпа, была обращена въ военный лагерь. Всѣ эти мѣры — говоритъ самъ Лагарпъ — были суровы, быть можетъ даже, ужасны, но онѣ достойны нашихъ предковъ, вполне соответствуя республикѣ, брошенной въ омутъ опасностей, отъ которыхъ можно спастись только крайними мѣрами. Я предложилъ обратить всю страну въ боевой лагерь, и каждаго жителя въ солдата; я требовалъ, чтобы бѣглецы подвергались, по римскому обычаю, жестокому и позорному наказанію; я не допустилъ своихъ товарищей по управленію занятыхъ себя малодушіемъ и полумѣрами ⁸⁴).

Гибель конституціи и новаго порядка вещей заключалась въ ихъ иностранномъ происхожденіи. Лагарпъ прислалъ своей странѣ консти-

туцію изуча, составивъ ее по чужому образцу, выпросивъ согласіе на нее у чужаго народа; она представляетъ сколовъ съ французской конституціи и одобрена французскимъ правительствомъ. Для поддержанія нововведеній, заимствованныхъ изъ Франціи, явились французскія войска и начали распоряжаться въ Швейцаріи съ неслыханною наглостью, грабили и опустошали страну, отовсюду открытую для нападений. Особенно разрушительны были хищническіе подвиги Рапина, французскаго комиссара, о которомъ сложилась пѣсня, предлагающая рѣшить — *rapine* (грабежъ) происходитъ ли отъ *Rapinat*, или *Rapinat* отъ *rapine* ⁸⁵):

Un bon Suisse que l'on ruine
Voudrait que l'on déterminât,
Si *Rapinat* vint de *rapine*
Ou *rapine* de *Rapinat*.

По договору, навязанному Франціей, Швейцарія обязана была выставить 18.000 войска, но Швейцарцы отказывались служить подъ знаменами Франціи и толпами переходили на границу, образуя тамъ войско для освобожденія отъ французскаго ига. Новое швейцарское правительство опредѣлило смертную казнь храбрымъ защитникамъ родины, не покорявшимся французскимъ властямъ, и всѣми средствами поддерживало самовластіе чужеземцевъ. Вся вина падала на директорию, въ рукахъ которой была верховная власть.

Правительство Швейцаріи составляли: сенатъ, верховный или великій совѣтъ (*grand conseil*) и директорія (*directoire*), состоявшая изъ пяти членовъ. Сенату и совѣту принадлежала власть законодательная, а директоріи — исполнительная. 29-го іюня 1798 года Лагарпъ былъ избранъ директоромъ республики большинствомъ 56 голосовъ противъ 34. Около полутора года онъ находился во главѣ правительства — на бѣду себѣ, какъ онъ самъ сознавался, и на несчастье Швейцаріи, какъ утверждали не одни только враги его. Краснорѣчивымъ памятникомъ превратностей его политической судьбы служить officialный органъ тогдашняго правительства *Бюллетень Гельветической республики*, на страницахъ котораго — живая исторія того времени.

Лагарпъ былъ въ Парижѣ, когда его избрали директоромъ, и оттуда прислалъ законодательному собранію письмо, заявлявшее о согласіи Франціи на принятіе имъ званія директора и о необходимости вѣчной дружбы съ Французскою республикой, какъ единственной гарантіи швейцарской независимости. Письмо это было принято съ восторгомъ, и опредѣлено было перевести его на три языка, употребляемые

въ Швейцаріи, французскій, нѣмецкій и итальянскій, и въ большомъ числѣ экземпляровъ разослать префектамъ для распространенія по всей республикѣ. Когда получено было извѣстіе о согласіи Лагарпа быть директоромъ, *Бюллетень* заявилъ, что день, въ который знаменитый изгнанникъ олигархіи вступилъ въ директорію, останется навсегда праздничнымъ днемъ для отечества. Такъ говорилось и писалось въ іюлѣ 1798 года, а въ самомъ началѣ 1800 въ томъ же *Бюллетень* объявленъ громовый декретъ противъ Лагарпа: исполнительная директорія много разъ и несомнѣнно доказала свою неспособность вести общественныя дѣла; директора Лагарпъ, Секретанъ и Оберленъ признаны виновными въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на права народныхъ собраний; общее благо не позволяетъ долѣе оставлять бразды правленія въ рукахъ подобныхъ людей; поэтому директорія уничтожается, а члены ея подлежатъ тяжелой отвѣтственности за свои противозаконныя дѣйствія, и т. д. ⁸⁶).

Лагарпа и его сотрудниковъ обвиняли въ пренебреженіи къ народнымъ обычаямъ, освященнымъ вѣками, въ легкомысленныхъ реформахъ, повлекшихъ за собою нравственную порчу общества, въ крайнестѣснительныхъ, несправедливыхъ и жестокихъ мѣрахъ. Директорія разрѣшала браки между близкими родственниками; жены стали выходить замужъ, не дожидаясь установленнаго срока по смерти своихъ мужей; лица духовныя отвергли всѣ внѣшнія отличія своего званія и совершенно смѣшались съ мірянами, и т. п. Дѣйствія новаго правительства вызвали возмущенія въ разныхъ мѣстностяхъ. Приказано было принести клятву на вѣрность силою навязанной конституціи; кто не присягалъ, подвергался штрафу, постою, лишенію права гражданства, изгнанію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ было меньше иностранныхъ войскъ, народъ вступался за свои права. Въ одной изъ подобныхъ схватокъ убито было 386 человекъ, изъ нихъ 259 мужчинъ, 102 женщины и 25 дѣтей; сожжено 340 домовъ, и т. д. Избѣгая военной службы въ новой республикѣ, молодые люди покидали отечество или сжигали метрическія книги (*les registres de baptême*), чтобы скрыть возрастъ, или же становились подъ знамена Англіи, Австріи и другихъ враговъ новаго правительства. Швейцарская директорія организовала терроризмъ въ подражаніе Робеспьеру ⁸⁷).

Правительство Лагарпа — говорили враги его — приносило республику въ жертву своимъ узкимъ взглядамъ; оно пораждало смуты и волненія; законы обнародывались медленно и вяло и исполнялись крайне небрежно; администрація дѣйствовала безъ всякаго плана и

занималась однѣми мелочами, постоянно теряя изъ виду существенную сторону дѣла. Швейцарская республика, не смотря на громкое названіе „единой и нераздѣльной“, никогда не была менѣе единою и болѣе раздѣленною. Внѣшнею, грубою связью служилъ невыносимый деспотизмъ директоріи. Граждане, лишеныя личной свободы, протестовали противъ дикаго насилія власти. Съ уничтоженіемъ личной свободы — говорили они — исчезаетъ всякая свобода, какимъ бы именемъ ни назывался поправшій ее человекъ: будь онъ Павелъ, Петръ или Фридрихъ-Цезарь, и дѣйствуй оно во имя вольности или тираніи, подъ знаменемъ свободы или деспотизма; при подобномъ образѣ дѣйствій, политическая свобода — не болѣе, какъ призракъ, обманчивое слово, лишенное внутренняго смысла и содержанія ⁵⁸).

Но въ дѣйствіяхъ директоріи было не мало и свѣтлыхъ сторонъ. Таковы: уничтоженіе пытки, гласное судопроизводство, отиѣна феодалныхъ правъ и мѣры для распространенія знаній въ обществѣ и народѣ. Эти мѣры, имѣя значеніе и сами по себѣ, заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что Лагарпъ, принимавшій, по вторичномъ приѣздѣ въ Россію, наибольшее участіе въ дѣлахъ по народному образованію, постоянно указывалъ императору Александру на образцовое, по его мнѣнію, устройство этой отрасли въ Швейцаріи.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ слѣдствій швейцарской рѣволюціи было преобразование народнаго просвѣщенія. Пользующіяся почетною извѣстностью въ педагогическомъ мѣрѣ учрежденія Песталоцци, Фелленберга, Жирара и другія относятся къ этой эпохѣ, между тѣмъ какъ прежнее правительство, по безопасности или политическимъ расчетамъ, не заботилось о просвѣщеніи народа. Особенное вниманіе обратила директоріа на первоначальное образованіе, на такъ-называемыя народныя школы, и при этомъ было принято правиломъ отнюдь не слѣдовать примѣру Франціи, гдѣ въ деревняхъ нѣтъ ни одного училища, а столицы щеголяютъ наружнымъ блескомъ находящихся тамъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Лагарпъ, будучи президентомъ директоріи, въ посланіи своемъ къ законодательному собранію распространяется о существенной необходимости открытія народныхъ школъ для страны, гдѣ каждый можетъ быть призванъ, по выбору согражданъ, къ участію въ дѣлахъ общественныхъ, рѣшающихъ судьбу отечества. Система, принятая директоріей, допускаетъ три рода, или правилнѣе, три степени училищъ, восходя отъ общаго образованія къ спеціальному. Первоначальныя школы служатъ для такъ-называемаго *instruction civique*, то-есть, доступны

для всѣхъ и важнаго, назначаются для народныхъ массъ и передаютъ свѣдѣнія, необходимыя для человѣка и гражданина вообще. Второй разрядъ училищъ обнимаетъ *connaissances politiques*. Они служатъ необходимымъ приготовленіемъ для образованія спеціальнаго, сосредоточеннаго въ высшемъ учрежденіи, которое называется *institut national*. Въ этомъ центральномъ институтѣ разрабатываются всѣ отрасли знанія, и въ трудахъ своихъ ученые не должны заботиться объ узкомъ, практическомъ и немедленномъ примѣненіи истинъ науки, ибо не слѣдуетъ забывать, что открытія Лавуазье приготовили торжество французскаго народа надъ врагами свободы. Духъ исключительности, мѣстнаго эгоизма кантоновъ, мѣстные предрасудки могутъ уничтожиться только посредствомъ національнаго, общаго и однообразнаго воспитанія. Въ немъ сольются въ служеніи одной цѣли народныя особенности Французовъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, составляющихъ швейцарскую націю. Первая и настоятельная потребность—сельскія школы. Отечество должно протянуть руку помощи своимъ сынамъ, требующимъ его заботы: это — его священныи долгъ, который долженъ быть уплаченъ прежде всѣхъ другихъ. Собственно говоря, начальное или элементарное образованіе должно бы быть всестороннимъ, развивая умственныя и нравственныя силы человѣка и дѣлая его годнымъ ко всѣмъ случайностямъ, въ какія поставитъ его судьба. Оно должно бы научить читать, писать, ариметикѣ, планиметріи, дать общія понятія о естественной исторіи, физикѣ, географіи и исторіи, объ искусствахъ и ремеслахъ наиболѣе полезныхъ, объ устройствѣ человѣческаго тѣла и его отправленіяхъ, объ основныхъ правилахъ гигиены, о домашнемъ хозяйствѣ и бухгалтеріи. Оно должно также обнимать конституцію, главнѣйшіе законы и ученіе о нравственности. Но свѣдѣнія, полученныя о большей части сельскихъ учителей, заставляютъ директорію ограничить программу первоначальныхъ школъ обученіемъ чтенію, письму, счисленію, основаніями отечественнаго языка, свѣдѣніями о конституціи и нѣкоторыми упражненіями памяти и ума при помощи составленной съ этою цѣлю книги⁸⁹).

Завѣдываніе школами было ввѣрено воспитательнымъ совѣтамъ (*conseils d'éducation*), составленнымъ изъ лицъ, пользующихся въ краѣ общимъ уваженіемъ по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, безъ различія званій и сословій. Отъ учителя требовалось, чтобы онъ былъ примѣрный семьянинъ, скромнаго характера, не сплетникъ, отнюдь не фанатикъ, но непремѣнно — патриотъ. Въ числѣ средствъ для поддержанія и развитія просвѣщенія признаны: совѣщанія учите-

лей между собою и у инспектора, который сообщает свѣдѣнія о ходѣ учебнаго дѣла въ другихъ кантонахъ Швейцаріи; учрежденіе, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, школъ промышленныхъ, воскресныхъ, вечернихъ, и т. п. Каждые полгода учителя собираются для выбора лучшихъ учениковъ — *élus*. Такъ называются четырнадцатилѣтніе мальчики, отличающіеся дарованіями, прилежаніемъ, успѣхами и расположеніемъ къ учительскому званію. Они подвергаются экзамену — изъ чтенія, письма, ариметики, закона Божія, исторіи, конституціи и географіи отечества. Четыре года остаются они въ классѣ избранныхъ (*des élus*), и за-тѣмъ изъ нихъ выбираются такъ-называемые *élèves de la patrie*, которые, по окончаніи своего образованія, получаютъ званіе народныхъ учителей. — Воспитательные или училищные совѣты были орудіями высшей власти, руководившей народнымъ просвѣщеніемъ и сосредоточенной въ директоріи. Но въ инструкціи совѣтамъ развивается та мысль, что въ другихъ отрасляхъ администраціи главное достоинство правительственныхъ органовъ заключается въ механическомъ почти исполненіи приказаній свыше; въ дѣлѣ же просвѣщенія подвѣдомственные лица имѣютъ полное право свободно и независимо обсуждать предписанія начальства, вникая въ духъ законовъ и учреждений, возбуждая, поддерживая и направляя дарованія, и такимъ образомъ содѣйствуя благороднѣйшимъ стремленіямъ человечества ³⁰).

Душою всѣхъ преобразованій и предпріятій въ области народнаго образованія былъ министръ просвѣщенія Стапферъ, уроженецъ Берна, довершившій свое образованіе въ Геттингенѣ подъ руководствомъ Гейне, Михаэлиса, Эйхгорна и другихъ ученыхъ. Онъ былъ профессоромъ словесности и философіи въ политическомъ институтѣ (*institut politique*) въ Бернѣ. Въ этомъ высшемъ учрежденіи воспитывались молодые люди, готовившіеся къ наиболѣе видной общественной и политической дѣятельности. Сойдя съ государственнаго поприща, Стапферъ поселился навсегда во Франціи. Онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своими литературными трудами, какъ представитель реформатской церкви и ея ученія во Франціи. Судя по отзывамъ Лагарпа, Стапферъ былъ самымъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ Швейцаріи въ эпоху ея возрожденія ³¹).

Позднѣйшіе дѣятели системы народнаго образованія того времени замѣчаютъ въ ней слѣды революціонной экзальтаціи. Сама республика Гельветическая не была понята и усвоена народомъ; она существовала только на бумагѣ. Для приведенія въ исполненіе системы народнаго

образованія недоставало подготовленныхъ людей и денегъ, а главное— ей недоставало внутренней силы, религиозныхъ убѣжденій. Директорія строго порицала одного изъ своихъ сочленовъ, назвавшаго себя въ официальномъ актѣ христіаниномъ, и требовала совершеннаго индиферентизма въ дѣлѣ религіи⁹²⁾. Въ книгахъ, назначаемыхъ для швейцарскаго юношества, проводилось такое воззрѣніе на религію. Всѣ народы міра имѣютъ религію: изъ этого можно заключить, что она свойственна человѣческой природѣ и сообразна съ идеями разума; сверхъ того она скрѣпляетъ общественный союзъ, требуя повиновенія законамъ и любви къ ближнему. У каждаго народа свои религиозныя понятія и обычаи, и различіе между ними зависитъ отъ степени народной образованности, но у всѣхъ одно основное вѣрованіе, состоящее въ томъ, что есть всемогущій Богъ, Творецъ всего созданнаго, награждающій добро и карающій зло. Истинная религія изображаетъ Бога всесовершеннѣйшимъ, не придавая ему никакихъ человѣческихъ страстей; она требуетъ отъ людей любви, состраданія, братства; она приноситъ съ собою надежду и утѣшеніе, и дѣйствуя на чувство и разумъ, никогда не прибѣгаетъ къ насилію для поддержанія своихъ требованій.—Нравственныя понятія тогдашнихъ педагоговъ видны изъ слѣдующаго опредѣленія сущности человѣческихъ обязанностей. Обязанность или долгъ (*le devoir*) заключается, во-первыхъ, въ исполненіи условій, заключенныхъ въ средѣ гражданскаго общества; во-вторыхъ, въ выборѣ наименьшаго труда для полученія наибольшаго удобства и наслажденія; въ этомъ — суть всѣхъ обязанностей, и въ исполненіи ихъ всегда заключается наша личная выгода⁹³⁾.

Въ сужденіяхъ о нравственной дѣятельности Лагарпа, современныхъ ему и послѣдующихъ, отражаются два политическія начала, бывшія долгое время въ сильнѣйшей, взаимной враждѣ. Одни называютъ его освободителемъ своей родины, другіе — измѣнникомъ и предателемъ отечества⁹⁴⁾. Оставляя въ сторонѣ безцвѣтные панегирики и жолчную брань, укажемъ на одну изъ лучшихъ характеристикъ Лагарпа, принадлежащую автору очерковъ національной исторіи:

Лагарпъ вступилъ въ управленіе страной при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Его не было при самомъ началѣ революціи. Сперва онъ отказывался отъ власти, чтобы дать время остыть страстямъ и утихнуть революціонному движенію, не согласному съ порядкомъ вещей конституціоннымъ, котораго онъ былъ горячимъ за-

щитникомъ и приверженцемъ. Онъ вынужденъ былъ вести полемику, что не согласно съ характеромъ лица, облеченнаго властью. Видя, что революція не уступаетъ конституціи, Лагарпъ рѣшился взять на себя общественную дѣятельность и вести отчаянную борьбу съ партіями. У Лагарпа было гораздо болѣе энергии и смѣлости, нежели властолюбія. Обладая мужествомъ и рѣшительностью, онъ не имѣлъ той гибкости, которая свойственна всѣмъ властолюбцамъ. Онъ упорствовалъ, но не прибѣгалъ къ окольнымъ путямъ. Говорятъ, что Наполеонъ сказалъ о Лагарпѣ, что онъ не способенъ ни повелѣвать, ни повиноваться. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые побѣдоносно нападаютъ, но очень плохо защищаются. Онъ былъ главнымъ орудіемъ швейцарской революціи, и никто не посмѣетъ отрицать, что, благодаря ей, современная Швейцарія лучше Швейцаріи восемнадцатаго вѣка, страдавшей подъ гнетомъ всемогущихъ baillis. Лагарпа нельзя назвать революціонеромъ въ собственномъ смыслѣ; онъ стремился къ свободѣ, а не къ революціи. Въ характерѣ его, въ дѣйствіяхъ, въ самомъ способѣ выраженія слышится душа человѣка, сжившагося съ міромъ древности, напитаннаго идеями Тацита. Въ языкѣ его, помимо общихъ свойствъ языка революціи, встрѣчаются слова, полныя истинно-римской силы и выразительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ характерѣ Лагарпа есть черты древняго швейцарскаго закала. Подобно знаменитому историку Миллеру, Лагарпъ черпалъ вдохновеніе въ священной для обоихъ отечественной исторіи; вліаніе ея отразилось въ его постукахъ, въ его идеяхъ и сочиненіяхъ⁹⁵).

Соглашаясь во многомъ съ авторомъ приведенной характеристики, замѣтимъ, что если и допустить сближеніе Лагарпа съ Миллеромъ, то едва-ли не вѣрнѣе искать его въ той неспособности къ собственно-политической дѣятельности, которую такъ ярко очертилъ въ Миллерѣ другъ его Бонштетенъ. Ты рѣшительно не годишься для политики, — писалъ Бонштетенъ Миллеру, — у тебя гораздо болѣе учености, пыла и краснорѣчія, чѣмъ сколько нужно для государственнаго человѣка; ты въ высшей степени обладаешь именно всѣмъ тѣмъ, чего не нужно для политика; жизнь твоя — въ наукѣ, все другое для тебя смерть; ты созданъ для книгъ, а не для дѣлъ; славу свою и величіе найдешь въ себѣ самомъ, а не въ передней вельможъ, между лакеями и льстецами, и т. д.⁹⁶).

По низверженіи директоріи, Лагарпа постигло новое несчастіе. По поводу довольно темной исторіи съ подметнымъ письмомъ, гдѣ гово-

рилось о заговорѣ противъ Наполеона, Лагарпъ былъ арестованъ, и подъ прикрытіемъ конвоя его повезли изъ Лозанны въ Бернъ. Но на пути онъ бѣжалъ, и послѣ ряда приключеній, неразлучныхъ съ побѣгомъ, достигъ французской границы, а наконецъ, и Парижа.

Долго бы прожилъ Лагарпъ во Франціи, если бы его не вызвало оттуда событіе въ высшей степени важное — восшествіе на престолъ императора Александра. Оно пробудило въ душѣ Лагарпа давнія мечты и надежды; у него возникла мысль о сближеніи своего бывшего питомца съ человѣкомъ, въ рукахъ котораго была судьба Франціи; онъ ожидалъ переменъ къ лучшему въ положеніи его отечества, которое вынужденъ былъ покинуть въ самыя тяжкія времена. Получивъ отъ императора Александра теплый отвѣтъ на свои привѣтственные письма, Лагарпъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія, снова отправился въ Петербургъ.

V.

Шесть лѣтъ, проведенныя Лагарпомъ внѣ Россіи, имѣли огромное значеніе въ его жизни и во многомъ измѣнили его понятія. Отправляясь въ первый разъ въ Россію, онъ, по собственному сознанию, былъ идеалистомъ и теоретикомъ, жилъ болѣе съ книгами, нежели съ людьми. По возвращеніи его въ отечество судьба бросила его въ водоворотъ политическихъ событій; онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ жизнью и съ страстями человѣческими, и пріѣхавъ въ Россію, находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся событій. Слѣды вынесеннаго имъ испытанія отразились въ его воззрѣніяхъ, которыя онъ высказывалъ императору Александру на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ. Повторяя, болѣе изъ приличія, нежели по глубокому убѣжденію, свой старый припѣвъ о свободѣ и равенствѣ, Лагарпъ съ неудержимымъ негодованіемъ возстаетъ противъ призрачной свободы народныхъ собраній и видитъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, охраняющемъ страну отъ губельной игры раздраженныхъ самолюбіи и сумазбродныхъ идей, радящихся въ мантию либерализма. Восемнадцать мѣсяцевъ дѣйствительнаго управленія показали ему — по крайней мѣрѣ, онъ былъ въ томъ убѣжденъ — людей и жизнь въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, разсѣяли его мечты и фантазіи и до того овладѣли имъ, что въ бесѣдахъ своихъ съ императоромъ Александромъ онъ никоимъ образомъ не могъ отрѣшиться отъ тягостнаго воспоминанія объ этихъ речевыхъ для него восемнадцати мѣсяцахъ. Предостерегая юнаго государя отъ либераль-

ныхъ увлеченій, Лагарпъ убѣждаетъ его дорожить своею властью. видоизмѣняя ее мало по малу, безъ шума и крика народныхъ собраній, мудрыми и прочными учрежденіями, и указываетъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностью и правосудіемъ.

Основывая совѣты свои главнымъ образомъ на своей личной опытности, Лагарпъ впадаетъ иногда въ противорѣчія и непоследовательность. Его политическая роль въ Швейцаріи состояла въ ожесточенной борьбѣ за *единство* и *нераздѣльность* республики, и онъ на всевозможные лады доказывалъ необходимость безусловнаго сплоченія въ одно государство, съ уничтоженіемъ мѣстной автономіи, всѣхъ кантоновъ, не смотря на рѣзкое различіе между жителями по ихъ племеннымъ особенностямъ, по языку, правамъ, обычаямъ, складу ума и образованности. Въ Россіи же онъ проповѣдывалъ совѣтъ инья начала. Онъ требовалъ обособленія нѣкоторыхъ частей Россіи, преимущественно Прибалтійскаго края, и защищалъ всѣ мѣры тамошняго дворянства, видимо клонившіяся ко вреду и разоренію крестьянъ. Принявъ на себя роль адвоката дворянства, Лагарпъ увлекался личной дружбой и родственными связями, проживая въ Либавѣ какъ дома и рекомендуя Александру разныхъ лифляндскихъ бароновъ. По всей вѣроятности, подъ ихъ вліяніемъ и сквозь ихъ призму Лагарпъ смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ, отговаривалъ государя дѣйствовать рѣшительно, совѣтовалъ избѣгать самаго слова „освобожденіе“, замѣняя его описательнымъ выраженіемъ — „перемѣны въ экономическомъ бытѣ“, и главную задачу крестьянской реформы поставлялъ въ томъ, чтобы всячески охранять неприкосновенность помѣщичьихъ правъ собственности.

Подъ вліяніемъ швейцарскихъ событій Лагарпъ предлагалъ императору Александру уничтоженіе сената, или по крайней мѣрѣ, ограниченіе его правъ, и настаивалъ на необходимости учредить министерства, но энергически сдерживать произволъ министровъ, подчиняя ихъ дѣйствія личной волѣ главы государства. Участіе Лагарпа въ дѣлѣ образованія министерствъ вообще и министерства народнаго просвѣщенія въ особенности не подлежитъ сомнѣнію, хотя, быть можетъ, оно и не было такъ значительно, какъ изображается въ его собственномъ разказѣ. Лагарпъ видя, что то, о чемъ говоритъ онъ съ императоромъ, приводится въ дѣло, могъ невольно преувеличивать и добросовѣстно ошибаться, тѣмъ болѣе, что при любезности обхожденія и тактѣ императора Александра, трудно предполагать, чтобы онъ жалалъ разоча-

ровывать своего бывшего наставника, когда тотъ воображалъ, что онъ дѣйствуетъ по его совѣтамъ. Когда жена Лагарпа сказала Александру, что Парижане въ восторгѣ отъ него, Александръ отвѣчалъ ей: „Если во мнѣ есть что-либо заслуживающее расположеніе, то кому я этимъ обязанъ, какъ не вашему мужу? Если бы не было Лагарпа, не было бы Александра“. Подобныя вещи встрѣчаются и въ письмахъ Александра, въ которыхъ онъ благодаритъ Лагарпа за всѣ его заботы и за внушенные имъ принципы, и говоритъ даже, что первую истинною радостью его по вступленіи на престолъ было полученіе письма отъ Лагарпа. Легко представить себѣ, что и какъ отвѣчалъ Александръ Лагарпу на его безпрестанныя и настойчивыя заявленія о той или другой реформѣ. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ рѣшеніи нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, занимавшихъ правительство во время вторичнаго пребыванія Лагарпа въ Россіи, есть доля его вліянія, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшенъ по исключительному вліянію Лагарпа и по его мысли. Объ участіи Лагарпа можно до нѣкоторой степени судить по извлеченіямъ изъ засѣданій негласнаго комитета ⁹⁷⁾. Члены его иронически отзывались о крайней скукѣ перечитывать длиннѣйшія письма Лагарпа, которыя по цѣлымъ годамъ оставались не распечатанными и состояли изъ набора словъ и сентенцій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, члены комитета сознавались, что напыщенная болтовня Лагарпа производитъ впечатлѣніе на государя, не оставляющаго его совѣтовъ безъ вниманія ⁹⁸⁾.

Безспорную заслугу Лагарпа составляетъ его добросовѣстность въ исполненіи тѣхъ работъ, которыя ему поручались. Онъ ревностно добывалъ матеріалы, отчетливо и подробно изучалъ ихъ, и труды его можно иногда укорить въ многословіи, но никогда — въ небрежности. Обширныя записки, которыя онъ составлялъ по важнѣйшимъ вопросамъ, преимущественно по народному образованію, извлеченія, которыя онъ дѣлалъ изъ различныхъ иностранныхъ сочиненій съ указаніемъ того, что въ нихъ есть относящагося къ Россіи и что могло бы съ пользою быть примѣнено къ русской жизни, показываютъ его искреннее стремленіе содѣйствовать благосостоянію страны, ставшей для него вторымъ отечествомъ. Отзывы его о Русскихъ бывають иногда навжны, но всегда проникнуты сочувствіемъ къ русскому народу ⁹⁹⁾.

Въ августѣ 1801 года Лагарпъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ мая 1802 года выѣхалъ обратно во Францію. Всѣ эти девять мѣсяцевъ Лагарпъ провелъ почти неразлучно съ государемъ, а если

и разставался на короткое время, то не прерывалъ письменныхъ сношеній, посылая письма и записки въ Москву, куда ѣздилъ государь для коронованія и приглашалъ съ собою Лагарпа, но онъ отказался, чтобы не возбудить толковъ и зависти въ придворномъ кругу. Немедленно по приѣздѣ въ Петербургъ Лагарпъ былъ принятъ государемъ и провелъ у него около трехъ часовъ. По возвращеніи изъ Москвы государь посѣтилъ Лагарпа. Имѣя въ виду все время пребыванія своего въ Россіи посвятить исключительно государю, Лагарпъ рѣшился являться ко двору не иначе, какъ по приглашенію, видаться только съ старыми знакомыми и держать себя какъ можно дальше отъ дипломатическаго корпуса. Императоръ посѣщалъ Лагарпа два раза въ недѣлю, но какъ нельзя было заранѣе назначить день и часъ посѣщенія, то Лагарпъ никуда не выходилъ изъ дому. Часто государь заставлялъ его въ халатѣ, приходя къ нему побесѣдовать, какъ молодой другъ къ своему старому наставнику.

Первыя письма Лагарпа повторяютъ то же самое, что онъ говорилъ на своихъ историческихъ урокахъ; иногда приводятся не только тѣ же мысли, но тѣ же самыя выраженія, которыми изобилуетъ читанный Лагарпомъ курсъ исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проглядываютъ идеи новыя, показывающія поворотъ въ образѣ мыслей бывшаго директора республики.

— Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ тридцати шести милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права — не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными. Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные восемнадцать мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ея изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра, между благодѣтелями рода человѣческаго и защитниками началъ истины и добра. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту письма Лагарпъ говоритъ: До 1815 года надежда эта исполнялась, но духъ злобы задержалъ славный ходъ, а Веронскій циркуляръ 1822 года обнаруживаетъ почти реакцію.

— Отдавая Антонинамъ должную дань хвалы,—говоритъ Лагарпъ въ другомъ письмѣ, — потомство съ горестью уворяетъ ихъ въ томъ, что они не утвердили народнаго блага на основаніяхъ неизблемыхъ, которыя могли бы сдерживать необузданный произволъ Коммодовъ, Каракаллъ, Эліогабаловъ. Вамъ, государь, подобаетъ даровать народу своему великое благо — спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластиа тирановъ. Вы такъ думали и чувствовали, когда еще не испытали обаянія власти. Будучи въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ облеченъ властью, которую обстоятельства дѣлали неограниченною, я могу засвидѣтельствовать, что требуется большихъ усилій и надо быть постоянно на сторожѣ, чтобы не поддаться заманчивому призыву самовластиа. Первая потребность вашего народа—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судо-производство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы. Ваше судопроизводство — сущій Дедалъ, и только кляузы, плутни и взятки помогаютъ выбраться изъ этого лабиринта. Заключу своимъ старымъ приѣздомъ: единственный вѣрный другъ монарха—его собственное, здравое разсужденіе.

За нѣсколько дней до коронованія Александра I Лагарпъ писалъ ему: „Когда на главу вашу возложить корону, вспомните великолѣпную рѣчь Юдая въ Гоэолиі Расина и тихо повторите объѣтъ, данный вами еще въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ — утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ“. Рѣчь Юдая сильно напоминаетъ нѣкоторыя мѣста изъ лекцій Лагарпа, дословно повторяющія то, что выражено въ звучныхъ и нарядныхъ стихахъ Расина. Передаемъ ихъ по стихотворному переводу временъ Александра I ¹⁰⁰). Первосвященникъ Юдай говоритъ Іоасу передъ помазаніемъ его на царство:

Вдали отъ трона взросъ, еще не знаешь ты
 Сей чести пагубной, заманчивой мечты.
 Ты самовластиа не испыталъ отравы,
 И голосъ не прельщаль тебя льстецовъ лукавыи.
 Услышишь ты отъ нихъ, что сколь ни святъ законъ,
 Лишь подмой черни въ страхъ, царямъ подвластенъ онъ;
 Что прихотію царь одной водиться воленъ,
 Величью своему всѣмъ жертвовать онъ долженъ;
 Что къ скорби и къ трудамъ народъ ввѣкъ осужденъ,
 Лишь можетъ быть жезломъ жегъзненнымъ упасенъ;
 Коль не тѣснять его, то самъ онъ притѣснитель;
 Такъ въ сѣти улова, свершать твою погибель:

Заставят презирать и нравовъ чистотой;
 Гнушаться наконецъ и истинной самой,
 И въ добродѣтели страшилище покажутъ;
 Мудрѣйшій царь, увъ! льстецами былъ обмануть...

Въ письмахъ и запискахъ Лагарпа идетъ рѣчь о предметахъ разнообразныхъ, отъ преобразования государственнаго быта Россіи до личныхъ привычекъ государя и денежныхъ средствъ Лагарпа. При первыхъ встрѣчахъ разговоръ невольно касался событій, сопровождавшихъ кончину Павла и восшествіе на престолъ Александра I. Совѣты Лагарпа по этому поводу наивны до чрезвычайности. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ первый открылъ Александру всю суть дѣла. Лагарпъ съ жаромъ доказывалъ, что виновныхъ надо искать въ средѣ высоко поставленныхъ особъ, и что именно этихъ высшихъ особъ слѣдуетъ безотлагательно предать суду. Александръ возражалъ, что это совершенно не возможно при теперешнемъ настроеніи умовъ, волнуемыхъ слухами о реформахъ, и въ виду сильной аристократической партіи, привыкшей къ дворцовымъ катастрофамъ и опирающейся на гвардію. Лагарпъ совѣтовалъ уничтожить гвардію, утверждая, что армія можетъ служить болѣе надежною защитой престола: стоитъ только черезъ каждые два года призывать по очередно полки изъ внутреннихъ губерній. Съ уничтоженіемъ гвардіи прекратилась бы оскорбительная для военной чести рознь между войсками, и столица избавилась бы отъ своего рода преторіанцевъ, принимающихъ дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ и волненіяхъ.

Не добившись судебного преслѣдованія противъ знатныхъ особъ, которыхъ ненавидѣлъ по принципу, Лагарпъ старался повредить нѣкоторымъ изъ нихъ, хотя вовсе чуждымъ совершившейся катастрофы, какъ, напримѣръ, Завадовскому и Панину. О Завадовскомъ онъ много разъ и говорилъ, и писалъ, какъ о человѣкѣ совершенно неспособномъ быть министромъ народнаго просвѣщенія. Графъ Панинъ далъ всѣмъ представителямъ Россіи за границею инструкцію, чтобы они присылали отчеты двоякаго рода: одни должны были быть посвящены текущимъ событіямъ и доводились до свѣдѣнія государя; другіе извѣщали о происшествіяхъ, планахъ, предпріятіяхъ болѣе конфиденціального свойства и извѣстны были одному Панину. Лагарпъ угрожалъ русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, Будберга, показать государю инструкцію. При чтеніи одной ноты, гдѣ былъ намекъ на секретную инструкцію, государь настойчиво ее потребовалъ, и Панинъ былъ удаленъ.

Слухи о либеральныхъ наклонностяхъ государя вызвали много, болѣе или менѣе неудачныхъ, проектовъ въ либеральномъ духѣ со стороны лицъ совершенно другаго настроенія. Лагарпъ предостерегаетъ отъ этихъ господъ, надѣвшихъ маску изъ угодничества и личныхъ разчетовъ. Въ подтвержденіе необходимости реформы онъ указываетъ на слѣдующія обстоятельства: вопиющія злоупотребленія въ администраціи; стремленія, зараждающіяся въ русскомъ обществѣ, усиленныя ошибками прошлаго царствованія, и политическія доктрины; проповѣдуемыя на югѣ Европы. Лагарпъ перебираетъ, кто будетъ за реформу и кто противъ нея. Противъ реформы: высшая знать; все дворянство за немногими исключеніями; значительное большинство bourgeoisie; почти всѣ люди не молодые, сжившіеся съ извѣстными привычками; почти всѣ иностранцы — изъ страха, гнусной корысти или тупоумія; люди, запуганные тѣмъ, что произошло во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи; агенты иностранныхъ державъ, не желающихъ, по своимъ видамъ, преуспѣянія Россіи посредствомъ мудрыхъ и зрѣлыхъ преобразованій; тормозомъ и сильнымъ препятствіемъ служатъ также чины — истый бичъ Россіи, отвлекающій гражданъ отъ дѣятельнаго труда, заставляя ихъ гоняться за мѣстами. За реформу: Александръ I; нѣсколько дворянъ, молодыхъ и образованныхъ; часть bourgeoisie, которая, впрочемъ, сама не очень-то хорошо знаетъ, чего она хочетъ; нѣсколько писателей, не имѣющихъ вліянія, и быть можетъ, нижніе военные чины; о народѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. ибо хотя онъ и желалъ бы улучшенія своего быта, но при невѣжествѣ массы съ народомъ невозможно совѣщаться о его нуждахъ.

Всѣ совѣты Лагарпа объ управленіи государствомъ сводятся къ одному основному началу — твердой и непоколебимой власти. Выслушайте — говоритъ онъ — съ вашею обычною снисходительностью различныя мнѣнія, взвѣшивайте ихъ, и затѣмъ, провозносите вашу волю: говорю „вашу волю“, ибо, къ счастью для страны и народа, право повелѣвать принадлежитъ исключительно вамъ. Начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ стремятся обыкновенно къ самоуправству, и въ теченіе моего восемнадцатилѣтняго управленія, мнѣ приходилось постоянно сдерживать министровъ въ предѣлахъ ихъ власти, не смотря на то, что это было въ республикѣ. Если бы вы были окружены Кольбертами и Сюлли, я и тогда сказалъ бы вамъ: совѣщайтесь съ вашими министрами, вникайте въ ихъ дѣятельность, но держите ихъ въ почтительномъ отдаленіи, оставляя за собою послѣднее слово, и не только не допускайте и тѣни ихъ вліянія, но дѣйствуйте такъ,

чтобъ они не могли ни предвидѣть ваше рѣшеніе, ни отгадать вашу тайну... По всѣмъ сколько-нибудь значительнымъ вопросамъ необходимо давать категорическіе отвѣты; рѣшительное „нѣтъ“ гораздо лучше дѣйствуетъ, нежели неопредѣленность и проволочка... Не увлекайтесь отвращеніемъ, которое вы питаете къ неограниченной власти; имѣйте мужество сохранить ее всецѣло, безъ малѣйшаго ущерба, до тѣхъ поръ, пока окончатся всѣ предварительныя работы, существенно необходимыя для какаго бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ оставить за собою какъ можно болѣе власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полнаго обезпеченія силы и могущества правительства. Принимайте къ свѣдѣнію проекты, представляемые вамъ для ограниченія вашихъ правъ, но не давайте никакихъ на этотъ счетъ обѣщаній. Верховный совѣтъ, захватившій власть по смерти Петра II, не пользовался любовью и довѣріемъ народа. Несравненно хуже было бы принято что-либо подобное въ настоящее время. Власть прусскихъ монарховъ неограниченна, а между тѣмъ они не позволяютъ себѣ произвола, и подданные ихъ пользуются совершенною гражданскою свободою, вслѣдствіе того, что уже болѣе ста лѣтъ граждане образуются тамъ въ дѣлахъ и для дѣлъ, и правительство усвоило себѣ привычку дѣйствовать медленно, осмотрительно и по здоровомъ обсужденіи каждой мѣры. Въ Пруссіи предоставлена полная свобода печатному слову, но она сдерживается сама собою: въ обществѣ нѣтъ разнузданности, замѣчаемой у Французовъ и Русскихъ. Городское устройство въ Пруссіи образцовое, и т. д... Доступность, участіе къ народнымъ нуждамъ легко совмѣщается съ строгимъ сохраненіемъ власти. Периклъ въ Афинахъ, Козьма и Лаврентій Медичи во Флоренціи сумѣли, не поступаясь своими правами, управлять республиканскими народами.

Проекты, клонившіеся къ ограниченію власти, оказывались крайне несостоятельными; одинъ изъ нихъ былъ переданъ государемъ на разсмотрѣніе Лагарпу. Проектъ представлялъ безобразную смѣсь ключковъ, вырванныхъ изъ конституцій различныхъ странъ и сшитыхъ на живую нитку. Таковъ былъ отзывъ Лагарпа, совершенно согласный съ мнѣніемъ самого государя. Лагарпъ узналъ въ послѣдствіи, что авторомъ проекта былъ князь Адамъ Чарторижскій.

Несравненно серіознѣе было заявленіе о правахъ сената, расширеніе которыхъ неминуемо повлекло бы къ ограниченію верховной власти главы государства. По словамъ Лагарпа, эта западня была поставлена немедленно по вступленіи государя на престолъ. Императора

склонили предложить сенату доставить свѣдѣнія о правахъ, дарованныхъ ему въ прежнія царствованія. Въ представленіи сената заключался длинный списокъ правъ, до того широкихъ, что почти ничего не оставалось на долю верховной власти. Лагарпъ не допускаетъ ни малѣйшей уступчивости со стороны монарха и не признаетъ ни пользы, ни возможности замѣнить сенатъ какимъ-либо другимъ собраніемъ. Я видѣлъ эти народныя собранія, — говоритъ онъ, — созываемыя съ величайшимъ трудомъ; почти всюду они дѣлаютъ одни только глупости, и я отъ души поздравляю Россію, управляемую монархомъ, облеченнымъ во всеоружіе власти, необходимой для мудраго и постепеннаго преобразования и для доставленія народу не призрачной, а дѣйствительной свободы, не подвергая судьбы его случайностямъ народныхъ собраній, въ которыхъ бушуютъ разнузданныя страсти, и заглушается голосъ справедливости, благоразумія и истинной любви къ отечеству. Россія не приготовлена къ подобнымъ преніямъ, да еслибъ она и была готова къ нимъ, я не пересталъ бы повторять, что государь, при помощи министровъ и совѣта, можетъ и долженъ обойтись безъ сената, чтобы достигнуть благой цѣли, которая не достижима при существованіи сената. Въ отвѣтъ на рѣзкія выходки противъ сената, государь замѣтилъ, что дѣла въ немъ идутъ даже хуже, чѣмъ полагаетъ Лагарпъ. „Я самъ два года присутствовалъ въ сенатѣ въ царствованіе отца моего“, сказалъ государь, и вставъ съ своего мѣста, изобразилъ въ лицахъ доклады и постановленіе резолюцій въ сенатѣ.

Много разъ государь выражалъ глубокую скорбь о страшной безурядицѣ, господствующей въ администраціи, и о невозможности добраться до настоящаго корня и источника зла. Однажды государь пришелъ къ Лагарпу въ страшномъ волненіи и объявилъ, что цѣлыя сотни жителей Иркутска погибаютъ за недостаткомъ продовольствія, и всѣ усилія отыскать виновныхъ оказываются напрасными. Лагарпъ воспользовался случаемъ, чтобы снова настаивать на учрежденіи министерствъ. Подъ вліяніемъ прежнихъ доводовъ Лагарпа въ виду совершающихся событій, государь приступилъ къ осуществленію задуманнаго дѣла, поручивъ веденіе его комиссіи, составленной изъ Кочубея, Строгонова, Новосильцова и Чарторижскаго; въ засѣданія ея, по волѣ императора, приглашаемъ былъ и Лагарпъ.

Особенное участіе принималъ Лагарпъ въ трудахъ по устройству министерства народнаго просвѣщенія и по разработкѣ вопросовъ, входящихъ въ кругъ этого вѣдомства. Просвѣщеніе в законодатель-

ство—говорить онъ—два главные отдѣла великаго государственнаго труда. О просвѣщеніи наговорено много прекрасныхъ словъ, частью выкраденныхъ у древнихъ, частью отражающихъ метафизическія бредни новѣйшихъ резонеровъ. У Французовъ были великолѣпные проекты этого рода. У нихъ есть институтъ, считающій въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ ученыхъ; есть политехническая школа, пританен, коллегіумы, академіи, словомъ все, что блещитъ и пускаетъ пыль въ глаза. Но во Франціи ничего не сдѣлано для образованія жителей сель и деревень. Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но вѣсть съ ними пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать. Существованіе народныхъ школъ составляетъ огромное преимущество и нравственную силу Англій, Голландій, Америки и протестантской Германіи. Необходимо собрать точныя свѣдѣнія о распространеніи грамотности въ Россіи, въ городахъ и селахъ, между казенными и помѣщичьими крестьянами, и позаботиться о приготовленіи учителей для народныхъ школъ и о составленіи руководствъ для первоначальнаго обученія. Лагарпъ съ гордостью указываетъ на примѣръ Швейцаріи, гдѣ первымъ дѣйствіемъ директоріи было преобразование народнаго просвѣщенія. Считаая лучшимъ памятникомъ того времени инструкціи воспитательнымъ совѣтамъ, составленнымъ министромъ Стапферомъ, Лагарпъ представляетъ ихъ императору Александру въ руководство при составленіи устава училищъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Ожидая самыхъ счастливыхъ результатовъ отъ учрежденія сельскихъ школъ въ Россіи, Лагарпъ основывалъ свои надежды на врожденные свойства русскаго человѣка, о которыхъ отзывается съ большимъ сочувствіемъ. Обращаясь къ государю, онъ говоритъ:—Немногіе народы въ такой степени, какъ Русскіе, достойны тѣхъ благъ, которыя вы несете своему народу. Русскій народъ отличается силою характера, отвагою, добродушіемъ и веселостью. Нельзя не удивляться расторопности и смышленности Архангельскихъ и Вологодскихъ крестьянъ, образующихъ артели, въ которыхъ съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ относятся всѣ торговые дома и конторы. Но распространять знанія въ народѣ можно и должно только посредствомъ природныхъ Русскихъ, а отнюдь не иностранныхъ учителей. Иностранцы не могутъ быть истинными просвѣтителями народа: они не въ состояніи распознать неуловимые оттѣнки въ складѣ ума, въ обычаяхъ и предразсудкахъ, съ которыми сжился народъ, и которые надобно щадить,

чтобы не подорвать довѣрія къ благодѣтельнымъ нововведеніямъ. Въ Россіи, болѣе нежели гдѣ-либо, ненавидятъ иностранцевъ, и правду сказать, они надѣлали здѣсь столько вреда, что Русскіе совершенно правы въ чувствѣ ненависти и презрѣнія къ своимъ чужеземнымъ опекунамъ. Изъ русскаго солдата, бойкаго, живаго, толковаго и предпріимчиваго, вы никогда не сдѣлаете Нѣмца, и сохрани васъ Богъ отъ стремленія онѣмечить храбрую русскую армію, у которой есть и сердце и душа: не убивайте ихъ нѣмецкою выправкою и педантизмомъ.

— Въ дѣлѣ народнаго образованія не допустите, государь, повториться тому, что произошло въ царствованіе вашей августѣйшей бабки, которая была одушевлена прекраснымъ намѣреніемъ распространить образованіе, но которую обманули, устроивъ наскоро нѣсколько блестящихъ заведеній. Запретите щеголять вѣнскими блескомъ, возбуждающимъ шумные толки въ ущербъ дѣйствительной пользѣ. Велите разоблачать обманъ, срывать маски и позлащенный хламъ, и да постигнетъ шарлатановъ заслуженное ими наказаніе. Народное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее,—вотъ краеугольный камень всего зданія. Лагарпъ разсматриваетъ составъ и дѣятельность комиссіи объ учрежденіи училищъ, открытой при Екатеринѣ и избравшей невѣрный путь, предпочитаая блескъ и мишуру прямой пользѣ и прочности дѣла. Комиссію составляли: Завадовскій, два секретаря Екатерины—Пастуховъ и Храповицкій, академикъ Эпинусъ и извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево. Всю бѣду Лагарпъ видитъ въ томъ, что предсѣдательство и право личнаго доклада государынѣ было предоставлено Завадовскому, который, по словамъ Лагарпа, былъ человекомъ въ высшей степени надменнымъ, корыстолюбивымъ, тщеславнымъ, окружавшимъ себя льстецами и не терпѣвшимъ людей правдивыхъ.

Разсмотрѣвъ, по порученію государя, находившійся въ сенатѣ отчетъ комиссіи о народныхъ училищахъ, представленный императору Павлу въ послѣдній годъ его царствованія, Лагарпъ пришелъ къ заключеніямъ такого рода. Отчетъ составленъ на основаніи данныхъ, собранныхъ кое-какъ; въ немъ много невѣрностей, пропусковъ, неточностей. Число учителей 914 показано невѣрно, ибо многіе изъ нихъ занимаютъ учительскія мѣста въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Оказывается, что въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1781 по 1800 годъ, число всѣхъ, высшихъ и низшихъ, училищъ, основанныхъ въ странѣ вѣтъ столицъ, простирается до 221; присоединивъ 29 начальныхъ школъ,

открытыхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, получили общее число 250. Изъ нихъ 216 учреждены въ первые двѣнадцать лѣтъ, слѣдовательно, по 18 въ годъ. Изъ этихъ двѣнадцати лѣтъ въ первые пять лѣтъ основано 169, слѣдовательно, по 34 въ годъ, и это блестящее пятилѣтіе послѣдовало въ слѣдъ за учрежденіемъ комиссіи. О такомъ неимоверномъ успѣхѣ много говорили въ свое время; награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы, и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только три училища. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла комиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ, и затѣмъ, погрузилась въ свою обычную летаргію.

Въ рукахъ Завадовскаго, какъ предсѣдателя, была раздача чиновъ, орденовъ и денежныхъ наградъ, и на эту удочку попались прежде другихъ Янковичъ де-Миріево и Пастуховъ; въ свою очередь Храповицкій, хорошо знакомый съ придворными тонкостями, не хотѣлъ противорѣчить такому вліятельному лицу, какъ Завадовскій. Непокосимымъ остался одинъ только Эпинусъ, который и подвергся опалѣ за прямоту и независимость своихъ мнѣній. Надо, однако же, замѣтить, что такой аттестатъ, весьма лестный для Эпинуса и весьма невыгодный для его сочленовъ, Лагарпъ даетъ со словъ самого Эпинуса, который въ этомъ дѣлѣ—весьма пристрастный свидѣтель. О самомъ Эпинусѣ ходили слухи, какъ о человѣкѣ тщеславномъ, предпочитавшемъ внѣшній блескъ скромному призванію ученаго: по крайней мѣрѣ современники отзывались о немъ, какъ объ ученомъ, хотя и весьма замѣчательномъ, но какъ будто стыдившемся своего званія. При обсужденіи плана народнаго образованія Эпинусъ отозвался, что ему вовсе неизвѣстны законы и бытъ Россіи (101). Несравненно убѣдительнѣе свидѣтельство самихъ фактовъ въ отчетахъ комиссіи, основательно разсмотрѣнныхъ Лагарпомъ.

Смотря на Завадовскаго глазами Эпинуса, Лагарпъ былъ очень опечаленъ тѣмъ, что бывшій предсѣдатель екатерининской комиссіи былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Утѣшая Лагарпа, Александръ говоритъ, что Завадовскій управляетъ министерствомъ не самовластно, а при содѣйствіи членовъ главнаго правленія училищъ, изъ которыхъ двое, Новосильцовъ и Чарторижскій, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ государемъ, и нѣтъ бумаги, которая прошла бы не черезъ ихъ руки, нѣтъ лица въ министерствѣ, опредѣленнаго не ими; роль Завадовскаго самая ничтожная, и онъ посаженъ

въ министерство только для того, чтобы не кричалъ о своемъ удаленіи ¹⁰²).

Мысль окружить министра народнаго просвѣщенія сотрудниками, обнаруживающаяся въ учрежденіи главнаго правленія училищъ, категорически заявлена Лагарпомъ. Онъ говоритъ: для устройства и развитія важной отрасли народнаго просвѣщенія необходимо учредить особое вѣдомство съ министромъ во главѣ, но для содѣйствія ему и для того, чтобы удерживать его отъ произвола, долженъ быть учрежденъ совѣтъ изъ лицъ, непосредственно назначаемыхъ верховною властію. Какъ ни очевидно кажется, что главное правленіе училищъ открыто по мысли и вліянію Лагарпа, но слѣдующія соображенія удерживаютъ отъ подобнаго вывода, или по крайней мѣрѣ, значительно его ослабляютъ. Вопервыхъ, коммиссія объ училищахъ, первообразъ министерства, была учрежденіемъ коллегіальнымъ. Во вторыхъ, главное правленіе училищъ состояло на первыхъ порахъ преимущественно изъ членовъ комитета, прозваннаго въ шутку *comité du salut publique*, которые участвовали во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ государственнаго управленія; объ учрежденіи совѣта Лагарпъ писалъ въ концѣ 1801 года, а комитетъ существовалъ еще въ бытность Александра Павловича великимъ княземъ. Втретьихъ, въ письмѣ къ Лагарпу о составѣ министерства, ограничивающемъ власть министра, Александръ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не даетъ замѣтить, что подобное ограниченіе произошло по совѣту Лагарпа. Изъ этого письма скорѣе видно, что государь вовсе не послѣдовалъ его совѣту. Лагарпъ предлагаетъ избрать Муравьева исключительно довѣреннымъ лицомъ по министерству: — *que Michel Nikitsch demeure seul dépositaire de vos projets et qu'on ne tarde pas à apercevoir que vous le distinguez*, а государь предпочелъ Муравьеву Новосильцова и Чарторижскаго.... Вотъ какъ трудно дѣлать положительные выводы о томъ или другомъ вліяніи даже въ томъ случаѣ, если всѣ факты, повидимому, на лицо.

— Главнымъ препятствіемъ — говоритъ Лагарпъ — для повсемѣстнаго распространенія школъ въ Россіи служитъ крѣпостное состояніе огромной массы народонаселенія. Какое образованіе возможно для людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которыми владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться произвольно, чтобы не сказать безнаказанно. Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, который очень легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ — въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ, во-

прось этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное—безъ жалѣйшаго посягательства на права собственности. Переходною ступенью отъ настоящаго положенія дѣль къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости можетъ служить образование средняго сословія (*tiers-état*), зародышъ котораго заключается уже въ учрежденіи гильдій и въ изданіи городского положенія. Слѣдовало бы дозволить всѣмъ сословіямъ приобрѣтать землю и предоставить крестьянамъ право выкупа, и т. п. Но всѣ мѣры этого рода надобно выставлять не иначе, какъ только улучшеніемъ или упрощеніемъ экономическаго быта — *simplification apportée à leur économie*, всячески избѣгая словъ: свобода, воля, освобожденіе.

Въ разговорѣ съ Лагарпомъ, Александръ часто касался способа облегчить положеніе крестьянъ. Разъ зашла рѣчь о мѣрахъ, предложенныхъ для улучшенія быта крестьянъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Лагарпъ восхвалялъ Сиверса, предводителя эстляндскаго дворянства. Государь сказалъ, что онъ живо помнитъ, съ какимъ жаромъ и ловкостью, въ царствованіе его отца, Сиверсъ защищалъ мѣстныхъ и сословныя права, но что онъ — самый тяжелый помѣщикъ для своихъ крестьянъ. Лагарпъ предложилъ свои услуги, обѣщая собрать свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сиверса къ своимъ крестьянамъ. По свѣдѣніямъ, которыя были добыты отъ дворянъ и пасторовъ, оказалось, что Сиверсъ ничѣмъ не хуже другихъ помѣщиковъ, что онъ не выходилъ изъ дозволенныхъ предѣловъ, не требовалъ даже дополнительныхъ работъ, и наконецъ, что онъ—истинный отецъ своимъ крестьянамъ. Лагарпъ съ умиленіемъ говоритъ объ условіяхъ, давно ужъ оцѣненныхъ по достоинству, освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи.

Питая особенную нѣжность къ Прибалтійскимъ провинціямъ, Лагарпъ предостерегаетъ отъ мѣръ опрометчивыхъ, называя такъ всякую перемѣну въ Прибалтійскомъ краѣ, несогласную съ видами тамошняго дворянства. Иосифъ II хотѣлъ ввести однообразное управленіе во всѣ области своего государства, не обращая вниманія на ихъ различіе между собою въ топографическомъ положеніи, бытѣ и языкѣ. Вслѣдствіе такой системы едва не послѣдовало распаденія Австрійской монархіи. Напротивъ того, Пруссія съ ея несравненною администраціей, держалась иной системы въ отношеніи Силезіи, Вестфалии и польскихъ провинцій, и теперь пожинаетъ плоды своей мудрости. Что касается русской администраціи, то она требуетъ коренныхъ преобразованій, а до тѣхъ поръ справедливость и благоразуміе заставляютъ

сохранять въ Прибалтійскомъ краѣ прежніе порядки и преимущества. Въ случаѣ какого-либо столкновѣнія съ тамошнимъ дворянскомъ слѣдуетъ допускать въ государственный совѣтъ и въ собраніе министровъ депутатовъ для защиты мѣстныхъ сословныхъ правъ и привилегій.

Сношенія Лагарпа съ императоромъ Александромъ, устные и письменныя, касались не только внутренней, но и внѣшней политики. Здѣсь на первомъ планѣ стояла Швейцарія. Привѣтствуя Александра съ восшествіемъ на престолъ, Лагарпъ счелъ нужнымъ сейчасъ же обратить вниманіе государя на положеніе дѣлъ въ Швейцаріи, и по пріѣздѣ въ Петербургъ, представилъ нѣсколько обширнѣйшихъ мемуаровъ о швейцарскихъ дѣлахъ, съ цѣлымъ томомъ объяснительныхъ примѣчаній о лицахъ и событіяхъ. Сущность всѣхъ писемъ и разсужденій по этому предмету заключается въ слѣдующемъ. Швейцарія, по своему географическому положенію, призвана охранять равновѣсіе Европы. Швейцарія, находясь между Германіей, Тиролемъ, Италіей и Франціей, можетъ служить надежнымъ оплотомъ равновѣсія только въ томъ случаѣ, если она будетъ единою и нераздѣльною. Въ противномъ случаѣ ее можетъ поглотить Франція, куда влекутъ ее интересы земледѣльческіе, фабричныя, промышленныя; швейцарскія рѣки и овера въ связи съ бассейнами Роны, Рейна и т. д. Раздробленія Швейцаріи особенно желаютъ Австрія и Франція, не безопасныя и для Россіи. Слабость Швейцаріи успокоитъ Австрію насчетъ Тироля, откуда она, въ случаѣ нужды, можетъ вывести свои войска къ мѣсту дѣйствія. Правительства прежней конфедераціи видятъ въ Австріи своего мессію. Въ случаѣ замысловъ на Италію, Австріи легко овладѣть горными кантонами, служащими цитаделью этой части Европы. Эмиссары австрійскіе дѣйствуютъ въ Швейцаріи; заодно съ Австріей дѣйствуетъ Англія, не вѣряющая въ продолженіе мира съ Франціей и выдающая въ Австріи niezbѣжную союзницу въ случаѣ войны. Россія и Пруссія особенно должны желать политической силы единой и нераздѣльной Швейцаріи, ибо они — сосѣди Австріи, желающей противнаго. Россія не можетъ навѣрно разчитывать на свое единичное посредничество, но, дѣйствуя заодно съ Пруссіей, она окажетъ давленіе на Францію, которой останется одно изъ двухъ—или присоединиться къ Россіи и Пруссіи, или обнаружить свои завоевательные замыслы, которые она упорно отрицаетъ. Въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру, Наполеонъ говоритъ о Швейцаріи; Александръ показалъ Лагарпу то мѣсто изъ письма, гдѣ рѣчь идетъ о Швейцаріи, и поручилъ составить мемуаръ: Лагарпъ пред-

ставилъ два, и оба были одобрены государемъ и отправлены въ первое консулу.

Много свѣтлыхъ надеждъ было возлагаемо на Францію и ея перваго консула, но скоро пришлось испытать жестокое разочарованіе. Лагарпъ смотрѣлъ на Бонапарта какъ на будущаго Тимолеона, и усердно хлопоталъ о сближеніи его съ императоромъ Александромъ. Главнымъ образомъ съ этою цѣлью Лагарпъ и предпринялъ свое путешествіе въ Россію. Но оказалось, что первый консулъ вмѣсто Тимолеона сдѣлался деспотомъ Наполеономъ, который заботился совсѣмъ не о благѣ человѣчества, а о личныхъ интересахъ своей династїи, о захватѣ чужихъ владѣній и о водвореніи своей безграничной власти на развалинахъ сокрушенной имъ свободы. Никто ловче Наполеона, говорить Лагарпъ, не облакается въ кожу ягненка, лисицы и льва; руководимое имъ движеніе назадъ, ко временамъ мрака и варварства, совершается съ удивительною быстротою; уже стыдятся признавать права разума и слагаютъ панегирики спасительному невѣжеству и похвальному легковѣрїю предковъ; честныхъ граждан ожидаетъ тюрьма и ссылка, а шпионовъ — деньги и почетъ; свобода слова подавлена, ибо существуетъ только для наемныхъ защитниковъ новой династїи. Передъ отъѣздомъ Лагарпа Александръ далъ ему письмо къ Наполеону, но оно не могло быть ему передано, потому что Наполеонъ сбросилъ съ себя маску. Отнынѣ, замѣчаетъ Лагарпъ, не возможны искреннія сношенія между Александромъ и Наполеономъ: со стороны перваго — законность, справедливость, либеральныя идеи и человеколюбіе; со стороны втораго — двуличіе, непомѣрное властолюбіе и преслѣдованіе либеральныхъ идей. Лагарпъ около тридцати лѣтъ продержалъ у себя вѣренное ему письмо, и наконецъ, передалъ его не распечатаннымъ императору Николаю.

Счастливейше былъ Лагарпъ въ попыткахъ своихъ къ сближенію Русскаго государя съ представителемъ другой державы, въ которой господствуетъ дѣйствительная, а не воображаемая, свобода. При посредничествѣ Лагарпа, императоръ Александръ вошелъ въ сношенія съ президентомъ Американскихъ штатовъ, Джеферсономъ (Jefferson). Лагарпъ питалъ глубокое уваженіе къ Джеферсону, зная его только по сочиненїямъ, и сообщилъ Александру мысли свои о взаимныхъ отношенїяхъ Россїи и Америки. Получивъ отвѣтъ, проникнутый искреннимъ сочувствїемъ къ Америкѣ и ея достойному президенту, Лагарпъ передалъ Американцу Барлову (автору Колумбїады, въ послѣдствїи полномочному министру при французскомъ дворѣ) выдержки изъ письма

для доставленія Джеферсону. Джеферсонъ написалъ письмо императору Александру, и такимъ образомъ начались дипломатическія сношенія между двумя государствами.

Не одного Джеферсона знакомилъ Лагарпъ съ образомъ мыслей Русскаго государя. Заботясь о распространеніи доброй славы своего бывшего питомца, Лагарпъ показывалъ письма его знаменитостямъ политическаго и литературнаго міра. Одно изъ нихъ онъ далъ прочесть Эрскину (Erskine), знаменитому оратору и государственному человѣку, изъ рѣчей котораго, произнесенныхъ въ англійскомъ парламентѣ, Александръ впервые ознакомился съ учрежденіемъ присяжныхъ (jury). По мѣрѣ того, какъ Эрскинъ читалъ, лицо его оживлялось, сильнѣе стала подыматься грудь, и на глазахъ показались слезы. „Это письмо“, сказалъ онъ, „слѣдовало бы начертать золотыми буквами“. И впечатлѣніе не было мимолетное: много лѣтъ спустя онъ вспомнилъ о письмѣ Русскаго государя въ рѣчи своей по поводу преній, касавшихся отчасти и Россіи.

Лагарпъ много разъ говорилъ Александру о педагогическомъ свѣтилѣ того времени, Песталлоци, посылалъ его сочиненія, описывалъ его методу и предлагалъ ввѣрить его руководству русскихъ молодыхъ людей, готовящихся къ педагогическому поприщу. Въ числѣ книгъ и брошюръ, излагающихъ воспитательную систему Песталлоци, Лагарпъ прислалъ: *Ueber die Pestalozzische Lehranstalt in Burgdorf*, совѣтуя государю обратить особенное вниманіе на страницу восемьдесятъ-первую и слѣдующія. Въ 1814 году Александръ видѣлся съ Песталлоци, бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ, обѣщалъ прислать ему учениковъ и приглашалъ его въ Россію. Но Лагарпъ находилъ это переселеніе крайне неудобнымъ по лѣтамъ и здоровью Песталлоци, по совершенному незнанію страны и по вѣшной непредставительности: будучи одаренъ прекрасною душой, одною изъ лучшихъ, какая только вышла изъ рукъ Создателя, Песталлоци до такой степени былъ обдѣленъ вѣшними дарами, что надо было пересилить себя, чтобы привыкнуть къ его отталкивающей наружности и приѣмамъ.

Не ограничиваясь современниками, Лагарпъ искалъ друзей государю между великими писателями всѣхъ вѣковъ и народовъ, завѣщавшими потомству свои просвѣтительныя творенія: — Прерывайте занятія ваши, государь, чтеніемъ Плутарха, Полибія, Тацита, Оукидида и Гиббона; вы много обязаны этимъ писателямъ; они дадутъ вамъ новыя силы, чтобы продолжать вашъ обычный трудъ; въ бе-

сѣдѣ съ великими людьми и въ сохраненіи ихъ борьбы съ препятствіями и несчастіями, душа пріобрѣтаетъ крѣпкій закалъ и вдохновляется несокрушимымъ мужествомъ. Изъ всѣхъ новыхъ языковъ русскій — самый близкій къ греческому и латинскому; онъ обладаетъ, въ переводѣ Библии и отцовъ церкви, великолѣпными задатками, которымъ должно дать полную свободу развиться, а вѣрнѣйшее средство для этого — переводъ образцовыхъ твореній греческой и римской литературъ. Переводы Полибія, Геродота, Ксенофонта, Фукидида, Демосоена, Плутарха, Тита Ливія, Саллустія, Тацита, Цицерона и Цезаря, содѣйствовали бы образованію русскаго національнаго слога и проложили бы путь геніальнымъ отечественнымъ писателямъ, истиннымъ создателямъ литературнаго языка.... Если хватитъ у васъ времени, прочтите „Донъ-Карлоса“ Шиллера, особенно же превосходную сцену между Филиппомъ II и герцогомъ Поза.

Выборъ книгъ и дѣлаемые изъ нихъ извлеченія показываютъ начитанность и добросовѣстность Лагарпа, который внимательно слѣдилъ за литературными явленіями, отмѣчая все, заслуживающее серьезнаго вниманія и имѣющее отношеніе къ Россіи и ея нуждамъ. Лагарпъ составилъ для государя извлеченіе изъ путешествія Палласа въ южную Россію, а также изъ путешествій Лаперуза, Ванкувера и др. Совѣтами Палласа, указанными Лагарпомъ, не замедлили воспользоваться. Путешествіе Ванкувера, обнимающее весь сѣверо-западный берегъ Америки, описываетъ преимущественно ту часть ея, которая принадлежала Россіи. „Государственный адмиралтейскій департаментъ“, убѣдясь въ великой пользѣ отъ появленія книги Ванкувера на русскомъ языкѣ, положилъ заняться изданіемъ ея перевода. Переводъ сталъ выходить съ конца двадцатыхъ годовъ; но Лагарпъ дѣлалъ свои извлеченія въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Кругосвѣтное путешествіе совершено Ванкуверомъ въ 1790—1795 годахъ. ¹⁰²).

Независимо отъ вопросовъ, имѣющихъ общественное значеніе, отъ политическихъ и литературныхъ совѣтовъ, Лагарпъ говорилъ и писалъ Александру о предметахъ, имѣющихъ личный интересъ для собесѣдниковъ. Александръ просилъ откровенно высказать мнѣніе, до какой степени его обращеніе, умѣнье держать себя и т. п. соответствуютъ высокому званію, къ которому онъ не успѣлъ еще привыкнуть. Лагарпъ отозвался на эту просьбу со всѣмъ усердіемъ явни, не спускающей глазъ съ своего любимаго дѣтища. Лагарпъ ревностно слѣдилъ за государемъ и въ обществахъ, и на площади, смѣшиваясь

съ толпою, чтобъ удобнѣе замѣчать каждое его движеніе. Видѣвъ нѣсколько разъ, какъ государь, краснѣя, проходилъ мимо стоящихъ на колѣняхъ съ просьбами въ рукахъ, Лагарпъ сказалъ ему: „Монархъ въ толпѣ народа, собственными руками берущій просьбы у бѣдняковъ, покрытыхъ рубищами, несравненно величественнѣе, нежели посреди блестящаго двора, и могущественнѣе, нежели во главѣ многочисленной арміи“. Наблюдая за государемъ во время дворцовыхъ выходовъ, Лагарпъ нашель, что молодой государь вообще очень хорошо исполняетъ свою роль. Тѣмъ не менѣе старшій и строгій менторъ счель нужнымъ препроводить своему бывшему питомцу слѣдующія замѣтки: „1) Вы вошли въ залу немного робко; хвалю ваше сердце: скромность какъ нельзя болѣе къ лицу юности, но государь долженъ имѣть видъ болѣе увѣренный; чистая совѣсть и искреннее желаніе блага Россіи— вотъ что даетъ вамъ право смотрѣть прямо и смѣло на все окружающее. 2) Вы обошли собраніе нѣсколько поспѣшно. 3) Вы весьма хорошо сдѣлали, обратившись съ привѣтомъ къ лицамъ, почтеннымъ по своимъ заслугамъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ вы не удостоили ласковымъ словомъ. 4) Мнѣ кажется, наконецъ, что являясь вмѣстѣ съ императрицею, вы облегчили бы себѣ трудъ торжественнаго приема, не говоря ужь о томъ, что это произвело бы отрадное впечатлѣніе на всѣхъ, искренно васъ любящихъ. — Гдѣ бы вы ни были, въ обществѣ ли, среди народа, или въ кругу лицъ, которымъ вѣрили вы отдѣльныя отрасли управленія, держите себя по царски: я вовсе не слѣпой поклонникъ этикета, но глава народа долженъ, употребляя живописное выраженіе Демосеена, облекаться въ величіе своей страны“.

Хорошо зная многія подробности образа жизни и дѣйствій членовъ царскаго дома, Лагарпъ произвелъ, какъ самъ выражается, потрясающее впечатлѣніе своимъ разказомъ среди Парижскаго общества, въ кругу людей, очень невыгодно отзывавшихся о русскихъ женщинахъ вообще, и объ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ въ особенности. Лагарпъ разказалъ слѣдующій случай. Въ воспитательный домъ въ Петербургѣ пріѣзжаетъ дама, принадлежащая къ самому высшему обществу, и ей показываютъ дитя, принесенное въ минувшую ночь; оно было грязно до отвратительности, и приставники смотрѣли на него съ зловѣщимъ для малютки презрѣніемъ. Замѣтивъ это, дама потребовала теплой воды, обмыла его, обчистила, завернула въ теплое бѣлье и отдала окружающимъ, ласково примолвивъ: „Вотъ какъ надо за это браться“. Присутствующіе были тронуты разказомъ и нетерпѣливо спрашивали, кто эта дама. Изумленіе было всеобщее, когда

Лагарпъ объявилъ, что это была вдова одного императора и мать другого—императрица Марія Теодоровна.

Близость Лагарпа къ императору Александру возбуждала въ столичномъ обществѣ разные толки и неудовольствіе; говорили съ увѣренностью, что государь, по вліянію Лагарпа, рѣшился уничтожить крѣпостное право, и что будто бы уже составленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ¹⁰⁴). Уступая обстоятельствамъ, Лагарпъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ пребываніи въ Россіи. Разставаясь съ императоромъ Александромъ, онъ повторялъ увѣренія въ своей горячей преданности и готовности жертвовать всею общаго явиться по условному слову *adouscias*, которое, въ шифрованной перепискѣ, значило: „вы мнѣ нужны“.

Но оказалось, что не Александру нуженъ былъ Лагарпъ, а Лагарпу встрѣтилась сильнѣйшая надобность въ свиданіи съ Александромъ—вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Изгнаніе Наполеона измѣнило судьбу Европы, созданная имъ система рушилась, и всюду возникло стремленіе избавиться отъ гибельныхъ слѣдовъ Наполеоновскаго нашествія. Этотъ поворотъ къ прежнему порядку вещей пробудилъ и въ Швейцаріи надежду воротиться къ блаженнымъ для Берна временамъ владѣчества однихъ кантоновъ надъ другими. Бернскіе патриціи снова заявили свои права на Ваадтскій кантонъ, и ихъ такъ усердно поддерживали дипломаты, что родинѣ Лагарпа грозило неминуемое порабощеніе. Вслѣдствіе этого Лагарпъ поспѣшилъ отправиться въ главный штабъ императора Александра, бывшаго съ войсками за границей, и просилъ у него защиты и спасенія отъ сильнаго врага. Лагарпъ былъ при государѣ въ 1814 и 1815 годахъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ.

Полагаютъ, что въ чрезмѣрно великодушномъ образѣ дѣйствій Александра въ отношеніи къ Франціи, надѣлавшей столько бѣдъ Россіи, есть сильная доля вліянія Лагарпа, который такимъ образомъ въ ущербъ Россіи отблагодарилъ Францію за оказанное ему гостепримство. Во время пребыванія въ Парижѣ императоръ Александръ былъ осаждаемъ письмами, записками, книгами, которыя ему посвящались, и т. п. Всего накопилось около девяти тысячъ экземпляровъ, и заняться ихъ разборомъ государь поручилъ Лагарпу, которому пришлось выдержать много столкновеній съ неугомонными авторскими самолюбіями.

Въ Вѣну Лагарпъ явился въ качествѣ уполномоченнаго представителя трехъ кантоновъ—Ваагтаанда, Тессина и Ааргау Разлазывають, что дипломаты, участвовавшіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ, показывали большое сочувствіе Бернскимъ депутатамъ и съ презрѣніемъ отворачивались отъ Лагарпа. Не будучи въ состояніи переносить подобное униженіе и видя ясно, чья сторона одержала верхъ, Лагарпъ объявилъ Александру о своемъ намѣреніи уѣхать какъ можно скорѣе. Александръ совѣтовалъ ему немного подождать, а на другой день Лагарпъ прочелъ въ газетѣ о пожалованіи ему ордена св. Андрея Первозваннаго. Такая необычайная милость мгновенно измѣнила положеніе Лагарпа: онъ сталъ получать приглашенія ко двору и на дипломатическіе обѣды и вечера; съ нимъ начали обходиться весьма любезно, и т. п. ¹⁰⁵). Это извѣстіе, хотя и переданное со словъ дипломата, участвовавшаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, не совсемъ точно, судя потому, что въ рескриптѣ о пожалованіи орденомъ означено: Парижъ, 29-го мая 1814 года. Во всякомъ случаѣ, благодаря влиянію императора Александра, на Вѣнскомъ конгрессѣ признана была независимость и равноправность трехъ кантоновъ, избравшихъ Лагарпа своимъ представителемъ.

До конца жизни своей Лагарпъ хранилъ благодарное воспоминаніе объ Александрѣ, окружая себя предметами, напоминавшими счастливыя времена радостныхъ встрѣчъ и откровенныхъ бесѣдъ съ своимъ бывшимъ питомцемъ. Последнее письмо отъ него отправлено 9-го ноября 1824 г.; на копіи этого письма Лагарпъ написалъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя:

Félicité passée

Qui ne peut revenir,

Toujournent de ma pensée,

Que n'ai-je, en te perdant, perdu le souvenir.

VI.

По вторичномъ возвращеніи своемъ изъ Россіи Лагарпъ поселился въ помѣстьѣ Плесси-Пика, близъ Парижа, и оставался тамъ до Вѣнскаго конгресса, а съ 1816 года и до самой смерти жилъ на родинѣ, въ Лозаннѣ ¹⁰⁶). И во Франціи, и въ Швейцаріи онъ велъ почти одинаковый образъ жизни, посвящая время свое любимымъ занятіямъ наукой и литературой и обществу людей, замѣчательныхъ по своей образованности и трудамъ на пользу общества. Обычный кружокъ его составляли: Стапферъ, бывший министромъ народнаго просвѣщенія

въ Гельветической республикѣ; Грегуаръ, епископъ Бловскій, сильный защитникъ Негровъ и вообще угнетенныхъ, ревностный проповѣдникъ терпимости; графъ Ластери (Lasteyrie), которому Франція обязана введеніемъ мерныховъ и литографіи, достойный гражданинъ, столпный во главѣ предпріятій на пользу земледѣлія, ремесла и народнаго образованія; Жанъ-Батистъ Сэй, авторъ знаменитаго въ свое время сочиненія о политической экономіи, уживавшій сохранить свою независимость, не жертвуя ею примакамъ честолюбія и житейскихъ выгодъ, и немногіе другіе.

Учено-литературныя занятія и труды Лагарка были двойнаго рода: одни относились къ наукамъ естественнымъ, другіе—къ отечественной исторіи и вопросамъ социальнымъ.

Живя въ Парижѣ, Лагарцъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами тамошняго института и посѣщалъ курсы, читаемые этими учеными по зоологіи, химіи, астрономіи, минералогіи, экспериментальной физикѣ, преимущественно о новѣйшихъ опытахъ надъ электричествомъ и гальванизмомъ, и т. д. ¹⁰⁷⁾ По возвращеніи на родину, Лагарцъ былъ дѣятельнымъ членомъ Гельветическаго общества естественныхъ наукъ, странствуя съ нимъ изъ одного кантона въ другой, такъ какъ по уставу общества оно собиралось каждый годъ въ главныхъ городахъ кантоновъ поочередно. Мѣстный отдѣлъ общества натуралистовъ (*section vaudoise*) собирался ежемѣсячно, и Лагарцъ былъ постояннымъ посѣтителемъ и душой этихъ собраній, возбуждалъ вопросы, руководилъ преніями, дѣлился новѣйшими извѣстіями, замѣствованными изъ множества получаемыхъ имъ періодическихъ изданій французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и изъ обширной переписки его съ извѣстнѣйшими натуралистами, и также весьма часто сообщалъ свои личные наблюденія и опыты, составленные имъ самимъ замѣтки и цѣлыя статьи. Таковы: Описание восхожденія на Везувій въ 1829 году, содержащее въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ подробностей, съ изображеніемъ различныхъ кратеровъ, сильно измѣнившихся въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ видѣлъ ихъ Лагарцъ во время перваго своего путешествія въ Италію въ 1781 году ¹⁰⁸⁾. — Опыты, произведенные надъ китайскимъ рисомъ — *Oryza sativa montana*. — Объ отложеніяхъ, замѣчаемыхъ у рѣкъ въ Швейцаріи, и о сходствѣ ихъ съ подобными явленіями въ Исландіи и на берегахъ Азовскаго моря. — Отчеты о собраніяхъ Гельветическаго общества естественныхъ наукъ въ Ааргау и Сологурнѣ, и др. ¹⁰⁹⁾.

Занятія естественными науками не поглощали всего времени не-

утомимаго труженика. Онъ отзывался печатнымъ словомъ на всѣ крупныя явленія общественной жизни, и до послѣдней возможности, именно до потери слуха, не покидалъ общественной дѣятельности, будучи избранъ депутатомъ въ совѣтъ (grand conseil) и участвуя въ обсужденіи законодательныхъ мѣръ — постоянно въ рядахъ либеральной оппозиціи. Съ искреннимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ онъ, въ своихъ многочисленныхъ брошюрахъ, нововведенія, поднимающія уровень умственной и политической жизни народа, и защищалъ ихъ отъ нападокъ со стороны людей близорукихъ, отсталыхъ и равнодушныхъ къ успѣхамъ разума и его побѣдамъ надъ невѣжествомъ.

— Напрасно возстаютъ, говорить Лагарпъ, противъ духа вѣка и называютъ его пагубнымъ. Духъ вѣка просвѣтилъ наши религіозныя понятія и очистилъ ученіе о нравственности отъ искажавшей его примѣси. Въ наше время теологія не смѣшивается болѣе съ религіей: эти обѣ отрасли, воздѣлываемыя людьми, владѣющими обширными знаніями и свѣтлымъ умомъ, не различаются по своей методѣ отъ наукъ положительныхъ. Тому же духу времени обязаны мы политической экономіей, которая взвѣшиваетъ на вѣсахъ справедливости, истины и разума права и обязанности властителей и народа; хотя и называютъ ее наукою плебеевъ, но всѣ и каждый изъ патриціевъ стараются ознакомиться съ ея началами, чтобы не уронить себя въ общественномъ мнѣніи. Духъ вѣка въ дребезги разбилъ старыя нелѣпности, старыя притязанія, старыя предрассудки. Отнынѣ тѣ, которые призваны къ управленію, будь они короли, министры или выборные изъ народа, должны быть воспитаны какъ люди и дѣйствовать какъ полезные граждане. Духъ вѣка видитъ величіе только въ гениальности, знаніяхъ и добродѣтели, а славу—въ полезныхъ открытіяхъ и великихъ заслугахъ передъ обществомъ ¹¹⁰).

Полагая, что для швейцарскихъ юношей знакомство съ исторіей Швейцаріи не маловажнѣе свѣдѣній объ Ассиріянахъ, Вавилонянахъ и Мидянахъ, Лагарпъ написалъ, въ видѣ учебника, воспоминанія изъ швейцарской исторіи, въ вопросахъ и отвѣтахъ:

Вопросъ: Съ какого времени существуетъ Гельветическая конфедерація?

Отвѣтъ: Съ 1308 года — достопамятной эпохи первой революціи.

Вопросъ: Какъ называютъ 1798-й годъ?

Отвѣтъ: Годомъ второй революціи.

Вопросъ: Гдѣ жили baillis и вассалы имперіи?

Отвѣтъ: Въ укрѣпленныхъ замкахъ, изъ которыхъ выходили, чтобы

воевать съ сосѣдами или грабить проѣзжихъ, особенно купцовъ, и разорять жителей равнинъ, которыхъ они подчинили своей власти, давъ имъ презрительное названіе рабовъ и подлага народа (vilains).

Вопросъ: Эти угнетатели отличались ли хоть какими-нибудь достоинствами, заслуживающими уваженія?

Отвѣтъ: Ничего. Они не умѣли ни читать, ни писать, и для всякаго рода сдѣлокъ прибѣгали къ духовенству, которое менѣе невѣжественно. Занимаясь постоянно войнами, они возлагали всю тяжесть труда на побѣжденный народъ, и если угнетаемые осмѣливались роптать, ихъ сажали въ подземелья и предавали мучительнымъ пыткамъ. Это-то время варварства и гнета называютъ вѣкомъ рыцарства!¹¹¹⁾

На закатѣ дней своихъ Лагарпъ писалъ о судѣ присяжныхъ и защищалъ свободу печатнаго слова, называя его зеркаломъ истины, отражающимъ заблужденія и ошибки. Окончательно распростившись съ общественною дѣятельностью, Лагарпъ провелъ послѣдніе годы своей жизни въ тихомъ семейномъ кругу, не разставаясь съ своими старыми друзьями — книгами и растеніями. За нѣсколько дней до смерти онъ снималъ географическую карту, приложенную къ описанію какого-то путешествія, и писалъ свои мемуары.

30-го марта 1838 года скончался Лагарпъ. „Свалился старый дубъ, украшавшій родную свалу“, день кончины Лагарпа есть и будетъ днемъ печали для Ваадтскаго кантона, говорили признательные соотечественники умершаго, почтившіе память его всевозможными знаками уваженія и сочувствія. Сама собою возникла мысль о сооруженіи ему памятника; въ журналахъ появилось теплое воззваніе къ согражданамъ; въ пользу подписки издано нѣсколько музыкальныхъ пьесъ на тему: много онъ потрудился — имѣть право отдохнуть и др.¹¹²⁾ Въ 1844 году поставленъ въ Ролѣ на маленькомъ островѣ, прозванномъ островкомъ Лагарпа, памятникъ, самый простой и незатѣйливый, какъ скромная дань республиканцу отъ республиканцевъ. Инаго рода памятникъ Лагарпу сохранился въ Лованнѣ: это — его богатые вклады въ публичную бібліотеку, въ народный музей и многіе другіе дары его на пользу и просвѣщеніе своихъ согражданъ.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

¹¹¹⁾ Письмо Гримма къ Лагарпу изъ Парижа отъ 16-го апрѣля 1782 года: оно находится у г. Моно въ числѣ бумагъ Лагарпа.

¹¹²⁾ Въ примѣчаніи къ письму къ Стрекалову (хранящемуся у

г. Мона), отъ 27-го іюня 1793 года, Лагарпъ говоритъ: „Le baron de Grimm, diplomate — homme de lettres, qui correspondait régulièrement avec Cathérine II et jouissait auprès d'elle d'une grande considération, m'avait adressé de Paris par l'entremise d'un ami en 1782 deux officiers russes de distinction, dont l'un était frère du général Lanskoï, qui jouissait d'un grand crédit auprès de cette souveraine, et proposé de les accompagner dans leur voyage en Italie. Une correspondance s'établit à cette occasion entre Grimm et moi sur des objets d'éducation. Elle fut envoyée à Pétersbourg à mon insu et communiquée à Cathérine II, qui chargea Grimm de m'inviter à accompagner ces messieurs en Russie».

Въ біографическомъ очеркѣ Монара говорится: «Un jeune Lanskoï auquel s'intéressaient des personnes de la cour était passionnément épris d'une demoiselle qu'on ne voulait pas qu'il épousait. On plaça auprès de lui m. de la Harpe, qui sut si bien le captiver par sa conversation instructive et lui inspirer le goût de l'étude et des occupations utiles, qu'il fit une efficace diversion à la passion du jeune seigneur. Ce succès attira sur lui l'attention d'hommes qui approchaient la souveraine. A leur recommandation Cathérine porta ses vues sur m. de la Harpe, qui venait de faire preuve d'une bonté ingénieuse alliée à de la fermeté et à beaucoup d'instruction». (Notice biographique sur le général de la Harpe, par C. Monnard. Стр. 8—9).

³⁴⁾ Vie de Cathérine II, impératrice de Russie (par Castera). Paris. An V de la république (1797). T. II, стр. 242, 297—298, 454.

Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Cathérine II et le commencement de celui de Paul I.... Paris. An VIII (1800). 2 vol. (par Ch. François Philibert Masson). T. I стр. 157—159.

³⁵⁾ Въ примѣчаніи къ первому своему мемуару, представленному 10-го іюня 1784 года, Лагарпъ говоритъ: «Peu de jours après le général Lanskoï fut emporté par une fièvre maligne, et comme il était mon seul protecteur, je demeurai seul et isolé. Ce mémoire et les lettres que j'ai écrites au baron de Grimm et celui-ci transmet à Cathérine II paraissent m'avoir défendu dans ce moment critique. Il serait injuste de ne pas reconnaître aussi un caractère de bonhomie dans les nationaux: j'en ai fait l'épreuve à diverses reprises. Elle méritait bien qu'on s'occupa d'assurer sa prospérité par des institutions durables, cette bonne nation russe».

³⁶⁾ Письмо отъ 28-го апрѣля 1796. Genthod près Genève.

37) Одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ, относящихся ко времени перваго пребыванія въ Россіи Лагарпа, составляютъ бумаги его, находящіяся у г. Моно, именно четыре тетради подъ буквами: А, В, С, D, положенныя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, въ пакетъ съ надписью, сдѣланною самимъ Лагарпомъ: *Démarches faites depuis 1785 à 1794 au sujet des appointemens de ma place d'instituteur des grands ducs. Réclamations relatives à mon grade militaire et à ma pension. Précis des manoeuvres suivis depuis 1791 jusques à 1794 pour me faire disgracier par les patriciens de Berne, par les émigrés français et par la diplomatie étrangère, justifié par ma correspondance avec S. M. J. Cathérine II, le feldmaréchal comte Soltykof et monsieur Strekalof.*

38) Premier mémoire, remis le 10 juin 1784 au comte Soltykof, nommé gouverneur en chef des jeunes grands ducs, présenté à S. M. J. Cathérine II avec ses ratures et apostillé par elle, Съ подлинника, находящагося въ архивѣ г. Моно, мы помѣщаемъ мемуаръ Лагарпа въ приложеніи I.

39) Рукопись Наказа Екаторины о воспитаніи хранится въ библиотекѣ Академіи Наукъ. Впервые наказъ о воспитаніи напечатанъ въ книгѣ: *Записки о жизни генераль-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, изданы Павелъ Соинымъ. С.-Пб. 1818, стр. 22—100.* Наказъ занимаетъ около двухъ третей книги. Онъ перепечатанъ въ Сочиненіяхъ императрицы Екаторины II. 1849. Т. I, стр. 199—248.

Подробно разсмотрѣна инструкція въ сочиненіи профессора Харьковского университета, *Н. А. Лавровскаго: „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екаторины Великой“* (стр. 38—181), помѣщенномъ въ книгѣ: *Актъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 14-го сентября 1856 года, Харьковъ. 1856. Ср. А. Д. Галахова разборъ сочиненія профессора Лавровскаго: Отечественныя Записки. 1856. Томъ СІХ. Библиографическая хроника, стр. 85—94.*

40) О воспитаніи дѣтей господина Локка, переведено съ французскаго на російскій языкъ профессоромъ *Николаемъ Поповскимъ. Москва. Часть II. 1760, стр. 104—105.*

41) *Отечественныя Записки. 1856. Т. СІХ. Статья Галахова о сочиненіи Лавровскаго, стр. 89—92.*

42) *Mémoires ou souvenirs et anecdotes par m. le comte de Segur. Paris. 1826. Т. III, стр. 23, 37—38, 42—43.*

Oeuvres choisies du maréchal prince de Ligne, publiées par m. de Propiac. Paris. 1809, стр. 387.

⁴³⁾ Mémoires secrets sur la Russie (par *Masson*). Т. II, стр. 157: Cathérine composa un plan d'éducation pour ses petits-fils comme elle avait composé une instruction pour la législation de ses peuples. Ce plan compilé de Locke et de Rousseau, comme cette instruction l'avait été de Montesquieu, de Mably et de Beccaria.

О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, профессора *Лавровскаго*: „Чтеніе Монтеня, Локка, Руссо и Базедова имѣло весьма сильное вліяніе на педагогическія сочиненія Екатерины II, и въ этомъ отношеніи особенно важны Монтень и Локкъ. Что же касается до Руссо, то мы думаемъ, что его воспитательная система, какъ ни замѣчательна она по остроумію и оригинальности, противорѣча главнымъ началамъ общественной и частной жизни, не могла возбудить къ себѣ сочувствіе императрицы... Нельзя не замѣтить болѣе самостоятельности въ наставленіи касательно предметовъ обученія“, и т. д. (стр. 40, 114. 124). Г. Лавровскій указываетъ и слѣдуетъ сходныя мѣста въ инструкціи и въ сочиненіи Локка.

⁴⁴⁾ *Инструкція Екатерины.*

Яснѣ мысли наши предложатся, когда скажемъ, первое, что требуется быть можетъ во младенчествѣ; второе, чего отъ отроковъ, выходящихъ изъ младенчества и приближающихся къ юности, и третье, чего въ юности ожидать можно, составлять все то, въ чемъ заключается и разумѣть можно воспитаніе, и т. д. (Рукопись Академіи Наукъ, л. 3 об. 4. Сочиненія Екатерины II. 1849. Т. I, стр. 202).

Ихъ Высочества младенчество проводили почти въ женскихъ рукахъ, гдѣ вниманіе ихъ непримѣтно старались обратить на то, чего отъ нихъ требовалось. (Рукопись, л. 22 об. Сочиненія Екатерины. Т. I, стр. 222.

Переводъ Лаварта.

Nos intentions à ce sujet seront plus évidentes lorsque nous parlerons du 1-^r article, savoir de ce qui peut-être nécessaire dans l'enfance; du 2-^e article, ou de ce qui concerne ceux qui, sortant de l'enfance, s'approchent de la jeunesse, et du 3-^e, ou de ce qu'on peut attendre de la jeunesse, et en quoi consiste tout ce qui est renfermé et peut-être entendu sous l'idée d'éducation....

LL. AA. ont presque passé leur enfance dans les mains des femmes, dont l'application a tendu à les diriger insensiblement vers ce qu'on exigeait d'eux....

<p>На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги писанныя лучшія (Рукопись, л. 29. Сочиненія Ева- терины. Т. I, стр. 228).</p>	<p>..... les livres les mieux écrits.</p>
--	---

⁴⁵⁾ Рукописи Лозаннской библиотеки (bibliothèque cantonale):

I. A. 913, in f°. На корешкѣ: Extraits de thèmes. Vol. II. На третьемъ листѣ: Thèmes dictés à LL. AA. JJ. en 1785 et 1786. Contenant l'histoire romaine.

II. A. 913. in f°. На корешкѣ: Extraits de thèmes etc. Vol. I. На верхней доскѣ переплета: Extraits de thèmes destinés à servir de base aux leçons d'histoire données aux grands ducs de Russie. Histoire romaine.

Томы обозначены невѣрно: вмѣсто „первый“ слѣдовало бы надписать „второй“ и на оборотъ.

III. A. 913. 63. C⁶. in f°. Extraits d'une histoire romaine dictée au grand-duc Alexandre и Notes sur l'histoire grecque depuis la mort d'Alexandre jusqu'à la prise de Corinthe. Римская исторія начинается отъ сраженія при Филиппахъ и оканчивается Валентиніаномъ III (+ 455). Въ этотъ томъ входитъ и составляетъ его большую часть рукопись, указанная нами подъ № I.

IV. A. 913. 63. C¹⁰. in 8°. Débris et brouillons de notes historiques destinées pour les grands ducs de Russie.

На отдѣльныхъ листкахъ черновыя замѣтки того же содержанія, что № I и II.

V. A. 913. 63. C⁹. 4° major. Notes historiques depuis les plus anciens temps jusqu'à l'invasion des Mogols. Краткій перечень лицъ и событій всеобщей исторіи. Начинается сказаніемъ о шести дняхъ творенія и оканчивается извѣстіемъ изъ исторіи Моголовъ: Babour fut expulsé de la Boukaria en 1498 et d'un fugitif devint le fondateur de l'empire des Mogols dans l'Indostan.

VI. A. 913. 63. C⁵. in f°. Замѣтки объ Ассиріи, Вавилоніи, Мидіи, о Византійской имперіи и Моголахъ.

VII. A. 913. 63. C⁵. 4° major. Замѣтки о переселеніи народовъ. Извлеченіе изъ сочиненія Тунмана о восточныхъ народахъ и т. д. Главная и большая часть рукописи — замѣтки, относящіяся къ исторіи Греціи, миеологии, образованности, торговлѣ, мореплаванію, образу жизни греческаго народа.

VIII. A. 913. 63. C⁹. in f°. Extraits relatifs à l'histoire d'Allemagne

depuis l'an 1204. Простирается до Фридриха II, до 1779 года. Краткія замѣтки, въ хронологическомъ порядкѣ царствованій, касающіяся Германіи, Венгріи, Чехіи.

IX. А. 913. 63. С⁷. in f^o. Extraits relatifs à l'histoire d'Italie depuis l'an 455. Извлеченія, болѣе или менѣе краткія, и перечень отъ 455 до 1759 года. Краткія замѣтки о напахъ съ 1039 по 1773 годъ. Нѣсколько краткихъ замѣтокъ о тосканскихъ владѣтеляхъ съ 1115 по 1569 годъ и т. д.

X. А. 913. 63. С³. 4°. major. Извлеченія изъ Grammaire universelle de Court de Gébelin. Notes sur la Grammaire grecque de Matthiae. Выписки изъ греческой грамматики чрезвычайно обширны: цѣлыя страницы заняты образцами склоненій и спряженій, и т. п.

XI. А. 913. 63. С³. in f^o. Notes astronomiques. Extraits de l'ouvrage de Büsch sur les banques. Notes statistiques sur le commerce de St.-Petersbourg etc. Замѣтки начинаются астрономіей; потомъ слѣдуютъ замѣтки о всеобщей грамматикѣ въ отношеніи къ французскому языку; далѣе извлеченія изъ Бюна и изъ политической экономіи Селъ съ черновыми письмами въ императору Александру, которому онъ посылалъ выдержки изъ Селъ. Краткія историческія замѣтки о Сербіи и Валахіи, и пространныя выписки изъ греческой грамматики.

XII. А. 913. 63. СС. in f^o. Extraits des mémoires de Thielke sur la fortification.

Всѣ эти двѣнадцать томовъ обозначены въ каталогѣ подъ общимъ именемъ рукописей, служившихъ основаніемъ преподаванія великимъ князьямъ: Catalogue de la bibliothèque cantonale vaudoise. Lausanne. 1853. I. Généralités. Стр. 34. А. 913. La Harpe (Fréd. Cés. de). Notes sur différentes sciences destinées à servir de bases aux leçons données aux grands ducs de Russie. Mss. autogr. 1786—1786. 12 vol. in f^o. et in 4°.

Въ Русскомъ Архивѣ 1869 года, № I, стр. 75 — 82, помѣщена статья графа Уварова подъ названіемъ: „Бумаги Лагарпа, хранящіяся въ публичной бібліотекѣ въ Лозаннѣ“, въ которой приводится перечень рукописей Лагарпа, нѣсколько строкъ изъ одной изъ нихъ и два письма Лагарпа изъ другой. Въ перечнѣ пропущена одна рукопись, именно означенная у насъ подѣ № VI, и потому число томовъ показано не двѣнадцать, какъ бы слѣдовало, а только одиннадцать. Письма Лагарпа — къ императору Александру въ 1815 году.

⁴⁶⁾ *Bulletin de l'institut national genevois*, Т. III, 1855, № 9. Études sur l'histoire littéraire de la Suisse française par E. H. Gaullieur, стр. 216—217.

⁴⁷⁾ Рукопись Лагарпа въ Лованнской публичной библиотекѣ. А. 913. in f°. Extraits de thèses. Vol. II (то-есть № I по нашему перечню въ примѣчаніи 44-мъ), стр. 1—511.

⁴⁸⁾ Рукопись Лагарпа въ Лованнской библиотекѣ, № II по нашему перечню.

А.

Que penser après cela de cette triste et ennuyeuse étiquette, de cette gravité affectée, de cette pompe ridicule, dont on environne les princes et qui passe d'eux jusqu'aux dernières classes de la société. On dirait que la grandeur consiste dans un palais magnifique, dans un domestique nombreux, dans un table somptueusement servi, dans une société de parasites et de flatteurs, dans de riches équipages, dans des habits chargés d'or et de pierreries et dans des airs de hauteur et de dédain, fondés sur le sentiment de pouvoir satisfaire tous ces caprices et être injuste impunément. Ce sont là les maximes de la sottise, et ces maximes on vous les débitera de mille manières. On vous dira qu'étant nés princes, vous êtes dispensés du travail, de la peine, de l'étude et du savoir, qu'assez d'autres s'honorent de faire vos affaires et que la seule que vous regarde est de vous divertir et de représenter. On fera plus, on citera des exemples, et lorsque vous aurez vu des milliers de princes et de grands adopter ces honteux principes, vous serez peut-être tentés de croire qu'on vous dit vrai. Le seul moyen de vous préserver d'une crédulité aussi fatale, qui vous assimilerait infailliblement aux imbécilles ou aux méchants, est d'acquérir pendant que vous êtes jeunes les connaissances nécessaires à votre état, de prendre l'habitude de travail et surtout d'exercer votre jugement et vos forces ne recourant à l'assistance d'autrui qu'après avoir fait tous vos efforts pour réussir seul. L'ami le plus sûr d'un homme public c'est sa judiciaire, s'il l'a exercée de bonne heure; et l'unique ami peut-être d'un prince est cette même judiciaire, à l'aide de laquelle il pèse les raisons de ses ministres, les représentations de ses serviteurs, les conseils de ses amis et des éloges de ses courtisans. Mais cette judiciaire ne s'acquiert ni par l'illustration de la naissance, ni par la représentation ou l'étiquette, ni en chargeant les autres de penser ou d'agir pour soi. Persuadez vous que tout homme a des devoirs à remplir, que ceux des princes sont les plus étendus et les plus difficiles de tous, que le mérite d'un homme dépend uniquement de la manière dont il s'acquitte de ses devoirs, tandis que tout le reste est accessoire, qu'il n'y a à ce sujet qu'une seule mesure commune au monarque et au misérable, que

l'amour des peuples, les hommages des contemporains et les éloges de postérité suivent le prince qui n'a mis sa grandeur et sa gloire qu'à remplir ses devoirs *d'homme et citoyen*, au lieu que la haine des peuples, leurs complots et les révoltes, le mépris des contemporains et le jugement inexorable de la postérité attendent le prince insensé qui plaçant son mérite hors de lui-même a perdu de vue ses devoirs. N'oubliez jamais qu'Antonin le pieux, que Marc-Aurèle, que Julien, qui honorèrent tant l'humanité par leur génie, leur application et leurs vertus, dont les règnes font époque dans l'histoire du monde, vécurent en citoyens simples et modestes, sans ostentations et sans faste, tandis que les Caligulas, les Nérons, les Héliogobales firent le malheur de leurs sujets et offensèrent l'humanité par leur méchanceté, leur luxe effréné et leur fol orgueil (срр. 53—57).

B.

Le souverain, qui viole les privilèges de son peuple et ne reconnaît d'autre règle que sa volonté, s'expose. Celui qui est injuste, oppresseur, cruel, celui qui ne voit dans ses sujets que des bêtes de somme, condamnés à le servir, mérite la mort.

Cette vérité est gravée dans le cœur de tout homme bien informé des droits de son espèce et qui a réfléchi sur l'origine des sociétés en ne consultant que les faits, le sentiment et la raison.

La force fonda les trônes, mais pour les soutenir et pour réconcilier le fort avec le faible, il fallut recourir à des lois fondamentales propres à rétablir l'ordre et à faire régner la justice. Or, le souverain, qui foule aux pieds ces lois et qui annule ses institutions, rappelle la source impure d'où son pouvoir est jadis émané; il remet en question ce qui avait été décidé et court les hazards d'une chance contraire. Envain les ministres des princes se sont efforcés de représenter l'origine de leur autorité comme sacrée. Envain les souverains eux-mêmes se sont dit tels par la grace de Dieu. Envain ils ont prétendu ne devoir rendre compte de leur conduite à personne. Tout cet étalage n'en a imposé ni à eux-mêmes, qui ne pourraient s'en dissimuler le néant, ni aux autres, et toutes les fois que les choses en sont venues à une rupture déclarée entre un souverain violent et injuste et des sujets opprimés, ces derniers ont bien montré le mépris qu'ils avaient pour de semblables prétentions.

Ne serait-il pas en effet souverainement absurde de croire que le Créateur des soleils sans nombre, qui brillent audessus de nos têtes,

ait donné aux quelques individus, souvent plus faibles que les autres, le droit de disposer à leur gré de tout le reste des créatures? Et comment penser de sang-froid, que les Caligula, les Nérons, les Borgia, les Philippe II, les Tschengis, les Louis XI, ces monstres, nés pour la honte et le malheur de l'humanité, aient été les envoyés et les représentants du grand Être.

L'observation scrupuleuse des lois, le maintien de la constitution établie, les égards pour les sujets, voilà, messeigneurs, les garans les plus sûres de l'autorité souveraine. Vous verrez, en lisant l'histoire, que partout, où le trône a reposé sur des lois fondamentales religieusement observées, il a conservé sa stabilité, et que partout, où le souverain n'a cru être que le premier magistrat de la nation, le premier serviteur de l'état et le père de son peuple, il a été gardé par les lois et par l'amour de ses sujets bien mieux que par des citadelles et des soldats.

Par contre, dans ses souverainetés d'Asie et d'Afrique, où l'on ne connaît de lois que celle du plus fort, où le trône appartient au premier occupant, où la justice n'est que ce qui plait au souverain et à ses ministres, les révolutions se succèdent à tout moment, et les débris du trône écrasent dans leur chute celui qui y était assis.

L'histoire d'Angleterre au siècle passé nous fournit deux exemples trop mémorables des catastrophes, qu'entraîne chez un peuple qui se sent la violation de ses privilèges et l'affectation du pouvoir arbitraire, pour être passés sous silence.

Charles I, roi d'Angleterre, prince aimable et bon, mais faible et soumis aveuglement aux volontés de ceux qui l'approchaient, s'étant laissé aller à enfreindre les privilèges des ses sujets, les réduisit à courir aux armes pour leur défense. Défait par eux à plusieurs reprises, il eut le malheur d'être pris, et après avoir été traduit devant un tribunal créé tout exprès, il fut condamné à mort comme coupable de haute trahison et décapité en 1649 publiquement devant son palais de White-hall. La vengeance des sujets alla même au delà, car la maison royale fut bannie et la monarchie solennellement abolie.

Ce grand exemple fut néanmoins inutile à son fils Jacques II, qui montra sur le trône les vices d'un tyran et d'un fanatique et mit sur pied une armée destinée à soutenir ses violences. Poussés à bout les Anglais se soulevèrent de toutes parts; l'armée royale même posa les armes et l'odieux monarque réduit à s'enfuir fut déposé en 1688 par la nation.

Tels sont les fruits des conseils pervers, que donnent à des princes crédules, faibles, inappliqués et pourtant remplis d'amour-propre, les flatteurs, qui les entourent. Telles sont les conséquences de ces principes aussi faux que dangereux, que le souverain est audessus des lois, qu'il n'est point comptable de ses actions à son peuple et que celui-ci est né pour travailler, obéir et se taire. (Стр. 11—14).

⁴⁹⁾ Рукопись Лагарпа въ Лозаннской публичной библиотекѣ. А. 913. in f°. Extraits de thèmes etc. Vol. I (= № II по нашему перечню въ 44-мъ примѣчаніи). Стр. 1—285.

⁵⁰⁾ *Montesquieu*: Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Amsterdam. 1734. Стр. 139—140.

⁵¹⁾ The history of the decline and fall of the roman empire, by *Eduard Gibbon*. London. 1783. Т. II, гл. XVI, стр. 495; Т. III, гл. XVII, стр. 31—34; Т. IV, гл. XXII, XXIII, XXIV.

⁵²⁾ Principes du droit naturel par *Burlamaqui*, professeur en droit naturel à Genève. Paris. 1791. Стр. III—VIII, 47, 221.

Principes du droit politique (par *Burlamaqui*). 1751. Стр. 10, 40, 49—50, 91—94, 130, 145—146.

⁵³⁾ Oeuvres complètes de J. J. *Rousseau* avec des éclaircissements et notes historiques. Paris. 1826. Т. VI. Contrat social. Кн. I, гл. IX, стр. 32; Кн. III, гл. IV, стр. 96, гл. VIII, стр. 112—120.

Oeuvres complètes de *Rousseau*. Paris. 1827. Discours. Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes. Стр. 287—300 и др.

⁵⁴⁾ Traité du gouvernement civil, par *Locke*, traduit de l'anglais. Paris. L'an III de la république française. Стр. 209, 183, 393—397 и др.

⁵⁵⁾ Въ рукописяхъ Лагарпа у г. Моно — Rapports et mémoires relatifs à l'éducation de LL. AA. JJ. remis au gouverneur en chef. Двѣ тетради въ четверку чрезвычайно мелкаго письма. Отчеты съ 1785 по 1794 годъ. Нѣтъ 1788 и 1792 года.

Ср. Отчеты Лагарпа Н. И. Самыеву о воспитаніи великихъ князей. *Русская Старина* 1870 года. Январь, стр. 34 — 44. Февраль, стр. 103—132. Сентябрь, стр. 253—266.

⁵⁶⁾ Русская библиотекѣ, т. XVII. Лейпцигъ. 1862. О юности Александра I, стр. 8—9.

⁵⁷⁾ Histoire d'Alexandre I, par *Alph. Rabbe*. Paris, 1826. Т. I, стр 5. Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. *Кемелевичъ*. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. С.-Пб. 1868. стр. 92—93.

⁵⁸⁾ *Verhandlungen der Helvetischen Gesellschaft in Schinznach im Jahr 1763, 1765—1759.*

Статья Société helvétique d'Olten въ *Étrennes helvétiques* 1788 года.

⁵⁹⁾ *Étrennes helvétiques et patriotiques pour l'an de grace 1790.* № VIII. Lausanne. На оборотѣ: Dédicées à la société helvétique d'Olten par un de ses membres. Маленькия книжки въ 16 долю, безъ обозначенія страницъ. Статья: Société helvétique d'Olten, séance de 1789.

⁶⁰⁾ Notice biographique par *C. Monnard*, стр. 95. Письмо Лагарпа къ своему отцу, 1786 г., въ Петербурга.

⁶¹⁾ Рукописи Лагарпа въ Лозаннской библиотекѣ А. 913, in f^o. Extraits de thèmes. Vol. I, стр. 53—57.—Примѣчаніе къ письму Лагарпа къ Салтыкову отъ 24-го іюня 1793 года.—Примѣчаніе къ письму Лагарпа къ Екатеринѣ отъ 15-го ноября 1791 года.

⁶²⁾ Письмо Лагарпа къ Екатеринѣ по поводу Бернскихъ жалобъ, въ его первой редакціи, помѣщено нами въ приложеніяхъ подѣ № II.

⁶³⁾ *Mémoires secrets*, II, стр. 160—163, 196, 186—188.

⁶⁴⁾ *Observations sur l'ouvrage intitulé: Précis historique de la révolution du canton de Vaud* (par m. de Seigneux gentilhomme lausannois), publié à Lausanne par souscription en 1831. Par Frédéric-César de la Harpe, citoyen suisse, des cantons de Vaud et du Tessin. Lausanne. 1832. Pièces justificatives. Mémoire adressé à S. M. I. Cathérine II, en réponse à la dénonciation de Messieurs de Berné contre le lieutenant-colonel Frédéric-César de la Harpe, instituteur de LL. AA. JJ. les grands-ducs de Russie, transmis à Messieurs de Berne, en 1791. S.-Pétersbourg, le 20 novembre 1791 стр. 173—188.

Въ рукописи есть нѣкоторыя отличія, добавленія въ сравненіи съ печатнымъ текстомъ:

Стр. 179, примѣч. 5, въ рукописи подробнѣе: La dénonciation des Bernois fut présentée d'accord avec le prince de Nassau-Siegen, aventurier, qui avait trouvé le moyen de devenir amiral en Russie sans avoir jamais été marin, mais qui jouissait de beaucoup de crédit. Nassau, les émigrés et leurs adhérens ne doutèrent pas d'obtenir mon renvoi en m'accusant d'être affilié aux jacobins, les carbonaris de cette époque. Ils s'étaient engagés à travailler dans ce sens pour entraîner dans la première coalition les patriciens de la Suisse, que les principes proclamés en France et professés par leurs sujets remplissaient de terreur et de désirs de vengeance.

Стр. 181, примѣч. 6, въ рукописи: Cathérine II trouva tout naturel qu'un suisse en appelât avec chaleur aux fondateurs de l'indépendance

de sa patrie; elle s'énonça même sur ce point d'une manière digne de sa grande âme. Elle ne pouvait comprendre pourquoi cet appel avait tant exaspéré mrs. les patriciens. Si elle eût connu la Suisse, elle eut vu dans le petit esprit exclusif de ses aristocraties municipales et communales le germe dilitèse de tout esprit public.

Стр. 182, къ словамъ: pour désavouer son contenu, примѣчаніе: L'envoie à l'impératrice de cette pièce de conviction du jacobinisme ou carbonarisme de l'instituteur de ses petits-fils était d'autant plus maladroit, que cette auguste princesse n'y vit que la simple application à ma patrie des principes qu'elle me connaissait depuis 8 ans et d'après lesquels je me conduisais ouvertement. Mon libéralisme, pour me servir de l'expression maudite du temps présent, lui était si bien connu, qu'à l'époque où les prussiens envahirent la Hollande et bouleversèrent cette république, l'impératrice demanda à ses petits-fils, si ce bouleversement ne m'avait pas beaucoup affecté?

Стр. 188, послѣ словъ: la cause de mon infortunée patrie, примѣчаніе: Mon but était de provoquer une discussion, qui me permit de faire connaître le bon droit de mon pays. La Russie est trop distante de la Suisse pour que son intervention pût mettre en péril son indépendance. Il ne pouvait donc être question que de bons offices, et mss. les patriciens eussent gagné à accepter une proposition qui eût prévenu peut-être l'explosion de 1798.

⁶⁵) Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIV et de Louis XV par feu m. *Duclos*, historiographe de France, etc. 2 vols. 1791. Lausanne. T. I, стр. 88, 226, 145, 224 и др. T. II, 101, 107 и др.

⁶⁶) Vie de Cathérine II, impératrice de Russie (par J. *Henri Castera*). II, 415—422.

Mémoires secrets sur la Russie. II. 106. *

⁶⁷) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи Т. XXIII. № 17. 101. стр. 402—405.

⁶⁸) Démarches faites depuis 1785 à 1794 au sujet des appointemens de ma place d'instituteur des grands-ducs. Réclamations relatives à mon grade militaire etc... justifié par ma correspondance avec S. M. J. Cathérine II, le feldmaréchal comte Soltykof et m. *Strekalof*. Тетради В. С. и Д.

⁶⁹) Mémoires secrets. I, 179—184, 231; II, 233.—*Русскій Архивъ*. 1869. стр. 642, 1882.

⁷⁰) Письмо изъ Берна отъ 16-го іюля 1799 года: оно помѣщено нами въ Приложеніяхъ подъ № III.

71) Nous, syndics et conseil de la république de Genève, certifions à tout qu'il appartiendra que le Sr. Frédéric Oésar De la Harpe, de Rolle, âgé de 41 ans, ci devant colonel en Russie, résidant à Genthod, territoire de la république de Genève, est actuellement vivant pour s'être présenté ce jourd'huy par devant nous. En foi de quoi les présentes sont données pour rendre témoignage à la vérité, et lui servir où besoin sera, sous le sceau de la république et la signature de notre secrétaire ce 3 septembre 1795. Didier.

Это свидѣтельство, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами Лагарпа къ банкиру Бетлину и въ его контору, обязательно сообщено намъ академикомъ А. А. Шифнеромъ, въ распоряженіе котораго передамы они однимъ изъ родственниковъ Лагарпа по женѣ его, урожденной Бетлинѣ.

72) Письма Лагарпа къ великому князю Александру Павловичу: отъ 28-го апрѣля 1796 года, отъ 17-го іюня 1796, отъ 4-го января 1797 года, и др.

73) *Политическій журналъ* на 1799 годъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Москва. Январь, стр. 9—10.

74) Письмо Лагарпа къ великому князю Константину Павловичу отъ 9-го ноября 1799 года помѣщено въ приложеніи V.

75) *Bulletin officiel*. 7-го ноября 1799. № 6, стр. 47. — L'antidote ou les Russes tels qu'ils sont et non tels qu'on les croit, par un ami de la vérité et de la liberté. (par *Fornerod*), Lausanne. 1799. стр. 198, 202, и др.

76) Архивъ капитула орденовъ. № 79 протокола. Отношеніе Неплюева къ Валуеву о Лагарпѣ отъ 26-го сентября 1799, № 1591. Гатчина.

77) Письмо Лагарпа къ императору Павлу отъ 16-го іюля 1799 г. помѣщено въ приложеніи III.

78) Письмо Лагарпа къ императору Павлу отъ 22-го марта 1801 г. помѣщено въ приложеніи IV.

79) *Mémoires et mélanges historiques et littéraires par le prince de Ligne*. Paris. t. IV. 1828:... A mon retour de la Crimée il me dit fort gaiement: „Vous avez tous bien flatté ma mère, messieurs, en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas: des armées, des ports, des flottes, des villes point bâties, et des colonies de cent lieues en poste qui couraient après vous autres“ (стр. 47—48).

80) Лованской публичной бібліотеки, F. 330. Laharpe: Brochures historiques et politiques. Recueil artificiel. Прокламація изъ Парижа—

le 4 pluviöse, an VI de la régénération des peuples et l'an 1 de la liberté helvétique à dater du 10 janvier 1798.

⁸¹⁾ Instructions pour l'assemblée représentative de la république lémanique. Подписали: F. S. Laharpe, Perdonnet.

⁸²⁾ *Bulletin officiel*: 24-го апр. 1798, № 71, стр. 503.—28-го апр. 1798, № 74, стр. 531.

⁸³⁾ Projet de constitution helvétique. 1798., на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и италианскомъ.

⁸⁴⁾ *Bulletin des lois et décrets du corps législatif avec les arrêtés et proclamations du directoire exécutif de la république helvétique*. III cahier. 1799. Lausanne, стр. 35—36. Histoire de la confédération suisse par Jean de Muller, traduite et continuée par Ch. Monnard. T. XVI, стр. 216—218, 264.—Schweizergeschichtliche Studien, стр. 151—152.

⁸⁵⁾ Это четверостишіе приписывается Бриделю и помѣщено въ книгѣ Le doyen Bridel, par *Vulliemin*, въ такомъ видѣ:

Le bon suisse qu'on assassine
Voudrait au moins qu'on décidât,
Si Rapinat vient de rapine
Ou rapine de Rapinat.

⁸⁶⁾ *Bulletin officiel*:—14-го іюля 1798. № 64, стр. 550.—19-го іюля 1798. № 68, стр. 575—579, 587.—9-го янв. 1800, № 7, стр. 51—52.

⁸⁷⁾ Vie politique de m. le colonel Frédéric-César de Laharpe, par de *Gingins-Pillichody*. 1815, и др.

⁸⁸⁾ Supplément au № 20 du *Bulletin helvétique*. Livré à l'impression le 23 janvier 1800, стр. 187—206.—Histoire de la confédération suisse. T. XVI, стр. 300—301.

⁸⁹⁾ Message du directoire exécutif au corps législatif et projet de loi. Lucezne. 18 novembre 1798. Подписали: le président du directoire exécutif, La Harpe; le secrétaire général Mousson. Стр. 78—91.

⁹⁰⁾ Instructions pour les conseils d'éducation, nouvellement institués, données par le ministre des arts et sciences en janvier 1799. Lausanne. 1799, стр. 7, 70 и др.—Projet de loi sur les écoles civiques inférieures, стр. 92—105.

⁹¹⁾ Mélanges philosophiques, littéraires, historiques et religieux par m. P. A. Stapfer. Paris. 1844. Два тома. Въ началѣ перваго тома: P. A. Stapfer. Sa vie, son caractère et ses écrits, par Vinet.

⁹²⁾ Histoire de l'instruction publique dans le pays de Vaud, par *André Gindroz*. Lausanne. 1853. Изложеніе и оцѣнка системы народнаго образованія въ періодъ Гельветической республики — стр. 205 и слѣд.

⁹³⁾ Instructions de morale, qui peuvent servir à tous les hommes, particulièrement rédigées à l'usage de la jeunesse helvétique. Par un citoyen du canton Léman. S. C. (*S. Constant*). Lausanne. 1799. Стр. 71—72, 94—95 и др.

⁹⁴⁾ Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz, von *Rudolf Wolf*. Zürich. 1859. Т. II, стр. 198.

⁹⁵⁾ Études d'histoire nationale par *J. Olivier*. Lausanne. 1842. Стр. 180, 193—196.

⁹⁶⁾ Schweizergeschichtliche Studien. Стр. 56.

⁹⁷⁾ Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора Исторіи отечественной войны (г. *Бодановича*). Т. I. 1869. Приложенія. Извлеченія изъ засѣданій неофициальнаго комитета, стр. 38—91.

⁹⁸⁾ Письмо графа Строганова къ Новосильцову отъ 27-го ноября 1804 года, на французскомъ языкѣ. *Вѣстникъ Европы*. 1870. Апрель. Статья г. Пыпина: Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. Выдержки изъ бумагъ Н. Н. Новосильцова, стр. 720—721.

⁹⁹⁾ Свѣдѣнія о вторичномъ пребываніи Лагарпа въ Россіи и о дальнѣйшихъ его сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ заимствованы нами преимущественно изъ рукописей Лагарпа въ архивѣ г. Моно: мемуаровъ его — тетради Е—L и переписки съ Александромъ I съ 1801 по 1824 годъ.

¹⁰⁰⁾ *Athalie*, tragédie tirée de l'écriture sainte (1691). Acte IV, scène III. Joad, autrement Joïada, grand prêtre. — Аѳалія, трагедія, взятая изъ Св. Писанія, г. *Расина*. Переводъ съ французскаго. Издвеніемъ Н. Новикова и компаніи. Москва 1784. — Аѳалія, трагедія, изъ Св. Писанія. Сочиненіе *Расина*. Переводъ съ французскаго въ стихахъ. Москва. 1820.

¹⁰¹⁾ *Johann Bernoulli's* Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Russland, etc. 1780. Ч. IV, стр. 19—20. — Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, стр. 45.

¹⁰²⁾ Письма императора Александра I и другихъ особъ царственнаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу, изданныя, въ 1869 году, Русскимъ историческимъ обществомъ, стр. 39.

¹⁰³⁾ Путешествіе въ сѣверную часть Тихаго океана и вокругъ свѣта, совершенное въ 1790—1795 годахъ капитаномъ Ванкуверомъ. Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1828—1838. Шесть частей.

¹⁰⁴⁾ *Tourgueneff: La Russie et les Russes*. 1847. Т. I, стр. 431—442.

Замѣтка подъ названіемъ: *Le général Laharpe*. Подъ вліяніемъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ Н. И. Тургеневъ былъ заочнымъ почитателемъ Лагарпа; но прочитавъ переписку его и лично познакомась съ нимъ, разочаровался въ немъ и убѣдился, что онъ вовсе не былъ горячимъ поборникомъ освобожденія. Замѣтку свою о чловѣкѣ, слышавъ за радѣтеля о пользахъ Россіи, Тургеневъ заключаетъ ѣдкимъ отзывомъ, что Лагарпъ отношеніями своими къ Александру былъ полезенъ *своему* отечеству.

¹⁰⁵) Записка о роли Лагарпа на Вѣнскомъ конгрессѣ—*Le général Laharpe au congrès de Vienne*—получена нами отъ земляка Лагарпа, г. Фавра. Она составлена со словъ барона Колера, бывшаго представителемъ Австріи при Германскомъ союзѣ. Кромѣ невѣрности въ опредѣленіи времени и мѣста полученія награды, въ запискѣ есть неточности, неизбѣжныя для иностранца: г. Фавръ говоритъ, что Лагарпу данъ былъ орденъ св. Андрея первой степени, который дается только за одержанную побѣду и за вятіе крѣпости, вѣроятно, смѣшивая его съ орденомъ св. Георгія, и т. п.

¹⁰⁶) О жизни и дѣятельности Лагарпа по вторичномъ его возвращеніи изъ Россіи, см. *Notice biographique par Ch. Monnard*, стр. 61—90.—*Le canton de Vaud et la Suisse*, par *J. Cart*, стр. 105—112.

¹⁰⁷) Письмо Лагарпа къ Бетлинку, изъ Plessi-Piquet, отъ 10-го ноября 1808 года.

¹⁰⁸) Въ 1819—1820 г. Лагарпъ, по желанію государя, сопутствовалъ великому князю Михаилу Павловичу въ путешествіи его по Италіи; вмѣстѣ всходили они и на Везувій.

¹⁰⁹) Frédéric-César de la Harpe. *Notice nécrologique lue à la Société cantonale des sciences naturelles dans la séance du 2 mai 1838 par le professeur Dan. Alex. Chavannes*. Стр. 3—13.

¹¹⁰) *De la publicité des discussions de la diète et du public helvétique. Avec les observations d'un homme libre. Lausanne. 1819.* стр. 15—18, 22.

¹¹¹) *Souvenirs de l'histoire de la Suisse, présentés sous la forme de dialogues et dédiés aux jeunes Vaudois qui fréquentent les écoles cantonales, par un citoyen de canton de Vaud. Lausanne. 1823. 515 année de l'indépendance et de la liberté*, стр. 8—11 и др.

¹¹²) *Hommage à la mémoire du général Fred. César de Laharpe*. Состоятъ изъ трехъ пьесъ для пѣнія: *L'adieu suprême*, *La fille russe*, *Le deuil vaudois*. *La fille russe*—Параша Спбйрячка: пьеса была написана еще при жизни Лагарпа для посвященія ему.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

1-е Mémoire remis le 10-е juin 1784 au comte Soltykof, nommé gouverneur en chef des jeunes Grands Ducs, présenté à S. M. J. Cathérine II avec ses ratures et apostillé par elle.

Pour répondre à la demande de S. E. M-r le général de Soltykof, j'ai l'honneur de lui présenter le mémoire suivant, qui contient:

1. La note des objets sur lesquels je pourrais donner des leçons.
2. La note des moyens généraux à employer.
3. Quelques réflexions générales.

I.

Objets sur lesquels je pourrais donner des leçons:

1. *La langue française.*
2. *La géographie.*
3. *L'histoire*, celle de la Russie exceptée, vu que jusques à ce moment les vraies sources m'en sont inconnues.
4. *La philosophie.* Sous ce nom, qui comprend tant de choses, je ne comprends ici que les objets suivants:

- 1) *L'art de bien raisonner.*
- 2) *La connaissance de l'homme*, — sciences connues sous le nom de logique et de métaphysique, mais qui ne doivent pas effrayer ensuite de l'explication que j'en donnerai ci-dessous.
- 3) *La morale* ou la science qui traite des principes d'où dépendent les devoirs de l'homme dans la société, jointe à la connaissance des principes généraux des lois.
- 4) *L'histoire de l'ancienne et de la nouvelle philosophie*, envisagée comme une espèce de catalogue des grandes vérités admises dans toutes les sciences par tous les hommes, et des erreurs dont l'humanité a été affligée jusques à nos jours.

Je ne comprends pas ici deux autres branches de la philosophie:

1. *Les connaissances mathématiques*, telles que l'arithmétique, les éléments de la géométrie et de l'algèbre, la trigonométrie etc. parce qu'il y a déjà une autre personne pour les enseigner.

2. *La physique*, surtout *la physique expérimentale*, parceque les principes de cette grande science, si intéressante à connaître, ne peu-

vent être mieux exposés que par l'un des membres de l'académie impériale des sciences, appelés à en faire leur unique étude.

II.

Moyens à employer.

Avant que d'entrer en matière je prie votre excellence de me permettre les réflexions suivantes:

1. Les moyens que je vais indiquer ne sont que des moyens généraux.

2. Afin que ces moyens généraux ne conduisent pas à des erreurs, il faudra les varier suivant les circonstances, les talents et le caractère de monseigneur le grand duc Alexandre, ce qui devant être le fruit d'une expérience bien réfléchie et ne pouvant être connu qu'après avoir observé longtemps ce jeune prince, ne peut aussi être prévu par des mesures plus particulières, qui pourraient dans la suite se trouver très erronnées et devraient recevoir de grandes corrections.

3. Ces moyens doivent se combiner, ce qui revient à ceci, savoir, que monseigneur pourra être instruit dans différentes sciences à la fois. Mais la désignation précise de celles de ces sciences, qui doivent s'accompagner, dépendant uniquement de la force d'attention de monseigneur, de ses connaissances et de son temps, il faudra renvoyer à faire ce supplément jusques à ce que l'on ait fait quelques expériences.

4. Les livres que j'indiquerai ci-dessous ne sont cités qu'à fin de montrer les sources où je puiserai, jointes à ma méthode, et qu'à fin que mes sentiments soient tellement connus, que je ne courre point le risque de tromper ceux qui ne me connaissent pas encore suffisamment.

Je prie V. E. de ne pas perdre ses réflexions de vue, parce qu'elles sont les conditions auxquelles je dis ce qui va suivre.

Langue française.

L'usage doit en être le premier maître, d'abord parce que ce moyen est le plus prompt et puis parce qu'il s'emploie sans que l'élève s'en doute, ce que lui évite le désagrément de perdre, à acquérir la connaissance d'un instrument, un temps qui serait mieux employé ailleurs.

Mais on essaierait en vain d'introduire cet usage si l'élève n'en éprouvait pas la nécessité, or *monseigneur n'est point dans ce cas avec moi.* 1) Je ne suis avec lui que de deux jours l'un, et je suis le seul qui ait une vocation directe de lui parler français. 2) Je ne dois et

ne puis être son camarade de jeu; par conséquent il a peu d'occasions d'avoir à faire à moi. 3) Tous ceux, qui l'entourent, parlant sa langue, il trouve partout une réponse prête, et il ne peut sentir la nécessité de me comprendre ou celle de se rendre intelligible à son tour. Je n'entrevois que deux moyens pour pârer a cet inconvénient, qui me paraît très grand. Le premier serait, que M-r *Claudi*, auquel monseigneur est accoutumé et qui est intelligent, pût se résoudre à ne lui parler que français, mais la grande habitude qu'il a de parler russe à monseigneur depuis son enfance me fait craindre que la chose ne soit presque impossible, surtout dans les commencements. Le second moyen serait de placer auprès de monseigneur un jeune homme de son âge ou même plus âgé que lui, qui ne sût que le français, fut de ses jeux, et participât à ses leçons. Il va sans dire que le choix d'un jeune homme pareil ne peut pas être fait au hasard et n'est pas facile, mais s'il était une fois fait je suis presque assuré qu'en moins de trois mois monseigneur entendrait assez le français pour prendre part aux conversations françaises et pour recevoir des instructions ultérieures données dans cette langue au lieu qu'il pourrait s'écouler une ou deux années avant qu'il en fut capable, si l'on s'en tient à ce qui a été pratiqué jusques à présent, sans parler des désagréments qu'on lui aura procurés en lui faisant une étude particulière de ce qui devrait n'être pour lui qu'un jeu d'après l'instruction même de S. M. J.

Une fois familiarisé avec les sons français monseigneur parviendra bientôt à lire et à écrire couramment. Ce n'est que quand il sera déjà avancé qu'on pourra lui proposer les premières règles de l'orthographe et quelques réflexions générales sur la valeur des mots, sur leurs noms, qualités etc.

La meilleure grammaire d'une langue cultivée est la lecture des livres écrits par ceux qui l'ont formée. En apprenant la géographie et l'histoire monseigneur aura déjà eu l'occasion d'accoutumer ses oreilles aux sons du langage correct, il aura lu quelques bons livres, et les idées philosophiques, qu'on lui aura inspirées en passant, l'ayant accoutumé à réfléchir, il n'éprouvera ni les dégouts, ni les difficultés qu'essayent ceux auxquels on fait étudier de trop bonne heure les *règles générales du langage*: il ne verra enfin dans la grammaire qu'un recueil d'observations déduites d'une multitude de faits qui lui sont déjà connus, rédigées seulement en ordre pour y avoir plus facilement recours au besoin.

Un des meilleurs ouvrages en ce genre est celui que l'abbé de Con-

dillac, l'un des philosophes les plus sages du siècle, avait composé pour l'éducation de l'enfant duc de Parme.

Quoiqu'il n'y ait rien de décidé au sujet du latin, V. E. voudra bien me pardonner d'en toucher quelque chose en passant, vu qu'il en est parlé dans l'instruction de S. M. J.

S'il s'agissait de l'éducation d'un particulier, il y aurait les raisons les plus fortes pour insister sur la nécessité et les avantages de la langue latine, mais ses raisons ne sont plus les mêmes dans le cas présent. L'étendue des devoirs d'un prince destiné à jouir un jour du pouvoir absolu est trop grande, et le temps qu'il a pour s'en instruire est trop court pour qu'il puisse, sans crainte de négliger des connaissances plus importantes, en donner une partie à l'étude d'une langue dont-il pourrait bien ne retirer aucune utilité. Ce ne serait qu'après s'être bien pénétré des connaissances directement nécessaires à son état, tant comme simple citoyen que comme prince, et en ayant la conviction intérieure de n'avoir rien négligé pour n'être pas pris au dépourvu, que monseigneur pourrait apprendre le latin, et alors il n'aurait pas beaucoup de peine pour y réussir.

Géographie.

Cette science me paraît être l'une des plus propres à accoutumer monseigneur à une occupation sérieuse. Ainsi que j'ai eu l'occasion de l'observer avec les cartes découpées, les cartes géographiques ne paraîtront d'abord être que de nouveaux jouets. Il n'est pas naturel que monseigneur comprenne sitôt ce qu'elles doivent représenter et ce qu'elles sont, mais il suffit dans les commencements qu'il se familiarise avec elles: le temps viendra ensuite de lui expliquer les principes géométriques, physiques et astronomiques sur lesquels la géographie est fondée.

Pour me faire comprendre de monseigneur je lui mettrais d'abord sous les yeux la carte exacte des objets les plus familiers et qu'il connaît parfaitement, p. ex. le plan de son jardin, celui des différentes parties de Zarskoe-Selo, le grand plan qui les comprend toutes etc. Après s'être assez familiarisé avec ces plans pour reconnaître toujours le véritable lieu des objets, il me semble qu'il concevrait le *pourquoi* d'un plan, et s'il le concevait, il ne serait plus embarrassé lorsque je lui montrerais le plan de Pétersbourg et de ses environs, les cartes de l'Ingrie, de la Finlande, de la Livonie et des autres provinces voisines.

Cela fait, prenant la grande carte de l'empire de Russie, je lui ferais observer la distribution des provinces, leurs principales villes, les rivières qui les arrosent etc., mais sans entrer dans de trop grands détails. De là je passerais aux états voisins de la Russie en commençant par l'Europe, et je parcourrais les autres parties du monde plus pour que les noms principaux demeuraient gravés dans sa mémoire dans un âge où l'on retient si vite, que pour autre chose, et en ayant le soin de me borner aux objets les plus saillants. S. A. J. ayant fait pour ainsi dire ce cours *physiquement*, par la seule inspection des cartes, les impressions en demeureront ineffaçables, et il en résultera une connaissance des différentes parties de la terre, générale il est vrai, mais suffisante pour le moment.

Ce premier cours fini, on pourrait hazarder (si monseigneur y avait été préparé par quelques idées précédentes) de lui montrer les différentes cartes qu'il connaît réunies sur un globe et l'accompagner de quelques réflexions générales relatives à la forme du globe, aux cercles qui le coupent, à la diversité des climats, à l'inégalité des jours qui en résulte etc., mais il faudrait être bien sûr d'être compris. M-r *Sultzer*, professeur à Berlin, a publié sur cet objet une brochure de peu de pages qui contient l'essentiel de ce qu'on aurait à dire.

Après avoir acquis cette connaissance générale je ramènerais monseigneur sur ses pas, en commençant par la Russie, mais comme les livres étrangers me sont suspects sur cet article, il serait bien à propos d'avoir d'avance tout ce qui peut y suppléer, comme cartes, mémoires, etc. à fin de *n'omettre rien d'essentiel* et de ne *rien dire d'inutile*.

A la géographie de l'empire de Russie succéderait celle des états européens, en commençant par les états limitrophes et ensuite la description des autres parties du monde. *Busching* serait le directeur que je choisirais, mais je me bornerais à consulter son grand ouvrage qui est trop volumineux, et je m'en tiendrais pour l'usage journalier à l'abrégé qui en a été fait en Suisse par un homme de bon sens.

Histoire.

Tout citoyen qui se destine à être utile à son pays dans le manie- ment des affaires publiques doit étudier l'histoire; à plus forte raison doit-elle être l'étude d'un prince, mais il faut tellement la diriger pour celui-ci qu'il n'y puise pas des principes dangereux. On ne doit jamais oublier qu'Alexandre, né avec un beau génie et doué des qualités les plus brillantes, ne ravagea l'Asie et ne commit tant d'horreurs que

pour avoir voulu imiter les héros d'Homère; que Jules César ne se porta au crime de détruire la liberté de sa patrie que par émulation pour ce même Alexandre; et que de nos jours la lecture imprudente de *Quinte Curce* fit d'un roi du nord, doué d'ailleurs de qualités héroïques, le tyran de ses sujets et le fléau de plusieurs millions d'hommes,

Histoire ancienne.

Il me paraît indispensable d'en faire une étude particulière:

1) Pour l'ordre d'abord : parce qu'elle est la clef d'une multitude d'événements inexplicables sans elle et parce que tous les livres d'histoire la rapellent et se fondent sur elle.

2) Elle est *intéressante*, en ce qu'elle nous conduit presque jusques à l'origine des sociétés. Elle est la réponse à ces questions qui s'élèvent dans l'âme de l'homme: *d'où suis je venu et pourquoi suis je distingué de mes semblables?* Questions que tout homme sensé et surtout un jeune prince ne peut se faire trop souvent.

3) Elle est *instructive* par les ressources prodigieuses qu'elle présente.

L'antiquité a travaillé longtemps et péniblement pour nous: c'est à elle que sont dus les arts et les sciences. Mais bien que nous ayons été plus loin que l'antiquité dans plusieurs connaissances, nous sommes tellement demeurés en arrière dans les autres, qu'il faut recourir à elle pour s'en instruire. S'il fallait des preuves j'en appellerais à la morale simple et touchante prêchée par les anciens sages, à la sublimité de leur éloquence, à la manière noble dont ils ont écrit l'histoire, à la sagesse de leurs loix, surtout à leurs principes sur l'éducation, la plus propre à former de bons citoyens, à leur amour et à leur dévouement pour la patrie etc. Aucune histoire, j'ose le croire, ne donne des leçons plus utiles, mieux présentées et avec cet intérêt qui va au cœur; aucune ne nous fait converser avec un plus grand nombre d'habiles gens dans tous les genres et ne le fait avec autant de brièveté. A Dieu ne plaise cependant que je veuille mépriser les ouvrages des modernes ou leurs grands hommes! Je suis juste envers les anciens et rien de plus.

Parmi les nombreux cours d'histoire ancienne il faudra s'attacher d'abord à celui qui, exempt de discussions frivoles, rassemblera les événements les plus remarquables et les présentera avec le plus de clarté. Les français ont deux ouvrages modernes l'un et l'autre capables pour remplir ce but: les *Éléments d'histoire ancienne et moderne* par l'abbé *Millot* et le cours d'histoire composé par M. de *Condillac* pour l'éducation de l'infant duc de Parme. Tous les deux sont écrits par des

hommes d'un grand mérite. Je les préférerais (comme direction dans la méthode et dans l'ordre des faits) à *Puffendorf* qui est trop savant pour un novice et au *Discours sur l'histoire universelle* du célèbre *Bossuet* trop éloquent pour un commençant et trop traité d'après les idées théologiques du siècle de la révocation de l'édit de Nantes.

La lecture (et pour éviter toute ambiguité j'appelle ici du nom de *lecture* ce qui n'est proprement qu'une direction puisée dans un ouvrage relatif au sujet dont on s'occupe—opération qu'il ne faut pas confondre avec une *lecture de suite*). La lecture de l'un ou de l'autre de ces cours, dis-je, devra être suivie de celle d'un second plus étendu et surtout plus détaillé sur les moeurs et les actions des grands hommes à fin que ces faits particuliers puissent s'imprimer de bonne heure dans la tête du jeune prince et lui servir de texte lorsqu'il commencera à réfléchir sur les connaissances qu'il aura acquises. Malgré tous ses défauts l'un des meilleurs ouvrages de cette espèce est celui de *Rollin*, si l'on a la précaution d'épargner à monseigneur les réflexions trop fréquentes de l'auteur. Tout ce qui concerne l'histoire des anciens peuples est à peu près contenu dans cet ouvrage, à l'exception de ce qui regarde la Chine, sur laquelle on n'a des mémoires raisonnables et assurés (à ce qu'il paraît) que depuis peu d'années. Les commencements de cette monarchie, la plus puissante et la plus ancienne qu'il y ait, sont intéressants pour tout homme qui pense, et les sages maximes d'après lesquelles elle se gouverne depuis près de 4.000 ans ne peuvent être indifférents à un prince dont les états en sont voisins. Aucun livre moderne ne pouvant se servir de direction dans cette partie, j'ai tâché d'y suppléer par des extraits abrégés tirés des matières les plus intéressantes du recueil en 9 volumes intitulé *Mémoires sur les Chinois*, ouvrage marqué au coin de la vérité.

J'accompagnerais le second cours d'histoire ancienne de la lecture des *Vies des hommes illustres* de *Plutarque*, en observant seulement de ne pas commencer par les vies de ces personnages qui ne sont fameux que par l'abus qu'ils ont fait des talents les plus précieux et dont l'exemple, instructif pour les hommes sages, pourrait gâter un coeur encore trop jeune pour avoir cette défiance et cette retenue si nécessaires lorsqu'il faut mesurer le mérite et les actions des grands hommes. Je choiserais donc principalement parmi les vies des hommes illustres celles de ces hommes, qui, nés loin du trône, ont brillé par le seul éclat de leurs talents, de leurs vertus et de leurs grandes actions,

et se sont acquis la vénération de leurs contemporains et les justes éloges de la postérité. Les grands hommes dont je veux parler ici sont: *Lycurgue, Numa Pompilius, Solon, Publicola, Camille, Fabius Maximus, Paul Emile, Timoléon, Aristide, Caton le censeur, Philopoemen, Sertorius, Phocion, Caton d'Utique, Agis et Cléomene, les Gracques, Cicéron, Dion, Marc Brutus Aratus* et le 1-*r Brutus*. Je renverrais la lecture du reste à l'époque où l'esprit de monseigneur étant affermi par des principes solides, il pourra juger sainement par lui-même. Je conseillerais après le second cours conjointement avec *Plutarque*, qui n'exige pas d'être lu de suite, la lecture des *Révolutions romaines* par *Vertot*, et après celle des *Causes de la grandeur et de la décadence des Romains* par *Montesquieu*, ou l'ouvrage publié depuis peu en anglais sur les mêmes objets par *M. Gibbon*, ouvrage qu'on met au premier rang des meilleurs de ce siècle.

Condillac et *Millot* conduisent à nos jours, en sorte que monseigneur aura déjà par eux une idée de l'histoire moderne et ne sera pas étranger dans le monde où il vit, lorsqu'on le ramenera vers l'antiquité pour la mieux connaître. Mais ils sont un peu abrégés. *Rollin* ne va que jusques à la fin de la république romaine. *Crévier*, son continuateur, est d'une longueur assommante: on ne peut guères que le consulter lorsqu'on a besoin de plus grands éclaircissements. *Suétone* et *Tacite* ne doivent être lus que dans un âge où la raison est affermie. Il faut donc suppléer à ces lacunes par des notes ou simplement en commentant le premier cours dont on aura fait usage.

Histoire moderne.

L'histoire du Bas-Empire, écrite par *M. le Beau* est celle qu'il faut adopter pour l'ordre à l'aide d'extraits qu'il en faudra faire, à fin d'avoir une idée de la situation de l'Europe jusques à l'avènement de *Charlemagne* au trône et au rétablissement de l'empire d'occident. Cette histoire commençant depuis cette époque à intéresser l'empire de Russie, il conviendrait peut-être de la poursuivre sinon jusques à la décadence de l'empire d'orient, du moins jusques à l'époque où *Volodimir* emprunta des Grecs la religion régnante en Russie. Après l'histoire du *Bas-Empire* je mets au premier rang l'histoire de certains pays qu'on peut appeler du nom d'*histoire domestique* relativement à S. A. J., par exemple: *l'histoire de Russie, l'histoire de l'empire germanique, celle de Danemarck* et celle de *Suède*.

Histoire de Russie.

Quoique je connaisse ce qui en a été écrit de mieux par les étrangers, j'ai de bonnes raisons pour croire que je ne la connais que fort mal, mais je serais charmé de pouvoir rectifier mes connaissances si l'on voulait bien m'en fournir les moyens: l'instruction de S. M. J. semble du moins donner le droit de l'espérer.

En Russe et enAllemand on pourra dès à présent fournir ce qui s'écrit sur l'histoire de Russie dont s'en doute il faudra faire des extraits. (Note de la propre main de S. M. J. Cath. II).

Histoire Germanique.

Elle ne peut être ignorée par un prince qui est membre de l'empire par sa naissance, et elle tient d'ailleurs essentiellement à l'histoire de tous les états de l'Europe. Le *nouvel abrégé chronologique de l'histoire et du droit public d'Allemagne* de M. Pffeffel est par sa brièveté et par son bon choix l'un des plus propres à exposer tant les événements remarquables de cette histoire, que la constitution politique de l'Allemagne. Dans la suite, mais plus tard, on y joindra *l'histoire de Charles V* par *Robertson* et, si le temps le permet, *Mascov's (?) Geschichte der Deutschen*, ouvrage fort court, composé par un très habile homme.

Danemarc.

La meilleure histoire qu'on en ait, est celle d'un genèvois M. *Mallet*, appelé en Danemarc pour cet objet. *Les lettres sur le Danemarc*, en un volume, ouvrage d'un homme d'esprit, vivant actuellement dans sa patrie, sont très propres à donner une idée de l'ancienne constitution du royaume et de la nouvelle constitution établie en 1660 par *la loi royale*.

Suède.

Puffendorf en a écrit l'histoire et l'abbé de *Vertot* en a écrit les *Révolutions*, qui suffiront pour instruire monseigneur. Quant à l'histoire de cette monarchie dans ce siècle, on en traitera les principaux événements en parlant des états voisins, et le reste, surtout depuis le changement arrivé dans la constitution il y a peu d'années, pourra dans le temps être suppléé par des mémoires.

Je ne connais aucune bonne histoire de la *Pologne*; cependant pour suppléer à ce que l'histoire de la Russie ou de la Suède n'aura pas dit, on pourra recourir ou à *Puffendorf* ou à l'article de la Pologne

dans *l'histoire des royaumes du nord*. Mr. *Naruszewicz*, coadjuteur titulaire de Smolensko, homme d'esprit connu par des ouvrages estimés parmi ses compatriotes, est occupé en ce moment à écrire l'histoire de sa patrie. Il y a plus d'une année qu'il avait passé le règne de Casimir le grand, et il faut espérer que son ouvrage sera non seulement achevé, mais traduit avant l'époque où monseigneur sera en état de le lire: j'en ai ouï faire les plus grands éloges.

Cette partie de l'histoire moderne, dont la connaissance est *essentielle* à monseigneur, étant parcourue, je lui mettrais sous les yeux l'ouvrage de Mr. *Totze: Ueber den Zustand Europas*, traduit en plusieurs langues, ouvrage qui traite sommairement et comparativement de la constitution des puissances, des leurs forces, commerce, produits etc.

Muni des ces connaissances monseigneur pourrait passer à l'histoire particulière des principales nations de l'Europe, surtout à l'histoire de celles qui sont les plus distinguées par leur puissance, par les sciences et les arts et avec lesquelles la Russie soutient le plus de relations.

Je mets au premier rang *l'histoire d'Angleterre* écrite par *Hume* et je desirerais que monseigneur pût un jour la lire de suite, soit dans l'original, soit dans l'excellente traduction française qu'on en a. Le seul bon livre propre à faire connaître la constitution de l'Angleterre est de l'aveu même de l'illustre lord Mansfield, bon juge en cette matière, celui d'un genévois, Mr. *De Lolme*.

Vient après l'histoire d'Angleterre celle de la *France*, non moins intéressante, si elle eût été écrite par des *Daguesseau*, des *Montesquieu* ou des *Malherbes*.

Enfin après celle-ci vient l'histoire de la *révolution des Pays-Bas* décrite par *Watson* dans *l'histoire de Philippe II*.

Je n'entrerai point dans de plus grands détails comme étant inutiles et déplacés dans ce moment: je renverrai de le faire lorsque la capacité de S. A. I. me sera mieux connue et lorsque ma vocation étant déterminée, on l'exigera de moi.

Quant à la *chronologie* je ne l'envisage que comme un moyen quelconque de conserver l'ordre des faits, et tout système, fut-il même erronné, me parait indifférent, pourvu seulement qu'il mette de l'ordre dans les événements. L'un des meilleurs livres à consulter sur cette matière est celui de *Langlet du Fresnoy*, intitulé *tablettes chronologiques* etc.

Philosophie.

Lorsque Marc-Aurèle monta sur le trône on vit réaliser cette prédiction des sages, que les peuples seraient heureux s'ils étaient gouvernés par un prince philosophe. Sans doute il ne s'agit pas ici de cette science oiseuse si mal à propos honorée du nom de philosophie, qui ne s'occupe que des disputes et de jeux de mots et qui cherche à ébranler dans l'âme des faibles les principes sur lesquels repose la félicité publique. La véritable philosophie est la connaissance réfléchie de tout ce, qui peut véritablement contribuer au bonheur en remplissant les devoirs de son état, et celui-là est philosophe, dont la conduite est conforme à cette connaissance qu'il a de ses devoirs. Demander donc s'il est besoin qu'un prince soit philosophe c'est demander à mon avis s'il doit chercher à connaître ses devoirs, s'il doit se rendre capable de les remplir, en un mot *s'il doit être bon citoyen?*... or il n'y a personne qui en doute.

Mais la philosophie dans le sens où elle est particulièrement prise ici n'est pas d'une aussi grande étendue. C'est une partie de cette vaste science destinée seulement plus directement à fournir les principaux moyens de parvenir à la connaissance des ses devoirs et c'est prise comme un tel *moyen* qu'elle fait partie de l'éducation.

Je comprends ici sous cet article:

1) *L'art de raisonner juste* non point tel que l'enseignent avec ennui les logiciens en titre, mais déduit d'observations et réduit à un petit nombre de règles incontestables prouvées par l'expérience.

Les livres écrits méthodiquement et qui offrent un enchaînement de vérités bien reconnues dépendantes les unes des autres sont les meilleurs maîtres de raisonnement. C'est pour cela aussi que l'étude des sciences exactes (les mathématiques etc.) en forçant l'esprit à ne marcher qu'à l'appui des preuves, des observations et des faits, a l'avantage de le rendre juste. Lorsque monseigneur aura pris l'habitude de *poser toujours des faits pour base de ses jugements* et celle de suspendre ses décisions par le défaut des preuves: lorsqu'en un mot la marche de son esprit sera mathématique, alors on pourra lui raconter sans péril, s'il en a le temps, et par forme de récréation les sottises subtilement inventées et péniblement enseignées par les pauvres humains, dans l'idée de raisonner juste, mais ce ne sera qu'un simple récit et jamais l'objet d'une étude particulière.

2. *L'art de bien raisonner* conduit à savoir ce qui raisonne en

nous. Il n'y a aucun homme qui ne se surprenne quelques fois méditant une réponse à ces questions: *qui suis je? d'où viens je? et que fais je?* Les absurdités par lesquelles on y a répondu sont sans nombre, cependant il impose que monseigneur n'y fasse pas aussi une réponse de cette espèce; plutôt que de demeurer dans l'ignorance l'esprit adopte volontiers les absurdités débitées par d'autres. Le don de suspendre ses décisions n'est pas celui de la première jeunesse.

C'est au livre du sage *Locke* sur *l'entendement humain* que monseigneur devra recourir pour ne pas s'égarer. Semblable au dessinateur qui pose dans le milieu de son atelier la statue qu'il veut copier à fin de pouvoir l'examiner de tous côtés, ce grand homme se rendit lui-même le sujet de ses propres recherches. Après avoir observé l'origine de ses idées et leur progression, après avoir assigné les causes de nos erreurs et de nos faux jugements, il sut s'arrêter là où le flambeau de l'expérience cessait de luire. Modeste avec un génie supérieur il osa avouer son ignorance. Il ne prononça pas même que d'autres ne pourraient aller plus loin que lui, mais il montra qu'en demeurant là où il était resté, et en faisant un bon usage de leur raison, les hommes étaient en état de connaître tout ce qui importait à leur bonheur. C'est la marche assurée de cet homme de génie, c'est sa candeur, sa retenue, que je désirerais faire connaître à monseigneur dans l'espérance que l'impression lui en resterait pour la vie.

Si le temps manquait, je me retrancherais à lui faire connaître l'ouvrage en un seul volume publié par *Condillac* sur *l'origine des connaissances humaines*, l'un des meilleurs et surtout des plus raisonnables qu'on ait écrit sur ces matières. La bibliothèque d'un prince doit être peu nombreuse, mais composée de ces ouvrages qui ont servi à diriger son éducation, qui contiennent les vrais principes relatifs à son état et dont le souvenir ne se perd pas: quand aurait-il le temps d'en lire un plus grand nombre? et pourquoi lirait-il les indifférents ou les mauvais?

3. Après avoir appris à bien connaître soi et les autres, quoi de plus naturel que de rechercher les relations qui subsistent entre eux et nous!... C'est là l'objet de la *morale, science pratique et d'un usage journalier*, sans quoi elle eût aussi été pervertie.

Il serait triste sans doute de ne devoir ses principes moraux qu'aux ouvrages qui traitent de la morale, mais il est pourtant vrai que sans un système, qui lie ces principes entre eux, en les rapportant à un petit nombre de vérités incontestables, en faisant sentir leur dépen-

dance absolue de ces vérités et en déduisant l'obligation indispensable de se conduire dans toutes les circonstances conformément à elle: il est pourtant vrai, dis je, que sans un système pareil, l'homme, même le plus honnête, peut flotter au hazard et se porter par l'ignorance à des choses qu'il n'eût certainement jamais entreprises, s'il eût vu combien elles contredisent aux principes qu'il reconnaît en son coeur.

On pourra choisir pour guides ou les *Principes du droit naturel par Burlamaqui*, ouvrage court et fort bien écrit, ou les *Devoirs de l'homme et du citoyen*, ouvrage célèbre de *Puffendorf*. Je désirerais d'avoir une traduction des *Offices de Cicéron*, qui fut propre à rendre sensible le ton touchant des anciens sages, lorsqu'ils parlaient de la morale, et l'importance qu'ils attachaient à cette science: je désirerais enfin que cette traduction fit voir la grande âme de cet homme illustre, le plus éclairé et le plus éloquent de son siècle et qui mérita parmi tant de rivaux et dans une époque fertile en grands personnages le titre de *père de la patrie*, le plus glorieux qu'un homme puisse recevoir de ses égaux. Les *Réflexions* de l'empereur *Marc-Aurèle* doivent aussi appartenir à cet article: elles font aimer la vertu et l'humanité et l'on est charmé de connaître celui qui les a écrites.

4. A la suite de la morale ou du droit de la nature et des gens je mets la connaissance de l'origine des sociétés civiles et des principes, qui, s'il n'ont pas contribué à les former, en sont du moins devenus les fondemens.

Les vérités historiques et philosophiques acquises par S. A. J. jusques à cette époque trouveront particulièrement ici leur application, puisque cette connaissance doit principalement consister dans des observations résultantes des faits qui lui seront déjà en grande partie connues.

Il est nécessaire à tout bon citoyen de connaître ces principes, mais il l'est surtout qu'un prince s'en pénètre de bonne heure. Il y verra qu'il fut au moins un temps où les hommes étaient égaux, que si les choses ont changé depuis, ce ne peut jamais avoir été pour livrer le genre humain pieds et poings liés aux caprices d'un seul homme, et qu'il y a eu des monarques absolus assez généreux et assez vrais pour faire cet aveu public à leurs sujets.... *Nous faisons gloire de le dire, Nous n'existons que pour nos peuples* ¹⁾.

¹⁾ Ср. Наказъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, § 520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни встѣмъ земнымъ обладателямъ говорить, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожь мы ду-

Je choisirais encore pour guide l'ouvrage de *Locke sur le gouvernement civil* et je me servirais des *éléments du droit public de l'Europe* par *Mably* pour donner à monseigneur une connaissance des différens traités qui ont eu lieu jusques à nos jours: ce serait pour ainsi dire une récapitulation de ce qu'il saurait sur l'histoire moderne.

5. Tout bon citoyen doit de plus:

1) Avoir une connaissance des *principes généraux des lois*, par où j'entends une connaissance réfléchie et bien ordonnée des principes généraux des lois de la nature, appliqués aux établissemens communs à tous les peuples, tant en matière *civile* et *criminelle* qu'en matière de *police*: cette connaissance pourrait s'appeler la *jurisprudence générale*.

2) Il doit de plus *connaître les lois de son pays*. J'entends par là non pas une connaissance fondée sur la seule mémoire, mais une connaissance de l'esprit particulier et des principes de ces lois, tellement ordonnée d'après un système raisonné, qu'elle puisse toujours servir de guide dans les jugemens lorsque les lois sont obscures, contradictoires ou muettes. Aucun prince n'est autant dans le cas de faire cette étude particulière qu'un prince du sang de Russie, destiné à gouverner un jour une grande monarchie comme *seul législateur et seul dernier juge d'appel*.

Quant à la première partie qui regarde les principes généraux des lois, l'ayant étudiée à l'exemple de ceux de mes compatriotes, qui se destinent aux emplois publics, m'en étant occupé sérieusement, et ayant été plusieurs fois appelé dans ma patrie à traiter ses principes publiquement et à les défendre, ce ne sera pas je crois présumer trop de mes forces en disant que je puis servir encore de guide à monseigneur sur ce point.

Mais quant aux lois propres à la Russie, n'en ayant aucune connaissance et n'ayant eu ni les moyens, ni le temps de l'acquérir, je suis hors d'état d'en dire un seul mot de certain. Cette connaissance, il est vrai, m'intéresserait beaucoup, mais puis-je espérer de l'acquérir? c'est ce que je ne saurais dire.

Enfin je voudrais finir le *cours de philosophie* par l'histoire tant de l'ancienne que de la nouvelle philosophie, comme étant une récapitulation des objets ci-dessus. *Deslandes* ou le petit ouvrage de *Brouker* pourraient me servir de texte dans les choses essentielles. Muni de prin-

---

маемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ тѣхъ, какъ они быть должны. (Сочиненія Екатерины II. 1849. I, 116).

cipes solides, accoutumé à user sagement de sa raison, monseigneur ne retirera que du plaisir d'une pareille occupation.

C'est ici où finit la note des objets qui pourraient me regarder et dans lesquels je pourrais (si on le veut) donner des leçons. Par conséquent je ne parle pas des mathématiques, parce qu'un autre est déjà désigné pour les enseigner, et je ne me permettrais d'en parler à monseigneur qu'à propos des articles philosophiques ci-dessus et qu'autant que cela serait nécessaire pour lui faire sentir la force des démonstrations mathématiques et l'excellence de leur méthode.

Je ne parle pas non plus de la physique parce que, ainsi que je l'ai dit plus haut, sauf les idées éparses et générales, qu'il en faudra donner quelquefois à propos de la géographie, de l'histoire et des sujets philosophiques, cette science ne peut être mieux enseignée que par un maître exprès. Ceux de monseigneur, les académiciens qui s'en occupent entièrement, sont plus en état que personne d'en exposer avec clarté et brièveté les principes et de répéter les expériences qui les confirment.

Je terminerai ce mémoire pas les observations suivantes:

1. Il n'est pas possible dans ce moment d'assigner le temps que S. A. J. devra donner à l'instruction relativement à son âge et à ses forces. Cette distribution dépend de ce qu'il saura dans quelques mois, de ses dispositions, du développement de ses talents et de plusieurs circonstances.

Je crois en attendant:

1) Qu'un jeune homme doit être accoutumé de bonne heure à mettre de l'ordre dans ses occupations, parce qu'on ne prend jamais l'habitude de réfléchir, en passant subitement d'un objet à l'autre et parce que cette habitude de voir successivement tant d'objets différents, en blasant l'imagination et la curiosité, a encore l'inconvénient de rendre les jugements précipités et par là même presque toujours faux.

2) Que les jeunes gens peuvent très bien être accoutumés à étudier à certaines heures, surtout si ce qu'on a à leur apprendre ne passe pas leur portée et ne leur est pas présenté d'une manière repoussante.

D'après ce que je connais déjà du caractère de monseigneur le grand duc Alexandre, je suis convaincu qu'il ne fera pas une exception à ce principe et qu'il ne sera pas fort difficile, en mêlant la douceur à la fermeté et en laissant agir sa raison, de l'amener insensiblement à s'occuper à des heures déterminées. L'expérience paraît m'en avoir assuré pour l'avenir. En voici un exemple. Votre Excellence se rappelle que

le jeudi avait d'abord été le seul jour destiné à la lecture française; cependant insensiblement monseigneur a consenti de lui-même à lire avec moi tous les jours où j'avais mon tour. Ce n'était d'abord qu'une fois par jour; dès lors nous avons partagé l'ouvrage entre la matinée et l'après-dinée, et monseigneur ne se doute pas qu'il a presque doublé son ouvrage. Il est vrai que tout les moments ne sont pas également favorables ou suivis d'un succès égal et que tout cela encore fait très peu, mais il ne m'est pourtant pas arrivé une seule fois d'avoir échoué dans mon dessein, et monseigneur a toujours fini par faire ma volonté. Or, si dans les commencements, si avec aussi peu de moyens de m'aider, si pour l'objet ingrat d'une langue étrangère, j'ai obtenu le sacrifice de certains moments de la journée, ne puis-je pas en conclure que tout le reste est praticable, en employant la fermeté et la douceur. Je le crois donc jusques à ce qu'une expérience contraire m'en désabuse.

2. Si un simple particulier n'a point d'ordre dans ses occupations et si pour n'avoir pas appris à fixer pendant quelque temps ses idées sur un sujet il raisonne mal dans la suite, *tans pis pour lui seul*. D'ailleurs le frottement des autres hommes saura le redresser. Partout il trouvera des personnes prêtes à lui donner des leçons et il pourra peut-être même devenir un excellent homme. Mais un prince qui ne serait pas accoutumé au travail et à l'ordre et qui ne serait pas imbu de toutes les connaissances essentielles à son état avant sa 16-e ou 18-e année, serait perdu pour toujours, à moins de circonstances extraordinaires, car où sont ils ceux qui oseraient corriger le successeur d'une monarchie absolue s'abandonnant à ses passions? Le vertueux Sully élevé avec Henri IV, son ami d'enfance, son camarade et son compagnon d'armes, ce Sully, sans cesse occupé des moyens de rendre sa patrie heureuse, ne fut il pas vingt fois sur le point de perdre la confiance du meilleur de tous les maîtres et du plus honnête de tous les hommes.

3) La *géographie* d'abord et puis un peu d'histoire: voilà je crois en général par où il faut commencer. On pourrait aussi y joindre quelques récits d'histoire naturelle et, si les forces de monseigneur le comportaient, on pourrait y ajouter quelques notions abrégées tirées de la géométrie, surtout de la géométrie pratique. Il doit nécessairement y avoir beaucoup de tâtonnements et d'essais à faire, mais aussitôt que par l'un d'eux l'on aura intéressé la curiosité de S. A. J., il en faudra profiter pour poursuivre régulièrement sa marche et l'accoutumer à l'attention.

Il est impossible de ne transmettre à un élève que des idées qu'il comprenne toutes et qui le conduisent sans lacunes du connu à l'inconnu jusques au bout de la carrière. L'instituteur, doué d'un talent pareil, devant avoir une vue entière non seulement du présent, mais encore du passé et de l'avenir, ne serait pas un homme, mais un Dieu. Il faut s'efforcer, il est vrai, d'être compris, mais il y aura toujours une multitude de faits, mis en réserve dans la mémoire, dont l'intelligence n'aura lieu qu'au temps où l'esprit commencera à exercer ses réflexions sur ce qui est autour de lui.

4. Les connaissances philosophiques, dont j'ai parlé, formant une partie essentielle de l'éducation d'un bon citoyen, sont de nature à pouvoir être enseignées par une même personne sans qu'on puisse pour cela l'accuser de jactance et de charlatanerie. Je dirai plus. Il y a de fortes raisons pour que ce soit le même homme qui les enseigne:

1) Parce que les principes de ces différentes connaissances sont les mêmes et parce qu'elles mêmes constituent la *science du citoyen*.

2) Parce que les différentes méthodes, employées par trop de différents maîtres, fatigueraient inutilement l'esprit de S. A. J., y répanderaient le désordre et l'inconstance et empêcheraient les bons principes d'y jeter de profondes racines.

3) Parce qu'il serait à craindre que, comme dans le bourgeois gentilhomme, chacun, exaltant sa patrie aux dépens de celle des autres, ne voulut aussi l'y faire exceller à leur dépens. Or, monseigneur ne doit être ni physicien, ni naturaliste, ni mathématicien, ni géographe, ni grammairien, ni méthaphysicien, ni logicien, ni légiste etc. Mais il doit être honnête homme et citoyen éclairé et savoir de tous ces objets ce qu'il en faut pour les estimer ce qu'ils valent et pour n'être pas exposé à ignorer les devoirs auxquels il est tenu comme prince d'une monarchie où sa volonté seule décidera du bonheur ou du malheur de plusieurs millions d'hommes.

5. Je vous prie V. E. d'excuser si pour m'exprimer mieux je me suis mis quelquefois à la place de la personne, destinée à enseigner ces sciences à monseigneur. J'avais conçu une fois l'espérance d'être employé à quelque chose de plus qu'à donner des leçons de français, et il m'est resté encore quelques ressouvenirs de ce songe agréable ¹⁾.

Si cependant j'étais jugé capable de faire plus, V. E. sent parfaitement qu'il me conviendrait de le savoir. En effet, il ne suffit pas de

¹⁾ Celui qui a composé cet écrit paraît assurément capable d'enseigner plus que la seule langue française. (De la propre main de S. M. J. Cathérine II).

posséder une science pour l'enseigner à d'autres: on pourrait y exceller sans être capable d'en exposer les éléments, et le grand Newton lui même eût été peut-être un mauvais maître de géométrie. Il faut non seulement avoir réfléchi sur cette matière, mais avoir été de plus dans le cas de faire des applications. Or, ce travail n'ayant rien de fort attrayant, peu d'hommes s'y livrent. Tous s'empressent au contraire de s'éloigner de ces premières époques de leurs connaissances, et la nécessité ou les devoirs d'une vocation expresse sont les seules choses capables de les y rappeler.

Pour donner des leçons intelligibles, pour éviter à un élève le désagrément d'oublier un jour des inutilités péniblement apprises, pour faire enfin cela le mieux que possible et dans le moindre temps possible, il faut avoir fait des observations suivies sur le caractère, les facultés et les dispositions de l'élève, et les avoir tellement combinées avec les leçons qu'il doit recevoir, qu'elles servent de base à celles-ci; mais *pour travailler à cela avec constance, il faut avoir une vocation décidée et bien connue qui y engage.*

J'ai donné plusieurs fois des leçons et je ne passerai pas, je crois, pour présomptueux en croyant que j'en sais au moins dans ce moment plus qu'il n'en faut pour donner des leçons à monseigneur dans les sciences, dont j'ai parlé, pendant plusieurs années encore; mais ma conscience m'oblige aussi à dire qu'elles seraient dans la suite très imparfaites, si je n'avais pas eu le temps de les méditer d'avance, ou si n'ayant aucune vocation directe et connue pour m'en occuper plus particulièrement, je les perdis insensiblement de vue pour m'occuper d'autres choses.

Puis donc qu'il m'importe essentiellement de savoir de bonne heure, si je suis destiné à donner d'autres leçons que celle de français, je prie instamment V. E. de vouloir bien m'obtenir une réponse déterminative et positive à ce sujet, à fin que si elle est favorable je puisse me montrer digne de la confiance qu'on veut bien avoir en moi, ou que si elle ne l'est pas, je ne me berce pas de vaines espérances et puisse employer à d'autres choses utiles les jours de liberté qui me restent. Je crois ma demande d'autant plus en place qu'elle a pour unique but de connaître mes devoirs, non point par une vaine curiosité, mais *dans la ferme résolution de les remplir.*

Enfin dans le cas où je serais désigné pour donner *certaines leçons*, V. E. ne trouvera pas mauvais que *j'insiste sur le droit de les donner seul suivant les principes indiqués ci-dessus*, que j'expliquerai plus en

détail, si on le désire. Ce n'est point l'amour propre qui m'inspire cette réflexion; c'est l'amour de l'ordre et le bien de la chose. Je déclare au contraire de bonne foi, que, soit avant, soit après ces leçons, je serai toujours disposé à écouter toutes les remarques qu'on voudra bien me faire, à les discuter sans fiel et sans rancune, et à en profiter avec reconnaissance, si elles me paraissent fondées. Mais je dois dire avec la même franchise (et je prie V. E. d'en bien remarquer la justice), que je ne verrais pas de bon oeil et ne pourrais supporter longtemps avec patience qu'on vint m'interrompre sans raison légitime au milieu de mes leçons pour me donner des directions ou pour prendre ma place.

Je demande grâce à V. E. pour la longueur de cet écrit, qui, destiné d'abord à n'être qu'une note, est devenu insensiblement un mémoire sans que je sache où il a besoin d'être retranché. Je prie V. E. de le recevoir comme une déclaration sincère de ma façon de penser et comme un témoignage de mon respect et de la confiance que j'ai en Elle.

J'ai l'honneur d'être avec respect

de Votre Excellence

le très humble et très

obéissant serviteur

De l'Harpe.

II.

**Письмо наставника великихъ князей, Лагарца, къ императрицѣ
Екатериинѣ II.**

S.-Pétersbourg, 15—9-bre 1791.

A Sa Majesté Impériale Cathérine II.

Auguste Impératrice,

Madame!

La confiance dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer, les bienfaits dont Elle m'a comblé à diverses reprises, l'approbation flatteuse qu'Elle donna souvent à mes travaux et à mes principes, tous ces témoignages précieux de Son auguste bienveillance avaient dès longtemps pénétré mon coeur des sentiments de la plus profonde vénération et d'une reconnaissance sans bornes.

V. M. J. vient tout récemment encore de leur donner une nouvelle énergie, en me faisant généreusement connaître les plaintes des patri-

ciens de Berne, et permettant que je dépose aux pieds de son trône les principes et les faits qui doivent leur servir de réponse. Heureux si, en continuant à paraître à V. M. J. aussi digne que jadis de sa puissante protection, je pouvais intéresser sa grande âme en faveur du peuple loyal et honnête, au milieu duquel je suis né.

En commençant par l'exposition de mes principes, j'oserais respectueusement supplier V. M. J. d'excuser les détails dans lesquels je vais entrer en faveur du désir extrême que j'ai de prévenir les incertitudes et les doutes.

I.

J'ai puisé mes principes philosophiques, religieux et politiques chez les anciens, dont la lecture amusa ma jeunesse, dans les écrits peu nombreux des vrais philosophes, dans l'histoire, surtout dans celle de ma patrie, dans la conversation de quelques hommes instruits, dans les leçons d'un père respectable, qui s'attacha à fortifier mon âme, à élever mes pensées, à me rendre un homme utile, dans l'exemple domestique de mes ancêtres, gens connus dans mon pays par leur loyauté, leur patriotisme et leurs vertus et dont la mémoire est encore chère au peuple ¹⁾).

Ils étaient connus dans ma patrie, ces principes, et, puisque je dois parler de moi, je dirai qu'ils m'avaient mérité l'estime de mes concitoyens, que les patriciens de Berne même daignaient soupçonner alors que je n'aurais pas déshonoré leur caste.

La *société helvétique*, que composent les hommes les plus distingués de la Suisse et dont les assemblées périodiques ont pour but d'entretenir l'amour de la patrie, de propager les lumières et de resserrer les liens de la fraternité, cette société, à laquelle je suis étranger, proclama mon nom il y a quelques années, et plusieurs centaines de magistrats, de nobles et de citoyens de tous les cantons portèrent par une acclamation unanime la santé d'un concitoyen, dont les principes connus honoraient son pays ²⁾).

¹⁾ Conduit dans mon enfance devant un fort beau portrait de mon ayeul, mon père me saisit fortement la main en m'exhortant à lui ressembler. Sa dépouille mortelle—ajouta-t-il les larmes aux yeux—avait été accompagnée jusqu'à la dernière demeure par tous les habitants de la châtellerie de Rolle, accourus pour rendre ce dernier hommage à l'homme de bien qu'il fallait être aussi brave que lui.

²⁾ Le fait est consigné dans les *Étrennes helvétiques* de l'année 1790. — M. r le doyen Bridel, membre de la société helvétique, m'ayant écrit en 1788 à St.-Pé-

Lorsque V. M. J. daigna me confier l'instruction de Leurs Altesses Impériales, messeigneurs les grands ducs, il me parait indispensable de manifester, dès l'entrée, mes principes à fin de n'être point pris pour un autre; et non seulement j'appris qu'ils avaient obtenu l'assentiment de V. M. J., j'eus le bonheur de l'entendre de sa bouche ¹⁾. Elle daigna me le répéter à plusieurs reprises, Elle m'encouragea à persévérer par tout ce qui peut faire impression sur une âme honnête; et le bourdonnement de quelques patriciens pourrait me troubler et me distraire lorsque les éloges flatteuses, dont V. M. J. m'honora, lorsque les expressions gracieuses, dont Elle daigna les accompagner, retentissent encore au fond de mon cœur, lorsque ma conscience me dit, que je ne les ai point démerité!

Les thèmes, que j'ai dicté à LL. AA. JJ. depuis que j'ai l'honneur de les instruire, et qui, tous, ont passé sous les yeux de V. M. J., prouveront au reste, que si j'énonçais quelquefois des principes hardis ²⁾,

tersbourg, qu'il était curieux de savoir, comment mes principes sévères et prononcés en matière de liberté pouvaient se concilier avec le poste que j'occupais dans la cour d'un monarque absolu, je lui adressais en réponse quelques fragments des thèmes historiques que je dictais à nos deux élèves pour servir de base à mes leçons. M-r. Bridel les trouva digne d'être communiqués à la société helvétique, et me transmit les témoignages de la satisfaction, consignés dans les *Etrennes helvétiques*.

¹⁾ Le mémoire, que je remis le 10 juin 1784 au comte Soltykof pour être présenté à l'impératrice, et qu'elle apostilla dans deux endroits, prouve ce que j'avance. Ce mémoire me fut restitué à ma prière après en avoir remis une copie. C'est un monument, qui honore celle, qui en approuvait le contenu. En voici un passage, tiré de la page 17-e: «Il est nécessaire à tout bon citoyen de connaître ces principes (c'est à dire ceux qui servent de base à la formation des sociétés), mais il l'est surtout, qu'un prince s'en pénètre de bonne heure. Il y verra, qu'il fut au moins un temps, où les hommes étaient égaux; que si les choses ont changé depuis, ce ne peut jamais avoir été pour livrer le genre humain, pieds et poings liés, aux caprices d'un seul homme, et qu'il y a eu des monarques absolus assez généreux et assez vrais pour faire cet aveu public à leurs sujets: «*Nous faisons gloire de le dire, Nous n'existons que pour nos peuples*». (Cath. II).

²⁾ Les thèmes sont des années 1785, 1786 etc. Tous passaient sous les yeux de l'impératrice, qui, à plusieurs reprises, me fit remercier et me remercia elle-même pour leur contenu. Pendant son voyage à Kief et en Crimée elle en communiqua plusieurs fragments aux personnes qui formaient sa société, en particulier au célèbre prince de Ligne et au lord S-t. Helens, ambassadeur d'Angleterre, en faisant l'éloge du républicain suisse, qui était à son service. Je n'ai conservé qu'une faible portion de ces thèmes, n'ayant pas imaginé, qu'ils pourraient un jour servir à ma justification.

je ne le fis jamais en secret, ou sans y être autorisé par la nature des faits. Ils prouveront que je ne tiens les miens ni des démagogues du jour, ni des clubs, ni de journaux, ni de l'assemblée des Français, ni d'aucune autre association d'hommes ¹⁾.

Mes principes actuels sont les mêmes que ceux d'alors à la différence près des légers changements, que l'âge, l'expérience et la réflexion peuvent y avoir introduits. Je puis, en attendant, me rendre le témoignage de n'avoir énoncé que ceux que je professais et de n'avoir professé que ceux, qu'il m'eût été permis d'avouer dans l'anguste présence de V. M. J. ²⁾, Devenu défiant à l'égard des doctrines outrées, je me suis constamment efforcé de réformer les propositions tranchantes, qui échappaient à LL. AA. JJ. suivant l'usage de la jeunesse et de leur présenter des considérations propres à les rendre moins décisifs et plus circonspets.

Les intentions de V. M. J. à leur égard m'étaient connues. Je savais qu'Elle voulait en former des hommes instruits, habitués à faire un bon usage de leur raison, exercés au travail, dignes, en un mot, de leur haute destinée ³⁾.

En me bornant à tirer de ces intentions de simples corollaires, et en les appliquant avec discernement, j'étais donc assuré de ne commettre aucune erreur, et V. M. J. a tout fait pour moi, en daignant témoigner, que j'avais rempli ses vues.

II.

Après cette exposition de mes principes je passe aux plaintes des patriciens de Berne, et c'est encore à cet égard, que j'ose solliciter l'indulgence de V. M. J.

Je ne suis point *démocrate*. Personne ne hait plus que moi la dé-

¹⁾ On voulait alors me mettre au nombre des *Novateurs*, qui étaient abhorrés. Les émigrés français s'étaient chargés de m'inscrire en tête de la liste, dressée par eux, des *démocrates* à proscrire.

²⁾ Ceux qui m'ont connu en Russie savent, que ma conduite fut conforme à ce que j'écrivais à Cathérine II. La marche, que je suivis imperturbablement, malgré les obstacles et les périls, fut celle, que je m'étais tracée en commençant. J'ai vécu à la cour en spartiate, et nul ne m'en a voulu pour cela, ce qui fait honneur au caractère russe.

³⁾ L'impératrice déclara plusieurs fois ces intentions en ma présence et devant ses petits fils: «vous obéissent ils? C'est mon intention, qu'ils soient dociles et profitent de vos leçons». Malheureusement mon rang ne me permettait pas de traiter habituellement ces objets avec l'impératrice: il fallait passer par le gouverneur en chef.

mocratie; et c'est parceque je la regarde comme incompatible avec mes principes sur la justice et la liberté; c'est parceque je l'ai observée de près, que j'en déteste les maximes. L'histoire ancienne m'a fait voir dans ses démocrates d'Athènes si vantés d'impitoyables opresseurs de leurs sujets, et comme les passions humaines sont immuables, les démocraties de la Suisse offrent de nos jours et sous d'autres noms le même spectacle. *Les ennemis les plus implacables de la liberté des sujets en Suisse sont les démocrates, au milieu desquels elle nâquit.* La preuve de ce paradoxe est aussi simple, que décisive.

Je ne suis pas davantage *aristocrate*: je n'ai pas même le droit de l'être, car, bien que ma famille soit noble et très ancienne au pays de Vaud, elle ne jouit pas dans la ville de Berne du *droit de bourgeoisie*. Ceci mérite explication.

Il y a en Suisse quatre cantons: *Berne, Lucerne, Fribourg et Soleure*, dont l'administration appartient à des conseils qui se recrutent eux-mêmes et dont les membres sont tirés exclusivement de la bourgeoisie des capitales (regiments—fähige Bürgerschaft), qui consiste en familles nobles et roturières.

Tous les emplois de l'administration appartiennent à ces familles bourgeoises des capitales. A fin de monopoliser plus à leur aise, elles ont arrêté dès longtemps et sans que les sujets s'en soient doutés, de n'agrèger aucune nouvelle famille, ce qui a réduit leur nombre d'une manière si effrayante, qu'à Fribourg on compte à peine 80 familles *habiles au gouvernement* (regiments—fähige Bürger) sur 100,000 sujets, et que sur une populations de 500,000 âmes dans le canton de Berne on n'en compte que 236 ¹⁾.

La séparation tranchante de ces deux espèces d'habitants d'une même pays autorise les dénominations de *caste aristocratique* et de *caste sujette* et l'épithète d'*oligarchies*, qu'on donne aux républiques mêmes.

Enfin, comme les conseils élisent seuls leurs membres et que les mêmes familles s'y retrouvent perpétuellement, tandis que les autres en

---

¹⁾ Je manquais alors des données plus exactes, que la révolution a fournies depuis. Alors les archives cantonales n'étaient ouvertes qu'aux familles gouvernantes ou aux individus de la caste sujette, dont les vues bornées ou la dépendance ne pouvaient inspirer d'appréhensions à ceux, qui ne voulaient pas, qu'on connut *les faits anciens*. L'oligarchie s'établit à Berne par des décrets rendus dans les années 1559, 1619, 1635, 1643, 1669, 1680, 1684 et 1781. Le décret de 1684 ordonna la cloture du livre, dans lequel se trouvaient inscrits les noms des familles gouvernantes.

demeurent écartées, je désignerai les premières par le surnom de *patriciennes*. Berne n'en a que 76 et 16 d'entr'elles formaient en 1790 la majorité dans le conseil souverain, appelé Les *Deux cents*.

C'est à Berne que toutes les places de l'administration, tous les emplois honorifiques ou lucratifs, sont réservés aux 76 familles, qui, par abus ou par artifice, ont réussi à se transmettre de père en fils l'exercice de la souveraineté. C'est à Berne où 76 familles, qui chaque 6-me année se partagent près de 8 millions tournois, tirés de la *bourse du peuple*, ainsi que dit le célèbre Haller ¹⁾, ne laissent aux 500,000 individus de la caste sujette, que le $\frac{1}{4}$ des campagnes et des emplois dans les 4 régiments, que la république entretient au service de la France, du roi de Sardaigne et des Provinces-Unies. C'est à Berne que tous les sujets de l'état, nobles bourgeois et paysans, sont indistinctement et à jamais privés de la faculté d'entrer dans l'administration, quelques puissent être leur mérite et leurs talents; en sorte que la comparaison des patriciens avec les bramines et celle des sujets avec les parias de l'Inde est manifeste et bien fondée. Ce n'est donc pas un médiocre sujet de surprise de voir les royalistes les plus zélés, dont les principes sont directement contraires à ceux de ces patriciens, fraterniser avec eux en vertu de la seule ressemblance des noms.

Le découragement, dans lequel me plongèrent des réflexions aussi tristes, joint à l'idée désolante de me trouver étranger dans ma patrie, me déterminèrent à la quitter. Mais ces impressions facheuses pouvaient d'autant moins s'effacer, qu'ayant lu beaucoup de chartes et de chroniques ensuite du projet, que j'avais formé jadis de travailler sur l'histoire de mon pays, je connaissais mieux que d'autres son ancienne constitution et les moyens de la lui rendre. Il était donc naturel, que ces objets revinssent souvent sur le tapis dans mes diverses correspondances, et si les patriciens de Berne les eussent perlustrées plus tôt, ils s'en seraient bien aperçus.

Il est probable cependant, que je les aurais perdu de vue, si ma curiosité n'eut pas été réveillée par une question de privilèges, qui date des années 1781 et 1782. Le Deux-cent de Berne ayant à ces époques

---

¹⁾ C'est dans son poème des *moeurs corrompus* (die verdorbenen Sitten) que se trouvent ses beaux vers:

....da Weiber, derer Seelen
Kein hentig Herz erreicht, erkaufen mit Frewelen
Den Staat vom Untergang, den Staat, des Schatz uns hent
Zum offen Wechsel dient, und Trost der Ueppigkeit.

imposé une taxe sur les terres de sa seule autorité et au préjudice des franchises et libertés du Pays de Vaud, plusieurs villes réclamèrent contre cette infraction manifeste, et Morges l'une d'entr'elles ayant présenté successivement deux requêtes et un mémoire très curieux que je possède, il s'établit par devant les tribunaux une discussion, dont l'issue intéressait d'autant plus tous les citoyens, que, dans l'état actuel des choses, elle dépendait de la décision finale du Deux cent de Berne, composé exclusivement de patriciens—juges, qu'assurément on ne pouvait croire bien impartiaux dans leur propre cause.

Telle fut, Madame, l'occasion, qui me fit entrer en lice au commencement de 1790. Les intérêts de ma patrie me parurent à cette époque tellement compromis par le procès en question, et je craignais tant d'ailleurs le contact de l'effervescence voisine, qui pouvait amener une insurrection ruineuse, que l'unique moyen praticable de parer à tout me parut être la proposition de convoquer les *états provinciaux* ¹⁾.

Pour réaliser mon idée je fis deux choses:

1) J'énumérai de mémoire les griefs les plus graves et m'attachai à prouver, qu'on ne pouvait y remédier sans le concours de ces états, dont les mesures officieuses préviendraient des désordres pareils à ceux, que l'impéritie du ministère avait produit dans un état voisin.

Chaque article fut appuyé d'un petit nombre de réflexions, fortes, déduites des faits et de notre histoire et que je suis prêt à justifier.

Si j'interpellai nos anciens libérateurs, c'est que leurs noms réveillent dans nos âmes les idées réunies de sagesse, de modération et de courage; c'est que les ombres de ces patriotes ne peuvent effrayer que ceux, qui ont oublié leurs maximes. J'adressai, il y a un an et demi, à des citoyens réputés jusques-là bien pensants, et suis étonné, qu'après un aussi long temps les patriciens de Berne viennent me reprocher un document, qui n'était pas leur propriété et d'avoir avancé ce dont je leur offre la preuve.

¹⁾ Les imprudences commises par les citoyens de quelques villes au milieu des festins, et les violences que les patriciens exercèrent en 1791 et 1792 par représailles, eussent été prévenues. Les sujets des aristocraties et des démocraties de la Suisse n'étaient pas encore réduits à l'extrémité, toujours déplorable, de l'insurrection; ils avaient des moyens légaux pour parvenir au redressement de leurs griefs; et ces moyens pouvaient être saisis par les patriciens et par les sujets. Ni les uns, ni les autres ne l'ayant fait, les conséquences funestes de cette conduite imprudente sont maintenant connues. Il n'y a plus eu pour les sujets d'autre ressource pour recouvrer leurs droits que l'insurrection. N'eût-il pas été préférable de la prévenir par une convocation d'états?

2) J'indiquai les moyens fournis par la loi pour obtenir un redressement, je traçai la route et signalai les écueils. Ces directions épistolaires furent accompagnées du projet de requête, dont la copie a été adressée à V. M. J. ¹⁾.

Quoique ce dernier fut purement hypothétique, je le signalai puisqu'il était l'expression fidèle de mes sentiments, et je prouverai, s'il le faut à la rigueur, non seulement toutes les propositions qu'il renferme, mais en outre, que la condition des sujets sous les olygarchies et les démocraties de la Suisse diffère infiniment de l'opinion qu'on s'en forme en Europe.

Trois exemplaires de ce projet de requête du 19 avril 1790 furent envoyés, il a 20 mois, à trois hommes très respectables, et quoiqu'ils n'en aient point fait usage, j'ai la douleur d'apprendre, que l'un d'eux, chargé par sa ville d'une mission à Berne, avait été traité avec une dureté impardonnable pour n'avoir pas dénoncé à l'inquisition d'état (le conseil secret) l'ami, qui lui avait ouvert son cœur ²⁾

¹⁾ Ce projet de requête était conforme aux formes voulues et conçu en termes énergiques, mais respectueux. Il renfermait une énumération succincte des griefs du pays de Vaud et finissait par la demande d'une convocation de nos anciens états. Le gouvernement de Berne en fit parvenir une copie au comte Roumantzoff, alors ministre plénipotentiaire de Russie, à Coblenz, et celui-ci la transmit à St. Pétersbourg, tandis que le prince Eugène de Wurtemberg, père de l'impératrice douairière Marie Féodorovna, adressait complaisamment tout ce que le patriciat bernois lui avait fait parvenir à Montbéliard, et épousait aveuglement ses ignobles fureurs.

Ce projet de requête du 19 avril 1790 fut intercepté par le bureau des postes de Berne et transmis par lui à l'*Avoyer Steiguer*, qui le communiqua au conseil secret (l'inquisition d'état) dans la séance du 11 juin 1790.

N'ayant pas conservé de copie de ce document, j'avais espéré qu'il pouvait se trouver dans les archives du conseil secret. Je m'adressai en conséquence en 1834 au conseil d'état de Berne, dont le département diplomatique me répondit le 7 mai 1834, que le document en question avait probablement été détruit en 1798 avec les enquêtes et autres papiers relatifs aux troubles du pays de Vaud en 1790 et 1791. Il m'envoya en même temps un extrait du *manuel du conseil secret* du 11 juin 1790, renfermant les mesures prises à cette occasion.

²⁾ Les trois citoyens, aux quels cette pièce fut adressée, étaient:

1) *Amédée de la Harpe*, seigneur des Uttins et de Yens, mon cousin germain, qui, proscrit depuis, se couvrit de gloire en combattant sous les bannières françaises, et fut tué comme général divisionnaire à la tête de la 1-re armée d'Italie en 1796.

2) *Mr. Henri Monod*, depuis président de la chambre administrative et préfet du canton du Léman, conseiller d'état et landaman du c. de Vaud, mon ami particulier.

Combien j'étais éloigné de penser en parcourant jadis à Syracuse le souterrain tortueux appelé *l'oreille de Denys*, que mes compatriotes auraient un jour le sort des infortunés Syracusiens!

Après avoir communiqué mes idées, ainsi que je viens de le rapporter, je demeurais tranquille dans l'espoir qu'elles seraient peut-être goûtées, mais je ne tardai pas à me désabuser. Calculant dès lors l'issue probable du démêlé d'après les marches différentes, je prédis, il y a plus d'année, non pas tout ce qui est arrivé, mais l'oppression finale de mes compatriotes. Mon pays me paraissant dès ce moment irrévocablement perdu, j'en détournai la vue; j'aurais même voulu l'oublier, et si ma sensibilité s'exhala depuis dans quelques lettres, ce fut toujours fugitivement, par interjections, lorsque je voyais mes compatriotes dupes de leur simplicité, croire à des promesses de circonstances, faire de fausses démarches, s'occuper de tout hormis de leurs vrais intérêts.

Convaincu que les patriciens n'attendaient qu'un prétexte pour surprendre le pays de Vaud et dégouter ses habitans de leurs requêtes, je fus navré de douleur en lisant dans les papiers publics la description des fêtes qui avaient eu lieu le 14 juillet, prévoyant bien qu'elles fourniraient le prétexte tant désiré.

Mais ce que je ne prévoyais pas, c'était l'invasion hostile et perfide d'une province, où tout était tranquille; c'était la tenue d'une cour de justice au milieu de 4.000 bayonnetes; ce sont les violences exercées au mépris de nos lois, violences aux quelles des voyageurs de distinction n'ont pas même échappé ¹⁾.

Je n'ai pas rédigé les pétitions itératives présentées par les sujets, officiers dans les régiments nationaux, stationnés en France, en Piémont et en Hollande, pétitions qui sollicitaient toutes l'égalité d'avancement.

---

3) Mr. *Henri Polier*, depuis préfet du c. du Léman, au quel je dus d'être arrêté au mépris des lois. Ce fut lui, qui, député de la ville de Lausanne, fut apostrophé pour ne m'avoir pas dénoncé. Il eut depuis le plaisir de me faire enlever de Lausanne en 1800.

¹⁾ Voyez la seconde partie de *l'Essai sur la constitution du pays de Vaud*, pages 14-me et suivantes (Paris. 1796), qui renferme les détails relatifs à l'invasion du pays de Vaud.

Le voyageur de distinction, dont il s'agit ici, est Mr. Taylor, envoyé d'Angleterre à Turin, qui fut grossièrement insulté dans les rues de Lausanne par un patricien brutal, qui s'excusa en disant l'avoir pris pour un lausannois.

Ce n'est pas moi non plus, qui ai engagé en 1799 les villes et les communes de la campagne à présenter tant de requêtes à la commission extraordinaire, que les patriciens avaient envoyée au pays de Vaud. J'ai repoussé, au contraire, avec dédain celles, dont j'ai eu connaissance: tant elles m'ont paru insuffisantes et mal conçues. Mais enfin *la commission avait promis que l'administration y ferait droit, et celle-ci n'y ayant pas encore eu égard, pourquoi chercher d'autres causes de l'indisposition des esprits?*

Dans la longue liste des citoyens de toutes les conditions, que l'inquisition d'état a fait enlever par l'armée, ou que ses violences ont réduit à s'éloigner, un seul a correspondu avec moi à titre de cousin germain, de camarade et de chef de ma famille. On le nomme le seigneur de Yens et des Uttins. On m'apprend au reste, qu'il vient d'adresser au chef de la république un mémoire, dans lequel il sollicite un sauf-conduit pour être jugé selon nos lois, et demande de se justifier des charges portées contre lui. Mais s'il est jugé d'après les nouvelles maximes de l'illégale inquisition d'état par les patriciens, ses ennemis personnels, il doit s'attendre aux injustices, qu'entraîne la violation des lois et des formes judiciaires, et à ces actes de vengeance, qui sont ignorés partout ailleurs que sous le régime des olygarchies. Comme qu'il en puisse être, la réputation intacte d'honneur, qu'une famille tient de ses pères et doit à la droiture ainsi qu'à la noblesse de ses sentiments, ne saurait souffrir des résolutions violentes auxquelles pourraient se porter des hommes, qui sont tout à la fois accusateurs, juges et parties.

Après s'être d'abord adressé à mon parent pour avoir assisté à des dîners et à des bals, qui ont excité leur courroux et que j'ai blâmé plus que personne, les patriciens de Berne ont formé le noble projet de me perdre par des voies détournées. Non seulement ils se sont vanté d'y réussir dans les conjonctures présentes pour affliger mes parents et mes fidèles amis, effrayer les simples et faire parade de leur *toute-puissance*, ils ont répendu en Suisse, *qu'après avoir communiqué à V. M. I. les projets, qu'ils me prêtent, Elle leur avait offert de me punir en m'exilant en Sibérie.* Diverses lettres viennent de m'en faire part, et j'allais, en conséquence, en demander compte à l'Avoyer de leur république, lorsque V. M. I. a daigné me permettre de Lui faire parvenir ma justification.

Quels sont maintenant les motifs de cette persécution contre un homme, qui depuis 10 années a quitté sa terre natale, qui ne tient à

elle que par sa parenté et par des amis, et que rien n'oblige à reconnaître les patriciens bernois pour les souverains? Je le dirai puisqu'ils m'y forcent.

1) Ces patriciens ne peuvent me voir de sang froid occuper le poste honorable, que V. M. I. a daigné me confier. C'est là une suite de l'envie, qui les porte à jalouser ceux, qui, n'ayant pas l'honneur d'appartenir à leur caste, trouvent les moyens de parvenir sans eux. Après nous avoir traité en étrangers dans notre patrie, après avoir tout accaparé, ils prétendent encore, que nous n'existions que par eux!

2) Sachant très bien, que je connais et les ressorts et les vices de leur administration, et convaincus que je ne puis l'aimer, ils me font l'honneur de me craindre parcequ'ils me croient des talents, des lumières, des connaissances locales d'une espèce dangereuse, le courage et le pouvoir de les répondre.

3) Ce qu'ils ne peuvent surtout me pardonner, c'est d'avoir constaté l'existence des états provinciaux, d'avoir exposé les principes de leur organisation, énuméré leurs attributions, d'avoir, en un mot, lever le voile du tabernacle. Et parcequ'ils savent, qu'en suivant la marche légale que j'avais tracée, en évitant les écueils que je désignais et en persévérant dans les voies de la modération, de la prudence et du respect, que j'ai recommandées plus d'une fois, le succès eut été infailible, ils me regardent comme leur plus dangereux ennemi. J'y consens, s'ils persistent de leur côté à se montrer les ennemis de ma patrie, car il me serait trop difficile d'aimer 76 familles, qui concentrent en elles seules la république entière. Mais que ces familles renoncent à leur esprit de corps; qu'elles écoutent une seule fois la voix de la justice et de la vérité; qu'elles cessent de sacrifier les intérêts de leurs sujets au leur propre: alors j'honorerais leurs membres, je reconnaîtrais à ces signes de vrais magistrats, pères de la patrie et dignes de l'être.

4) Un dernier motif, qui rend la haine de ces patriciens peut-être encore plus active, c'est la crainte, qu'après avoir terminé ma tâche présente, je ne cherche à entrer dans la carrière diplomatique, où je trouverais, selon eux, des occasions fréquentes de les desservir. Il est dans le coeur humain de juger des autres par soi-même. Ainsi je ne suis pas étonné, que des patriciens, élevés dans les préjugés de leur caste, remuent ciel et terre contre le sujet téméraire, qui eut l'audace de discuter leurs prérogatives à la lumière des chartes, des lois et de la droite raison.

Mais s'adresser dans ce but à V. M. I., imaginer que la souveraine auguste, qui s'est déclarée la protectrice des lumières et de la liberté de penser ¹⁾; qui accueille avec même esprit de justice le mérite et le talent partout où ils se trouvent, qui ouvre à ses sujets de toutes les sectes la carrière des emplois, des distinctions et des honneurs; qui ne dédaigne ni l'aleoute, ni le samoyède, ni le disciple de Mahomet, ni le sectateur de Lama, ni l'idolatre: imaginer, dis je, qu'Elle servirait la vengeance de 76 familles, qui en rejettent 80.000 autres comme impures: connaître assez peu la justice, la générosité, la grandeur d'âme de V. M. I. pour répandre, qu'Elle sacrifierait un serviteur fidèle, dont les principes et le zèle ont été éprouvés durant 8 années, parcequ'il n'a pas abandonné son pays au jour de sa détresse; non, il n'y a que des patriciens, guidés par des vues bornées et emportés par leurs passions, qui soient capables d'un tel délire.

Je n'en regrette pas moins très sincèrement d'être la cause, pour laquelle V. M. I. a été si désagréablement importunée. Aussi pour éviter désormais tous les prétextes, qui pourraient donner lieu à de pareilles réclamations, suppliai-je V. M. I. de vouloir bien accueillir l'engagement, que je prends de ne me mêler à l'avenir de ces affaires, ni directement, ni indirectement, aussi longtemps qu'Elle me fera l'honneur de me conserver à son service ²⁾.

Ces objets eussent été dignes peut-être de l'attention de V. M. I., si, au lieu de s'acharner contre un individu, les patriciens de Berne avaient eu assez de confiance en leurs droits pour la prier de prononcer entr'eux et leurs sujets. Après ce vœu de mon cœur il m'en fut encore resté à faire un seul, celui d'être jugé digne de plaider la cause de mes compatriotes aux pieds de Son trône.

Daignez, Auguste Impératrice, agréer la justification, que j'ai l'honneur de Vous présenter. Puisse V. M. I. y reconnaître les principes et les sentiments, qui m'avaient valu jusqu'à ce jour la seule chose, que j'aie ambitionné, l'honneur d'être loué par Elle; et puissai-je, rassuré sur sa puissante protection, achever de remplir glorieusement la

¹⁾ Ouvrez l'instruction de Cathérine II, donnée à la commission appelée pour la confection du code des lois.

²⁾ Depuis près d'un an, j'avais cessé de correspondre sur ces matières, voyant mes compatriotes commettre des fautes, qui devaient les perdre. L'engagement, que je pris, pouvait être exigé de la part d'un fonctionnaire russe. Ce fut la seule satisfaction accordée aux patriciens.

tâche honorable, qu'Elle a daigné me confier et qui fera la consolation de ma vie!

Je suis avec une vénération profonde,

Auguste Impératrice,

de Votre Majesté Impériale

le très humble, très obeïssant

et très soumis serviteur

F. C. de la Harpe.

III.

Письмо директора Гельветической республики Лагарпа къ императору Павлу I.

Berne, 16 juillet 1799.

A S. M. l'Empereur Paul I.

Sire.

Le paquet a été ouvert, non par une vaine curiosité, mais dans le but de profiter d'une occasion unique pour vous présenter quelques réflexions.

a) Les changements, opérés dans les formes du gouvernement de la Suisse, étaient devenus inévitables. Depuis longtemps ils étaient prédits. Si les habitans avaient pu ou su s'entendre, ils se seraient opérés sans effusion de sang.

b) Ces changements ne sont pas de nature à alarmer les gouvernements monarchiques.

La démocratie et le système représentatif existaient en Suisse depuis 5 siècles; on n'a fait que les régulariser davantage et donner à l'ensemble plus d'uniformité.

c) Les violences, qui ont accompagné cette opération, sont étrangères aux Suisses, dont le nouveau gouvernement s'est attaché à concilier tous les partis par un mélange de fermeté et de douceur, qui a empêché les réactions.

d) On a maintenu le clergé, honoré la religion en rétablissant la tolérance, travaillé à répandre la véritable instruction dans les campagnes.

e) Les Helvétiens ou nouveaux Suisses, tout occupés de leur organisation intérieure, n'ont point été *propagandistes*. Ils ont vécu, en bons

voisins, avec tous les princes, dont les états touchent le leur; et jamais ils n'eussent pris part à cette guerre, si on ne les eût pas attaqué.

La *révolution helvétique* ne peut donc alarmer les gouvernements monarchiques, et la moralité du peuple helvétique est garante du respect qu'il aura pour eux.

La position de l'Helvétie et les intérêts politiques des puissances européennes commandaient impérieusement la *neutralité* de la république helvétique, que notre nation ne désirait pas moins. Pourquoi donc a-t-elle fait place à des engagements offensifs? ¹⁾

Parce que les puissances intéressées à prévenir la stipulation de ceux-ci, ont fait la sourde oreille, lorsque le gouvernement helvétique a voulu les intéresser en sa faveur ²⁾; parce que au lieu de le soutenir, elles l'ont abandonné; parce qu'en retour de sa conduite mesurée, ils ont manifesté l'envie de le détruire.

Si la nécessité de pourvoir à sa conservation l'a forcé à s'écarter de la politique de ses devanciers, les monarchies ne peuvent point lui en vouloir; ce n'est point à celles-ci à lui reprocher leurs propres fautes.

En admettant donc qu'il importe à l'Europe que l'Helvétie conserve son indépendance, il est difficile de ne pas convenir, que celle-ci est désormais beaucoup plus assurée par la réunion de 30 petites républiques en une seule, organisée presque monarchiquement, que par l'informe confédération qui les unissait jadis.

L'expérience a prouvé que cette dernière était hors d'état de faire respecter sa neutralité, tandis que les premiers pas de la *nouvelle république helvétique* et même ses revers ont démontré à tout observateur impartial ce qu'on peut en attendre, lorsqu'elle sera organisée.

¹⁾ L'alliance offensive et défensive avec la France.

²⁾ Avant mon départ de Paris pour la Suisse en qualité du membre du directoire, j'eus une entrevue avec l'envoyé de Prusse, de Sandor-Rollin, natif de Neuchatel, pour lui faire comprendre, que la Prusse était intéressée à reconnaître le nouv. gouvernement de la Suisse, dès qu'il serait organisé de manière à se faire respecter. M-r. de Sandor parut être du même avis, mais la Prusse se montra hostile, et accorda à Neuchatel un azyle à tous les mécontents.

Les mêmes observations furent faites à M-r. de *Eggers*, conseiller d'ambassade de Danemarck à Rastadt, que la diplomatie avait chargé de visiter la Suisse.

Le directoire helvétique envoya à Rastadt un agent pour essayer de faire comprendre à la diplomatie prussienne, autrichienne, anglaise, que si la Suisse était encore menacée, elle serait obligée de se jeter entre les bras de la France. Cet agent était M-r de Stokar de Schafhouse, l'un des chefs de ce canton.

Si, au milieu des plus grands obstacles et des dangers de toute espèce, menacée sur sa frontière par une armée victorieuse, épuisée au dedans par une autre armée, et déchirée par des insurrections, elle a pu mettre sur pied, en moins de 15 jours, 24.000 miliciens et 6.000 hommes de ligne, qui tous ont marché au feu, que n'eût-elle pas fait dans des temps plus prospères?

Quoiqu'il en soit, il vaut la peine d'examiner les rapports politiques de la nouvelle république avec les puissances européennes.

Russie. L'éloignement des 2 pays les met d'abord dans l'heureuse nécessité de n'avoir que de relations commerciales et d'amitié.

Il ne peut-être indifférent pour la Russie, dont les liaisons actuelles avec l'Autriche ne sont pas éternelles, que celle-ci ait sur ses flancs une république, intéressée pour sa sûreté à surveiller ses mouvements, et dont l'attitude soit telle, que l'Autriche ne puisse impunément dégarnir ses frontières, ainsi qu'elle l'eut fait et le ferait, si l'ancienne confédération subsistait encore.

L'Empire germanique est assurément fort intéressé à ce que l'Helvétie ne soit ni française, ni autrichienne. Ses grands, comme ses petits princes doivent également désirer son indépendance et sa neutralité.

L'Autriche ne peut avoir contre la France une barrière plus forte, qu'un pays, dont les habitans, essentiellement amis de la paix, n'entreprendront jamais rien contre leurs voisins et maintiendront la *neutralité de leur territoire* dès qu'elle aura été reconnue à la paix générale.

La campagne présente doit prouver à l'Autriche, qu'elle avait commis une grande faute, en ne faisant pas son possible pour assurer cette neutralité; quels risques, en effet, n'eût-elle pas courru, si les points de *Feldkirch* et de *Bregenz* étant enlevés, les armées françaises eussent opéré leur jonction à l'est du lac de Constance?

La *Prusse* a, pour désirer l'indépendance de l'Helvétie, sa neutralité et la consolidation de son unité centrale, les mêmes motifs que la Russie. Elle en a même de particuliers, dérivans de la possessions de la *principauté de Neuchatel*.

Les *États d'Italie*, quels qu'ils puissent être, verront toujours dans notre république un de leurs principaux boulevards tant contre l'Autriche, que contre la France, qui les menacent: l'une par les *possessions vénitiennes*, l'autre par la ci-devant *Savoie*.

La *France* enfin, malgré ses immenses ressources, est fortement intéressée à ce que ses départemens orientaux, dénués de forteresses

depuis Bâle jusqu'à Genève, soient mis à couvert par un pays indépendant et neutre sans qu'il lui en coûte rien pour les défendre.

Elle a pu former le projet gigantesque d'opérer par l'Helvétie la jonction de ses armées ¹⁾; mais les revers ont dû lui prouver, qu'il eût été bien moins dangereux pour elle de respecter la neutralité de l'Helvétie et de s'en faire un boulevard, que de lui imposer une alliance offensive, dont elle n'a pas retiré des avantages positifs.

Quant à l'Angleterre, elle ne peut désirer pour l'intérêt de ses manufactures, dont l'Helvétie fut toujours un entrepôt, de la voir divisée et anéantie.

Tout concourt donc à établir cette vérité, que pour rétablir la balance européenne la république helvétique doit être reconnue, en stipulant son exacte neutralité. Or, nulle puissance ne peut mieux donner le signal de cette reconnaissance que la Russie, et il serait digne de vous, Sire, d'en marquer l'époque.

Lorsque vous traversâtes jadis notre pays, ses habitans vous accueillirent; dès lors ils n'ont point démerité de vous. J'en appelle à votre religion et ne crains pas de vous demander, Sire, pourquoi V. M. I. ordonne à ses guerriers de dévaster cette terre hospitalière ²⁾?

Ces réflexions, Sire, vous sont adressées par un homme, qui eut l'honneur de Vous être connu et dont la conduite irréprochable et les principes méritèrent jadis votre estime. Elles viennent d'un homme qu'il n'a pas tenu à Vous de rendre malheureux ³⁾, mais à l'incorrupti-

¹⁾ En 1800 et 1801 *Macdonald* opéra cette jonction par les monts *Splügen* et *Wormser-Joch*.

²⁾ Ce langage est un peu différent de celui que tint en 1801 *Alois Réding*, qui, landaman de la Suisse à cette époque, oublia sa dignité au point de se rendre à Paris pour faire antichambre et s'humilier devant la diplomatie étrangère.

Il ne rougit pas de remettre au comte *Markoff*, ambassadeur de Russie, une lettre pour Alexandre I, dans laquelle il remerciait ce souverain de ce que Paul I avait envoyé en Suisse ses armées.

La grande âme d'Alexandre s'indigna d'un tel oubli de l'honneur nationale. La lettre me fut montrée par ce prince, qui s'exprima énergiquement sur son contenu et m'invita à projeter une réponse qu'on trouvera ailleurs.

³⁾ Ceci se rapporte aux mesures prises contre moi, dont j'ai parlé plus haut.

L'ordre de m'envoyer en Russie m'était inconnu alors; je l'appris en 1801 de la bouche même du général *Corsakof*, de celle de l'un des ministres d'état. Alexandre I me le confirma.

Le coeur essentiellement bon de Paul I m'était assez connu pour que l'exécution de cet ordre, eut-elle en lieu, m'eût effrayée.

bilité et à la prudence du quel vous devez très probablement votre existence, fort hasardée en 1793 et 1794.

Cet homme s'adresse aujourd'hui à V. M. I. non pour lui-même, mais pour sa patrie, et soumet à votre sagesse ce qui précède, plein d'espérance, que la pureté des motifs Vous engagera, Sire, à passer sur l'inobservation des formes usitées.

IV.

Нисъмо Лагарна къ Павлу I.

Au Plessis-Piquet près Sceaux. dept. de la Seine, le 22 mars 1801.

A. S. M. l'Empereurs Paul I.

Auguste Empereur,

Sire.

Pendant onze ans j'eus l'honneur d'occuper sous les yeux de V. M. I. le poste de précepteur de LL. AA. II. messeigneurs les grands ducs.

Les fonctions de cette place, déjà si importantes en elles-mêmes, le devinrent bien davantage par les conjonctures ¹⁾.

V. M. I. sait mieux que personne, si je les ai remplies avec zèle, intrépidité, persévérance. *« Vous méritez toute ma reconnaissance; je n'oublierai point les services, que vous avez rendus à nos fils; j'espère vous revoir; mais s'il en était autrement, nous nous retrouverons ailleurs »*: telles furent, Sire, les dernières paroles, que Vous m'adressâtes à Gatchina, en 1795, au moment où j'avais l'honneur de prendre congé de Vous; elles sont encore présentes à ma mémoire et j'aimais à les citer.

Vous ignoriez cependant alors, Sire, que, victime de ma loyauté, j'étais éloigné pour n'avoir pas voulu me rendre l'instrument d'autrui. Il est même probable, Sire, que V. M. I. ignore toujours les épreuves aux quelles fut mise, surtout depuis l'année 1793, la probité de ce même homme, dont les principes furent intervertis, à diverses époques; mais qui, fort d'une conscience irréprochable et comptant sur votre justice, déclara péremptoirement à ceux qui voulaient l'empêcher de prendre congé de Vous, qu'il ne partirait pas sans avoir l'honneur de prendre vos ordres ²⁾.

¹⁾ La révolution de France qui ébranla toute l'Europe.

²⁾ Les lettres, que j'écrivis en 1793 et 1794 au comte Soltykoff, au sénateur Srekaloff et à l'impératrice elle-même, renferment les détails.

J'ai dit que le grand duc Paul ne me regardait pas depuis trois ans. Ma dis-

Une gratification de 20.000 roubles m'avait été accordée. On y ajouta pour S. A. J. monseigneur le grand duc Constantin une pension de 925 roubles, échangée depuis contre un capital de 10.000 roubles, et une pension de 2.000 roubles pour S. A. J. monseigneur le grand duc Alexandre.

Peut être eûssé-je été autorisé à présenter des réclamations, et sans doute on les eut favorablement écoutées de la part d'un homme qui avait consacré les plus belles années de sa vie à l'instruction de messeigneurs, et qui semblait ainsi avoir droit à une récompense proportionnée à l'importance de ses fonctions et à la station élevée de ses disciples. Mais, tout entier au sentiment délicieux d'avoir rempli en homme de bien une grande tâche au milieu des circonstances les plus difficiles, et bornant d'ailleurs mes désirs à jouir de la médiocrité indépendante, je reçus avec reconnaissance les dons qui devaient me procurer celle-ci, convaincu que leur source sacrée m'en garantissait la durée.

Jusques au commencement du règne de V. M. I., Sire, j'ai joui de ma pension de 2.000 roubles; mais depuis près de trois années elle a cessé de m'être payée, et cette ressource, sur laquelle j'avais dû compter, m'est enlevée au moment, où ma santé, minée par les travaux, me la rendait nécessaire.

Peut être cette suppression n'a été que le résultat de mesures générales, que je dois respecter? Mais si elle était celui d'une mesure qui me fut particulière, je réclamerais auprès de S. M. l'empereur les bons offices du père de mes disciples, prêt à lui donner, avec ma véracité accoutumée, toutes les explications qui pourraient m'être demandées.

Réfugié, après bien de vicissitudes, dans une petite campagne, que j'avais acquise, il y a trois ans près de Paris pour y vivre dans la retraite, occupé d'agriculture, la suppression de ma pension m'en ôte les moyens; et si cette mesure était irrévocable, je me verrais forcé de quitter vite ma retraite et de vendre ma campagne pour avoir de quoi

---

grace était complète, mais comme je remplissais mes devoirs avec zèle, il s'était borné à ce témoignage connu de sa disgrâce.

Sa mauvaise humeur s'était fort accrue à cette époque. Les hommes les plus élevés en dignités en étant souvent la victime, j'avais peu de chances en ma faveur, et rien ne fut épargné, en effet, pour me détourner de présenter mon vœu. Je n'en tins aucun compte, j'écrivis, et par le retour du courrier je reçus l'invitation de me rendre à Gatchina où je fus accueilli avec distinction et cordialité.

former un établissement qui me procurât d'autres ressources pour le déclin de l'âge.

Veillez, Sire, accueillir avec bonté ces réflexions que je prends la liberté de Vous soumettre avec la franchise confiante que Vous estimiez jadis en moi. Je croirais manquer au respect que je dois à Votre Majesté Impériale en n'en appelant pas exclusivement à sa justice, ou en recourant auprès d'Elle à d'autres intercesseurs qu'Elle même.

Mais, il est une grâce que je Lui demanderai avec instances, celle de vouloir bien me faire connaître sa décision. Quelle que puisse être celle-ci, Sire, je n'en ferai pas moins des vœux pour la gloire de votre règne, ainsi que pour la prospérité de la Russie et de votre auguste maison, à laquelle je tiens par les liens trop forts pour qu'aucune considération d'intérêt personnel puisse jamais les affaiblir.

Je suis avec un profond respect

Sire

de V. M. I.

le très humble et très obéissant serviteur

F. C. de la Harpe, ci-devant précepteur de messeigneurs.

V.

Письмо Лагарпа къ великому князю Константину Павловичу.

Berne le 2—9 bre 1799.

Frédéric César de la Harpe, membre du directoire de la république helvétique, une et indivisible.

A monsieur le comte Romanof.

Monsieur le comte,

Vous trouverez sous ce pli une lettre, qui a été ouverte, suivant l'usage adopté dans la période où nous vivons.

Si la loi du talion était suivie parmi nous, vous n'auriez pas le plaisir de lire ce que vous adressent les personnes qui vous sont chères. Ce plaisir, monsieur le comte, vous le devez à ces mêmes hommes, dont la ruine était jurée par vous il n'y a que peu de jours.

Le comte du Nord ¹⁾ fut jadis accueilli en Helvétie avec une hospitalité, qui avait touché son coeur, et ce sont pourtant les soldats russes,

¹⁾ C'est le nom sous lequel l'empereur Paul avait voyagé en 1801.

qui, *sans provocation de notre part*, sont venus brûler nos maisons et dévaster nos campagnes ¹⁾!

Il est triste de penser, monsieur le comte, que deux peuples éloignés l'un de l'autre de 400 lieues, aient dû commencer leur connaissance par une guerre d'extermination.

Agréez, monsieur le comte, l'assurance de ma considération la plus distinguée. La Harpe ²⁾.

---

¹⁾ Alexandre I a réparé ses torts en 1814 et 1815 en protégeant l'existence des nouveaux cantons, en mettant les anciens gouvernants dans la nécessité d'accorder à leurs ci-devant sujets l'égalité des droits politiques et faisant reconnaître par toutes les puissances au congrès de Vienne *la neutralité de la Suisse*.

²⁾ La lettre parvint au grand duc Constantin, qui en fut d'abord très offensé. Lorsque j'eus l'honneur de le revoir à St.-Petersbourg en 1801, il s'efforça de me prouver qu'il n'avait point mérité les reproches que je lui adressais, étant obligé d'obéir. *Vous rappelez-vous*, me dit-il, *que je vous avais dit dans ma jeunesse, que j'irais dans votre pays avec une armée?* — «Oui, monseigneur, et vous n'avez pas oublié ce que je vous répondis alors, qu'il y avait dans mon pays un bâtiment où l'on plaçait ceux qui nous faisaient de pareilles visites (l'ossuaire de Morat). Il ne s'en est pas fallu de beaucoup, que vous ne devinsiez au moins notre prisonnier. Si les ordres du directoire helvétique eussent été ponctuellement exécutés, il vous eut été difficile d'échapper; les élémens même étaient déclarés contre vous, et si les défilés du mont Panix avaient été occupés à temps, il ne vous restait que la ressource de mourir de faim ou de capituler.

НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКОВѢДѢНІИ И ЯЗЫКѢ.

(Вступительная лекція по наедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, читанная 17/12 декабря 1870 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ).

Мм. гг.! Начиная лекціи по части такъ-называемой сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, считаю не бесполезнымъ охарактеризовать сначала въ общихъ чертахъ предметъ нашихъ занятій и опредѣлить его отношеніе къ другимъ. Наука, часть которой составляетъ избранный мною предметъ,—языковѣдѣніе; слѣдовательно, то, что относится къ языковѣдѣнію, вполне примѣнимо и къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, хотя эта послѣдняя обладаетъ также нѣкоторыми специальными, ей исключительно присущими свойствами, чуждыми языковѣдѣнію, какъ наукѣ вообще. Это обусловлено сущностью предмета изслѣдованія, равно какъ и извѣстными, исторически выработавшимися приемами.

Въ современной общей характеристикѣ нашей науки я постараюсь прежде всего опредѣлить ея границы, показавъ, 1) чего отъ нея нельзя ожидать, и 2) что именно составляетъ ея сущность,—и потомъ постараюсь опредѣлить природу объекта этой науки, то-есть, природу языка. Слѣдовательно, моя лекція распадается на двѣ части: 1) о языковѣдѣніи вообще, а въ особенности о такъ-называемой сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, и 2) о языкѣ вообще, а преимущественно о языкахъ индо-европейскихъ. Обѣ эти части тѣсно связаны другъ съ другомъ, постоянно скрещиваются и обуславливаютъ другъ друга, такъ что точное ихъ раздѣленіе оказывается почти невозможнымъ.

Исходною точкой для опредѣленія науки языковѣдѣнія послужитъ мнѣ недоразумѣніе, основывающееся на томъ господствующемъ въ публикѣ мнѣніи, что грамматика есть наука правильно говорить и писать на извѣстномъ языкѣ. Это мнѣніе поддерживается и до сихъ

поръ многими изъ грамматиковъ, которые обыкновенно такъ и опредѣляютъ предметъ своей науки. Никто, разумѣется, не въ правѣ называть другому то или другое пониманіе извѣстнаго слова, а преимущественно технического термина. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ требовать ни отъ публики, ни отъ грамматиковъ извѣстнаго закала, чтобъ они въ угоду намъ отказались отъ своего ходячаго опредѣленія грамматики. Но мы имѣемъ полное право замѣтить этимъ господамъ, что они такимъ опредѣленіемъ и соответствующимъ ему отношеніемъ къ языку исключаютъ грамматику изъ ряда наукъ, и причисляютъ ее къ искусствамъ, имѣющимъ цѣлью примѣнять теорію къ практикѣ. Но можетъ ли изслѣдователь языка ограничиться такою задачею, и въ такомъ ли видѣ представляется исторически развившееся языковѣдѣніе?

Различіе искусства въ обширномъ смыслѣ слова (слѣдовательно, не только изящнаго искусства) и науки вообще вполне соответствуетъ различію практики и теоріи, знанія, равно какъ различію изобрѣтенія и открытія. Искусству свойственны техническія правила и предписанія, наукъ—обобщенія фактовъ, выводы и научные законы ¹⁾. Искусство представляетъ двѣ стороны: 1) постоянную практику на основаніи преданія и 2) улучшение средствъ къ осуществленію практическихъ задачъ этого искусства. Точно также историческое развитіе науки представляетъ 1) переходъ прежнихъ знаній отъ предковъ къ потомкамъ и 2) расширеніе и совершенствованіе этихъ знаній трудолюбивыми и талантливыми представителями науки. Каждый шагъ впередъ въ искусствѣ ознаменованъ изобрѣтеніемъ, каждый шагъ впередъ въ наукѣ—открытіемъ.

По отношенію къ языку, въ противоположность наукѣ языка, можно говорить также объ искусствѣ, а скорѣе—объ искусствахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ языкъ вообще или же отдѣльные языки. Эти искусства суть между прочимъ слѣдующія:

А. Состоящія въ примѣненіи результатовъ науки къ потребностямъ жизни:

¹⁾ Въ историческомъ развитіи всякаго искусства (не только одного изящнаго) слѣдуетъ различать искусство безсознательное, то-есть, обыкновенную практику, предшествовавшую теоріи (хотя ужъ и тогда возможны безсознательныя изобрѣтенія), и искусство сознательное, руководимое теоріей, знаніемъ. Точно также въ наукѣ можно различать накопленіе отрывочныхъ познаній дикаря или же неспособнаго человѣка отъ критическаго разбора фактовъ и сознательнаго ихъ обобщенія образованнымъ и способнымъ человѣкомъ.

1) Первое изъ нихъ есть усвоеніе языка и языковъ,—начиная съ раннихъ лѣтъ въ теченіе всей жизни,—которое отчасти составляетъ одинъ изъ вопросовъ дидактики, отчасти же есть дѣло совершенно самостоятельнаго труда, успѣхъ котораго зависитъ отъ большихъ или меньшихъ способностей и практической ловкости учащагося. Это можетъ быть усвоеніе или а) роднаго языка, или же б) усвоеніе языковъ иностранныхъ. Успѣхи поэтой части зависятъ въ высокой степени отъ примѣненія открытой чистой науки языковѣдѣнія, которая, по отношенію къ родному языку, даетъ прочныя основанія къ тому, чтобы надлежащимъ и настоящимъ современнымъ образомъ а) способствовать младенцу въ его первыхъ попыткахъ говорить на отечественномъ языкѣ и б) въ болѣе позднемъ, дѣтскомъ ¹⁾ и юношескомъ возрастѣ—пріучать и пріучаться къ свободному и искусному владѣнію тѣмъ же отечественнымъ языкомъ; по отношенію же въ иностраннымъ языкамъ, практическая польза языковѣдѣнія состоитъ въ облегченіи толковаго и сознательнаго изученія иностранныхъ языковъ, какъ для того, чтобы понимать ихъ безъ всякаго затрудненія, такъ и для того, чтобы излагать на нихъ свои мысли совершенно правильно и свободно. Искусство состоитъ здѣсь въ улучшеніи средствъ практическаго изученія самимъ же учащимся—въ улучшеніи упражненій, или же въ улучшеніи и надлежащемъ примѣненіи приемовъ преподаванія другимъ чужихъ языковъ ²⁾. По срединѣ между изученіемъ роднаго языка и изученіемъ языковъ иностранныхъ стоитъ изученіе языка литературнаго,—объединяющаго весь народъ, облегчающаго взаимное пониманіе его членовъ и составляющаго обыкновенно (съ небольшими измѣненіями) разговорный языкъ такъ-называемаго образованнаго класса, въ противоположность народнымъ говорамъ. Въ странахъ, гдѣ литературный языкъ очень различенъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, какъ напримѣръ въ Германіи и т. п., такого рода изученіе немногимъ легче изученія языковъ иностранныхъ ³⁾.

¹⁾ Ср. между прочимъ: Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ И. И. Срезневскаго (*Извѣстія Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности*. Томъ IX. 1860. 1—51, 273—332; особый оттискъ: 2 вып. С.-Пб. 1861).— Сюда относятся всѣ учебники-грамматики и другія книги, имѣющія цѣлью облегчить дѣтямъ сознательное изученіе роднаго языка и усвоеніе языковъ иностранныхъ.

²⁾ Въ связи съ этимъ находится искусство хорошо переводить съ иностранныхъ языковъ на родной и обратно.

³⁾ Что касается краснорѣчія, то оно только съ высшей стороны, какъ такъ-называемая ороепія, можетъ считаться примѣненіемъ языковѣдѣнія; по внутрен-

2) Совершенно особыми приемами отличается искусство обученія глухонѣмыхъ какому-нибудь языку. Для глухонѣмыхъ не существуетъ вовсе слышимаго языка; имъ понятенъ только языкъ пантомимный. И хотя они могутъ даже производить звуки, похожіе на звуки какого-нибудь языка, все же эти звуки существуютъ только для слушающихъ, а никакъ не для нихъ: совершаемая ими при этомъ движенія мускуловъ представляются имъ пантомимами въ такомъ же родѣ, какъ лобызъ гримасы и сочетанія пальцевъ. Пріученіе глухонѣмыхъ къ произношенію слышимыхъ словъ основывается на данныхъ изъ области анатомически-физиологической части грамматики.

Только на отчетливомъ знаніи звуковъ языка въ отличіе отъ означающихъ ихъ начертаній, равно какъ и на знаніи происхожденія и состава словъ, можетъ основываться, съ одной стороны,

3) хорошій методъ обученія дѣтей (и взрослыхъ) читать и писать на извѣстномъ языкѣ, — съ другой же,

4) ореографія, правописаніе, соответствующее результатамъ науки.

Изъ этого краткаго разсмотрѣнія разныхъ направленій искусствъ, техники и практики, представляющихъ примѣненіе результатовъ науки къ потребностямъ жизни отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, мы видимъ, что языковѣдніе вообще мало примѣнимо къ жизни: съ этой точки зрѣнія, въ сравненіи, на примѣръ, съ физикою, химіей, механикой и т. п., оно является полнѣйшимъ ничтожествомъ. Вслѣдствіе того оно принадлежитъ къ наукамъ, пользующимся весьма малою популярностью, такъ что можно встрѣтить людей даже очень образованныхъ, но не понимающихъ или даже вполне отрицающихъ потребность языковѣднія. Убѣждать ихъ въ противномъ — напрасная трата времени; можно замѣтить только, что для человѣка, не возвысившагося надъ уровнемъ умственнаго развитія животнаго, не нужна ни одна наука; признавать же бесполезнымъ изслѣдованіе извѣстнаго рода явленій значитъ обладать умомъ необъективнымъ и лишеннымъ чутка дѣйствительности.

Б. Житейскія потребности, стремленіе къ удобству, къ упрощенію, къ облегченію взаимныхъ отношеній между людьми, стремленіе создать общій органъ для литературы народа, органъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ бы и въ жизни всѣхъ современныхъ членовъ народа, а въ литературѣ каждое поколѣніе съ его предками и потомками, всѣ эти потребности и стремленія вызвали появленіе въ каждомъ ли-

нимъ же качествамъ, по подбору мыслей и ихъ распредѣленію, то-есть, какъ риторика, оно есть примѣненіе діалектики, логики.

тературно-объединенномъ народѣ одного, въ извѣстномъ смыслѣ условнаго и образованнаго языка. Сущность и назначеніе такого языка имѣютъ необходимымъ послѣдствіемъ стремленіе къ застою, стремленіе къ тому, чтобы задерживать языкъ въ его естественномъ теченіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ довольно могущественное вліяніе человѣческаго сознанія на языкъ.

Съ другой стороны, сознательное и бессознательное стремленіе къ идеальному, стройному, правильному пораждаетъ языковой пуризмъ, граничащій съ педантизмомъ ¹⁾ и заставляющій своихъ представителей вмѣшиваться постоянно въ естественное развитіе языка, класть *veto* противъ извѣстныхъ явленій, кажущихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то въ языкѣ приняло такой-то и такой-то видъ. Пекутся извѣстныя правила и извѣстныя тоже исключенія изъ этихъ правилъ ²⁾, которыя считаются ненарушимыми и послѣдствіемъ которыхъ бываетъ то, что подчасъ иностранецъ „правильнѣе“ (по грамматикѣ) говоритъ извѣстнымъ языкомъ, нежели туземецъ. Разумѣется, что грамматикъ, смотрящій на языкъ съ такой точки зрѣнія, не имѣютъ понятія о его развитіи: имъ неизвѣстно, что всѣ мнимыя грамматическія исключенія объясняются исторіей языка и представляютъ или остатки древнихъ „правилъ“ или же задатки будущихъ ³⁾. Быть законодателемъ, хотя бы только въ области языка, очень пріятно, и поэтому - то каждый (или, по крайней мѣрѣ, почти каждый) грамматикъ практическаго направленія считаетъ себя въ правѣ командовать по этой части. Освободиться отъ желанія издавать подобнаго рода указы—очень трудно, такъ что даже у многихъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чисто-объектив-

¹⁾ Ср. Jacob Grimm, Über das pedantische in der deutschen sprache (Kleinere Schriften, I. Berlin 1864, стр. 327—373).

²⁾ Всякому самостоятельному, положительному, объективному уму подобныя правила и исключенія могутъ только внушить отвращеніе къ грамматикѣ. Вотъ что говоритъ Гёте по поводу грамматическихъ правилъ и исключеній: «Die Grammatik missfiel mir, weil ich sie nur als ein willkürliches Gesetz ansah; die Regeln schienen mir lächerlich, weil sie durch so viele Ausnahmen aufgehoben wurden, die ich alle wieder besonders lernen sollte» (Göthe, Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit, книга I).

³⁾ «Alle grammatischen ausnahmen scheinen mir nachzügler alter regeln, die noch hier und da zucken, oder verboten neuer regeln, die über kurz oder lang einbrechen werden» [Jacob Grimm, Über das pedantische in der deutschen sprache. (Kleinere Schriften. I. Berlin. 1864. 329)].

ныхъ умовъ сохраняется наклонность перестраивать и поправлять родной языкъ ¹⁾.

Если ко всѣмъ выше изложеннымъ факторамъ мы прибавимъ дѣйствіе на языкъ постепенно увеличивающейся вѣжливости и лести, стремленіе къ точности и приложеніе къ явленіямъ языка логической мѣрки, то получится болѣе или менѣе полный образъ вліянія сознанія человѣческаго на языкъ, вліянія, которое на извѣстной степени развитія вводитъ въ языкъ настоящую *искусственность*. Хотя вліяніе это ничтожно, но все-таки не безъ послѣдствій, не безъ слѣдовъ въ строѣ и составѣ языка.

В. Кромѣ этихъ лингвистическихъ искусствъ изъ области взаимныхъ отношеній науки и жизни, теоріи и практики, есть еще искусство въ самой же наукѣ, искусство въ ея осуществленіи, однимъ словомъ, *техническая* сторона науки. Подъ эту категорію мы должны подвести, съ одной стороны, практику науки, ея повтореніе и распространеніе, съ другой же стороны—ея совершенствованіе посредствомъ разныхъ открытій и улучшеннаго метода, съ цѣлью ускорить изслѣдованіе ея вопросовъ отдѣльными учеными и облегчить ея усвоеніе людямъ, начинающимъ заниматься.

Главные условія осуществленія науки въ своемъ умѣ слѣдующія: достаточное количество *матеріала* и надлежащій научный методъ.

Достаточнымъ количествомъ матеріала можно заpastись, только изучая явленія, образуя изъ нихъ научные факты, и такимъ образомъ опредѣляя предметъ изслѣдованія, — стало-быть, въ примѣненіи къ языку, изучая практическіе языки, о категоріяхъ которыхъ мы желаемъ составить себѣ научное понятіе и изслѣдовать и разсуждать теоретически ²⁾. Только обладая практическимъ знаніемъ языковъ, о

¹⁾ Такъ, напримѣръ, даже Шлейхеръ, считавшій себя только строгимъ наблюдателемъ естественнаго развитія языка, отрицавшій вполне вліяніе на языкъ человѣческаго сознанія, не допускавшій вышательства свободной воли чловѣка въ чисто-естественное развитіе слова человѣческаго, заботился о чистотѣ отечественнаго языка: онъ очень часто возставалъ противъ разныхъ, какъ онъ называлъ, «неорганическихъ» явленій въ нѣмецкомъ языкѣ, введенныхъ въ него не-свѣдущими шульмейстерами, и призывалъ земляковъ отказаться отъ этихъ погрѣшностей. Въ особенности вторая часть его «Deutsche Sprache» преисполнена имѣсть, отличающихся такимъ проповѣдническимъ направленіемъ и патриотическимъ жаромъ. Здѣсь это практическое направленіе доведено до крайности. Въдь эта книга имѣеть, между прочимъ, цѣлью, разбудить «Nationalgefühl» Нѣмцевъ: по моему, это почти тоже, что ставъ о пищевареніи приписывать возбужденіе аппетита.

²⁾ «Я, какъ «эмпирической глоттикъ», говорить, Шлейхеръ, твердо убѣж-

которыхъ разсуждаешь, можно навѣрное избѣгнуть такихъ ошибокъ, какія сдѣлалъ Бенфей (Th. Benfey) въ своемъ „Griechisches Wurzellexicon“, принимая старо-славянское праздноуѣж (ferior) въ смыслѣ „меня бьютъ“ (вмѣсто „я праздную“), или же переводя оукрадж (fugor) словомъ „toben“ (неистовствовать, дѣлать шумъ) вмѣсто „stehlen“ (красть) и т. п. ¹⁾ Но для нашихъ цѣлей достаточно знаніе языковъ, ихъ пониманіе; свободное же владѣніе ими въ разговорной рѣчи и въ письмѣ, хотя весьма желательно ²⁾, но не необходимо ³⁾.

Рядомъ съ собираніемъ матеріала идутъ научные приемы, научный методъ: 1) въ изслѣдованіи, въ выводахъ изъ фактовъ, 2) въ представленіи результатовъ науки и въ сообщеніи ихъ другимъ, въ преподаваніи. Сюда слѣдуетъ отнести упражненія всякаго рода, пособія, вспомогательныя средства, какъ, напримѣръ, переводъ съ одного языка на другой или же переводъ формъ одного въ формы другаго (переводъ морфологическій и фонетическій) и т. п.

Теперь спрашивается: будетъ ли предметомъ нашихъ занятій, предметомъ языковѣдѣнія, одно изъ вышеисчисленныхъ направленій практической стороны этой науки? Будемъ ли мы давать указанія для успѣшнаго изученія языковъ какъ говорящими людьми, такъ и глу-

день въ томъ, что одно только дѣльное знаніе языковъ можетъ быть основаніемъ занятій языковѣдѣнія, и что прежде всего надобно стремиться къ тому, чтобы, сколько возможно, ознакомиться съ языками, которые избраны предметомъ изслѣдованія. Только на основаніи солиднаго, положительнаго знанія можно сдѣлать нѣчто дѣльное въ нашей наукѣ. *Didicisse juvat*. Итакъ, кто хочетъ посвятить себя индо-германскому языковѣдѣнію, тотъ долженъ прежде всего основательно изучать всѣ старшіе индо-германскіе языки, читать тексты и т. д. Кто нѣкоторые изъ нихъ оставляетъ въ сторонѣ, думая, что они менѣе важны, тотъ несомнѣнно будетъ сожалѣть объ этомъ». (Шлейхеръ въ сочиненіи: *Die Wurzel AK im Indogermanischen* von Dr. Johannes Schmidt. Mit einem Vorworte von August Schleicher. Weimar 1865, стр. IV).

¹⁾ См. Aug. Schleicher, *Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache* etc. Bonn. 1852, стр. XI.

²⁾ Въ особенности желательно развить въ себѣ чутье для изучаемыхъ языковъ, даже въ такой степени, въ какой общее образованіе прежнихъ временъ (XVI и XVII вѣка въ западной Европѣ) давало тонкое чутье для такъ-называемыхъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, преимущественно же для латинскаго языка.

³⁾ Знаніе и пониманіе языковъ отличается отъ владѣнія ими болѣе или менѣе на столько, на сколько знаніе физиологическихъ процессовъ отличается отъ ихъ совершенія (разумѣется, что большее различіе родовъ предметовъ обуславливаетъ неточность этого сравненія).

хонѣми? Или же нашъ курсъ представится въ видѣ руководства для обученія чтенію и писанію или же въ видѣ правилъ и рецептовъ правописанія? А можетъ-быть, мы будемъ заниматься очищеніемъ и улучшеніемъ языка и примѣненіемъ его къ житейскимъ потребностямъ? Наконецъ, не будутъ ли состоятъ наши лекціи въ изложеніи техники науки, методики, пропедевтики?

На всѣ эти вопросы я долженъ отвѣтить отрицательно. Предметъ нашихъ занятій не искусство, не практика, не техника, а преимущественно *наука*, теорія, научное знаніе, — понимая отдѣльную науку въ томъ смыслѣ, что она есть упражненіе человѣческаго ума надъ суммою (комплексомъ) однородныхъ въ извѣстной степени фактовъ и понятій.

Но и теоретическое изслѣдованіе языка можетъ быть разнородно, смотря по тому, какъ понимаются задачи науки, и какой методъ примѣняется для ихъ рѣшенія. Не говоря о чисто *практическомъ* направленіи, имѣющемъ цѣлью свободное владѣніе чужими языками съ возможно большею бѣгlostью при возможно меньшей рефлексіи (что составляетъ прямую противоположность наукѣ, требуя страдательнаго отношенія къ чужимъ языкамъ и способности подражать, между тѣмъ какъ цѣль науки — созавать и обладать фактами на основаніи самостоятельной рефлексіи), и о чемъ мы говорили при разборѣ лингвистическихъ искусствъ ¹⁾ въ исторически развившемся, сознательномъ, научномъ изслѣдованіи языковъ и рѣчи человѣческой вообще можно отличить три направленія ²⁾:

1) *Описательное*, крайне эмпирическое направленіе, ставящее себѣ задачею собирать и обобщать факты чисто внѣшнимъ образомъ, не вдаваясь въ объясненіе ихъ причинъ и не связывая имъ между собою на основаніи ихъ сродства и генетической зависимости. Приверженцы этого направленія видятъ всю мудрость науки въ составленіи описательныхъ грамматикъ и словарей и въ изданіи памятниковъ, въ приготовленіи матеріала безъ всякихъ выводовъ, кажущихся имъ почему-то слишкомъ смѣлыми или же преждевременными. Это происходитъ

¹⁾ И для человѣка, занимающагося теоретическою стороною языковѣдѣнія, весьма полезно уловить себѣ возможно обширное знаніе разныхъ языковъ, какъ я уже замѣтилъ выше.

²⁾ Ср. между прочимъ: *System der Sprachwissenschaft* von K. W. L. Heuse etc. Berlin, 1856, стр. 6—21, §§ 5—9; — *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland* etc. von Theodor Benfey. München. 1869, стр. 1—12, и пр.

частью вслѣдствіе чрезчуръ строго критическаго и скептическаго склада ума, отвергающаго безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей настоящую науку, изъ опасенія сдѣлать ошибку въ выводѣ или же высказать гипотезу, которая со временемъ можетъ показаться несостоятельною, частью же это слѣдуетъ приписать умственной лѣни и желанію избавиться отъ необходимости давать себѣ добросовѣстный отчетъ въ пользѣ и цѣли накопленія матеріала,—желанію, низводящему такимъ образомъ науку на степень эмпирическихъ занятій и какой-то безцѣльной игрушки. Эти ученые отсылаютъ объясненіе фактовъ *ad aeta*, *ad meliora tempora*, и тѣмъ временемъ упускаютъ изъ виду то важное обстоятельство, что, ставя себѣ конечною цѣлью представленіе подробностей и ихъ примитивное, рабское, чисто внѣшнее объясненіе, можно быть очень полезну, но не для самаго себя (то-есть, не для собственнаго знанія) и не для науки непосредственно, а только для другихъ изслѣдователей, на сколько добросовѣстно собирается и готовится для нихъ достовѣрный матеріалъ. Разумѣется, что желая избѣжать положенія науки, о которомъ можно бы справедливо замѣтить, что изъ-за деревьевъ лѣса не видно, нельзя никакъ ограничиваться задачами и вопросами, рекомендуемыми этимъ направленіемъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ первый шагъ въ наукѣ, какъ подготовка, описательныя операціи необходимы; при чемъ первымъ условіемъ является точное и добросовѣстное наблюденіе, которое на степени совершенства встрѣчается только у немногихъ, такъ какъ всѣ смотрятъ, но не каждый видитъ. Хорошія описательныя грамматики, изданія памятниковъ и словари останутся на всегда насущною потребностью нашей науки, и безъ нихъ даже самымъ гениальнымъ теоретическимъ выводамъ будетъ недоставать фактическаго основанія.

2) Совершенную противоположность этому скромному и сдержанному направленію составляетъ направленіе *резонирующее*, умствующее, апіористическое, ребяческое. Люди этого направленія чувствуютъ потребность въ объясненіи явленій, но берутся за это дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ. Они придумываютъ извѣстныя начала, извѣстные апіористическіе принципы, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, и подъ эти принципы подгоняютъ факты, поступаая съ ними

¹⁾ Естественнымъ слѣдствіемъ этого направленія является узкій партикуляризмъ, отрицающій умѣстность сравненія сходныхъ явленій разныхъ языковъ и ограничивающійся предѣлами одного языка.

крайне безцеремонно. Здѣсь источникъ разнороднѣйшихъ предвзятыхъ грамматическихъ теорій, какъ по отношенію къ развитію самаго же языка, такъ и въ примѣненіи лингвистическихъ выводовъ къ другимъ областямъ знанія, къ исторіи, къ древностямъ, къ мифологіи, къ этнографіи и т. п. Здѣсь источникъ всевозможныхъ безчисленныхъ произвольныхъ объясненій и выводовъ, не основанныхъ на индукціи и свѣдѣтельствующихъ иногда объ отсутствіи здраваго смысла у ихъ виновниковъ. Кому не извѣстны куріозныя этимологіи, за которыя такъ и хотѣлось бы помѣстить самихъ господъ этимологовъ въ домъ умищенныхъ? Какъ алхимики старались отыскать первобытное тѣло, изъ котораго развились всѣ остальные, или же таинственную универсальную всемогущую силу, такъ же точно и нѣкоторые изъ представителей априористическаго направленія въ языковѣднѣи пытались изъ одного или же нѣсколькихъ созвучій вывести все богатство человѣческой рѣчи¹⁾. Но настоящею алхиміей теперь никто не занимается, лингвистическіе же алхимики до сихъ поръ не исчезли, и вообще мало надежды на скорое изгнаніе изъ области языковѣднѣи господства воображенія и произвола.

Въ новѣйшее время априористическое направленіе въ языковѣднѣи создало такъ-называемую *философскую* школу, которая, основываясь на умозрѣніи и ограниченномъ знаніи фактовъ, стала строить грамматическія системы, владывая явленія языка въ логическія рамки, въ логическія схемы. Конечно, такого рода системы могутъ представлять болѣе или менѣе удачныя пзымышленія ученыхъ умовъ, произведенія логическаго искусства, отличающіяся гармоніей и стройностью; но, насилуя и искажая факты на основаніи узкой теоріи, они ни болѣе ни менѣе какъ воздушные замки, которые не въ состояніи удовлетворять требованіямъ людей, думающихъ положительно.

Если описательное, крайне эмпирическое направленіе только стараются задерживать развитіе науки, то вышеупомянутое априористическое, произвольное, ребяческое направленіе сталкиваетъ его на ложные пути, и поэтому оно положительно вредно.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, всѣ слова всѣхъ языковъ считаются происшедшими изъ созвучій, обозначающихъ представленіе «пѣтуха», въ сочиненіи «Dr. Max Müllers Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der menschlichen Sprache etc. von Dr. Christoph Gottlieb Voigtmann etc. Leipzig 1865» (ср. Johannes Schmidt въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* XV, 235—7). Voss выводилъ всѣ слова изъ первобытныхъ созвучій *foʷ*, *feo* и *geo* (ср. J. Grimm, Ueber Etymologie und Sprachvergleichung, Kleinere Schriften I, 307).

3) Истинно научное, *историческое*, генетическое направленіе считаетъ языкъ суммою дѣйствительныхъ явленій, суммою дѣйствительныхъ фактовъ, и слѣдовательно, науку, занимающуюся разборомъ этихъ фактовъ, оно должно причислить къ наукамъ индуктивнымъ. Задача же индуктивныхъ наукъ состоитъ: 1) въ объясненіи явленій соотвѣтственнымъ ихъ сопоставленіемъ и 2) въ отыскиваніи силъ и законовъ, то-есть, тѣхъ основныхъ категорій или понятій, которыя связываютъ явленія и представляютъ ихъ какъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Первое имѣетъ цѣлью сообщить человѣческому уму систематическое знаніе извѣстной суммы однородныхъ фактовъ или явленій, второе же вводитъ въ индуктивныя науки все болѣе и болѣе дедуктивный элементъ. Такъ точно и языковѣдѣніе, какъ наука индуктивная, 1) обобщаетъ явленія языка и 2) отыскиваетъ силы, дѣйствующія въ языкѣ, и законы, по которымъ совершается его развитіе, его жизнь. Разумѣется, что при этомъ всѣ факты равноправны, и ихъ можно признавать только болѣе или менѣе важными, но ужь никакъ нельзя умышленно не обращать вниманія на нѣкоторые изъ нихъ, а ругаться надъ фактами просто смѣшно. Все существующее разумно, естественно и законно; вотъ лозунгъ всякой науки.

Многими признается „сравненіе“ какъ особенный, отличительный признакъ новѣйшей науки языка, и поэтому они весьма охотно и почти исключительно употребляютъ названія „сравнительная грамматика“, „сравнительное изслѣдованіе языковъ“ (vergleichende Sprachforschung), „сравнительное языковѣдѣніе“ (vergleichende Sprachwissenschaft), „сравнительная филологія“ (philologie comparée) и т. п. Мнѣ кажется, что въ основаніи этого взгляда лежитъ извѣстная узкость и исключительность, и что, принимая во вниманіе мотивы „сравнительныхъ“ грамматиковъ и „сравнительныхъ“ изслѣдователей языка, нужно было бы послѣдовательно названія всѣхъ наукъ украсить эпитетомъ „сравнительный“ и говорить о сравнительной математикѣ, сравнительной астрономіи, сравнительной физикѣ, сравнительной психологіи, сравнительной логикѣ, сравнительной географіи, сравнительной исторіи, сравнительной политической экономіи и т. д., и т. д. Вѣдь сравненіе есть одна изъ необходимыхъ операцій всѣхъ наукъ,— на немъ основывается процессъ мышленія вообще: вѣдь математикъ сравниваетъ величины и только этимъ добываетъ данныя для своихъ синтетическихъ и дедуктивныхъ соображеній; вѣдь историкъ вообще, только сравнивая различные фазисы развитія извѣстнаго рода проявленій человѣчества, можетъ дѣлать кое-какіе выводы и т. д., и т. д.

Роль же, которую играетъ сравненіе въ языковѣдѣніи, оно играетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Съ другой однако же стороны названіе „сравнительная грамматика“ имѣетъ историческое значеніе: оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію, сдѣлавшему громаднаго открытія. Сравненіе означало здѣсь сравненіе родственныхъ языковъ (и вообще сравненіе языковъ по ихъ сходствамъ и различіямъ)¹⁾, но никакъ не сравненіе фактовъ языка вообще, такъ какъ это послѣднее составляетъ необходимое условіе всякаго научнаго разбора языка. Подобное историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная миеологія“ и т. п. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, въ который сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ. Если же называть науку не по переходящимъ ея направленіямъ, а также и не по извѣстнымъ совершаемымъ въ ней ученымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія, въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ не сравнительная грамматика, не сравнительное языковѣдѣніе, не объяснительная²⁾ грамматика (*erklärende Grammatik*), не объяснительное языковѣдѣніе (*erklärende Sprachwissenschaft*), не (сравнительная) филологія³⁾, а просто или *изслѣдованіе*

¹⁾ Въ послѣднее время, начинаетъ обнаруживаться въ наукѣ стремленіе сравнивать научнымъ образомъ языкъ людей съ языкомъ животныхъ, и отъ этого сравненія можно ожидать совершенно новыхъ результатовъ.

²⁾ Какъ извѣстно, объясненіе явленій составляетъ сущность стремленій всѣхъ наукъ, и поэтому оно не можетъ считаться исключительнымъ свойствомъ одной или нѣкоторыхъ изъ нихъ.

³⁾ Отожествлять филологію съ языковѣдѣніемъ значитъ съ одной стороны суживать кругъ ея вопросовъ (такъ какъ филологія занимается всѣми проявленіями душевной жизни извѣстнаго народа, а не только языкомъ), съ другой же стороны—слишкомъ расширять этотъ кругъ (такъ какъ филологія ограничивается до сихъ поръ извѣстными народами или же группою народовъ, а языковѣдѣніе въ общей сложности изслѣдуетъ языки всѣхъ народовъ). Впрочемъ филологія, какъ она развилась исторически, представляетъ не однородную, цѣльную науку, а собраніе частей разныхъ наукъ (языковѣдѣнія, миеологія, исторія литературы, исторія культуры и т. п.), соединенныхъ въ одно цѣлое тожествомъ носителей разнородныхъ явленій, въ разборъ которыхъ состоятъ научные вопросы и задачи филологіи. Отсюда филологія классическая (греко-латинская), санскритская, германская, славянская, романская и пр. и пр.

языковъ и рѣчи человѣческой вообще, или *языковѣдѣніе* (языкознаніе), или же наконецъ, *лингвистика* (глоттика). Это названіе ничего не предрѣшаетъ, а только указываетъ на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ можно называть науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно титуловать ее „сравнительною“, лишьбы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ¹⁾, и что оно есть не исключительная привилегія языковѣдѣнія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Я замѣтилъ выше, что языковѣдѣніе изслѣдуетъ жизнь языка во всѣхъ ея проявленіяхъ, связываетъ явленія языка, обобщаетъ ихъ въ факты, опредѣляетъ законы развитія и существованія языка и отыскиваетъ дѣйствующія при этомъ силы.

Законъ является здѣсь формулированіемъ или обобщеніемъ того, что при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, послѣ того-то и того-то является то-то и то-то, или же что тому-то и тому-то въ одной области явленій, напримѣръ, въ одномъ языкѣ или же въ одной категоріи словъ или формъ одного и того же языка, соответствуетъ то-то и то-то въ другой области²⁾. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ общихъ законовъ развитія языка состоитъ въ томъ, что звукъ или созвучіе болѣе трудное замѣняется съ теченіемъ времени звукомъ или созвучіемъ болѣе легкимъ, или же что изъ представленій болѣе конкретныхъ развиваются представленія болѣе абстрактныя и пр. Изъ этихъ законовъ встрѣчаются мнимыя исключенія; но при точномъ изслѣдованіи эти исключенія оказываются обусловленными извѣстными причинами, извѣстными силами, которыя воспрепятствовали причинамъ или силамъ, вызвавшимъ данный законъ, расширить его и на кажущіяся исключенія. Убѣдившись въ этомъ, мы должны сознаться, что наше обобщеніе въ законъ было неточно и неполно, и что къ извѣстному уже *genus proximum* закона слѣдуетъ прибавить еще ограничивающую *differentia specifica*. Тогда станетъ ясно, что мнимое исключеніе

¹⁾ Есть ученые, которые въ самомъ дѣлѣ въ сравненіи для сравненія (искусство для искусства) видятъ всю мудрость языковѣдѣнія, забывая о другихъ гораздо болѣе интересныхъ сторонахъ ученой практики, вопросахъ, выводахъ и т. д.

²⁾ Здѣсь основаніе для различенія законовъ развитія во времени и законовъ, обусловливающихъ одновременное состояніе извѣстнаго предмета на всемъ его пространствѣ (или въ каждый данный моментъ его существованія, или же только въ извѣстное время), то-есть, для различенія того, что производитъ переѣмъ, отъ того, что составляетъ сущность и основаніе. Законы одного рода переходятъ въ законы другого рода, взаимно обусловливаясь.

составляетъ, собственно говоря, только подтвержденіе общаго закона ¹⁾).

Общія причины, общіе факторы, вызывающіе развитіе языка и обуславливающіе его строй и составъ, очень справедливо называть *силами*. Таковы между прочимъ:

1) *привычка*, то-есть, бессознательная память;

2) *стремленіе къ удобству*, выражающееся: а) въ переходѣ звуковъ и созвучій болѣе трудныхъ въ болѣе легкіе, для сбереженія дѣйствія мускуловъ и нервовъ, б) въ стремленіи къ упрощенію формъ (дѣйствіемъ аналогіи болѣе сильныхъ на болѣе слабыя), в) въ переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному, для облегченія отвлеченнаго движенія мысли;

3) бессознательное *забвеніе* и непониманіе (забвеніе того, о чемъ сознательно и не знали, и непониманіе того, чего сознательно и не могли понимать), но забвеніе и непониманіе не бесплодное, не отрицательное (какъ въ области сознательныхъ умственныхъ операцій), а забвеніе и непониманіе производительное, положительное, вызывающее нѣчто новое поощреніемъ бессознательнаго обобщенія въ новыхъ направленіяхъ;

4) бессознательное обобщеніе, *аперцепція*, то-есть, сила, дѣйствіемъ которой народъ подводитъ всѣ явленія душевной жизни подъ извѣстныя общія категоріи. Эту силу можно сравнить съ силою тяготѣнія въ планетныхъ системахъ: какъ существуютъ извѣстныя системы небесныхъ тѣлъ, обусловленныя силою тяготѣнія, такъ же точно и въ языкѣ существуютъ извѣстныя системы, извѣстныя семьи словъ и другихъ категорій языка, связанныя силою бессознательнаго обобщенія; какъ небесное тѣло, выйдя изъ области вліянія одной планетной системы, движется въ пространствѣ особнякомъ, пока наконецъ не подвергнется вліянію новой системы, такъ же точно и извѣстное слово или форма, связь котораго или которой съ другими тождественными или родственными забыта въ чувствѣ народа (или, какъ при словахъ заимствованныхъ, когда самое слово или форма его не находились прежде ни въ какой связи съ даннымъ языкомъ), стоитъ особнякомъ въ языкѣ, пока наконецъ оно или она не подвергнется вліянію новой семьи словъ или же категоріи формъ дѣйствіемъ народнаго слово-производства, аналогіи и т. п.;

¹⁾ Необходимыя условія каждаго научнаго закона слѣдующія: а) относительно субъекта—опредѣленность, ясность и точность; б) относительно объекта—общепримѣнимость.

5) бессознательная абстракція, бессознательное отвлеченіе, бессознательное стремленіе къ раздѣленію, къ дифференцировкѣ. Какъ предшествующая сила представляетъ въ языкѣ силу центростремительную, такъ эту силу (бессознательной абстракціи) можно сравнить со второю изъ двухъ силъ, на которыя разлагается сила тяготѣнія вообще, какъ ихъ равнодѣйствующая, то-есть, съ силою центробѣжною ¹⁾).

¹⁾ Кроме выше исчисленныхъ и имъ подобныхъ силъ, дѣйствующихъ во всю жизнь языка, нужно на извѣстной степени развитія человѣчества допустить тоже какъ силу (хотя сравнительно не очень могущественную) вліяніе на языкъ человѣческаго *сознанія*. Это вліяніе однообразитъ формы языка и по своему совершенствуетъ его, являясь такимъ образомъ слѣдствіемъ стремленія къ идеальному, о которомъ говорено было выше (при разборѣ лингвистическихъ искусствъ). Хотя вліяніе сознанія на языкъ проявляется вполнѣ сознательно только у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, но все-таки его послѣдствія сообщаются всему народу, и такимъ образомъ оно задерживаетъ развитіе языка, противодействуя вліянію бессознательныхъ силъ, обуславливающихъ въ общемъ болѣе скорое его развитіе, и противодействуя именно съ цѣлью — сдѣлать языкъ общимъ орудіемъ объединенія и взаимнаго пониманія всѣхъ современныхъ членовъ народа, равно какъ и предковъ, и потомковъ. Отсюда застой въ извѣстной степени въ языкахъ, подверженныхъ вліянію человѣческаго сознанія, въ противоположность скорому и безыскусственному теченію языковъ, свободныхъ отъ этого вліянія. Въ связи съ вліяніемъ сознанія находится (сознательное и бессознательное) вліяніе книгъ и литературы вообще на языкъ литературно-образованнаго народа (ср., между прочимъ, обусловленное привычкою вліяніе книгъ церковно-славянскихъ на произношеніе лицъ духовнаго званія въ православныхъ славянскихъ земляхъ и т. п.), вліяніе грамотности на народный языкъ [напримѣръ, вліяніе церковно-славянскаго не только на составъ, но и на строй народнаго русскаго языка; переходъ изъ книгъ и журналовъ въ разговорный языкъ извѣстныхъ изрѣченій въ видѣ стереотипныхъ фразъ, становящихся обыкновенно въ послѣдствіи избитыми, пошлыми (ср., между прочимъ, *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft* etc. von Lazarus und Steinthal, V. 106 — 109)].

Иногда, не смотря на всѣ усилія изслѣдователей, нельзя отыскать, дѣйствію какихъ силъ, вліянію какихъ причинъ обязано своимъ существованіемъ извѣстное явленіе. Въ такомъ случаѣ вопросъ о причинѣ этого явленія слѣдуетъ оставить нерѣшеннымъ, ожидая болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, которыя можетъ-быть, сдѣлаютъ возможнымъ объясненіе этого явленія въ связи причинъ и слѣдствій. Принимать возможность безпричинныхъ явленій и въ одно и время заниматься серьезно наукой нельзя послѣдовательному уму. Не смотря то же на то, многіе изъ ученыхъ, занимающихся разборомъ разныхъ проявленій такъ-называемой внутренней жизни человѣчества, не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя пока доискаться опредѣленныхъ причинъ, но даже тамъ, гдѣ

Почва, на которой происходитъ дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ въ языкѣ, представляетъ двѣ стороны:

1) чисто *физическую* сторону языка, его построение изъ звуковъ

данное явленіе объясняется очень просто известными наука́ми силами и законами, предпочитаютъ этому естественному объясненію объясненіе мистическое, вводя въ науку вовсе ненаучныя категоріи цѣлесообразности, случайности, опеки всевозможныхъ демонистическихъ силъ и т. п. — Видѣть въ явленіяхъ какую-то объективную цѣль, какъ основаніе для ихъ объясненія, совершенно не научно. Говорить, напри́мѣръ, что «каждый историческій народъ живетъ *для того, чтобы* «дать возможно полное проявленіе и развитіе тѣмъ способностямъ и свойствамъ, которыми надѣлила его природа (!), чтобы создать особую культуру, «принести и свою лепту въ сокровищницу общечеловѣческой образованности» — значитъ переносить въ науку свои задушевные, и можетъ-быть, весьма благородныя желанія и этими задушевыми и благородными желаніями и созданіями фантазіи объяснять явленія, — значитъ забывать, что развитіе науки (другое дѣло — проповѣди и мечты идеалистическихъ дѣятелей) состоитъ изъ вопросовъ «почему?» (а не «для чего?») и изъ отвѣтовъ: «потому что» (а не «для того, чтобы»). Ученые этого ненаучнаго направленія общій характеръ всѣхъ проявленій известнаго народа, обусловленныхъ его природою и внѣшними вліяніями, что называется обыкновенно культурою и цивилизаціей, объясняютъ какимъ-то съ облаковъ слетѣвшимъ «призваніемъ». Эти апостолы всевозможныхъ демоническихъ силъ весьма охотно говорятъ о «духѣ народа», «духѣ языка», «духѣ времени» (объясняя, напри́мѣръ, духомъ времени отдѣльныя явленія) и т. п., не помня того, вполне справедливаго, замѣчанія Гёте:

Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigener Geist.

Человѣкъ, думающій положительно, ставитъ себѣ прежде всего вопросъ: *aut... aut*, то-есть, или допустить цѣлесообразность, призваніе, свободную волю, случай*), догматъ и т. п. прекрасныя вещи какъ основаніе для объясненія явленій, или же не допустить ихъ. Если мы хоть одинъ разъ только станемъ объяснять самое ничтожное явленіе цѣлесообразностью, призваніемъ, свободною волею, случаемъ, догматомъ и т. п., то послѣдовательно мы должны будемъ допускать и всегда такое же объясненіе, и такимъ образомъ, видя въ дѣйствительности только кучу несвязныхъ и ничѣмъ не соединенныхъ явленій, уничтожать всякую причинность, уничтожать всякую науку. Еще разъ повторяю, что принимать возможность безпричинныхъ явленій и въ одно и въ одно и то же время не отвергать науки невозможно послѣдовательно уму. Наука не дѣлаетъ ни малѣйшихъ уступокъ: она требуетъ холоднаго, свободнаго отъ предразсудковъ, отвлеченнаго мышленія.

*) Употребляемыя и въ строго-научномъ языкѣ выраженія «случайно», «случайное сходство» и т. п. обозначаютъ, что или причина явленій пока неизвѣстна, или между нѣсколькими явленіями замѣчается сходство, хотя они не состоятъ ни въ какой генетической и вообще естественной связи.

и созвучій, обусловленное органическимъ устройствомъ народа и подверженное безпрестанному вліянію силы косности (*vis inertiae*);

2) *чутье языка народомъ*. Чутье языка народомъ не выдумка, не субъективный обманъ, а категория (функція) дѣйствительная, положительная, которую можно опредѣлить по ея свойствамъ и дѣйстви-ямъ, подтвердить объективно, доказать фактами.

Борьба всѣхъ выше исчисленныхъ силъ обусловливаетъ развитие языка. Разумѣется, что этой борьбы и вообще дѣйствія силъ въ языкѣ не слѣдуетъ понимать олицетворительно, такъ какъ наука оперируетъ не мифами, а чистыми представленіями и чистыми понятіями. Какъ законы, такъ и силы—не существа, даже не факты, а продукты умственной дѣятельности человѣка, имѣющіе цѣлью обобщить и связать факты и найдти для нихъ общее выраженіе, общую формулу. Это не демоническія идеи, рекомендуемыя философами извѣстнаго направленія, а видовыя понятія (*Artbegriffe*), которыя тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе явленій можно подогнать подъ нихъ, объяснить ими. Съ другой стороны, эти законы и силы, какъ и всѣ вообще понятія и умственныя категории, не единичны въ своемъ составѣ, а являются равнодѣйствующими безчисленнаго множества соприкасающихся представленій и понятій.

Я воздерживаюсь отъ болѣе подробнаго разбора силъ и законовъ, такъ какъ 1) нѣтъ для этого времени, и такъ какъ 2) это собственно предметъ логики, какъ науки, рассматривающей условія познания и отвлеченной умственной дѣятельности вообще, и ограничусь только вопросомъ: можно ли общія категории языковѣднія ¹⁾ считать законами и силами, въ сравненіи съ законами и силами, разборомъ которыхъ занимается физика и другія естественныя науки? Разумѣется, можно; ибо и силы и законы естественныхъ наукъ не что иное, какъ объединяющіе продукты умственной дѣятельности, какъ болѣе или менѣе удачныя обобщенія. Все превосходство ихъ въ томъ, что простота подходящихъ подъ нихъ явленій и фактовъ и болѣе продолжительное существованіе самихъ наукъ дозволили примѣнить къ нимъ

1) Нужно различать категорию языковѣднія отъ категорій языка: первая представляетъ чистыя отвлеченія; вторая—же то, что живетъ въ языкѣ, какъ звукъ, слогъ, корень, основа (тема), окончаніе, слово, предложеніе, разныя категоріи словъ и т. п. Категорія языка суть также категоріи языковѣднія, но категорія, основанная на чутьѣ языка народомъ и вообще на объективныхъ условіяхъ безсознательной жизни человѣческаго организма, между тѣмъ какъ категорія языковѣднія въ строгомъ смыслѣ суть по преимуществу абстракціи.

математическія вычисленія и этимъ придать имъ высокую ясность и точность, между тѣмъ какъ очень сложные процессы, совершающіеся въ языкѣ, и недавнее существованіе самой науки языковѣдѣнія задерживаютъ ея обобщенія на степени большей или меньшей шаткости и непостоянства. Это однакожь не должно насъ смущать, потому что и общія категоріи новѣйшаго направленія біологическихъ естественныхъ наукъ (зоологіи и ботаники) ничуть не точнѣе и не яснѣе въ своихъ примѣненіяхъ: и онѣ являются только болѣе или менѣе удачными обобщеніями, а вовсе не силами и законами, если обсуждать ихъ съ тою требовательностью, къ какой мы привыкли при разборѣ законовъ и силъ, составляющихъ принадлежность астрономіи, физики, химіи и пр.

Изъ выше изложеннаго видно, что въ языкѣ сочетаются въ неразрывной связи два элемента: *физическій* и *психическій* (разумѣтся, этихъ выраженій нельзя принимать въ смыслѣ метафизическаго различія, а должно разумѣть ихъ просто какъ видовыя понятія). Силы и законы и вообще жизнь языка основываются на процессахъ, отвлеченнымъ разборомъ которыхъ занимаются фізіологія (съ анатомією съ одной и съ акустикой съ другой стороны) и психологія. Но эти фізіологическія и психологическія категоріи проявляются здѣсь въ строго-опредѣленномъ объектѣ, изслѣдованіемъ котораго занимается исторически-развившеся языковѣдѣніе: большей части вопросовъ, которыми задается изслѣдователь языка, никогда не касаются ни фізіологъ, ни психологъ, стало-быть, и языковѣдѣніе слѣдуетъ признать наукою самостоятельною, не смѣшивая его ни съ фізіологіей, ни съ психологіей. Такъ же точно фізіологія изслѣдуетъ въ примѣненіи къ цѣльнымъ организмамъ тѣ же процессы, законы и силы, отвлеченнымъ разборомъ которыхъ занимаются физика и химія; однакожь все таки никто не уничтожаетъ ея въ пользу этихъ послѣднихъ наукъ ¹⁾.

Опредѣливъ, хотя только самымъ приблизительнымъ и неточнымъ образомъ, родъ занятій нашей науки и научное направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее современному ея пониманію, я постараюсь начер-

¹⁾ Ср. между прочимъ: Theodor Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft и т. д., стр. 8—9.— Впрочемъ всѣ науки составляютъ въ общемъ только одну науку, предметомъ которой служить дѣйствительность. Отдѣльныя науки являются слѣдствіемъ стремленія къ раздѣленію труда, основывающемуся однакожь на объективныхъ данныхъ, то-есть, на большемъ или меньшемъ сходствѣ и родствѣ явленій, фактовъ и научныхъ вопросовъ.

татъ планъ ея внутренней организаціи, то-есть, представить вамъ, господа, ея общее раздѣленіе, какъ оно развилось исторически ¹⁾.

Прежде всего нужно отличить *чистое языковѣдѣніе*, языковѣдѣніе само по себѣ, предметомъ котораго служить самъ языкъ, какъ сумма въ извѣстной степени однородныхъ фактовъ, подходящихъ въ своей общности подъ категорію такъ-называемыхъ проявленій жизни человѣчества, — и языковѣдѣніе *прикладное*, предметъ котораго составляетъ примѣненіе данныхъ чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ.

Чистое языковѣдѣніе распадается на два обширные отдѣла:

А. Всесторонній разборъ положительно данныхъ, уже сложившихся языковъ.

Б. Исслѣдованіе о началѣ слова человѣческаго, о первобытномъ образованіи языковъ и разсмотрѣніе общихъ психически-физиологическихъ условій ихъ непрерывнаго существованія ²⁾.

¹⁾ Кроме настоящаго языковѣдѣнія, какъ исслѣдованія языка, въ кругъ занятій лингвистовъ входятъ два рода оставленныхъ здѣсь въ сторонѣ упражненій человѣческаго ума: 1) *исторія языковѣдѣнія* (исслѣдованіе развитія лингвистическихъ понятій и ихъ осуществленія въ литературѣ и преподавательской дѣятельности), составляющая часть общей исторіи всѣхъ наукъ, но принадлежащая спеціально и всецѣло исслѣдователямъ языка, такъ какъ а) только они могутъ питать для ея особенный интересъ, и такъ какъ б) только у нихъ можетъ найтись достаточная подготовка для того, чтобы представить исторію ихъ же науки надлежащимъ образомъ; и 2) лингвистическая пропедевтика, *методика*, теорія научнаго искусства, теорія технической стороны языковѣдѣнія, задача которой состоитъ въ представленіи лучшаго способа заниматься наукою и совершенствовать ее во всѣхъ отношеніяхъ (въ представленіи правилъ изученія, исслѣдованія и изложенія).

²⁾ Здѣсь встаетъ упомянуть объ одномъ вопросѣ изъ области методики языковѣдѣнія, такъ какъ это можетъ способствовать болѣе точному опредѣленію свойствъ задачъ и вопросовъ, разсматриваемыхъ и исслѣдуемыхъ въ отдѣльныхъ частяхъ чистой науки языковѣдѣнія. Это вопросъ о собираніи матеріала и подготовительныхъ ученыхъ операціяхъ, совершаемыхъ въ томъ и въ другомъ отдѣлѣ этой науки.

Матеріалъ для перваго, положительнаго, отдѣла чистаго языковѣдѣнія представляетъ три категоріи:

1) Непосредственно данный матеріалъ, *живые языки народовъ* во всемъ ихъ разнообразіи. Такой матеріалъ представляютъ языки, живущіе и въ настоящее время и доступные исслѣдователю. Сюда слѣдуетъ отнести народный языкъ во всей его полнотѣ, разговорный языкъ (рѣчь) всѣхъ слоевъ общества даннаго народа, не только тѣхъ, которые ходятъ въ сермягахъ и зипунахъ, но и тѣхъ, что носятъ сюртуки, не только языкъ такъ-называемаго престопаго, но и раз-

А. *Положительное языковѣднiе* раздѣляется на двѣ части: 1) въ первой языкъ разсматривается какъ составленный изъ частей, то-есть, какъ сумма разнородныхъ категорій, находящихся между собою въ

говорный языкъ такъ-называемаго образованнаго класса. [Въ новѣйшее время замѣтно стремленіе, считать живымъ и достойнымъ вниманія науки языкомъ только языкъ крестьянъ и т. п., а на языкъ презираемой «гнилой интеллигенціи» не обращать никакого вниманія. Это находится въ связи съ моднымъ въ настоящее время заочнымъ платоническимъ поклоненіемъ господина во фракъ мужику. Причиною же тому вѣчная конкретность и неспособность ученой толпы различать надлежащимъ образомъ теорію и практику. Явленія жизни народной объясняются въ науцѣ очень удачно безсознательными силами, слѣдовательно, на практикѣ необходимо идолопоклонство передъ безсознательными силами: народъ «въ массѣ» никогда не ошибается (vox populi — vox dei), индивидуальность вредна, и ее необходимо уничтожать въ объективномъ разумѣ толпы. Впрочемъ, не только такъ-называемое простонародье, но и другіе классы народа живутъ гораздо болѣе какъ толпа, какъ стадо, нежели индивидуально. Особенно теперешнее время не очень-то богато истинными своеобразно и вполне сознательно и самостоятельно дѣйствующими, оригинальными, выдающимися личностями. Напротивъ того, XVIII вѣкъ объяснялъ все преимущественно сознаниемъ и свободною волею; слѣдовательно, тогда ученая толпа поклонялась индивидуальному уму и разуму].—Въ составъ этого рода матеріала входитъ языкъ всѣхъ безъ исключенія сословій: мазуриковъ, удличныхъ мальчишекъ, торговцевъ (напримѣръ, оленей), охотниковъ, мастеровыхъ, рыбаковъ и т. д., языкъ разныхъ возрастовъ (дѣтей, взрослыхъ, стариковъ и т. п.) и извѣстныхъ состояній человека (сообразно обстоятельствамъ жизни, напр. языкъ беременныхъ женщинъ и т. п.); языкъ личностей, языкъ индивидуальный, языкъ семей и т. д. и т. д. Кроме того—сюда принадлежатъ названія мѣстностей, личныя имена и т. п.; слѣды вліянія даннаго языка на иностранныя и на оборотъ (нѣчто въ родѣ языковыхъ окаменѣлостей) и т. д.

2) *Памятники языка* (въ хронологическомъ порядкѣ), письменность, литература, не въ смыслѣ эстетическомъ или культурномъ, а просто всѣ слѣды языка въ какихъ бы то ни было начертаніяхъ. И теперешняя литература языковъ настоящаго времени представляетъ только памятники, а не самый языкъ. При памятникахъ давно минувшихъ временъ *палеографія* является необходимою помощницей языковѣднiя. По памятникамъ нельзя никогда заключать вполне о языкѣ соответствующаго времени, и данныя, почерпнутыя изъ ихъ изслѣдованія, нужно дополнять разсмотрѣніемъ строя и состава даннаго языка въ нынѣшнемъ его состояніи, если онъ существуетъ, а если нѣтъ, то посредствомъ дедуктивныхъ соображеній и сравненія съ другими языками. Обыкновенно вѣрнѣе передаютъ состояніе языка памятники народа не столь цивилизованнаго, нежели памятники народа литературно-объединеннаго и создавашаго себѣ искусственный литературный языкъ и искусственное правописаніе. Съ этой точки зрѣнія и въ настоящее время важнымъ матеріаломъ для языковѣднiя служатъ, напримѣръ, письма лицъ, не знающихъ правилъ правописанія и вообще неграмотныхъ и необразованныхъ, непосредственныхъ. — Памятники состоятъ не только изъ цѣльныхъ

тѣсной органической (внутренней) связи;—II) во второй же языки, какъ цѣлѣе, изслѣдуются по своему родству и формальному сходству. Первая часть—*грамматика*, какъ рассмотрѣніе строя и состава языка (анализъ

произведеній на извѣстномъ языкѣ, но также изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, попавшихъ въ иностранную среду (ср. О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. *Бодуэна-де-Куртена*. Лейпцигъ, 1870, §§ 1—3).—Если изслѣдованіе живаго языка можно справедливо сравнить съ зоологіей и ботаникой, то за то сравненіе разбора памятниковъ съ палеонтологіей будетъ совершенно не точно, такъ какъ языкъ не организмъ и слова не части организма; слѣдовательно, они не могутъ оставлять видимыхъ отпечатковъ, реальныхъ знаковъ (слѣдовъ) своего существованія (окаменѣлостей), какъ организмы или части организмозъ животныхъ и растений. Памятники представляютъ только условные, номинальные видимые знаки (начертанія) слышимыхъ звуковъ языка, и потому по нимъ о языкѣ можно заключать только аналогически. Лингвистъ не дѣлаетъ передъ глазами строи даже живыхъ языковъ (хотя слышитъ ихъ звуки), и долженъ только чрезъ сопоставленіе и разныя научныя соображенія составить себѣ о немъ понятіе, между тѣмъ какъ натуралистъ даже строй мертвыхъ отдѣльныхъ организмозъ можетъ иногда воссоздать по ихъ рельефнымъ слѣдамъ (окаменѣлостямъ).

Совершаемыя на матеріалѣ, данномъ живыми языками и памятниками, przygotowательныя ученныя операціи состоятъ въ наглядномъ представленіи всего положительно даннаго богатства языковъ помощью изданія ихъ образцовъ и памятниковъ, помощью составленія описательныхъ грамматикъ и словарей.

3) Посредственный матеріалъ для аналогическихъ умозаключеній и выводовъ о данномъ языкѣ представляютъ: а) языкъ дѣтей, говорящихъ этимъ языкомъ (разсмотрѣніе языка дѣтей бросаетъ свѣтъ на образованіе звуковъ, ихъ чередованіе и т. п., чутье корня и т. п., стремленіе къ диеференцировкѣ и т. п.); б) наблюденіе индивидуальныхъ природныхъ недостатковъ въ произношеніи; в) наблюденіе надъ произношеніемъ глухонемыхъ; г) изученіе, какъ произносятся иностранцы слова извѣстнаго языка и вообще какъ они относятся къ этому языку (это проливаетъ свѣтъ на природу одного языка въ отличіе отъ другаго, какъ на природу разбираемаго языка, такъ и на природу языковъ иностранныхъ).

Что касается втораго отдѣла чистаго языковѣдѣнія: изслѣдованія о началѣ слова человѣческаго, о первобытномъ образованіи языковъ и т. п., то здѣсь мы не встрѣчаемъ непосредственнаго матеріала и должны довольствоваться матеріаломъ посредственнымъ, который позволяетъ намъ дѣлать аналогическія умозаключенія и выводы:

1) Индивидуальное развитіе проливаетъ свѣтъ на начало и первобытное образованіе языка, такъ какъ изъ естественныхъ наукъ извѣстно, что индивидуумъ повторяетъ въ сокращеніи всѣ видоизмѣненія породы, вида и рода. Это будетъ вправду наблюденіе надъ младенцемъ, переходящимъ въ возрастъ ребенка, начинающимъ лепетать (съ самыхъ раннихъ поръ, съ самыхъ первыхъ попытокъ, какъ задатковъ будущаго языка). Сдѣланныя при этомъ замѣчанія можно *mutatis mutandis* перенести въ эпоху первобытнаго образованія слова человѣческаго. Однако же

языковъ); вторая—*систематика*, классификація. Первую можно сравнить съ анатоміей и фізіологіей, вторую съ морфологіей растений и животныхъ въ ботанико-зоологическомъ смыслѣ ¹⁾. Разумѣется, что какъ

аналогическія заключенія въ этомъ направленіи должны быть дѣлаемы съ большою осторожностью, такъ какъ нашъ ребенокъ отличается отъ первобытнаго человека, начинавшаго и начавшаго говорить: 1) зоологически: а) въ собирательномъ отношеніи—другая степень въ развитіи *genus homo*, другое устройство мозга и нервной системы вообще; б) индивидуально—другая степень въ развитіи индивидуальномъ, другой возрастъ; 2) ребенокъ находитъ вокругъ себя людей говорящихъ и готовый языкъ, между тѣмъ какъ совершаемый въ теченіе многихъ поколѣній процессъ рожденія языка основывался именно на все большемъ и большемъ развитіи каждымъ поколѣніемъ слухныхъ задатковъ языка, унаследованныхъ отъ предковъ; нашъ ребенокъ сразу встрѣчаетъ уже готовые известныя культурныя отношенія, между тѣмъ какъ первобытный человекъ жилъ въ строгой неразрывной связи съ природою и подчинялся ея вліянію вполне страдательно.

2) Сравненіе различныхъ степеней культуры и умственного развитія разныхъ породъ людей и народовъ въ настоящее время приводитъ насъ къ убѣжденію, что теперешнее состояніе человечества представляетъ налицо въ одно и то же время различныя фазисы его постепеннаго развитія (ср. одновременное существованіе въ одномъ и томъ же обществѣ дѣтей, юношей, взрослыхъ, стариковъ и т. д.). Здѣсь мы можемъ отъ полувѣмыхъ дикарей подыматься вверхъ по лѣстницѣ постоянного совершенствованія къ той степени, на которой стоитъ кавказское племя (раса). Для того, чтобы составить себѣ хоть приблизительное представленіе о первобытномъ состояніи языка вообще, очень поучительно изслѣдовать языковое состояніе дикарей. Если изслѣдователю не возможно совершить это посредствомъ собственнаго наблюденія, онъ долженъ черпать свои свѣдѣнія изъ лингвистическихъ трудовъ другихъ ученыхъ и изъ достовѣрныхъ описаній путешественниковъ.

3) Изучая ходъ развитія данныхъ языковъ и подмѣчая общія направленія въ этомъ развитіи, мы въ правѣ продолжить назадъ линію постепенныхъ измѣненій, и такимъ образомъ дѣлать болѣе или менѣе опредѣленныя заключенія о времени первобытнаго образованія языковъ, даже находящихся на самой позднѣйшей степени развитія. И вообще необходимо допустить, что многое, составлявшее сущность первобытнаго состоянія языковъ, повторяется и въ историческихъ данныхъ языкахъ, хотя бы только въ рудиментарномъ видѣ.

Всѣ эти посредственныя наблюденія, имѣющія цѣлью воссоздать въ наукѣ первобытное образованіе языковъ, должны быть подкрѣпляемы анатомическими-фізіологическимъ разборомъ нервной системы человека, и даже основываться на результатахъ этого разбора (рефлективные движенія и т. п.).

¹⁾ Этого сравненія нельзя, конечно, принимать въ строго букввальномъ смыслѣ уже потому, что, какъ мы ниже увидимъ, языкъ не организмъ, а анатомія и фізіологія, равно какъ и морфологія организмовъ, занимаются дѣйствительными организмами. Вѣрность сравненія обусловлена здѣсь тождественностью и сходствомъ умственныхъ операцій, совершаемыхъ въ той и другой области.

вездѣ въ природѣ и въ наукѣ, такъ и здѣсь нѣтъ рѣзкихъ предѣловъ, и изслѣдованія въ одной части обуславливаются и основываются на данныхъ изъ области другой части, Для разбора строя и состава извѣстнаго языка съ одной стороны очень полезно, даже необходимо знать, къ какой категоріи языковъ въ формальномъ отношеніи принадлежитъ этотъ языкъ; съ другой же стороны, для объясненія его явленій соотвѣтственными явленіями языковъ родственныхъ, нужно опредѣлить, часть которой семьи и отрасли составляетъ этотъ данный языкъ. Подобнымъ образомъ только разсмотрѣніе строя и состава языковъ даетъ прочное основаніе для ихъ классификаціи.

І. Сообразно постепенному анализу языка можно раздѣлить *грамматику* на три большія части: 1) фонологию (фонетику) или звукоученіе, 2) словообразованіе въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова и 3) синтаксисъ.

1. Первымъ условіемъ успѣшнаго *изслѣдованія звуковъ* слѣдуетъ считать строгое и сознательное различеніе звуковъ отъ соотвѣтствующихъ начертаній; а такъ какъ ни за одною орфографіей нельзя признать полной послѣдовательности и точности въ обозначеніи звуковъ и ихъ сочетаній, и такъ какъ, съ другой стороны, ложный способъ воспитанія и постоянная практика развиваютъ, или справедливѣе говоря, не устраняютъ сбивчивости въ понятіяхъ, основывающейся на первоначальной конкретности человѣческаго міросозерцанія, то для исполненія выше приведеннаго условія необходимо при разборѣ звуковъ думать постоянно параллельми: одинъ членъ такой параллели — звукъ или созвучіе, другой — соотвѣтствующее ему въ данномъ случаѣ начертаніе, буква или же сочетаніе буквъ. — Предметъ *фонетики* составляетъ:

а) разсмотрѣніе звуковъ съ чисто-*физиологической* точки зрѣнія, естественныя условія ихъ образованія, ихъ развитія, и ихъ классификація, ихъ раздѣленіе (уже здѣсь нельзя разсматривать языкъ въ отвлеченіи отъ человѣка, а напротивъ того слѣдуетъ считать звуки акустическими продуктами человѣческаго организма)¹⁾;

¹⁾ Научное изслѣдованіе звуковъ языка съ физической точки зрѣнія необходимо основывать на результатахъ физиологіи и акустики. Нѣкоторые изслѣдователи языка не хотятъ ничего знать объ акустикѣ и физиологіи, доверяясь при разсмотрѣніи звуковъ собственнымъ грамматическимъ силамъ. Я думаю, что, занимаясь научнымъ изученіемъ извѣстнаго предмета, слѣдуетъ знакомиться со всевозможными изслѣдованіями того же предмета и не отказываться отъ результатовъ другихъ, для насъ вспомогательныхъ наукъ. Иначе придется постоянно совершать трудъ Сизифа, или говоря проще, воду толочь.

б) роль звуковъ въ механизмѣ языка, ихъ значеніе для чутья народа, не всегда совпадающее съ соотвѣтственными категоріями звуковъ по ихъ физическому свойству, и обусловленное съ одной стороны физиологическою природою, а съ другой происхожденіемъ, исторіей звуковъ; это разборъ звуковъ съ *морфологической*, словообразовательной точки зрѣнія. Наконецъ, предметъ фонетики составляетъ

в) генетическое развитіе звуковъ, ихъ исторія, ихъ этимологическое и строго морфологическое сродство и соотвѣтствіе, — это разборъ звуковъ съ точки зрѣнія *исторической*.

Первая физиологическая и вторая морфологическая части фонетики изслѣдуютъ и разбираютъ законы и условія жизни звуковъ въ состояніи языка въ одинъ данный моментъ (статика звуковъ), третья же часть — историческая — законы и условія развитія звуковъ во времени (динамика звуковъ).

2. Раздѣленіе *словообразованія* или морфологій соотвѣтствуетъ постепенному развитію языка: оно воспроизводитъ три періода этого развитія (односложность, агглютинацію или свободное сопоставленіе и флексію). Части морфологій суть слѣдующія:

а) наука о корняхъ — *этимологія*;

б) наука о *темообразованіи*, о словообразовательныхъ суффиксахъ съ одной и о темахъ или основахъ съ другой стороны;

в) наука о *флексіи* или объ окончаніяхъ и о полныхъ словахъ, какъ они представляются въ языкахъ на высшей степеніи развитія, въ языкахъ флексивныхъ.

Какъ вездѣ въ природѣ и въ наукѣ, такъ и здѣсь трудно установить строгіе предѣлы, и подчасъ трудно рѣшить, въ какой части слѣдуетъ разсматривать извѣстный вопросъ. Но вѣдь и постепенный переходъ отъ низшихъ степеней развитія къ высшимъ (то-есть, отъ предшествующихъ къ послѣдующимъ) совершался не скачками, а медленно, постепенно, незамѣтно.

3. *Синтаксисъ* или словосочиненіе (словосочетаніе) разсматриваетъ слова какъ части предложеній и опредѣляетъ ихъ именно по отношенію къ связной рѣчи или предложеніямъ (основаніе для раздѣленія частей рѣчи); оно занимается значеніемъ словъ и формъ въ ихъ взаимной связи. Съ другой стороны, оно подвергаетъ своему разбору и цѣлямъ предложенія какъ части большихъ цѣльныхъ и изслѣдуетъ условія ихъ сочетанія и взаимной связи и зависимости.

Какъ не всё части анатоміи примѣнимы ко всемъ организмамъ, какъ напримѣръ, остеологія возможна только при изслѣдованіи по-

звоночныхъ, такъ же точно и при разсмотрѣніи многихъ языковъ нужно совершенно исключить нѣкоторыя изъ выше исчисленныхъ частей грамматики. Такъ, напримѣръ, изслѣдованіе односложныхъ языковъ, главный представитель которыхъ языкъ китайскій, сводится только къ фонетикѣ и своеобразному синтаксису; изъ словообразованія остается только своеобразная этимологія, то-есть, разборъ своеобразныхъ корней.

При грамматическомъ разсмотрѣніи языка необходимо соблюдать *хронологическій* принципъ, то-есть, принципъ объективности по отношенію къ совершающемуся во времени генетическому развитію языка. Этотъ принципъ генетической объективности можно выразить тремя слѣдующими положеніями:

Положеніе 1-е. Данный языкъ не родился внезапно, а происходилъ постепенно въ теченіе многихъ вѣковъ: онъ представляетъ результатъ своеобразнаго развитія въ разные періоды. Періоды развитія языка не сдѣлялись поочередно, какъ одинъ караульный другимъ, но каждый періодъ создалъ что-нибудь новое, что при незамѣтномъ переходѣ ¹⁾ въ слѣдующій составляетъ подкладку для дальнѣйшаго развитія. Такие результаты работы различныхъ періодовъ, замѣтны въ данномъ состояніи извѣстнаго объекта, въ естественныхъ наукахъ называются слоями: примѣняя это названіе къ языку, можно говорить о *слояхъ* языка, выдѣленіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ языковѣдѣнія ²⁾.

¹⁾ Незамѣтный переходъ одного состоянія въ другое, незамѣтное развитіе, незамѣтное вліяніе медленно, но основательно дѣйствующихъ силъ, какъ въ языкѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ жизни, можно выразить алгебраическою формулою $0 \times \infty = m$, то-есть, что бесконечно малое измѣненіе, произведенное въ одинъ моментъ, повторившись безконечное число разъ, даетъ наконецъ извѣстную замѣтную опредѣленную переѣну. Такъ объясняется теченіе времени, увеличеніе пространства, дѣйствіе на камень капель воды, непрерывно падающихъ на одно и то же мѣсто, вліяніе ядовъ, переходъ отъ сна къ бодрствованію и наоборотъ, переходъ эмбриона въ живаго человека, медленный переходъ отъ жизни извѣстнаго организма къ его смерти, паденіе государствъ и другихъ опредѣленныхъ политическихъ и общественныхъ проявленій и т. д. Вездѣ есть какой-то неуловимый критическій моментъ, рвшающій такъ или иначе: все прошедшее или пропадаетъ какъ будто безслѣдно, или же оставляетъ замѣтные слѣды своего вліянія.

²⁾ Первую попытку сформулировать по своему и собрать въ одно цѣлое разбросанныя изслѣдованія по этой части въ примѣненіи къ языкамъ индоевропейскимъ и выдѣлить въ общихъ чертахъ отдѣльные слои образованія этихъ языковъ, представляетъ разсужденіе: *Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung von Georg Curtius, etc. Des V Bandes der Abhandlungen der philolo-*

Положеніе 2-е. Механизмъ языка и вообще его строй и составъ въ данное время представляютъ результатъ всей предшествовавшей ему исторіи, всего предшествовавшаго ему развитія, и наоборотъ этимъ механизмомъ въ извѣстное время обуславливается дальнѣйшее развитіе языка.

Положеніе 3-е. Крайне неумѣстно измѣрять строй языка въ извѣстное время категоріями какого-нибудь предшествующаго или послѣдующаго времени. Задача изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы подробнымъ разсмотрѣніемъ языка въ отдѣльные періоды опредѣлить его состояніе, сообразное съ этими періодами, и только въ послѣдствіи показать, какимъ образомъ изъ такого-то и такого-то строя и состава предшествующаго времени могъ развиться такой-то и такой-то строй и составъ времени послѣдующаго. То же требованіе генетической объективности вполне примѣнимо и къ изслѣдованію разныхъ языковъ вообще: видѣть въ извѣстномъ языкѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ околнностей категоріи другаго языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждыя ему категоріи и должна отыскивать въ немъ только то, что въ немъ живетъ, обуславливая его строй и составъ ¹⁾.

Представленіе грамматическихъ вопросовъ можетъ быть двоякимъ: или преимущественно въ порядкѣ категорій науки, въ порядкѣ однородныхъ научныхъ вопросовъ, или же преимущественно въ порядкѣ

gisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften № III. Leipzig 1867. Курциусъ различаетъ семь главныхъ періодовъ образованія (Organisation) индоевропейскихъ языковъ: 1) періодъ корней (Wurzelperiode), 2) періодъ коренныхъ опредѣлителей (Determinativperiode), 3) періодъ первичныхъ глаголовъ (primäre Verbalperiode), 4) періодъ образованія темъ (основъ) (Periode der Themenbildung), 5) періодъ сложныхъ глагольныхъ формъ (Periode der zusammengesetzten Verbalformen), 6) періодъ образованія падежей (Periode der Casusbildung), 7) періодъ нарѣчій (Adverbialperiode). Однимъ изъ главныхъ результатовъ его изслѣдованія является положеніе, что языкъ применялъ тѣ же средства въ разные времена совершенно другимъ образомъ (dass die Sprache dieselben Mittel zu verschiedenen Zeiten in ganz verschiedener Weise verwendete) (стр. 193). И разные перемѣны однихъ и тѣхъ же звуковъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ можно объяснить только разными эпохами этихъ перемѣнъ.

¹⁾ Въ связи съ этимъ состоитъ то заблужденіе многихъ ученыхъ, что они при генетической классификаціи безопасно сравниваютъ между собою языки, стоящіе не на соответствующихъ другъ другу степеняхъ развитія, напримѣръ, санскритъ и славянской, или даже санскритъ и англійскій, — одинъ самый древній, другой самый новый изъ всѣхъ индоевропейскихъ.

генетическаго развитія самаго объекта ¹⁾). Первое подбираетъ сходныя явленія въ разныхъ областяхъ рѣчи человѣческой, или вообще во всѣхъ доступныхъ изслѣдователю языкахъ, или же въ строго опредѣленной группѣ языковъ (или даже въ одномъ языкѣ) и имѣетъ конечною цѣлью сформулировать и опредѣлить общія категоріи, законы и силы, тѣмъ же самымъ объясняя многія явленія языка. Другой способъ представленія придерживается естественнаго теченія въ области языка, и отвлекая и систематизируя лишь на столько, сколько необходимо вообще для науки, въ остальномъ рисуетъ научную картину развитія объекта (или съ незапамятныхъ временъ по послѣднее или же только въ извѣстный опредѣленный періодъ). Это—*внутренняя исторія* языка или языковъ, которую необходимо отличать отъ внѣшней ихъ исторіи ²⁾, рассматривающей языкъ въ отношеніи этнологиче-

¹⁾ Сообразно съ двумя главными сторонами задачи индуктивныхъ наукъ (ср. выше): при второмъ способѣ преимущественно обобщаются явленія и объясняются во взаимной связи и генетической зависимости, при первомъ же способѣ преимущественно отыскиваются законы и силы и общія категоріи вообще.

²⁾ Внѣшняя исторія языка тѣсно связана съ судьбами его носителей, то-есть, съ судьбами говорящихъ имъ индивидуумовъ, съ судьбами народа. Въ кругъ ея изслѣдованій входитъ распространеніе языка, какъ географическое, такъ и этнографическое, общее вліяніе иностранныхъ языковъ на данный языкъ и на оборотъ, рѣшеніе вопросовъ, употребляется ли данный языкъ и какъ литературный, или же онъ живетъ только въ народѣ, каковыя сословія принадлежатъ люди, говорящіе извѣстнымъ языкомъ, въ большомъ ли ходу языкъ (если онъ, разумѣется, литературный) за своими собственными предѣлами, какъ по отношенію къ пространству (французскій, нѣмецкій, англійскій, и вообще такъ-называемые универсальные языки), такъ и по отношенію ко времени (латинскій, греческій, церковно-славянскій), и если онъ въ употребленіи у другихъ народовъ, то для какихъ именно цѣлей, и т. д. и т. д.—вогь вопросы, принадлежащіе внѣшней исторіи языка. Внутренняя же исторія языка занимается развитіемъ языка самаго по себѣ, жизнью языка, разумѣется, не отвлекая его неестественнымъ образомъ отъ его носителей, отъ людей, а напротивъ того понимая его всегда въ связи съ физическою и психическою организаціей говорящаго имъ народа. Но она не заботится о судьбахъ языка, а только обращаетъ вниманіе на перемѣны, происходящія внутри его же самаго. Внутренняя исторія языка изслѣдуетъ, какъ народъ говорить въ извѣстное время или же въ теченіе многихъ вѣковъ, и почему такъ говорить, внѣшняя—сколько людей говорить и когда (границы языка). Первое соответствуетъ болѣе или менѣе категоріи качества, второе—количества. Точно также необходимо различать качество и количество, высшую или низшую степень познаній извѣстнаго народа (или другаго человѣческаго общества) въ общемъ его составѣ съ одной, и распространеніе этихъ познаній между людьми, между отдѣльными членами народа или другаго человѣческаго общества—съ другой стороны.—Внѣшняя и внутренняя исторія языка (объектъ науки, а не наука)

скомъ, стало-быть, изслѣдующей только судьбы его носителей, и такимъ образомъ составляющей одну часть прикладнаго языковѣдѣнія, а именно приложеніе систематики къ этнографіи и этнологіи (слѣдовательно, состоящей въ примѣненіи данныхъ языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другой науки). Обыкновенныя грамматикѣ разныхъ языковъ берутъ только извѣстный моментъ исторіи языка и стараются представить его состояніе въ этотъ моментъ. Но истинно научными онѣ могутъ быть, только рассматривая этотъ извѣстный моментъ въ связи съ полнымъ развитіемъ языка.

Современное языковѣдѣніе стоитъ уже на той степени научнаго совершенства, что, изслѣдовавъ съ надлежащею точностью по положительнымъ даннымъ все прошедшее развитіе извѣстнаго языка, тщательно подмѣчая вновь появляющіяся въ немъ стремленія и опираясь на аналогію другихъ языковъ, оно можетъ предсказать въ общемъ внутреннюю будущность этого даннаго языка или же воссоздать прошлое, отъ котораго не осталось никакихъ памятниковъ¹⁾. За неимѣніемъ времени я не стану приводить примѣровъ, тѣмъ болѣе что въ самомъ же курсѣ не разъ представится случай обратити

вліяютъ взаимно другъ на друга. Вліяніе внѣшней на внутреннюю кажется сильнѣе, чѣмъ на оборотъ. Отъ вліянія иностранныхъ языковъ, отъ литературной обработки языка, отъ рода занятій людей, говорящихъ даннымъ языкомъ, отъ географическихъ условій страны, ими обитаемой, и т. п. зависитъ ускореніе или замедленіе и своеобразность внутренняго развитія языка. Вліяніе внутренней исторіи языка на внѣшнюю сводится болѣе или менѣе къ ускоренію или замедленію развитія литературы вслѣдствіе большей или меньшей податливости языка (вліяніе впрочемъ небольшое) и къ вопросу о перемѣняемости языка (къ вопросу, когда именно языкъ измѣнился уже на столько, что его слѣдуетъ, по отношенію къ извѣстной, болѣе древней эпохѣ, считать уже не тѣмъ же языкомъ, но его потомкомъ (говоря олицетворительно), и къ вопросу, можно ли считать извѣстныя нарѣчія частями одного языка или же самостоятельными цѣлыми. — Матеріалъ для внѣшней исторіи языка совпадаетъ въ значительной степени съ матеріаломъ для исторіи и исторіи литературы. Говоря о распространенности народа, о его образованности, о развитіи его литературы, историкъ тѣмъ самымъ затрогиваетъ во многихъ пунктахъ внѣшнюю исторію языка этого народа. О матеріалѣ для внутренней исторіи языка говорено было выше.

¹⁾ Особенно важно и необходимо для науки воссоздать такъ-называемые первобытные (Urg Sprachen) и основные языки (Grundsprachen), то-есть, языки, различныя видоизмѣненія которыхъ представляетъ извѣстная группа положительно данныхъ языковъ. При этомъ нужно помнить, что все-таки эти первобытные и основные языки въ томъ видѣ, какъ они воссоздаются наукою, представляютъ не комплексы дѣйствительныхъ явленій, а только комплексы научныхъ фактовъ, добытыхъ дедуктивнымъ путемъ.

на это наше вниманіе. Разумѣется, относительно будущности, эти научныя (но не пророческія) предсказанія языковѣдѣнія далеко не такъ точны, какъ, напримѣръ, предсказанія астрономіи: они только въ общемъ указываютъ на будущее явленіе, на будущій фактъ, не будучи въ состояніи опредѣлить съ точностью отдѣльные моменты его появленія. Но и то, что теперь уже возможно, очень утѣшительно, доказывая состоятельность употребляемаго нынѣ метода изслѣдованія и приближая языковѣдѣніе къ цѣли всѣхъ индуктивныхъ наукъ, именно къ возможно болѣе обширному примѣненію дедутивного метода.

II. *Систематики*, классификаціи языковъ нельзя понимать въ смыслѣ искусственнаго облегченія ихъ изученія посредствомъ введенія порядка въ ихъ разнообразіе, на основаніи извѣстныхъ, наобумъ подобранныхъ или же предвзятыхъ характеристическихъ чертъ. При современномъ взглядѣ на науки вообще и на языковѣдѣніе въ особенности, истинно научная классификація языковъ должна быть воспроизведеніемъ ихъ естественнаго развитія, и съ другой стороны, должна основываться на существенно отличительныхъ свойствахъ.

Въ области языковъ родственныхъ ¹⁾, то-есть, развившихся изъ одного и того же первобытнаго языка и слѣдовательно представляющихъ видоизмѣненія одного и того же первоначальнаго матеріала подѣ влияніемъ различныхъ условій, въ которыхъ находились и находятся говорящіе этими языками народы, — классификація является только модификаціей исторіи языка. Слѣдуетъ только посмотрѣть на языки, какъ на индивидуумы или скорѣе какъ на комплексы знаменательныхъ звуковъ и созвучій, соединяемыхъ въ одно цѣлое чутьемъ извѣстнаго народа, а съ другой стороны — выдвинуть на первый планъ тѣ свойства отдѣльныхъ языковъ, которыя или существенно отличаютъ ихъ другъ отъ друга, или же соединяютъ ихъ въ одну группу въ отличіе отъ другихъ языковъ и группъ, и *eo ipso* исторія языка становится *генетическою* классификаціей языковъ. При этомъ необходимо постоянно имѣть въ виду, что принципа генетическаго раздѣленія родственныхъ языковъ слѣдуетъ искать не по общепринятому обычаю — въ отдѣльныхъ фонетическихъ, лексикальныхъ и формальныхъ различіяхъ, но въ общихъ стремленіяхъ, обуславливающихъ своеобразное развитіе всего механизма языка, такъ какъ только эти общія

¹⁾ Вышнимъ признакомъ родства языковъ слѣдуетъ считать возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, то-есть, возможность, каждое (не усвоенное) слово одного языка представить въ формѣ другаго по извѣстнымъ опредѣленнымъ звуковымъ законамъ и звуковымъ соотвѣтствіямъ.

стремленія можно признать характеристическими и постоянными свойствами, обособляющими отдѣльные языки въ средѣ всѣхъ прочихъ, находящихся съ ними въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ.

Рядомъ съ этою генетическою классификаціей существуетъ тоже *морфологическая*, раздѣляющая языки по особенностямъ ихъ строя и основывающаяся именно на второй части грамматики, то-есть, на морфологіи или словообразованіи ¹⁾. Основное морфологическое различіе группъ языковъ предполагаетъ и первобытное основное существенно различное міросозерцаніе носителей этихъ языковъ, народовъ, предшествовавшее первобытному образованію настоящихъ языковъ, и затѣмъ сопровождавшее это первобытное ихъ образованіе ²⁾; и поэтому-то языки, отличающіеся другъ отъ друга морфологически, не могутъ быть родственны генетически ³⁾. Напротивъ того языки, генетически различные, могутъ принадлежать къ той же категоріи съ мор-

¹⁾ Самымъ общепринятымъ образомъ языки раздѣляются съ этой точки зрѣнія на однословные, агглютинирующіе и флексивные.

²⁾ Для примѣра возьмемъ двѣ крайности: языки однословными, не появившійся съ самаго начала ихъ существованія (какъ людей, какъ народовъ) и до сихъ поръ не появляется и никогда не явится (такъ какъ теперь уже языкъ обуславливаетъ складъ народнаго ума) потребность выражать въ языкѣ отношенія представленій помощью матеріальныхъ средствъ, то-есть, звуковъ и созвучій (это даетъ намъ даже право заключать, что въ умѣ человека, говорящаго однимъ изъ этихъ языковъ, нѣтъ вовсе представленія настоящихъ формальныхъ отношеній), между тѣмъ какъ строй языковъ флексивныхъ на этомъ именно и основанъ. Въ однословныхъ языкахъ первобытная абстракція, помощью которой народъ отдѣлилъ имя отъ глагола и вообще разныя категоріи словъ по отношенію къ предложенію, достигается известнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ словъ (напримѣръ, предикатъ послѣ субъекта, атрибутъ передъ субъектомъ и т. п.), между тѣмъ какъ въ языкахъ флексивныхъ для этой цѣли служатъ разные формальные элементы, разившіеся изъ даннаго матеріала языка.

³⁾ Это, конечно, не исключаетъ возможности замѣны у известнаго народа языка одного строя языкомъ другаго строя, и такимъ образомъ, полнаго отчужденія отъ прежней этнографической національности, отъ прежняго отечественнаго языка; довольно указать на Негровъ, принявшихъ въ Америкѣ французскій или англійскій языкъ, и т. п.; но здѣсь-то именно мы и въ правѣ допустить при такомъ языковомъ переворотѣ переворотъ и въ складѣ народнаго ума вообще. Съ другой стороны, возможно сочетаніе морфологическаго строя одного языка съ матеріаломъ другаго (но только, разумѣется, черезъ заимствованіе); примѣръ такой смѣси строя китайскаго съ матеріаломъ русскимъ представляетъ «Хактинское Китайское нарѣчіе Русскаго языка» (ср. статью подъ этимъ заглавіемъ С. И. Черепанова въ *Извѣстіяхъ* Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, II. 370—377).

фологической точки зрѣнія, то-есть, они могутъ представлять одинъ и тотъ же или, по крайней мѣрѣ, сходный строй ¹⁾.

Скращеніемъ классификаціи генетической съ морфологической является раздѣленіе языковъ флексивныхъ на *первичные* и *вторичные*, синтетическіе и аналитическіе. Въ первыхъ слова чувствуются еще живо въ своемъ составѣ, и потребности флексіи удовлетворяются помощью входящихъ въ составъ слова окончаній и т. п., во вторыхъ слова являются уже, по отношенію къ своему составу, мертвыми со-звучіями, мертвыми конгломератами звуковъ, и флексивныя отноше-нія выражаются помощью опредѣляющихъ самостоятельныхъ словечекъ. Но, не смотря на то, основной характеръ тѣхъ и другихъ одинаковъ: основныя стремленія и потребности не измѣняются, а измѣняются только средства, служащія для ихъ удовлетворенія. Разу-мѣется, здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-либо можно обозначить строгіе предѣлы; напротивъ того, мы видимъ большое разнообразіе и беско-нечный рядъ всевозможныхъ переходныхъ состояній. Мало того, уже въ самомъ совершенномъ первичномъ состояніи исторически данныхъ флексивныхъ языковъ замѣчаются задатки вторичнаго строя, и на-оборотъ, даже въ языкахъ, наиболѣе подвинувшихся своимъ стремле-ніемъ ко вторичному строю, есть слѣды первобытной первичной формациі.

Изъ семи извѣстныхъ, научно-опредѣленныхъ (не смотря на мор-фологической строй), генетически упорядоченныхъ группъ языковъ ²⁾ бо-лѣе всѣхъ прочихъ обращено было вниманіе науки на двѣ, принадле-жащія по своему строю къ языкамъ высшаго морфологическаго раз-ряда, то-есть, къ языкамъ флексивнымъ, носители которыхъ, то-есть, говорящіе ими народы, принадлежатъ къ самымъ культурнымъ и са-мымъ вліятельнымъ относительно всемірной исторіи. Это суть группы (отрасли) языковъ *семитическихъ* и *индоевропейскихъ* ³⁾. Преимуще-

¹⁾ Впрочемъ это происходитъ еще, можетъ-быть, вслѣдствіе недостаточнаго и ограниченнаго морфологическаго раздѣленія, и вѣроятно, при болѣе точномъ и менѣе узкомъ опредѣленіи строя отдѣльныхъ языковъ оказалось бы болѣе раз-личій, нежели до сихъ поръ обыкновенно предполагается.

²⁾ Группы эти суть: 1) индоевропейская, 2) семитическая, 3) хамитическая, 4) финско-татарская или урало-алтайская, 5) дравидійская или денанская, 6) полинезійская или океанская (малайская), 7) южно-африканская.

³⁾ Исключное основное различіе языковъ индоевропейскихъ и семитическихъ находитъ себѣ аналогію въ исключномъ основномъ различіи религіозныхъ воз-зрѣній ихъ носителей, то-есть, говорящихъ ими племенъ, именно такихъ воззрѣ-ній, сѣмена которыхъ должны были быть брошены еще въ то время, когда че-

ственно послѣдняя группа была подвержена самому тщательному научному изслѣдованію, и на ней выработанъ методъ, примѣняемый теперь и при разсмотрѣніи другихъ группъ.

Приемы науки лучше всего изучить при изслѣдованіи строго опредѣленной семьи или же отрасли языковъ. Такъ и мы будемъ исключительно заниматься индоевропейскою отраслью, изслѣдуя какъ ея строй и составъ въ историческомъ развитіи, такъ и взаимныя отношенія ея отдѣльныхъ членовъ. *Индоевропейская* (аріоевропейская?) отрасль распадается на восемь отдѣльныхъ семей: 1) индійскую, 2) иранскую, 3) греческую, 4) романскую, 5) кельтскую, 6) германскую, 7) литовскую и 8) славянскую. Онѣ выдѣлились не въ одно время изъ общаго первобытнаго языка, но нѣкоторыя семьи болѣе продолжительное время жили вмѣстѣ другъ съ другомъ, чѣмъ съ остальными семьями, а потому и въ настоящее время представляютъ болѣе сходства. Относительно этого вопроса расходятся мнѣнія ученыхъ, и нужно сознаться, что употребляемые для его рѣшенія приемы вовсе неудовлетворительны (ср. выше, гдѣ говорится о принципѣ генетическаго раздѣленія родственныхъ языковъ). Окончательно рѣшеннымъ можно считать ближайшее родство семьи индійской съ иранскою, семьи славянской съ литовскою, и по всей вѣроятности, семьи греческой съ романскою ¹⁾.

Древнѣйшіе памятники индоевропейской отрасли сохранила индійская семья въ священныя книги Веды, языкъ которыхъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, служилъ въ послѣдствіи для Индійцевъ общимъ литературнымъ языкомъ, подъ названіемъ санскрита. Слѣдовательно, настоящій санскритъ не есть языкъ народный, а только

ловѣкъ только начиналъ быть человѣкомъ, начиналъ говорить: форма, въ которой божество входитъ въ связи и сообщается съ человѣкомъ, у Индоевропейцевъ — воплощеніе божества, у Семитовъ — пророчество.

¹⁾ Удивительно, что ближайшее родство Литво-Славянъ съ Германцами, по примѣру Гримма и Шлейхера принято теперь большинствомъ изслѣдователей, было высказано еще въ XIII ст. однимъ изъ польскихъ хронистовъ, Богухваломъ: «sic et Theutonici cum Slavis regna contigua habentes simul conversatione incedunt, nec aliqua gens in mundo est, sibi tam communis et familiaris, veluti Slavi et Theutonici» (см. О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст. соч. И. Бодуэна де-Куртена, — словарь п. с. *славянскія*). Ближайшее родство Славянъ и Литовцевъ было признаваемо Поляками XVII столѣтія. Вотъ что пишетъ объ этомъ предметѣ извѣстный польскій мемуаристъ, Пасекъ (Pasek): «taka właśnie różnica mowy Jutlandczyków od niemieckiej, jak Łotwy albo Żmudzi od Polaków» (Памятники Паска. Petersburg. Wolf. 1860, стр. 19).

священный литературный языкъ, въ томъ родѣ, какъ въ былое время старославянской для Славянъ, а въ настоящее — верхненѣмецкій для Нѣмцевъ. Изученіе санскрита очень важно для изученія индоевропейской отрасли вообще, какъ вслѣдствіе подробнаго и удачнаго его анализа, совершеннаго еще туземными грамматиками, такъ и по достоинствамъ, а именно по прозрачности строя самого языка. Однакожь не слѣдуетъ забывать, что санскритъ есть только одинъ изъ членовъ общей индоевропейской отрасли (не первобытный языкъ, а тоже производный, только съ самыми древними памятниками), что, слѣдовательно, его изученіе не исчерпываетъ всего богатства вопросовъ, возбуждаемыхъ разсмотрѣніемъ этой отрасли, и что, ограничиваясь подробнымъ историческимъ изученіемъ какой-нибудь другой семьи или же языка, напримѣръ, семьи славянской, германской, греческой и т. п., можно, собственно говоря, обойтись безъ знанія санскрита; хотя съ другой стороны, никогда не помѣшаетъ усвоеніе себѣ отчетливаго знанія грамматической системы этого стариннаго языка. Но при всемъ томъ слѣдуетъ избѣгать столь распространеннаго рабства передъ санскритомъ и не измѣрять явленій другихъ языковъ санскритскими категоріями.

Б. Грамматикой и систематикой исчерпывается научное изслѣдованіе исторически данныхъ языковъ. Во второмъ отдѣлѣ чистаго языковѣдѣнія разбираются вопросы, лежащіе, внѣ предѣловъ историческихъ данныхъ. Здѣсь говорится о началѣ слова человѣческаго, о первоначальномъ его образованіи, объ общихъ психически-физиологическихъ условіяхъ его непрерывнаго существованія, о вліяніи міросозерцанія народа на своеобразное развитіе языка и наоборотъ о вліяніи языка на міросозерцаніе его носителей, о значеніи языка для психическаго развитія народа и т. п. Многіе изслѣдователи языка относятъ эти вопросы къ антропологии и психологии; но мнѣ кажется, что такъ какъ они касаются языка, то и должны тоже подлежать разсмотрѣнію со стороны языковѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что для ихъ рѣшенія требуются данныя изъ положительной части этой науки, изъ исторіи языка.

Что касается *прикладнаго* языковѣдѣнія, то оно состоитъ:

1) въ примѣненіи данныхъ изъ грамматикъ къ вопросамъ изъ области міеологии (этимологическіе міеы¹⁾), древностей и исторіи

¹⁾ Ср. попытка объяснить библейское сказаніе о Вавилонскомъ столпотвореніи. «In dem letzten Worte sehen wir sogar, wie die Sage von dem Bischof Hatto durch die Volksetymologie veranlasst wird, ähnlich wie man im Pentateuch

культуры вообще (сравненіе словъ, важныхъ въ культурно-историческомъ отношеніи, цвѣтъ котораго составляетъ первобытная или до-историческая исторія, воссоздаваемая при помощи языковѣдѣнія и называемая также лингвистическою палеонтологіей), въ опредѣленіи посредствомъ грамматическихъ изслѣдованій взаимнаго вліянія народовъ другъ на друга и т. д.

2) въ примѣненіи данныхъ изъ систематики къ этнографическимъ и этнологическимъ вопросамъ и къ вопросамъ изъ исторіи народовъ вообще (раздѣленіе языковъ въ связи съ естественнымъ раздѣленіемъ челоѣчества) и пр.; и наконецъ,

3) въ примѣненіи результатовъ изслѣдованія втораго отдѣла (о началѣ языка и т. д.) къ вопросамъ, составляющимъ предметъ антропологии, зоологии и т. п. (при чемъ лингвистика имѣетъ впрочемъ только второстепенную важность).

Въ предшествующемъ изложеніи я старался опредѣлить языковѣдѣніе, указать на его основныя вопросы и представить его внутреннюю организацію, какъ она развилась исторически. Но до сихъ поръ я не ставилъ вопроса, что такое языкъ, а между тѣмъ ясное, хотя бы только отрицательное опредѣленіе его кажется весьма полезнымъ¹⁾.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я считаю необходимымъ отвергнуть самымъ положительнымъ образомъ тотъ предразсудокъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что языкъ есть организмъ. Это мнѣніе создано вслѣдствіе страсти къ сравненіямъ, которою страдаютъ многіе, не обращая вниманія на то очень простое и убѣдительно предостереженіе, что сравненіе не есть еще доказательство. Въ этомъ проявляется желаніе помощью сравненій избѣгать настоящаго, серіознаго анализа. Отсюда ученое пустословіе, ученое фразерство, которое вводить въ заблужденіе людей не только поверхностныхъ, но даже и

---

mehrere dergleichen etymologischen Sagen, die Mythe vom babylonischen Thurmbau (die bekanntlich nur auf der falschen Anknüpfung des Namens Babel an hebr. bālal beruht) an der Spitze, längst erkannt hat. (*Förstemann*, Über deutsche Volksetymologie, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* etc. von *Aufrecht* und *Kuhn*, I. 6).

¹⁾ При этомъ необходимо помнить очень справедливое изрѣченіе, что *omnis definitio periculosa*, и поэтому стремиться не къ реальной дефиниціи (опредѣленію), которая въ сжатомъ выраженіи заключала бы *implicite* всѣ свойства языка, такъ какъ эти свойства можно узнать только изслѣдуя подробности, а нужно стараться дать дефиницію номинальную, и указывающую только на предметъ, но не предрашающую а priori всѣхъ его свойствъ и особенностей.

очень основательно думающихъ. Не вдаваясь въ болѣе подробный разборъ и критику того положенія, что языкъ есть организмъ, и не стараясь опредѣлить сущность организма, я замѣчу только, что организмъ, подобно и неорганическимъ веществамъ, есть нѣчто осязаемое, наполняющее собою извѣстное пространство, а съ другой стороны—питающееся, размножающееся и т. д. ¹⁾ Между тѣмъ, когда человѣкъ говоритъ (а вѣдь отъ этого и зависитъ существованіе языка), мы замѣчаемъ прежде всего движеніе его органовъ; это движеніе органовъ вызываетъ движеніе воздуха, а различія этого движенія обуславливаютъ различія впечатлѣній, производимыхъ на чувства слушателя и говорящаго и связаны съ извѣстными представленіями въ умѣ какъ говорящаго, такъ и слушателя ²⁾. Кто считаетъ

¹⁾ Организмъ мы можемъ наблюдать глазами, языкъ же — слухомъ; передъ глазами онъ только въ книгахъ, но вѣдь это не языкъ, а только его изображеніе помощью начертаній (буквъ или т. п.). Организмъ всегда весь на лицо; онъ существуетъ непрерывно со времени своего рожденія по начало его разложенія, называемое смертью. Языкъ какъ цѣлое существуетъ только *in potentia*. Слова не тѣла и не члены тѣла: они появляются какъ комплексы знаменательныхъ звуковъ, какъ знаменательныя созвучія только тогда, когда человѣкъ говоритъ, а какъ представленія знаменательныхъ созвучій они существуютъ въ мозгѣ, въ умѣ человѣка только тогда, когда онъ ими думаетъ.

²⁾ «Слово представляетъ наблюденію прежде всего двѣ стороны, звуковую «форму и функцію, которыя, какъ тѣло и духъ въ природѣ, не являются никогда «отдѣльно, и даже въ дѣйствительности невозможно раздѣлить ихъ безъ ихъ «обоюднаго уничтоженія». (*Die Wurzel AK im Indogermanischen von Dr. Johannes Schmidt etc. Weimar, 1865, стр. 2*). «Форма и содержаніе, звукъ и мысль такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что ни одна изъ этихъ двухъ частей не можетъ подвергнуться перемѣнѣ, не вызвавъ соответственной перемѣны «и въ другой» (*ibidem, стр. 1*). Въ этомъ взглядѣ на природу языка очевидно недостаетъ чего-то связывающаго созвучіе и значеніе, а именно недостаетъ представленія созвучія, какъ внутреннего отраженія вѣншей стороны слова. Этотъ недостатокъ есть слѣдствіе разсматриванія языка въ отвлеченія отъ человѣческаго организма. Интересно узнать, гдѣ именно является такимъ необходимымъ образомъ звуковая форма при мышленіи, писаніи, которыя все-таки не могутъ обойтись безъ такъ-называемой «функція словъ: эти процессы совершаются посредствомъ соединенія представленія предмета (значенія) съ представленіемъ созвучія (при писаніи еще съ представленіемъ видимыхъ начертаній, сопровождаемыхъ соответственными движеніями руки), но безъ слышимаго созвучія. Мало того: вѣдь когда говорить глухонемой, то-есть, когда онъ производятъ слышимыя опредѣленныя движенія волнъ воздуха, онъ производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе звуковой формы только въ ухѣ слушателя; для него же самого такъ-называемая функція тѣсно связана не съ созвучіями и представленіями этихъ созвучій, но съ извѣстными движеніями органовъ и съ представ-

языкъ организмъ, тотъ олицетворяетъ его, разсматривая его въ совершенномъ отвлеченіи отъ его носителя, отъ человѣка, и долженъ признать вѣроятнымъ разказъ одного Француза, что въ 1812 г. слова не долетали до уха слушателя и мерзли на половинѣ дороги. Вѣдь если языкъ есть организмъ, то должно быть, это организмъ очень нѣжный, и словамъ, какъ частямъ этого организма, не выдержать сильнаго русскаго мороза.

Я не стану разбирать всѣхъ ошибокъ и заблужденій, прямо или косвенно вытекающихъ изъ того предубѣжденія, что языкъ есть организмъ ¹⁾, и прежде чѣмъ выскажу окончательное опредѣленіе языка, обращу предварительно вниманіе, съ одной стороны, на различіе рѣчи человѣческой вообще, какъ собранія всѣхъ языковъ, которые только гдѣ-нибудь и когда-нибудь существовали, отъ отдѣльныхъ языковъ,

деніями этихъ движеній; какое же дѣйствіе производить эти движенія органовъ на воздухъ и затѣмъ на ухо, для глухонѣмого вполне непонятно. Кроме того, можно встрѣтить людей, которые безъ помощи учителя изучаютъ, напримѣръ, англійскій языкъ (звуки котораго передаются очень сложною и трудно-изучаемою орфографіей) просто глазомъ, и у нихъ такъ-называемая функція англійскихъ словъ соединяется не съ звуковою формою этихъ словъ, а съ обозначающими ее начертаніями (ср. замѣчу видимыхъ музыкальныхъ нотъ на осматриваемыхъ при обученіи слѣпыхъ искусственной музыкѣ). А развѣ, съ другой стороны, для человѣка, который одаренъ хорошимъ слухомъ, но не понимаетъ извѣстнаго иностраннаго языка, значеніе (функція) связано неотъемлемо со звукомъ? Можетъ быть впрочемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ звуковая форма и функція соединяются мистически, безъ участія заинтересованныхъ (или говорящихъ но не слышащихъ, или читающихъ глазами, или наконецъ слушающихъ но не понимающихъ) индивидуумовъ. Изрѣченія, приведенныя мною въ началѣ этого примѣчанія, имѣютъ своимъ источникомъ узкій, фальшиво понятый мнѣзмъ, послѣдовательное примѣненіе котораго уничтожило бы понятія и о народженіи и о жизни и о смерти организмовъ и даже о самихъ организмахъ. Вѣдь при мертвыхъ организмахъ внѣшняя форма (внѣшній видъ и составъ тѣла) остается почти неизмѣнною, а исчезаетъ только ихъ основная функція, уступая мѣсто другимъ функціямъ, какъ производительнымъ факторамъ новыхъ организмовъ.

¹⁾ Можетъ-быть, мнѣ въ скоромъ времени представится возможность разобрать подробнѣе и критически какъ самый предрасудокъ, что языкъ есть организмъ, такъ и другія, находящіяся съ нимъ въ связи, предубѣжденія ученыхъ, напримѣръ, что языковѣдѣніе есть наука естественная (въ смыслѣ ботаники и зоологіи), что оно совершенно различно отъ филологіи, что языкъ и исторія находятся другъ къ другу въ отношеніи противорѣчія и противоположности и т. д., Тогда я постараюсь тоже указать и на нѣкоторыя другія заблужденія, на нѣкоторыя другія ложныя понятія о языкѣ и языковѣдѣніи, частью безсознательно родившіяся въ массахъ, частью же сознательно выработанныя.

нарѣчій и говорювь, и наконецъ отъ индивидуальнаго языка отдѣльнаго человѣка ¹⁾, съ другой же стороны — на различіе языка какъ опредѣленнаго комплекса извѣстныхъ составныхъ частей и категорій, существующаго только *in potentia* и въ собраніи всѣхъ индивидуальных отгѣнковъ ²⁾, отъ языка какъ непрерывно повторяющагося процесса, основывающагося на общительномъ характерѣ человѣка и его потребности воплощать свои мысли въ ощущаемые продукты собственнаго организма и сообщать ихъ существамъ ему подобнымъ, то есть, другимъ людямъ (языкъ — рѣчь — слово человѣческое).

Взвѣсивъ все сказанное мною, равно какъ и все не досказанное и даже вовсе не высказанное, я дѣлаю слѣдующее опредѣленіе языка:

Языкъ есть слышимый результатъ правильнаго дѣйствія мускуловъ и нервовъ ³⁾.

Или же:

Языкъ есть комплексъ членораздѣльныхъ и знаменательныхъ звуковъ и созвучій, соединенныхъ въ одно цѣлое чутьемъ извѣстнаго народа (какъ комплекса (собранія) чувствующихъ и бессознательно обобщающихъ единицъ) и подходящихъ подъ ту же категорію, подъ то же видовое понятіе на основаніи общаго имъ всѣмъ языка.

Анализъ языка будетъ предметомъ нашихъ занятій.

¹⁾ Индивидуальный языкъ отдѣльнаго человѣка можно разсматривать по отношенію къ качеству (способъ произношенія, извѣстныя слова, формы и обороты, свойственные данному индивидууму и т. п.), и по отношенію къ количеству (запасъ выраженій и словъ, употребляемыхъ этимъ даннымъ индивидуумомъ). Относительно послѣдняго ср. *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Von Max Müller, etc. Für das deutsche Publicum bearbeitet von Dr. Carl Böttger etc. Zweite Auflage. Leipzig, 1866. I, стр. 227 — 228.* — Нужно тоже обратить вниманіе на различіе языка торжественнаго и обыденнаго, семейнаго и общественнаго, и вообще на различіе языка въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, на различіе языка общаго и языка специалистовъ, на измѣненія языка сообразно съ разнымъ настроеніемъ человѣка: языкъ чувства, языкъ воображенія, языкъ ума и т. д., и т. д.

²⁾ Съ этой точки зрѣнія языкъ (нарѣчіе, говоръ, даже языкъ индивидуальный) существуетъ не какъ единичное цѣлое, а просто какъ видовое понятіе, какъ категорія, подъ которую можно подогнать извѣстную сумму дѣйствительныхъ явленій. — Ср. тоже различіе науки какъ идеала, какъ суммы всѣхъ научныхъ данныхъ, изслѣдованій и выводовъ, отъ науки какъ непрерывно повторяющагося научнаго процесса.

³⁾ Языкъ есть одна изъ функцій человѣческаго организма въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Очень можетъ быть, что многое изъ сказаннаго мною трудно было понять. Въ такомъ случаѣ да послужитъ мнѣ извиненіемъ то обстоятельство, что въ общей вступительной лекціи я могъ только ставить вопросы и высказывать общія положенія и выводы, разбору и доказательству которыхъ будутъ посвящены мои послѣдующія чтенія. Тогда и непонятныя нынѣ техническіе термины объяснятся сами собою.

И. Бодуэнъ де-Куртенъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ, за 1870 годъ ¹⁾).

При обзорѣ трудовъ Академіи за минувшій годъ первое слово наше да будетъ посвящено памяти тѣхъ изъ членовъ нашихъ, которыхъ не стало между нами, и которыхъ кончина налагаетъ на насъ обязанность почитать ихъ признательнымъ воспоминаніемъ.

Изъ числа нашихъ почетныхъ членовъ скончались: А. Н. Демидовъ ²⁾, щедрый покровитель искусствъ и наукъ, и баронъ Ф. П. Врангель ³⁾, оставившій по себѣ славное имя въ лѣтописяхъ русскаго флота и въ исторіи тѣхъ трудныхъ и опасныхъ путешествій, которыми завоевываются для науки невѣдомыя страны.

Со списка членовъ-корреспондентовъ нашихъ исчезли:

Ламе ⁴⁾, даровитый математикъ, обогатившій высшую геометрію, теорію чиселъ, интегральное исчисленіе, и въ особенности, математическую физику, важными трудами и оказавшій услугу Россіи тѣмъ, что онъ, состоя въ двадцатыхъ годахъ профессоромъ при институтѣ корпуса путей сообщенія, мастерскимъ преподаваніемъ разныхъ частей математики и физики способствовалъ образованію нашихъ молодыхъ инженеровъ той эпохи;

Магнусъ ⁵⁾, знаменитый Берлинскій физикъ, доставившій своими экспериментальными изслѣдованіями основныя данныя для ученія о

---

¹⁾ Читанъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи К. С. Веселовскимъ въ торжественномъ собраніи ея 29-го декабря 1870 года.

²⁾ 16-го апрѣля новаго стиля, въ Парижѣ.

³⁾ 25-го мая, въ Дерптѣ.

⁴⁾ Скончался 1-го мая н. ст., въ Парижѣ.

⁵⁾ Сконч. 4-го апрѣля н. ст., въ Берлинѣ.

теплотѣ; довольно вспомнить превосходныя изысканія его объ упру-
гости водяныхъ паровъ, о расширеніи воздуха, о лучистой теплотѣ;

Штейнгель ¹⁾, которому теорія электромагнитныхъ телеграфовъ и
устройство оптическихъ инструментовъ обязаны многими весьма важ-
ными успѣхами;

Мирза А. К. Казембекъ ²⁾, отличный знатокъ восточной литера-
туры, съ глубокимъ мусульманскимъ образованіемъ соединявшій осно-
вательное знакомство съ ученостію европейскою;

И. А. Бартоломей ³⁾, знавшій любитель и собиратель древностей
Кавказа, съ особеннымъ пристрастіемъ занимавшійся восточною ну-
мизматикою;

Флюгаль ⁴⁾, оставившій себѣ имя изслѣдованіями по арабской
исторіи и литературѣ, глубокой знатокъ восточной библіографіи;

и Мейнеке ⁵⁾, занявшій, критическою обработкою весьма многихъ
греческихъ писателей, мѣсто въ ряду первостепенныхъ филологовъ
нашего времени.

Наконецъ, Академію постигли горестныя потери и между ея дѣй-
ствительными членами.

8-го іюня смертельная болѣзнь свела въ могилу Н. Г. Устрялова
и положила донецъ дѣятельности, отъ которой можно было ожидать
еще многого для русской исторіи. Біографія ученаго большею частью
не представляетъ интересныхъ эпизодовъ, такъ какъ жизнь, отданная
наукѣ, почти всегда однообразно протекаетъ въ стѣнахъ кабинета, и
все ея проявленіе сосредоточивается въ однихъ литературныхъ тру-
дахъ. Такова была и жизнь Устрялова.

Николай Герасимовичъ родился 4-го мая 1805 года, въ Калужской
губерніи, въ Малоярославецкомъ уѣздѣ. Получивъ образованіе въ
Орловской гимназій, а затѣмъ въ здѣшнемъ университетѣ, онъ, въ
1824 г., поступилъ на гражданскую службу; но вскорѣ замѣтилъ, что
она не составляетъ его призванія: природная склонность влекла его
въ иную сторону. Поэтому онъ сталъ искать должности преподавателя,
при которой представлялось бы болѣе удобствъ для ученыхъ занятій.
Въ 1827 г. Устряловъ получилъ по конкурсу мѣсто старшаго учителя
исторіи въ 3-й С.-Петербургской гимназій, а черезъ два года послѣ

¹⁾ Сконч. 14-го сентября н. ст., въ Мюнхенѣ.

²⁾ Сконч. 27-го ноября, въ С.-Петербургѣ.

³⁾ Сконч. 5-го октября, въ Тюлисѣ.

⁴⁾ Сконч. 5-го іюля н. ст., въ Дрезденѣ.

⁵⁾ Сконч. въ декабрѣ, въ Берлинѣ.

того онъ былъ приглашенъ въ здѣшній университетъ, для преподаванія русскаго языка въ званіи лектора. Находя особое удовольствіе въ изученіи всего, что относится до нашей старины, онъ мало по малу сосредоточивалъ свое чтеніе и помыслы на русской исторіи, и когда почувствовалъ въ себѣ достаточно силы для того, чтобы выступить самому дѣятелемъ въ этой области, то естественнымъ образомъ обратился къ изданію малозвѣстныхъ до того времени историческихъ источниковъ. Первымъ его трудомъ по этой части былъ переводъ сочиненія Маржерета о Россіи, изданный въ 1830 году, съ объясненіями и примѣчаніями. Вскорѣ за тѣмъ появились его столь извѣстныя „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (1832, въ 5 частяхъ) и „Сказанія Князя Курбскаго“ (1833, въ 2 томахъ). Всѣмъ памятно, съ какимъ живымъ интересомъ были приняты всею читающею публикой эти сочиненія: каждое изъ нихъ имѣло по три изданія—честь, которой рѣдко удостоиваются ученые труды. Двѣ Демидовскія преміи, полученныя отъ Академіи, и каедрны въ педагогическомъ институтѣ, военной академіи и морскомъ корпусѣ, были для Устрялова плодами извѣстности, доставленной ему означенными сочиненіями. Нѣсколько прежде, а именно въ 1831 году, онъ перешелъ въ университетъ съ мѣста лектора русскаго языка на специальность, въ которой заявилъ себя уже столь счастливымъ началомъ, а именно на кафедрѣ исторіи всеобщей, а также и русскаго. По свидѣтельству университетскаго историка ¹⁾, первый отдѣлъ мало занималъ его, и онъ преподавалъ его лишь по обязанности; но совершенно иначе принялся онъ за лекціи русскаго исторіи, которую съ 1834 г. и сталъ читать исключительно. Тутъ, впервые послѣ Руничевскаго погрома, въ аудиторіяхъ университета услышали умное, пересмысленное мѣткими выраженіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно научное, историческое изложеніе. Введеніе, заключавшее въ себѣ подробное перечисленіе источниковъ и критическую оцѣнку совершенныхъ по русской исторіи работъ, поразило слушателей, въ особенности, какъ новость, впервые открывшая имъ путь къ самостоятельнымъ занятіямъ. Разказъ о событіяхъ онъ излагалъ съ предварительнымъ разборомъ источниковъ и съ указаніемъ на ошибки и несправильные взгляды позднѣйшихъ писателей; многое, о чемъ до него мало кто думалъ, получило мѣсто

¹⁾ Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная В. В. Григорьевымъ. С.-Пб. 1870, стр. 91.

въ его изысканіяхъ, было передаваемо его слушателямъ и сдѣлалось окончателно достояніемъ науки. Таковъ взглядъ его на удѣльный періодъ, на Западную Русь и Литовское княжество, на отношенія Россіи къ Польшѣ, на унію и ея послѣдствія. Основныя идеи свои о русской исторіи и о томъ, что составляетъ ея сущность, Устряловъ изложилъ въ разсужденіи о системѣ прагматической русской исторіи (С.-Петербургъ, 1836 г.). Это сочиненіе доставило автору ученую степень доктора и открыло двери въ Академію. Еще до поступленія своего въ нее, Устряловъ, видя недостатокъ въ педагогической литературѣ хотя сколько-нибудь удовлетворительнаго руководства по своему предмету, предпринялъ пополнить этотъ пробѣлъ и въ два года написалъ „Русскую Исторію“ въ пяти томахъ, появившюся въ свѣтъ въ 1837—1841 годахъ. Въ то же время онъ составилъ и два краткіе учебника, одинъ для гимназій, другой для уѣздныхъ училищъ. Всѣ три руководства были признаны отъ министерства народнаго просвѣщенія удовлетворяющими предположенной цѣли, и автору ихъ выдана въ 1843 году премія въ 10.000 руб. асс., назначенная въ 1836 г. по Высочайшему повелѣнію за лучшее, по конкурсу, сочиненіе по русской исторіи. Эти руководства выдержали по многу изданій и послужили источникомъ свѣдѣній о минувшихъ судьбахъ нашего отечества для нѣсколькихъ поколѣній учащейся молодежи. Въ видѣ дополненія къ послѣдней части своей пространной исторіи, Устряловъ въ 1847 г. издалъ „Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая I“, по рукописи, исправленной во многихъ мѣстахъ самимъ Государемъ. Оно возбуждало сильное любопытство не только въ Россіи, но и повсюду за границей и было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Но самымъ важнымъ трудомъ Устрялова, трудомъ, которому онъ почти исключительно посвятилъ послѣдніе 23 года своей жизни, была, какъ извѣстно, „Исторія царствованія Петра Великаго“, къ прискорбію, оставшаяся не оконченною. Эту книгу читалъ каждый грамотный русскій, не потому что авторомъ ея Устряловъ, а потому, что въ ней повѣствуется о дѣяніяхъ великой, дорогой для насъ, исторической личности. Значеніе Петра для Россіи таково, что отъ вѣрнаго пониманія его эпохи зависитъ изложеніе и послѣдующей исторіи нашей: движеніе, сообщенное всей нашей государственной и народной жизни могучимъ гениемъ преобразователя, было столь сильно и плодотворно, что оно шло черезъ все прошедшее столѣтіе. Тою же рукою, которая рубила головы упрямому невѣжеству, онъ, съ отеческою заботливостію, лелѣлъ брошенные имъ на Русскую землю сѣмена просвѣщенія —

того просвѣщенія, которое мы развиваемъ и понимѣ, когда Россія идетъ все по тому же пути, который указалъ ей.

Тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Бто придалъ мощный бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Понятно, что правдивая и полная исторія Петра составляетъ для насъ истинную потребность. Но подобная исторія возможна лишь тогда, когда предварительно отысканы, приведены въ порядокъ и очищены критикою всѣ нужные для нея источники, и когда зрѣлость общественной мысли позволяетъ спокойно и безпристрастно относиться къ отдаленнымъ событіямъ, столь близкимъ еще нашему сердцу. Понятно, что время для таковой исторіи Петра еще и теперь не настало; сколь же яснѣе долженъ былъ это сознавать Устряловъ, когда двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, приступая къ своему труду, обдумывалъ его планъ и характеръ? Не автору разсужденія о системѣ прагматической русской исторіи было не знать, до какой степени правильное изображеніе событій зависитъ отъ полноты и вѣрности источниковъ; не ему было сомнѣваться въ томъ, что однимъ, даже искуснымъ, подборомъ выписокъ изъ архивныхъ документовъ, нельзя создать живую картину прошедшаго; что отдѣльные факты исторіи не суть цвѣтныя стекла, которыя, будучи просто прилѣплены другъ къ другу, дадутъ мозаическую картину; но что, напротивъ, это краски, которыя должны на палитрѣ подвергнуться видоизмѣненіямъ, для того, чтобы помощію ихъ историкъ-художникъ могъ свободно рукою начертать, въ гармоническихъ линияхъ и съ соблюденіемъ вѣрнаго тона, полную картину жизни народной.

Тотъ преобладающій объемъ, который Устряловъ, въ своей Исторіи Петра, далъ подлиннымъ документамъ, и то стараніе, съ которымъ, въ текстѣ своего разказа, онъ самъ спрятался за своими выписками, такъ что, по выраженію одного критика, его и не видать въ пыли архивныхъ документовъ, доказываютъ справедливость нашего замѣчанія. Такимъ образомъ, главною цѣлію Устрялова было извлечь на свѣтъ, если не всѣ (ибо это было бы выше силъ одного человѣка), то по крайней мѣрѣ весьма многіе, новыя и важныя источники для исторіи Петровской эпохи; и если, не ограничившись этою задачею, онъ попытался осмыслить свидѣтельства этихъ источниковъ связнымъ разказомъ, то единственнымъ побужденіемъ его было желаніе, по мѣрѣ возможности, хотя бы временно, удовлетворить потребности совре-

менваго общества читать исторію Петра. Въ этомъ отношеніи, заслуга Устрялова останется незабвенною. Сколько ни было бы обнаружено въ послѣдствіи новыхъ источниковъ для Петровской исторіи, и какъ бы ни измѣнялся взглядъ на эту эпоху—сочиненіе Устрялова, какъ богатый сборникъ матеріаловъ, никогда не утратитъ своей цѣны, такъ какъ личность Петра никогда не потеряетъ своего великаго значенія для Россіи. Этой именно важности труда Устрялова не уменьшать никакія критики, въ которыхъ до сихъ поръ не было недостатка; отъ нихъ великій Петръ

щитомъ его закроетъ

И въ храмъ безсмертія проведетъ.

23-го іюля скончался, послѣ тяжкой болѣзни, ординарный академикъ по части ботаники Францъ Ивановичъ Рупрехтъ. Для всѣхъ, знавшихъ его, имя это связано съ воспоминаніями о человѣкѣ, въ которомъ высокія качества благородной души соединились съ безпрѣдѣльной преданностью наукъ.

Францъ Ивановичъ, старшій сынъ умершаго въ Прагѣ интендантскаго чиновника австрійской службы, родился въ Фрейбургѣ, въ Бризгаускомъ округѣ, 1-го ноября 1814 года, въ ту эпоху, когда имперія Наполеона наполняла бѣдствіями войны всю Европу. Первые годы его дѣтства прошли среди тревогъ походной жизни, такъ какъ онъ находился при отцѣ, сопровождавшемъ армію. Послѣ низложенія Наполеона и по водвореніи мира, семейство его поселилось въ Прагѣ, гдѣ молодой Рупрехтъ прошелъ курсъ ученія въ гимназіи, а потомъ въ знаменитомъ тамошнемъ университетѣ (1830—1836 гг.). Усердно изучая здѣсь медицину, какъ хлѣбное занятіе, онъ въ то же время еще съ большимъ усердіемъ предавался ботаникѣ, къ которой увлекала его природная склонность. Еще будучи студентомъ, онъ предпринималъ экскурсіи въ Тирольскія Альпы и въ разныя мѣста Богеміи, старательно собралъ не мало рѣдкостей для Рейхенбаховой „*Floa Germanica exsiccata*“ и составилъ себѣ прекрасный гербарій, уступленный имъ въ послѣдствіи Казанскому университету. Свидѣтельствомъ успѣшности этихъ занятій служить написанное имъ въ 1837 г. сочиненіе о топографическихъ и ботаническихъ условіяхъ Богеміи.

Замѣчательно, что уже въ то время въ немъ проявилась наклонность къ монографическимъ трудамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно занимался онъ изученіемъ злаковъ, вошелъ для этого въ сообщество съ лучшими Пражскими ботаниками, изучилъ для этой же цѣли, во время предпринятаго имъ путешествія по Германіи,

главныя ботаническія коллекціи, и вошелъ въ переписку съ такими знаменитѣйшими учеными, какъ Бауеръ, Шамиссо, Клоцшъ, Кунтъ, Линкъ, Люце, Неезъ-фонъ-Эзенбекъ, и др. Плодомъ этихъ занятій явился его опытъ общей агростографіи (*Tentamen agrostographiae universalis*), вполне оригинальный трудъ, отличающійся во всѣхъ частяхъ своихъ самостоятельностью изслѣдованія, отсутствіемъ компиляторства, точностью и естественностью группировки видовъ, родовъ и семействъ, выразительною краткостью діагнозовъ и превосходными таблицами, облегчающими общій обзоръ предмета. Два семейства злаковыхъ растений (*Panicaceae* и *Rottbaliaceae*) послужили содержаніемъ небольшого разсужденія, которое онъ въ августѣ 1838 г. защищалъ на степень доктора; въ немъ уже замѣтны главныя изъ качествъ, какими отличаются послѣдующіе труды Рупрехта.

Бывшее въ 1837 году въ Прагѣ собраніе германскихъ естествоиспытателей и врачей подало Рупрехту случай познакомиться съ знаменитымъ агростографомъ, нашимъ академикомъ Триніусомъ, который, по достоинству оцѣнивъ его, предложилъ ему мѣсто хранителя ботаническаго музея Академіи. Вслѣдствіе этого Рупрехтъ, едва начинавшій въ Прагѣ карьеру практическаго врача, оставилъ свою родину и прибылъ весною 1839 г. въ Петербургъ. Здѣсь открылось предъ нимъ обширное поприще для полезной дѣятельности. Основанный и устроенный Триніусомъ при нашей Академіи ботаническій музей получалъ, посредствомъ покупокъ, путешествій и даровыхъ приношеній, въ сравнительно короткое время, необыкновенное обогащеніе; въ немъ лежали не только чрезвычайныя сокровища еще не обработанныхъ матеріаловъ для познанія столь мало еще извѣстной русской флоры, но и богатая коллекціи изъ всѣхъ частей свѣта, ожидавшія обработки, тогда какъ для ученыхъ занятій надъ ними въ Академіи находились только Триніусъ и Бонгардъ, изъ которыхъ одинъ посвятилъ себя почти исключительно агростографіи, а ученая дѣятельность другаго была прервана преждевременною смертію. Такимъ образомъ Рупрехтъ сдѣлался единственнымъ распорядителемъ музея. Нужно было съ его стороны много энергіи и трудолюбія, чтобы, при исполненіи всѣхъ обязанностей хранителя столь огромнаго собранія, находить еще время для трудовъ, имѣющихъ цѣлью дальнѣйшіе успѣхи науки.

Въ самый день официальнаго утвержденія своего въ званіи хранителя музея, Рупрехтъ уже представилъ Академіи подробную монографію бамбузовыхъ растений, занявшую, вмѣстѣ съ послѣдующими

его трудами о злаковыхъ растеніяхъ, почетное мѣсто возлѣ столь извѣстныхъ агростографическихъ трудовъ Триніуса. Еще большее вниманіе ученаго свѣта обратило на себя другое, болѣе обширное сочиненіе Рупрехта о водоросляхъ Сѣвернаго Тихаго Океана, которое было первое въ своемъ родѣ, послѣ превосходной „Historia Fucorum“ Гмелина; главнымъ основаніемъ для этого сочиненія послужили растенія, собранныя во время знаменитаго кругосвѣтнаго плаванія нашего почтеннаго президента и срисованныя съ натуры А. Ф. Постельсомъ.

Академія удостоила это сочиненіе высшей награды, какою она располагала — полной Демидовской преміи; но для Рупрехта эта награда была дорога лишь какъ средство для дальнѣйшихъ трудовъ на пользу науки: сумма денегъ, составляющая эту премію, была употреблена имъ на путешествіе по Архангельской губерніи, въ тундру Самоѣдскую и на островъ Кѳлгуевъ. Богатство собранныхъ имъ здѣсь наблюденій и ботаническихъ коллекцій поразительно. Сочиненіе, посвященное обработкѣ и изложенію ихъ, вмѣстѣ съ другимъ позднѣйшимъ сочиненіемъ Рупрехта о флорѣ Сѣвернаго Урала, написанной по матеріаламъ Уральской экспедиціи Русскаго Географическаго общества, составляютъ первую полную и до сихъ поръ единственную картину растительности крайняго сѣвера Европейской Россіи.

Не смѣю утомлять ваше, мм. гг., вниманіе перечисленіемъ всѣхъ главнѣйшихъ работъ покойнаго Рупрехта; основательную оцѣнку ихъ любителя ботаники найдутъ въ біографіи Рупрехта, написанной моимъ сочленомъ, К. И. Максимовичемъ, и въ скоромъ времени имѣющей выйдти въ свѣтъ. Число всѣхъ ихъ простирается до 80, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ размѣръ объемистыхъ томовъ. Всѣ онѣ отличаются основательностью ученой критики и потому останутся прочнымъ приобрѣтеніемъ для науки; для Россіи же онѣ представляютъ то особенное значеніе, что содержатъ въ себѣ богатый запасъ для познанія растительности разныхъ частей нашего отечества. Съ этой точки зрѣнія, заслуживаютъ упоминовенія, кромѣ тѣхъ сочиненій, о которыхъ мы уже говорили, „Флора Петербургской губерніи“ — одно изъ самыхъ оригинальныхъ твореній Рупрехта, и „Флора Кавказа“, въ которой изложены плоды путешествія, совершеннаго имъ въ Дагестанъ въ послѣдніе годы жизни, изъ котораго онъ привезъ зачатки болѣзни, сократившей его дни.

Сказавъ о трудахъ и заслугахъ Рупрехта, какъ ученаго, вспомнимъ о немъ и какъ о человѣкѣ. Люди, которыхъ вся жизнь бываетъ

заменута въ мірѣ умозрѣній, и которые почти исключительно вращаются въ области вопросовъ науки, гдѣ законно только то, что разумно и справедливо, — такіе люди часто теряютъ масштабъ для оцѣнки явленій практической жизни, слагающейся большею частію изъ разнаго рода сдѣлокъ съ обстоятельствами. Эти люди обыкновенно сливуть за чудаковъ. Такимъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ, могъ казаться и Рупрехтъ. Но для всякаго, кто зналъ его ближе, подъ наружностью странности, въ немъ скрывались прекрасныя качества души: непоколебимая честность и прямота, истинная скромность, преданность своему долгу и непоколебимая твердость убѣжденій. Преданность наукѣ простиралась въ немъ до забвенія собственныхъ выгодъ и интересовъ своего семейства. Оно осталось бы послѣ него въ крайности, если бы наше правительство, справедливо цѣнящее ученныя заслуги, не послѣшило на помощь сиротамъ Рупрехта назначеніемъ для нихъ щедрой пенсіи.

Переходимъ къ трудамъ, которымъ были посвящены наши за-сѣданія.

Математическіе труды, напечатанные въ нынѣшнемъ году въ изданіяхъ Академіи, большею частію относятся къ вопросамъ весьма спеціальнымъ и по преимуществу отвлеченнымъ; о такихъ изслѣдованіяхъ, представляющихъ особенный интересъ для геометровъ, къ сожалѣнію, невозможно дать надлежащее понятіе въ краткой бесѣдѣ, имѣющей цѣлю начертать только общую картину нашихъ занятій. Таковы, между прочимъ, по содержанію своему, три записки о теоріи чиселъ: двѣ изъ нихъ представлены академикомъ Буняковскимъ, и одна г. Золотаревымъ, приватъ-доцентомъ здѣшняго университета. Знаменитый германскій математикъ Гаусъ первый нашелъ аналитическую формулу для рѣшенія вопроса, имѣющаго особенно важное значеніе въ наукѣ о числахъ. Задача состоитъ въ опредѣленіи признака, по которому можно судить, будетъ-ли данное число квадратичнымъ или не квадратичнымъ вычетомъ относительно даннаго модуля. Другаго рѣшенія, основаннаго на употребленной Гаусомъ численной функціи, до сихъ поръ не было. Г. Буняковскій вывелъ новую формулу, рѣшающую упоминаемый основной вопросъ, при чемъ введенныя имъ въ вычисленіе вспомогательныя величины, во многихъ случаяхъ, значительно облегчаютъ выкладки. Сверхъ того, аналитичскіе приемы автора привели, самымъ естественнымъ путемъ, къ есвымъ любопытнымъ предложеніямъ по предмету теоріи вычетовъ и

первообразныхъ корней простыхъ чиселъ¹⁾. Въ другой запискѣ²⁾, тотъ же академикъ опредѣлилъ зависимость между двумя численными функциями, именно: между суммами дѣлителей всѣхъ слагаемыхъ даннаго числа и совокупностию разложеній этого самого числа на цѣлыя слагаемыя. Изъ формулы, выражающей эту зависимость, г. Буяковскій вывелъ нѣкоторыя не безинтересныя слѣдствія.

Вопросами о взаимныхъ соотношеніяхъ различныхъ численныхъ функций въ послѣдніе годы съ особенною любовію и пристрастіемъ занимался извѣстный французскій математикъ, членъ Парижскаго института, Лиувиль. Въ издаваемомъ имъ математическомъ журналѣ помѣщено множество найденныхъ имъ предложеній о функцияхъ такого рода, но почти всегда безъ доказательствъ, которыя составляли его тайну. Изъ отечественныхъ математиковъ, профессоръ Московскаго университета г. Бугаевъ, въ равныхъ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ Московскомъ *Математическомъ сборникѣ*, а также и нашъ академикъ Буяковскій³⁾, доказали многія изъ этихъ теоремъ. Г. Золотаревъ, въ запискѣ, недавно представленной имъ въ Академію⁴⁾, предложилъ также доказательство одной изъ подобныхъ формулъ, Лиувилля, основываясь при этомъ на нѣкоторыхъ свойствахъ эллиптическихъ функций. Такимъ образомъ тайна французскаго математика теперь уже во многомъ разоблачена.

По предмету интегральнаго исчисленія, укажемъ на трудъ академика Перевощикова объ интегрированіи двучленныхъ дифференціаловъ⁵⁾, и на записку академика Сомова объ общемъ способѣ приближительнаго спрямленія какихъ ни есть кривыхъ линий⁶⁾. Способъ этотъ, весьма примѣчательный по простотѣ своей и по степени приближительности получаемыхъ результатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ очень удобенъ какъ для вычисленія, такъ и для построенія величинъ спрямляемыхъ дугъ. Найденный г. Сомовымъ приемъ можетъ имѣть многочисленныя приложенія при рѣшеніи практическихъ вопросовъ, въ особенности въ начертательной геометріи, практической механикѣ и

¹⁾ Записка объ этомъ предметѣ читана 13-го января, см. *Bulletin*. Т. XIV, р. 497.

²⁾ Чит. 15-го сентября. *Записки Академіи*, Т. XVIII, стр. 20.

³⁾ См. между прочимъ: *Recherches sur quelques fonctions numériques. Mémoires*, VII Série, Т. IV, 1861.

⁴⁾ 10-го ноября; эта записка появится въ *Бюллетенѣ* и *Запискахъ Академіи*.

⁵⁾ Читанъ 10-го іюня; появится въ *Запискахъ Академіи*.

⁶⁾ Читана 24-го марта. *Записки Академіи*. Т. XVIII, стр. 25; *Bulletin* Т. XV, р. 257.

въ архитектурѣ. Изъ него вытекаетъ, какъ частный случай, правило, данное еще Гюгенсомъ, которое, какъ извѣстно, относится только къ спрямленію круговыхъ дугъ. Въ интегральному жъ изчисленію относится записка г. Жибиковскаго: простѣйшій выводъ формулы Эйлера съ остаткомъ ¹⁾). Въ этой статьѣ авторъ даетъ разложеніе въ рядъ междупредѣльнаго интеграла въ конечныхъ разностяхъ съ интегральнымъ остаткомъ. Далѣе, изъ этого дополнительнаго члена, весьма общаго по виду, онъ выводитъ безъ затрудненія всѣ извѣстныя выраженія упоминаемаго остатка, найденныя Пуассономъ, Якоби, Остроградскимъ и Мальженомъ.

По механикѣ укажемъ на замѣчательное открытіе г. Линкина, который придумалъ механизмъ, служащій для совершенно точнаго превращенія прямолинейнаго движенія въ вращательныя и тѣмъ рѣшилъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ кинематики ²⁾). Кроме того, мы помѣстили въ нашихъ изданіяхъ изслѣдованія г. Попова о видѣ свободной поверхности постоянной струи однородной жидкости, подлежащей дѣйствию тяжести и вытекающей изъ круглаго горизонтальнаго отверстія ³⁾.

Наконецъ, упомянемъ о десятизначныхъ логарифмическихъ таблицахъ, составленныхъ г. Пинето; Академія положила ихъ издать, въ уваженіе той пользы, которую онѣ будутъ имѣть для занимающихся математическими вычисленіями ⁴⁾.

Во главѣ трудовъ по части астрономіи первое мѣсто по праву принадлежитъ изданію большихъ рядовъ наблюденій Николаевской главной обсерваторіи. Это предпріятіе, о которомъ мы ужъ имѣли случай говорить въ прежнихъ нашихъ отчетахъ, успѣшно подвигается впередъ. Въ нынѣшнемъ году появился 3-й томъ ⁵⁾, содержащій въ себѣ преимущественно наблюденія, произведенныя В. Я. Струве помощью пассажной трубы, установленной въ направленіи перваго вертикала, съ цѣлю опредѣленія постоянныхъ коэффициентовъ абераціи и нутаціи. Во введеніи къ этому тому академикъ О. В. Струве представилъ новыя, подробныя изысканія о свойствахъ этого инструмента, свидѣтельствующія о большой точности полученныхъ помощью его

¹⁾ Чит. 8-го декабря; появится въ *Запискахъ Академіи*.

²⁾ Чит. 22-го декабря; появится въ *Бюллетенѣ*.

³⁾ Чит. 27-го января; *Записки Академіи*. Т. XVII, стр. 29.

⁴⁾ Эти таблицы представлены Академіи 5-го мая; будутъ издаемы особою книгою.

⁵⁾ Представленъ Академіи 8-го декабря.

выводовъ. Въ этомъ же томѣ помѣщена пространныя записка г. Вагнера о способахъ вычисления, употребленныхъ для вывода прямыхъ восхожденій такъ-называемыхъ Пулковскихъ главныхъ звѣздъ, а также окончательно выведенныя положенія всѣхъ другихъ свѣтилъ, опредѣленныя помощью полуденной трубы съ 1842 по 1853 годъ.

Печатаніе 4-го и 5-го томовъ Пулковскихъ наблюденій также почти ужь окончено подъ надзоромъ г. Гюльдена, который, усердно занимаясь этимъ дѣломъ, находилъ еще довольно времени для теоретическихкихъ изслѣдованій. Представленная имъ Академіи записка ¹⁾ посвящена подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общихъ, сдѣланныхъ имъ еще въ прошломъ году, предложеній относительно вычисления возмущеній свѣтилъ. Нынѣшняя его записка, чисто математическаго содержанія, составляетъ начало предпринятаго имъ ряда изысканій по этой части; въ ней предложены развитія нѣкоторыхъ соединеній эллиптическихъ функций, играющихъ важную роль въ теоріи возмущеній.

Въ другой своей запискѣ ²⁾ г. Гюльденъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какое вліяніе на уровень океана въ данномъ мѣстѣ должна имѣть перемѣна высоты полюса, если она происходитъ отъ перемѣщенія оси вращенія земнаго шара: по мнѣнію автора, такое перемѣщеніе могло бы доходить до цѣлыхъ секундъ, не оказывая еще нигдѣ замѣтнаго вліянія на высоту морей. Совершенно иное будетъ, если измѣненіе въ широтѣ произойдетъ отъ мѣстнаго измѣненія въ направленіи силы тяжести, вслѣдствіе перемѣщенія массъ внутри земной коры; существованіе же такихъ перемѣщеній, конечно, должно быть допускаемо, въ особенности въ странахъ, которыя подвержены ощутительному дѣйствію вулканическихъ силъ. Чтобы судить, въ какой степени эти перемѣщенія оказываютъ вліяніе на направленіе отвѣсной линіи, у насъ еще нѣтъ точекъ опоры. Поэтому высокой научный интересъ имѣютъ тщательныя изслѣдованія г. Стебницкаго о притяженіи Кавказскихъ горъ ³⁾. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ югу отъ главнаго хребта, преимущественно въ окрестностяхъ г. Шемахи, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ, не только не обнаруживается притяженія, но даже, напротивъ того, существуетъ какъ бы отталкиваніе отъ наружныхъ

¹⁾ 19-го мая; появится въ *Мемуарахъ*.

²⁾ Читана 8-го декабря; появится въ *Бюллетенѣ*.

³⁾ Читаны 13-го января. *Записки Академіи*. Т. XVII, Приложение № 4; въ извлеченіи—въ *Бюллетенѣ*. Т. XV, стр. 232.

горныхъ массъ, то-есть, отвѣсныя линіи отклоняются въ противоположную отъ нихъ сторону. Такое явленіе даетъ поводъ предполагать неравномѣрное тамъ распредѣленіе массъ внутри земной коры, тогда какъ на сѣверной сторонѣ Кавказа эта кора имѣетъ, повидимому, совершенно нормальное строеніе: здѣсь астрономическія опредѣленія широтъ оказываются вполне согласными съ выводами геодезическими, если при нихъ принято въ расчетъ дѣйствіе видимыхъ неровностей земной поверхности.

Вообще, при той степени точности, какой достигли астрономы въ употребляемыхъ ими средствахъ для измѣренія, и при нынѣшнихъ усовершенствованныхъ способахъ наблюденій, мы отъ астрономовъ въ правѣ ожидать любопытныхъ данныхъ относительно устройства земной коры и происходящихъ въ ней переизмѣнъ. Чувствительность ихъ снарядовъ между прочимъ выказалась весьма поразительнымъ образомъ года три тому назадъ, когда г. Вагнеру удалось замѣтить въ Пулковѣ, на уровнѣ, слѣды землетрясеній, центрами которыхъ были Сандвичевы острова и островъ Мальта. О подобныхъ же наблюденіяхъ сообщалъ намъ недавно старѣйшій изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ профессоръ Аргеландеръ, въ Боннѣ ¹⁾; впрочемъ, въ замѣченныхъ имъ случаяхъ, скорѣе можно отнести происхожденіе явленій къ вулканическому строенію странъ лѣваго берега Рейна, чѣмъ къ весьма отдаленнымъ землетрясеніямъ.

Въ концѣ прошлаго года Академія поручила особой комиссіи обсудить приготовительныя распоряженія, которыя могутъ быть сдѣланы со стороны Россіи для наблюденія въ 1874 г. прохожденія Венеры чрезъ солнце. О трудахъ этой комиссіи свидѣтельствуетъ изданное въ нашихъ *Запискахъ* разсужденіе В. К. Деллена, въ которомъ подробно изложены взгляды комиссіи на предстоящую ей задачу и представлены драгоценныя матеріалы и указанія для выбора наиболѣе удобныхъ мѣстъ наблюденій ²⁾.

Въ числѣ трудовъ по астрономіи, нельзя не обратить особаго вниманія на издаваемое Академіей сочиненіе датскаго астронома Шеллерупа объ одномъ весьма важномъ твореніи Х вѣка, относящемся до уранометріи ³⁾. Авторъ его, Суфи, есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ мухаммеданскихъ астрономовъ; не смотря однако на то, что его сочиненіе есть лучшее и полнѣйшее въ арабской литературѣ изъ числа

¹⁾ Записка объ этомъ предметѣ читана 21-го апрѣля. *Bulletin*. Т. XV, р. 268.

²⁾ Читано 24-го марта. *Записки*. Т. XVIII, Приложение № 1.

³⁾ Читано 5-го мая и 16-го іюня. Появится особою книгою.

тѣхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ созвѣздія и ихъ названія, оно было до сихъ поръ извѣстно только въ немногихъ рукописяхъ и притомъ лишь въ арабскомъ подлинникѣ, а слѣдовательно было недоступно для астрономовъ. Г. Шьеллерупъ, переведя это сочиненіе на французскій языкъ и снабдивъ его ученымъ комментариемъ, оказалъ несомнѣнную услугу наукъ. Независимо отъ литературнаго и историческаго значенія, ѳурамометрія Суфи представляетъ еще тотъ интересъ, что наблюденія персидскаго астронома надъ яркостію свѣтилъ, отличающіяся большою точностію, могутъ еще и теперь быть полезными для вывода заключеній относительно переменныхъ звѣздъ, которыми астрономы столь усердно занимаются въ настоящее время.

Въ области примѣненной астрономіи въ геодезіи и географическому опредѣленію мѣстъ, замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ явились два сочиненія, посвященныя отдѣльнымъ частямъ градуснаго измѣренія по долготѣ; подъ 60 градусомъ широты ¹⁾). Въ одномъ изъ нихъ, г. Картацци представилъ отчетъ о телеграфической связи по долготѣ, произведенной въ 1868 году трудами гг. Крюгера и Эрнефельта между Пулковомъ, Гельсингфорсомъ и Або. Въ другомъ гг. Нюрень и Фусъ описали произведенное ими, лѣтомъ нынѣшняго года, опредѣленіе разности долготъ между Стокгольмомъ и Гельсингфорсомъ. Такимъ образомъ теперь не только строго связаны по долготѣ шведскія обсерваторіи съ русскими, но и ужъ исполнена главная часть астрономическихъ опредѣленій, необходимыхъ для того, чтобы, согласно предложенію шведскихъ геодезистовъ, воспользоваться для градуснаго измѣренія тригонометрическими работами, произведенными по направленію параллели между Бергеномъ и Новою-Ладогою, на протяженіи около 27° по долготѣ. Замѣтимъ, что при означенныхъ опредѣленіяхъ въ первый разъ употребленъ въ обширномъ размѣрѣ способъ, предложенный В. К. Делленомъ для опредѣленія времени въ вертикалѣ Полярной звѣзды. Достоинство этого способа выказалось значительнымъ сокращеніемъ времени и большою точностію выводовъ.

Къ той же отрасли науки относятся читанныя въ одномъ изъ нашихъ засѣданій академикомъ Савичемъ замѣчанія о геодезическихъ вычисленіяхъ ²⁾). Кроме того, онъ сообщилъ намъ выводы изъ своихъ новѣйшихъ наблюденій надъ планетами Вестой и Нептуномъ ³⁾).

¹⁾ Читаны 24-го ноября; появятся въ *Мемуарахъ*.

²⁾ Читаны 2-го іюня. *Записки Академіи*, Т. XVII, стр. 222.

³⁾ Читаны 21-го апрѣля; *Bulletin*. Т. XV, р. 271.

Естественнымъ переходомъ, въ нашемъ отчетѣ, отъ астрономическихкихъ трудовъ къ трудамъ по части физики является вопросъ о пересмотрѣ основаній, которыя, при созданіи французской метрической системы мѣръ и вѣсовъ, были приняты для изготовленія прототиповъ ея основныхъ единицъ, и объ устройствѣ новыхъ прототиповъ, болѣе совершенныхъ по нынѣшнему состоянію науки и лучше отвѣчающихъ на современныя ея требованія. Рѣшеніе этого вопроса, интересующаго весь ученый міръ, особенно важно теперь, когда метрическая система начинаетъ болѣе и болѣе входить въ общее употребленіе. Тѣмъ, которые слѣдили за отчетами о нашихъ засѣданіяхъ, извѣстно, какое участіе принадлежитъ Академіи въ возбужденіи вопроса о своевременности такого пересмотра. Сообщенія, сдѣланныя по этому предмету однимъ изъ нашихъ членовъ въ Парижской академіи наукъ, очевидно, послужили поводомъ къ тому, что французское правительство пригласило другія правительства Европы и Америки прислать въ Парижъ своихъ представителей, для общаго соглашенія относительно прототиповъ. Вслѣдствіе того, въ исходѣ іюля нынѣшняго года собрались во французскую столицу представители 20 различныхъ государствъ. Со стороны Россіи на этомъ ученомъ конгрессѣ присутствовали академики: Якоби, Струве и Вильдъ. Не смотря на неблагоприятность политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ происходило это собраніе, его результаты оказались вполне удовлетворительными. Мы можемъ съ удовольствіемъ сообщить, что соображенія, заявленныя въ этомъ собраніи нашими представителями, не смотря на сопротивленія, возникшія было въ средѣ конгресса, были имъ наконецъ безусловно приняты. Для предварительнаго подробнаго изслѣдованія всѣхъ вопросовъ, касающихся этого предмета, конгрессъ рѣшилъ составить, изъ представителей различныхъ государствъ, особую пригготовительную комиссію, работы и рѣшенія которой должны быть потомъ представлены на утвержденіе общаго международнаго собранія. Въ эту комиссію конгрессомъ избранъ со стороны Россіи академикъ Вильдъ.

Научная важность рѣшенія вопросовъ, входящихъ въ составъ общей задачи о новыхъ прототипахъ мѣръ и вѣсовъ, подала нашимъ сочленамъ поводъ заняться нѣкоторыми, относящимися сюда, изслѣдованіями. Такъ г. Вильдъ сообщилъ намъ свои соображенія касательно основной въ метрическомъ вопросѣ задачи опредѣленія вѣса кубическаго дециметра перегнанной воды при температурѣ 4° Ц. ¹⁾,

¹⁾ Чит. 27-го января. *Bulletin*. Т. XV, р. 58.

а г. Якоби — замѣчанія о приложеніи гальванопластики къ изготовленію образцовыхъ мѣръ и вѣсовъ ¹⁾).

По части электромагнетизма, г. Якоби занимался примѣненіемъ вспомогательныхъ или поляризационныхъ батарей къ электромагнитнымъ двигателямъ ²⁾, а г. Егоровъ произвелъ наблюденія надъ вращеніемъ плоскости поляризаціи отъ дѣйствія электромагнитовъ ³⁾.

Извѣстно, какое обширное примѣненіе получила гальванопластика повсюду въ Европѣ въ области промышленности; но и при всемъ многообразіи ея приложений, заслуживаетъ вниманія записка, въ которой гг. Кристофль и Бульи изложили подробности приѣмовъ, употребленныхъ ими при исполненіи, изъ гальванопластической мѣди, статуи вышиною въ 9 метровъ—самаго колоссальнаго изъ всѣхъ произведеній, выполненныхъ этимъ способомъ со времени изобрѣтенія гальванопластики ⁴⁾.

Метеорологія и земной магнетизмъ получили въ нынѣшнемъ году существенное приращеніе въ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ предметомъ усовершенствованіе приборовъ и способовъ наблюденій, а другіе—собираніе и обработку данныхъ для изученія законовъ атмосферныхъ и магнитныхъ явленій. Къ первымъ относятся изобрѣтенный академикомъ Вильдомъ снарядъ, замѣняющій собою въ путешествіяхъ ртутный барометръ ⁵⁾, и способъ, предложенный имъ же для наполненія барометрическихъ трубокъ ртутью безъ кипяченія ⁶⁾. Кроме того, нашъ сочленъ придумалъ весьма простой вспомогательный аппаратъ, помощью котораго достигается полная компенсація барометра съ вѣсами Мореленда относительно температуры и чрезъ то этотъ барометръ дѣлается весьма удобнымъ для наблюденій ⁷⁾. Существеннаго улучшенія способовъ для наблюденія температуры почвы можно ожидать отъ опытовъ, произведенныхъ г. Пернетомъ надъ употребленіемъ для этой цѣли термоэлектрическихъ цѣпей ⁸⁾. Недостаточно изслѣдованный вопросъ о поглощеніи солнечной теплоты атмосферою составляетъ предметъ записки г. Фрелиха, который предложилъ но-

¹⁾ Чит. 21-го апрѣля; появятся въ *Бюллетень*.

²⁾ Чит. 27-го октября; появится въ *Бюллетень*.

³⁾ Чит. 24-го ноября. *Bulletin*. Т. XV, р. 492.

⁴⁾ Чит. 24-го января. *Bulletin*. Т. XV, р. 319.

⁵⁾ Записка объ этомъ читана 10-го ноября; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁶⁾ Чит. 8-го декабря; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁷⁾ Чит. 24-го февраля. *Bulletin*. Т. XV, р. 139.

⁸⁾ Чит. 8-го декабря; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

вый, придуманный имъ способъ для точнѣйшаго опредѣленія этого элемента ¹⁾. Обращаясь къ трудамъ втораго рода, упомянемъ, что г. Вильдъ опредѣлилъ элементы земнаго магнетизма во время путешествія изъ Петербурга до Тифлиса ²⁾, г. Фритше напечаталъ географическія, магнитныя и гипсометрическія опредѣленія, сдѣланныя имъ въ 1868 и 1869 годахъ въ 22-хъ пунктахъ Монголіи и Сѣвернаго Китая ³⁾, а также любопытныя наблюденія надъ температурою земли ⁴⁾ и магнитнымъ склоненіемъ ⁵⁾ въ Пекинѣ; г. Киферъ изслѣдовалъ ходъ метеорологическихъ элементовъ въ Тифлисѣ за десятилѣтній періодъ времени, съ 1851 по 1861 годъ ⁶⁾. Г. Рыкачевъ привелъ въ порядокъ и въ окончательную редакцію оставшуюся послѣ покойнаго академика Кемца рукопись его наблюденій надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки во время его поѣздки въ Италію ⁷⁾. Наконецъ, г. Клаверъ составилъ указатель всѣхъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій и работъ, исполненныхъ въ Россіи или же напечатанныхъ въ ней ⁸⁾.

Наконецъ, весьма важныя для физической географіи свѣдѣнія о морскихъ теченіяхъ обогатились новыми наблюденіями, собранными въ Сѣверномъ океанѣ г. Миддендорфомъ; ему удалось точнымъ образомъ опредѣлить направленіе существующихъ тамъ теченій, которыя несомнѣнно должны быть признаны за продолженіе знаменитаго гольф-стрима ⁹⁾.

По химіи, академикъ Зининъ показалъ, что дезоксибензонинъ, растворенный въ спиртѣ вмѣстѣ съ ѣдкимъ кали, поглощаетъ кислородъ воздуха, образуя новое весьма сложное тѣло, бензамаронъ и бензойную кислоту. Бензамаронъ, при продолжительномъ кипяченіи съ ѣдкимъ кали, распадается опять на дезоксибензонинъ и новую сложную кислоту, амариновую. Реакціи эти особенно замѣчательны по большой сложности продуктовъ, сравнительно съ дезоксибензониномъ, который

¹⁾ Чит. 8-го декабря; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

²⁾ Чит. 10-го февраля. *Метеорологическій Сборникъ* Т. I, тетр. 2, стр. 253.

³⁾ Чит. 10-го марта; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁴⁾ Чит. 13-го октября; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁵⁾ Чит. 22-го декабря; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁶⁾ Чит. 24-го февраля. *Метеорологическій Сборникъ* Т. I, тетр. 2, стр. 301.

⁷⁾ Чит. 10-го февраля. *Метеорологическій Сборникъ*. Т. I, тетр. 2, стр. 201.

⁸⁾ Представленъ Академіи 13-го октября; появится въ *Метеорологическомъ Сборникѣ*.

⁹⁾ Записка объ этомъ предметѣ читана 29-го сентября. *Bulletin*, Т. XV, р. 409.

даетъ имъ начало ¹⁾). Академикъ Фритше нашель, что переходъ чистаго олова въ особое частичное состояніе рыхлое, кристаллическое,— можетъ быть искусственно, по произволу, вызываемъ сильнымъ охлажденіемъ, приблизительно до температуры замерзанія ртути ²⁾). Академикъ Бутлеровъ произвелъ опыты надъ изобутиленомъ, съ цѣлью повѣрить фактами гипотезу двойной связи углеродныхъ паевъ въ насыщеннѣхъ углеводородахъ. Слѣдуя этой гипотезѣ, можно было ожидать, что превращеніе изобутилена въ болѣе непредѣльный углеводородъ, кротониленъ, окажется невозможнымъ. Опытъ подтвердилъ такое предположеніе: вмѣсто кротонилена образовался смѣшанный этилъ, изокротильный эфиръ; который и былъ подвергнутъ ближайшему изслѣдованію ³⁾). Г. Мендѣлеевъ произвелъ опредѣленіе теплосмѣстности металлическаго церія, при чемъ, опираясь на аналогіи, предложилъ удвоить вѣсъ пая церія, и вообще указалъ этому металлу естественное мѣсто въ системѣ элементовъ, указанной имъ еще прежде ⁴⁾). Г. Бородинъ изслѣдовалъ одноатомный алкоголь съ 10 паями угля въ составѣ, полученный имъ при дѣйствіи натрія на валералдегидъ, и нашель, что онъ принадлежитъ къ числу первичныхъ алкогелей ⁵⁾). Г. Лазаренко, убѣдившись, что бензоиль-анилидъ не даетъ прямо нитрованныхъ продуктовъ, приготовилъ эти различныя производныя, дѣйствуя нитробензойнымъ альдегидомъ на анилинъ и бензойнымъ альдегидомъ, а также нитробензойнымъ альдегидомъ на нитранилинъ ⁶⁾). Изслѣдованія, произведенныя Г. В. Струве, привели его къ тому выводу, что при всякомъ горѣніи происходитъ образованіе озона, перекиси водорода и азотистокислаго амміака ⁷⁾).

Г. Шмидтъ сообщилъ намъ продолженіе своихъ гидрологическихъ изслѣдованій, которыми онъ занимается уже нѣсколько лѣтъ ⁸⁾). Наконецъ, отъ нашего члена-корреспондента Сенъ-Клеръ-Девіля мы получили описаніе опытовъ, произведенныхъ имъ надъ образчиками Бакинскій нефти въ отношеніи ея летучести, плотности, расширенія и количества теплоты при ея сгораніи. Эти изслѣдованія знаменитаго

¹⁾ Чит. 30-го іюня. *Bulletin*, Т. XV, р. 340.

²⁾ Чит. 10-го марта. *Mémoires*, Т. XV, № 5.

³⁾ Чит. 21-го апрѣля. *Mémoires*, Т. XV, № 7.

⁴⁾ Чит. 24-го ноября; появится въ *Бюллетень*.

⁵⁾ Чит. 27-го января. *Bulletin*, Т. XIV, р. 535.

⁶⁾ Чит. 15-го сентября. *Bulletin*, Т. XV, р. 372.

⁷⁾ Чит. 5-го мая. *Bulletin*, Т. XV, р. 325.

⁸⁾ Чит. 8-го декабря; появится въ *Бюллетень*.

французскаго химика показали, что, по количеству теплоты, даваемой при горѣніи, Бакинская нефть занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между образцами европейской и американской нефти ¹⁾).

Въ то время какъ, повидимому, Каспійскому морю предстоитъ возвратить себѣ однажды утраченное имъ значеніе торговаго пути въ центральную Азію, несомнѣнный интересъ пріобрѣтаетъ все, что можетъ служить къ точнѣйшему познанію географіи и геологіи береговъ этого бассейна. Съ этой точки зрѣніа, любопытны свѣдѣніа, сообщенныя г. Гельмерсономъ объ орографическихъ и геологическихъ условіяхъ Мангишлякскаго полуострова ²⁾, и разсужденіе профессора Р. Э. Ленца о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспійское море ³⁾.

Академикъ Кокшаровъ, продолжая трудиться надъ обширнымъ своимъ сочиненіемъ о минералогіи Россіи, выпустилъ въ свѣтъ начало VI тома этого изданія ⁴⁾. Кроимъ того, онъ сообщилъ намъ результаты своихъ изслѣдованій о кристаллахъ хондродита изъ Финляндіи ⁵⁾, гринокита ⁶⁾ и оливина изъ знаменитаго Палласова метеорита ⁷⁾.

По ботаникѣ, флора Японіи и восточной Азіи, для познанія, которой въ нашемъ музеѣ сосредоточены теперь самыя богатые въ мірѣ матеріалы, продолжала занимать академика Максимовича. Приготовляя о растительности этихъ странъ обширное сочиненіе, нашъ сочленъ, по принятому имъ плану, обрабатываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя, болѣе или менѣе монографическія, статьи, посвящаемыя спеціальному разбору мало изслѣдованныхъ или спорныхъ семействъ и группъ растений, а также предварительному описанію совершенно новыхъ родовъ и видовъ. Изъ такихъ статей, въ нынѣшнемъ году онъ напечаталъ описаніе двухъ декадъ новыхъ растений, открытыхъ имъ въ Японіи и Манчжуріи, при чемъ, для точнаго разграниченія ихъ, онъ долженъ былъ иногда вырабатывать общій ключъ къ опредѣленію всѣхъ дотолѣ неизвѣстныхъ видовъ какого-либо рода, какъ напримѣръ, рода *Elaeagnus* ⁸⁾, и друг. Въ числѣ монографическихъ трудовъ г. Максимовича назовемъ его *Ophiorogonis species*, — трудъ, въ

¹⁾ Чит. 21-го апрѣля. *Bulletin*, Т. XV, р. 291.

²⁾ Чит. 13-го января. *Bulletin*, Т. XIV, р. 529.

³⁾ Чит. 27-го января. *Mémoires*, Т. XVI, № 3.

⁴⁾ Представлено Академіи 15-го сентября.

⁵⁾ Чит. 24-го февраля. *Bulletin*, Т. XV, р. 205.

⁶⁾ Чит. 24-го февраля. *Bulletin*, Т. XV, р. 219.

⁷⁾ Чит. 24-го марта и 19-го мая. *Mémoires*, Т. XV, № 6; въ извлеченіи въ *Бюллетенѣ*, т. XV, стр. 303.

⁸⁾ Чит. 5-го мая и 29-го сентября. *Bulletin*, Т. XV, р. 225, 373.

которомъ сдѣланъ критическій обзоръ всѣхъ видовъ этого семейства, описанъ новый родъ *Theropogon* изъ того же семейства, и представлены доказательства тому, что всю группу этихъ растений слѣдуетъ отнести къ одному изъ разрядовъ семейства лилейныхъ ¹⁾). Болѣе обширные размѣры имѣетъ монографія нашего ботаника о рододендровыхъ растеніяхъ восточной Азіи ²⁾). Извѣстно, что къ этому семейству принадлежатъ и столь любимыя охотниками до садоводства азалеи. Въ этомъ сочиненіи, авторъ вполне разъяснилъ одну изъ самыхъ запутанныхъ и малоизслѣдованныхъ частей ботаники: на основаніи большого числа наблюденій надъ живыми растеніями, а также по сравненіи многочисленныхъ экземпляровъ въ гербаріяхъ, онъ предложилъ совершенно новое, естественное подраздѣленіе этого семейства на отдѣлы, роды и виды. Кромѣ того, оказывается, что главнымъ центромъ, или исходною точкою распространенія этихъ растений, слѣдуетъ считать не Америку, какъ до сихъ поръ полагали, а Японію.

Палеонтологія находится въ столь тѣсной связи съ зоологіей и ботаникою, что труды нашихъ ученыхъ по этимъ послѣднимъ отраслямъ естествознанія неоднократно затрогивали и разъясняли вопросы палеонтологическіе. Въ особенности, встрѣчаемые въ пластахъ третичнаго или текущаго періода земли остатки недавно вымершихъ или даже еще живущихъ на землѣ органическихъ формъ подлежатъ скорѣе изслѣдованію со стороны зоологовъ и ботаниковъ, чѣмъ палеонтологамъ. Вспомнимъ, напримѣръ, объ интересномъ, близко связанномъ съ изслѣдованіемъ Сибири, вопросѣ о мамонтахъ и сибирскихъ носорогахъ, надъ которыми трудились наши зоологи Палласъ, Бэръ, Брандтъ, Миддендорфъ. Академикъ Брандтъ въ нынѣшнемъ году пополнилъ свои изслѣдованія о мамонтѣ замѣткой о его волосяномъ покровѣ ³⁾). Но трупы мамонтовъ и носороговъ далеко не единственные у насъ остатки большихъ, недавно вымершихъ млекопитающихъ. На югѣ Сибири, въ Алтайскихъ горахъ, еще Палласъ замѣтилъ обширныя пещеры съ залежами костей млекопитающихъ животныхъ. Въ 30-хъ годахъ, Геблеръ, Кулибинъ, Гельмерсенъ посѣщали и изслѣдовали какъ эти пещеры, такъ и другія, открытыя въ тѣхъ же мѣстахъ; благодаря ихъ трудамъ, а также стараніямъ бывшаго тогда

¹⁾ Чит. 27-го января. *Bulletin*, Т. XV, р. 83.

²⁾ Чит. 30-го іюня. *Mémoires*, Т. XVI, № 9.

³⁾ Чит. 25-го августа. *Bulletin*, Т. XV, р. 347.

оберберггауптмана Алтайскаго горнаго округа (въ послѣдствіи министра народнаго просвѣщенія) Е. П. Ковалевскаго, Академія Наукъ и горный институтъ получили многочисленныя образцы означенныхъ костей. Этотъ матеріалъ, въ виду новыхъ задачъ современной науки, нынѣ изслѣдованъ и разработанъ нашимъ сочленомъ, г. Брандтомъ ¹⁾. Его изысканія проливаютъ новый свѣтъ на вопросъ о времени исчезновенія нѣкоторымъ животныхъ съ лица земли и указываютъ на измѣненія, которыя произошли въ Сибирской фаунѣ вслѣдствіе этого исчезновенія. Въ другомъ сочиненіи, г. Брандтъ описалъ остатки млекопитающихъ, найденныя г. Гебелемъ въ Персіи, близъ города Морага ²⁾. Наконецъ, третій свой трудъ, касающійся палеонтологіи и вмѣстѣ зоологіи млекопитающихъ, г. Брандтъ посвятилъ изслѣдованію одного животнаго, которому, можетъ-быть, въ не очень отдаленной будущности, грозитъ судьба исчезнуть съ лица земнаго, а именно лосою ³⁾. Сравненіе найденныхъ въ новѣйшихъ пластахъ земли остатковъ этого животнаго съ нынѣшними лосоями, европейско-азиатскимъ и американскимъ, а равно обзоръ географическаго распространенія ихъ, привели автора къ заключенію, что всѣ принимаемыя до сихъ поръ виды допотопнаго лосоя не болѣе какъ разнообразныя измѣненія одного и того же вида, еще и нынѣ живущаго на сѣверѣ стараго и новаго свѣта.

По палеонтологіи древнихъ формацій, нашъ членъ-корреспондентъ Фольбортъ, извѣстный знатокъ силлурійской формаціи, простирающейся въ окрестностяхъ С.-Петербурга и по всему южному побережью Финскаго залива, сообщилъ свои изслѣдованія о морскихъ лиліяхъ, при чемъ пояснилъ нѣкоторые до сихъ загадочные органы этихъ животныхъ и описалъ два новыхъ рода: *Achradocystis* и *Cystoblastus* ⁴⁾.

Въ обширной области зоологіи, мы съ давнихъ поръ замѣчаемъ весьма неравномѣрное раздѣленіе труда: въ то время какъ по нѣкоторымъ отдѣламъ всегда былъ наплывъ изслѣдователей и давно уже образовались спеціальныя ученыя общества, возникли спеціальныя журналы и т. п., другіе отдѣлы оставались, сравнительно, въ забвеніи. Это общее явленіе, конечно, отражается и на разработкѣ нашей

¹⁾ Чит. 10-го февраля. *Bulletin*, Т. XV, р. 147.

²⁾ Чит. 10-го февраля.

³⁾ Чит. 24-го марта. *Mémoires*, Т. XVI, № 5; въ извлеченіи, въ *Бюллетень* т. XV, стр. 254.

⁴⁾ Чит. 19-го мая. *Mémoires*. Т. XVI, № 2.

отечественной фауны. Къ такимъ мало обработаннымъ отдѣламъ относятся, напримѣръ, изъ высшихъ животныхъ, пресмыкающіяся, изъ низшихъ губки и др. Намъ поэтому особенно пріятно указать, въ изданіяхъ Академіи за текущей годъ, на труды по этимъ частямъ. Академикъ Штраухъ, къ прежнимъ сочиненіямъ своимъ о пресмыкающихся вообще и Россіи въ особенности, на этотъ разъ прибавилъ монографическій обзоръ семейства уколъ ¹⁾. Г. Миклухо-Маклай, нынѣ отправившійся для зоологическихъ изслѣдованій въ Тихій Океанъ, пополнилъ представленный имъ въ прошедшемъ году въ *Мемуарахъ* Академіи обзоръ губокъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ Россіи, замѣткой о губкахъ Бѣлаго моря и прилежащей части Ледовитаго ²⁾.

Можетъ-быть, нѣтъ науки, которая въ настоящее время обогащалась бы у насъ столькими замѣчательными наблюденіями и изслѣдованіями, какъ сравнительная анатомія, гистологія и исторія развитія животныхъ. Въ изданіяхъ Академіи за текущей годъ мы можемъ указать на цѣлый рядъ подобныхъ трудовъ, если иногда и не большихъ по объему, то во всякомъ случаѣ вносящихъ въ науку болѣе или менѣе важныя открытія. Таковы, напримѣръ, статьи академика Овсянникова о нервной системѣ моллюсковъ ³⁾; статьи г. Мечникова о развитіи нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ ⁴⁾; труды г. Гримма объ эмбриологіи членистыхъ животныхъ ⁵⁾, о замѣченномъ имъ безполовомъ размноженіи куколокъ мухи изъ рода *Chironomus* и о развитіи личинокъ изъ не оплодотворенныхъ яицъ этого наѣкомаго ⁶⁾; изслѣдованія доктора А. Брандта объ анатоміи и гистологіи сипункула (*Sipunculus nudus*) ⁷⁾ и о морфологіи медузъ и въ особенности корнеротки (*Rhizostoma Cuvieri*) ⁸⁾; доктора Э. Брандта о молодыхъ *Idothea entomon* ⁹⁾ и о нервной системѣ утородки (*Lepas anatifera*) ¹⁰⁾; статья г. Стурта о грегариныхъ ¹¹⁾ и т. д. Не можемъ обойти молчаніемъ и нѣкоторые труды физиологическаго содержанія, каковы мемуары г. Тарханова о

¹⁾ Чит. 24-го марта. *Mémoires*. Т. XVI, № 4.

²⁾ Чит. 10-го февраля. *Bulletin*. Т. XV, р. 203.

³⁾ Чит. 24-го ноября; появится въ *Бюллетень*.

⁴⁾ Чит. 24-го марта и 13-го октября. *Bulletin*, Т. XV, р. 95.

⁵⁾ Чит. 24-го ноября; появится въ *Бюллетень*.

⁶⁾ Чит. 13-го января. *Mémoires*, Т. XV, № 8.

⁷⁾ Чит. 10-го февраля. *Mémoires*, Т. XVI, № 8.

⁸⁾ Чит. 13-го октября; появится въ *Мемуарахъ*.

⁹⁾ Чит. 30-го іюня. *Bulletin*. Т. XV, р. 403.

¹⁰⁾ Чит. 2-го іюля. *Bulletin*, Т. XV, р. 332.

¹¹⁾ Чит. 30-го іюня; появится въ *Бюллетень*.

явленіяхъ суммованія при раздраженіи чувствительныхъ нервовъ ¹⁾, доктора Спиро о хребетномъ мозгѣ лягушки ²⁾, доктора Ціона о возбужденіяхъ и задерживаніяхъ въ центральной нервной системѣ ³⁾ и о Nervus depressor лошади ⁴⁾, и г. Штейнмана о тоническомъ возбужденіи произвольныхъ мышцъ ⁵⁾.

Наконецъ, по анатоміи человѣка, мы издали рядъ наблюденій нашего члена-корреспондента, профессора Грубера. Имѣя случай пользоваться обширнымъ матеріаломъ для анатомическихъ работъ, г. Груберъ сообщилъ намъ любопытныя наблюденія объ аномаліяхъ, встрѣчающихся у человѣка въ разныхъ органахъ, какъ, напримѣръ, по остеологіи руки и ноги ⁶⁾, по направленію нѣкоторыхъ мускуловъ ⁷⁾ и артерій ⁸⁾, по строенію легкихъ ⁹⁾, и т. п.

Обращаемся къ трудамъ, посвященнымъ филологіи и исторіи, и прежде всего отечественной. Г. Гильдебрандъ, занимавшійся, по порученію Академіи, въ 1868 году, розыскаіемъ важныхъ для насъ историческихъ документовъ въ Рижскихъ архивахъ, приготовилъ къ печати сдѣланный имъ списокъ съ древней долговой книги города Риги, важный какъ источникъ любопытныхъ свѣдѣній о торговыхъ сношеніяхъ этого города съ Россіею въ XIII и XIV столѣтіяхъ ¹⁰⁾. Этотъ замѣчательный историческій документъ г. Гильдебрандъ снабдилъ пространнымъ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями, необходимыми для уразумѣнія какъ общаго значенія этого памятника, такъ и его частностей. Въ такомъ видѣ, изготовленный г. Гильдебрандомъ трудъ долженъ быть отнесенъ къ числу важнѣйшихъ изданій этого рода, вышедшихъ въ свѣтъ въ послѣднее время. Успѣшность, съ которою г. Гильдебрандъ въ этомъ случаѣ исполнилъ порученіе Академіи, побудила ее воспользоваться готовностію этого ученаго продолжать подобныя же архивныя поиски. Исторія русской торговли есть такой предметъ, которымъ до сихъ поръ у насъ почти не зани-

¹⁾ Чит. 27-го октября; появится въ *Бюллетень*.

²⁾ Чит. 5-го мая. *Mémoires*, Т. XVI. № 7.

³⁾ Чит. 22-го декабря; появится въ *Бюллетень*.

⁴⁾ Чит. 24-го марта. *Bulletin*. Т. XV, р. 261.

⁵⁾ Чит. 22-го декабря; появится въ *Бюллетень*.

⁶⁾ Чит. 15-го сентября, 13-го октября, 10-го ноября и 8-го декабря. *Bulletin* Т. XV, pp. 352, 435, 459, 483.

⁷⁾ Чит. 24-го марта. *Mémoires*, Т. XVI. № 1.

⁸⁾ Чит. 21-го апрѣля. *Bulletin*. Т. XV, р. 245.

⁹⁾ Чит. 24-го марта. *Bulletin*. Т. XV, р. 91.

¹⁰⁾ Предст. Академіи 28-го апрѣля.

мались, не смотря на то, что его важность, съ точки зрѣнія культуры, ясна сама собою. Столь же поучительно и важно для послѣ-Петровскаго періода изслѣдованіе отношеній сѣверо-восточной Россіи къ городамъ Ганзейскаго союза и Лифляндіи. Въ то время, какъ Мюнхенская историческая коммиссія готовится къ печати важное и для насъ собраніе ганзейскихъ постановленій, мы, изъ числа не изданныхъ еще бумагъ подобнаго рода, можемъ указать только на то, что имѣется по части старинной русской торговли въ Ревельскомъ магистратѣ; эти документы, какъ видно изъ тѣхъ изъ нихъ, которые изданы г. Бунге, весьма важны во многихъ отношеніяхъ. Поэтому Академія нашла полезнымъ поручить г. Гильдебранду разыскать и разработать богатый запасъ кроющихся въ архивѣ Ревельскаго магистрата матеріаловъ, относящихся въ особенности до исторіи торговыхъ и иныхъ сношеній Россіи въ XV и XVI вѣкахъ. Съ удовольствіемъ можемъ прибавить, что Академія уже получила отъ искуснаго и трудолюбиваго ученаго значительную часть выписокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ архивѣ ¹⁾, простирающуюся до 1510 года; розысканія г. Гильдебранда въ Ревелѣ еще продолжаются, и мы въ правѣ ожидать отъ нихъ еще много новаго и важнаго.

Современное состояніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей русской торговли, а именно торговли хлѣбной, занимало академика Безобразова, который сообщилъ намъ ²⁾ выводы изъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ по этому предмету въ сѣверо-восточной Россіи, по порученію общества географическаго и вольнаго-экономическаго.

Въ числѣ трудовъ, интересныхъ для русской исторіи, укажемъ на весьма старательно составленный каталогъ гравированныхъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII столѣтія, которымъ авторъ его, г. Васильчиковъ, положилъ основаніе научной разработкѣ этой отрасли исторіи искусствъ въ Россіи и ознакомленію съ однимъ изъ пособій по русской исторіи ³⁾.

Въ близкой связи съ исторіей нашего отечества находятся многіе изъ трудовъ нашихъ ориенталистовъ, доставляющіе новыя свѣдѣнія о древней географіи и о минувшей судьбѣ разныхъ странъ, входящихъ нынѣ въ составъ государственной области Россіи. Академикъ Броссе, избравшій исторію Грузіи и Арменіи предметомъ своихъ за-

¹⁾ Представл. Академіи 15-го декабря.

²⁾ 31-го марта.

³⁾ Представл. Академіи 3-го марта; будетъ изданъ особою книгою.

нятій, представилъ намъ въ нынѣшнемъ году ¹⁾ большую часть пересмотрѣннаго имъ и снабженнаго примѣчаніями перевода исторіи Арменіи Өомы Ардзруни и сообщилъ въ особой статьѣ нѣкоторыя подробности о жизни и трудахъ другаго армянскаго историка Киракоза Гонцакскаго, жившаго въ XIII столѣтіи ²⁾. Кромѣ того, для любителей грузинскихъ древностей и исторіи найдется не мало интереснаго въ двухъ запискахъ г. Броссе, имѣющихъ своимъ предметомъ двѣ рукописи, изъ которыхъ одна, грузинская, принадлежитъ Парижской публичной библиотекѣ, а другая, греческая, — графу В. Н. Панину ³⁾. Академикъ Дорнъ читалъ намъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о географіи Персіи ⁴⁾, а также сдѣланныя имъ выписки изъ двухъ восточныхъ писателей, относящіяся до Каспійскаго моря и прилежащихъ къ нему странъ ⁵⁾; сверхъ того, онъ составилъ сводъ восточныхъ названій судовъ на томъ же морѣ ⁶⁾. При томъ важномъ значеніи, которое для исторіи Средней Азіи въ XVI и XVII вѣкахъ имѣеть знаменитое твореніе Абуль-Газня: „Родословная исторія о Татарахъ“, весьма замѣтнымъ пробѣломъ въ наукѣ было то обстоятельство, что не только не существовало надежнаго перевода этого сочиненія на какой-либо европейскій языкъ, хотя ихъ и было нѣсколько, но и не было сдѣлано изданія исправнаго текста. Текстъ, изданный въ 1826 г. въ Казани, по распоряженію покойнаго канцлера графа Румянцева, былъ напечатанъ по дурному списку и наполненъ ошибками. Поэтому наука будетъ благодарна барону П. И. Демезону, который приготовилъ въ изданію текстъ Абуль-Газня, принявъ при этомъ за основаніе лучшую рукопись его сочиненія, хранящуюся въ нашемъ музеѣ, и дополнивъ ее вариантами изъ другихъ списковъ ⁷⁾. По окончаніи печатанія текста, нашъ многоуважаемый ориенталистъ имѣеть въ виду издать также и переводъ, который имъ уже тщательно и обработанъ.

Интереснымъ для исторіи Персіи матеріаломъ представляется сдѣланный г. Паткановымъ переводъ дневника осады Испагани Афганцами въ 1722 и 1723 годахъ, веденнаго Петросомъ ди Саргисъ Ги-

¹⁾ 12-го мая.

²⁾ Чит. 6-го октября.

³⁾ Чит. 20-го января и 6-го октября. *Bulletin*, Т. XV pp. 45, 385.

⁴⁾ Чит. 31-го марта. *Bulletin*: Т. XV, p. 263.

⁵⁾ Чит. 3-го ноября; появится въ *Бюллетень*.

⁶⁾ Чит. 3-го ноября; появится въ *Бюллетень*.

⁷⁾ Представл. Академіи 28-го апрѣля. Будетъ издано особою книгою.

ланенцомъ ¹⁾). Въ заключеніе нашего обзора изслѣдованій по части Востока, упомянемъ о запискѣ академика Вельяминова-Зернова о поэмѣ джагатайскаго стихотворца Миръ-Гайдера ²⁾ и о разсужденіи профессора Мэрена о религіозныхъ памятникахъ Каира ³⁾.

Читанные въ нашихъ засѣданіяхъ труды по части лингвистики имѣли своимъ предметомъ языки различныхъ племенъ, обитающихъ въ Азіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи.

Начиная съ семьи индо-европейскихъ языковъ, замѣтимъ, что академикъ Бетлингъ, продолжая печатаніе Санскритскаго словаря, составляемаго имъ въ сообществѣ профессора Рота, довѣлъ его до 60-го листа шестаго тома. Кромѣ того, онъ напечаталъ первый томъ принятаго имъ втораго, во многомъ дополненнаго и исправленнаго изданія индѣйскихъ изрѣченій.

Изученіе многочисленныхъ нарѣчій Кавказа обогатилось новымъ замѣчательнымъ изслѣдованіемъ барона П. К. Услара о языкѣ хюркилинскомъ, одномъ изъ нарѣчій, употребительныхъ въ Даргинскомъ округѣ. Важность этого труда послужила для академика Шифнера поводомъ сдѣлать его предметомъ особаго донесенія, въ которомъ, между прочимъ, онъ выставилъ заслуги барона Услара по изслѣдованію весьма трудныхъ для изученія кавказскихъ нарѣчій ⁴⁾.

Мы уже неоднократно имѣли случай говорить о трудахъ г. Радлова по изученію тюркскихъ нарѣчій Сибири и Средней Азіи. Неумоимо продолжая это дѣло, талантливый изслѣдователь представилъ намъ въ настоящемъ году ⁵⁾ новый обширный томъ собранныхъ имъ матеріаловъ; въ этомъ томѣ заключаются образцы языка Барабинцевъ и Татаръ Тобольской губерніи.

Академикъ Видеманъ, употребивъ минувшее лѣто для пополненія на мѣстѣ данныхъ о эстскомъ языкѣ, приступилъ къ составленію грамматики этого языка. Воспользовавшись также своимъ лѣтнимъ путешествіемъ для собиранія свѣдѣній о любопытномъ, нынѣ вымершемъ, племени Крвинговъ, онъ читалъ намъ разсужденіе объ ихъ народности и языкѣ ⁶⁾. Крвинги, жившіе въ Курляндіи въ окрестностяхъ Бауска, среди латышскаго населенія, но съ половины ны-

¹⁾ Читанъ 17-го февраля. *Записки Академіи*, Т. XVII, Приложение № 3.

²⁾ Чит. 28-го апрѣля. *Bulletin*. Т. XV, р. 299.

³⁾ Чит. 9-го іюня; появится въ *Бюллетенѣ*.

⁴⁾ Чит. 1-го декабря; появится въ *Мемуарахъ*.

⁵⁾ 17-го февраля.

⁶⁾ 17-го ноября; появится въ *Мемуарахъ*.

нѣшняго столѣтія совершенно облатившіеся, представляли собою необъясненную доселѣ загадку. Нѣкоторые считали ихъ, по сродству языка, за Эстовъ; другіе за Ливонъ, а иные даже за Кривичей. Старательный разборъ немногихъ еще уцѣлѣвшихъ образчиковъ языка и сравненіе съ ближайшими сродными нарѣчіями, привели г. Видемана къ убѣжденію, что ближе всѣхъ къ Кривингамъ стоятъ по языку не Эсты или Ливы, а Вотъ, финское племя Петербургской губерніи. Этотъ выводъ лингвистическаго изслѣдованія поставилъ автора въ возможность окончательно разъяснить, когда и при какихъ обстоятельствахъ эта Вотъ появилась въ Курляндіи, а именно доказать, что Кривинги были потомки тѣхъ плѣнныхъ, которые въ XV столѣтіи, во время войнъ Ливонскаго ордена съ Новгородомъ, были выведены изъ Вотской пятинны и поселены въ окрестностяхъ Бауска.

Переходъ отъ Татаръ и Финновъ къ памятникамъ искусства, процвѣтавшаго нѣкогда подъ благодатнымъ небомъ Эллады, будетъ, конечно, рѣзокъ, но мы не можемъ его избѣжать, покораясь необходимости говорить о столь разнообразныхъ предметахъ.

Академикъ Стефани, посвятившій свою дѣятельность изученію произведеній греческаго искусства, открываемыхъ въ южной Россіи стараніями Императорской археологической комиссіи, составилъ, въ видѣ приложенія къ отчету комиссіи за 1868 г., объясненіе замѣчательнѣйшихъ древностей, найденныхъ въ 1867 году; здѣсь же онъ помѣстилъ археологическія изслѣдованія свои, содержаніе для которыхъ доставили ему нѣкоторыя вазы Императорскаго эрмитажа ¹⁾. Изваянія, украшавшія фронтоны Эгинскаго храма Аѳины, имѣютъ первостепенное значеніе въ исторіи греческой пластики, и потому весьма естественно, что остроумнѣйшіе археологи пробовали свои силы надъ восстановленіемъ, по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, композиціи этихъ фронтоновъ. Молодой русскій ученый, г. А. Праховъ, не удовлетворяясь тѣми гипотезами, которыя были придуманы по этому предмету и пользуясь всѣми средствами, какими только обладаетъ современная наука, предложилъ новое объясненіе этой композиціи, которое, по видимому, имѣетъ на своей сторонѣ значительную степень вѣроятности ²⁾.

Наконецъ, существеннымъ обогащеніемъ классической археологіи служить сообщенное намъ ³⁾, составленное г. Делемъ, описаніе предме-

¹⁾ Представл. Академіи 28-го апрѣля.

²⁾ Чт. 6-го октября. *Записки*, Т. XVIII, стр. 57.

³⁾ 17-го ноября.

толь, найдеными недавно на островѣ Бритѣ, на мѣстѣ, гдѣ, какъ полагаютъ, находился древній Голгось. Раскопки на этомъ мѣстѣ привели къ открытію развалинъ весьма значительнаго храма и множества скульптурныхъ работъ, которыя, по своему стилю и сліянію въ нихъ греческихъ, египетскихъ и азіатскихъ изображеній, представляютъ собою весьма важное значеніе для исторіи древняго искусства.

Таковы, мм. гг., мирные труды, наполнившіе для насъ нынѣшній годъ, — годъ, который въ лѣтописяхъ вѣковъ останется отмѣченнымъ сместоченною борьбою двухъ народовъ, стоящихъ во главѣ просвѣщенія. Въ то время, какъ вдали отъ насъ кипѣлъ смертельный бой, когда огонь и желѣзо нещадно истребляли плоды образованности и пламя войны грозило охватить всю Европу, — мы наслаждались спокойствіемъ, которое позволило намъ продолжать мирныя званія наукъ.

Deus nobis haec otia fecit.

Возблагодаримъ же Великаго Монарха, сберегшаго Россію для иной, лучшей доли и сохранившаго для насъ, въ столь трудное время, всѣ блага мира, всегда дорогаго и благотворнаго для просвѣщенія и науки.

ИДЕЯ ВОСПИТЫВАЮЩАГО ОБУЧЕНИЯ ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

«Народная школа есть существо субъективнѣйшее. Наука въ ней не сдѣлаетъ ничего, если она не исчезнетъ съ своею объективностью въ субъективныхъ силахъ и методахъ дѣйствующихъ лицъ».

— «Методу нельзя научиться; каждый учитель долженъ самъ себя его выработать».

(Педагогическіе афоризмы).

Идея воспитывающаго обученія есть прекрасный плодъ педагогическихъ изслѣдованій и опытовъ нашего времени. Сущность ея заключается въ томъ, что все обученіе должно быть направлено не на исключительное умственное развитіе, не на усвоеніе только памяти и механически тѣхъ или другихъ свѣдѣній, знаній и умѣнья, какъ это недавно было, но всецѣло должно быть направлено на возбужденіе и образованіе *всего* духовнаго существа человѣка, какъ нераздѣльной единицы, цѣлаго индивидуума, — направлено и рассчитано на развитіе *всѣхъ* духовныхъ силъ человѣка, согласно съ всеобщими законами развитія человѣческаго духа.

Идея эта прямо опирается на *природу* дитяти.

Дитя вступаетъ въ міръ, имѣя въ природѣ своей силы и способности для самоопредѣленія, дѣятельности и развитія. Но эти силы только возможность, которая развивается и достигаетъ степени сознательной дѣйствительности путемъ воспитанія. Далѣе. Вся совокупность силъ человѣка не есть сложный и случайный агрегатъ самостоятельныхъ дѣятелей, составляющихъ (какъ составныя части) природу человѣка. Человѣкъ — индивидуумъ, недѣлимая единица. Вся совокупность психическихъ дѣятельностей его есть обнаруженіе *одного* реального начала, одной сущности, только проявляющей себя

различными сторонами, но всегда сохраняющей единство и тожество свое въ многообразномъ богатствѣ внутренней жизни и разнообразныхъ проявленіяхъ ея. Разлагая явленія духовной жизни на группы (явленія познаній, чувства, свободы), наука только упрощаетъ изученіе ихъ, но не дробитъ ихъ существенно. Въ каждомъ фактѣ сознанія—*вся* душа живетъ и дѣйствуетъ нераздѣльно. Познаніе дѣйствуетъ на чувство и вызываетъ желаніе; фактъ стремленія и самоопредѣленія къ дѣятельности заключаетъ въ себѣ сознаніе цѣли или предмета стремленій и духовное возбужденіе (чувство), насъ увлекающее. Итакъ, не возможно въ живомъ человѣкѣ воспитывать *одну* силу, не касаясь другихъ; не возможно и нелѣпо думать, что образуя умъ, мы въ то же время можемъ оставить въ сторонѣ волю и т. д. Все, что входитъ въ душу дитяти, такъ или иначе дѣйствуетъ и на *все содержаніе* его духовной жизни. Итакъ, обученіе не только должно быть нераздѣльно съ воспитаніемъ, но и само должно воспитывать, должно служить средствомъ и орудіемъ воспитанія *всего* человѣка, и прежде всего воспитанія реального, живаго начала въ человѣкѣ, сознающаго себя въ своей дѣятельности, какъ причину, какъ самоустраивающее и оцѣнивающее жизнь свою, по идеямъ истиннаго, добраго и прекраснаго, разумно-нравственное существо. Практическая важность этой идеи такъ очевидна, что въ общеобразовательныхъ учрежденіяхъ высшихъ и среднихъ она не только признана руководящимъ принципомъ, но имѣетъ и свои спеціальныя органы, каковы *туторы* въ заведеніяхъ англійскихъ, *ординариусы* въ нѣмецкихъ и *воспитатели* въ нашихъ гимназіяхъ.

Но вотъ вопросъ: примѣнима ли эта идея къ *народной школѣ*? Далѣе, если примѣнима, то въ какихъ частяхъ ея внутренней организаціи и дѣятельности возможно это примѣненіе, и что можетъ внести идея воспитывающаго обученія въ общій ходъ и развитіе народнаго образованія?

На первую половину вопроса мы можемъ отвѣчать и по существу дѣла, и исторически. Вопросъ этотъ не только старій, но и рѣшенный уже вопросъ въ западной европейской педагогикѣ. „Воспитаніе и элементарное обученіе не раздѣлимы, ибо обученіе есть *часть и средство* воспитанія“. Элементарная школа, какъ суррогатъ, искусственная замѣна семейства для дитяти, не должна и не можетъ не быть воспитывающимъ институтомъ, иначе она утратитъ свою цѣль и свое назначеніе. Гразеръ находитъ извращеніемъ педагогическаго принципа даже положеніе, что „школа, какъ учебное учрежденіе, должно быть и

воспитывающимъ институтомъ“; должно сказать, говорить онъ, наоборотъ: „школа, какъ *воспитательное* учрежденіе, должно быть также и учебнымъ“. Гарнишъ видитъ во всей учебной организаціи элементарной школы одну цѣль — совокупное воспитаніе (*Gesammt-Erziehung*). Денцель такъ характеризуетъ воспитательно-общественныя задачи школы: 1) „Школа должна заботиться объ элементарномъ обученіи каждаго человѣка для того, чтобы развить способности и силы, которыя лежатъ въ каждомъ дитяти, для успѣшнаго достиженія назначенія человѣка. 2) Какъ народное образовательное учрежденіе, она направляетъ всю дѣятельность и усилія свои къ тому, чтобы приготовить изъ своихъ учениковъ сознательныхъ и дѣятельныхъ членовъ народа“. Опираясь на единство воспитательной задачи и образовательныхъ средствъ элементарной школы, Шлейермахеръ отрицаетъ всякое различіе между элементарными школами городскими (*Stadt- und Bürgerschule*), земскими (*Landschule*) и школами для бѣдныхъ (*Armenschule*), и ставя для всѣхъ одну цѣль — воспитаніе, требуетъ *одной* народной школы, какъ воспитательнаго института для *всего* народа. Знаменитый Дистервегъ до конца жизни своей стоялъ за обще-воспитательный характеръ народной школы, и самая идея воспитывающаго обученія обязана ему наиболѣе своею обработкой. Не вдаваясь въ подробныя историческія изысканія, замѣтимъ только, что идея воспитывающаго обученія если и не осуществлялась, то сознавалась очень давно. По крайней мѣрѣ еще Амосъ Кожемскій, великій педагогъ-Славянинъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, въ своей *Didactica* magna ясно ставилъ обученію воспитательную цѣль, когда утверждалъ, что школа есть училище гуманности, а „все ученіе есть средство къ нравственному возвышенію человѣка“. „Нравственность, говорилъ онъ, важнѣе учености“ (*Сар. XXIII*). Амосъ вполне сознавалъ всю плодотворность такого воззрѣнія на школу, и благодаря этой идеѣ, онъ впервые указалъ дидактикѣ тотъ естественный путь обученія и развитія, который указываетъ намъ природа дитяти. Дидактическія опредѣленія и афоризмы Коменскаго и до нынѣ имѣютъ значеніе въ педагогикѣ, такъ какъ они опираются на неизмѣнныя основанія развитія человеческой природы. Но полное право гражданства въ народной школѣ идея воспитывающаго обученія получила только въ началѣ послѣдняго столѣтія, съ возрожденіемъ нѣмецкой школы въ лицѣ Песталоцци (ум. 1827 г.). Вся сущность миссіи Ивердунскаго труженника заключалась именно въ томъ, чтобы сдѣлать обученіе естественнымъ, сообщить ему воспитательный характеръ. „Вся человѣче-

ская мудрость, писалъ онъ, въ „Вечернихъ часахъ пустыника“, основывается на силѣ добраго, послушнаго истиннѣ сердца, на простотѣ и невинности“: вотъ гдѣ лежитъ задача школы и образованія. О школахъ того времени, гдѣ пренебрегали воспитаніемъ, а только „учили“, Песталоцци отзывался съ горечью. „Наши не психологическія школы, писалъ онъ, въ сущности ничто иное, какъ искусственныя машины, которыми подавляются всё слѣды опыта, влагаемые въ дѣтей природою... Сущность ученія приносится въ жертву путаницѣ отдѣльных, изолированныхъ наукъ; выставляются на столъ *всякія блюда изъ крохъ истины* (это наши многопредметныя программы), но умерщвляется духъ самой истины, гасится въ человѣкѣ и сила самостоятельности, покоящаяся на истинѣ“. Со времени Песталоцци, идея воспитывающаго обученія легла въ основу всего училищевѣдѣнія въ Германіи, и ей то нѣмецкая школа, безспорно, обязана тѣмъ успѣхомъ и тѣми результатами, какіе нынѣ поражаютъ наблюдателя; на этомъ основаніи развились вся современная элементарная методика, и здѣсь лежитъ тайна успѣховъ и вліянія рациональной элементарной школы на культуру народовъ, на возвышеніе нравственнаго сознанія массъ. Конечно, элементарная школа не имѣетъ средствъ и возможности имѣть у себя особыхъ воспитателей, но это совершенно излишне и нисколько не нужно. Сообщая обученію воспитательный характеръ, идея воспитывающаго обученія тѣмъ самымъ и изъ учителя дѣлаетъ воспитателя; нисколько не навязывая ему новыхъ обязанностей, не стѣсняя учебныхъ занятій, не ограничивая и не уменьшая ихъ, она, какъ *диспансѣ жизни*, проникаетъ всю школу, всю жизнь ея, ученье, дисциплину, отдыхъ, взаимныя отношенія учащихся и наставниковъ, она въ школѣ, какъ душа въ тѣлѣ — неуловимая она существуетъ вездѣ и всему сообщаетъ свѣтлый, оживляющій характеръ, образовательное вліяніе.

Итакъ, и исторія, и существо дѣла, и *magisterium verba* даютъ намъ право отвѣтить на первый поставленный нами вопросъ положительно; и намъ остается только указать существенныя стороны, формы и способы практическаго примѣненія идеи воспитывающаго обученія въ народной школѣ. Но такъ какъ примѣненіе этой идеи въ нашей элементарной школѣ должно имѣть *положительный* и *отрицательный* характеръ, то-есть, съ одной стороны, эта идея должна *существовать* въ школу рядъ новыхъ мѣръ и вѣремовъ въ школьную дѣятельность, указать новые пути и способы дѣятельности учителя и его вліянія на учениковъ, а съ другой, должно *удалить* массу темныхъ

явленій рутинной учебной практики, то мы всего вѣрнѣе достигнемъ цѣли, выяснивъ, на основаніи опыта и примѣровъ, различіе и противоположность старой школы, только учившей, („учебница“, какъ называютъ ее наши простолюдины) и новой рациональной школы, соединяющей обученіе съ воспитаніемъ.

Прежде всего остановимся на различіи цѣлей и сущности того и другаго обученія.

Обученіе, по общепринятому употребленію этого слова, означаетъ передачу учащимся тѣхъ или другихъ знаній, свѣдѣній, умѣнья и ловкости въ известной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ учиться можно не только наукамъ, но и ремесламъ; такъ, дѣти „обучаются“ у мастеровъ сапожному, столярному и портному ремесламъ. Старая школа по своей цѣли недалеко уходила отъ этого пониманія обученія. Принимая на себя обязанность обучать дѣтей, учитель нерѣдко даже прямо входилъ въ условія съ родителями о вознагражденіи за *выучку* известнымъ знаніямъ, какъ-то, умѣнью читать гражданскую и церковную печать, зубренью псалтири, какой-нибудь „исторіи“ и т. д., при чемъ учитель былъ обязанъ заставить ребенка *выучить* известную „науку“ (букварь, псалтирь, арифметику и т. п.) и за это получалъ плату. Такое обученіе, по цѣли своей, должно быть названо *объективнымъ*, потому что вся задача его сосредоточивалась на изученіи книжки или известной „науки“. Цѣль—чисто внѣшняя. И учитель, и ребенокъ существовали для книжки, изученіе второй служило послѣднею задачей и школы, и учителя, и тяжелыхъ трудовъ цѣльныхъ поколѣній.

Совсѣмъ иную цѣль ставить себѣ воспитывающее обученіе. Въ противоположность первому, его должно признать вполне *субъективнымъ*. И учитель, и книжка, и школа, и всякое знаніе существуютъ только для ребенка, какъ *средства* воспитанія и развитія его дѣтской личности, и всѣ эти средства только въ той мѣрѣ имѣютъ значеніе и силу, въ какой они достигаютъ этой послѣдней цѣли; слѣдовательно, центръ тяжести, такъ-сказать, и задача школьной дѣятельности переносится внутрь дитяти, въ существо его. Все обученіе имѣетъ тогда и на столько значенія, когда и на сколько оно содѣйствуетъ образованію и развитію нравственно-свободной и разумной личности дитяти. Цѣль ученія уже не „выучка“, а приготовленіе къ самообразованію дитяти; самая грамота становится уже не цѣлью, а только средствомъ самообразованія. Преслѣдуя свою ближайшую

цѣль—сообщить ученику извѣстныя знанія и умѣнья, обученіе не покидаетъ ни на минуту изъ виду цѣли основной и общей—всесторонняго развитія дѣтской личности, и воспитываетъ дитя, чтобы сдѣлать его способнымъ къ самовоспитанію ¹⁾.

Изъ этого основнаго различія объективнаго обученія и воспитывающаго естественно вытекаетъ и разъясняется то различіе, которое существуетъ между старою и новою школами:

- 1) въ отношеніи личности учителя, его призванія и значенія;
- 2) въ отношеніи формъ и способовъ обученія;
- 3) въ отношеніи дѣтской личности учениковъ;
- 4) въ отношеніи школьной дисциплины, и
- 5) въ отношеніи школы къ жизни, то-есть, относительно результатовъ обученія.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ моментовъ школьной дѣятельности, составляющихъ главнѣйшее содержаніе и силу школы, а въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, эта основная и общая цѣль элементарной школы и обученія не только не осуществляется еще въ нашихъ школахъ, но даже и педагогами нашими не всеми усвоена. Такъ г. Столяпскій, издавшій не мало руководствъ по элементарному обученію, руководившій не разъ даже лѣтними педагогическими курсами, недавно въ числѣ тезисовъ, представленныхъ имъ на обсужденіе С.-Петербургскаго педагогическаго общества, выставилъ такое положеніе: «*Главная задача сельской школы въ настоящее время (а въ будущемъ будетъ другая?) состоитъ въ томъ, чтобы научить (дѣтей) правильно излагать свои мысли (а передавать чужія?) устно и письменно; осьмъ другихъ занятій (напримѣръ, религіозное обученіе?) должны вводиться на столько, на сколько они помогаютъ достиженію этой главной цѣли (sic)*». Итакъ, русская начальная школа отниметъ только «учить правильно говорить и писать по русски!» Покойный Гречъ давалъ это опредѣленіе своей русской грамматикѣ, вывѣзъ г. Столяпскій перенесъ его на начальную школу, хотя это перенесеніе прямо противорѣчитъ основнымъ началамъ педагогика и сущности самого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, религіозно-правственное образованіе вводится въ школу «на столько, на сколько оно помогаетъ ученику правильно излагать свои мысли устно и письменно!» Обученіе счету, по собственному выраженію референта, «должно обогащать лексиконъ дѣтей (тезисъ 4-й)». Такія положенія, выдаваемые авторомъ за основныя начала обученія, могутъ быть названы открытими: ни въ нашей, ни въ заграничной педагогической литературѣ нельзя найти ничего подобнаго. Имъ должны, впрочемъ, прибавить къ этому факту, что защищая свои тезисы въ упомянутомъ обществѣ, г. Столяпскій оказался до того несостоятельнымъ, что ему предложено было взять свои тезисы обратно, прежде чѣмъ дошли до его возвращенія на «главную задачу» школы, при чемъ референтъ однако выразилъ намѣреніе, снова обдумавши, предложить тѣ же тезисы обществу и защищать ихъ: *настоящностію, достойная лучшей участи.*

отрицательномъ отношеніи разъясняющихъ слабость, бѣсидіе и жалкое существованіе нашей школы въ минувшемъ.

1) Прежде всего передъ нами личность учителя старой школы. Управляло ли у насъ когда-нибудь поступленіемъ на эту должность сознание призванія своего къ ней, руководился ли учитель яснымъ сознаніемъ важности этой миссіи и употреблялъ ли онъ всѣ усилія для достойнаго приготовленія къ выполненію ея задачъ? Да и нужно ли это было съ точки зрѣнія объективнаго обученія? Конечно, нѣтъ. Если отъ школы требовалась только „внучка“, то чтобы достигнуть этой цѣли, много ли нужно силъ, знаній и способностей отъ учителя! Отъ того въ старину каждый грамотный (да и нынѣ многіе) брался за учительство, совершенно увѣренный, что научить грамотѣ дѣло не хитрое. Отъ того и теперь еще не рѣдкость встрѣтить учителя, который сидитъ самъ, точаешь сапоги, а дѣти-ученики воздѣ него выкрикиваютъ азъ, буки и т. д. Все дѣло учителя — „проказать урокъ“, заставить ученика нѣсколько разъ повторить его, а затѣмъ обязанность учителя состояла только въ наблюденіи за ученикомъ, чтобы онъ не зѣвалъ и не баловался, а проходилъ бы усердно урокъ, пока запомнить его наизусть, что очень удобно было дѣлать учителю и не оставляя работы. Грустно, но должно сознаться, что доселѣ у насъ не могло быть и рѣчи о призваніи въ народномъ учительствѣ, не было и рѣчи о достойномъ приготовленіи къ этой миссіи. Случайность управляла этимъ дѣломъ, и нужда загоняла нашихъ учителей въ школу, на „учебную работу“, какъ не любознательность и охота учиться привлекала дѣтей въ школы, а загоняли ихъ десятичники. Невѣжественныя общества, не понимая значенія школы и воспитанія, хлопчатъ и нынѣ только объ одномъ — сбить до минимума заработную плату учителя, и торгуясь съ учителемъ, оттягивая послѣднюю копѣйку отъ бѣдняка, нерѣдко не считаютъ нужнымъ уплачивать и ничтожной договорной платы, предоставляя учителю жить милостынею¹⁾. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о воспитаніи, о призваніи, о сво-

¹⁾ Что это не выдумка, а голая дѣйствительность (съ которою имъ знакомы непосредственно), читатель можетъ убѣдиться изъ интересной статьи «Дѣвѣ по училищамъ Тульской губерніи», напечатанной въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за октябрь 1870 г. Тамъ есть, между прочимъ, призывъ отдачи школы съ аукціона: невѣжественное общество, торгуясь съ двумя учителями, отдало школу совершенному неучу потому только, что онъ дешевле вѣзля. Само собою разумеется, что дешевый грамотѣй «никакой пользы, кромѣ вреда», школъ не принесъ, и когда школу посѣщала обозрѣватель, она была уже при смерти.

бодномъ и усердномъ трудѣ. Здѣсь лежитъ источникъ невѣжества и безсилія нашихъ школъ, которыми руководили нищіе и пролетаріи, полуграмотные и невѣжи, писаря, отставные солдаты, исключенные семинаристы, признаваемые сами неспособными къ ученю, но принимающіе на себя великую обязанность учить другихъ. Что же такъ долго скрывало недостатки прежнихъ учителей и заставляло общество снисходительно смотрѣть на самозванныхъ педагоговъ? Кромѣ *дешевизны* такого училищнаго персонала, нѣтъ сомнѣнія, въ значительной степени это обуславливалось и тѣмъ взглядомъ на учителя, по которому отъ него не только не требовалось никакихъ качествъ, необходимыхъ для воспитателя, но даже если онъ имѣлъ пороки, прямо противные цѣлямъ воспитанія, то и на нихъ не обращали вниманія, что де учитель долженъ *учить* ребятъ и ничего больше. Зналъ бы грамоту, а тамъ будь онъ пьяница и воръ, до этого никому не было дѣла, кромѣ развѣ полиціи и суда, въ случаѣ, если педагогъ былъ фактически уличенъ въ преступленія. Каковы были наши учителя въ старину, можно судить отчасти по извѣстному разказу Данилова (1735 г.), что онъ учился въ школѣ, гдѣ учителемъ былъ нѣкто Алабушевъ, „который тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ“, былъ „вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ“ педагогъ. Конечно, учитель-преступникъ могъ быть и тогда исключеніемъ, но жестокость и грубость дисциплинарныхъ мѣръ старой школы (см. ниже) вообще свидѣтельствуетъ о неразвитости народныхъ учителей. Требования отъ учителей стали вышываться только съ того времени, какъ въ общество стала проникать идея о воспитательномъ характерѣ обученія, мысль о томъ, что грамота не цѣль, а средство, и что плохой учитель, даже выучивъ дѣтей грамотѣ, можетъ испортить и развратить ихъ нравственно. Чѣмъ выше смотрятъ на учителя, тѣмъ серьезнѣе предъявляютъ ему требованія, тѣмъ почтеннѣе дѣлается само учительство ¹⁾.

1) Не можемъ при этомъ не упомянуть съ сожалѣніемъ о томъ, что не только нашимъ сельскимъ обществамъ пока еще чужды разумные взгляды на важность и значеніе миссіи учителя народной школы, и не извѣстны тѣ требованія, какія ему предлагаются идеей воспитывающаго обученія; многіе даже изъ людей, специально посвятившихъ себя дѣлу образованія народнаго, держатся отжившаго воззрѣнія на элементарнаго учителя, какъ исключительно только *орудіе грамотности*. Такъ специальная коммиссія, составленная при С.-Петербургскомъ комитетѣ грамотности для подробной разработки вопроса о народномъ образованіи, въ числѣ выработанныхъ ею основныхъ положеній, принятыхъ и комитетомъ

Сравните личность, положеніе и дѣятельность народнаго учителя въ странахъ, гдѣ идея воспитывающаго обученія легла въ основу училищевѣдѣнія, гдѣ не смотрятъ на учителя, какъ на чернорабочаго,

грамотности для руководства, представила такой тезисъ: «Обученіе грамотѣ во существу своему не составляетъ воспитанія (курсивъ въ подлинникѣ), и потому можетъ быть доверено каждому грамотному человѣку». Конечно, обученіе не составляетъ всего воспитанія, какъ одна малая часть не составляетъ всего цѣлаго: обученіе есть только одна изъ частей воспитанія. Упомянутая коммиссія рѣшила, что народную школу можно доверить *каждому грамотному*, рѣшила въ то время, когда земство почти всей Россіи путемъ горькаго опыта пришло къ убѣжденію, что самая темная сторона нашихъ школъ, главнѣйшая изъ причинъ ихъ ничтожества и неуспѣха, это недоучки-грамотѣи самозванные учителя; когда и частныя лица, и земство, и правительство единодушно направляютъ всѣ усилія къ приготовленію дѣльныхъ учителей и къ учрежденію даже специальныхъ учительскихъ институтовъ, по образу существующихъ на западѣ. Коммиссія признаетъ грамотность «неотложною потребностью народа и государства»; но что могутъ дать народу своею учебой недоучки-грамотѣи? Механическое умѣнье читать, безъ пониманія читаемаго, бессмысленное долбленіе молитвъ и псалтири, да ксати какого-нибудь Меморскаго, наконецъ, умѣнье каракулями подписать свое имя, не умѣя прочесть ни того, что самъ написалъ, ни того, что другими написано: ужени все это можетъ составлять «наущную потребность» народа и государства? А вѣдь доморощенные грамотѣи, которые и такой «науки» дать не въ состояніи. Напрасно коммиссія думаетъ найти гарантію для обученія въ «родительскомъ чувствѣ и общественномъ мнѣніи». Последнее у насъ пока очень не развито, и только успѣхи народнаго просвѣщенія могутъ дать прочную основу для его развитія; что же касается до «родительскаго чувства», то не руководимое просвѣщеннымъ сознаніемъ, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить положительною гарантіей для, требующаго известной компетентности. Въ упомянутой выше статьѣ о Тульскихъ училищахъ мы находимъ фактъ, что въ мѣстностяхъ близъ желѣзныхъ дорогъ родители съ ранняго возраста, въ ущербъ здоровью своихъ дѣтей, заставляютъ ихъ работать и слышать не хотѣтъ о школѣ, отъ которой не только нѣтъ прибыли, а одни убытки: какъ видно, «родительское чувство» этого населенія совсѣмъ не считаетъ нужнымъ для дѣтей образованіе, и жертвуетъ приобрѣтенію «презрѣнаго металла» даже здоровьемъ дѣтей. Такова сила вещей. Пока нашъ крестьянинъ смотритъ на семью и на дѣтей, какъ на рабочую только силу; пока суевѣрія и предрассудки, гнетъ экономическій и дакое самоуправство въ семьѣ не уступятъ мѣста свѣту нравственно-религіознаго просвѣщенія и силѣ разумнаго воспитанія, «родительское чувство» массъ, нерѣдко заблуждающееся и уклоняющееся, само еще должно требовать руководства. Не поможетъ дѣлу и то обстоятельство, что вручая школу первому встрѣчному грамотѣю, мы получимъ, - повидимому, вѣдательное приращеніе учащихъ дѣателей. Успѣхи просвѣщенія измѣряются не количествомъ, а качествомъ школъ и достоинствомъ просвѣдательныхъ силъ. У дурнаго учителя плоха и школа. А дурная школа, кромѣ того, что ничего не даетъ учащимся,

гдѣ не требуютъ одной только „учёбы“, но видятъ въ учителя чело-
вѣка, которому государство, церковь, общество, семейство вручаютъ
все дорогое и священное, свою будущность — въ лицѣ дѣтей, буду-
щихъ членовъ своихъ. Чѣмъ же объясняется столь серьёзное поло-
женіе учителя, его обезпеченность и уваженіе къ нему, какъ не
тѣмъ, что общество сознаетъ важность его мисси и признаетъ его
не учителемъ только, но и воспитателемъ молодаго поколѣнія. Въ
самомъ дѣлѣ, если важность заслугъ опредѣляется мѣрою пользы
человѣческаго труда, достоинствомъ его содержанія и цѣлю, то
что можетъ сравниться съ значеніемъ дѣятельности народнаго учи-
теля? Если въ совокупной дѣятельности учителей лежитъ суще-
ственное условіе преуспѣянія и будущности народа, то какъ по-
зорно равнодушіе и какъ вредно презрѣніе къ этой дѣятельности!
„Учительское званіе, говоритъ Денцель, только для тѣхъ можетъ
показаться ничтожнымъ, кто могъ забыть, что фундаментъ состав-
ляетъ основаніе зданія, и что прочное основаніе одно обезпечиваетъ
успѣхъ“. Всѣ эти мысли, мало извѣстныя еще въ нашемъ отечествѣ,
въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ не только извѣстны всѣмъ, но и
осуществляются на дѣлѣ. Путешествія и собранія германскихъ, на-
примѣръ, учителей составляютъ ихъ триумфъ. Учителямъ на съѣз-
дахъ дается даровая квартира, города считаютъ за счастье, если въ
стѣнахъ ихъ совершаются собранія учителей. А у насъ пока еще
относятся къ нимъ съ крайнимъ пренебреженіемъ, и учителя почти
нищенствуютъ.

Но предоставляя внѣшнія условія училищевѣдѣнія обществу и
жизни, мы обратимся къ тому, что требуетъ идея воспитывающаго
обученія отъ самого учителя, и что онъ обязанъ и можетъ самъ вы-
полнить.

Мы сказали уже, что прежде всего она требуетъ отъ учителя
призванія. Призванія требуетъ трудность и сущность самого дѣла,
соединеннаго съ большими неудобствами и лишеніями и нерѣдко тре-

---

положительно вредна, такъ какъ подрываетъ въ обществѣ довѣріе къ школѣ и
вызываетъ въ населеніи нерасположеніе отдавать дѣтей въ ученіе и жертвовать
на пользу общаго образованія. Мы могли бы привести сотни фактовъ для доказа-
тельства своихъ соображеній, но факты эти и безъ того всѣмъ извѣстны. Впро-
чемъ, для примѣра, укажемъ хоть на успѣхи «народной учёбы» въ Вязовкѣ Са-
ратовской губерніи, наложеніе которыхъ читатель можетъ найти въ Совр. Лѣт.
настоящей книги *Журн. Мин. Нар. Прос.*, а также на упомянутый выше
обзоръ школъ Тульской губерніи.

будущаго даже самопожертвованія; требуетъ его и самая дѣтская личность, воспитателемъ которой долженъ быть учитель. Несчастный выборъ, не отвѣчающій склонностямъ и предрасположеніямъ человѣка, даетъ жалкій результатъ въ трудѣ; трудъ безъ сочувствія становится навсегда источникомъ сожалѣній и недовольства для трудящагося, дѣлаетъ насильственной работу его, лишаетъ свѣтлаго расположенія духа, безъ чего не мыслимъ учитель. День за днемъ уходитъ въ тяжелой борьбѣ учителя съ самимъ собою, и онъ ждетъ только случая, чтобы бросить не любимый и гнетущій его неблагоприятный трудъ. Можетъ ли такой учитель быть воспитателемъ? Учить онъ еще какъ-нибудь можетъ; но воспитывать — никогда! Только для любви раскрывается душа дитяти, только при свѣтломъ настроеніи и расположеніи учителя дитя доступно воспитательному вліянію учителя. На дитя вліяетъ не только то, что учитель читаетъ, говоритъ и дѣлаетъ въ классѣ: незамѣтно, но тѣмъ не менѣе сильно и неостражно вліяетъ на школу вся жизнь учителя, складъ и характеръ его дѣйствій, его симпатіи и даже временное расположеніе духа. Но что можетъ дать дѣтямъ недовольство и раздражительность учителя, насиліе и противорѣчіе его съ самимъ собою въ трудѣ, озабоченное настроеніе и работа нѣхота? Дадутъ ли они ученику любовь къ школѣ и ученю, разовьютъ ли они въ немъ любознательность, охоту къ умственному труду, привяжутъ ли дѣтскую личность къ школѣ и учителю? Что бы ни говорилъ учитель о трудѣ, объ ученѣ, это будутъ одни слова; но *verba docent, а facta movent* — *exemplum*, дѣтская же натура такъ переимчива!

Совсѣмъ иные результаты получаютъ тамъ, гдѣ учитель трудится съ сознаниемъ призванія своего къ этой миссіи. Трудъ дѣлается для него источникомъ самыхъ лучшихъ, освѣжающихъ и поддерживающихъ его энергію наслажденій. Какъ мнѣнческій Айтей получалъ полную силу, прикасаясь къ матери-землѣ, такъ учитель постоянно можетъ черпать новыя силы для своего труда по школѣ изъ школы, которую любитъ онъ.

Далѣе, если учитель-воспитатель долженъ вести дѣтей къ развитію, если онъ долженъ пробудить въ нихъ постоянное стремленіе къ самоусовершенію, то учитель обязанъ не только самъ имѣть это стремленіе, но и дѣлательно осуществлять его. Кто самъ стоитъ, тотъ не можетъ вести другаго. Итакъ, идея воспитывающаго обученія приводитъ насъ къ новому требованію отъ учителя — постояннаго и дѣлательнаго стремленія его къ самообразованію. Это стремленіе, по сущ-

ности своей, безгранично, во въ приложеніи оно должно быть конкретнымъ, определеннымъ по ближайшей цѣли, и практическимъ въ отношеніи къ выполненію учительской миссии. Прежде всего это стремленіе должно предохранить педагога отъ самоувѣрія и жалкой самоуверенности „готоваго учителя“, какъ его называетъ Дистервегъ. Только тотъ стремится пополнить свое образованіе, кто сознаетъ свои недостатки. Къ средствамъ самоусовершенія учителя относятся: а) постоянное самонаблюденіе и внимательное разсмотрѣніе своихъ учительскихъ обязанностей, для чего каждый педагогъ долженъ былъ бы вести подробный журналъ всѣхъ своихъ опытовъ, замѣтокъ и т. д.; б) постоянное обращеніе всѣхъ частныхъ дѣйствій, приемовъ и воспитательныхъ мѣръ учителя къ основной идеѣ воспитывающаго обученія, которая должна сообщать единство и послѣдовательность всей дѣятельности учителя; в) чтеніе разумное, съ строгимъ выборомъ и сопровождаемое основательнымъ обсужденіемъ и замисланіемъ прочитаннаго, и д) постоянное взаимное общеніе учителей посредствомъ собраний, сѣздовъ, совѣщаній, и т. д. Подобный постоянный обменъ мыслей, взаимная поддержка, совокупное разрѣшеніе недоумѣній и важнѣйшихъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, взаимное возбужденіе къ изученію предметовъ и методовъ преподаванія, подѣрка опытовъ примѣненія методовъ и возвращеній и т. д.,—вотъ тѣ важныя выгоды, которыхъ лишено наше учительское сословіе, живущее пока разрозненно и отчужденно, учащее только, но не воспитывающее.

Мы указали только на общія и существенныя черты и требованія идеи воспитывающаго обученія, въ примѣненіи къ *личности* учителя народной школы; подробности этихъ требованій такъ сложны и велики¹⁾, что мы не можемъ здѣсь предпринять ихъ изложеніе и переходимъ къ изложенію тѣхъ чертъ, которыми характеризуется примѣненіе идеи воспитывающаго обученія къ самому процессу элементарнаго обученія.

2) Отношеніе учителя къ предметамъ школьныхъ занятій его, съ точки зрѣнія идеи воспитывающаго обученія, до противоположности

¹⁾ Изложеніе учительскихъ обязанностей, съ точки зрѣнія идеи воспитывающаго обученія, извѣстное у Нѣмцевъ подъ именемъ «Praesceptoral Anweisung», представляетъ обширную и самостоятельную часть современной педагогики, которая нѣмѣтъ своимъ предметомъ всестороннее разсмотрѣніе мудраго и вѣрнаго прохожденія учительской должности въ религіозно-нравственномъ, воспитательномъ, учебномъ и бытовомъ отношеніяхъ, раскрываетъ права и обязанности учителя, и на основаніи общихъ началъ идеи воспитывающаго обученія, очерчиваетъ идеальнаго истиннаго учителя и картину его дѣятельности.

различно обученію въ старой школѣ, преслѣдовавшей исключительно учебныя цѣли, вслѣдствіе чего народъ и сталъ называть эти школы „учебницами“, а самое обученіе „учебой“.

Старое школьное обученіе, по сущности своего чисто объективнаго характера, не требовало отъ учителя большаго труда и способностей; все дѣло вваливалось на плечи ребенка. Учитель приходилъ въ классъ, задавалъ урокъ, „проказывалъ“ вновь, и затѣмъ вся работа лежала на ученикѣ, который обязанъ былъ запомнить и затвердить показанное, „вызубрить“ заданное. Идея воспитывающаго обученія ставить дѣло иначе. Облегчая трудъ ребенка, она усиливаетъ трудъ учителя, требуетъ отъ него вниманія, усердія, способностей и расположенія къ дѣлу. Рациональные методы обученія, основанные на этой идеѣ, для усвоенія своего требуютъ много труда и усердія, а для примѣненія ихъ къ дѣлу — опытности, наблюдательности, развитія и педагогической подготовки. Если прежде учитель могъ учить, не заглядывая въ книгу, или видя ее только въ школѣ, то нынѣ всякій порядочный учитель необходимо долженъ дѣлательно и постоянно *самъ готовиться* въ каждомъ уроку, чтобы передать его дѣтямъ удовлетворительно. Прежде требовалось отъ учителя только *знать* свой предметъ; воспитательное обученіе требуетъ еще при этомъ и *умѣнья* передать свое знаніе ребенку, обязываетъ каждаго учителя основательно изучить методику элементарной школы. Но, и этого мало. Думать, что методъ, хотя бы и самый совершеннѣйшій, составляетъ центръ обученія, какъ думали прежде и полагаютъ нѣкоторые даже нынѣ, совершенно противно идеѣ воспитывающаго обученія, полагающаго цѣлью школы не обученіе, но развитіе дѣтской личности. Это перемѣщеніе цѣли отъ объекта въ субъектъ совершенно *измѣнило* и саміе методы элементарнаго обученія, сообщивъ имъ чисто субъективный характеръ. „Обученіе не сдѣлаетъ ничего въ школѣ, если наука не исчезнетъ съ своею объективностью въ субъективныхъ силахъ и методахъ дѣйствующихъ лицъ“, — вотъ основное положеніе методики рациональной народной школы. Вездѣ выслунаетъ индивидуальность, личность, и все знаніе обращается на служеніе личности же. Педагогическій характеръ методики элементарнаго обученія состоитъ не въ томъ только, что она облегчаетъ и ускоряетъ трудъ ученика (хотя и это выгода), но въ томъ, что облегчая и ускоряя обученіе, методы въ то же время сообщаютъ воспитывающій характеръ самому обученію. Денцель, напримѣръ, такъ опредѣляетъ задачи элементарной методики: „Она должна а) вызвать интересъ въ учени-

какъ въ занятіяхъ; b) вести къ основательности и точности въ знаніяхъ и дѣлахъ; c) слѣдуя ходу природы, способствовать постепенному развитію личности и послѣдовательному усвоенію знаній, и d) соединять всѣ вѣтви обученія въ единствѣ цѣли воспитанія“. Поэтому идея воспитывающаго обученія не только осуждаетъ и отвергаетъ старинные приемы объективнаго обученія, но осуждаетъ и увлеченіе новыми методами, въ коихъ нѣкоторые педагоги полагаютъ сущность школьнаго дѣла. Такое неразумное увлеченіе есть своего рода педагогическая болѣзнь, „методоманія“; это увлеченіе поверхностно, недалеконвидно и болѣе вредитъ, чѣмъ помогаетъ дѣлу, потому что удаляетъ школу отъ ея истинной и великой цѣли — образованія народнаго.

Учить, по идеѣ воспитывающаго обученія, значитъ — передавать ученикамъ знаніе и умѣнье, возбуждать всѣ положенныя въ природу дитяти силы, вызывать вниманіе, размышленіе, любознательность и самостоятельность, такъ, чтобы все существо дитяти было проникнуто этимъ воспитательнымъ вліяніемъ. Наполнять голову ученика свѣдѣніями полезно, но мало; нужно сдѣлать умъ хозяиномъ воли и руководителемъ сердца; нужно сообщить ребенку живыя религіозно-нравственныя начала, устрояющія человѣческую жизнь. Грамотность и школа не цѣль, но средство, не все дѣло, даже не половина его, а только начало. Умѣть хорошо читать, писать, считать, разказывать и владѣть нѣкоторыми знаніями вовсе не значитъ еще быть развитымъ. Истинное обученіе, соединенное съ воспитаніемъ, должно смягчить народъ, проникнуть религіозно-нравственною основой весь его бытъ, устранить грубыя привычки, невѣжество, варварство, сдѣлать разумъ господиномъ надъ животными побужденіями, дикими страстями и грубыми удовольствіями, уничтожить суевѣріе и предразсудки. Безъ нравственной основы, безъ развитости, безъ стремленія къ самообразованію, грамотный хуже безграмотнаго: онъ способенъ усовершенствовать только свои пороки, научается самохвальничать и презирать тѣхъ, кто не былъ въ „учебѣ“, и больше безграмотнаго самодурничаетъ въ семьѣ. Итакъ, идея воспитывающаго обученія совершенно видоизмѣняетъ самое обученіе и его задачи, дѣлая учителя живымъ дѣятелемъ жизни, а школу — образовательнымъ учрежденіемъ для молодаго поколѣнія. Эта идея проникаетъ все обученіе и всѣ предметы. Даже такой, повидимому, техническій предметъ, какъ письмо, нынѣ одинаково съ другими содѣйствуетъ общей цѣли школы, ибо вромѣ умѣнья, правильное методическое обученіе этому предмету воз-

буждаетъ любознательность, охоту и навыкъ къ дружному дѣйствію въ трудѣ (тактъ), постепенно развиваетъ упражненіемъ силы ребенка (генетическій приѣмъ), приучаетъ къ точному и отчетливому выполненію учебныхъ работъ, возбуждаетъ самостоятельность, сообщаетъ добрыя школьныя навыки, и въ то же время скорѣе и вѣрнѣе передаетъ ученику самое искусство письма. Нечего и говорить уже, что такіе предметы, какъ законъ Божій, счисленіе, чтеніе, отечественная исторія и географія вполне проникаются основною идеей воспитывающаго обученія и носятъ поэтому вполне образовательный характеръ.

Но всѣ методы, рекомендуемые педагогикой въ элементарномъ обученіи, тогда только приобретаютъ вполне образовательное значеніе и истинно воспитательную силу, когда получаютъ чисто субъективный характеръ, когда они сольются съ личностію учителя, когда учитель не будетъ относиться къ методамъ, какъ къ рецептамъ для приготовления урочковъ, къ механическимъ мертвымъ формуламъ, но воплотитъ въ себѣ методы и обратитъ ихъ въ сознательно употребляемое орудіе живаго созиданія духа, нравственно-разумной личности; когда, далѣе, учитель сумѣетъ индивидуализировать эти общіе методы, приемы, средства обученія. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать педагогическій афоризмъ, что „методу нельзя научиться, а каждый учитель долженъ самъ его выработать“. Это послѣднее требованіе приводитъ насъ къ новому моменту школьной жизни, именно къ тому отношенію учителя къ ученикамъ, которое устанавливаетъ и требуетъ идея воспитывающаго обученія и которое особенно рѣзко отличаетъ обмѣновенное обученіе отъ воспитывающаго.

3) Принципъ *индивидуальности*, то-есть, требованіе сообразовать всѣ учебно-воспитательныя мѣры и приемы съ личными свойствами, качествами, предрасположеніями, силами и воспріимчивостію ученика, совершенно не былъ извѣстенъ въ старой школѣ. Для прежняго учителя всѣ ученики были одинаковы, всѣ обязаны учить одни уроки, обязаны одинаково отвѣчать, единообразно выполнять всѣ классныя работы и обязанности. И приемы обученія, и наказанія, и общее отношеніе учителя ко всѣмъ ученикамъ было также одинаково. Но мѣряя весь классъ одною мѣркой, учитель, понятно, въ отношеніи ко многимъ былъ несправедливъ. Конечно, развитіе человѣка совершается вообще по непреложнымъ общимъ законамъ, врожденнымъ каждому человѣку. Знаніе этого общаго пути весьма важно (имъ собственно и обуславливается возможность педагогій, какъ науки); но общій ходъ развитія каждой личности ограничивается и обуславливается особен-

ными, личными свойствами каждаго субъекта, большимъ или меньшимъ задаткомъ способностей, степеню воспріимчивости и другими духовными и тѣлесными предрасположеніями; а потому думать, что извѣстная мѣра, тотъ или другой приемъ могутъ дѣйствовать одинаково на всѣхъ учениковъ, есть вредное и непростительное заблужденіе. Благодаря такому отношенію въ дѣтямъ, въ старыхъ школахъ являлось такъ много малоспособныхъ, такъ мало успѣвало большинство учениковъ, а учились и выучивались только лучшіе, съ которыми главнымъ образомъ и занимался учитель, считавшій остальныхъ неспособными.

Но если учитель желаетъ быть вмѣстѣ и воспитателемъ, онъ обязанъ не только основательно и всесторонне изучить дѣтскую натуру вообще, но узнать и личныя свойства своихъ учениковъ, совокупность которыхъ образуетъ индивидуальность дитяти. Только такимъ путемъ можетъ онъ разъяснить характеръ ученика, и только такое изученіе личности дастъ учителю возможность цѣлесообразно примѣнить учебно-воспитательныя средства въ своимъ питомцамъ. Кромѣ того, что каждый ученикъ не есть *tabula rasa* по природѣ своей, каждая личность имѣетъ много приобрѣтенныхъ личныхъ свойствъ, привитыхъ дитяти семействомъ или постороннимъ влияніемъ, съ которыми учитель долженъ иногда бороться, а въ случаѣ злобачественности ихъ, противодействовать ихъ проявленію и развитію. Брабчивость, лѣнь, невнимательность, грубость, лживость, замѣчаемыя иногда между учениками, все это суть результаты нѣкоторыхъ скрытыхъ причинъ и влияній. Но чтобъ успѣшно противодействовать этимъ и подобнымъ явленіямъ, нужно знать вѣрныя ихъ; только дѣйствуя на причину, мы радикально можемъ вліять и на удаленіе слѣдствій ея. Отсюда возникаетъ требованіе, чтобъ учитель былъ знакомъ съ тою средой, гдѣ живетъ и развивается дѣтская личность его питомцевъ, изучилъ тѣ условія и влиянія, которыя дѣйствуютъ на образованіе характера и нравственной личности дитяти, дабы въ возможной степени вліять на эти условія и глубже, радикальнѣе вліять на личность ¹⁾.

Итакъ, идея воспитывающаго обученія, полагая *индивидуализацию* въ основу учебно-воспитательной дѣятельности учителя, требуетъ отъ

¹⁾ Опыты подобаго изученія дѣтской личности, среды и влияній, дѣйствующихъ на образованіе нравственнаго характера ученика, мы представили въ своемъ отчетѣ о Харьковской воскресной школѣ, помѣщенномъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за августъ 1870 г.

него внимательнаго и всесторонняго изученія дѣтской личности — въ жизни, дома, въ семьѣ, въ школѣ.

Это изученіе дѣтской личности, выходя изъ сущности и характера субъективнаго принципа новаго обученія, имѣеть самое широкое примѣненіе въ учебно-воспитательной дѣятельности. Всѣ такъ называемые законы, начала воспитывающаго обученія и всѣ методы опираются на это изученіе дѣтской природы вообще и индивидуальныхъ условий ея развитія въ недѣлимыхъ.

Законы дидактики, это прежде всего психологическіе законы. Требования — учить дѣтя сообразно съ природой и естественнымъ ходомъ развитія личности, учить наглядно, элементарно, послѣдовательно переходя отъ простаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и т. д., — всѣ эти и другія основныя требованія рациональной дидактики возникли изъ внимательнаго наблюденія за развитіемъ дѣтяти, явились результатомъ изученія дѣтской природы. Поэтому-то справедлива мысль, что для истиннаго учителя нѣтъ, не должно и не можетъ быть ничего ничтожнаго въ воспитаніи. Такъ-называемыя мелочи, на которыя нерѣдко совсѣмъ не обращаютъ вниманія, своею массой и постоянствомъ своего вліянія нерѣдко дѣйствуютъ на дѣтей сильнѣе самыхъ энергичныхъ мѣръ воспитанія. Мелочи эти въ цѣлой массѣ образуютъ сильный и твердо сложившійся осадокъ въ личности, онѣ образуютъ нѣкоторый темный грунтъ, на которомъ въ послѣдствіи развивается характеръ. Итакъ, воспитатель долженъ быть зорокъ, внимателенъ, даже пронырливъ въ отношеніи къ дѣтской жизни и даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, повидимому, ея явленій. Въ воспитаніи нѣтъ мелочей, которыя не заслуживали бы вниманія воспитателя.

Итакъ, идея воспитывающаго обученія совершенно измѣняетъ отношеніе учителя къ ученикамъ; но обращая всю учебно-воспитательную дѣятельность къ природѣ ученика, идея эта тѣмъ самымъ вноситъ новый принципъ и во всю школьную дисциплину, которая отъ этого въ новой школѣ получаетъ совершенно своеобразный характеръ и значеніе.

4) Обрусѣвшее слово *дисциплина* ¹⁾, благодаря практикѣ старой

¹⁾ *Disciplina* (отъ лат. *discere*) собственно значить ученіе (*aliquem in disciplinam dare*, Cic.), наука (*d. juris, philosophiae, Caes.*); затѣмъ она употребляется въ значеніи порядка, необходимо соединеннаго съ ученіемъ (*militaris, Liv.*), и наконецъ для обозначенія образа мыслей, обычая и пр., въ нравственномъ смыслѣ, какъ выраженіе моральныхъ основъ порядка (*moses d. que*, Cic.). Въ педагогическомъ смыслѣ дисциплина, предполагая внѣшній порядокъ, суще-

школы, невольно вызываетъ представленіе о чемъ - то формальномъ, о внѣшнемъ порядкѣ, о тишинѣ въ классѣ, субординаціи и т. п. внѣшнихъ явленіяхъ, поддерживаемыхъ строгостью и наказаніями; но такое представленіе дисциплины, будучи вѣрно и справедливо относительно старой школы, „учѣбницъ“, совершенно не вѣрно и не педагогично само по себѣ.

Дисциплина, съ точки зрѣнія идеи воспитывающаго обученія, это вовсе не внѣшній только порядокъ; это духъ школы, это воспитательный строй всякаго учебнаго учрежденія, это чисто нравственное явленіе. Задача школьной дисциплины, съ этой точки зрѣнія, состоитъ вовсе не въ томъ только, чтобы наблюдать за внѣшнимъ спокойствіемъ учениковъ, за тишиною въ классѣ, за соблюденіемъ школьныхъ порядковъ, за внимательностью дѣтей, — это только средства ея и внѣшнія формы. Существо школьной дисциплины идетъ дальше и глубже, она имѣетъ своимъ предметомъ устроеніе нравственной жизни воспитанника. Дисциплина должна развить въ дѣтати чувство законности, вызвать въ немъ сознаніе необходимости порядка во всемъ и законосообразности въ дѣятельности; она должна научить воспитанника искусству самообладанія, умѣнью ограничивать себя и согласовать свою частную индивидуальную жизнь и потребности съ задачами общей жизни въ школѣ и въ семьѣ, а въ послѣдствіи въ обществѣ; она должна содѣйствовать выработкѣ характера воспитанника и сообщить ему добрые навыки, которые служили бы на пользу человѣку во всю его жизнь и содѣйствовали бы ему къ осуществленію здравыхъ началъ жизни; она должна вызвать въ немъ сознательное стремленіе къ самоустроенію жизни своей и приготовить его къ жизни, къ разумному участию въ дѣлахъ общественныхъ. Такимъ образомъ, дисциплина является могучимъ средствомъ воспитанія и лучшимъ сотрудничомъ воспитывающаго обученія. И всего этого дисциплина достигаетъ не насиліемъ, не внѣшними мѣрами полицейскаго характера, но путемъ глубокаго и постояннаго наблюденія и изученія дѣтской природы и разумно-добрымъ вліаніемъ на личность воспитанника.

Старая школа съ ея объективнымъ принципомъ была чужда разумной педагогической дисциплины и не шла дальше внѣшняго порядка и требованія исполнительности отъ учениковъ. Она опиралась

ственно относится къ нравственному самоустроенію личности. См. *Krause, Schuldisciplin, besonders zum Behuf der sittlichen Hebung der Schuljugend.* 1857; а также прекрасный трудъ *Церренера: Grundsätze der Schuldisciplin.* 1826.

на средства чисто внѣшняго характера; дисциплина новой школы всецѣло имѣетъ характеръ внутренней. Существенный недостатокъ старой дисциплины и вмѣстѣ причина ея внѣшняго характера и неуспѣха состояли въ томъ, что учитель въ дисциплинарномъ отношеніи преслѣдовалъ только *ближайшія* цѣли; такъ, онъ старался водворить тишину въ классѣ въ данный моментъ, принудить ученика къ вниманію во время урока и т. д., не обращая вниманія на то, на сколько принятая мѣра содѣйствовала общей цѣли школы; идея воспитывающаго обученія всецѣло обращаетъ всѣ дисциплинарные приемы и мѣры къ послѣдней и основной цѣли, — къ воспитательному вліянію на дитя, къ духовному его преуспѣванію. Отсюда мѣры и приемы старой школы употреблялись по преданію, были единообразны для всѣхъ учениковъ, назначались учителемъ какъ-бы по рецепту, при чемъ не имѣлось въ виду соотвѣтствіе, на примѣръ, взысканія проступку или индивидуальность ученика. Идея воспитывающаго обученія даетъ новый просторъ индивидуальности, она обязываетъ учителя видоизмѣнять свои мѣры сообразно личнымъ качествамъ каждого ученика, научаетъ его создавать новые приемы и факты дисциплинарнаго вліянія на воспитанниковъ.

Отсюда дисциплина старой школы отличалась жесткостью, суровостью, насильственными мѣрами, большою массой и разнообразіемъ тѣлесныхъ наказаній¹⁾; дисциплина воспитывающаго обученія, какъ чисто нравственное вліяніе учителя на ученика, имѣетъ благородный, гуманный характеръ, основывается уже не на страхѣ, какъ старая дисциплина, но на любви, на нравственной связи учителя съ учениками.

У народа есть одинъ простой, но полный смысла разказъ о томъ, какъ солнце и вѣтеръ заспорили о своей силѣ, — кто скорѣе сниметъ съ крестьянина его одежду; вѣтеръ опирался на силу внѣшнюю, солнце — на свою теплоту, силу внутреннюю. Солнце побѣдило. Этотъ наивный разказъ имѣетъ глубокой педагогической интересъ и значеніе. Подобно тому какъ вѣтеръ, усиливаясь сбросить съ крестьянина

¹⁾ Для характеристики старой школы весьма интересенъ тотъ параграфъ «Руководства для учителей I-го и II-го классовъ народныхъ училищъ» 1789 года, гдѣ перечисляются и запрещаются различныя тѣлесныя наказанія, бывшія тогда въ ходу, каковы: «ремни, палки, плети, линейки, розги, пощечины, толчки, кулаки, драпаніе за волосы, ставленіе на колѣни, драпаніе за уши; всѣ посрамленія и очень трогаящія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названія скота и осла и пр.». Наша народная школа и нынѣ далеко еще не вполне освободилась отъ этой грубой дисциплины внѣшняго характера, употреблявшейся въ старой школѣ.

одежду, заставляя его только сильнѣе закутываться и кончилъ тѣмъ, что крестьянинъ совсѣмъ запахнулся, подпоясаясь и ставъ совершенно недоступенъ вѣтру; такъ и учитель, желающій дѣйствовать на ученика силою и принужденіемъ, заставляетъ ученика свертываться въ себя, сосредоточиваться, чтобы стать непроницаемымъ и недоступнымъ для педагога. Дѣйствіе же солнечной теплоты — это дѣйствіе любви, которая отвериваетъ для воспитателя душу дитяти, дѣлаетъ ее доступною всѣмъ его мѣрамъ, воспримчивою и откровенною. Кто опирается на силу и страхъ, тотъ наблюдаетъ, вывѣдываетъ, подсматриваетъ, употребляетъ всѣ мѣры, чтобы наловить, что-называется, ученика въ его проступекъ; любовь не нуждается въ такихъ мѣрахъ: душа дитяти открыта воспитателю, и ребенокъ довѣрчиво и откровенно самъ все раскажетъ руководителю своему и самъ повинится, если сдѣлалъ проступокъ. Отъ того изъ-подъ силы вѣдшей дисциплины выходили дѣти тихія и скромныя при старшихъ, молчаливыя и не смѣющія улыбнуться въ классѣ при учителѣ, и дерзкіе шалуны за глазами учителя, готовые сдѣлать всякую шалость и прежде всего осмѣять и передразнить самого же учителя; дисциплина же воспитывающаго обученія, силою любви покоряя себѣ душу дитяти, самые правила добраго поведенія обращаетъ въ навыки, которые остаются у него навсегда. Прежняя дисциплина не только не помогала, но прямо вредила успѣхамъ обученія; запуганныя и забытыя дѣти, сохранявшія одинъ только вѣдшій порядокъ ради страха, и то въ присутствіи учителя, плохо воспринимали ученье и мало были внимательны къ урокамъ, а строгость учителя обыкновенно вела къ тому только, что дѣти употребляли всѣ мѣры не къ тому, чтобы исправиться, но чтобы по искуснѣе провестъ учителя, скрыть отъ него свою лѣнь, невнимательность, незнаніе и промахи; такимъ образомъ болѣзнь изъ наружной переходила во внутреннюю, слѣдовательно, не только не излѣчивалась, но дѣлалась только болѣе злокачественною и опасною. Воспитывающее обученіе, опираясь на другія начала, прежде всего требуетъ, чтобы въ школѣ было живое и веселое настроеніе; чтобы ученики сохраняли порядокъ по убѣжденію, что безъ порядка нельзя учиться, нельзя слушать учителя; чтобы дѣти любили ученье и дорожили каждымъ словомъ учителя. „Въ хорошей школѣ наказаній нѣтъ, потому что нѣтъ шалостей, а шалостей нѣтъ, потому что ученики заняты дѣломъ и шалить некогда“. Въ хорошей школѣ приходитъ учителя радуется учениковъ, и ученики сами спѣшатъ въ школу, считая каждый потерянный классъ для себя лишеніемъ. А въ старую школу

заговяли обыкновенно дѣтей силою или родители, или начальство; учитель былъ грозой для учениковъ, а каждый урокъ—предметомъ трепетныхъ ожиданій различныхъ взысканій и истязаній, неразлучныхъ съ механическою „учебой“. Итакъ, идея воспитывающаго обучения преобразуетъ школу и въ дисциплинарномъ отношеніи; строго сохраняя порядковъ въ обученіи, она вноситъ въ школу духъ разумной свободы, жизни, веселаго и свѣтлаго настроенія, она тѣсно соединяетъ учителя и учениковъ въ одну родную семью и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ успѣхамъ обученія и вызываетъ въ школѣ расположеніе, любовь и довѣріе дѣтей, а черезъ нихъ и общества.

5) Но идея воспитывающаго обученія не ограничивается тѣмъ, что возвышаетъ школу и дѣлаетъ ее учрежденіемъ воспитательнымъ. Она дѣлаетъ школу живеннымъ учрежденіемъ, которое, идя отъ начала: „изъ жизни для жизни“, имѣетъ самое широкое практическое значеніе, возвышая благосостояніе массъ, улучшая ихъ не только нравственную, но и экономическую жизнь. Въ этомъ отношеніи старая школа также противоположна новой. Отъ чего наша старая школа такъ мало пользовалась расположеніемъ народа, такъ мало вызывала въ немъ къ себѣ сочувствія?

Безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ другихъ причинъ и отъ того, что народъ не видѣлъ пользы отъ школы, отъ того, что школа нисколько не вознаграждала тѣ жертвы, какихъ она требовала отъ крестьянина, какъ бы жертвы эти ни были ничтожны. Стоитъ безпристрастно взглянуть на наши старыя школы, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого положенія. Въ самомъ дѣлѣ, что давала наша школа народу?

Польза, которую народъ въ правѣ ожидать отъ школы, можетъ быть двоякая—моральная и экономическая. Народъ знаменательно и глубоко называетъ ученье *свѣтомъ*,—но много ли свѣта было въ старомъ ученіи? Что просвѣтительнаго могло заключать въ себѣ то бессмысленное зубреніе, которое составляло всю школьную работу, и какую пользу могъ извлечь для себя народъ изъ того жалкаго полувнанія, какое давала ученику своему старая школа? Народъ видѣлъ, что „учеба“ не возрождаетъ человѣка, что „ученные“ живутъ такъ же, какъ и тѣ, кто никогда не былъ въ школѣ, они не дѣлаются лучшими земскими людьми, а даже портятся, какъ наши грамотѣи-писаря, которые, благодаря своей грамотности, дѣлаются „мироѣдами“, по жѣткому выраженію народа; пьянство, плутовство, лѣнь, грязь въ обстановкѣ и рутинѣ въ хозяйствѣ этихъ грамотѣевъ нисколько не

возвышали ихъ надъ уровнемъ массъ, и народъ даже сталъ дичиться этихъ школъ, откуда выходятъ писаря, такъ какъ не видѣлъ добра отъ этихъ людей. Но не видя отъ школы пользы моральной, народъ еще менѣе видѣлъ въ учебѣи пользу матеріальную. Грамота мало давала проку, такъ какъ чаще всего грамотный „смотрѣлъ въ книгу, а видѣлъ фигу“, и не имѣя любознательности, скоро забывалъ и искусство чтенія механическаго; хотя дѣти учились закону Божію, но часто не знали самихъ простыхъ молитвъ; учились ариметикѣ, писали милліоны, а простой задачи изъ сельскаго быта рѣшить не могли; списывали готовые прописи, а своего имени подписать не научались, прочесть писанное могли развѣ не многіе, а написать бумагу отъ себя—такой мудрости не слыхано,—и грамотному и неграмотному нашимъ простолюдинамъ письма и читаетъ и пишетъ обыкновенно все тотъ же писарь или священникъ. Итакъ, за чтѣмъ же любить школу, за чтѣмъ на нее деньги давать и дѣтей мучить, если она не даетъ пользы народу. Такова была школа старая.

Идея воспитывающаго обученія прежде всего обращается къ воспитанію дѣтской личности; она воспитываетъ его разумность, возбуждаетъ любознательность и самодѣятельность, она готовитъ дитя для жизни. Новая школа, влагая сознательную молитву въ уста дитяти, является соотрудницею церкви, приготавлившею дѣтей къ достойному пользованію благодатными ея средствами, и такимъ образомъ содѣйствуетъ религіозно-нравственному просвѣщенію и возрожденію массъ. Дѣйствуя на умственное и физическое развитіе, воспитывающее обученіе имѣетъ цѣлію образовать *всего* человѣка. Вотъ какъ эту задачу разумной школы выражаетъ нѣмецкій педагогъ Дистервегъ, посвятившій всю жизнь свою возрожденію родной ему нѣмецкой школы: „Истинное обученіе образуетъ *всего* человѣка: оно изощряетъ вышнія чувства, упражняетъ члены, развиваетъ тѣло, приучаетъ его къ приличію, облагораживаетъ черты лица, возбуждаетъ вниманіе и усердіе къ ученію, развиваетъ мыслительную способность, овладѣваетъ волею, дѣйствуетъ на сердце, внушаетъ ученику любовь къ изучаемому предмету и къ истинѣ, словомъ, превращаетъ его въ истиннаго человѣка и выпускаетъ изъ школы съ *твердымъ намѣреніемъ* и *способностью* продолжать самому свое усовершенствованіе въ томъ же духѣ и служить истинѣ во всю жизнь“. Такое развитіе человѣка, опираясь на христіанскія начала смиренія и самоуваженія, утверждая признаніе правъ другихъ и вызывая сознаніе своихъ обязанностей, дѣлаетъ человѣка живымъ членомъ общества, государства, церкви; такая школа

имѣть истинно просвѣтительное значеніе, и моральная польза ея выше всякихъ сомнѣній.

Но не ограничиваясь одною моральною стороною, школа можетъ и должна быть для народа лучшимъ средствомъ усовершенія его экономическаго положенія.

Чѣмъ общество развитѣе, тѣмъ прочнѣе въ немъ кредитъ, тѣмъ тѣснѣе оно сплочено, тѣмъ болѣе въ немъ развивается самопомощь; чѣмъ болѣе нравственно развиты служители общества, завѣдывающіе его учрежденіями, тѣмъ честнѣе будутъ они выполнять свои обязанности, блюсти интересы общества, охранять его имущество и права.

Чѣмъ развитѣе человекъ, тѣмъ болѣе онъ дѣлается способнымъ къ усовершенствованію своей дѣятельности. Онъ уже не будетъ говорить: „отцы наши такъ жили, и мы будемъ такъ жить“, но постарается улучшить и соху свою, и удобрить поле, и во-время сдѣлать запашку. Истина — область свободы и жизни; свѣтъ образованія разгоняетъ тьму невѣжества, удаляетъ предрасудки и суевѣрія, темною тучею облегающія нашъ народъ; а освободившись отъ тьмы и ставъ на прямую дорогу разумной жизни, онъ пойдетъ изъ силы въ силу.

Но идея воспитывающаго обученія не опускаетъ изъ виду и частныхъ условій практической жизни народа: оно требуетъ, чтобы школьная наука отсюда черпала свой матеріалъ. Такъ, напримѣръ, нынѣ уже не мучатъ дѣтей безконечными числами, съ которыми имъ никогда не придется имѣть дѣла, учителя не задаютъ уже задачъ о мортирахъ, бомбахъ, о курьерахъ и т. п. неизвѣстныхъ дѣтямъ предметахъ; но берутъ матеріалъ обученія изъ жизни, знакомятъ дѣтей съ дѣйствительными цѣнностями разныхъ предметовъ и задачи задаютъ такія, которыя прямо пригодны для дѣла и приготавливаютъ ученика къ жизни, развиваютъ въ немъ умѣнье пользоваться приобретеннымъ знаніемъ. Учитель вмѣстѣ съ учениками, въ головѣ, на счетахъ, на бумагѣ, на доскѣ учитъ ихъ счету, разказываетъ, какъ подковываются лошадь, и высчитываетъ, что стоитъ ковка; говоритъ ли о платьѣ, разказываетъ, чего оно стоитъ; учитель съ учениками умственно печетъ хлѣбъ, покупаетъ и продаетъ сельскіе продукты, словомъ, въ классѣ воспроизводитъ жизнь и приучаетъ дѣтей, какъ управляться своимъ умомъ и все дѣлать съ расчетомъ, съ совнаніемъ, самостоятельно.

Таково ученье, которое воспитываетъ дитя для жизни.

И всѣ предметы такого школьнаго обученія получаютъ практическій характеръ примѣнимости къ жизни; въ этомъ возстановленіи живой

связи школьнаго ученія и жизни лежитъ практическая сила школы, въ немъ ея преуспѣяніе и залогъ ея лучшаго будущаго.

Такъ многоплодна и богата содержаніемъ идея воспитывающаго обученія и такъ благодѣтельно примѣненіе ея въ практикѣ народной школы. Мы взяли только главныя черты практическаго осуществленія этой идеи въ примѣненіи къ народной школѣ, но здѣсь лежитъ зерно и зародышъ всѣхъ частныхъ дѣятельностей, формъ и подробностей разумаго обученія. Только сознательное усвоеніе этой идеи способно сдѣлать изъ учителя-рабочаго свободно и разумно-дѣйствующаго миссіонера народнаго просвѣщенія. Только эта идея способна возратить школѣ ея высокое просвѣтительное значеніе, возвысить уваженіе къ ней, пробудить глубокія къ ней симпатіи въ народѣ и побудить его ко всѣмъ пожертвованіямъ, какія необходимы для обезпеченія этого дѣла. Только эта идея силою своего содержанія можетъ возродить нашу школу и сдѣлать изъ „учебн“ образованіе, а изъ школы — обще-народное просвѣтительное учрежденіе, гдѣ молодое поколѣніе, приобрѣтая запасъ необходимыхъ свѣдѣній, будетъ получать практическое религіозно-нравственное и интеллектуальное воспитаніе. На этихъ началахъ основана лучшая изъ школъ европейскихъ — школа нѣмецкая, и на нихъ же опираясь, нынѣ наше правительство полагаетъ основаніе для возрожденія школы русской.

Выразимъ кратко основныя положенія нашего воззрѣнія на сущность, характеръ и основныя задачи элементарнаго обученія въ народной школѣ: 1) Идея воспитывающаго обученія, лежащая въ основѣ ея, опирается на неизмѣнныя и всеобщія начала развитія человѣческой природы; эта идея служитъ для элементарной школы живымъ и не оскудѣвающимъ источникомъ ея усовершенія; она составляетъ прочный базисъ и существенную задачу элементарнаго образованія, которая поэтому всеобща и постоянна.

2) Идея воспитывающаго обученія сообщаетъ методикѣ *субъективный* характеръ, направляющій и пронизывающій всю школьную дѣятельность и опредѣляющій ея воспитательное значеніе;

3) эта идея возвышаетъ значеніе миссіи народнаго учителя и даетъ ему новыя силы и направленіе;

4) она требуетъ отъ учителя труда по призванію, по любви; требуетъ отъ него дѣятельнаго стремленія къ самообразованію, постояннаго движенія впередъ;

5) она усиливаетъ трудъ учителя, облегчая въ то же время трудъ

учащихся; она требуетъ отъ него методической подготовки и всю силу методовъ полагаетъ въ личности учителя;

6) она обязываетъ учителя всесторонне изучить личность воспитываемаго и требуетъ индивидуализаціи учебно-воспитательныхъ мѣръ школы;

7) она даетъ новое начало школьной дисциплинѣ и вообще всѣмъ дисциплинарнымъ мѣрамъ сообщаетъ кроткій, но глубокий воспитательный характеръ;

8) наконецъ, идея воспитывающаго обученія соединяетъ школу и жизнь и сообщаетъ школѣ характеръ практической полезности — какъ въ моральномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Это не все; но здѣсь заключается *основаніе* и *сила* народной школы, которая должна не только учить, но и воспитывать: въ этомъ живомъ началѣ ея великая будущность и развитіе. Заклучаемъ наши замѣчанія девизомъ великаго Ратиха, первоначальника современной нѣмецкой школы: „Gewohnheit verschwind, Vernunft überwind, Wahrheit Platz find!“ Будемъ и мы надѣяться на торжество истины, свѣта и разума.

С. Миропольскій.

С.-Петербургъ, январь 1871 года.

ЗНАЧЕНІЕ ВОСПИТАТЕЛЯ ВЪ ГИМНАЗИИ И ЕГО ЗАДАЧА ¹⁾.

Qui proficit in litteris, sed deficit in moribus,
plus deficit, quam proficit.

Гимназія безъ пансіона есть заведеніе, собственно говоря, болѣе учебное, нежели воспитательное. Въ стѣнахъ гимназіи воспитанники проводятъ не съ большимъ шесть часовъ; въ остальное время они находятся внѣ прямого надзора гимназическаго начальства. Значить, за развитіе характера, за развитіе тѣхъ или другихъ привычекъ въ воспитанникѣ гораздо болѣе должна отвѣчать семья, нежели школа, такъ какъ то и другое непосредственно вырабатывается прямо, если не вполне, то въ значительно преобладающей степени, подъ семейнымъ вліяніемъ. Видитъ воспитанникъ вокругъ себя добрые примѣры, слышитъ строгій, справедливый голосъ отца, наблюдающаго за его поведеніемъ, — благо воспитаннику; встрѣчаетъ онъ въ своей семьѣ слѣдную любовь, поблажку всякимъ своимъ прихотямъ, — добра не

---

¹⁾ Усиленіе воспитательнаго элемента въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ вполнѣ справедливо всегда обращало на себя вниманіе педагоговъ; въ этихъ видахъ англійскія учебно-воспитательныя учрежденія имѣютъ своихъ *туторовъ*, нѣмецкія — *ординариусовъ*, наши гимназіи — *воспитателей*, замѣнившихъ прежнихъ гувернеровъ и надзирателей. Конечно, открытыя учебныя заведенія, каковы наши гимназіи безъ пансіоновъ, не представляютъ тѣхъ средствъ и удобствъ для воспитательнаго вліянія на учениковъ, какими обладаютъ интернаты; но это, само собою разумѣется, не освобождаетъ учебное заведеніе отъ обязанности дѣйствовать воспитательно на учащихся, но только осложняетъ и затрудняетъ выполненіе такого требованія. Помѣщая настоящій очеркъ значенія воспитателя въ гимназіи, какъ первый опытъ, конечно, могущій вызвать многія возраженія съ педагогической точки зрѣнія, редація руководится желаніемъ обратить вниманіе и силы нашихъ педагоговъ къ серіозной обработкѣ этого столь важнаго, сколько и труднаго вопроса, обѣщаясь дать мѣсто на страницахъ своего журнала всякому дальшему о немъ мнѣнію и добросовѣстной попыткѣ практическаго разрѣшенія его. *Ред.*

предвидится. Если обстоятельства иногда слагаются такъ, что родители, съ поступленіемъ сына въ гимназію, вынуждены бываютъ жить вдали отъ него, то и тогда на ребенка будетъ имѣть вліяніе частію первоначальное его воспитаніе въ родительскомъ домѣ, частію обстановка жизни въ той семьѣ, которой родители ввѣрили заботы о немъ. Могутъ быть наконецъ случаи и такого рода, что въ болѣе зрѣломъ возрастѣ воспитанникъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ семейныхъ или экономическихъ обстоятельствъ, живетъ нахлѣбникомъ, предоставленный полному своему произволу; но и здѣсь направленіе и характеръ воспитанника столько же будутъ зависѣть отъ первыхъ впечатлѣній дѣтства, сколько отъ вліянія окружающей его среды въ гимназіи. Вообще воспитаніе ученика есть главнѣйшимъ образомъ результатъ условій семейнаго его быта, въ которомъ полагаются основанія и задатки для образованія характера и того или другаго направленія юноши.

Но принимая на себя по преимуществу заботы по учебному образованію дѣтей, открытое учебное заведеніе не устраняетъ отъ себя однако же совершенно и не можетъ устранить заботъ о воспитаніи ихъ. Въ силу того уже, что воспитанники учебнаго заведенія ежедневно сходятся въ опредѣленное время для извѣстной цѣли въ общую массу, они должны подчиняться извѣстнымъ общимъ требованіямъ своей новой, временной среды, которая представляетъ уже значительное отличіе отъ условій жизни въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Есть условія въ семейной жизни, которыя, не заключая сами въ себѣ ничего укоризненнаго, тѣмъ не менѣе не могутъ быть терпимы въ средѣ школьной жизни, гдѣ существуютъ свои необходимые порядки. Здѣсь-то и начинается для ученика воспитаніе общественное; оно не находится въ разладѣ съ воспитаніемъ семейнымъ, но служить только его продолженіемъ, и къ питомцу доброй среды семейной требованія школьной жизни легко привьются; напротивъ, навыки мальчишка избалованнаго или же нравственно-испорченнаго, вызываютъ воспитателя на борьбу, и нерѣдко борьбу упорную. Во всякомъ учебномъ заведеніи во главѣ всего порядка и организациі его должна стоять дисциплина. Чѣмъ сложнѣе и разнороднѣе масса учениковъ, и чѣмъ выше дѣло, которому она служить, тѣмъ строже должны быть условія, охраняющія порядокъ, душу каждаго общества, тѣмъ болѣе должно быть внесено въ живую и разнородную массу единящаго начала, выражающаго единство цѣли учебнаго заведенія, тѣмъ сложнѣе задача школьной организациі.

Все время пребыванія ученика въ стѣнахъ гимназій дѣлится на классное и на время промежутковъ между уроками. Поведеніе ученика въ классѣ составляетъ прежде всего предметъ заботъ и наблюденій преподавателя. Воспитателю же приходится имѣть дѣло съ учениками только въ промежуткахъ отдыха между уроками. Тридцать, сорокъ чело- вѣкъ въ каждомъ изъ четырехъ классовъ (берешь одну часть корри- дора—отдѣленіе младшихъ классовъ), сдерживаемые въ известномъ по- рядкѣ во время урока спрашиваніями и объясненіями, короче сказать, различными видами учебныхъ занятій, заинтересованные и научнымъ предметомъ, и оцѣнкою ихъ труда, высыпаютъ въ корридоръ десят- ками изъ каждого класса на законный отдыхъ. Этотъ законный от- дыхъ на привычномъ для педагога языкѣ называется рекреацией, буквально—освѣженіемъ, обновленіемъ силъ физическихъ и умствен- ныхъ, для перехода отъ одного умственного труда къ другому. Сообразно съ этимъ можно сказать, что если въ классѣ сидѣлъ уче- никъ, то въ корридорѣ онъ является уже, какъ воспитанникъ. Клас- сная тишина естественно должна превратиться въ шумъ; большая или меньшая сосредоточенность класснаго вниманія ищетъ для себя раз- влеченія; послѣ часоваго урока сидячее положеніе должно смѣниться движеніемъ. Всему этому должна быть мѣра; для законнаго отдыха должны быть законные предѣлы: шумъ не долженъ переходить въ гамъ; движеніе — въ толкотню и бѣганье; ради развлечения не мо- жетъ быть допущена безобразная возня, не всегда при томъ безо- пасная; однимъ словомъ, удалъ и отвага въ разнохарактерной по се- мейному воспитанію массѣ не должны переступать известныхъ гра- ницъ, тѣмъ менѣе доходить до драки или переходить въ грубые приемы уличныхъ забавъ. Кромѣ того, если припомнить, что не всѣ ученики могутъ (какъ бываетъ, вѣроятно, въ большей части гимназій, если не во всѣхъ) помѣститься въ корридорѣ, а мѣстомъ отдыха во время классныхъ перемиръ служатъ и полупустынные классы, то нельзя не признать, что надзоръ воспитателя за воспитанниками въ рекреационное время значительно затрудняется и усложняется. Какъ же сдерживать эту почувствовавшую себя на свободѣ массу, которая съ послѣднимъ звукомъ звонка сознала за собою данное ей право на шумъ и движеніе, и сама по себѣ не умѣетъ понять доволен- ныхъ предѣловъ для того и другаго, или какъ слѣдить за раз- сѣянными повсюду воспитанниками? Средства, которыя употребли- лись обыкновенными надзирателями и гувернерами, состояли въ гром- комъ, останавливающимъ голосѣ, во внѣшней расторопности, въ гру-

быть привязаніяхъ стать у стѣны, стать на колѣни, въ рѣзкомъ замѣчаніи въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, въ угрозахъ, взысканіяхъ или въ жалобѣ въ начальству. Теперь надзиратель, гувернеръ замѣненъ воспитателемъ.

Въ идеѣ новаго учрежденія полагаются и другія условія для педагогическаго надзора: въ дѣло должны быть употреблены иные мотивы, болѣе сообразны съ духомъ времени, опирающіеся на другіе принципы. Идея страха, царившая въ былыя времена въ учебныхъ заведеніяхъ, давно уже стала анахронизмомъ: она отжила свое время вмѣстѣ съ уничтоженіемъ розогъ; съ тѣхъ поръ проповѣдуется, только гуманность, и рѣдко даже можно услышать голосъ въ пользу прежней строгости. Итакъ, порядокъ учебнаго заведенія долженъ, по духу времени, держаться на другихъ основахъ. Въ чемъ же должно заключаться магическое дѣйствіе на массу, выпущенную на четверть часа отдыха и — не надобно забывать — состоящую изъ мальчиковъ различнаго домашняго воспитанія? Современная педагогика рекомендуетъ путь убѣжденій, увѣщаній, указываетъ на силу личнаго вліянія воспитателя. Вотъ во что воспитатель долженъ постоянно вдумываться не только въ минуты своей дѣятельности, но и въ часы отдыха внѣ службы. Совершенно устранить мысль о взысканіяхъ и наказаніяхъ, конечно, нѣтъ возможности; но обходиться безъ нихъ какъ можно чаще есть и возможность, и слѣдовательно, долгъ воспитателя; въ этомъ-то и заключается высокое значеніе его поста: воспитатель долженъ стать въ уровень съ требованіями, лежащими въ идеѣ учрежденія его должности. На сколько это выполнимо, вмѣсто общихъ разсужденій, мы лучше поведемъ на одномъ или двухъ примѣрахъ, взятыхъ изъ практики, при чемъ, имѣя въ виду, что разбирательство проступка значительно измѣняется по числу участвующихъ въ проступкѣ лицъ, представимъ примѣры разбирательства проступковъ единичныхъ и коллективныхъ, въ массѣ.

Беремъ отдѣльный случай изъ воспитательной практики. Звонокъ пробилъ. Коренастый второклассникъ, бойкій, но съ расплагающимъ взглядомъ, успѣлъ уже схватить новичка-первоклассника за руку около плеча, и придавая своей позѣ видъ совершенно сновиднаго положенія, стискиваетъ ему руку; тотъ сначала тернитъ, но наконецъ издаетъ легкій крикъ. Дѣлается это нѣсколько въ сторонѣ отъ дверей перваго и втораго класса, шагнувшихъ одна противъ другой; смущенный забѣлка смекнулъ, что нѣсколько подале отъ дверей, въ которыя чаще заглядываетъ воспитатель, ему удобнѣе испол-

нить свою операцію. Легкій крикъ привлекаетъ вниманіе воспитателя и выдаетъ тайну продѣлки. Воспитатель, конечно, съ разу понимаетъ, въ чемъ дѣло и кто виноватъ, даже раньше распросовъ. Слѣдовательно, безъ дальнѣйшихъ околичностей, послѣ двухъ-трехъ словъ со стороны того и другаго, можно было бы распорядиться такимъ образомъ: или поставить забіяку тутъ же на колѣни, или велѣть ему остаться послѣ уроковъ на полъ часа, на часъ подъ арестомъ. Но это наказаніе, для виновнаго едва-ли не превышающее вину, для массы въ то же время прошло бы незамѣтно, безслѣдно, по крайней мѣрѣ, оказало бы развѣ только легко проходящее впечатлѣніе. Хотите отсюда извлечь моральный урокъ для нея? Не спѣшите назначеніемъ наказанія, подумайте, не лучше ли дать другую развязку дѣлу, самое же наказаніе побережь для другаго случая болѣе серіознаго. Всмотриваетесь въ дѣло ближе, начинаете разбирать его совершенно спокойно. Вокругъ васъ въ это время собираются ученики другихъ классовъ. Вы спрашиваете сначала виновника-второклассника: „Что вы дѣлаете?“ Онъ говоритъ: „Я играю!“ Между тѣмъ самъ уже, хотя и малу по малу, но замѣтно для воспитательскаго глаза, старается ослабить натискъ своей руки. Не возражая ничего на такой отвѣтъ, вы въ свою очередь спрашиваете новичка, который доведенъ былъ до легкаго крика излишкомъ любезности и общительности: „Признаетели вы это игрой со стороны товарища?“ Онъ отвѣчаетъ прямо, но безъ злобы, потому что боль его была еще не слишкомъ велика: „Нѣтъ!“ Послѣ такого оборота, даннаго вашему разбирательству, вы оставляете проступокъ безъ наказанія, а между тѣмъ вы имѣете полное право рассчитывать на добрыя послѣдствія такого разбирательства и рѣшенія. Забіяка, не смотря на уловку къ оправданію, все-таки сознающій неправоту своего дѣла, а съ другой стороны довольный великодушнымъ прощеніемъ (вы ему только пригрозили пальцемъ), едва-ли остановится на той мысли, что все и всегда можетъ сходять съ рукъ; нѣтъ, онъ немножко попризадумается надъ этимъ случаемъ. Слабосильный новичекъ успокоивается тѣмъ, что онъ противъ маленькихъ богатырскихъ покушеній всегда можетъ надѣяться на защиту воспитателя, и въ свою очередь не станетъ думать о томъ, зачѣмъ, дескать, не наказали моего врага. Какое впечатлѣніе произвело это на очевидцевъ вашего разбирательства? Вы видите, что они въ свою очередь расходятся довольные вашимъ рѣшеніемъ ¹⁾. Что изъ всего этого выходитъ для

¹⁾ Авторъ представляетъ возможный случай; но также очевидно, что воз-

воспитателя въ качествѣ официального лица? Масса на шагъ подалась къ вамъ въ душевномъ расположеніи, а слѣдовательно, вы на шагъ стали прочіѣе въ отношеніи морального на нее вліянія. Могутъ сказать на это: „Не обманывайте себя! понравилась ученикамъ только ваша слабость, ваша снисходительность“. Снисходительность, пожалуй, но никакъ не слабость: въ толпѣ сказалось бы это иначе, прямо похвалили бы вашу доброту, а за похвалю доброты дѣйствительно не рѣдко можетъ скрываться довольство слабостію; здѣсь, напротивъ, по впечатлѣнію можно замѣтить, что они признали въ этомъ даже и не снисходительность, а чисто справедливость, гуманность. Въ подерѣпленіе къ этому должно сказать, что прощенный мальчикъ-забѣява дѣйствительно, но все таки съ хорошими свойствами мальчикъ, любимецъ учениковъ и третьяго и четвертаго класса, а на такую юную привязанность при оцѣнкѣ маленькаго шалуна вы всегда можете положиться.

Возьмемъ другой случай. Между новичками вы успѣли уже замѣтить одного бойкаго мальчика; раза два, три уже поддывали его къ себѣ, дѣлали ему легкія внушенія, и въ послѣдній разъ излишекъ его бойкости приняли къ свѣдѣнію. И вотъ вы видите, что какой-то мальчикъ дѣзетъ черезъ столъ къ товарищу, который отъ него что-то защищаетъ; первый мальчикъ, увлеченный своимъ дѣломъ, не замѣчаетъ васъ. Вы, не подходя къ мѣсту затѣи, но стоя у входной двери въ классъ, даете знакъ, по которому товарищи сообщаютъ ему, что его зоветъ къ себѣ воспитатель. Онъ является къ вамъ, и вы узнаете, что это тотъ самый воспитанникъ, который въ короткое время успѣлъ быть вами замѣченнымъ, и о которомъ вы уже успѣли составить себѣ нѣкоторое понятіе не въ пользу наклонностей, вынесенныхъ имъ изъ дома. Вы спрашиваете его, опять спокойно, безъ раздраженія, тѣмъ болѣе, что вы видите еще здѣсь какую-то неизвѣстную вамъ попытку. Бойкій мальчикъ оправдывается тоже чѣмъ-то въ родѣ игры (на игру обыкновенно сваливается всякій неблаговидный замыселъ относительно товарища, въ расчетахъ иной разъ, что товарищъ, можетъ-быть, и самъ поддержитъ шалуна); вы поддываете ученика, противъ котораго направлено было дѣйствіе, онъ объясняетъ, что товарищъ хотѣлъ взять у него булку. Собственно говоря, проступокъ, хотя даже и въ видѣ еще попытки, представляется сравнительно темнѣе и грубѣе предыдущаго,

можны и другіе, менѣе благопріятные результаты принятой мѣры: весьма жаль, что авторъ опускаетъ это изъ виду, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ ниже приводимыхъ имъ примѣрахъ. *Ред.*

и слѣдовательно, уже скорѣе могъ бы подлежать высканію. Всякое дурное растеніе вырастаетъ по немножку изъ дурнаго сѣмени и потому достигаетъ извѣстной высоты—на этомъ основаніи судъ вашъ и для мелкихъ проступковъ долженъ быть строгъ. Но для того, чтобы вирости растенію нужно, чтобы сѣмя забрало въ почвѣ силу. Отнимите у него эту силу въ первый же моментъ растительнаго процесса, и ростъ дурнаго растенія прекратится. Вы здѣсь имѣете дѣло съ первоклассникомъ, и крѣпкомъ новичкомъ. Сообразите, нельзя ли и въ данномъ случаѣ обойтись безъ наказанія. Поставивъ педагогическій вопросъ подобнымъ образомъ, вы спрашиваете владѣльца булки, считаетъ ли онъ ее своею собственностью, и получаете отвѣтъ утвердительный; смотрите испуганнымъ взглядомъ на дѣрваго, не говоря ни полуслова; онъ свонфуженъ, пристыженъ. Не достаточно ли съ вашей стороны такой безмолвной улики, съ другой стороны—стыда? Не есть ли уже этотъ стыдъ—порука, что моральный урокъ, обставленный такимъ образомъ, не пропадетъ для ученика даромъ, что въ ученикѣ неуваженіе къ чужой собственности убито въ своемъ зародышѣ? Подобный приемъ не останется безъ вліянія и на толпу учениковъ, которая снова сгруппировалась вокругъ васъ и будетъ проводникомъ своего впечатлѣнія въ массу: и проступокъ, и его разбирательство сдѣлаются на извѣстное время предметомъ общихъ толковъ въ средѣ учениковъ, обсужденіе того и другаго будетъ имѣть свое доброе вліяніе. Въ то же время въ средѣ учениковъ мало по малу начинается водверяться мысль, что воспитатель употребляетъ въ дѣло другіе приемы, сравнительно съ мѣрами старыхъ гувернеровъ и надзирателей, чаще всего прибѣгающихъ къ формальнымъ полицейскимъ распоряженіямъ и взысканіямъ, въ которыхъ они уже приглядѣлись и прислушались; новый воспитатель является для нихъ уже на извѣстной моральной высотѣ, прямо какъ человекъ, независимо отъ полномочія власти, какою онъ облечается въ качествѣ члена педагогическаго совѣта.

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать, какъ можно пользоваться самымъ простымъ, болѣе или менѣе незначительнымъ случаемъ и извлекать изъ него моральный урокъ, располагая въ то же время постаненно къ себѣ юнды сердца. Въ этомъ заключается тайна моральнаго вліянія воспитателя и тайна его силы въ своемъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что для этого нужна въ воспитателѣ искренняя любовь къ дѣтамъ, высокая нравственность въ немъ самомъ и живо развитое тонкое чувство гуманности. Дѣй-

ствуя на тѣхъ началахъ, вы внесете въ исполненіе своей должности полную справедливость и безпристрастіе, вы будете любимы дѣтьми и въ десяткахъ, сотняхъ случаевъ обойдетесь безъ высканій, безъ показаній. И тѣмъ меньше придется вамъ прибѣгать къ послѣднимъ, тѣмъ выше будетъ ваша дѣятельность, тѣмъ благотворнѣе будутъ ея плоды, тѣмъ успѣшнѣе можно будетъ вести и самое дѣло образованія. Такъ долженъ понимать свое дѣло воспитатель; такъ въ данные часы своего надзора, или пожалуй, минуты (но минуты все-таки для воспитателя не легкія, говоря вообще), можетъ онъ постепенно вліять на массу, чтобъ упрочить въ ней довѣріе къ правотѣ своихъ дѣйствій и со временемъ, можетъ-быть, достигнуть такихъ результатовъ, что легкимъ возвышеніемъ голоса, иногда недовольнымъ взглядомъ, иногда полусердитымъ словомъ или однимъ полугнѣвнымъ вопросомъ въ состояніи будетъ не только дѣйствовать на отдѣльную личность, но и водворять порядокъ въ цѣлой массѣ. Пусть масса прежде всего полюбитъ своего воспитателя и будетъ уважать его лично, а потомъ уже пусть воспитанники не забываютъ въ васъ и члена педагогическаго совѣта.

Конечно, иногда тотъ, иногда другой педагогическій приемъ долженъ быть прилагаетъ къ дѣлу даже въ тождественныхъ случаяхъ, смотря по характеру мальчика, а иной разъ и по другимъ случайнымъ соображеніямъ. Иногда полезно, напримѣръ, обличеніе гласное, иногда келейное, иногда то и другое вмѣстѣ, взятое въ известномъ размѣрѣ. Напримѣръ, очень обыкновеннымъ явленіемъ бываетъ то, что шалуна-второходника въ началѣ курса вы застаете въ такую минуту, когда онъ, въ виду цѣлаго класса, состоящаго уже значительною частію изъ новыхъ товарищей, а частію и изъ второходниковъ же, рисуетъ своею бойкостью. Нельзя не остановить его нѣсколько энергически: его доведеніе можетъ быть соблазнительнымъ примѣромъ для его товарищей. Но какъ остановить, путемъ ли одного торжественнаго выговора, со всею его строгостію, или вмѣстѣ съ тѣмъ, въ известной степені, и келейнымъ увѣщаніемъ, умѣривъ нѣсколько строгость обличенія? Торжественное обличеніе есть уже голосъ болѣе суровой власти, голосъ, за которымъ въ дальнѣйшей перспективѣ является гроза грядущаго закона. Если мальчикъ, по свойству характера своего, не заслуживаетъ пощады, снисхожденія, остановите его суровѣе. Въ противномъ случаѣ, вы должны смягчить эту суровость и дополнить назиданіе келейнымъ увѣщаніемъ. Можете самое увѣщаніе сдѣлать ему на ухо въ виду цѣлаго же класса. Это можетъ имѣть

часть слш, отд. 3.

значеніе и для прочихъ. Вы, признавъ ученика стоящимъ болѣе кроткаго наставленія, вѣшными приѣмами при самомъ наставленіи его покажете остальнымъ, что виновному говорите все съ сердечною теплотою; дѣти замѣтятъ это, и повѣрять, поймутъ тонъ вашъ своимъ чуткимъ инстинктомъ. Они съ добрымъ чувствомъ и живымъ любопытствомъ обратятся за распросами въ товарищу, который для нихъ съ этой минуты сталъ предметомъ невольнаго, очень понятнаго вниманія. Тотъ можетъ быть откровененъ съ ними, или нѣтъ, но въ томъ и другомъ случаѣ дѣло воспитанія будетъ не въ проигрышѣ. Въ первомъ случаѣ отъ болѣе или менѣе дружеской товарищеской бесѣды закрадется невольнымъ образомъ симпатическое чувство къ воспитателю за кротость его приѣма въ увѣщаніи и за келейный все-таки нѣкоторымъ образомъ характеръ увѣщанія; во второмъ случаѣ упорное уклоненіе виновнаго отъ отвѣтовъ товарищамъ, всевозможныя его отрицанія покажутъ въ отношеніи къ нему самому, что онъ принялъ увѣщаніе слишкомъ серьезно, а въ отношеніи къ любопытствующимъ товарищамъ молчаніе виновнаго будетъ доказательствомъ, что есть какіе-то значительные доводы, которые въ силахъ сдерживать порывъ отваги, и которыми именно указывается страхъ грядущаго закона. Такимъ образомъ всякій проступокъ, какъ скоро онъ ограничивается двумя, тремя личностями, прикосновенными къ дѣлу, можетъ найти для себя, смотря по свойствамъ виновнаго, то или другое рѣшеніе со стороны воспитателя, помимо всякаго взысканія и наказанія, если только въ проступкѣ найдутся данныя для одного моральнаго вліянія.

Отдѣльные проступки въ старшихъ классахъ могутъ заключаться въ ссорѣ рѣзкаго свойства между ровесниками-товарищами, иной разъ въ обидѣ ученика младшихъ классовъ, въ грубомъ отвѣтѣ преподавателю, въ невѣжливости вообще. Каждый изъ этихъ случаевъ потребуеъ уже своихъ особыхъ приѣмовъ со стороны воспитателя, смотря по характеру проступка, условіямъ дѣйствія и моральному развитію виновнаго. Далѣе, воспитатель можетъ сталкиваться съ нѣкоторыми привычками, которыми молодой человѣкъ 16—17-и лѣтъ спѣшитъ заявить права своего возраста и соединенную съ нимъ идею своей самостоятельности, что, впрочемъ, не предусматривается въ уставѣ средняго учебнаго заведенія. Сюда относятся контрабандное куреніе, опаздываніе на ранніе уроки, произвольное отсутствіе. Воспитанники готовы, пожалуй, защищать положеніе, что папироска составляетъ для нихъ такую же существенную потребность, какъ разрѣшаемыя имъ булки въ ту или другую перемину; могутъ найдтись и такіе,

которые скажутъ, что они способны не ложиться спать далеко за полночь, а утромъ въ половинѣ девятого просыпаться въ гимназію не въ силахъ; отъ этого будетъ уже небольшой шагъ къ тому, чтобы услышать отъ нихъ, что въ духѣ современнаго воспитанія — развитіе самостоятельности, и что они именно въ такомъ возрастѣ, когда имѣютъ уже право распорядиться своимъ вечеромъ, на другой день не явиться въ гимназію вовсе, и потомъ никому не отдавать отчета въ причинахъ своего отсутствія. Подобную молодую логику, подобныя фальшивыя мнѣнія легко будетъ разбить воспитателю. Если же встрѣтитъ онъ крайнее упорство, то оно можетъ повлечь за собою уже другія мѣры, смотря по степени стойкости въ защитѣ мнимыхъ правъ и ходячихъ между молодежью софизмовъ.

Но отдѣльные проступки, какъ бы ни были они сложны, во всякомъ случаѣ разбирать удобнѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ проступками *цѣлаго класса*. Подобныя проступки, впрочемъ, могутъ принадлежать къ двумъ категоріямъ, далеко различнымъ между собою по важности и различнымъ въ существѣ дѣла. Могутъ быть проступки, въ которыхъ проявляется единственно удаля, молодечество, хвастовство изобрѣтательностью, и отъ которыхъ зла большаго для заведенія еще не выходитъ; проступки такого рода, имѣющіе всегда во главѣ своей коноводовъ, зачинщиковъ, минутныхъ героевъ, составляютъ, конечно, отступленіе отъ порядка, и по временамъ нѣсколько дикое, но отступленіе собственно дѣтское, и въ сущности не болѣе, какъ минутную потѣху, зло преходящее, которое въ теченіе года имѣетъ свои періоды моды. По большей части это явленіе свойственно младшимъ классамъ; и такъ какъ ради товарищества толпа не выдаетъ своихъ предводителей, то въ этомъ случаѣ довольно кратковременнаго, даже минутнаго наказанія цѣлой массой, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ именно наказанія уже, и все-таки въ видахъ стыда; выговоръ, одно словесное пристыженіе въ массѣ, притомъ въ младшихъ классахъ, еще не можетъ имѣть въ мальчишкахъ настоящаго для себя значенія ¹⁾). Вина относится къ цѣлому классу, дѣйствовавшему вслѣдъ за однимъ или нѣсколькими неизвѣстными

¹⁾ Малоletняя масса не доросла еще до того, чтобы цѣлою массой и вдругъ, среди самыхъ жаркихъ увлеченій своею затѣей, переходить къ разумно-объективному взгляду на нее, къ спокойному обсужденію своихъ дѣйствій, единственною жодъ вліяніемъ одной моральной критики; а едва-ли возможенъ здѣсь переводъ проступка въ массѣ въ проступокъ отдѣльнаго значенія: духъ и маленькаго товарищества уже крѣпокъ, да ябедниковъ разводить и не слѣдуетъ, честь же рыцарскаго сознанія у нихъ еще ступшевывается передъ боязнью стать очистительною жертвой.

для васъ подстрекателями; для устыженія дѣлаго класса должно избрать и наказаніе поголовное, которое такимъ образомъ коснется и коноводовъ, и по духу товарищества великодушнѣе ихъ укривателей. Конечно, одно и то же наказаніе не должно повториться часто, и притомъ на первый же разъ оно должно сопровождаться энергическимъ притиженіемъ уже въ минуты самаго наказанія. Нѣсколько иначе можно распорядиться, если проступокъ обнаружился не минутною вспышкой, не общимъ, напримѣръ, крикомъ, а выходкою другого рода, тоже не злою, но съ оставшимся вещественнымъ слѣдомъ, и если обнаружился продѣлкой, которая была замѣчена, можетъ-быть, не сію же минуту. А всего лучше было бы и въ томъ и въ другомъ случаѣ, если бы воспитатель нашелъ возможность ловкою насмѣшливою уничтожить выходку или повзвать видъ, что видумка не стоитъ вниманія, а иной разъ подвергнуть ее спокойному, серьезному анализу съ нетрадиционными выводами не въ пользу учениковъ, если только данныя въ извѣстномъ случаѣ такого свойства, что вы можете быть увѣрены въ настоящей силѣ впечатлѣнія. Выразилось ли тутъ удалство, или изобрѣтательность, продѣлка могла бы быть оставлена, какъ сморо ученики увидѣли бы, что воспитатель смотритъ на это, какъ на глупость, которою они, можетъ-быть, имѣли въ виду заявить себя молодцами въ глазахъ класса старшаго или младшаго. Подобный приемъ, конечно, былъ бы всего желательнѣе, хотя возможенъ далеко не каждый разъ. Мы здѣсь дѣлаемъ одну только характеристику шумной забавы, замисловатой потѣхи, не считая нужнымъ называть самые случаи, которые въ разныхъ мѣстностяхъ бываютъ разные, и даже въ одной мѣстности имѣютъ, какъ мы сказали, свои періоды моды. Что касается до проявленія подобныхъ проступковъ въ старшихъ классахъ, то малодушное свойство проступка, съ одной стороны, даетъ воспитателю богатый матеріалъ для моральнаго урока, въ невыгодной для старшихъ классовъ параллели съ младшими, а съ другой, даетъ право общимъ, напримѣръ, арестомъ приравнять первыхъ нѣкоторымъ образомъ въ ученикамъ младшихъ классовъ—и по самому наказанію.

Ко второй категоріи принадлежатъ проступки, завсаска которыхъ носить въ себѣ признаки злобы, мстительности, моральнаго оскорбленія. Такого рода проступки, истекающіе ужъ изъ серьезныхъ побужденій и имѣющіе мѣсто по преимуществу, даже исключительно, въ старшихъ классахъ, должны быть разбираемы со всею вѣрностію и строгостію педагогическаго анализа, и какъ сознательный шагъ со стороны учениковъ, должны послѣ всесторонняго обсужденія вы-

звать болѣе рѣшительными мѣры. Такъ, напримѣръ, самъ воспитатель, какъ ближайшая къ ученикамъ власть, сдерживающая ихъ произволъ, скорѣе всего могъ бы на кажущіяся ученикамъ стѣснительными его мѣры подвергнуться оскорбленію, затѣянному въ массѣ. Не мыслимо, чтобы воспитатель, который, по духу своего призванія долженъ быть безупоривенно-нравственною личностью, могъ быть самъ виновникомъ демонстраціи. Она возможна рѣшительно безъ всякаго повода со стороны воспитателя, единственно во имя борьбы во что бы то ни стало со стороны учениковъ съ официальными требованіями. Другаго предположенія допустить нельзя; иначе, долженъ быть судимъ самъ воспитатель. Могутъ быть, конечно, нѣкотораго рода недоумѣнія со стороны учениковъ относительно распоряженій воспитателя, но такъ понятыхъ ими. Тогда воспитателю лучше всего въ присутствіи ужь инспектора разъяснить передъ учениками свои дѣйствія¹⁾. Дѣло, по всѣмъ предположеніямъ, не должно бы здѣсь доходить до призыва власти директорской. Но если бы и при этомъ уже высказаны были какія-либо претензіи — беремъ самый крайній случай — и вызвались бы добровольно упорные представители ихъ, а всего скорѣе одинъ, считающій себя самымъ передовымъ человекомъ, то потребовалась бы окончательная мѣра — непосредственное засѣданіе педагогическаго совѣта въ полномъ составѣ членовъ и объявленіе рѣшительнаго приговора виновнымъ, прежде, нежели воспитанники этого класса будутъ распущены по домамъ. Тогда ужь и самый проступокъ массы приметъ характеръ проступковъ отдѣльныхъ, такъ какъ ходомъ дѣла выдѣлились ужь единичные отвѣтчики. Заявленіе же какихъ-либо не особенныхъ претензій, а незаконныхъ требованій дѣлать хоромъ найдетъ всегда себѣ рѣшеніе въ противопоставленіи имъ закона. Мы сказали, что беремъ крайній случай; но во всякомъ случаѣ проступки этой категоріи должны быть обсуживаемы со всею справедливостію, но и со всею строгостію, какъ проступки, могущіе подрывать и колебать основные порядки заведенія, а слѣдовательно, въ болѣе важныхъ случаяхъ, гдѣ воспитателю можетъ быть нужна провѣрка своего взгляда общимъ мнѣніемъ, или когда неудовольствіе класса выразилось глухимъ ропотомъ, справедливо бу-

¹⁾ Не видно, почему авторъ считаетъ нужнымъ дѣлать разъясненіе въ присутствіи инспектора, и не увидать ли въ этой мѣрѣ ученика недоувѣрія начальства къ воспитателю? Не лучше ли предоставить это разъясненіе инспектору, который покажетъ бы вѣнчикъ, что онъ знаетъ и одобряетъ дѣйствія своего помощника, воспитателя? Ред.

детъ признать за воспитателемъ право дѣйствовать указаннымъ путемъ и заявлять чрезъ инспектора директору о необходимости экстреннаго совѣщанія тотчасъ же послѣ уроковъ. Чѣмъ болѣе большимъ полномочіемъ облеченъ будетъ воспитатель, тѣмъ болѣе можно будетъ отъ новаго учрежденія ожидать пользы для заведенія. Злоупотребленія со стороны воспитателя здѣсь не можетъ быть, потому что такое заявленіе его пройдетъ еще черезъ двѣ высшія инстанціи: экстренное засѣданіе совѣта всегда будетъ имѣть полное основаніе. Впрочемъ, объ отношеніи воспитателя къ начальству и къ учащей корпораціи мы еще скажемъ ниже.

Мы взяли самый крайній случай проступка въ массѣ. Но если уже при прежнихъ порядкахъ крупныя уклоненія случались весьма рѣдко, то при новомъ педагогическомъ надзорѣ, въ особенности при болѣе зрѣломъ и обдуманномъ веденіи дѣла и при неослабномъ наблюденіи со стороны воспитателя, немислимо даже что-либо похожее на это. Нѣкоторымъ ручательствомъ этого, по крайней мѣрѣ у насъ, служатъ уже предварительныя толки о строгости новыхъ порядковъ, слышавшіяся въ средѣ учениковъ еще во время дополнительныхъ экзаменовъ, раньше, нежели воспитатели вступили въ полный кругъ своихъ дѣйствій. Добросовѣстный воспитатель эти толки всегда можетъ оправдать не одною строгостію, но вообще рациональнымъ вліяніемъ на ходъ дѣла. Бесѣды его съ учениками, хотя бы и несовершеннолетними, могутъ внести въ заведеніе новую жизнь, дать толчекъ ученикамъ къ самообсужденію своихъ дѣйствій, своихъ обязанностей и отношеній. Когда новыя педагогическія начала, будутъ проводимы съ постоянствомъ и настойчивостію нынче, завтра, всегда, безъ прежняго безсильнаго гувернерскаго крика, тогда образуется въ ученикахъ болѣе трезвый взглядъ на свои обязанности, тогда они сами увидятъ въ жѣрахъ строгости законность, и рано или поздно масса проникнется этимъ сознаніемъ и постепенно будетъ приведена къ кореннымъ измѣненіямъ къ лучшему въ ходѣ ея воспитанія. Въ обществѣ человѣческомъ, конечно, не бываетъ идеальнаго совершенства; поэтому и отъ новой мѣры нельзя ожидать идеальнаго перевоспитанія. Но до идеальнаго перевоспитанія много еще степеней на пути совершенствованія.

Доселѣ мы говорили о вліяніи воспитателя на учениковъ въ стѣнахъ заведенія; переходимъ теперь къ обзорѣннѣ дѣятельности его внѣ гимназіи.

Первая забота воспитателя — постепенно внушить учащимся уваженіе къ порядкамъ учебнаго заведенія въ стѣнахъ самаго заведенія;

до сихъ поръ мы видѣли, какими мѣрами должно быть это достигаемо. Гимназистъ, выходящій въ концѣ третьяго часа изъ гимназій, прошелъ съ половины девятаго, конечно, самую главную часть воспитательскаго надзора и вліянія; однако этимъ они еще не кончаются для него. Онъ ходитъ всюду все-таки въ извѣстной формѣ, и воспитатель также можетъ встрѣтить его внѣ гимназій, хотя, разумѣется, встрѣчи будутъ случайныя. Тѣмъ не менѣе гимназическій мундиръ ученика налагаетъ на воспитателя обязанность не оставлять ни одной встрѣчи безъ вниманія, а въ случаѣ какихъ-либо неблаговидностей со стороны ученика, дать ему замѣтить это въ формахъ, разумѣется, приличныхъ мѣсту, — однимъ взглядомъ, двумя-тремя словами; затѣмъ взысканіе за проступокъ будетъ произведено уже въ стѣнахъ заведенія, смотря по степени нарушенія данныхъ воспитанникамъ гимназій правилъ. Прежде всего мы должны здѣсь сказать, что мѣстомъ встрѣчи воспитателя съ воспитанникомъ можетъ быть церковь; если воспитатель замѣтилъ невниманіе воспитанника въ службѣ, выразившееся безпрестаннымъ разговоромъ съ другимъ товарищемъ, усмѣшками, званьемъ по стопонамъ, вообще, приемами, которые не соотвѣтствуютъ назначенію храма, то воспитатель можетъ, въ свое время, по этому поводу вступить съ нимъ въ небольшую, но серьезную бесѣду, а для большаго еще внушенія передать это вмѣстѣ съ тѣмъ и законоучителю. Встрѣчаетъ гимназиста воспитатель на бульварѣ съ папирской въ зубахъ; онъ на другой, даже на третій день, когда ученикъ является въ гимназію, садитъ его подъ арестъ, если бы даже въ минуту встрѣчи и не сказалъ ему объ этомъ ни слова. Воспитатель можетъ быть полуофициальнымъ лицомъ даже въ театрѣ, присутствуя здѣсь или по собственному побужденію, въ силу своей должности, или по предложенію директора; вообще вездѣ гимназистъ долженъ вести себя благородно и вѣжливо, не марая имени того заведенія, котораго мундиръ онъ носитъ.

Для того, чтобы воспитатель могъ больше вліять на того или другаго ученика, для того, чтобы онъ могъ вліять на ученика путемъ убѣжденія, онъ долженъ быть знакомъ съ нѣкоторыми условіями частной жизни ученика. Не достаточно для воспитателя знать одно сословное происхожденіе его; онъ долженъ быть хотя нѣсколько знакомъ съ свойствами окружающей ученика среды. Конечно, подобное условіе легче можетъ быть выполнено въ провинціяхъ, гдѣ этому способствуетъ самый строй жизни, и притомъ въ гимназіяхъ, гдѣ учащихся, напримѣръ, не болѣе 250 человекъ. Значитъ, требованіе это

не можетъ быть общимъ для всѣхъ гимназій; тѣмъ не менѣе большинство нашихъ гимназій все-таки подойдетъ подъ это правило. Да и въ самыхъ столицахъ не всегда бываетъ закрытъ нуть къ такому знакомству съ условіями жизни ученика, по крайней мѣрѣ, въ общихъ, крупныхъ чертахъ. Знакомясь съ семейною жизнью учениковъ, воспитатель въ то же время можетъ имѣть себѣ сотрудниками въ воспитательномъ вліяніи родителей ихъ.

Учебное заведеніе всегда должно считать своею обязанностію входить въ сношеніе съ родителями учениковъ. Двери инспекторской квартиры всегда для нихъ должны быть отворены, равно какъ возможенъ долженъ быть всегда доступъ къ нему и въ самомъ заведеніи. Къ сожалѣнію, родители весьма рѣдко сами справляются объ успѣхахъ дѣтей, и почти никогда о поведеніи, развѣ только въ крайнихъ случаяхъ, когда начинаютъ вездѣ поговаривать, что такой-то ведетъ себя очень дурно, слѣдовательно, можетъ грозить ему исключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, иной разъ поведеніе ученика дѣлается до того невыносимымъ, что требовало бы немедленнаго удаленія ученика изъ гимназій. Случается, что начальство гимназій цѣлые мѣсяцы ожидаетъ исправленія ученика въ поведеніи, перепробовавъ всѣ находящіяся въ распоряженіи его мѣры, и по чувству гуманности все еще долго ждетъ исправленія. Такіе мальчики выходятъ иногда изъ семействъ недостаточныхъ, гдѣ ребенокъ бываетъ лишешъ всякаго надзора и привыкаетъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ безконтрольно пользоваться уличною свободой, иногда же изъ семей богатыхъ, гдѣ портать дѣтей маменьки, не могущія себѣ представить, чтобы ихъ дитя могло быть кому-либо въ тягость. Воспитателю во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимо обратиться къ родителямъ, ради пользы ихъ собственныхъ дѣтей, указывая притомъ на явный вредъ, какой они приносятъ цѣлому заведенію, и который долго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпимъ. Могутъ быть случаи обмана родителей со стороны дѣтей, напримѣръ, насчетъ пропуска уроковъ, — оныя воспитателю необходимо лично объясниться съ родителями. Вообще сами родители часто не вдумываются въ то, что поведеніе ихъ дѣтей, которымъ дома позволяютъ подъ часъ чуть не на головѣ ходить, лишь бы сынокъ получалъ мало-мальски удовлетворительныя отмѣтки по учебнымъ предметамъ, что такое отношеніе въ дѣтямъ въ семьѣ вноситъ крайнюю разладицу въ общій строй учебнаго заведенія. Невыгоды такихъ отношеній семья въ школѣ должны быть непременно выяснены родителямъ или заступающимъ ихъ мѣсто. Если учебное общео-

заведеніе принимаетъ на себя известную долю заботъ о воспитаніи, на сколько оно можетъ этого достигнуть для блага дѣтей и общества, то и со стороны семейнаго начала ему вполне законно и справедливо желать содѣйствія, а не противодѣйствія, вслѣдствіе того что воспитаніе семейное часто идетъ въ разрѣзъ съ воспитаніемъ общественнымъ. Воспитаніе общественное, заявляя семьѣ известныя требованія, нисколько не нарушаетъ правъ семьи и не вторгается въ ея область; оно только разъясняетъ, что подъ кровлю гимназій въ сотни товарищей ученикъ не долженъ вносить тѣхъ излишковъ свободы, какіе могутъ быть допускаемы въ домашней жизни, и даже терпимы, безъ особенныхъ стѣсненій въ маленькомъ обществѣ трехъ, четырехъ мальчиковъ. Внѣшнія семейныя ребенку, отправляемому въ гимназію, должны быть постоянныя, должны помогать дѣлу воспитанія общественнаго съ перваго же года поступленія его въ гимназію. Разумные родители должны каждый день интересоваться не только тѣмъ, какой баллъ получилъ сынъ изъ того или другаго предмета, но и какъ онъ велъ себя въ гимназій. Результатомъ невнимательности родителей въ послѣднемъ отношеніи обыкновенно и бываетъ, что вслѣдствіе ежедневныхъ послабленій домашнихъ по поведенію, оказывается въ результатѣ съ теченіемъ времени крайняя разнузданность въ дѣлахъ, такъ что иной разъ ужъ и дома ума не приложить, какъ битъ, и что дѣлать. Что же прикажете дѣлать учебному заведенію, когда поведеніе ученика мало по малу обнаруживаетъ такіе широкіе размѣры своелія, что онъ не хочетъ ужъ и подчиняться требованіямъ общественнаго учрежденія? Остается исключить его, остается принести одну жертву, чтобы спасти десятки другихъ. На гуманность начальства гимназій, преподавателей и воспитателей, составляющихъ педагогическій совѣтъ, не можетъ пасть упрека, если въ рѣшеніи совѣта признается необходимою таковая мѣра, вызванная долгимъ терпѣніемъ. Родители сами должны предотвращать эту мѣру: въ ихъ рукахъ болѣе времени и возможности для постояннаго вліянія на своихъ дѣтей, надежди для воспитательскаго надзора.

Въ заключеніе нашего очерка дѣятельности и значенія воспитателя необходимо по возможности выяснить положеніе воспитателя относительно начальствующихъ и учащей корпораціи гимназій.

Въ былыя времена воспитательныя и образовательныя порядки учебныхъ заведеній поддерживались главнѣйшимъ образомъ страхомъ розги, нерѣдко въ исполненіи принимавшей видъ настоящаго изгнанаго. Теперь уже десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, и сталъ пре-

даніемъ прежній страхъ, судорожно потрясавшій учениковъ предъ начальственной властію, передъ которою трепетали и всѣ служащіе. Нынѣ начальствующая власть давно уже сознала всѣ невыгоды стараго принципа, и давно уже руководится иными началами. Это не значитъ, впрочемъ, что власть потеряла силу; власть властію по прежнему и осталась, но въ ней нѣтъ уже прежняго произвола и деспотизма. Старые порядки окончились съ тѣхъ поръ, какъ начальниками учебныхъ заведеній перестали назначаться лица, ни сколько не компетентныя въ дѣлѣ воспитанія. Нынѣ повсюду люди университетскаго образованія, независимо отъ своего происхожденія и сословнаго положенія, по закону стали занимать мѣста начальниковъ гимназій и стараются оправдать выборъ начальства трудами и знаніями. Все это даетъ основаніе полагать, что ближайшее гимназическое начальство въ наше время отнесется къ учрежденію новой должности воспитателей исполнѣ серьезно и признаетъ за воспитателемъ извѣстную долю правъ и полномочія, какія необходимы для общаго дѣла, для общаго блага, не боясь никакого ущерба собственной власти, и въ извѣстной степени уполномочить воспитателя довѣріемъ и дать ему чрезъ то возможность усилить свой авторитетъ. Въ административной организаціи учебнаго заведенія менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ имѣть мѣсто антагонизмъ: каждый членъ корпораціи долженъ удерживать за собою свое значеніе, безъ стѣсненій съ одной стороны, безъ захвата съ другой. Но въ интересахъ педагогическаго дѣла, воспитатель долженъ имѣть извѣстныя полномочія дѣйствовать независимо въ минуты своего наблюденія, и имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстныя мѣры для пресѣченія проступковъ; въ то же время за воспитателемъ долженъ быть признанъ голосъ въ педагогическомъ совѣтѣ, именно по предмету наблюденій за нравственностію воспитанниковъ, наблюденій, въ свое время почти каждый разъ провѣряемыхъ властію инспекторскою, и не безъизвѣстныхъ самому директору. Отношенія воспитателя къ преподавателямъ должны быть чисто товарищескія, какія сами собою нѣкоторымъ образомъ вытекаютъ ужь и изъ одинаковаго уровня ихъ образованія; тѣми же товарищескими отношеніями обуславливается и взаимное содѣйствіе ихъ въ общемъ дѣлѣ; при случаѣ преподаватель въ классѣ помогаетъ воспитателю своимъ моральнымъ вліяніемъ; въ свою очередь и воспитатель, руководя воспитанника въ моральномъ отношеніи, содѣйствуетъ нѣкоторымъ образомъ болѣе успѣшному ходу въ дѣлѣ ученія. Равнымъ образомъ каждый преподаватель свои случайныя наблюденія надъ нравственностію воспитанниковъ долженъ передавать воспитателю, завѣдомо

для воспитанниковъ, принявъ на себя трудъ помогать воспитательскому надзору, въ видахъ принесенія ученикамъ возможно большей пользы. Если отношенія воспитателей къ преподавателямъ должны быть товарищескія, то тѣмъ болѣе согласія должно быть между самими воспитателями, и хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свой отдѣлъ классовъ, но дѣло и официально должно быть поставлено такъ, чтобы значеніе ихъ для учениковъ было одинаковое, и чтобы воспитатель младшихъ классовъ всегда имѣлъ вѣсь и для старшихъ. Между воспитателями, слѣдовательно, должно быть и единство воззрѣній, и почти дружескія отношенія, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе близкія, основанныя на единствѣ интересовъ и цѣли.

Таково должно быть взаимное отношеніе новыхъ дѣятелей къ составу педагогическаго совѣта. Только при такой постановкѣ дѣла можно будетъ ожидать благотворныхъ плодовъ отъ новой мѣры; только въ такомъ случаѣ значеніе ближайшей къ ученику власти воспитателя (поставленной ежедневно подъ контрольъ власти инспекторской, контроль открытый, но не парализующій его дѣйствій, не роняющій его авторитета) получить должную силу, и съ теченіемъ времени онъ можетъ приобрести любовь и уваженіе къ себѣ въ юномъ поколѣніи.

Выскажемъ кратко все нами сказанное, для болѣе опредѣленной характеристики идеи и задачъ учрежденія воспитательской должности въ гимназіяхъ.

Въ руки воспитателя, призываемаго съ университетскимъ образованіемъ къ педагогической дѣятельности, поддерживаемаго довѣріемъ ближайшихъ властей, стоящаго въ товарищескихъ отношеніяхъ къ преподавателямъ, получающаго въ глазахъ учениковъ вслѣдствіе и образованія, и данной воспитателю обстановки, неизмѣримо-большій вѣсь и значеніе сравнительно съ прежними надзирателями и гувернерами, въ руки воспитателя, соотвѣтственно такой постановкѣ его, вѣряется и громадная за то задача. Оправдать ее онъ можетъ, только чувствуя въ себѣ богатный запасъ моральныхъ силъ и будучи готовъ посвятить себя всего великому дѣлу. Онъ долженъ 1) вызвать и укрѣпить довѣріе въ себѣ въ ученикахъ правотою своихъ дѣйствій; 2) приобрести себѣ моральное вліяніе на воспитанниковъ путемъ убѣжденій, увѣщаній, зная, что искренняя, не притворная слеза виновнаго принесетъ ему пользы больше всякаго ареста; 3) высканія и наказанія главнѣйшимъ образомъ онъ долженъ поставить на почву стыда; 4) въ болѣе важныхъ проступкахъ, всесторонне осмотрѣнныхъ, воспитатель призываетъ къ участію власть инспекторскую, вліяніе директора, но по возможности

не доведя дѣла до послѣдней мѣри, экстреннаго засѣданія педагогическаго совѣта, въ рѣшеніи котораго заранѣе уже можетъ предвидѣться грустная развязка, окончательный расчетъ съ ученикомъ¹⁾. Въ предупрежденіе такихъ крайнихъ мѣръ воспитатель долженъ 5) стремиться къ тому, чтобы на своемъ столь важномъ постѣ заручиться для себя любовью и уваженіемъ въ подчиненной ему массѣ, а не дѣйствовать только силою даруемой ему власти, даруемой вовсе не ради внушенія страха; 6) одна изъ главныхъ задачъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы привить ученикамъ идеи необходимости общественныхъ порядковъ; объ этомъ онъ долженъ заботиться всѣми мѣрами и пользоваться къ тому всѣми средствами, и сказаннымъ въ время теплымъ, сердечнымъ и мѣткимъ словомъ педагогическаго свойства, и разумно разчитаннымъ разбирательствомъ проступка и т. под. Тогда въ средѣ учениковъ со временемъ пробудится потребность самоосужденія, тогда родители не будутъ обманывать себя одними болѣе или менѣе удовлетворительными отмітками за усѣхи дѣтей ихъ въ наукѣ, и поймутъ и примутъ къ руководству великое правило древнихъ, взятое нами въ эпиграфъ статьи, какъ скоро въ своихъ дѣтяхъ увидятъ, у домашняго очага, вполне добрые задатки для ихъ будущаго. Сложность и трудность рѣшенія педагогическихъ вопросовъ дѣластъ задачу воспитателя чрезвычайно трудною. Осуществленіе ея не можетъ быть слишкомъ близкимъ по времени, еще менѣе по идеальному-представленію ея, говоримъ прямо и откровенно. Воспитателю нужно наэлектризовать, такъ-сказать, массу новыми идеями своего воспитательскаго надзора, заставить самихъ родителей подумать о дѣлѣ глубже, а на первый разъ вести еще борьбу съ остатками губернерскаго вліянія, болѣе или менѣе тормозившими дѣло. На нивѣ много еще сорныхъ травъ: ихъ надобно вырвать съ корнемъ. Мы, впрочемъ, не pessimисты. Дай Богъ, чтобы зло представлялось намъ теперь въ преувеличенномъ видѣ, въ обратномъ отношеніи къ нашему идеалу перевоспитанія въ духѣ новаго строя общественныхъ нашихъ учрежденій.

Преподаватель Вологодской гимназій **В. Глаголевскій**.

¹⁾ Не понятно, почему авторъ усвоить совѣту педагоговъ только чисто вѣдательный приговоръ; въ совѣтѣ воспитатель можетъ повернуть по-своему способъ и мѣры для исправительнаго вліянія на ученика, для того и совѣтъ учреждается: умъ хорошо, два лучше. *Ред.*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Разказы о Петрѣ Великомъ. Составилъ *В. Новаковский*. Чтеніе для народа. С.-Пб. 1870 года.

Означенная книга принадлежитъ къ разряду книгъ, издаваемыхъ въ послѣднее время товариществомъ „Общественная польза“ и нѣкоторыми отдѣльными лицами, съ цѣлю распространенія между народомъ полезныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ наукамъ. Авторъ означенной книги извѣстенъ уже по нѣсколькимъ сочиненіямъ, назначеннымъ для вышеозначенной цѣли, именно разказами о Суворовѣ, Ломоносовѣ; кромѣ того ему принадлежатъ шесть біографій, назначенныхъ для гимназій, семинарій, и одобренныхъ учебными комитетами равныхъ вѣдомствъ. Озаглавленную книгу авторъ, какъ видно изъ ея содержанія, предназначаетъ для чтенія въ народѣ и въ народныхъ училищахъ.

Объемъ книги составляетъ 92 страницы въ 16-ю долю. Весь матеріалъ ея укладывается въ слѣдующія рубрики: 1) невзгоды въ юности Петра; 2) самообразование и потѣхи Петра; 3) путешествіе Петра по Европѣ; 4) гостинецъ Петра Россіи, то-есть, нововведенія его; 5) война съ Швеціей; 6) битва подъ Полтавой; 7) дальнѣйшее устройство Россіи и смерть преобразователя.

Со стороны выбора матеріала книга почти удовлетворительна; факты занесены только самые характерные, безъ малѣйшихъ подробностей и вполнѣ доступные пониманію тѣхъ читателей, для которыхъ книга предназначается. Можно пожалѣть только объ одномъ, что авторъ не оставилъ своихъ разказовъ, въ большинствѣ случаевъ интересныхъ, своими объясненіями. Для читателей, не получившихъ систематическаго обученія, для которыхъ и готовится книга, безъ особенныхъ объясненій не могутъ быть понятны слѣдующія слова: „навигація, регулярный, трансплантъ, ретраншмантъ, маскарадъ, иллю-

минація, гошпиталь", а еще менѣе: „окольникій, шаутбенахтъ, ферязь, фрегатъ, лютеранинъ" и т. под. Точно также автору слѣдовало бы побольше остановиться на указаніяхъ географическихъ, чтобы дать возможность читателю составить хотя приблизительно представленіе о мѣстѣ историческаго дѣйствія.

По духу—книга вполне заслуживаетъ одобренія; вся она проникнута высокимъ уваженіемъ къ историческимъ заслугамъ главнаго героя разказа и горячею любовію къ личности его. Встрѣчается только одно мѣсто, которое едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ книгѣ, назначаемой для народа, именно на стр. 40 коротко разказывается о казни стрѣльцовъ; разказъ оканчивается извѣстною сценою съ патриархомъ. Послѣ этого авторъ дѣлаетъ выводъ, что подобнаго рода событія поддерживали раздражительность въ Петрѣ, которая доводила его иногда до бѣшенства; потомъ разказывается о маскарадѣ, который былъ устроенъ Петромъ для славленія Христа въ Москвѣ. Хотя авторъ мотивируетъ, что государь обратился къ этой потѣхѣ для успокоенія души, но для читателей тѣмъ не менѣе этотъ поступокъ будетъ казаться святотатствомъ, которое тѣмъ оскорбительнѣе, что оно совершено государемъ. Кроме того, по ходу разказа не видно, чтобы означенный маскарадъ совершенъ былъ Петромъ одинъ разъ; напротивъ того, можно прійти къ выводу, что будто Петръ вообще на Рождество занимался этого рода потѣхою. Невпелнѣ точное изложеніе усиливаетъ еще болѣе неумѣстность помѣщенія этого разказа.

По изложенію и языку книга тоже можетъ быть названа удовлетворительною. Можно сдѣлать упрекъ только въ томъ, что авторъ, подражая сочиненію проф. Соловьева, которымъ онъ главнымъ образомъ пользовался, заноситъ мѣстами въ книгу слова по простонародному выговору, какъ то: дохтуръ, гошпиталин и под. Книга, назначаемая для народа, со стороны содержанія, разумѣется, необходимо должна быть примѣнена къ міросозерцанію его, но со стороны языка она не должна дѣлать никакихъ уступокъ и должна быть написана языкомъ вполне правильнымъ. Также погрѣшаетъ авторъ, употребляя слѣдующія выраженія: „зацѣпился глазъ его (Петра) за жхту" или „богатырь зацѣпился тутъ взоромъ". Кроме того, Вильно употребляется не одинаково, то Вильно, то Вильна.

Въ отношеніи типографскомъ слѣдующіе недосмотры: *карбасъ* употребляется всюду вмѣсто *баркасъ*, *Нотенбургскъ* вмѣсто *Нотенбургъ*.

Не смотря на всѣ достоинства книги, она можетъ быть одобрена только на условіи, если авторъ смягчитъ или вынудитъ разказъ о

казни стрѣльцовъ и совершенно уничтожить указаніе на маскарадъ Петра Великаго при славленіи Христа.

Очерки и картины изъ всеобщей исторіи. Составилъ *К. Бурнацкий*. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Бмаллескаго*. Три выпуска. Москва 1867—1869 г.

Означенное сочиненіе заключаетъ въ себѣ разказы изъ древней исторіи и изъ средней исторіи до XI-го столѣтія включительно. Первые двѣ книги посвящены древней исторіи до Р. Х. Весь матеріалъ этихъ книгъ можно подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) очерки и 2) картины.

Большая часть матеріала подходитъ подъ первую рубрику; сюда входятъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ описываются отдѣльно выдающіяся личности и особенно замѣчательныя событія, и явленія изъ области мысли. Всѣхъ главъ съ подобнымъ содержаніемъ около 80. Внѣшняя связь существуетъ не между всѣми отдѣлами; многія главы представляютъ нѣчто совершенно законченное и могутъ быть прочтываемы отдѣльно, независимо отъ другихъ. Въ нѣкоторыхъ главахъ даже вовсе не исчерпывается содержаніе, обозначаемое въ заглавіи; въ главѣ „Походъ семи противъ Энивъ“ вмѣсто разказа представлена изъ трагедіи Эсхила сцена, когда Адрасть началъ осаждать городъ; въ главѣ „Троянская война“ представлено извлеченіе изъ 11-й пѣсни Илиады (отъ 381 до 483 стиха). Но отсутствіе внѣшней связи между отдѣльными главами, съ одной стороны, и нѣкоторое несоотвѣтствіе содержанія заглавію съ другой, объясняется тѣмъ, что книга назначается авторомъ для юношей и для семейнаго чтенія, слѣдовательно, для лицъ, уже знакомыхъ съ систематическимъ курсомъ исторіи.

При выборѣ событій авторъ останавливается только на такихъ, которыя возбуждаютъ въ читателѣ энтузіазмъ, и очерчиваетъ только такія лица, которыя своимъ характеромъ и дѣятельностію возбуждаютъ къ себѣ въ читателѣ нѣкоторыя симпатіи; словомъ, авторъ старается благоприятно подѣйствовать на чувство читателя, и эта цѣль вполне достигается столько же интереснымъ, но не утомительнымъ по подробностямъ, содержаніемъ, сколько изложеніемъ, отличающимся особеннымъ воодушевленіемъ.

Къ категоріи *картинъ* относятся описанія нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонъ изъ исторіи Греціи и Рима; таковы статьи въ отдѣлѣ о Греціи: жилище, рынокъ, гостинница, праздничный обѣдъ, гимназія,

смерть и погребеніе; статьи изъ исторіи Рима: домъ, комната учебныхъ занятій, поѣздка и помѣстье, вила, обѣдъ, погребеніе. Большая часть означенныхъ статей составлена на основаніи Бежкерovýchъ „Charicles“ и „Gallus“; всѣ онѣ по группировкѣ фактовъ представляютъ какъ бы отдѣльныя сцены, изображенныя такъ искусно и наглядно, что читатель невольно переносится воображеніемъ въ описываемое время. Кромѣ того, къ категоріи же картинъ нужно отнести нѣкоторыя изъ начальныхъ статей 1-й книги; таковы картинное представленіе труда и несчастія Адама послѣ изгнанія изъ Рая, картины жизни кочующаго земледѣльца, картина жертвоприношенія почитателей луны, великая жертва индійская, называемая „сома“, картина переселенія Авраама въ обѣтованную землю и т. д.

Матеріалъ третьей книги можно подвести вслѣдствіемъ подъ категорію очерковъ; въ нихъ авторъ, послѣ разказовъ о замѣчательныхъ событіяхъ и личностяхъ изъ времени римской исторіи и народныхъ движеній или переселеній на западъ и востокъ, останавливается главнымъ образомъ на событіяхъ изъ священной римской имперіи; исторіи Англій, Франціи и Скандинавіи удѣлено не много мѣста: разказы изъ первой занимаютъ 131 страницу, разказы изъ послѣднихъ — 25 страницъ. Переводчикъ самъ дополнилъ третью книгу очерками изъ русской исторіи въ связи съ исторіей другихъ Славянъ. Въ этотъ отдѣлъ вошелъ историческій матеріалъ подъ слѣдующими рубриками: Славянскій міръ до половины IX-го вѣка, основаніе Русскаго государства: Рюрикъ, Олегъ, Игорь, Ольга, Святославъ, сыновья Святослава; христіанство у западныхъ и восточныхъ Славянъ; просвѣщеніе Руси христіанствомъ: Владиміръ и Ярославъ. Все это изложено на 66-и страницахъ.

3-я книга по своимъ внутреннимъ достоинствамъ не можетъ сравниться съ первыми двумя выпусками; очерки не отличаются тою пластичностію и живостію, съ которыми обрисованы событія и личности древней исторіи. Исключенія изъ этого составляютъ только двѣ статьи: „разрушеніе Иерусалима“, которое представлено съ поразительною живостію, и характеристика апостола Петра подъ рубрикой „Апостоли“ (стр. 27). Но въ какой степени послѣдняя согласна съ духомъ евангельскаго ученія, вопросъ объ этомъ долженъ былъ разрѣшенъ специалистомъ богословомъ.

Въ заключеніе характеристики всего труда необходимо указать еще на очень важное преимущество книги. Авторъ свое введеніе къ первой книгѣ заканчиваетъ такъ: „Если составитель книги своимъ тру-

домъ успѣтъ, хотя нѣсколько содѣйствовать тому, чтобы пробудить въ юношества стремленіе къ болѣе основательному занятію исторіей и укоренить въ немъ христіанскій, евангельскій взглядъ, — онъ будетъ считать свой трудъ достаточно вознагражденнымъ". Для послѣдней цѣли, то-есть, для закрѣпленія христіанскаго взгляда въ читателѣ, авторомъ сдѣлано слѣдующее: исторія еврейскаго народа поставлена на первомъ планѣ, при чемъ религіозный культъ описанъ въ яркихъ краскахъ, и такъ какъ языческіе культы восточныхъ народовъ точно также представлены рельефно, то читатель невольно доводится до признанія преимущества культу Евреевъ. Далѣе, во второй книгѣ, въ отдѣлѣ „черки изъ міра понятій и мысли Грековъ и Римлянъ“, представлены кратко вѣрованія обоихъ народовъ и ученія главныхъ философовъ; выводъ, на который наводится читатель статей, находящихся подъ означенною рубрикой, тотъ, что ни греческая философія, ни римское право не могли разрѣшить вопроса о томъ, какъ можно сдѣлать человѣка счастливымъ на землѣ. Вслѣдъ за означенными статьями, въ 3-й книгѣ идетъ статья подъ рубрикою „пустыня новаго завѣта“, гдѣ очерчивается безпомощное религіозно-нравственное состояніе древняго народа и Евреевъ предъ пришествіемъ Спасителя, указывается на общее ожиданіе Мессіи на востока и въ заключеніе представляется указаніе на Спасителя, исполнившаго ожиданія востока и разрѣшающаго всѣ недоумѣнія прежняго міра. Эта статья и другія, въ которыхъ раскрывается земная жизнь Спасителя, будучи поставлены рядомъ съ статьями, въ которыхъ раскрывается вѣрованіе и ученіе Греко-Римлянъ, даетъ возможность читателю легко составить ясное понятіе о всей важности ученія Спасителя и о Его мировомъ значеніи.

Русскій переводъ означеннаго сочиненія вообще удовлетворителенъ, хотя многія мѣста подлинника по картинности въ изложеніи очень трудны для перевода. Мѣстами только встрѣчаются небольшія выраженія, неумѣстно витіеватыя, напримѣръ, во 2-й книгѣ на стр. 179: „Онъ (Кай) принесъ горькой утратѣ подобающую дань въ слезахъ благодарности“; на стр. 185: „Еще пятый часъ не достигъ и половины своего пути“. Встрѣчаются неточности въ переводѣ, въ родѣ слѣдующихъ: въ 1-й книгѣ на стр. 7: „голосъ разгнѣваннаго Господа отдается (вм. раздается) въ саду“; во 2-й книгѣ на стр. 184: „по улицамъ же ѣздитъ въ вагонахъ (?) не принято было въ Римѣ“. Но подобныхъ неточностей не много. Важнѣе тотъ недостатокъ, что переводчикъ не держится никакихъ правилъ при переводѣ собствен-

часть слп, отд. 3.

ныхъ именъ греческихъ и римскихъ, напримѣръ встрѣчаются *Кайюсъ* и *Кай*, *Лукуллусъ* и на той же страницѣ *Маркъ-Тулліусъ* Цицеронъ, или *Публиусъ* Коминій; изъ греческихъ именъ: *Тевида*, *Полибіусъ*, *Карнеадесъ*, и на слѣдующей строкѣ *Диогенъ* или *Панеціусъ*, а ниже *Панезій*; въ послѣднемъ случаѣ по ходу разказа читатель даже можетъ быть введенъ въ ошибку и подумать, что это были два различныя лица (2-я кн., стр. 326). Даже въ орфографіи собственныхъ именъ переводчикъ не всегда точенъ, напримѣръ, Эдипъ Саранической, или въ одной и той же строкѣ стоятъ собственные имена: „Даны, Хозары, Греки, и Русь“, при чемъ послѣднее начинается съ большой буквы, а всѣ первыя съ обыкновенной. Одно собственное имя совершенно искажено: *Пситаталейя*, а въ книгѣ *Пикталейя*. Также не мало опечатокъ, особенно во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ; впрочемъ, главныя изъ нихъ обозначены въ книгѣ.

Но не смотря на всѣ указанные недостатки перевода, которые легко могутъ быть устранены г. переводчикомъ при второмъ изданіи, означенная книга можетъ быть рекомендована для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій.

Исторія Израиля отъ сотворенія міра до возвращенія Израильтянъ изъ Вавилонскаго плѣненія. II. Бера. Перевелъ и дополнилъ *Авраамъ Солоновичъ*. Варшава. 1870 года.

Краткая библейская исторія. Текстъ еврейскій II. Бера. Перевелъ *Бернардъ Сегаль*. Варшава. 1870 года.

Краткая библейская исторія Бера, составленная авторомъ для его сына изъ мѣстъ, непосредственно заимствованныхъ большею частію изъ Библии, и изданная въ свѣтъ на еврейскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, напечатаннымъ еврейскими буквами, нынѣ является въ двухъ различныхъ изданіяхъ по древне-еврейски и съ русскимъ переводомъ. О достоинствахъ самого подлинника было бы излишне говорить, ибо, какъ сказано, онъ весь почти составленъ изъ подлинныхъ мѣстъ Библии, и составленъ такъ удачно, что уже до 1860 года разошлось семь изданій этой книги. Что же касается до обоихъ Варшавскихъ изданій ея, то оба они имѣютъ свои достоинства. Г. Солоновичъ перевелъ собственно текстъ самого г. Бера, тогда какъ г. Сегаль принялъ за основаніе тотъ же текстъ, нѣсколько дополненный Краковскимъ раввиномъ Данковичемъ; г. Солоновичъ снабдилъ свой переводъ примѣчаніями большею частію нравственно-религіознаго со-

держанія, тогда какъ г. Сегаль предпочелъ каждой главѣ предпослать на еврейскомъ и русскомъ языкахъ изреченія изъ Св. Писанія, выражающія нравственную мысль библейскаго разказа. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи изданіе г. Сегала представляетъ значительныя преимущества собственно для учащихся, тогда какъ примѣчанія г. Солоновича, не вездѣ вполне вразумительныя для учениковъ, могутъ быть весьма пригодны для учителей, такъ какъ болѣею частію въ нихъ содержатся весьма хорошія правоученія. О духѣ этихъ правоученій можно судить, между прочимъ, по слѣдующей выпискѣ изъ поясненія къ 6-й заповѣди (стр. 56):

„Шестою заповѣдью запрещается лишить себя жизни и другихъ, или вредить своему здоровью; даже убивать или мучить животныхъ безъ всякой отъ того пользы считается грѣхомъ... Мы обязаны жить съ каждымъ человѣкомъ, даже съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ, въ мирѣ и согласіи, каждому помогать совѣтомъ и дѣломъ, предостерегать отъ опасности,—словомъ, оказывать всевозможную помощь нашему ближнему, *какой религіи и состоянія онъ бы ни былъ*“.

Въ поясненіи къ 5-й заповѣди (стр. 55) сказано:

„Дѣти должны любить и почитать своихъ родителей и во всемъ, что не противно законамъ Божиимъ и *государственнымъ*, имъ повиноваться“.

Въ одномъ только мѣстѣ встрѣчается небольшая обмолвка, которая можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію и должна быть оговорена въ слѣдующемъ изданіи, а именно, на стр. 51: „Ясно, что Ему одному (Богу) принадлежитъ право давать законы“; но изъ сравненія съ приведеннымъ выше мѣстомъ о почитаніи законовъ государственныхъ выше воли родительской очевидно, что фраза на стр. 51 есть не болѣе какъ недомолвка. Языкъ русскаго перевода у г. Сегала нѣсколько лучше, нежели у г. Солоновича, хотя и послѣдній погрѣшаетъ противъ русскаго языка (особенно противъ употребленія видовъ русскихъ глаголовъ) болѣе въ своихъ примѣчаніяхъ, нежели въ своемъ переводѣ. Къ преимуществамъ перевода г. Солоновича относится то, что библейскія имена онъ передаетъ въ русской формѣ, только при первой встрѣчѣ съ ними ставя въ скобкахъ ихъ еврейскую форму, напримѣръ: Ева (Хава), Авель (Гевель), тогда какъ г. Сегаль довольствуется только еврейскою формой библейскихъ именъ.

Что касается до изданія Библейской исторіи на русскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ вмѣстѣ, то объ этомъ можно отозваться только съ полнымъ одобреніемъ, ибо такимъ образомъ русскій языкъ будетъ въ состояніи легче проникнуть въ массу Евреевъ Россіи и Царства Польскаго. Вообще изданія какъ г. Солоновича, такъ и г. Сегала мо-

гуть быть одобрены для употребленія въ видѣ руководства при преподаваніи закона еврейской вѣры, какъ въ еврейскихъ училищахъ, такъ и въ общихъ, гдѣ этотъ предметъ введенъ для учениковъ изъ Евреевъ.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. Учебное пособіе для учащихся составилъ П. Надеждинъ. С.-Пб. 1869 года.

Книга эта составлена съ цѣлію ознакомить учащихся съ географіей и этнографіей Кавказа. При составленіи ея, авторъ пользовался частію сочиненіями на иностранныхъ языкахъ, а частію описаніями, встрѣчаемыми въ разныхъ повременныхъ русскихъ изданіяхъ, и поэтическими произведеніями Пушкина, Лермонтова и Я. Полонскаго, заимствуя изъ этихъ сочиненій и описаній все то, что характеризуетъ страну относительно ея поверхности, флоры, фауны, топографіи, древнихъ памятниковъ и проч.

Ближайшее ознакомленіе съ книгою показываетъ, что она представляетъ собственно сборникъ отрывковъ изъ разныхъ сочиненій и поэтическихъ произведеній о Кавказѣ, — отрывковъ, которые, въ своей совокупности, составляютъ довольно полное описаніе страны въ вышеуказанномъ отношеніи. Послѣ обзорннѣ общаго характера природы и человѣка на Кавказѣ (изъ *Русскаго Вѣстника* 1860 года, г. Висковатова), помѣщенные въ книгѣ отрывки группируются въ четырехъ отдѣлахъ, озаглавленныхъ такимъ образомъ: 1) „Сѣверный Кавказъ“; 2) „Кавказскія горы и горцы. Грузія съ древнею Колхидой“; 3) „Арменія. Прикаспійскій край“; 4) „изъ исторіи Кавказа и Закавказья“. Все, что касается природы Кавказа и Закавказья: поверхности, естественныхъ произведеній, климата и т. п., можетъ быть признано вѣрнымъ и правильнымъ, такъ какъ источники, которыми пользовался составитель книги, заслуживаютъ, по компетентности ихъ авторовъ, полного довѣрія. Самый выборъ относящихся сюда отрывковъ сдѣланъ очень удачно и соотвѣтственно цѣли.

Историческая часть означенной книги состоитъ изъ 13-и статей; изъ нихъ 9 извлечены изъ другихъ сочиненій, а остальные составлены самимъ авторомъ. Авторъ указываетъ какъ на тѣ сочиненія, изъ которыхъ сдѣланы дословныя извлеченія, такъ и на тѣ, которыми онъ пользовался самъ при самостоятельныхъ статьяхъ. Изъ большаго числа географическихъ статей 10 составлены самостоятельно, остальные также извлечены. Выборъ статей какъ географи-

ческих (разумѣя здѣсь и этнографію), такъ и историческихъ сдѣланъ очень удачно: географическія статьи обстоятельно знакомятъ со всѣми особенностями Кавказа и Закавказья, какъ со стороны физической, также и политической. Нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримеръ, Владикавказскій и Дербентскій проходы, не только описываются въ настоящемъ ихъ положеніи, но и рассматриваются со стороны исторической. Историческія статьи обнимаютъ нѣкоторыя событія Арменіи и Грузіи, начиная съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ, занесены нѣкоторыя преданія изъ мифической исторіи Арменіи; далѣе идутъ статьи о Григоріѣ просвѣтителѣ, о равноапостольной Нинѣ, объ изобрѣтеніи армянскаго алфавита, далѣе объ Мхитарѣ, основателѣ ордена Мхитаристовъ; о царицѣ грузинской Тамарѣ, о разореніи Тифлиса и его окрестностей Персами въ 1798 году. Но особенно важны статьи, относящіяся къ періоду русскаго господства за Кавказомъ; сюда относятся обстоятельныя статьи, знакомящія читателя съ такими дѣятелями Кавказа, какъ Циціановъ, Ермоловъ и князь Воронцовъ.

Принимая все это въ соображеніе, книгу можно рекомендовать для училищныхъ библіотекъ. Но желательно было бы, чтобъ авторъ въ будущемъ изданіи устранилъ въ началѣ статьи „Божій промыслъ“ (стр. 283) пропискскій тонъ, какъ не соответствующій требованіямъ книги для чтенія въ училищахъ.

Россія. Учебникъ географіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; составленный по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. С.-Пб. 1868 года, изд. товариществомъ „Общественная польза“.

Означенный учебникъ, относительно примѣнимости его къ гимназіямъ, можетъ быть раздѣленъ на двѣ половины. Первая половина, содержащая въ себѣ физическое и этнографическое обозрѣніе, а также указаніе на административное раздѣленіе Россіи, можно сказать, вполне удовлетворительна какъ по системѣ своей, такъ и по выбору матеріала, и по языку. Правда, въ отдѣлѣ этнографіи есть характеристики народностей, не умѣстныя въ учебникѣ; но онѣ очень кратки и легко могутъ быть опущены при преподаваніи, ибо напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Кромѣ того, есть двѣ таблицы, изъ которыхъ одна показиваетъ густоту населенія по губерніямъ и областямъ въ порядкѣ постепеннаго ея уменьшенія, въ другой показаны города, имѣющие

болѣе 20.000 населенія; эти таблицы могутъ быть полезны преподавателю для справокъ, а для учениковъ, также безъ вреда дѣлу, легко могутъ быть опущены.

Во второй половинѣ, гдѣ разсматриваются промышленность и губерніи по частямъ, учебникъ не приспособленъ къ потребностямъ гимназическаго преподаванія. Здѣсь разные виды промышленности разсматриваются не въ связи съ описаніемъ губерній, какъ бы слѣдовало, но отдѣльно сами по себѣ; въ свою очередь губерніи разсматриваются не по группамъ, а каждая особо. Изученіе отдѣла о промышленности, не смотря на весь интересъ его, не даетъ вполне отчетливаго понятія о дѣятельности народонаселенія въ той или другой мѣстности, чего должна домогаться географія; самое запоминаніе приведенныхъ фактовъ учениками IV-го класса представить большое затрудненіе, такъ какъ ученія эти знакомы пока только съ названіями губерній и губернскими городами. Затѣмъ при частномъ обзорѣ губерній поименовывается большее или меньшее количество городовъ съ главными достопримѣчательностями ихъ, указывается на климатъ, народонаселеніе, промыслы ихъ; весь этотъ матеріалъ распредѣляется по одинаковымъ рубрикамъ и въ одномъ и томъ же порядкѣ для всѣхъ губерній, что составляетъ не маловажное достоинство учебника. Но авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы, разсмотрѣвъ губерніи или по пространствамъ, или же по бассейнамъ рѣкъ и морей, связалъ ихъ одною общою мыслию; тогда изученіе ихъ не представило бы для учениковъ такого тяжелаго труда, какъ это необходимо должно быть теперь.

На этомъ основаніи, такъ какъ послѣдняя половина книги не удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, то означенный учебникъ и не можетъ быть рекомендованъ къ употребленію въ гимназіи въ видѣ руководства; но съ другой стороны, онъ вполне пригоденъ для ученическихъ библіотекъ, ибо нѣкоторые отдѣлы его не безъ пользы могутъ быть прочтаны учениками VII-го класса, при общемъ повтореніи курса географіи.

Географическіе очерки Россіи. Составилъ А. Сертневъ. Выпуски II, III. С.-Пб. 1866—1867.

Второй выпускъ „Очерковъ Россіи“ содержитъ въ себѣ очерки Остзейскаго края, Литвы и Польши, Волыни и Подолія, Малороссіи,

Новороссіи, Тавриды, Ногайскихъ степей, Кавказа и Закавказья; въ III-мъ выпускѣ содержится описаніе сѣвера Россіи, страны великихъ озеръ, Поволожья, мѣстности по Камѣ съ Ваткой и Бѣлой и области Оки.

Въ обоихъ выпускахъ 220 страницъ въ 12-ю долю и крупной печати; не смотря на небольшой относительно объемъ книгъ, авторъ однако же успѣлъ сообщить столько матеріала, что сдѣлалъ книгу свою, какъ полезною, такъ и интересною. Въ особенную же заслугу автору нужно поставить искусство, съ которымъ среди матеріала, относящагося въ области физической, этнографической и политической географіи, разсѣяны матеріалы изъ археологіи, исторіи и народныхъ преданій. Такъ, на примѣръ, поименовывая г. Мологу, авторъ указываетъ на то, что на этомъ мѣстѣ существовалъ прежде „Холопій городъ“; или по поводу „Буйска“ разсказывается преданіе, связанное съ воспоминаніемъ о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и императорѣ Александрѣ Благословенномъ. Указывается на время происхожденія замѣчательныхъ городовъ, на обстоятельства, при которыхъ они возникли, и на важныя событія, совершившіяся въ нихъ. Кромѣ того, приводится филологическое или историческое объясненіе всѣхъ тѣхъ городовъ и рѣкъ, имена которыхъ можно объяснить или перевести: на примѣръ, Тулы, Пудожа, Орѣ-Капа, Маринскаго канала и т. п. Все это столько же придаетъ интересъ книгѣ, сколько и просвѣтляетъ взглядъ читателя на отечество.

Этнографическіе очерки, не смотря на сжатость свою, образно рисуютъ физическія и нравственныя особенности всѣхъ народностей, описываемыхъ авторомъ.

Если ко всему этому присоединить то, что для географической части авторъ пользовался извѣстными сочиненіями, названія которыхъ обозначаются въ выноскахъ, и то, что книга имѣетъ хорошее направленіе и по языку читается легко, то это составитъ все необходимое для того, чтобы рекомендовать книгу гимназіямъ какъ пособіе при преподаваніи отечественной географіи.

Конечно, со стороны фактовъ, книга не безъ недостатковъ, на примѣръ, говорится, что Нѣмцы обратили Эстовъ въ лютеранскую вѣру въ XIII вѣкѣ; длина Онежскаго озера полагается 220 верстъ, а въ очеркахъ 260; Нева течетъ 60 верстъ, а въ очеркахъ 66; Камышинъ основанъ въ 1668 году, а въ очеркахъ 1692, то-есть, въ этомъ году Камышинъ переименованъ только изъ Дмитріевска; Менониты названы Менонистами и т. п. Но если принять въ сообра-

женіе, съ одной стороны, массу разнороднаго матеріала, входящаго въ очерки, съ другой, — что подобными ошибками страдаютъ даже географическіе учебники, то это не можетъ служить большимъ упрекомъ для автора. Скорѣе можно поставить въ упрекъ автору то, что онъ Эсто-Латышскій край называетъ еще Остзейскимъ (въ переводѣ: восточный!!), а Русскихъ въ Волнни нѣмецкимъ именемъ Русяновъ.

Вообще же Географическіе очерки Россіи, при нѣкоторыхъ исправленіяхъ, можно рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ, въ видѣ пособія при преподаваніи отечественной географіи.

Учебникъ сравнительной географіи для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. *Россійская Имперія*. С.-Пб. 1886.

Первое, что значительно роиаетъ значеніе этого учебника, это — его система. Книга вся дѣлится на 5 отдѣловъ. Въ I-мъ отдѣлѣ, послѣ обзорѣ Россіи со стороны поверхности, водныхъ системъ, путей сообщенія, авторъ разсматриваетъ Европейскую Россію со стороны климата, качества почвы и произведеній. При этомъ для распредѣленія по частямъ авторъ не выбралъ надлежащихъ основаній, отъ того произошла непоследовательность съ одной стороны, съ другой — неточность. Такъ, сначала разсматриваются части Россіи по произведеніямъ, именно таковы: полоса ледовитая, полоса тундръ и Лапландія, полоса лѣсовъ и начало хлѣбопашества; затѣмъ остальные части разсматриваются просто по пространствамъ. При этомъ въ одну группу, именно „Алаунское пространство“, авторъ внесъ губерніи, различныя и по характеру занимаемой ими мѣстности и по своимъ произведеніямъ. Такъ, сюда отнесены губерніи: Новгородская, Псковская, Смоленская и Тверская; но первыя двѣ губерніи не безъ основанія и нашими статистиками и политико-экономами относятся къ „Прибалтійскому пространству“, а послѣднія губерніи къ отдѣлу „мануфактурно-промышленныхъ губерній“. Въ группу „Карпатское пространство“ отнесены Малороссія съ Подолью и Волынью, которыя по однимъ признакамъ могутъ подходить къ Новороссійскимъ губерніямъ, а по другимъ — къ земледѣльческому пространству, поэтому въ географіяхъ они и относятся или къ тому, или другому, но нигдѣ не составляютъ особой группы.

Въ IV-мъ отдѣлѣ разсматриваются отдѣльно всѣ роды промышлен-

ности, существующіе въ Россіи, а также внѣшняя и внутренняя торговля; каждый родъ промышленности разсматривается отдѣльно одинъ отъ другаго; такъ, въ началѣ идетъ хлѣбонашество, затѣмъ разведеніе картофеля и огородничество, луководство, скотоводство, птицеводство и пр. Эта система, взятая изъ статистикъ, въ учебнику географическому не примѣнима. При помощи географіи учащійся долженъ ознакомиться съ мѣстностію, со всѣми естественными средствами ея; это все, что при школьномъ преподаваніи можно сообщить ему изъ географіи. Нецѣлесообразность такого размѣщенія высказывается еще рѣзче потому, что до означеннаго отдѣла не было такого обстоятельнаго обзорѣнія губерній, на основаніи котораго учащійся могъ бы ясно представить мѣстоположеніе той или другой губерніи. При обзорѣніи Россіи со стороны климата и произведеній мѣстами вовсе не упоминаются губерніи, мѣстами только общія основанія, а мѣстами только губернскіе города. Въ отдѣлѣ II-мъ подъ рубрикою „правительственныя учрежденія“ упоминаются только губернскіе города; въ III-мъ отдѣлѣ, посвященномъ этнографіи, перечисляются только города по плотности народонаселенія; частное обзорѣніе губерній помѣщено въ V-мъ, послѣднемъ отдѣлѣ. Конечно, этотъ послѣдній отдѣлъ могъ бы быть пройденъ передъ IV-мъ; но здѣсь является другое неудобство. Губерніи обзорѣваются въ алфавитномъ порядкѣ и весь отдѣлъ, въ силу этого, теряетъ всякое педагогическое значеніе; онъ можетъ служить только для справокъ.

Относительно матеріала учебникъ страдаетъ излишествомъ. Такъ, при изложеніи отдѣла гидрографическаго встрѣчается такая масса историческихъ фактовъ, какъ будто главная цѣль учебника состоитъ въ указаніи историческаго значенія той или другой рѣки, а не въ указаніи значенія ея для матеріальнаго благосостоянія страны. Такой матеріалъ, конечно, не бесполезенъ, но не въ такой мѣрѣ, какъ это сдѣлано въ учебникѣ. Отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ экономическаго и территоріальнаго развитія“ (стр. 78—83) представляетъ такой матеріалъ, часть котораго не имѣетъ научнаго характера — это общія разсужденія объ естественныхъ произведеніяхъ области Россіи и о хозяйственныхъ занятіяхъ Славянъ въ доисторическое время; другая же часть — указаніе на главные моменты, въ которыхъ наша матеріальная жизнь и промышленность получаетъ особенное движеніе, неумѣстна, какъ слышимъ общая. Далѣе, вмѣсто краткаго, обычнаго всѣмъ учебникамъ указанія на административное дѣленіе Россіи по губерніямъ, авторъ внесъ подъ заглавіемъ „правительственныя учреж-

денія" въ учебникѣ такой матеріалъ, который непосредственно не относится къ географіи: это перечень высшихъ государственныхъ учреждений, министерствъ, при чемъ, говоря о министерствѣ юстиціи, авторъ указываетъ на преобразованія судопроизводства, характеризуетъ порядокъ старыхъ судовъ; по поводу военнаго министерства перечисляетъ 15 военныхъ округовъ и под. Правда, въ этомъ отдѣлѣ помимо указанія губерній есть матеріалъ необходимый — это перечень крѣпостей и высшихъ учебныхъ заведеній, но эти факты должны быть приурочены къ мѣстности, а не сообщаемы такъ отрывочно. Кроме того, не мало излишняго матеріала оказывается, вслѣдствіе желанія автора остаться вѣрнымъ принятой имъ системѣ. Такъ, напримѣръ, на стр. 20-й разсматривая искусственные пути сообщенія, авторъ считаетъ нужнымъ связать нѣсколько словъ о дурномъ состояніи проселочныхъ дорогъ; на стр. 83-й, говоря о распредѣленіи народонаселенія по мѣсту жительства, авторъ даетъ понятіе о городѣ. Для настоящаго времени также лишній матеріалъ — наши бывшія владѣнія въ Америкѣ.

По языку учебникъ вполне удовлетворителенъ; но къ числу особенныхъ достоинствъ книги нужно отнести 1) то, что въ ней внушается уваженіе къ великорусскому племени (стр. 64) и къ историческимъ лицамъ нашего отечества, и 2) при описаніи губерній упоминаются главныя наши святыни, находящіяся въ разныхъ городахъ.

Не смотря на эти достоинства, разсматриваемая книга не можетъ быть въ числѣ нормальныхъ учебныхъ руководствъ, такъ какъ она не удовлетворяетъ самымъ существеннымъ педагогическимъ требованіямъ отъ произведеній подобнаго рода.

Учебная книга сравнительной географіи. Азія, Африка, Америка и Австралія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. 9-е изданіе. Составилъ К. Смирновъ. С.-Пб. 1870 года.

Разсматриваемая книга содержитъ 157 страницъ весьма сжатой печати двойного шрифта и назначена для II-го класса, гдѣ для географіи отведено два часа въ недѣлю.

Порядокъ расположенія матеріала одинаковъ для всѣхъ частей свѣта; сначала разсматривается каждая часть со стороны физической подъ слѣдующими рубриками: положеніе и границы, устройство поверхности, орошеніе, климатъ, растенія, животныя и народонаселеніе;

затѣмъ обзрѣвается каждая изъ частей свѣта въ политическомъ отношеніи.

Со стороны матеріала въ учебникѣ поражаетъ прежде всего обиліе его, не оправдываемое никакими учебными требованіями. Авторъ, какъ видно, задакъ мыслию сдѣлать свою книгу возможно интересною и поэтому о большей части географическихъ данныхъ старался сообщить хоть что-нибудь, часто несообразаясь даже съ тѣмъ, имѣеть ли дѣйствительную важность сообщаемый матеріалъ. Такъ, на стр. 9-й перечисляются низменности Азіатскія, при чемъ авторъ не ограничивается указаніемъ главныхъ выдающихся особенностей ихъ, но по поводу Туранской возвышенности указываетъ на существующее предположеніе, что будто эта возвышенность была морскимъ дномъ и представляетъ доказательства такого предположенія; на стр. 33-й при обзорѣніи Японіи перечисляются мѣста, гдѣ могутъ селиться Европейцы, указывается на слухъ, что будто Японцы хотятъ открыть послѣднимъ всѣ гавани. Подобнаго рода матеріаломъ, которому нѣтъ мѣста въ учебникѣ, между прочимъ книга г. Смирнова переполнена.

Также не мало увеличиваетъ объемъ книги и то, что авторъ внесъ въ нее много матеріала, относящагося къ исторіи; на примѣръ, на стр. 13-й, сообщивъ уже довольно свѣдѣній о рѣкахъ Евфратѣ и Тигрѣ, авторъ въ 11-и строкахъ толкуетъ о торговомъ значеніи этихъ рѣкъ въ древнемъ мірѣ и средніе вѣка, и указываетъ на замѣчательные города, бывшіе въ означенные періоды исторіи; на стр. 115-й при описаніи американскихъ племенъ говоритъ объ Инкахъ и Аптекахахъ.

Мѣстами авторъ вноситъ въ текстъ такіа объясненія, которыя могли бы быть удобнѣе сообщены учителемъ на урокѣ; таково, на примѣръ, на 74-й страницѣ „орошеніе Африки“; большую часть фактовъ, сообщаемыхъ здѣсь, можно приурочить чрезъ классное объясненіе къ свѣдѣніямъ, уже полученнымъ учениками при начальномъ курсѣ физической географіи, и это облегчило бы имъ усвоеніе дѣла.

Наконецъ, означенной книгѣ не мало придаетъ относительно большой видъ и неумѣстная растянутасть въ изложеніи; она переполнена оборотами въ родѣ слѣдующихъ: стр. 10-я: „Въ нѣдрахъ своихъ Азія хотя не представляетъ такого громаднаго богатства въ каменномъ углѣ и желѣзѣ, какъ Европа, тѣмъ не менше она значительно превосходитъ ее богатствомъ въ благородныхъ металахъ“.

Все связанное выше относится къ матеріалу, напечатанному крупнымъ шрифтомъ, слѣдовательно, назначаемому для выучиванія; но въ учебникѣ весьма много матеріала, напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ.

Такой матеріалъ можетъ быть по характеру своего содержанія раздѣленъ на двѣ категоріи. Къ первой относится матеріалъ, содержащій въ себѣ главнымъ образомъ описанія изъ области физической географіи и частію изъ этнографіи; матеріалъ этой категоріи занимаетъ большую часть страницъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ. Подобный матеріалъ, какъ назначаемый для чтенія, неумѣстенъ въ учебникѣ; не можетъ служить оправданіемъ помѣщенія его въ учебникѣ и то, что для этихъ отдѣловъ географіи нѣтъ въ нашей педагогической литературѣ христоматіи; всѣ практическія соображенія должны уступать требованіямъ педагогическимъ. Матеріалъ другой категоріи такого рода: при обзорѣ каждой части свѣта представляются особенности ея въ сравненіи съ другими частями, преимущественно съ Европою, напримѣръ, въ положеніи границъ, въ устройствѣ поверхности, въ рѣкахъ, озерахъ, и путяхъ. Этотъ матеріалъ подведенъ подъ рубрики: „общее заключеніе“, напримѣръ, объ устройствѣ Азій; или „общее заключеніе о рѣкахъ и озерахъ Азій, какъ путей сообщенія“; матеріалъ этого рода имѣетъ не мало-важное значеніе при сравнительномъ изученіи географіи, такъ какъ имъ осмысливается каждая изъ изучаемыхъ частей, но тѣмъ не менѣе онъ неумѣстенъ въ учебникѣ. Вывести общее заключеніе по поводу обзорѣ тѣхъ или другихъ данныхъ, осмыслить ихъ—это дѣло метода и должно составлять классную работу учителя совмѣстно съ учениками; иначе уроки по географіи, какъ и прежде бывало, превратятся въ предметъ запамятыванія, хотя болѣе легкаго, но не возбуждающаго умственныхъ силъ, и слѣдовательно, потеряютъ свое образовательное значеніе. Въ данномъ случаѣ подобнаго рода матеріалъ неумѣстенъ еще и по слѣдующему обстоятельству: всѣ особенности каждой страны характеризуются въ учебникѣ кратко, въ формѣ положеній, и въ нѣкоторыхъ рубрикахъ допускается слишкомъ большое число послѣднихъ; такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „объ устройствѣ поверхности Азій“ (стр. 10) доказывается въ 5-и пунктахъ противоположность Азій съ Европой, и въ такомъ же числѣ высказываются слѣдствія этихъ особенностей для Азій; или Африка сравнивается съ Азіей (стр. 73) въ шести отношеніяхъ, и особенности ея характеризуются тоже шестью положеніями. Такая дробность, нѣтъ сомнѣнія, можетъ быть по силамъ только меньшинства учениковъ, а между тѣмъ объясненія эти обязаны будутъ заучивать всѣ.

По языку этотъ выпускъ, какъ и первый, не всюду удовлетворителенъ; весьма часто встрѣчаются мѣста въ родѣ слѣдующихъ: „средняя Азія отличается по преимуществу континентальнымъ свойствомъ

своего климата, потому что она занимает самую средину Азіи, потому что лежитъ выше прочихъ частей надъ уровнемъ моря и потому, что лежитъ въ той полосѣ, гдѣ лѣтомъ вовсе не бываетъ дождя“; или подобныя мѣста: „эти холмы *примосытз съ собою* путешественникамъ своего рода бѣдствія. Именно, они иногда совершенно лишаютъ его возможности угадать настоящую дорогу къ тому мѣсту, куда онъ шелъ и *тѣмъ*, что закрываютъ отъ взора его даль и *тѣмъ*, что они остаются на мѣстахъ“. Мѣстами встрѣчаются неполнѣ литературныя выраженія: „все вокругъ него (Бедуина) забнеть, а онъ спитъ себѣ боснй“ (стр. 56): или „мужъ (Бедуинъ) сидитъ себѣ передъ палаткою, да покуриваетъ трубку“ (стр. 57). Къ этой же категоріи должно отнести и то, что авторъ прибѣгаетъ часто къ сравненіямъ, требующимъ объясненія, напримѣръ, „Бостонъ это Аѳины“, и т. под.

Такъ какъ означенный учебникъ по количеству и выбору учебного матеріала не соразмѣренъ съ временемъ, назначеннымъ по учебному плану для географіи, и какъ въ немъ матеріаль учебный перемѣшанъ съ матеріаломъ для домашняго чтенія и кромѣ того онъ содержитъ въ себѣ и такой матеріаль, который относится къ методикѣ, поэтому онъ собственно не можетъ служить руководствомъ для учениковъ; но такъ какъ въ то же время означенное руководство нельзя замѣнить другимъ, поэтому его можно временно допустить и руководствомъ, до исправленія его въ слѣдующемъ изданіи. Если же оно будетъ оставлено въ настоящемъ своемъ видѣ и далѣе, то книгу г. Смирнова можно рекомендовать только какъ пособіе при изученіи географіи.

Учебная книга сравнительной географіи. Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназической. Составилъ *Ж. Смирновъ*. 9-е изданіе. С.-Пб. 1870 года.

Главный недостатокъ только что рассмотрѣнной книги („Азія, Африка, Америка и Австралія“) — смѣшеніе матеріала, назначаемого для изученія, съ матеріаломъ, назначаемымъ для чтенія, выступаетъ въ озаглавленномъ выпускѣ еще въ большей степени; въ отдѣлѣ, гдѣ разсматриваются порознь европейскія государства, встрѣчается весьма мало страницъ, гдѣ бы матеріаль сообщался въ надлежащихъ границахъ. Неудобство, происходящее отъ этого въ учебной практикѣ, увеличивается съ сравненіемъ въ первымъ, еще тѣмъ, что матеріаль,

назначаемый для чтенія, во многихъ мѣстахъ не выдѣленъ и напечатанъ крупнымъ шрифтомъ. Таковы, для примѣра, мѣста при обзорѣннн Испаніи въ рубрикѣ: „климатъ и растительность“ (стр. 32), при обзорѣннн Италіи въ такой же рубрикѣ (стр. 58), кромѣ того, описаніе Генуи; въ отдѣлѣ „Швейцарія“ подъ рубрикою: „природа, пространство и народонаселеніе“ (стр. 69, 70, 71), далѣе, природа Нидерландовъ (стр. 75, 76), природа и народонаселеніе въ Бельгіи (стр. 81), языкъ и промышленность во Франціи (стр. 123), описаніе Парижа (стр. 135), климатъ, растенія и промышленность въ Англіи (стр. 151).

Далѣе, въ мелкомъ шрифтѣ кромѣ содержанія, общаго съ разобраннымъ выпускомъ, то-есть, кромѣ описаній изъ области физической природы, заключается много такого, что не содержитъ въ себѣ никакихъ положительныхъ фактовъ, ничего догматическаго, а содержитъ въ себѣ нѣчто въ родѣ впечатлѣній, которыми наполняются путевыя записки; таковы, для примѣра, мѣста: „очеркъ природы и народонаселенія Испаніи“ (стр. 35), „народонаселеніе Мадрита“ (стр. 37), панорама Константинополя (стр. 49), „Лейпцигская ярмарка“ (стр. 35); или же сообщаются свѣдѣнія въ томъ видѣ, какъ они встрѣчаются въ *идакхъ*, таковы мѣста: внѣшность Аѳинъ (стр. 35), „описаніе Нюрнберга“ (стр. 92), Берлина (стр. 103), Лондона, Манчестера, Ливерпуля, или о значеніи пива для Нѣмцевъ (стр. 91). Нѣкоторыя изъ означенныхъ статей, помимо того, что онѣ очень велики для учебника, не умѣстны, во первыхъ, потому что касаются такихъ сторонъ, которыми еще не можетъ интересоваться двѣнадцатилѣтній мальчикъ (каковы описанія англійскихъ городовъ съ ихъ промышленной стороны), и вторыхъ, потому что для пониманія многихъ изъ нихъ требуется знаніе исторіи (напримѣръ, описаніе Рима, Нюрнберга). Къ категоріи бесполезнаго матеріала, напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ, нужно отнести и характеристики: Баварцевъ (стр. 91), Саксонцевъ (стр. 94), Французовъ (стр. 123) и Англичанъ (стр. 147), и кромѣ того, подробности о рѣкахъ русскихъ (на 14-й стр.), что необходимо должно войти въ отдѣлъ географіи Россіи.

О нѣкоторой части матеріала означеннаго курса географіи нужно замѣтить еще слѣдующее: въ этомъ курсѣ выступаютъ болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ, во первыхъ, *сравненія*, при чемъ эти сравненія прежде всего касаются промышленности, и потомъ состава народонаселенія; вторыхъ, указанія на средства, содѣйствующія промышленности той или другой страны; третьихъ, подробности о государ-

ственномъ управленіи; наконецъ, факты изъ исторіи. Матеріаль первыхъ двухъ категорій, конечно, вѣженъ, и имъ оправдывается названіе книги „учебная книга сравнительной географіи“, но не въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ допущенъ въ учебникѣ. Можно безъ преувеличенія сказать, что авторъ, помѣстивъ этотъ матеріаль для 12—13-лѣтнихъ учениковъ, далъ имъ такую работу, которая можетъ быть выполнена только въ высшихъ классахъ и въ спеціальныхъ промышленныхъ школахъ, при знакомствѣ съ исторіей и даже политической экономіей. Таковы, между прочимъ, матеріалы на страницѣ 86—промышленность Германіи, на стр. 100 — промышленность Пруссіи, на стр. 125 — преимущества въ промышленномъ отношеніи Франціи предъ Австріей и Пруссіей, на 111-й стр.—сравненіе народонаселенія Австріи съ Пруссіей. Нѣкоторые изъ означенныхъ мѣстъ содержатъ даже въ себѣ матеріаль совершенно не географическій, а политико-экономическій. Въ отдѣлахъ о государственномъ управленіи также много такого, что не имѣетъ никакого значенія для учениковъ, и что будетъ предметомъ бессмысленнаго чтенія и даже заучиванья. Особенно бросается въ глаза, по своей дидактической нецѣлесообразности въ этомъ отношеніи, изложеніе государственнаго устройства во Франціи (стр. 131).

Также совершенно излишній баластъ для гимназиста—историческій матеріаль, щедро разбѣянный въ книгѣ. Какого рода этотъ матеріаль, и какъ онъ опережаетъ гимназическую программу, примѣромъ можетъ служить географія Франціи, гдѣ безъ всякой нужды дѣлается ссылка на пять историческихъ фактовъ.

По изложенію и языку этотъ выпускъ удовлетворительнѣе первыхъ двухъ. Есть выраженія неполнѣ правильныя; таковы: „во Франціи нѣтъ ни одного мѣстечка, ни одной деревни, которая бы не была въ удобномъ сообщеніи со всѣми мѣстностями“, или: „хотя пристрастіе къ пиву и умѣніе варить превосходное пиво принадлежитъ къ обязанностямъ всей Германіи“ (стр. 91)... Неясное изложеніе: „червяки выпускаютъ изъ рта нѣчто въ родѣ клейкой жидкости и начинаютъ наматывать на нее ниточки.... Обвиняемые такимъ образомъ ниточками червяки образуютъ коконъ и дѣлаются куколками“.... (стр. 128); въ одномъ мѣстѣ употреблено „гибель“ вмѣсто „большое число“ (стр. 135).

Со стороны фактической есть неточности такого рода: Бретань отнесена къ югозападнымъ провинціямъ; населеніе Манчестера представляется въ 362 т., тогда какъ въ 1851 году было 401,321 (по Кольбу). Къ числу фактическихъ неточностей должно отнести также слѣдующее: при изложеніи устройства поверхности Германіи авторъ

употребляетъ термины: южная и сѣверная (стр. 84), при описаніи же промышленности употребляетъ: верхняя и нижняя (стр. 89), тогда какъ точнѣе было бы и удобнѣе для учащихся употребить одинъ изъ двухъ терминовъ.

Этотъ выпускъ, какъ и предшествующій, можетъ быть признанъ учебнымъ руководствомъ подъ условіемъ сокращенія и приспособленія книги къ гимназическому курсу при слѣдующемъ изданіи.

Учебная книга сравнительной географіи. Составилъ *К. Смирновъ*. 7-е изданіе С.-Пб. 1868. (Одобрена ученымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ и допущена къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства).

Въ этомъ изданіи учебника г. Смирнова весь курсъ географіи помѣщенъ въ одной книгѣ, а не раздробленъ на выпуски, какъ въ изданіи, назначенномъ для гимназій.

Число страницъ въ рассматриваемомъ учебникѣ 320; слѣдовательно, по объему онъ менѣе гимназическаго курса на 103 страницы; но по количеству матеріала разность между тѣмъ и другимъ несравненно менѣе. Объ этомъ можно отчасти судить по внѣшности книги. 1) Рассматриваемое изданіе по формату болѣе курса гимназическаго; страница этого изданія содержитъ въ себѣ 44 строки крупной печати, а курсъ гимназическій 37; 2) къ рассматриваемому изданію приложено 7 рисунковъ, а къ курсу гимназическому 13; 4) одна часть изъ курса гимназическаго (именно Азія, Африка, Америка и Австралія) напечатана болѣе крупнымъ шрифтомъ, чѣмъ другіе выпуски, напечатанные однимъ шрифтомъ съ разбираемою книгой.

Существенная разница въ отношеніи количества матеріала состоитъ въ томъ, что при обзорѣніи Азій, Африки, Америки и Австраліи въ означенномъ изданіи опущенъ матеріалъ, относящійся къ методикѣ, помѣщенный въ курсѣ гимназическомъ подъ рубриками: „общія заключенія и пр.“. Другія сокращенія незначительны, напримѣръ, при описаніи положенія границъ Европы въ этомъ изданіи сравнительно съ гимназическимъ опущено три строки, въ которыхъ обозначается континентальная граница съ Азіей (въ 3-хъ строкахъ); или при обзорѣніи Даніи опущено примѣчаніе, которое помѣщено въ гимназическомъ курсѣ въ 9-и строкахъ. Но эти сокращенія, взятая вмѣстѣ, не такъ значительны, чтобъ означенное изданіе можно

было принять за удовлетворительное руководство для гимназического курса.

Учебникъ сравнительной географіи для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Сочиненіе *Виллемма Пютца*, переведенъ съ нѣмецкаго и дополненъ замѣчаніями *М. М. Буммелтинга*. Изданіе 2-е исправленное. Трѣ выпускъ. С.-Пб. 1863—1868.

Въ предисловіи, сдѣланномъ переводчикомъ въ первомъ изданіи означенной книги, подъ заглавіемъ: „нѣсколько словъ о преподаваніи географіи“, говорится, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного учебника по всеобщей географіи, составленнаго на основаніи научныхъ требованій, то-есть, такого учебника, гдѣ бы кромѣ географической номенклатуры и статистическихъ данныхъ, представленныхъ въ системѣ, весь матеріалъ, относящійся къ физической географіи, подведенъ былъ подъ основанія, найденныя Гумбольдтомъ, Риттеромъ, Гюбне, Кледеномъ и пр.; географія Пютца, по мнѣнію переводчика, должна служить пополненіемъ этого пробѣла. Подобное заявленіе переводчика было вполнѣ справедливо въ 1860 году; когда изданъ былъ первый переводъ, и когда у насъ были только учебники Арсеньева и Ободовскаго; но въ настоящее время оно не имѣетъ уже мѣста, такъ какъ учебникъ сравнительной географіи Смирнова вполнѣ удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, и по направленію послѣднюю можно назвать также „geographie raisonnée“, какъ и названъ переводчикомъ учебникъ Пютца, съ тѣмъ только различіемъ, что область матеріала, осмысливающего обученіе географіи, въ учебникѣ Смирнова, не смотря на всѣ подробности, ограниченнѣе, чѣмъ въ учебникѣ Пютца.

Но обратимся къ самому учебнику, при чемъ для сравненія мы будемъ касаться учебника г. Смирнова.

Учебнику предисловіемъ введено, въ которомъ на 12-и страницѣ сообщаются самыя необходимыя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи. По поводу этого отдѣла нельзя не замѣтить слѣдующаго: форма изложенія большей части вопросовъ математической и физической географіи такова, каковая желательна для перваго класса гимназіи; все изложено кратко, безъ излишнихъ доказательствъ, которыя могутъ быть или не по возрасту учащихся, или же лучше могутъ быть сообщены учителемъ на урокѣ, и противъ чего, между прочимъ, погрѣшаетъ учебникъ г. Смирнова; при краткости изложенія означенный отдѣлъ отличается полною ясностію и простотою,

за исключеніемъ недостатковъ, относящихся къ переводу. Относительно матеріала нельзя согласиться, чтобы весь онъ пригоденъ былъ для I-го класса. Такъ, есть факты, знакомство съ которыми составляетъ излишнее обремененіе памяти, какъ, напримѣръ, указаніе на разстояніе, въ которомъ находятся большія планеты отъ солнца и разчисленіе времени обращенія большихъ планетъ около солнца, и подобныя астрономическія данныя; также встрѣчаются факты, которые вызываютъ объясненія, не совпадающія съ курсомъ географіи: напримѣръ, указывается на составъ атмосферы. Въ этомъ же отдѣлѣ объясняется, что такое горизонтальный и вертикальный разрѣзы поверхности страны; подобное объясненіе вызывается системой учебника, ибо при физическомъ обзорѣни каждой части свѣта въ отдѣльности вертикальному и горизонтальному разрѣзамъ придается большое значеніе; такъ какъ самъ авторъ назначаетъ книгу для старшихъ классовъ, то, безъ сомнѣнія, объясненіе означенныхъ терминовъ не будетъ представлять никакого труда, для учениковъ же I-го класса подобныя объясненія будутъ не по силамъ. Самъ составитель, по всей вѣроятности, считалъ не идущими подобнаго рода свѣдѣнія для низшихъ классовъ, такъ какъ въ V-мъ изданіи, болѣе примѣненномъ къ учебнымъ требованіямъ, это мѣсто опущено. Наконецъ одно изъ этихъ мѣстъ и переведено не особенно удачно (стр. 19): „Вертикальный разрѣзъ гораздо важнѣе для жизни природы и народовъ, нежели горизонтальный разрѣзъ земной поверхности. Подъ нимъ понимается *перпендикулярное къ поверхности возмѣщеніе* ея надъ уровнемъ моря, называемое *абсолютною высотой*“. При этомъ учителю придется объяснить весьма многое: отыскать смыслъ самаго объясненія и объяснить непонятныя слова.

Географія собственно начинается описаніемъ океана и его частей. Затѣмъ слѣдуетъ общее описаніе народовъ подѣ слѣдующими рубриками: раздѣленіе человѣческаго рода по различію въ тѣлесныхъ свойствахъ, раздѣленіе человѣческаго рода по языкамъ, по вѣроисповѣданіямъ, и раздѣленіе народовъ по степени образованія ихъ. Первый отдѣлъ, то-есть, океанографія, не смотря на всю важность свою, можетъ имѣть значеніе только тогда, когда ученики ознакомились съ политической географіей всѣхъ частей свѣта, ибо первый вопросъ при обзорѣни океана—„географическое положеніе“ его, требуетъ знанія названій разныхъ государствъ, положеній ихъ, тогда какъ въ учебникѣ обо всемъ этомъ не было еще ни слова. Кромѣ того, между равными рубриками, подѣ которыми подведенъ весь ма-

териалъ, находятся теченія; при обзорѣннн теченій Атлантическаго океана указывается на Гольфштремъ и на топографію его; но въ учебномъ отношеніи было бы цѣлесообразнѣе приурочить это важное явленіе къ описанію климата Норвегіи и Ирландіи, на который Гольфштремъ имѣетъ вліяніе, какъ это и сдѣлано въ учебникѣ г. Смирнова. Но главная причина неумѣстности этого отдѣла есть то, что онъ опережаетъ свѣдѣнія учениковъ. Въ другомъ отдѣлѣ подъ рубрикой „общее описаніе народовъ“, на ряду съ фактическими подробностями, которыя безъ вреда для учениковъ могли бы быть выпущены, есть два мѣста, изъ которыхъ одно можно назвать слишкомъ общимъ для ученика I-го класса, именно на страницѣ 37-й „различіе человѣка отъ растений“, а другое непонятнымъ — на стр. 38-й „о различіи языковъ азіатской семьи отъ индо-европейской“.

Порядокъ въ разсматриваніи частей свѣта слѣдующій: сначала разсматривается старій свѣтъ: Азія, Европа и Африка, затѣмъ Америка и Австралія. При разсматриваніи каждой изъ частей свѣта система, за небольшими исключеніями, совершенно одинаковая съ учебникомъ г. Смирнова, такъ какъ послѣдній весьма много пользовался разбираемымъ учебникомъ. Существенное различіе, общее всѣмъ частямъ свѣта, есть то, что г. Смирновъ, при разсматриваніи земной поверхности, не водводитъ всѣхъ особенностей ея подъ горизонтальный и вертикальный разрѣзы, что и составляетъ достоинство учебника г. Смирнова. Различіе въ отдѣлѣ „политическое обзорѣніе“ не существенно и касается только Европы и порядка обзорѣнія государства; по Пютцу сначала идетъ географія южныхъ европейскихъ государствъ, затѣмъ обзорѣвается средняя Европа и сѣверо-западная; во учебнику Смирнова сначала описываются сѣверныя государства, затѣмъ южныя, и наконецъ, государства средней Европы. Кроме того, въ учебникѣ Пютца политическому обзорѣнію Азій и Европы предпосланы таблицы, гдѣ перечислены всѣ государства Европы и Азій съ указаніемъ пространства и числа жителей, чего нѣтъ въ учебникѣ г. Смирнова.

Отличительная особенность учебника Пютца, за которую переводчикъ называетъ его „géographie raisonnée“, выстунаетъ въ общемъ обзорѣннн каждой части свѣта, предпосылаемомъ обзорѣннн политическому. Эти обзорѣнія сравнительно довольно значительны: для Азій, наиримѣръ, 15 страницъ (отъ 45 до 59), для Европы 16 страницъ (отъ 131 до 147-й стр.). Рубрики, подъ которыя подводится матеріалъ, одинаковыя съ книгою Смирнова; различіе одно, что у Смирнова нѣтъ рубрикъ „горизонтальный и вертикальный разрѣзы“, а

просто „поверхность“. Къ этимъ отдѣламъ, на основаніи разнообразности наукъ, изъ которыхъ черпаются факты, вполне приближается опредѣленіе, данное еще Гербартомъ географіи: „die Geographie ist eine assoziirrende Wissenschaft“, и чтобы вполне понять входящее въ географію, необходимо знать, кромѣ ариметики, политическую и естественную исторію, геометрію, литературу географіи и даже педагогику. Если принять къ тому же въ соображеніе приемы пользованія со стороны автора тѣми или другими фактами, способъ изложенія ихъ, то эти отдѣлы, за нѣкоторыми исключеніями, конечно, могутъ быть съ пользою усвоены только развитыми, образованными людьми. Въ учебникѣ Смирнова въ соответствующихъ отдѣлахъ есть много лишняго матеріала; но этотъ матеріалъ подавляетъ учениковъ только своимъ количествомъ, обременяетъ память, но не насыщаетъ ихъ пониманіемъ, какъ это дѣлаетъ учебникъ Пютца.

Что касается до политическаго обозрѣнія частей свѣта, то въ существенномъ оно сходно съ учебникомъ Смирнова, то-есть, также дано большее мѣсто сравнительному элементу, также занесены всѣ города, важные по своему географическому положенію, и также нѣкоторые замѣчательные города обставлены подробностями. Г. Смирновъ, какъ было замѣчено выше, пользовался Пютцемъ главнымъ образомъ при политическомъ обозрѣніи; подробности, относящіяся, напримеръ, до азіатскихъ государствъ, городовъ, почти дословно заимствованы изъ Пютца; но въ обозрѣніи Европы, при описаніи городовъ, г. Смирновъ опустил много историческихъ фактовъ въ сравненіи съ Пютцемъ и внесъ значительную массу новаго матеріала въ мелкомъ тѣствѣ.

Переводъ учебника Пютца нельзя считать вполне удовлетворительнымъ, ибо встрѣчается не мало погрѣшностей, касающихся главнымъ образомъ неправильнаго употребленія словъ и сочетанія ихъ; напримеръ, 9 стр.: „постепенное узрѣніе предметовъ“; на стр. 18-й: „острова биваютъ береговые и океаническіе, смотря по тому, находятся ли они вблизи материковъ, и слѣдовательно, *раздѣляютъ* съ ними почву и климатъ ихъ, или нѣтъ“; на стр. 19-й: „возвышенія земной поверхности... называются холмами и горами; у *нихъ* (?) различаютъ“ и проч.; на стр. 24-й: „море, *лишенное* волнаго содержанія“; на стр. 28-й: *долина* употреблено вмѣсто *дѣлина* и т. д. Встрѣчаются, напримеръ, мѣста въ родѣ слѣдующаго (115 стр.): „Городъ Іерусалимъ раздѣляется теперь на кварталы, именно: магометанъ — самый большой изъ всѣхъ, христіанъ различнѣхъ исповѣданій, Аравіянъ, Евреевъ и Африканцевъ; послѣдній меньше всѣхъ прочихъ“. Только по-

думать можно догадаться, что вѣсь перечисляются кварталы Иерусалима. Или слѣдующее выраженіе, находящееся въ числѣ замѣчаній, и слѣдовательно, принадлежащее самому переводчику (стр. 24): „мнѣніе автора (д-ра Кане) о существованіи подобнаго не замерзающаго моря не имѣетъ въ его сочиненіи фактическихъ доказательствъ, потому ми считаемъ его, *быть можетъ*, и за вѣрную гипотезу“. Собственныя имена не всегда правильно передаются: такъ, напримѣръ, Кіонъ вмѣсто Сіонъ, Татара вмѣсто Татаринъ, Гималая вмѣсто Гималай, глетшеры вмѣсто глетчеры и проч. Переводчикъ въ предисловіи своемъ между прочимъ говоритъ, что онъ подобралъ нѣкоторыя термины физической географіи, такъ какъ послѣдніе еще не установлены у насъ; нѣкоторые изъ этихъ терминовъ хотя и не употребляются еще, но они не противны духу русскаго языка, каковы: гафобразный, дельтообразный; но „средневожотный, нагорная гора“ не могутъ быть уместны, какъ противорѣчающіе правиламъ словообразованія.

На основаніи всего высказаннаго, и принимая также въ соображеніе, что послѣ изданія этой книги нынѣ произошли значительныя территоріальныя измѣненія, книга Пютца не можетъ быть употребляема, какъ учебникъ, въ нашихъ гимназіяхъ; по характеру большей части своего матеріала она можетъ быть полезна только преподавателямъ, тѣмъ болѣе, что переводчикъ снабдилъ ее большимъ числомъ замѣчаній, которыя главнымъ образомъ касаются литературы предмета.

Руководство ко всеобщей географіи. Соч. В. Пютца. Съ 10-го нѣмецкаго изданія перевелъ И. Лукомскій. Варшава. 1868 г.

Составъ этой книги слѣдующій: сначала сообщаются самыя необходимыя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи; затѣмъ слѣдуетъ описаніе океана и его частей; описаніе горизонтальнаго и вертикальнаго устройства поверхности пяти частей свѣта; раздѣленіе человѣческаго рода по племенамъ, языкамъ, вѣроисповѣданіямъ и степени образованія, и наконецъ идетъ подробное описаніе всѣхъ частей свѣта. Въ послѣднихъ отдѣлахъ авторъ слѣдуетъ всюду одному порядку, именно: сначала описывается вообще населеніе каждой части свѣта, затѣмъ слѣдуетъ поименованіе всѣхъ государствъ извѣстной части, и наконецъ, частное описаніе cadaго государства.

Изъ означеннаго перечня состава учебника видно, что учащійся останавливается два раза на каждой части свѣта, сначала при обзорѣни горизонтальнаго и вертикальнаго устройства поверхности частей свѣта, затѣмъ при подробномъ обзорѣни каждой части свѣта. Въ этомъ состоитъ первое достоинство учебника. Другое же достоинство и главное, это то, что въ немъ содержится исключительно только географическій матеріалъ, что и должно быть заучено учениками. Подробности, не составляющія принадлежности учебника географіи, встрѣчаются только при описаніи главныхъ городовъ; но подобнаго рода матеріалъ напечатанъ мелкимъ шрифтомъ, и слѣдовательно, можетъ быть необязательнымъ для учащихся. Переведена книга, можно сказать, тщательно; ни въ языкѣ, ни въ передачѣ фактовъ мы не замѣтили ошибокъ. Въ отношеніи точности перевода этотъ учебникъ занимаетъ высшее мѣсто, чѣмъ переводъ того же учебника, сдѣланный г. Телѣгинимъ. Но не смотря на всѣ эти достоинства, учебникъ едва-ли можетъ быть безусловно рекомендованъ для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Большая часть учебника посвящена Европѣ; изъ 196-и страницъ, заключающихся въ учебникѣ, на описаніе Европы приходится 102 страницы. Если принять въ соображеніе, что учебникъ состоитъ почти только изъ номенклатуры, то изъ отдѣла о Европѣ придется изучать ученикамъ такое количество названій, которое они не въ состояніи удержать на долгое время въ памяти. Чтобы судить, съ какимъ объемомъ номенклатуры приходится имѣть дѣло ученикамъ, достаточно указать, какъ на примѣръ, на подраздѣленія, принятыя въ учебникѣ при описаніи горъ и рѣкъ средней Европы; такъ авторъ дѣлитъ Альпы по абсолютной высотѣ ихъ на предгорныя Альпы средней высоты, и высокія Альпы; далѣе, главныя цѣпи Альпъ дѣлятся на западныя Альпы, центральныя и восточныя; западныя Альпы дѣлятся въ свою очередь на Морскія, Коттигійскія и Грайскія (?); центральныя Альпы дѣлятся еще на западную половину и восточную, гдѣ перечисляются всѣ принадлежащія къ нимъ горы. Подъ такими же дробными дѣленіями разсматриваются горы средней высоты и низменности центральной Европы. При обзорѣни Рейна сначала идетъ общій обзоръ, затѣмъ подробное описаніе рѣчной области Рейна въ такомъ порядкѣ: А) область источивости Рейна; а) часть Рейна до Боденскаго озера, б) отъ Боденскаго озера до Базеля, в) рѣчная система Аара; Б) Среднее теченіе Рейна до Бонна; а) верхній Рейнъ, б) средній Рейнъ; В) нижнее теченіе Рейна. При этомъ упоминаются даже въ крупномъ текстѣ такія незначительныя

рѣки, валь, напримѣръ, Кинцигъ и Муртъ. При политическомъ описаніи странъ, всюду разсѣяны такія же совершенно излишнія для нашихъ учениковъ имена; напримѣръ, въ бывшемъ ландграфствѣ Гамбургскомъ названы оба города этого имени, или поименовываются фортъ и гавань при Данцигѣ. Всѣ данныя подобнаго свойства разсѣяны во множествѣ также и при описаніи нѣмецкихъ государствъ, напримѣръ, при городѣ Плату поименовываются три низменныя мѣстности; на островѣ Сардиніи называются два города. Всѣ подобнаго рода подробности будутъ служить, конечно, препятствіемъ къ усвоенію учениками главныхъ данныхъ; онѣ могутъ быть опущены при пользованіи учебникомъ, но тогда придется преподавателю слишкомъ много пестрить его, что едва-ли будетъ удобно для учениковъ.

На основаніи высказаннаго разсматриваемое руководство можно рекомендовать гимназіямъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы имъ пользовались только при изученіи Азіи, Америки и Австраліи, такъ какъ означенные отдѣлы содержатъ въ себѣ столько учебнаго матеріала, сколько требуется въ нашихъ гимназіяхъ.

Руководство къ всеобщей географіи. Вѣ-европейскія страны, Сост. А. Сергѣева. С.-Пб. 1866.

Означенный учебникъ содержитъ въ себѣ 213 страницъ; слѣдовательно, болѣе 56-ю страницами учебника г. Смирнова для тѣхъ же частей свѣта. Но на дѣлѣ по объему этотъ учебникъ значительно менѣе учебника г. Смирнова. У г. Сергѣева въ учебникѣ 35 строкъ на каждой страницѣ, у г. Смирнова 44; у Сергѣева значительно менѣе мелкаго шрифта и при этомъ 44 строки на каждой страницѣ; у Смирнова же болѣе чѣмъ двѣ трети учебника мелкаго шрифта и при этомъ 50 строкъ на страницѣ. Если присоединить къ этому еще то, что учебникъ г. Сергѣева напечатанъ такъ, какъ и требуется печатать учебники, то-есть, въ два шрифта, то учебникъ г. Сергѣева окажется значительно менѣе по объему учебника г. Смирнова.

Что касается до качества содержанія, то въ этомъ отношеніи учебникъ г. Сергѣева нѣсколько превосходитъ учебникъ г. Смирнова. По номенклатурѣ учебникъ этотъ, можно сказать, одинаковъ съ учебникомъ г. Смирнова, въ подробностяхъ же большая разница. Г. Смирновъ вдается слишкомъ въ большія подробности при выборѣ матеріала изъ области физической географіи; г. Сергѣевъ ограничивается краткими, но весьма

характерными свидѣніями. Напримѣръ, г. Сергѣевъ въ 15-й строкахъ сообщилъ о р. Мараньонѣ все, что нужно ученику запомнить въ умѣ, то-есть, главныя особенности ея (стр. 11), а г. Смирновъ посвятилъ описанію ея почти двѣ страницы мелкаго шрифта (стр. 109—110); или, финиковая пальма у г. Сергѣева описана въ 9-й строкахъ (стр. 126), въ учебникѣ же г. Смирнова ей посвящено 1½ страницы мелкой печати. То же самое отношеніе объема при описаніи другихъ царствъ природы. Если г. Смирновъ останавливается главнымъ образомъ на описаніи предметовъ изъ царства прозябаемаго, ископаемаго и изъ царства животныхъ, то г. Сергѣевъ останавливается главнымъ образомъ на человѣкѣ и его дѣятельности; поэтому этнографическій и особенно политическій отдѣлъ у г. Сергѣева полнѣе, тогда какъ у г. Смирнова болѣе полонъ отдѣлъ физическій. Не разрѣшая при этомъ случаѣ вопроса, что важнѣе въ географіи, какъ учебномъ курсѣ, физическая ли географія, или политическая, мы однако же скажемъ, что учебникъ г. Сергѣева, съ преобладаніемъ матеріала изъ политической географіи, даетъ матеріалъ, болѣе соотвѣтствующій педагогическимъ цѣлямъ. Описанія физическія, особенно въ такомъ обиліи, какъ у г. Смирнова, будучи усвоиваемы, легко могутъ ослабить энергію учениковъ при изученіи номенклатуры вообще и при изученіи особенностей городовъ; въ то же время знанія изъ физической области, не будучи приведены въ систему, не имѣютъ ни практическаго, ни научнаго значенія. Поэтому г. Сергѣевъ поступилъ болѣе педагогически, выдвинувъ политическій и экономическій отдѣлы. Но отдавая преимущество учебнику г. Сергѣева за идею, мы однако же не можемъ сказать, чтобъ означенные отдѣлы были обработаны у него лучше, чѣмъ въ учебникѣ г. Смирнова. Различіе во всѣхъ отдѣлахъ скорѣе количественное, чѣмъ качественное. Исключеніе представляетъ Америка; здѣсь авторъ образно представилъ характеристику Янки и на конкретномъ фактѣ представилъ необыкновенную предприимчивость ихъ (стр. 81), тогда какъ въ учебникѣ г. Смирнова объ этомъ сказано только нѣсколько общихъ мѣстъ. Этнографіи вообще посвящено болѣе мѣста у г. Сергѣева, чѣмъ у г. Смирнова. Такъ первый останавливается несравненно болѣе на дикаряхъ Африки, чѣмъ г. Смирновъ (стр. 142), характеризуетъ Китайцевъ почти на 4-хъ страницахъ (стр. 178); у г. Смирнова же этого нѣтъ. Нельзя не сказать при этомъ, что всѣ характеристики сдѣланы мастерски и превосходятъ такія же характеристики у г. Смирнова.

По языку и вообще по изложенію ничего не остается желать луч-

шаго. Только удобнѣе было бы, если бы старый свѣтъ разсматривался прежде новаго. Но не смотря однако же на указанныя достоинства, безотносительно учебникъ г. Сергѣева нельзя назвать удовлетворительнымъ по содержанию: въ немъ также, какъ въ учебникѣ г. Смирнова, учебный матеріалъ перемѣшанъ съ матеріаломъ, предназначеннымъ для чтенія, и слѣдовательно, на практикѣ употребленіе его поведетъ къ значительнымъ затрудненіямъ. Но принимая въ соображеніе, что въ учебникѣ г. Сергѣева матеріала изъ физическаго отдѣла менше, чѣмъ у г. Смирнова, и болѣе матеріала изъ политической географіи, какъ болѣе цѣлесообразнаго, а равно и то, что учебникъ г. Сергѣева по языку и въ отношеніи типографскомъ безусловно выше учебника г. Смирнова, то разсматриваемую книгу можно рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ наравнѣ съ учебникомъ г. Смирнова, впредь до выхода лучшаго.

Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической.
Составилъ *К. Смирновъ*. 9-е изданіе, явновъ исправленное. С.-Пб., 1869 года.

Означенный учебникъ содержитъ въ себѣ 92 страницы; въ текстѣ помѣщено 13 рисунковъ, изъ которыхъ одинъ занимаетъ цѣлую страницу, 7 по полустраницѣ; кромѣ того, въ текстѣ же помѣщены вопросы.

Авторъ держится въ отношеніи матеріала по математическому отдѣлу системы, принятой въ старыхъ учебникахъ (какъ, напримѣръ, Арсеньева), въ которыхъ научные факты сообщались часто безъ примѣненія къ степени пониманія учащихся, то-есть, предметъ излагался не по рациональной методѣ. Правда, г. Смирновъ изложилъ тѣ же самые факты нѣсколько пространнѣе, но дѣло обученія отъ этого все-таки не можетъ выиграть, такъ какъ учебникъ изложенъ не педагогически. Мало того, авторъ, до нѣкоторой степени даже усложнилъ систему прежнихъ учебниковъ тѣмъ, что въ своемъ изложеніи не выдѣлялъ объясненія глобуса отъ изложенія извѣстныхъ явленій, свойственныхъ землѣ. Начинается математическая географія доказательствами шаровидности земли, гдѣ мимоходомъ указывается на глобусы; затѣмъ излагается матеріалъ подъ слѣдующими рубриками: кажущаяся неподвижность земли и кажущееся движеніе свѣтлѣ небесныхъ; страны свѣта; движеніе земли около оси; ось земная; затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что такое полюсы, параллельные круги,

экваторъ, меридіанъ, полушаріи. Затѣмъ снова: явленія, свойственныя землѣ; движеніе земли около солнца; полярные круги, тропики, земные поясы; потомъ идетъ: устройство градусной сѣти на глобусѣ; долгота и широта мѣста; плоскошарія и ландкарты. На основаніи такого расположенія трудно отдѣлить, что свойственно землѣ, какъ тѣлу, и что относится только къ глобусу. На дѣлѣ было бы несравненно полезнѣе, если бы составитель при объясненіи глобуса выставилъ эти объясненія впередъ и на глобусѣ показалъ основныя свѣдѣнія изъ математической географіи; между тѣмъ по учебнику глобусъ является какъ бы только второстепеннымъ подспорьемъ; по этой методѣ легко можетъ быть, что экваторъ, меридіанъ и прочіе круги покажутся ученикамъ простыми чертами, съ которыми они не будутъ соединять опредѣленныхъ представлений. Точно такъ же нельзя не сказать, что авторъ не соразмѣряетъ обученіе съ способностями учащихся, сообщая имъ слишкомъ полныя и точныя свѣдѣнія о томъ, напримѣръ, отчего происходитъ равноденствіе и когда оно бываетъ. Нужно помнить, что и математическая географія проходится не единственно въ первомъ классѣ, и слѣдовательно, многое, что трудно усвоить ученику въ первомъ классѣ, должно быть отнесено къ старшему классу.

За математическою географіею слѣдуетъ физическая и политическая. Въ физической географіи относительно расположенія матеріала встрѣчаемъ одинъ недостатокъ. Матеріалъ располагается подъ такими рубриками: образованіе земной коры, устройство и составъ земной коры, значеніе устройства и состава земной коры, современныя перемѣны въ земной корѣ, землетрясенія, вулканы, раздѣленіе земной поверхности между сушию и водою; раздѣленіе суши; наружныя очертанія суши; раздѣленіе водной поверхности, наружныя очертанія водной поверхности суши; устройство дна морскаго и свойства морской воды; затѣмъ *воздухъ*, потомъ явленія, происходящія на земной поверхности отъ солнца и луны — то-есть, приливы и отливы, морскія теченія, потомъ *открытія*, а затѣмъ снова воды на сушѣ, накоищецъ, климатъ, растенія и животныя. На страницѣ 9-й авторъ перечисляетъ острова въ двухъ группахъ; замѣчательнѣйшіе въ текстѣ, а второстепенные въ выноскахъ. Подобнаго размѣщенія допустить нельзя; ученикъ необходимо долженъ затвердить всѣ острова, и лучше всего, если онъ затвердитъ всѣ поодѣду, ибо если выѣнять ему во время отвѣта въ обязанность поименовать только главнѣйшія или второстепенныя, то необходимо онъ будетъ выбирать ихъ, опускать и смѣшивать, словомъ, это поведетъ къ бесполезной потерѣ времени.

То же самое сделано авторомъ и съ горными цѣпами на страницѣ 38-й.

Но существенный недостатокъ отдѣла физической географіи — это внесеніе въ руководство и подробное развитіе такихъ фактовъ, для осмысленнаго усвоенія которыхъ требуются и большая зрѣлость, и большія свѣдѣнія, чѣмъ какихъ можно требовать отъ ученика I-го класса. Таковы прежде всего всѣ факты, касающіеся исторіи происхожденія земли; нецѣлесообразность сообщенія подобнаго рода фактовъ въ I-й классъ видна уже изъ слѣдующаго: по программѣ С.-Петербургскаго округа этихъ вопросовъ оканчивается отдѣлъ о космографіи, которая проходится въ VII-й классъ. Положимъ, авторъ сообщает о всемъ этомъ не много фактовъ, но дѣло не въ количествѣ, а въ свойствѣ фактовъ; свойство же ихъ таково, что сообщеніе ихъ въ начальномъ возрастѣ можетъ даже сильно вредить надлежащему дѣйствию другого предмета, особенно важнаго для этого класса, именно закона Воюа. Также неумѣстны, хотя и не въ одинаковой степени съ прежними, многіе изъ фактовъ, сообщаемые подъ рубриками: явленія, происходящія на земной поверхности отъ солнца и луны, то-есть, приливы и отливы; зависимость людей отъ природы, и дѣйствіе людей на природу; многіе изъ этихъ вопросовъ развиваются въ космографіи, другіе же съ курсомъ гимназическимъ усвоятся сами собой.

Въ отдѣлѣ политической географіи есть тотъ же недостатокъ, то-есть, излишество матеріала; но этотъ недостатокъ меньшій въ сравненіи съ вышеуказаннымъ, ибо матеріалъ въ политической географіи разчитанъ на память, которая есть у ученика, а матеріалъ вышеуказанный — на разумъ, который у него еще не развитъ. Здѣсь разматриваются государства почти всѣхъ частей свѣта, при чемъ европейскія государства и ихъ владѣнія въ другихъ странахъ обозрѣваются подробно, чѣмъ государства другихъ странъ. Такъ какъ политическое обозрѣніе составляетъ предметъ изученія во всѣхъ остальныхъ классахъ, то понятно, что въ первомъ классѣ необходимо ограничиться только самыми главными данными, какъ-то, названіемъ государства и главнаго города и обозначеніемъ положенія его при рѣкѣ; но авторъ не ограничивается этимъ, вводитъ много лишняго данныхъ и въ комбинаціяхъ, совершенно не доступныхъ для учениковъ для I-го класса, напримѣръ, страница 81: Французская имперія по пространству не многими кѣмъ предшущей (то-есть, Австріи), по количеству же народонаселенія не многими больше (!). Между городами ея особенно замѣчательны: Парижъ

на рѣкѣ Сенѣ; 2-й городъ въ Европѣ по количеству народонаселенія; 1½ милліона. Слѣдовательно, почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ; 1-й по мануфактурной дѣятельности“. Послѣ этого указывается еще на 10 городовъ. На общее обзорѣніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ употреблено 26 строкъ, и послѣ того перечислено 6 городовъ. Всѣ подобныя подробности совершенно излишни для I-го класса, да и времени не достанетъ для изученія ихъ. Но лишній матеріалъ такой категоріи встрѣчается также и въ отдѣлѣ физической географіи; такъ, на стр. 22-й въ доказательство быстроты разрушительности землетрясенія описывается землетрясеніе Лиссабонское (1785 года); на стр. 24-й представляется чрезвычайно подробно картина изверженія вулкана; на стр. 51-й описывается одна буря, бывшая въ Смоленской губерніи въ 1863 году. Всѣ эти подробности чрезвычайно интересны, но какъ землетрясенія, изверженія вулкановъ, бури составляютъ исключительныя явленія, а не постоянно дѣйствующія, поэтому и нѣтъ нужды долго останавливаться на нихъ въ краткомъ учебникѣ. Въ означенной книгѣ тѣмъ болѣе неумѣстны эти подробности, что мѣстами въ ней нѣтъ необходимаго; такъ на стр. 98-й находится объясненіе холмовъ, горъ, дѣпей, горныхъ узловъ, но не указано на хребетъ, кряжъ, ущелье, пропасть, тогда какъ съ этими названіями прійдется ученику часто встрѣчаться.

Недостатокъ, свойственный всѣмъ отдѣламъ разсматриваемаго руководства, это — нѣкоторая растянутасть въ изложеніи. Авторъ часто выставляетъ на ряду съ главными фактами и объясненіями такія, которые уже вытекаютъ сами собою, и на которые легче указать преподавателю, чѣмъ распространяться о нихъ въ учебникѣ. Такъ, напримѣръ, для опредѣленія горизонта достаточно бы слѣдующаго: „Земля обыкновенно кажется намъ круглою площадью. Кругъ, которымъ круглая площадь граничитъ съ небеснымъ сводомъ, называется горизонтомъ“. Въ учебникѣ же, кромѣ этого объясненія, вставлено совершенно излишнее указаніе на то, что земля кажется круглою, когда ничто не мѣшаетъ смотрѣть во всѣ стороны, и что эта круглая площадь бываетъ тѣмъ обширнѣе, чѣмъ ровнѣе мѣстность, на которую мы будемъ смотрѣть. Или въ физическомъ отдѣлѣ на страницѣ 18-й излагается, какъ земля, будучи въ расплавленномъ состояніи, мало по малу покрылась корой и какъ отъ происшедшихъ колебаній появились возвышенія и углубленія, и потому какъ произошли моря и суша. Этого, кажется, и достаточно было бы для уясненія образованія земной коры; но авторъ не ограничивается этими предположе-

ниями, еще увеличивает их еще 1) указанием на то, что прежде не было такого распределения между сушей и водою, какое существует теперь, и 2) указывает еще на действие воды на земную кору, то-есть, на такой фактъ, указание на который не вымывается курсомъ, и который, притомъ вообще еще не достаточно выясненъ. Такія мѣста въ учебникѣ совершенно излишни; они только увеличиваютъ объемъ книги.

Другой общій недостатокъ руководства г. Смирнова—это языкъ его. Собственно говоря, въ языкѣ особенно поразительныхъ недостатковъ нѣтъ, и книга читается болѣе или менѣе легко; но если имѣть въ виду то, что она назначается для ученика I-го класса, то вопросъ возникаетъ: смотря на дѣло съ этой точки, языкъ книги никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Для ученика I-го класса слѣдующія, напримѣръ, мѣста нельзя назвать удобопонятными, хотя они и понятны для взрослою: 1-я стр.: „мы замѣтимъ, что предметы, какъ показывающіеся намъ, будутъ показываться не вдругъ, а постепенно — сперва ихъ верхушки, потомъ середина, а наконецъ и нижнія части, такъ и скрывающіеся отъ насъ, скроются не вдругъ“ и проч.; на стр. 15: „свѣтъ, бросаемый луною на землю, какъ вообще свѣтъ всѣхъ планетъ, отраженный отъ солнца“; на стр. 33: „если смотрѣть на относительно большее или меньшее количество полуострововъ части свѣта, какъ на большее или меньшее удобство къ сообщенію, то при этомъ кромѣ того необходимо имѣть въ виду, каковы моря, вдающіяся въ часть свѣта и каковы берега“. Или, напримѣръ, авторъ употребляетъ слѣдующіе обороты, вынуждающіе ученика къ новой, трудной для него комбинаціи: стр. 26: „суша выдѣляется изъ воды тремя большими пространствами и очень многими, относительно первыми, меньшими“, далѣе на той же и слѣдующей страницѣ: „изъ трехъ материковъ Восточный занимаетъ первое мѣсто по величинѣ; южный послѣднее; восточный представляетъ собою около $\frac{2}{3}$ всей суши; западный приблизительно вдвое менѣе восточнаго; южный почти въ пять разъ менѣе западнаго“.

Даже такое выраженіе прійдется особенно объяснять ученикамъ: стр. 20: „между послѣдними (породами) нѣсколько нижнихъ пластовъ, лежащихъ непосредственно (??) на первоначальной корѣ земной“ и проч.; на стр. 28-й: „перешейкомъ (называется) узкая полоса, соединяющая два, относительно ея, большихъ пространства суши“. И вообще подобныхъ трудностей учебникъ представляетъ не мало.

Наконецъ, третій недостатокъ — это допущеніе слишкомъ мелкаго

шрифта въ учебникѣ. Этотъ шрифтъ употребляется для вопросовъ и для нѣкоторыхъ подробностей. Если книгою автора пользуются ученики какъ слѣдуетъ, то-есть, дома они повѣряютъ свои знанія посредствомъ выставленныхъ вопросовъ (иначе вопросы бесполезны), то допущеніе такого шрифта совершенно не возможно, ибо это можетъ сильно вредить глазамъ.

Относительно точности фактовъ учебникъ вполне удовлетворителенъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ; напримѣръ, на стр. 4-й говорится, что вѣтры внѣ тропиковъ дуютъ неправильно, что нельзя угадать когда переимѣнятся вѣтеры и на какой; на дѣлѣ же и въ этихъ вѣтрахъ есть правильность, для которой даже опредѣляется время; на стр. 30-й ураганъ и смерчъ авторъ объясняетъ однѣми и тѣми же причинами, тогда какъ только происхожденіе урагана объясняется этими причинами; на стр. 43-й говорится, что нѣкоторые поднимались на высоту въ воздухѣ на 7 верстъ, тогда какъ были опыты, что поднимались на 10 верстъ. Но въ числу самыхъ важныхъ достоинствъ книги относится то, что учебникъ снабженъ очень ясными рисунками, и то, что авторъ мѣстами очень наглядно объясняетъ нѣкоторыя трудныя явленія. Напримѣръ, величину солнца (13 стр.) онъ объясняетъ такъ: „Если бы по экватору солнца можно было устроить желѣзную дорогу и ѣхать по ней безъ остановки по 50 верстъ въ часъ, то пришлось бы ѣхать цѣлыхъ девять лѣтъ; тогда какъ земной шаръ можно бы объѣхать съ тою же скоростію въ одинъ мѣсяцъ“.

Но несмотря на это достоинство, учебникъ въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ быть употребляемъ въ гимназіяхъ; онъ необходимо долженъ быть исправленъ какъ въ отношеніи содержанія, такъ и изложенія. Нѣтъ сомнѣнія, что автору, занимавшемуся такъ много географіей, сдѣлать это будетъ не трудно, но сдѣлать это необходимо, чтобы руководство получило вполне педагогическую пригодность для введенія его въ качествѣ учебника.

ЗАМѢТКА О ПРОГРАММѢ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Недавно г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа сдѣлалъ распоряженіе, чтобы гг. преподаватели женскихъ гимназій ввѣреннаго ему округа представили подробные проекты программъ преподаваемыхъ ими предметовъ. Можно предполагать изъ этого распоряженія, что начальство округа имѣетъ въ виду пересмотрѣть, и быть можетъ, измѣнить общую программу нашихъ женскихъ гимназій. Пользуясь этимъ случаемъ, мы желали бы высказать нѣсколько словъ о программѣ русской словесности не только для женскихъ гимназій, но и для мужскихъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ женскихъ гимназіяхъ, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, преподаваніе разсматриваемаго нами предмета ведется по программѣ, въ основаніе которой положена программа мужскихъ гимназій, и потому все то, что мы намѣрены высказать по данному предмету, касается равно какъ гимназій мужскихъ, такъ и женскихъ.

Мы постараемся представить по возможности полный разборъ существующей нынѣ программы русской словесности и посмотримъ, на сколько она удовлетворительна, и чего должно отъ нея требовать, при чемъ, оставляя въ сторонѣ четыре младшіе класса гимназій, мы будемъ имѣть въ виду исключительно три класса старшіе.

Что имѣетъ въ виду эта программа?

Въ первомъ пунктѣ ея для V-го класса связано:

„Чтеніе изъ важнѣйшихъ произведеній русской литературы до Карамзина съ объясненіями“.

Во второмъ пунктѣ ея же для VI-го класса:

„Чтеніе изъ важнѣйшихъ произведеній русской литературы, начиная съ Карамзина, съ объясненіями“.

Въ томъ и другомъ случаѣ перечисляются тѣ произведенія, которыя должны быть прочитаны учениками. Изъ этого перечисленія видно, что составители программы желали удержать хронологическій порядокъ при ознакомленіи учениковъ съ произведеніями русской ли-

тературы. Указанныя произведенія принадлежать всё, точно, *русской* словесности (а не только литературѣ, какъ сказано въ программѣ), за исключеніемъ Шекспировскихъ Гамлета и Короля Лира. Слѣдовательно, составители имѣли въ виду ознакомить учениковъ, конечно, на сколько позволяетъ составленная ими программа, съ исторіей русской словесности. Кажется такъ, ибо иначе къ чему же было стремиться удержать хронологическую послѣдовательность писателей и начинать непременно съ Несторовой лѣтописи, а не съ чего-нибудь другаго?

Обратимся теперь къ тѣмъ требованіямъ программы, которыя она предлагаетъ ученикамъ на экзаменѣ. Отъ учениковъ V-го класса требуется:

„Знать главныя отличія родовъ литературныхъ произведеній, на сколько ихъ можно узнать изъ читанныхъ образцовъ“.

Ученики VI-го класса должны

„Знать существенныя свойства родовъ произведеній, на сколько ихъ можно узнать изъ читанныхъ образцовъ“.

Изъ этихъ двухъ пунктовъ ясно, что составители программы желали, чтобъ ученики ознакомились съ теоріей словесности. Программа же VII-го класса окончательно убѣждаетъ насъ въ дѣйствительности этого желанія ея составителей. Итакъ, наша программа русской словесности имѣетъ въ виду двѣ цѣли: ознакомленіе учениковъ съ исторіей русской словесности и изученіе теоріи словесности.

Ни противъ того, ни противъ другаго мы ничего не можемъ сказать; но дѣло въ томъ, что программа ведетъ учениковъ къ этимъ цѣлямъ не совсѣмъ вѣрнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе исторіи русской словесности по этой программѣ немыслимо. Нѣтъ возможности изучать исторію словесности безъ связи съ историческими событіями, и одни имена авторовъ и ихъ произведенія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы „исторіей словесности“.

Но намъ могутъ возразить, что нынѣшняя программа вовсе не имѣетъ въ виду изученія исторіи русской словесности, и что это ясно само собою, послѣ того какъ составители этой же программы уничтожили преподаваніе исторіи русской словесности въ VII-мъ классѣ и ввели вмѣсто нея „систематическое изложеніе ученія о родахъ и видахъ литературныхъ произведеній“.

Справедливо; это возраженіе можетъ имѣть мѣсто; но къ чему же въ такомъ случаѣ гнаться за хронологическою послѣдовательностію,

которая представляет, какъ ниже увидимъ, весьма много неудобствъ при изученіи произведеній словесности, и почему не сдѣлать бы другаго, болѣе выгоднаго для преподаванія распредѣленія учебнаго матеріала?

Изученіе теоріи словесности по этой программѣ тоже не удобно, такъ какъ образцы отдѣльныхъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній въ программѣ перепутаны и расположены непослѣдовательно. Почему, напримѣръ, необходимо начать непремѣнно съ лѣтописей, потомъ толковать о сатирѣ Кантемира, объ одѣ Ломоносова, послѣ вдругъ о комедіи Фонвизина, затѣмъ снова перейти къ исторической прозѣ и читать исторію Карамзина; отъ исторической прозы обращаться къ героическому эпосу Грековъ, а отъ него къ элегіямъ Жуковскаго, и проч. и проч. Эта непослѣдовательность, какъ и вообще всякая непослѣдовательность, много вредитъ дѣлу изученія теоріи словесности. Всякій преподаватель знаетъ по опыту, какъ трудно и медленно усваиваютъ себѣ ученики всякій изучаемый ими вновь предметъ; всякій преподаватель знаетъ, что для полнаго усвоенія надобны ученику частыя повторенія; необходимо ему привести нѣсколько образцовъ, какъ примѣровъ, для каждаго отдѣльнаго вида словесныхъ произведеній; при каждомъ образцѣ должно указывать на черты общія всѣмъ образцамъ разбираемаго вида и послѣ, при выводѣ, опять ссылаться на эти же общія черты, и даже полезно заставить ученика, уже ознакомившагося съ какимъ-либо родомъ или видомъ словесныхъ произведеній, самаго подобрать новый образецъ этого рода или вида. Тутъ уже само собою очевидно, что для такого изученія преподаваніе должно быть систематично, послѣдовательно, а не разбросанное, какое неизбѣжно при изученіи словесности по существующей нынѣ программѣ. Да и почему же въ отношеніи къ хронологіи составители желали быть послѣдовательными, а въ отношеніи къ видамъ и родамъ словесности позволили себѣ измѣнить этой послѣдовательности?

Намъ опять могутъ возразить, что, вѣдь, для послѣдовательнаго, систематическаго изложенія ученія о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній программю опредѣляется особое время, — цѣлый годъ въ VII-мъ классѣ. Замѣчаніе это совершенно справедливо, но гг. составители программы упустили изъ вида вопросъ, возможно ли пройти въ одинъ годъ всю теорію словесности, да притомъ еще и довольно большой курсъ русской грамматики? Пожалуй, намъ скажутъ, что въ VII-мъ классѣ должно лишь систематизировать то, что пройдено уже въ прежнихъ двухъ классахъ, лишь свести однородное съ однороднымъ

и какъ выводъ, указать общія черты, сдѣлать общую характеристику родовъ и видовъ изученныхъ произведеній. Но мы отвѣтимъ на это, что оно только въ теоріи выходитъ такъ легко и хорошо, а на практикѣ имѣеть весьма много неудобствъ. Начнемъ съ того, что дѣлать выводы и указывать на общія родовыя черты образцовъ, которые прочитаны годъ и два тому назадъ, чрезвычайно не удобно; образецъ долженъ быть у ученика, какъ говорится, въ головѣ, въ свѣжей памяти; ему необходимо иногда помнить и его подробности, нѣкоторыя по крайней мѣрѣ; по прошествіи же двухъ лѣтъ, образецъ можетъ сильно потускнѣть въ памяти ученика, а оттого и выводы, дѣлаемые преподавателемъ, будутъ для него неполнѣ ясны и наглядны. Это первое и весьма важное неудобство. Затѣмъ второе: мы уже высказали то мнѣніе, что для прочнаго усвоенія нужны частыя повторенія и многіе примѣры, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ видовъ словесныхъ произведеній въ программѣ указано всего по одному образцу. Извѣстно, что самый лучший путь къ уразумѣнію предмета есть сравненіе; для сравненія же необходимо, по меньшей мѣрѣ, два образца; слѣдовательно, въ VII-мъ классѣ приходится добавлять программу, именно надо добавить нѣсколько образцовъ сатиры и комедіи, такъ какъ въ программѣ не указано ни одной трагедіи, ни комедіи греческихъ классическихъ трагиковъ и комиковъ.

Слѣдовательно, преподаватель въ VII-мъ классѣ находится въ необходимости освѣжать въ памяти учениковъ уже прежде прочитанные ими образцы, слѣдовательно, повторять пройденное, и сверхъ того, еще прибавлять многіе новые (что также требуется программой, напримѣръ, относительно ново-европейскаго эпоса, ораторской рѣчи), или дѣлать характеристики, пользуясь самымъ ничтожнымъ количествомъ образцовъ. Въ первомъ случаѣ преподаватель стѣсненъ временемъ, потому что одногодичный срокъ слишкомъ малъ для изученія теоріи словесности; притомъ же учебное время у учениковъ VII-го класса нѣсколько короче, чѣмъ у остальныхъ, такъ какъ классныя занятія у нихъ прекращаются раньше, съ цѣлю дать имъ срокъ на приготовленіе къ вынужденнымъ экзаменамъ. Во второмъ же случаѣ ученики остаются въ убыткѣ, ибо одно усвоеніе теоретическихъ правилъ безъ достаточнаго количества образцовъ не можетъ принести существенной пользы.

Выходитъ, что преслѣдованіе двухъ цѣлей за одинъ приемъ ведетъ къ тому, что ни та, ни другая цѣль не достигаются вполне, и что гимназистъ, оканчивающій курсъ, не знаетъ ни исторіа русской

словесности, ибо онъ ея и не проходилъ, ни теоріи словесности, ибо съ нею знакомили его сперва урывками и мимоходомъ, а послѣ, повторяли весьма поспѣшно.

Обратимся теперь къ тѣмъ образцамъ, которые указаны существующею программой.

Ученикъ лѣтъ 14—15-и переходитъ въ V-й классъ и только здѣсь начинаетъ серьезно заниматься изученіемъ образцовъ словесности. Чтò же ему даютъ въ руки для перваго начала? Ему даютъ Несторову лѣтопись, лѣтопись Киевскую, Галицкую, завѣщаніе Владиміра Мономаха, сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ и о Задонщинѣ, исторію Курбскаго, сатиру Кантемира, оды Ломоносова и Державина и „Недоросль“ Фонвизина, да еще и письма его изъ Франціи. Мы отнюдь не отвергаемъ важности и значенія этихъ произведеній; всѣ они вполнѣ справедливо занимаютъ весьма солидное мѣсто въ нашей словесности, но ихъ содержаніе, имѣющее по большей части историческое значеніе и потому понятное, а слѣдовательно, и интересное лишь при достаточномъ знаніи русской исторіи, древній языкъ, которымъ написана бóльшая часть произведеній, читаемыхъ въ V-мъ классѣ, наконецъ, языкъ Кантемира — все это съ перваго же раза превышаетъ силы ученика, загубиваетъ его и заставляетъ смотрѣть на уроки русской словесности, какъ на что-то скучное, неинтересное. Въ самомъ дѣлѣ, намъ преподавателямъ надо вникнуть глубже въ положеніе учениковъ и поставить себя на ихъ мѣсто. Представьте себѣ, что вы ничего не слышали ни о Михаилѣ Тверскомъ, ни о Курбскомъ, ни о его отношеніяхъ къ Ивану Грозному, ни о вѣкѣ Елисаветы и Екатерины второй, а если и слышали, то въ самыхъ общихъ чертахъ и то лишь кое-что, и вдругъ вамъ надо разбирать сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ, читать исторію Курбскаго, оды Ломоносова и при этомъ изучать его теорію одописанія. Признаваясь откровенно, развѣ не нашли бы мы все это очень скучнымъ и лишеннымъ для насъ интереса? Напротивъ того, весьма пріятно и интересно читать всѣ эти произведенія тогда, когда вы успѣли ужь ознакомиться съ русскою исторіей, когда вы уже знаете и чтò такое Половцы по отношенію къ Россіи, и кто такой Курбскій, и за чтò воспѣваетъ Ломоносовъ Елисавету и проч.

Вообще историческія произведенія интересны лишь тогда, когда извѣстна исторія, и потому они должны быть читаемы учениками не въ V-мъ классѣ, а гораздо позже, когда ученикъ уже достаточно разовьется, когда онъ пріобрѣтетъ возможность на основаніи многихъ

прочитанныхъ образцовъ дѣлать оцѣнку древнихъ произведеній. Хотя прекрасно правило начинать все ab ovo, но при изученіи древности мы всегда въ умѣ нашемъ противопоставляемъ имъ новыя времена, и при этомъ сопоставленіи намъ рѣзче и яснѣе представляются черты древности.

Уважемъ и еще на одну несообразность нашей программы. Въ V-мъ классѣ читаются сатира Кантемира и комедія Фонвизина. И сатира, и комедія рисуютъ намъ отрицательныя стороны жизни. Никто не станетъ оспаривать, что для болѣе яснаго и сознательнаго представленія идеальныхъ сторонъ полезно ознакомиться и со сторонами отрицательными, но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій согласится, что сперва слѣдуетъ указать хорошее, доброе, и послѣ уже, какъ на противорѣчіе этому доброму, указывать на дурное. Для того, чтобы дурное было понято именно какъ дурное, нужна нѣкоторая предварительная подготовка, нѣкоторое знакомство съ тѣмъ, что мы называемъ добрымъ. Зачѣмъ выставлять на видъ юношамъ, которые далеко еще не окрѣпли морально и не успѣли еще видѣть изображеній сторонъ челоуѣка по истинѣ прекрасныхъ, сторонъ, надъ которыми стѣдуетъ и слѣдуетъ остановиться, зачѣмъ, спрашиваемъ мы, выставлять имъ отрицательныя стороны, которыя иногда могутъ быть поняты совершенно ложно?

Кромѣ того, уже бѣольшая напряженность и бѣольшій трудъ, котораго требуетъ изученіе древнихъ произведеній, не говорятъ ли въ пользу того, чтобы эти произведенія были отложены до позднѣйшаго времени, когда изученіе ихъ можетъ приносить несравненно болѣе пользы, такъ какъ они будутъ тогда читаемы и съ бѣольшимъ ихъ пониманіемъ и съ бѣольшимъ интересомъ?

Взявъ въ соображеніе всѣ эти недостатки существующей нынѣ программы русской словесности, мы желали бы измѣнить ее, и измѣнить такъ, чтобы она оказалась пригодною и для мужскихъ, и для женскихъ гимназій.

Соглашаясь съ мнѣніемъ большинства педагоговъ, мы тоже думаемъ, что начинать слѣдуетъ съ образцовъ разнаго рода словесныхъ произведеній, дѣлать ихъ разборъ, заставляя учениковъ и ученицъ передавать ихъ содержаніе то письменно, то устно, и такимъ образомъ упражнять ихъ какъ въ слогъ и въ умѣньи передавать рѣчь свою плавно, послѣдовательно, такъ и упражнять ихъ мыслительныя способности, для чего полезно при разборѣ образцовъ держаться метода, такъ-называемаго, сократическаго, то-есть, преподаватель не долженъ давать ученикамъ вполнѣ готоваго разбора, разбора, въ ко-

торомъ они сами не принимали бы никакого участія; но пусть онъ предлагаетъ имъ вопросы и наводитъ ихъ на правильные и вѣрные отвѣты; пусть ученики и ученицы сами принимаютъ живѣйшее участіе въ этомъ умственномъ трудѣ.

Эти разборы образцовъ мы совѣтовали бы начать съ нашихъ народныхъ сказокъ. Содержаніе ихъ не представляетъ собою особенныхъ трудностей; изложеніе просто, незатѣйливо и для перваго начала весьма пригодно. Даже соображаясь съ естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія, образцы народной словесности должно изучать прежде литературныхъ произведеній. Несправедливо судятъ тѣ, которые высказываются противъ умѣстности чтенія народной словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Устная народная словесность во всякомъ случаѣ имѣетъ не менѣе важности, чѣмъ тѣ изъ литературныхъ образцовъ, которые предписаны программой. Языкъ ея, хотя и имѣетъ много не литературнаго, хотя имѣетъ много областныхъ словъ и выраженій, тѣмъ не менѣе онъ понятенъ каждому русскому и нуждается несравненно менѣе въ комментаріяхъ, чѣмъ наши лѣтописи, чѣмъ „Слово о полку Игоревѣ“ и т. п. памятники древней письменности. Что же касается до тѣхъ нравственныхъ взглядовъ, которые положены въ основу нашей устной народной словесности, то знакомство съ ними можетъ дать въ результатъ также не менѣе, чѣмъ лѣтописи, исторія Курбскаго и другія подобныя сочиненія. Стоить только обратиться къ нашимъ сказкамъ о трехъ братьяхъ, объ убожествѣ и богатствѣ, о правдѣ и кривдѣ, чтобъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Со сказками же чисто миѳическими преподаватель можетъ знакомить своихъ учениковъ и ученицъ по усмотрѣнію, и если найдетъ, что этого рода сказки могутъ ихъ заинтересовать, а мы думаемъ, что они ихъ непременно интересуютъ, потому что каждый и каждая изъ нихъ слыхивали въ дѣтствѣ своемъ эти наивные разказы и теперь имъ чрезвычайно будетъ пріятно узнать точное значеніе этихъ разказовъ.

Далѣе можно обратиться къ сказкамъ о животныхъ и отъ нихъ перейти къ баснѣ. Разборы басенъ также не могутъ не быть интересными для учениковъ. Образцы надо выбирать преимущественно у Крылова, какъ самаго лучшаго нашего баснописца. Нѣтъ необходимости непременно знакомить учениковъ и съ Хемницеромъ, и съ Дмитриевымъ; если и взять нѣсколько образцовъ у этихъ послѣднихъ писателей, то развѣ для сравненія; но это значитъ обратиться къ кривдѣ, а это, намъ кажется, еще рано дѣлать въ V-мъ классѣ.

Затѣмъ не дурно познакомить учениковъ и съ пословицами; изъ нихъ тоже можно многое позаимствовать.

Послѣ этого слѣдуетъ обратиться къ чтенію нашихъ былинъ и преимущественно былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, личность котораго изображена народомъ весьма идеально. Отъ былинъ тутъ же удобно перейти къ греческому эпосу. Ново-европейскій эпосъ можно и въ сторонѣ оставить, не излагая его систематически.

Отъ эпическихъ народныхъ произведеній естественно перейти къ такъ-называемому искусственному эпосу: къ балладамъ, къ нетруднымъ поэмамъ; вотъ тутъ ужъ и можно брать образцы и изъ ново-европейской литературы. Затѣмъ можно перейти въ прозаическимъ эпическимъ произведеніямъ: къ описаніямъ, запискамъ, письмамъ, повѣстямъ, разказамъ.

Прочитавъ нѣсколько образцовъ того или другаго вида, слѣдуетъ объяснять, дѣлать выводы, указывать общія имъ черты, опредѣлять эти виды, слогъ и размѣръ, подмѣчать характеристики и такимъ путемъ довести учениковъ до опредѣленія эпической поэзіи.

Окончивъ отдѣлъ эпической поэзіи, должно приступить къ лирической и начать опять съ народной лирики, при изученіи которой, для сравненія, прочесть нѣсколько стихотвореній Кольцова. Затѣмъ прочесть лучшія лирическія произведенія Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова и только послѣ нихъ перейти къ одѣ и сатиры. При чтеніи поступать такъ же, какъ и прежде съ образцами эпической поэзіи, и въ результатѣ вывести опредѣленіе поэзіи лирической.

Наконецъ можно начать и драматическую поэзію. Тутъ не лишнимъ будетъ развѣзать ученикамъ о началѣ драмы, пожалуй даже и о началѣ театра. Сперва прочесть Шекспировскаго „Короля Лира“ или одну изъ трагедій Софокла, даже лучше Софокла прочесть прежде; послѣ прочесть „Бориса Годунова“ и одну изъ драмъ Островскаго. Изъ комедій—„Облака“ Аристофана (о Сократѣ ученики знаютъ уже изъ исторіи); изъ нашихъ писателей—Фонвизина „Недоросль“, Грибоедова „Горе отъ ума“, и пожалуй, одну изъ комедій Островскаго. Затѣмъ остается историческая проза и ораторская рѣчь.

Такимъ образомъ ученики и ученицы будутъ заниматься разборомъ въ теченіе долгаго времени, будутъ начинать съ изученія самыхъ простыхъ произведеній, и постепенно переходя къ болѣе и болѣе труднымъ, получаютъ точныя понятія о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній. Постоянныя же письменныя упражненія и постоянныя разборы содержанія образцовъ разовьютъ и ихъ самихъ, и

ихъ слогъ, и могутъ воспитать ихъ нравственно, и разовьютъ въ нихъ чувство изящнаго.

Что же касается до исторіи отечественной словесности, то мы полагаемъ, что подробное изложеніе ея не составляетъ необходимости для гимназическаго курса; но и совершенно обойтись безъ нея едва ли простительно русскому человѣку. Такъ какъ гимназія есть такое учебное заведеніе, которое имѣетъ цѣлю не столько научить, сколько развить молодаго человѣка и подготовить его къ жизни, подготовить его и къ будущему самостоятельному научному труду, если онъ пожелаетъ за него взяться, то конечно, такого рода разборы образцовъ, какъ средство развивающее, какъ умственная гимнастика, какъ орудіе нравственной дисциплины, должны занимать первое мѣсто въ программѣ русской словесности; но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно забывать, что эта же гимназія должна приготовить русскихъ юношей не къ какой угодно жизни, а къ жизни русской, должна готовить изъ нихъ не космополитовъ, а будущихъ добрыхъ русскихъ гражданъ. Знать же свою отечественную исторію, знать свою словесность есть обязанность каждаго развитаго гражданина. Изученіе родной страны и своего народа развиваетъ народное самосознаніе, которое теперь намъ нужно, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ когда-либо.

Спрашивается, отчего у насъ мало русскихъ историковъ, мало русскихъ филологовъ, мало вообще людей, занимающихся изученіемъ русской жизни. Врядъ-ли вину этого обстоятельства можно сложить на наши университеты. Вина скорѣе можетъ падать на наши среднія учебныя заведенія, въ которыхъ наша молодежь мало знакомится съ русскою жизнію, а слѣдовательно, и не можетъ ею глубоко заинтересоваться. Допустимъ, что большая часть молодыхъ людей выбираютъ себѣ тотъ или другой факультетъ, вовсе не руководясь научными интересами, и дѣлаются то медиками, то юристами, руководясь чисто-матеріальными разчетами; но все же найдутся и такіе молодые люди, которые выбираютъ себѣ извѣстную ученую карьеру, увлеченные тѣмъ или другимъ предметомъ; на долю же русской науки выпадаетъ самое ничтожное число этихъ увлеченій, что особенно сильно замѣтно при сравненіи съ ходомъ учебнаго дѣла на западѣ Европы.

Намъ сдается, въ виду этихъ соображеній, что и программа русской исторіи должна быть пересмотрѣна, и если дѣло того потребуетъ, то подвергнута измѣненію. Что же касается исторіи отечественной словесности, то мы думаемъ, что она должна войти въ

число предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Наши русскія женщины до сихъ еще поръ имѣютъ самыя поверхностныя и часто весьма не точныя свѣдѣнія о своемъ отечествѣ. Изученіе родной исторіи, исторіи отечественной словесности, со включеніемъ въ нее устной народной, и тщательное изученіе роднаго языка должны занимать въ нашихъ общеобразовательныхъ училищахъ для того и другаго пола первенствующее мѣсто.

Изучать исторію отечественной словесности въ гимназіяхъ въ подробности, какъ мы уже разъ замѣтили, нѣтъ необходимости; но главные факты, самыя крупныя ея явленія должны быть сообщены, и притомъ въ исторической связи.

Ходятъ слухи, что въ программу гимназическаго курса хотять внести логику: не будетъ ли введеніе новаго предмета слишкомъ обременительно для учащихся? Или это, можетъ-быть, сдѣлается въ замѣнъ чего-нибудь другаго? Во всякомъ случаѣ, введется ли, или не введется логика, программа, предложенная нами, не помѣшаетъ этому дѣлу, такъ какъ логика можетъ излагаться совершенно отдѣльно и независимо отъ разбора словесныхъ произведеній и отъ изложенія исторіи словесности.

Предлагаемая нами программа распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

V-й классъ.

1. *Сказки.* Сказки о трехъ братьяхъ; сказки объ убожествѣ и богатствѣ (напримѣръ, о Маркѣ богатомъ и о Василю безсчастномъ); сказки о кривдѣ и правдѣ. Сказки мифическія (окаменѣлое царство, заколдованная королева и проч.), сказки о животныхъ.

2. *Басни.* Нѣкоторыя басни Крылова по выбору преподавателя.

3. *Пословицы.*

4. *Былинный эпосъ.* Былины о старшихъ богатыряхъ: о „Святогорѣ“ о „Сухманѣ“. Былины о младшихъ богатыряхъ: объ Ильѣ Муромцѣ, о Добрыиѣ Никитичѣ. Былины о богатыряхъ заѣзжихъ: о Дюкѣ Степановичѣ. Былины о Новгородскихъ богатыряхъ: о Садѣѣ.

5. *Греческій эпосъ.* Отрывки по выбору преподавателя изъ „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича и изъ „Одиссея“ въ переводѣ Жуковскаго. (При этомъ можно дѣлать сравненія поэтическихъ приемовъ нашего эпоса съ греческимъ).

6. *Баллады.* Жуковскаго. „Варвикъ“, „Кубокъ“. Пушкина: „Свѣтлана“, Утопленникъ“, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“; Лермонтова „Воздушный корабль“; Толстого „Василій Шибановъ“.

7. *Поэмы.* Рейнике. „Лисъ“ Гете. Отрывокъ изъ „Наль и Дамаянты“ въ переводѣ Жуковскаго. „Мѣдный всадникъ“ Пушкина.

8. *Записки.* „Записки охотника“ Тургенева. „Записки ружейнаго охотника“ Аксакова.

9. *Письма*. „Письма русскаго путешественника“ Карамзина (болѣ легкія и сообразныя съ силами ученика V-го класса).

При чтеніи дѣлаются разборы и опредѣленіе видовъ и проч.

VI-й классъ.

1. *Повѣсти*. „Тарасъ Бульба“ Гоголя, „Шинель“ или „Старосвѣтскіе побѣдники“ его же. Повѣсти Тургенева—по выбору преподавателя.

2. *Романы*. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина. Одинъ изъ романовъ лучшихъ современныхъ писателей (напримѣръ, хотя характеристика личностей въ романѣ „Обломовъ“) ¹⁾.

Затѣмъ дѣлается опредѣленіе повѣсти, романа, и наконецъ, эпической поэзіи вообще; дѣлаются сравненія народной эпической поэзіи и эпическихъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ.

3. *Народныя лирическія пѣсни*: а) пѣсни хороводныя; б) пѣсни свадебныя; в) позднѣйшія лирическія пѣсни, какъ, напримѣръ, „Ужь какъ палъ туманъ“ и т. п.; г) малороссійскія пѣсни.

4. *Стихотворенія*. Кольцова: нѣкоторыя для сравненія съ народными. Жуковскаго: „Сельское кладбище“. Пушкина: „Опять на родинѣ“. Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“. Некрасова: „Несжатая полоса“. Майкова: „Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ“ и „Старый домъ, старый другъ“.... (Опредѣленіе элегіи). Ломоносова: „Ода VIII“. Державина: „Фелица“, „Вогъ“, „Водопадъ“. (Опредѣленіе оды).

5. *Сатиры*. Кантемира: „Къ уму своему“. Некрасова—по выбору преподавателя. (Опредѣленіе сатиры).

Затѣмъ дѣлается опредѣленіе лирической поэзіи и ея отличія отъ эпической. При этомъ можно прочесть стихотворенія: „Море“ Жуковскаго и „Къ морю“ Пушкина; „Муза“ Пушкина и „Муза“ Некрасова; стихотворенія Пушкина: „Эхо“, „Чернь“, „Поэтъ“. Эти стихотворенія укажутъ на значеніе личности въ лирической поэзіи.

Дѣлаются сравненія лирической народной поэзіи съ лирическими произведеніями отдѣльныхъ авторовъ, при чемъ особенное вниманіе обращается на языкъ и поэтическіе приемы.

VII-й классъ.

1. *Трагедія*. Софокла „Антигона“. Шекспира „Король Лиръ“.

2. *Драма*. Пушкина: „Борисъ Годуновъ“. Одна изъ драмъ Островскаго.

3. *Комедія*. Аристофана „Облака“. Фонвизина „Недоросль“. Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Одна изъ комедій Островскаго ²⁾. (Опредѣленіе трагедіи и комедіи).

¹⁾ Однако мы держимся того мнѣнія, что лучше прочесть одно сочиненіе, но все сполна, чѣмъ нѣсколько отрывковъ разныхъ сочиненій.

²⁾ Такъ какъ приведенныхъ образцовъ довольно много, то преподаватель можетъ ограничиться лишь нѣкоторыми, если время не позволяетъ ему прочесть всѣ.

4. *Историческая проза.* а) Лѣтописи; б) исторія (Карамзина и Соловьева); в) историческія записки (но не исторія Курбскаго, которая удобно можетъ быть замѣнена или „Записками о Московіи“ барона Герберштейна, или Записками графа Сегюра. Изданіе и того, и другаго у насъ имѣются и даже дешевле исторіи Курбскаго). Дѣлается сравненіе лѣтописи, историческихъ записокъ и исторіи, и выводится ихъ опредѣленіе.

6. *Ораторская рѣчь.* а) Ораторство духовное (у насъ много образцовъ и есть изъ чего выбрать), б) Ораторство свѣтское (образцы можно найти и у нашихъ писателей, и у древнихъ, напримѣръ, Димосеена, и у писателей европейскихъ).

Выводъ о поэзіи и о прозѣ и объясненіе значенія той и другой заключаютъ изученіе образцовъ.

6. *Краткій очеркъ хода развитія исторіи русской словесности*¹⁾. Значеніе нашей устной народной словесности. — Появленіе письменности и причины, ее вызвавшія. — Кирилль и Меодій. — Принятіе христіанства Владиміромъ, какъ фактъ, вліявшій на литературу и на образованіе вообще. — Моноахтыри, лѣтописи и житія. — Столкновеніе идеаловъ монашескихъ съ идеалами свѣтскими и поученіе Владиміра Мономаха. Характеръ нашихъ древнихъ проповѣдей:

Лука Жидята, Иларіонъ, Кирилль Туровскій. — Паломничество и Даниилъ игумень. Вліяніе Византіи на эту эпоху.

Татарщина и время застою; дѣйствія духовенства. — Народныя историческія пѣсни временъ татарщины.

Періодъ возвышенія Москвы и народныя историческія пѣсни. — Переписка Курбскаго съ Иваномъ Грознымъ, какъ отраженіе этой эпохи.

Кіевская академія и ея значеніе. — Вліяніе запада. — Московская академія и ея значеніе. — Симеонъ Полоцкій.

Реформа Петра. — Дѣятельность Петра I, Оеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго и Кантемира.

Ломоносовъ и псевдоклассицизмъ. — Академія Наукъ.

Карамзинъ и сентиментализмъ. — Карамзинъ, какъ историкъ и публицистъ.

Жуковскій и романтизмъ. — Жуковскій, какъ переводчикъ.

Пушкинъ и Гоголь и ихъ новое направленіе.

Мы сознаемъ, что программа, которую мы предлагаемъ для VII-го класса, тоже обширна, но это потому, что держась нынѣшняго порядка, мы распредѣлили все содержаніе словесности только на три старшіе класса. Но намъ кажется, что такія нетрудныя произведенія, какъ сказки, басни и пословицы, могутъ быть читаемы даже учениками IV-го класса, если чтеніе это начать не съ перваго полугодія,

¹⁾ Весь этотъ очеркъ займетъ весьма немного времени, и если преподаватель не успѣетъ изложить его во время срока, назначеннаго для классныхъ занятій, то можно для этой цѣли удѣлить часа два въ недѣлю отъ времени, назначеннаго для приготовленія къ экзаменамъ.

а со втораго. Тогда многое передвинется въ этой программѣ и найдется время для ея выполненія.

Въ заключеніе мы выражаемъ желаніе услышать отъ компетентныхъ судей замѣчанія и возраженія на предложенную нами программу, которая имѣетъ, конечно, свои недостатки. Нашъ опытъ былъ вызванъ убѣжденіемъ, что во всякомъ случаѣ намъ должно заботиться о работѣ новой, болѣе удобной программы русской словесности, чѣмъ та, по которой читается этотъ предметъ теперь.

Преподаватель Кронштадтской гимназій П. Смирновскій.

30-го декабря 1870 года.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей. Сост. *Лядовъ*. С.-Пб. 1870 г.

Трудъ г. Лядова, изложенный на 135-и страницахъ, въ *трехъ* главахъ; обнимаетъ собою воспитаніе физическое и духовное, и обученіе (авторъ не снабдилъ своей книги оглавленіемъ, что нельзя назвать удобствомъ для читателей ея). Цѣль книги — „восполнить недостатокъ педагогическихъ руководствъ“ и „распространить здравыя понятія о воспитаніи“; судя же по тому, что авторъ извѣстенъ, какъ преподаватель педагогін въ Смольномъ институтѣ, а также и по чисто-школьной формѣ обработки самаго „Руководства“, надо полагать, что оно предназначается и для класснаго употребленія въ женскихъ гимназіяхъ, въ которыхъ нынѣ вводится или введенъ педагогическій курсъ. Между прочимъ авторъ въ предисловіи къ труду своему называетъ его „однимъ изъ первыхъ опытовъ“ въ нашей педагогической литературѣ: это не вѣрно. Какъ ни бѣдна область нашихъ педагогическихъ трудовъ, но мы имѣемъ уже нѣсколько опытовъ въ *этомъ родѣ*, напримѣръ: „Очерки науки о воспитаніи“ *Тимошенко*; „Необходимыя свѣдѣнія для родителей и воспитательницъ“, по Шмидту (1862 г.), неизвѣстнаго составителя; „Педагогическія письма къ матерямъ семействъ“ *Билова*; его же — дидактическое „Руководство для сельскихъ учителей“, „Руководство къ начальному обученію“, Кіевъ, 1869 г.; „Воспитаніе и начальное обученіе“ *Шарловскаго*; „Начальное обученіе въ городскихъ школахъ“ *Шафранова*, и другія дидактическія руководства. Не упоминаемъ о трудахъ переводномъ Куртмана и оригинальныхъ Ушинскаго и Корфа, такъ какъ это книги другаго разряда. Мы перечислили далеко не всѣ наши педагогическіе труды, однакожь и ихъ довольно, чтобы не согласиться съ авторомъ, который, хотя и считаетъ свой трудъ въ числѣ первыхъ, но шелъ по слѣдамъ другихъ и пользовался указанными работами при составленіи своего „Руководства“, какъ это видно изъ содержанія его. Если

же г. Лядовъ имѣлъ въ виду восполнить *качественный* недостатокъ нашихъ педагогическихъ трудовъ, то для этой цѣли едва-ли можетъ служить настоящее „Руководство“, какъ увидимъ ниже.

Авторъ избралъ почтенную цѣль — „распространить *здравыя понятія* о воспитаніи въ обществѣ“, но „Руководство“ г. Лядова ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить для этой цѣли, такъ какъ оно само страдаетъ значительными внутренними недостатками, излагаетъ предметъ нерѣдко невѣрно, а въ большинствѣ случаевъ обще и сбивчиво, и въ этомъ отношеніи стоитъ нисколько не выше руководствъ, напримѣръ, г. Тимошенка или г. Шарловскаго, если даже не уступаетъ и имъ. Приведемъ факты. Возьмемъ хотя *духовное воспитаніе* (гл. II). Въ самомъ началѣ главы, говоря о ви́шнихъ чувствахъ, авторъ выражается такъ: это—*двери*, черезъ которыя входятъ въ нашу душу различныя *представленія*“ (стр. 28). Ниже, на стр. 61-й, авторъ приписываетъ *вхожденіе* въ душу и представленіямъ, и ощущеніямъ, и желаніямъ. Не говоря о неудачности вышеприведеннаго сравненія, оно само по себѣ не вѣрно и не можетъ быть допущено. *Представленія* ни въ какомъ случаѣ *не входятъ* въ душу. Если авторъ хотѣлъ выразить, что посредствомъ ви́шнихъ чувствъ мы воспринимаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ, то авторъ выбралъ странную форму для такой простой мысли. И при этомъ впечатлѣнія вовсе не то же, что представленія, да и первыя „не входятъ въ душу“, а воспринимаются ею, при чемъ сознается уже не количественное раздраженіе нерва, а качественное, сознаваемое состояніе духа, ощущеніе; представленія же образуются въ душѣ силою совокупляющаго и отвлекающаго воображенія. Впрочемъ, въ исторіи философіи былъ примѣръ и такого возрѣнія на представленія, какое высказываетъ авторъ; но это мнѣніе, принадлежащее древнимъ атомистамъ, высказано было за 460 л. до Р. Х., да и въ свою эпоху не пользовалось особеннымъ авторитетомъ, при томъ же оно стояло въ связи съ атомистическимъ возрѣніемъ на душу и на сущность міра. Именно Демокритъ училъ, что отъ предметовъ ощущаемыхъ отдѣляются тончайшіе *образы* (ἔἰδωλα), которые черезъ органы чувственнаго воспріятія проникаютъ въ душу и на ней отпечатлѣваются. Не знаемъ, раздѣляетъ ли авторъ „Руководства“ такое возрѣніе, или нѣтъ, но къ „здравымъ понятіямъ“ нельзя его причислить и странно даже встрѣтить его въ области педагогіи въ наше время. Впрочемъ, психологическія возрѣнія автора вообще не только отличаются сбивчивостью, но и замѣтною наклонностію къ сенсуализму. Такъ, на стр. 43-й, говоря объ

образованіи мысли, авторъ дѣлаетъ такіа соображенія и выводы: „Каждый предметъ (ужели всѣ?) *непретѣнно* дѣйствуетъ на какой-нибудь изъ нашихъ органовъ (sic), раздражаетъ его (хотя бы я былъ въ Европѣ, а предметъ въ Америкѣ?). Это раздраженіе внѣшняго органа (чувственнаго воспріятія?) называется впечатлѣніемъ, которое переходитъ въ сознаніе и становится ощущеніемъ. Слѣдовательно, ощущеніе есть *тоже* впечатлѣніе, но перешедшее въ сознаніе“. Не нова и эта теорія. Ее проповѣдывалъ Кондильякъ еще въ 1754 году, въ своемъ „*Traité de Sensations*“; но создавать нынѣ на ней теорію образованія духа, значитъ „сѣсть между двухъ стульевъ“. Не входя въ философскую полемику о столь деликатномъ вопросѣ, замѣтимъ только, что количественное раздраженіе нерва никакъ не можетъ быть *тождественнымъ* съ качественнымъ, сознательнымъ состояніемъ духа, для чего довольно сравнить субъективное ощущеніе звука съ внѣшнимъ колебаніемъ воздушныхъ волнъ и слуховаго нерва, — между ними ничего нѣтъ общаго. Изъ того же, что одно слѣдуетъ *послѣ* другаго, нельзя еще заключать, что одно является *изъ* другаго: *post hoc, non propter hoc*.

Взглядъ автора на образованіе представленій также нельзя признать вѣрнымъ. „*Одно и то же* ощущеніе“, говоритъ авторъ, „повторившееся нѣсколько разъ, оставляетъ въ нашей душѣ слѣдъ, или умственный образъ предмета, который и называется представленіемъ“ (стр. 45). По мнѣнію автора, представленія наши суть „слѣды одного и того же повтореннаго ощущенія“; но такому воззрѣнію противорѣчатъ факты, и оно не только не научно, а положительно не вѣрно. Возьмемъ фактъ. Ребенокъ взялъ сахаръ въ ротъ и испыталъ *ощущеніе* сладкаго. Для приобрѣтенія представленія о сахарѣ, по теоріи г. Лядова, нужно „одно и то же ощущеніе повторить нѣсколько разъ“. Но какимъ же образомъ изъ одного и того же ощущенія сладкаго, хотя бы сотни разъ повтореннаго, явится „умственный образъ предмета?“ Ощущеніе можетъ вызвать то или другое чувство — удовольствия или недовольства; но сладость, какъ результатъ вкусоваго ощущенія, даже нельзя облечь и въ образъ. *Представленіе* же сахара на самомъ дѣлѣ состоитъ вовсе „не изъ одного и того же повтореннаго ощущенія“, но изъ цѣлой совокупности ихъ; такъ, посредствомъ *зрѣнія* мы узнаемъ видъ и цвѣтъ сахара, его кристаллическое строеніе, способность растворяться; посредствомъ *осязанія* — его плотность, вѣсъ, температуру, форму; посредствомъ *вкуса* — его дѣйствіе на вкусовые нервы и т. д.; соединяя сіюю

отвлекающаго и совокупляющаго воображенія всѣ эти ощущенія, восприняты отъ одного предмета, но разными чувствами, мы получаемъ представленіе „умственный образъ предмета“. Такимъ образомъ, очевидно, что представленіе есть результатъ чисто-психическихъ операцій души, происходитъ въ ней самой, а не *выходитъ отъ нея*, какъ нѣчто данное, готовое. Это азбука психологій.

Говоря о памяти, авторъ также самъ себѣ противорѣчитъ и высказываетъ неосновательныя воззрѣнія на дѣло. Такъ, говоря, что „самая слабая память бываетъ у младенцевъ“ (стр. 46), онъ объясняетъ это тѣмъ, что у нихъ мало представлений, служащихъ вообще „средствами для запоминанія“; значитъ, тѣмъ больше представлений у человѣка, тѣмъ сильнѣе память. Но авторъ сейчасъ же говоритъ, что въ юношескомъ возрастѣ память ослабѣваетъ, тогда какъ по его теоріи, она должна бы крѣпнуть; въ „старости же“, говоритъ онъ далѣе, „память слабѣетъ до того, что старый человѣкъ забываетъ даже, что случилось съ нимъ мѣсяцъ назадъ и даже менѣе“; между тѣмъ, у стариковъ, конечно, больше представлений, тѣмъ у юноши; стало быть одно изъ двухъ, или фактъ не вѣренъ, или объясненія автора ложны, и существуетъ другое основаніе для разъясненія указанныхъ явленій. Продолжая рѣчь о памяти, авторъ неизвѣстно для какихъ цѣлей (полагаемъ, не для подражанія) приводитъ извѣстные анекдоты о Митридатѣ, Юліѣ Цезарѣ и проч. и объясняетъ ихъ слѣдующимъ способомъ: „Такіе примѣры паразитической памяти объясняются (sic) особеннымъ (?) устройствомъ мозга и нервной системы, а также слабымъ развитіемъ другихъ духовныхъ способностей, на счетъ которыхъ память приобретаетъ особенную силу“. Объясненіе это оригинально тѣмъ, что хотя оно собственно ничего не объясняетъ, но по крайней мѣрѣ уличаетъ „въ слабомъ развитіи другихъ (?) духовныхъ способностей“, какъ Митридата, такъ и Юлія Цезаря. Впрочемъ, у автора и на геніальность свой взглядъ; по крайней мѣрѣ, приводя мнѣніе „христіанскаго писателя“ *Гельвеціуса*, что „умъ и даже геніальность зависятъ отъ *обстоятельствъ* (?!), среди которыхъ онъ выросъ, и отъ воспитанія, которое онъ получилъ“ (стр. 2), авторъ оставляетъ его безъ оговорокъ, на равнѣ съ мнѣніями Локка и Канта. Вообще же хотя нервная система и внѣшнія чувства играютъ видную роль въ объясненіяхъ автора, но истиннаго значенія ихъ онъ не выяснилъ и книга вообще въ этомъ отношеніи страдаетъ ошибками и недоразумѣніями. Такъ, „молоды, по мнѣнію „Руководства“, есть ничто иное, какъ *раздраженіе нервовъ*“ (стр. 62); но это не вѣрно. И ощущенія внѣшнихъ чувствъ, и ощущенія общей чувствительности

являются *вслѣдствіе* раздраженія нервовъ, но само ощущеніе есть прямо сознательное состояніе души (см. объ этомъ въ „Логикѣ“ Милля). Далѣе, по мнѣнію автора, „младенецъ въ первыя недѣли жизни видитъ только свѣтъ“ (стр. 29); но что жь онъ дѣлаетъ съ впечатлѣніями отъ предметовъ, окружающихъ его колыбель? Не видѣть ихъ нельзя. О слѣпыхъ авторъ говоритъ, что они ощупью „различаютъ яркіе цвѣта“ (стр. 31); но авторъ не понялъ факта или остановился на его внѣшности. Дѣло въ томъ, что слѣпые различаютъ не цвѣта, а окрашивающее *вещество*, доступное осязанію на шероховатой поверхности; если же поверхность гладко выполирована, то ни одинъ слѣпой не опредѣлитъ ея цвѣта. Ощущенія цвѣта всегда были и останутся специфическими функциями зрѣнія, иначе и слѣпорожденные могли бы приобрѣтать понятіе о цвѣтахъ, но это не возможно. Зрѣніе авторъ называетъ важнѣйшимъ между всѣми внѣшними чувствами, хотя трудно рѣшить, чѣмъ оно важнѣе слуха, при посредствѣ котораго мы передаемъ мысли другъ другу и учимся; зрѣнію авторъ посвящаетъ почти 2¹/₂ странички, а слуху почти ¹/₈ странички, при чемъ съ необыкновенною точностью опредѣляетъ и періоды развитія зрѣнія: сперва младенецъ „видитъ только свѣтъ“, на 5-й недѣлѣ онъ начинаетъ „останавливаться на предметахъ, разсматривать ихъ“; если однако кто подумаетъ, что ребенокъ, *разсматривая* предметы, начнетъ въ эту пору различать цвѣтъ и форму предметовъ, тотъ очень ошибется, ибо „Руководствомъ“ это не полагается дѣлать ровно до 6-го мѣсяца, съ котораго времени „должна начаться забота объ изощреніи зрѣнія“. Подобное же раздѣленіе на періоды сдѣлано авторомъ и для звуковъ, и для частей рѣчи, при чемъ за существительными непременно должны являться нарѣчія качества и мѣста и т. д. (стр. 35). Говоря о развитіи рѣчи, авторъ даетъ такой совѣтъ: „Для того, чтобы слово получило для ребенка смыслъ, надо, чтобы оно соединилось съ представленіемъ предмета, который имъ называется, а это соединеніе пойдетъ тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ чаще и разумнѣе будутъ разговаривать съ ребенкомъ“ (стр. 33). Интересно, что разговорами можно содѣйствовать соединенію слова съ представленіемъ предмета.

Оригинально авторъ опредѣляетъ понятіе: „Понятіе происходитъ отъ славянскаго слова *познати*, что значитъ, взять принять, — слѣдовательно, понятіе—то, что взято, что сдѣлалось нашею собственностью, что усвоено нами“ (стр. 54). Замѣтимъ, что дѣло идетъ о понятіи, какъ объ одной изъ формъ разсудка. Итакъ, что такое понятіе? Уче-

никъ отвѣчаетъ: „понятіе есть то, что взято“ и пр. Напримѣръ, мною взяты карандашъ... Я *одпалъ собственностью* своею эту книгу... Вы усвоили урокъ на фортепіано, — будутъ ли эти предметы „понятіями?“

На стр. 55-й авторъ говоритъ, что „разсудокъ и сознаніе одно и то же, а не двѣ различныя силы“; но извѣстно, что сознаніе есть *общая форма* душевной жизни, которой подлежатъ и операціи разсудка, и опредѣленія воли и проч., а разсудокъ есть формальная сила мышленія. „Дѣятельность разсудка, говоритъ авторъ далѣе, начинается очень рано, какъ только появляется нѣсколько *ощущеній*“ (ibid.). Но разсудокъ, какъ извѣстно, имѣетъ дѣло съ *представленіями*, для образованія которыхъ ощущенія служатъ только матеріаломъ. Въмѣсто силлогизма авторъ вводитъ новый терминъ „соображеніе“, что нельзя назвать удачнымъ; это чувствовалъ и авторъ, потому что употребляя слово соображеніе, дополняетъ его выраженіемъ „или умозаключеніе“. Періодъ опредѣляется, какъ „форма соображенія“ (стр. 56), что, независимо отъ неловкости выраженія, не вѣрно и по существу дѣла. Доселѣ въ психологіи разумъ считался высшимъ проявленіемъ разумности самосознающаго духа; авторъ „Руководства“ считаетъ его особою силой, которая „обсуживаетъ мысли, чувства и желанія: *прежде чѣмъ они обратятся въ дѣло*“ (стр. 58); при этомъ авторъ замѣчаетъ, что „разумъ нельзя мѣрять количественно“: какъ будто какую-нибудь изъ силъ духа можно мѣрять количественно! Затѣмъ говоритъ, что „онъ есть и у *мутца* (?), но худо дѣйствуетъ, потому что ему часто не повинуются другія силы“.

Подобныя объясненія въ психологическомъ отношеніи не вѣрны, а въ педагогическомъ хорошо, если только бесполезны, а ими наполненъ весь этотъ отдѣлъ. Разбирать ихъ всѣ нѣтъ возможности, да и нужды нѣтъ. Вообще весь отдѣлъ о психическомъ воспитаніи весьма слабъ и нигуда не годится. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы допустить сознательное убѣжденіе въ полуматеріалистическихъ воззрѣніяхъ автора: намъ кажется, что это просто результатъ незнакомства автора съ психологіей. Нѣчто подобное случилось съ г. Шарловскимъ, съ г. Тимошенкою и съ другими составителями нашихъ педагогическихъ руководствъ. Первый впалъ въ крайній матеріализмъ (см. „Воспитаніе и начальное обученіе“, гл. VIII, о развитіи умственныхъ способностей), а второй, почти цѣликомъ выписавъ преплохія чужія записки по психологіи, признаетъ даже и хиромантію орудіемъ воспитателя (см. „Очерки науки о воспитаніи“, стр. 48—50). Нынѣ у насъ

въ ходу Бенекве, психологическія гипотезы котораго, не смотря на ихъ очевидную несостоятельность, распространяются нѣкоторыми изъ нашихъ педагоговъ (въ особенности г. Паульсономъ), и онѣ - то и путаютъ нашихъ педагогическихъ компиляторовъ, наивно считающихъ Бенекіанскія гипотезы „последнимъ словомъ науки“. При этомъ, не имѣя положительныхъ свѣдѣній въ наукѣ о душѣ, составители нерѣдко до того преобразуютъ заимствованныя гипотезы, что они дѣлаются неузнаваемы. Таковъ, намъ кажется, источникъ промаховъ и компиляціи г. Лядова.

Нѣсколько лучше составлена статья о *физическомъ воспитаніи* (гл. I), но и здѣсь встрѣчаются странныя вещи. Напримѣръ, говоря объ аппетитѣ, авторъ выражается такъ: „Мы знаемъ, что аппетитъ—хорошій руководитель всѣхъ животныхъ, большихъ и взрослыхъ (интересное сопоставленіе), а потому (?) не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что онъ служитъ хорошимъ руководителемъ и ребенка. Боятся того, что дѣти будутъ не воздержны въ пищѣ, кажется (оригинально это кажется), нечего“ (стр. 8). На сколько подобные совѣты могутъ просвѣтить читателей, и какую они могутъ принести практическую пользу въ примѣненіи къ воспитанію, предоставляемъ судить читателю. На 9-й стр. авторъ, между прочимъ, легко относится къ тому, что дѣти ѣдятъ иногда и незрѣлые плоды, и вообще совѣтуетъ не стѣснять дѣтей въ пользованіи вкусными блюдами, какія имъ нравятся, и т. под. Между прочимъ авторъ находитъ вреднымъ употребленіе мыла для маленькихъ дѣтей, потому что оно смываетъ маслянистыя частицы, смягчающія кожу, отъ чего кожа грубѣетъ (стр. 11). На это можно замѣтить, что хотя маслянистыя частицы и смываются, но организмъ, постоянно выдѣляя ихъ, вознаграждаетъ утрату; смывать же ихъ необходимо потому, что все маслянистое скоро грязнится, и маслянистыя частицы, соединившись отъ времени съ густымъ слоемъ пыли, препятствовали бы выдѣленію негодныхъ веществъ черезъ поры кожи, покрытой непроницаемымъ слоемъ маслянистой пыли, что, заражая кровь, могло бы служить причиною разнаго рода накожныхъ болѣзней и вообще повредить здоровью ребенка.

Что касается до дидактической части, то она слабѣе другихъ частей „Руководства“. При нѣкоторыхъ неточностяхъ, иногда даже невѣрности воззрѣній, изложеніе ея отличается такимъ множествомъ общихъ мѣстъ, что мы считаемъ ее совершенно бесполезною, тѣмъ болѣе, что ей недостаетъ существенныхъ частей въ содержаніи; такъ, въ ней нѣтъ изложенія основаній новыхъ методовъ, о которыхъ почти

только упомянуто, да и то не о всѣхъ, нѣтъ изложенія дисциплины, указанія руководствъ и пособій при обученіи, а также практическихъ образцовъ обученія, безъ чего методика не мыслима, — ничего этого въ „Руководствѣ“ нѣтъ. Есть нѣкоторая несоразмѣрность и въ объемѣ статей. Такъ, обученію иностраннымъ языкамъ посвящено болѣе 4-хъ страницъ, а обученію счисленію $1\frac{1}{4}$ стр., тогда какъ и самый предметъ, и методика счисленія требуютъ большаго къ нему вниманія. Не извѣстно также, почему авторъ совершенно опускаетъ преподаваніе закона Божія. Разбирать всю эту часть мы не будемъ, а приведемъ факты только для доказательства высказанныхъ мнѣній.

Говоря о наглядномъ обученіи, авторъ даетъ ему чисто формальную цѣль (стр. 99), что можно назвать одностороннимъ, и говоритъ дажѣ, что оно должно сообщать только „самыя необходимыя элементарныя свѣдѣнія изъ каждаго учебнаго предмета“; но самъ же фактически опровергаетъ свое требованіе, потому что „краткая программа“ его не только чрезмерно многопредметна, но и заключаетъ въ себѣ предметы, ни въ какомъ случаѣ не могущіе быть предметомъ нагляднаго обученія. Такъ, „когда дѣти познакомятся съ устройствомъ своего тѣла“, говоритъ авторъ, „можно перейти къ вопросу (sic) о потребностяхъ человѣка и о средствахъ, служащихъ къ ихъ удовлетворенію“ (стр. 104); но этотъ „вопросъ“ такъ обширенъ, сложенъ и труденъ, что онъ дастъ содержаніе цѣлымъ наукамъ; да и вообще наглядное обученіе имѣетъ своимъ предметомъ не вопросы, а вещи и явленія, доступныя для наблюденія посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Авторъ находитъ „очень удобнымъ“, между прочимъ, сообщить ученику понятіе (sic) не только о различномъ образѣ жизни и разнообразныхъ занятіяхъ, но и „о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ“ и — „о *многомъ другомъ*, знаніе чего принесетъ (ребенку?) не малую пользу при занятіяхъ исторіей и географіей“ (стр. 105). Правда, авторъ говоритъ, что „все это должно быть сдѣлано въ извѣстной мѣрѣ“, но какая это мѣра, намъ не извѣстно. Приемы нагляднаго обученія высказаны обще и несовсѣмъ вѣрно. Такъ авторъ совѣтуетъ при наглядной передачѣ элементарныхъ геометрическихъ понятій сперва начертить ученику фигуру, потомъ объяснить ее, а затѣмъ поискать этихъ формъ въ комнатѣ и показать линію или уголъ, на примѣръ, на предметахъ (стр. 103). Но наглядное обученіе дѣлаетъ именно на оборотъ: сперва даетъ вещь, потомъ чертитъ ея изображеніе и затѣмъ уже разъясняетъ ее.

Перехода затѣмъ къ опредѣленію курса элементарнаго обученія,

авторъ и слѣшкомъ легко, и поверхностно смотритъ на дѣло. Сказавъ, что вопросъ о томъ, *чему* учить дитя, издавна былъ и остается предметомъ споровъ донинѣ, авторъ находитъ, что „дѣло рѣшается само собою, если мы подумаемъ только (sic) о томъ, что каждый человѣкъ живетъ въ мірѣ виѣшнемъ и внутреннемъ, а потому (?) и долженъ быть знакомъ съ предметами и явленіями того и другаго“ (стр. 105). Говоритъ такъ, значить—не понимать вопроса, потому что онъ нисколько не рѣшается взятымъ началомъ, ибо предметы и явленія внутреннего и виѣшняго бытія составляютъ содержаніе всѣхъ наукъ; и астрономія, и геологія, и статистика занимаютъ виѣшними явленіями, равно какъ психологія, логика и философія обрабатываютъ наше внутреннее бытіе. Не только „если подумаемъ“, но даже если и задумаемся, и разсудимъ, и тогда еще не сразу можемъ рѣшить поставленный вопросъ, да притомъ онъ рѣшается совершенно съ другой точки зрѣнія. Впрочемъ, „Руководство“ вообще не отличается логичностью, и авторъ, раздѣляя нѣкоторые вопросы на части, нигдѣ не считаетъ нужнымъ указать основанія дѣленія, ограничиваясь формулою „можно раздѣлить“ (а можно и нельзя?) или „дѣлать“ и т. п. Такъ авторъ дѣлитъ науку о воспитаніи 1) на педагогику собственно, 2) на дидактику и 3) на исторію воспитанія (стр. 4); любопытно знать, *на чемъ* основывается такое дѣленіе, изъ какого *начала* дѣленія выходилъ авторъ? (Ср. стр. 5—дѣленіе возрастовъ; стр. 55—дѣленіе понятій и пр.).

На стр. 113-й, говоря о томъ, что Песталоцци „никогда не разсматривалъ того, что нарисовали ученики, а обращалъ вниманіе на рукава ихъ одежды, и по тому, запачканы ли они были, или нѣтъ, судилъ о томъ, было ли исполнено его приказаніе“, авторъ добавляетъ, что въ наше время педагоги „не хотятъ (жаль!) предоставить дѣтямъ такой свободы“, а заставляютъ срисовать что-нибудь опредѣленное и по клѣточкамъ (которые, между прочимъ, авторъ находитъ стѣсненіемъ для дѣтей). Это „не хотятъ“ весьма наивно, — уже ли безъ всякой причины? Замѣчательно и то, что упомянутый приемъ Песталоцци, прямо не педагогическій и объясняемый личнымъ характеромъ Ивердюнскаго педагога, авторъ оставляетъ безъ оговорки, — уже ли онъ одобряетъ его? Это значило бы поощрять неопрятность и беспорядочность въ дѣтяхъ.

До какой степени авторъ поверхностно и легко смотритъ на методику, можетъ служить примѣромъ статья „обученіе счисленію“, вся состоящая изъ 48-и строкъ, включая сюда и общія разсужденія о невозбѣжномъ

Песталоцци. Автору все кажется легко. „Сперва“, говорит онъ, „ребенокъ долженъ выучиться считать до 10-и“; потомъ, „когда ребенокъ выучится считать вполне хорошо“, „можно ознакомить его съ нумераціей, затѣмъ перейти къ упражненію въ рѣшеніи задачъ“ по всѣмъ 4-мъ дѣйствіямъ; а „упражняя въ рѣшеніи задачъ надъ числами перваго десятка, легко можно (sic) познакомить ученика съ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. Легко говорить — трудно дѣлать. Лучше бы авторъ показавъ, какъ учить; а трудно ли то, или легко, каждый самъ увидать бы. Изложенія собственно метода, процесса обученія, въ книгѣ нѣтъ, нѣтъ и указанія на тѣ основанія, на которыя опираются и изъ которыхъ развиваются новые методы обученія. Изъ общихъ фразъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, состоитъ почти вся методическая часть „Руководства“, а недостатокъ образцовыхъ уроковъ дѣлаетъ ее рѣшительно ни къ чему непригодною.

Конечно, такъ какъ „Руководство“ г. Лядова составное, то мѣстами встрѣчаются и дѣльныя страницы; но рассматривая книгу въ цѣломъ, ее не только нельзя рекомендовать, какъ учебное пособіе, но и для домашняго чтенія она едва-ли годится; по крайней мѣрѣ нельзя думать, чтобы она могла содѣйствовать „распространенію здравыхъ педагогическихъ понятій въ обществѣ“. Мы, конечно, указали далеко не всѣ промахи и ошибки „Руководства“, но читая его, пришли къ убѣжденію, что оно если не ошибочно, то парадоксально почти на каждой страницѣ. Раскрываемъ, на примѣръ, на удачу стр. 2: „Способности человѣка“, говоритъ авторъ, „могутъ развиваться иногда сами собою, безъ участія другихъ людей, но это *исключеніе*“. Что же, способности человѣка, значить, не имѣютъ сами въ себѣ внутренней возможности развитія? На самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ не только такую возможность, но даже необходимость. Раскрываемъ еще — встрѣчается примѣчаніе о Базедовѣ, о томъ именно, что онъ совѣтовалъ учить дѣтей „шутя“, такъ чтобы ученье „не представляло ученикамъ *ни какой трудности*“ (стр. 99). Авторъ не дѣлаетъ никакой оговорки, приводя эти слова, и читатель въ правѣ думать, что авторъ раздѣляетъ мнѣніе Базедова, а между тѣмъ оно не только парадоксъ, но прямо педагогически вредная и не вѣрная идея, возникновеніе которой въ XVIII вѣкѣ объясняется только историческимъ положеніемъ филантропинизма и отношеніемъ его послѣдователей къ современнымъ ему формамъ и приемамъ обученія, къ механической, отупляющей школьной работѣ схоластицизма, когда педагогамъ еще не было знакомо то наслажденіе, которое испытываетъ дитя, учась и побѣждая *посильныя* ему труд-

ности, подъ руководствомъ учителя, вызывающаго его самостоятельность. Подобнымъ же образомъ авторъ оставляетъ безъ оговорки мнѣніе Руссо, что „глупо учить ребенка тому, чему онъ самъ собою научится“ (стр. 19), хотя и въ примѣрѣ, приведенномъ въ „Руководствѣ“, и вообще въ примѣненіи къ педагогической практикѣ онъ не вѣренъ, какъ и основная идея воспитанія Руссо вообще. На слѣдующей страницѣ, говоря о гимнастикѣ, которая „по мнѣнію Гревовъ была божественнаго происхожденія“, и которою „сами боги занимались“, авторъ говоритъ, что въ средніе вѣка ее забыли, а „вспомнили о ней опять только въ XVIII вѣкѣ, когда Локкъ сказалъ“ и пр. Странное представленіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ фактовъ исторіи педагогій: Локкъ сказалъ, а человечество вспомнило... Но довольно.

Языкъ „Руководства“ вообще довольно простъ, хотя не безъ недостатковъ, не вездѣ правиленъ, точенъ и ясенъ. Встрѣчаются, напримѣръ, выраженія: „приданіе красоты“ (стр. 22); „осанва“ вмѣсто положеніе (позиція) въ гимнастикѣ; на стр. 53-й авторъ говоритъ: „Ребенокъ никогда не задумается нарисовать два такіе предмета, которые ни какъ не могутъ существовать въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ“. Но какіе же предметы могутъ существовать подобнымъ образомъ, вопреки основнымъ условіямъ всякаго физическаго существованія? Не понятно, что хочетъ авторъ сказать этимъ „примѣромъ“, который онъ приводитъ въ доказательство того, что созданія дѣтской фантазіи „нерѣдко отличаются оригинальностью, но большею частію лишены гармоніи“.

С. Миропольскій.

С.-Петербургъ, январь 1871 года.

Воспитаніе и начальное обученіе, руководство для сельскихъ учителей и матерей. Составилъ *Г. Шарловскій*. Варшава, 1870 года.

Г. Шарловскій желалъ представить въ своемъ „Руководствѣ“ не только простое послѣдовательное изложеніе правилъ для начальнаго воспитанія и обученія, но и разъяснить фیزیологическія и психологическія основанія этихъ правилъ. Такое желаніе совершенно цѣлесообразно и заслуживаетъ полнаго одобренія; но надлежащее выполненіе его представляетъ чрезвычайныя трудности и можетъ быть по силамъ только человѣку, основательно изучившему естественныя науки психологію, педагогическую теорію и практику и обладающему рѣд-

вою способностью и умѣнемъ изъ громадной массы разнообразныхъ знаній, доставляемыхъ этими науками, выбрать именно тѣ данныя, которыя нужны для начального воспитанія и обученія, привести ихъ въ систему и изложить, при возможной краткости, яснымъ и точнымъ языкомъ, доступнымъ пониманію людей, почти вовсе не знакомыхъ ни съ естествознаніемъ, ни съ психологіей, каковы наши сельскіе учителя и матери, для которыхъ назначается рассматриваемая книга.

Авторъ раздѣляетъ свой трудъ на двѣ части и начинаетъ первую часть — „Воспитаніе до обученія“ изложеніемъ „необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній“ изъ химіи, физики и физиологіи для разъясненія понятій объ организмахъ, о развитіи, о главнѣйшихъ условіяхъ развитія организмовъ: о воздухѣ, свѣтѣ, водѣ и теплотѣ, о различныхъ свойствахъ и проявленіяхъ этихъ условій, объ основныхъ составныхъ частяхъ органическихъ тѣлъ и т. п.

Разъясненіе всѣхъ этихъ понятій, конечно, весьма полезно для cadaго начального учителя, если только оно вѣрно въ научномъ отношеніи и изложено ясно и послѣдовательно. Къ сожалѣнію, въ изложеніи автора ни того, ни другаго мы не находимъ: въ немъ говорится обо всемъ но немного и ни о чемъ обстоятельно; о многихъ явленіяхъ даются даже неправильныя, или по крайней мѣрѣ, далеко не ясныя и не точныя, и довольно странныя понятія и объясненія. Въ доказательство выпишемъ нижеслѣдующія мѣста:

Стр. 4. „Человѣкъ по своему тѣлесному устройству—тоже организмъ. Онъ такъ же, какъ и всякій другой организмъ, развивается изъ зародыша, питается, растетъ, и *производитъ себѣ подобныхъ*, умираетъ...

Указывая на свойство теплоты *расширять* тѣла, а холода—*сжимать* ихъ (стр. 5), авторъ говоритъ: „Свойство это всякій замѣчаетъ ежедневно, но *не всякій понимаетъ его причину*“.

Причина означеннаго свойства тепла и холода никому не извѣстна.

— „Разогрѣтая нога дѣлается больше“...

— „Можно бы припомнить много подобныхъ случаевъ изъ ежедневной жизни, и всѣ они объясняются ни чѣмъ инымъ, какъ только свойствомъ тѣлъ—сжиматься и расширяться, смотря по степени *теплоты*“.

Не теплоты, а *температуры*.

Стр. 3. „Чѣмъ выше температура, то-есть, степень тепла, тѣмъ оно *живее*.“

Это собственно можетъ быть сказано только о *жидкихъ* тѣлахъ.

Стр. 6. „Видимое исчезновеніе тѣла есть не что иное, какъ измѣненіе его вида“.

Это опять не точно и не совсѣмъ вѣрно, потому что исчезая, тѣла не только измѣняютъ свой видъ, но многія и разлагаются на составныя части.

— „Слѣдовательно, этотъ паръ, что валитъ изъ кипятка, не что иное, какъ *расширившаяся отъ жара въ мельчайшія части вода*“.

„Расширяться въ мельчайшія части“ не говорится.

Стр. 9. „Наукою положительно доказано, что въ воздухѣ есть одинъ газъ, называемый кислородомъ, который *притягивается*, болѣе или менѣе сильно, всякимъ тѣломъ, и въ особенности, *углемъ*“.

Но а) кислородъ не *притягивается* тѣлами, а самъ *стремится соединиться съ тѣлами*, б) кислородъ вовсе не стремится особенно соединиться съ *углемъ*.

— „Уголь (или, какъ его называютъ въ наукѣ, *углеродъ*) входитъ въ составъ всякаго живаго существа и служить, такъ-сказать, *основомъ всего органическаго міра*“.

а) Не *всякій уголь* можетъ быть названъ *углеродомъ*, а только *чистый уголь* (алмазъ); б) никакъ нельзя сказать, что *уголь* составляетъ *основъ* всего органическаго міра.

— „При чемъ (то-есть, при горѣніи) органическое тѣло, видоизмѣняясь, разлагается на свои *первоначальныя составныя части: уголь, дымъ и золу*“.

— „Такъ какъ тѣла, прежде чѣмъ сгніютъ, дѣлаются *кислыми*, и такъ какъ *окисленіе* происходитъ отъ сказаннаго газа, то поэтому онъ и названъ *кислородомъ*“.

Это объясненіе названія газа *кислородъ* весьма куріозно.

Стр. 10. „Такъ, соединяясь съ газомъ водородомъ, кислородъ образуетъ совершенно новое тѣло, то-есть, *чистую воду*; но въ воду входятъ еще при-мѣси минеральныхъ частичекъ, преимущественно солей“.

Въ *чистой* водѣ нѣтъ никакихъ примѣсей.

Стр. 12. „Азотъ, равно какъ и кислородъ, водородъ и углеродъ составляютъ основаніе *всей органической жизни, потому что изъ химическаго ихъ соединенія образуются вода, углекислота и аммакъ, которые и составляютъ главную пищу всякаго растенія*“.

Объясненіе причины и не вѣрно, и не логично.

Стр. 13. „*Физиологія* (что значить рѣчь или разсужденіе о жизни)“.

Это не вѣрно; слово *физиологія* означаетъ собственно *ученіе о природѣ*.

Во 2-й главѣ „Предварительныя объясненія о воспитаніи, или о наукѣ педагогикѣ“, на стр. 16-й находится слѣдующее непонятное выраженіе:

„Недаромъ человекъ надѣленъ такою *снбкостью, податливостію и устойчивостію своимъ тѣлеснымъ качествамъ*“.

На стр. 17-й говорится, что

„*Первымъ и главнымъ источникомъ познанія добра и зла* служитъ въ наше время *Божественное Ученіе Христа*“.

Источникомъ познанія зла—ученіе Спасителя никакъ не можетъ служить.

Въ главѣ 3-й „Естественныя потребности ребенка“, — на стр. 20-й сказано:

„Слѣдовательно, здоровье младенца и дальнѣйшее его физическое и духовное развитіе зависятъ не столько отъ того, какимъ онъ родился, сколько отъ его кормленія и влѣнія вліяній“.

Совершенно правда, что питаніе и вообще внѣшняя окружающая среда могутъ имѣть весьма сильное вліяніе на здоровье младенца и на его дальнѣйшее физическое и духовное развитіе; но никакъ нельзя сказать, чтобъ они имѣли въ этомъ отношеніи сильнѣйшее значеніе, чѣмъ здоровый природный организмъ ребенка.

Стр. 22. „Пыль и разныя испаренія, происходящія отъ химическаго разложенія (гниенія) разныхъ веществъ, носятся незамѣтно по воздуху, и вмѣстѣ съ дыханіемъ, входятъ въ легкія и кровь человѣка; отсюда чаще всего и образуется извѣстная дѣтская болѣзнь—золотуха (худосочіе).“

Гдѣ это вычиталъ г. Шарловскій? Въ концѣ той же страницы онъ говоритъ, что у матери сперва выдѣляется такое „жидкое и водянистое“ молоко, что его скорѣе можно назвать *свороткой*, чѣмъ настоящимъ молокомъ. Это объясненіе можетъ дать понятіе, что своротка есть жидкое водянистое молоко, что совершенно не вѣрно.

На стр. 23-й говорится, что „если кишки, черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія ребенка, не будутъ выдѣлять нечистоты, можно дать ему даже *кастороваго масла полъ-ложечки*. Не совѣтуемъ никому слѣдовать этому наставленію г. Шарловскаго, потому что пріемъ *полъ-ложечки* кастороваго масла нѣсколько-часовымъ ребенкомъ будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его смерть.

На той же страницѣ: „Между простыми народами рѣдки случаи, когда сама мать не кормитъ“. Неужели г. Шарловскому не извѣстно, что именно у простаго народа и употребляютъ для этого *соска* или *рожокъ*?

На стр. 24-й и 25-й:

„Бульонъ полезно давать только ребенку вялому и слабому; для рѣзваго же и здороваго лучше будетъ давать *мучной отвара*, какъ болѣе питательную добавку къ молоку“.

Это вѣрнѣйшее средство развить въ ребенкѣ золотуху.

На стр. 25-й: „Когда ребенокъ плачетъ и часто суетъ пальцы въ ротъ, то это значитъ, что онъ требуетъ пищи, болѣе питательной, чѣмъ молоко матери. Тогда только ему можно дать бульону или мучнаго отвара“.

Гдѣ это вычиталъ г. Шарловскій, что „сованіе ребенкомъ въ ротъ пальцевъ“ означаетъ, что ему хочется ѣсть; или онъ, можетъ-быть, сдѣлалъ такое открытіе собственнымъ наблюденіемъ? Каждая опытная няня скажетъ г. Шарловскому, что это означаетъ приближеніе

времени прорѣзыванія зубовъ, отчего происходитъ въ деснахъ зудъ, и ребенокъ старается прекратить этотъ зудъ, вкладывая пальцы въ ротъ и сжимая ихъ деснами.

На той же страницѣ, за неизвѣнїемъ бульона, г. Шарловскій совѣтуетъ еще давать ребенку „старое яѣцо, разжидивъ его водою и прибавивъ немного сахару“. Это опять новое открытіе.

На стр. 33-й г. Шарловскій говоритъ, что „сразу, при входѣ въ баню прежде потѣнія, хорошо помыть холодною водою не только голову, но и все тѣло, и *стянуть ее въ носъ (!)*“.

Въ главѣ V-й „Естественные законы, управляющіе нашею физическою и духовною жизнью“—на стр. 37-й говорится:

„Овокуиность всѣхъ этихъ предметовъ, которые созданы Богомъ, и которые мы ощущаемъ внѣшними чувствами, составляетъ *вселенную или естество*“.

Слѣдовательно, вселенная есть *естество (?)*.

„Зная это“, продолжаетъ онъ, „очень легко уже устранить болѣзнь: стоитъ только позаботиться о томъ, чтобы ребенокъ дышалъ чистымъ воздухомъ, употреблялъ здоровую пищу, и чтобы ничто не мѣшало спокойствію его сна“.

На стр. 39-й г. Шарловскій, объясняетъ происхождение судорогъ у дѣтей,—болѣзнь очень опасной, „испорченнымъ воздухомъ, дурною или неумѣренною пищею и испугомъ отъ рѣзкаго звука“.

Подобныхъ промаховъ противъ науки, неправильностей, неточностей въ выраженіяхъ, къ сожалѣнію, весьма много и въ главахъ VI-й „Связь психическихъ проявленій съ внѣшнимъ міромъ“ и VII-й „Постепенное развитіе внѣшнихъ чувствъ“; но всѣ эти недостатки совершенно затмѣваются тѣмъ хаосомъ, который представляетъ изложеніе „развитія умственныхъ способностей“ въ главѣ VIII-й. Здѣсь авторъ, совершенно неумышленно впрочемъ, является даже проповѣдникомъ матеріалистическаго ученія. О душѣ человѣка онъ какъ-бы совсѣмъ забываетъ, и у него все развитіе умственныхъ способностей совершается воспринятіемъ, группировкой и переработкою впечатлѣній. Вся глава VIII (стр. 61—73) наполнена подобными несообразностями и самыми куріозными объясненіями развитія нашей познавательной способности. Выписываемъ только самыя крупныя мѣста.

На стр. 61-й, сказавъ о приобрѣтеніи ребенкомъ познаній о вещественной природѣ, авторъ прибавляетъ:

„Эти-то познанія и составляютъ основаніе того великолѣпнаго зданія, которое *построится* со временемъ *съ мозгу* дитяти изъ дальнѣйшихъ его впечатлѣній и опытовъ“.

На стр. 62-й:

„Тѣ изъ предметовъ, которые чаще бросаются ребенку въ глаза, успѣли уже довольно отчетливо *отпечататься на его мозгу*. Ребенокъ смутно начинаетъ чувствовать, что эти отпечатки нѣчто отличное отъ тѣхъ ощущений, которыми онъ по временамъ испытываетъ въ своемъ тѣлѣ, какъ, наприкладъ, ощущение холода, голодъ и т. п. Такимъ образомъ, часто испытывая тѣ и другія ощущенія, ребенокъ начинаетъ сознавать, что предметы внѣшняго міра составляютъ нѣчто отдѣльное отъ его бытія“.

Это чувство авторъ называетъ *самосознаніемъ*. Послѣдующее психическое развитіе онъ характеризуетъ такимъ образомъ:

„*Отпечатки въ мозгу* отъ внѣшнихъ предметовъ становятся все опредѣленнѣе, и наконецъ, переходятъ въ одинъ ясный образъ, который мы будемъ называть *представленіемъ*“ (стр. 62).

Свое положеніе авторъ подтверждаетъ примѣромъ образованія представленія о деревѣ:

„Каждый разъ (когда ребенокъ его видитъ) оно отпечатывается въ мозгу его, разумѣется, на столько, на сколько онъ успѣлъ его рассмотреть: черезъ частое повтореніе такихъ отпечатковъ составляется образъ дерева, которое видится и тогда, когда вовсе не смотримъ на него“ (ibid).

Этотъ послѣдній фактъ авторъ объясняетъ такъ:

„Теперь *мозгъ* работаетъ и безъ помощи глаза. Прежде глазъ дѣйствовалъ на мозгъ и этимъ заставлялъ его воспринимать впечатлѣнія, — иначе мозгъ вовсе не могъ бы дѣйствовать; теперь наоборотъ: глазъ закрытъ, но мозгъ дѣйствуетъ самъ собою и какъ-будто заставляетъ глазъ видѣть то, чего онъ никакъ не можетъ видѣть“ (стр. 63).

О первоначальныхъ познаніяхъ дитяти авторъ говоритъ, что „ихъ скорѣе можно назвать плодомъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ плодомъ дѣятельности мозга (!)“.

„Когда же ребенокъ начинаетъ отличать предметы по ихъ внѣшнимъ свойствамъ, когда затѣмъ въ головѣ его формируются образы отдаленныхъ предметовъ, и когда, наконецъ, мозгъ самъ собою *воспроизводитъ* эти образы, тогда уже такой переходъ въ мозговой дѣятельности можно принять за извѣстную степень *умственного развитія*“ (стр. 63).

На стр. 72-й:

„Впечатлѣнія, воспринимаемыя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, *формируютъ* образы, а изъ этихъ послѣднихъ составляются понятія“.

И ниже:

„Когда же у человѣка накопится такъ много представленій и ясныхъ чувственныхъ понятій о разныхъ вещахъ“, то „изъ этого матеріала у насъ *сами собою* вырабатываются отвлеченныя понятія“.

На стр. 73-й авторъ называетъ весь ходъ умственного развитія „мозговою дѣятельностью“ и характеризуетъ его въ такихъ чертахъ:

„Отдѣльные образы (представленія), соединеніе ихъ въ картины (воображеніе), сравненіе и отличеніе предметовъ по ихъ существеннымъ признакамъ

(понятіе) — все это такая *мозговая* дѣятельность, которая не можетъ иначе проявляться, какъ только при участіи тѣхъ способностей, которыя извѣстны подъ равными наименованіями, а именно *воодушевленіе* и *вдумчивость*, *смилленость* и *смысленность*, сообразительность и разсудительность (разсудокъ, здравый смысл)“. (Стр. 73).

Построенная на такихъ ни съ чѣмъ несообразныхъ психологическихъ основаніяхъ, и вся вторая часть разсматриваемаго труда, содержащая въ себѣ изложеніе общихъ педагогическихъ началъ первоначальнаго обученія, и методика преподаванія чтенія, письма, нагляднаго обученія, счисленія, родиноувѣдвія, объяснительнаго чтенія и проч., является также спутанною и вообще несостоятельною, хотя мѣстами въ ней и встрѣчаются нѣкоторыя вѣрныя и полезныя методическія указанія и правила. Болѣе состоятельный отдѣлъ въ этой части представляютъ главы XII, XIII, XIV, XV и XVI, въ которыхъ разсматриваются и излагаются прежніе и теперешніе методы обученія чтенію и предварительныя упражненія и обученіе письму. Здѣсь сейчасъ видно, что авторъ знакомъ съ этимъ дѣломъ и поработалъ надъ нимъ. Но и эти главы требуютъ тщательнаго пересмотра, глава же XVII о „Наглядномъ обученіи“ показываетъ, что авторъ совершенно не понимаетъ ни значенія этого предмета, ни катихизическаго способа начальнаго преподаванія вообще. Такъ (стр. 176), для объясненія дѣтамъ, что такое дождь, авторъ совѣтуетъ учителю начать катихизическую бесѣду вопросами: „Видѣли ли вы, какъ куютъ желѣзо въ кузницахъ? Зачѣмъ его раскаиваютъ? Отчего не куютъ прямо холодное желѣзо?“ и т. д. Ужъ лучше бы автору начать отъ потопа! На основаніи всего вышесказаннаго книгу г. Шарловскаго „Воспитаніе и начальное обученіе“ никакъ нельзя признать полезнымъ руководствомъ, особенно для нашихъ матерей и сельскихъ учителей.

Руководство къ начальному обученію для учителей народныхъ школъ. Кіевъ 1869 года.

Изъ предисловія къ „Руководству“ видно, что оно составлено нѣсколькими лицами приспособительно къ программѣ педагогій въ духовныхъ семинаріяхъ, для коихъ и назначается какъ учебникъ, хотя въ то же время составители желаютъ, чтобы оно служило какъ для учителей народныхъ школъ, такъ и для другихъ „лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ народнаго образованія“. Такимъ образомъ одна и та же

книга должна служить и учебникомъ для семинарій, гдѣ педагогія преподается въ связи съ общимъ и богословскимъ образованіемъ, людямъ, изучающимъ исторію философіи, психологію, логику, въ связи съ ученіемъ о пастырствѣ, о морали, и т. д., и бѣднымъ полуобразованнымъ народнымъ учителямъ, и лицамъ училищной администраціи. Для составителей какъ-бы исчезло различіе всѣхъ этихъ сферъ между собою. Весьма характеристично также и то обстоятельство, что составители „Руководства“ рѣшительно отказываются отъ всякой претензіи на самостоятельность и оригинальность не только въ содержаніи, но и въ изложеніи своего труда. Это коллективная, эклективная и даже выписная работа, вполнѣ *сборная наука*, по выраженію одного изъ нашихъ педагоговъ. Но справедливо ли составители ставятъ *сборность* выше самостоятельности и противопоставляютъ послѣдней „заботу о наиболѣе приспособленной къ цѣли передачѣ общаго достоянія современной науки“? Намъ кажется, что самостоятельность не только не противорѣчитъ указанной цѣли, но прямо предполагается, требуется ей; мы думаемъ, что нельзя даже написать дѣльнаго учебника, не имѣя самостоятельности. Самостоятельность же эта должна состоять въ томъ, чтобы специалистъ (а не дилетантъ) своего дѣла, изучивъ самостоятельно и всесторонне свою область и относящуюся къ ней литературу, критически обработавъ по крайней мѣрѣ важнѣйшія ея явленія, и на основаніи этихъ работъ составивъ себѣ ясныя и основательныя научно-педагогическія убѣжденія, изложилъ потомъ свой предметъ, какъ *свой*, своею собственною *живою и простою* рѣчью. Въ такомъ только случаѣ и возможно вполнѣ „приспособленное къ цѣли изложеніе науки“. Нельзя же такъ взглянуть на дѣло: дана программа, есть рубрики предметовъ, остается взять нѣсколько книжекъ и выписать изъ нихъ подходящее подъ ту или другую рубрику, что лучше покажется (а *почему* лучше?), и — учебникъ готовъ. Конечно, эта работа и легче и проще; но по такому методу плохіе ученики пишутъ плохія сочиненія. Если же взять во вниманіе еще не вполнѣ установившійся характеръ педагогіи, спорность многихъ даже существенныхъ ея положеній, то такой приѣмъ составителей „Руководства“ окажется уже совершенно непригоднымъ. Отъ недостатковъ не свободны даже лучшія произведенія науки; а при отсутствіи самостоятельности въ составителяхъ учебника, что помѣшаетъ попасть именно этимъ недостаткамъ въ учебникъ? По требованіе самостоятельности усиливается еще характеромъ нашей науки. Нельзя написать дѣльнаго учебника педагогіи, сидя въ кабинетѣ, не посѣщая

школь, не работая практически въ этой области, ограничиваясь исключительно теоретическимъ изученіемъ науки. Это будетъ кабинетное произведеніе, которое не вынесетъ невзгодъ и испытаній дѣла, пробнаго камня всякой теоріи. Въ этомъ отношеніи безусловное отрицаніе самостоятельности въ педагогическомъ руководствѣ есть явленіе вовсе не утѣшительное. Ниже мы увидимъ, что этотъ принципъ создалъ множество ошибокъ въ „Руководствѣ“, такъ что оно само служитъ лучшимъ доказательствомъ несостоятельности вышшняго элективизма въ обработкѣ учебника ¹⁾).

Обращаясь къ „Руководству“ и становясь уже на точку зрѣнія составителей, мы въ правѣ требовать, чтобы 1) при отсутствіи самостоятельности, составители имѣли подъ руками и пользовались по крайней мѣрѣ наиболѣе капитальными трудами по педагогикѣ; 2) чтобы расположеніе и выборъ учебнаго матеріала вполне отвѣчали педагогическимъ требованіямъ учебника, и 3) чтобы „передача достоянія современной науки“ дѣйствительно была приспособлена къ педагогическимъ дѣламъ руководства. Съ этихъ трехъ сторонъ сначала и рассмотримъ „Руководство“. Но, къ сожалѣнію, прежде всего не видно, чтобы составители нашего „Руководства“ были сами знакомы съ современной педагогической литературой, и нѣтъ указанія на пособія для желающихъ слѣдовать совѣту „Руководства“ относительно самообразования (стр. 14).

¹⁾ Нашей педагогической литературѣ особенное счастье на «сборникъ» сочиненій, которыя, правда, по незначительности своей, весьма нерѣдко остаются не замѣченными. Таковы, напримѣръ, «Очерки науки о воспитаніи» г. Тимошенка. Харьковъ. 1866. Подобно составителямъ разбираемаго руководства, авторъ обнаруживаетъ самъ процессъ составленія «Очерковъ». У него упоминаются и Вунтъ, и Милль, и Гегель, и Надеждинъ (Опытъ науки философіи), и нѣтъ самыхъ необходимыхъ педагогическихъ авторитетовъ; въ текстѣ же «Очерковъ» есть и эмбриология, и хиромантия, и краниология, которыя, по словамъ составителя, «хотя и утратили теперь значеніе, но могутъ въ известной (?) степени *помогать* (sic) воспитателю при опредѣленіи свойствъ и качествъ своего воспитанника» (стр. 50). При этомъ составитель тоже ссылается на «сборную» книжку—«Необходимыя свѣдѣнія для родителей», авторъ которой благоразумно скрылъ свое имя. По этой преемственно-сборной наукѣ выходить, что начальникъ заведенія, принимая учениковъ, долженъ основательно проштудировать черты лица, складки ладони и выпуклости черепа у дѣтей, и если у воспитанника носъ небольшой, или уши велики, то не принимать, потому что первое — признакъ неразвитости, а второе—ограниченности и глупости (ibid.). Особенно же должно опасаться длиннаго и остраго подбородка, означающаго «хитрость и вѣроломство» (sic). А «Очерки» тоже учебникъ, изучаемый дѣтми и не въ одномъ заведеніи, а въ несколькихъ.

Вотъ пособія, изъ которыхъ собирали и выписывали свое произведение составители „Руководства“: Куртманъ, Юркевичъ, Ушинскій (Родное слово 3-я часть), журналъ *Учитель* (за 5 лѣтъ), *Журналъ для воспитанія* и неопредѣленное указаніе на сочиненія Брауна, Рикке, Пальмера ¹⁾; вотъ и *вся* педагогическая литература составителей руководства, все „общее достояніе современной науки“, предлагаемое читателямъ. Хотя составители и присоединяютъ къ своему перечню слова: „и другія сочиненія“, но изъ содержанія руководства не видно, чтобъ они пользовались еще и другими сочиненіями.

Не отрицаемъ значенія и достоинства нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ пособій; но рѣшительно не можемъ понять, какъ можно писать педагогическое руководство, не имѣя подъ руками, напримѣръ, для дидактики — Дистервега, для методики — Денцеля, въ частности для катехеза — Динтера, для общей педагогики — Греффе, Ланге, Шмидта и другихъ корифеевъ педагогіи. При отреченіи составителей отъ всякой самостоятельности, и при недостаточности той литературы, изъ которой они собирали и выписывали свой трудъ, неминуемо и само руководство должно было выйдти скудное и недостаточное.

Что касается до самаго изложенія, то составители „Руководства“ уже черезчуръ облегчили себѣ трудъ. Нужно имъ было, напримѣръ, написать о преподаваніи ариѳметики, одинъ изъ составителей раскрываетъ *Учителя*, находитъ въ немъ статью г. Воронова, и безцеремонно списываетъ ее, не обращая вниманія на то, что кромѣ г. Во-

¹⁾ Составители „Руководства“ не потрудились даже указать, какими именно сочиненіями этихъ писателей пользовались составители, если бы кто захотѣлъ самъ ознакомиться съ ними. *Браунъ*, Бельгійскій педагогъ, извѣстенъ, какъ авторъ книги: «Cours théorique et pratique de pédagogie et de méthodologie» I—III. voll. 1854. Сокращеніе этой книги (*Manuel de pédagogie...*) издано имъ въ 1860 г. для нормальныхъ школъ. Изъ произведеній *Рикке*, кромѣ „Исторіи воспитанія“, переложившей въ *Журналъ для воспитанія*, извѣстно его «Erziehungslehre», книга дѣйствительно съ достоинствами. *Пальмеръ*, болѣе извѣстный какъ моралистъ (его «Die Moral des Christenthums» пользуется прекрасною и заслуженною репутаціей), написалъ «Евангелическую педагогику». Если составители приняли въ руководство теоретика-протестанта, то почему они не обратили вниманія на труды богословствующихъ педагоговъ-практиковъ, каковы Ланге, Гразеръ, Греффе, Зайлеръ, Овербергъ, съ высоко-христіанскимъ характеромъ и теплотою внутренняго чувства соединяющихъ практическую привѣтливость и опытность. Минувшаго конвекціональную тенденціозность, мы рекомендовали бы не упускать изъ вида даже католика *Олера* и *Германна*, особенно пригодныхъ по дидактикѣ. Трудъ перваго почти ежегодно выходитъ новымъ изданіемъ, а Германнъ по мастерской обработкѣ и сжатости изложенія можетъ служить образцомъ учебника.

ронова есть Песталоцци, съ его одностороннимъ принципомъ субъективизма, есть Дистервегъ и Гейзеръ, Генчель, Кранке, Унгеръ, Грубе, Шерръ, Церрингеръ, Беме, что каждый изъ этихъ труженниковъ внесъ серьезный вкладъ въ обработку современнаго способа обученія арифметикѣ, и что трудъ методики ея и нынѣ еще далеко не оконченъ ¹⁾. Точно также составители безцеремонно переписываютъ трудъ Мессера, заимствуютъ у Паульсона, эксплуатируютъ Ушинскаго. Какъ бы ни были достоинства всѣхъ этихъ пособій, но нельзя же полагать, что въ нихъ заключается *все* „достоиніе современной науки“ о воспитаніи и обученіи. Кто прочиталъ, напримѣръ, хоть Wegweiser Дистервега, тотъ знаетъ, что онъ въ этомъ одномъ своемъ трудѣ болѣе или менѣе подробно разсматриваетъ до 180 педагогическихъ сочиненій, большею частію капитальныхъ.

Что касается до выбора учебнаго матеріала, то составители „Руководства“ хотя и назначаютъ его учебникомъ для семинарій, ограничиваютъ однако же его содержаніе только *дидактикой*, тогда какъ, согласно съ требованіемъ устава, слѣдовало бы преподавать теорію воспитанія въ V-мъ классѣ, а дидактику—въ VI-мъ, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, если вдаваться въ многословіе и растянutosть, увлекаться бесполезнымъ краснорѣчіемъ, чѣмъ сильно страдаетъ наше „Руководство“, или каждый вопросъ программы обрабатывать специально, монографически, то времени не достанетъ и на дидактику; но неумѣстность академическихъ чтеній въ семинаріи всякому понятна. А между тѣмъ, если совершенно игнорировать ученіе о воспитаніи, то дидактика не будетъ имѣть надлежащаго основанія; это будетъ сборникъ правилъ относительно учебной техники, не болѣе. Статья, напримѣръ, о физическомъ воспитаніи имѣетъ непосредственное и важное примѣненіе какъ въ школьной гигиенѣ (о чемъ и не упоминается въ „Руководствѣ“), такъ и въ домашнемъ воспитаніи; а всѣ дидактическіе приемы носятъ психологическій характеръ; слѣдовательно, ученіе о психическомъ воспитаніи не выдѣлимо изъ содержанія рациональной дидактики.

Замѣтимъ при этомъ, что преподаваніе педагогіи въ цѣломъ ея составѣ въ семинаріи значительно облегчается тѣмъ, что воспитанники, изучающіе педагогію, принадлежатъ къ высшимъ классамъ и

¹⁾ Въ русской педагогической литературѣ также заслуживаютъ вниманія труды Гурьева, Ильина, Евтушевскаго, Лева и опыты примѣненія къ нашей школѣ различныхъ способовъ рациональнаго обученія арифметикѣ, каковы «Арифметика» Паульсона (по Грубе), «Самоучитель» Бреховецкаго (по Церрингеру).

предварительно проходить курсъ психологіи, которая поставлена нынѣ въ семинаріяхъ очень серіозно, и для которой есть основательное классическое руководство г. *Чистовича*, болѣе чѣмъ на половину облегчающее трудъ педагога; нужно умѣть только воспользоваться даннымъ матеріаломъ и поставить обѣ науки въ непосредственную связь, такъ чтобъ одна служила естественнымъ дополненіемъ и практическимъ примѣненіемъ результатовъ другой. Уставъ семинарій, поручая обѣ эти науки *одному* преподавателю, очевидно, утверждаетъ указанную между ними связь. Составителямъ руководства слѣдовало бы принять это во вниманіе, и не гоняясь за многими цѣлями, спеціально приспособить свой учебникъ къ семинарскому курсу. Всякому преподавателю педагогіи извѣстно, какъ слабы бывають тѣ учителя, которые усваивають дидактическіе приемы только съ внѣшней, технической стороны. Они бродятъ въ потемкахъ, оцупью; они не способны ни измѣнить, ни улучшить приема, и нерѣдко, соблюдая всѣ формы и мелочныя подробности самаго лучшаго, испытаннаго метода, терпятъ совершенное *фіаско* въ практикѣ. А дѣло просто. Средства педагогіи не походятъ на отвлеченныя математическія формулы, примѣнимыя ко всякимъ количествамъ; изъ того, что два учителя учать грамотѣ, напримѣръ, по звуковому способу, вовсе не слѣдуетъ, что они дѣлають одно и то же, хотя бы приемы ихъ и были одинаковы; тайна метода заключается въ его глубокой и общей педагогической основѣ, обуславливающей собою всѣ внѣшнія формы. Если опытъ и дидактическіе приемы не опираются на общія педагогическія и психологическія основанія, то они обращаются въ рутину, механизмъ, а учитель — въ техника, въ машину, исполнительную, пожалуй, но неспособную къ самоусовершенію и улучшенію своего труда. Еще за 200 лѣтъ до нашего времени Амосъ Коменскій пытался поставить элементарное обученіе на психологическую основу; нынѣ требованіе это—общепризнанный законъ педагогіи; оно ясно высказывается и уставомъ семинарій, требуется и сущностію дѣла. Учить элементарнаго учителя только дидактикѣ значило бы почти то же, что обучать медиковъ только рецептурѣ: такіе учителя будутъ только портить дѣтей своею образцовою техникой, при чемъ будутъ считать себя знатоками дѣла, черпая самоувѣренность въ сознаніи, что хотя результаты и плохи, но они поступаютъ „по всѣмъ правиламъ искусства“. Мы убѣждены, что отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ будущность педагогіи въ семинаріяхъ, ея сила и вліяніе на жизнь, и если составители нашего „Руководства“ дѣйствительно полагають, что курсъ пе-

дагогии въ семинаріяхъ долженъ ограничиваться только дидактикой, то они жестоко погрѣшаютъ.

Приспосабливая изложеніе своего труда къ семинарской программѣ педагогін, составители допускали въ ней нѣкоторыя измѣненія „не въ ущербъ дѣла“, скромно говорятъ они. Но эти измѣненія нельзя назвать удачными. Такъ, расположеніе учебнаго матеріала общей части „Руководства“ отличается безсвязностью, спутанностью и сбивчивостью. Возьмемъ хоть статью „О началахъ обученія“. Составители признаютъ за „начала“ *характеръ* и свойства обученія, что, понятно, не одно и то же. Началомъ обуславливается характеръ дѣятельности, въ характерѣ проявляется начало; но отождествлять ихъ и замѣнять одно другимъ не справедливо. Далѣе, „начала“ смѣшиваются и съ частными правилами, требованіями, иногда даже съ формами обученія. Самыя рубрики для обозначенія „началь“ взяты произвольно и неудачно, дѣленіе ихъ искусственно, что отразилось и на изложеніи ихъ, отличающемся спутанностью, сбивчивостью, повтореніями. Приведемъ факты:

Составители находятъ *три* начала обученія— „истинность, охотность и гармонія“. Прежде всего, „начала“ ли это? Что лежитъ въ основѣ этихъ началъ, откуда они извлекаются? На стр. 5-й мы встрѣчаемъ такое соображеніе: „Истина есть *первое* свойство знанія, *поэтому* истинность есть *первое начало* обученія“. Но всякому понятно, что иное дѣло объективная истинность знанія, составляющая предметъ специальныхъ наукъ, имѣющая основаніемъ міръ изслѣдуемыхъ явленій, и совсѣмъ иное дѣло область воспитательной дѣятельности. Составители опустили изъ виду, что основныя начала обученія имѣютъ психологическое основаніе, выводятся изъ общаго ученія о воспитаніи и опираются на постоянныя законы развитія человѣческаго духа, открывающіе себя неизмѣннымъ рядомъ явленій. Впрочемъ, и своему принципу составители остаются не вѣрны, потому что остальные „начала обученія“ извлекаются совершенно изъ другихъ основаній. Переходомъ къ слѣдующему началу обученія — „охотности“ служитъ положеніе, что обученіе не должно ограничиваться сообщеніемъ только свѣдѣній, но „должно и воспитывать“: наивное увѣреніе, которое даетъ читателю полное право предположить, что сейчасъ прочитанное начало — „истинность обученія“ не дѣйствуетъ воспитательно на учениковъ, есть что-то вышнее относительно охотности, и что только „охотность“ имѣетъ воспитательное значеніе. Въ „Руководствѣ“ совершенно опущенъ далѣе вопросъ, влияетъ ли „истинность“ на „охотность“, и имѣютъ ли начала

обученія какое-либо взаимное отношеніе между собою. Самый терминъ — „охотность“ (благодарность) отличается неопредѣленностью и бессодержательностью; не видно, свойство ли это учителя, или качество ученика, или характеръ самаго обученія, для котораго охотность служить въ то же время „началомъ“. Понятіе это притомъ же такъ широко и эластично, что подъ него можно подвести и „истинность“, и „гармонію“, потому что то и другое обусловливаетъ „охотность“: любить ложь не естественно, изучать и преподавать ложь никто не станетъ охотно, а отсутствие „гармоніи“ тоже вредитъ охотности, и на оборотъ, „гармонія“ вызываетъ „охотность“.

Въ изложеніи „началъ обученія“ мы находимъ невѣроятное сочетаніе самыхъ разнородныхъ трактатовъ о разныхъ педагогическихъ матеріяхъ. Въ „истинности“, на примѣръ, трактуется о томъ, что „истинность знанія состоитъ въ согласіи нашихъ умопредставленій о предметахъ съ самими предметами“ (§ 7 и дал.); затѣмъ идетъ многословный трактатъ о самообразованіи учителя (§ 8), далѣе — о приготовленіи къ урокамъ, затѣмъ „объ убѣдительности, ясности, прочности обученія“, „о правильности всѣхъ вообще формальныхъ дѣйствій и въ особенности красотъ (sic) изложенія мыслей“, „о независимости обученія“ и т. д. Вся эта масса самыхъ разнородныхъ отвлеченныхъ понятій именуется „истинностью“, почему-то названною началомъ обученія, и занимаетъ 26 страницъ руководства. Такимъ же образомъ изложены и другія два начала обученія, при чемъ одно и то же нерѣдко повторяется во всѣхъ статьяхъ о „началахъ“. Въ „охотности“, на примѣръ, мы встрѣчаемъ статью о занятіяхъ учителя, о чемъ уже было сказано въ „истинности“. Въ „охотности“ же далѣе говорится о прилежаніи, объ усиліяхъ и напряженіи учениковъ (стр. 39), но и въ „гармоніи“ ниже развивается „энергія души“, сосредоточенность дѣйствій учениковъ (стр. 56). Подъ рубрикою „гармонія обученія“ говорится „о приспособленіи обученія къ дѣйствительной жизни“; но развѣ это требованіе не будетъ содѣйствовать развитію „охотности“ въ дѣтахъ? А если такъ, то зачѣмъ же оно попало въ „гармонію“? То же должно сказать о соединеніи умственного образованія съ нравственно-религіознымъ (стр. 65), о примѣрѣ учителя (стр. 71). Предоставляя желающимъ лично убѣдиться въ путанницѣ, которая господствуетъ въ остальныхъ частяхъ общей дидактики „Руководства“, замѣтимъ только, что такая спутанность, смѣшанность представленій, отсутствіе ясности и опредѣленности, сбивающія съ толку даже взрослыхъ читателей, совершенно непригодны для учебника. Какъ сбив-

чиво изложена въ нашемъ „Руководствѣ“ общая дидактика, легко убѣдиться нагляднымъ опытомъ. Раскрываемъ на удачу § 12, „убѣдительность преподаванія“. Спрашивается: къ какому началу обученія отнести эту статью? Конечно, къ „охотности“, думаетъ читатель, потому что убѣдительность есть первое условіе охоты къ ученію. Руководство относитъ ее къ „истинности“, хотя въ то же время и въ „охотности“ есть „живость убѣжденія, мыслей“ (стр. 36), — значитъ, можно отнести куда угодно. Новый опытъ: куда отнести „красоту изложенія мыслей“ (§ 17)? Красота безъ гармоніи не мыслима; но красота вызываетъ и охотность. Въ руководствѣ красота приписана „истинности“. Какая ясность и отчетливость въ изложеніи началъ обученія (напримѣръ, у Дистервега, не смотря даже на относительную слабость обработки у него этой статьи), и какая темнота и путанница у составителей нашего „Руководства“!

Второй отдѣлъ общей дидактики — о методахъ — представляетъ ту же сбивчивость. Въ „Руководствѣ“ смѣшиваются такія понятія, какъ методъ и приемъ; къ методамъ причислены задачи и экзамены; не умѣстенъ въ элементарномъ руководствѣ трактатъ о методахъ научныхъ, это дѣло логики; наконецъ, „Руководство“ не представляетъ яснаго и отчетливаго пониманія того, въ чемъ заключается сущность метода научнаго, чѣмъ онъ отличается отъ педагогическаго, и нѣтъ точнаго опредѣленія этого послѣдняго. Научный методъ объективенъ, его задача — представить знаніе въ стройномъ органическомъ развитіи, не зависимо отъ цѣлей и условій внѣшнихъ; педагогическій методъ, имѣя въ виду легкость и удобство усвоенія знаній и воспитательное вліяніе обученія, субъективенъ и приспособляетъ расположеніе учебнаго матеріала къ условіямъ и законамъ общаго развитія дѣтской личности.

Въ статьѣ о методахъ обращаетъ также на себя вниманіе своею скрупулезностью, формализмомъ и непониманіемъ дѣла § 49-й — объ экзаменахъ. Статья начинается схоластическимъ опредѣленіемъ: „экзаменъ есть испытаніе“ и т. д.; затѣмъ слѣдуетъ „практическая“ (а теоретическая?) цѣль экзаменовъ: а) опредѣленіе *правъ* (sic) воспитанника въ школѣ и въ жизни (а какія права даетъ наша элементарная школа?) и б) открытіе успѣховъ учениковъ. Затѣмъ идутъ *правила* экзаменовъ, въ родѣ того, что „не должно экзаменовъ смѣшивать съ повтореніями“, „не должно сосредоточивать значенія экзаменовъ и на задачахъ“ (?), при чемъ вовсе не указывается, на чемъ должно „сосредоточивать значеніе (?) экзаменовъ“, — этотъ пунктъ мо-

жетъ служить образцомъ безсодержательнаго многословія (стр. 104). Далѣе почти на цѣлой страницѣ развивается преподлезное *правило*: „экзамены не должны быть такъ часты, какъ повторенія и задачи“ (стр. 104—105). Составители отстаиваютъ даже давно покинутые нынѣ *публичные экзамены*.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ частностяхъ въ развитіи положеній общей дидактики.

Стр. 10. „Учитель долженъ быть внимателенъ не только къ отзывамъ и сужденіямъ о немъ другихъ лицъ, высшихъ и равныхъ ему по развитію, но даже и низшихъ, *особенно своихъ учениковъ*“. Изъ нижеслѣдующаго видно, что сужденіе это заключаетъ въ себѣ отзывы о свѣдѣніяхъ учителя, о неточности, смутности, даже невѣрности понятій его и т. д.; но могутъ ли *дѣти* судить о подобныхъ вещахъ и слѣдуетъ ли учителю прислушиваться къ такимъ сужденіямъ?

Трактатъ „объ общегодномъ и общепризнанномъ“, о частныхъ и недозрѣлыхъ мнѣніяхъ“ и проч. (стр. 14—15) съ удобствомъ можно опустить.

Тирада объ убѣжденіяхъ вызываетъ недоумѣнія.

„Если учитель“, говорится въ „Руководствѣ“, „не имѣетъ надлежащаго убѣжденія только въ нѣкоторыхъ частяхъ (sic) преподаваемаго имъ предмета, то черезъ это преподаваніе его не лишится своей теплоты и силы, ни онъ самъ — довѣренности учениковъ“ (стр. 16).

Какъ понимать эту индульгенцію на „сомнѣніе въ нѣкоторыхъ частяхъ предмета“, и какъ примѣнить ее къ дѣлу въ элементарномъ обученіи? Положимъ, учитель учитъ ариметикѣ или грамотѣ и „не имѣетъ надлежащаго *убѣжденія* въ нѣкоторыхъ частяхъ преподаваемаго предмета“, дѣло значитъ, пойдетъ успѣшно? Но далѣе есть еще „шаткость *убѣжденій* въ цѣломъ предметѣ“, — что значитъ и какъ разумѣть эту шаткость въ примѣненіи къ курсу и программѣ элементарной школы?

§ 14. „*Основательность* обученія требуетъ, чтобъ ученики усвоили свѣдѣнія съ *яснымъ сознаніемъ основъ, на которыхъ они (?) опираются*“. Не понятно и не удобоприложимо. Учитель, напримѣръ (примѣры для такихъ случаевъ очень полезны, само же „Руководство“ избѣгаетъ ихъ и вообще „безпримѣрно“), учитъ дѣтей чтенію или ариметикѣ, и желая примѣнить къ дѣлу благой совѣтъ, невольно задумывается, какъ бы это сдѣлать, чтобъ ученики усвоили свои *a, e, i, o* и т. д. или 2×2 „съ *яснымъ сознаніемъ основъ, на которыхъ они опираются*“. Въ недоумѣніи онъ обращается къ частной методикѣ, но нигдѣ не находитъ разрѣшенія загадки. А дѣло просто. Изъ

многословнаго объясненія далѣе видно, что составители рекомендуютъ учителю сперва изучить основное и простое, а потомъ сложное и трудное. Эта мысль, изложенная у Дистервега, напримѣръ, практически, съ ясностью и убѣдительною живаго факта, въ „Руководствѣ“ затемнена, лишена практичности и бесполезно истолковывается на нѣсколькихъ страницахъ, когда ее можно высказать въ четырехъ, пяти строкахъ, а остальное мѣсто посвятить примѣрамъ и образцамъ ея выполнения. Такими схоластическими опредѣленіями наполнено все „Руководство“. Чтò, напримѣръ, извлечетъ учитель народной школы изъ слѣдующаго образцоваго опредѣленія „точности свѣдѣній о предметѣ“:

„Точность требуетъ, чтобы предметъ представлялся въ сознаніи ученика со *всѣми* существенными *признаками* или *качествами* своими, какъ онъ есть въ дѣйствительности, чтобы такимъ образомъ умопредставленіе о немъ во *всѣхъ чертахъ* или *качествахъ* было *согласно съ своимъ первообразомъ* и не смѣшивалось съ представленіями о другихъ предметахъ“ (стр. 17).

Въ статьѣ о „прочности“ (sic) обученія учитель обязывается „тщательно повѣрять, испытывать свѣдѣнія и понятія ученика *при самомъ возникновеніи ихъ въ сознаніи его*“ (стр. 23); позволяемъ себѣ сомнѣваться въ исполнимости такого требованія.

Разсужденіе „о переуточенной (!) основательности“ (стр. 20—21) безъ всякаго вреда дѣлу и достоинству книги совсѣмъ слѣдовало бы оставить ради его непрактичности.

Намъ остается сказать о языкѣ, каковымъ написана эта часть „Руководства“ и затѣмъ перейти къ замѣчаніямъ относительно частной дидактики. Вообще говоря, языкъ руководства довольно простъ, по крайней мѣрѣ, составители желали этого достигнуть, хотя не вездѣ удачно. Общая часть страдает отвлеченностью; во многихъ мѣстахъ рѣчь переходитъ въ риторическій натянутый „высокій слогъ“; есть мѣста неточныя по выраженію, иногда мало понятныя; есть выраженія искусственныя. Вотъ нѣкоторые образцы такого рода погрѣшностей противъ языка.

Стр. 16. „Знаніе непосредственно *ложится на душу* слушателей“, вмѣсто — усваивается.

Стр. 27. „Путь отрицанія усѣянъ болѣе терніями и заблужденіями, чѣмъ плодами истиннаго знанія“ — образецъ „высокаго слога“.

Попадаются выраженія: „Изысканная эффектность“, „авторитетъ *общепризнательности*“, „оригинальничанье“, „педаантскіе-основательныя разсужденія“, „переуточенная основательность“ — выраженія малопонятныя для народнаго учителя, искусственныя.

Стр. 169. „Происхождение различныхъ способовъ (обученія письму) имѣло свою историческую причину (одну? какую?); они (?) полагали свою главную цѣль въ томъ требованіи, которое до того времени (?) было упущено (кѣмъ?) изъ виду“. Весьма не вразумительно.

Стр. 150. Обученіе чтенію „производится *посредствомъ* особаго *ящика* съ перегородками, въ которыхъ расположены буквы“, вмѣсто *посредствомъ* передвижныхъ *буквъ*, расположенныхъ въ ящикѣ съ перегородками, — выраженіе не точное.

Стр. 84. Объясненіе. „Оно есть *объясненіе* или *толкованіе* знаковъ данныхъ *понятій*, *умопредставленій*, соединенное съ *развитіемъ*, *раскрытіемъ* самыхъ понятій“. Безполезное отвлеченное многословіе.

Перехода отъ общей дидактики къ частной, замѣтимъ, что въ „Руководствѣ“ совершенно нѣтъ связи между обѣими частями, и если, напримѣръ, выбросить общую часть, то ущерба ни малаго второй части не будетъ. Частная дидактика заключаетъ въ себѣ: *наглядное обученіе*, *обученіе грамотѣ*, *письму*, *закону Божию*, *родному языку*, *арифметикѣ*, *русской исторіи*, *географіи*, *тѣнию*, — словомъ, полный курсъ элементарной школы.

Наглядное обученіе изложено въ „Руководствѣ“ сравнительно полнѣе другихъ предметовъ; но богатое общими соображеніями, оно бѣдно содержаніемъ и мало можетъ помочь элементарному учителю, имѣющему подъ руками одно „Руководство“. Ни опредѣленнаго *плана* расположенія учебнаго матеріала, ни *порядка* вопросовъ, ни изложенія *формъ* современнаго преподаванія этого предмета въ „Руководствѣ“ нѣтъ. Хотя составители указываютъ здѣсь на Шмидта, Кнауса и реалиста Гардера (въ примѣчаніи), но не видно, чтобъ они имѣли знакомство съ этими авторами. Гораздо лучше было бы, опустивъ многословныя отвлеченныя объясненія, представить сжатый историческій очеркъ нагляднаго обученія, развитіе его началъ, содержанія и задачъ, критически разобрать главныя его формы, представить лучшіе его приемы, и что важнѣе всего, снабдить руководство примѣрными уроками. Но въ „Руководствѣ“ ничего этого нѣтъ.

Самое изложеніе нагляднаго обученія отличается растянутостью, многословіемъ, мелочностью; но что особенно поразило насъ, это совѣтъ — для начала нагляднаго обученія въ школѣ штудировать съ дѣтьми „святую икону“. Съ своей стороны мы не только находимъ этотъ приемъ не удачнымъ, но рѣшительно не совѣтуемъ учителямъ ему слѣдовать. По святости самаго предмета, съ нимъ и нужно обра-

щаться съ благоговѣніемъ, особенно осторожно на первыхъ порахъ развитія дѣтскаго чувства. Стоитъ прочесть всю тираду „Руководства“ объ этомъ совѣтѣ (стр. 138—140), чтобы видѣть его безважность. Когда учитель начнетъ объяснять, а дѣти повторять, что икона-де дѣлается изъ дерева, пишется красками, затѣмъ представитъ самый процессъ работы и т. д., всѣ эти разказы и вопросы (они требуются сущностью нагляднаго обученія) едва-ли возбуждаютъ въ дѣтяхъ „добрыя начала“. Составители совѣтуютъ анализировать даже *выраженіе лица* святаго, разсматривать одежды святыхъ, при чемъ необходимо придется говорить объ омофорѣ, саккосѣ, фелони и т. д.; затѣмъ совѣтуютъ тутъ же передавать дѣтямъ различія мучениковъ, праведныхъ, преподобныхъ, угодниковъ, блаженныхъ и т. д., и все это для дѣтей, впервые вступающихъ въ школу, „для возбужденія добрыхъ чувствъ“. Намѣреніе — доброе, но предлагаемое средство не достигаетъ цѣли. Зная же подготовку нашихъ учителей, мы рѣшительно совѣтуемъ, и особенно для *первыхъ* опытовъ (первый блянъ, по пословицѣ, всегда комомъ), оставить икону въ сторонѣ. Пусть она будетъ служить для молитвы, а для нагляднаго обученія есть много другихъ предметовъ. Пусть ученики знаютъ святую икону, узнаютъ имя святаго иконы класной, передайте имъ разказъ о его жизни, пусть дѣти молятся ему сознательно и съ благоговѣніемъ, но пусть они не подвергаютъ иконы методическому анализу по приемамъ нагляднаго обученія. То же самое изображеніе на картинкѣ—иное дѣло. Напрасно также составители опустили другой богатый источникъ для нагляднаго религіознаго обученія — церковное богослуженіе, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющее требованію наглядности.

Обученіе грамотѣ, не смотря на довольно значительный объемъ (22 стр.) и важное значеніе въ элементарномъ курсѣ изложено весьма неудачно, далеко хуже другихъ предметовъ.

Составители говорятъ, что есть *три* способа обученія грамотѣ—буквосочетательный, силлабическій и звуковой (§ 61-й); отъ чего методъ письма-чтенія не попалъ въ „способы“ — неизвѣстно, хотя о немъ и трактуется вкратцѣ въ концѣ статьи. Въ самомъ изложеніи этой статьи много недостатковъ. Замѣтно, что составители не выяснили себѣ мысль, для чего нужно разсматривать *различныя* способы обученія грамотѣ—это ясно видно изъ выводовъ, которыми они заключаютъ свой обзоръ способовъ. Выводы эти замѣчательны и служатъ живымъ доказательствомъ несостоятельности эклектизма, принятаго составителями за принципъ обработки учебника. Длиннота этихъ вы-

водовъ (около 3-хъ стр.) не позволяетъ намъ выписать ихъ сполна, и потому ограничимся только существеннымъ.

„Вся указанные способы обученія грамотѣ болѣе или менѣе (?) хороши, говорить составители „Руководства“; каждый съ извѣстной стороны (?) имѣеть преимущество передъ другимъ вообще и преимущество относительно извѣстнаго (?) языка и даже извѣстныхъ (?) способностей ученика въ частности, и каждый имѣеть свои затрудненія (стр. 157). И ниже: „Безусловно дурнаго или же безусловно хорошаго способа обученія грамотѣ нѣтъ; слѣдовательно (,) нѣтъ надобности непременно и всегда держаться лишь одного какого-либо изъ указанныхъ способовъ (,) а нужно знать и употреблять тотъ или другой изъ нихъ (,) смотря по тому (,) гдѣ который требуется (,) при соблюдаясь къ обстоятельствамъ“ (тамъ же).

Чтобы вполнѣ понять односторонность и непоследовательность этихъ соображеній, нужно сравнить ихъ съ изложеніемъ недостатковъ буквосочетательнаго способа (стр. 147), который обличается въ механизмѣ, въ мучительности, въ непонятности, въ отупленіи способностей учениковъ, и который, въ приведенномъ текстѣ, приравнивается — звуковому. Но читатель еще болѣе затрудняется, читая далѣе, что всѣ способы должны *помогать* звуковому, „то-есть, въ основѣ каждого приема (и буквосочетательнаго?) долженъ быть звуковой, а другіе (буквосочетательный, напримѣръ), должны только помогать ему“ (стр. 159). Составители не объясняютъ, какъ буквосочетательный способъ можетъ „помогать звуковому“, и предоставляютъ учителю самому рѣшить задачу, по нашему мнѣнію, не разрѣшимую. Такія мнѣнія поражаютъ, конечно, всего болѣе приверженцевъ стараго букварнаго способа, а ихъ у насъ встаети еще довольно.

„Иной и по старому методу учить хорошо“, говоритъ „Руководство“, „и дѣло идетъ хорошо (хотя послѣднее рѣдко бываетъ), а другой и новаго метода держится, но успѣха мало имѣеть; это объясняется тѣмъ, что первый владѣеть своимъ приемомъ (еще бы! по старому это такъ не хитро, сиди да покрикивай), какъ основательно усвоеннымъ, а послѣднимъ владѣеть приемъ, — онъ (?), не разобравъ, не потрудившись узнать сущности дѣла (,) слишкомъ довѣрчиво и поспѣшно взялся за новый (стр. 159).

Кому не приходилось встрѣчать этихъ педагоговъ, которые одинаково смѣло владѣють своимъ способомъ обученія, какъ иглою и шиломъ, и опираясь на свою опытность, безнаказанно мучать учениковъ въ томъ убѣжденіи, что виноватъ не методъ, а дѣнь, про которую нужны лозы, — теперь они поднимаютъ голову. Возвращенія „Руководства“ ведутъ къ педагогическому квіетизму и застою. Если все дѣло не въ достоинствѣ метода, а въ томъ, кто какъ владѣеть имъ, хотя бы самый способъ нигуда не годился, то нечего учителю учиться,

изучать методы, а нужно, не развлекаясь, усвоить получше свой методъ, свой букварь и все. Итакъ, выводъ составителей изъ историческаго обзора различныхъ способовъ обученія грамотѣ состоитъ въ убѣжденіи, что *есть* способы и хороши и худы „въ извѣстной степени“, — соображеніе, не оправдываемое дѣломъ. Въ историческомъ обзорѣ способовъ обученія, напротивъ, есть — и это слѣдовало бы показать — постепенное усовершеніе ихъ, улучшение и развитіе приѣмовъ; а если всѣ способы одинаковы, то не понятно, для чего составители и описывали различные способы. Правда, что они указываются программой, которою руководились составители. Но программа не безъ цѣли же рекомендуетъ историческое знакомство съ различными методами; педагогическій индифферентизмъ, къ которому пришли составители, принадлежитъ имъ, а не программѣ. Въ историческомъ изложеніи способовъ обученія грамотѣ „Руководство“ рабски держится одной только статьи Паульсона, сокращая ее мѣстами весьма неудачно. Это легко провѣрить. Паульсонъ писалъ, напримѣръ, о способахъ *Гедике, Оливье, Шульца, Гинча*, есть они и въ „Руководствѣ“, хотя два послѣдніе только поименованы; Паульсонъ не писалъ о способѣ *Жакото*, нѣтъ его и въ „Руководствѣ“, хотя у насъ есть и учебники, составленные по этому способу; по той же, вѣроятно, причинѣ нѣтъ изложенія способовъ *Фогеля, Беже* и др. Нормальный способъ обученія чтенію въ „Руководствѣ“ изложенъ по Куртману, который держится *звуковаго-синтетическаго* приѣма, но кромѣ того, что онъ у Куртмана изложенъ весьма неудачно, извѣстно, что этотъ приѣмъ давно уступилъ мѣсто способу *письма-чтенія* (Schreib-Leseunterricht), котораго составители касаются только мимоходомъ, излагая притомъ его поверхностно и невѣрно. Составители говорятъ, что въ этомъ способѣ письмо стоитъ „на первомъ мѣстѣ“, и начинается онъ съ того, что дѣти ставятъ точки и т. д. Но дѣло не въ точкахъ, а въ *устныхъ* предварительныхъ упражненіяхъ, *одновременно* съ которыми идутъ и письменныя упражненія. При этомъ въ „Руководствѣ“ не упоминается, хотя это весьма важно, что устныя упражненія могутъ быть располагаемы или по синтетическому способу, или по аналитическому, и послѣдній, о которомъ и слова нѣтъ во всей книгѣ, предпочтительнѣе перваго, какъ болѣе легкой, интересней для дѣтей и живой. О достоинствахъ способа письма-чтенія сказано вообще, мимоходомъ, точно ради приличія, и дѣло ни мало не разъяснено. Составители начинаютъ съ того, что признаютъ за этимъ способомъ „видимую трудность и запутанность“, тогда какъ

известно, что онъ наиболѣе отличается легкостью, удобствомъ и простотою, и составители дагѣ сами называютъ его „естественнымъ“. А между тѣмъ этотъ способъ не только принять вездѣ почти за границу, не только имѣть богатую иностранную литературу, но и у насъ давно известенъ и не разъ излагался въ нашихъ педагогическихъ изданіяхъ. Такъ, объ этомъ способѣ у насъ писали еще въ 1863 году въ *Журналъ для воспитанія*, гдѣ было изложено обсужденіе его на общемъ XIII-мъ учительскомъ съѣздѣ въ Герфѣ. О методѣ *Фогеля* была дѣльная статья въ *Журналъ для родителей и наставниковъ*, составленная по Риссманну. Разумѣется, эти статьи скудны, сравнительно съ свѣдѣніями, которыя можно было почерпнуть, напримѣръ, у Дистервега, Шмидта, Кера и Шлимбаха, но и они могли бы дать составителямъ „Руководства“ болѣе правильный взглядъ на дѣло ¹⁾. Замѣчательно, что и лучшія наши руководства обученія чтенію составлены тоже по способу письма-чтенія, каковы Ушинскаго Орбинскаго, Паульсона, Шарловскаго.

Обученіе письму составители почти дословно заимствовали у Месера, изъ журнала *Учитель*. Самъ по себѣ способъ хорошъ и носить вполне педагогическій характеръ, хотя при этомъ не мѣшало бы принять во вниманіе и другія статьи по этому предмету, напримѣръ, статью, помѣщенную въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1868 г. за іюнь. Въ самомъ изложеніи можно указать слѣдующіе недостатки: 1) недостаточность разбора стараго способа сравнительно съ новымъ, 2) неполноту и поверхностность въ изложеніи современныхъ методическихъ приемовъ письма и педагогическихъ началъ обученія ему, и 3) отсутствіе библиографическихъ указаній и оцѣнки русскихъ учебныхъ пособій, съ которыми придется имѣть дѣло учителю.

Изложеніе обученія закону *Божію* отличается особенною полнотою, благочестивымъ настроеніемъ и сравнительно удачнѣе другихъ предметовъ, хотя и оно также страдаетъ многословіемъ, мѣстами отвлеченностью, а иногда нѣкоторою неопредѣленностью. Напримѣръ, „Руководство“ находитъ, что при объясненіи догматовъ вѣры сравненія съ одной стороны не объясняютъ дѣла, съ другой — могутъ породить ложныя понятія, и заключаютъ: „чтобъ однажды навсегда избѣжать этой опасности, наставникъ поступитъ очень хорошо, если не станетъ изъискывать сравненій воображеніемъ“ (стр. 209), а затѣмъ сейчасъ же измѣняетъ рѣшеніе добавленіемъ, что „сравненіе, примѣръ,

¹⁾ Историческій очеркъ этого метода см. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1870 г. за іюль, въ статьѣ о «Начальной школѣ» барона Корфа.

съ осторожностью подобранный, могутъ быть весьма полезны“, — выходить и нельзя подыскивать, и надо подыскивать сравненія. Относительно общихъ отвлеченныхъ выраженій, наполняющихъ эту статью, каковы „общія педагогическія требованія“, „живенность“, „задушевность“, „живое убѣжденіе“ и т. п. понятій, разясняемыхъ чисто теоретически, должно сказать, что они мало помогаютъ дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвлеченность переходитъ въ неопредѣленность и дѣлается труднопонимаемою; на примѣръ, на стр. 211-й „Руководства“ сказано: „догматы вѣры и правила нравственности весьма тѣсно связаны между собою, такъ какъ въ догматахъ содержится причина того или другаго нравственнаго правила, также какъ и побужденіе слѣдовать этимъ правиламъ“. Большинство нашихъ народныхъ учителей навѣрное затруднится понять это положеніе, разумѣется, о примѣненіи его къ дѣлу нечего и думать; удачный примѣръ могъ бы поправить дѣло, но на примѣрн „Руководство“ скупю.

Что касается требованія, „чтобы дѣти умѣли хорошо отличать *главныя*, существенныя обязанности отъ другихъ, которыя можно назвать вспомогательными и *второстепенными*“ (стр. 211), то, кромѣ неопредѣленности самого правила, его нельзя назвать педагогическимъ. Едва-ли для дѣтскаго возраста полезна будетъ нравственная казуистика, дѣленіе обязанностей на главныя и второстепенныя; слишкомъ рано вносить это дѣленіе въ непосредственную цѣлость дѣтской природы; пусть дѣти сперва научатся уважать и исполнять *всякую* обязанность, а дѣленіе ихъ — послѣ. Остальныя, относящіяся сюда правила (ib. 2, 3, 4) тоже не отличаются ни практичностью, ни опредѣленностью и напоминаютъ тѣ полезныя истины, которыя писались въ прописяхъ, никѣмъ не оспаривались и ни на кого не дѣйствовали. Лучшую сторону этой статьи безспорно составляетъ ея искренно религіозная настроенность, благодаря которой она читается легко; въ методическомъ же отношеніи ей недостаетъ многого. Именно: 1) нѣтъ подробнаго распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ, — недостатокъ, особенно ощутительный для начинающихъ; 2) методическое развитіе учебнаго матеріала не обработано; общія указанія, сдѣланныя на этотъ счетъ, нельзя считать удовлетворительными по самой ихъ общности; 3) методическіе способы религіознаго обученія совершенно оставлены въ сторонѣ, названы почему-то „внѣшними“ и упомянуты будто случайно (стр. 192, при чемъ составители опять принимаютъ методъ и пріемъ за одно и то же), тогда какъ въ обладаніи этими способами и состоитъ практическая задача методики. Говоря

о методах акроаматическомъ и діалогическомъ, руководство совершенно умалчиваетъ о наиболѣе пригодномъ — эвристическомъ. При этомъ, и недостаточно, и бесполезно, упомянувъ приемъ, ограничиваться общими логическими его опредѣленіями; желательное изложеніе въ подробностяхъ и образцахъ, какъ именно употреблять его въ дѣло, для чего труды Оверберга, Кельнера, Вурста и другихъ педагоговъ даютъ богатый матеріалъ; 4) недостаточно и обще сказано также о пользованіи картинами въ религіозномъ обученіи, — пять относящихся сюда строкъ сказаны, видимо, только ради данной рубрики программы; 5) катехезъ въ примѣненіи къ религіозному обученію также не обработанъ. И въ общей дидактикѣ онъ опущенъ безъ вниманія, и здѣсь не показаны его приемы, формы, практическое примѣненіе. Катехетика современной германской педагогій вдалась въ крайность, мелочность и педантизмъ, но отсюда еще нельзя выводить непригодности этой древнѣйшей формы религіознаго наученія въ элементарномъ обученіи. Аналитическій и синтетическій приемы катехеза весьма своеобразны, знакомство съ обоими не бесполезно для учителей, тѣмъ болѣе, что дѣльнаго изложенія ихъ донныѣ еще нѣтъ въ русской литературѣ.

Прочитавъ изложеніе обученія *арифметикъ*, мы пожалѣли, что въ программѣ, которою руководились составители, не было указанія на изложеніе различныхъ способовъ обученія этому предмету, какъ это сдѣлано въ обученіи грамотѣ. Въ этомъ отношеніи не лишне было бы познакомиться составителямъ съ статьею г. Ильина, помѣщенной въ *Педагогическомъ Сборникѣ* за 1864 г., если ужъ они не желаютъ имѣть дѣло непосредственно съ иностранною педагогическою литературой.

Сопоставляя старый методъ „механическаго счисленія“ съ новымъ рациональнымъ способомъ обученія арифметикѣ, составители видятъ главное зло въ томъ, что оно „начинается непосредственно съ цифръ“, которыя они называютъ „нѣмыми“; конечно, начинать нужно съ устнаго счисленія; но цифра сама по себѣ не есть зло; она сообщаетъ даже *наглядность* числу, дѣлая видимымъ то, что понимается и произносится ребенкомъ; конкретность числа зависитъ не отъ цифры, а отъ того, какъ съ нею обращаются. Различія новаго и стараго метода лежатъ глубже. Это противоположность объективно-научнаго и субъективно-педагогическаго приема, въ исключительности преобладанія и затѣмъ въ примиреніи которыхъ состоитъ историческій процессъ выработки новаго метода обученія счисленію, — процессъ, который лучше вся-

вѣхъ объясненій, наглядно и прочно, самъ собою приводитъ учителя къ принятію способовъ обученія, рекомендуемыхъ ему современною дидактикой. Въ этой исторіи различныхъ способовъ обученія численію составители могли бы встрѣтить очень замѣчательныя вещи; на примѣръ, знаменитыя отрицательныя правила наихудшаго преподаванія Дистервега (напоминающія собою „Krebsbüchlein“ Зальцмана въ воспитаніи), въ которыхъ съ замѣчательною силой, убѣдительною и ясностью охарактеризованы недостатки стараго способа обученія ариметикѣ, на что въ руководствѣ есть только общіе блѣдныя намеки. Вообще, по нашему убѣжденію, историческій очеркъ различныхъ способовъ обученія ариметикѣ существенно необходимъ для всякаго преподавателя, не желающаго остаться рутинеромъ или слѣпо, съ чужаго голоса, принимать новые способы, какъ готовую формулу, рецептъ для школьныхъ уроковъ, а „Руководство“ именно къ этой пассивности ведетъ своихъ читателей, такъ какъ составители не озабочились даже изложить тѣ основныя начала, на которыхъ опирается и изъ которыхъ развивается современный способъ обученія ариметикѣ, и безъ которыхъ онъ не можетъ быть правильно понятъ и основательно усвоенъ.

Въ самомъ изложеніи приемовъ и расположеніи учебнаго матеріала есть много промаховъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ и существеннымъ считаемъ рѣзкое и рѣшительное раздѣленіе ариметическихъ дѣйствій, противное началамъ и приемамъ современной элементарной методики. Собственно методическая часть обученія совершенно не развита; составители нигдѣ не говорятъ и не показываютъ на примѣрахъ, какимъ образомъ прежній догматизмъ, на примѣръ, нынѣ замѣняется эвристическимъ приемомъ; опущено также развитіе генетическаго порядка обученія при элементарномъ изученіи чиселъ.

Статья о преподаваніи *русской исторіи* видимо написана не для элементарнаго руководства; ни по содержанію, ни по обработкѣ она не пригодна для нашего школьнаго учителя. Заявивъ съ первыхъ строкъ, что „нѣтъ нужды много распространяться о пользѣ исторіи“, что „не знать исторіи, по выраженію Цицерона, значить всегда быть мальчикомъ“, „Руководство“ тѣмъ не менѣе на трехъ страницахъ трактуетъ о пользѣ исторіи, при чемъ упоминается о кускѣ хлѣба, о картофелѣ, о Колумбѣ, о Финикіанахъ и проч. для доказательства, что „отъ всего, что ни видитъ и ни слышитъ ребенокъ, можно провести историческія нити въ самую глубокую древность“ (стр. 283). Затѣмъ ставится вопросъ: „Нужно ли проводить эти нити?“

Нужно ли знакомить ребенка (sic) съ исторіей человечества? Нужно", (тамъ же). Если бы даже и было нужно, то какъ все это дается съ преподаваніемъ отечественной исторіи? Далѣе идутъ столь же глубокомысленныя размышленія о томъ, что нужно сдѣлать *дитя* „участникомъ въ общественной жизни, въ чемъ состоитъ главнѣйшая цѣль воспитанія“, говорится о „декораціяхъ исторіи“, о томъ, что въ исторіи человечества проходитъ борьба „чудовищнаго эгоизма“ и „восхителнѣйшаго самообладанія“, и что „каждый ребенокъ чувствуетъ въ душѣ ту же борьбу, хотя въ самыхъ миниатюрныхъ размѣрахъ“ (тамъ же), и т. под. Говоря о безпристрастии и разрѣшая „называть порою порокомъ, хотя бы онъ принадлежалъ и русскому вѣщеносцу“ (стр. 288), „Руководство“ приводитъ въ основаніе слова Карамзина, что „отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога“. Намъ кажется такое положеніе не педагогическимъ и должнымъ. Говоря о руководствахъ по русской исторіи (изъ которыхъ ни одно, впрочемъ, не указано), „Руководство“ даетъ совѣтъ, одинаковый съ вышеприведеннымъ взглядомъ на различные методы обученія грамотѣ: „Учебниковъ по русской исторіи довольно много, и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ какъ многіе изъ нихъ (?) имѣютъ свои относительныя (?) достоинства (а недостатковъ не имѣютъ?), то учитель можетъ выбрать тотъ учебникъ, который придется ему больше по вкусу“ (стр. 292). De gustibus non est disputandum, что хочешь, то и выбирай. Собственно изложенія *методовъ* элементарнаго преподаванія исторіи въ статьѣ нѣтъ, и потому она для учителей совершенно бесполезна, а для класснаго изученія — не возможна, такъ какъ вся состоитъ изъ общихъ фразъ, весьма сомнительнаго притомъ достоинства.

Считая всего сказаннаго достаточнымъ для характеристики разбираемаго „Руководства“, мы позволимъ себѣ остановиться на статьѣ *обученіе пѣнію*, такъ какъ въ нашей педагогической литературѣ объ этомъ предметѣ почти ничего еще нѣтъ.

Составители „Руководства“ защищаютъ старый приемъ синтетическаго обученія по нотамъ и рѣшительно осуждаютъ новую *цифровую методу*. Съ этимъ нельзя согласиться. Въ настоящее время, какъ извѣстно, способъ Шева вездѣ болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, примѣненіе его даетъ самые успѣшныя результаты: во Франціи онъ почти общепринятый, а малое сочувствіе къ нему въ Германіи объясняется только силою музыкальныхъ преданій этого народа.

Составители „Руководства“ сами признають за этимъ способомъ много выгодъ, хотя больше находятъ невыгодъ, имѣющихъ, впрочемъ, чисто фиктивный характеръ. Взглянемъ на эти послѣднія. „Вопервыхъ, онъ необыкновенно труденъ и для *учителей, которые не только не знакомы съ нимъ, но и не слышали даже о немъ*, и для учениковъ, которымъ и безъ того цифра прискучила, а нотные знаки, по новизнѣ своей, должны быть занимательны“. Не понятно, какъ можно судить о трудности изученія предмета для тѣхъ, кто *не только не знакомъ, но и не слышалъ о немъ*. Что же касается до учениковъ, *которымъ цифра и безъ того прискучила*, то мы можемъ только пожалѣть о такихъ ученикахъ и выразить недоумѣніе, какъ они послѣ этого будутъ учиться ариѳметикѣ? Это значить, что ихъ учили изъ рукъ-вонъ плохо, и не только не вызвали интереса, но даже пробудили отвращеніе къ ученью,—это вина плохаго учителя. Далѣе, увлекать дѣтей новизною знаковъ, то-есть, искусственно возбуждать ихъ внѣшнимъ и случайнымъ интересомъ не педагогично. Наконецъ, если дѣтямъ уже и прискучила цифра, то цифры-ноты, пріобрѣтая условную конкретность (значеніе звука), пріобрѣтутъ и занимательность для дѣтей. Вторая трудность въ неудобствѣ перехода отъ цифръ къ нотамъ; но это затрудненіе выдуманное. Сущность обученія пѣнію не въ изученіи знаковъ, а въ изученіи *звука*, интерваловъ и отношенія ихъ въ гармоническомъ построеніи. Нотные знаки каждый ребенокъ можетъ узнать въ два-три класса, а если онъ изучилъ звуковые интервалы на цифрахъ, то нотная техника не затруднитъ его. Легкость этого перехода доказана опытомъ. Выгода же здѣсь въ томъ, что ребенокъ дѣйствительно изучаетъ *звукъ*, а не *ноту*, выучивается свободно читать звуки по знакамъ, писать мелодію даже подъ диктовку, чего никогда не даетъ наше обыкновенное рутинное школьное обученіе по нотамъ. Третье и послѣднее неудобство цифирной методы, по словамъ „Руководства“, состоитъ въ невыгодѣ будто бы его для содержателей хоровъ, которымъ придется сперва-де выучить ребенка цифрамъ (ихъ всѣхъ 7), а затѣмъ уже учить пѣнію; но развѣ не долженъ регентъ выучить дитя читать прежде обученія пѣнію? Да, наконецъ, какое дѣло учителю народной школы до интересовъ и расчетовъ содержателей хоровъ! Итакъ, мы не находимъ основательнымъ взглядъ „Руководства“ на новую методу пѣнія, и убѣждены, что музыкальное развитіе нашихъ школъ много будетъ зависѣть отъ введенія въ нихъ цифирной методы, отличающейся необыкновенною простотою, ясностью и практическою доступностью.

Вотъ что говорить о достоинствахъ и будущности этой методы нашъ ветеранъ и знатокъ музыки, недавно скончавшійся князь Одоевскій:

„Шеве мы обязаны обработкою такой методы элементарнаго музыкальнаго преподаванія, въ которой соединены выгоды старинной и новѣйшей школы, а устранины изъ важныя недостатки. Въ азбукѣ Шеве употребляются вмѣсто нотъ лишь 7 цифръ, достаточныхъ для выраженія всѣхъ возможныхъ отношеній между звуками всѣхъ гаммъ, нынѣ употребляемыхъ. Это тотъ методъ, котораго держались на западѣ Гвидо и его послѣдователи, а у насъ Шайдуровъ, Макаріевскій и Мезенецъ, лишь съ тою разницею, что цифрами легче, нежели буквами или крюками, выражать соотношенія между звуками“. И далѣе: „Учащися по этому методу почти съ первыхъ уроковъ приобрѣтаютъ возможность читать, а въ послѣдствіи и пѣть всякую музыку, какая бы она ни была, съ перваго взгляда (à prima vista, à livre ouvert), а наконецъ, и писать музыку подъ диктовку, точно такъ же и почти въ одинаковое время съ учащися чтенію и письму какого-либо языка, чего до нынѣ не достигалъ ни одинъ музыкальный методъ. Выучившися по цифрному методу Шеве съ чрезвычайною легкостью переходятъ къ чтенію обыкновенныхъ линейныхъ нотъ. Во всемъ этомъ я, лично, и многіе другіе любители музыки убѣдились многочисленными и прямыми наблюденіями въ самой школѣ Шеве. Введеніе у насъ музыкальной азбуки Шеве было бы дѣломъ высшей важности, какъ въ эстетическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣломъ весьма удобнымъ, ибо она преимущественно приспособлена къ хоральному пѣнію, безъ сопровожденія инструментовъ (à capella), а по своей простотѣ доступна каждому крестьянскому мальчику, если бы даже онъ не былъ одаренъ особенными музыкальными способностями. Съ этимъ методомъ начинается дѣйствительно новая эпоха элементарнаго музыкальнаго преподаванія, долженствующая, въ недалеое время, сдѣлать музыкальное чтеніе и письмо столь же сподручнымъ для всякаго, какъ и обыкновенное словесное чтеніе и письмо“.

Мы не считаемъ себя на столько компетентными въ этомъ дѣлѣ, чтобы произнести рѣшительное о немъ сужденіе; но въ виду важности музыкальнаго образованія массъ, мы желали бы, чтобы этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе педагоговъ и специалистовъ, и чтобы онъ былъ рассмотрѣнъ всесторонне и обсужденъ, какъ съ музыкально-технической, такъ и съ педагогической точки зрѣнія ¹⁾. Что же ка-

¹⁾ Употребленіе цифръ въ музыкѣ давно извѣстно. Такъ-называемый цифрованный бассъ издавна употребляется въ музыкальной теоріи. Жанъ-Жакъ Руссо еще въ 1742 году, пытался замѣнить ноты цифрами; затѣмъ Галенъ, котораго должно признать основателемъ новой методы, привелъ идеи Руссо въ систему и въ 1818 году издалъ свою книгу: Exposition d'une nouvelle méthode pour l'enseignement de la musique. Paris. Но Галенъ еще не имѣлъ въ виду методической замѣны нотъ цифрами, онъ только хотѣлъ облегчить изученіе музыкальной теоріи. Идея Галена унаслѣдовалъ и распространялъ Эме Парисъ, ученикъ его; но окончательная обработка методы, именно въ элементарномъ дидактическомъ

сается до взглядовъ на этотъ предметъ нашего „Руководства“, то они слишкомъ поверхностны, чтобъ ими можно было руководиться, по крайней мѣрѣ, ихъ бездоказательность очевидна.

Впрочемъ, и обученіе по нотнымъ знакамъ изложено неудовлетворительно въ „Руководствѣ“; процессъ обученія не развитъ и нѣтъ ни малѣйшаго намека на аналитическій приемъ, который давно уже, и отдѣльно и въ соединеніи съ синтетическимъ способомъ, употребляется съ большимъ успѣхомъ въ школахъ Германіи, которая представляетъ и дѣльныя пособія по этому предмету ¹⁾.

Наконецъ не можемъ не счесть недостаткомъ „Руководства“ опущеніе въ немъ нѣкоторыхъ существенно важныхъ предметовъ училищевѣдѣнія. Такъ, физическое школьное воспитаніе, *школьная гимнастика*, получившая въ послѣднее время такое широкое развитіе, не нашла въ „Руководствѣ“ мѣста. *Гимнастика* тоже оставлена безъ вниманія, тогда какъ она почти вездѣ уже принята въ школахъ за границей

отношеніи, принадлежитъ Эмилю Шеве, доктору и математику, который до того увлекался ею, что оставивъ свою профессію, посвятилъ себя распространенію новой метода пѣнія въ массахъ, устроилъ общедоступныя классы пѣнія (*Société chorale de l'École Galin*) и преподавалъ въ нихъ до своей смерти (24-го августа 1864 года). Классы Шеве пользовались почти всемірною извѣстностью и оговсюду привлекали знатоковъ и любителей пѣнія. Въ настоящее время этотъ способъ во Франціи очень распространенъ; въ духъ этой методы издаются два журнала—*La Réforme musicale*, подъ редакціей Луи Роже и *L'avenir musical*, подъ редакціей А. Шеве. Французская литература этой методы довольно богата, изъ нѣмецкихъ же руководствъ можно указать *Штала* «Singschule nach der 7-ten Aufl. Cheve'schen Elementar-Gesanglehre» и *Эттеля*, *Practischer Kursus der Cheve'schen Elementar-Gesang-Methoden*. Г. Ваастъ, ученикъ Шеве, съ успѣхомъ уже нѣсколько лѣтъ преподающій дѣтямъ и взрослымъ пѣніе по этой методѣ въ Петербургѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ учительской семинаріи воспитательнаго дома, предпринялъ въ настоящее время изданіе полнаго курса пѣнія цѣлнрной методы для нашихъ элементарныхъ школъ; ему также принадлежитъ и первый опытъ примененія этой методы къ церковному пѣнію. Его сочиненіе «Метода Галена» и «Руководство хорового пѣнія по цѣлнрной методѣ», составленное *Альбрехтомъ*, съ предисловіемъ Лароша, представляютъ единственныя у насъ пока руководства по этому предмету. Въ послѣднее время при *Народной Школѣ* Э. Н. Мѣднникова, въ видѣ приложенія, изданъ былъ сборникъ пѣсенъ для школъ «Родныя напѣвы», въ которомъ мелодія пѣсенъ напечатана и нотными и цѣлнрными знаками.

¹⁾ Аналитическая метода пѣнія обработана Ностицемъ, а Lehmann сдѣлалъ опытъ соединенія синтетическаго и аналитическаго способа съ цѣлнрной методой (*Grundzüge zur methodischen Behandlung des Gesangunterrichts in der Volksschule*. 1860). Для основательнаго знакомства съ методикою пѣнія можно рекомендовать труды *Бремши*, *Коте* и особенно *Видманна* и *Зибера*.

(Германія издавна славится своими гимнастическими обществами), а нынѣ входитъ и въ наши училища ¹⁾. Недостатокъ *обученія черченіемъ* составляетъ также важный пробѣлъ въ частной дидактикѣ, и мы не находимъ никакихъ рациональныхъ основаній, оправдывающихъ этотъ пропускъ. Кромѣ того, что искусство черченія находитъ себѣ самое широкое приложеніе въ издѣліяхъ промышленности и почти во всѣхъ ремеслахъ, педагогія уже открыла въ немъ новое могущественное образовательное средство воспитанія. Нынѣ черченіе не только входитъ въ обученіе другихъ предметовъ, напримѣръ, въ обученіи чтенію, письму, географіи, въ наглядномъ обученіи, въ элементарной геометріи; но почти вездѣ составляетъ самостоятельный предметъ обученія въ народныхъ школахъ: школы Пруссіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи, даже новаго свѣта представляютъ намъ поучительный примѣръ и доказательство, что искусство черченія, не замѣтно проникая въ массы, развиваетъ вкусъ народа, вліяетъ на успѣхи его дѣятельности, дѣлается цивилизующею силой общаго образованія. У насъ еще очень мало сдѣлано для художественнаго развитія народа, который пробавляется тѣми же безвкусными, пестрыми и нелѣпыми картинками, которыми наслаждались наши предки; а между тѣмъ, по проявленіямъ своего характера, народъ нашъ имѣетъ богатые задатки и свѣтлую будущность и въ отношеніи художественнаго развитія ²⁾.

¹⁾ О значеніи гимнастики нынѣ уже никто не споритъ, вопросъ можетъ быть только о системѣ гимнастическихъ упражненій, которыхъ въ настоящее время двѣ—педагогическая система *Яна* и врачебная (шведская) *Лина*. Система Яна принята въ Швейцаріи и Германіи и прекрасно обработана *Эйзелемъ* и особенно *Шлиссомъ*, въ его извѣстномъ «*Lehre der Turnkunst*» (I—IV), одною изъ лучшихъ руководствъ гимнастики, и «*Turnbuch für Schulen*». Весьма полезны также сочиненія *Амерштейна*, «*Anleitung zur Einrichtung von Turnanstalten*»; *Эйзельна*, *Die deutsche Turnkunst*; для исторіи гимнастики пригодны сочиненія *Гаера* (*Gymnastik der Hellenen*) и *Мейера* (*Die lieblichen Leistungen der Alten*).

²⁾ Иностранная литература этого отдѣла не уступить ни въ количествѣ, ни въ качествѣ другимъ предметамъ школьнаго обученія. Въ числѣ лучшихъ пособій черченія можно рекомендовать *Любена*, *Leitfaden zum Zeichenunterricht für Volksschulen*, и его же пять тетрадей рисунковъ, заключающихъ въ себѣ полный курсъ рисованія (*Anleitung zum ersten Zeichnenunterricht für Knaben und Mädchenschulen*, 1866); хвалитъ *Гуттера*, — *Der Zeichnenunterricht für Volksschulen*; а также трудъ *Вейсаульта*, *Elementar-Unterricht in Linear-Zeichnen für höhere Freitagschulen, Gewerbeschulen und Selbstunterrichte in gewerbliche Berufe*, 1856, 2 выпуска,—одно изъ лучшихъ руководствъ по линейному черченію. У насъ—труды Сапожникова, Лосиева (по Фребелю) и Волкова.

Не безполезно было бы также присоединить къ книгѣ, назначенной для употребленія народныхъ учителей, положеніе о народныхъ училищахъ и собраніе необходимыхъ узаконеній, которыя полезно знать учителю; это прибавленіе заняло бы не много мѣста, а было бы очень полезно. Странно, что назначая „Руководство“ и для лицъ, заведывающихъ народнымъ образованіемъ, составители опустили изъ виду эту простую мысль. Вообще видно, что составители торопились; вся книга носитъ слѣды спѣшной работы, заготовлена на скоро и шита, что называется, на живую нитку. Нельзя одобрить также неисправности изданія „Руководства“ въ корректурномъ отношеніи: хотя печаткамъ посвященъ цѣлый листикъ (и это не удобно), но въ немъ нѣтъ в половинѣ тѣхъ нерѣдко грубыхъ ошибокъ, отъ которыхъ при чтеніи книги пестритъ въ глазахъ читателя.

С. Миропольскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛВТОШИСЬ.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЙСТВІЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1870 ГОДЪ.

I. УЧЕНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ОБЩЕСТВА.

Высшія ученія учрежденія, имѣющія своимъ рѣшительное значеніе на развитіе науки и на распространеніе ея въ обществѣ, а чрезъ то и на возвышеніе умственного и нравственнаго уровня и умноженіе матеріальнаго благосостоянія страны, состоятъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ, подъ особымъ покровительствомъ правительства. Нѣкоторыя изъ этихъ высшихъ ученыхъ учрежденій въ Россіи пользовались до послѣдняго времени штатами, уже давно устарѣвшими и потому въ нынѣшнее время весьма недостаточными. Въ 1869 году, по представленіямъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія въ государственной совѣтъ, были усвоены новымъ содержаніемъ Академія наукъ, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ и Виландской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, и такимъ образомъ, этимъ учрежденіямъ дарована возможность для продолженія ихъ полезной дѣятельности.

Въ теченіе 1870 года, по ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія, увеличенъ среднимъ содержаніемъ еще трехъ высшихъ ученыхъ учреждений.

На основаніи Высочайшаго утвержденнаго 16-го марта 1870 года мѣрнія государственнаго совѣта, оклады содержанія лицъ, занимающихъ ученія должности при Императорской главнѣйшей астрономической обсерваторіи, увеличены съ окладами соответствующихъ имъ ученыхъ должностей при университетахъ, при чемъ общее увеличеніе штата составляетъ 6.800 рублей. Штатъ шрой Мульковскаго обсерваторіи при-

обрѣла теперь возможность замѣстить находящіяся въ ней вакантныя мѣста лицами, извѣстными въ ученомъ мірѣ.

Виленская астрономическая обсерваторія, содержаніе которой до сихъ поръ ограничивалось 4.080 рублями, получила въ 1870 году также новые Высочайше утвержденные 12-го октября штаты, усиливающіе ежегодное содержаніе ея на 2.060 рублей, что дало возможность увеличить окладъ директора обсерваторіи болѣе чѣмъ вдвое и помощника его болѣе чѣмъ втрое, а также назначить опредѣленный окладъ состоящему при обсерваторіи фотографу.

Особенно ощутительна была до настоящаго времени недостаточность штатовъ Императорской публичной бібліотеки, не позволявшая приобрѣтенія многихъ весьма важныхъ сочиненій и заставившая въ послѣднее время многихъ изъ полезныхъ ея дѣятелей оставить службу при бібліотекѣ. Эти неудобства устранены теперь новыми штатами, Высочайше утвержденными 12-го мая 1870 года въ видѣ опыта на 3 года; общее содержаніе по этимъ штатамъ увеличено на 25.394 р., при чемъ усилены оклады служащихъ лицъ болѣе чѣмъ вдвое, возвышены разряды ихъ должностей, учреждены для содѣйствія директору въ управленіи бібліотекой совѣтъ и хозяйственный комитетъ, а вообще выработаны новыя правила для внутренняго управленія бібліотекой, а также необходимыя средства для исполненія ея научныхъ драгоценностей.

Изъ ученыхъ учреждений остается однако еще при недостаточныхъ штатахъ содержанія главная физическая обсерваторія при Академіи наукъ. Сверхъ того, самыя постановленія, которыми руководствуется обсерваторія въ своихъ дѣйствіяхъ, сдѣланы въ настоящее время, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, расширившихъ кругъ ея дѣятельности, не соответствующими тѣмъ задачамъ, которыя должна выполнять обсерваторія. Вслѣдствіе того, по ходатайству Академіи наукъ, уже внесено въ государственный совѣтъ представленіе съ проектомъ новаго устава и штата главной физической обсерваторіи, при чемъ, въ дополненіе къ 18.600 руб., нынѣ отпускаемымъ на ея содержаніе, требуется еще 13.820 рублей.

Къ числу ученыхъ обществъ присоединилось въ 1870 году Уральское общество любителей естествознанія, на учрежденіе котораго въ Екатеринбургѣ послѣдовало, по положенію комитета министровъ, 11-го сентября Высочайшее соизволеніе. Цѣль новаго общества заключается въ изученіи и изслѣдованіи Уральского края въ естественно-историческомъ отношеніи и въ распространеніи естественно-историческихъ

знаній въ томъ краѣ. Въ этихъ видахъ обществу предоставлено право снаряжать для изслѣдованія естественныхъ богатствъ Уральскаго края ученныя экспедиціи, предпринимать съ научною цѣлю экскурсіи, открывать публичныя лекціи, издавать записки по предмету своихъ занятій, предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать преміи.

Изъ прежде существовавшихъ ученыхъ обществъ Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта 30-го мая и 4-го іюня, назначено С.-Петербургскому энтомологическому обществу ежегодное пособіе въ 2.500 руб. и увеличено вдвое пособіе Московскому обществу исторіи и древностей, отпущавшееся до сихъ поръ въ количествѣ 1.428 руб. 50 коп.

II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Путемъ внимательнаго изученія общей системы устройства нашихъ учебныхъ заведеній, сравнительно съ училищною системою просвѣщенныхъ странъ Европы, и личныхъ наблюденій надъ ходомъ у насъ учебнаго дѣла во время осмотра нашихъ учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ въ пяти округахъ, его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія пришелъ къ убѣжденію, что наша училищная система, не смотря на кажущуюся стройность, заключаетъ въ себѣ значительныя несовершенства. И у насъ есть всѣ необходимыя степени учебныхъ заведеній: низшія, среднія и высшія, но между различными видами ихъ нѣтъ строгой органической связи. Наши низшія училища не служатъ необходимою ступеню для перехода въ среднія училища; сверхъ того, начальныя городскія училища недостаточно развиты относительно учебнаго курса и не удовлетворяютъ потребностямъ городского населенія въ начальномъ образованіи. Въ разрядѣ среднихъ училищъ смѣшаны два различныя ихъ вида: гимназіи и реальныя училища подъ однимъ общимъ названіемъ гимназій, тогда какъ вездѣ гимназіи назначаются для сообщенія общаго научнаго образованія, приготовляющаго къ поступленію въ университеты, въ которыхъ молодые люди должны довершать свое научное образованіе, а реальныя училища имѣютъ цѣлю доставленіе образованія научно-прикладнаго и приготовленіе въ высшія спеціальныя училища, предназначенныя для довершенія высшаго научно-прикладнаго образованія. При этомъ смѣшеніи цѣлей двухъ различныхъ видовъ образованія, самый планъ учебнаго курса реальныхъ гимназій, одинаковъ для всѣхъ училищъ этого рода и устроенный такъ, чтобъ эти учебныя заведенія могли имѣть характеръ общеобразовательный, нисколько не приоров-

лесть къ практическимъ потребностямъ жизни. Въ учебномъ курсѣ классическихъ гимназій, то-есть, собственно гимназій, главными предметами, каковы древніе языки, не дано надлежащаго развитія. Затѣмъ въ общей массѣ училищной системы недостаетъ такихъ низшихъ учебныхъ заведеній, которыя довершали бы правильное начальное образование, сообщеніемъ стѣдній и углубля, непосредственно пригнанныхъ къ жизни, — заведеній, которыя существуютъ во множествѣ въ европеизованныхъ странахъ подъ различными названіями училищъ промышленныхъ, ремесленныхъ, профессиональныхъ и т. п. Наконецъ, въ частностяхъ, нынѣшніе уставы низшихъ и среднихъ училищъ заключаютъ въ себѣ многія излишества, которыя должны подлежать исключенію, многія недомолвки и неполноты, которыя должны быть разъяснены и дополнены, и не имѣютъ въ себѣ нѣкоторыхъ существенныхъ статей, которыя должны быть включены. По всѣмъ этимъ причинамъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собирались всѣ необходимыя данныя для переработки уставовъ нашихъ низшихъ и среднихъ училищъ. Въ только что истекшемъ году всѣ работы по этому предмету приведены уже къ окончанію и въ самое непродолжительное время внесены будутъ въ государственныя списки представленія:

- 1) съ проектомъ устава начальныхъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ, имѣющихъ назначеніемъ приготовленіе для нихъ учителей;
- 2) съ проектомъ измѣненій и дополненій устава гимназій 1864 года;
- 3) съ проектомъ устава реальнаго училища, которыя должны замѣнить собою реальныя гимназій, въ каковыхъ представленіяхъ министерство, быть можетъ, рѣшится теперь же присоединить проектъ положеній о промышленныхъ училищахъ, дающихъ низшее практическое образование.

Съ утвержденіемъ всѣхъ этихъ проектовъ, наша училищная система получила бы правильное и дѣлособразное устройство, замѣчая въ себѣ различныя виды низшихъ и среднихъ училищъ, находящіяся въ тѣсной органической связи между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяющія многообразныя потребности различныхъ слоевъ общества въ образованіи какъ общемъ, такъ и специальномъ.

Обращаясь къ положенію дѣятельности различныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе 1879 года, слѣдуетъ рассмотреть ее по различнымъ ихъ категориямъ.

1. Высшія учебныя заведенія.

Университеты. Увеличивающееся постепенно число лицъ, притоготовленныхъ къ занятію профессорскихъ должностей, дало возможность въ теченіе 1870 года раздѣлить въ нѣкоторыхъ университетахъ сложныя кафедры и замѣнить нѣкоторыя новыми кафедрами, вполненными по уставу 1863 года. Такимъ образомъ въ Новороссійскомъ университетѣ изъ одной кафедры гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства образованы двѣ судѣбныя кафедры; въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра отдѣлена кафедра уголовного права отъ кафедры полицейскаго права. Кафедры, которыя въ теченіе 1870 года были вновь учреждены по уставу 1863 года, или содержаніе которыхъ, за недостаткомъ остаточныхъ суммъ отъ содержанія личнаго состава, по случаю замѣщенія вакансій, отнесено на средства государственнаго казначейства, были слѣдующія: въ С.-Петербургскомъ университетѣ—кафедра физической географіи; въ Харьковскомъ университетѣ—кафедры патологической анатоміи, издѣлочно-своей химіи, геологіи съ палеонтологіей, физической географіи, исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ; въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра—кафедры медицинской физики, хирургіи, исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, медицинской химіи, офтальмологіи, исторіи всеобщей литературы; въ Казанскомъ университетѣ—кафедры терапевтической госпитальной клиники и генитальной хирургической клиники. Сверхъ того, учреждены или отнесены на средства государственнаго казначейства новыя доцентуры: въ Московскомъ университетѣ—исторіи всеобщей литературы, теоріи и исторіи искусствъ; въ Харьковскомъ университетѣ—офтальмологіи, оперативной хирургіи; въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра.—медицинской химіи, врачебной діагностики, клинической и теоретической патологіи и терапіи и общей патологіи.

Предполагающееся приготовленіе къ профессорскимъ должностямъ молодыхъ ученыхъ за границей и поддержка матеріальными пособиями частныхъ преподавателей въ нашихъ университетахъ, такъ-называемыхъ приватъ-доцентовъ, безъ сомнѣнія, дадутъ возможность въ недалекомъ будущемъ довести личный ученый составъ въ университетахъ до полнаго комплектнаго числа, опредѣленнаго уставомъ. На вознагражденіе приватъ-доцентовъ въ 1870 году ассигновано было изъ остатковъ отъ личнаго состава 7.682 руб. 20 коп. въ дополненіе

къ получаемому ими вознагражденію изъ спеціальныхъ средствъ университетовъ. Мѣра эта приноситъ очевидную пользу, потому что въ послѣднее время многіе изъ привать-доцентовъ заняли уже штатныя профессорскія должности.

Независимо отъ нѣли приведенія университетовъ въ норму, опредѣленную уставомъ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ факультетѣ восточныхъ языковъ введены, для достиженія практическихъ цѣлей, особыя курсы: японскаго языка и юридическихъ наукъ. Японскій языкъ, для котораго нашелся особый преподаватель изъ природныхъ Японцевъ, причисленъ къ разряду китайско-манджурско-монгольскому, дополнивъ такимъ образомъ пробѣлъ, существовавшій въ этомъ отношеніи. Курсъ юридическихъ наукъ въ этомъ факультетѣ назначается для тѣхъ изъ студентовъ факультета, кои пожелають посвятить себя службѣ по административной и судебной частямъ въ Туркестанскомъ краѣ. Предметы курса составляютъ: гражданское право и гражданское судопроизводство, уголовное право и уголовное судопроизводство, государственное право, финансовое право, полицейское право и политическая экономія. Практическая важность этого курса не подлежитъ сомнѣнію: для вновь устраивающагося Туркестанскаго края необходимы дѣятели, не только знающіе восточные языки, но и получившіе юридическое образованіе.

Новороссійскій университетъ, преобразованный изъ Рিশельевского лица въ 1864 году, руководствуется до сихъ поръ временнымъ штатомъ, постепенное возвышеніе котораго до цифры нормальнаго предполагалось производить по мѣрѣ открытія въ томъ надобности, внося прибавочную сумму въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія по предварительному сношенію министровъ финансовъ и народнаго просвѣщенія, установленнымъ порядкомъ. Въ 1870 году на этомъ основаніи, Высочайше утвержденнымъ 23-го февраля мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено, въ дополненіе къ временному штату, отпустить на содержаніе Новороссійскаго университета еще по 10.650 р. При всемъ томъ общая сумма содержанія далеко не достигаетъ еще цифры нормальнаго штата.

По недавности своего существованія, Новороссійскій университетъ, не смотря на особыя мѣры, принимавшіяся въ предыдущіе годы къ снабженію его необходимыми учебными учрежденіями и коллекціями, еще уступаетъ въ этомъ отношеніи другимъ университетамъ. Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ астрономической обсерваторіи, дѣлавшій не возможнымъ серьезное преподаваніе въ немъ астрономіи.

Въ 1870 году Высочайше утвержденнымъ 16-го ноября министромъ государственнаго совѣта ассигновано на уплату изъ суммъ государственнаго казначейства за устройство при университетѣ астрономической обсерваторіи 7.734 руб. 42 коп. Еще ранѣе въ томъ же году Херсонское губернское земское собраніе приняло на себя обязанность, вмѣсто Херсонскаго дворянства, отпускать ежегодно на Новороссійскій университетъ по 5.935 рублей съ тѣмъ условіемъ, чтобы при университетѣ содержалась на эту сумму сельско-хозяйственная ферма, и производились изслѣдованія по сельско-хозяйственной части при химической лабораторіи и физическомъ кабинетѣ. Поддержаніе подобнаго учрежденія при университетѣ также было необходимо по тому важному значенію, какое должно имѣть развитіе научныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству для Новороссійскаго края, по преимуществу земледѣльческаго.

Изъ другихъ университетовъ въ 1870 г. улучшены учебныя учрежденія при университетахъ Варшавскомъ и Харьковскомъ. На устройство при первомъ изъ нихъ анатомическаго театра и исправленіе клиникъ употреблено изъ специальныхъ средствъ 8.417 руб. 32¹/₂ коп. При акушерской клиникѣ Харьковскаго университета уже съ 1842 г. читались особые курсы для приготовленія повивальныхъ бабокъ; число слушающихъ эти курсы, сначала весьма незначительное, къ началу 1870 года дошло до 47-и, а вслѣдствіе того явилась необходимость дать этимъ курсамъ правильное устройство и опредѣлить точно кругъ ихъ дѣйствій, что и сдѣлано учрежденіемъ при акушерской клиникѣ повивальнаго института, руководствующагося особымъ положеніемъ, которое утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія, по которому къ слушанію курса, продолжающагося два года бесплатно, принимаются лица женскаго пола всѣхъ сословій, въ возрастѣ отъ 18-и до 30-и лѣтъ, имѣющія начальное образованіе. Кромя изученія теоріи акушерства, слушательницы занимаются практически въ акушерской клиникѣ; выдержавшихъ испытаніе по окончаніи курса постановлено удостоивать свидѣтельствъ на званіе повивальной бабки.

Постоянное пополненіе личнаго состава ученой корпораціи, улучшеніе учебныхъ пособій, расширеніе ученыхъ учреждений и круга ихъ дѣятельности служатъ, конечно, лучшимъ доказательствомъ правильнаго развитія внутренней жизни нашихъ университетовъ и неуклоннаго преслѣдованія ими главной ихъ цѣли — распространять свѣтъ науки во всѣхъ краяхъ Имперіи. И въ средѣ юношества, посѣщающаго университетскія лекціи, развивается все болѣе и болѣе строго

научное преподаваніе: студенты не только слушаютъ лекціи, но и иногда посвящаютъ время на занятія въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и на другія упражненія подъ руководствомъ профессора. Въ Киевскомъ университетѣ св. Владимира съ этою цѣлю устроена въ настоящемъ году для студентовъ историко-филологическаго факультета историческая семинарія. Въ семинаріи студенты, подъ руководствомъ профессоровъ исторіи, знакомятся съ методомъ историческаго изслѣдованія или занимаются упражненіями, подготовляющими къ должности учителей гимназій по отечественной и всеобщей исторіи. Подобныя же семинаріи существуютъ при многихъ германскихъ университетахъ, развивая въ юности стремленіе къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ.

Императорскій историко-филологическій институтъ. По уставу при историко-филологическомъ институтѣ должна состоять гимназія, въ которой студенты IV-го курса могли бы упражняться въ преподаваніи подъ руководствомъ наставниковъ. Съ открытіемъ въ 1870 году четвертаго, старшаго курса, такая гимназія открыта при институтѣ на основаніи особаго положенія, Высочайше утвержденного 7-го апрѣля. Руководствуясь относительно учебныхъ предметовъ общимъ уставомъ гимназій классическихъ съ двумя древними языками, гимназія при институтѣ имѣетъ, сверхъ общаго числа классовъ, еще приготовительный классъ и по всѣмъ дѣламъ управленія подчинена непосредственно директору института. Практическія упражненія студентовъ IV-го курса въ преподаваніи уже начались въ ней съ соблюденіемъ правилъ, утвержденныхъ на этотъ предметъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. Открытіе гимназій при институтѣ имѣетъ важное значеніе не потому только, что оно увеличиваетъ средства гимназическаго образованія, давая еще не удовлетворяющія потребности многочисленнаго населенія столицы, но потому болѣе, что безъ гимназій для пракческаго упражненія студентовъ историко-филологическій институтъ былъ бы лишена возможности готовить для всѣхъ гимназій учителей семинарныя и изучившихъ на практикѣ рациональныя методы преподаванія.

Учебная посѣба института, въ теченіе 1870 года, независимо отъ пополненія ея на счетъ штатной сумми, усилена приобрѣтеніемъ за 2000 рублей библиотекой покойнаго профессора Шульгина, завладѣвшей къ себѣ много важныхъ сочиненій по части историко-филологическихъ наукъ, и принятіемъ пожертвованной дѣйствительнымъ

стаскииъ совѣтъинокъ С. Д. Нарышкиннхъ библиотеки, принадлежавшей его матери Марѣ Антоновѣ Нарышкиной.

Лицея. Демидовскій лицей въ Ярославлѣ, основанный первоначально на пожертвованіи Демидова, долженъ былъ на основаніи устава 1868 года подлежать преобразованію въ Демидовскій юридическій лицей, при чемъ въ дополненіе къ собственнымъ его средствамъ, ассигновано было отшукать изъ государственнаго казначейства ежегодно по 80.712 руб. 27 коп. Послѣ предварительныхъ приготовленій къ устройству лицея на новомъ основаніи, открытіе его послѣдовало въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія 30-го августа 1870 года; на первый годъ открытъ только первый курсъ, въ который поступило болѣе 100 студентовъ; всѣ юридическія каедры заняты въ этомъ курсѣ профессорами; къ будущему году ожидается возвращеніе изъ-за границы еще двухъ профессоровъ, предназначанныхъ для лицея, и приняты мѣры въ обезпеченіи личнаго состава профессоровъ и на дальнѣйшее время. Возведеніе лицея на степень дѣйствительно высшаго учебнаго заведенія, а не по имени только, каковы, по недостаточности средствъ, онъ былъ до сихъ поръ, было принято мѣстными жителями съ глубокою и искреннею признательностію.

Нѣжинскій лицей, обязанный своимъ существованіемъ пожертвованіямъ князя Безбородко, продолжаетъ еще оставаться въ прежнемъ безвыходномъ положеніи, считается высшимъ учебнымъ заведеніемъ и имѣя средства вдвое меньшія, чѣмъ каждая гимназія. Въ настоящемъ году средства Нѣжинскаго лицея нѣсколько увеличились. Княгиня Суворова, желая исполнить волю покойнаго ея мужа, графа Кушелева-Безбородко, обязалась внести въ лицей 105.000 рублей черезъ 10 лѣтъ, а до того времени вносить каждый годъ впередъ по 5.250 рублей процентовъ съ этого капитала. Но и за этимъ цѣвымъ пожертвованіемъ лицейу недостаетъ для приведенія его на степень высшаго учебнаго заведенія около 29.000 руб. Въ виду настоятельной необходимости принять недостающую сумму на средства государственнаго казначейства, министерство народнаго просвѣщенія не замедлитъ войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ удовлетвореніи означеннаго расхода при первой возможности.

2. Среднія учебныя заведенія.

Гимназіи. Къ 1870 году состояло въ имперіи по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, за исключеніемъ Варшавскаго округа,

96 гимназій и 11 прогимназій и въ Варшавскомъ округѣ 21 гимназія и 9 прогимназій, всего же 117 гимназій и 20 прогимназій.

Въ теченіе 1870 года вновь открыты 6 гимназій и 4 прогимназій, а именно *иммазіи*: на счетъ государственнаго казначейства въ С.-Петербургѣ — при историко-филологическомъ институтѣ, о которой упомянуто выше; въ Москвѣ — шестая гимназія, съ отдѣленіемъ при этомъ пятой гимназіи отъ первой и съ назначеніемъ въ пятую гимназію особаго директора; въ Уральскѣ — войсковая гимназія и въ Гельсингфорсѣ Александровская русская гимназія; при пособіи отъ казны, на счетъ дворянства — гимназія въ Гольдингенѣ, и на средства городского общества — Николаевская гимназія въ Царскомъ Селѣ; *прогимназіи*: на счетъ государственнаго казначейства — въ Николаевскѣ, въ Приморской области Восточной Сибири; на счетъ земства и городскихъ обществъ съ пособіемъ отъ казны — въ Сумахъ и Старобѣльскѣ (Харьковской губ.), и въ Глуховѣ (Черниговской губ.).

Московскія гимназіи были переполнены учащимися, ко вреду для успѣшнаго ученія, и учебное начальство должно было отказываться въ принятіи огромному числу желающихъ учиться въ гимназіяхъ. Поэтому открытіе въ Москвѣ новой шестой гимназіи въ Замоскворѣчѣ, въ отдаленной части города, и отдѣленіе пятой гимназіи отъ первой, равняющееся открытію новой гимназіи, удовлетворяютъ самымъ существеннымъ потребностямъ столицы въ образованіи. Изъ другихъ вновь открытыхъ гимназій удостоились высокой чести наименованія: русская Гельсингфорская — Александровскою, Августѣйшимъ именемъ Государя Императора, и Царскосельская — Николаевскою въ память въ Возѣ почившихъ Государя Императора Николая Павловича и Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

Открытіе послѣдней гимназіи, происходившее 8-го сентября, ослатвлено было Высочайшимъ присутствіемъ Государя Императора и августѣйшихъ членовъ Царственной семьи. Сверхъ того, Государю Наслѣднику Цесаревичу, съ соизволенія Государя Императора, благоугодно было принять новую гимназію подъ свое высокое покровительство.

Русская гимназія въ Гельсингфорсѣ была необходима; многолюдное русское населеніе этого города лишено было средствъ къ образованію, такъ какъ въ Гельсингфорсѣ находилась всего одна начальная школа, въ которой преподаваніе происходило на русскомъ языкѣ. Русская гимназія въ Гельсингфорсѣ состоитъ въ вѣдѣніи финляндскаго генераль-губернатора и подчинена непосредственно попечительству, со-

стоящему подъ его предсѣдательствомъ. Всѣ отношенія гимназій въ министерству ограничиваются тѣмъ, что директоръ ея и преподаватели считаются состоящими на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія; о распространеніи на этихъ лицъ, а также и на учащихся всѣхъ правъ, присвоенныхъ гимназіямъ имперіи, министерствомъ внесено уже представленіе въ государственный совѣтъ.

Пособіе отъ казны на учрежденіе гимназій въ Гольдингенѣ и прогимназій въ Сумахъ, Старобѣльскѣ и Глуховѣ заключается въ томъ, что всѣ эти учебныя заведенія преобразованы изъ увѣдннхъ училищъ съ обращеніемъ на нихъ содержанія сихъ послѣднихъ: въ Гольдингенѣ — въ количествѣ 3.000 руб. и въ остальныхъ городахъ — въ количествѣ 2.110 руб. въ каждомъ.

Въ теченіе прошлаго и настоящаго года г. министръ народнаго просвѣщенія ходатайствовалъ объ открытіи русской гимназій въ Ревелѣ, по образцу существующей уже подобной гимназій въ Ригѣ. Къ сожалѣнію, это важное дѣло до сихъ поръ не могло увѣнчаться успѣхомъ по недостатку средствъ государственнаго казначейства.

Къ числу новыхъ гимназій должны въ будущемъ присоединиться еще два учебныя заведенія, существованіе которыхъ уже обезпечено двумя значительными пожертвованіями: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галагана и коммерціи совѣтника Полякова.

Первое учебное заведеніе, подъ названіемъ „коллегія Павла Галагана“, должно состоять по уставу изъ трехъ высшихъ классовъ гимназій и будетъ открыто въ будущемъ году въ Кіевѣ, въ пожертвованномъ для сего домѣ, съ обезпеченіемъ его содержанія недвижимыми имѣніями жертвователя, приносящими не менѣе 12.000 руб. ежегоднаго дохода.

Пожертвованіе коммерціи совѣтника Полякова составляетъ 200.000 рублей. Проценты съ этого капитала предположено присоединить къ суммѣ, испрашиваемой г. министромъ народнаго просвѣщенія на учрежденіе прогимназій въ Ельцѣ (Орловской губ.), и учредить, вмѣсто прогимназій, полную гимназію въ этомъ городѣ, имѣющемъ 30-и тысячное населеніе и ведущемъ обширную торговлю.

Осуществленіе этого послѣдняго предположенія находится въ связи съ рѣшеніемъ ходатайства министерства объ учрежденіи нѣкотораго числа новыхъ прогимназій, находящагося нынѣ на разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ. Государю Императору благоугодно уже было признать необходимость этой мѣры въ виду переполненія низшихъ классовъ гимназій учащимися и въ удовлетвореніе все болѣе и болѣе

развивающейся въ обществѣ потребности въ гимназическомъ образованіи.

Поддержаніе и развитіе *пансіоновъ* при гимназіяхъ министерство всегда признавало дѣломъ весьма важнымъ и существенно полезнымъ, какъ для воспитывающагося юношества, такъ и для родителей. Въ числу 40 пансіоновъ, существующихъ уже при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ теченіе 1870 года, присоединилось еще два пансіона, открытые при гимназіяхъ Симферопольской и Рихельевской въ Одессѣ; въ первый изъ нихъ при самомъ открытіи поступило 22 и во второй 26 воспитанниковъ.

Матеріальныя средства существующихъ гимназій въ теченіе 1870 года увеличились ассигнованіемъ, по ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія, изъ государственнаго казначейства 143.777 рублей въ доплату къ суммѣ, слѣдующей на содержаніе по новымъ штатамъ 1864 года, вводимымъ постепенно со времени изданія устава. Въ настоящее время для полнаго введенія новыхъ штатовъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ остается еще усилить сумму на жалованье врачамъ и учителямъ пѣнія и гимнастики и назначить сумму, требуемую на содержаніе зданій гимназій и прогимназій.

Изъ суммъ, ассигнованныхъ или употребленныхъ на постройку гимназическихъ зданій, самыя значительныя составляютъ: сумма на устройство зданія для гимназій при историко-филологическомъ институтѣ, простирающаяся до 35.707 руб. 30 коп.; 117.000, ассигнованная на постройку зданія для Рижской Александровской гимназій, и 23.000 на исправленіе зданій Московской 3-й гимназій; въ счетъ послѣднихъ двухъ суммъ въ 1870 году отпущено уже: 39.000 руб. на Рижскую гимназію и 7.666 руб. 66 коп. на Московскую; остальные деньги предложены къ отпуску въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ.

Отпускъ изъ государственнаго казначейства, въ 1870 году, хотя и не полной суммѣ на плату учителямъ гимнастики далъ министерству народнаго просвѣщенія возможность принять существенныя мѣры къ обезпеченію успѣха этого дѣла. Гимнастика представляетъ важное средство для развитія физическихъ силъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже для исправленія физическихъ недостатковъ; но, дабы она могла достигать этой цѣли, необходимо, чтобы гимнастическими упражненіями руководили лица образованныя и знакомыя съ приемами, при этомъ употребляемыми. Въ Германіи, славящейся гимнастическими успѣхами, гимнастикѣ учатъ обыкновенно учителя наукъ, предварительно ознакомленные съ приемами гимнастическихъ упражненій и съ

анатомическимъ устройствомъ человѣческаго тѣла, а потому способны вести это дѣло успѣшно при извѣстномъ руководствѣ со стороны врачей. Въ этихъ видахъ министерство признало рѣшительно необходимымъ заботиться прежде всего приготовленіемъ учителей гимнастики изъ образованныхъ молодыхъ людей. Обязанность эту приняло на себя существующее въ С.-Петербургѣ гимнастическое общество, которому со стороны министерства дано готовое помѣщеніе въ одномъ изъ зданій университета и отущее, съ Высочайшаго дозволенія, изъ суммы, ассигнованной на обученіе гимнастикѣ, 8.000 руб. на перестройку и приспособленіе данного помѣщенія въ кредитованной дѣлѣ и 3.000 руб. на приготовленіе учителей гимнастики въ устроенныхъ обществомъ гимнастическихъ курсахъ. Съ сентября мѣсяца курсы эти уже начались, и въ числѣ учащихся въ нихъ находится извѣстное число студентовъ Императорскаго историко-филологическаго института, готовящихся въ замѣну учительскихъ должностей въ гимназияхъ по историко-филологическимъ предметамъ и мѣстѣ съ тѣмъ по обученію гимнастикѣ. Такимъ образомъ положено теперь прочное начало развитію у насъ правильнаго и рациональнаго обученія гимнастикѣ, благодаря которому германское искусство отличается такимъ замѣчательнымъ развитіемъ физическаго силъ и крѣпости организма.

3. Начальныя училища.

Дѣло начальнаго образованія составляетъ вездѣ самую трудную задачу для успѣшнаго его рѣшенія: оно требуетъ огромныхъ матеріальныхъ средствъ, которыя зависятъ отъ экономическаго успѣха народнаго быта, значительныхъ педагогическихъ силъ, приготовленіе которыхъ не можетъ быть сдѣлано вдругъ, и требуетъ правильнаго постояннаго контроля, для установленія котораго въ свою очередь необходимы и знающіе дѣло народнаго образованія специалисты и не малые матеріальныя средства. Преодолѣть всё эти затрудненія можно только постепенно.

Иде въ прошломъ году матеріальныя средства, состоящія въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія для развитія начальнаго образованія, простирались свыше до 900.000 руб. и въ томъ числѣ до 700.000 руб. собственно для образованія сельскаго населенія. Въ настоящемъ году, въ видахъ распространенія начальнаго образованія въ средѣ православнаго населенія Вяткинской, Лифляндской и Муромской губерній, Высочайше утвержденнаго 2-го марта мѣ-

ніемъ государственнаго совѣта на расходы по этому предмету ассигновано изъ государственнаго казначейства 22.500 руб. и одновременно на устройство училищъ до 20.000 руб., а съ 1871 года постановлено отпускать ежегодно по 30.000 руб. Въ томъ же мѣсяцѣ, по затруднительности въ наймѣ помѣщеній для городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ въ прошломъ году въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, назначено изъ государственнаго казначейства на постройку для этихъ училищъ собственныхъ домовъ 50.080 руб. Естественно, что всѣ эти средства, даруемыя правительствомъ, оказываются далеко недостаточными при 70-милліонномъ населеніи Имперіи. На помощь правительству идутъ, по мѣрѣ возможности, сами общества городскія и сельскія, земство и даже частныя лица, какъ, напримѣръ купецъ Нечаевъ, пожертвовавшій на содержаніе народной школы въ Воронежѣ 30.000 руб.; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, для поддержанія сельскихъ училищъ и въ 1870 году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжалось взиманіе особаго частнаго земскаго сбора съ крестьянъ. Между тѣмъ, труды особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія изъ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, для изысканія способовъ къ усиленію матеріальныхъ средствъ сельскихъ училищъ уже окончены, и соображенія по этому важному вопросу переданы на предварительное заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Второй существенный вопросъ для благоустройства начальнаго образованія заключается въ усиленіи и улучшеніи способовъ приготовленія способныхъ учителей для начальныхъ училищъ. Въ этихъ видахъ существующая съ 1864 года въ мѣстечкѣ Молодечнѣ (Вилънской губ.) учительская семинарія подверглась въ настоящемъ году преобразованію. По новому положенію, Высочайше утвержденному 17-го марта, въ семинаріи прибавленъ 3-й классъ, дабы доставить молодымъ людямъ возможность приобрести болѣе основательную подготовку къ будущей ихъ дѣятельности въ званіи учителей начальныхъ училищъ Вилънскаго округа. Съ прибавленіемъ 3-го класса и съ нѣкоторыми другими измѣненіями увеличился и штатъ содержанія Молодечнянской семинаріи (11.280 руб.) еще на 3.530 руб. Расходы правительства по этому дѣлу можно назвать вполне производительными. Молодечнянская семинарія въ короткій періодъ своего существованія успѣла уже оказать на дѣлѣ свое благотворное вліяніе на улучшеніе начальныхъ училищъ Вилънскаго округа. На тѣхъ же основаніяхъ,

какъ и Молодечницкая семинарія, учреждена въ 1870 году учительская семинарія въ Ригѣ на счетъ общей суммы, назначенной въ количествѣ 30.000 руб., Высочайше утвержденнымъ 2-го марта мѣсяцемъ государственнаго совѣта на развитіе начальнаго народнаго образованія между сельскимъ населеніемъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Въ семинаріи должны приготовляться изъ Эстовъ и Латышей учителя для училищъ въ селеніяхъ православныхъ Эстовъ и Латышей; преподаваніе въ семинаріи производится на русскомъ языкѣ, а потому будущіе учителя, вышедшіе изъ семинаріи, будутъ проводить знаніе русскаго языка и въ сельскія школы, а посредствомъ школъ и между эсто-латышскимъ населеніемъ этого края, желающимъ учиться русскому языку, но до сихъ поръ не имѣвшимъ къ тому средствъ. Съ какимъ сочувствіемъ встрѣчено было открытіе учительской семинаріи въ Ригѣ, видно изъ того, что изъявившихъ желаніе поступить въ нее Эстовъ и Латышей явилось 138 человекъ, изъ которыхъ, по выдержаніи экзамена, могли быть приняты только 54 человека.

Въ числу правильно организованныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей начальныхъ училищъ въ 1870 году присоединился еще Екатерининскій учительскій институтъ, открытый 5-го сентября въ Тамбовѣ, въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія, на счетъ процентовъ съ капитала 250.000 руб. пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нарышкинымъ. Сверхъ этого огромнаго капитала, великодушный жертвователь внесъ еще 2.000 р. на устройство бібліотеки и 3.000 руб. на первоначальное обзаведеніе. Учительскій институтъ въ Тамбовѣ руководствуется особымъ уставомъ, въ существѣ дѣла сходнымъ съ уставомъ Молодечницкой учительской семинаріи.

Независимо отъ сего, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ теченіе 1870 года обсуждались предположенія объ учрежденіи на счетъ правительства: а) учительской семинаріи въ Казани для приготовленія учителей начальныхъ училищъ Казанскаго округа въ мѣстностяхъ чисто русскихъ и православныхъ инородческихъ, мало или недостаточно обрусѣвшихъ; б) двухъ учительскихъ семинарій: одной — въ Уфѣ и другой — въ Симферополѣ съ цѣлью приготовленія знающихъ русскій языкъ учителей для училищъ Татаръ-магометанъ Приволжскихъ губерній и Крымскаго полуострова; в) педагогическихъ курсовъ при Омскомъ уѣздномъ училищѣ — для образованія учителей начальныхъ училищъ въ Западной Сибири, и г) педагогическихъ кур-

совъ въ Кіевской и Калининской дирекціяхъ Варшавскаго учебнаго округа — для приготовленія начальныхъ учителей въ Варшавскомъ округѣ. Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ предположеній имѣетъ существенную важность. Сибирь страдаетъ недостаткомъ въ учителяхъ; вслѣдствіе того начальныхъ училищъ тамъ мало и существующія изъ нихъ находятся въ крайне плохомъ состояніи. Иностранное православное населеніе губерній Казанскаго округа необходимо ограждать отъ сильнаго давленія на него мусульманской пропаганды, имѣющей притомъ въ виду сепаратистическія цѣли; самыя вѣрныя средства для уничтоженія этого давленія могутъ служить развитіе между этимъ населеніемъ образованія, основаннаго на началахъ христіанской религіи, и распространеніе знанія русскаго языка, которое дастъ возможность жителямъ изъ инородцевъ довершать свое образованіе посредствомъ чтенія русскыхъ книгъ или поступленія въ русскія учебныя заведенія. Столь же необходимо постепенное распространеніе знанія русскаго языка и между инородцами-магометанами, для того чтобы связать ихъ съ общимъ населеніемъ Имперіи единствомъ языка; достигнуть же этого лучше всего можно посредствомъ введенія въ нихъ школы обученія русскому языку, а для этой послѣдней цѣли требуется приготовленіе изъ среды инородцевъ-магометанъ учителей, знающихъ русскій языкъ, то-есть, учрежденіе учительскихъ семинарій. Всѣ эти вопросы и вообще вопросъ объ инородческомъ образованіи уже достаточно обработаны въ министерствѣ, а потому дѣлаемъ этия *будетъ* даль дальнѣйшій ходъ въ неопредѣлительномъ времени. Въ Варшавскомъ округѣ для приготовленія начальныхъ учителей сужсавуютъ уже педагогическія курсы въ семи мѣстностяхъ; но при значительномъ числѣ училищъ (болѣе 2.000) и для осуществленія въ возможной скорости принятой системы введенія обученія русскому языку и въ сельскихъ училищахъ Привисланикаго края, оаанываются необходимыя учрежденія еще двухъ педагогическихъ курсовъ въ Кіевской и Калининской дирекціяхъ училищъ. Представленіе по этому предмету внесено уже въ комисію по дѣламъ Царства Польскаго.

Въ дѣлѣ приготовленія учителей начальныхъ училищъ министерство народнаго просвѣщенія встрѣтило сочувствіе и со стороны общества, на счетѣ котораго содержатся уже учительскія школы въ Рязани и близъ Новгорода. Въ теченіе 1870 года Полтавское земство учредило на свой счетъ, съ разрѣшенія министерства, педагогическія курсы при всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Полтавской губерніи. Сверхъ того, на разсмотрѣніи министерства находится проектъ предложенія

земствъ Московской, Черниговской и Тверской губерній объ учрежденіи на ихъ счетъ земскихъ учительскихъ школъ въ означенныхъ губерніяхъ.

Но такъ какъ между наличными учителями сельскихъ начальныхъ училищъ большинство составляютъ лица, недостаточно приготовленныя къ успѣшному отправленію своихъ учительскихъ обязанностей, то для ознакомленія такихъ учителей съ лучшими методами обученія, въ теченіе 1870 года, по примѣру прежнихъ лѣтъ, устраивались въ лѣтнее время, свободное отъ ученія, педагогическіе сѣзды учителей начальныхъ училищъ. Сѣздами этими, на которыхъ давались примѣрные уроки, объяснялись методы начального обученія и указывались лучшіе учебники, руководили опытные педагоги, преимущественно инспекторы народныхъ училищъ. Такіе сѣзды происходили въ 1870 г. въ Архангельскѣ, въ Шуѣ и Александровѣ (Владимірской губерніи), въ Новосилѣ и Богородицѣ (Тульской губ.), Вяткѣ, Уржумѣ и Котельничѣ (Вятской губ.), въ Новгородѣ и Череповцѣ (Новгородской губ.), въ Конотопѣ (Черниговской губ.), въ Осташковѣ (Тверской губ.) и въ Холмѣ (Люблинской губерніи). Послѣдній сѣздъ, равно какъ и сѣзды въ Архангельскѣ, были устроены на счетъ правительства; расходи же по устройству остальныхъ сѣздовъ приняло на себя земство.

Приготовленіе учителей начальныхъ народныхъ училищъ сопряжено съ значительными затрудненіями и немаловажными издержками; по этому, въ видахъ удержанія при народныхъ училищахъ учителей хорошо приготовленныхъ, г. министръ народнаго просвѣщенія ходатайствовалъ объ освобожденіи учителей народныхъ училищъ отъ рекрутской повинности. Ходатайство это нынѣ разрѣшено Высочайше утвержденнымъ 26-го ноября 1870 года мнѣніемъ государственнаго совѣта въ смыслѣ утвердительномъ. Можно надѣяться, что такая льгота оставлена будетъ за учителями народныхъ училищъ и при готовящемся нынѣ распредѣленіи воинской повинности на всѣ сословія, такъ какъ ею пользуются учителя народныхъ училищъ даже и въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ принята обязательная для всѣхъ воинская повинность. Побѣды нѣмецкихъ армій надъ Французами не безъ основанія объясняются многими тѣмъ обстоятельствомъ, что, при общей обязательности ученія въ Германіи, въ рядахъ нѣмецкой арміи нѣтъ солдатъ, не получившихъ хотя бы начального образованія въ народной школѣ. У насъ же, при невозможности ввести въ настоящее время обязательное ученіе, тѣмъ необходимѣе поддерживать всѣми

часть слшп, отд. 4.

мѣрами народныя училища тамъ, гдѣ они существуютъ, и удерживать при нихъ тѣхъ учителей, которые получили необходимое для успѣха ихъ дѣятельности педагогическое образованіе.

Самую слабую сторону нашихъ народныхъ училищъ составляетъ, безъ сомнѣнія, недостатокъ надлежащаго контроля надъ ними. Училищныя совѣты, губернскіе и уѣздные, завѣдывающіе училищами, по самому составу своему и устройству, не могутъ исполнять, какъ бы слѣдовало, возложенныхъ на нихъ обязанностей. Учрежденные въ прошломъ году инспекторы народныхъ училищъ успѣли уже принести дѣйствительную пользу дѣлу; но ихъ слишкомъ мало — по одному на губернію, и притомъ не во всѣхъ губерніяхъ: необходимо повтѣрить дать помощниковъ инспекторамъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они находятся. Миѣніе по этому вопросу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія удостоилось одобренія Его Императорскаго Величества, и Государю Императору благоугодно было повелѣть дать ходъ этому дѣлу. Вслѣдствіе того, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются уже подробныя соображенія о количествѣ суммы, необходимой на содержаніе инспекторовъ и ихъ помощниковъ, а также объ измѣненіи состава училищныхъ совѣтовъ и непосредственномъ подчиненіи ихъ учебному начальству министерства народнаго просвѣщенія. По собраніи всѣхъ необходимыхъ данныхъ, и соглашеніи съ г. министромъ финансовъ насчетъ требующихся для сего суммъ, этому важному дѣлу дано будетъ дальнѣйшее, возможно скорое движеніе.

4. Женскія училища.

Женскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія существуютъ всего 12 лѣтъ, раздѣляясь на училища 1-го разряда, соответствующія по учебному курсу женскимъ гимназіямъ, и 2-го разряда, приближающіяся по курсу къ прогимназіямъ. Открытіемъ и поддержаніемъ своимъ они были обязаны до сихъ поръ исключительно усиліямъ и пожертвованіямъ городскихъ обществъ, земства и частныхъ лицъ. Быстрое ихъ распространеніе въ теченіе короткаго времени служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ необходимости. Къ 1-му января 1870 года считалось уже такихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, 50 — 1-го разряда и 109 — 2-го разряда, всего 159 съ 13.699 ученицъ. Послѣднее „положеніе“, которымъ опредѣлялся кругъ ихъ дѣятельности, будучи издано 10-го мая 1860 года, требовало уже измѣненій, вызываемыхъ указаніями

опыта; оказывалось необходимымъ также для поддержанія женскихъ училищъ назначить имъ нѣкоторое пособіе со стороны правительства, такъ какъ многія городскія общества затруднялись продолжать на этотъ предметъ свои пожертвованія, становившіяся съ развитіемъ училищъ все болѣе и болѣе значительными. Изданіе одного новаго „положенія“ для женскихъ училищъ безъ ассигнованія въ то же время опредѣленнаго пособія имъ со стороны правительства, не привело бы къ желаемому результату улучшенія этихъ училищъ. По этимъ причинамъ г. министръ народнаго просвѣщенія счелъ полезнымъ войти съ представленіемъ объ утвержденіи новаго положенія для женскихъ училищъ только тогда, когда убѣдился въ возможности получить пособіе на эти училища изъ государственнаго казначейства, о чемъ онъ неоднократно входилъ съ ходатайствомъ въ разное время. Представленіе это, по рассмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ, удостоилось 24-го мая 1870 года Высочайшаго утвержденія. Одновременно съ новымъ положеніемъ, по которому женскія училища 1-го и 2-го разряда переименованы въ женскія гимназій и прогимназій, на пособія имъ въ теченіе 1870 года ассигновано изъ государственнаго казначейства 50.000 руб. и постановлено производить на будущее время ежегодно отпускъ потребныхъ на такія пособія суммъ сообразно средствамъ государственнаго казначейства съ тѣмъ, чтобы суммы эти не превышали въ годъ 150.000 рублей. Такимъ образомъ въ этой новой щедротѣ Государя Императора женскія гимназій и прогимназій почерпнуть новыя живыя силы для продолженія и развитія своей полезной дѣятельности, вносящей въ многія семейства благіе плоды просвѣщенія. Ассигнованная сумма уже распределена по женскимъ училищамъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Одесскаго, Черниговской и Полтавской губерній Кіевскаго округа, а также губерній Западной и Восточной Сибири, то-есть, во всѣмъ тѣмъ училищамъ, на которыя распространяется дѣйствіе новаго положенія. Совмѣстно съ тѣмъ началось и преобразование женскихъ училищъ 1-го разряда въ гимназій, а 2-го разряда — въ прогимназій.

Существенныя улучшенія, внесенныя новымъ положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, заключаются въ точномъ опредѣненіи числа классовъ: семи — для гимназій и не менѣе трехъ — для прогимназій; въ прибавленіи восьмаго педагогическаго класса въ гимназіяхъ для приготовленія домашнихъ учительницъ; въ обозначеніи предметовъ учебнаго курса, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ прогимназіяхъ;

въ предоставленіи правъ службы преподавателямъ и преподавательницамъ, въ разграниченіи обязанностей попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ, съ возложеніемъ на первый—административныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ и на послѣдній—учебныхъ и воспитательныхъ; наконецъ, въ предоставленіи попечительному совѣту большаго протора въ выборѣ членовъ и предсѣдателя.

Въ теченіе 1870 года къ числу новыхъ женскихъ гимназій присоединились: женская гимназія въ Кишиневѣ, образованная изъ частнаго училища, съ содержаніемъ на счетъ общества, и женская гимназія во Владимірѣ, преобразованная изъ бывшаго тамъ женскаго училища 2-го разряда; на содержаніе послѣдней назначено мѣстнымъ земствомъ, кромѣ первоначальнаго ея обзаведенія, по 6.500 р. и городскимъ обществомъ по 1.500 руб. ежегодно. Число педагогическихъ классовъ, существующихъ при нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ, также увеличилось учрежденіемъ въ 1870 году такого класса при Тульской женской гимназіи.

Обозрѣвая результаты дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе 1870 года, нельзя не оставить вниманія на томъ отрадномъ фактѣ, что годъ этотъ особенно ознаменовался въ дѣтскихъ русскаго образованія такими громадными пожертвованіями, каковыхъ не бывало уже болѣе полустолѣтія, со времени князя Безбородко и Демидова. Таковы пожертвованія Нарышкина, Галагана, Полякова и книгини Суворовой, составляющія всѣ вмѣстѣ болѣе 800.000 руб. Если присоединить къ этому меньшія, но все же значительныя пожертвованія, каково купца Нечаева 30.000 руб. на народную школу въ Воронежѣ, множество капиталовъ, внесенныхъ на стипендіи для бѣдныхъ, воспитывающихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, многочисленныя пособія со стороны земства, городскихъ и даже сельскихъ обществъ на распространеніе образованія, то всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, краснорѣчивѣе всего доказываютъ, что сознание необходимости просвѣщенія все глубже и глубже проникаетъ въ среду нашего общества, и что общество, являясь въ этомъ дѣлѣ на помощь министерству народнаго просвѣщенія, питаетъ довѣріе въ учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ его вѣдомствѣ.

Псковской гимназіи	2	2	—
Вологодской	1	—	1 ⁴⁾
<hr/>			
Итого, изъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа	42	36	6
II. Московскаго учебнаго округа:			
1-й Московской гимназіи	5	2	3 ²⁾
2-й " "	7	7	—
3-й " "	6	6	—
4-й " "	3	3	—
5-й " "	1	1	—
Владимірской "	1	1	—
Калужской "	2	1	1 ³⁾
Костромской "	1	1	—
Смоленской "	1	1	—
Тверской "	6	4	2 ⁴⁾
Ярославской "	1	—	1 ⁵⁾
<hr/>			
Итого, изъ заведеній Московскаго учебнаго округа	34	27	7
III. Дерптскаго учебнаго округа:			
Ревельской гимназіи	2	2	—
IV. Кіевскаго учебнаго округа:			
2-й Кіевской гимназіи	1	—	1 ⁶⁾
Новгородъ-Сѣверской гимназіи	1	1	—
Немировской "	1	1	—
Нѣжинскаго лиція князя Безбородко	1	1	—
Житомирской гимназіи	2	2	—
Житомирскаго раввинскаго училища	3	2	1 ⁷⁾
<hr/>			
Итого, изъ заведеній Кіевскаго учеб- наго округа	9	7	2

⁴⁾ Изъ тригонометріи.

²⁾ 2 изъ езики и 1 изъ геометріи, тригонометріи и езики.

³⁾ Изъ арифметики, алгебры и тригонометріи.

⁵⁾ 1 изъ езики и 1 изъ алгебры.

⁶⁾ Изъ геометріи и езики.

⁷⁾ Изъ алгебры и тригонометріи.

⁸⁾ Изъ езики.

V. Казанскаго учебнаго округа:

Екатеринбургской гимназіи	1	—	1 ¹⁾
Казанской "	3	2	1 ²⁾
Нижегородской "	1	1	—
Пензенской "	1	1	—
Саратовской "	2	1	1 ³⁾
Самарской "	2	2	—

Итого, изъ заведеній Казанскаго учебнаго округа 10 7 3

VI. Харьковскаго учебнаго округа:

1-й Харьковской гимназіи	2	1	1 ⁴⁾
2-й " "	5	3	2 ⁵⁾
3-й " "	2	—	2 ⁶⁾
Орловской "	4	3	1 ⁷⁾
Курской "	1	1	—

Итого, изъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа 14 8 6

VII. Виленскаго учебнаго округа:

Бѣлостокской гимназіи	1	1	—
2-й Виленской "	2	1	1 ⁸⁾
Витебской "	3	2	1 ⁹⁾
Виленскаго раввинскаго училища	2	—	2 ¹⁰⁾
Гродненской гимназіи	1	1	—
Могилевской "	2	1	1 ¹¹⁾
Слуцкой "	2	2	—

Итого, изъ заведеній Виленскаго учебнаго округа 13 8 5

- 1) Изъ алгебры, тригонометріи и физики.
- 2) Изъ арифметики и геометріи.
- 3) Изъ физики.
- 4) Изъ алгебры и физики.
- 5) 1 изъ геометріи и тригонометріи и 1 изъ физики.
- 6) Изъ физики.
- 7) Изъ физики.
- 8) Изъ физики.
- 9) Изъ физики.
- 10) 1 изъ физики и 1 изъ геометріи.
- 11) Изъ арифметики и алгебры.

VIII. Одесскаго учебнаго округа:

Екатеринославской гимназій	1	1	—
Кишиневской	2	1	1 ¹⁾
Керченской	2	2	—
Николаевской	2	2	—
Ришельевской	3	2	1 ²⁾
Таганрогской	1	—	1 ³⁾
Херсонской	1	1	—
<hr/>			
Итого, изъ заведеній Одесскаго учебнаго округа	12	9	3

IX. Варшавскаго учебнаго округа:

Варшавской главной школы	1	1	—
1-й Варшавской гимназій	1	1	—
2-й	5	4	1 ⁴⁾
3-й	1	1	—
5-й	2	1	1 ⁵⁾
Варшавской реальной гимназій	3	2	1 ⁶⁾
Варшавской классической гимназій	1	1	—
Влоцлавской гимназій	1	1	—
Люблинской	2	2	—
Ломжинской	1	1	—
Петровской	1	—	1 ⁷⁾
<hr/>			
Итого, изъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа	19	15	4

X. Кавказскаго учебнаго округа:

Кубанской войсковой гимназій	1	1	—
Новочеркасской	5	4	1 ⁸⁾

1) Изъ арифметики и тригонометріи.

2) Изъ геометріи.

3) Изъ алгебры и физики.

4) Изъ геометріи и тригонометріи.

5) Изъ физики.

6) Изъ геометріи.

7) Изъ геометріи и тригонометріи.

8) Изъ алгебры, геометріи и тригонометріи.

Ставропольской гимназіи	1	1	—
Тифлисской "	6	5	1 ¹⁾
Итого, изъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа	13	11	2

XI. Училищъ и гимназій военнаго вѣдомства:

Михайловскаго артиллерійскаго училища	2	2	—
1-го Павловскаго военнаго училища	1	1	—
2-го Константиновскаго военнаго училища	1	—	1 ²⁾
3-го Александровскаго военнаго училища	1	—	1 ³⁾
1-й С.-Петербургской военной гимназіи	2	1	1 ⁴⁾
2-й " " " "	2	1	1 ⁵⁾
1-й Московской " " " "	3	3	—
Новгородской графа Аракчеева военной гимназіи	1	—	1 ⁶⁾
Орловской Бахтина военной гимназіи	1	—	1 ⁷⁾
Полоцкой военной гимназіи	2	2	—
Полтавской Петровской военной гимназіи	2	2	—

Итого, изъ заведеній военнаго вѣдомства	18	12	6
--	-----------	-----------	----------

Морскаго училища	1	—	1 ⁸⁾
----------------------------	---	---	-----------------

XII. Заведеній различныхъ вѣдомствъ:

Гимназіи челоѣколюбиваго общества	1	1	—
Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института	2	2	—

1) Изъ ариметики и физики.
 2) Изъ физики.
 3) Изъ геометріи и тригонометріи.
 4) Изъ физики.
 5) Изъ физики.
 6) Изъ ариметики.
 7) Изъ геометріи.
 8) Изъ ариметики и алгебры.

Лазаревскаго института восточныхъ языковъ	2	2	—
Нижегородскаго Александровскаго ин- ститута	2	2	—
Московскаго техническаго училища	1	1	—
Тамбовской духовной семинаріи	1	1	—
Медиико-хирургической академіи	1	—	1 ¹⁾
Константиновскаго межеваго инсти- тута	6	5	1 ²⁾
Технологическаго института	3	3	—
Горнаго института	1	1	—
Итого, изъ заведеній различныхъ въ- домствъ	20	18	2
XIII. Студентовъ университетовъ:			
Московскаго университета	4	1	3 ³⁾
Университета св. Владиміра	1	—	1 ⁴⁾
Варшавскаго университета	1	—	1 ⁵⁾
Итого, изъ университетовъ	6	1	5
Всего	213	161	52

1) Изъ тригонометріи.

2) Изъ ариметики, алгебры, геометріи и тригонометріи.

3) 2 изъ физики и 1 изъ ариметики.

4) Изъ ариметики и алгебры.

5) Изъ тригонометріи.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Предложеніе ректора университета св. Владиміра объ измѣненіи порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ университетскомъ совѣтѣ. — О зачетѣ въ учебную службу молодымъ людямъ, приготовляющимся къ профессорскому званію, времени пребыванія ихъ съ этою цѣлію при университетѣ. — О томъ, чтобы ищущіе медицинскихъ и фармацевтическихъ степеней и званій подвергались устному испытанію только на русскомъ языкѣ и писали и защищали диссертациі на русскомъ или латинскомъ языкахъ. — О введеніи преподаванія древнеармянскаго языка въ составъ предметовъ санскритско-персидскаго разряда факультета восточныхъ языковъ, и о порученіи профессору Березину преподаванія въ томъ же факультетѣ османскаго языка. — О кончинѣ заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго университета Каземъ-Бека. — О возведеніи въ степени почетныхъ докторовъ исправляющаго должность адъюнкта Московскаго университета Тихонравова и членовъ юго-славянской академіи В. Ягича и Ю. Даничича. — О присужденіи золотыхъ медалей студентамъ Новороссійскаго университета за, разсужденія о сатирахъ Ювенала. — Торжественный годичный актъ Московскаго университета.

На рѣшеніе университетскихъ совѣтовъ, на основаніи § 42 общаго устава университетовъ, ноступаетъ много дѣлъ и при обсужденіи нѣкоторыхъ изъ нихъ пренія бываютъ очень продолжительны, вслѣдствіе чего нерѣдко оказывается невозможнымъ доложить всѣ дѣла, приготовленныя къ докладу, и потому нѣкоторыя отлагаются до слѣдующаго засѣданія. Нерѣдко случается, что, послѣ долгаго обсужденія дѣла, не постановляется въ общемъ собраніи совѣта окончательнаго рѣшенія, а назначается коммиссія для предварительнаго обсужденія дѣла и представленія о немъ доклада совѣту. Такихъ коммиссій иногда бываетъ нѣсколько въ одно время и иные профессеры назначаются членами нѣсколькихъ коммиссій, чрезъ что отвлекаются отъ своихъ научныхъ занятій. Сверхъ того, при такомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, и притомъ въ многолюдной коллегіи, рѣшеніе дѣлъ

вообще замедляется. Наконецъ, иногда, по различнымъ случайнымъ причинамъ, въ засѣданіе совѣта не собираются необходимыя $\frac{2}{3}$ членовъ, вслѣдствіе чего засѣданіе отменяется и назначается въ другое неурочное время. Всѣ эти обстоятельства побудили г. ректора университета св. Владиміра *Матѣева* внести въ совѣтъ представленіе съ изложеніемъ мѣръ къ устраненію вышеизложенныхъ неудобствъ. По его мнѣнію, эти неудобства могли бы быть устранены двумя способами: 1) или уменьшеніемъ личнаго состава совѣта, съ тѣмъ, чтобы онъ состоялъ изъ ректора, проректора, декановъ и по одному депутату отъ каждаго факультета, или 2) возложеніемъ на правленіе университета рѣшенія большей части тѣхъ дѣлъ, которыя нынѣ по уставу подлежатъ рѣшенію совѣта. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію г. *Матѣева*, должны были бы также присутствовать депутаты факультетовъ, по одному отъ каждаго. Всѣ занятія совѣта, исчисленныя въ пунктахъ 1 — 10 § 42 устава, могли бы быть отнесены къ занятіямъ совѣта въ уменьшенномъ составѣ его или къ занятіямъ правленія въ указанномъ усиленномъ его составѣ. Общія же собранія совѣта должны были бы быть созываемы только для рѣшенія наиболее важныхъ дѣлъ. Вслѣдъ за этимъ представленіемъ г. ректора было доложено совѣту донесеніе г. профессора *Мацона*, который заявилъ, что, въ случаѣ осуществленія мѣръ, предложенныхъ г. ректоромъ, долженъ быть сокращенъ срокъ службы по административнымъ выборнымъ должностямъ университета. Уже и при нынѣшнихъ порядкахъ администраціи университета сокращеніе срока службы по выборнымъ должностямъ было бы весьма выгоднымъ для интересовъ университета; но это сокращеніе сдѣлается необходимымъ, если будутъ приняты предложенныя г. ректоромъ измѣненія. Въ такомъ случаѣ занятія по выборнымъ должностямъ, уже и теперь весьма обременительныя, увеличились бы до того, что для успѣшнаго веденія преподаванія не могло бы быть выгоднымъ обремененіе профессора выборною должностію на 4 или на 3 года. Съ другой стороны, успѣшный ходъ самой администраціи университета требуетъ сокращенія срока помянутой службы, ибо тогда только отстранится опасность вреднаго для научныхъ интересовъ университета бюрократизма, и предоставится общему собранію членовъ совѣта возможность своевременно измѣнять и освѣжать составъ сокращеннаго совѣта или увеличеннаго правленія. По установленію совѣта, предложеніе г. ректора и заявленіе профессора *Мацона* переданы на предварительное заключеніе факультетовъ (*Кисл. унив. изв.* № 11).

— На основаніи существующихъ постановленій, молодымъ людямъ, отправляемымъ по рекомендаціи факультетовъ за границу для усовершенствованія въ избранныхъ молодыми людьми специальностяхъ, время пребыванія ихъ за границею засчитывается имъ въ послѣдствіи въ дѣйствительную службу по учебному вѣдомству. Правило это однако же не распространено до сихъ поръ на молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія ихъ къ профессорскому званію, между тѣмъ какъ обязательства, принимаемыя на себя ими послѣдними, а равно и цѣль назначенія имъ стипендій, совершенно тождественны съ обязательствами и назначеніемъ лицъ, отправляемыхъ за границу. Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, представляя о семъ совѣту, просилъ исходатайствовать разрѣшеніе распространить означенное правило и на молодыхъ людей второй категоріи. Совѣтъ постановилъ ходатайствовать согласно представленію историко-филологическаго факультета (*Журн. сов. С.-Пб. унив.* № 16).

— На основаніи § 5 Высочайше утвержденныхъ 18-го декабря 1845 года правилъ объ испытаніи на званіе врачей, фармацевтовъ и прочія медицинскія званія, иностранцы испытываются, по собственному желанію, на латинскомъ или на одномъ изъ употребительнѣйшихъ у насъ европейскихъ языковъ; а 11-го марта 1859 г. Высочайше разрѣшено лицамъ, ищущимъ высшихъ медицинскихъ степеней, писать и защищать диссертациі, по собственному ихъ усмотрѣнію, на латинскомъ, русскомъ или тоже на одномъ изъ употребительнѣйшихъ у насъ европейскихъ языковъ. Медицинскій факультетъ Московскаго университета полагалъ: 1) что для отправленія въ Россію практики врачебной и фармацевтической, равно и практики дентистовъ и цовивальныхъ бабокъ, необходимо знаніе русскаго языка; поэтому, по мнѣнію факультета, необходимо требовать, чтобы для полученія медицинскихъ степеней и званій въ Россіи экзаменовались на рускомъ языкѣ; 2) что ищущій высшей медицинской степени, если не владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, чтобы написать на немъ диссертацию, можетъ представить ее на языкѣ латинскомъ; во всѣхъ же прочихъ факультетахъ Императорскихъ руссійскихъ университетовъ, въ которыхъ дѣйствуетъ Высочайше утвержденный 18-го іюня 1863 года общій уставъ университетовъ, представленіе и защищеніе диссертаций, вмѣстѣ языка русскаго, на другихъ употребительнѣйшихъ у насъ европейскихъ языкахъ не допускается. Донося о семъ совѣту, факультетъ просилъ ходатайствовать объ измѣненіи вышеприведен-

наго постановленія, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время иногда представляютъ и защищаютъ диссертациі на нѣмецкомъ языкѣ лица, не только прожившіе много лѣтъ въ Россіи, но даже и родившіеся въ ней. Совѣтъ постановилъ представить начальству объ измѣненіи § 5 Высочайше утвержденныхъ 18-го декабря 1845 года правилъ о поманутыхъ выше испытаніяхъ, съ тѣмъ, чтобъ ищущіе медицинскихъ и фармацевтическихъ степеней и званій подвергались изустному испытанію только на русскомъ языкѣ, и писали и защищали диссертациі на русскомъ, или на латинскомъ языкахъ (*Моск. унив. изв. № 8*).

— Ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета *Коссовичъ*, желая обратить вниманіе факультета восточныхъ языковъ на важность изученія древне-армянскаго языка для объясненія лексическаго состава и грамматическихъ формъ арійскихъ языковъ, вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ о введеніи преподаванія означеннаго языка въ составъ предметовъ санскритско-персидскаго разряда, при чемъ изложилъ нижеслѣдующіе мотивы. Французскіе ученые давно уже занялись разработкой исторической литературы Армянъ; нѣмецкіе же ученые обратили свое вниманіе на другую сторону армянскаго языка, а именно: на строеніе и составъ его. Слова и формы этого языка составляютъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія арійской отрасли; армянскій языкъ принадлежитъ къ иранскому сежейству и вполнѣ сохраняетъ связь съ европейскою отраслю арійскихъ языковъ. Эта связь не укрылась отъ проницательнаго взора основателя науки языкованія — Франца Боппа, который, во второмъ изданіи своей сравнительной грамматики, посвятилъ значительную часть своей книги изслѣдованію этого языка. Такое же вниманіе въ филологическомъ отношеніи обратили въ своихъ трудахъ на армянскій языкъ Виндишманнъ, Бетхеръ, Гоше и другіе. Въ настоящее время профессора Петерманъ въ Берлинѣ, Фр. Миллеръ въ Вѣнѣ, Юсти и другіе занимаются какъ изслѣдованіемъ, такъ и преподаваніемъ этого языка слушателямъ, посвятившимъ себя изученію сравнительнаго языкованія.

Для объясненія надписей, сохранившихся отъ древнихъ малоазійскихъ народовъ, знаніе армянскаго языка принесло успѣшныя результаты. Изученіе армянскаго языка въ связи съ изученіемъ родоначальныхъ языковъ арійскаго корня, каковы санскритъ и Zendъ, дастъ возможность и русскимъ молодымъ ученымъ принять участіе въ разработкѣ клинообразныхъ надписей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ древней Арменіи, чѣмъ занимаются съ успѣшными результатами

нѣмецкіе и англійскіе ученые. На основаніи такихъ данныхъ, г. профессоръ Коссовичъ просилъ факультетъ ходатайствовать о введеніи преподаванія древне-армянскаго языка въ арійское отдѣленіе, то-есть, въ разрядъ санскритско-персидскій восточнаго факультета. При этомъ г. Коссовичъ присовокупилъ, что нѣкоторые изъ студентовъ этого разряда, въ виду пополненія своихъ знаній по сравнительному языкознанію, сами посвящаютъ себя занятіямъ армянскимъ языкомъ подъ руководствомъ доцента *Патманова*. Факультетъ восточныхъ языковъ, вполне раздѣляя это заявленіе проф. Коссовича, представилъ совѣту о разрѣшеніи ввести преподаваніе древне-армянскаго языка въ составъ предметовъ санскритско-персидскаго разряда, съ обязательнымъ слушаніемъ этого курса студентами 3-го и 4-го курсовъ. Совѣтъ университета, на основаніи § 23, лит. Б, п. 3 и 4 общ. уст. унив., постановилъ привести въ исполненіе предположенія факультета восточныхъ языковъ. Тотъ же факультетъ, не имѣя въ виду лица, которому возможно было бы поручить преподаваніе османскаго языка, какъ одного изъ главныхъ предметовъ арабско-персидско-турецкаго разряда, представилъ совѣту университета о разрѣшеніи поручить преподаваніе юмьанутаго языка въ текущемъ году ординарному профессору *Березину*, съ назначеніемъ ему въ вознагражденіе за этотъ особый трудъ жалованья доцента и съ добавленіемъ изъ спеціальныхъ суммъ университета 159 руб., съ тѣмъ чтобы все вознагражденіе составляло половину всего оклада содержанія доцента, то-есть, 600 руб. Совѣтъ постановилъ представить объ этомъ на разрѣшеніе г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа (*Журн. Сов. С.-Пб. унив.* № 14).

Считаемъ уместнымъ упомянуть здѣсь, что С.-Петербургскій университетъ вообще и факультетъ восточныхъ языковъ въ особенности понесли тяжкую утрату: 27-го ноября скончался заслуженный профессоръ, деканъ факультета *А. К. Каземъ-Бекъ*. Г. ректоръ университета, въ засѣданіи совѣта 7-го декабря, сообщилъ ему объ этой потерѣ, сказавъ, что въ лицѣ покойнаго Александра Кассимовича, котораго продолжительная и полезная ученая и педагогическая дѣятельность, глубоко гуманный и благородный характеръ хорошо извѣстны всѣмъ гг. членамъ совѣта, университетъ понесъ тяжелую и трудно вознаградимую потерю. Память о немъ, присовокупилъ г. ректоръ, конечно, никогда не изгладится въ сердцахъ его сослуживцевъ и питомцевъ, искренно и глубоко его уважавшихъ, но тѣмъ не менѣе желательно, чтобы нѣрологъ покойнаго, написанный однимъ изъ ближайшихъ его товарищей по службѣ, могъ быть приложенъ къ протоко-

дамъ, издаваемымъ университетскимъ совѣтомъ. Вслѣдствіе этого совѣтъ просилъ г. проф. *Березина* принять на себя трудъ составить некрологъ Каземъ-Бека (*Тамъ же* № 16). Онъ скончался 27-го ноября, а между тѣмъ 9-го ноября совѣтомъ С.-Петербургскаго университета, на представленіе факультета восточныхъ языковъ, постановлено было ходатайствовать о командированіи Каземъ-Бека на годъ съ ученою цѣдію въ Вѣну, Венецію, Флоренцію и Римъ. Факультетъ полагалъ возложить на него слѣдующія порученія: 1) Въ Вѣнѣ осмотрѣть богатое собраніе восточныхъ рукописей, которыя для ориенталиста представляютъ богатое пособіе при историческихъ и филологическихъ работахъ; особенно обильные матеріалы собраны въ Вѣнѣ для исторіи Турціи, и нѣтъ сомнѣнія, что турецкія рукописи заключаютъ въ себѣ не мало свѣдѣній объ отношеніяхъ Турціи къ Россіи; разработка этого отдѣла, прямо относящагося къ отечественной исторіи, была бы, по мнѣнію факультета, не малою заслугой. 2) Въ Венецію, въ архивъ бібліотеки *Samaro di Frari*, въ отдѣленіи *cancelaria secreta*, разобрать коллекцію дипломатическихъ писемъ на персидскомъ и турецкомъ языкахъ, которыя были прислаемы съ XIV по XVII столѣтіе персидскими шахами и турецкими султанами къ Венеціанскимъ дожамъ. Письма эти могутъ уяснить взаимныя отношенія Персіи и Турціи, а равно и отношенія этихъ государствъ къ Венеціанской республикѣ и отчасти къ Европѣ. 3) Во Флоренціи, въ бібліотекѣ *S. Lorenzo*, и въ Римѣ, въ Ватиканской бібліотекѣ, находится большое число манускриптовъ арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ, каталоги которыхъ до сего времени не изданы, но имѣются только въ рукописяхъ въ означенныхъ бібліотекахъ. Такъ какъ въ Италиі мало вполнѣ ученыхъ ориенталистовъ, то разборъ такого значительнаго числа манускриптовъ и сообщеніе свѣдѣній о болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ по своему достоинству представило бы не малый интересъ для науки (*Тамъ же*, № 14).

— Члены историко-филологическаго факультета Московскаго университета, единогласно признавъ исправляющаго должность адъюнкта г. *Тихонравова*, за его ученые труды, вполнѣ достойнымъ степеніи доктора русской словесности, ходатайствовали предъ совѣтомъ о возведеніи его въ эту ученую степень *honoris causa*, при чемъ былъ представленъ перечень ученыхъ и педагогическихъ трудовъ его. Г. Тихонравовъ напечаталъ слѣдующія сочиненія и изданія: по народной словесности: 1) „О духовныхъ русскихъ стихахъ“ (въ отчетѣ Академіи Наукъ за 1864 годъ); 2) „Слово о Полку Игоревѣ“, съ введеніемъ,

объяснительными примѣчаніями, словаремъ и рецензіей текста, два изданія (въ 1866 и 1869 г.); по исторіи древне-русской литературы: 1) „Памятники русской литературы“, два тома (1863 г.); 2) „Объ отреченныхъ книгахъ“ (въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863 г.); 3) „Собраніе древнѣйшихъ русскихъ поученій, направленныхъ противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ“; 4) „Луцидаріусъ“, съ примѣчаніями, и 5) „Начало русскаго театра“; въ дополненіе къ этому изслѣдованію имъ изданы: а) „Рождественская мистерія“ св. Дмитрія Ростовскаго; б) „Двѣ школьныя драмы“, написанныя въ Кіевской духовной академіи, и в) „Русскія интермедіи первой половины XVIII вѣка“. По исторіи русскаго раскола и сектанства: 1) „Боярыня Морозова“, изслѣдованіе; 2) „Автобіографія протопopa Аввакума“; 3) „Квиринъ Кульманъ.“ По исторіи новой русской литературы: 1) „Жизнь и сочиненія Фонъ-Визина“ (въ біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета); 2) „Новиковъ“ (тамъ же). Въ дополненіе къ этой біографіи издано потомъ „Собраніе новыхъ свѣдѣній о Новиковѣ и членахъ компаніи типографической“; 3) „Графъ Ростопчинъ и литература въ 1812 году“. По исторіи науки и критики: 1) „Кіевскій Митрополитъ Евгеній Болховитяновъ“; 2) „Опытъ историческаго словаря русскихъ писателей“, Новикова; 3) „Біографіи профессоровъ Московскаго университета: Баузе, Буле, Шварца“; 4) „Собраніе писемъ профессоровъ Московскаго университета къ знаменитому попечителю онаго М. Н. Муравьеву“. Сверхъ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1859 по 1863, г. Тихонравовъ издавалъ „Лѣтописи русской литературы и древности“, въ которыхъ своими трудами принимали участіе многіе изъ профессоровъ и специалистовъ по этому предмету; печатавшіеся въ этомъ изданіи старинныя памятники русской литературы требовали отъ издателя большихъ усилій и времени для тщательнаго редактированія и корректуры. Кромѣ университетскаго преподаванія, г. Тихонравовъ не разъ читалъ публичныя лекціи и предлагалъ чтенія въ разныхъ ученыхъ обществахъ. Перечень изданныхъ имъ сочиненій даетъ понятіе о томъ, до какой степени лекціи его основательны по критикѣ предмета и интересны по разнообразію содержанія. Совѣтъ университета постановилъ утвердить исправляющаго должность адъюнкта Тихонравова въ степени доктора русской словесности на основаніи примѣчанія къ § 113-му общаго устава университетовъ. Въ томъ же засѣданіи совѣта г. Тихонравовъ былъ подвергнутъ баллотированію въ званіе экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русскаго языка и русской литературы и избранъ большинствомъ 33-хъ голо-

совъ противъ 5-и неизбирательныхъ (*Моск. унив. изв.* № 8). Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета утверждены, послѣ единогласнаго избранія, въ званіе почетныхъ докторовъ славянской филологіи, на основаніи примѣчанія къ указанной выше статьѣ университетскаго устава, юго-славянскіе ученые Ватрославъ *Ягичъ* и Юрій *Даничицъ*. Баллотированію ихъ предшествовало прочтеніе заслуженнымъ профессоромъ *Срезневскимъ* записки о ихъ ученыхъ заслугахъ и трудахъ, изъ которой мы извлекаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія. Главный центръ дѣятельности юго-славянскихъ ученыхъ — это Юго-славянская академія наукъ и художествъ, въ Загребѣ, главномъ городѣ Хорватской земли, учрежденная и поддерживаемая одними частными пожертвованіями безъ всякаго денежнаго пособія отъ казны. Ходатайство областнаго сейма объ утвержденіи правительствомъ предположенія учредить эту академію отправлено было въ Вѣну въ іюль 1861 года, а соизволеніе на него было выражено имъ лишь въ мартѣ 1863 г.; затѣмъ три года разсматривался проектъ устава академіи и былъ утвержденъ императоромъ только въ мартѣ 1866 года. Не надѣясь на скорое утвержденіе устава, тѣ изъ ученыхъ, которые принимали ближайшее участіе въ учрежденіи академіи, предприняли издавать повременникъ до тѣхъ поръ, пока не откроется дѣятельность академіи и не начнется изданіе повременнаго сборника отъ ея имени. Предпринятое изданіе подъ названіемъ *Книжевникъ* сдѣлалось сборникомъ наблюденій и изслѣдованій по языкознанію, исторіи и естествовѣдѣнію, подъ редакціей В. Ягича, Ф. Рачьскаго и Торбара, и показала многимъ совершенно неожиданно, на какой высокой степени требовательности стоятъ научныя работы въ кружкѣ, хлопотавшемъ объ учрежденіи академіи. Другаго научнаго повременника такого высокаго достоинства у западныхъ Славянъ не было. Само собою разумѣется, что труды участниковъ не были оплачиваемы: благо были деньги на ихъ изданіе. По открытіи академіи, имѣвшей первое торжественное собраніе 28-го іюля 1866 года, *Книжевникъ* сталъ не нуженъ, и съ 1867 года его замѣнили *Труды Юго-славянской академіи*. Въ этотъ краткій періодъ времени академія, поддерживающая себя своими частными средствами, безъ всякаго пособія, даже не пользуясь вниманіемъ правительства, издала 13 томовъ *Записокъ* 1 томъ „Историческихъ памятникъ южныхъ Славянъ“, 2 тома „Старинъ“, въ двухъ томахъ „*Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*“, 2 тома „Собранія старыхъ писателей хорватскихъ“, томъ „Исторія литературы Хорватской и Сербской“ вышеупомянутаго В. Ягича, „Словарь лѣвар-

ственный, „Flora sloatica“, въ огромномъ томѣ, всего 22 тома въ 4 года. „Судя по тѣмъ трудамъ, говоритъ г. Срезневскій, которые мнѣ вполне понятны, смѣло скажу, что едва-ли какая академія поставлена по внутреннимъ своимъ силамъ и по направленію счастливѣе, въ дѣятельности безупречнѣе, для будущаго надежнѣе: каждый изъ трудовъ, ею изданныхъ, есть вкладъ въ науку, поясняющій или раскрывающій что-нибудь замѣчательное, мало или вовсе не извѣстное; каждый проникнуть увлеченіемъ любви къ предмету и строгою сдержанностью возможно - полного и недовѣрчиваго къ своимъ выводамъ знанія. Что трудиться безъ пособія изданій Юго-славянской академіи ни по славянской исторіи, ни по филологіи нельзя — это, вонечно, подтвердить каждый трудящійся“. Опираясь на эту увѣренность, г. Срезневскій позволилъ себѣ предложить совѣту С.-Петербургскаго университета почтить выраженіемъ сочувствія дѣятельность двухъ членовъ Юго-славянской академіи: В. Ягича — члена ея съ самаго ея учрежденія, понинѣ продолжающаго трудиться особенно ревностно, и Ю. Даничича, главнаго секретаря академіи. Оба они пользуются высокимъ уваженіемъ во всемъ славянскомъ кругу и возведены нашею академіей наукъ въ званіе членовъ - корреспондентовъ. Разборъ древнихъ памятниковъ славянскихъ, изслѣдованія сравнительно-грамматическія и историко-литературныя, изданіе и объясненіе произведеній отечественной словесности стараго времени — таковъ кругъ работъ В. Ягича. По грамматикѣ и исторіи языка имъ изданы: разборъ склоненія именъ существительныхъ въ славянскомъ языкѣ (1862), разборъ правописанія (1864), соображенія о Хорватскомъ словосочиненіи (1865), грамматика Хорватскаго нарѣчія сравнительно съ старо-славянскимъ (1866), разборъ новой вокализациі хорватской (1869); кромѣ того — историко-филологическое разсмотрѣніе славянскаго языкознанія (1865), разсмотрѣніе филологическихъ трудовъ Л. Е. Шлейхера (1869). По исторіи литературы: замѣчанія о народной поэзіи сербско-хорватской (1861), разборъ эпопеи XVII вѣка: периплъ Адриатическаго моря (1865), исторія письменности сербской и хорватской (1867), дополненіе къ ней (1868), свѣдѣнія о трубадурахъ и древнѣйшихъ лирикахъ хорватскихъ (1866), обзоръ старой хорватской прозы (1867). По объясненію древнихъ славянскихъ памятниковъ: замѣчанія о древне-славянскомъ переводѣ Евангелія (1863); подробный разборъ языка древняго глагольскаго Евангелія по Ватиканскому списку (1865); изъ памятниковъ языка и литературы имъ изданы и объяснены, гдѣ было нужно: образцы стараго хорватскаго языка (1866); удѣлѣнныя отрывки

изъ древней глаголической книги Апостольскихъ чтеній сравнительно съ другими списками (1867), двѣ книги собранія старыхъ писателей, заключающія въ себѣ произведенія Марулича, Мичетича и Държича (1869 — 1870). Нельзя упустить изъ виду и его разборы разныхъ филологическихъ произведеній, разборовъ, помѣщенныхъ въ *Книжечникъ* и въ *Трудахъ Юго-славянской академіи*, богатыхъ замѣчаніями о предметахъ, которымъ они посвящены, полезными какъ вообще, такъ и для ихъ сочинителей. Обиліе и разнообразіе трудовъ В. Ягича убѣждаетъ, что онъ труженикъ постоянный, преданный научнымъ занятіямъ исключительно, и потому непрерывно обогащающій свои запасы наблюдений и изслѣдованій; а то, что имъ издано, убѣждаетъ, что онъ не только стоитъ въ уровень съ общепринятыми требованіями науки, но и умѣетъ ихъ оцѣнить, какъ знатокъ самостоятельный, не увлекаясь ни домыслами другихъ, ни своими собственными, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ достоинъ уваженія и по даровитости, и по сознанію своего признанія, какъ писатель-гражданинъ, который долженъ быть примѣромъ самоотверженія въ дѣлѣ служенія отечеству. Другой, не менѣ заслуженный членъ Юго-славянской академіи, Ю. Даничичъ, выказалъ не менѣ дѣятельное участіе въ научныхъ успѣхахъ южныхъ Славянъ, хотя и въ болѣе ограниченномъ кругѣ. Его старанія сосредоточивались постоянно на разъясненіи строя и состава сербскаго языка и на изданіи древнихъ памятниковъ сербской письменности. Однимъ изъ первыхъ его трудовъ, обратившимъ на себя вниманіе всѣхъ славянскихъ филологовъ, была Сербская грамматика (1850). Съ того времени и особыми книгами, и въ *Гласникъ Бѣлградскаго общества наукъ*, и въ *Трудахъ Юго-славянской академіи* издано имъ значительное число трудовъ меньшаго размѣра, касающихся или вообще сербской грамматики или частныхъ ея вопросовъ. Отдѣльно издалъ онъ: сербскій синтаксисъ (1858), въ нѣсколькихъ изданіяхъ обличь сербскаго языка (4-е въ 1864), опредѣленіе отличій сербскаго и хорватскаго языка (1857), разборъ удареній въ сербскомъ языкѣ (1859); въ *Гласникъ* издано: рассмотрѣніе сербскаго уменьшенія и увеличенія (1860); въ *Трудахъ академіи*: Разборъ значенія звуковъ ħ и ǰ въ исторіи славянскихъ языковъ. Большой его трудъ— „Словарь сербскаго языка по древнимъ памятникамъ письменности“, вышелъ въ трехъ томахъ (1863—1864). Неизданныхъ памятниковъ, по рукописямъ, издано имъ значительное число: житіе св. Саввы (1860), житіе св. Симеона и Саввы (1865), Никольское евангеліе (1864). Эти труды изданы отдѣльными книгами. Въ

Гласникъ, Книжевникъ и Трудахъ Юго-славянской академіи издано имъ много памятниковъ меньшей величины. При его изданіяхъ памятниковъ всегда помѣщаются описанія, разборы, сравненія, объясненія. При выборѣ памятниковъ для изданія онъ руководствовался постоянно ихъ важною для исторіи языка или ихъ историческимъ значеніемъ. Его разборы трудовъ другихъ ученыхъ также многочисленны и важны, какъ для науки, такъ и для исторіи литературы. Теперь на него возложенъ Юго-славянскою академіей трудъ составленія большаго сербскаго словаря, для котораго матеріалы собираются по всѣмъ землямъ сербскимъ и хорватскимъ. „Важное преимущественное предъ другими значеніе двухъ означенныхъ ученыхъ“, сказалъ въ заключеніе г. Срезневскій, „такъ велико, что ихъ нельзя не считать въ числѣ главныхъ представителей историко-филологической дѣятельности у западныхъ Славянъ и по обилію, и по внутреннему достоинству ихъ трудовъ, и по ихъ вліанію на другихъ. Все это, мнѣ кажется, возлагаетъ на насъ долгъ почтить ихъ знакомъ уваженія, единственно для насъ возможнымъ, дипломами на степень докторовъ славянской филологіи“. (*Журн. Сов. С.-Петербургскаго унив.* № 16).

— Историко-филологическимъ факультетомъ Новороссійскаго университета, на 18⁶⁹/70 академическій годъ, предложено было студентамъ для соисканія медали представить переводъ и разборъ XIV-й сатиры Ювенала, съ обращеніемъ вниманія на изслѣдованіе Оттона Риббека (*Der echte und der unechte Juvenal, eine kritische Untersuchung von Otto Ribbek. Berlin 1865*) и съ критическою оцѣнкою доводовъ, которыми этотъ ученый старается доказать, что упомянутая сатира, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, не принадлежитъ Ювеналу, но должна считаться произведеніемъ позднѣйшаго поэта декламатора. При этомъ имѣлось въ виду узнать: 1) въ какой мѣрѣ студенты способны понимать древнихъ римскихъ поэтовъ и переводить ихъ на отечественный языкъ; 2) на сколько они въ состояніи воспользоваться разнообразнымъ ученымъ матеріаломъ, имѣющимся для даннаго вопроса, и 3) могутъ ли они прійти къ рѣшенію возбужденнаго Риббекомъ ученаго спора путемъ собственной критики? Предложенная задача не принадлежала къ числу легкихъ. Разборъ XIV-й сатиры, считаемою Риббекомъ подложною, требовалъ глубокаго изученія всѣхъ остальныхъ сатиръ Ювенала, ознакомленія съ языкомъ этого поэта, его взглядами и убѣжденіями, съ эпохою, въ которую онъ жилъ и писалъ, наконецъ, съ новѣйшею литературою о Ювеналѣ, высказавшей объ этомъ писателѣ мнѣнія весьма различныя, а иногда и со-

всѣмъ противоположныя. Факультету были представлены два объемистыя разсужденія: одно въ 500 слишкомъ страницъ, другое не много меньше, служащія доказательствомъ не только необыкновеннаго трудолюбія ихъ авторовъ и начптанности, но и знакомства съ приемами критики вмѣстѣ съ нѣкоторою самостоятельностью взгляда при оцѣнкѣ какъ самого Ювенала, такъ равно и мнѣній, о немъ существующихъ. Возставая, хотя и не первые, противъ скептицизма Риббека, оба автора стараются доказать неосновательность его предположенія о поддѣльности XIV-й и другихъ сатпръ. Авторъ, избравшій своимъ девизомъ тацитовское *sine ira et studio*, счелъ нужнымъ распространиться сначала о римской сатирѣ вообще, о ея происхожденіи и развитіи, о сатирическихъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, для того, чтобы, перейдя затѣмъ къ Ювеналу и познакомивъ читателя со средою, въ которой жилъ поэтъ и съ ея вліяніемъ, представить характеристику его сатиръ и показать внутреннее между ними единство, не позволяющее смотрѣть на нихъ вмѣстѣ съ Риббекомъ, какъ на произведеніе позднѣйшей руки. Соглашаясь съ нѣмецкимъ ученымъ, что содержаніе и духъ заподозрѣнныхъ сатиръ значительно отличаются отъ первой половины имѣющагося собранія сатиръ Ювенала, что въ нихъ болѣе отражается вліяніе школы, и что иныя сравнительно слабѣе, авторъ справедливо признаетъ ихъ прекрасными въ цѣломъ ихъ составѣ и даже болѣе благородными. Написанныя въ старческомъ возрастѣ, онѣ, по словамъ автора, не содержатъ въ себѣ отвратительныхъ сценъ, встречающихся въ первыхъ Ювеналовыхъ сатирахъ, но чисто философскую и нравственную мораль. Въ нихъ вездѣ царствуетъ убѣжденіе, добродѣтель, мудрость и то спокойствіе и возвышенность духа, которыя напоминаютъ Сократа и даже принципы стоическаго ученія. Отличительный характеръ этихъ сатиръ объясняется ихъ содержаніемъ и лѣтами поэта. Излагая новыя идеи, поэтъ долженъ былъ принять и новый слогъ, хотя менѣе сильный, но болѣе соответствующій предмету; изображая пороки цѣлаго человѣчества, онъ долженъ былъ чаще касаться общихъ мѣстъ, заученныхъ въ школахъ риторовъ, но при удобномъ случаѣ онъ дѣлаетъ указанія и на современную римскую жизнь и на лица, по которымъ можно, хотя и приблизительно, опредѣлить время сочиненія сатиры. Подробный разборъ отдѣльных доказательствъ Риббека сдѣланъ авторомъ при объясненіи XIV-й сатиры. Здѣсь имъ обращено вниманіе на то, что тѣ же самыя недостатки, которые Риббевъ отыскиваетъ въ заподозрѣнныхъ сатирахъ, находятся и въ настоящихъ, тѣ же самыя мысли и убѣжденія встрѣ-

чаются въ тѣхъ и другихъ. Обрабатывая свое разсужденіе, авторъ имѣлъ подъ руками весьма много пособій, литература предмета ему также хорошо знакома. Нѣкоторыя шероховатости въ русскомъ слогѣ и неточности въ переводѣ сатиры не уменьшаютъ достоинства труда, который по самой обширности своей лишалъ автора возможности тщательно пересмотрѣть и исправить свое сочиненіе. — Авторъ другаго разсужденія, съ эпиграфомъ: *est modus in rebus denique fines, Quos ultra citraque nequit consistere rectum*, приступаетъ прямо къ разбору доводовъ Риббека. Прилежное изученіе Ювеналовыхъ сатиръ и ихъ сравненіе между собою дали ему обильный матеріалъ, которымъ онъ пользуется весьма искусно для опроверженія мнѣній нѣмецкаго критика. Считаая дошедшее до насъ собраніе сатиръ Ювенала произведеніемъ одного пера, онъ старается доказать необходимость дуализма между сатирами, писанными въ молодости поэта, и позднѣйшими, принадлежащими его старости. Онъ видитъ въ Ювеналѣ относительно его поэтической дѣятельности какъ бы двѣ личности: личность поэта, возведеннаго въ этотъ священный санъ, хотя и не природнымъ дарованіемъ, по глубокимъ негодованіемъ, и личность декламатора вялаго и холоднаго, сисящагося подняться на несвойственную ему высоту и падающаго стремглавъ. Эти два противоположныя направленія могли существовать рядомъ только до извѣстной степени, въ извѣстный періодъ его жизни, такъ какъ одно изъ нихъ исключалось другимъ. Чѣмъ болѣе Ювеналь былъ одержимъ негодованіемъ, тѣмъ болѣе онъ былъ настоящимъ поэтомъ и тѣмъ менѣе декламаторомъ, и наоборотъ. Но негодованіе, какъ чувство, могло быть сильнѣе въ зрѣлыя годы, чѣмъ въ старости, которая отчасти примирила его съ жизнью, отчасти потушила его энергію. Оттого болѣе раннія произведенія поэта должны были отличаться болѣе высокими поэтическими достоинствами и большею свѣжестью чувства, чѣмъ написанныя имъ подъ старость. Сравнительно меньшее участіе историческаго матеріала въ позднѣйшихъ сатирахъ авторъ объясняетъ внѣшними и внутренними обстоятельствами жизни поэта. Ювеналь въ молодости былъ сторонникомъ сенатской партіи и жлъ жизнью Римлянина, не постигая, что помимо ея есть еще жизнь человѣка. Его сердце было приковано къ отжившимъ явленіямъ жизни республиканскаго Рима, и сверкающіе гнѣвомъ негодованія глаза были устремлены на Римъ императорскій, гдѣ они не видѣли ничего кромѣ зрѣлища порока. Ничто не ускользнуло отъ нихъ. Какъ постоянный житель Рима, онъ зналъ все, что происходило въ немъ: отъ того первая половина

его сатиры изобилуетъ картинами современной ему римской жизни. Въ другихъ сатирахъ ихъ менѣе потому, что большая ихъ часть написана въ изгнаніи, да и самъ Ювеналь, подъ вліяніемъ старческой опытности и философіи, менѣе былъ склоненъ собирать картины паденія квири-товъ: паденіе человѣка въ это время болѣе привлекало его вниманіе. По мѣрѣ того, какъ поэтъ, вслѣдствіе старости и извѣстнаго пре- образования своихъ убѣжденій, охладѣлъ въ своемъ гнѣвѣ, по мѣрѣ того, какъ исчерпывался матеріалъ положительнаго содержанія его сатиръ, онъ спускается въ область морали и дидактизма и совсѣмъ ударяется въ холодное декламаторство. Отъ послѣдняго онъ никогда не былъ совсѣмъ свободенъ по причинѣ сферы, его окружавшей. Вліяніе этой сферы вычурности, надутости и декламаторства весьма метко обрисовано авторомъ. „Вспомните“, говоритъ онъ, „господство схоластики или господство псевдо-классической теоріи въ ново-европейской литературѣ. Примѣръ Лессинга нисколько не противорѣчить этому мнѣнію. Онъ показываетъ, что мысль гениальнаго чело- вѣка можетъ возстать противъ уродливыхъ явленій человѣческой жизни только тогда, когда эти послѣднія уже отживаютъ свой вѣкъ и ихъ недостатки обнаруживаются сами собою; но пока это наступить, даже и гениальные люди, наравнѣ съ людьми посредственныхъ дарова- ній, подчиняются общимъ недостаткамъ своего времени. Какъ ни гениальны были поэты Расинъ, Корнель, все же таки они остались псевдо-классиками; какъ ни гениаленъ былъ Ломоносовъ, все же онъ положилъ начало въ Россіи псевдо-классической теоріи, которая на- ложила на долгое время печать застоя быстро двигавшейся со вре- менъ Петра I русской поэзіи“. Вообще, нельзя не отдать справедливо- сти выводамъ автора, до которыхъ онъ доходитъ часто путемъ само- стоятельной критики. Переводъ, сдѣланный имъ, хорошъ, хотя въ иныхъ мѣстахъ отстываетъ слишкомъ отъ подлинника. На основаніи вышеизложеннаго, оба разсужденія признаны историко-филологиче- скимъ факультетомъ достойными золотой медали. Совѣтъ Новороссій- скаго университета, по выслушаніи отзыва факультета, вполне согла- сился съ мнѣніемъ его о достоинствахъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, и съ заключеніемъ его. По вскрытіи конвертовъ съ девизами оказалось, что разсужденіе съ эпиграфомъ: *est modus in rebus* принадлежитъ студенту IV-го курса Станиславу *Опацкому*, а разсуж- деніе съ эпиграфомъ: *sine ira et studio* — студенту того же курса Дарію *Нагуевскому*. При этомъ заявлено деканомъ факультета, что оба они окончили испытаніе съ правами на степень кандидата. По-

сему совѣтъ постановилъ: руководствуясь § 96 общ. уст. унив. и § 12 правилъ объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата, утвердить гг. Опацкаго и Нагуевскаго въ степени кандидата, и на торжественномъ актѣ наградить ихъ золотыми медалями (*Прот. Новор. унив.* 30-го мая 1870).

— 12-го января происходило празднованіе сто-шестнадцатой годовщины основанія Московскаго университета, начавшееся божественною литургіей, которую совершалъ преосвященный *Леонидъ*, епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, въ сослуженіи ректора Московской духовной академіи, протоіерея А. В. *Горскаго*, профессора богословія въ университетѣ, протоіерея *Сергіевскаго*, преподавателя Александровскаго военнаго училища *Иванцова-Платонова* и издателя *Православнаго Обзорнія* свящ. *Смирнова-Платонова*. По окончаніи литургіи передъ благодарственнымъ молебствіемъ сказано было слово профессоромъ Н. А. Сергіевскимъ. При богослуженіи присутствовали Московскій генераль-губернаторъ князь *Долгоруковъ*, генераль-адъютантъ *Шиповъ*, генераль *Перфильевъ*, сенаторы князь *Трубецкой* и *Казначеевъ*, предсѣдатель судебной палаты сенаторъ *Шаховъ*, попечитель Московскаго учебнаго округа князь *Ширинскій-Шихматовъ*, городской голова князь *Черкасскій*, помощникъ попечителя округа князь *Мещерскій*, директоръ Румянцовскаго музея *Дашковъ*, второй предсѣдатель судебной палаты *Люминарскій* и многія другія почетныя лица города. По окончаніи молебствія, посѣтители прибыли въ актовую залу, гдѣ происходило торжественное собраніе при огромномъ стеченіи публики. Здѣсь профессоръ *Поповъ* произнесъ рѣчь „О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія“; другая рѣчь — профессора *Бредихина*: „О падающихъ звѣздахъ“ — не была произнесена по болѣзни автора. Въ заключеніе секретарь совѣта читалъ извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣйствіяхъ университета въ истекшемъ году съ провозглашеніемъ именъ студентовъ, удостоившихся получить золотыя и серебряныя медали, которыя и были поднесены для раздачи преосвященному Леониду, князю В. А. Долгорукову и другимъ почетнѣйшимъ лицамъ. Актъ окончился трюжды пропѣтымъ народнымъ гимномъ и восторженными кликами *ура!* Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 9), откуда мы заимствовали это извѣстіе, помѣщено краткое извлеченіе изъ читаннаго на актѣ отчета. Въ свое время мы сообщимъ нашимъ читателямъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подробное извѣстіе о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ

1870 году, а теперь ограничимся лишь сообщеніемъ свѣдѣній о числѣ учащихся. Къ концу 1870 года находилось въ университетѣ: а) студентовъ—1.541, а именно: на историко-филологическомъ факультетѣ—114, на физико-математическомъ — 170 (по отдѣленію математическихъ наукъ 122, по отдѣленію естественныхъ наукъ 48), на юридическомъ — 822 и медицинскомъ — 435; б) стороннихъ слушателей 83 и в) аптекарскихъ помощниковъ 159. Изъ числа студентовъ было стипендіатовъ: казенныхъ 99, Его Императорскаго Величества 1, въ Бозѣ почившаго Государя Цесаревича Николая Александровича 4, Варшавскаго учебнаго округа 23, юго-славянъ 9, Кавказскаго учебнаго округа 36, войска Донскаго 14, восточной и западной Сибири 16, Терскаго и Кубанскаго войска и разныхъ благотворителей—110. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщены также 23 поздравительныя телеграммы, полученныя университетомъ. Телеграмма изъ Петербурга извѣщаетъ, что на обѣдѣ бывшихъ студентовъ Московскаго университета объявлено объ открытіи „Общества вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ Московскаго университета“. Въ *Голосъ* (№ 13) сообщено, что въ это общество поступило уже 150 членовъ, которые внесли до 1.300 руб. Предъ началомъ и послѣ обѣда произведены были выборы въ члены комитета, долженствующаго на первый годъ управлять дѣлами общества, и въ члены ревизіонной комиссіи, которая должна будетъ обрѣзывать дѣйствія комитета въ теченіе перваго года существованія Общества. Въ комитетъ выбраны: предсѣдателемъ *И. Д. Деляновъ*, товарищемъ предсѣдателя *Е. В. Шеликанъ*; членами: *А. Ѳ. Гамбургеръ*, *А. Д. Шумахеръ*, *Н. В. Кидошниковъ*, *Т. И. Филипповъ*, *А. Ѳ. Бычковъ*, *А. А. Краевскій*, *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, *А. В. Лохвицкій*, *А. И. Георгиевскій* и *В. К. Ржевскій*; въ члены ревизіонной комиссіи: *М. Н. Островскій*, *Е. И. Теохтистовъ*, г. *Бѣлаго*, *А. Д. Галаговъ*; г. *Добровъ*, г. *Бражниковъ* и г. *Щепкинъ*.

Г И М Н А З И И.

Обсужденіе въ педагогическомъ совѣтѣ Таганрогской гимназіи вопроса о производствѣ репетицій. — Объ устройствѣ литературныхъ чтеній въ Петровской гимназіи. — Публичное обсужденіе программъ греческаго и латинскаго языковъ съ объяснительными къ нимъ записками, составленныхъ для гимназій и прогимназій Кавказскаго учебнаго округа.

Въ педагогическомъ совѣтѣ Таганрогской гимназіи былъ подвергнутъ обсужденію предложенный г. предсѣдателемъ (директоромъ *По-*

руководствѣ) вопросъ о производствѣ репетицій. Вопросъ этотъ былъ поставленъ такимъ образомъ. Контроль учебной части въ гимназіяхъ лежитъ главнымъ образомъ на директорѣ и инспекторѣ. Онъ можетъ быть двойной по отношенію къ двумъ главнымъ дѣятелямъ обученія—учителямъ и ученикамъ. Посѣщеніе классовъ директоромъ и инспекторомъ, ознакомленіе съ методами и приемами преподавателей при объясненіи уроковъ, вмѣстѣ съ частными отвѣтами учениковъ можетъ удовлетворить только одной сторонѣ контроля. Другая же сторона заключается въ томъ, чтобъ опредѣлить, какъ усваивается курсъ съ его частями въ сознаніи учениковъ, достаточная ли масса учениковъ упрочиваетъ знаніе курса по его главнымъ частямъ, какъ производится эта повѣрка знаній по мѣрѣ того, какъ проходитъ курсъ, вызываетъ ли неудовлетворительный результатъ повѣрки знаній новыя мѣры со стороны преподавателей, и если иногда обнаруживается несоотвѣтствіе принятыхъ мѣръ и результатовъ, то вслѣдствіе какихъ причинъ и какъ устранить эти причины? Эта другая сторона должна составлять, по мнѣнію г. предсѣдателя, существенную заботу контролирующихъ лицъ. Каждый преподаватель, какъ извѣстно изъ опыта, кромѣ частныхъ репетицій, производимыхъ по возможности часто, производитъ въ теченіе года общія репетиціи, содержаніемъ которыхъ бываетъ цѣлый отдѣлъ предмета. Посѣщеніе такихъ-то репетицій контролирующими лицами, полагаетъ г. предсѣдатель, имѣетъ важное значеніе, и если такое посѣщеніе и не откроетъ несоотвѣтствія ученическихъ отвѣтовъ съ трудомъ преподавателей, то все-таки оно можетъ вызвать различные вопросы по отношенію къ обученію, которыхъ разработка педагогическимъ совѣтомъ будетъ имѣть послѣдствіемъ данныя, иногда весьма важныя въ дѣлѣ обученія. Исходя изъ этой мысли г. предсѣдатель просилъ членовъ педагогическаго совѣта обсудить слѣдующія мѣры: 1) каждый преподаватель, кромѣ ежедневныхъ по возможности повтореній объясненнаго, повторяетъ курсъ по частямъ на такъ-называемыхъ общихъ репетиціяхъ; 2) общія репетиціи назначаются по усмотрѣнію каждаго преподавателя не менѣе 4-хъ разъ въ годъ; 3) онѣ обнимаютъ извѣстный отдѣлъ предмета и имѣютъ цѣлю удостовѣреніе, въ какой степени усвоенъ и понятъ отдѣлъ массой учениковъ, и вызываютъ, въ случаѣ необходимости, мѣры къ достиженію лучшихъ результатовъ; 4) о времени общихъ репетицій увѣдомляются преподавателями директоръ и инспекторъ за день впередъ, и 5) наблюденія свои, сомнѣнія и мѣры директоръ и инспекторъ сообщаютъ преподавателямъ для соображеній на будущее время, а въ болѣе важныхъ случаяхъ передаютъ оныя на обсуж-

деніе и заключеніе педагогическаго совѣта. Поднятый г. председателемъ вопросъ возбудилъ въ совѣтѣ продолжительныя разсужденія. Г. инспекторъ заявилъ, что мнѣніе г. председателя объ общихъ репетиціяхъ онъ раздѣляетъ въ томъ только случаѣ, если преподаваніе предмета идетъ не по урокамъ единичнымъ, а такъ, что съ каждымъ новымъ урокомъ повторяются и прежніе, словомъ, когда повтореніе пройденнаго изъ предмета входитъ по возможности въ составъ ежеурочной репетиціи. Такое веденіе дѣла, во первыхъ, способствуетъ прочному всѣми учениками усвоенію предмета, а во вторыхъ, не затруднить учениковъ и въ томъ смыслѣ, если преподаватель въ извѣстные сроки будетъ задавать имъ повтореніе цѣлаго отдѣла изъ предмета, потому что этотъ отдѣлъ въ общемъ ужь извѣстенъ имъ основательно, и слѣдовательно, при общемъ повтореніи цѣлаго отдѣла имъ придется перелистывать нѣсколько страницъ учебника для того только, чтобы припомнить частности. Если же преподаваніе предмета идетъ поурочно, то-есть, если ученики, выучивши новый урокъ, не возвращаются къ старому, и наконецъ, черезъ нѣсколько уроковъ и совсѣмъ забываютъ прежде пройденное, то при такомъ веденіи дѣла преподаванія общія репетиціи, по мнѣнію г. инспектора, фактически невозможны, съ одной стороны, потому, что въ такомъ случаѣ повтореніе въ одинъ, въ два урока цѣлаго отдѣла для учениковъ будетъ въ высшей степени трудно, если не совсѣмъ не возможно, съ другой стороны потому, что еслибъ ученики дѣйствительно и смогли къ извѣстному дню повторить данный отдѣлъ какого-нибудь предмета, то навѣрное можно сказать, что они, ради этого занятія, пожертвуютъ знаніемъ другихъ предметовъ къ тому же дню, а это уже большой ущербъ въ дѣлѣ общихъ успѣховъ гимназиста. Такимъ образомъ, заключилъ инспекторъ, поднятый г. председателемъ вопросъ о репетиціяхъ необходимо возбуждаетъ другой, долженствующій предшествовать первому,—вопросъ о методѣ преподаванія предмета, отъ отвѣта на который зависитъ окончательный отвѣтъ и на вопросъ о репетиціяхъ по отдѣламъ. Противъ указаннаго г. инспекторомъ метода преподаванія ничего не имѣли сказать преподаватели языковъ, математики и географіи, такъ какъ дѣйствительно инаго способа преподаванія тѣхъ предметовъ, въ которыхъ одно на другомъ основано, одно изъ другаго вытекаетъ, и быть не можетъ. Возразили противъ него только преподаватели исторіи и словесности, не безъ основанія утверждая, что хотя и къ ихъ предметамъ указанный методъ можетъ быть приложенъ, но только до извѣстной степени, такъ

какъ уроки по этимъ предметамъ не всегда по содержанию столь общи и близки между собою, чтобы можно было обращаться отъ нихъ къ прежде пройденному. На возраженія г. инспектора г. председателя отвѣчалъ, что онъ полагаетъ достаточно извѣстными каждому преподавателю главныя основныя педагогическія положенія, по которымъ переходятъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Дѣло учителя не переходитъ къ новому, пока онъ не убѣдился, что большая часть его учениковъ достаточно ясно усвоила и поняла объясненное—старое. Если же это такъ (а иначе и быть не должно), то приглашеніе преподавателями контролирующаго лица въ то время, когда первые, пройдя извѣстный отдѣлъ науки, убѣждаются въ томъ, на сколько усвоены учениками цѣлый отдѣлъ, можетъ дать новую возможность убѣдиться въ степени усвоенія массою учениковъ того, что пройдено, и на что хотя и было обращено вниманіе постоянно, но по недостатку времени, при обилии матеріала, прилагалось не вполне и не по отношенію ко всѣмъ ученикамъ. Такія повторенія послѣ цѣлаго ряда повтореній частныя, обнимающія извѣстный отдѣлъ, дадутъ средства не только убѣждаться въ знаніяхъ учениковъ, но, дѣлаемые безъ особаго предварительнаго объявленія ученикамъ, такія повторенія побудятъ ихъ заниматься усерднѣе, чтобы не явиться врасплохъ, а преподавателю дадутъ возможность обобщить пройденное, что также имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ преподаванія. Педагогическій совѣтъ, раздѣляя мнѣніе г. председателя, а также принимая во вниманіе возраженіе г. инспектора и преподавателей исторіи и словесности, постановилъ: рекомендуемая г. председателемъ мѣра, какъ таковая, которая дасть гг. директору и инспектору средства къ болѣе точному контролю надъ занятіями гг. преподавателей и какъ усиливающія успѣхи учениковъ, принять къ руководству (*Цирк. Одесск. учебн. окр. № 11*).

Педагогическій совѣтъ Петровской гимназіи, постоянно заботясь о пріисканіи средствъ къ обезпеченію за учениками вполне удовлетворительныхъ успѣховъ, какъ вообще по всемъ предметамъ, такъ въ особенности по русскому языку, предполагалъ устроить для учениковъ этой гимназіи литературныя чтенія, и въ засѣданіи 2-го октября 1870 г. подвергнувъ этотъ предметъ всестороннему обсужденію. Прежде всего было выслушано мнѣніе учителя русскаго языка и словесности г. *Мазюкевича*, который обратилъ вниманіе на нижеслѣдующее обстоятельство. Ученики высшихъ классовъ первоначально обучались русскому языку еще въ то время, когда требованія относительно этого

языка были слабы, когда дѣтей принимали почти безъ всякой подготовки, когда обучались ему въ гимназіяхъ Царства Польскаго, какъ языку иностранному, ограничиваясь одними, весьма недостаточными теоретическими познаніями, и когда всѣ прочіе предметы гимназическаго курса преподавались на языкѣ польскомъ. При такихъ крайне невыгодныхъ условіяхъ началось обученіе русскому языку нынѣшнихъ учениковъ высшихъ классовъ Петроковской гимназіи. Очевидно, что только усиленными стараніями можно загладить пробѣлы прежнихъ лѣтъ. Изъ положенныхъ нынѣ въ высшихъ классахъ 4-хъ часовъ въ недѣлю для русскаго языка, 2 исключительно предназначаются на изученіе теорій словесности и исторіи русской литературы, а другіе 2 часа употребляются на разборъ, повтореніе грамматическихъ правилъ языка и практическія упражненія. Изученіе лучшихъ образцовъ наизусть не можетъ имѣть полнаго развитія и примѣненія на классныхъ урокахъ по недостатку времени; они читаются въ классѣ преподавателемъ только съ цѣлю дополнить содержаніе учебнаго курса литературы, и потому предлагаются имъ въ небольшихъ отрывкахъ. Принявъ все это во вниманіе, г. инспекторъ гимназіи еще въ 1869 году позаботился объ устройствѣ особеннаго отдѣла учебнаго библіотеки изъ русскихъ книгъ, съ спеціальною цѣлю пріохотить учениковъ къ чтенію и тѣмъ способствовать къ поднятію въ нихъ уровня знаній въ русскомъ языкѣ. Съ своей стороны, признавая чтеніе книгъ важнымъ подспорьемъ для классныхъ занятій и лучшимъ средствомъ къ умственному развитію учащихся, и желая помочь въ этомъ дѣлѣ ученикамъ высшихъ классовъ, облегчить трудъ ихъ и дать имъ возможность непосредственно познакомиться съ лучшими произведеніями русской и съ нѣкоторыми образцами всеобщей классической литературы, г. Мазюкевичъ полагалъ устроить, въ свободное отъ ученья время, литературныя чтенія по слѣдующей программѣ. Для чтенія должны быть избираемы какъ цѣльныя сочиненія, такъ и отрывки изъ образцовыхъ русскихъ произведеній, но послѣдніе должны имѣть болѣе или менѣе полное и законченное содержаніе. Читать долженъ учитель. Ученикъ можетъ читать послѣ надлежащей подготовки и притомъ только въ такомъ случаѣ, если чтеніе его учитель найдетъ неутомительнымъ и не лишеннымъ интереса для слушателей. Въ началѣ чтенія учитель обязанъ въ краткихъ словахъ познакомить учениковъ съ біографіей автора, характеромъ его дѣятельности вообще и съ содержаніемъ назначеннаго для прочтенія полнаго сочиненія или отрывка. Средствомъ повѣрять результаты чтенія и наблюдать за вниманіемъ учениковъ мо-

гутъ служить: а) задаваемые имъ изъ содержанія прочитаннаго темы для письменныхъ сочиненій, б) изустные отвѣты ихъ на вопросы преподавателя относящіяся къ прочитанному автору, и в) обращеніе должнаго вниманія на исправное посѣщеніе ими этихъ чтеній. Все это, сверхъ того, должно получать извѣстное значеніе при общей оцѣнкѣ преподавателемъ словесности успѣховъ учениковъ по его предмету ¹⁾. По выслушаніи мнѣній членовъ педагогическаго совѣта по предмету предположенныхъ литературныхъ чтеній, г. инспекторъ *Солнцевъ* высказалъ свое мнѣніе о пользѣ, приносимой учащимся чтеніемъ книгъ, разумно для сего избираемыхъ, замѣтивъ между прочимъ, что ученикъ, много читавшій съ надлежащимъ толкомъ и приучившійся давать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, скоро и замѣтно подвигается впередъ въ развитіи своей духовной жизни, и чѣмъ далѣе идетъ онъ, тѣмъ болѣе и болѣе становится способнымъ къ самостоятельному учебному труду; въ самой же школѣ, вслѣдствіе своего быстрого развитія, опережаетъ своими успѣхами товарищей, менѣе его читающихъ. По выслушаніи заявленія г. инспектора, члены педагогическаго совѣта гимназій, вполне признавая важность литературныхъ чтеній и пользу ихъ для развитія въ учащихся самостоятельности и навыка къ умственной работѣ, опредѣлили ввести литературныя чтенія въ 3-хъ высшихъ классахъ, назначивъ для нихъ время по воскреснымъ днямъ, отъ 12 часовъ до часу. При этомъ г. инспекторъ заявилъ, что онъ и оба учителя русскаго языка постоянно будутъ присутствовать на означенныхъ литературныхъ чтеніяхъ, но что желательно видѣть на этихъ чтеніяхъ и другихъ преподавателей гимназій, какъ для лучшаго ознакомленія ихъ съ учащимися, такъ и для большаго поощренія послѣднихъ къ новому для нихъ труду, который, безъ сомнѣнія, будетъ производиться ими съ большимъ стараніемъ и усердіемъ, если они

¹⁾ Для выполненія вышеназванной программы, преподавателемъ русскаго языка и словесности г. *Сморodinovымъ* выбраны слѣдующія авторы: *Гоголь* (Ревизоръ, Старостытскіе помѣщики, Повѣсть о томъ, какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Никиѣ., и нѣсколько отрывковъ изъ *Мертвыхъ Душъ*), *Пушкинъ* (Евгеній Онѣгинъ, Цыгане, Каменный гость и Скупой Рыцарь), *Лермонтовъ* (Герой нашего времени, и пѣснь про царя Ивана Васильевича Грознаго), *Грибодовъ* (Горе отъ ума), *Фонъ-Визинъ* (Недоросль), *Карамзинъ* (Ворисъ Годуновъ), *Грановскій* (Александръ Македонскій), *Бостамаровъ* (Кто былъ первый Лжедмитрій), *Тургеневъ* (Записки охотника, Рудинъ, Дворянское гнѣздо), *Гончаровъ* (Обломовъ), *Графъ Толстой* (Князь Серебряный), *Гомеръ* (Илиада и Одиссея), *Данте* (Божественная комедія), *Сервантесъ* (Донъ-Кихотъ Ламанскій), *Вальтеръ Скотъ* (Айвенго), *Шекспиръ* (Король Лиръ), *Гете* (Отрывки изъ Фауста), *Софоклъ* (Антигона).

увидать, что всѣ преподаватели видимо относятся къ этому труду ихъ съ должнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. (*Цирк. Варш. учеб. окр. № 12*)

— 2-го іюня 1870 года, въ залѣ Ставропольской классической гимназіи, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи г. *Маркова*, происходило публичное обсужденіе программъ греческаго и латинскаго языковъ и объяснительныхъ записокъ къ этимъ программамъ, составленныхъ на сѣздѣ преподавателей сихъ языковъ. Засѣданіе было открыто вступительною рѣчью г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, въ которой, указавъ на важное значеніе сѣздовъ, — на то, что посредствомъ сѣздовъ въ современной Европѣ разрѣшаются важнѣйшіе вопросы въ мірѣ науки и искусствъ, что сѣзды даютъ самый удобный случай для обмѣна мыслей и объединенія взглядовъ, какъ относительно теоріи предметовъ, обрабатываемыхъ специалистами, такъ и практическаго примѣненія теоріи къ дѣлу, г. попечитель обратилъ вниманіе публики и на важное значеніе, которое приобрѣли сѣзды въ Россіи, особенно сѣзды педагогическіе. Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ путемъ сѣздовъ были составлены уже до настоящаго времени программы по всѣмъ предметамъ гимназическаго обученія, кромѣ классическихъ языковъ. Не смотря на весьма значительныя затрудненія для созыванія сѣздовъ на Кавказѣ, каковы, напримѣръ, отдаленныя пространства, неудобства помѣщенія, дороговизна жизни и проч., начальство Кавказскаго учебнаго округа и въ истекшемъ году, также какъ въ предшедшіе, для довершенія трудовъ по составленію программъ, назначило сѣздъ для составленія программъ по классическимъ языкамъ. Предшедшіе сѣзды собирались въ Тифлисъ, послѣдній же назначенъ былъ въ Ставрополѣ по той причинѣ, что Ставропольская гимназія есть единственное учебное заведеніе на Кавказѣ, имѣющее полный классическій курсъ. Принимали участіе въ сѣздѣ: учителя Тифлисской гимназіи — *Фокловъ*, *Чеховскій* и *Иколицъ*, Кутаисской — *Головинъ*, Ейской — *Модестовъ* и Ставропольской — *Гнитовъ*, *Бенедиктовъ* и *Гуммель* и Пятигорской прогимназіи *Граффъ*. Изъ участниковъ сѣзда составлены были два комитета, одинъ по греческому языку, подъ предсѣдательствомъ инспектора Ставропольской гимназіи, другой по латинскому языку, подъ предсѣдательствомъ инспектора Пятигорской прогимназіи. Комитеты имѣли 14 засѣданій, въ которыхъ и составлены были программы по классическимъ языкамъ и объяснительныя къ нимъ записки. Эти-то программы и записки и предло-

жены были на обсужденіе публики. По окончаніи рѣчи г. попечителя, предсѣдатель засѣданія г. Марковъ, установивъ порядокъ, въ которомъ должно было происходить обсужденіе программъ и объяснительныхъ записокъ, выразилъ желаніе, чтобы пренія касались только сторонъ предмета, указываемыхъ тезисами и объяснительными записками, не вдаваясь въ стороннія для настоящей цѣли обсужденія и споры относительно значенія классическихъ языковъ въ дѣлѣ современнаго воспитанія. Затѣмъ были прочтены объяснительныя записки къ программамъ греческаго и латинскаго языковъ. Тезисы были слѣдующіе:

I. Начальному занятію латинскимъ языкомъ должно предшествовать нѣкоторое знакомство съ грамматикою языка русскаго, а занятіе греческимъ языкомъ необходимо предварить знакомствомъ не только съ грамматикою роднаго языка, но и латинскаго.

II. При первоначальномъ обученіи классическимъ языкамъ, и преимущественно греческому, необходимо избѣгать и оставлять для высшихъ классовъ частности, особенности и неважныя отступленія отъ общихъ, главныхъ правилъ языка.

III. При выборѣ для начального изученія общихъ правилъ изъ первыхъ главъ греческой грамматики, преподавателю слѣдуетъ становиться на точку зрѣнія начинающихъ и изъ главныхъ положеній языка преимущественно избирать тѣ, которыя въ скоромъ времени находятъ свое приложеніе и соотвѣтствуютъ наличнымъ свѣдѣніямъ учениковъ.

IV. На каждое правило, какъ этимологическое, такъ и синтаксическое, долженъ быть избранъ одинъ выразительный примѣръ, который и обязаны знать ученики.

V. Изъ синтаксиса слѣдуетъ избрать въ особенности тѣ правила и замѣчанія, которыя дѣйствительно характерны, не согласны съ конструкціей русскаго языка и часто употребительны.

VI. Переводы съ классическихъ языковъ на русскій должны быть не только буквальные и возможно близки къ оригиналу, но и сообразны съ духомъ русскаго языка.

VII. При изученіи вокабулъ, должно обращать особенное вниманіе на слова коренныя, а также на тѣ сложныя и производныя, которыя получили значеніе далекое отъ смысла своихъ первичныхъ элементовъ.

VIII. При изученіи и повтореніи грамматики обязательны, какъ изустныя, такъ и письменныя exercitia и extemporalia.

IX. Упражненія въ самостоятельныхъ — прозаическихъ и стихотворныхъ — сочиненіяхъ на древнихъ языкахъ не входятъ въ число требованій нашего гимназическаго курса.

X. При изученіи классическихъ языковъ въ низшихъ классахъ гимназій имѣется дѣлю познаніе и уясненіе формальной стороны языковъ, а въ высшихъ — посредствомъ знанія языка, объясненіе и переводъ авторовъ, избранныхъ и утвержденныхъ программой.

XI. Обороты классической рѣчи должны быть по возможности чаще сравниваемы съ оборотами русскаго языка.

XII. Чтеніе авторовъ должно быть расположено въ программѣ по степени трудности ихъ языка и содержанія; вездѣ начинаютъ переводъ съ прозаиковъ.

XIII. Считаеясь въ прогимназическихъ классахъ изучается практически, по мѣрѣ представляющейся надобности; а въ гимназическихъ — систематически.

XIV. Должно предлагать изрѣдка письменные переводы связанныхъ статей съ классическихъ языковъ на русскій.

XV. Переводы съ русскаго языка на латинскій должны быть постепенно расширяемы и усложняемы, начиная простыми предложениями и оканчивая связною рѣчью, а съ русскаго на греческій — ограничиваемы одними только сложными предложениями.

XVI. Въ высшихъ классахъ гимназій курсорное чтеніе классическихъ авторовъ необходимо. Читаются преимущественно тѣ, которые въ предыдущихъ классахъ уже старанно переводились и подробно объяснялись.

Изъ постороннихъ лицъ, присутствовавшихъ на обсужденіи программъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ, въ преніяхъ приняли участіе генералъ *Иваницкій* и гг. *Воскресенскій* и *Кущинскій*. Первый весьма сочувственно отнесся къ прочтеннымъ объяснительнымъ запискамъ и находилъ, что если преподаватели классическихъ языковъ будутъ вообще слѣдовать началамъ преподаванія, выраженнымъ въ запискахъ, то ученики вынесутъ изъ школы дѣйствительное знаніе классическихъ языковъ; тѣмъ не менѣе онъ счелъ необходимымъ указать на слѣдующее: изъ записокъ видно, что изученіе классическихъ языковъ „основано на нѣмецкомъ фонѣ“, между тѣмъ какъ нѣтъ въ этомъ надобности. Славянскіе языки представляютъ въ своемъ строѣ такое разнообразіе формъ и оборотовъ, что вполне могутъ быть выразителями классическихъ языковъ. Далѣе, оппонентъ сочувственно отнесся къ тѣмъ цѣлямъ изученія классическихъ языковъ, которыя начертаны программами и записками, но полагалъ, что единственною цѣлю должно быть изученіе авторовъ, которые вводили бы учащихся въ жизнь древнихъ. Въ прогимназическихъ классахъ, полагалъ г. *Иваницкій*, слѣдовало бы изучать грамматическій курсъ не по системѣ учебниковъ, указанныхъ программами, а по системѣ Робертсона. Если въ первыхъ четырехъ классахъ начнется такое знакомство съ языками древнихъ, то ученикъ, хотя и не узнаетъ всѣхъ формъ языка, за то онъ полюбитъ его изученіе или оставитъ его совершенно, и такимъ образомъ обнаружится ясно, на кого изъ учащихся вполне можно разчитывать въ старшихъ классахъ въ дѣлѣ изученія классическихъ языковъ. На это г. инспекторъ Ставропольской гимназій *Дилловъ* отвѣчалъ, что программы и не отрицаютъ значенія славянскихъ языковъ;

при изученіи древнихъ языковъ вездѣ изученіе сихъ послѣднихъ идетъ на ряду съ языкомъ русскимъ; каждая форма, каждый оборотъ классическихкихъ языковъ долженъ быть разсматриваемъ, по мысли программы, одновременно съ соответствующимъ ему изъ русскаго языка. Эта мысль высказана въ VI и XV тезисахъ. Кромя того, изученіе русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ основано на знакомствѣ учащихся съ языкомъ церковно-славянскимъ. Это даетъ возможность преподавателямъ классическихкихъ языковъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, придавать разумность этимологическимъ формамъ древнихъ языковъ, объясняя самый генезисъ этихъ формъ. Что касается цѣлей преподаванія классическихкихъ языковъ, то программы имѣютъ въ виду главнымъ образомъ двѣ цѣли: а) формальное изученіе языка, и б) знакомство съ древнимъ міромъ изъ чтенія и разбора авторовъ. Ту и другую цѣль программы признаютъ равно необходимыми. Безъ знанія грамматики языка (формальной стороны) не возможно знакомство съ литературой этого языка. Понимать авторовъ вполнѣ, особенно классическихкихъ, возможно только послѣ самаго тщательнаго изученія грамматическаго строя ихъ рѣчи. Это и выражено въ X тезисѣ. Отъ формальнаго изученія классическихкихъ языковъ нельзя отказаться,—этимъ только путемъ и можно проникнуть въ смыслъ произведеній на этихъ языкахъ. Кромя того, въ объяснительныхъ запискахъ ясно указывается, что формальное изученіе классическихкихъ языковъ, само по себѣ, имѣетъ весьма важное образовательное вліяніе на умъ учащихся, развивая въ нихъ наблюдательность надъ фактами языка, способность сравненія и отвлеченія, логическую послѣдовательность мысли и гибкость выраженія. Что же касается системы Робертсона, то комитетъ не нашелъ возможнымъ принять ее, потому что она основана на подыскиваніи изъ живаго языка такихъ фразъ и отрывковъ, которые давали бы возможность изучить этотъ языкъ практически. Смотря по надобности, въ живомъ языкѣ всегда возможно найти или имѣть на готовѣ выраженіе, необходимое для объясненія даннаго грамматическаго правила, или закона языка, и притомъ выраженіе, въ совершенной правильности котораго и полной сообразности съ духомъ языка всегда можно быть увѣреннымъ вполнѣ. Въ классической же литературѣ древнихъ языковъ, такъ сильно различающейся отъ новѣйшихъ литературъ, какъ по строю языка, такъ и по внутреннему содержанію, трудно найти такой матеріалъ. Какъ бы мы ни льстили себя увѣренностью въ постиженіи законовъ и духа классическихкихъ языковъ, они всегда останутся для насъ языками мертвыми, языками школы, а не жизни. Мы постигаемъ ихъ только по-

средственню, чрезъ отвлеченія, путемъ изученія, а не можемъ проникать въ ихъ сущность посредствомъ живой рѣчи, вызываемой неотразимыми потребностями жизни. Мы всегда будемъ болѣе или менѣе чужды ихъ духа и сущности. Слѣдовательно, никакъ не можемъ принимать на себя тотъ способъ изученія, который съ такими удобствами примѣняется къ новымъ языкамъ. Поэтому по системѣ Робертсона изучаются языки новые для того, чтобы говорить на нихъ, изученіе же формъ языковъ классическихъ имѣетъ въ виду цѣль образовательную. Г. Воскресенскій между прочимъ замѣтилъ, что обиліе именъ авторовъ и затѣмъ неопредѣленность въ выборѣ ихъ, такъ какъ выбираютъ или тотъ или иной авторъ, ясно указываютъ на то, что комитетъ въ этомъ отношеніи не выработалъ ничего опредѣленнаго и не указалъ, на основаніи какихъ соображеній одинъ авторъ отнесенъ къ одному классу, а другой къ другому, и чѣмъ руководился комитетъ въ распредѣленіи этого матеріала: большею или меньшею трудностью автора или его внутреннимъ содержаніемъ. По личному мнѣнію оппонента, въ виду практическихъ соображеній, въ старшихъ классахъ положительно можно было бы пожертвовать формальною стороною изученія языка для большаго уясненія внутренняго содержанія извѣстныхъ авторовъ, такъ какъ только незначительная часть учащихся поступаетъ на историко-филологическій факультетъ, масса же учащихся и совсѣмъ не поступаетъ въ университетъ; для этой-то громадной массы формальное изученіе древнихъ языковъ, въ продолженіе гимназическаго курса, кажется дѣломъ, на которое потрачено даромъ время; необходимо возбудить интересъ содержаніемъ читаемыхъ авторовъ. Оппонентъ указалъ, что разнообразіе авторовъ, какъ замѣчаетъ самая объяснительная записка, „не даетъ возможности изучить ни одного изъ нихъ, что это изученіе дѣло ученыхъ, а не учениковъ“. Эти мысли объяснительной записки состоятъ, по мнѣнію оппонента, въ противорѣчій съ главною мыслию той же пояснительной записки, „что учащіеся должны знакомиться съ жизнію древнихъ“. Г. Воскресенскому отвѣчали г. Гуммель, Лиловъ, Фокковъ и Гниповъ. Послѣдній свелъ возраженія г. Воскресенскаго къ тремъ пунктамъ: а) относительно выбора и распредѣленія авторовъ по классамъ, б) относительно цѣли ихъ чтенія и в) относительно результатовъ, достиженіе которыхъ, при чтеніи авторовъ, имѣется въ виду объяснительною запискою. 1) Порядокъ распредѣленія авторовъ по классамъ условливается степенью трудности въ отношеніи языка и содержанія. При этомъ г. Гниповъ сдѣлалъ въ краткихъ чертахъ сравненіе относи-

тельной трудности авторовъ, избранныхъ для чтенія. Разнообразіе авторовъ, назначенныхъ для каждаго класса, оправдывается разнообразіемъ условій, въ которыя поставлены гимназіи Кавказскаго учебнаго округа, вслѣдствіе преобладанія инородческаго элемента въ составѣ учащихся. Гимназіи кавказскія не только не могутъ быть сравнимаемы съ русскими гимназіями, но и одна съ другою; у каждой свои особенности, и потому нужно предоставить учителю свободу выбора авторовъ для чтенія, сообразно съ наличными силами учащихся. Отсутствие въ программѣ частныхъ указаній на произведенія авторовъ, которыхъ нужно читать въ классѣ, объясняется крайнимъ неудобствомъ связать свободу учителей указаніемъ разъ на всегда и для всѣхъ гимназій округа однихъ и тѣхъ же произведеній для чтенія. Такое указаніе не только не вызывается никакими педагогическими и научными потребностями, но необходимо будетъ сопровождаться со стороны учениковъ злоупотребленіями, хорошо извѣстными каждому преподавателю языка. 2) Цѣль чтенія авторовъ, кромѣ изученія языка, состоитъ въ изученіи читаемаго произведенія прежде всего ради его самого, ради его содержанія и литературной обработки, такъ чтобъ оно образовательно подѣйствовало на умъ и эстетическое чувство учащихся. При такомъ чтеніи естественно и необходимо касаться нѣкоторыхъ сторонъ жизни древнихъ, какъ потому, что эти стороны могутъ быть сюжетомъ избраннаго для чтенія произведенія, такъ и потому, что знакомство съ ними можетъ служить пособіемъ при объясненіи читаемаго отрывка. Такимъ образомъ устанавливается знакомство учениковъ съ жизнью древнихъ. Но, какъ и понятно, это знакомство есть обстоятельство только соприкосновенное съ чтеніемъ авторовъ,—приобрѣтается случайно и мимоходомъ, въ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не ставится цѣлю изученія авторовъ. 3) Поэтому опредѣлить, какихъ именно результатовъ можно ожидать отъ подобнаго чтенія, невозможно. Это можно было бы сдѣлать въ томъ случаѣ, если бы свѣдѣнія о духѣ и жизни древнихъ сообщались въ системѣ, а не по поводу комментирования читаемыхъ произведеній. А почему нельзя излагать свѣдѣній о римской и греческой жизни, на основаніи древнихъ авторовъ, въ системѣ—указано въ объяснительной запискѣ. На какія стороны жизни древнихъ нужно обратить вниманіе при чтеніи авторовъ, также указано въ общихъ чертахъ въ объяснительной запискѣ; частности же ускользаютъ отъ опредѣленія въ программѣ, и указываются въ комментированныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ дѣлать выборъ предоставляется такту учи-

теля. Въ дополненіе къ послѣднему пункту отвѣта г. Гнипова мы считаемъ неизлѣзшимъ привести нижеслѣдующія два мнѣнія изъ объяснительной записки, на которыя ссылается г. Гниповъ.

„Въ отношеніи къ чтенію авторовъ мы не задаемся спеціальными, строго научными цѣлями; не беремся изучать на основаніи читаемыхъ авторовъ жизнь древнихъ; не можемъ удовлетворить и болѣе скромному желанію—изучить древнюю литературу; наконецъ не можемъ стремиться и къ тому, чтобы изученіе древнихъ языковъ, какъ отрасль по преимуществу гуманнаго образованія, вполнѣ ввела учениковъ въ кругъ философскихъ воззрѣній и общественно-политическихъ идей древняго міра. Кто вникнетъ въ сущность предложенныхъ здѣсь задачъ и взвѣситъ ихъ объемъ, тотъ согласится, что эти увлекательныя, и скажемъ болѣе, вполнѣ естественныя требованія отъ изученія древнихъ языковъ, не подъ силу гимназистамъ, требуютъ большей зрѣлости, болѣе развитаго развитія и гораздо болѣе большого количества времени, нежели каковыя владѣютъ они. Лучше дать имъ задачу не такъ громкую, но посильную; трудъ надъ послѣднею будетъ плодотворнѣе, нежели надъ первою, которая приучитъ неразвитаго воспитанника повторять безъ смысла фразы учителя. Кромѣ этого, выполненіе указанныхъ выше задачъ дастъ совершенно другое направленіе чтенію авторовъ. Чтенія авторовъ ради самихъ авторовъ уже не будетъ; авторы составятъ только матеріалъ, который подчинится напередъ составленному плану и осуществленіе котораго будетъ стоять на первомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого авторы для чтенія должны выбираться не на основаніи ихъ собственныхъ, безотносительныхъ достоинствъ, а въ виду удовлетворенія ими въ большей или меньшей мѣрѣ избранной задачѣ. Можетъ статься, что образцовыя произведенія будутъ пропущены, а удостоятся чтенія второстепенныя. Вслѣдствіе всего этого, изученіе древнихъ языковъ потеряетъ свою самостоятельную цѣль и станетъ средствомъ для выполненія задачъ, стоящихъ внѣ самаго изученія языковъ, будетъ удовлетворять цѣлямъ, въ отношеніи къ которымъ можно отчасти обойтись безъ изученія древнихъ языковъ, при существованіи многочисленныхъ съ нихъ переводовъ на новые языки. Наконецъ, помимо самой трудности разработать указанные задачи, для чтенія древнихъ авторовъ съ этою цѣлію необходимо владѣть вполнѣ удовлетворительно знаніемъ языка; необходимо много читать, для того чтобы извлекать нужный матеріалъ. Гимназіи изучаютъ древніе языки не ради какихъ-нибудь цѣлей, лежащихъ внѣ этихъ языковъ, не для того, чтобы пользоваться ими для добыванія какихъ-нибудь данныхъ науки и искусства, не для того, однимъ словомъ, для чего мы изучаемъ языки новые (хотя въ послѣдствіи пользованіе древними языками для знакомства съ первыми источниками науки и для исторической ея разработки составляетъ важнѣйшее ихъ примѣненіе и существенную необходимость для истинно-ученаго человѣка), а для цѣлей педагогическихъ, образовательныхъ. Этимъ назначеніемъ опредѣляется вся программа чтенія древнихъ авторовъ. Мы читаемъ ихъ ради ихъ самихъ, какъ матеріалъ, содѣйствующій школѣ въ ея главномъ стремленіи развивать своихъ питомцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Въ виду этого, помимо всякихъ постороннихъ соображеній, школа должна выбирать для чтенія только образцовыя произведенія древности. Характеръ чтеній долженъ

бить литературно-педагогической. По требованию его, должно исчерпать содержание избранного произведения, сообщить учащимъ необходимыя для его пониманія объясненія и затѣмъ опредѣлить его внутреннія и внѣшнія достоинства“.

Относительно того, на какія стороны жизни древнихъ нужно обращать вниманіе при чтеніи авторовъ, въ объяснительной запискѣ сказано слѣдующее:

„Относительно объясненій, которыми должно сопровождаться чтеніе авторовъ, надо имѣть въ виду, что они должны быть такого рода, чтобы могли возбуждать образъ подѣйствовать на умственное развитіе учащихся. Если заботиться о томъ только, чтобы ничто изъ оригинальной и чуждой для насъ области древнихъ авторовъ не осталось необъясненнымъ, то можно накопить столько матеріала, что имъ наполнились бы цѣлыя отдѣлы по разнымъ отраслямъ наукъ. Гоняться за всѣмъ этимъ — значило бы не сосредоточивать и не укрѣплять молодую мысль, а разбрасывать и развлекать ее. И такъ, кромѣ объясненій, касающихся языка, который составляетъ ключъ къ пониманію автора, нужно обращать вниманіе, при чтеніи ихъ, на тѣ вопросы общественно-государственной жизни древнихъ, которые были ими поставлены и рѣшены съ свойственною имъ однимъ рѣзкою опредѣленностію. Касаясь жизненныхъ вопросовъ древнихъ, мы, кромѣ общаго теоретическаго развитія учащихся, подготавливаемъ ихъ исподоволь къ пониманію явленій, наполняющихъ и волнующихъ общественную жизнь людей. Сдѣлать это на почвѣ современныхъ писателей и ихъ тенденцій не безопасно; потому что это почва живая; къ ней современные относятся пристрастно, увлекаясь личными или партійными (въ широкомъ смыслѣ слова) симпатіями. Почва древнихъ нейтральна, только не нужно выходить за ея предѣлы, а изслѣдовать ее на основаніи ея самой. Къ тѣмъ же сторонамъ жизни древнихъ, которыхъ можно касаться при объясненіяхъ авторовъ, надо отнести ихъ религіозныя и поэтическія воззрѣнія. Такъ, естественно осуществляются тѣ задачи, отъ которыхъ мы отказались прежде: изучается, при чтеніи авторовъ, жизнь древнихъ въ ея существенныхъ моментахъ, — какъ она проявляется въ государственно-общественномъ строѣ, религіи и литературѣ. Но дѣло въ томъ, что свѣдѣнія эти, сообщаемыя по поводу объясненій авторовъ, не сводятся въ систему, имѣютъ цѣну не потому, что удовлетворяютъ той или другой задачѣ, рѣшаютъ тотъ или другой научный вопросъ, а вводятся на столько, на сколько нужны для пониманія читаемаго произведенія и на сколько расширяютъ кругозоръ учащихся. Сведеніе мѣстъ, гдѣ находятся указанія на означенныя выше стороны быта, можетъ быть хорошею задачею для самостоятельныхъ письменныхъ работъ учениковъ. Останавливаться въ такой же мѣрѣ на сторонахъ жизни древнихъ, не касающихся духовныхъ и общественныхъ потребностей, а только частнаго быта, не можетъ быть особенно полезнымъ и возможнымъ по недостатку времени“.

Наконецъ по поводу X-го тезиса г. Кувшинскій спросилъ: что нужно разумѣть подъ объясненіемъ классиковъ. Судя по отвѣту г. Гнипова, замѣтилъ онъ, въ старшихъ классахъ гимназіи чтеніе классиковъ

имѣеть образовательно-воспитательную цѣль. Между-прочимъ г. Гниповъ высказалъ, что ученіе должно сопровождаться логическимъ разборомъ, указаніемъ классическихъ мѣстъ, важныхъ въ стилистическомъ отношеніи. Если при переводѣ дѣйствительно будетъ преслѣдоваться эта цѣль, то преподаваніе древнихъ языковъ поведетъ къ смѣшенію наукъ и подѣйствуетъ вредно на весь гимназическій курсъ. Послѣ предложеннаго на это объясненія г. Фокковымъ и вновь сдѣланнаго возраженія со стороны г. Кувшинскаго, г. попечитель замѣтилъ, что недоразумѣнія относительно занятій классическими языками должны прекратиться, если публикѣ будетъ объяснено значеніе приемовъ, употребляемыхъ при изученіи классическихъ писателей — *статтарнаго* и *курсорнаго*, что и было исполнено г. Лиловымъ. Затѣмъ, по отсутствію желающихъ дѣлать еще замѣчанія, предсѣдатель призналъ возбужденные вопросы достаточно разъясненными и объявилъ собраніе закрытымъ. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ упомянуть, что вышеозначенное извлечено изъ полученной нами: брошюры, подъ заглавіемъ: Программа преподаванія латинскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Ставрополь, 1870 ¹⁾.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Свѣдѣнія объ открытіи двухкласснаго училища Каевской волости Новгородской губерніи и одноклассныхъ училищъ въ Алексинѣ Ковровскаго уѣзда, и въ Городищахъ Юрьевского, Владимірской губерніи. — Открытіе Прибалтійской учительской семинаріи въ Ригѣ. — Дѣятельность *земствъ* въ пользу народнаго образованія: С.-Петербургскаго, Московскаго и Нижегородскаго губернскихъ. — Постановленіе Ярославскаго губернскаго земскаго собранія о проектѣ учительской семинаріи. — Состояніе народнаго образованія въ Ярославской губерніи. — Потеихонская земская школа. — Проектъ улучшенія народныхъ учителей въ Костромскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. — Состояніе народнаго образованія въ Вятской губерніи и дѣятельность мѣстныхъ земствъ по этому предмету. — Состояніе народнаго образованія въ Балашовскомъ и Петровскомъ уѣздахъ Саратовской губерніи. — Грамотность въ с. Вязовѣ, Саратовскаго уѣзда. — Состояніе народнаго образованія въ Средне-Ахтубинской долині, въ Астраханской губерніи. — Постановленіе Самарскаго губернскаго земскаго собранія объ учрежденіи учительскихъ курсовъ въ гор. Самарѣ. — Постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній Пензенской губерніи. — Дѣятельность земствъ Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи, и Курской губерніи. — Состояніе народныхъ училищъ въ 1-мъ участкѣ Александровскаго уѣзда, Ева-

¹⁾ Эта «программа» начальствомъ Кавказскаго округа прислана также въ С.-Петербургскѣ педагогическое общество и нынѣ поступила на разсмотрѣніе компетентныхъ по сему предмету его членовъ.

тернославской губерніи. — Постановление Херсонскаго губернскаго земскаго собранія. — Учрежденіе комиссіи народнаго образованія при Одесской городской думѣ. — Учебныя заведенія въ городахъ Елисаветградѣ и Бобринцѣ, Херсонской губерніи. — Образцовая земская школа въ с. Петровомъ, той же губерніи. — Народное образованіе въ Феодосійскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ, Таврической губерніи. — Пособія школамъ отъ православнаго братства, учрежденнаго при Симферопольскомъ кафедральномъ соборѣ. — Введеніе преподаванія русскаго языка въ магометанскихъ школахъ въ Крыму и объявленіе о приѣмѣ въ нихъ пансіонеровъ. — Учебныя заведенія въ Терской области. — Приходское училище въ с. Они, Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи. — Открытіе народной школы въ гор. Петровскѣ, Дагестанской области. — Проектъ устройства ремесленныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что домъ для Каевскаго (Крестецкаго уѣзда Новгородской губерніи) двухъкласснаго училища оконченъ постройкой и 7-го октября минувшаго года освященъ въ присутствіи г. начальника губерніи, Крестецкаго предводителя дворянства, предсѣдателя Крестецкой земской управы, мирового посредника 3-го участка Крестецкаго уѣзда, уѣзднаго исправника, инспектора народныхъ училищъ Новгородской губерніи, нѣсколькихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и другихъ гостей, старшины и старость Каевской волости, родителей обучающихся въ училищѣ дѣтей и множества народа. Послѣ освященія дома, законоучитель и учителя приступили въ новомъ помѣщеніи къ своимъ урокамъ, давъ ихъ въ присутствіи посѣтителей. Всѣ вообще съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслись къ устройству въ Каевской волости означеннаго училища, дающаго возможность усилить грамотность и положить основаніе религіозно-нравственному воспитанію въ этомъ краѣ, населенномъ Корелами. Г. начальникъ Новгородской губерніи нѣсколько разъ обращался къ мѣстнымъ крестьянамъ со словами, дававшими имъ почувствовать все добро, которое заботливостью и попеченіемъ правительства о ихъ дѣтяхъ распространится въ ихъ волости, вслѣдствіе правильнаго обученія, основаннаго на религіи, и крестьяне всѣмъ происходившимъ въ сей день были тронуты такъ, что когда въ заключеніе классовъ всѣ учащіеся запѣли хоромъ молитву, многіе плакали отъ умиленія. Съ переходомъ въ означенный домъ училища открытъ въ немъ и ремесленный классъ сапожнаго мастерства, въ который, по величинѣ мастерской комнаты, признано возможнымъ допустить къ обученію 15 человѣкъ. Въ теченіе всего учебнаго года въ училищѣ учащихся было 61 человѣкъ (54 мальчика и 7 дѣвочекъ); къ 7-му же октября 1870 г. состояло 85 человѣкъ (78 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ).

— Попечитель Московскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что 11-го минувшаго сентября послѣдовало торжественное открытіе однокласнаго училища въ селеніи *Алексинъ* Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Учащихся, по случаю не оконченныхъ полевыхъ работъ, было всего до 48-и чело-вѣкъ, въ томъ числѣ 37 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ.

— 20-го сентября того же мѣсяца, послѣ литургіи и молебствія, открыто было однокласное училище въ с. Городищахъ, Юрьевскаго уѣзда той же губерніи.

— Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, увѣдомляя объ открытіи въ гор. Ригѣ, на указанныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія основаніяхъ, Прибалтійской учительской семинаріи для образованія русскихъ учителей въ сельскія народныя училища Прибалтійскаго края, сообщаетъ, что помѣщеніе для семинаріи нанято въ домѣ купца Шелухина просторное и довольно удобное, какъ для самой семинаріи, такъ и для директора и одного наставника. Семинарія съ подобающею важности дѣла торжественностію была открыта 12-го сентября, а учебныя занятія начались уже съ 16-го сентября. За отсутствіемъ директора, всѣ заботы о снабженіи семинаріи необходимыми принадлежностями и заготовленіями, нужными для закрытаго учебнаго заведенія, возложены были на опредѣленнаго въ семинарію наставника, кандидата Московской духовной академіи, Алексѣя Орлова, выполнившаго всѣ порученія, по отзыву г. попечителя, съ похвальнымъ усердіемъ.

Пріемныя испытанія воспитанниковъ, желавшихъ поступить въ учительскую семинарію, производились въ присутствіи попечителя и его помощника 3-го, 4-го, 5-го и 7-го сентября. Наканунѣ перваго экзаменнаго дня явилось съ прошеніями и документами 98 молодыхъ людей; въ теченіе экзаменовъ это количество увеличилось 40 вновь прибывшими, а по окончаніи испытаній заявлено было желаніе поступить въ семинарію еще со стороны 50-и крестьянскихъ дѣтей. Число подвергавшихся пріемному испытанію простиралось до 138-и. Изъ нихъ принято на казенное содержаніе 50 и на собственный счетъ 4. Между этими 54 воспитанниками, изъ которыхъ 38 поступило въ первый и 15 во второй классъ, находится 4 Русскихъ, 33 Латыша и 17 Эстовъ. По вѣроисповѣданію же въ этомъ числѣ находится 11 лютеранъ и 43 православныхъ. Значительное число изъявившихъ желаніе приготовиться къ званію русскихъ сельскихъ учителей, по мнѣнію г. попечителя, даетъ право ручаться, какъ

за соотвѣтствіе новоустроеннаго учебнаго заведенія требованіямъ времени, такъ и за его преуспѣяніе по удовлетворенію не скрываемихъ кореннымъ населеніемъ края стремленій къ сближенію съ русскою народностію.

— Вопросъ о народномъ образованіи былъ предметомъ обсужденія С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія въ декабрьскую сесію собранія въ истекшемъ 1870 году. Изъ отчета губернской земской управы, представленнаго по сему предмету собранію, видно, что губернское собраніе сдѣлало рядъ постановленій относительно мѣръ, содѣйствующихъ распространенію первоначальнаго образованія въ народѣ. Такъ оно учредило 20 стипендій при С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсахъ, отпустивъ по 215 рублей въ годъ на каждаго стипендіата, принявъ также на земство и другіе, сопряженные съ этимъ расходы, и въ дополненіе къ тому постановило: открыть на суммы земскаго сбора, начиная съ 1870 года, лѣтніе педагогическіе курсы для сельскихъ учителей. вмѣстѣ съ тѣмъ, губернское собраніе опредѣлило ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ объ освобожденіи народныхъ учителей отъ рекрутской повинности. Относительно лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ отчетъ замѣчаетъ, что число учителей, воспользовавшихся этими курсами, было незначительно, и объясняетъ этотъ фактъ какъ новостью дѣла, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что уѣздныя управы высылали на курсы только такихъ учителей, которые, по ихъ сравнительно лучшей подготовкѣ, могли, какъ полагали управы, вынести изъ курсовъ болѣе для себя пользы. Въ отчетѣ обращается вниманіе губернскаго земскаго собранія на отзывы руководителей педагогическихъ курсовъ о состояніи сельскихъ школъ въ томъ смыслѣ, что по этимъ отзывамъ не слѣдуетъ составлять понятія о положеніи начальныхъ училищъ въ губерніи, такъ какъ гг. руководители привели примѣры *только недостатковъ*, о которыхъ имъ говорили. Съ своей же стороны, управа свидѣтельствуетъ предъ собраніемъ, что училищное дѣло видимо развивается въ уѣздахъ, что въ послѣдніе два, три года число учащихся увеличилось и нѣкоторыя изъ сельскихъ школъ приходятъ въ лучшее положеніе. Особенно замѣтно это улучшеніе въ томъ случаѣ, когда школы вполне завѣдываются земствомъ, или когда мѣстное общество, благодаря собственной состоятельности или пособіямъ земства, или по другимъ причинамъ, назначаетъ на школу достаточныя средства. Не смотря однако же на такой хорошій отзывъ управы о сельскихъ школахъ С.-Петербургской губерніи, изъ другихъ частей отчета оказывается, что

число этихъ школъ вообще очень не велико, и что онѣ находятся далеко не въ удовлетворительномъ положеніи. Валовая сумма затратъ на народное образованіе не превышала 25.000 руб. и распределена была неравномѣрно: въ то время, какъ на школы въ Петербургскомъ, Гдовскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ было ассигновано почти по 3.000 рублей на уѣздъ, въ Новолодожскомъ уѣздѣ на этотъ предметъ отпущено только 800 руб., а въ Шлиссельбургскомъ 150 руб. При такихъ условіяхъ число школъ въ уѣздахъ было очень не велико: въ пяти уѣздахъ, изъ которыхъ имѣются свѣдѣнія по сему предмету, а именно въ Гдовскомъ, Петербургскомъ, Ямбургскомъ, Лугскомъ и Царскосельскомъ, всего числилось 156 школъ, изъ нихъ наибольшее число въ Гдовскомъ уѣздѣ — 59 ¹⁾).

Въ засѣданіи 8-го декабря губернскае земское собраніе безъ преній утвердило предложеніе управы объ ассигнованіи 7.800 руб., вмѣсто 3.875 руб., ассигнованныхъ на 1870 годъ. Изъ вновь ассигнованной суммы 4.500 руб. назначаются на содержаніе 20-и стипендіатовъ при педагогическихъ курсахъ; изъ остальныхъ предполагается покрыть расходы на лѣтніе учительскіе съѣзды, которые управа намѣрена открыть въ четырехъ пунктахъ губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ о специальныхъ училищахъ. Постановленіемъ своимъ 3-го декабря 1870 года, связано въ докладѣ, губернскае собраніе одобрило основную мысль о раздѣленіи земскихъ обязанностей по народному образованію такимъ образомъ, чтобы губернія приготовляла учителей для начальныхъ училищъ, а уѣзды содержали самыя училища или давали пособія симъ училищамъ. Оставаясь вѣрнымъ этому взгляду на способъ участія земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, комитетъ находитъ, что настало время возбудить вопросъ о степени и способѣ участія земства въ устройствѣ такихъ начальныхъ училищъ, программы которыхъ были бы усилены специальными предметами, имѣющими непосредственное отношеніе къ мѣстнымъ промысламъ. Комитетъ полагаетъ, что учрежденіе подобныхъ низшихъ специальныхъ училищъ служило бы, во первыхъ, новымъ побужденіемъ для народа стремиться къ образованію, и во вторыхъ, поставило бы мѣстные промыслы въ лучшее положеніе и тѣмъ открыло бы населенію новыя пути для расширенія своихъ заработковъ и увеличенія своего благосостоянія. Такими училищами могли бы быть

¹⁾ Свѣдѣнія о состояніи сельскихъ школъ Гдовскаго уѣзда читатели найдутъ въ отчетѣ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ въ Гдовѣ, помѣщенномъ въ настоящей же книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.*

въ Петербургской губерніи между прочимъ низшія навигаціонныя училища въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ судоходный и судостроительный промыслы, а именно: на берегахъ Финскаго залива, Ладожскаго и Чудскаго озера, по рѣкамъ: Невѣ, Волхову, Сяси, Пашѣ и Наровѣ, а также училище ветеринарныхъ фельдшеровъ въ Зарѣчской и Усадицкой волостяхъ Новоладожскаго уѣзда, гдѣ развито коновальство. Намѣреваясь заняться разработкою доклада объ устройствѣ низшихъ специальныхъ училищъ къ будущему очередному сѣзду губернскаго собранія, комитетъ проситъ собраніе высказать свое мнѣніе о вышеизложенной основной мысли. Послѣ замѣчанія гласнаго Н. К. Шмита о томъ, что кромѣ навигаціонныхъ и ветеринарныхъ училищъ необходимы и сельско-хозяйственныя, и послѣ объясненія гласнаго П. Л. Корфа, чтобъ они также имѣлись въ виду комитетомъ, собраніе выразило свое полное сочувствіе предположеніямъ комитета и поручило ему представить къ будущему очередному собранію свои предположенія по этому предмету. Что касается до возникшаго въ собраніи вопроса объ образованіи специальнаго училищнаго капитала, то разсмотрѣніе этого вопроса было отложено до представленія отчета ревизіонной комиссіи о состояніи капиталовъ губернскаго земства.

— Въ *Московской* губерніи народное образованіе обращаетъ на себя особенное вниманіе губернскаго земства. Самое крупное предпріятіе этого земства представляетъ учрежденіе учительской школы, на которую еще въ декабрѣ 1869 г. было ассигновано 30.000 руб. Изъ доклада управы видно, что проектъ устава учительской школы представленъ ею въ установленномъ порядкѣ, со включеніемъ тѣхъ измѣненій въ уставѣ, на необходимость которыхъ указало министерство народнаго просвѣщенія. Комиссія, избранная земскимъ собраніемъ для веденія дѣла объ учрежденіи учительской школы, занималась присканіемъ для нея удобнаго помѣщенія и входила въ сношеніе съ лицами, могущими занять должность директора этой школы. По свидѣтельству *Русской Лѣтописи* (№ 51), помѣщеніе для школы отыскано въ одномъ изъ имѣній Подольскаго уѣзда и найденъ также директоръ для завѣдыванія ею. Управа заявила сверхъ того собранію, что согласно постановленію собранія въ сентябрѣ 1870 года, ею помѣщены въ учебно-педагогическіе курсы г-жи Чепелевской 20 земскихъ стипендіатовъ, и что пользуясь дозволеніемъ собранія употребить оставшіяся отъ смѣтныхъ назначеній по устройству учительской школы 1.480 руб. на покупку учебныхъ пособій для нагляднаго обученія въ сельскихъ школахъ, она приобрѣла такихъ пособій на сумму

1.371 руб. 34 коп. Всего губернскимъ собраніемъ ассигновано на народное образованіе 37.610 руб., но если исключить изъ этой сумми 30.000 руб., оставшіеся въ дѣлности еще отъ смѣтныхъ назначеній прошлыхъ годовъ и предназначенныя на устройство и первоначальное обзаведеніе учительской школы, то изъ смѣты собственно на 1871 г. на все остальное придется только 7.610 руб. Сумма эта распределяется слѣдующимъ образомъ: на содержаніе Гагаринскаго стипендіата 270 руб.; на содержаніе 20 стипендіатовъ при женскихъ учительскихъ курсахъ г-жи Чепелевской 4.640 руб., считая по 232 руб. за каждую воспитанницу; на приготовленіе 20 воспитанниковъ въ учительскую школу 1.200 руб., считая по 60 руб. за воспитанника, и наконецъ 1.500 руб. на снабженіе сельскихъ школъ пособиями для нагляднаго обученія.

— *Нижегородскимъ* земствомъ израсходовано въ 1869 году на народное образованіе, какъ видно изъ цифръ, приводимыхъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ* (№ 265), 27.884 руб. 19¹/₂ коп., что среднимъ числомъ составляетъ на уѣздъ около 2.534 руб. 92 коп. Больше всѣхъ уѣздовъ расходуетъ на дѣло народнаго образованія Нижегородскій уѣздъ, именно 8.800 руб.; за нимъ идетъ Балахнинскій—3.330 руб., потомъ Арзамасскій—2.560 руб. и т. д. Наименѣе же тратитъ Макарьевскій, именно 600 руб.; а также Сергачскій—675 руб. Всѣхъ сельскихъ училищъ въ губерніи было 274; изъ этого числа болѣе половины, именно 157 школъ открыто съ 1866 года, то-есть, со времени введенія земскихъ учреждений (открытіе земскихъ учреждений въ Нижегородской губерніи послѣдовало 29-го ноября 1865 года). Школы по уѣздамъ распределены весьма не равномерно. Наибольшее число ихъ находится въ Нижегородскомъ уѣздѣ, именно 68, потомъ въ Ардатовскомъ 45 и въ Арзамасскомъ 39. Самые бѣдные въ этомъ отношеніи уѣзды Макарьевскій и Семеновскій, изъ которыхъ въ первомъ всего 3 школы, а во второмъ 4; Сергачскій имѣетъ 9 школъ. Во всѣхъ 274-хъ школахъ, изъ коихъ исключительно на земскій сборъ содержится 124 и на счетъ обществъ, съ пособіемъ отъ земства, 20, всѣхъ учащихся было въ 1869 году около 9.000, что составитъ среднимъ числомъ одно училище почти на 4.750 душъ и одного учащагося на 144 души. Наставниковъ или вообще учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ было 348 лицъ обоего пола. Такимъ образомъ на каждого учителя приходилось отъ 25-и до 26-и учениковъ. Для ознакомленія учителей съ лучшими методами обученія и вообще для руководства и контроля надъ учебно-воспитательною дѣятельностію пре-

подавателей, Нижегородское земство положило учредить должность особыхъ руководителей сельскихъ учителей съ тѣмъ же почти характеромъ обязанностей, какъ и должность инспектора народныхъ училищъ и съ подчиненіемъ ихъ этому послѣднему въ педагогическомъ отношеніи. Здѣсь же упомянемъ, что въ числѣ назначеній Нижегородскаго земства на дѣло образованія изъ губернскаго сбора отпускается земствомъ ежегодно на Маріинскую женскую гимназію въ Нижнемъ Новгородѣ 3.000 руб.; на этотъ же предметъ и Нижегородское уѣздное земство отпускаетъ 2.000 руб.; кромѣ того на счетъ земства содержатся стипендіаты въ губернской гимназій, а также въ Казанскомъ и Московскомъ университетахъ, на что ассигновано 600 руб.

— Въ послѣднихъ книжкахъ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за истекшій годъ мы сообщили подробныя свѣдѣнія о проектѣ устройства въ Ярославлѣ учительской семинаріи. Теперь изъ сообщенія мѣстной газеты (№ 51) оказывается, что дѣло это не состоится. Устройство учительской семинаріи признано губернскимъ земскимъ собраніемъ, хотя и полезнымъ, но слишкомъ дорогимъ. Въмѣсто учительской семинаріи земство предположило учредить, съ будущаго 1871 года, учительскіе сѣзды, на что уже и ассигновано 3.000 руб., кромѣ 750 руб., назначенныхъ для вознагражденія педагоговъ, которые будутъ руководить сѣздами. Къ слушанію педагогическихъ лекцій допускаются и постороннія лица, не принадлежащія къ учебной корпораціи. Каждый учитель будетъ получать отъ земства 25 руб., за все продолженіе лѣтнаго курса, съ выдачею сверхъ того прогонныхъ денегъ до Ярославля и обратно. Мѣстомъ для чтенія лекцій предполагается Ярославское уѣздное училище.

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ мѣстною газетою (№ 51), на основаніи официальныхъ данныхъ, оказывается, что въ Ярославской губерніи всѣхъ народныхъ училищъ въ 30-му августа 1870 года состояло 152; въ томъ числѣ содержимыхъ на счетъ казны 2, на счетъ городскихъ доходовъ 21, земства 103, сельскихъ обществъ 18, на пожертвованія частныхъ лицъ 8. По уѣздамъ общая цифра училищъ распредѣляется такъ: въ Рыбинскомъ 24, въ Ярославскомъ со включеніемъ города 23, въ Мышеинскомъ 18, въ Угличскомъ и Любимскомъ по 16, въ Ростовскомъ 15, въ Мологскомъ 14, въ Пошехонскомъ 12, въ Романово-Борисоглѣбскомъ 9 и въ Даниловскомъ 5. Содержаніе всѣхъ училищъ за минувшій годъ стоило 43.385 руб. 67 коп.; сумма эта взята изъ различныхъ источниковъ. Она распредѣлялась по уѣздамъ такъ: по

Рыбинскому уѣзду 8.727 руб. 50 к., Ярославскому 7.955 руб., Угличскому 6.482 руб. 10 коп., Ростовскому 4.706 руб. 10 коп., Любимскому 3.383 руб., Мологскому 3.382 р., Мышкинскому 3.119 р. 50 к., Пошехонскому 2.544 руб., Романо-Борисоглѣбскому 1.942 руб. 62 к. и Даниловскому 1.143 руб. 85 коп. Губернскій земскій сборъ (въ количествѣ 8.091 руб. 80 коп.) дѣлится различно—отъ 2.326 руб. 30 к. (по Ростовскому уѣзду) до 138 руб. (по Пошехонскому). Въ Угличскомъ уѣздѣ губернскихъ земскихъ расходовъ по народному образованію вовсе не было. Но замѣчательнѣе всего чрезвычайная неравномѣрность въ расходованіи на народное образованіе денегъ уѣздными земствами. Большинство ихъ расходовались довольно значительныя суммы; такъ Рыбинское земство тратило на этотъ предметъ 4.390 р., Угличское 3.435 р., Ярославское 3.031 руб., Мышкинское 2.150 руб., Пошехонское 2.016 руб., Мологское 1.270 руб., Любимское 1.264 р., между тѣмъ какъ Романо-Борисоглѣбское издержало на тотъ же предметъ только 200 руб., Ростовское 100 руб., а Даниловское—ничего. Сельскія общества трехъ уѣздовъ: Мологскаго, Пошехонскаго и Мышкинскаго также не пожертвовали на училища *ни одной копейки*; въ другихъ же уѣздахъ пожертвованія сельскихъ обществъ идутъ въ такой прогрессіи: на Даниловскій уѣздъ причитается 35 руб., на Ярославскій 293 руб., Рыбинскій 670 руб., Ростовскій 680 руб., Любимскій 728 руб., Романо-Борисоглѣбскій 748 руб., Угличскій 930 руб. Частныхъ пожертвованій для содержанія училищъ по уѣздамъ Любимскому, Романо-Борисоглѣбскому и Мышкинскому вовсе не было; по другимъ уѣздамъ цифра этихъ пожертвованій колеблется между 700 руб. (въ Ростовскомъ уѣздѣ) и 10 р. 85 коп. (въ Даниловскомъ). Городскія думы жертвовали отъ 2,451 руб. (Ярославская) до 290 р. (Пошехонская). Учащихъ во всѣхъ школахъ Ярославской губерніи было: законоучителей 77, учителей 158, учительницъ 31. Число учащихся простиралось до 7.711, въ томъ числѣ 6.013 мальчиковъ и 1.698 дѣвочекъ; изъ нихъ принадлежатъ къ городскимъ сословіямъ 1.200 мальчиковъ и 403 дѣвочки, къ вѣрстанскому 4.813 мальчиковъ и 1.295 дѣвочекъ. Наибольшее число учащихся мальчиковъ находится въ Рыбинскомъ уѣздѣ—1.004, наименьшее въ Даниловскомъ—139; учащихся дѣвочекъ наибольшее число имѣется въ Ярославскомъ уѣздѣ 417, наименьшее опять въ Даниловскомъ—38. Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ цифръ оказывается, что Ярославскій и Рыбинскій уѣзды находятся относительно народнаго образованія въ наиболѣе счастливыхъ условіяхъ, тогда какъ Даниловскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто.

Въ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 45) находимъ слѣдующія свѣдѣнія о Пошехонской земской школѣ, объ учрежденіи которой мы уже имѣли случай заявлять. По уставу, въ училище могутъ поступать какъ мальчики, такъ и дѣвочки всѣхъ сословій, имѣющіе не менѣе 10-и лѣтъ отъ роду, выдержавшіе экзамень и внесшіе за ученіе годовую плату 2 руб. Для выдержанія пріемнаго экзамена требуется: 1) бойкое и правильное чтеніе и умѣнье писать мелкимъ шрифтомъ подъ диктовку, хотя бы и съ орфографическими ошибками; 2) знаніе наизусть главныхъ молитвъ, символа вѣры и заповѣдей; 3) знакомство съ первыми четырьмя ариметическими дѣйствіями. Всѣ учебники и учебные матеріалы дѣти должны покупать на свой счетъ въ земской управѣ, по цѣнамъ, существующимъ въ книжныхъ магазинахъ; но дѣти крайне бѣдныхъ родителей освобождаются отъ платы за учебники, если выдержатъ экзамень вполне удовлетворительно. Родителямъ, не живущимъ въ Пошехоньѣ, земская управа рекомендуетъ для ихъ дѣтей квартиры у благонадежныхъ хозяевъ. Полный курсъ ученія полагается двухгодичный. Предметы преподаванія слѣдующіе: 1) *Законъ Божій*: изученіе молитвъ съ пониманіемъ ихъ смысла, краткое изученіе священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій; объясненіе службъ церковныхъ. 2) *Русскій языкъ*: бойкое, отчетливое, выразительное чтеніе и разказъ прочитаннаго; письмо подъ диктовку и письменное изложеніе своими словами того, что разказано или прочитано въ классѣ, съ устраненіемъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ; знаніе наизусть нѣсколькихъ басенъ и лучшихъ стихотвореній, доступныхъ для дѣтей, и переложеніе ихъ въ прозу; практическое ознакомленіе съ предложеніями, частями рѣчи и знаками препинанія. 3) *Географія*: важнѣйшія и необходимѣйшія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, краткій обзоръ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ; отдѣльно—географія Россіи. 4) *Краткая Русская исторія*. 5) *Ариметика*: вычисленія умственные, письменныя и на счетахъ; знаніе четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами, отвлеченными и именованными. 6) Нотное церковное и гражданское пѣніе. 7) Руководіе для дѣвочекъ. Всѣмъ предметамъ, кромѣ пѣнія, дѣвочки обучаются отдѣльно. Главная особенность Пошехонской школы состоитъ въ томъ, что ученики ея, внѣ классныхъ занятій, могутъ посѣщать въ опредѣленное время земскую больницу, гдѣ подъ руководствомъ земскихъ врачей имъ объясняется устройство человѣческаго организма, первоначальныя правила гигіены и спочастъ слнп, отд. 4.

собы, какъ подавать первую помощь въ болѣзняхъ. Впрочемъ посѣщеніе больницы дѣтьми не обязательно: оно предоставляется только женщинамъ. Отъ воли каждаго зависитъ также обучаться какому-нибудь ремеслу и техническому черченію. Наконецъ, Пошехонская земская управа обѣщаетъ „принять мѣры къ отысканію учителей латинскаго и новѣйшихъ языковъ, за особую плату отъ учениковъ съ тою цѣлю, чтобъ они могли поступить въ соотвѣтствующій классъ Ярославской гимназіи“. Экзамены производятся публично, посѣщеніе классовъ открыто для родителей и постороннихъ лицъ. Тѣлесныя наказанія строго воспрещены; первая мѣра наказанія — замѣчаніе, вторая — выговоръ за дурной поступокъ предъ всѣми товарищами; потомъ слѣдуетъ увольненіе изъ училища, но послѣднее наказаніе зависитъ не отъ чьего-либо личнаго произвола, а отъ опредѣленія совѣта учителей и земской управы.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ *Костромской* губерніи, сообщеннымъ нами въ предыдущей книжкѣ (Совр. Лѣтоп., стр. 180—182), мы находимъ въ докладѣ Костромской губернской управы предложеніе о средствахъ улучшить народное образованіе въ губерніи. Управа признаетъ для этого необходимымъ, во первыхъ, приготовить хорошихъ учителей для сельскихъ училищъ; во вторыхъ, снабдить училища учебниками. Докладъ разсматриваетъ три способа приготовленія учителей: учрежденіе учительской школы или семинаріи; устройство педагогическихъ классовъ для лицъ, желающихъ поступить въ учителя сельскихъ училищъ, и наконецъ, учрежденіе лѣтнихъ учительскихъ курсовъ. Объ этомъ послѣднемъ способѣ приготовленія учителей губернская управа говоритъ, что лѣтніе педагогическіе курсы съ преимущественною пользой могутъ быть устраиваемы для ознакомленія существующихъ сельскихъ учителей съ лучшимъ методомъ преподаванія и способами веденія обученія, но не столько полезны для лицъ, вновь посвящающихъ себя обязанности сельскихъ учителей. Поэтому способъ этотъ можетъ быть принятъ, только какъ вспомогательное средство при другомъ какомъ-либо учрежденіи, имѣющемъ исключительную цѣлю приготовленіе сельскихъ учителей. Притомъ съѣздъ сельскихъ учителей во всей губерніи въ одинъ какой-либо пунктъ для слушанія педагогическихъ курсовъ будетъ крайне затруднителенъ и даже не возможенъ, такъ какъ большинство учителей состоитъ изъ мѣстныхъ священниковъ; по этой причинѣ, равно и по отношенію къ расходу, лѣтніе педагогическіе курсы съ большимъ удобствомъ могутъ устраиваться уѣздными земствами. Относительно учрежденія учительской семинаріи

докладъ управы замѣчаетъ, что учрежденіе такой семинаріи сопряжено съ значительными расходами, которыхъ управа въ настоящее время не можетъ предложить собранію. Остается, слѣдовательно, устройство педагогическихъ классовъ для лицъ, приготовляющихся въ сельскіе учителя. Педагогическіе классы, говоритъ управа, не могутъ всецѣло замѣнить учительскія школы, но во всякомъ случаѣ польза ихъ несомнѣнна. Расходъ на этотъ предметъ исчисленъ управою въ 5.600 руб. ежегодно, и сверхъ того, въ первый годъ на заведеніе классной мебели необходимо отъ 200 до 250 руб. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы нигдѣ не нашли свѣдѣній о томъ, какимъ именно способомъ вопросъ о приготовленіи учителей для Костромской губерніи рѣшенъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Между тѣмъ, это было бы очень интересно, въ виду приведеннаго выше постановленія Ярославскаго губернскаго земскаго собранія по тому же предмету, и сочувственнаго отношенія къ лѣтнимъ педагогическимъ курсамъ со стороны уѣздныхъ земскихъ собраній Пензенской губерніи, постановленія которыхъ мы сообщаемъ ниже.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ *Вятской* губерніи, помѣщеннымъ въ ноябрской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за прошлый годъ (Сов. Лѣт., стр. 53—56), сообщаемъ еще слѣдующія данныя, извлеченныя изъ отчета Вятскаго губернскаго училищнаго совѣта.

Относительно методовъ преподаванія вообще замѣчено, что лучшіе методы, выработанныя педагогическою практикою послѣдняго времени, усвоены въ меньшей половинѣ начальныхъ училищъ Вятской губерніи. Это объясняется, какъ неподготовленностью сельскихъ учителей къ ихъ дѣятельности и незнакомствомъ съ рациональными способами обученія, такъ трудностью руководиться новыми методами въ тѣхъ школахъ, гдѣ дѣти приобрѣли уже нѣкоторыя знанія отъ учителей-самоучекъ. Въ молодыхъ учителяхъ вездѣ замѣтно желаніе вести дѣло обученія по упрощеннымъ методамъ. Обученіе чтенію ведется преимущественно по буквочетательному способу, при помощи подвижныхъ буквъ и таблицъ Золотова, и по звуковому. Послѣдній принятъ въ руководство молодыми учителями, особенно бывшими воспитанниками духовной семинаріи, и признанъ за лучшій съѣздомъ учителей, бывшимъ въ Малмыжѣ лѣтомъ 1869 года, в Котельническимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Отъ учениковъ, умѣющихъ читать, требуется разказъ прочтаннаго, даже если бы прочтанное было изъ книги церковной печати. Арифметика въ нѣкоторыхъ учи-

лицахъ преподается до того плохо, что ученики не знаютъ даже нумераціи; въ другихъ же вовсе не преподается по малограмотности учителей. За то въ лучшихъ училищахъ ученики знаютъ именованныя числа и даже дроби; въ такихъ училищахъ всѣ четыре дѣйствія ариѳметики примѣняются къ рѣшенію такихъ вопросовъ и задачъ, основныя части которыхъ взяты изъ практики обыденной жизни. Во многихъ училищахъ ученики приучаются къ вычисленіямъ въ умѣ и къ выкладкамъ на счетахъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ дѣтямъ давались для чтенія книги духовно-православнаго содержанія, также по русской исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Такъ какъ всѣ почти училища содержатся на счетъ земства, то нужды училищъ въ классныхъ принадлежностяхъ и учебныхъ пособіяхъ удовлетворялись земскимъ, а также губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, по мѣрѣ необходимости и средствъ; тамъ, гдѣ училища еще нуждаются въ этомъ, земскія управы принимаютъ мѣры для устраненія подобныхъ нуждъ. Училищныя бібліотеки вообще очень скудны. Относительно дисциплины, отчетъ замѣчаетъ, что вообще учащіеся не требовали строгихъ мѣръ для поддержанія дисциплины и порядка. Въ худшихъ случаяхъ, виновные наказывались стояніемъ на ногахъ во время класса, оставленіемъ въ училищѣ на часъ или на два послѣ классныхъ занятій, и рѣдко — безъ обѣда. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ мѣръ, наставники обращались за содѣйствіемъ къ родителямъ. Между учителями есть однако же такіе, которые, никогда не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ исправленія, видятъ въ такихъ наказаніяхъ, какъ стояніе на колѣняхъ и лишеніе обѣда, отсутствіе педагогическихъ приемовъ обученія, такъ какъ подобныя наказанія могутъ вредно отозваться на физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей. Осмотры училищъ и производимыя по временамъ испытанія учениковъ доказали, что вообще дѣло народнаго образованія въ губерніи идетъ довольно удовлетворительно, хотя и можно желать лучшаго. Стремленіе къ грамотности видно повсюду, но не во всѣхъ училищахъ есть способные и преданные своему дѣлу учителя. Неудовлетворительнѣе другихъ предметовъ учебнаго курса идетъ преподаваніе ариѳметики, тѣмъ не менѣе училищъ, гдѣ дѣло обученія шло бы совершенно неудовлетворительно, не много. Содержаніе училищъ по уѣздамъ обходится не въ одинаковую сумму, а именно отъ 440 руб. (въ Котельническомъ уѣздѣ) до 183 руб. (въ Орловскомъ); среднимъ же числомъ содержаніе каждаго училища обходится земству Вятской губерніи въ 300 р., а содержаніе каждаго учащагося до 8 руб. Относительно училищныхъ помѣщеній, земство

постоянно стремится къ тому, чтобъ они соотвѣтствовали своей цѣли: были просторны, чисты, теплы, снабжены хорошою вентиляціею; но, при всемъ своемъ стараніи, оно не можетъ разомъ исполнить всѣ необходимыя требованія для удобства училищныхъ помѣщеній. Нанимаемыя имъ квартиры оказываются большею частію съ недостатками: онѣ тѣсны, ветхи, холодны, сыры и т. п. Въ видахъ устраненія такихъ неудобствъ, земство пришло къ убѣжденію въ необходимости самому строить училищныя помѣщенія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣтъ даже порядочной избы для школы. При этомъ земство имѣетъ также въ виду устроить при училищныхъ домахъ квартиры для учениковъ, приходящихъ изъ дальнихъ деревень, потому что ученики часто, за недостаткомъ помѣщенія, принуждены бывають совсѣмъ оставлять школу и возвращаться домой. Содержаніе учащихся представляется въ слѣдующемъ видѣ: законоучители получаютъ отъ 80 (Котельническій уѣздъ) до 30 руб. (Вятскій); учителя: въ Малмыжскомъ уѣздѣ получаютъ 300 руб., въ Уржумскомъ и Котельническомъ по 200 руб., въ прочихъ отъ 150 до 100 руб.; помощники учителей около 75 руб.; учительницы отъ 75 до 200 р. Въ видахъ бѣльшаго привлеченія людей способныхъ вести дѣло народнаго образованія, земство обратило вниманіе на увеличеніе жалованья учащихся и въ своихъ собраніяхъ постановило: 1) Вятское — увеличить жалованье учителей въ 10-и лучшихъ училищахъ со 100 до 150 руб., 2) Уржумское — прибавлять способнымъ и ревностнымъ учителямъ, учительницамъ и ихъ помощникамъ въ ихъ прежнему жалованью по 50 руб. въ годъ; то-есть, давать учителю отъ 250 до 300 руб., помощнику его отъ 150 до 200 руб., и законоучителю отъ 50 до 75 коп. за урокъ; 3) Сарапульское — давать жалованье учителямъ по числу учащихся отъ 60 до 240 руб.; татарскому муллѣ въ татарскихъ школахъ по 36 руб. Училищныя совѣты, принимая во вниманіе благотворительную дѣятельность лучшихъ учителей, въ свою очередь ходатайствовали предъ земскими управами или объ увеличеніи жалованья такимъ учителямъ, или о наградахъ.

Открывая засѣданія Вятскаго губернскаго земскаго собранія, 28-го ноября истекшаго года, мѣстный губернаторъ, сдѣлавъ краткій очеркъ всего, что сдѣлано Вятскимъ земствомъ въ пользу народнаго образованія (рѣчь напечатана въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* № 267), между прочимъ говоритъ, что сочувствіе этого земства къ успѣхамъ народнаго образованія засвидѣтельствовано дѣломъ: оно жертвуетъ

на этотъ предметъ болѣе всѣхъ земствъ имперіи. Такъ на 1871 годъ ассигновано на народное образованіе 153.822 руб., болѣе противъ истекшаго на 21.500 рублей. Почти всѣ уѣздныя собранія постановили учредить постоянныя сѣзды наставниковъ сельскихъ училищъ, для изысканія лучшихъ пріемовъ обученія; затѣмъ, принимая во вниманіе обширность губерніи (до 15.000.000 десятинъ), а также и то, что одному инспектору народныхъ школъ, назначенному правительствомъ, почти невозможно имѣть надлежащаго за ними наблюденія, многія собранія постановили учредить особыхъ помощниковъ губернскому инспектору, съ достаточнымъ жалованьемъ и пенсіономъ. Котельничское, Нолинское, Малмыжское, Слободское и Глазовское собранія постановили увеличить число имѣющихся школъ еще на 10; Орловское, сверхъ расхода на содержаніе 37-и школъ, ассигновало 500 руб. на выдачу вознагражденія лицамъ, занимающимся обученіемъ дѣтей на домахъ, опредѣливъ выдавать по 5 руб. за каждого обученнаго чтенію и письму, и назначило особую сумму на наемъ квартиръ для учениковъ, далеко живущихъ отъ сельскихъ школъ; Слободское — ассигновало 900 руб. на полное содержаніе учениковъ ремесленной школы, открываемой въ селѣ Кайгородскомъ, въ самомъ глухомъ, малонаселенномъ мѣстѣ губерніи, въ верховьяхъ рѣки Камы, гдѣ „круглый годъ ѣздить на саняхъ, не умѣя сдѣлать колесъ“; Уржумское опредѣлило сумму какъ на содержаніе женской прогимназіи, такъ и на открытіе при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ курса ботаники и сельскаго хозяйства, при чемъ увеличило расходъ и на обученіе ремесламъ; Сарапульское постановило ходатайствовать о преобразованіи уѣзднаго училища въ реальную прогимназію и объ учрежденіи двухклассныхъ училищъ въ Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ и въ селѣ Караулинѣ, ассигновавъ на это необходимыя суммы. Также постановило содержать на счетъ земства въ Москвѣ по одному стипендіату въ техническомъ училищѣ и земледѣльческомъ институтѣ, чтобы приготовить ученыхъ мастеровъ и земледѣльцевъ въ предполагаемое ремесленно-земледѣльческое заведеніе; Вятское — разрѣшило расходъ на открытіе педагогической бібліотеки при управѣ и кабинета матеріаловъ для нагляднаго обученія; другія собранія также постановили учредить 7 бібліотекъ для народнаго чтенія. Затѣмъ большая часть собраній назначила способнымъ, но бѣднымъ ученикамъ, какъ изъ крестьянъ, такъ и другихъ сословій, давать средства продолжать свое образованіе не только въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ высшихъ. Глазовскимъ уѣзднымъ собра-

нѣмъ разрѣшено открыть въ Омутнинскомъ заводѣ земское училище и ремесленные занятія при четырехъ школахъ, а также опредѣлено имѣть особаго помощника инспектора народныхъ школъ, созывать ежегодно съѣздъ наставниковъ народныхъ школъ и отпустить на пособіе бібліотекѣ, состоящей при управѣ, 100 рублей.

— Изъ *Саратовской* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (см. *Сарат. губ. вѣд.* №№ 237, 251 и 167).

Изъ доставленныхъ *Балашовскимъ* уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ свѣдѣній оказывается, что въ 1870 году всѣхъ училищъ по Балашовскому уѣзду состояло 34; въ теченіе этого года закрыто 3 училища въ селеніяхъ: Чернавкѣ, Вобылевкѣ и Алексѣевкѣ, въ первомъ потому, что содѣйствовавшая содержанію этого училища г-жа Лопатина не могла болѣе принимать въ немъ участія, а въ послѣднихъ потому, что общества тѣхъ селеній уменьшили жалованье наставникамъ противу объявленнаго въ приговорахъ оцлада; вновь же открыто два училища въ селахъ Ивановкѣ и Самойловкѣ. Затѣмъ въ настоящее время состоитъ всѣхъ училищъ 33, въ которыхъ обучается 1.346 мальчиковъ и 202 дѣвочки. Большая часть училищъ учебными руководствами снабжены достаточно, но сельскія училища ощущаютъ недостатокъ въ различныхъ училищныхъ принадлежностяхъ, какъ-то, въ столахъ, доскахъ, счетахъ и писчей бумагѣ, которую родители учащихся неокотно покупаютъ на свой счетъ. Вообще же народное образованіе по Балашовскому уѣзду сильно страдаетъ отъ недостатка въ селеніяхъ опытныхъ преподавателей, причину чего совѣтъ объясняетъ скуднымъ жалованьемъ, которое даже съ пособіемъ отъ земства рѣдко превышаетъ 120 руб. въ годъ. Для устраненія недостатка въ преподавателяхъ, училищный совѣтъ полагаетъ необходимымъ открыть при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ педагогической классъ, по крайней мѣрѣ на 10 человекъ, преимущественно изъ крестьянъ, съ присвоеніемъ имъ нѣкоторыхъ привилегій. Затѣмъ училищный совѣтъ свидѣтельствуетъ объ особенной заботливости и участіи въ дѣлѣ просвѣщенія княгини М. А. Прозоровской-Голицыной, которая, держа на свой счетъ въ своемъ имѣніи два училища, не рѣдко лично посѣщаетъ ихъ и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ сама за преподаваніемъ. Точно также училищный совѣтъ свидѣтельствуетъ о просвѣщенномъ содѣйствіи къ народному образованію В. Д. Нарышкина и князя М. С. Волконскаго и о похвальной заботливости объ училищахъ старшини Самойловской волости Голощева.

Въ *Петровскомъ* уѣздѣ въ 1870 году было 15 народныхъ школъ и 1 приходское училище въ г. Петровскѣ. По имѣющимся свѣдѣніямъ въ нихъ обучалось мальчиковъ 626 и дѣвочекъ 13. Стоимость школъ обходится обществамъ въ 2.081 руб. 16 коп. и со стороны земства должна быть отпущена, согласно постановленію собранія 29-го сентября 1867 года, половинная часть, то-есть, 1.040 руб. 58 коп., исключая изъ этого количества причитающіеся на Спаско-Александровскую школу 74 руб. 97 коп., которые получены попечителемъ школы Н. С. Ермолаевымъ въ 1869 году въ то время, когда школа еще предполагалась къ открытію, отпущено же по 1-е сентября 1870 года по требованіямъ 413 руб. 2 коп. Въ селѣ Чардымѣ въ 1870 г. заведена школа на средства землевладѣлицы Н. П. Аристовой, въ которой она сама занимается преподаваніемъ, и общество, видя пользу отъ ученія, представленнымъ въ управу приговоромъ опредѣлило на усиленіе средствъ школы собирать ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1-го іюля 1870 года по 200 руб., а землевладѣлецъ П. А. Аристовъ жертвуетъ имъ на отопленіе школы ежегодно по десятирѣ лѣсу. Попечительницей этого училища общество избрало Н. П. Аристову. Въ с. Старомъ Славкинѣ волостной сходъ постановилъ основать волостную школу, на чтѣ ассигновано ежегодно, начиная съ 1870 года, въ сбору 362 руб. 32 коп., избравъ попечителемъ гласнаго Н. С. Ермолаева, на распоряженіе котораго предоставилъ какъ назначенную къ сбору сумму, такъ и ту, которая должна получаться на вспомошествованіе школы, и наконецъ, сумму, переведенную отъ земства; существующія же сельскія школы въ с. Старомъ Славкинѣ и Чунакахъ сходъ положилъ закрыть. Изъ назначенныхъ земскимъ собраніемъ 200 руб. на книги, управа выписала ихъ только на 55 руб.; по разсмотрѣніи въ училищномъ совѣтѣ, книги эти оказались тѣми же самыми, какія были выписаны въ прежнее время, а потому управа и остановилась выпиской ихъ, такъ какъ подобнаго рода изданія имѣются во всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ школахъ. Награды сельскимъ учителямъ управа предполагаетъ, въ виду малаго получаемаго ими содержанія, выдать всѣмъ, полагая по 25% съ рубля, съ суммы, назначаемой отъ земства, на вспомошествованіе каждому сельскому училищу. Петровская городская дума сообщила управѣ, что городское общество, приговоромъ 21-го іюля сего года, предположило открыть въ г. Петровскѣ однокласное женское училище, съ ассигнованіемъ на содержаніе его по 400 руб. въ годъ, а потому управа проситъ разрѣшенія земскаго собранія, можетъ ли быть производимо земствомъ

пособіе этому училищу, въ размѣрѣ половинной части ассигнованной сумми, какъ опредѣлено постановленіемъ земскаго собранія 29-го сентября 1867 года.

Изъ села Вязовки, Саратовскаго уѣзда, сообщаютъ, что лѣтъ 40 тому назадъ, здѣсь въ первый разъ начала учить дѣтей грамотѣ здѣшняя крестьянская дѣвушка, и долгое время учила одна; чрезъ нѣсколько лѣтъ примѣру ея послѣдовалъ грамотный крестьянинъ. Затѣмъ, лѣтъ восемь назадъ, была открыта духовенствомъ безвозмездная школа, но она существовала не болѣе двухъ лѣтъ и закрылась; съ тѣхъ поръ Вязовка оставалась безъ школы. Послѣ этого училъ и до сихъ поръ учить, но только зимою, церковный сторожъ. Впрочемъ, кромѣ его занимались обученіемъ грамотѣ также мѣстный дьячекъ и отставной солдатъ. Грамотныхъ на все народонаселеніе Вязовки, простирающееся до 1.300 душъ, приходится не болѣе 20-и человекъ, въ томъ числѣ 2 женщины; учащихся насчитывается до 32-хъ мальч. и 7 дѣв., да кромѣ того, учатся мальчиковъ 12 изъ ближнихъ деревень, гдѣ также нанимаются учителя изъ отставныхъ солдатъ и грамотныхъ крестьянъ (послѣдніе встрѣчаются очень рѣдко). Но эти учителя, по ограниченному числу учениковъ и вслѣдствіе недостаточнаго содержанія, не могутъ постоянно проживать въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и мальчики, если ихъ не отвозятъ въ болѣе постоянному учителю, забываютъ выученное, отчего на слѣдующую зиму, если и удастся нанять опять учителя, мальчиковъ приходится учить почти снова. При такомъ положеніи вещей, крестьяне, не видя хорошихъ результатовъ отъ ученія, жалуются на учителей, охладѣваютъ къ грамотѣ и оставляютъ дѣтей недоученными. Вообще, образованіе народное стоитъ въ Вязовкѣ на низкой степени; грамотнаго отъ не грамотнаго можно отличить только тѣмъ, что грамотный прочитаетъ слова въ книгѣ, а неграмотный не можетъ этого сдѣлать; чтеніе ограничивается нѣрѣдко только механическимъ процессомъ выговариванія словъ, даже у взрослыхъ грамотниковъ; читающіе и понимающіе читаемое составляютъ исключеніе. Недостатокъ книгъ чрезвычайно ощутителенъ. Единственныя книги у крестьянъ сказки, Псалтырь, изъ которой заучиваютъ наизусть псалмы, нужны только въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, псаломъ 108-й читается, когда должникъ не платитъ свой долгъ, псаломъ 26-й читается, когда идутъ судиться и т. п.

— О положеніи учебнаго дѣла въ Средне-Ахтубинской долиинѣ — пишутъ изъ Царева, Астраханской губерніи, въ *Русскія Вѣдомости*

(№ 236), что мысль о пользѣ грамотности начинается сознаться мѣстными поселянами. Съ недавняго времени, во многихъ селахъ, вмѣсто незатѣйливыхъ деревенскихъ хатъ, служившихъ помѣщеніемъ школь, начали являться приличные дома, довольно удобные для обученія. Вмѣсто прежняго свуднаго содержанія, учителямъ стали назначать оклады, которые во всякомъ случаѣ могутъ избавить учителей отъ крайней бѣдности, а училища отъ вопіющихъ нуждъ. Недостатка въ учителяхъ и въ учащихся нѣтъ, но способы обученія неудовлетворительны. Учебнаго времени въ году бываетъ не болѣе 6-и—7-и мѣсяцевъ, а если гдѣ оно и продолжается долѣе (что, впрочемъ, бываетъ рѣдко), то только въ тѣхъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти старшинъ, писарей, портныхъ и сидѣльцевъ. Причина этого та, что имѣя исключительнымъ занятіемъ своимъ хлѣбопашество и скотоводство, жители Средне-Ахтубинской долины, съ ранней весны, отрываютъ своихъ дѣтей отъ училищныхъ занятій подѣ тѣмъ предлогомъ, что эти 8-и или 9-лѣтніе работники крайне необходимы имъ въ пахотныхъ занятіяхъ; затѣмъ наступаютъ сѣнокосъ, уборка хлѣба и другія полевныя работы, въ которыхъ дѣти бываютъ неотлучными спутниками взрослыхъ. Такимъ образомъ, съ самой ранней весны до поздней осени мѣстныя школы пусты.

— Мы сообщали въ свое время, что при обсужденіи вопроса въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ концѣ 1866 года, о приготовленіи учителей для сельскихъ народныхъ школь, гласный отъ духовенства священникъ Грекуловъ въ запискѣ, читанной въ собраніи, выяснилъ, что для полнаго осуществленія идей правительства о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей, выраженныхъ въ положеніи 14-го іюля 1864 года, нужны хорошо знакомые съ богословскими науками преподаватели, и просилъ собраніе обратить свой просвѣщенный взоръ на Самарскую семинарію, при которой открыты педагогическіе курсы и воскресная школа для практическаго примѣненія правилъ педагогики, и назначить туда нѣсколько стипендій. Мысль о. Грекулова была принята, и собраніе тогда же поручило управѣ вносить съ 1867 года по 1.000 руб. сер. въ смѣту расходовъ, на содержаніе 10-и стипендіатовъ при семинаріи, изъ ея же воспитанниковъ. Эти стипендіаты обязывались, по окончаніи курса семинаріи, прослужить на должностяхъ учителей въ сельскихъ школахъ то число лѣтъ, въ теченіе котораго пользовались стипендіями отъ земства. Въ сентябрѣ истекшаго года гласный, священникъ Ливановъ донесъ своему епархіальному архіерею (см. *Самар. Епарх. Вѣдом.* № 21),

что въ засѣданіи Самарскаго губернскаго земскаго собранія, происшедшемъ 17-го сентября, при обсужденіи вопроса о народномъ образованіи, гласными Малкинымъ и Молинымъ внесено было предложеніе объ открытіи учительскихъ курсовъ въ г. Самарѣ для приготовленія учителей и учительницъ въ сельскія народныя школы. Для обстоятельнаго обсужденія этого вопроса собраніе назначило комиссію изъ пяти гласныхъ. 18-го сентября комиссія эта внесла въ собраніе записку объ открытіи въ г. Самарѣ женской школы учительницъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, съ тѣмъ, чтобы въ составъ каждаго курса были назначаемы по пяти стипендіатовъ отъ каждаго уѣзда губерніи, со внесеніемъ за каждую по 100 руб. въ годъ. Предметами обученія должны быть: законъ Божій, русскій языкъ, методика, математика, физика, географія, исторія, чистописаніе, черченіе и рисованіе. Комиссія въ запискѣ высказалась въ пользу необходимости открытія именно женской школы для подготовки учительницъ для сельскихъ школъ, въ томъ убѣжденіи, что въ просвѣщенныхъ государствахъ Европы и въ Америкѣ обученіе дѣтей въ элементарныхъ школахъ находится подъ непосредственнымъ руководствомъ женщинъ и что образованіе будущихъ матерей въ школахъ будетъ имѣть большее вліяніе на народное образованіе, чѣмъ мужчинъ. Этотъ докладъ комиссіи былъ принятъ собраніемъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія вопроса по народному образованію, при чтеніи статьи на содержаніе 10-и стипендіатовъ въ педагогическихъ классахъ Самарской духовной семинаріи, нѣкоторыми гласными было заявлено того же 18-го сентября, что такъ какъ нынѣ собраніемъ уже утверждено открытіе женской учительской школы, то за сямъ не представляется особенной надобности въ содержаніи стипендіатовъ при Самарской духовной семинаріи. Согласившись съ этимъ мнѣніемъ, собраніе большинствомъ 23-хъ голосовъ противъ 3-хъ постановило: утвердить статью 24 смѣты въ суммѣ 1.000 руб., и стипендіи въ педагогическихъ классахъ духовной семинаріи, по мѣрѣ выхода стипендіатовъ, постоянно закрывать; губернской же управѣ снести съ подлежащимъ вѣдомствомъ о не приниманіи вновь стипендіатовъ на земскій счетъ въ означенныхъ классахъ семинаріи.

— Въ *Пензенской* губерніи вопросъ о развитіи грамотности въ народѣ въ сентябрьскую сессію 1870 года разсматривался и обсуждался всѣми уѣздными земствами. Изъ постановленій по сему предмету уѣздныхъ земскихъ собраній, помѣщенныхъ въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 48—52) видно, что большинство изъ

нихъ отнеслось къ дѣлу народнаго образованія вполне сочувственно и что вообще почти по всѣмъ уѣздамъ суммы, опредѣленныя на содержаніе школъ, по смѣтамъ на 1871 годъ значительно увеличены. Точно также многія уѣздныя земства сочувственно отнеслись къ учрежденнымъ губернскимъ земствомъ въ г. Пензѣ, въ видѣ опыта, лѣтнимъ педагогическимъ курсамъ для приготовленія учителей народныхъ школъ. Педагогическіе курсы были открыты въ г. Пензѣ при уѣздномъ училищѣ съ 2-го іюля 1870 года, и занятія въ нихъ продолжались до 14-го августа. Руководителемъ этихъ курсовъ былъ назначенъ, по предварительному соглашенію Пензенской губернской земской управы съ Московскимъ комитетомъ грамотности, членъ этого комитета г. Шаховскій. Для слушанія педагогическихъ курсовъ были вызваны лучшіе сельскіе учителя изъ всей губерніи, въ числѣ 27-и человекъ, и для практическихъ занятій приглашено до 40 мальчиковъ.

Болѣе опредѣленно высказалось по этому предмету *Пензенское* уѣздное земское собраніе, которое постановило слѣдующее: Признавая несомнѣнную пользу, принесенную первымъ опытомъ устройства означенныхъ курсовъ, и полную возможность достигнуть посредствомъ ихъ столь необходимаго улучшенія способовъ первоначальнаго обученія въ сельскихъ школахъ, собраніе въ то же время нашло, что предположеніе о такой мѣрѣ, равно необходимой для всей губерніи, должно быть приведено въ дѣйствіе совокупными средствами всего губернскаго земства, тѣмъ болѣе, что устройство помянутыхъ курсовъ для сельскихъ учителей всѣхъ уѣздовъ въ одномъ нунетѣ, напримѣръ, въ губернскомъ городѣ, не сопряжено на дѣлѣ, какъ показалъ уже опытъ, ни съ какими особыми затрудненіями. Усматривая далѣе настоятельную потребность въ увеличеніи числа способныхъ лицъ, могущихъ занимать учительскія должности, земское собраніе признало необходимымъ устроить для сихъ послѣднихъ, кромѣ лѣтнихъ, еще вторые ежегодные педагогическіе курсы въ другое время, по возможности болѣе продолжительные и во всякомъ случаѣ бесплатные для пользующихся ими, чтобы такимъ образомъ дать возможность училищнымъ совѣтамъ опредѣлять вновь сельскими учителями только лицъ, уже нѣсколько знакомыхъ съ лучшими способами преподаванія. Такое заключеніе уѣздное собраніе постановило представить на усмотрѣніе губернскаго собранія, присовокупивъ, что Пензенское уѣздное земство вполне готово принять соразмѣрное участіе въ не очень значительныхъ расходахъ губерніи, которые потребуются для осуществленія настоящаго столь полезнаго предположенія. То же уѣздное земское

собрание опредѣлило: вмѣсто ассигнованныхъ въ текущемъ году на пособіе сельскимъ училищамъ 1.600 рублей, внести на этотъ предметъ въ смѣту необязательныхъ потребностей на 1871 годъ 4.000 руб. Притомъ, такъ какъ по засвидѣтельствованію училищнаго совѣта, жалованье, назначаемое въ настоящее время учителямъ въ размѣрѣ отъ 60 до 100 руб. въ годъ, оказывается слишкомъ недостаточнымъ для привлеченія на учительскія должности лицъ, соотвѣствующихъ качествами и образованіемъ своему назначенію, то назначить всѣмъ учителямъ въ сельскихъ школахъ, содержимыхъ съ пособіемъ отъ земства, однообразное жалованье по 120 руб. въ годъ. Независимо отъ этого, собрание предоставило училищному совѣту приглашать особыхъ законоучителей изъ мѣстнаго приходскаго духовенства въ тѣ училища, которыя посѣщаются значительнымъ числомъ учениковъ, съ выдачею каждому законоучителю по 40 руб. вознагражденія въ годъ. Такое пособіе назначеніемъ жалованья преподавателямъ въ вышеупомянутомъ размѣрѣ признано нужнымъ оказывать всѣмъ народнымъ училищамъ, какъ уже существующимъ въ уѣздѣ, такъ и вновь открываемымъ, коль скоро обезпечено для нихъ помѣщеніе съ классною мебелью, отопленіемъ и сторожемъ. Обезпеченіе это можетъ быть принято на себя сельскими обществами, по особымъ мѣрскимъ приговорамъ, или частными лицами, по заявленіямъ ихъ училищному совѣту. Въ виду этого, земское собрание поручило избраннымъ изъ среды его членамъ училищнаго совѣта обратиться отъ всего собранія къ обществамъ значительныхъ селеній, къ частнымъ владѣльцамъ уѣзда и живущимъ въ немъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія съ особыми приглашеніями къ посильному содѣйствію учрежденію новыхъ училищъ въ Пензенскомъ уѣздѣ. Для снабженія всѣхъ училищъ необходимыми учебными пособіями положено, въ случаѣ израсходованія на жалованье учителямъ всей суммы, назначенной на 1871 годъ для народнаго образованія, разрѣшить училищному совѣту употребить на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій до 200 руб. изъ свободныхъ остатковъ отъ уѣздныхъ земскихъ сборовъ текущаго года, въ случаѣ же неизрасходованія всѣхъ 4.000 руб. на жалованье преподавателямъ или на учебныя пособія, собраніемъ предоставлено также уѣздному училищному совѣту распредѣлить до 250 руб. въ концѣ учебнаго года въ награду тѣмъ изъ преподавателей, которые будутъ отличаться особеннымъ усердіемъ, какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ народныхъ училищахъ.

Нижне-ломовское уѣздное земское собрание, въ засѣданіи своемъ

10-го сентября, слушало отчетъ управы и докладъ ревизіонной комиссіи, въ которыхъ о ходѣ народнаго образованія въ уѣздѣ сказано, что оно идетъ успѣшно; въ 23-хъ школахъ число учащихся возросло до 1.362 человекъ, то-есть, почти вдвое, чѣмъ было въ 1866 году. Крестьянскія общества начинаютъ понимать пользу грамоты и сочувствіе свое къ этому дѣлу выражаютъ попеченіемъ объ улучшеніи школъ въ матеріальномъ отношеніи и собственнымъ непосредственнымъ участіемъ въ дѣлѣ вмѣстѣ съ земствомъ. Нѣкоторые учителя своимъ рвеніемъ къ дѣлу народнаго образованія заслуживаютъ вниманія земства. Затѣмъ ревизіонная комиссія по обзорѣ отчета о педагогическихъ курсахъ, бывшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Пензѣ по распоряженію губернскаго земства, объяснила, что опыты эти представляютъ большую пользу, что открытіе такихъ курсовъ, хотя бы и черезъ каждые два года, по инициативѣ губернской управы, необходимо для вполнѣ успѣшнаго хода и развитія грамотности въ народѣ; поэтому комиссія полагаетъ поручить уѣздной управѣ войти объ этомъ въ сношеніе съ губернской управой. По выслушаніи означеннаго доклада, губернское собраніе постановило: на расходы по народному образованію на 1871 годъ оставить существующее назначеніе 5.000 руб.; поручить управѣ отъ лица собранія выразить особенно рекомендуемымъ ревизіонною комиссіей учителямъ за ихъ усердіе къ дѣлу народнаго образованія признательность и отнустить каждому одновременно въ пособіе къ получаемому содержанію по 25 рублей. Предложеніе комиссіи по вопросу о педагогическихъ курсахъ принять и поручить управѣ распорядиться исполненіемъ онаго. Если прибавить къ этому, что Нижнеомовское земство отпускаетъ еще 140 рублей на содержаніе двухъ стипендіатовъ при женской школѣ, то окажется, что общій итогъ суммы, жертвуемой этимъ земствомъ на народное образованіе, простирается до 5.140 рублей, каковая сумма представляетъ самую крупную цифру въ числѣ пожертвованій уѣздныхъ земствъ Пензенской губерніи на дѣло народнаго образованія.

Въ *Чембарскомъ* уѣздномъ земскомъ собраніи вопросъ о назначеніи пособія сельскимъ школамъ подвергался различнымъ колебаніямъ. Первоначально, въ засѣданіи 17-го сентября, собраніе, не смотря на заявленіе мѣстнаго училищнаго совѣта о томъ, что большая часть училищъ *Чембарскаго* уѣзда не имѣетъ не только достаточныхъ средствъ къ своему существованію, но даже и приличнаго помѣщенія, не согласилось оказать пособіе для народнаго образованія и боль-

шинство голосов постановило: „въ денежномъ пособіи училищамъ отказать“. Но потомъ 21-го сентября, вслѣдствіе заявленіе нѣкоторыхъ гг. гласныхъ о необходимости содержать сельскія народныя училища на счетъ земства, безъ особой платы со стороны обществъ, которыя до сего времени ихъ содержали, земское собраніе опредѣлило: состоявшееся 17-го сентября постановленіе о сельскихъ училищахъ отмѣнить и назначить съ 1871 года на содержаніе сельскихъ народныхъ училищъ по 1 коп. съ каждой десятины земли, облагаемой земствомъ, исключая городской, почему и внести эту сумму въ окладъ на 1871 годъ (согласно съ этимъ постановленіемъ, въ смѣту на 1871 годъ на расходы по народному образованію внесено 3.872 руб.70 коп.). Для распредѣленія же ассигнованной суммы между училищами, равно для наблюденія за исправностію ученія и содержанія училищъ, выбрать изъ числа гласныхъ комиссію. Съ послѣднимъ пунктомъ этого постановленія не согласился начальникъ губерніи, объяснивъ въ своемъ отзывѣ, что, по силѣ Высочайше утвержденнаго 14-го іюля 1864 года положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, въ составъ уѣзднаго училищнаго совѣта входятъ два члена отъ уѣзднаго земскаго собранія; присутствіе этихъ лицъ въ совѣтъ достаточно гарантируетъ для земства (ст. 14 полож. о народн. училищахъ) контроль надъ начальными народными училищами, а потому устраняетъ всякую необходимость въ назначеніи для сего особой комиссіи.

Саранское уѣздное земское собраніе на 1871 годъ утвердило смѣту прошлаго года на школы, именно 1.000 руб., предоставивъ распредѣлить это пособіе между училищами, мѣстному училищному совѣту. Что же касается педагогическихъ курсовъ, собраніе, въ постановленіи своемъ 26-го сентября, высказало, что сознавая несомнѣнную пользу этого учрежденія, но сомнѣваясь въ возможности осуществленія его въ гор. Саранскѣ (такъ какъ число сельскихъ учителей въ Саранскомъ уѣздѣ, способныхъ съ пользою слушать педагогическій курсъ, не превышаетъ пяти), оно постановляетъ ходатайствовать чрезъ губернскую управу въ губернскомъ земскомъ собраніи о продолженіи лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ въ городѣ Пензѣ, на счетъ губернскаго земскаго сбора, съ тѣмъ чтобы наиболѣе способные изъ сельскихъ учителей Саранскаго уѣзда допускались къ слушанію этихъ курсовъ.

Инсарское уѣздное земство въ назначеніи расходовъ на дѣло народнаго образованія ограничивается весьма незначительными суммами. По смѣтѣ 1870 г. было назначено на этотъ предметъ только 200 руб.

На 1871 годъ собраніе, не ассигновавъ ничего въ пособіе сельскимъ школамъ, существующимъ въ уѣздѣ, опредѣлило отпустить 225 р. на женскую школу въ г. Инсарѣ, и кромѣ того, разрѣшило управѣ употребить изъ остатковъ земскаго сбора текущаго года 175 р. на устройство мебели въ приходскомъ училищѣ и на награду учителю. Относительно же педагогическихъ курсовъ, собраніе, въ засѣданіи своемъ 24-го сентября, постановило: увѣдомить Пензенскую губернскую земскую управу, что уѣздное собраніе, вполне сочувствуя и сознавая пользу, приносимую преподаваніемъ по новымъ методамъ, желало бы, чтобы губернское земское собраніе дало средства для организовапія постоянной школы въ Пензѣ, дабы и Инсарское земство имѣло возможность въ будущемъ присылать учителей для усвоенія лучшихъ методовъ обученія для распространенія ихъ въ школахъ Инсарскаго уѣзда.

Въ *Краснослободскомъ* уѣздномъ земскомъ собраніи вопросъ о спѣшествованіи дѣлу народнаго образованія служилъ предметомъ оживленныхъ преній, такъ что по этому поводу составлено собраніемъ четыре отдѣльныхъ постановленія. Въ засѣданіи 29-го сентября одинъ изъ гласныхъ г. Лепковскій высказалъ мнѣніе о закрытіи существующихъ нынѣ 28-и народныхъ училищъ и образованіи вмѣсто ихъ 7-и училищъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, съ увеличеніемъ содержанія законоучителю и наставнику, съ обязательнымъ двухгодичнымъ курсомъ ученія и съ расширеніемъ программы преподаванія; училища эти, по предложенію г. Лепковского, не должны находиться постоянно въ одномъ и томъ же селѣ, а предполагается чрезъ каждые два года, то-есть, послѣ полнаго курса ученія, переносить ихъ въ другія села, и такъ далѣе. Предложеніе это большинствомъ голосовъ отвергнуто на томъ основаніи, что для крестьянъ, не живущихъ въ одномъ селѣ съ училищемъ, будетъ затруднительно посылать дѣтей въ школу, и что существующія нынѣ училища не вполне приносятъ ожидаемую пользу, какъ потому, что контроль за ними слабъ и затруднителенъ, такъ и потому, что жалованье, назначенное наставникамъ училищъ, весьма мало, и слѣдовательно, хорошихъ учителей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ священниковъ, не имѣется, а увеличить жалованье всѣмъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, затруднительно. По выслушаніи вышеприведенныхъ мнѣній, собраніе постановило: оставить всѣ существующія училища въ прежнемъ числѣ и на тѣхъ же мѣстахъ, но просить училищный совѣтъ имѣть болѣе строгій контроль за оными; въ видахъ же опыта въ с. Акселѣ устроить училище подъ непосредствен-

нымъ руководствомъ члена собранія священника Любимова; курсъ ученія въ этомъ училищѣ назначить двулѣтній, согласно которому распредѣлить предметы преподаванія: чтеніе, письмо, законъ Божій, начала ариметики, краткія свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи; на содержаніе училища назначить 650 р. въ годъ въ полное распоряженіе священника Любимова, съ отчетностью земскому собранію; о. Любимову предоставить право приглашать по своему усмотрѣнію наставниковъ или наставницъ и просить объ утвержденіи ихъ училищнымъ совѣтомъ. При этомъ управѣ поручено выдавать о. Любимову, по его требованію, деньги въ предѣлахъ ассигновки. Существующее же народное училище на старомъ основаніи въ селѣ Аксель упразднить. Ученье начать съ 1-го октября. Начальникъ губерніи согласился на это постановленіе, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ открытіе училища и завѣдываніе онымъ были основаны на положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ, о чемъ въ постановленіи собранія не упомянуто. Въ засѣданіи 30-го сентября собраніе, въ виду того, что участіе гласныхъ земства въ наблюденіи за народнымъ образованіемъ, могло бы предоставить на будущее время собранію достаточный матеріалъ въ отношеніи преобразования и улучшенія ихъ, постановило: предоставить каждому изъ гг. гласныхъ земства имѣть свободный доступъ къ собранію различныхъ свѣдѣній о состояніи народныхъ училищъ, для соображенія будущимъ земскимъ собраніямъ, открывъ имъ входъ въ училища, при чемъ посѣщающіе должны вносить результаты своихъ посѣщеній въ имѣющіяся въ училищахъ для этой цѣли книги. По поводу этого постановленія, начальникъ губерніи отзывался, что такъ-какъ присутствіе въ составѣ училищнаго совѣта двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія достаточно гарантируетъ для земства контроль надъ начальными народными училищами и потому устраняетъ всякую необходимость въ предоставленіи права ревизіи прочимъ гласнымъ земства, то предоставленное упомянутымъ постановленіемъ право должно имѣть характеръ частныхъ посѣщеній училищъ гг. гласными, которые замѣчанія свои, въ случаѣ нужды, должны передавать уѣздному училищному совѣту. По отношенію къ педагогическимъ курсамъ, въ постановленіи Краснослободскаго земскаго собранія сказано, что члены земскаго собранія, выслушавъ докладъ управы о посланныхъ въ іюль 1870 года, вслѣдствіе распоряженія губернской управы, 5-и сельскихъ учителей на лѣтній педагогическій курсъ, и выполнѣ раздѣляя мнѣніе губернской управы, что успѣхъ народнаго образованія болѣе всего зависитъ отъ

часть слп, отд. 4.

основательнаго приготовленія сельскихъ учителей къ своему дѣлу и введенія въ сельскія школы лучшихъ методовъ преподаванія, постановили: „за немѣнимъ свѣдѣніи о преимущественной пользѣ для народнаго образованія отъ бывшихъ на педагогическомъ курсѣ учителей предъ не бывшими, принять къ свѣдѣнію отзывы гг. директора уѣздныхъ училищъ и инспектора народныхъ школъ о пользѣ педагогическихъ курсовъ“.

Городищенское уѣздное земство по смѣтѣ на 1871 годъ *не назначило* вовсе суммъ на расходы по народному образованію, ограничившись лишь единовременнымъ отпускомъ 100 руб. изъ остатковъ уѣзднаго земскаго сбора на восполненіе матеріальнымъ средствамъ женскаго училища въ г. Городищѣ. Это пожертвованіе земства было вызвано отношеніемъ Городищенскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Открытое въ Городищѣ съ 1868 года женское училище содержалось до настоящаго времени скудными средствами отъ „благородныхъ спектаклей“, даваемыхъ въ пользу этого училища, и лотерей. Между тѣмъ это юное заведеніе пошло такъ хорошо, что въ настоящее время въ немъ имѣется уже 42 ученицы, которыя умѣютъ исполнять всѣ женскія рукодѣлья. Потребность въ такомъ училищѣ въ уѣздѣ также очевидна, потому что въ него поступаютъ дѣвочки даже изъ уѣзда; но вышеозначенныя средства такъ не надежны, что училище, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ закрыться; поэтому училищный совѣтъ и просилъ земское собраніе обезпечить существованіе Городищенскаго женскаго училища. По вопросу о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ, Городищенское уѣздное земское собраніе постановило: просить губернское земство продолжать, въ интересахъ народнаго образованія, и на будущее время устройство педагогическихъ курсовъ, съ отнесеніемъ потребныхъ на это расходовъ на счетъ суммъ губернскаго земскаго сбора.

Керенское уѣздное земское собраніе, выслушавъ поданное въ прошедшую очередную сессію заявленіе гласнаго Любимова объ устройствѣ отъ земства хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда помѣщеній для народныхъ школъ, постановило: такъ какъ собраніе на устройство означенныхъ помѣщеній въ настоящее время средствъ не имѣетъ, то предоставляетъ устройство ихъ самимъ обществамъ, а Керенскій уѣздный училищный совѣтъ просить, по возможности, поддерживать существующія въ уѣздѣ училища и вызывать общества къ открытію таковыхъ вновь. Для вспомошествованія же отъ земства училищамъ, по примѣру прошлаго года, назначить въ распоряженіе училищнаго

совѣта 300 руб., съ тѣмъ, чтобы сумма эта расходовалась по усмотрѣнію совѣта. Мѣстная газета замѣчаетъ по поводу этого постановленія, что хотя ассигнованіе суммы въ 300 руб. на училища города и уѣзда не можетъ считаться сколько-нибудь значительнымъ пожертвованіемъ, въ особенности въ виду того соображенія, что на дѣло народнаго образованія не назначается *ничего* и по росписи г. Керенска, вслѣдствіе крайней скудости городскихъ доходовъ; но сравнительно съ заключеніемъ Керенскаго земства въ 1868 году, когда необходимость жертвъ на народное образованіе положительно была отвергнута, настоящее постановленіе представляется шагомъ впередъ и доказываетъ, что заявленія гласнаго священника Любимова, три года сряду ратующаго за дѣло развитія грамотности въ народѣ, не остались безслѣдными.

Наровчатская уѣздная земская управа, 23-го сентября представила въ докладѣ своему уѣздному земскому собранію, что по настоящее время въ уѣздѣ не имѣется ни одного народнаго училища отъ земства. Управа, сознавая, что народное образованіе есть важная часть обязанностей земства, рѣшилась составить проектъ, первоначально двухъ училищъ, состоящихъ въ слѣдующемъ: 1) школы предполагается сначала открыть двѣ, въ каждомъ мировомъ участкѣ посредника по одной, а именно: въ селахъ Янгуженскомъ-Майданѣ и Суркинѣ; 2) на содержаніе этихъ школъ потребуются на обѣ до 600 руб., по 300 руб. на каждую. Распредѣляться эта сумма должна такъ: на содержаніе учителю 150 руб., законоучителю 30 р., на наемъ дома и приспособленіе его, въ селѣ Янгуженскомъ-Майданѣ 36 руб. (въ с. Суркинѣ есть удобное помѣщеніе въ церковной сторожкѣ), на отопленіе 18 руб., на учебныя пособія, награды и книги для бѣдныхъ учениковъ 18 руб., одновременно на приобрѣтеніе классной мебели на оба училища 60 руб.; 3) служителями для обоихъ училищъ назначаются церковныя сторожа отъ общества, для избѣжанія излишнихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что оба училища предполагается помѣстить въ самомъ близкомъ разстояніи отъ церквей; 4) ученіе въ земскихъ школахъ должно начинаться не позже 1-го сентября и оканчиваться не ранѣе 1-го мая, непремѣнно и неупустительно, а если бы возможно было начинать ранѣе и оканчивать еще позднѣе, то это было бы еще болѣе желательно; 5) учителей пригласить чрезъ Наровчатскій училищный совѣтъ. Земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы и постановило: поручить управѣ озаботиться открытіемъ училищъ съ 1-го января 1871 года и наблюдать за успѣшнымъ ходомъ и порядкомъ ихъ, съ тѣмъ чтобы о всѣхъ замѣченныяхъ ею безпорядкахъ, она

доводила до свѣдѣнія училищнаго совѣта. Потребную на это сумму до 600 руб. ввести въ смѣту расходовъ на будущій 1871 годъ. О всемъ, что слѣдуетъ сдѣлать по сему предмету, управѣ войти въ соглашеніе съ училищнымъ совѣтомъ. На постановленіе Наровчатскаго земскаго собранія, поручившаго управѣ наблюдать за училищнымъ преподаваніемъ и порядкомъ, начальникъ губерніи сдѣлалъ такой же отзывъ, какъ и относительно приведеннаго выше подобнаго же постановленія Чембарскаго земства.

Наконецъ *Мокшанское* уѣздное земское собраніе, по поводу ходатайства мѣстнаго училищнаго совѣта, объ оказаніи пособія, вопервыхъ, 9-и общественнымъ училищамъ, въ размѣрѣ 55 руб. на каждое (каковая сумма уже назначена земствомъ въ добавленіе къ общественной суммѣ 100 руб. на училище), и вторыхъ, 22-мъ церковно-приходскимъ школамъ по 150 руб. на каждую въ годъ, — постановило: просить г. начальника губерніи о понужденіи полиціи къ успѣшнѣйшему сбору недоимокъ земскихъ суммъ, доселѣ не поступившихъ; относительно же церковно-приходскихъ школъ, большинство которыхъ, по словамъ земскаго собранія, существуетъ только по названію, собраніе, въ виду недостатка сочувствія и содѣйствія со стороны крестьянъ къ пожертвованію, уже сдѣланному первоначально земствомъ въ пользу народнаго образованія, не сочло себя въ правѣ обременять бюджетъ земства еще новымъ налогомъ для этой цѣли. По вопросу о педагогическихъ курсахъ *Мокшанское* уѣздное земское собраніе постановило: поручить управѣ доставить чрезъ училищный совѣтъ къ будущему очередному земскому собранію свѣдѣнія о томъ, на сколько окажутся полезны въ преподаваніи по новой методѣ сельскіе учителя, слушавшіе съ 1-го іюля по 16-е августа 1870 г. педагогическій курсъ въ гор. Цензѣ. Только по полученіи этого отзыва, собраніе будетъ въ состояніи сдѣлать какое-либо рѣшеніе по данному вопросу.

Въ общемъ результатѣ, въ смѣту расходовъ на 1871 годъ земствомъ Пензенской губерніи внесена значительно бѣльшая сумма на народное образованіе, нежели на истекшій 1870 годъ, а именно: на 1870 годъ было назначено 14.735 руб., а на 1871 — 20.953 руб., разность въ пользу 1871 года — 6.218 руб.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о состояніи начальнаго народнаго образованія въ Новосильскомъ уѣздѣ, *Тульской* губерніи, помещеннымъ въ ноябрской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за истекшій годъ (Совр. Лѣт., стр. 81—83), извлекаемъ изъ *Царительственнаго Вѣстника* (№ 280) еще слѣдующія данныя.

Неудобство помѣщенія народныхъ школъ, образчики котораго мы уже представили, имѣеть слѣдствіемъ то, что сдѣланныя земствомъ затраты на улучшеніе педагогической части училищъ не приносятъ и половины той пользы, которую могли бы принести при самомъ недорогомъ, но удобномъ устройствѣ училищныхъ комнатъ. Училищъ, которыя особенно настоятельно нуждаются въ улучшеніи положенія, 17. По мнѣнію училищнаго совѣта, пособіе въ 200 руб. на постройку училища было бы весьма достаточно для устройства теплаго, свѣтлаго, сухаго и довольно просторнаго на 30 или на 40 учениковъ помѣщенія. Поэтому совѣтъ и постановилъ ходатайствовать передъ земствомъ, чтобъ изъ земскаго капитала отчислено было 3.400 рублей на постройку 17-и училищъ и чтобъ изъ этой суммы выдавалось крестьянскимъ обществамъ пособіе по 200 руб. на училище, но подъ непременнымъ условіемъ, чтобъ училища строились въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это признано будетъ необходимо училищнымъ совѣтомъ, и не иначе, какъ по особому нормальному плану для внутренняго развитія, расположенія печей, окошекъ и проч. При этомъ пособіи представится возможность устроить въ училищахъ столы, скамьи и преимущественно шкафы для книгъ, отсутствіе которыхъ ставитъ учителей въ совершенную невозможность сохранять, какъ слѣдуетъ, книги и учебныя принадлежности. На пополненіе запаса книгъ въ прошломъ году истрачено изъ суммъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ земствомъ, 112 руб. 40 коп. Затрата на книги была не значительна, потому что имѣлось въ запасѣ довольно книгъ, приобретенныхъ въ прежніе годы. Притомъ С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности было пожертвовано въ пользу училищъ Новосильскаго уѣзда болѣе 3.000 экземпляровъ книгъ разныхъ наименованій, на сумму болѣе 300 руб. На учебныя пособія, то-есть, на грифельныя доски, грифели, бумагу, карандаши, счеты, перья и проч., израсходовано 232 руб. 82 коп., въ общей сложности по 4 рубля на училище. Весь расходъ на народное образованіе по Новосильскому уѣзду представляется въ слѣдующихъ суммахъ: земствомъ на народное образованіе въ уѣздѣ ассигновано 6.000 руб., отъ сельскихъ обществъ 45-ю мірскими приговорами назначено 2.397 руб. 83 коп., и пожертвовано сельскими обществами, городской думой и частными лицами 1.162 руб. 89 коп., а всего на 58 училищъ 9.560 руб. 62 коп., что составляетъ среднимъ числомъ около 164 руб. 84 коп. на каждое училище. Если принять въ соображеніе, что сумма 9.560 руб. 62 коп. затрачена на ученіе 1.445 учениковъ и ученицъ, дѣйствительно посѣщавшихъ училища, то она

жется, что затрата на каждого ученика обошлась въ 6 руб. 61 коп. Эта цифра уменьшилась бы до 5 руб. 4 копѣекъ, если бы всѣ числившіеся по спискамъ 1,896 учащихся правильно посѣщали классы. Такимъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго посѣщенія классовъ учащимися, на каждого изъ 1,445 учениковъ непроизводительно истрачено лишнихъ по 1 руб. 57 коп. За исключеніемъ двухъ городскихъ училищъ, находящихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ члена училищнаго совѣта, штатнаго смотрителя Рождественскаго, прочія 56 училищъ уѣзда распределяются по участкамъ между членами совѣта слѣдующимъ образомъ: въ участкѣ предсѣдателя совѣта Шатилова 18 училищъ; въ участкѣ члена совѣта Сухотина 11 училищъ; въ участкѣ штатнаго смотрителя Рождественскаго 14 училищъ; въ участкѣ члена фонъ-Зеланда 9 училищъ, и въ участкѣ члена священника Сахарова 4 училища. Ревизія училищъ производилась каждымъ членомъ по своему участку, и кромѣ того постановленіемъ совѣта возложено на члена совѣта Рождественскаго порученіе объѣзжать еженедѣльно въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ всѣ училища, преимущественно же тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе требуютъ присмотра. Такъ какъ для выполненія этого порученія членъ Рождественскій долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ занятій въ уѣздномъ училищѣ, за которыя онъ получалъ добавочное жалованье 350 руб., то совѣтъ постановилъ вознаграждать его равною суммою изъ суммъ земства; покрытіе же расходовъ по еженедѣльнымъ разъѣздамъ взять на себя предсѣдатель совѣта. По осмотру училищъ и по произведеннымъ въ нихъ испытаніямъ, училищный совѣтъ распредѣлялъ всѣ училища уѣзда на 4 разряда. Первый разрядъ составляютъ училища вполне удовлетворительныя, учителя которыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ ввели улучшенные методы преподаванія и педагогическіе приемы, усвоенные ими въ лѣтнихъ учительскихъ классахъ. Такихъ училищъ 12, и въ нихъ учащихся около 400 учениковъ. Во второмъ разрядѣ находится 28 училищъ нѣсколько менѣе удовлетворительныхъ; но въ строгомъ смыслѣ отвѣчающихъ программѣ училищнаго совѣта. Въ этихъ училищахъ около 700 учащихся. Третій разрядъ составляютъ 15 училищъ, въ которыхъ успѣхи учениковъ вообще слабы и не удовлетворяютъ вполне требованіямъ программы совѣта. Въ нихъ около 250 учащихся. Наконецъ, въ 4-мъ разрядѣ стоятъ 3 училища, въ которыхъ ученіе было только номинальное. Увеличеніе числа хорошихъ училищъ, а также увеличеніе почти вдвое противъ прошлаго года дѣйствительно ходившихъ въ училища учениковъ, служатъ доказательствомъ, что

лѣтніе учительскіе классы прошлаго года принесли свою долю пользы, и что одно изъ важнѣйшихъ препятствій въ дѣлѣ улучшенія училищъ, именно недостатокъ педагогической подготовки учителей, если не вполне, то въ извѣстной степени можетъ считаться устраненнымъ. Тѣмъ не менѣе другія препятствія въ этомъ дѣлѣ, какъ-то: недостаточность матеріальныхъ средствъ, неправильное посѣщеніе классовъ и не одновременное поступленіе въ училище начинающихъ, а также отсутствіе со стороны многихъ лицъ крестьянскаго начальства сочувствія къ мѣрамъ, принимаемымъ училищнымъ совѣтомъ, въ значительной степени мѣшаютъ правильному ходу первоначальнаго образованія въ уѣздѣ.

Постановленіемъ Тульскаго губернскаго собранія было ассигновано 1.200 руб., для выдачи поровну двумъ уѣздамъ, которые пожелають имѣть въ теченіе нынѣшняго лѣта учительскіе педагогическіе курсы. Изъ этой суммы, по сношеніи съ губернской управой, было отпущено 600 руб. на лѣтніе учительскіе классы въ г. Новосилѣ для учителей Новосильскаго и Ефремовскаго уѣздовъ. Классы эти, съ разрѣшенія губернатора и министерства народнаго просвѣщенія, были открыты въ Новосилѣ, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ Крачковскаго, 15-го іюня и продолжались до 27-го іюля. Слушателей было: изъ Ефремовскаго уѣзда 23 и Новосильскаго 40, въ томъ числѣ 25 учителей, уже слушавшихъ курсы прошлаго года. Расходы по веденію лѣтнихъ классовъ были слѣдующіе: руководителю г. Крачковскому за его занятія 500 руб.; 40 слушателямъ Новосильскаго уѣзда по 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, за 1½ мѣсяца 450 руб., и мелкіе расходы 10 руб. и того 960 руб. За полученіемъ 600 руб. изъ губернскихъ суммъ, собственно Новосильскому земству лѣтніе классы обошлись въ 360 рублей.

— По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ* (№ 272), о дѣятельности земства *Курской* губерніи въ пользу народнаго образованія, въ 1869 году, видно, что на каждый уѣздъ среднимъ числомъ приходится по 2.775 руб., но на самомъ дѣлѣ сумма эта распредѣляется весьма не равномерно. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи, по величинѣ затраты, принадлежитъ Корочанскому уѣзду, который израсходовалъ въ 1869 году на народное образованіе болѣе 12.000 руб. По ходатайству его, Корочанское уѣздное училище, въ августѣ 1868 года, преобразовано въ прогимназію, съ приготовительнымъ при ней классомъ. До открытія земскихъ учреждений въ Корочанскомъ уѣздѣ было всего 6 школъ, въ настоящее время

число ихъ возрасло до 20-и. При пособіи земства же, Корочадское женское училище 3-го разряда преобразовано въ училище 2-го разряда. Менѣ всѣхъ другихъ расходовалъ на народное образование Дмитріевскій уѣздъ, именно 950 руб.; затѣмъ идутъ Тимскій и Льговскій по 1.000 руб. и Рыльскій—1.100 руб. Изъ суммъ губернскаго сбора, по постановленіямъ губернскаго собранія, отпускалось: въ пособіе гимназій и уѣзднымъ училищамъ 1.554 руб. 46 коп. и Курскому женскому училищу 1-го разряда 1.000 руб. Наконецъ на суммѣ частію губернскаго, а частію уѣзднаго сборовъ содержатся въ университетѣ, въ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищахъ, а также въ акушерской и фельдшерской школахъ, стипендіаты земства. Общее число всѣхъ училищъ въ Курской губерніи въ 1869 году простиралось до 276, изъ нихъ собственно земствомъ содержится 107. Учащихся въ нихъ было 10.662 мальчика и 818 дѣвочекъ, всего 11.480 душъ. Если принять въ соображеніе число жителей въ Курской губерніи за тотъ же годъ 1.916.052 души обоего пола, то среднимъ числомъ прійдется одно училище болѣе нежели на 6.942 жителя, и 1 учащійся почти на 167 душъ. Учителей и наставниковъ въ училищахъ числилось 368. Слѣдовательно, на каждого учителя приходилось отъ 31-го до 32-хъ учениковъ. Общая сумма расходовъ на народное образованіе, предназначенная на 1870 годъ простирается до 49.424 руб. 77 коп., болѣе противъ 1869 года на 7.828 руб. 92 коп.

— Мы представили уже достаточное количество свѣдѣній объ успѣхахъ народнаго образованія въ Александровскомъ уѣздѣ, *Екатеринославской* губерніи. Дѣло это идетъ тамъ весьма успѣшно, благодаря энергіи такихъ дѣятелей, каковъ, на примѣръ, баронъ Н. А. Корфъ, въ III-мъ участкѣ уѣзда. Изъ другихъ участковъ получаютъ не менѣе благоприятныя извѣстія, и если дѣло народнаго образованія здѣсь не достигло еще блестящихъ результатовъ, то единственно по причинѣ прежняго дурнаго ихъ состоянія и недостатка хорошо приготовленныхъ учителей. При отчетѣ о состояніи народнаго образованія въ 1 и 2-мъ участкахъ Александровскаго уѣзда, составленномъ членомъ мѣстнаго училищнаго совѣта Д. Т. Гнѣдинымъ, приложена сравнительная вѣдомость о начальныхъ народныхъ училищахъ 1-го участка Александровскаго уѣзда, изъ которой выводятся слѣдующія данныя: Въ 16-и училищахъ участка, изъ коихъ* въ 5-и ученики показаны только за 1870 годъ, учащихъ было въ этомъ послѣднемъ году 537 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ; въ преддущемъ же 1869 году число учащихъ въ 11-и школахъ было 399 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ.

Если изъ числа учащихся за 1870 годъ исключить учившихся въ означенныхъ 5-и школахъ 112 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, то въ остальныхъ 11-и школахъ число учащихся будетъ равняться 425 мальчикамъ и 8 дѣвочкамъ, то-есть, въ общемъ числѣ учащихся произойдетъ нѣкоторое увеличеніе сравнительно съ 1869 годомъ. Изъ сравненія площади классныхъ комнатъ въ вквдратныхъ аршинахъ видно, что въ 9-и училищахъ можно было бы помѣстить еще 98 учениковъ, тогда какъ въ остальныхъ 7-и училищахъ было лишнихъ по помѣщенію 85 учащихся. Общее число классовъ во всѣхъ школахъ было въ 1869 году 100, а въ 1870 году 245. Неграмотныхъ, обученныхъ чтенію и письму по звуковой методѣ, въ 1869 году было 19, а въ 1870—29. Число книгъ, высланныхъ училищнымъ совѣтомъ въ школы, не считая библіотекъ для чтенія учителей и учащихся, было въ 1869 году 828, а въ 1870 году 1.154. На жалованье учащимъ сельскими обществами было ассигновано въ 1869 году: учителямъ 1.410 рублей, законоучителямъ 295 руб.; а въ 1870 учителямъ 1.535, законоучителямъ 260; сверхъ того, учителя трехъ школъ получаютъ изъ постороннихъ источниковъ 590 руб.; слѣдовательно, всего на содержаніе учителей, со включеніемъ этой послѣдней суммы, шло въ 1869 году 2.295 руб., а въ 1870 2.385 руб. Такъ какъ число ревизскихъ душъ мужскаго пола въ селеніяхъ равняется 12.218 человекъ, то расходъ каждой ревизской души на школу составлялъ въ 1869 году 14, а въ 1870 году 17 коп. Процентное отношеніе учащихся въ ревизскому населенію мужскаго пола тѣхъ сель, въ которыхъ находятся школы, въ 1869 году составляло 3%, а въ 1870 году 4¹/₂%. Учителей было въ 1870 году изъ дворянъ 6, духовнаго званія 4, унтеръ-офицеровъ 2, мѣщанъ 2; попечителей изъ дворянъ 10, изъ купцовъ 1, купцовъ 1, изъ крестьянъ 2. Изъ существующихъ школъ открыто въ 1867 году 11, въ 1869 1, въ 1870 году 4.

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ ноябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Пров.* за 1870 годъ (Соврем. Лѣт. стр. 85—87) о дѣятельности земства *Херсонской губерніи* въ пользу народнаго образованія, заимствуемъ изъ мѣстныхъ газетъ еще слѣдующія данныя (*Херсон. Губ. Вѣд.* № 82 и *Одесск. Вѣстн.* № 249):

При открытіи Херсонскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія 28-го октября истекшаго года, г. начальникъ губерніи произнесъ рѣчь, въ которой замѣтилъ, что сельскія школы Херсонской губерніи улучшаются по немногу, но для нихъ недостаетъ хорошихъ учителей. Къ устраненію этого недостатка земствомъ приняты были

въ истекшемъ году двѣ мѣры: устройство педагогическихъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ въ Херсонѣ и Елисаветградѣ и сѣзды народныхъ учителей въ Херсонѣ и м. Новоукраинкѣ. Въ педагогическихъ классахъ было еще мало учениковъ, а сѣзды учителей, какъ въ томъ лично убѣдился г. начальникъ губерніи, принесли значительную пользу и принесутъ, надобно надѣяться, еще болшую, когда состоятся въ большихъ размѣрахъ. Не смотря на краткость времени сѣздовъ, бывшіе на нихъ учителя и учительницы успѣли приобрести педагогическія познанія, которыя не могутъ не оказаться очень благотворными въ ихъ школахъ. Земство, конечно, не оставитъ поддерживать эту полезную мѣру. Достоинно сожалѣнія только то, что одинъ уѣздъ не прислалъ вовсе своихъ учителей на Херсонскій сѣздъ, „по неимѣнію ни одного изъ нихъ способнаго къ совершенствованію“, а другой въ Новоукраинку прислалъ не болѣе двухъ, по неизвѣстной причинѣ. Этого, по мнѣнію г. губернатора, не могло бы случиться при болѣе живомъ, сердечномъ участіи въ дѣлѣ народнаго образованія со стороны училищныхъ совѣтовъ. Дѣлу народнаго образованія должно оказать важную помощь Елисаветградское земское реальное училище, блистательно открывшееся въ истекшемъ же 1870 году: въ него поступило уже 26 крестьянскихъ мальчиковъ, въ томъ числѣ 15 на полное содержаніе земства. Особенно важнымъ не только для распространенія образованія, но и для возвышенія уровня нравственности народа, г. губернаторъ признаетъ образованіе женщинъ. Болѣе всего, по его мнѣнію, могли бы способствовать этому хорошія учительницы въ народныхъ школахъ. Самое присутствіе ихъ среди крестьянскаго населенія принесло бы болшую пользу. Такихъ учительницъ могли бы готовить женскія гимназیا и прогимназیا.

Вопросъ о народномъ образованіи губернское земское собраніе обсуждало въ засѣданіи 2-го ноября. Докладъ управы по этому предмету указалъ на безотрадное положеніе народныхъ школъ въ Херсонской губерніи и предложилъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія его. Жалованье народныхъ учителей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи представляетъ невѣроятныя цифры. Есть школы, гдѣ учителя получаютъ 10, 8 и даже *пять* рублей въ годъ жалованья, на своемъ содержаніи: именно *пять* рублей въ годъ получаетъ учитель въ селѣ Гольмѣ, Ананьевскаго уѣзда. Сотни три учителей довольствуются содержаніемъ меньшимъ 60 руб. въ годъ, на своемъ содержаніи. Принимая такую чрезвычайную скудость содержанія учителей, управа просила ассигновать 6.000 руб. на назначеніе въ 10-и школахъ каж-

даго уѣзда учителямъ жалованья по 100 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы обывать тѣ мѣстности, гдѣ земство будетъ платить жалованье, давать учителямъ даровое полное содержаніе. Это предложеніе было принято собраніемъ единогласно. Другое предложеніе управы касалось сѣзда учителей. Эта мѣра, приведенная въ исполненіе въ 1870 году въ двухъ мѣстахъ въ самомъ Херсонѣ и въ м. Новоукраинкѣ или Злынкѣ удалась вполнѣ. Сами учителя, члены земской управы и инспекторъ народныхъ училищъ единогласно признали пользу ея. 52 учителя, въ томъ числѣ 4 учительницы, изъ мѣстностей, въ которыхъ учителямъ платится сколько-нибудь сносное жалованье, собрались лѣтомъ 1870 года на сѣзды, обучались въ теченіе двухъ недѣль лучшимъ методамъ преподаванія, излагали усвоенное ими письменно и данными ими пробными уроками вполнѣ доказали, что на эти сѣзды земство не даромъ затратило деньги. Въ виду этого, губернская управа предложила добавить на сѣзды въ ассигнованнымъ уже 1.000 руб. еще 600 руб., всего 1.600 руб. И это предложеніе управы было принято единогласно. Точно также собраніе постановило: продолжать дѣло педагогическихъ курсовъ, на чтѣ ассигновано 4.000 руб. Въ истекшемъ году на эти деньги открылись уже курсы въ Херсонѣ и Елисаветградѣ. Наконецъ, по предложенію гласнаго А. Фатуровскаго, собраніе постановило составить особую комиссію для обсужденія мѣръ, которыя необходимо принять для существеннаго пособія народному образованію.

Въ Одесскую городскую думу, по поводу ходатайства комиссіи попечителей Одесскихъ народныхъ училищъ относительно того, чтобы избраніе попечителей на будущее время производилось на трехлѣтній срокъ, городскимъ головою внесено было, по словамъ *Одесскаго Вѣстника* (№ 218), предложеніе объ учрежденіи при общей думѣ постоянной комиссіи народнаго образованія, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ 3-хъ или 5-и членовъ. Комиссіи этой должно быть поручено завѣдываніе народными школами и вообще дѣлами народнаго образованія съ правомъ производить выборъ попечителей народныхъ училищъ изъ числа лицъ, извѣстныхъ своимъ развитіемъ и сочувствіемъ къ дѣлу народнаго образованія, для чего должна быть составлена инструкція, какъ для самой комиссіи, такъ и для попечителей. При этомъ городской голова высказалъ мысль, что такъ какъ задача народныхъ училищъ заключается въ томъ, чтобы поднять уровень народнаго образованія, то дѣти должны оставлять школу нравственно-воспитанными и вполнѣ грамотными, то-есть, должны не

только умѣть читать, но и понимать, и объяснять прочитанное; не только умѣть писать, но и толково излагать свои мысли на бумагѣ; съ другой же стороны, народныя школы, и въ особенности ихъ попечители, должны преслѣдовать другую цѣль, не менѣе важную: школы должны не только давать элементарное образованіе, но и открывать дальнѣйшую дорогу замѣчательнымъ способностямъ, проявляющимся часто среди самаго бѣднаго населенія; поэтому попечитель, кромѣ общаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ школѣ, долженъ постоянно слѣдить за способностями каждаго ребенка и поднимать тѣ дарованія, которыя могутъ принести богатые плоды. Отискать такихъ преданныхъ своему дѣлу людей не легко, но исполненіе этой обязанности будетъ легче для цѣлой комиссіи, чѣмъ для одного человѣка.

Уѣздный городъ Херсонской губерніи Елисаветградъ замѣчательнѣе обиліемъ средствъ въ образованію и количествомъ учащихся. По словамъ *Новороссійскихъ Вѣдомостей*, въ немъ находятся слѣдующія учебныя заведенія: реальная гимназія, при которой предполагается открыть приготовительный классъ, военная прогимназія, духовное училище, уѣздное училище и приготовительный классъ при немъ, ремесленная школа грамотности, четыре приходскія училища, общественная женская гимназія, женскій пансіонъ, женское училище, дѣтскій пріютъ, слѣдовательно, 14 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ высшихъ 9; учащихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ болѣе тысячи человѣкъ.

Не таково положеніе образованія въ другомъ городѣ Херсонской губерніи. По свидѣтельству *Одесскаго Вѣстника*, существующее въ гор. Бобринцѣ уѣздное училище въ холодное и дождливое время не посѣщается дѣтьми за неимѣніемъ обуви, вслѣдствіе чего возникло предположеніе о переводѣ училища въ другое мѣсто. Корреспондентъ названной газеты, обращая на это обстоятельство вниманіе городскаго общества и земства, замѣчаетъ, что съ предполагаемымъ переводомъ училища, въ городѣ не останется ни одного учебнаго заведенія.

Въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 15) находимъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи образцовой земской школы въ с. Петровомъ (уѣздъ не показанъ) за 18^{69/70} учебный годъ. Первые шаги школы были затруднены злонамѣренными людьми, устранившими народъ большими налогами въ пользу школы; притомъ же многіе жители удерживали своихъ дѣтей для домашнихъ работъ до поздней

осени. Ученіе началось около половины ноября. Между явившимися въ школу дѣтьми были грамотные, умѣвшіе порядочно читать и писать, полуграмотные, съ трудомъ разбиравшіе слова, и вовсе не умѣвшіе писать, и наконецъ, совсѣмъ неграмотные. Почему всѣ поступившіе были раздѣлены на три отдѣленія. Въ первомъ учащихся было 25, во второмъ 28, въ третьемъ 115. Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи дѣти распределены были по группамъ отъ 20-и до 30-и въ каждой, изъ коихъ каждая имѣла особаго учителя изъ стипендіатовъ, которому поручено было проходить уроки подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ учителя. Методъ преподаванія употреблялся звуковой, и правильное примѣненіе его дало удовлетворительные результаты. Поступившіе съ 15-го ноября, а нѣкоторые даже съ 1-го декабря, къ 1-му февраля стали свободно писать всякое слово подъ диктовку, и читали, хотя не бѣгло, но правильно съ чистымъ выговоромъ. Было нѣсколько оставшихъ изъ тѣхъ, которые по дѣльнымъ мѣсяцамъ не являлись въ школу; изъ такихъ была составлена пятая группа; но они, выучивъ половину русской азбуки, совсѣмъ перестали ходить въ школу. Дѣти выучились пѣть до 20-и церковныхъ молитвъ и нѣкоторыя пѣли въ церкви при богослуженіи. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на умы жителей, и лучшіе изъ нихъ уже ищутъ грамотности для своихъ дѣтей. Въ числѣ поступившихъ въ школу было 20 учениковъ изъ другихъ сословій и жѣсть, именно духовныхъ 5, дворянъ 4, мѣщанъ 6 и крестьянъ сосѣднихъ деревень 5. Мѣстная земская управа учредила при школѣ нѣсколько стипендій.

— Изъ *Таврической* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія.

Предсѣдатель *Геодосійскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, осмотрѣвъ сельскія народныя школы своего вѣдомства, представилъ подробное донесеніе о каждой изъ нихъ, помѣщенное въ *Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 25). Такихъ училищъ 11, изъ нихъ 3 болгарскихъ. Два изъ этихъ послѣднихъ училищъ находятся въ удовлетворительномъ положеніи. Въ особенности благопріятенъ отзывъ г. предсѣдателя совѣта объ училищѣ Киплавскомъ, гдѣ учащихся было 43, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ. Учитель, г. Вернези, добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Дѣти отчетливо усвоили главнѣйшія молитвы, читали по русски и по славянски связно и разборчиво, хотя и съ отгѣнкомъ болгарскаго выговора, дѣлали не сложныя задачи по тремъ первымъ дѣйствіямъ, на доскѣ и на деревянныхъ счетахъ, а въ письмѣ достаточно усвоили правильный почеркъ, такъ

что вообще можно было надѣяться, что, съ началомъ осеннихъ занятій, учитель могъ повести дѣтей къ дальнѣйшему развитію. Къ сожалѣнію, г. предсѣдатель не нашелъ и слѣдовъ, чтобы мѣстный приходскій священникъ принималъ участіе въ воспитаніи своихъ прихожанъ, а это было бы особенно нужно для разъясненія имъ смысла молитвъ, значенія главнѣйшихъ праздниковъ и знакомства съ важнѣйшими событіями священной исторіи. При училищѣ положено основаніе постоянной бібліотеки. Замѣчательно, что въ зимніе вечера къ учителю собирались взрослые юноши — Болгаре и просили его прочитывать что-либо интересное изъ книгъ бібліотеки. Особенное любопытство Болгаръ возбуждала книга Соковнина „О земледѣліи“; изъ этого можно заключить, что для сельскихъ бібліотекъ особенно полезно на первыхъ порахъ приобрѣтать отдѣльныя сочиненія и практическія руководства по всѣмъ отраслямъ сельской экономіи и растительной культуры вообще, по уходу за домашними животными, и т. под. Для возбужденія охоты къ чтенію особенно пригодны описательныя сочиненія, объясненія физическихъ явленій, географическіе очерки, путешествія и т. д.

Большая часть русскихъ училищъ находятся въ удовлетворительномъ положеніи, за исключеніемъ 3-хъ гдѣ успѣхи учениковъ требуютъ улучшенія. Причины слабыхъ успѣховъ въ этихъ школахъ различны: въ одномъ, Митрофановскомъ, причиною тому служатъ недостатки матеріальныхъ средствъ, выражающійся въ бѣдной обстановкѣ училища и ограниченномъ вознагражденіи учителя, и равнодушіе поселянъ къ ученю, вслѣдствіе чего лишь не многія дѣти посѣщаютъ школу. Въ другомъ, Владиславскомъ училищѣ, слабость успѣховъ учениковъ зависѣла отъ недостаточнаго усердія прежняго учителя и отъ малаго знакомства съ правильнымъ обученіемъ новаго. Къ сожалѣнію, при замѣщеніи должности учителя въ Владиславскомъ училищѣ, училищный совѣтъ долженъ былъ сообразоваться съ желаніемъ общества, чтобы въ лицѣ учителя соединилось и званіе сельскаго писаря, и только при этомъ условіи оно согласилось назначить ему съ своей стороны 130 руб. въ годъ, что вмѣстѣ съ добавочнымъ жалованьемъ изъ земской суммы 84 руб. составляетъ окладъ, удовлетворительный для учителя, при готовой квартирѣ и отопленіи. Условіе это будетъ однако же устранено, какъ скоро представятся средства къ независимому положенію учителя. Наконецъ, въ Судахѣ устроено училище попеченіемъ мѣстнаго приходскаго священника и помѣщается въ церковномъ домѣ; но принявъ на себя общее наблюденіе за благоустройствомъ

школы, священникъ избралъ себѣ помощникомъ дьячка, которому и поручилъ обученіе дѣтей грамотѣ, письму и ариметикѣ. Но этотъ педагогъ не оправдываетъ сдѣланнаго ему довѣрія. Произведенное испытаніе доказало, что начинающія дѣти твердили азбучные склады бессознательно наизусть, а при распросѣ затруднялись произнести тѣ же слоги порознь; у всѣхъ были буквари, расположенные по старой методѣ обученія и вовсе неупотребительные въ другихъ школахъ уѣзда. Старшіе ученики упражнялись въ чтеніи исключительно по „Начаткамъ христіанскаго ученія“, и что замѣчательно, нѣсколько страницъ этой книги, въ отдѣлѣ „Краткаго катихизиса“, были выучены мальчиками наизусть, безъ всякаго сознанія смысла выученнаго.

По выслушаніи донесенія предсѣдателя училищнаго совѣта объ осмотрѣ имъ сельскихъ училищъ и объ испытаніяхъ, произведенныхъ имъ вмѣстѣ съ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища, Феодосійскій уѣздный училищный совѣтъ сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія, какъ объ устройствѣ для училищъ удобныхъ помѣщеній, такъ и о прінсканіи лучшихъ учителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлена благодарность духовнымъ лицамъ, трудившимся въ пользу училищъ; выданы награды пяти учителямъ за усердіе, и сдѣлано распоряженіе объ изысканіи средствъ къ открытію двухъ училищъ въ селеніяхъ Емельяновкѣ и Ново-Николаевкѣ, въ виду отдаленнаго ихъ положенія, среди степной полосы Крыма.

Изъ отчета члена *Днѣпровскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, священника М. Фреенкова (см. *Тавр. Епар. Вѣд.* № 29), видно, что всѣхъ народныхъ училищъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, содержимыхъ на счетъ общества, съ пособіемъ отъ земства, въ 1899/10 учебномъ году было 24; въ томъ числѣ мужскихъ 3, женскихъ 3 и смѣшанныхъ 18. Учащихся 1.133; изъ нихъ мальчиковъ 851, дѣвочекъ 282. Преподаваніемъ занимались: законоучителей 21, учителей 18, ихъ помощниковъ 3, учительницъ 7, помощницъ ихъ 3. Всѣ преподаватели, за исключеніемъ двухъ, удаленныхъ уже управою отъ занимаемыхъ ими должностей, выполняли свои обязанности съ усердіемъ и въ большей или меньшей мѣрѣ удовлетворительно. При испытаніи по закону Божію, дѣти разказывали довольно удовлетворительно нѣкоторые эпизоды изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, знали молитву Господню и другія важнѣйшія молитвы; въ нѣкоторыхъ училищахъ дѣти довольно порядочно объясняли символъ вѣры и десять заповѣдей. Вообще, по мнѣнію совѣта, успѣхи въ училищахъ по всѣмъ предметамъ найдены удовлетворительнѣе прошлогоднихъ, вслѣдствіе болѣ-

наго знакомства преподавателей съ методами обученія. Такъ какъ переимѣна учителей оказываетъ вредное вліяніе на училища, то уѣздный училищный совѣтъ призналъ необходимымъ ходатайствовать предъ земскимъ собраніемъ о предоставленіи учительскихъ мѣстъ только тѣмъ лицамъ, которые согласятся служить училищу не менѣе трехъ лѣтъ. Для возбужденія соревнованія между преподавателями, совѣтъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе, встрѣчающееся въ первый разъ между постановленіями училищнаго вѣдомства: въ поощреніе болѣе усердныхъ преподавателей, удерживать въ пользу ихъ, во время каникулъ, нѣкоторую часть содержанія учителей, замѣченныхъ въ небрежномъ отправленіи своихъ обязанностей. Всѣ училища, за исключеніемъ двухъ, помѣщающихся при сельскихъ расправахъ, имѣютъ отдѣльныя помѣщенія съ отопленіемъ, ремонтомъ и сторожемъ отъ обществъ; жалованье учителямъ и покупка учебныхъ книгъ приняты на себя земствомъ.

Предсѣдатель Днѣпровской уѣздной земской управы отнесся въ мѣстному епархіальному архіерею съ ходатайствомъ о награжденіи священника селенія Николаевки Добровольскаго за искреннее содѣйствіе его распространенію въ крестьянахъ здравыхъ понятій о полезности народнаго образованія, такъ какъ полезныя результаты этого добраго участія священника Добровольскаго успѣли уже выразиться тѣмъ, что Николаевское училище, при незначительности мѣстнаго населенія, имѣетъ учащихся до 55 человекъ. Въ заключеніе своего отношенія, предсѣдатель управы дѣлаетъ слѣдующую характеристическую замѣтку: „въ этому ходатайству я побуждался тѣмъ, что другіе священники не только не дѣлаютъ этого, но часто даже противо-дѣйствуютъ образованію народа“.

При Симферопольскомъ кафедральномъ соборѣ Таврической епархіи учреждено въ 1868 году православное церковное братство, которое въ числѣ своихъ обязанностей имѣетъ попеченіе о сельскихъ училищахъ. Изъ отчета о дѣятельности этого братства за 1869/70 годъ, помѣщеннаго въ *Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 30; см. также *Правит. Вѣстн.* № 7), видно, что стараясь, по возможности, оказать пособіе сельскимъ школамъ, преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ сѣкты, или гдѣ православные жители по бѣдности не въ состояніи поддерживать школы своими средствами, совѣтъ братства употребилъ на этотъ предметъ на 5 школъ 550 руб. Кромѣ того въ 15 сельскихъ и городскихъ училищахъ выслано безплатно 883 экземпляра книгъ и брошюръ разнаго рода, преимущест-

венно же новаго завѣта, часослововъ, псалтырей, молитвенниковъ, „Начатковъ христіанскаго ученія“, „Указанія пути въ царство небесное“, букварей и другихъ брошюръ религіознаго содержанія. Наконецъ, въ видахъ противодѣйствія молоканской сектѣ, распространенной въ хуторѣ Остриковеѣ, братство учредило тамъ училище и молитвенный домъ, съ назначеніемъ къ нему особаго причта, обязаннаго заниматься въ училищѣ. Совѣтъ же назначилъ съ своей стороны особо наставникамъ — 50 руб. въ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ въ Бердянскую земскую управу объ оказаніи отъ земства вспоможенія этому причту. Управа назначила на содержаніе школы 200 р. По словамъ священника Дахнова, населеніе относится къ школѣ съ большимъ сочувствіемъ, выстроило для училища прекрасный домъ, съ квартирою для учителя, и при послѣднемъ посѣщеніи училища священникомъ Дахновымъ, въ немъ найдено 70 учениковъ, исправно посѣщающихъ школу.

При существующихъ въ Крыму магометанскихъ училищахъ начало открываться мало по малу преподаваніе русскаго языка. Такъ, 5-го мая прошлаго года, вслѣдствіе предписанія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, введено преподаваніе этого предмета въ Карасубазарскомъ медресе, въ присутствіи таврическаго муфтія и множества лицъ магометанскаго общества. Магометане чистосердечно сознавались, говорить по этому поводу *Одесскій Вѣстникъ*, что они далеко отстали отъ прочихъ народностей, живущихъ на равныхъ правахъ съ ними въ Русскомъ государствѣ, и между прочимъ выразили готовность и стремленіе къ дальнѣйшему образованію своихъ дѣтей въ русскомъ духѣ. Въ день открытія училища, въ него поступило 38 дѣтей. 10-го іюня происходило открытіе преподаванія русскаго языка еще при двухъ магометанскихъ медресе, Зинджерли и Ханскомъ. Почетный блюститель обоихъ училищъ, Бахчисарайскій купецъ Чубукчи, обратился въ бывшимъ при торжествѣ открытія ученикамъ и объявилъ имъ о милости, дарованной Государемъ Императоромъ, наравнѣ съ прочими Его подданными, и магометанамъ. Въ заключеніе, инспекторъ народныхъ училищъ, г. Соичъ, сказалъ присутствовавшимъ, что послѣ всего происходившаго правительство вполне можетъ надѣяться на просвѣщенное сочувствіе духовенства и общества и энергическую дѣятельность почетнаго блюстителя Чубукчи къ преуспѣванію этихъ училищъ и на пользу молодаго поколѣнія. Оба училища снабжены въ достаточномъ количествѣ училищными пособиями и мебелью.

— Введеніе русскаго языка въ медресе не только было встрѣча-
часть слш, отд. 4.

чено съ удовольствіемъ мѣстнымъ населеніемъ, но даже и въ Петербургѣ. Правленіе Бекбулатова общества взаимной благотворительности Касимовскихъ Татаръ въ С.-Петербургѣ, радуясь открытію при Таврическихъ медресе преподаванія русскаго языка, отнеслось къ инспектору народныхъ училищъ Таврической губерніи съ просьбой объ увѣдомленіи, на какомъ основаніи Касимовскіе Татары могутъ посылать въ училища Таврической губерніи своихъ дѣтей, а также о высылкѣ въ правленіе программы преподаванія въ училищѣ. Инспекторъ народныхъ училищъ Таврической губерніи удовлетворилъ такому желанію правленія названнаго общества, выславъ программы преподаванія при училищахъ медресе, какъ татарскаго, такъ и русскаго языковъ. Попечитель Одесскаго учебнаго округа, доводя объ этомъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, объяснилъ, что почетный блюститель Бакчисарайскаго училища Чубуки лично заявилъ инспектору народныхъ училищъ Таврической губерніи желаніе принимать дѣтей въ училище и имѣть о нихъ попеченіе, съ платою въ годъ по 150 руб. за cadaго воспитанника.

— Въ *Терской* области, по словамъ мѣстныхъ *Вѣдомостей* (№ 39), находятся слѣдующія учебныя заведенія:

Въ гор. *Владикавказъ* 3 мужскихъ, а именно — а) реальная четырехклассная прогимназія, преобразованная изъ бывшей горской школы въ 1869 году; въ ней учащихся 274, изъ коихъ православнаго исповѣданія 199, римско-католическаго 12, армяно-григоріанскаго 16, лютеранъ 4, магометанъ 39 и евреевъ 5. При прогимназіи имѣется горскій пансіонъ съ 178-ю воспитанниками; б) Лорисъ-Меликовское ремесленное училище, имѣющее 67 учениковъ, и в) коновальская школа Терскаго казачьяго войска съ 38 учениками. Въ томъ же городѣ имѣется три женскія училища: а) Ольгинское 2-го разряда съ 105-ю ученицами; б) двухклассная осетинская Ольгинская дѣвичья школа съ 45-ю ученицами, которыя всѣ православнаго исповѣданія, и в) элементарная частная школа для дѣвочекъ съ 11-ю ученицами. Въ *Моздокѣ* находится 4 мужскихъ школы и 1 женская; въ мужскихъ училищахъ учащихся было: въ двухклассномъ 70, въ духовномъ 55, въ элементарной школѣ 70 и въ духовномъ приходскомъ армянскомъ училищѣ 57. Въ *Кизлярѣ* 2 мужскихъ училища: двухклассное съ 40 учениками и армянская духовная школа, имѣющая 141-го ученика; есть еще въ Кизлярскомъ уѣздѣ школа для мальчиковъ, въ которой учащихся 25. Въ *Кабардинскомъ* округѣ 3 школы; двѣ для мальчиковъ, изъ коихъ въ одной 58 учащихся, а въ другой 30, и одна для дѣ-

вочевъ съ 25-ю учащимися. Въ *Осетинскомъ* округѣ находятся 1 мужская школа съ 37-ю учащимися и 1 женская, въ которой учащихся 11. Въ *Ингушевскомъ* округѣ—1 горская школа съ 64-мя учениками, которые, за исключеніемъ одного еврея, всѣ магометанскаго исповѣданія, и 1 практическая земледѣльческая, съ 23-мя пансіонерами, изъ коихъ 10 православныхъ и 13 магометанъ, и 4 частныхъ учениковъ; въ этой школѣ, существующей съ декабря 1869 года, на содержаніе каждаго ученика отпускается отъ правительства по 50 руб. Въ *Кумикскомъ* округѣ есть 1 школа только въ селѣ Хасавъ-Юртѣ; въ ней 37 учениковъ, изъ которыхъ 4 магометанина; прочіе православные. Въ *Нагорномъ* округѣ имѣются только магометанскія школы при мечетяхъ. Въ *Чеченскомъ* округѣ 4 школы, изъ коихъ 3 мужскія и 1 женская; въ послѣдней учащихся 28; въ мужскихъ — въ одной 74 учащихся, въ другой 53 и въ третьей 25; всѣ ученики въ послѣднихъ двухъ магометане. Давоноцъ, въ *Ичкеринскомъ* округѣ имѣется 1 школа съ 4-мя учениками-магометанами. Такимъ образомъ въ Терской области считается 27 школъ, изъ нихъ 7 женскихъ и 20 мужскихъ. Учащихся въ нихъ 1.471, въ томъ числѣ мальчиковъ 1.246 и дѣвочекъ 225. Мѣстная газета говоритъ, что сознаніе необходимости изучать русскую грамоту все болѣе и болѣе проникаетъ въ массу горскаго населенія Терской области. Заведенныя для этой цѣли школы, по ограниченному числу имѣющихся въ нихъ вакансій, рѣшительно не могутъ удовлетворить развивающейся потребности, и потому населеніе приходитъ мало по малу къ убѣжденію о необходимости устройства школъ грамотности въ аулахъ. Весьма естественно, что первыми за это дѣло принимаются тѣ жители, которые, по географическому положенію занимаемой ими мѣстности, находятся въ постоянныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ казачьимъ населеніемъ. Такъ, жители девяти ауловъ Надтеречнаго наибства пожелали учредить у себя школы, и въ настоящее время въ нихъ обучается русской грамотѣ 170 мальчиковъ.

Въ газету *Кавказъ* (№ 105) пишутъ изъ гор. Рачи, *Кутаисской* губерніи, что въ м. Они, Рачинскаго уѣзда, открыто было въ 1855 году одноклассное приходское училище, и до настоящаго времени другой школы въ уѣздѣ нѣтъ. Не смотря на то, что обученіе дѣтей въ этой школѣ было весьма неудовлетворительно, по невѣжнью хорошаго учителя, все-таки школа принесла пользу. Рачивцы, видя, что всѣ чиновники изъ уѣзда, отъ уѣзднаго начальника до послѣдняго писца, прибыли изъ другихъ уѣздовъ, стали охотно отдавать дѣтей своихъ въ школу,

чтобъ и ихъ дѣти сдѣлались въ послѣдствіи чиновниками. Такимъ образомъ, грамотность начала распространяться въ уѣздѣ, и теперь довольно многіе изъ Рачицевъ не только грамотны, но и образованны; почти всѣ они изъ высшаго и средняго классовъ. Въ сентябрѣ истекшаго года предполагалось упоминаемое училище преобразовать въ двухклассное. Въ томъ же мѣстечкѣ открыта бесплатная женская школа, но мало лицъ, сочувствующихъ этому благому учрежденію, и потому школѣ грозитъ скоро закрытіе.

Въ гор. Петровскѣ, *Дагестанской области*, открыта 27-го августа истекшаго года, какъ пишутъ въ *Современномъ Листкѣ* (№ 79), народная школа. При открытіи въ школу явились 23 ученика, затѣмъ число это возрасло до 50-и, а были еще желающіе поступить въ школу, но тѣснота школы препятствуетъ этому. Школа учреждена для приходящихъ, съ платою по 50 коп. въ мѣсяцъ, а бѣднѣйшіе будутъ обучаться даромъ. Принимаются всѣ безъ различія сословій и вѣроисповѣданій. Предметы ученія: законъ Божій, чтеніе и письмо по русски, ариметика, гимнастика и мастерства. Починъ учрежденія школы принадлежитъ П. Е. Салтыкову, который съ большимъ тактомъ взялся за это дѣло и довелъ его до конца. Имъ изысканы были средства для покупки дома и разныхъ учебныхъ принадлежностей. Онъ и теперь продолжаетъ заботиться объ усиленіи средствъ училища.

— Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 223) сообщаютъ, что въ совѣтѣ Московскаго общества распространенія техническихъ знаний заявлено о необходимости устройства ремесленныхъ училищъ въ *Туркестанскомъ* краѣ. Членъ общества, Н. Н. Раевскій, пишетъ, что въ Туркестанской области промышленность и ремесла находятся въ младенческомъ состояніи. Такъ, не говоря уже о машинахъ, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ и другихъ болѣе сложныхъ механическихъ и техническихъ пособіяхъ, всѣ даже необходимыя для обыденной жизни предметы приходится выписывать за нѣсколько тысячъ верстъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Для отстраненія, по возможности, этого недостатка, г. Раевскій признаетъ полезнымъ, чтобы общество распространенія техническихъ знаний приняло на себя инициативу въ дѣлѣ открытія въ Туркестанскомъ краѣ первой учебной мастерской, въ которой, подъ руководствомъ выписанныхъ изъ Россіи мастеровъ, желающіе изъ мѣстныхъ учителей могли бы научиться тѣмъ ремесламъ и искусствамъ, въ которыхъ всего болѣе нуждается этотъ край. Г. Раевскій кладетъ основаніе пожертвованіямъ на этотъ предметъ вносомъ 100 рублей и проситъ общество обратить на это

дѣло вниманіе правительства и той части купечества, которая, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Туркестанскимъ краемъ, знаетъ на опытъ, до какой степени недостатокъ хорошихъ ремесленниковъ вредить развитію этого края и русской торговли.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, что въ селеніи *Кондушыхъ* (Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губ.) инспекторомъ народныхъ училищъ 8-го минувшаго ноября, въ присутствіи мирового посредника 2-го участка Вытегорскаго уѣзда, штатнаго смотрителя училищъ, становаго пристава, членовъ Вытегорской уѣздной земской управы и значительнаго стеченія крестьянъ Кондушской волости, открыто отъ министерства народнаго просвѣщенія двухклассное сельское училище, въ наемномъ помѣщеніи, впредь до окончанія постройки для сего училища дома. Утромъ 8-го ноября, предъ началомъ Божественной литургіи, 40 мальчиковъ и 27 дѣвочекъ, вмѣстѣ съ своими родителями, собрались въ училищѣ, помѣщенномъ временно въ домѣ крестьянина Бунгова, въ деревнѣ Скаминой, отстоящей отъ Кондушскаго погоста въ одной четверти версты. Отсюда ученики и ученицы, въ сопровожденіи учителя, съ училищною иконой, отправились въ церковь къ слушанію Божественной литургіи. День открытія училища былъ воскресный и крестьяне, будучи свободными, собрались въ значительномъ количествѣ и церковь была полна народа.

По окончаніи литургіи и молебна, присутствующіе отправились изъ церкви съ крестнымъ ходомъ въ квартиру училища, гдѣ и совершёнъ былъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, святѣйшему синоду, епископу Іонафану съ паствою, ревнителямъ о народномъ просвѣщеніи, учащимъ и учащимся; послѣ чего квартира, классная мебель, учебныя книги и пособия и предстоящіе были окроплены святою водою. Торжество открытія училища заключено пѣніемъ „Боже Царя Храни“, который пѣли дѣвицы, и который, по единодушному и восторженному желанію публики, былъ повторенъ нѣсколько разъ. Стеченіе народа было столь велико, что не всѣ могли помѣститься въ квартирѣ; много народа оставалось на улицѣ предъ домомъ. Изъ числа желающихъ учиться въ училище принято 40 мальчиковъ и приемъ ихъ еще продолжается; дѣвочки же, по недостатку настоящаго помѣщенія, будутъ продолжать учиться въ прежнемъ своемъ земскомъ училищѣ до времени окончанія постройки дома.

ОТЧЕТЪ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ, УЧРЕЖДЕННЫХЪ ЛѢТОМЪ 1870 ГОДА ПРИ ГОСТИНОПОЛЬСКОМЪ УЧИЛИЩѢ (НОВОЛАДОЖСКАГО УѢЗДА) ¹⁾.

Лѣтніе Гостинопольскіе педагогическіе курсы положено было открыть Новоладожскимъ уѣзднымъ земствомъ съ 27-го іюня по 27-е іюля; но такъ какъ въ 27-му іюня явился на курсы всего одинъ учитель, то курсы открылись дѣйствительно только 29-го іюня. Всѣхъ учителей собралось 5 человекъ; изъ нихъ 3 окончили курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и 2 исключенные изъ семинаріи. Всѣ учителя, прибывшіе на курсы, были довольно толковый народъ, съ которыми можно было успѣшно вести дѣло. При открытіи курсовъ былъ приглашенъ законоучитель Гостинопольскаго училища, о. Смирновъ, отслужившій молебенъ для учителей и учащихся; кромѣ того присутствовали: штатный смотритель Новоладожскихъ училищъ г. Семеко и предсѣдатель Новоладожскаго училищнаго совѣта, г. фонъ-Моллеръ.

Въ рѣчи, съ которою руководитель курса обратился къ его ученикамъ, было разъяснено значеніе этого дѣла для земства, учредившаго курсы; необходимость труда и самостоятельности со стороны

---

¹⁾ Вопросъ о мѣрахъ и способахъ приготовленія народныхъ учителей въ настоящее время занимаетъ всѣхъ: правительство, земство, общества и частныя лица единодушно стремятся къ его разрѣшенію. Такъ-называемые лѣтніе педагогическіе курсы, имѣющіе задачей хотя въ нѣкоторой степени восполнить недостатокъ подготовки нашихъ учителей, въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространяются и приобрѣтаютъ общій интересъ и значеніе. Въ виду того, что дѣло это еще очень новое и не установившееся, что ни руководящія начала, ни формы его еще не выработались, редакция считаетъ небезполезнымъ обнародованіе предлагаемыхъ отчетовъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ, сообщенныхъ ей дирекціей мѣстныхъ училищъ, хотя они и въ настоящемъ своемъ видѣ оставляютъ желать многого. *Ред.*

участниковъ курса; показана была важность изученія дѣтской природы и необходимость практической педагогической подготовки для учителей, при чемъ указывая на важность учительской мисси, руководитель обратилъ вниманіе участниковъ курса на то, что какъ ни горька и незавидна доля сельскаго учителя, но главная причина этого кроется отчасти въ невѣжествѣ учителей, что вмѣстѣ съ знаніями придуть къ нимъ и лучшія матеріальныя средства къ жизни; только знаніе, любовь къ дѣлу и добросовѣстный трудъ учителя могутъ обусловить значеніе школы, поднять ея репутацію и вызвать всеобщее сочувствіе къ ней. Затѣмъ руководитель курсовъ озаботился матеріальнымъ устройствомъ и обезпеченіемъ учителей на время курса. Помѣщеніе для учителей было предложено въ одной изъ комнатъ Гостинопольскаго училища, а обѣдъ съ утреннимъ и вечернимъ чаемъ, учителя пріискали въ сосѣднемъ постояломъ дворѣ за 15 руб. въ мѣсяцъ, — это была сумма, ассигнованная С.-Петербургскимъ земствомъ на содержаніе каждаго земскаго учителя въ теченіе курсовъ, вмѣстѣ съ проѣздомъ ихъ съ мѣста жительства на курсы и обратно. Но эта ассигновка оказалась весьма недостаточною. При дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ на Гостинопольской пристани, земству слѣдовало ассигновать не менѣе 22-хъ руб. на учителя для прожитія на курсахъ и проѣзды на курсы и обратно. Недостаточность ассигновки побудила руководителя курсовъ обратиться, по окончаніи курсовъ, къ Новоладожскому училищному совѣту съ заявленіемъ, что пріѣхавшіе учителя положительно не могутъ выѣхать изъ Гостинопольской пристани, и имъ по дорогѣ домой придется просить милостыню. Въ виду столь очевидной нужды, Новоладожскій училищный совѣтъ ассигновалъ, въ видѣ вспоможенія, по 5 рублей на учителя.

По предложенію руководителя, каждый сельскій учитель, прибывшій на курсы, представилъ ему свѣдѣнія о состояніи своей школы, о числѣ учениковъ, о времени ученія и вообще обо всемъ, касающемся его учительской дѣятельности. Во время своего пребыванія на курсахъ, учителя сами описали состояніе своихъ школъ; свѣдѣнія эти были доставлены г. инспектору народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что одинъ изъ учителей не имѣетъ ни помѣщенія для школы, ни жалованья; двое изъ учителей получаютъ около 45-и руб. въ годъ за ученье, за каковую сумму учитель даетъ и помѣщеніе у себя для школы. Родители распоряжаются учителями относительно способовъ обученія, какъ имъ вздумается. Только у одного учителя школа устроена какъ слѣдуетъ, но школа эта не земская, а частная. Въ эти школы (кромѣ частной) нигде никогда,

кромѣ родителей-мужичковъ, по словамъ учителей, не заглядываетъ. Это явленіе до того было постояннымъ и стало обычнымъ, что слушателямъ курса казалось невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на ихъ школы, въ тому же всѣ жаловались, что у нихъ въ школахъ нѣтъ ни классныхъ столовъ, ни книгъ, ни досокъ, ни бумаги для учениковъ и проч.

Для руководства занятіями на курсахъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа была предложена программа, которая, по возможности, выполнялась во всѣхъ ея пунктахъ.

Въ этой программѣ сказано:

„Способы преподаванія и обученія не должны быть сообщаемы теоретически въ формѣ лекцій, но практически должны выводиться изъ образцовыхъ уроковъ руководителя; съ этою цѣлю устривается школа, въ которой сельскіе учителя, подъ его же руководствомъ, должны дать нѣсколько пробныхъ уроковъ, дабы приобрести хотя нѣкоторый навыкъ въ лучшихъ способахъ начального обученія и класснаго порядка“ (§ 7).

Практическія занятія, учрежденныя на курсѣ согласно этому требованію, съ учениками, въ числѣ которыхъ было не умѣющихъ читать 8 и грамотныхъ 6 человекъ, начинались съ 10-и часовъ утра и продолжались каждодневно до 2^{1/2}. Промежутки между уроками были по ¹/₄, и одинъ промежутокъ послѣ трехъ уроковъ былъ въ ¹/₂ часа, 4 получасовые урока посвящались младшему отдѣленію и два урока ученикамъ старшаго. Старшее отдѣленіе приходило послѣ 2 уроковъ въ младшемъ, а остальное время шли одновременныя занятія съ двумя отдѣленіями. Такое, повидимому, неравномѣрное распредѣленіе занятій съ учениками было основано на томъ соображеніи, что съ начинающими учиться гораздо труднѣе вести дѣло, а эти трудности и умѣнье избѣгать ихъ и должны быть указаны сельскимъ учителямъ; дайте, имъ надо было практически и наглядно выяснить способы обученія черченію, письму, чтенію и счету и самихъ заставить работать съ учениками; наконецъ, первая возможно лучшая постановка ученика въ школѣ дѣлается фундаментомъ, на который опирается все будущее правильное развитіе ученика, и необходимо было указать сельскимъ учителямъ, какъ легко въ началѣ устранить многіе недостатки школы, которые потомъ представляютъ столько трудностей и заботъ для учителя. Каждый, данный руководителемъ урокъ, учителя записывали. Съ 2^{1/2} и до 5-и часовъ дня учителя обѣдали и отдыхали, а съ 5-и до 8-и, а иногда и до 9-и ежедневно посвящали чтенію протоколовъ данныхъ уроковъ; при чемъ изучались способы преподаванія и приемы, облегчающіе примѣненіе извѣстнаго способа въ школѣ, ука-

зывались недостатки даннаго урока, которыхъ слѣдуетъ избѣгать впередъ, записывалась катихизація уроковъ. Всѣ сообщенныя правила школьнаго обученія выводились, примѣнялись и сравнивались на практическихъ занятіяхъ съ дѣтьми. Когда учителя уже достаточно практически ознакомились съ предложенными способами обученія нагляднаго, черченію и письму, чтенію и счету, какъ въ начальной ихъ формѣ при занятіяхъ съ младшимъ отдѣленіемъ, такъ и въ дальнѣйшемъ своемъ примѣненіи при занятіяхъ со старшимъ отдѣленіемъ, то остальное время (4 дня) было посвящено на упорядоченіе и пополненіе того, что было передано и усвоено учителями практически, почему практическія занятія съ учениками были прекращены, такъ какъ работы педагогической и необходимой предстояло учителямъ еще очень много. 30-го іюня прибылъ на курсы инспекторъ народныхъ школъ С.-Петербургской губерніи; подъ общимъ руководствомъ и совѣтами его продолжалось дѣло подготовки учителей до 18-го іюля. Всѣхъ практическихъ уроковъ дано было 103, изъ нихъ 53 дано руководителемъ, а 50 уроковъ сельскими учителями.

Переходимъ къ тому, что сдѣлано было на курсахъ, соотвѣтственно данной для руководства курсовъ г. попечителемъ округа программѣ.

§ 1) „Учителя должны быть ознакомлены съ лучшимъ способомъ обученія чтенію и письму“.

Для этого руководитель избралъ способъ совмѣстнаго нагляднаго обученія черченію, письму, чтенію и счету по Фогелю и Бѣме; пособіемъ было принято „Руководство для учителей по первой учебной книжкѣ“ Паульсона. Причина, по которой отдано предпочтеніе этому способу предъ другими, была та, что всѣ остальные извѣстныя у насъ способы обученія чтенію и письму суть только болѣе или менѣе удачныя примѣненія частныхъ этого способа. Ни одинъ способъ обученія грамотѣ не удовлетворяетъ такъ педагогическимъ требованіямъ, какъ способъ Фогеля и Бѣме; поэтому ни одинъ способъ обученія чтенію и письму не можетъ идти въ сравненіе съ этимъ способомъ относительно воспитывающаго характера, какъ средства гармоническаго и всесторонняго развитія дѣтей. О непримѣнимости этого способа могутъ говорить только тѣ, кто его не понялъ, или понялъ неправильно. Правда, онъ требуетъ соображенія отъ учителя и вниманія; учитель, обучая по немъ, въ началѣ можетъ дѣлать промахи, но онъ будетъ и видѣть, отъ чего эти промахи зависятъ; но въ то же время онъ хорошо можетъ видѣть, чего недостаетъ другимъ звуковымъ спо-

собамъ обученія чтенію и письму, что составляетъ ихъ слабую сторону. Наконецъ, усвоивъ способъ Фогеля и Бёме, какъ заключающій въ себѣ элементы всѣхъ новыхъ способовъ, учитель не затруднится обучать чтенію и письму по любому звуковому способу. При практическомъ разъясненіи способа Фогеля и Бёме, руководитель употреблялъ его самъ въ школѣ, а подъ его руководствомъ учили по немъ и учителя, при чемъ обращалось вниманіе учителей на слѣдующее: не слѣдуетъ торопиться начинать обучать дѣтей собственно письму и чтенію; первое время слѣдуетъ посвятить тому, чтобы сдѣлать естественнымъ и непримѣтнымъ переходъ учениковъ изъ дому родителей въ школу. Въ продолженіе этого времени учитель долженъ основательно познакомиться съ домашнимъ бытомъ учениковъ, узнать ихъ имена и фамиліи, бесѣдовать съ дѣтьми о ихъ семействахъ, о домѣ и мѣстѣ жительства; спрашивать дѣтей про все, что окружаетъ ихъ дома; при чемъ предметы домашніе сравниваются съ классными, дѣти рассматриваютъ ихъ части и очертанія и производятъ счетъ этихъ предметовъ, а также счетъ точекъ, палочекъ, кружечковъ, черточекъ и т. под. Слѣдуя такому взгляду на дѣло, руководитель назначалъ для вновь поступившихъ учениковъ ежедневно три урока: а) наглядное обученіе или ознакомленіе вновь поступившихъ учениковъ съ окружающими ихъ въ школѣ и необходимыми при обученіи предметами; б) ознакомленіе учениковъ съ линиями и черченіе этихъ линий, приученіе самого ученика линевать на доскѣ и правильно держать грифель и перо; черченіе простыхъ по очертанію предметовъ и писаніе буквъ, и с) счетъ предметовъ, при чемъ дѣти наглядно знакомились вообще съ первымъ десяткомъ.

Обученіе чтенію и письму по способу Фогелю и Бёме начинается, какъ извѣстно, со словъ, а не съ буквъ, и письмо предшествуетъ чтенію. Выбирается названіе какого-нибудь предмета, который былъ бы извѣстенъ дѣтямъ, могъ быть принесенъ въ классъ и простъ по формѣ и для изображенія. Въ первый урокъ дѣти наглядно знакомятся съ избраннымъ предметомъ, который на слѣдующихъ урокахъ чертится. Учитель долженъ приготовить рядъ наводящихъ вопросовъ (катихизація), посредствомъ которыхъ ученики сами обращали бы вниманіе на предметъ и знакомились бы съ различными его частями. На образцовыхъ урокахъ въ школѣ руководитель избиралъ слѣдующіе предметы: шило, перо, чаша, бумага, ножъ, фонарь, ящикъ, блюдо, доска, рукавицы, корзина и ухватъ. Въ видахъ облегченія учителей въ приисканіи словъ и предложеній при обученіи дѣтей письму и чтенію по способу Фогеля и

Бѣме, руководитель и наставники заготовили достаточное количество этого матеріала, для котораго изготовлены были и примѣрные образцы катихизаціи. На 2-мъ урокѣ чертилась форма предмета (при помощи точекъ), и опять писалось самое названіе того предмета, съ которымъ знакомились ученики, при чемъ учитель показывалъ ученикамъ каждую часть написаннаго на доскѣ слова, заставлялъ дѣтей разказать, какъ она пишется, заставлялъ самихъ провести палочкой по частямъ написанное на доскѣ слово, затѣмъ сдѣлать то же самое очертаніе рукою въ воздухѣ, и только послѣ этого заставлялъ по точкамъ въ строкѣ писать одну за другою части письменнаго слова. Потомъ написанное слово произносилось, разлагалось на части (слоги), а эти части въ свою очередь разлагались на звуки, производился счетъ частямъ (звукамъ), и находились соотвѣтствующіе звукамъ знаки въ письменномъ словѣ, запоминалась форма этихъ знаковъ, и письменное слово читалось. На 3-й урокѣ письменные знаки сравнивались съ печатными, и читалось то же слово печатное. Изъ звуковъ, изученныхъ при пособіи передвижнаго алфавита, составлялись разныя слова и предложенія, въ составъ которыхъ входили выученныя дѣтьми буквы. Въ 4-й урокѣ ученики учились наглядно счету (по Грубе), при чемъ дѣти наглядно знакомились съ дѣйствіями и качествами предметовъ, чертили предметы снова, болѣе точно, а писали или старыя слова, или новыя, составленныя изъ звуковъ знакомыхъ. Конечно, чтобы выучиться писать и читать по этому способу потребуются не менѣе трехъ мѣсяцевъ; но за то ученикъ будетъ имѣть ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія по крайней мѣрѣ о 12-и предметахъ, при чемъ ученикъ не только будетъ писать и читать названіе изученныхъ предметовъ, но сумѣетъ и начертить ихъ, и приобрѣтетъ въ то же время элементарныя свѣдѣнія о счетѣ. Этимъ методомъ устраняются и вопросы, когда начинать учить чтенію, черченію, письму и счету; согласно мнѣнію Дистервега, начальное обученіе будетъ имѣть характеръ единства, каждый учебный предметъ будетъ живо и тѣсно связанъ съ другими, и знанія по всѣмъ учебнымъ предметамъ сельской школы будутъ сообщаться соотвѣтственно той точкѣ развитія, на которой находится ученикъ.

§ 2) „Учителямъ необходимо показать: а) какія статьи слѣдуетъ читать съ дѣтьми по преодолѣніи затрудненій въ механическомъ чтеніи, а также вообще, какъ слѣдуетъ вести послѣдательное обученіе русской грамотѣ съ цѣлю умственнаго развитія дѣтей; б) какія басни и стихотворенія должны быть заучиваемы, какъ приступить къ этому, и чего требовать при ихъ изученіи“.

Для чтенія сознательнаго руководителемъ выбрана была „Первая учебная книжка“ Паульсона. Статьи этого руководства были распределены на три категоріи: а) статьи вполне доступныя для легкаго чтенія, б) статьи, въ которыхъ встрѣчаются непонятныя для дѣтей слова, требующія поясненія, и в) статьи стихотворныя и поэтическія, доступныя пониманію дѣтей; послѣднія по большей части назначались для хороваго чтенія и заучиванья наизусть. Но этому чтенію должны предшествовать по своей простотѣ слѣдующія статейки изъ 1-й части „Родного слова“: „Зайныа по сѣничкамъ гулай“, „Пѣтуповъ“, „Жиль былъ у бабушки сѣринькѣй козлигъ“, „Ужь какъ я-ль мою коровушку люблю“, „Птичка летаетъ“ изъ „Первой учебной книжки“ Паульсона. Учителямъ были разъяснены приемы объяснительнаго чтенія и правила катихизаціи ихъ. Для этого на каждый урокъ учителя писали рядъ послѣдовательныхъ наводящихъ вопросовъ. Необходимость этой катихизической разработки уроковъ была вполне сознаана учителями. Учителямъ были указаны правила, какими они должны руководствоваться при составленіи катихизаціи и какихъ ошибокъ избѣгать. Вслѣдствіе такихъ упражненій, учителя сами стали замѣчать неправильность вопросовъ, которые они предлагали дѣтямъ, и старались исправить свои промахи; они сами научились находить, какое слово при прочтеніи дѣтьми статьи требовало остановки и наводящихъ вопросовъ. Сельскимъ учителямъ было указано, какъ вести разборъ статей съ цѣлю ознакомленія дѣтей съ русскимъ языкомъ, при чемъ руководитель сообщилъ учителямъ примѣры разнообразныхъ упражненій, возможныхъ надъ одною и тою же статьей для чтенія по руководству статьи въ *Учителѣ* 1861 года. Вотъ эти упражненія: 1) чтеніе статьи учителемъ и учениками, 2) катихизическая беседа о прочитанномъ, 3) пересказъ прочитаннаго при помощи повторительныхъ вопросовъ, 4) благозвучное чтеніе статьи, 5) разложеніе на звуки трудныхъ по орфографіи словъ и письмо ихъ, 6) переписка прочитанной статьи на тетрадь или доску, 7) исправленіе учениками ошибокъ другъ у друга или при помощи написаннаго учителемъ въ доскѣ, 8) чтеніе различныхъ почерковъ по ученическимъ тетрадямъ, 9) заучиванье статьи на память, 10) исчисленіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, предметовъ и ихъ свойство въ прочитанномъ разказѣ, 11) передача разказа отъ имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, 12) описаніе лицъ, предметовъ, встрѣчающихся въ читанномъ разказѣ, 13) сравненіе одного разказа или басни съ другими, и 13) диктантъ наизусть заученной статьи. Учителямъ было указано, какъ научить

учениковъ отличать одну мысль (предложеніе) отъ другой, какъ находить подлежащее, сказуемое и поясняющія части предложенія; указаны статьи, по которымъ удобнѣе ознакомлять дѣтей съ частями рѣчи и предложенія, уяснена связь обученія русскому языку съ нагляднымъ обученіемъ. Для учителей составлена была руководителемъ курсовъ коротенькая программа русскаго языка для облегченія выбора и расположенія учебнаго матеріала по этому предмету. Программа русскаго языка составлена была по концентрическому принципу, такъ что съ каждымъ новымъ шагомъ кругъ знаній ученика постепенно расширяется.

в) „Должна быть показана цѣль обученія русской грамотѣ“.

Разумное усвоеніе учебнаго матеріала, навыкъ и умѣнье владѣть рѣчью устною и письменною, и наконецъ, разумное, гармоническое развитіе духовныхъ силъ и способностей человѣка, — вотъ цѣль, которую должно имѣть въ виду при обученіи грамотѣ. Руководитель старался показать слушателямъ, что народная школа во всемъ обученіи имѣетъ въ виду двѣ цѣли: сообщить учебный матеріалъ дѣтямъ, научить примѣнять его и пользоваться имъ въ жизни, и главнѣйшую цѣль: посредствомъ этого учебнаго матеріала развить силы души ученика, приучить ученика самого ясно воспринимать впечатлѣнія отъ предметовъ, отыскивать и наблюдать разныя стороны предметовъ и частей ихъ, сравнивать ихъ другъ съ другомъ и опредѣлять ихъ значеніе и цѣль. Обучаясь, ученикъ долженъ на каждомъ учебномъ предметѣ развивать не одну какую-либо способность, онъ долженъ упражнять всѣ силы своего духа, и умъ, и чувство, и волю. Чтобы по возможности разъяснить дѣло и указать средства для достиженія этой цѣли, руководитель знакомилъ слушателей съ основаніями рациональной дидактики, указанія на которыя и примѣненія которыхъ выводились изъ практики, въ занятіяхъ съ учениками. Руководитель особенно прилагалъ стараніе къ тому, чтобы учителя всегда имѣли предъ глазами тѣ правила, на которыхъ основано всякое разумное преподаваніе, которыя служили основаніемъ для преподаванія на курсахъ и безъ твердаго знанія и разумнаго примѣненія которыхъ учителя всегда будутъ дѣлать промахи и ошибки при обученіи и руководствѣ школой.

г) „Должны быть указаны время и способъ обученія письму“.

Относительно письма выше было сказано, что оно должно начинаться съ поступленіемъ ученика въ школу. Приготовительныя упражненія съ учениками должны дать имъ умѣнье чертить, писать эле-

менты буквъ и линеать на доскахъ и тетрадяхъ, при чемъ эта работа для дѣтей должна быть упрощена или посредствомъ линейекъ, имѣющихъ четыре боковыя стороны ровныя, или посредствомъ точекъ по краямъ доски, на которыя ученикъ долженъ класть линейку. Письмо должно начаться черченіемъ по точкамъ, которыя ставятся, по указанію учителя, въ разнообразныхъ направленіяхъ; причемъ линіи между точками ученики проводятъ по такту учителя. Учителямъ было сообщено, какъ проще и легче писать буквы, какъ соединять ихъ, чтобы каждое цѣлое слово было написано съ одного почерка; указаны правила письма по такту, цѣль котораго постепенное приученіе писать съ одинаковою чистотой и правильностью, постепенно ускоряя процессъ письма, — словомъ, учителямъ было сообщено все, что они могутъ заимствовать по обученію письму изъ способовъ линейнаго, пунктирнаго, генетическаго и тактическаго. Обращено было вниманіе учителей и на умѣніе писать на доскѣ; указаны приемы, каковыя учителя должны слѣдовать, чтобы приучить дѣтей слѣдить за всѣми измѣненіями въ изображеніи частей буквъ при письмѣ. Руководствомъ по этому предмету была принята статья г. Мессера „Обученіе письму“, помѣщенная въ *Учитель* 1861 года.

д) „Должны быть опредѣлены время и способъ начальнаго обученія счисленію“.

Дѣти, какъ сказано, знакомятся съ элементарнымъ счетомъ при обученіи чтенію. Для дальнѣйшаго обученія было указано учителямъ, какъ постепенно ознакомлять дѣтей съ количествами, переходя отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, незамѣтно изучая всѣ ариѳметическія дѣйствія, постепенно увеличивая количества. Начало обученія счисленію, какъ сказано, полагается немедленно по вступленіи ученика въ школу, при чемъ это ознакомленіе производится наглядно на предметахъ, извѣстныхъ дѣтямъ и доступныхъ ихъ пониманію. Пока дѣти не умѣютъ еще писать цифры, счетъ ведется только до 10-и на фигурахъ (см. „Первую учебную книжку“ Паульсона), на крестикахъ, пробочкахъ, камешкахъ, орѣхахъ и т. п. Послѣ каждой задачи учитель заставлялъ дѣтей придумывать подобныя же задачи, при чемъ наблюдалось, чтобы въ задачѣ была видна свободная дѣятельность и разумное усвоеніе ученикомъ преподаваемаго, а не рабская вставка словъ и чиселъ въ извѣстную форму. Наглядность составляла общій характеръ обученія и служила главною цѣлью практическихъ занятій по этому предмету въ школѣ. Пособіями при обученіи счисленія приняты были: „Ариѳметика“ Паульсона (по Грубе),

арифметика Гурьева и задачникъ Воленса. Всѣ эти пособія были доставлены учителямъ и разъяснено ихъ употребленіе.

е) „Учителямъ должно быть сообщено умѣнье толково читать апостолъ, часы и пр. и переводить на русскій языкъ употребительнѣйшія церковныя пѣсни“.

Эту часть программы было легко выполнить, потому что всѣ учителя были или окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, или вышедшіе изъ этихъ заведеній по неимѣнію средствъ, кромѣ того, двое изъ учителей были дьячками. Каждый изъ учителей умѣлъ толково читать часы и апостолъ, переводить на русскій языкъ церковныя пѣсни и вообще отправлять чтеніе и пѣніе въ церкви. Но все-таки для объясненія недѣльныхъ апостоловъ, перевода ихъ и церковныхъ пѣсенъ распорядителемъ курсовъ былъ приглашенъ законоучитель Гостинопольскаго училища, о. Смирновъ, съ которымъ учителя и работали надъ переводомъ церковныхъ пѣсенъ и объясненіемъ апостоловъ каждый воскресный и праздничный день по 1½ часа.

§ 3. „Учителямъ слѣдуетъ показать способъ обученія церковному пѣнію по слуху и пѣнію народныхъ пѣсенъ“.

Одинъ изъ учителей, приглашенныхъ земствомъ на курсы, г. Ильинскій (дьячекъ), извѣстенъ въ нашей мѣстности какъ хорошій учитель пѣнія, который образовалъ при своей церкви хоръ, пользующійся доброю извѣстностію. Прибывшіе на курсы учителя были болѣе или мене ему знакомы, и подъ его руководствомъ, они почти каждодневно упражнялись, по вечерамъ, въ пѣніи церковныхъ пѣснопѣній и народныхъ пѣсенъ. Подъ его же руководствомъ учителя составили хоръ и во всѣ воскресные и праздничные дни пѣли въ мѣстной приходской церкви, при чемъ учителя поочередно читали шестопсалміе, часы и апостолъ.

§ 4. „Необходимо объяснить классные порядки и вообще правила училищнаго благоустройства, раздѣленіе учениковъ на группы соотвѣтственно ихъ познаніямъ, съ указаніемъ способовъ одновременнаго занятія съ различными группами“.

Практическія занятія съ учениками въ школѣ, расположенныя и веденныя педагогически, убѣдили учителей, что главное основаніе дисциплины состоитъ въ живомъ, интересномъ преподаваніи учителя, въ самостоятельности учениковъ при обученіи, въ умѣнии учителя вникать въ характеръ и наклонности учениковъ и направлять эти наклонности и стремленія къ добру, иначе ученики будутъ или спать и работать механически, или шалить въ классѣ. Классная дисциплина не должна кончатся за порогомъ училища, она должна вліять на ученика и внѣ школы и входить въ его бытъ и привычки. Учитель

долженъ быть примѣромъ правдивости и прямыхъ сочувственныхъ отношеній къ ученикамъ. Пусть онъ смѣло сознается предъ учениками въ своей ошибкѣ, но уже не повторяетъ ее. Слушателямъ курса было разъяснено значеніе работы для организациі школьной дисциплины. При заботахъ объ удаленіи недостатковъ, замѣченныхъ въ томъ или другомъ ученикѣ, учителямъ рекомендовалось быть послѣдовательными и настойчивыми въ предпринимаемыхъ ими мѣрахъ. Относительно внѣшняго порядка школы, учителямъ на дѣлѣ было показано, какъ слѣдуетъ разсказывать учениковъ въ классѣ, какъ приучить ихъ вынимать и убирать ученическія принадлежности и вообще предупреждать распорядительностію малѣйшій беспорядокъ, а главное не утомлять дѣтей работою безъ отдыха; какъ можно вести дѣло одновременно съ двумя отдѣленіями, какія работы давать одному отдѣленію, когда учителю приходится заниматься съ другимъ и т. д. Всѣ работы для этой цѣли учителями записаны (для каждаго отдѣленія по 10 работъ).

§ 5. „Учителя должны быть снабжены необходимыми для правильнаго обученія руководствами и нѣсколькими книгами для полезнаго дѣтскаго чтенія. Каталогъ такимъ книгамъ слѣдуетъ тоже сообщить учителямъ“.

По указанію руководителя курсовъ учителямъ были доставлены С.-Петербургскимъ земствомъ слѣдующія книги: „Грамматика“ Минина; „Первая учебная книжка“ Паульсона; „Предметные уроки“ Перевлѣскаго; „Наглядное обученіе“ Чумикова (по Вурсту); „Ариметика“ (по Грубе) Паульсона; „Ариметика“ Гурьева; „Задачникъ“ Воленса; „Начальная школа“ барона Корфа; „О здоровомъ и больномъ чловѣкѣ“ Бока. Такимъ образомъ учителя, бывшіе на курсѣ, нынѣ имѣютъ всѣ лучшія пособія, въ которыхъ они могутъ находить указанія, какъ толково вести обученіе. Кромѣ того, каждымъ учителемъ составлены, при пособіи руководителя, записки (до 30 лист.), въ которыхъ находятся: полныя катихизациі уроковъ при совмѣстномъ обученіи черченію и письму, чтенію и счету съ младшимъ отдѣленіемъ; уроки по тѣмъ же предметамъ со старшимъ отдѣленіемъ и программы занятій по русскому языку, ариметикѣ и наглядному обученію; правила дидактики и катехетики и вообще все, что сообщалось учителямъ на курсахъ. Каталогъ педагогическихъ книгъ также сообщенъ учителямъ, при чемъ указаны необходимѣйшія изъ нихъ и наиболѣе полезныя для сельскаго учителя.

§ 6. „Учителя должны быть доведены до полнаго сознанія, что обученіе грамотѣ имѣетъ преимущественною цѣлію развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства“.

Въ разъясненіе этого требованія, руководитель курсовъ развивалъ передъ слушателями необходимость учителю самому быть примѣромъ религіозно-нравственнаго челоуѣка и дѣломъ внушить своимъ ученикамъ любовь и сочувствіе къ ближнимъ, начиная съ ихъ товарищей и ко всѣмъ людямъ, полагая въ основу своихъ объясненій слово писанія, по которому не любящій ближняго, не любить и Бога, а дѣлающій добро ближнему дѣлаеть его самому Богу. Любовь къ общему благу должна наполнять сердце ученика. Но въ то же время благія желанія сердца въ ученикахъ не должны оставаться только желаніями, много обнимающими, но мало полезными, поэтому учитель долженъ направить добрую дѣятельность своего питомца на то мѣсто и среду, въ которой ученику придется вращаться. Для этого необходимо знакомить ученика съ окружающею его мѣстностію, возбуждать къ ней его симпатіи, вызывать дѣятельную и живую любовь къ родинѣ. Наглядное обученіе, въ связи съ изученіемъ мѣстности, окружающей школу и отчизновѣдѣніемъ, указывалось учителямъ, какъ лучшее средство вызвать въ ученикахъ прежде всего любовь къ родному, близкому и отечественному, и вызвать въ нихъ свободную рѣшимость и желаніе всѣми силами содѣйствовать преуспѣванію, благу и счастью родины. Изученіе родины должно усилить, укрѣпить патриотическое чувство и сдѣлать его разумнымъ.

Руководитель педагогическихъ курсовъ, учитель Гостинопольскаго училища
Н. Добромисловъ.

ОТЧЕТЪ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ, БЫВШИХЪ ВЪ ГДОВЪ ЛѢТОМЪ 1870 ГОДА.

Для руководства занятіями на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ была прислана С.-Петербургскою губернской земскою управой слѣдующая программа:

1) Учителя должны быть ознакомлены съ лучшимъ способомъ обученія чтенію и письму.

2) Имъ необходимо показать: а) какія статьи слѣдуетъ читать съ дѣтми, по преодолѣніи затрудненій въ механическомъ чтеніи, а также вообще, какъ слѣдуетъ вести послѣдовательное обученіе русской грамотѣ съ цѣлію умственного развитія дѣтей; б) какія басни и стихотворенія должны быть заучиваемы, какъ приступить къ этому изученію и чего требовать при изученіи; в) цѣль обученія русской грамотѣ; г) время и способъ обученія письму; д) время и способъ начального обученія счисленію; е) умѣніе толково читать апостолъ, часы и проч. и переводить на русскій языкъ употребительнѣйшія молитвы и церковныя пѣсни.

3) Учителямъ слѣдуетъ показать способъ обученія церковному пѣнію по слуху, а также пѣнію народныхъ пѣсень.

4) Объяснить классныя порядки и вообще правила для училищнаго благоустройства и раздѣленіе учениковъ въ классъ на группы, соотвѣтственно ихъ познаніямъ съ указаніемъ способовъ одновременнаго занятія съ различными группами.

5) Учителя должны быть снабжены необходимыми для правильнаго обученія руководствами и нѣсколькими книгами для полезнаго дѣтскаго чтенія. Каталогъ такимъ книгамъ слѣдуетъ также сообщить учителямъ.

6) Учителя должны быть доведены до полнаго сознанія, что обученіе грамотѣ имѣетъ преимущественно цѣлію развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патристическаго чувства.

7) Выше приведенныя способы обученія и указанія не должны быть дѣлаемы теоретически, въ формѣ лекцій, а практически выводимы изъ образцовыхъ уроковъ преподавателя-руководителя; съ этою цѣлію при курсахъ устраняется школа, въ которой сельскіе учителя, подъ его же руководствомъ, должны сами дать нѣсколько пробныхъ уроковъ, дабы приобрѣсть хотя нѣкоторый навыкъ въ лучшихъ способахъ начального обученія и класснаго порядка.

Курсы въ Гдовѣ были открыты 25-го іюня. Помѣщеніе для занятій было отведено въ домѣ Гдовскаго приходскаго училища. Къ 26-му числу уже была собрана школа для практическихъ занятій участвующихъ въ курсѣ учителей.

Первый день по открытіи курсовъ былъ посвященъ на взаимное ознакомленіе слушателей, для чего руководитель предложилъ нѣкоторымъ изъ нихъ позаняться въ практической школѣ, чтобы испытать степень ихъ знанія и опытности.

Составъ курса былъ слѣдующій по званіямъ: крестьянъ 4, мѣщанъ 3, солдатскій сынъ 1, сынъ ремесленника 1, духовнаго званія 7; по возрасту были на курсѣ отъ 18-и до 52-хъ лѣтъ; по воспитанію: кончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ 1, кончившая курсъ въ Царско-Сельскомъ для дѣвицъ духовнаго званія училищѣ 1, получившій образованіе въ технологическомъ институтѣ (не кончившій курса) 1, окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ 2, не окончившихъ курса въ духовныхъ училищахъ 3, въ уѣздныхъ училищахъ 1, учившихся въ сельскихъ школахъ 2, въ женскихъ дѣтскихъ пріютахъ 1, обучавшихся въ частныхъ пансіонахъ и дома 4; всего 16 человекъ. Изъ нихъ 13 были уже учителями въ сельскихъ школахъ.

Занятія въ педагогическихъ курсахъ были распределены по слѣдующему росписанію:

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 8-и часовъ до 11³/₄ часовъ утра шли практическія занятія въ школѣ; съ 3-хъ до 6-и часовъ пополудни разборъ пробныхъ уроковъ, данныхъ слушателями въ практической школѣ, и теоретическія занятія, состоящія въ разъясненіи лучшихъ способовъ начальнаго обученія. По средамъ и субботамъ съ 8-и до 10¹/₄ часовъ утра — занятія въ практической школѣ; съ 1-го до 4-хъ пополудни теоретическія занятія. Кромѣ того, по субботамъ послѣ 4-хъ часовъ слушатели упражнялись въ чтеніи апостола съ переводомъ на русскій языкъ.

При курсахъ была устроена практическая школа, которая состояла изъ 20-и учащихся: 4-хъ дѣвочекъ и 16-и мальчиковъ. Учащіеся были раздѣлены на два отдѣленія: I-е младшее отдѣленіе состояло изъ 10-и совершенно неграмотныхъ дѣтей; остальные 10 человекъ, умѣющіе читать и писать, составляли II-е старшее отдѣленіе. Раздѣленіе учащихся практической школы на группы было необходимо для того, чтобы показать слушателямъ, какъ учитель долженъ заниматься въ одно и то же время съ различными группами учащихся.

Предметомъ занятій въ практической школѣ были:

1) *Совмѣстное обученіе чтенію и письму*: а) чтеніе по звуковому способу (барона Корфа), б) письмо (по Ушинскому, „Родное Слово“ годъ 1-й).

2) Обученіе *счисленію* по способу Грубе, придерживаясь руководства Главинскаго: „Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія“ отд. III-й.

3) *Дальнѣйшее чтеніе* по книгѣ „Родное Слово“ годъ 1-й, Ушинскаго.

4) Обученіе *скорописи* (чистописанію) по американской методѣ.

5) *Наглядное обученіе*, или бесѣды объ окружающихъ предметахъ, а также по картинкамъ, помѣщеннымъ въ 1-й и 2-й части „Родного Слова“.

Въ теченіе первой недѣли въ практической школѣ исключительно занимался самъ руководитель для ознакомленія слушателей съ класснымъ порядкомъ и главнѣйшими приемами при обученіи по новымъ способамъ. На этихъ урокахъ сельскіе учителя узнали, чѣмъ слѣдуетъ заниматься въ первое время съ учениками-новичками; ознакомились съ различными упражненіями, подготовляющими учащихся къ письму и счисленію; узнали ходъ нагляднаго обученія, обученія чтенію и письму, счисленію, скорописи и церковно-славянскаго чтенія (въ старшемъ отдѣленіи класса). Каждый день по окончаніи уроковъ руководитель объяснялъ данные имъ уроки.

Въ продолженіи этой недѣли на теоретическихъ бесѣдахъ сельскіе учителя довольно подробно ознакомились съ тѣмъ, какой долженъ быть порядокъ въ классѣ, какъ его ввести и поддерживать, ознакомились съ цѣлю и со способомъ веденія подготовительныхъ упражненій, со способомъ веденія бесѣды объ окружающихъ предметахъ, ознакомились съ рациональными методами обученія чтенію, письму и счисленію.

По прошествіи недѣли занятій въ практической школѣ, предложено было всѣмъ слушателямъ составить конспекты на уроки, при чемъ руководитель предварительно объяснилъ, въ чемъ они должны состоять. Подобные конспекты на уроки слушатели составляли и на все остальное время. Для занятій въ практической школѣ назначались сперва лучшіе слушатели съ тою цѣлю, чтобы дѣйствіемъ имъ уроки служили примѣромъ и для другихъ, слабѣйшихъ.

Каждый урокъ продолжался полчаса; съ болѣе продолжительнаго урока неопытные еще въ новомъ дѣлѣ сельскіе учителя не могли

бы совладать. Каждый урокъ, данный въ практической школѣ, подробно разбирался на послѣ-обѣденныхъ занятіяхъ. Для этого предложено было слушателямъ во время пробныхъ уроковъ дѣлать письменныя замѣчанія на ошибки и промахи занимающагося. Замѣчанія, важныя въ педагогическомъ и дидактическомъ отношеніяхъ, слушатели записывали.

Надзоръ за учениками во время отдыха между уроками поручался слушателямъ поочередно. Кромѣ этого каждый изъ слушателей выбралъ себѣ одного ученика для особеннаго наблюденія надъ нимъ, для изученія его наклонностей и вообще характера. Результаты своихъ наблюденій надъ учениками слушатели высказывали потомъ на педагогическихъ бесѣдахъ; на этихъ бесѣдахъ общими силами присеивались различныя мѣры для исправленія дурныхъ наклонностей нѣкоторыхъ изъ учениковъ. Особенное вниманіе слушателей обращено было на опрятность дѣтей.

Въ переѣздахъ между уроками дѣти упражнялись въ гимнастикѣ, значеніе которой разъяснялось на педагогическихъ бесѣдахъ. Кромѣ этого иногда устраивались различныя игры для дѣтей.

Считая практическія занятія самымъ важнымъ средствомъ для ознакомленія учителей съ новыми способами обученія, руководитель курса старался предоставить имъ какъ можно болѣе самостоятельныхъ занятій по обученію въ практической школѣ; но краткость времени (всего одинъ мѣсяцъ) позволила предоставить каждому слушателю только нѣсколько пробныхъ уроковъ такъ, что слабѣйшіе изъ слушателей могли дать только по 10 получасовыхъ уроковъ, посредственные — по 7 уроковъ, а лучшіе, на которыхъ я надѣялся, что они сумѣютъ удовлетворительно вести свое дѣло въ своей школѣ, могли дать только по 4, а много по 5 получасовыхъ уроковъ.

Изъ вышеприведеннаго росписанія занятій на педагогическихъ курсахъ видно, что кромѣ практическихъ занятій слушателей въ практической школѣ, были еще теоретическія занятія. Они ежедневно продолжались три часа, а иногда и больше, и состояли въ подробномъ разборѣ уроковъ, данныхъ слушателями въ практической школѣ, и въ разъясненіи лучшихъ способовъ начального обученія. Занятія эти велись въ разговорной формѣ, въ видѣ бесѣдъ. Матеріаломъ для такихъ педагогическихъ бесѣдъ служили занятія въ практической школѣ. Предметомъ теоретическихъ занятій лѣтнаго курса служилъ слѣдующій матеріалъ:

- 1) Ознакомленіе съ устройствомъ правильной народной школы;

куда входило разъясненіе важности объема классной комнаты; классная мебель и ея расположеніе; учебныя пособія, необходимыя для правильнаго хода обученія; число учащихъся въ школъ при одномъ учителѣ; опрятность и чистый воздухъ школы; классная дисциплина, ея средства и значеніе.

2) Ознакомленіе со способомъ веденія *предварительныхъ упражненій* съ новопоступающими учениками. При этомъ подробно разъяснена была цѣль, необходимость и продолжительность подобныхъ упражненій. Предварительныя упражненія состояли изъ бесѣдъ учителя съ учениками о предметахъ, находящихся въ школъ, и бесѣдъ по картинамъ; ознакомленіе съ предварительными, письменными упражненіями. Въ предварительныя упражненія входилъ также и счетъ предметовъ, находящихся въ школъ, что должно служить подготовкою къ обученію счисленію. Все это передъ слушателями воспроизводилось въ практической школъ на примѣрныхъ урокахъ.

3) Ознакомленіе учителей со способомъ *нагляднаго обученія*, при чемъ была разъяснена цѣль нагляднаго обученія, приемы, ходъ занятій по этому предмету, наглядныя бесѣды о дѣйствительныхъ предметахъ по картинамъ и по статьямъ для чтенія (?). Далѣе указана была наглядность, какъ общій характеръ всего элементарнаго обученія.

4) Подробное ознакомленіе сельскихъ учителей со способомъ *совмѣстнаго обученія чтенію и письму*. Для руководства по чтенію принять былъ способъ барона Корфа; книжка его: „Руководство къ обученію грамотѣ“ была прочитана и подробно разъяснена; нѣкоторые изъ слушателей брали ее для просмотра на домъ, при чемъ высказали довольно много справедливыхъ замѣчаній. Для первоначальнаго обученія письму принять былъ способъ Ушинскаго, изложенный въ „Родномъ Словѣ“.

Самостоятельная работа слушателей состояла въ составленіи конспектовъ на уроки по обученію чтенію и письму и въ практическомъ приименіи звуковаго способа на урокахъ въ школъ.

5) Ознакомленіе съ методомъ *дальнѣйшаго* обученія чтенію и письму, при чемъ была разъяснена цѣль обученія родному языку въ сельскихъ школахъ. Учебнымъ пособіемъ была избрана книга Ушинскаго: „Родное Слово“, г. I-й, такъ какъ она представляетъ прекрасный матеріалъ для различныхъ упражненій. Книжка эта была подробно рассмотрѣна и объяснена. При этомъ было показано, какъ обращаться съ различными статьями, помѣщенными въ ней, согласно указаніямъ составителя ея, изложеннымъ въ особой ея части.

Для болѣе прочнаго усвоенія слушателями всего вышесказаннаго, каждому изъ нихъ была назначена отдѣльная статья изъ I-й части „Роднаго Слова“, которую каждый долженъ былъ изложить письменно со всѣми изустными и письменными упражненіями, съ указаніемъ цѣли ихъ и способа производства, составить образцы катихизаціи на различныя статьи, при чемъ объяснялись пословицы и поговорки, дѣлалось переложеніе стихотвореній въ прозу и т. п., для чего на бесѣдахъ были прочитаны и объяснены обѣ части „Роднаго Слова“ и книга для учащихся. Вторая часть „Роднаго Слова“ была просмотрѣна съ меньшою подробностію, чѣмъ I-я часть, во первыхъ, потому что не доставало на это времени, а во вторыхъ, потому что по мнѣнію руководителя, болѣею части учителей на практикѣ придется ограничиться только 1-ю частью „Роднаго Слова“.

6) Въ ознакомленіе сельскихъ учителей со способомъ *счисленія* входило: а) разъясненіе цѣли обученія счисленію, б) раздѣленіе курса счисленія въ сельскихъ школахъ между отдѣленіями класса, в) подробное разсмотрѣніе книжки: „Руководство къ обученію грамотѣ и счисленію“ отд. III-й Главинскаго и „Начальной ариметики“ Рубцова, г) разсмотрѣніе задачникъ Томаса выпускъ 1-й и Креховецкаго „Умственные упражненія по Церингеру“, при чемъ были показаны способы рѣшенія различныхъ задачъ умственныхъ и письменныхъ. Книжки Томаса и Креховецкаго были розданы нѣкоторымъ изъ слушателей съ тѣмъ, чтобъ учителя сдѣлали свои замѣчанія на помѣщенныя въ этихъ книгахъ задачи, относительно пригодности ихъ для дѣтскаго возраста. Нивакихъ учебныхъ пособій для обученія счисленію въ практической школѣ не было, а потому употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (счеты, ариметическій кубъ) пришлось только разъяснить теоретически. По этому отдѣлу слушатели имѣли слѣдующія самостоятельныя работы: 1) составленіе конспектовъ, 2) разсмотрѣніе задачникъ Томаса и Креховецкаго, 3) составленіе различныхъ задачъ для учащихся младшаго отдѣленія.

7) *Церковно-славянское чтеніе*. Занятій по этому предмету въ практической школѣ не было, потому что не имѣлось для этого никакихъ учебныхъ пособій. Вслѣдствіе этого пришлось ограничиться однимъ теоретическимъ разъясненіемъ способа обученія церковно-славянскому чтенію, при чемъ были разъяснены цѣль, время и способъ обученія, учебныя пособія, необходимыя для этого. Изученіе буквъ церковной печати руководитель рекомендовалъ слушателямъ вести по таблицамъ, которыя можно сдѣлать самому. Для чтенія ре-

комендована была книга: „Сокращенный Молитвословъ“, а для дальнейшихъ упражненій въ чтеніи съ переводомъ на русскій языкъ — Евангеліе, Апостолъ, Часы и проч. Кроме этого, каждую субботу, послѣ педагогическихъ бесѣдъ, слушатели упражнялись въ чтеніи Апостола съ переводомъ на русскій языкъ. Дома они переводили съ церковно-славянскаго языка на русскій различныя, назначенныя руководителемъ молитвы и церковныя гвѣни.

8) Практическихъ уроковъ по пѣнію не было, а были сообщены учителямъ только общія теоретическія соображенія по сему предмету.

По пріѣздѣ своемъ въ Гдовъ, руководитель представилъ Гдовской уѣздной земской управѣ списокъ книгъ, которыя назначались для выдачи сельскимъ учителямъ. Книги эти слѣдующія:

1) „Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ христіанской“. Свщ. *Осмолова*.

2) „Руководство въ обученіи грамотѣ“, Барона *Корфа*.

3) „Родное Слово“ годы I и II и Книга для учащихся, *Ушинскаго*.

4) „Начальная ариметика“, *Рубисова*.

5) Экземпляръ подвижныхъ буквъ для употребленія при обученіи по звуковому способу.

6) „Списокъ книгамъ, одобреннымъ комитетомъ грамотности, для нарочныхъ учителей и школъ, и для народнаго чтенія“.

7) „Бесѣды о природѣ“, *Зобова*.

8) „Лѣто“ — картина для нагляднаго обученія, *Семенова*.

9) Картины, изданныя Московскимъ комитетомъ грамотности (3 и 4).

Но изъ вышесказанныхъ книгъ розданы были учителямъ только „Родное Слово“ годъ I да списокъ книгамъ, одобреннымъ комитетомъ грамотности, остальные же книги не были получены.

Для чтенія учителямъ въ свободное отъ занятій время руководителемъ были предложены слѣдующія книги:

1) „О божественной литургіи“, *Блюстина*.

2) *Народная Школа*, педагогическій журналъ за 1869 годъ.

3) „Начатки школьнаго обученія“, *Дистервега*.

4) „Предметные уроки“, *Перелетскаго*.

5) „Руководство для сельскихъ учителей“, *Билова*.

6) „Русская начальная народная школа“, Барона *Корфа*.

7) „Дѣтскій міръ“, *Ушинскаго*.

8) „Даръ Слова“, *Семенова*.

9) „Разсказы изъ русской исторіи“, *Водарова*.

10) *Бестужева-Грамова* брошюры: а) „Мамаевъ побойща“; б) „Владиміръ Мономахъ“; в) „Крещеніе Руси“; г) „О томъ, какъ росло Московское княжество“.

д) 11) „Новѣсть объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году“, *Котлярова*.

12) „Уроча по географіи“, годи I, II и III, *Самоевъ*.

13) „Бесѣды о природѣ“, *Зобова*.

14) „Бесѣды о землѣ“, *Бекетова*.

15) „Слуги желудка“, *Маса*.

16) „Физика“, *Криста*, и другія.

Всѣ важныя выводы и замѣчанія, дѣлавшіяся на педагогическихъ бесѣдахъ, слушатели записывали; кромѣ того составлялись подробныя протоколы всѣхъ этихъ бесѣдъ; но такъ какъ бесѣды были ежедневно, притомъ же всѣ слушатели курсовъ должны были снятъ копию съ этихъ протоколовъ, то по недостатку времени протоколы остались не оконченными.

Слушатели списали протоколы слѣдующихъ бесѣдъ: а) о цѣли народной школы и о средствахъ для достиженія ея; б) устройство правильной народной школы; в) съ чего слѣдуетъ начинать обученіе (различныя подготовительныя упражненія); г) о наглядномъ обученіи; д) о преподаваніи родного языка въ сельскихъ школахъ (первоначальное совмѣстное обученіе чтенію и письму, дальнѣйшее обученіе чтенію); е) обученіе письму (чистописанію); ж) о церковно-славянскомъ чтеніи.

Протоколы по предметамъ обученія счисленію и гвѣнію не составлены по недостатку времени.

Занятія въ практической школѣ шли также не безуспѣшно, не смотря на различнаго рода ошибки, происходившія отъ неопытности практиковавшихъ сельскихъ учителей. Въ теченіе 23-хъ учебныхъ дней, учащіеся младшаго отдѣленія, совершенно неграмотныя, приучились къ классному порядку, изучили двѣ молитвы: „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“ и молитву св. Духу; ознакомились съ 16-ю буквами азбуки и научились подъ диктовку составлять изъ нихъ различныя слова и писать ихъ печатнымъ шрифтомъ; всесторонне изучили числа отъ 1-го до 10-и; научились довольно правильно чертить цифры и могутъ разказать о стулѣ, о классной доскѣ и объ одной изъ картинокъ, помѣщенныхъ въ I-й части „Родного Слова“ (стр. 26).

Сельскіе учителя, наблюдавшіе самый ходъ обученія по новымъ способамъ, всѣ безъ исключенія признали преимущество новыхъ способовъ обученія и потому положили съ будущаго учебнаго года начать обученіе въ сельскихъ школахъ по способамъ, указаннымъ имъ въ педагогическихъ курсахъ.

При концѣ курса никакихъ испытаній и выдачи свидѣтельствъ не было, а по желанію слушателей и съ согласія Гдовской уѣздной земской управы руководитель сообщилъ управѣ свое мнѣніе о слу-

шателяхъ этого курса: изъ 16-и слушателей курса оказались весьма удовлетворительные успѣхи 4, удовлетворительные — 7 и слабые успѣхи — 5.

Занятія кончились 25-го іюля.

Обозрѣвая занятія курса вообще, нельзя не сказать о нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ его условіяхъ:

Недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ для практической школы курсовъ довольно сильно тормозилъ дѣло.

Книги и учебныя пособия, списокъ которыхъ былъ представленъ въ Гдовскую уѣздную земскую управу еще 23-го сего іюня съ просьбой о выпискѣ, не были получены. Въ Гдовскомъ приходскомъ училищѣ нашлось только 10 грифельныхъ досокъ да экземпляръ подвижныхъ буквъ самаго мелкаго шрифта. Только благодаря заботливости одного изъ членовъ управы, практическая школа была снабжена грифелями, перьями, чернилами и бумагою.

Хотя предубѣжденій и сомнѣній относительно достоинства новыхъ способовъ ученія со стороны слушателей и не было, но обстановка сельскихъ школъ возбуждаетъ сомнѣніе относительно того, смогутъ ли сельскіе учителя, при нынѣшней обстановкѣ школъ, приложить къ дѣлу рациональные способы обученія. Изъ собранныхъ отъ сельскихъ учителей свѣдѣній о недостаткахъ ихъ школъ, ясно видно ихъ незавидное положеніе.

1) Всѣ почти школы помѣщаются въ очень тѣсныхъ избахъ. Грязь и холодъ господствуютъ въ нихъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ одиѣ раны лѣтомъ и зимой, иногда съ разбитыми стеклами. Въ иныхъ школахъ такъ много учащихся (отъ 80-и до 100 человекъ), а помѣщеніе такъ мало, что учащимся приходится учиться стоя. Нѣкоторыя изъ школъ помѣщаются въ двухъ избахъ, и учителю приходится переходить изъ одной избы въ другую.

2) Есть школы, въ которыхъ учителями значатся священники, а на самомъ дѣлѣ занимаются въ нихъ дьячки или пономари, по найму отъ священника.

3) Учителя вообще получаютъ очень ограниченное содержаніе по 9 и 10 руб. въ мѣсяцъ, и то только за одни учебныя мѣсяцы. Одинъ изъ учителей, бывшій на курсахъ, за квартиру, которую онъ даетъ подъ помѣщеніе школы, за отопленіе и за свои труды получаетъ всего 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Нѣкоторые изъ учителей не имѣютъ того помѣщенія.

4) Есть школы переходныя, содержимыя на общественный счетъ

крестьянъ; такая переходная школа помѣщается одну недѣлю въ избѣ одного крестьянина, другую недѣлю — въ другой избѣ. При такомъ положеніи школы нельзя и думать о правильномъ обученіи.

5) Всѣ школы нуждаются въ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ. Книги, которыя присылаются волостными правленіями, иногда совсѣмъ не годятся для употребленія. Въ одной школѣ даже нѣтъ иконы.

6) Недостатокъ въ классной мебели почти всеобщій. Классныхъ столовъ почти вовсе нѣтъ, а учащіеся сидятъ за длинными и широкими столами съ горизонтальною верхнею доской; притомъ сидятъ вокругъ такого стола человекъ 20 и плотно одинъ возлѣ другаго. Если же гдѣ и есть классные столы, то очень не удобные: верхняя доска ихъ слишкомъ наклонна и узка; притомъ эти столы всегда безъ ящиковъ.

7) Ни въ одномъ училищѣ нѣтъ росписаній занятіямъ, а отсутствіе программы для сельскихъ школъ очень часто приводитъ учителя въ тупикъ.

8) Пріемъ учащихся проводится въ теченіе цѣлаго года, вслѣдствіе чего нѣтъ правильного раздѣленія учащихся на группы, или отдѣленія, и учитель не въ состояніи вести свое дѣло правильно.

9) Частное отсутствіе учащихся также мѣшаетъ правильному ходу обученія. Поэтому въ школахъ, посѣщаемыхъ дѣтьми сосѣднихъ деревень, должны быть сдѣланы нары, на которыхъ учащіеся могли бы во время сильныхъ морозовъ или вьюги переночевать.

10) Въ нѣкоторыхъ школахъ нѣтъ сторожа, отчего въ классѣ постоянно бываетъ грязь.

Вотъ недостатки сельскихъ школъ, при существованіи которыхъ учителямъ предстоитъ сильныя затрудненія въ приложеніи къ дѣлу новыхъ лучшихъ способовъ обученія.

Гдовскіе педагогическіе курсы посѣтили: инспекторъ сельскихъ школъ С.-Петербургской губерніи, Ф. Л. Слупскій, председатель Гдовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта внязь Салтыковъ, члены уѣзднаго земской управы и многія постороннія лица.

Руководитель педагогическихъ курсовъ, учитель Лужскаго приходскаго класса,

С. Ивановъ.

1-го августа 1870 года.

ИНОСТРАННАЯ УЧЕБНАЯ ХРОНИКА.

А В С Т Р И Я.

20-го августа 1870 года въ Австрiи издано министерское распоряженiе относительно школьных порядковъ и обученiя (Schul- und Unterrichtsordnung) въ общественныхъ народныхъ школахъ, дѣйствiе котораго распространяется на всѣ области, имѣющiя представителей въ рейхсратѣ, за исключенiемъ королевства Галицiи и Лодомирiи, Кракова и маркграфства Истрiи. Оно состоитъ изъ 88-хъ параграфовъ и касается посѣщенiя школъ дѣтьми, времени обученiя, выхода учениковъ изъ школы, школьной дисциплины, обязанностей учителей, учебныхъ конференцiй, раздѣленiя классовъ на отдѣленiя, цѣли отдѣльныхъ предметовъ обученiя, учебныхъ пособiй для учителей и учениковъ, и наконецъ, школъ для женскихъ руководѣнiй и домашней экономiи. Распоряженiе это не окончательное и можетъ быть измѣняемо, сообразно опыту и успѣхамъ учебнаго дѣла.

I. *О посѣщенiи школъ* (§§ 1—7). Для наблюденiя за правильнымъ посѣщенiемъ школъ, мѣстный училищный совѣтъ, за восемь дней до начала каждаго учебнаго года, сообщаетъ руководителю школы списокъ всѣхъ дѣтей обязательнаго для обученiя возраста по каждому округу. Правила для внесенiя дѣтей въ списки и для контроля составляются областнымъ училищнымъ совѣтомъ. Въ теченiе трехъ дней предъ началомъ учебнаго года, родители и опекуны обязаны записать дѣтей обязательнаго возраста въ школьные списки (Schulmatrik); о родителяхъ и опекунахъ, не исполнившихъ этой обязанности, руководитель школы доводитъ до свѣдѣнiя мѣстнаго совѣта.

Обязательный возрастъ начинается съ окончанiемъ полныхъ шести лѣтъ. Дѣти, не достигшия къ началу учебнаго года до этого возраста, могутъ посѣщать школу лишь съ дозволенiя мѣстнаго совѣта, и то только въ такомъ случаѣ, ежели они физически и умственно развиты

и ежели отъ этого не увеличится закономъ положенное число учениковъ въ школѣ.

Ни одинъ ученикъ безъ законныхъ причинъ, не можетъ пропускать ни учебныхъ часовъ, ни дней, и отсутствіе его, не объясненное удовлетворительно въ теченіе 8-и дней, считается незаконнымъ. Къ законнымъ причинамъ принадлежатъ: 1) болѣзнь ребенка, 2) болѣзнь родителей и домашнихъ, ежели только болѣзнь ихъ требуетъ присутствія дѣтей, 3) дурная погода, если она угрожаетъ здоровью ребенка, и 4) непроходимый путь. Если причиною непосѣщенія школы дѣтьми будетъ недостатокъ въ одеждѣ, то мѣстныя училищныя власти должны озаботиться, чтобы родители или опекуны снабдили немедленно дѣтей одеждою.

Каждый учитель обязанъ наблюдать за посѣщеніемъ дѣтьми школы и ежедневно записывать въ книгу всѣхъ не прибывшихъ въ школу дѣтей; списки эти представляются мѣстному совѣту, который немедленно сообщаетъ причины отсутствій и налагаетъ на родителей или опекуновъ законное взысканіе.

II. *О времени обученія* (§§ 8—13). Учебный годъ продолжается 46 недѣль и начинается вообще въ промежуткѣ отъ 1-го сентября по 1-е ноября. Гдѣ есть среднія учебныя заведенія, тамъ учебный годъ начинается въ то же самое время, какъ и въ этихъ заведеніяхъ; въ другихъ же мѣстностяхъ начало и конецъ учебнаго года назначаетъ окружной совѣтъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и роду занятій жителей; по тѣмъ же основаніямъ въ срединѣ года назначается 6 недѣль ваданія. Праздники въ теченіе года устанавливаются областными совѣтами; кромѣ того, мѣстный совѣтъ можетъ въ теченіе года въ чрезвычайныхъ случаяхъ назначить три праздничные дня.

Обязательное посѣщеніе школы кончается съ достиженіемъ полныхъ 14-и лѣтъ. Сокращеніе предписаннаго школьнаго времени (черезъ увеличеніе учебныхъ часовъ, введеніе вечернихъ школъ и пр.) допускается лишь для двухъ послѣднихъ годовъ.

III. *Выпускъ изъ школы* (§§ 14—20). По окончаніи обязательнаго возраста дѣтя, которые по рѣшенію учителя (въ малоклассныхъ школахъ) по рѣшенію учительской конференціи) приобрѣли предписанныя закономъ познанія, получаютъ *выпускное свидѣтельство* (Entlassungszeugnisse); не получающіе же такого свидѣтельства должны еще посѣщать школу. Тѣ же изъ учениковъ, которые по своему умственному развитію не приобрѣли требуемыхъ познаній, получаютъ по окончаніи обязательнаго возраста *исключительное свидѣтельство* (Abgangzeugnisse).

Обучающіеся дома или въ частныхъ школахъ обязаны въ концѣ обязательнаго возраста подвергнуться испытанію въ одной изъ общественныхъ школъ, за что ими и вносится плата (5 австр. талеровъ,) которая распределяется равномерно между экзаменуемыми и руководителемъ школы; недостаточныя дѣти частью или вовсе освобождаются отъ этой платы.

IV. *Школьная дисциплина* (§§ 21 — 25). Цѣль всего воспитанія юности, говоритъ распоряженіе, есть развитіе открытаго, благороднаго характера. Для достиженія этого, учитель постоянно долженъ вліять на нравственность юности, на возбужденіе чувства долга и чести, на духъ общности (Gemeinsinn), на человѣкобіе и любовь къ отечеству; для этого онъ обязанъ употреблять всѣ закономъ дозволенныя и педагогически испытанныя средства.

Каждый ученикъ долженъ быть приученъ къ чистотѣ и опрятности, къ точному (pünktlichen) послушанію и приличному обращенію. Чистота должна соблюдаться не только въ тѣлѣ и платьѣ, но и въ классныхъ книгахъ и тетрадяхъ, въ школьныхъ принадлежностяхъ, въ школьной комнатѣ и во всей школѣ. Дѣти съ прилипчивыми болязнями удаляются изъ школы впредь до выздоровленія.

Послѣ первыхъ двухъ учебныхъ часовъ дается 15 минутъ отдыха, въ теченіе коихъ ученики, съ дозволенія учителя, могутъ оставить школу. Для дѣтей двухъ низшихъ курсовъ отдыхъ въ 5 минутъ начинается даже послѣ перваго урока. Дисциплинарныя средства должны употребляться сообразно особенностямъ каждаго ученика; наказанія ни въ какомъ случаѣ не должны угрожать нравственному чувству ребенка или его здоровью. Тѣлесное наказаніе ни въ какомъ случаѣ не употребляется (die körperliche Züchtigung ist unter allen Umständen von der Schule ausgeschlossen). Вообще рекомендуются, какъ дисциплинарныя средства, для употребляемыхъ въ школѣ похвалъ, награды въ концѣ года; съ другой стороны предостереженія; выговоры, стояніе въ классѣ, удаленіе изъ класса или изъ-за скамьи, оставленіе въ школѣ послѣ уроковъ, при внимательномъ надзорѣ за ученикомъ; выговоръ въ собраніи учителей (въ одноклассныхъ школахъ въ присутствіи председателя мѣстнаго совѣта), наконецъ временное удаленіе изъ школы; послѣднее наказаніе употребляется въ томъ лишь случаѣ, когда пребываніе ученика въ школѣ угрожаетъ нравственности его товарищей, и производится съ утвержденія мѣстнаго совѣта по представленію руководителя школы или учительской конференціи. Кромѣ того, учитель по возможности долженъ наблюдать за поведеніемъ учениковъ и внѣ школы.

V. *Обязанности учителя* (§§ 26—36). Учитель долженъ добросовѣстно исполнять возложенную на него важную должность, въ точности исполнять всѣ постановленія и распоряженія высшихъ властей, предохранять школу и воздерживаться самому отъ политическихъ, національныхъ и конфессиональныхъ происковъ и бдительно смотрѣть за дѣтьми, довѣренными его покровительству.

Въ школахъ, гдѣ учителей нѣсколько, они обязаны жить согласно между собою и сохранять взаимное уваженіе, чтобы заслужить общественное довѣріе и тѣмъ содѣйствовать благосостоянію и успѣху школы. Учителю запрещается возлагать на дѣтей исполненіе такихъ обязанностей, которыя несовмѣстны съ школьною дисциплиною и не находятся въ связи съ цѣлями обученія. Судить дѣтей они обязаны съ сознаниемъ своего долга и нравственной отвѣтственности. Въ интересахъ обученія и воспитанія, они должны знакомиться съ родителями и опекунами своихъ учениковъ, и только послѣ переговоровъ съ ними употреблять наказанія въ случаѣ многократныхъ нарушеній учениками дисциплины. Учитель наблюдаетъ за чистотою въ школѣ, и въ случаѣ необходимости улучшенія или увеличенія школьныхъ принадлежностей, обращается къ мѣстному училищному совѣту, а ежели послѣдній откажетъ въ его ходатайствѣ, то къ окружному совѣту.

Отпускъ учителю на три дня въ одноклассныхъ школахъ дается мѣстнымъ совѣтомъ, а въ другихъ—руководителемъ школы, и объ этомъ извѣщается окружной совѣтъ; отпускъ на болѣе продолжительное время дается съ разрѣшенія окружнаго совѣта. Если учитель желаетъ перейти на другое мѣсто, то онъ долженъ за четверть года увѣдомить объ этомъ мѣстный совѣтъ; если же онъ выходитъ до окончанія учебнаго года, то на это испрашивается разрѣшеніе областного совѣта.

Руководитель школы ведетъ школьную лѣтопись, матрикулярный списокъ, каталоги, еженедѣльную книгу о пройденномъ по каждому предмету, протоколы конференцій и проч.

VI. *Учительскія собранія* (Lehrerconferenz) (§§ 37—40). Въ школахъ, имѣющихъ нѣсколькихъ учителей, регулярно собираются разъ въ мѣсяць, въ свободное отъ занятій время, учительскія собранія. Чрезвычайныя конференціи собираются по предложенію руководителя школы или двухъ учителей. Членами конференцій считаются: всѣ учителя, младшіе учителя (Untere Lehrer) и помощники; послѣдніе имѣютъ право дѣйствительнаго голоса только въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ идетъ о ихъ учебномъ предметѣ или о вѣрренныхъ имъ ученикахъ,

въ остальныхъ же случаяхъ имъ предоставляется лишь совѣщательный годось.

Предметы обсуждения на учительскихъ конференціяхъ суть: методы обученія, дисциплина, школьное благоустройство, состояніе обученія, нравственное поведение и успѣхъ дѣтей, раздѣленіе классовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ, выполнение общаго учебнаго плана, примѣненіе болѣе строгихъ наказаній. Всякія отклоненія отъ нормальнаго плана представляются конференціей на разрѣшеніе областнаго совѣта чрезъ окружной совѣтъ. Предсѣдателемъ конференцій бываетъ руководитель школы, а въ случаѣ его отсутствія, старшій по службѣ учитель; вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ одному мнѣнію перевѣсъ; каждый членъ, въ случаѣ несогласія, можетъ подавать особое мнѣніе, которое, вмѣстѣ съ протоколомъ, представляется окружному совѣту.

VII. *Раздѣленіе школы на классы* (§§ 41—49). Народныя школы по числу классовъ, бываютъ одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя и такъ далѣе. Всякій классъ, въ которомъ находятся дѣти различнаго возраста и степени развитія, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій; распредѣленіе учениковъ по классамъ и отдѣленіямъ производится не только сообразно познаніямъ, но и по возрасту. Если въ одноклассной школѣ болѣе 50-и учениковъ, то всѣ ученики раздѣляются на двѣ группы, изъ коихъ каждая обучается въ разное время дня. Число еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ для дѣтей первыхъ четырехъ годовъ полагается не менѣе 18-и и не болѣе 24-хъ; для каждаго же изъ послѣдующихъ четырехъ школьныхъ годовъ не менѣе 24-хъ и не болѣе 28-и часовъ. Въ одноклассныхъ школахъ съ полудневнымъ обученіемъ для первой группы полагается 12 учебныхъ часовъ въ недѣлю, а для второй 18.

VIII. *О цѣляхъ обученія* (§§ 50—64). Цѣль обученія закону Божию и программа этого предмета опредѣляются духовными властями.

Цѣль обученія языку слѣдующая: правильное пониманіе изложеннаго на отечественномъ языкѣ; умѣнье правильно выражаться устно и письменно; выразительное чтеніе печатнаго и написаннаго и вѣрное пониманіе прочитаннаго относительно внутренняго содержанія и связи отдѣльныхъ частей; при этомъ слѣдуетъ стараться изощрить даръ наблюденія, ясность мысли и развитъ память учениковъ; обученіе языку соединяется съ нагляднымъ обученіемъ, которое начинается съ нагляднаго разсматриванія и описанія окружающихъ предметовъ, на-

ходящихся въ шкoлѣ, дома и въ окрестностяхъ. Особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на правильность въ разговорѣ и чистое произношеніе.

Въ старшихъ классахъ эти упражненія проходятся въ большемъ объемѣ. Все, что въ природѣ и въ жизни окружаетъ ребенка и можетъ быть усвоено посредствомъ книги для чтенія, передается путемъ наглядности.

Въ низшихъ классахъ съ нагляднымъ обученіемъ соединяется формальное упражненіе въ языкѣ, и ученики знакомятся съ важнѣйшими частями рѣчи. Грамматика не должна преподаваться теоретически, но на основаніи этихъ упражненій.

Въ низшихъ классахъ обученіе чтенію ограничивается внятнмъ, механически быстрымъ и осмысленнымъ чтеніемъ; обученіе письму ограничивается усвоеніемъ извѣстной бѣглости въ письмѣ методически выбранныхъ словъ и предложений. Оно имѣетъ также дѣлью закрѣпленіе въ умѣ учениковъ формъ языка, встрѣчающихся при обученіи ему. Во всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на орфографію и знаки препинанія.

Достиженіе громкаго, внятнаго, бѣлаго и осмысленнаго чтенія составляетъ также дѣль обученія языку въ среднихъ и высшихъ классахъ.

Формальное обученіе языку (грамматика) обнимаетъ въ этихъ классахъ изученіе формъ простыхъ предложений, главнмъ и придаточныхъ частей предложения и словообразованія.

Краеугольный камень обученія языку составляетъ грамматическій разборъ предложения въ различныхъ его видахъ.

Письменные упражненія въ среднихъ классахъ состоятъ въ изложеніи прочитанныхъ и выученныхъ разказовъ и описаній. Въ старшихъ классахъ пишутся и собственные сочиненія по данному плану, сообразно силамъ учениковъ; кромѣ того, ученики знакомятся съ формами и изложеніемъ важнѣйшихъ дѣловыхъ бумагъ.

Упраженія въ свободномъ изложеніи прозаическихъ и поэтическихъ образцовыхъ отрывковъ, съ которыми ученики уже тщательно ознакомились, производится во всѣхъ классахъ.

Цѣль обученія *счисленію*—основанное на наглядности уразумѣніе понятія о числахъ и ихъ отношеніяхъ, быстрота въ словесномъ и письменномъ разрѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ практической жизни. Хотя достиженіе механической быстроты составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ, которую не слѣдуетъ упускать изъ виду, но при

этомъ должно обращать также вниманіе и на формальную образовательную цѣль при обученіи этому предмету.

Во всѣхъ классахъ словесное и письменное счисленіе должно находиться въ тѣсной связи между собой.

Въ низшихъ классахъ ученики должны познакомиться со всѣми главными дѣйствіями надъ числами отъ 1 до 100.

Въ среднихъ классахъ упражненія происходятъ надъ большими числами. Затѣмъ проходитъ десятичная система, вмѣшанія числа и десятичныя дроби.

Въ старшихъ классахъ проходятся простыя дроби, дается наглядное знакомство съ отечественными и французскими системами мѣръ, вѣса и монеты, и все счисленіе приобщается въ практической жизни.

Смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и будущему призванію учениковъ, даются задачи изъ земледѣльской, промышленной или торговой жизни; дѣвочкамъ же предлагаются задачи преимущественно изъ домоводства.

Обученіе *рисованію и геометрическому черченію* имѣеть цѣлю: развитіе глазъ и руку учениковъ и приучить къ вѣрному и ясному пониманію различныхъ формъ и измѣненій, также дать шаровку въ линейномъ изображеніи объемовъ и въ рисовкѣ предметовъ, ограниченныхъ плоскими поверхностями, прямыми и кривыми линиями, и умѣнье срисовывать простыя предметы съ натуры. Выборъ предметовъ для рисованія долженъ обуславливаться потребностями жизни.

Въ низшихъ классахъ срисовываются простыя изображенія предметовъ, начерченныя на классной доскѣ. Въ среднихъ и высшихъ классахъ рисованіе идетъ совмѣстно съ геометрическимъ черченіемъ, при чемъ ученики прежде всего приучаются къ изображенію геометрическихъ формъ. Болѣе способные ученики упражняются въ рисованіи орнаментовъ, чертежей и плановъ (ландшарты). Ограниченіе и увеличеніе матеріала и распредѣленіе по классамъ должно быть предоставлено учителю.

Геометрическое ученіе о формахъ проходитъ въ среднихъ и высшихъ классахъ. Рассматриваются: углы, треугольники, четырехугольники и многоугольники, кругъ, эллипсъ, призма, пирамида, цилиндръ, конусъ и шаръ; въ заключеніе же—вычисленія поверхностей и объемовъ тѣлъ.

Обученіе *чистописанію* имѣеть цѣлю ясное, четкое и по возможности красивое письмо на томъ языкѣ, на которомъ происходитъ обученіе, также на мѣстномъ языкѣ, а въ немецкихъ школахъ и въ датскомъ языкѣ, при чемъ не столько обращается вниманіе на кра-

соту письма, сколько на орфографическую правильность и вѣрность. Этотъ предметъ, съ самаго перваго класса, долженъ находиться въ тѣсной связи съ другими предметами обученія.

При обученіи *реальными науками* обращается вниманіе на все важнѣйшее изъ естествознанія, географіи и исторіи. Предполагается за правдою, что это обученіе въ низшихъ и среднихъ классахъ должно быть основано на книгѣ для чтенія, и только въ высшихъ классахъ оно становится самостоятельнымъ.

Обученіе *естественной исторіи* должно возбудить въ ученикахъ интересъ и любовь къ природѣ, познакомить ихъ съ наиболее распространенными естественными тѣлами и приучить дѣтей къ ясному и точному наблюденію и къ характеристическому описанію разсматриваемыхъ тѣлъ. Особенно вниманіе обращается на отечественныя, а въ сельскихъ школахъ и на относящіяся къ земледѣлію естественныя предметы (хлѣбныя, овощныя и плодовые растенія, разведеніе цвѣтовъ, шелководство, пчеловодство и скотоводство). Обученіе, на сколько возможно, должно начинаться съ нагляднаго разсматриванія дѣйствительныхъ естественныхъ тѣлъ, а въ случаѣ недостатка послѣднихъ, должно производиться до рисункамъ. Знакомство съ естественно-историческою системою не составляетъ задачи общей народной школы.

Въ низшихъ классахъ естественно-историческое обученіе соединяется съ нагляднымъ обученіемъ; дѣти знакомятся съ извѣстнымъ числомъ важнѣйшихъ отечественныхъ животныхъ и растеній. Не мѣшаетъ при этомъ сообщить ученикамъ объ уходѣ за животными и растеніями.

Въ среднихъ классахъ книга для чтенія составляетъ основаніе естественно-историческаго преподаванія.

Въ высшихъ классахъ усвоенный уже матеріалъ расширяется; обращается особенное вниманіе на характеристическихъ представителей важнѣйшихъ группъ изъ трехъ царствъ природы, въ особенности же на тѣ естественныя тѣла, которыя приносятъ пользу или вредъ, имѣютъ значительное примѣненіе въ промышленности или играютъ важную роль въ экономіи природы. Къ этому присоединяется нѣсколько болѣе подробное знакомство съ человекомъ и важнѣйшія положенія изъ гигиены; въ заключеніе уходъ за школьнымъ садомъ.

Физика имѣетъ цѣль познакомить учениковъ съ важнѣйшими явленіями природы. Въ низшихъ классахъ важнѣйшія явленія природы объясняются при наглядномъ обученіи; въ среднихъ классахъ основаніемъ преподаванія служитъ книга для чтенія, которая даетъ воз-

возможность объяснить чаще встречающіяся явленія природы, какъ-то: теплоту (термометръ), теченія воздуха, давленіе атмосферы (барометръ, насосы), вѣтеръ, роса, снѣгъ, туманъ, облака, дождь, снѣгъ, ледь, горѣніе, отопленіе.

Въ высшихъ классахъ дѣлается выборъ изъ различныхъ частей физики, сообразно пониманію учениковъ; изъ химіи сообщается то, что необходимо для пониманія самыхъ обыкновенныхъ явленій въ домашней жизни, земледѣліи и промышленности.

Задача *географическаго и историческаго обученія* вообще есть, съ одной стороны, знаніе отечественной территоріи и важнѣйшихъ историческихъ происшествій Австріи и ея народовъ, развитіе любви къ родинѣ и отечеству, приверженность къ императору и династіи, а съ другой — развитіе умственнаго горизонта и облагороженіе сердца.

Цѣль *географическаго обученія* въ частности: краткое знакомство съ родиной и отечествомъ въ физическомъ и топографическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ; знаніе важнѣйшихъ свѣдѣній о Европѣ и остальныхъ частяхъ земной поверхности, при чемъ особенно обращается вниманіе на почву; пониманіе простѣйшихъ явленій, основанныхъ на видѣ, положеніи и движеніи земли. Исходною точкой обученія служитъ постепенно развиваемый предъ глазами учениковъ планъ мѣста ихъ жительства и его окрестностей; затѣмъ полное пониманіе карты.

Цѣль *историческаго обученія* — знаніе исторіи мѣста жительства, родины, отечества и важнѣйшихъ событій изъ всеобщей исторіи, которыя имѣютъ связь съ исторіей отечества, или имѣли значительное вліяніе на развитіе человѣчества. Въ низшихъ классахъ обученіе исторіи основано на книгѣ для чтенія, а въ среднихъ оно находится въ тѣсной связи съ географіей и излагается преимущественно въ біографической формѣ. Въ послѣдніе годы обученія все пройденное повторяется, связывается и распределяется въ хронологическомъ порядкѣ. Въ заключеніе, ученики знакомятся съ основными положеніями отечественной конституціи.

Обученіе пѣнію имѣетъ цѣлію образованіе музыкальнаго слуха, въ видахъ эстетическаго и духовнаго развитія дѣтей и оживленія патристическаго чувства. Въ первые учебные годы пѣнію обучаются по слуху, при чемъ преимущественно слѣдуетъ заботиться объ образованіи голоса и слуха. Въ старшихъ классахъ пѣнію обучаются по нотной системѣ. Ученики также должны заучить на память нѣсколько лучшихъ народныхъ пѣсенъ.

Телевизия упражненія имѣютъ цѣлью развить въ дѣтяхъ силу, ловкость и мужество.

Что касается учебныхъ методовъ, то законъ ихъ вовсе не предписываетъ, но поручаетъ инспекторамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы учителя не дѣлали на удачу опытовъ въ обученіи, а употребляли методы, одобренные наукой и испытанные на практикѣ.

Въ каждомъ округѣ время отъ времени учителя собираются на конференціи и разсуждаютъ объ учебной программѣ въ предѣлахъ законной нормы, и дѣлаютъ распределеніе учебнаго матеріала по классамъ и отдѣленіямъ. Результаты конференцій сообщаются для утвержденія окружнымъ училищнымъ властямъ. Всѣ постановленныя на конференціи распоряженія должны исполняться всеми учителями.

Распределеніе учебныхъ часовъ производится въ одноклассныхъ школахъ учителемъ, а въ многоклассныхъ учительскою конференціей и представляется на утвержденіе окружнаго совѣта.

IX. Объ экзаменахъ и свидѣтельствахъ (§§ 65 — 69). Въ концѣ каждаго учебнаго года въ школахъ производится открытыя испытанія. Они имѣютъ свою исключительную цѣлю дать возможность родителямъ учащихся ознакомиться съ дѣятельностію школы, а тѣмъ самымъ усилить участие и расположеніе въ школѣ въ обществахъ. Назначеніе времени, порядка и формы открытыхъ испытаній предоставляется мѣстному начальству, по взаимному соглашенію съ руководителемъ школы. Въмѣсто публичныхъ испытаній или въ связи съ ними могутъ быть устрояемы также публичные акты.

Выдача свидѣтельствъ въ общественныхъ школахъ производится согласно III-му отдѣлу этого распоряженія, гдѣ выдаваемые свидѣтельства раздѣляются на выпускныя и увольнительныя (Entlassungs- und Abgangszeugnisse). По уважительному требованію родителей или заступающихъ ихъ мѣсто, ученику, продолжающему еще обученіе въ школѣ также можетъ быть выдано школьное свидѣтельство (Schulzeugnis), но на каждомъ изъ такихъ документовъ должна быть ясно обозначена цѣль ихъ выдачи.

Родители и заступающіе ихъ мѣсто ежегодно (4 раза въ годъ) уведомляются письменно о нравственномъ поведеніи и успѣхахъ дѣтей. Получающіе эти сообщенія (Schulnachrichten) обязаны расписываться въ полученіи ихъ.

X. Учебно-вспомогательныя средства (§§ 70 — 72). Каждая школа должна быть снабжена необходимыми пособиями для учителей и уче-

никовъ. Въ каждой школѣ должны находиться, по крайней мѣрѣ, слѣдующія учебныя пособия:

- 1) Подвижныя буквы для первоначальнаго обученія чтенію;
- 2) Приборъ для первоначальнаго нагляднаго обученія счисленію;
- 3) Картины для нагляднаго обученія;
- 4) Глобусъ;
- 5) Карты полушарій, родины, Австрійско-Венгерской монархіи, Европы и Палестины;
- 6) Рисунки для обученія рисованію;
- 7) Небольшое собраніе отечественныхъ естественныхъ тѣлъ и простыхъ физическихъ инструментовъ;
- 8) Школьная бібліотека.

Кромѣ учебныхъ книгъ, каждый ученикъ долженъ имѣть грифельную доску, и въ послѣдующихъ классахъ, необходимы тетради для письма и рисованія.

XI. *Школы для дѣвочекъ* (§§ 79—82). Къ необходимѣйшимъ предметамъ обученія для дѣвочекъ въ общественныхъ народныхъ школахъ принадлежатъ также рукодѣлье и домоводство (*Haushaltungskunde*); школы рукодѣльнымъ могутъ учреждаться или отдѣльно, или въ связи съ народными школами. Учительница можетъ обучать одновременно не болѣе 40 ученицъ. Мѣстный училищный совѣтъ можетъ освобождать отъ посѣщенія школъ рукодѣлья только тѣхъ дѣвочекъ, отъ которыхъ можно ожидать, что онѣ приобретутъ необходимыя познанія въ рукодѣльи другимъ какимъ-либо образомъ.

Къ обученію *рукодѣльемъ* принадлежатъ: вязаніе и тамбурныя работы въ различныхъ ихъ примѣненіяхъ; шитье, въ особенности бѣлая починка чулковъ (штопанье) и всякаго рода матерій; шитье бѣлаго выкройка. Особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на необходимое въ домашней жизни, художественныя работы могутъ быть вводимы только въ такомъ случаѣ, если ученицы приобретутъ необходимую ловкость въ обыкновенныхъ женскихъ работахъ. Желанія родителей, относительно работъ, также не слѣдуетъ упускать изъ виду, если эти желанія не противорѣчатъ школьному порядку.

Обученіе *домоводству* обнимаетъ:

- 1) свѣдѣнія о матеріалахъ для работъ, ихъ добываніе, свойства, приготовленіе и цѣна;
- 2) свѣдѣнія о важнѣйшихъ питательныхъ матеріалахъ, ихъ закупкѣ, употребленіи и приготовленіи;

3) свѣдѣнія о различныхъ родахъ ручныхъ работъ и разнообразіи ихъ примѣненій;

4) знакомство съ необходимыми въ хозяйствѣ домашними приборами и орудіями;

5) свѣдѣнія о жилищѣ людей и объ уходѣ за больными.

Домоводство проходитъ въ старшихъ классахъ. Необходимые для работъ матеріалы и приборы ученицы должны приносить съ собою; въ противномъ случаѣ мѣстныя училищныя власти получаютъ эти вещи на счетъ родителей дѣвочекъ, бѣдныя же получаютъ ихъ на счетъ лицъ, обязанныхъ въ тому закономъ.

Мѣстныя училищныя власти могутъ поручить непосредственный надзоръ надъ школами руководящаго женскому комитету, состоящему изъ замужнихъ женщинъ общины; члены комитета должны время отъ времени посѣщать эти школы и представлять мѣстному совѣту докладъ относительно улучшенія этихъ школъ.

— 19-го минувшаго іюня 1870 года введена австрійскимъ министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующая учебная программа въ заведеніяхъ для образованія учителей и учительницъ.

Обязательные предметы.

1) *Законъ Божій* (отдѣльно для каждаго вѣроисповѣданія) въ I-мъ и II-мъ классахъ по 2 часа въ недѣлю, въ III-мъ и IV-мъ классахъ по 1 часу въ недѣлю.

Учебная программа опредѣляется подлежащими духовными властями.

2) *Педагогика и дидактика*. Цѣль: знаніе человѣческаго тѣла и духа, и въ особенности, законовъ мышленія; знаніе физическихъ и духовныхъ способностей ребенка и средствъ въ ихъ развитію; знакомство съ основными правилами обученія вообще и въ народной школѣ въ особенности; знаніе историческаго развитія народной и городской (*Bürgerschule*) школъ и ихъ задачи въ будущемъ; знаніе исторіи педагогическаго отъ перваго ея начала до настоящаго времени; знакомство съ основными положеніями школьной дисциплины; умѣнье примѣнять методы.

II-й классъ, 2 часа: антропология и логика;

III-й классъ, 3 часа: педагогика (въ историческомъ изложеніи);

IV-й классъ, 2 часа: связанное повтореніе всего пройденнаго учебнаго матеріала.

Кромѣ того, ученики III-го класса, по группамъ, по два часа въ

недѣлю, присутствуютъ на урокахъ въ образцовой практической школѣ для упражненій и въ другихъ народныхъ школахъ.

Ученики IV-го класса практически занимаются въ школѣ для упражненія. Для этого они раздѣляются на группы, сообразно числу классовъ или отдѣленій въ школѣ; каждая группа занимается практически, и занятія распределяются между ними такимъ образомъ, чтобы каждый ученикъ занимался съ дѣтьми различнаго возраста. Среднимъ числомъ на это полагается 6 часовъ въ недѣлю.

Въ этихъ занятіяхъ ученикамъ содѣйствуютъ директоръ, учителя заведеній и школы каждый по своей специальности. Директоръ руководитъ занятіями и еженедѣльно созываетъ конференціи, на которыхъ присутствуютъ и ученики; на этихъ конференціяхъ происходитъ разборъ практическихъ занятій учениковъ.

в) *Отечественный языкъ.* Цѣль: точное знаніе грамматики, знакомство съ важнѣйшими явленіями литературы, въ особенности XVIII и XIX столѣтій; ловкость въ словесномъ и письменномъ изложеніи мыслей; знакомство съ методикою отечественнаго языка.

I-й классъ, 5 часовъ. Грамматика: произношеніе, удареніе, правописаніе. Упражненіе въ чтеніи, при чемъ преимущественно обращается вниманіе на книги для чтенія, употребляемыя въ народныхъ школахъ.

II-й классъ, 4 часа. Грамматика: словообразованіе, управленіе глаголовъ и предлоговъ. Чтеніе.

III-й классъ, 4 часа. Грамматика въ систематической связи, въ особенности построеніе предложеній, при чемъ обращается особенное вниманіе на народные и церковныя пѣсни.

IV-й классъ, 4 часа. Новѣйшая литература и притомъ болѣе чтеніе, нежели исторія. Роды стихотвореній. Важнѣйшія сочиненія для юношескаго возраста. Методика отечественнаго языка.

Во всѣхъ классахъ происходятъ упражненія въ словесномъ и письменномъ изложеніи; особенно слѣдуетъ обращать вниманіе на свободный разказъ. Письменныя сочиненія составляются частью дома, частью въ классѣ; каждый ученикъ ежемѣсячно долженъ представить одну домашнюю работу и одну классную. Матеріаломъ для этихъ сочиненій служатъ различныя отрасли обученія, а въ послѣднемъ классѣ разсматриваются преимущественно педагогическіе и дидактическіе вопросы.

Въ I-мъ классѣ форма сочиненій преимущественно подражательная; во II-мъ классѣ—выполненіе даннаго плана; въ III-мъ и IV-мъ клас-

самъ самостоятельна работы на данную тему. Въ внешнихъ классахъ эти сочиненія разбираются учителями и учениками.

4) *Математика*. Цѣль: точность въ умственномъ вычисленіи и на доскѣ; упражненіе въ важнѣйшихъ для жизни вычисленіяхъ, знакомство съ алгеброй и геометрией.

Арифметика. I-й классъ, 2 часа: образованіе числа и десятичная система чиселъ. Основныя дѣйствія надъ цѣлыми числами, десятичныя дроби, простыя дроби. Системы мѣры, вѣса и монеты, при чемъ особенно обращается вниманіе на метрическую систему.

II-й классъ, 2 часа: пропорціи и приложение ихъ въ важнѣйшихъ торговыхъ и общеннымъ вычисленіямъ; степени, корни, логарифмы.

III-й классъ, 2 часа: уравненія 1-й степени съ однимъ и многими неизвѣстными, уравненія 2-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, арифметическая и геометрическая прогрессія, вычисленіе процентовъ.

IV-й классъ, 1 часъ: основаніе прострой торговой и промышленной бухгалтеріи. Практическіе примѣры. Повтореніе всего пройденнаго. Методика.

Геометрія. I-й классъ, 2 часа. Планиметрия.

II-й классъ, 2 часа. Основанія начертательной геометріи, основанія тригонометріи. Измѣреніе мѣстностей и съемка плановъ.

III-й классъ, 2 часа. Стереометрія.

IV-й классъ, 1 часъ. Повтореніе всего пройденнаго. Методика геометрическаго ученія о формахъ.

Въ каждомъ классѣ ежемѣсячно одна классная работа изъ арифметики и геометріи.

5) *Естественная исторія*. Цѣль: знаніе естественныхъ предметовъ всѣхъ трехъ царствъ природы по ихъ внутреннему и наружному строенію, по ихъ цѣлесообразности и связи между собой.

I-й классъ, 3 часа. 1-й семестръ: зоологія; поматологія человека. 2-й семестръ: позвоночныя животныя съ сравнительнымъ изученіемъ ихъ строенія.

II-й классъ, 2 часа. 1-й семестръ: насекомыя и низшія животныя по тѣмъ же отношеніямъ, при чемъ особенно обращается вниманіе на важнѣйшіе роды ихъ, изучающіе значеніе въ земледѣліи, техникѣ и національной экономіи. 2-й семестръ — ботаника: важнѣйшія растенія окрестностей и въ особенности распознаваніе ядовитыхъ растений.

III-й классъ, 2 часа. 1-й семестръ: свойства растеній; группировка ихъ въ естественную систему; рассмотрѣніе важнѣйшихъ яв-

тательныхъ растений. 2-й семестръ—минералогія: важнѣйшіе минералы въ землѣдѣльческомъ, техническомъ и геогностическомъ отношеніяхъ.

IV-й классъ, 2 часа. Общее понятіе о геологіи. Распространеніе животныхъ и растений и объясненіе физическихъ условій ихъ жизни.

Повтореніе. Методика.

6) *Физика*. Цѣль: знакомство съ важнѣйшими положеніями химіи для объясненія ежедневныхъ обыденныхъ явленій и общее обзорѣніе промышленной дѣятельности; знаніе важнѣйшихъ физическихъ явленій на основаніи опытовъ; знаніе тѣхъ снарядовъ и приборовъ, которые важны для практической жизни, въ особенности же тѣхъ, которые учитель можетъ самъ приготовить.

I-й классъ, 2 часа. Общія свойства тѣлъ. Неорганическая химія, на сколько она служитъ основаніемъ физикѣ. Теплота.

II-й классъ, 8 часа. Магнетизмъ, электричество, электромагнетизмъ. Основанія органической химіи.

III-й классъ, 3 часа. Механика, акустика и оптика. Математическія доказательства физическихъ законовъ употребляются только тамъ, гдѣ ихъ можно вывести элементарнымъ способомъ, сообразно повзаніямъ учебной.

При всякомъ удобномъ случаѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на метеорологическія явленія и на математическую географію.

IV-й классъ, 2 часа. Повтореніе. Методика.

7) *Географія*. Цѣль: пониманіе карты и глобуса, знаніе поверхности земнаго шара въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ въ общихъ чертахъ, въ особенности Европы и specially средней Европы, упражненія въ черченіи картъ.

I-й классъ, 2 часа. Элементарныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, съ особымъ обзорѣніемъ ближайшихъ окрестностей. Родиноуздѣніе. Краткое обзорѣніе земной поверхности. Суша и вода.

II-й классъ, 2 часа. Основанія этнографіи и статистики. Европейскія земли.

III-й классъ, 2 часа. Вѣвременноземля.

IV-й классъ, 2 часа. Повтореніе предложеннаго. Методика географіи въ народной школѣ, въ особенности родиноуздѣнія.

8) *Исторія и отечественная конституція*. Цѣль: краткое знакомство съ важнѣйшими событіями всеобщей исторіи, въ особенности греческой и римской, затѣмъ исторія Австрійской имперіи, specially

истории родины; при чемъ особенно обращается вниманіе на исторію культуры.

I-й классъ, 5 часа. Исторія Австріи, въ связи съ разсмотрѣніемъ одновременныхъ событій всемірной исторіи.

II-й классъ, 3 часа. Всеобщая исторія съ древнихъ временъ до XVI столѣтія.

III-й классъ, 2 часа. Всеобщая исторія отъ XVI столѣтія до настоящаго времени.

IV-й классъ, 3 часа. Краткое понятіе о конституціи и государственномъ устройствѣ Австрійско-Венгерской монархіи. Повтореніе всего предъидущаго. Методика.

9) *Земледѣліе*. Цѣль: знакомство съ важнѣйшими свѣдѣніями о кормѣ, объ уходѣ и откармливаніи хозяйственныхъ млекопитающихся животныхъ; основанія рациональнаго рыболовства, шелководства и пчеловодства; свойства почвы, удобреніе, воздѣлываніе важнѣйшихъ культурныхъ растений и употребляемые при этомъ орудія.

III-й классъ, 2 часа. Общій обзоръ подпитко-экономической дѣятельности, при чемъ особенно обращается вниманіе на лѣсные и сельско-хозяйственные продукты. Скотоводство; разведеніе и уходъ за коровами, лошадьми, мелкимъ скотомъ, на физиологическихъ основаніяхъ. Общія свѣдѣнія о рыболовствѣ, шелководствѣ и пчеловодствѣ; съ практическими упражненіями въ учебнаго времени.

IV-й классъ, 2 часа. Знаніе почвы, обзоръ почвы Австро-Венгерской монархіи; климатологія; удобреніе почвы. Строеніе растений, сельско-хозяйственные орудія, воздѣлыванія хлѣбныхъ, кормовыхъ и луговыхъ растений. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ. Практическія упражненія въ устройствѣ школьнаго сада, въ учебнаго времени.

10) *Письмо*. Цѣль: умѣнье обучать этому предмету въ народной школѣ; четкій, красивый почеркъ; умѣнье писать мѣломъ.

I-й классъ, 2 часа. Обыкновенное письмо латинскими буквами.

II-й классъ, 1 часъ. Упражненія въ изученныхъ формахъ; французское письмо въ соединеніи съ письмомъ на классной доскѣ.

11) *Черченіе и рисованіе*, по 2 часа въ каждомъ классѣ. Цѣль: Развитие глаза и руки; умѣнье нарисовать предметы на доскѣ въ контурахъ и на бумагѣ съ тѣнями и колоритомъ; умѣнье составлять формы для упражненій и обучать рисованію въ народной школѣ.

Рисованіе простыхъ и сложныхъ геометрическихъ фигуръ; копировка рисунковъ различнаго рода, основанія перьеваткамъ, рисованіе

съ натуры, наложение тѣной мѣломъ и тушью. Обученіе медалированій, гдѣ это возможно. Методика.

Геометрическое черченіе проходитса вмѣстѣ съ геометрией; въ старшихъ классахъ обращается вниманіе на планы строеній.

12) *Музыка*. а) Пѣніе, 2 часа. Цѣль: образованіе учителей пѣнія для школъ; умѣнье управлять многочисленнымъ хоромъ. При обученіи пѣнію болѣе всего обращается вниманіе на народныя пѣсни. Ученики IV-го класса, подъ руководствомъ учителя пѣнія, даютъ уроки пѣнія въ школѣ.

б) Игра на скрипкѣ, 2 часа. Главная цѣль—примѣненіе скрипки къ обученію пѣнію. Всѣ ученики раздѣляются на группы, состоящія не болѣе 10-и человекъ каждая.

13) *Гимнастика*, 2 часа въ каждомъ классѣ. Цѣль: умѣнье преподавать рациональную гимнастику въ школѣ. Въ высшихъ классахъ разсматриваются цѣль и роды гимнастическихъ упражненій; въ старшихъ—исторія, литература и система гимнастики. Методика.

Необязательные предметы.

14) *Второй отечественный языкъ*, по 2 часа въ каждомъ классѣ. Цѣль: умѣнье, въ случаѣ нужды, обучать этому предмету въ народной школѣ.

15) *Игра на фортепiano и органѣ*, 2 часа. Цѣль: умѣнье настраивать инструменты; свѣдѣнія изъ теоріи музыки, со включеніемъ цифрованія, транспонировки и модулированія.

16) Гдѣ возможно, тамъ ученики IV-го класса должны познакомиться съ приемами обученія глухонемыхъ, слѣпыхъ и идиотовъ, чтобы быть въ состояніи подготовить ихъ къ поступленію въ соотвѣтствующія заведенія.

Равнымъ образомъ ученики IV-го класса, если возможно, могутъ ознакомиться съ организаціей дѣтскихъ пріютовъ и дѣтскихъ садовъ.

УЧЕБНЫЙ ПЛАНЪ.

Обязательные предметы.	К Л А С С О В Ы.			
	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	1	1
Педагогика и дидактика, вмѣстѣ съ посѣщеніемъ школы и практическими упражненіями	—	2	5	8
Отечественный языкъ	5	4	4	4
Арифметика и геометрія	4	4	4	2
Естественная исторія	3	2	2	2
Физика	2	3	3	2

Географія	2	2	2	2
Исторія и отечественная конституція	2	2	2	2
Сельское хозяйство	—	—	2	2
Письмо	2	1	—	—
Рисованіе	2	2	2	2
Пѣніе	2	2	2	2
Игра на скрипкѣ	2	2	2	2
Гимнастика	2	2	2	2
Итого	80	80	88	88

Необязательные предметы.

Второй отечественный языкъ	2	2	2	2
Фортепиано и органъ	2	2	2	2
Метода обученія глухонѣмымъ, слѣпымъ и крѣпотовъ	—	—	—	2

Учебный планъ въ заведеніяхъ для образованія учительницъ.

По одинаковой цѣли этого учрежденія съ семинаріями для образованія учителей, учебный планъ его сходенъ съ предыдущимъ; онъ заключаетъ въ себѣ тѣ же предметы и представляетъ только нѣкоторыя, не существенныя отличія въ нижеслѣдующихъ предметахъ.

1) *Математика*. Цѣль: точность въ умственномъ вычисленіи и на доскѣ; упражненія въ важнѣйшихъ для жизни вычисленіяхъ, знаніе элементарной геометріи, нѣкоторая довѣсть въ линейномъ черченіи. Учебный матеріалъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

Ариометика: I-й классъ, 2 часа. 1-й семестръ: десятичная система; первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми и десятичными цифрами; дѣлимость чиселъ. 2-й семестръ: наибольшій общій дѣлитель; наименьшее кратное число; простыя дроби и четыре дѣйствія надъ ними; превращеніе простыхъ дробей въ десятичныя и обратно; тройное правило; различныя системы мѣры, вѣса и монеты, при чемъ особенно обращается вниманіе на метрическую систему.

II-й классъ, 2 часа. 1-й семестръ: простыя и сложныя пропорціи. 2-й семестръ: цѣнное правило; вычисленіе процентовъ; простыя случаи вычисленія сложныхъ процентовъ.

III-й классъ, 2 часа. 1-й семестръ: простое и сложное правило товарищества (вычисленіе частей, среднихъ чиселъ и правило смѣшенія). 2-й семестръ: простая торговая бухгалтерія въ практическихъ примѣрахъ.

IV-й классъ, 1 часъ. Повтореніе. Методика.

Геометрія. I-й классъ, 2 часа. Геометрическое ученіе о формахъ.

II-й классъ, 2 часа. Вычисленіе поверхностей и объемовъ тѣлъ.

III-й классъ, 2 часа. Изображеніе геометрическихъ формъ въ пространствѣ; тѣни.

IV-й классъ, 1 часъ. Повтореніе. Методика.

Ежегодно въ каждомъ классѣ одна классная работа изъ арифметики и геометрии.

2) Въмѣсто сельскаго хозяйства вводится въ IV-ый классъ, 1 часъ въ недѣлю, *домоводство* (Haushaltungskunde).

Цѣль: знакомство съ обязанностями дѣльной хозяйки; умѣнье преподавать дѣтямъ школьные предметы; знаніе и цѣлесообразное при-мѣненіе предметовъ, необходимыхъ въ правительствѣ хозяйства.

Свѣдѣнія объ уходѣ за дѣтьми, о цѣлесообразномъ питаніи, объ одеждѣ, движеніи, о снѣ, заботѣ о кождѣ, о дѣтскихъ играхъ и качествахъ хорошаго жилища, — на основаніи свѣдѣній изъ медицин-скихъ и антропологическихъ наукъ.

Дѣятельность хозяйки на кухнѣ и въ погребѣ; питательные ма-териалы, промышленные предметы и ихъ производство; все это со-общается въ связи съ химіей и физикой.

3) *Французскій языкъ* (I-й и II-й классы по 3 часа, III-й и IV-й классы по 2 часа). Цѣль: умѣнье выразиться письменно и словесно, знаніе важнѣйшихъ явленій во французской литературѣ и ихъ авторовъ. Распределеніе материала производится сообразно подготовкѣ дѣвицы.

4) *Рисованіе* распределяется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

I-й классъ, 2 часа. Прямые и криволинейныя фигуры; переводъ къ черченію простыхъ предметовъ.

II-й классъ, 2 часа. Продолженіе этихъ упражненій съ обраще-ніемъ вниманія на предметы искусства и природы.

III-й классъ, 2 часа. Рисованіе орнаментовъ и цвѣтовъ съ тѣ-нями; ландшафты.

IV-й классъ, 2 часа. Продолженіе упражненій; преимущественно черченіе на доскѣ; методика.

5) Въмѣсто игры на скрипкѣ и органѣ вводится игра на *форте-пиано*; 2 часа.

6) *Женскія работы*. (I-й и II-й классы 2 ч., III-й классъ 1 часъ). Цѣль: умѣнье обучать рукодѣлю. Вязаніе, вышиваніе, филейныя ра-боты и шитье, при чемъ обращается вниманіе на починку бѣлья.

7) Къ числу необязательныхъ предметовъ принадлежит также англійскій языкъ въ I-мъ классѣ по 3, во II-мъ, III-мъ и IV-мъ классахъ по 2 часа.

Дѣвицы IV-го класса также, гдѣ можно, знакомятся съ органи-заціей дѣтскихъ приютовъ и дѣтскихъ садовъ.

ОБЩИЙ ПЛАНЪ:

Обязательные предметы.	К Л А С С Ъ.			
	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	1	1
Педагогика и дидактика, въдѣль съ воспитаніемъ школы и практическими упражненіями.	—	2	5	8
Отечественный языкъ	5	4	4	4
Арифметика и геометрія	4	4	4	2
Естественная исторія	3	2	2	2
Физика	2	3	3	2
Географія	2	2	2	2
Исторія	2	2	2	2
Домоводство	—	—	—	1
Французскій языкъ	3	3	2	2
Письмо	2	1	—	—
Рисованіе	2	2	2	2
Цѣдѣ	2	2	2	2
Игра на фортепiano	2	2	2	2
Гимнастика	1	1	1	1
Женскія работы	2	2	1	—
Всего	34	34	33	33

Необязательные предметы.

Второй отечественный языкъ	2	2	2	2
Английскій языкъ	3	2	2	2

— По закону 14-го мая 1869 года городскія школы (Bürgerschule) суть или самостоятельныя трехкурсныя заведенія, куда поступаютъ ученики, вышедшіе изъ пятого класса народной школы, или же онѣ учреждаются въ связи съ народною школою, которая въ такомъ случаѣ состоитъ изъ восьми классовъ. Въ вышеприведенномъ министерскомъ распоряженіи указана цѣль обученія собственно въ народныхъ школахъ; для трехклассныхъ же городскихъ школъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, министерство составило проектъ учебнаго плана, который хотя и разосланъ еще въ областныя сеймы на разсмотрѣніе, но временно введенъ въ эти школы съ начала 1870/71 учебнаго года. Планъ этотъ въ мужскихъ городскихъ школахъ слѣдующій:

А. Обязательные предметы.

1) *Законъ Божій*. Въ каждомъ классѣ по 1-му часу въ недѣлю. Программа составляется подлежащими духовными властями и утверждается областнымъ начальствомъ.

2) *Отечественный языкъ и сочиненія.* Цѣль: безошибочное и изящное словесное и письменное выраженіе мыслей. Точное пониманіе прочитаннаго и прослушаннаго, при чемъ обращается вниманіе на содержаніе и форму сочиненій. Упражненія въ обыкновенномъ письменномъ изложеніи. Знаніе важнѣйшихъ произведеній литературы.

I-й классъ, 5 часовъ. 1) Чтеніе съ правильнымъ удареніемъ; точное пониманіе прочитаннаго; словесное изложеніе. 2) Простыя и сложныя предложенія вообще, съ знаками препинанія; орфографія съ свѣдѣніями о долгихъ и краткихъ слогахъ; основныя понятія объ имени существительномъ, глаголѣ и имени прилагательномъ; 3) письменныя упражненія: разказы и описанія изъ прочитаннаго слышаннаго или видѣннаго.

II-й классъ, 5 часовъ. 1) Продолженіе упражненій въ чтеніи, разсмотрѣніе содержанія и родовъ изложенія, въ особенности поэтическихъ отрывковъ. Переложеніе стихотвореній въ прозу; 2) части простаго предложенія въ частности, при чемъ имѣется въ виду управленіе глагола и предлоговъ. Существеннѣйшее изъ словообразованія; нарѣчія и мѣстоименія. Орфографія. 3) Упражненія въ сочиненіи, основанныя частью на книгѣ для чтенія, частью на другихъ учебныхъ предметахъ, преимущественно же исторіи. Описанія большаго размѣра по данному плану.

III-й классъ, 5 часовъ. 1) Чтеніе, разказы и изложенія. Связное изложеніе всего того, что пройдено прежде изъ литературы съ краткими біографіями важнѣйшихъ писателей. Пониманіе красоты различныхъ формъ изложенія; 2) точное знаніе строенія предложеній, въ особенности сложныхъ, при чемъ обращается вниманіе на союзы, формы временъ и роды рѣчей; 3) большаго объема сочиненія, содержаніе которыхъ было уже разсмотрѣно прежде; сочиненія о предметахъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни; 4) упражненія въ расположеніи (Disponiren) матеріаловъ, знакомыхъ уже ученикамъ.

3) *Географія и исторія.* Цѣль: знаніе важнѣйшихъ свѣдѣній изъ математической и физической географіи. Краткій обзоръ Европы и остальныхъ частей свѣта. Подробное знаніе Австрійско-Венгерской монархіи и родины. (Обученіе, на сколько возможно, должно быть сравнительное). Знаніе конституціи государства и области.

Знаніе важнѣйшихъ происшествій изъ всеобщей исторіи, при чемъ особенно обращается вниманіе на исторію отечества и родины.

I-й классъ, 4 часа. 1) Пониманіе глобуса и карты. Обзоръ частей свѣта по горизонтальному и вертикальному расчлененію, въ от-

нографическомъ и политическомъ отношеніяхъ; 2) важнѣйшія культурныя явленія древности.

II-й классъ, 2 часа. 1) Географія Европы по отношенію къ природѣ и жителямъ, къ матеріальной и умственной культурѣ; 2) исторія среднихъ вѣковъ, при чемъ особенно обращается вниманіе на отечественную исторію.

III-й классъ, 3 часа. 1) Подробное разсмотрѣніе Австрійско-Венгерской монархіи; знаніе конституціи ея; 2) исторія новѣйшаго времени, въ особенности отечественная.

4) *Естественная исторія*. Цѣль: знаніе важнѣйшихъ тѣлъ трехъ царствъ природы, полезныхъ въ обыденной жизни, съ показаніемъ практическаго ихъ значенія. Свѣдѣнія о человѣкѣ, строеніе его тѣла, дѣятельность органовъ и заботы о сохраненіи здоровья.

I-й классъ, 2 часа. Животныя, растенія и минералы, наиболѣе доступныя наблюденію; описаніе индивидуумовъ по ихъ устройству, распространенію и примѣненію въ обыденной жизни.

II-й классъ, 2 часа. Разсмотрѣніе животныхъ, растеній и минераловъ по сходству или несходству признаковъ (понятіе о сродствѣ).

III-й, 2 часа. Явленія образованія горныхъ породъ и вывѣтриванія; различіе почвы по ея минеральнымъ составнымъ частямъ. Строеніе и органы человѣческаго тѣла съ изложеніемъ важнѣйшихъ отдѣловъ изъ гігіены.

5. *Физика и химія*. Цѣль: знаніе важнѣйшихъ естественныхъ силъ, явленій и законовъ, основанное на наблюденіи и опытахъ. Знаніе важнѣйшихъ элементовъ и чаще встрѣчающихся (неорганическихъ и органическихъ) соединеній. При обученіи этому предмету требуется постоянно обращать вниманіе на практическую жизнь.

I-й классъ, 2 часа. Молекулярныя явленія. Теплота.

II-й классъ, 2 часа. Магнетизмъ, электричество, звукъ и свѣтъ.

III-й классъ, 2 часа. Важнѣйшія для практической жизни явленія изъ статики и механики твердыхъ и жидкихъ тѣлъ (законы и машины).

Важнѣйшіе металлоиды и металлы, извѣстнѣйшія неорганическія и органическія соединенія. Указаніе на важнѣйшія химико-технологическія операціи.

6. *Арифметика*. Цѣль: быстрота и точность въ элементарныхъ дѣйствіяхъ и употребленіе сокращеній въ дѣйствіяхъ. Разрѣшеніе задачъ изъ практической жизни и знаніе простой бухгалтеріи.

I-й классъ, 3 часа. Десятичная система, дѣйствія надъ цѣлыми и десятичными числами, сокращенное умноженіе и дѣленіе. Свойства чиселъ, простыя дроби. Метрическая система.

II-й классъ, 3 часа. Сравненіе чиселъ. Квадратныя и кубическія корни, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. Отношенія и пропорціи. Простое и сложное тройное правило, вычисленіе простыхъ процентовъ, дисконта и сложныхъ процентовъ, непрерывныя дроби.

III-й классъ, 2 часа. Вычисленіе процентовъ и примѣненіе ихъ къ опредѣленію цѣны товаровъ. Простые случаи процентовъ на проценты. Переводъ денегъ и учетъ векселей (съ объясненіемъ важнѣйшихъ статей по банковымъ операціямъ). Вычисленіе правительственныхъ и частныхъ процентныхъ бумагъ. Опредѣленіе цѣны товаровъ, основанія простой бухгалтеріи.

7. *Геометрія и геометрическое черченіе.* Цѣль: 1) для геометріи: вѣрность въ распознаваніи, сравненіи, вычисленіи и измѣреніи пространства. 2) Для геометрическаго черченія: пониманіе и изображеніе геометрическихъ формъ и простыхъ архитектурныхъ и машинныхъ предметовъ.

I-й классъ, 3 часа. Наглядное разсмотрѣніе и сравненіе плоскихъ геометрическихъ формъ (элементарное основаніе для изученія геометріи). Простыя построенія, проведеніе перпендикуляра, черченіе параллельныхъ линій, дѣленіе прямой линіи на части, черченіе и дѣленіе угла съ помощью циркуля и линейки.

II-й классъ, 3 часа. Вычисленіе площадей плоскихъ фигуръ. Наглядное разсмотрѣніе, сравненіе и вычисленіе геометрическихъ тѣлъ. Построенія—черченіе, дѣленіе на части и превращеніе плоскихъ фигуръ — съ помощью циркуляра и линейки. Нѣкоторыя статьи изъ сѣмени плановъ.

III-й классъ, 4 часа. (Въ этомъ классѣ только практическія занятія). Простыя архитектурныя и машинныя предметы.

8. *Рисованіе.* Цѣль: умѣнье срисовать какъ съ модели, такъ и съ рисунковъ. Рисованіе на память, упражненіе въ глазомѣрѣ и развитіе вкуса.

Распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ зависитъ отъ степени подготовкы поступившихъ учениковъ. I-й классъ 2 часа. II-й классъ 4 часа. III-й классъ 4 часа.

9. *Чистописаніе.* Цѣль: усвоеніе четкаго, быстраго и красиваго почерка и встрѣчающихся въ промышленной жизни родовъ письма.

Въ каждомъ классѣ по 1-му часу въ недѣлю.

10. *Пѣніе*. Въ I-мъ классѣ 2 часа, во II-мъ 1 часъ.

11. *Гимнастика*. Въ каждомъ классѣ по 2 часа.

В. Необязательные предметы.

12. *Второй отечественный языкъ*; въ нѣмецкихъ городскихъ школахъ нѣмецкій языкъ не менѣе 2-хъ часовъ въ каждомъ классѣ.

13. *Моделировка*.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ.	К Л А С С Ы.		
	I.	II.	III.
Законъ Божій	2	2	1
Отечественный языкъ и сочиненія	5	5	5
Географія и исторія	4	3	3
Естественная исторія	2	2	2
Физика	2	2	3
Арифметика	3	3	3
Геометрія и геометрическое черченіе	3	3	4
Рисованіе	2	4	4
Чистописаніе	1	1	1
Пѣніе	2	1	—
Гимнастика	2	2	2
	27	27	28

Учебная программа въ городскихъ школахъ для двѣточекъ отличается отъ предыдущей въ слѣдующемъ:

1. *Физика*. Въ III-мъ классѣ при изложеніи химико-технологическихъ операций обращается особенное вниманіе на домоводство.

2. Нѣтъ вовсе *геометрическаго черченія*.

3. *Женскія работы* полагаются въ каждомъ классѣ по 6 часовъ въ недѣлю.

4. *Домоводство* проходится въ III-мъ классѣ по 2 часа въ недѣлю. Этотъ предметъ заключаетъ въ себѣ:

а) Свѣдѣнія о матеріалахъ для работъ; ихъ добываніе, свойства, обработка и цѣна.

б) Свѣдѣнія о важнѣйшихъ питательныхъ матеріалахъ, ихъ закупа и употребленіе.

в) Свѣдѣнія о различныхъ родахъ ручныхъ работъ и ихъ употребленіе.

г) Знакомство съ приборами и орудіями, употребляемыми въ хозяйствѣ.

д) Свѣдѣнія о жилищѣ человека и объ уходѣ за больными.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ.	К Л А С С Ы.		
	I.	II.	III.
Законъ Божій	1	1	1
Отечественный языкъ и сочиненія	5	5	5
Географія и исторія	3	3	3
Естественная исторія	2	2	2
Физика	2	2	2
Арифметика	2	2	2
Геометрія	1	1	—
Рисованіе	2	2	2
Чистописаніе	1	1	1
Пѣніе	1	1	1
Гимнастика	1	1	1
Женскія руководяль	6	6	6
Домоводство	—	—	2
	27	27	28

— Министерскимъ распоряженіемъ отъ 10-го сентября учреждена въ Вѣнѣ особая коммиссія, избираемая на три года, для испытанія учителей гимнастики въ среднихъ школахъ и въ заведеніяхъ для образованія учителей.

Желающій обучать гимнастикѣ въ этихъ заведеніяхъ долженъ представить въ означенную коммиссію: 1) очеркъ своей жизни, 2) свидѣтельство объ окончаніи курса наукъ въ средней школѣ или въ заведеніи для образованія учителей и 3) объявить, на какомъ языкѣ онъ намѣренъ вести преподаваніе гимнастикѣ.

Испытаніе бываетъ теоретическое и практическое, изъ коихъ первое словесное и письменное.

При теоретическомъ испытаніи кандидатъ долженъ доказать:

1. Необходимую степень общаго образованія.
2. Полное знакомство съ гимнастикою, а именно знаніе историческаго развитія гимнастики, знакомство съ цѣлью обученія гимнастикѣ, знаніе новейшихъ системъ Яна-Эйзелена и Шписса, общее знаніе гимнастической литературы и полное знакомство съ гимнастическою номенклатурой. Знаніе техническаго устройства снарядовъ для гимнастическихъ упражненій и гимнастическаго плаца.
3. Знаніе человѣческаго тѣла въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніяхъ, и въ особенности:
  - а) Знаніе скелета, какъ основы движущагося аппарата, связокъ и суставовъ.
  - б) Знаніе мышечной системы, положенія и дѣятельности важнѣйшихъ мышцъ и группировки ихъ по членамъ и ихъ движеніямъ.

в) Знаніе дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ вообще, важнѣйшихъ статей о процессѣ питанія, кровяныхъ сосудахъ и нервной системы.

г) Знаніе дѣтетики, на сколько она входитъ въ гимнастику, въ особенности для поданія первой помощи при поврежденіяхъ.

Письменные испытанія состоятъ въ написаніи сочиненія подѣ наблюденіемъ одного изъ членовъ комиссіи. Выборъ темы зависитъ отъ комиссіи. Только послѣ письменной работы кандидатъ допускается къ словесному испытанію.

Практическое испытаніе происходитъ въ гимнастическомъ залѣ, въ присутствіи одного изъ членовъ комиссіи. Кандидатъ обязанъ доказать знакомство съ рациональными методами обученія и показать ловкость въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Если кандидатъ жаждетъ получить право на обученіе гимнастикѣ въ заведеніяхъ для образованія учительницъ, то кромѣ всего вышеназваннаго, отъ него требуется знакомство съ основными правилами и особенностями женской гимнастики.

По окончаніи экзамена, кандидату выдается свидѣтельство на право обученія гимнастикѣ. Не выдержавшіе экзамена могутъ чрезъ нѣкоторое время просить о вторичномъ экзаменѣ; разрѣшеніе на это дается комиссіей. Разрѣшеніе же на переэкзаменовку въ третій разъ и далѣе дается министромъ. Каждый подвергающійся экзамену платитъ 10 флориновъ.

Учителя гимнастики, которые не менѣе пяти лѣтъ успѣшно обучали самостоятельно гимнастикѣ и доказали свою способность къ обученію, по представленію комиссіи, могутъ быть освобождены министромъ частью или совершенно отъ экзамена.

— 24-го сентября утверждена министромъ народнаго просвѣщенія новая учебная программа реальныхъ училищъ въ маркграфствѣ Моравіи, составленная на основаніи новаго закона о народномъ образованіи въ Австріи.

Общій планъ этой программы представленъ въ слѣдующемъ росписаніи предметовъ и часовъ учебныхъ занятій по классамъ:

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Итого.
Законъ Божій	2	2	2	2	1	1	1	11
Нѣмецкій языкъ	4	4	4	3	3	3	2	23
Чешскій языкъ	(2)	(2)	(2)	(2)	(2)	(2)	(2)	(14)
Французскій языкъ	5	4	4	3	3	2	2	23
Англійскій языкъ	—	—	—	—	3	2	2	7

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Итого.
Географія и исторія	3	4	4	4	3	3	4	25
Формальная логика	—	—	—	—	—	—	2	2
Математика	3	3	3	4	6	5	5	29
Начертательная геометрія	—	—	—	—	3	3	3	9
Естественная исторія	3	3	—	—	3	2	3	14
Физика	—	—	4	2	—	4	4	14
Общая химія	—	—	—	3	3	3	2	11
Геометрическое черченіе и рисуваніе	6	7	7	7	4	4	2	37
Чистописаніе	1	1	—	—	—	—	—	2
Итого	27	28	28	28	32	32	32	207
	(29)	(30)	(30)	(30)	(34)	(34)	(34)	(221)

Кромѣ того, въ каждомъ классѣ полагается гимнастика 2 часа.

1. *Законъ Божій.* Цѣль обученія и распредѣленіе матеріала по классамъ составляется соотвѣтствующими духовными властями и утверждается областнымъ начальствомъ.

2. *Нѣмецкій языкъ.* Цѣль его въ а) низшей реальной школѣ: правильность рѣчи и чтенія, грамматическая правильность въ разговорѣ по нѣмецки, точное знаніе этимологіи и синтаксиса; б) для высшей реальной школы: полное пониманіе нѣмецкаго языка по его строенію и содержанію; умѣнье и стилистическая правильность въ словесномъ и письменномъ употребленіи языка; историческое знаніе и эстетическое пониманіе важнѣйшихъ произведеній нѣмецкой литературы; приобрѣтенная чтеніемъ характеристика лучшихъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній.

I-й классъ: повтореніе всей этимологіи, обзоръ формы предложенія въ образцовыхъ примѣрахъ изъ христоматіи, упражненія въ разговорѣ, чтеніи и письмѣ, послѣднее преимущественно въ орфографическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ; разборъ и заучиванье на память прочитаннаго, словесная и письменная передача простыхъ разговоровъ или краткихъ описаній. Каждые 8 дней одна домашняя работа, каждые 14 дней одна классная работа.

II-й классъ: этимологія въ большемъ объемѣ, простые предложенія на основаніи школьной грамматики; словесное и письменное воспроизведеніе большихъ отрывковъ изъ христоматіи; въ концѣ каждаго мѣсяца каждый ученикъ долженъ представить письменное изложеніе содержанія прочитанныхъ дома сочиненій.

III-й классъ: сложные предложенія, роды придаточныхъ предложений, ихъ сокращенія, періоды (на основаніи школьной грамма-

тики), систематическія свѣдѣнія о правописаніи и знакахъ препинанія; сочиненія различнаго рода, содержаніе которыхъ взято или изъ исторіи, географіи и естественныхъ наукъ, или же изъ французскаго языка. Изложеніе содержанія домашняго чтенія.

IV-й классъ окончаніе всего грамматическаго обученія въ связи со всѣмъ пройденнымъ; семейства словъ (Wortfamilien); различныя значенія и сродство словъ; важнѣйшія свѣдѣнія изъ просодіи и метрики. Сочиненія, при чемъ изучаются такія формы, которыя чаще всего употребляются въ обыденной жизни. Употребленіе историческаго матеріала для чтенія, изъ котораго ученики могли бы познакомиться съ древними германскими преданіями (Sagendichtung). Письменное изложеніе прочитаннаго дома.

V-й классъ: чтеніе переводовъ изъ классической греческой и римской литературы; чтеніе легкихъ избранныхъ сочиненій средне-нѣмецкаго (mittelhochdeutschen) періода, чтеніе которыхъ въ перво-бытномъ текстѣ требуетъ болѣе подробнаго обзора ученія о звукахъ и флексіяхъ (Laut- und Flexionslehre) этого языка; обзоръ нѣмецкой литературы съ самаго начала до конца XIV-го столѣтія, выясненіе сущности, формъ и родовъ поэзіи, важнѣйшихъ формъ прозы, на основаніи чтенія; чтеніе наизусть и сочиненія изъ прочитаннаго и выслушаннаго.

VI-й и VII-й классы: краткій обзоръ исторіи литературы отъ XV-го до половины XVIII-го столѣтія, подробное изложеніе литературы второй половины XVIII-го и XIX-го столѣтій, подчеркнутное чтеніемъ и съ изложеніемъ исторіи культуры; чтеніе не менѣе двухъ полныхъ сочиненій. Сочиненія постоянно конкретнаго содержанія; декламация.

3) *Чешскій языкъ* (обязательный для тѣхъ учениковъ, родители коихъ потребуютъ изученія этого языка). Цѣль его а) въ низшей реальной школѣ: правильная рѣчь и чтеніе, знаніе всей этимологіи и синтаксиса, умѣнье переводить легкіе отрывки съ польскаго языка на чешскій и на оборотъ; б) для высшей реальной школы: полное пониманіе этимологіи и синтаксиса; грамматическая и стилистическая правильность въ обработкѣ легкиихъ темъ; краткій обзоръ чешской литературы.

I-й классъ: ученіе о слогахъ (Lautlehre). Флексіи имени существительнаго, мѣстоименій и именъ прилагательныхъ, главныя времена дѣйствительнаго глагола, повелительное и неопредѣленное наклоненія. Заучиваніе словъ наизусть. Упражненія въ диктовкѣ и въ легкиихъ переводахъ.

II-й классъ: этимологія измѣняющихся (flexibelen) частей рѣчи; не измѣняющіяся части рѣчи; необходимыя для составленія простыхъ предложений синтаксическія правила. Орфографическія упражненія; заучиванье наизусть вокабуль. Каждныя 8 дней одна домашняя работа, каждныя 14 дней одна классная работа.

III-й классъ: повтореніе этимологіи и разсмотрѣніе рѣдкихъ неправильныхъ формъ. Падежи (Casuslehre). Читеніе болѣе легкихъ связанныхъ отрывковъ. Заучиванье наизусть вокабуль и фразъ. Каждныя 14 дней одна домашняя и одна школьная работа.

IV-й классъ: ученіе о времени и наклоненіи. Основаніе словообразованія. Читеніе большихъ связанныхъ отрывковъ. Составленіе и упражненіе въ фразахъ съ сравненіемъ нѣмецкихъ выраженій. Каждныя 14 дней одна домашняя работа, каждыя 4 недѣли одна школьная работа.

V-й классъ: повтореніе съ дополненіями грамматики; просодія и метрика; сочиненія, при чемъ обращается особенное вниманіе на чаще встрѣчающіяся въ жизни формы.

VI-й классъ: продолженіе упражненій; обзоръ главнѣйшихъ явленій изъ I-го и II-го періода чешской литературы, въ основѣ которой лежитъ чтеніе (съ нѣкоторыми объясненіями этимологіи древне-чешскаго языка). Большія сочиненія, при чемъ обращается вниманіе и на другіе предметы обученія.

VII-й классъ: главнѣйшія явленія изъ III-го періода чешской литературы. Сочиненія. Декламация.

4) *Французскій языкъ.* Цѣль его а) для низшей реальной школы: знаніе всей этимологіи и важнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ, умѣніе переводить на французскій языкъ и обратно; б) для высшей реальной школы: полное усвоеніе и пониманіе этимологіи и синтаксиса; пріобрѣтеніе достаточнаго количества словъ, умѣнье правильно говорить по французски, письменныя сочиненія на небольшія темы; краткій обзоръ литературы, болѣе подробное знакомство съ важнѣйшими произнесеніями и поэтическими сочиненіями.

I-й классъ: правила произношенія и чтенія; этимологія *nom.* и *pronom.*, важнѣйшее объ *article partitif*, чаще встрѣчающіеся предлоги, простыя формы *avoir* и *être*. Заучиваніе наизусть словъ и формъ. Упраженія въ диктовкѣ и переводѣ легкихъ предложений.

II-й классъ: этимологія измѣняющихся частей рѣчи, включая чаще встрѣчающіеся неправильныя, недостаточныя и безличныя глаголы; нарѣчія и союзы; важнѣйшія синтаксическія правила объ употребленіи члена, *adjectif qualificatif* и *déterminatif*, наклоненъ мѣсто-

именя. Увеличение запаса словъ и фразъ. Частныя упражненія въ полныхъ предложенияхъ. Каждые 8 дней одна домашняя работа, каждые 14 дней одна классная работа.

III-й классъ: бѣглое повтореніе пройденнаго въ предыдущихъ классахъ и дополненіе систематическаго знанія этимологии изученіемъ рѣдкихъ уклоняющихся формъ. Полный синтаксисъ имени существительнаго и мѣстоименія. Увеличеніе запаса словъ и фразъ; упражненія; каждые 14 дней одна классная и одна домашняя работы. Чтеніе легкихъ прозаическихъ и поэтическихъ статей. Упражненія въ разговорѣ по французски съ помощью переведенныхъ отрывковъ.

IV-й классъ: систематическое знаніе синтаксиса глагола и взаимнаемыхъ частей рѣчи; употребленіе временъ и наклоненій, причастій и отрицательныхъ частицъ. Строеніе французскаго предложенія и знаки пренинанія. Основанія словообразованія. Словесныя и письменныя упражненія, при чемъ обращается вниманіе на галлицизмы и важнѣйшіе синонимы; увеличеніе запаса словъ и фразъ и знаніе французской фразеологии. Каждые 14 дней домашняя работа, каждыя 4 недѣли классная работа.

V-й классъ: повтореніе съ дополненіями грамматики. Упражненіе въ разговорѣ и письменныя сочиненія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на французское чтеніе и остальные предметы преподаванія; чтеніе образцовыхъ отрывковъ исторической описательной и эпистолярной литературы.

VI-й классъ: продолженіе упражненій въ разговорѣ и письменныхъ сочиненіяхъ, разборъ образцовыхъ отрывковъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній, ораторской прозы, съ постояннымъ обращеніемъ вниманія на французскую поэтику и риторику.

VII-й классъ: продолженіе упражненій въ разговорѣ и письменныхъ сочиненіяхъ; болѣе пространное чтеніе важнѣйшихъ сочиненій драматической поэзіи. Подробная исторія французской литературы при постоянномъ указаніи связи ея съ общею исторіей культуры и въ особенности съ исторіей нѣмецкой литературы.

5) *Англійскій языкъ*. Цѣль: полное знаніе грамматики англійскаго языка, умѣніе переводить на англійской языкъ легкія нѣмецкія прозаическія сочиненія, правильное пониманіе болѣе легкихъ прозаическихъ и поэтическихъ англійскихъ сочиненій; знаніе важнѣйшихъ явленій англійской литературы въ особенности новѣйшаго времени.

V-й классъ: обученіе членію и ударенію, съ указаніемъ на законы измѣненія гласныхъ (Lautverschiebung) и отношеніе ихъ къ ро-

мансенымъ и германскимъ элементамъ англійскаго языка; упражненіе въ чтеніи. Вся этимологія, при постоянномъ сравненіи съ нѣмецкою и французскою грамматиками; необходимыя для пониманія болѣе легкихъ отрывковъ правила изъ синтаксиса. Чтеніе повѣствовательной и описательной прозы.

VI-й классъ: повтореніе этимологіи, подробное разсмотрѣніе синтаксиса, со включеніемъ наклоненій и времени. Знаніе важнѣйшихъ производствъ и состава словъ. Письменныя упражненія — протія письма и описанія. Чтеніе дидактической и ораторской прозы.

VII-й классъ: бѣглое повтореніе всей грамматики на англійскомъ языкѣ. Краткій обзоръ важнѣйшихъ періодовъ исторіи литературы. Чтеніе поэтическихъ сочиненій, при чемъ, кромѣ хрестоматіи, въ каждый семестръ должно быть прочтано *одно* полное сочиненіе, имѣющее особенно важное значеніе. Школьныя и домашнія работы, а въ заключеніе самостоятельныя сочиненія.

6) *Исторія и географія*. Цѣль ихъ а) для низшей реальной школы: знаніе земной поверхности по ея важнѣйшимъ естественнымъ и политическимъ границамъ и по отношенію въ торговлѣ и промышлѣ, при чемъ особенно обращается вниманіе на Австрійско-Венгерскую монархію. Обзоръ важнѣйшихъ происшествій изъ всемірной исторіи; б) для высшей реальной школы: полное усвоеніе географическаго знанія; подробное знаніе главныхъ происшествій, исторія народовъ въ прагматической связи, съ спеціальнымъ обзорѣніемъ отечественной исторіи; изложеніе важнѣйшихъ моментовъ изъ исторіи труда и торговли, вторые составляютъ эпохи ея; подробное объясненіе гражданскихъ правъ и обязанностей.

I-й классъ: основныя положенія географіи, на сколько они необходимы для пониманія карты и могутъ быть объяснены наглядно. Описаніе земной поверхности по ея естественнымъ свойствамъ и общему раздѣленію на народы и государства, при постоянномъ употребленіи карты.

II-й классъ, 4 часа, изъ коихъ 2 часа посвящаются на спеціальную географію Азіи и Африки, подробное описаніе отношенія между землями и рѣчными областями западной и южной Европы, а другіе 2 часа на обзорѣніе древней исторіи.

III-й классъ: 4 часа, изъ коихъ 2 часа на спеціальную географію остальной Европы и въ особенности Германіи, а другіе 2 часа на обзорѣніе исторіи среднихъ вѣковъ, съ указаніемъ связи ихъ съ отечественною исторіей.

IV-й классъ: 2 часа: специальная географія отечества, очеркъ конституціи. Географія Америки и Австраліи. 2 часа: обзоръ исторіи новаго времени.

V-й классъ: прагматическая исторія древнихъ временъ съ нѣложеніемъ находящихса въ связи съ нею географическихъ данныхъ.

VI-й классъ: исторія отъ VI до XVII столѣтій, на такихъ же основаніяхъ.

VII-й классъ: подробная исторія XVIII и XIX столѣтій, при чемъ особенно обращается вниманіе на культурно-историческіе моменты, и специально на тѣ, которые имѣли вліяніе на различныя отрасли политической экономіи. Статистика Австрійско-Венгерской монархіи; подробное разсмотрѣніе конституціи.

7) *Формальная логика*. Цѣль: Связное знаніе общихъ формъ мышленія, какъ заключеніе всего пройденнаго и подготовка къ болѣе строгому научному обученію.

VII-й классъ: раскрытіе законовъ мышленія въ примѣненіи ихъ ко всѣмъ проходимымъ въ школѣ учебнымъ предметамъ.

8) *Математика*. Цѣль ея: а) для низшей реальной школы: точность въ словесномъ и письменномъ вычисленіи, особенно въ примѣненіи на практикѣ; четыре дѣйствія надъ общими числами и примѣненіе ихъ къ разрѣшенію уравненій первой степени съ однимъ и двумя неизвѣстными; б) для высшей реальной школы: основательное знаніе элементарной математики, какъ строго доказательной науки.

I-й классъ: десятичная система чиселъ. Основные дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами, съ десятичными дробями и безъ оныхъ. Дѣлимость чиселъ, наибольшій общій дѣлитель, наименьшее кратное число. Простыя дроби; превращеніе ихъ въ десятичныя дроби и обратно; періодическія десятичныя дроби. Сложныя именованныя числа.

II-й классъ: важнѣйшія свѣдѣнія о мѣрахъ, вѣсѣ, монетахъ, съ указаніемъ и разъясненіемъ французской системы. Отношенія и пропорціи; непрерывныя дроби; вычисленіе простыхъ процентовъ, дисконта и срочныхъ платежей; правила пропорціональнаго дѣленія, среднихъ чиселъ и смѣшенія.

III-й классъ: упражненія въ вычисленіяхъ съ сложными числами. Сложныя отношенія и примѣненіе ихъ къ задачамъ изъ практической жизни. Упражненіе въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ надъ общими числами съ одно- и многочленнымъ выраженіемъ, на сколько

это необходимо для учения о возвышеніи въ степень и извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней; возвышеніе во вторую и въ третью степень, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней безъ сокращеній и съ сокращеніемъ.

IV-й классъ: Повтореніе и болѣе подробное изложеніе ариметики низшей реальной школы; научное изложеніе первыхъ четырехъ дѣйствій, общій наибольшій дѣлитель и наименьшее кратное число; простыя дроби. Уравненіе первой степени съ однимъ и двумя неизвѣстными; практическія задачи.

V-й классъ: а) *Общая ариметика*: связанное повтореніе всего пройденнаго изъ ариметики; уравненіе первой степени со многими неизвѣстными; Диофантовы уравненія; системы чиселъ вообще и десятичныя въ особенности; теорія дѣлимости чиселъ; десятичныя дроби; степени и корни; знаніе мнимыхъ и сложныхъ чиселъ, четыре дѣйствія надъ ними; отношенія и пропорціи. Квадратныя уравненія съ однимъ и двумя неизвѣстными. б) *Геометрія*: планиметрія въ полномъ ея объемѣ, изложенная съ строго-научной точки зрѣнія; частныя упражненія въ рѣшеніи задачъ и построенія съ помощью геометрическаго анализа.

VI-й классъ: а) *Общая ариметика*: логарифмы; уравненія высшихъ степеней, которыя могутъ быть приведены къ квадратнымъ, показательныя уравненія; арифметическая и геометрическая прогрессія съ примѣненіемъ ихъ къ вычисленію процентовъ на проценты и ренты; понятіе о сходимости безконечныхъ рядовъ; ученіе о сочетаніяхъ; биномъ. б) *Геометрія*: гониометрія и плоская тригонометрія съ задачами; стереометрія съ упражненіемъ въ вычисленіи объема и поверхности тѣлъ; основаніе сферической тригонометрии съ задачами.

VII-й классъ: *Общая ариметика*: основаніе теорій вѣроятностей съ примѣненіемъ ея къ вычисленію вѣроятной продолжительности жизни. Основныя понятія объ арифметическихъ рядахъ высшихъ порядковъ съ обращеніемъ вниманія на интерполяцію. б) *Геометрія*: примѣненіе сферической тригонометрии къ задачамъ стереометрии и въ особенности сферической астрономіи; аналитическая геометрія на плоскости и аналитическое разсмотрѣніе пересѣченія прямыхъ линій, круга и конуса; упражненіе въ аналитической геометрии съ общими и особенными числами, въ построеніи соответствующихъ задачъ.

Повтореніе всего пройденнаго матеріала посредствомъ частныхъ задачъ.

9) *Естественная история и физика.* Цѣль ихъ а) въ высшей реальной школѣ: знакомство съ важнѣйшими формами органическаго и неорганическаго міра, основанное на наглядности и опредѣленіи различій ихъ; знаніе элементарныхъ естественныхъ явленій и ихъ законовъ, выведенное изъ опытовъ, съ указаніемъ на практическія примѣненія; б) для высшей реальной школы: систематическое обзорнѣе группъ животныхъ и растений, основанное на знакомствѣ съ важнѣйшими отдѣлами изъ ихъ анатоміи, физиологіи и морфологіи; знаніе формъ и свойствъ важнѣйшихъ минераловъ; пониманіе важнѣйшихъ естественныхъ явленій и ихъ законовъ, строго доказанныхъ посредствомъ элементарной математики; примѣненіе всего этого матеріала къ землѣ, какъ самостоятельному цѣлому, составленному изъ естественныхъ тѣлъ.

I-й классъ: наглядное преподаваніе *естественной исторіи*.
I-й семестръ: позвоночныя животныя; 2-й семестръ: безпозвочныя животныя.

II-й классъ: продолженіе. 1-й семестръ: минералогія, 2-й семестръ: ботаника.

III-й классъ: опытная физика. Общія свойства тѣлъ, теплота; статика и динамика твердыхъ, жидкихъ и упругихъ тѣлъ.

IV-й классъ: продолженіе: звукъ, свѣтъ, магнетизмъ, электричество.

V-й классъ: естественная исторія: основныя анатомо-физиологическія понятія о животномъ царствѣ, съ особннымъ рассмотрѣніемъ высшихъ животныхъ; систематика животныхъ съ подробнымъ рассмотрѣніемъ низшихъ животныхъ.

VI-й классъ: а) естественная исторія, 2 часа: основныя анатомо-физиологическія понятія о растительномъ царствѣ, систематика растений; б) физика, 4 часа: общія свойства тѣлъ, дѣйствіе молекулярныхъ силъ, механика, акустика.

VII-й классъ: а) физика, 4 часа: электричество, магнетизмъ, теплота, оптика, основныя понятія изъ астрономіи и математической географіи; б) естественная исторія, 3 часа. 1-й семестръ: знаніе важнѣйшихъ минераловъ въ кристаллографическомъ, физическомъ и химическомъ отношеніяхъ; геогнозіа; 2-й семестръ: основанія геологіи, важнѣйшія свѣдѣнія изъ климатологіи, географія растений и животныхъ.

10) *Общая химія.* Цѣль: подробное знаніе элементовъ и ихъ важнѣйшихъ соединений, изобрѣтенія и примѣненіе ихъ въ домашней жизни и промышленности.

IV-й классъ: обзоръ важнѣйшихъ элементовъ и ихъ соединеній, но безъ подробнаго теоретическаго изложенія и реакцій.

V-й классъ: законы химическихъ соединеній, атомы, молекулы, эквиваленты, типы, значеніе химическихъ символовъ и формулъ. Металлоиды, щелочные металлы, щелочныя земли.

VI-й классъ. 1-й семестръ: тяжелые металлы; 2-й семестръ: химія углеродовъ (одно-дву и многоосновные алькоольные радикалы).

VII-й классъ. 1-й семестръ: химія углеродовъ (другія вещества органическаго происхожденія); 2-й семестръ: повтореніе съ краткимъ объясненіемъ новѣйшихъ химическихъ теорій.

Занятія въ лабораторіи происходятъ внѣ обязательныхъ часовъ.

11) *Геометрическое черченіе и начертательная геометрія*. Цѣль ихъ а) для низшей реальной школы: знаніе элементовъ геометріи и геометрическихъ построеній; сноровка въ линейномъ черченіи; б) для высшей реальной школы: полное знаніе и приобрѣтеніе навыка въ ученіи о проеціяхъ, въ примѣненіи къ ученію о тѣлахъ, перспективѣ и изображенію техническихъ предметовъ.

I-й классъ: наглядное геометрическое обученіе. Геометрическія изображенія на плоскости (линіи, углы, треугольники, четырехугольники, многоугольники, круги, эллипсы), комбинаціи этихъ фигуръ; геометрическій орнаментъ; основанія геометріи въ пространствѣ; рисованіе съ проволочныхъ, деревянныхъ и гипсовыхъ моделей.

II-й классъ: планиметрія; упражненіе съ циркулемъ, употребленіе линейки и треугольника.

III-й классъ: то же, что и во II-мъ классѣ; примѣненіе примѣровъ изъ технической практики. Стереометрія.

IV-й классъ: примѣненіе первыхъ четырехъ алгебраическихъ дѣйствій къ разрѣшенію задачъ изъ планиметріи и стереометріи. Упраженіе въ черченіи важнѣйшихъ плоскихъ кривыхъ линій.

V-й классъ: ортогональная проеція точки и линіи. Ученіе о плоскости. Проеціи тѣлъ, ограниченныхъ плоскостями; пересѣченія тѣлъ плоскостями; взаимныя пересѣченія тѣлъ; кривыя линіи и ихъ отношеніе къ прямымъ линіямъ и плоскостямъ.

VI-й классъ: происхожденіе и изображеніе кривыхъ поверхностей; касательныя плоскости къ кривымъ поверхностямъ. Косныя проеціи (ученіе о тѣлахъ).

VII-й классъ: центральная проеція (перспектива). Краткое обзорѣніе всей начертательной геометріи; практическія примѣненія къ изображенію техническихъ предметовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСТАТКОВЪ ОТЪ СУММЪ, НАЗНАЧЕННЫХЪ НА УСТРОЙСТВО И СОДЕРЖАНІЕ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ 1866 — 1869 ГОДАХЪ.

Въ отчетахъ государственнаго контроля показано, что по § 10-му смѣты министерства народнаго просвѣщенія (за устройство и содержаніе народныхъ училищъ) образовались слѣдующіе остатки: въ 1866 году—56.942 руб. 99 коп., въ 1867 г.—81.836 руб. 81¹/₂ коп., въ 1868 г.—98.833 руб. 91¹/₄ коп. и въ 1869 г.—72.441 руб. 89 коп., всего 310.055 руб. 60³/₄ коп.

Основываясь на этихъ отчетахъ государственнаго контроля, редакция *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ рядѣ статей (№№ 310, 329 и 336-й), обвинила министерство народнаго просвѣщенія въ томъ, что „администрація считаетъ возможнымъ не расходовать даже и тѣхъ недостаточныхъ средствъ, какія ассигнуются на дѣло народнаго образованія“, что „отъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, постоянно оставались *большіе* остатки, обращенные въ доходъ казны, какъ будто не представлялось ни надобности, ни возможности, употребить ихъ съ пользою для народнаго образованія“. „Трудно повѣрить—говоритъ редакция этой газеты — возможности такого явленія въ государствѣ, которое предпринимаетъ у себя столь крупное и серіозное преобразование, какъ учрежденіе ландвера“. „Или народное образованіе—разсуждаетъ та же редакция—еще считается у насъ предметомъ роскоши, отъ котораго можно и должно урывать расходы, въ видахъ государственной экономіи“. „Министерство народнаго просвѣщенія, по словамъ той же редакціи, считаетъ возможнымъ сокращать государственные

расходы на учрежденіе народныхъ школъ противъ той суммы, какая ассигнуется государственнымъ советомъ“.

Смысль всѣхъ этихъ статей, какъ очевидно изъ приведенныхъ выписокъ, тотъ, что министерство народнаго просвѣщенія *намышленно* не употребляетъ на дѣло народныхъ училищъ и тѣхъ незначительныхъ суммъ, которыя ассигнуются на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства.

Между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія ежегодно распредѣляетъ на удовлетвореніе нуждъ народнаго образованія всѣ суммы, назначаемыя правительствомъ, безъ всякаго остатка.

Поэтому министръ народнаго просвѣщенія обратился съ просьбою къ государственному контролеру доставить точныя свѣдѣнія: 1) по какимъ именно казеннымъ палатамъ образовались остатки отъ кредита § 10, въ теченіе 1866, 1867, 1868 и 1869 гг.; 2) въ какомъ именно количествѣ за каждый изъ этихъ годовъ показаны эти остатки по казеннымъ палатамъ, въ отдѣльности по каждой.

Свѣдѣнія эти доставлены и предложено попечителямъ учебныхъ округовъ сообщить надлежащія объясненія; но ожидать ихъ въ скоромъ времени нельзя, потому что могутъ потребоваться сношенія съ 37-ю казенными палатами.

Впрочемъ, одинъ бѣглый взглядъ на цифры государственнаго контроля достаточно разъясняетъ уже большую часть дѣла. Такъ за 1867 г. показанъ остатокъ 81.836 руб. 81¹/₂ коп., и въ томъ числѣ по одной Кіевской казенной палатѣ 76.087 руб. 71¹/₂ коп.; значить, по всѣмъ остальнымъ губерніямъ не израсходовано въ этотъ годъ всего 5.749 р. 10 коп.; въ 1868 г. остатокъ составлялъ 98.833 руб. 91¹/₄ коп., въ томъ же году и по той же Кіевской казенной палатѣ 87.666 р. 95 к.; значить, по всѣмъ остальнымъ губерніямъ осталось неизрасходованныхъ въ 1868 году 11.166 руб. 96¹/₄ коп.

Такимъ образомъ одинъ остатокъ по Кіевской казенной палатѣ въ два года (163.754 руб. 66¹/₂ коп.) составляетъ болѣе половины всѣхъ суммъ, неистребованныхъ по народнымъ училищамъ всѣхъ губерній за четыре года (310.055 руб. 60³/₄ коп.).

Естественно, что всякій, желающій сдѣлать правильный выводъ изъ разсматриваемаго имъ ряда цифръ, не можетъ не остановиться на такихъ относительно крупныхъ цифрахъ, которыя показаны по Кіевской казенной палатѣ, особенно когда въ той же вѣдомости, напримѣръ, за 1868 годъ, читаетъ, что осталось неизрасходованнымъ по казеннымъ палатамъ: Гродненской 85 руб. ¹/₂ коп., Вологодской —

76 руб. 56¹/₄ коп., Казанской—64 руб. 32 коп., Минской—47 руб. 7¹/₄ коп., Архангельской—27 руб. 2 коп., Калужской—10 руб., Ковенской 37¹/₄ коп. Сопоставленіе съ этими цифрами такихъ относительно значительныхъ суммъ какъ 76.000 и 87.000 руб. невольно останавливаетъ всякаго, лишь бѣгло взглянувшаго на вѣдомость, и заставляетъ предполагать, что, вѣроятно, были особыя причины, по которымъ нельзя было израсходовать суммы, предназначавшіяся на народныя училища по Кіевской казенной палатѣ.

И дѣйствительно, для этого были особыя причины, и вотъ какія: Отпускъ суммъ на народныя училища въ юго-западномъ краѣ былъ тѣсно связанъ съ устройствомъ тамъ всей вообще училищной части и именно былъ этимъ обусловленъ. Соображенія по этому сложному дѣлу, обнимавшему не одни сельскія училища, но и учрежденіе инспекцій народныхъ училищъ, учительской семинаріи, 32-хъ двухклассныхъ городскихъ училищъ и столькихъ же женскихъ, женской гимназіи и трехъ женскихъ прогимназій, получены были отъ бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа въ 1867 году, разсматривались въ ученomъ комитетѣ и совѣтѣ министра и сообщались на заключеніе генераль-губернатора.

Окончательно разработанные по этому предмету проекты министерства народнаго просвѣщенія были внесены въ государственный совѣтъ въ маѣ 1868 года и представлены на Высочайшее утвержденіе въ маѣ 1869 года.

Между тѣмъ, по ходатайству покойнаго генераль-губернатора Бе-зака, Высочайше утверждено было 29-го января 1868 года мнѣніе государственнаго совѣта—отнести на суммы, предназначавшіяся на учебную часть въ юго-западномъ краѣ, удовлетвореніе учрежденной въ 1863 году въ Кіевскомъ генераль-губернаторствѣ сельской стражи въ селеніяхъ этого края.

Такимъ образомъ оказывается, что въ теченіе четырехъ лѣтъ осталось собственно неизрасходованными на народныя училища, по показаніямъ государственнаго контроля, 146.300 руб. 94¹/₄ коп., что составляетъ въ годъ 36.575 руб. 23¹/₂ коп. на всю имперію. Причины неупотребленія этихъ денегъ на предметъ ихъ назначенія могутъ быть разъяснены только по полученіи отзывовъ отъ всѣхъ гг. попечителей учебныхъ округовъ.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ ¹⁾.

Мысль объ учрежденіи въ Царскомъ Селѣ общеобразовательнаго заведенія съ гимназическимъ курсомъ существовала въ средѣ Царскосельскаго общества съ давнихъ поръ. Инициатива ея принадлежить нуждѣ и времени, а совершеніе — всему обществу, дѣятельными представителями котораго были: начальникъ города генераль-адъютантъ Г. Ѳ. Гогель, домовладѣльцы: генераль-адъютантъ П. Н. Слѣпцовъ, дѣйств. ст. сов. Ѳ. Ѳ. Жуковский-Волынскій, генераль-майоръ П. М. Мейеръ и бургомистръ, почетный гражданинъ П. Ѳ. Саудинъ.

Починъ дѣла объ учрежденіи Царскосельской гимназій относится въ 1866 году. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года обыватели городовъ Царскаго Села и Павловска, давно уже испытывая затрудненія въ образованіи дѣтей своихъ по неимѣнію въ Царскомъ Селѣ мужскаго учебнаго заведенія и стѣсняясь, по недостаточности своей, опредѣленіемъ ихъ въ учебныя заведенія С.-Петербурга, обратились въ Царскосельскую городскую ратушу съ просьбою принять на себя ходатайство объ учрежденіи въ Царскомъ Селѣ мужской гимназій. Это прошеніе, подписанное 148-ю лицами, было представлено ратушей, въ

---

¹⁾ Матеріалами для составленія настоящей статьи служили: 1) Дѣло Царскосельской городской ратуши объ учрежденіи мужской гимназій. Началось 5-го марта 1866 года. 2) Дѣло Царскосельскаго дворцоваго правленія о томъ же. Началось 16-го апрѣля 1866 года. 3) Дѣло департамента народнаго просвѣщенія о томъ же. Началось 5-го іюля 1868 года. (По разряду средн. уч. зав. № 58). 4) Дѣло канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа о томъ же. (1869 года № 245). 5) Дѣла канцеляріи Николаевской Царскосельской гимназій 1870 года: а) объ открытіи гимназій, б) объ учрежденіи при ней пригготовительнаго класса, в) объ опредѣленіи должностныхъ лицъ. 6) *Санктпетербургскія Видомости* 1870 года № 196 и *Петербургская Газета* 1870 года № 131.

апрѣлѣ того же года, въ общественное собраніе, которое, принявъ во вниманіе, что учрежденіе въ Царскомъ Селѣ мужской семиклассной гимназій, примѣнительно къ общему уставу гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденному 19-го ноября 1864 года, вполне необходимо по мѣстнымъ потребностямъ и полезно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ образованіе дѣтей жителей означенныхъ городовъ въ Петербургѣ не только составляетъ важное затрудненіе, но и требуетъ весьма значительныхъ расходовъ, недоступныхъ многимъ, а въ особенности гражданамъ недостаточнаго состоянія, между прочимъ, постановило: 1) предоставить городской ратушѣ просить г. управляющаго Царскимъ Селомъ объ исходатайствованіи разрѣшенія: а) на учрежденіе въ Царскомъ Селѣ гимназій, б) на наименованіе оной *Александровскою*, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора Александра II-го 4-го апрѣля 1866 года, в) на принятіе этого учебнаго заведенія подѣ Высочайшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны, подобно существующей уже Царскосельской женской гимназій, и г) на Всемилостивѣйшее соизволеніе быть попечителями онаго Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому; 2) подѣ помѣщеніе гимназій обратитъ строящееся на Всемилостивѣйше пожалованномъ мѣстѣ, на суммы, собранныя исключительно съ купцовъ, новое зданіе съ церковью, предназначенное для общественной богадѣльни¹⁾; для

¹⁾ Въ 1862 году, по ходатайству городскихъ обществъ Царскаго Села, Павловска и Гатчины, Высочайше разрѣшено было построить въ Царскомъ Селѣ, въ память почивающаго въ Бозѣ Императора Николая Павловича и въ ознаменованіе совершеннолѣтія Цесаревича Николая Александровича, каменное зданіе общественной богадѣльни, для призванія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ трехъ названныхъ городовъ. Но осуществленіе этого предпріятія было замедлено случившимся въ Царскомъ Селѣ пожаромъ, который, истребивъ мѣстный гостинный дворъ, вызвалъ въ замѣнъ сгорѣвшаго постройку новаго каменнаго зданія, истощившую всѣ наличныя средства городской казны. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, и самыя условія, при которыхъ возникла мысль объ учрежденіи богадѣльни, существенно измѣнились: по изданіи въ 1863 году новаго устава о пошлинахъ за право торговли, въ силу котораго Царское Село отнесено, по плътежу торговыхъ пошлинъ къ 3-му разряду городовъ, число лицъ купческаго званія въ этомъ городѣ значительно уменьшилось перечисленіемъ его въ городъ низшаго разряда, такъ что за тѣмъ дальнѣйшее распространеніе богадѣльни оказалось ненужнымъ, и по замѣчанію мѣстнаго начальства, не только не принесло бы существенной пользы, но послужило бы средствомъ къ усилению тунеядства. Для постояннаго помѣщенія престарѣлыхъ и убогихъ гражданъ оказалось со-

постояннаго же помѣщенія бѣдныхъ гражданъ, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, ходатайствовать объ учрежденіи въ городскомъ госпиталѣ особаго отдѣленія богадѣльныхъ, съ наименованіемъ ихъ *Николаевскими*, въ память въ Возѣ почившихъ Государя Императора Николая Павловича и Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича; 3) на покрытіе расходовъ, какъ по содержанію гимназій, такъ и по ремонту зданія; во первыхъ, взимать съ каждаго учащагося въ гимназій, сына купца или мѣщанина, по 40 руб., а съ лицъ прочихъ званій по 45 руб. въ годъ¹⁾; во вторыхъ, отъ общества гражданъ назначить изъ процентовъ съ общественнаго капитала, розданнаго въ ссуду, по 3.000 руб. въ годъ, и третьихъ, пригласить дворянъ, чиновниковъ и разночинцевъ, живущихъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, опредѣлить сумму постояннаго ежегоднаго взноса на содержаніе гимназій; и 4) если предположеніе общества будетъ удостоено Высочайшаго соизволенія, съ отиѣной устава Царскосельской общественной богадѣльни, Высочайше утвержденнаго 22-го ноября 1863 года, то образовать особый комитетъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій для составленія устава Царскосельской мужской гимназій, принявъ въ основаніе, чтобы преподаваніе наукъ въ гимназій было подчинено общимъ правиламъ министерства народнаго просвѣщенія, а хозяйственная часть сосредоточивалась исключительно въ постоянномъ комитетѣ, который долженъ состоять при гимназій изъ директора ея и почетныхъ попечителей отъ всѣхъ сословій, и отдавать ежегодные отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ городскому обществу. Этотъ приговоръ составленъ въ присутствіи бургомистра, ратмановъ и секретаря городской ратуши и подписанъ 66-ю гражданами.

Г. управляющій Царскимъ Селомъ, по разсмотрѣніи вышензаясненнаго постановленія общественнаго собранія, принявъ въ соображеніе, что назначенная, по росписанію городскихъ расходовъ, окончательная отдѣлка зданія, предназначеннаго для общественной богадѣльни, за недостаткомъ средствъ на городскія потребности, отложена на будущее время, не нашелъ благовременнымъ, по этой причинѣ, входить съ представленіемъ къ г. министру Императорскаго двора объ открытіи въ означенномъ зданіи гимназій, а потому далъ знать ратушѣ,

вершено достаточнымъ имѣть при существующемъ городскомъ госпиталѣ особое отдѣленіе изъ двухъ палатъ для неизлѣчимо больныхъ и убогихъ обоаго пола.

¹⁾ Въ рапортѣ ратуши г. управляющему Царскимъ Селомъ значится по 60 руб. въ годъ.

что, сердечно сочувствуя желаніямъ гражданъ, предоставляет ей войти къ нему по этому предмету съ особымъ представленіемъ по совершенномъ окончаніи, освидѣтельствovanіи и приѣмѣ зданія.

По мѣрѣ приведенія зданія къ окончанію, Царкосельцы все болѣе и болѣе одушевлялись желаніемъ основать среднее общеобразовательное учебное заведеніе и прискивали средства къ осуществленію этого завѣтнаго желанія образованіемъ, если не гимназій, то хотя прогимназій. Но до 1868 года не представлялось къ этому никакихъ ирямыхъ источниковъ.

21-го января 1868 года, Царкосельскіе домовладѣльцы, собранные для выбора постоянныхъ членовъ и предсѣдателя въ комиссію по раскладкѣ налога на недвижимую собственность горожанъ, узнавъ, что, по ходатайству раскладочной комиссіи, упомянутый налогъ уменьшенъ на половину, постановили: „Имѣя въ виду, что вмѣсто 9.272 р. прошлогодняго налога намъ опредѣленъ налогъ въ 4.737 р., слѣдовательно, мы будемъ платить противъ прежняго на 4.535 руб. менѣе; принимая во вниманіе самую настоятельную крайнюю необходимость для всѣхъ насъ давать дѣтямъ нашимъ современное образованіе; испытывая значительныя затрудненія, особенно тяжелыя для тѣхъ изъ насъ, кто менѣе достаточенъ, въ достиженіи такого образованія не иначе, какъ отправленіемъ дѣтей нашихъ въ столицу, мы жертвуемъ изъ этого остатка отъ налога $\frac{2}{3}$, то-есть, 3.000 руб., ежегодно на содержаніе прогимназій. Это пожертвованіе обязательно для всѣхъ наличныхъ и для всѣхъ отсутствующихъ, настоящихъ и будущихъ владѣльцевъ недвижимой собственности въ Царскомъ Селѣ — до толѣ, пока будущія обстоятельства могли бы потребовать измѣненія въ назначеніи, или размѣрѣ, этой суммы, которое и тогда можетъ быть произведено не иначе какъ по согласію съ городскимъ купечествомъ и такимъ же общимъ собраніемъ владѣльцевъ. Въ пожертвованіи этомъ не можетъ быть никакихъ недонмовъ: поступаая на общепользныи предметъ умственнаго развитія и основательнаго образованія дѣтей нашихъ, безъ чего имъ нельзя обойтись, и составляя одинъ изъ основныхъ источниковъ существованія прогимназій, издержекъ для которой разъ опредѣленныхъ, уже никакъ нельзя сократить, или не выполнить, мы дѣлаемъ уплату этого пожертвованія самымъ обязательнымъ, безотговорнымъ и неотмѣннымъ нашимъ общимъ долгомъ. Для этого мы предоставляемъ городской ратушѣ или городскому управленію, которое можетъ ее замѣнить, взыскивать этотъ долгъ съ насъ одновременно со взысканіемъ налога на недвижимую собственность и при-

мѣняясь къ тѣмъ же правиламъ раскладки этого пожертвованія соразмѣрно съ цѣнностію недвижимыхъ имуществъ". Этотъ приговоръ составленъ въ присутствіи бургомистра, ратмановъ и секретаря городской ратуши и подписанъ 109-ю лицами.

Въ тотъ же день домовладѣльцы, имѣя въ виду, что для учрежденія прогимназіи слѣдуетъ предварительно составить проектъ устава и собрать разныя свѣдѣнія, относящіяся къ этому предмету, постановили избрать изъ среды себя почетнаго попечителя, на основаніи § 74 устава гимназій, и назначить лица къ составленію упомянутаго проекта. Избраны были единогласно: почетнымъ попечителемъ генерал-майоръ П. М. Мейеръ, а членами для составленія проекта и для обсужденія другихъ относящихся къ этому дѣлу предметовъ: дѣйств. ст. совѣтники Ѳ. Ѳ. Жуковскій-Волынскій, В. Е. Купферъ и Д. А. Чубиновъ, священникъ (нынѣ протоіерей) А. А. Вѣтвеницкій, полковникъ В. В. фонъ-Виттъ, ст. сов. А. О. Невинскій и почетный гражданинъ А. В. Кривцовъ.

Оба вышеприведенные приговора Царскосельскихъ домовладѣльцевъ, 19-го февраля 1868 года, предъявлены были въ Царскосельской городской ратушѣ на общественномъ собраніи гражданъ городовъ Царскаго Села, Павловска и Гатчины, которые, сочувствуя столь благому и во всѣхъ отношеніяхъ полезному учрежденію, съ своей стороны постановили: „1) Для содержанія въ Царскомъ Селѣ мужской прогимназіи, въ счетъ слѣдующей по имѣющему основанія штату суммы, отпускать изъ общественнаго капитала каждаго года по 5.000 р. впередъ до прекращенія надобности въ семь расходъ, производа таковой на каждую треть года впередъ и отчисляя изъ процентовъ съ общественнаго долга 100.000 руб., пока не прекратится существованіе его, на случай чего заблаговременно распорядиться кому слѣдуетъ объ изысканіи другихъ средствъ, не прекращая во всякомъ отношеніи подобнаго расхода, во избѣжаніе остановки въ содержаніи прогимназіи по штату; это назначеніе обязательно для всего нашего городского общества и можетъ подлежать отмінію лишь за упраздненіемъ самаго учрежденія; 2) для взаимнаго совѣщанія на общую пользу по составленію проекта устава и штата прогимназіи, равно и для собранія необходимыхъ для сего свѣдѣній, со стороны городского общества назначаемъ: отъ Царскаго Села — П. Ершкіна, И. Бѣлова, И. Липина, С. Мясникова и В. Тельнова; отъ Павловска — Коковщина, Иорданскаго и А. Кирилова; 3) при составленіи проекта устава мы полагаемъ справедливымъ включить, чтобы бургомистръ или бу-

дущее послѣ него лицо имѣлъ право участія во всѣхъ хозяйственныхъ и административныхъ распоряженіяхъ по гимназій, исключая собственно учебной части; 4) такъ какъ по приговору 10-го апрѣля 1866 года, для помѣщенія гимназій предполагался строящійся домъ общественной богадѣльни, на которую Высочайше утвержденъ уставъ, то если послѣдуетъ утвержденіе сего предположенія, постановляемъ, чтобъ это общественное зданіе, выстроенное на Всемилоствѣйше пожалованномъ мѣстѣ, въ память въ Божѣ почившихъ Государя Императора Николая I и Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, сохранило навсегда именованіе Николаевскаго, какое бы богоугодное учрежденіе въ немъ ни помѣщалось; а впредь до распоряженій окончательно по сей постройкѣ, поручить назначеннымъ нами и домовладѣльцами лицамъ прискать въ наемъ частный домъ за умѣренную плату, дабы этимъ сколь возможно успѣшнѣе осуществить открытіе прогимназій; и 5) все, что настоящимъ приговоромъ постановлено, служить въ отмѣну или соотвѣтственное измѣненіе по приговору 10-го апрѣля 1866 года". Этотъ приговоръ составленъ въ присутствіи бургомистра, ратмановъ и секретаря городской ратуши и подписанъ 82-мя гражданами.

Имѣя вѣрныя и достаточныя (съ присоединеніемъ къ пожертвованнымъ суммамъ предположеннаго сбора за ученіе), при готовомъ помѣщеніи, средства на содержаніе прогимназій, члены совѣщательнаго комитета, уполномоченные постановленіями 21-го января и 19-го февраля 1868 г. для составленія проекта устава и обсужденія всѣхъ предметовъ, относящихся къ устройству предположенной прогимназій, избрали изъ среды себя предсѣдателемъ генераль-майора П. М. Мейера и поручили ему составить проектъ устава и собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія. Проектъ былъ составленъ, одобренъ членами комитета и 28-го іюня 1868 года представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Министерство, разсмотрѣвъ проектъ, нашло, что онъ какъ въ текстѣ, такъ и въ штатахъ, значительно отстаетъ отъ Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 года устава гимназій и прогимназій. Главнѣйшее отступленіе состояло въ томъ, что управленіе проектируемою прогимназій ввѣрялось не инспектору и педагогическому совѣту, члены котораго назначались бы правительствомъ, а выборному лицу (почетному попечителю) и выборной коллегіи (совѣту прогимназій). Поэтому министерство народнаго просвѣщенія уведомило предсѣдателя совѣщательнаго комитета, что если Царскосельское городское общество желаетъ, чтобы предположенная

имъ прогимназія пользовалась правами *казенныхъ* прогимназій, то необходимо предоставить управление этимъ заведеніемъ, на общемъ основаніи, инспектору и педагогическому совѣту, при участіи почетнаго попечителя, избираемаго обществомъ на 3 года, согласно §§ 74 и 78 устава 1864 года. Въ противномъ случаѣ, предполагаемая прогимназія можетъ существовать лишь какъ *частное* учебное заведеніе.

Указаніе министерства, что прогимназія на проектированныхъ основаніяхъ управленія можетъ существовать только какъ частное учебное заведеніе, и положительно выраженное общее желаніе горожанъ—не устранять предполагаемое учебное заведеніе отъ непосредственнаго надзора учредителей, привели горожанъ къ рѣшенію открыть частную гимназію. Къ тому же и самыя средства, предназначенныя для образованія и содержанія предполагаемой прогимназій, съ теченіемъ времени увеличились и давали возможность проектировать заведеніе съ высшимъ противъ прогимназій курсомъ: именно въ дополненіе къ 8.000 руб., пожертвованнымъ на прогимназію отъ домовладѣльцевъ и отъ купеческаго и мѣщанскаго обществъ, городскіе депутаты, собравшіеся 14-го ноября 1868 г. для разсмотрѣнія росписи городскихъ доходовъ и расходовъ на 1869 годъ, актомъ 30-го ноября 1868 года постановили—включать ежегодно въ роспись городскихъ расходовъ, начиная съ 1869 года, по 2.000 руб. на содержаніе Царскосельской прогимназій.

Прійдя къ рѣшенію о частной гимназій, уполномоченные отъ горожанъ члены совѣщательнаго комитета, въ засѣданіи 11-го мая 1869 года, опредѣлили: открыть въ Царскомъ Селѣ частную мужскую шестиклассную реальную гимназію, какъ существенно необходимую для большинства населенія.

Въ іюлѣ того же года представленъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія проектъ плана устройства предполагаемой *шестиклассной частной реальной гимназій*. По этому плану, гимназія должна соответствовать казеннымъ реальнымъ гимназіямъ, и потому въ ней должны преподаваться тѣ же предметы, какъ и въ этихъ послѣднихъ. Для желающихъ же, кромѣ того, должны преподаваться съ III-го класса латинскій языкъ, съ IV-го — англійскій языкъ, а съ открытіемъ старшихъ классовъ, V-го и VI-го, законовѣдѣніе. Для желающихъ поступить въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія, ученіе въ VI-мъ классѣ предполагалось продолжать два года, при чемъ второй годъ предназначался на повтореніе, такъ что учебный курсъ продолжался собственно 6 лѣтъ.

При гимназии предполагалось открыть особые классы для преподаванія искусствъ: стенографіи, пѣнія, гимнастики, и ремеслъ: переплетнаго, столярнаго, слесарнаго и другихъ съ техническимъ рисованіемъ.

Завѣдываніе гимназіей предоставлялось частному лицу, съ званіемъ главнаго надзирателя, которому вручались всѣ суммы, предназначенныя на содержаніе гимназіи, и предоставлялось наблюденіе за частями учебною, нравственною и хозяйственною; но непосредственное управленіе гимназіей по всѣмъ частямъ обученія и хозяйства ввѣрялось почетному попечителю, избранному горожанами, предсѣдательствующему въ попечительномъ совѣтѣ, избранномъ изъ числа учредителей.

Министерство народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ этотъ планъ, нашло, что къ учрежденію предполагаемой Царкосельской частной реальной гимназіи, на проектированныхъ основаніяхъ, хотя и не можетъ встрѣтиться со стороны ея никакихъ препятствій, какъ равно и къ обученію въ ней англійскому языку, законовѣднію и ремесламъ, но что, во всякомъ случаѣ, въ виду того, что казенныя гимназіи, въ которыхъ не преподаются ни англійскій языкъ, ни законовѣдніе, ни ремесла, и безъ того страдаютъ многопредметностію, полагало не неудобнымъ замѣтить, что значительное увеличеніе числа учебныхъ предметовъ и крайнее усиленіе занятій учащихся многими разнородными предметами въ проектируемой Царкосельской гимназіи едва-ли приведетъ къ ожидаемымъ полезнымъ результатамъ. Къ тому же и обученіе латинскому языку только съ III-го класса едва-ли можетъ быть вполне успѣшно. Опытъ казенныхъ гимназій, въ которыхъ принято было это правило, убѣдилъ въ необходимости ввести обученіе латинскому языку съ I-го класса, что въ равной мѣрѣ было признано полезнымъ и при составленіи новаго устава гимназій.

Сообщая эти замѣчанія не какъ обязательное правило для учредителей проектируемой гимназіи, но какъ указанія, въ видахъ пользы дѣла, и не имѣя въ виду стѣснять распоряженій учредителей гимназіи въ устройствѣ ея, какъ частнаго учебнаго заведенія, на предложенныхъ въ проектѣ плана началахъ, министерство увѣдомило предсѣдателя совѣщательнаго комитета, что разрѣшеніе на учрежденіе такого учебнаго заведенія зависитъ отъ начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, къ которому учредители и должны поэтому обратиться съ ходатайствомъ: во-первыхъ, о выдачѣ свидѣтельства на открытіе гимназіи, на правахъ частнаго учебнаго заведенія I-го разряда, и во-вторыхъ, объ особомъ представленіи въ министер-

ство народнаго просвѣщенія относительно испрошенія Высочайшаго соизволенія на присвоеніе этому учебному заведенію права именоваться *частною реальною гимназіей*.

Принявъ указанія министерства народнаго просвѣщенія за разрѣшеніе дѣла, и почитая себя обезпеченными со стороны учебнаго управленія, учредители представили г. управляющему г. Царскимъ Селомъ генераль-адъютанту Г. Θ. Гогелю, что они получили уже разрѣшеніе г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія открыть въ Царскомъ Селѣ учебное заведеніе на основаніяхъ разсмотрѣннаго учебнаго плана реальной гимназій, на правахъ частнаго учебнаго заведенія 1-го разряда, съ тѣмъ, чтобъ о присвоеніи этому заведенію названія *частной реальной гимназій* было испрошено Высочайшее соизволеніе, и потому просили генераль-адъютанта Гогеля, какъ главнаго начальника города, составляющаго собственность Царствующаго Государя Императора, о дозволеніи помѣстить гимназію въ зданіи, предполагаемомъ для богадѣльни.

Генераль-адъютантъ Г. Θ. Гогель, горячо принимая къ сердцу благосостояніе вѣрннаго ему города и имѣя въ виду представленіе учредителей, что они получили уже разрѣшеніе открыть частную реальную гимназію, съ тѣмъ только, чтобъ о присвоеніи ей этого названія было испрошено Высочайшее соизволеніе, вошелъ съ ходатайствомъ къ г. министру Императорскаго двора объ открытіи гимназій и о помѣщеніи ея въ домѣ, предназначенномъ для общественной богадѣльни. Министръ двора, предварительно дальнѣйшаго распоряженія по этому ходатайству, просилъ г. управляющаго Царскимъ Селомъ сообщить ему заключеніе, въ какой степени предположеніе Царскосельскихъ гражданъ можетъ быть признано вѣрнымъ обезпеченіемъ содержанія предполагаемаго заведенія и можно ли съ увѣренностью разчитывать на своевременное поступленіе предлагаемыхъ взносовъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, заведеніе, требующее постоянныхъ и неотложныхъ расходовъ, было бы поставлено въ крайне затруднительное положеніе. Виѣсть съ тѣмъ, сообщивъ министерству народнаго просвѣщенія, о предположеніи Царскосельскаго общества ходатайствовать объ учрежденіи мужской гимназій или прогимназій, съ присвоеніемъ ей наименованія Николаевской, просилъ его, предварительно всеподданнѣйшаго доклада, объ этомъ предположеніи Царскосельцевъ, сообщить ему свое заключеніе по этому дѣлу, а равно и свѣдѣніе о расходахъ, какіе потребны на содержаніе таковаго учебнаго заведенія.

Г. управляющій Царскимъ Селомъ, вслѣдствіе запроса министра Императорскаго двора, собравъ точныя и подробныя свѣдѣнія о предназначенныхъ средствахъ на содержаніе предположенной Царкосельской гимназіи, и сердечно сочувствуя общему желанію гражданъ, донесъ, что исправность взноса предназначенныхъ на содержаніе прогимназіи суммъ обеспечивается: со стороны домовладѣльцевъ—недвижимую ихъ собственностію, а со стороны купеческаго и мѣщанскаго обществъ—капиталомъ, розданнымъ въ ссуды, и общественными сборами, могущія же встрѣтиться случайныя недоимки по взносамъ—составившимся уже изъ поступившихъ взносовъ капиталомъ 16.127 р. 25 коп., и потому представлялъ, что если приговоры горожанъ, составленные 21-го января и 19-го февраля 1868 года будутъ удостоены Высочайшаго утвержденія, то получивъ силу закона, сдѣлаются обязательными, какъ для настоящихъ, такъ и будущихъ Царкосельскихъ обывателей, и поступленіе предлагаемыхъ суммъ будетъ своевременное и бездоимочное. Но какъ предложенныя средства недостаточны для открытія не только гимназіи, но и прогимназіи, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 года устава и штатовъ, то Г. О. Гогель присовокуплялъ, что горожане, желая скорѣе осуществить настоящую потребность въ открытіи учебнаго заведенія, предположили, впредь до изысканія большихъ средствъ, открыть въ Царскомъ Селѣ на свои пожертвованія не казенную прогимназію, а частную мужскую реальную гимназію, подъ названіемъ Николаевской. Въ заключеніе же онъ доносилъ, что всѣ домовладѣльцы-горожане и служащіе въ Царскомъ Селѣ лица надѣются, что дѣти бѣднѣйшихъ изъ нихъ будутъ осчастливлены помѣщеніемъ въ гимназію стипендіатами Его Императорскаго Величества на проценты отъ оставшагося свободнаго капитала по сооруженію и содержанію часовни въ Александровкѣ, каковое Всемилостивѣйшее пособіе послужитъ поддержаніемъ средствъ, имѣющихся на содержаніе гимназіи ¹⁾.

¹⁾ У Царкосельской станціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, близъ деревни Александровки, воздвигнута Вознесенская часовня, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора Александра Николаевича въ Паркѣ 25-го мая 1867 года. На сооруженіе этой часовни собрано было по подпискѣ, къ 1-му января 1869 года, 41.698 руб. 35³/₄ коп., а на постройку часовни по смѣтѣ исчислено было 10 т. руб. Жертвователями было предположено: остатокъ, свободный за окончательнымъ устройствомъ часовни, употребить для благотворительныхъ дѣлей въ Царскомъ Селѣ. На этомъ основаніи, по желанію Царкосельцевъ, предсѣдатель совѣщательнаго комитета П. М. Мейеръ обращался въ 1868 году къ гошмейстеру барону Булеру, завѣдывавшему соору-

Между тѣмъ г. министръ народнаго просвѣщенія, въ виду сообщенія г. министра Императорскаго двора, и принявъ во вниманіе, что изъ него не видно, какое именно среднее учебное заведеніе Царскосельци желаютъ учредить, казенное или частное, и съ какимъ именно курсомъ, а также въ какой связи находится изъясненное въ этомъ соображеніи предположеніе жителей Царскаго Села съ бывшимъ въ разсмотрѣніи министерства народнаго просвѣщенія планомъ устройства частной реальной шестиклассной гимназіи, обратился къ министру Императорскаго двора съ просьбой увѣдомить его, для соображеній, остается ли первоначальное предположеніе жителей Царскаго Села объ устройствѣ частной реальной гимназіи въ своей силѣ, или же вмѣсто ея предполагается учредить и помѣстить въ домѣ, предназначенномъ для богадѣльни, гимназію, съ наименованіемъ *Николаевскою*. На случай же, если первоначальное предположеніе жителей Царскаго Села объ учрежденіи частной реальной гимназіи будетъ оставлено безъ исполненія, г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ для свѣдѣнія г. министра двора, что въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія существуютъ классическія и реальныя гимназіи и прогимназіи, подчиненныя дѣйствию Высочайше утвержденного 19-го ноября 1864 года штата этихъ учебныхъ заведеній, въ чемъ первыя подраздѣляются на гимназіи и прогимназіи: а) съ двумя древними языками и б) однимъ древнимъ языкомъ. Содержаніе гимназій и прогимназій классическихъ по штату: а) съ двумя древними языками: гимназіи 21.200 руб., прогимназіи — 11.950 руб. и б) съ однимъ древнимъ языкомъ: гимназіи 19.880 руб., прогимназіи 11.020 руб. Содержаніе реальныхъ: гимназій 20.290 руб. и прогимназій 11.280 руб. Кроме того полагается на ежегодное содержаніе дома каждой гимназіи 2.000 руб. и прогимназіи 1.500 руб.

По соображеніи отзывовъ генераль-адъютанта Гогеля и министра народнаго просвѣщенія, г. министръ Императорскаго двора въ декабрѣ 1869 года всеподданнѣйше повергалъ ходатайство Царско-

женіемъ часовни, съ просьбою объ исходатайствованіи разрѣшенія обратить остатокъ въ неприкосновенный капиталъ для уплаты, изъ процентовъ съ оного, за обученіе въ прогимназіи бѣднѣйшихъ дѣтей изъ Царскосельскихъ горожанъ. Баронъ Бюлеръ увѣдомилъ г. Мейера, что просьбы горожанъ будутъ повергнуты, чрезъ г. министра Императорскаго двора, на всемілостивѣйшее возвращеніе Государя Императора, но что разрѣшъ остатка можетъ быть опредѣленъ только по окончательномъ устройствѣ часовни и по опредѣленіи суммы, необходимой на ея содержаніе и на содержаніе сторожа при ней.

сельцевъ на Высочайшее усмотрѣніе Государя Императора, вмѣстѣ съ общественными приговорами о ежегодныхъ на содержаніе гимназій сборахъ; и Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: 1) согласно ходатайству гражданъ, не измѣняя первоначальной цѣли постройки въ Царскомъ Селѣ не оконченнаго еще зданія общественной богадѣльни, въ память почившихъ въ Бозѣ Императора Николая Павловича и Цесаревича Николая Александровича, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, обратить это зданіе, съ необходимыми въ немъ приспособленіями, на частную мужскую реальную гимназію, присвоивъ ей наименованіе *Николаевской*; 2) на содержаніе упомянутой гимназій, независимо отъ образовавшагося уже запаснаго капитала 16.127 руб., вносить, согласно общественнымъ приговорамъ, ежегодно: домовладѣльцамъ по 3.000 руб., купеческому и мѣщанскому обществамъ по 5.000 р., и включать въ роспись городскихъ расходовъ по 2.000 р., и 3) всѣ дальнѣйшія распоряженія по учрежденію Царскосельской реальной гимназій, по составленію и утвержденію, въ установленномъ порядкѣ, устава этого заведенія и вообще организациі его, предоставить, по принадлежности, ближайшему усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

По сообщеніи министромъ Императорскаго двора министру народнаго просвѣщенія о вышеизъясненной Высочайшей волѣ, министр народнаго просвѣщенія, истребовавъ отъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа ближайшія соображенія и заключеніе, что со стороны управленія округомъ не встрѣчается препятствій къ учрежденію въ Царскомъ Селѣ частной реальной мужской гимназій, и принявъ во вниманіе, что содержаніе означенной гимназій Царскосельцы обезпечиваютъ ежегоднымъ фондомъ въ 10.000 руб., то-есть, менѣе половины той суммы, какая назначена по штатамъ гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года на содержаніе реальной гимназій, и что затѣмъ на означенныя деньги Царскосельская гимназія можетъ существовать только первое время при неполномъ составѣ, а съ открытіемъ въ ней высшихъ классовъ окажется необходимымъ увеличить отпускъ суммы на нее, предложилъ попечителю войти въ сношеніе съ учредителями гимназій касательно источниковъ, на которые они полагаютъ обратить таковой расходъ.

Послѣ объясненій избранныхъ отъ общества депутатовъ съ г. попечителемъ, выразившимъ, между прочимъ, свое мнѣніе, что, для болѣе успѣшнаго достиженія образовательныхъ цѣлей, необходимо гимназій пользоваться правами и преимуществами по уставу, потому что

эти права и преимущества облегчать присканіе лучшихъ наставниковъ, ходъ дѣла объ учрежденіи въ Царскомъ Селѣ гимназіи принялъ иное, сходное, впрочемъ, съ первоначальнымъ, направленіе: рѣчь пошла о гимназіи не частной, а *казенной* по уставу 19-го ноября 1864 года.

Объясненія депутатовъ съ г. попечителемъ происходили 26-го мая 1870 года, и въ тотъ же день предсѣдатель совѣщательнаго комитета вошелъ къ г. попечителю отъ имени жителей Царскаго Села съ представленіемъ объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе въ Царскомъ Селѣ, на основаніи § 9 Высочайше утвержденнаго устава 19-го ноября 1864 года, мужской гимназіи съ классическимъ и реальнымъ курсомъ, или точнѣе говоря, гимназіи реальной, но съ особымъ (не обязательнымъ) курсомъ латинскаго языка для желающихъ поступить въ университетъ. Г. попечитель, принимая во вниманіе, что ежегодное обезпеченіе гимназіи простирается только на 10 тысячъ рублей, но что на устройство ея послѣдовало уже Высочайшее соизволеніе, съ дарованіемъ ей права на названіе Николаевской Царкосельской гимназіи, представилъ г. министру народнаго просвѣщенія ходатайство о дозволеніи открыть въ Царскомъ Селѣ, на основаніи § 9 дѣйствующаго устава гимназій, низшіе классы гимназіи съ классическимъ и реальнымъ курсомъ съ тѣмъ, чтобъ остальные классы открывались по мѣрѣ надобности и присканія необходимыхъ для сего средствъ.

Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, на основаніи § 3 Высочайшаго повелѣнія, а также въ силу §§ 6 и 9 гимназическаго устава, открыть въ Царскомъ Селѣ мужскую гимназію на основаніяхъ помянутаго устава и дѣйствующихъ нынѣ штатовъ гимназій и прогимназій, съ присвоеніемъ ей, согласно Высочайшему повелѣнію, наименованія *Николаевской*, съ тѣмъ, чтобы въ ней первоначально открыты были низшіе два или три класса, а остальные классы открываемы были по мѣрѣ надобности и присканія необходимыхъ для сего средствъ, и сообщилъ г. попечителю, что затѣмъ удовлетворить ходатайству жителей Царскаго Села о введеніи въ Царкосельскую гимназію двухъ различныхъ курсовъ, классическаго и реального, онъ считаетъ себя не въ правѣ, такъ какъ оно несогласно съ требованіями по этому предмету гимназическаго устава, а потому предложилъ г. попечителю предоставить учредителямъ избрать тотъ или другой изъ означенныхъ курсовъ.

Предлагая учредителямъ, чрезъ предсѣдателя совѣщательнаго ко-

митета, избраніе классическаго или реальнаго курса для Царскосельской гимназіи, попечитель просилъ доставить вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣніе о лицахъ, изъ коихъ учредители желаютъ избрать директора предполагаемой гимназіи. Предсѣдатель совѣщательнаго комитета, представленіемъ отъ 20-го іюня 1870 года, донесъ попечителю, что „1) въ собраніи комитета 20-го іюня 1870 года было опредѣлено: для доставленія учащимся возможности поступать изъ Николаевской гимназіи въ университетъ, имѣть гимназію *классическую* съ латинскимъ языкомъ, и 2) въ увѣренности, что служащіе и обучающіе въ Николаевской Царскосельской мужской гимназіи будутъ пользоваться всѣми правами и преимуществами на основаніи гимназическаго устава и дѣйствующихъ нынѣ штатовъ гимназій, комитетъ пригласилъ инспектора С.-Петербургской 5-й гимназіи ст. сов. И. И. Пискарева, какъ совмѣщающаго въ себѣ всѣ условія, комитету извѣстныя, быть директоромъ Николаевской гимназіи на полномъ штатномъ содержаніи, и на этихъ основаніяхъ г. Пискаревъ изъявилъ согласіе“.

Согласно съ этимъ заявленіемъ, представленнымъ въ министерство народнаго просвѣщенія, г. управлявшій онымъ сообщилъ, что на основаніи § 7 устава гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденнаго 19-го ноября 1864 года, онъ разрѣшаетъ въ Николаевской мужской гимназіи, устроенной въ Царскомъ Селѣ на счетъ пожертвованій общества, ввести курсъ классическихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ согласенъ на предоставленіе должности директора въ означенной гимназіи избранному обществомъ лицу ст. сов. Пискареву. При этомъ г. управлявшій министерствомъ изъяснилъ, что въ силу § 9 гимназическаго устава, Царскосельская Николаевская гимназія, какъ управляемая лицомъ по назначенію отъ правительства, должна существовать на одинаковомъ основаніи съ учебными заведеніями этого рода, получающими содержаніе отъ казны.

3-го іюля 1870 года директоръ Пискаревъ вступилъ въ новую должность, а 18-го іюля г. управлявшій округомъ утвердилъ избраннаго обществомъ генералъ-майора Мейера почетнымъ попечителемъ Николаевской гимназіи. Затѣмъ въ теченіе августа назначены и утверждены, по представленію директора, преподаватели наукъ, языковъ и искусствъ и произведены испытанія дѣтямъ, заявившимъ желаніе поступить въ разрѣшенныя къ открытію три класса гимназіи.

Такъ осуществилось, наконецъ, послѣ неоднократныхъ уклоненій отъ первоначальнаго предположенія, завѣтное желаніе Царскосельцевъ имѣть мужскую семиклассную гимназію на основаніяхъ гимназическаго устава 19-го ноября 1864 года.

Но жертвы и заботы, принесенныя Царскосельскимъ обществомъ дѣлу общественнаго образованія, не ограничились учрежденіемъ гимназическихъ классовъ.

Видя, съ какими затрудненіями соединено было приготовленіе дѣтей Царскосельскихъ обывателей къ поступленію въ гимназію, и сочувствуя дѣлу элементарнаго образованія, общество заявило директору гимназіи о желаніи открыть, вмѣстѣ съ тремя гимназическими классами, и *приготовительный классъ* на основаніяхъ частнаго однокласснаго училища, помѣстивъ его въ зданіи гимназіи и подчинивъ надзору гимназическаго начальства; въ этомъ классѣ положено преподавать: законъ Божій, русскій языкъ, ариметику и чистописаніе, пригласивъ на иждивеніи общества законоучителя и одного опытнаго класснаго учителя.

Директоръ гимназіи, убѣдившись на приѣмныхъ испытаніяхъ въ гимназическіе классы въ дѣйствительной и настоятельной надобности приготовительнаго класса, вошелъ, согласно съ заявленіемъ общества, съ ходатайствомъ о томъ къ г. управлявшему С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, и 27-го августа получилъ на оное разрѣшеніе.

Къ открытію приготовительнаго класса, какъ училища элементарнаго, сочувственно отнеслось все земство Царскосельскаго уѣзда. Земское собраніе, постановленіемъ своимъ 21-го октября 1870 года, ассигновало на 1871 годъ для вспоможенія на приготовительный классъ 1.100 рублей.

Приготовивъ все необходимое для открытія гимназіи, съ приготовительнымъ при ней классомъ, приспособивъ внутреннія богадѣленныя помѣщенія для классныхъ и другихъ учебныхъ комнатъ, съ значительнымъ вновь денежнымъ на то пожертвованіемъ, снабдивъ классы и прочія учебныя помѣщенія необходимыми для учебнаго заведенія принадлежностями и пособиями, граждане обратились къ г. управляющему Царскимъ Селомъ съ просьбой исходатайствовать Высочайшее соизволеніе: а) на открытіе гимназіи 8-го сентября 1870 года и б) о принятіи оной подъ высокое покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. По всеподданнѣйшему докладу о ходатайствѣ Царскосельскихъ гражданъ, Государю Императору благоугодно было повелѣть, дабы учреждаемая въ Цар-

скомъ Селѣ Николаевская гимназія открыта была 8-го сентября ¹⁾). Наманунѣ этого же дня Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ изволилъ удостоить г. управляющаго Царскимъ Селомъ генералъ-адъютанта Гогеля рескриптомъ слѣдующаго содержания:

„Любезный Григорій Федоровичъ!

„Спѣшу увѣдомить Васъ, что Государь разрѣшилъ мнѣ принять подѣ мое покровительство вновь отърывающуюся гимназію и прошу Васъ объявить это Царскосельскому городскому обществу.

„Искренно васъ любящій

„Александръ“.

7-го сентября 1870 года.

Въ Царской милости къ рождающейся вновь гимназіи Царскосельскіе граждане видятъ наилучшее предзнаменованіе и залогъ процвѣтанія устроеннаго ими заведенія, въ которомъ, какъ въ живомъ памятникѣ въ Божѣ почивающему Государю Императору Николаю I-му и угасшему въ силѣ царственной красы первенцу обожаемаго Монарха, они желали увѣковѣчить священныя чувства вѣрноподданнической любви и благоговѣнія къ Августѣйшему Дому, благотворителю Царскаго Села.

И. Пискаревъ.

Царское Село, 22-го декабря 1870 года.

1) Открытіе и освященіе Царскосельской Николаевской гимназіи описано въ сентябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1870 г., Соврем. Лѣтоп. стр. 11—16.

ДОНЕСЕНІЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА П. Д. ШЕСТАКОВА Г. МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ОТЪ 27-го ЯНВАРЯ, ЗА № 31, ОТНОСИТЕЛЬНО САМОУБІЙСТВА ГОТОВИВШАГОСЯ КЪ ПОСТУПЛЕНІЮ ВО 2-ю КАЗАНСКУЮ ГИМНАЗІЮ ПЛАТОНА ДЕМЕРТА.

На предложеніе Вашего Сіятельства отъ 16-го января 1871 года, за № 593, имѣю честь донести, что Платонъ Демертъ не былъ ученикомъ гимназіи, а только готовился къ поступленію во 2-ю Казанскую гимназію. Директоръ этой гимназіи Имшеникъ на запросъ мой о Демертѣ донесъ мнѣ слѣдующее: „Недавно лишившій себя жизни Платонъ Демертъ, вслѣдствіе прошенія дяди своего Платона Александровича Демерта, поступилъ по экзамену въ январѣ 1866 г. въ I-й классъ 2-й Казанской гимназіи. Онъ оказывалъ въ этомъ классѣ хорошіе успѣхи, при отличномъ поведеніи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1866 г. онъ былъ переведенъ во 2-й классъ той же гимназіи. Въ этомъ классѣ въ теченіе всего учебнаго года Платонъ Демертъ оказывалъ хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ и былъ отличнаго поведенія. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ въ іюнѣ 1867 г. онъ былъ переведенъ въ III-й классъ 2-й Казанской гимназіи; въ іюлѣ того же года онъ, П. Демертъ, вслѣдствіе прошенія отца своего, выбылъ изъ 2-й Казанской гимназіи и былъ помѣщенъ въ одну изъ Московскихъ гимназій. Какъ послѣ этого онъ продолжалъ свое образованіе, мнѣ не извѣстно. 4-го числа текущаго января въ 11 часовъ дня пріѣхалъ въ гимназію дядя покойнаго П. Демерта П. А. Демертъ и обратился ко мнѣ съ просьбой о принятіи во 2-ю Казанскую гимназію бывшаго ученика Платона Демерта, который, по выходѣ изъ этой гимназіи, обучался въ Московской гимназіи и затѣмъ поступилъ въ морской корпусъ, откуда, послѣ пробнаго морскаго плаванья нынѣшнимъ лѣтомъ, пожелалъ выйдти и снова поступить въ Казанскую 2-ю гимназію, въ V-й классъ.

Я предупредилъ г. Демерта, что 2-я Казанская гимназія — полная классическая съ двумя древними языками, латинскимъ и греческимъ. На это г. Демертъ отвѣчалъ: „Знаю, мой племянникъ готовился къ экзамену по этимъ языкамъ, и я увѣренъ, что онъ выдержитъ экзаменъ“. Тогда я сказалъ г. Демерту, что 7-го января начинается въ гимназіи ученіе, что онъ можетъ привезти прошеніе и можно будетъ начать экзаменъ. Тѣмъ кончился нашъ разговоръ съ П. А. Демертомъ. 6-го января я узналъ, что молодой Платонъ Демертъ 5-го января въ три часа по полудни застрѣлилъ себя. Причина, заставившая его лишиться себя жизни, мнѣ не извѣстна“.

Къ этому отзыву директора почтаю нужнымъ прибавить слѣдующее. Я слышала, что на первый вопросъ судебного слѣдователя о причинахъ, побудившихъ его покуситься на свою жизнь, Платонъ Демертъ отвѣчалъ: „Ахъ, не спрашивайте, тоска“. Этимъ отвѣтомъ чуть-ли не указывается главная причина смерти молодаго Демерта. Что это не предположеніе только, а почти фактъ, доказательство — въ запискѣ самого застрѣлившагося: „Отложить (экзаменъ) до 16-го, — и то, я думаю, ничего не выйдетъ, во первыхъ, потому что срокъ коротокъ, а во вторыхъ, потому, что при такомъ настроеніи духа заниматься невозможно“. Ясно, что П. Демертъ былъ въ тяжеломъ душевномъ настроеніи, если онъ прежде, по словамъ г. Н. Демерта, постоянно съ утра до ночи корпѣвшій надъ книгою, не могъ заниматься. Эта тоска и свела его въ безвременную могилу. Въ чемъ же тутъ виноваты древніе языки? Будь несчастный юноша въ состояніи заниматься ими, это занятіе, какъ всякій трезвый, здоровый и развивающій умственный трудъ, спасло бы его жизнь, разогнавъ губившія его тяжелыя думы. О самомъ Платонѣ Демертѣ ничего опредѣленнаго сказать нельзя, такъ какъ онъ три года уже какъ оставилъ Казанскую 2-ю гимназію, въ которой, какъ видно изъ отзыва директора, онъ учился хорошо и велъ себя отлично. Подъ какими вліяніями онъ находился эти три года, какія убѣжденія усвоилъ, сказать трудно. По словамъ знавшихъ его, молодой Демертъ былъ развитъ не по лѣтамъ; это самое развитіе заставляетъ предполагать, что едва-ли причиною смерти былъ предстоящій экзаменъ изъ древнихъ языковъ, къ которому, по отзыву дяди его П. А. Демерта, онъ достаточно приготовленъ, что подтверждаетъ и самая записка застрѣлившагося Демерта, изъ которой видно, что приготовлявшій его изъ древнихъ языковъ Вакуленко, по собственнымъ словамъ покойнаго, занимавшійся съ нимъ хорошо, находилъ, что къ 16-му числу января Демертъ можетъ быть готовъ къ экза-

мену. А экзаменоваться онъ могъ не только въ январѣ, но и въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ, потому что по уставу гимназій приемъ дозволяется во всякое время. 7-е января, назначенное директоромъ 2-й гимназій, было только, такъ сказать, начальнымъ срокомъ экзамена. Только болѣзненное и разстроенное воображеніе могло создать себѣ изъ экзамена поводъ къ самоубійству; болѣзненное же воображеніе преувеличивало, конечно, и степень неподготовленности къ экзамену.

Въ № 16-мъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатано сообщеніе дяди застрѣливагося, въ которомъ г. Демертъ болѣе подробно говоритъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть его племянника, и рассуждая съ своей точки зрѣнія, приписываетъ его смерть древнимъ языкамъ, опираясь на записку, написанную Платономъ Демертомъ передъ покушеніемъ на жизнь. Желая окончательно поразить древніе языки, г. Демертъ въ концѣ своей статьи приписываетъ имъ же и смерть ученика Казанской 1-й гимназій Сергѣя Пупарева, о самоубійствѣ котораго я доносилъ 21-го іюля 1870 г. за № 252. Такъ какъ это положительно невѣрное показаніе касается ученика Казанской гимназій, то я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы совѣтъ Императорской Казанской 1-й гимназій отвѣтилъ на эту статью. Отвѣтъ этотъ за подписью секретаря совѣта уже отосланъ въ редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Копію съ посланнаго отвѣта при семъ имѣю честь представить Вашему Сіятельству.

При этомъ не могу не присовокупить и моего личнаго мнѣнія по поводу подобныхъ статей. Весьма грустное явленіе представляетъ наша литература, возводящая на пьедесталъ и окружающая ореоломъ мученичества поднявшихъ на себя руку молодыхъ людей. И изъ-за чего она это дѣлаетъ? Чтобы нанести ударъ классической системѣ образованія. Такими нападеніями, по моему убѣжденію, по справедливости можетъ гордиться классическое образованіе; видно, что у его противниковъ недостаетъ солидныхъ доказательствъ, когда они пускаются въ патетику, и не разбирая средствъ, чуть не канонизируютъ самоубійцъ и тѣмъ хотятъ тронуть сердца. Неужели этимъ гг. литераторамъ не приходитъ въ голову: 1) что если рассуждать такъ, какъ они рассуждаютъ, то-есть, если приписывать самоубійство нѣкоторыхъ учениковъ древнимъ языкамъ, то слѣдовало бы ожидать повальныхъ самоубійствъ сотнями, даже тысячами, а не единицами; такъ какъ вездѣ у насъ классическія гимназій, а между тѣмъ изъ-за экзамена по классическимъ языкамъ никто еще не погибъ (Николенко убилъ

себя за экзаменъ изъ физики; не обобщить лиэтаго случая, по примѣру противниковъ классицизма, и не возвести ли въ правило, что естественныя науки приводятъ занимающихся ими къ самоубійству?); 2) что, окружая самоубійцъ ореоломъ мученичества, сочиняя о нихъ рядъ статей, прославляя и оплакивая ихъ за ихъ „всегдашнее серьезное настроеніе“, литература дѣйствуетъ тлетворно и разрушительно, воспитывая въ юношахъ идею о великости подвига лицъ, лишающихъ себя жизни, еще, такъ сказать, не начавши жить. Неужели литература приноситъ такую свою службой пользу отечеству? Неужели она думаетъ, что полезно прославленіе людей, не имѣющихъ никакого религіозно-нравственнаго направленія и характера, или людей съ потрясенными умственными способностями: только такіе и могутъ возымѣть *taedium vitae*, отвращеніе къ жизни, которой они еще не вкусили. Кто поручится за то, что прославляемый нинѣ за „всегдашнее его серьезное настроеніе“ Платонъ Демертъ не застрѣлился изъ подражанія Николенькѣ, — о которомъ такъ много писалъ, — изъ желанія, чтобъ его имя послѣ его смерти увѣковѣчила литература, въ чемъ, конечно, онъ никому не могъ сознаться, потому что это сознаніе лишило бы его ореола, которымъ окружили Николеньку и котораго такъ жаждало, быть-можетъ, „громадное, болѣзненно-развившееся“ самолюбіе Демерта? Если мое предположеніе вѣрно, какой тяжкій грѣхъ берутъ на свою душу тѣ, которые, увлекаясь ни на чемъ не основанною ненавистію къ древнимъ языкамъ (изученіе которыхъ, какъ требующее постоянной вдумчивости, постоянного труда, болѣе всего можетъ противодѣйствовать развитію школьнаго самолюбія), являются соблазнителями нетвердыхъ еще по самому своему возрасту юношей, и впагуютъ въ нихъ ужасную мысль достигать печатной извѣстности путемъ самоубійства.

Тяжело, очень тяжело слышать о безвременной и насильственной отъ своей же руки смерти молодаго человѣка; нельзя не скорбѣть о такой смерти, нельзя не скорбѣть о томъ печальномъ настроеніи духа, которое привело его къ лишенію жизни; но дѣлать изъ самоубійцъ героевъ, плодить литературу, ихъ прославляющую, — по меньшей мѣрѣ не разумно, чтобы не сказать болѣе. Окружать же ихъ ореоломъ и изображать мучениками извѣстной системы образованія для того лишь, чтобъ уязвить вѣдомство, завѣдывающее народнымъ образованіемъ, едва-ли достойно добросовѣстной печати.

Юпія съ посланнаго совѣтомъ Казанской 1-й гимназіи въ редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей отвѣта на напечатанную въ № 16-мъ этой газеты статью о самоубійствѣ Демерта.

Въ № 16-мъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатано сообщеніе г. Демерта по поводу самоубійства его племянника Платона Демерта, бывшаго три года тому назадъ ученикомъ 2-й Казанской гимназіи; въ этомъ сообщеніи разказываются подробности самоубійства и взводится обвиненіе въ совершившемся грустномъ фактѣ на древніе языки, которые изучаются въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ.

Оставляя въ сторонѣ неосновательность подобнаго обвиненія и разказъ о смерти Демерта, не касающійся ни одной изъ Казанскихъ гимназій, такъ какъ Платонъ Демертъ не былъ ученикомъ гимназіи, я обращаюсь къ концу этого письма.

Вотъ слова г. Демерта: „Не лишнее будетъ напомнить, что въ Казани это уже не первый случай самоубійства изъ-за мертвыхъ языковъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ застрѣлился тамъ же ученикъ 6-го класса первой классической гимназіи Сергѣй Пупаревъ, — и причина самоубійства была та же самая“. Увлечение ненавистью къ классицизму въ авторѣ доведено до крайности, до такой степени, что онъ готовъ клеветать на мертвецовъ и искажать факты. Зная хорошо покойнаго Пупарева и по обязанности секретаря совѣта 1-й гимназіи, я долженъ опровергнуть клевету, взводимую на покойника, и возстановить искаженную истину.

Своекоштный ученикъ Сергѣй Пупаревъ занимался хорошо и никогда не затруднялся ни греческимъ, ни латинскимъ языкомъ; въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года онъ держалъ экзамень изъ VI-го въ VII-й классъ и выдержалъ вполне успѣшно съ отиѣткою въ среднемъ выводѣ 4, а потому послѣ 20-го іюня былъ ученикомъ VII-го класса (а не VI-го); послѣ экзаменовъ онъ взялъ отпускной билетъ для поѣздки на вакацію въ домъ матери, отъ которой получилъ на дорогу 25 рублей. Воротился ли онъ въ Казань къ 17-му іюля, когда совершилъ самоубійство, или не уѣзжалъ изъ Казани, гимназическому начальству не извѣстно. 17-го іюля въ 10 часовъ утра Пупаревъ застрѣлился. Въ квартирѣ у него найдены: письмо, писанное имъ къ матери еще въ маѣ мѣсяцѣ; въ этомъ письмѣ онъ просилъ мать заплатить за него долги разнымъ лицамъ до 25 рублей и говорилъ, что онъ цѣлуетъ всѣхъ родныхъ въ послѣдній разъ; затѣмъ записка, писанная его рукою 17-го іюля 1870 г., въ которой онъ говоритъ, что въ его смерти никто не виноватъ.

Извѣстіе о смерти Пупарева поразило начальство и учителей гимназіи, именно потому, что покойный своимъ поведеніемъ и успѣхами никогда не подавалъ повода къ ихъ неудовольствію. Какая причина смерти Пупарева, до сихъ поръ не извѣстно ¹⁾; что же касается до древнихъ языковъ, являющихся въ глазахъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ на подобіе Сатурна съ косою, которою они подкашиваютъ учениковъ цѣлыми рядами, то о нихъ, какъ о причинѣ смерти Пупарева, никто и не думалъ, такъ какъ греческій и латинскій языки давно уже преподаются въ 1-й Казанской гимназіи и только мало-прилежные ученики, и можетъ быть, нѣкоторые родители возстаютъ противъ этого. Пишущій эти строки кончилъ курсъ въ 1858 г. въ той же гимназіи и обучался обоимъ древнимъ языкамъ; ему и его товарищамъ никогда и въ голову не приходила возможность изъ-за нихъ лишать себя жизни.

---

¹⁾ На отношеніе исправлявшаго тогда должность директора гимназіи полученъ былъ отъ полиціймейстера 30-го іюля 1870 г., за № 4217, отвѣтъ, въ которомъ онъ уведомлялъ, что причина самоубійства Пупарева не извѣстна.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

По вопросу о привлеченіи студентовъ къ научнымъ практическимъ занятіямъ (мнѣнія факультетовъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ). — Объ учрежденіи въ Варшавскомъ университетѣ отдѣленія клиники болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ. — О трудахъ общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ въ 1870 году. — Предложеніе ректора С.-Петербургскаго университета совѣту онаго о содѣйствіи къ изданію книги, полезныхъ для учителей народныхъ школъ.

Министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду, что одно обыкновенное академическое преподаваніе въ нашихъ университетахъ, то-есть, чтеніе лекцій, вообще недостаточно для привлеченія студентовъ къ серіознымъ научнымъ работамъ и занятіямъ, признало нужнымъ войти въ обсужденіе вопроса о томъ, что сдѣлано у насъ для привлеченія къ такимъ занятіямъ подъ руководствомъ профессоровъ и что можетъ быть сдѣлано по каждому факультету, а какъ на этотъ вопросъ могутъ отвѣчать удовлетворительно сами университеты, то посему сдѣлано было распоряженіе о предложеніи его на обсужденіе совѣтовъ. При этомъ поручено было предложить совѣтамъ обсудить связанные съ означеннымъ главнымъ вопросомъ слѣдующіе второстепенные вопросы: а) не должны ли быть эти научныя работы обязательны для всѣхъ, на подобіе того, какъ это устроено въ университетѣ св. Владиміра ¹⁾; б) по какому образцу устроить это дѣло, при-

---

1) На основаніи §§ 47, 52 — 56 правилъ для учащихся въ университетѣ св. Владиміра, научныя занятія студентовъ, подлежащія контролю университетскаго начальства, состоятъ въ *практическихъ занятіяхъ и въ сочиненіяхъ по предметамъ университетскаго курса.*

Практическія занятія, подъ руководствомъ преподавателей, учреждаются по плану, избираемому каждымъ преподавателемъ и излагаемому въ особой программѣ,

мнѣнительно ли къ системѣ англійской, нѣмецкой или французской; в) не слѣдуетъ ли по нѣкоторымъ факультетскимъ предметамъ предлагать во время окончательнаго изъ нихъ экзамена вопросы для письменнаго рѣшенія подъ строгимъ надзоромъ (Clausur-Arbeit) съ тѣмъ, чтобы удостоеніе ученыхъ степеней и званій, между прочимъ и даже главнѣйше, зависѣло отъ достоинства письменныхъ работъ. Всѣ эти вопросы переданы были совѣтами университетовъ на обсужденіе факультетовъ, донесенія которыхъ, съ заключеніями совѣтовъ и гг. попечителей учебныхъ округовъ, представлены въ министерство. Сгруппируемъ высказанныя по этому предмету мнѣнія, соображенія и предположенія отдѣльно по каждому факультету и затѣмъ присовокупимъ

объявляемой студентамъ съ одобренія факультета, и могутъ состоять: 1) въ научныхъ бесѣдахъ студентовъ подъ руководствомъ преподавателей; 2) въ устномъ изложеніи студентами какой-либо части науки по одному или нѣсколькимъ классическимъ сочиненіямъ; 3) въ письменныхъ отвѣтахъ, написанныхъ въ аудиторіи на заданные преподавателемъ вопросы; 4) въ разборѣ и толкованіи источниковъ; 5) въ сочиненіяхъ на темы, предложенныя преподавателями или избранныя самими студентами; 6) въ практическихъ изслѣдованіяхъ и опытахъ, производимыхъ, подъ руководствомъ профессоровъ, въ лабораторіяхъ, клиникахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеніяхъ. Студенты всѣхъ факультетовъ, исключая медицинскаго, обязаны, въ теченіе университетскаго курса представить два сочиненія, одно за полгода до полукурсоваго, а другое за полгода до окончательнаго испытанія. Не представившіе этихъ сочиненій не допускаются къ испытанію. Отмѣтки по этимъ сочиненіямъ принимаются во вниманіе при устныхъ испытаніяхъ. Представившій удовлетворительное сочиненіе для освобожденія отъ платы за ученіе, для полученія пособія или для сонсканія награды медалью, тѣмъ самымъ освобождается отъ представленія одного или обоихъ изъ упомянутыхъ выше обязательныхъ сочиненій. Темы для этихъ сочиненій предлагаются ежегодно факультетами, или же избираются самими студентами, но въ послѣднемъ случаѣ тема предварительно должна быть заявлена факультету и одобрена имъ. Для студентовъ медицинскаго факультета эти обязательныя сочиненія замѣняются изложеніемъ исторій болѣзней при занятіяхъ въ клиникахъ. Отзывы преподавателей о сочиненіяхъ и практическихъ занятіяхъ студентовъ принимаются во вниманіе при увольненіи студентовъ отъ платы за слушаніе лекцій, при назначеніи пособій и стипендій, а также при удостоеніи ученыхъ степеней и званій. Чтобы дать возможность министерству народнаго просвѣщенія знать студентовъ, отличающихся прилежаніемъ, любовью къ наукѣ и серьезнымъ сознаниемъ обязанностей, и чтобы министерство могло такимъ молодымъ людямъ доставлять средства къ продолженію ученыхъ занятій и нѣтъ ихъ въ виду для государственной службы, предоставляется профессорамъ входить съ особыми представленіями въ факультеты о студентахъ, отличавшихся въ теченіе университетскаго курса постоянными научными занятіями и доказавшихъ свои способности особенно замѣчательными сочиненіями и другими учебными трудами.

заключеніи совѣтовъ и гг. попечителей учебныхъ округовъ. Начнемъ съ *историко-филологическихъ* факультетовъ.

Историко-филологическій факультетъ *С.-Петербургскаго* университета, съ самаго введенія въ дѣйствіе Высочайше дарованнаго въ 1863 году новаго устава, не упускалъ изъ виду главной своей обязанности — развивать въ молодежи любовь и привычку къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ и постепенно, по мѣрѣ увеличенія преподавательскихъ силъ въ факультетѣ, принималъ мѣры къ приведенію и исполненію этой цѣли. Сознавая вполнѣ, что академическое образованіе не состоитъ въ одномъ лишь пассивномъ слушаніи лекцій, но и въ самостоятельныхъ занятіяхъ подъ руководствомъ профессоровъ, факультетъ уже въ 1864 году принялъ за правило раздѣлять преподаваніе, по мѣрѣ возможности и по мѣрѣ приобрѣтенія новыхъ учебныхъ силъ, на курсы общіе и спеціальныя. Въ этомъ отношеніи факультетъ, не подражая иностраннымъ системамъ, сложившимся на западѣ исторически и не вполнѣ къ намъ примѣнимымъ, руководствовался собственнымъ опытомъ, потребностями и нуждами, хотя выработанное факультетомъ устройство и порядокъ спеціальныхъ занятій всего болѣе подходитъ подъ систему германскую. По принятому основанію введено раздѣленіе курсовъ на общіе и спеціальныя: первые предназначаются для изложенія отдѣльныхъ наукъ въ строгой послѣдовательности и системѣ, вторые — для изложенія какой-либо части науки и для практическихъ упражненій. Уже существованіе самихъ наукъ, входящихъ въ составъ историко-филологическаго факультета, требуетъ самостоятельной работы студентовъ и подготовленія къ каждой почти лекціи общаго курса. Студентъ является на лекціи греческой или римской словесности или славянской филологіи не иначе, какъ предварительно приготовивъ дома переводъ и разборъ той или другой главы читаемаго автора, безъ чего лекція для него дѣлается непонятною. Независимо отъ этихъ общихъ курсовъ, изъ которыхъ чисто-филологическія требуютъ постоянной подготовки, спеціальныя курсы пополняютъ пробѣлы первыхъ и привлекаютъ каждого къ работѣ подъ руководствомъ профессоровъ. Эти спеціальныя курсы не заключаются въ пассивномъ слушаніи читаемаго, но въ разборѣ и разрѣшеніи предлагаемыхъ преподавателями вопросовъ, либо въ изученіи и разборѣ того или другаго сочиненія. Студентъ въ этихъ курсахъ находитъ дополненіе къ общимъ курсамъ, только эти курсы даютъ ему возможность слѣдить съ успѣхомъ за преподаваніемъ и являться къ испытанію съ достаточною подготовкой. Такимъ образомъ студенты исто-

рико-филологическаго факультета, занятые по утрамъ въ зданіи университета лекціями общихъ и специальныхъ курсовъ, занимаются по вечерамъ приготовленіемъ къ общимъ курсамъ слѣдующаго дня, работаютъ надъ заданными имъ темами по специальнымъ курсамъ и составляютъ прочитанныя имъ лекціи. Въ текущемъ академическомъ году специальные курсы существуютъ по слѣдующимъ каедрамъ: 1) По *славянской филологіи*: славянская палеографія; палеографическія упражненія; упражненія по чешскому языку. 2) По *философіи*. 3) По *всеобщей исторіи*: разборъ и объясненіе нѣкоторыхъ историковъ XVI-го столѣтія. 4) По *греческой словесности*: объясненіе и разборъ Продота по задачамъ профессора; объясненіе и переводъ греческихъ лириковъ; упражненіе въ греческой эпиграфикѣ. 5) По *римской словесности*: топографія древняго Рима; письменныя работы съ русскаго на латинскій и объясненіе римскихъ писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ, какъ приготовленіе къ педагогической дѣятельности. 6) По *русской исторіи*: обзорѣніе, чтеніе и разборъ лѣтописей. 7) По *русской словесности*: обзорѣніе юго-славянскаго эпоса сравнительно съ русскимъ (съ особыми задачами по этому предмету). Научныя упражненія по предмету славянской филологіи у профессора *Срезневскаго* начинаются съ перваго курса. Упражненія слушателей двухъ первыхъ курсовъ состоятъ въ палеографическихъ работахъ по памятникамъ преимущественно славянскимъ, съ цѣлю приучить работающихъ дѣлать вѣрно снимки съ памятниковъ и списывать ихъ палеографически. Эти упражненія всегда бывають производимы всѣми принимающими участіе вмѣстѣ и въ опредѣленные часы, въ теченіе всего года. Лингвистическія упражненія по славянскимъ нарѣчіямъ заключаются въ томъ, что каждый слушатель изъ предложенныхъ профессоромъ отрывковъ (написанныхъ на доскѣ) самъ составляетъ характеристику каждаго изъ славянскихъ нарѣчій. По предмету философіи профессоръ *Сидонскій* иногда самъ выбираетъ изъ подходящихъ книгъ статьи, даетъ ихъ желающимъ для домашняго предварительнаго прочтенія и составленія извлеченія. Это извлеченіе, съ объясненіями преподавателя и сближеніемъ съ пройденнымъ на лекціяхъ, прочитывается для общаго свѣдѣнія учащихся. Въ другихъ случаяхъ требуется только устное изложеніе прочитаннаго. Предлагаемые вопросы обыкновенно касаются исторіи философіи въ связи съ исторіей развитія знаній вообще. Современное извѣстной системѣ состояніе знаній въ наукахъ естественныхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе преподавателя. Въ упражненіяхъ по психологіи сравненіе различныхъ точекъ зрѣнія, пониманія и изло-

женія сопровождается указаніемъ связи того или другаго взгляда съ цѣлымъ объемомъ извѣстнаго философскаго воззрѣнія. Цѣль при этомъ — пополнить философскія знанія студентовъ тѣмъ, чтò въ области естественныхъ знаній готовится новаго для философской обработки. Цѣль специальныхъ занятій профессора *Бауера* по всеобщей исторіи состоитъ въ приученіи молодыхъ людей къ научнымъ приемамъ. При знакомствѣ съ писателемъ, историческимъ источникомъ, обращается вниманіе на всѣ вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи автора для опредѣленія степени его достовѣрности, его значенія въ ряду другихъ подобныхъ ему источниковъ, его важности въ настоящее время. Занятія не ограничиваются однимъ только изложеніемъ самого преподавателя, но сами слушатели готовятъ какъ самій переводъ того или другаго мѣста, такъ — по мѣрѣ силъ — и комментарий. По предмету греческаго языка и словесности, у профессора *Люгебиля*: для студентовъ 1-го курса — этимологическій анализъ формъ греческаго языка, для студентовъ всѣхъ курсовъ — письменный переводъ и письменное же грамматическое и реальное объясненіе различныхъ памятниковъ древней литературы (именно до сихъ поръ объяснялись *Одиссея*, рѣчи *Лисія* и отрывки древнѣйшихъ греческихъ лириковъ). Кромѣ того составляются письменныя работы по отдѣльнымъ вопросамъ, или предложеннымъ профессоромъ, или выбраннымъ самими студентами. Эти работы состоятъ или въ переводахъ съ греческаго вмѣстѣ съ объясненіемъ, или въ разборѣ отдѣльныхъ сочиненій (особенно грамматическаго содержанія), или въ изслѣдованіи какого-нибудь не письменнаго памятника (по поводу объясненія главнѣйшихъ памятниковъ Императорскаго Эрмитажа). Разборы памятниковъ не письменныхъ предлагаются только студентамъ 3-го и 4-го курсовъ. Письменныя работы студента обыкновенно передаются другому студенту на разсмотрѣніе и потомъ читаются вслухъ и разбираются товарищами. Въ случаѣ споровъ между студентами, профессоръ вмѣшивается въ эти споры только для того, чтобы направить пренія на сущность вопроса и указать на ошибки и недосмотры студентовъ. Профессоръ *Люгебель* считаетъ такое руководство занятіями болѣе полезнымъ, чѣмъ разборъ труда наединѣ со студентомъ, представившимъ работу. По этому же предмету у профессора *Дестуниса* слушатели готовятъ письменный переводъ отрывка классическаго автора и письменное толкованіе на этотъ отрывокъ, даютъ устные отвѣты на вопросы профессора и своихъ товарищей, выслушиваютъ замѣчанія, и если нужно, дѣлаютъ дальнѣйшія разъясненія. По предмету латинскаго языка и римской сло-

весности у профессора *Благовъщенскаго*, при чтеніи классиковъ, желающіе изъ студентовъ переводять объясняемыхъ авторовъ на самыхъ лекціяхъ. Въ прошломъ году профессоръ назначилъ особые часы для практическихъ занятій со студентами, которые состоятъ частью въ объясненіи классиковъ самими студентами, частью въ разсмотрѣніи ихъ письменныхъ работъ на заданныя имъ или избранныя самими студентами темы. По предмету латинскаго языка у преподавателя *Лапина* одна лекція въ недѣлю отдѣляется для упражненія слушателей въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, при чемъ на практикѣ объясняются синтаксическія правила. Лучшіе и наиболѣе подготовленные изъ студентовъ 2-го курса представляютъ по собственному вызову небольшія сочиненія на латинскомъ языкѣ, преимущественно историческаго содержанія, какъ болѣе легкія и доступныя для начинающихъ пробовать свои силы въ латинской стилистикѣ. Кроимъ этихъ постоянныхъ, правильныхъ упражненій, преподаватели руководили студентовъ при самостоятельной обработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ. Такъ профессоръ *Срезневскій* предлагалъ студентамъ старшихъ курсовъ тотъ или другой вопросъ по славянской филологіи (например, Слово о полку Игоря въ отношеніи къ языку); нѣкоторые студенты занимались отдѣльными вопросами по собственному выбору. По мѣрѣ продолженія труда и по мѣрѣ надобности работающихъ, эти труды разсматриваются профессоромъ. Палеографическими работами изъ слушателей старшихъ курсовъ занимались подъ руководствомъ профессора двое: они помогали профессору выбирать данныя изъ памятниковъ древности нашей для подробнаго изслѣдовательнаго описанія. Они же, при участіи своихъ товарищей, изготовили снимокъ Русской Правды по синодальному списку XIII-го вѣка, который напечатанъ профессоромъ и служитъ ему текстомъ для объясненія этого важнаго памятника нашей древности по языку и по содержанию. Нѣсколько предварительныхъ работъ по этому же памятнику сдѣланы были слушателями прежнихъ курсовъ. Другими такія же работы сдѣланы по Хожденію Даниила Игумена, по Домострою и т. д. Подъ руководствомъ профессора *Бестужева-Рюмина* одинъ студентъ разбираетъ духовныя грамоты Московскихъ князей, другой разбираетъ польскіе источники для смутнаго времени, третій переводитъ и комментируетъ Одерборна, четвертый разбираетъ жалованныя грамоты Литовскихъ князей. Подъ руководствомъ профессора *Бауера* студентъ *Крутковъ* окончилъ и представилъ сочиненіе объ Оттонѣ Фрейзингенскомъ и *Козеко* оканчиваетъ сочиненіе о Григоріѣ Турскомъ. Профес-

сортъ *Любимилъ* указываетъ на работы студентовъ: *Прахова*, *Аландскаго*, *Анненкова*, *Цеткова*, *Срезневскихъ*, какъ на лучшія изъ представленныхъ ему. Профессоръ *Благовѣщенскій* сообщилъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ замѣчательныхъ студентскихъ трудахъ, какъ результатахъ занятій его со студентами въ аудиторіи. Студентъ *Цетковъ* получилъ на актѣ 1870 года золотую медаль за свою диссертацию: „Германія“ Тацита. Тою же темой заняты были и нѣкоторые другіе студенты. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть объ *Анненковѣ*, который представилъ русскій переводъ „Германіи“. Кромѣ этой темы, предложенъ былъ профессоромъ *Благовѣщенскимъ* вопросъ о IV-й и X-й сатирахъ Горация. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ представлены были вполне удовлетворительные труды *Цетковымъ* и *Виссомъ*. Въ настоящее время нѣкоторые изъ слушателей этого профессора заняты разрѣшеніемъ вопроса „о вліяніи римскихъ сатириковъ на произведенія Кантемира“. Лучшимъ доказательствомъ пользы и благодѣтельнаго вліянія подобнаго устройства можетъ служить, съ одной стороны, постоянно увеличивающееся число студентовъ, получающихъ медали за сочиненія на предложенныя темы, съ другой стороны, немалое число молодыхъ людей, въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ подготовившихся и готовящихся на этихъ курсахъ къ профессорской и учительской дѣятельности. Факультетъ съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ въ этомъ отношеніи на гг. *Помяловскаго*, *Будиловича*, *Прахова*, *Юницкаго*, *Галактіонова*, *Фортинскаго* и другихъ, изъ коихъ первый уже приглашенъ факультетомъ къ преподаванію латинскаго языка въ первомъ курсѣ. Что касается вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли на окончательномъ испытаніи предлагать темы для письменнаго рѣшенія, то подобный порядокъ при испытаніяхъ уже введенъ факультетомъ съ 1864 года, согласно съ § 16 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, утвержденаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія 4-го января 1864 года, и сверхъ того примѣняется еще и при полукурсовыхъ экзаменахъ.

Историко-филологическіе факультеты университетовъ Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго, въ донесеніяхъ своихъ по предложеннымъ имъ вопросамъ, высказались весьма кратко и почти въ одномъ и томъ же смыслѣ. Историко-филологическій факультетъ *Московскаго* университета отвѣтилъ: 1) что, по существу филологическихъ занятій, студенты работаютъ не иначе, какъ подъ личнымъ руководствомъ преподавателей; 2) что въ первыхъ двухъ курсахъ студенты пишутъ обязательно сочиненія по предмету русской словес-

ности; 3) что такого же рода письменныя работы продолжаются во всѣхъ курсахъ по предметамъ классической филологіи; 4) что къ этимъ работамъ присоединяются еще занятія студентовъ въ филологической и исторической семинаріяхъ и писаніе сочиненій по конкурсу на полученіе премій и медалей. Въ виду этихъ мѣръ, ведущихъ къ указанной цѣли, факультетъ не полагаетъ необходимымъ вводить еще какія-либо мѣры этого рода, такъ какъ въ послѣднее время факультетъ пришелъ даже къ убѣжденію въ необходимости позаботиться о справедливомъ облегченіи студентовъ въ ихъ очень сложныхъ и трудныхъ занятіяхъ. По отзыву историко-филологическаго факультета *Казанскаго* университета, студенты трехъ послѣднихъ курсовъ ежегодно пишутъ, подъ руководствомъ профессоровъ, полукурсовыя сочиненія, и опыты нѣсколькихъ лѣтъ показали, что эти занятія принесли существенную пользу. Затѣмъ студенты всѣхъ курсовъ, сверхъ словесныхъ отвѣтовъ на переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ, представляютъ еще письменныя отвѣты изъ какого-либо главнаго предмета, и опыты эти обыкновенно принимаются во вниманіе при удостоеніи ихъ перевода и ученыхъ званія или степени. Студенты историко-филологическаго факультета *Харьковскаго* университета, не смотря на многочисленность ежедневныхъ лекцій, требующихъ отъ нихъ большаго труда для своевременнаго составленія по нимъ записокъ, и до настоящаго времени не были свободны отъ домашнихъ занятій, частію находящихся въ связи съ самимъ содержаніемъ лекцій, частію независимыхъ отъ нихъ. Не говоря о преподаваніи языковъ, особенно древнихъ, сопровождающемся необходимыми практическими упражненіями и требующемъ постояннаго приготовленія къ лекціямъ, и по остальнымъ предметамъ чтеніе лекцій постоянно сопровождается указаніемъ на тѣ источники и пособія, которыми студенты должны дополнять сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Непосредственное знакомство съ указываемыми источниками и пособіями, по крайней мѣрѣ, важнѣйшими изъ нихъ и по существеннымъ вопросамъ науки, считается обязательнымъ для студентовъ, особенно по тѣмъ предметамъ, которые входятъ въ избранный ими разрядъ факультета. Кромѣ того, по кафедрѣ всеобщей исторіи требуется иногда отъ студентовъ критическій разборъ существующихъ у насъ руководствъ и исправленіе замѣченныхъ въ нихъ ошибочныхъ фактовъ и выводовъ изъ нихъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщаются на лекціяхъ. По кафедрѣ исторіи русской литературы и русскаго языка назначаются студентамъ, преимущественно первыхъ двухъ курсовъ, особыя сочиненія на темы, назначаемыя преподавателемъ или избран-

часть слы, отд. 4.

ныя самими студентами по соглашенію съ послѣднимъ, а для непосредственнаго ознакомленія съ памятниками старинной русской письменности назначены особые часы. Всѣ означенныя упражненія, вмѣстѣ съ слушаніемъ лекцій и составленіемъ по нимъ записокъ, по мнѣнію факультета, нельзя не признать вполне достаточными какъ въ интересахъ преподаваемыхъ наукъ, такъ и въ видахъ отвлеченія студентовъ отъ занятій, не относящихся къ ихъ прямому назначенію, и усиленіе ихъ въ настоящее время представляется невозможнымъ по весьма обременительному для студентовъ числу ежедневныхъ лекцій, по крайней мѣрѣ до того времени, пока не состоится полное и окончательное раздѣленіе факультета на отдѣленія, какъ скоро представится къ тому возможность по замѣщенію нѣкоторыхъ, остающихся еще вакантными каедръ. По отзыву историко-филологическаго факультета *Новороссійскаго* университета, студенты выслушиваютъ весьма значительное число лекцій: въ 1-мъ курсѣ — 26, во 2-мъ — 25, въ 3-мъ и 4-мъ, не смотря на раздѣленіе факультета на разряды, на каждый изъ нихъ приходится около 20. Выслушавъ лекціи, они работаютъ надъ ихъ составленіемъ, что, не смотря на дѣятельную помощь профессоровъ, требуетъ много времени и труда. На лекціяхъ имъ предлагаются не только теоретическое изложеніе предмета, но и практическія занятія, что возбуждаетъ ихъ самостоятельность и знакомитъ съ матеріаломъ, добросовѣстная обработка котораго занимаетъ большую часть времени студента. Кромѣ этихъ обязательныхъ практическихъ занятій, устраиваемыхъ почти по каждой каедрѣ (русская литература, греческій и латинскій языкъ, славянскія нарѣчія), желающимъ изъ студентовъ предлагаются занятія по всеобщей исторіи, и само собою разумѣется, ни одинъ профессоръ, читая лекцію, не упускаетъ случая обратить вниманіе своихъ слушателей на какое-нибудь выдающееся сочиненіе или на особенно интересный вопросъ въ наукѣ и такимъ образомъ возбудить ихъ самостоятельную дѣятельность; но, конечно, подобныя занятія не слѣдуетъ дѣлать обязательными, такъ какъ нельзя требовать, чтобы студенты всѣми предметами занимались какъ спеціальностью, потому что они и безъ этихъ занятій имѣютъ много работы. Наконецъ факультетъ считаетъ излишнимъ предложеніе студентамъ на окончательномъ испытаніи письменной работы подъ строгимъ надзоромъ, потому что письменная работа уже требуется отъ оканчивающихъ курсъ: это есть кандидатская диссертация. Что же касается наконецъ историко-филологическаго факультета *университета св. Владиміра*, то онъ полагаетъ, что всѣ статьи въ со-

воюности, помѣщенныя въ правилахъ для учащихся и приведенныя нами выше, въ выносѣхъ, могутъ самымъ дѣятельнымъ образомъ способствовать привлеченію студентовъ къ работамъ, подъ руководствомъ преподавателей, надъ различными предметами науки, особенно если сдѣлать обязательнымъ, чтобы каждый студентъ безъ исключенія, въ теченіе академическаго года непременно, хотя по одному избранному имъ предмету факультетскаго отдѣленія, занимался практически, подъ руководствомъ соотвѣтственнаго преподавателя, и чтобы, при окончаніи академическаго года, каждый преподаватель доставилъ свой отзывъ факультету, какъ о числѣ, такъ и объ успѣхахъ занимавшихся практически подъ его руководствомъ студентовъ. Студенты, или совсѣмъ не занимавшіеся практически, или такіе, о коихъ преподавателемъ даны будутъ неодобрительные отзывы, должны бы подвергнуться строгому замѣчанію высшаго университетскаго начальства. Другое примѣненіе, системы ли французской, нѣмецкой или англійской, кажется факультету не столь удобнымъ. Кромѣ того, факультетъ полагаетъ, что студенты гораздо дѣятельнѣе занимались бы науками, если бы каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть въ виду, что полурочныя и окончательныя испытанія, равно такъ-называемыя добровольныя для освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, или для полученія пособія и повѣрочныя для стипендіатовъ, будутъ производиться только въ теченіе мая мѣсяца, одинъ разъ въ годъ, и что затѣмъ не будетъ никакихъ дополнительныхъ испытаній. Сверхъ того факультетъ признаетъ полезнымъ, чтобы въ кругъ окончательныхъ испытаній на званіе дѣйствительнаго студента или на ученую степень кандидата требовалось отъ каждаго, подвергающагося такому испытанію, письменное рѣшеніе вопроса подъ строгимъ надзоромъ (Clausur-Arbeit) по одному изъ предметовъ факультетскаго отдѣла, съ обращеніемъ при этомъ большаго вниманія на правильность русскаго языка и слога въ сочиненіи, какъ это, впрочемъ, и доселѣ дѣлается въ историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владиміра. Отмѣтку „удовлетворительно“ по такому сочиненію можно бы считать достаточною для дѣйствительнаго студента, и отмѣтку „весьма удовлетворительно“ для кандидата по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ историко-филологическаго факультета. Кромѣ того, студенты классическаго отдѣленія, ищущіе степени кандидата, должны на окончательномъ испытаніи писать „латинское сочиненіе“ подъ такимъ же строгимъ надзоромъ, и отмѣтка по оному „удовлетворительно“ могла бы считаться достаточною для полученія означенной степени.

Обращаемся къ донесеніямъ *физико-математическихъ* факультетовъ.

Физико-математическій факультетъ *С.-Петербургскаго* университета, по поводу предложенныхъ вопросовъ, вошелъ въ разсмотрѣніе настоящаго положенія своихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, предназначенныхъ для практическихъ занятій студентовъ. По отзыву факультета, онъ всегда считалъ и считаетъ практическія занятія слушателей, подъ руководствомъ преподавателей и ихъ ассистентовъ, главнымъ, необходимымъ пособіемъ для основательнаго изученія наукъ, входящихъ въ кругъ факультетскаго преподаванія. Руководствуясь такимъ научно-педагогическимъ взглядомъ и имѣя въ виду, что безъ достаточныхъ знаній практическія занятія не могутъ приносить желаемой пользы, факультетъ всегда съ надлежащею строгостью подвергалъ учащихся испытаніямъ и постоянно заботился о развитіи практическихъ занятій, на сколько позволяли его силы и средства, находящіяся въ его распоряженіи. Практическія занятія происходили и происходятъ въ находящихся при факультетѣ кабинетахъ и лабораторіяхъ. Учрежденія эти нерѣдко бываютъ даже не въ состояніи вмѣщать всѣхъ желающихъ работать. Еще недавно факультетъ исходатайствовалъ раздѣленіе одного изъ своихъ разрядовъ на спеціальныя отдѣлы, при чемъ имѣлось въ виду, что спеціализація дастъ возможность усилить практическія занятія по наукѣ или по наукамъ каждаго отдѣла. Считаая и дальнѣйшее развитіе практическихъ занятій, до самыхъ широкихъ размѣровъ, крайне желательнымъ въ интересахъ науки, факультетъ заявляетъ, что это дальнѣйшее развитіе зависитъ нынѣ не отъ него: размѣры практическихъ работъ, а часто и степень ихъ полезности, опредѣляются тѣми матеріальными средствами, которыя для нихъ предоставлены. Чрезвычайно важно, чтобы кабинеты и лабораторіи, по вмѣстительности, отвѣчали числу учащихся, а по устройству—современнымъ требованіямъ науки, и чтобы они представляли достаточно удобствъ, гарантирующихъ возможность работать съ успѣхомъ. Учащіеся охотно идутъ заниматься практически, когда знаютъ, что занятія могутъ привести къ цѣли, что руководители всегда найдутъ время помочь начинающему советомъ и дѣломъ, что не придется достигать многими усиліями и потерю времени знакомства съ каждымъ простымъ практическимъ приемомъ или жертвовать здоровьемъ. Нѣкоторыя изъ учреждений, состоящихъ при физико-математическомъ факультетѣ *С.-Петербургскаго* университета, оставляютъ желать многого. Со времени введенія новыхъ

штатовъ для кабинетовъ и лабораторій, ихъ положеніе улучшилось, правда, на столько, что не можетъ быть и сравниваемо съ прежнимъ состояніемъ, но было бы несправедливо думать, что всё они вполне удовлетворяютъ требованіямъ современной науки. То, что уже сдѣлано у насъ, благотворно отразилось на успѣхахъ естествознанія въ Россіи. Можно утвердительно сказать, что въ послѣднія десятилѣтія русскіе математики и натуралисты обогатили науку замѣтнымъ числомъ такихъ работъ, которыя по справедливости должны быть поставлены въ уровень съ изслѣдованіями извѣстныхъ ученыхъ западной Европы. Но изученіе природы развивается такъ быстро, значеніе въ немъ опыта идетъ такими громадными шагами впередъ, что останавливаться значить отставать, и учрежденія, имѣющія цѣлю опытныхъ изслѣдованій или изученіе ихъ методовъ, должны постоянно усовершенствоваться, чтобы поспѣвать вслѣдъ за наукою. Отсюда постоянная необходимость новыхъ жертвъ для бѣльшаго развитія этихъ учреждений, оставляющихъ далеко позади всё прежніе. Чтобы оправдать сказанное, факультетъ счелъ достаточнымъ привести въ примѣръ то, что въ Германіи сдѣлано въ послѣднее время для химіи, — науки, развивающейся особенно быстро и по преимуществу близко соприкасающейся съ практическими интересами жизни. Для усиленія практическихъ занятій студентовъ, по мнѣнію факультета, необходимо: 1) Назначить прозекторовъ, лаборантовъ и ассистентовъ въ достаточномъ числѣ, соотвѣтствующемъ числу практикантовъ. Потребность въ нихъ на столько велика, что безъ ея удовлетворенія не только всякая попытка расширенія практическихъ занятій должна остаться бесполезною и не ведущею къ цѣли, но и практическія занятія въ ихъ настоящихъ размѣрахъ не могутъ быть вполне успѣшны. 2) Снабдить нуждающіеся изъ числа кабинетовъ или лабораторій денежными средствами, достаточными для покрытія расходовъ на практическія занятія, и принять за правило, чтобы вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа работающихъ увеличивались и суммы, ассигнуемыя на эти занятія. Относительно этого пункта, также какъ и относительно числа лаборантовъ, ассистентовъ и пр., факультетъ замѣчаетъ, что едва-ли справедливы и удобны одинаковые размѣры назначенія ихъ по всѣмъ университетамъ. Число ближайшихъ руководителей, какъ и сумма издержекъ, должны опредѣляться размѣрами учрежденія и числомъ работающихъ. 3) Расширить нѣкоторые изъ кабинетовъ и лабораторій до такихъ размѣровъ, чтобъ они позволили помѣщаться если не всѣмъ безъ исключенія учащимся, то по крайней мѣрѣ всѣмъ тѣмъ изъ нихъ,

которые желаютъ заниматься практически, и снабдить всѣ учрежденія устройствомъ, соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ науки и обеспечивающимъ возможность успѣшнаго хода научно-практическихъ занятій. Переходя къ изложенію потребностей каждаго учрежденія въ отдѣльности, факультетъ отличаетъ потребности настоятельно *необходимыя* отъ тѣхъ, удовлетвореніе которыхъ только *желательно*. Подъ первымъ названіемъ факультетъ разумѣетъ то, что должно быть сдѣлано для извлеченія изъ существующихъ учреждений наибольшей пользы, при чемъ самыя учрежденія останутся въ существующихъ размѣрахъ. Желательнымъ называетъ факультетъ удовлетвореніе потребностей, которое доставило бы учрежденіямъ возможность сравниться до нѣкоторой степени съ западно-европейскими, позволило бы имъ отвѣчать современнымъ требованіямъ науки и доставляло бы возможность практически заниматься всѣмъ учащимся, желающимъ работать. *Астрономической обсерваторіи* университетъ собственно не имѣетъ, а обсерваторія Академіи Наукъ, которою онъ пользуется, представляетъ весьма мало удобствъ. Она помѣщается на такомъ проѣзжемъ мѣстѣ, что сотрясеніе отъ экипажей почти постоянно нарушаетъ неподвижность инструментовъ. Кромѣ того, профессоръ астрономіи, не имѣющій помѣщенія при самой обсерваторіи, принужденъ жить довольно далеко отъ нея, и находясь въ этомъ положеніи, только съ большимъ трудомъ можетъ избирать время, удобное для наблюдений или для практическихъ занятій со студентами. При измѣнчивости Петербургскаго неба, неудобство это дѣлается особенно ощутительнымъ, такъ какъ въ промежутокъ времени, который нуженъ для прибытія профессора въ обсерваторію, состояніе неба легко можетъ измѣниться и не дозволить предположенной работы. Вслѣдствіе такихъ неудобствъ *желательно* учрежденіе новой университетской обсерваторіи. *Кабинету практической механики* ассигнована по штату крайне незначительная и далеко несообразная съ потребностями сумма (500 руб.); кромѣ того, для производства практическихъ работъ въ кабинетѣ нуженъ мастеръ. Поэтому *необходимо*, чтобы штатная сумма на кабинетъ была возвышена до 1.500 руб., и чтобы на плату мастеру было назначено 600 руб. *Физическій* кабинетъ въ его настоящемъ положеніи можетъ вмѣщать въ себѣ не болѣе 10-и практиковъ, — число крайне незначительное въ сравненіи съ количествомъ учащихся. Практическія занятія физикою требуютъ значительнаго простора и часто даже совершенно отдѣльных помѣщеній. Разъ установленный приборъ въ большинствѣ слу-

чаевъ долженъ оставаться на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Необходимо, стало-быть, имѣть въ физическомъ кабинетѣ достаточное число отдѣльныхъ комнатъ. Для удобнаго надзора за практикантами нужно, чтобъ эти комнаты не были удалены одна отъ другой, а для помощи начинающимъ необходимы лаборанты. Далѣе, физическія изслѣдованія часто требуютъ совершенной неподвижности приборовъ. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворяетъ физическій кабинетъ С.-Петербургскаго университета. Его настоящее помѣщеніе такъ тѣсно, что онъ загроможденъ приборами, а при необходимомъ возрастаніи числа ихъ, физическій кабинетъ стѣсняется еще болѣе. Комнаты кабинета находятся нынѣ въ двухъ разныхъ этажахъ, и кромѣ того кабинетъ занимаетъ еще одну отдѣльную комнату въ надворномъ флигелѣ,—обстоятельство, крайне препятствующее удобству занятій и не могущее пробудить въ учащихся охоту къ работамъ. Комнаты кабинета обращены на улицу и отъ этого многія наблюденія становятся возможными лишь въ зимнее время, когда снѣгъ уменьшаетъ сотрясеніе отъ проѣзжающихъ экипажей. При кабинетѣ полагается механикъ и консерваторъ. Механикъ почти не можетъ содѣйствовать ходу практическихъ занятій, а за незначительное содержаніе консерватора (300 руб.) отъ него нельзя требовать тѣхъ трудовъ, какіе необходимы. Притомъ одного лица и недостаточно для надзора, если число работающихъ увеличится. По всему этому физическій кабинетъ тогда только представитъ удобство и позволитъ развитіе практическихъ занятій, когда получить другое, соотвѣтствующее потребностямъ помѣщеніе и будетъ имѣть двухъ лаборантовъ съ достаточнымъ жалованьемъ (по 800 руб.) въ годъ. Какъ то, такъ и другое факультетъ считаетъ *вполнѣ необходимымъ*. *Химическая лабораторія* представляетъ, по занимаемому ею помѣщенію, одно изъ самыхъ обширныхъ учрежденій С.-Петербургскаго университета; тѣмъ не менѣе ея помѣстительность не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности. Нынѣ, по окончаніи устройства еще новаго отдѣленія лабораторіи, она будетъ въ состояніи вмѣстятъ около 50-и практикантовъ, а между тѣмъ въ предпрошломъ году студентовъ, желающихъ заниматься въ лабораторіи (записавшихся на право работы), было болѣе ста, а въ прошломъ году около ста. Число состоящихъ при лабораторіи лаборантовъ не соотвѣтствуетъ числу работающихъ; по-сему факультетъ считаетъ *крайне необходимымъ* назначить еще трехъ ассистентовъ. По самому устройству университетскаго зданія, помѣщеніе лабораторіи представляетъ и всегда будетъ представлять зна-

чительныя неудобства своею растянутостію; притомъ лабораторія все лишена солнечнаго свѣта, и работы, требующія его содѣйствія, вовсе не могутъ быть въ ней производимы. Относительно внутренняго устройства лабораторіи сдѣлано все, что можно было сдѣлать въ настоящемъ помѣщеніи на собственные средства университета; но ограниченность этихъ средствъ, при постоянной необходимости расширенія и ремонта, не позволяетъ осуществить нѣкоторыхъ необходимыхъ приспособленій. Всего нужнѣе между ними хорошая вентиляція, которой нѣтъ нынѣ, и отсутствіе которой крайне затрудняетъ работы. Устраненіе этого важнаго неудобства представляетъ нѣкоторыя трудности. Такъ какъ лабораторія находится въ нижнемъ этажѣ зданія и зданіе это первоначально построено было для другой цѣли, то проведенію прямыхъ вытяжныхъ воздушныхъ каналовъ препятствуетъ расположеніе капитальныхъ стѣнъ въ верхнихъ этажахъ. Проведеніе это возможно только съ постройкою отдѣльныхъ трубъ, стоящихъ довольно дорого (отъ 4 до 5 тысячъ руб.). Въ видахъ безопасности и сохраненія здоровья работающихъ, постройка такихъ трубъ *необходима*, если лабораторія принуждена будетъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сохранить теперешнее помѣщеніе. *Желательно* было бы однако же устроить это неудобство вмѣстѣ со всѣми другими и въ то же время расширить лабораторію до размѣровъ, которые позволили бы работать всѣмъ желающимъ студентамъ. Единственнымъ средствомъ въ этому представляется постройка новаго зданія. *Минералогическій кабинетъ* имѣетъ годовую сумму въ 500 руб., изъ которой, по ея незначительности, весьма трудно отдѣлать часть для практическихъ занятій, требующихъ неминуемо издержекъ на приобрѣтеніе реактивовъ, приборовъ и значительнаго запаса минераловъ, который расходуется на занятія. Поэтому, для расширенія практическихъ занятій въ минералогическомъ кабинетѣ, *необходимо* увеличить его содержаніе до 750 руб. Кроме того, этотъ кабинетъ не пользуется достаточнымъ помѣщеніемъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ комнатъ, но имѣетъ только двѣ комнаты удобныя. Изъ нихъ одна занята минералогическимъ музеемъ, въ которой практическія занятія не могутъ быть допущены; въ другой комнатѣ помѣщается лабораторія, назначенная для производства точныхъ аналитическихъ работъ, куда начинающіе практиканты, по причинамъ, не требующимъ объясненія, иногда не могутъ быть допущены. Остальныя двѣ комнаты выходятъ окнами въ корридоръ, и потому на столько темны, что могутъ служить кабинету только какъ кладовыя. Съ цѣлію успѣшнаго веденія практическихъ занятій по ми-

нералогіи *желательно* имѣть для минералогическаго кабинета новое помѣщеніе, примыкающее къ химической лабораторіи. При практическихъ занятіяхъ по *геології* и *палеонтології* необходимо имѣть въ виду главнымъ образомъ Россію; между тѣмъ кабинетъ этихъ наукъ нуждается въ русскихъ окаменѣлостяхъ, которыя большею частію не могутъ быть приобрѣтены и за деньги. Для удовлетворенія этой потребности было бы *необходимо* назначить для особнхъ экскурсій сумму въ 400 руб. сверхъ 500, получаемыхъ кабинетомъ. На эти деньги учащіеся специалисты, вмѣстѣ съ руководителемъ, могли бы предпринимать геологическія экскурсіи въ мѣста уже извѣстныя, учась такимъ образомъ сами и обогащая кабинетъ собраніемъ окаменѣлостей. Для практическихъ занятій по *зоології* и *зоотоміи* необходимы особня лица, достаточно подготовленные для того, чтобы непосредственно руководить практическими приѣмами неопытныхъ работающихъ. Такой трудъ требуетъ соразмѣрнаго вознагражденія, а въ настоящее время находятся при зоологическомъ и зоотомическомъ кабинетѣ только два консерватора, съ незначительнымъ жалованьемъ по 300 руб. каждому. *Необходимо* возвысить содержаніе этихъ лицъ до 600 руб., и назначить, сверхъ того, лаборанта съ жалованьемъ по 800 руб. Самыя помѣщенія помянутыхъ кабинетовъ неудобны и тѣсны, и расширеніе ихъ весьма желательно. Практическія занятія по каедрѣ *анатоміи* и *физиології* крайне затруднены недостаткомъ прозектора, назначеніе котораго *необходимо*. Для полнаго успѣха преподаванія этихъ наукъ и для возможнаго развитія практическихъ занятій *желательно* было бы раздѣлить эту каедру на двѣ, назначивъ при каждой по прозектору и устроивъ, по образцу заграничныхъ, анатомической музей и физиологическую лабораторію. До самаго послѣдняго времени недостатокъ удобнаго помѣщенія дѣлалъ практическія занятія по физиології растений невозможными. Нынѣшнее новое помѣщеніе *ботаническаго института* позволяетъ значительно расширить кругъ этихъ занятій и препятствіемъ къ такому расширенію служатъ теперь только недостатокъ нѣкоторыхъ приборовъ, приспособленій во внутреннемъ устройствѣ ботанической лабораторіи и неимѣніе ассистента. Посему *необходимо* назначеніе единовременнаго пособія на приборы и внутреннее устройство, въ размѣрѣ 2.000 руб., и ассистента, который исполнялъ бы и обязанности консерватора, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ. Для практическихъ занятій учащихся по *агрономіи* нужны особня условія. Въ германскихъ университетахъ предпринимаются преподавателями и студентами экскурсіи по болѣе извѣстнымъ окрест-

нымъ хозяйствамъ (напримѣръ, около Берлина), или учреждаются опытыя станціи (въ Лейпцигѣ, Галле и др.), или наконецъ имѣются фермы, въ которыхъ ведется полное хозяйство (въ университетахъ Боннскомъ, Гёттингенскомъ, Грейфсвальдскомъ и др.). Образцовыя хозяйства въ Россіи рѣдки, и потому, для усиленія практическихъ упражненій студентовъ, и для производства опытовъ по агрономіи и зоотехникѣ, *желательно* было бы имѣть и при С.-Петербургскомъ университетѣ ферму, земля для которой, вѣроятно, могла бы быть исходатайствована безвозмездно у вѣдомства удѣловъ. Къ донесенію своему факультетъ приложилъ особую вѣдомость о одновременныхъ и постоянныхъ расходахъ, признаваемыхъ факультетомъ необходимыми; по этой вѣдомости сумма одновременныхъ расходовъ составляетъ 23.000 руб., а сумма расходовъ постоянныхъ — 10.150 руб. въ годъ. Затѣмъ факультетъ слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на второстепенные вопросы: а) обязательныя для всѣхъ учащихся практическія занятія въ С.-Петербургскомъ университетѣ нынѣ невозможны, потому что учебно-вспомогательныя учрежденія не могутъ вмѣщать всѣхъ желающихъ заниматься; б) система практическихъ занятій у насъ единственно возможная, по нынѣшнему состоянію учреждений, — та, которою факультетъ нынѣ руководится и которая приближается къ германской, съ тою разницею, что работающіе не вносятъ въ учрежденія, въ которыхъ работаютъ, никакой платы и безвозмездно пользуются инструментами, снарядами и матеріалами для своихъ работъ. Взиманіе за все это платы возможно, по замѣчанію факультета, за границей, при громадномъ числѣ желающихъ заниматься, при изобиліи специалистовъ-практикантовъ; у насъ же, напротивъ того, при недостаткѣ специалистовъ, при нуждѣ, которая въ нихъ ощущается, необходимо привлекать къ занятіямъ полною доступностью кабинетовъ и лабораторій. 3) Письменное рѣшеніе вопросовъ (Clausur-Arbeiten) при окончательныхъ экзаменахъ на кандидата полагается по правиламъ. Работы эти факультетъ не считаетъ особенно полезными. Только словесныя испытанія, производимыя съ надлежащею строгостью, позволяютъ экзаменатору знакомиться съ занятіями испытуемаго не по какому-либо отдѣльному частному вопросу науки, а по всему ея объему, и исключаютъ возможность неправильнаго вывода, когда экзаменуемый или знаетъ только какой-либо изъ частныхъ отдѣловъ, или на оборотъ, при мало удовлетворительномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми извѣстными частностями, заслуживаетъ удовлетворительныхъ балловъ

по своимъ познаніямъ науки, взятой въ ея основныхъ и главнѣйшихъ положеніяхъ.

Физико-математическій факультетъ *Московскаго* университета слѣдующимъ образомъ высказываетъ свое мнѣніе о господствующихъ въ западной Европѣ системахъ для занятій студентовъ. Система tutorства, существующая въ весьма немногихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прототипъ которой существуетъ въ *Кембриджскомъ* и *Оксфордскомъ* университетахъ, имѣетъ безспорно и большія достоинства, и большіе недостатки. Первые состоятъ въ постоянномъ, какъ полицейскомъ, такъ и учебномъ надзорѣ надъ учащимися; вторые—главнымъ образомъ въ стѣсненіи свободы даже научныхъ занятій, въ бурсацкой школьной жизни, которой примѣры мы издавна видимъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ прежняго устройства, и въ затратахъ чрезвычайно большихъ суммъ почти непроизводительно. Такъ, въ *Оксфордѣ* каждый учащійся стѣитъ 200 ф. стерл. въ годъ. Жалованье тьюторамъ огромное. Въ самой Англии, гдѣ такъ держатся прежнихъ обычаевъ и гдѣ такъ трудно поддаются нововведеніямъ, *Лондонскій* университетъ, съ цѣлою системою колледжей, съ свободнымъ университетскимъ преподаваніемъ, былъ устроенъ съ цѣлію противодѣйствовать *Кембриджскому* и *Оксфордскому*. Другіе же университеты Англии, какъ, на примѣръ, *Эдинбургскій*, устроены совершенно на германскій ладъ. Физико-математическій факультетъ *Московскаго* университета признаетъ систему tutorства вполне непригодною для русскихъ университетовъ, гдѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уничтожается корпоративная жизнь студентовъ и гдѣ нѣтъ возможности и думать о требуемыхъ этою системою громаднхъ затратахъ на устройство зданій для совмѣстнаго жительства студентовъ, особенныхъ для каждой коллегіи библиотекъ, и т. д. Во время министерства Дюрюи во Франціи устроена цѣлая система лабораторій для желающихъ заниматься какою-либо наукой практически, подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ. Этимъ лабораторіямъ и школамъ придано коллективное названіе *École pratique de hautes études*. Это учрежденіе завѣдывается совѣтомъ директоровъ отдѣльныхъ школъ, изъ которыхъ каждая отдается почти въ полное распоряженіе своего директора. Первая мысль учрежденія такихъ школъ во Франціи принадлежитъ Клоду Бернару, который вошелъ въ министерство съ представленіемъ о необходимости устроить въ Парижѣ физиологическій институтъ на подобіе институтовъ, устроенныхъ въ Германіи и даже въ Россіи. При томъ указывалось на химическую лабораторію *Зинина* и физиологи-

ческую—*Съчснова* при С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Какую пользу принесутъ Франціи помянутыя *écoles*, сказать нельзя, по слишкомъ краткому времени ихъ существованія. Многія лабораторіи еще не окончены, напримѣръ, лабораторія Клода Бернара, хотя на передѣлку уже существовавшего зданія и на увеличеніе количества снарядовъ, въ дополненіе къ имѣвшимся уже въ физиологической лабораторіи Collège de France, было одновременно ассигновано 400.000 франковъ. Число записавшихся на практическіе курсы по предметамъ физико-математическаго отдѣленія весьма незначительно, всего 169 человекъ, какъ видно изъ послѣдняго отчета Дюрюи. Однакожъ нѣкоторые лица, даже сочувствующія этому учрежденію и близко къ нему поставленныя, уже и теперь находятъ въ немъ нѣкоторые недостатки. На первомъ планѣ ими выставляется, въ этомъ отношеніи, слѣдующее: а) полнѣйшая независимость такихъ школъ отъ факультетовъ; б) приемъ желающихъ учиться зависитъ исключительно отъ директора каждой спеціальной школы; в) отъ поступающихъ въ эти школы не требуется степени бакалавра, которая требуется отъ ищущихъ университетскихъ степеней; г) кончающіе здѣсь курсъ удостоиваются университетскими степенями не университетскимъ совѣтомъ, а совѣтомъ директоровъ школъ. Для нашихъ университетовъ учрежденіе школъ, подобныхъ французскимъ *écoles pratiques*, очевидно непригодно уже потому, что послѣднія стоятъ внѣ всякой зависимости отъ университета. Остается германская система, то-есть, учрежденіе, въ дополненіе къ теоретическимъ курсамъ, практическихъ курсовъ въ лабораторіяхъ, музеяхъ и т. д. Нельзя не согласиться, что такого рода учрежденія при нашихъ университетахъ не только полезны, но и необходимы, если мы хотимъ, чтобы воспитанники нашихъ университетовъ получали серьезное образованіе. И дѣйствительно, почти по всѣмъ предметамъ физико-математическаго факультета, устроены практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ преподавателей. Такъ, въ химической, технологической, физиологической и гистологической лабораторіяхъ, въ кабинетъ сравнительной анатоміи, въ зоологическомъ и минералогическомъ музеяхъ, физическомъ кабинетѣ, на астрономической обсерваторіи и въ ботаническомъ саду студенты занимаются практически подъ руководствомъ профессоровъ. Имѣется въ виду устроить семинарію при кафедрахъ чистой и прикладной математики. Практическія занятія оказывали и оказываютъ самое благотворное дѣйствіе на студентовъ. Работавшіе въ этихъ учрежденіяхъ студенты нерѣдко посвящаютъ цѣлую жизнь

наукѣ и дѣлаются достойными преподавателями. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти учрежденія далеко не достигаютъ той цѣли, которая могла бы быть достигнута при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Такихъ неблагоприятныхъ условій въ Московскомъ университетѣ, сравнительно съ германскими университетами, много, и на первомъ мѣстѣ — недостатокъ средствъ. Германскіе университеты, получая по временамъ огромныя пособія, въ состояніи устраивать учрежденія, которыя можно назвать памятниками, воздвигнутыми наукѣ. Въ Московскомъ университетѣ, въ былое время, химическая лабораторія и астрономическая обсерваторія были выстроены и устроены на экономическія суммы и спеціальныя средства, которыми владѣлъ университетъ; но теперь, когда желающихъ работать является больше, когда помѣщенія его съ каждымъ годомъ становятся недостаточнѣе и тѣснѣе, университетъ, лишенный прежнихъ средствъ, не только не въ состояніи устраивать требуемыя наукой и мѣстными условіями лабораторіи, но и поддерживать прежнія соотвѣтственно требованіямъ науки. Университетъ не можетъ устранить недостатки лабораторій изъ суммъ, опредѣленныхъ штатами на содержаніе кабинетовъ, лабораторій и проч.: здѣсь нужны затраты несравненно большія, а между тѣмъ серьезныя научныя занятія въ лабораторіяхъ и семинаріяхъ суть средства, наиболѣе надежныя для устраненія всякихъ беспорядковъ въ средѣ учащейся молодежи, и единственное средство для сближенія преподавателей съ учащимися. Къ сему факультетъ указываетъ на то, что въ Германіи весьма важнымъ стимуломъ для работъ служитъ уничтоженіе покурсныхъ экзаменовъ, предоставленная учащимся свобода слушанія и назначенія стипендій студентамъ, занимающимся въ лабораторіяхъ, семинаріяхъ и проч. Относительно письменныхъ отвѣтовъ при экзаменахъ на степени (Clausur-Arbeit) факультетъ замѣчаетъ, что на степень кандидата въ Московскомъ университетѣ такіе письменные отвѣты замѣнены кандидатскими диссертациями, и что, какъ показала практика, послѣднія несравненно лучше даютъ возможность оцѣнить и знанія, и способности студента.

Факультеты университетовъ *Казанскаго*, *Харьковскаго* и *Новороссійскаго* ограничились краткими указаніями на существующіе у нихъ порядки для практическихъ занятій студентовъ; къ этому Казанскій факультетъ присовокупилъ, что онъ полагалъ бы крайне необходимымъ учредить въ разрядѣ естественныхъ наукъ по крайней мѣрѣ 5 стипендій, дабы дать возможность лучшимъ молодымъ людямъ этого разряда употреблять на практическія занятія науками

время, которое безъ этого пособия они по необходимости должны употреблять на пріисканіе средствъ къ жизни помощію постороннихъ занятій. Харьковскій факультетъ упоминаетъ, что для доставленія возможности студентамъ основательно изучить извѣстную группу близкихъ между собою наукъ, онъ ходатайствовалъ о раздѣленіи его на три отдѣленія и что, со времени утвержденія этого раздѣленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, по всѣмъ опытнымъ, наблюдательнымъ и описательнымъ наукамъ практическія занятія были сдѣланы обязательными не только для студентовъ, но и для постороннихъ лицъ, явившихся къ экзамену на степень кандидата; а по математикѣ и аналитической механикѣ студенты занимались обязательно рѣшеніемъ задачъ. Для привлеченія студентовъ къ серіознымъ занятіямъ по разряду математическихъ наукъ, факультетъ Новороссійскаго университета считаетъ полезными слѣдующія мѣры: а) по прочтеніи каждой статьи, предлагать задачи; рѣшеніемъ этихъ задачъ студенты должны заниматься въ присутствіи профессора; б) желающимъ заниматься специально какимъ-нибудь предметомъ предлагать задачи, рѣшеніе которыхъ можетъ составить предметъ серіозныхъ домашнихъ трудовъ студентовъ. А физико-математическій факультетъ университета *Св. Владимира* нашелъ нужнымъ повременить отвѣтомъ, потому что съ обсужденіемъ предложенныхъ вопросовъ было соединено въ факультетѣ обсужденіе мѣръ къ раздѣленію его на отдѣленія, и эти послѣднія мѣры потребовали многостороннихъ и многосложныхъ соображеній.

Въ слѣдующей книжкѣ журнала мы сообщимъ отзымы факультетовъ юридическихъ, и медицинскихъ а также и факультета восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

— Въ совѣтѣ Варшавскаго университета, въ засѣданіи 28-го сентября 1870 года, было подвергнуто обсужденію дѣло объ учрежденіи особаго клиническаго отдѣленія болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ. Состоявшійся 13-го октября 1869 года комитетъ клиническихъ профессоровъ и преподавателей, обсуждавшихъ вопросъ объ учрежденіи клиникъ, между прочимъ рѣшилъ: ходатайствовать предъ начальствомъ о разрѣшеніи на учрежденіе въ больницѣ св. Лазаря особаго клиническаго отдѣленія для болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ, которыя, по уставу Варшавскаго университета, составляютъ, какъ признано и въ донесеніи означеннаго комитета, одну общую клинику съ болѣзнями навозными и сифилитическими. Дальнѣйшее теченіе времени показало, что хотя въ факультетѣ и возбуждался

нѣсколько разъ вопросъ о *мѣстѣ* образованія упомянутого клиническаго отдѣленія и о *назначеніи въ него особаго ассистента*, но самаго разрѣшенія на открытіе особой, отдѣльной отъ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней клиники не послѣдовало; посему профессоръ *Гирштовтъ*, желая получить означенное отдѣленіе въ свое завѣдываніе, въ концѣ прошедшаго учебнаго года, вошелъ въ факультетъ съ особою просьбой объ исходатайствованіи открытія клиническаго отдѣленія мочевыхъ и половыхъ органовъ, выставляя на видъ, что отсутствіе упомянутого отдѣленія составляетъ потерю въ научномъ отношеніи, какъ для студентовъ, такъ и для преподавателя. Медицинскій факультетъ, разсмотрѣвъ рапортъ профессора Гирштовта, рѣшилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ университета объ отдѣленіи, въ видѣ особаго учрежденія, клиники болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ отъ клиники болѣзней сифилитическихъ и накожныхъ. При этомъ профессоръ *Андреевъ*, одинъ изъ числа трехъ, не согласившихся съ таковымъ мнѣніемъ большинства, представилъ факультету въ особой запискѣ причины своего несогласія. Отсутствие необходимости въ отдѣленіи клиники для мочевыхъ и половыхъ органовъ, по мнѣнію профессора Андреева, должно быть очевиднымъ изъ слѣдующаго: а) для болѣзней сказанныхъ органовъ, имѣющихъ венерическое происхожденіе, имѣется уже готовая клиника сифилитическихъ болѣзней, къ коей и присоединены болѣзни мочевыя и половыя; б) для всѣхъ же остальныхъ болѣзней этихъ органовъ не венерическаго происхожденія имѣются двѣ общія хирургическія клиники — факультетская и госпитальная. Въ ущербъ, который чрезъ открытіе помянутой клиники долженъ произойти въ имѣющихся уже по уставу и ничѣмъ незамѣнимыхъ одиннадцати клиникахъ, нельзя, по мнѣнію профессора Андреева, сомнѣваться потому, что такая клиника неизбежно потребуеетъ для себя особой и значительной суммы денегъ, какъ на первое обзаведеніе аппаратами и инструментами, такъ и на дальнѣйшее веденіе дѣла; а между тѣмъ въ засѣданіи еомитета клиницистовъ, 14-го сентября, обнаружилось, что если бы даже всѣ положенныя по уставу 11 клиникъ получили уже извѣстную сумму денегъ на первое обзаведеніе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то и тогда на долю 9-и изъ нихъ досталась бы изъ общей клинической суммы столь малая цифра (для нѣкоторыхъ клиникъ 100 руб. въ годъ), что при ней надлежащее клиническое веденіе дѣла невозможно. Къ этому г. Андреевъ присовокупилъ еще слѣдующіе доводы противъ открытія особой клиники мочевыхъ и

половыхъ органовъ: а) она потребуеть особаго ассистента; б) пожелаетъ имѣть у себя и тѣхъ больныхъ мочевыми и половыми органами, которыхъ желали бы имѣть у себя профессора хирургическихъ клиникъ и завѣдывающій клинкою сифилитическихъ болѣзней, и в) по первоначальному предположенію факультета, клиника мочевыхъ и половыхъ органовъ должна отереться въ больницѣ св. Лазаря, назначенной исключительно для больныхъ накожными болѣзнями и сифилитиковъ, вслѣдствіе чего открытіе ея здѣсь навѣрное встрѣтитъ большое препятствіе со стороны администраціи упомянутой больницы. По обсужденіи этого дѣла, совѣтъ Варшавскаго университета постановилъ: ходатайство медицинскаго факультета объ отдѣленіи, въ видѣ особаго учрежденія клиники болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ, отъ клиники сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней считать полезнымъ, а потому сдѣлать о семъ представленіе г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа и просить распоряженія его объ утвержденіи настоящаго представленія факультета. (*Варш. унив. изв.* 1870 г. № 5).

— Общество испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1870 года состояло изъ 27-и дѣйствительныхъ членовъ, 1-го почетнаго и 13-и сотрудниковъ; оно имѣло въ теченіе этого года 10 общихъ собраній. Къ числу новыхъ мѣръ, которыя были предложены и приняты, принадлежатъ слѣдующія: 1) Общество постановило печатать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ извѣстія о своей дѣятельности, и кромѣ того, издавать протоколы своихъ засѣданій, къ тому же разрѣшило входъ въ засѣданія постороннимъ лицамъ, на сколько это дозволяетъ помѣщеніе. 2) Общество опредѣлило обратиться съ предложеніемъ о взаимномъ обмѣнѣ изданій къ другимъ обществамъ естествоиспытателей при русскихъ университетахъ и ко всѣмъ прочимъ русскимъ естественно-историческимъ обществамъ, а также и къ другимъ обществамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ предметамъ занятій первыхъ. 3) Съ цѣлію привлеченія новыхъ силъ для содѣйствія Харьковскому обществу въ его изслѣдованія, принято предложеніе о назначеніи денежныхъ наградъ или премій, на которыя имѣютъ право какъ сотрудники, такъ и постороннія лица за удовлетворительное разрѣшеніе вопросовъ, предложенныхъ обществомъ. Дѣятельность общества, непосредственно касающаяся его существенной задачи, состояла въ слѣдующемъ: 1) Кромѣ протоколовъ засѣданій общество напечатало два тома „Трудовъ“, содержащихъ въ себѣ ученныя изслѣдованія, и приступило къ печатанію заготовленнаго уже третьяго тома, выдавъ 150 рублей на изготовленіе

рисунковъ въ сочиненію дѣйствительнаго члена *Гурова*. 2) По планамъ, рассмотрѣннымъ и одобреннымъ обществомъ, и на его средства, совершены ученыя экскурсіи: а) г. *Рейгардтомъ* — для альгологическихкихъ изслѣдованій по Харьковской губерніи, съ ассигновкою 400 р.; б) г. *Радкевичемъ* — для изслѣдованія озеръ въ Зміевскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ въ зоологическомъ отношеніи, съ назначеніемъ 125 р.; в) г. *Пенго* — для зоологическихкихъ изслѣдованій въ низовьяхъ Днѣстра и смежныхъ съ нимъ прѣсноводныхъ и приморскихъ лиманнахъ, съ назначеніемъ 400 р.; г) г. *Черняевымъ* — для ботаническихкихъ изслѣдованій о Донскихъ степяхъ, съ ассигнованіемъ 200 р.; д) г. *Шперкомъ* — для изслѣдованія лишайниковъ въ Харьковскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ, съ назначеніемъ 62 рублей. Для напечатанія въ „Трудахъ“ представили, между прочимъ статьи: *Кипріяновъ* — „Объ измѣненіяхъ горизонта Днѣпра съ 1859 по 1869 годъ“; г. *Носовъ 2-й* — „Описание Лисичанскаго, Успенскаго и Городищенскаго каменноугольныхъ рудниковъ“; г. *Степановъ* — „Описание мягкотѣлыхъ изъ родовъ *Anodonta* и *Unio*, найденныхъ въ окрестностяхъ Харькова“; г. *Левковскій* — „О причинахъ различія въ формѣ склоновъ рѣчныхъ долинъ“ и „О выступахъ кристаллическихъ породъ по Днѣпру“. Кромя того, сдѣланы сообщенія, которыя положено напечатать въ протоколахъ: г. *Чернаемъ* — о насѣкомыхъ, сдѣлавшихъ значительный вредъ растительности Харьковскаго края въ 1870 году; г. *Гуровымъ* — опредѣленіе желѣзной руды изъ Бахмутскаго уѣзда, и г. *Ивановымъ* — перечень родовъ и видовъ жуковъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Купянска. Для пополненія кабинетовъ, общество въ истекшемъ году сдѣлало на собственныя средства нѣсколько прибрѣтеній (*Прав. Вѣстн.* № 39).

— Г. ректоръ С.-Петербургскаго университета, заслуженный профессоръ *Кесслеръ* обратился къ совѣту университета, въ засѣданіи 18-го января, съ нижеслѣдующимъ заявленіемъ: „Въ послѣднее время между вопросами, касающимися жизни Русскаго государства, все сильнѣе и настойчивѣе сталъ выдвигаться на первый планъ вопросъ о народномъ образованіи. И въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы всѣ великія реформы нынѣшняго царствованія, которыя частію уже приведены, частію приводятся въ исполненіе, какъ на примѣръ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, введеніе новыхъ судебныхъ учреждений, распространеніе воинской повинности на всѣ сословія, оказались въ такой степени благотѣльными, какъ этого отъ нихъ ожидали и ожидаютъ; чтобы онѣ могли быть надлежащимъ образомъ оцѣнены и усвоены народомъ, необходимо дать ему соот-
часть слш, отд. 4.

вѣтственное образованіе. Хорошія народныя школы составляютъ, можно сказать, то учрежденіе, которое должно упрочить и увѣдчать всѣ другія мѣропріятія на пользу народа. Но хорошія народныя школы не мыслимы безъ хорошихъ учителей, и потому всѣ усилія правительства и общества, безъ сомнѣнія, должны быть въ настоящее время направлены къ тому, чтобы образоватъ въ достаточномъ числѣ надежныхъ учителей для народныхъ школъ". По мнѣнію профессора Кесслера, желательно, чтобы въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ принялъ посильное участіе также и С.-Петербургскій университетъ, и повидимому, ему представляется для этой цѣли одинъ очень удобный путь. Дѣло въ томъ, что учителя народныхъ школъ, если хотятъ быть достойными своего призванія, не должны ограничиться ученіемъ дѣтей грамотѣ и счисленію, но должны быть также совѣтниками и руководителями народа, должны быть сѣятелями полезныхъ свѣдѣній въ средѣ, въ которой имъ придется дѣйствовать; а чтобы дать имъ возможность легче стать на уровень подобнаго призванія, слѣдуетъ заблаговременно озаботиться напечатаніемъ доступныхъ имъ и дешевыхъ сочиненій, изъ которыхъ они могли бы почерпнуть пригодныя для народа свѣдѣнія. И вотъ составленію и напечатанію сочиненій, предназначенныхъ для учителей народныхъ школъ по различнымъ отраслямъ знанія, какъ, напримѣръ, по русской исторіи, по географіи и статистикѣ Россіи, по естествовѣдѣнію и земледѣлію, могъ бы легко содѣйствовать С.-Петербургскій университетъ. Пусть бы онъ назначилъ ежегодно по одной или по двѣ преміи, примѣрно въ 1.000 рублей, за сочиненія, приуроченныя къ потребностямъ учителей народныхъ школъ, и принялъ также на свой счетъ напечатаніе увѣнчанныхъ имъ сочиненій; тогда, по всей вѣроятности, въ конкурентахъ не оказалось бы недостатка и въ скоромъ времени могло бы составиться цѣлое собраніе сочиненій для учителей народныхъ школъ. Для болѣе подробнаго обсужденія этого дѣла, совѣтъ постановилъ назначить комиссію, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ гг. профессоровъ: *Срезневскаго, Савича, Бекетова, Сухомлинова, Васильева и Градовскаго.* (*Журн. Сов. С.-Петерб. универс.*)..

Г И М Н А З И И.

Извлеченія изъ отчетовъ объ учебно-воспитательномъ состояніи Тамбовской и Воронежской гимназій въ 18^{89/90} учебномъ году. — Объ открытіи дѣйствіи совѣта коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.

Намъ доставлены печатные „отчеты“: объ учебно-воспитательной дѣятельности Тамбовской гимназій, за 18^{89/90} учебный годъ, соста-

вленный инспектором гимназии *Удовиченко* для прочтения на публичномъ актѣ гимназій 15-го октября 1870 года, и о состояніи Воронежской гимназій, за тотъ же учебный годъ, прочитанный инспекторомъ гимназій *Солликимъ* на публичномъ актѣ 3-го ноября. Воспользуемся этими отчетами, чтобы познакомить читателей съ состояніемъ и дѣятельностію означенныхъ гимназій въ теченіе 18⁶⁹/₇₀ учебнаго года.

На долю Тамбовской гимназій выпалъ жребій быть преобразованною одною изъ первыхъ въ Россіи въ классическую гимназію на основаніи устава 1864 года. „Для многихъ, говоритъ г. Удовиченко, классицизмъ представляется чѣмъ-то бесполезнымъ, не имѣющимъ практическаго примѣненія въ жизни. Но, кромѣ утилитарныхъ стремленій, есть еще въ человѣкѣ другія высшія, нравственныя силы и стремленія, безъ развитія которыхъ и первыя не достигли бы своей цѣли. Развитие этихъ-то высшихъ силъ и стремленій и имѣть въ виду преимущественно классическое образованіе. Классическія гимназій имѣютъ преимущественно дѣло съ человѣкомъ, съ проявленіями его духа въ словѣ и дѣлѣ. Но эти проявленія могутъ имѣть воспитательное значеніе только тогда, когда они произведутъ вліяніе на общество, когда сдѣлана полная оцѣнка этого вліянія, когда на основаніи ихъ можно выводить вѣчныя истины и непреложныя законы. Только въ этой постоянной, невозмутимой сферѣ можетъ окрѣпнуть юный духъ человѣка и приобрести самостоятельность и силу для дѣйствій среди постоянно движущейся, волнуемой, постоянно измѣняющейся, неуловимой современности. Современность плохая сфера для развитія юнаго (неопытнаго), не окрѣпшаго ума. Вотъ почему въ классическихъ гимназіяхъ и назначается для развитія его самый удобный и уютный уголокъ, какимъ представляется классическая древность съ ея жизнью, совершенно законченною, и съ ея языками, вполне опредѣлившимися. Слѣдовательно, преобразование нашей гимназій уставомъ 1864 года вполне можетъ быть названо благодѣяніемъ для нашего края. Интересно знать, на сколько разныя сословія нашей губерніи на самомъ дѣлѣ пользуются этимъ благодѣяніемъ правительства“. Отчетъ г. Удовиченко представляетъ для сужденія о семъ слѣдующія данныя. Изъ 1.060.692 человѣкъ мужскаго населенія Тамбовской губерніи обучалось въ гимназій въ прошломъ учебномъ году 356, слѣдовательно, въ губерніи одинъ гимназистъ приходится болѣе чѣмъ на 2.976 человѣкъ. При сравненіи числа учившихся въ гимназій изъ каждаго сословія отдѣльно съ числомъ жителей того же сословія въ губерніи, оказывается, что въ дворянскомъ сословіи приходится 1 гим-

назистъ на 22 человѣка, въ купеческомъ — на 242, въ мѣщанскомъ — на 1.734 и крестьянскомъ — на 93.402 человѣка, или если изъ трехъ или четырехъ мальчиковъ дворянскаго сословія, находящихся въ возрастѣ, требующемъ гимназическаго обученія, одинъ непременно учится въ гимназій, то въ купеческомъ учится одинъ изъ 33-хъ, въ мѣщанскомъ 1 изъ 247-и, а въ крестьянскомъ 1 изъ 13.343. Такое огромное количество дѣтей и юношей, замѣчаетъ г. Удовиченко, остающихся безъ гимназическаго образованія, не всегда зависитъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, а часто, можетъ-быть, отъ ложнаго убѣжденія, что гимназическое образованіе составляетъ исключительную потребность дворянскаго сословія, что оно пригодно только для служебной и учебной дѣятельности. Изъ балловой книги Тамбовской гимназій за прошлый годъ видно, что число успѣвшихъ въ дворянскомъ сословіи было 61,19%, въ купеческомъ 62,16%, въ мѣщанскомъ 58,82% и въ крестьянскомъ 80%. Вообще же изъ 340 учениковъ, оставшихся въ гимназій въ концѣ года, было: оказавшихъ хорошіе и отличные успѣхи, то-есть, такихъ, которые въ общемъ среднемъ выводѣ имѣли отъѣтку 4 и 5, — 43, имѣвшихъ въ общемъ выводѣ 3 — 179, съ посредственными успѣхами — 109, и наконецъ, оказавшихъ слабые успѣхи или получившихъ въ общемъ среднемъ выводѣ 1 было всего 10. Хотя изъ посѣщавшихъ гимназію не было ни одного воспитанника съ совершеннымъ незнаніемъ всего пройденнаго, хотя оказавшихъ слабые успѣхи было самое незначительное число, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію педагогическаго совѣта, успѣхи учениковъ гимназій оставляютъ еще многого желать. По экзамену, бывшему въ іюнѣ мѣсяцѣ, изъ 315-и воспитанниковъ шести классовъ безусловно переведено въ слѣдующіе высшіе классы 152 воспитанника, оставлено въ тѣхъ же классахъ 13, уволено за безуспѣшность 6; 22-мъ, не кончившимъ и не державшимъ вовсе экзамена по уважительнымъ причинамъ, дозволено окончить и держать экзаменъ въ августѣ, и наконецъ 62-мъ дозволено передержать экзамены въ томъ же мѣсяцѣ. При этомъ послѣднемъ дозволеніи педагогическій совѣтъ гимназій руководствовался какъ существующими по этому предмету правилами, такъ и собственными соображеніями: съ одной стороны, принимая во вниманіе важность и значеніе каждаго предмета гимназическаго курса въ дѣлѣ общаго образованія, и вслѣдствіе сего желая держать въ равновѣсіи знаніе воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ, педагогическій совѣтъ не считалъ возможнымъ, при переводѣ въ высшіе классы, дѣлать кому-либо снисхожденіе и по одному предмету, не смотря на

хорошіе успѣхи по другимъ; съ другой стороны, онъ не могъ не принять во вниманіе, что многимъ воспитанникамъ, по ихъ способностямъ и хорошимъ успѣхамъ по нѣкоторымъ предметамъ, немного не доставало до того, чтобы съ успѣхомъ продолжать курсъ ученія въ слѣдующихъ высшихъ классахъ. Послѣдствія вполне оправдали рѣшеніе педагогическаго совѣта: по экзамену, бывшему въ августѣ, оказалось возможнымъ перевести въ высшіе классы еще 52 воспитанниковъ, такъ что общее число удостоенныхъ перевода составило болѣе 65% всѣхъ учащихъ въ первыхъ шести классахъ. Но отношеніе это въ частности, по классамъ, не одинаково, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе то, что число переведенныхъ въ 3-хъ высшихъ классахъ, по отношенію къ числу учившихся въ этихъ классахъ, значительно болѣе числа переведенныхъ въ 3-хъ низшихъ классахъ: въ высшихъ классахъ оно составляетъ 78,12%, а въ низшихъ только 54,70%. Это явленіе не есть случайное; оно есть результатъ строго обдуманной рѣшимости педагогическаго совѣта переводить изъ низшихъ классовъ въ высшіе только тѣхъ учениковъ, которые вполне для того подготовлены. Дѣйствительно, быть въ этомъ отношеніи снисходительнымъ къ дѣтямъ — значитъ ставить ихъ въ невозможность съ успѣхомъ окончить курсъ гимназій и лишить общество полезныхъ дѣятелей. Доказательствомъ справедливости этой мѣры служить Тамбовская гимназія, въ которой оканчиваетъ съ успѣхомъ курсъ ученія вообще достаточное число воспитанниковъ. Въ 1870 году, изъ 22-хъ учениковъ, подвергавшихся окончательному испытанію, 16 удостоены аттестатовъ. Но если результаты окончательныхъ испытаній въ этомъ году можно назвать удовлетворительными, то, благодаря помянутой благоразумной строгости педагогическаго совѣта относительно переводныхъ экзаменовъ, въ низшихъ классахъ эти результаты окажутся еще болѣе утѣшительными въ будущемъ. Изъ VI-го въ VII-й классъ переведены всѣ 24 воспитанника; эти воспитанники, вмѣстѣ съ четырьмя оставшимися отъ 1869 года и двумя вновь поступившими, представляютъ полный составъ нынѣшняго VII-го класса. Такъ какъ знанія всѣхъ этихъ воспитанниковъ по нѣкоторымъ предметамъ провѣрены самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, то „мы уже теперь съ увѣренностью можемъ сказать, присовокупляеть г. Удовиченко, что немногія гимназій могутъ похвалиться такими блистательными результатами экзаменовъ, какіе представилъ VI-й классъ, и такимъ количествомъ молодыхъ людей, дошедшихъ вполне по праву до VII-го класса, какое находится нынѣ“. Тѣмъ не менѣе однакожь педагогическій со-

вътъ Тамбовской гимназіи не считаетъ результаты всѣхъ экзаменовъ прошлаго года такими, которые могли бы его совершенно успокоить, которые не оставили бы ничего болѣе желать. Успѣхи учащихся особенно были замедляемы частыми пропусками уроковъ учениками, на что педагогическій совѣтъ тѣмъ болѣе обращалъ вниманіе, что смотрѣлъ на пропуски уроковъ какъ на зло, которому можно помочь. Съ этою цѣлію квартиры отсутствующихъ учениковъ посѣщались надзирателями въ тотъ же день, какъ для узнанія причины отсутствія, такъ и для распоряженія о подачѣ медицинской помощи, въ случаѣ надобности. Трудъ надзирателей нѣсколько облегчался тѣмъ, что въ отношеніи къ ученикамъ, живущимъ съ родителями, гимназія довольствовалась письменными заявленіями сихъ послѣднихъ; но это обстоятельство только рѣзче обнаружило педагогическое значеніе дѣятельности надзирателей: изъ инспекторской книги, въ которой записаны всѣ уроки, пропущенные учащимися, видно, что на каждаго воспитанника, живущаго съ родителями, среднимъ числомъ приходится 6.7 пропущенныхъ уроковъ, а на каждаго изъ живущихъ на частныхъ квартирахъ только 6.2. Слѣдовательно, воспитанники, живущіе подъ непосредственнымъ надзоромъ гимназіи, въ прошломъ году посѣщали уроки аккуратнѣе, чѣмъ живущіе подъ надзоромъ родителей. На сколько впрочемъ и цифра пропущенныхъ уроковъ воспитанниками, живущими на частныхъ квартирахъ, могла бы уменьшиться при болѣе тщательномъ домашнемъ надзорѣ, примѣромъ могутъ служить воспитанники земства, живущіе подъ надзоромъ особаго смотрителя: всѣ они вмѣстѣ, въ числѣ 28-и, пропустили 356 уроковъ; слѣдовательно, на каждаго изъ нихъ среднимъ числомъ приходится менѣе 13-и пропущенныхъ уроковъ. За то и успѣхи этихъ воспитанниковъ превосходятъ успѣхи остальныхъ: не смотря на то, что почти всѣ они находились въ низшихъ классахъ, гдѣ число переведенныхъ составляетъ немного болѣе 54%, на долю ихъ досталось около 80%, и число удостоенныхъ наградъ между воспитанниками земства составляетъ 17%, между тѣмъ какъ на долю остальныхъ приходится не болѣе 7%. Вообще же число получившихъ награды составляетъ 8,55%. Успѣхи ученія и прочность усвоенія знаній весьма много условливается большимъ или меньшимъ обиліемъ различныхъ учебныхъ пособій, которыми располагаетъ учебное заведеніе. Въ этомъ отношеніи Тамбовская гимназія можетъ считаться богато снабженною всѣмъ, что необходимо для нагляднаго обученія: большое собраніе историческихъ и географическихъ картъ, стѣнной атласъ естествен-

ной исторіи Шуберта въ 2 экзмп., зоологическіе рисунки Рупрехта, гипсовые слѣпки античныхъ фигуръ, типы главныхъ человѣческихъ племенъ изъ carton-pierre, образцы народныхъ типовъ каждой части свѣта, большая коллекція, состоящая изъ 300 фигуръ, моделей различныхъ животныхъ, приобретенная отъ художника Гейзера, полный гербарій южно-русскихъ растений, замѣчательная коллекція минераловъ, приобретенная отъ горнаго управления Фрейберга въ Саксоніи; въ физическомъ кабинетѣ значительное число (125) моделей, машинъ, приборовъ, снарядовъ, аппаратовъ, между которыми обращаютъ на себя вниманіе: электро-магнитный телеграфъ съ приборомъ для двухъ станцій, электрическая и пневматическая машины со всѣми необходимыми для опытовъ приборами, модель паровой машины, электро-машинный локомотивъ съ круговыми рельсами, приборы для гальваническаго освѣщенія съ регуляторомъ Дюбоска, индуктивные приборы Румкорфа съ Гейслеровой трубкой и Клерка, употребляющійся въ медицинѣ, микроскопъ Плейселя, теллурія, глобусы и т. п. Все это развѣшено и выставлено на глазахъ учащихся и всѣмъ этимъ преподаватели пользуются для поясненія уроковъ воспитанникамъ. При гимназій двѣ библіотеки: фундаментальная общая, состоящая изъ 2.627 названій и 5.928 томовъ, и другая собственно ученическая, основанная и поддерживаемая частными пожертвованіями. Обѣ библіотеки равно доступны для учениковъ гимназій, но выдача имъ книгъ производится не иначе, какъ подъ надзоромъ инспектора и руководствомъ преподавателей. По этому поводу г. Удовиченко обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на актѣ на нижеслѣдующее: ученики гимназій такъ мало имѣютъ времени отъ ихъ занятій и такъ оно для нихъ дорого, что желательно, чтобы они читали только то, что для нихъ существенно полезно, и чтобы сами родители при покупкѣ книгъ своимъ дѣтямъ руководствовались совѣтами опытныхъ педагоговъ. При посѣщеніи ученическихъ квартиръ инспекторомъ гимназій замѣчены были въ домашнихъ библіотекахъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ книги, чтеніе которыхъ можетъ принести, вмѣсто пользы, положительный вредъ, въ которому тѣмъ менѣе равнодушнымъ можетъ оставаться начальство гимназій, что оны не ограничиваются только тѣми воспитанниками, у которыхъ находятся подобныя книги: изъ замѣчаній того же инспектора видно, что помянутыми книгами пользовались и другіе воспитанники. „Мы позволяемъ себѣ, присовокупилъ г. Удовиченко, въ присутствіи вашемъ дѣлать подобныя заявленія потому, что надѣемся найти въ васъ сочувствіе и поддержку: интересы наши

въ этомъ отношеніи суть интересы вашихъ дѣтей и нашей родной страны". Если судить о состояніи нравственности въ учебномъ заведеніи по числу проявленій дурныхъ наклонностей его воспитанниковъ, то въ Тамбовской гимназіи оно можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Не много было такихъ проступковъ, которые выходили бы изъ круга обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей; случаевъ грубости и неповиновенія начальству гимназіи не было. Нравственный надзоръ за воспитанниками не ограничивается со стороны гимназіи стѣнами ея; домашняя обстановка, отношеніе къ хозяевамъ и знакомства воспитанниковъ, равно какъ и ихъ любимыя домашнія занятія, составъ домашнихъ библіотекъ, выборъ книгъ для чтенія и мѣста, откуда они ихъ получаютъ, были предметами вниманія педагогическаго совѣта; въ посѣщенія квартиръ съ упомянутою цѣлію принимали участіе, сверхъ инспектора, и другіе члены педагогическаго совѣта, которые, знакомясь такимъ образомъ съ нравственными качествами своихъ питомцевъ какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ оныхъ, не только въ общихъ официальныхъ совѣщаніяхъ, но и въ частныхъ бесѣдахъ между собою изыскивали и обсуждали мѣры къ развитію хорошихъ и къ искорененію дурныхъ наклонностей. При этомъ особенное вниманіе обращалось на отношенія воспитанниковъ между собой и къ своимъ воспитателямъ, на развитіе въ этихъ отношеніяхъ правды, прямоты и откровенности. Отчетъ г. Удовиченко оканчивается слѣдующими словами:

„Но заботясь о развитіи въ своихъ воспитанникахъ общихъ нравственности и такъ-называемыхъ семейныхъ добродѣтелей, мы не забывали и интересовъ общественныхъ; мы твердо помнили, что главною задачей нашей педагогической дѣятельности должно быть приготовленіе полезныхъ и вѣрныхъ слугъ отечества. Дѣйствуя въ силу идеи, что тотъ плохой государственный гражданинъ, въ комъ убиты семейныя чувства, мы въ то же время были убѣждены, что плохой и мировой гражданинъ въ комъ нѣтъ любви и преданности къ своей родной странѣ. Поэтому заботясь о развитіи этого чувства въ своихъ воспитанникахъ, мы въ то же время старались внушить имъ необходимость благоговѣйнаго уваженія къ закону и безпрекословнаго повиновенія начальству и его распоряженіямъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы не всегда находили сочувствіе и поддержку со стороны самихъ родителей. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ соблюденіе внѣшнихъ, дисциплинарныхъ формъ казалось дѣломъ на столько неважнымъ, что отступленіе отъ нихъ было дозволяемо ими своимъ дѣтямъ. Не говоря уже о томъ, что въ дѣлѣ воспитанія нѣтъ ничего неважнаго, дѣйствовать такимъ образомъ значитъ подрывать самыя основы общественнаго воспитанія. Правительство вполне сознало вредъ подобнаго покровительства со стороны родителей, когда уже два года тому назадъ предписало директорамъ гимназіи брать съ родителей воспи-

тавниковъ росписку въ томъ, что всѣ правила и распоряженія начальства гимназій будутъ въ точности исполняемы ихъ дѣтьми, подъ опасеніемъ, въ случаѣ нарушенія означенныхъ правилъ, удаленія послѣднихъ изъ гимназій. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій разладъ въ семьѣ ложится тяжелымъ камнемъ на нравственную природу дѣтей, то разладъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія тяжело отзовется на всемъ общественномъ организмѣ. Будемъ же дружно стремиться къ достиженію самыхъ дорогихъ и самыхъ завѣтныхъ интересовъ нашихъ семейныхъ и общественныхъ⁴.

Обращаемся къ отчету о состояніи Воронежской гимназій.

Наибольшее число учащихся въ 18⁶⁹/₇₀ учебномъ году въ Воронежской гимназій доходило до 392, которые распредѣлялись такимъ образомъ: а) по *классамъ*: въ 1-мъ — 89 ¹⁾, во 2-мъ — 89, въ 3-мъ — 67, въ 4-мъ — 58, въ 5-мъ — 41, въ 6-мъ — 31, въ 7-мъ — 17; по *вероисповѣданіямъ*: православнаго 370, римско-католическаго 12, евангелическо-лютеранскаго 10; по *сословіямъ*: дворянъ и чиновниковъ 292, духовнаго званія 5, городскихъ сословій 84, сельскаго сословія 11; по *мѣсту жительства*: пансіонеровъ 41, живущихъ на общей квартирѣ, содержимой Воронежскимъ попечительнымъ о бѣдныхъ комитетомъ, 12, у родителей и родственниковъ 206, на частныхъ квартирахъ 112, у преподавателей гимназій 21. Изъ показаннаго числа учащихся (392) къ концу учебнаго года вышло по разнымъ причинамъ 86 учениковъ, въ томъ числѣ: окончившихъ курсъ 11, по прошеніямъ 63, уволенъ за невзносъ платы за ученіе 1, уволены за малоусиѣнность 9, за недобрительное поведеніе 2. Затѣмъ къ 1-му августа 1870 года состояло на лицо 315 учениковъ. Вновь принято 96, и затѣмъ къ началу текущаго учебнаго года состояло 411. Изъ учениковъ, подвергавшихся переводнымъ испытаніямъ, 305 окончили испытаніе по всѣмъ предметамъ до вакацій, и 54, на основаніи правилъ объ испытаніяхъ, подвергались переэкзаменовкѣ и дополнительнымъ испытаніямъ по одному или нѣсколькимъ предметамъ послѣ каникулярнаго времени, въ августѣ мѣсяцѣ. Результаты переводныхъ и окончательныхъ испытаній были слѣдующіе: отлично успѣвшими (то-есть, получившими изъ всѣхъ предметовъ по 5-и) оказалось 14, хорошо успѣвшими (въ среднемъ выводѣ 4) 85, достаточно успѣвшими (въ среднемъ выводѣ 3) 169, посредственно успѣвшими (въ среднемъ выводѣ 2) 72 и слабыми (въ среднемъ выводѣ 1) 19. Изъ 14-и учениковъ VII-го класса, подвергавшихся испытанію, 11 получили аттестаты, затѣмъ остальные оставлены въ классѣ на 2-й

¹⁾ Четыре низшіе класса Воронежской гимназій раздѣлены на параллельныя отдѣленія.

годъ. Удостоено перевода: изъ I-го класса во II-й — 58, изъ II-го въ III-й — 67, изъ III-го въ IV-й — 42, изъ IV-го въ V-й — 40, изъ V-го въ VI-й — 25, изъ VI-го въ VII-й — 14, итого 246; оставлено въ тѣхъ же классахъ на 2-й годъ: въ I-мъ — 24, во II-мъ — 21, въ III-мъ — 24, въ IV-мъ — 17, въ V-мъ — 3, въ VI-мъ — 10, итого 99.

Въ отчетѣ о Воронежской гимназіи обстоятельно излагается ходъ преподаванія по каждому изъ предметовъ гимназическаго курса и затѣмъ сообщаются результаты преподаванія. Вотъ какъ было ведено въ этой гимназіи преподаваніе отечественнаго языка и словесности, латинскаго языка и математики.

Преподаваніе *отечественнаго языка* представляло нѣсколько ступеней, различавшихся между собою характеромъ грамматическаго обученія и письменныхъ упражненій. I-й классъ посвященъ былъ исключительно практическому ознакомленію съ языкомъ посредствомъ объяснительнаго чтенія, вещественнаго и логическаго разбора, разказа прочитаннаго, заучиванія наизусть стихотвореній, разобранныхъ въ классѣ относительно ихъ содержанія, письменныхъ упражненій, состоящихъ въ диктантѣ и списываніи съ книги. Преобладающій характеръ преподаванія здѣсь — наглядный, имѣвшій цѣлю приучить воспитанниковъ къ сознательному чтенію, способствовать развитію въ нихъ дара слова и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать имъ въ приобрѣтеніи матеріала для грамматическихъ упражненій. Грамматика была здѣсь на второмъ планѣ, но тѣмъ не менѣе, путемъ практическимъ, ученики знакомились съ составомъ предложенія, частями рѣчи и ихъ важнѣйшими измѣненіями. Со II-го класса начинали систематическій курсъ элементарной грамматики въ томъ объемѣ и по тѣмъ учебникамъ, которые обозначены въ программѣ. Въ изложеніи частей грамматики тоже была удержана система программы, хотя признается, что эта система не представляетъ стройнаго органическаго развитія одного начала и имѣетъ скорѣе механической, чѣмъ генетической характеръ. Метода преподаванія опиралась на мысль, что необходимо путемъ анализа доводить учениковъ до сознанія грамматическихъ формъ, и доведя ихъ до этого сознанія, необходимо научить ихъ прилагать новое знаніе на практикѣ. Оставшееся время отъ грамматическаго изученія языка отдавалось объяснительному чтенію, устному и письменному разказу прочитаннаго, заучиванію наизусть стихотворныхъ образцовъ, объясненныхъ и разобранныхъ въ классѣ. Для объяснительнаго чтенія выбирались такія статьи, которыя могли бы содѣйствовать образованію эстетическаго

чувства учащихся, а также служить подготовительнымъ матеріаломъ для ихъ послѣдующихъ практическихъ занятій словесностью. Письменные работы состояли въ изложеніи своими словами прочитанныхъ статей, въ извлеченіи изъ прочитанныхъ статей одной какой-нибудь мысли; въ IV-мъ классѣ давались также описанія и сравненія предметовъ, знакомыхъ ученикамъ. Съ непосредственнымъ и постояннымъ примѣненіемъ къ русской грамматикѣ проходила въ IV-мъ классѣ грамматика церковно-славянскаго языка, при чемъ переводились и разбирались отрывки изъ Остромира евангелія. Такимъ образомъ весь грамматическій матеріалъ излагался въ 4-хъ низшихъ классахъ. Для болѣе прочнаго и серьезнаго усвоенія формъ и законовъ языка, изученныхъ въ низшихъ классахъ, въ V и VII-мъ классахъ излагались историко-сравнительныя особенности русскаго языка съ другими иностранными, знакомыми ученикамъ; въ VII-мъ классѣ повторяли курсъ грамматики. Преподаваніе *словесности* начиналось съ общихъ психологическихъ свѣдѣній и понятій о сочиненіяхъ, ихъ составѣ и условіяхъ развитія основной мысли, и состояло въ V-мъ и VI-мъ классахъ изъ чтенія важнѣйшихъ произведеній русской литературы и нѣкоторыхъ иностранныхъ, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ по родамъ и видамъ. Изъ чтенія и разбора каждаго произведенія выводились правила и законы теоріи словесности, а въ VII-мъ классѣ — всѣ прочитанные и разобранные памятники распределялись по времени; оказавшіяся пробѣлы пополнялись, и сообщался краткій очеркъ послѣдовательнаго историческаго развитія русской литературы. Такимъ образомъ въ основу преподаванія словесности было положено изученіе образцовъ, такъ какъ только этимъ путемъ признавалось возможнымъ сообщить прочное основаніе для пониманія теоріи словесности, только изученіемъ образцовыхъ писателей признавалось возможнымъ достигнуть практическихъ и общеобразовательныхъ цѣлей при занятіяхъ словесностью, то-есть, умѣнья выражать свои мысли литературнымъ языкомъ и усвоенія тѣхъ свѣтлыхъ мыслей, которыя вырабатываются писателями, того правильнаго взгляда на міръ нравственный, выясненіе котораго въ душѣ учащихся становится могущественнѣйшимъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія. При разборѣ и изученіи образцовъ, обращалось вниманіе на то, чтобъ учащіеся усвоивали содержаніе образца, понимали всѣ встрѣчавшіяся въ немъ слова (имена собственные, историческія, географическія, мѣтологическія, научные термины) и выраженія, могли указать части сочиненія, отношеніе между ними, главную мысль и ея развитіе въ рядѣ

суждений или образцовъ; разбирали данный образецъ относительно слога и языка, указывали тѣ свойства и особенности, по которымъ они относятся къ известному роду и виду литературныхъ произведений. Гдѣ можно было, указывались въ сочиненіи стороны, характеризующія личность автора, а также эпоху, къ которой принадлежитъ разбираемый образецъ. Письменные упражненія въ трехъ высшихъ классахъ примыкали къ содержанію уроковъ въ этихъ классахъ; они были двухъ видовъ: классныя упражненія и полугодовныя сочиненія; цѣль первыхъ — пріучить учениковъ послѣдовательно, вѣрно-грамматически и стилистически выражать свои мысли, а цѣль вторыхъ — пріучить учениковъ работать по источникамъ. Грамматическій матеріалъ по латинскому языку былъ расположенъ такимъ образомъ: въ I-мъ классѣ былъ пройденъ первый курсъ по руководству Кюнера, передѣланному Кремеромъ, во II-мъ классѣ — 2-й и большая часть 3-го курса; въ III-мъ классѣ изучались отступающіе и словопроизведение — статьи, не вошедшія въ печатную программу, но весьма важныя, такъ какъ онѣ даютъ прочную основу лексическимъ знаніямъ и облегчаютъ прискиваніе словъ при переводахъ. Въ IV, V и VI-мъ классахъ была пройдена часть синтаксиса — ученіе о падежахъ. Эта тождественность курса грамматическаго въ трехъ разныхъ классахъ произошла отъ того, что, не смотря на различіе классовъ, ученики изучаютъ латинскій языкъ одинаковое число лѣтъ, и восторыхъ, что вслѣдствіе переменъ въ личномъ составѣ педагогической коллегіи, познанія учениковъ V и VI-го классовъ въ начальной грамматикѣ были крайне неполны и потому приходилось долго останавливаться на повтореніи грамматическихъ формъ. Въ VII-мъ классѣ былъ пройденъ синтаксисъ сложнаго предложенія и повторена грамматика. Способъ преподаванія латинской грамматики согласовался съ методическими указаніями, которыя сдѣланы Кюнеромъ въ 1-мъ изданіи его латинской грамматики. Держась указаннаго Кюнеромъ приѣма, преподаваніе грамматики велось путемъ эмпирическимъ, изученіе формъ языка не отдѣлялось отъ изученія матеріала языка, каждое грамматическое правило сопровождалось упражненіемъ въ переводахъ отдѣльныхъ фразъ съ латинскаго на русскій и обратно; размѣръ переводовъ опредѣлялся важностью правила и количествомъ времени. Грамматическія правила излагались догматически, изученіе словъ и переводы предоставлялись домашнимъ занятіямъ, въ классѣ переводы исправлялись самими учениками, подъ руководствомъ преподавателя. Грамматикѣ отдавалась большая часть времени. Переводы связныхъ отрывковъ изъ классиковъ на-

чинались съ III-го класса, при чемъ нѣкоторыя главы изъ переведеннаго заучивались наизусть. Связные отрывки съ русскаго переводились изъ руководства Смирнова. Приступая къ чтенію автора, преподаватель посвящала нѣкоторое время на изложеніе біографіи автора и на характеристику его времени, а также на ознакомленіе съ его литературными произведеніями. При чтеніи авторовъ въ классѣ, переводъ и разборъ дѣлался самими учениками, которые были обязаны приготовляться къ этому дома. Комментаріи сообщались грамматическіе и историческіе. Преобладающій характеръ чтенія классиковъ былъ статарный, вслѣдствіе неполнаго усвоенія учениками грамматики и малаго навыка къ переводамъ. Что касается преподаванія *математики*, то тѣсныя предѣлы отмежеваннаго для нея времени не давали возможности при ея преподаваніи строго держаться той важной педагогической истины, что преподаваніе должно соображаться съ „психологическимъ“ развитіемъ учащихся, то-есть, что наука должна быть сообщаемая въ той постепенности, непрерывности и послѣдовательности, съ какою развиваются умственные способности учащихся. Признается существенно необходимымъ предпосылать научному, систематическому курсу математики курсъ *приготовительный*, въ которомъ бы преподаваніе, согласно съ законами элементарной дидактики, постепенно восходило отъ нагляднаго къ болѣе отвлеченному и мало по малу, незамѣтно, приводило ученика къ основнымъ математическимъ понятіямъ, стави его такимъ образомъ на ту точку, съ которой можетъ начаться научное преподаваніе. Не менѣе представляется необходимымъ введеніе въ преподаваніе математики *евристической* методы, которая имѣетъ наибольшее вліяніе на разностороннее развитіе умственныхъ силъ учащихся и наиболѣе дѣлесообразна въ математикѣ, какъ наукѣ чисто-априорной, не содержащей въ себѣ никакихъ эмпирическихъ данныхъ. Недостатокъ времени дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе этихъ условій рациональнаго преподаванія. Вслѣдствіе этого преподаваніе математики во всѣхъ классахъ шло путемъ догматическимъ и имѣло одно и то же направленіе, — именно научно-систематическое, при которомъ ученики знакомятся сначала съ теоретическими положеніями науки, при помощи строго научныхъ доказательствъ и опредѣленій, а затѣмъ прилагаютъ изученное къ рѣшенію задачъ.—Средняя успѣшность по каждому предмету въ Воронежской гимназій была слѣдующая по балламъ: законъ Божій — 3,65; русскій языкъ и словесность — 3,07; латинскій языкъ — 2,86; математика 2,86; исторія 3,53; географія 3,16; нѣмецкій языкъ 3,27; французскій языкъ

3,04; естественная исторія 3,41; физика 3,70; математическая и физическая географія 3,63. Средняя успѣшность по классамъ была слѣдующая: I-й классъ: 1-е отд. 2,76, 2-е отд. 2,97; II-й классъ: 1-е отд. 3,13, 2-е отд. 3,04; III-й классъ: 1-е отд. 3,13; 2-е отд. 3,21; IV-й классъ: 1-е отд. 3,11, 2-е отд. 3,24; V-й классъ 3,32; VI-й классъ 3,29; VII-й классъ 3,64. Воспитательная часть въ Воронежской гимназіи представляется, на основаніи отчета, въ слѣдующемъ положеніи. На сколько доступно внѣшнему наблюденію, религиозное настроеніе учащихся удовлетворяло, повидимому, задачамъ правильного воспитанія. Въ подтвержденіе этого въ отчетѣ указывается на то, что посѣщеніе храма Божія было довольно правильно, а во время богослуженія надлежащій порядокъ и вниманіе указывали на правильныя отношенія воспитанниковъ къ религиознымъ обязанностямъ; затѣмъ упоминается объ усердіи воспитанниковъ усовершенствовать хоръ пѣвчихъ, объ ихъ желаніи читать въ церкви и исполнять обязанности церковнослужителей при совершеніи богослуженія. Приведенные факты религиознаго настроенія, замѣчаетъ отчетъ, носятъ на себѣ преимущественно характеръ внѣшности; однако, замѣчая въ воспитанникахъ въ этомъ отношеніи извѣстное, не всегда въ другихъ сферахъ жизни встрѣчающееся, постоянство, нельзя не признать за приведенными фактами должнаго значенія искренности и правды. Нравственное направленіе учащихся въ отчетномъ году характеризуется слѣдующими данными. На основаніи средняго вывода изъ ежемѣсячныхъ отрывковъ за поведеніе въ балловой книгѣ воспитанники распределяются на слѣдующія категоріи: отличныхъ 81, очень хорошихъ 71, хорошихъ 134, довольно хорошихъ 63, добропорядочныхъ 10. Въ неисполненіи требованій заведенія замѣчены 149, а именно въ I-мъ классѣ 36 (1-го отд. 19 и 2-го — 17), во II-мъ классѣ 37 (въ 1-мъ отд. 17, во 2-мъ — 20), въ III-мъ классѣ 27 (въ 1-мъ отд. 14, во 2-мъ 13), въ IV-мъ классѣ 28 (въ 1-мъ отд. 12, во 2-мъ — 16), въ V-мъ классѣ 12, въ VI-мъ — 6, въ VII-мъ — 3. Въ ряду уклоненій учащихся отъ требованій заведенія первое мѣсто принадлежитъ неисправному посѣщенію уроковъ. Число уроковъ, пропущенныхъ всѣми учениками (392), составляетъ 24.976, такъ что на каждаго ученика среднимъ числомъ приходится пропущенныхъ уроковъ 63,71. Наибольшее число уроковъ пропущено учениками VII-го класса, и наименьшее — учениками I-го класса. Сравнивая въ этомъ отношеніи низшіе три класса съ четырьмя высшими, находимъ, что ученики трехъ низшихъ классовъ пропустили среднимъ числомъ въ годъ по 50,21 уроковъ, а уче-

ники высших четырех классовъ по 95,⁰⁰ уроковъ; известная часть ихъ была пропущена учениками высшихъ классовъ безъ уважительныхъ причинъ, что подтверждалось не разъ при посѣщеніи ученическихъ квартиръ инспекторомъ и надзирателями. Раздѣляя учениковъ на категоріи и по мѣсту жительства, оказывается, что пансіонеры пропустили среднимъ числомъ по 32,⁹ уроковъ, помѣщавшіеся на квартирѣ бѣдныхъ учениковъ — 40,⁶⁶, жившіе у родителей—64,⁷⁰, на частныхъ квартирахъ—73,³⁶ и у чиновниковъ гимназій—78,³⁸. Въ отношеніи сей послѣдней цифры въ отчетѣ замѣчено, что изъ 1.646 уроковъ, пропущенныхъ учениками, жившими у чиновниковъ гимназій, около половины приходится на долю трехъ воспитанниковъ, страдавшихъ продолжительными и тяжкими болѣзнями, остальные же 18 пропустили среднимъ числомъ около 45 уроковъ каждый. Надлежащій порядокъ и тишина во время классныхъ занятій нарушались под-сказываньемъ (66 записано), опаздываньемъ (11 записано) и занятіями во время уроковъ посторонними предметами (10 записано). Взаимныя отношенія учащихся и поведение ихъ во время переменъ характеризуются тѣмъ, что случаевъ драки и разнаго рода шалостей записано 117, а куренія 13. Шалости происходили по большей части отъ естественной живости дѣтскаго характера, и за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не имѣли коллективнаго характера. Наблюденіе за поведеніемъ учащихся въ стѣнѣ заведенія представляло весьма много затрудненія вслѣдствіе многочисленности учащихся, разбросанности квартиръ и незначительнаго числа лицъ, на которыхъ дежала эта обязанность. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе отчетнаго года было сдѣлано 863 посѣщенія, во время которыхъ посѣчено 250 учениковъ, въ томъ числѣ жившихъ у родителей 141 и на частныхъ квартирахъ 109. На основаніи сдѣланныхъ при посѣщеніи квартиръ наблюдений отчетъ заключаетъ, что изъ числа частныхъ квартиръ есть нѣсколько такихъ, которыя вполне удовлетворяютъ своему назначенію, соединяя матеріальное удобство съ надзоромъ, основаннымъ на зрѣлыхъ началахъ педагогики; большая же часть ихъ имѣетъ всѣ тѣ неудобства, которыя неизбѣжно влечетъ за собою допущеніе промышленности тамъ, гдѣ требуется честное и безкорыстное служеніе обществу, серьезное сочувствіе великому дѣлу воспитанія и отчетливое пониманіе дѣтской природы. Въ виду этихъ неудобствъ существующихъ частныхъ ученическихъ квартиръ, отчетъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ предводителю дворянства И. И. *Шидловскому*, недавно устроившему въ Воронежѣ ученическую квартиру на 12 уче-

никовъ на исполнѣніи рациональныхъ основанійхъ. Не ограничиваясь наблюдениемъ за учащимися на квартирахъ, инспекторъ и надзиратели наблюдали за ними и во всѣхъ, по возможности, публичныхъ мѣстахъ: на улицахъ, гуляньяхъ, въ театрахъ и садахъ. Случаи уклоненія воспитанниковъ отъ своихъ обязанностей внѣ стѣнъ заведенія были немногочисленны и изъ нихъ былъ одинъ съ довольно серьезнымъ характеромъ, принудившимъ педагогическій совѣтъ удалить главнаго виновника изъ заведенія. Случаевъ грубости и ослушанія записано 32. Въ существующемъ при гимназій пансіонѣ въ началѣ отчетнаго года состояло 41 воспитанникъ, въ концѣ года 34, въ томъ числѣ пансіонеровъ Государя Императора 1, казенноконныхъ 12, земскихъ 2, стипендіатовъ частныхъ лицъ 2 и своекоштныхъ 17. По классамъ пансіонеры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ I-мъ классѣ 13, во II-мъ—10, въ III-мъ и IV-мъ—по 5-и и въ V-мъ—1. Въ текущемъ учебномъ году въ пансіонѣ состоитъ 46 воспитанниковъ. Педагогическій совѣтъ имѣлъ 48 засѣданій. Отдавая отчетъ о матеріальномъ положеніи Воронежской гимназій, педагогическій совѣтъ счелъ лучшею своею обязанностью выразить, въ присутствіи общества, свою глубочайшую признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, отъ которыхъ поступали пожертвованія въ пользу гимназій и ея воспитанниковъ. Такъ отъ Воронежскаго окружнаго суда доставлено 26 руб. для уплаты за право ученія бѣднымъ ученикамъ; съ тою же цѣлію пожертвовано г. Поляковымъ 50 р., В. О. Ковалевскимъ пожертвовано 117 сочиненій въ 129 томахъ; женскимъ отдѣленіемъ Воронежскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета: заплачено за право ученія 225 руб., роздано книгъ на 36 руб. 75 коп., роздано бѣлья на 36 руб., издержано на экипировку 27-и учениковъ 251 руб. 57 коп., итого 549 руб. 32 коп. По поводу этихъ пожертвованій въ заключеніи отчета сказано слѣдующее: „Совѣтъ обязанъ упомянутымъ учрежденіямъ и лицамъ тѣмъ большею благодарностью, что придаетъ пожертвованіямъ не одно матеріальное значеніе. Совѣту пріятно видѣть въ этихъ пожертвованіяхъ доказательство того, что интересы заведенія становятся мало по малу интересами окружающей среды и потребности заведенія не остаются незамѣченными со стороны общества и что заведеніе такимъ образомъ начинаетъ проникаться тѣмъ жизненнымъ элементомъ при которомъ только и возможно для школы достиженіе ея скромныхъ, и серьезныхъ цѣлей“. Наконецъ, въ отчетѣ упоминается, что составъ, нужды и потребности состоящихъ при гимназій библіотекъ и другихъ учебно-вспомогатель-

ныхъ учреждений тѣже, какіе были указаны въ прошлогоднемъ отчетѣ.

— Въ *Кіевлянинѣ* сообщаютъ, что совѣтъ коллегіи Павла Галагана уже образовался изъ попечителя коллегіи Г. П. *Галагана*, директора ея В. В. *Григорьева* и четырехъ профессоровъ, уполномоченныхъ отъ университета: гг. *Яроукаго*, *Ромера*, *Цыхановецкаго* и *Шклярскаго*. Совѣтъ уже имѣлъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ обсуждался и рѣшены необходимыя мѣры въ открытію коллегіи въ началѣ будущаго учебнаго года. Коллегія будетъ состоять изъ 4-хъ классовъ, соотвѣтствующихъ тремъ высшимъ гимназическимъ; первоначально откроется одинъ классъ. Плата для своекоштныхъ за полное обученіе и содержаніе назначена 475 руб. Коллегія будетъ имѣть большую бібліотеку (пожертвованіе матери покойнаго Павла Галагана), и сверхъ того, воспитанники ея будутъ имѣть дачное помѣщеніе въ одной изъ деревень основателя коллегіи. Для усиленія средствъ коллегіи приобрѣтается Г. П. Галаганомъ еще сосѣдній большой домъ.

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

Проектъ устройства женскихъ учительскихъ семинарій. — Постановленія по сему предмету Харьковскаго и Казанскаго губернскихъ земскихъ собраній. — Преобразование Петрозаводскаго Маринскаго женскаго училища 1-го разряда въ женскую гимназію. — Вытегорское женское училище 2-го разряда. — Пансіонъ при Ярославской женской гимназій и женская школа въ г. Мышкинѣ. — Шжегородское епархіальное женское училище. — Училище при Бугурусланской женской общинѣ, въ Самарской губерніи. — Женская воскресная школа при Саратовскомъ Срѣтенскомъ училищѣ. — Женскія школы въ Вуинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. — Пособія отъ Воронежскаго земства Николаевской женской прогимназій и отъ Черниговскаго Черниговской женской гимназій. — Черниговскій дѣтскій пріютъ. — Постановленіе Бессарабскаго областного земскаго собранія въ пользу Кишиневской женской гимназій. — Два женскихъ училища въ городѣ Кишиневѣ.

Для болѣе усилнаго преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, нѣкоторые земскія собранія и частныя лица пришли къ убѣжденію, что дѣло это съ большею пользою можетъ быть ведено женщинами, нежели мужчинами, откуда возникла мысль о предпочтительности устройства женскихъ учительскихъ семинарій предъ мужскими. Въ этомъ смыслѣ высказалась между прочимъ комиссія, избранная Самарскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ для разработки этого вопроса, какъ о томъ мы сообщали въ январской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (Совр. Лѣт. стр. 75). Мысль о важности жен-

щины, какъ учительницы, была выражена въ рѣчи начальника Херсонской губерніи, при открытіи прошлогодней сессіи мѣстнаго земства (см. *Херсон. Губ. Вѣд.* № 82). „Особенно важно, сказалъ г. начальникъ губерніи, не только для распространенія образованія, но и для возвышенія уровня нравственности народа образованіе женщинъ. Болѣе всего, кажется, могли бы способствовать этому хорошія учительницы въ народныхъ школахъ. Самое присутствіе ихъ среди крестьянскаго населенія принесло бы большую пользу. Такихъ учительницъ могли бы готовить женскія гимназіи и прогимназіи“. Минскій корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 405), примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ края, высказывается въ томъ же смыслѣ. Изъ собственныхъ наблюденій онъ выводитъ, что наставникъ-мужчина, за рѣдкими исключеніями, не можетъ такъ всецѣло предаться училищному дѣлу, какъ женщина: онъ непременно будетъ искать себѣ постороннихъ занятій; такъ ныне наставники училищъ въ Минской губерніи занимаются хозяйствомъ, арендуя участки земли. Но есть и неудобства при женщинахъ-наставницахъ; это — выходъ ихъ замужъ, слѣдовательно, непрочность ихъ положенія, какъ наставницъ, и неудобство жить въ училищѣ, въ какой-нибудь далекой деревнѣ, молодой дѣвушкѣ одной, если у нея нѣтъ матери и другихъ ближайшихъ родныхъ. Въ Минской губерніи женщинъ-наставницъ могли бы готовить два заведенія для образованія дѣвицъ духовнаго званія: одно — основанное М. Я. Пуциною въ мѣстечкѣ Паричахъ, Бобруйскаго уѣзда, другое въ Минскѣ. Курсъ этихъ училищъ ниже нежели въ женскихъ гимназіяхъ (не учатъ иностраннымъ языкамъ, танцамъ и проч.), но онъ не ниже курса существующихъ и проектированныхъ учительскихъ семинарій; во всякомъ случаѣ, научныя познанія ученицъ, окончившихъ тамъ курсъ, выше познаній „неприванныхъ наставниковъ съ домашнимъ воспитаніемъ“ и отставныхъ солдатъ, какъ о томъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ мѣстная дирекція народныхъ училищъ. Правда, изъ ученицъ этихъ заведеній соглашаются идти въ народныя наставницы только сироты; но за то эти заведенія не требуютъ ничего ни изъ земскихъ сборовъ, ни изъ суммъ учебнаго вѣдомства. Въ настоящее время эти заведенія не приспособлены специально къ приготовленію учительницъ, подобно учительскимъ семинаріямъ; но если произвести небольшую реформу, придавъ хотя одному изъ этихъ заведеній характеръ учительской семинаріи незначительнымъ измѣненіемъ курса, примѣнительно къ курсу учительскихъ семинарій, то, безъ особенныхъ издержекъ и хлопотъ, можно имѣть

готовую учительскую семинарію. Въ такое заведеніе, естественно, стремились бы только тѣ, которыя думаютъ посвятить себя педагогическому поприщу, то-есть, сироты и дѣти недостаточныхъ родителей. Впрочемъ и теперь, изъ 26-и наставницъ, служащихъ въ вѣдомствѣ дирекціи народныхъ училищъ, находится уже нѣсколько воспитанницъ Паричскаго (преимущественно) и Минскаго заведеній. Нѣкоторыя изъ нихъ, не смотря на недостатокъ педагогической подготовки, сумѣли справиться съ учительскимъ дѣломъ, такъ что поставлены дирекціей, какъ видно изъ отчета, наравнѣ съ лучшими наставниками. Въ Минской губерніи, при недостаточной ея населенности, мужчины всегда могутъ найти свойственныя имъ занятія, которыя не подъ силу женщинамъ.

— Изъ новыхъ постановленій земскихъ собраній по сему предмету, имѣются свѣдѣнія изъ губерній Харьковской и Казанской.

Въ *Харьковскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи докладъ объ учрежденіи школы учительницъ для народныхъ училищъ былъ читанъ 14-го ноября прошлаго года (*Правит. Вѣстн.* № 273). При обсужденіи этого доклада, гласные, признавая всю важность и пользу открытія въ г. Харьковѣ женской школы для приготовленія сельскихъ учительницъ, раздѣлились однакожь въ мнѣніяхъ относительно дальнѣйшихъ подробностей этого учрежденія, предположенныхъ въ проектѣ губернской управы. Противъ проекта этого сдѣланы были между прочимъ слѣдующія возраженія: въ настоящее время трудно найти такихъ дѣвицъ, которыя были бы достаточно подготовлены къ слушанію курса, по программѣ, составленной управою. Если земство рѣшится открыть такую школу, то нужно обставить ее прочнѣе и на болѣе широкихъ основаніяхъ, на чтѣ не предвидится возможности ранѣе 5-и или 6-и лѣтъ. Въ Харьковѣ существуютъ въ настоящее время 4 женскія школы; не лучше ли земству, присоединивъ свои средства къ одной изъ нихъ, ходатайствовать о расширеніи ея программы, и такимъ образомъ приготовить учительницъ для сельскихъ школъ? Въ пользу и защиту проекта было высказано, что воспитанницъ для школы найти весьма легко. Въ г. Богодуховѣ, напримѣръ, существуетъ женское училище, и оттуда окончившія курсъ могли бы поступать въ земскую женскую школу; не мало такихъ же воспитанницъ нашлось бы, вѣроятно, и въ духовномъ званіи. По окончаніи преній, собраніе постановило поручить губернской управѣ составить къ будущему земскому собранію полный и подробный проектъ школы учительницъ.

Въ *Казанскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 8-го

декабря, состоялось постановленіе объ учрежденіи въ г. Казани школы для сельскихъ учительницъ. Полная смѣта на содержаніе заведенія исчислена въ 13.391 руб. 24 коп. На первый годъ предполагается открыть только одинъ первый классъ школы на 20 воспитанницъ съ приготовительнымъ классомъ на 20 полныхъ пансіонерокъ, и затѣмъ каждый годъ положено прибавлять по одному классу. На четвертый годъ приготовительный классъ упраздняется, и отърывается начальная образцовая женская школа. Сообразно этому, на школу сельскихъ учительницъ опредѣлено израсходовать въ 1871 году—7.388 руб. 93 коп.; въ 1872 году—11.775 руб. 79 коп. и въ 1873 году—13.391 р. 24 к. Эта послѣдняя цифра и должна оставаться, приблизительно, постоянною суммой годового содержанія школы. Главныя основанія, на которыхъ предположено учрежденіе Казанской земской школы народныхъ учительницъ, слѣдующія. Школа имѣетъ цѣлью приготовить учительницъ для народныхъ училищъ Казанской губерніи. Расходы на содержаніе ея покрываются ассигновкою, дѣлаемою на этотъ предметъ ежегодно губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ губернскихъ земскихъ суммъ въ размѣрѣ 13.391 руб. 24 коп., и платою за пансіонерокъ, содержимыхъ въ школѣ частными лицами. Комплектъ школы предполагается въ 80 воспитанницъ, которыя раздѣляются на четыре класса. Въ школу будутъ приниматься дѣвицы не моложе 14-и лѣтъ, преимущественно изъ крестьянскаго сословія. Курсъ ученія предполагается четырехлѣтній. Непосредственное управленіе школою предположено возложить на начальницу школы. При ней будутъ состоять двѣ смотрительницы, изъ которыхъ одна должна завѣдывать внутреннимъ хозяйствомъ школы, а другая обязана заниматься съ воспитанницами руководѣльями. Кромѣ того, для обученія ремесламъ, рукодѣльямъ и огородничеству, при школѣ будутъ состоять наемныя мастерицы. Воспитанницы, окончившія полный курсъ школы и прослужившія 25 лѣтъ въ должности учительницъ, приобрѣтаютъ право на получение отъ земства пенсіи отъ 48 до 60 руб. въ годъ. Для составленія пенсіоннаго капитала, на этотъ предметъ ежегодно вносится въ смѣту губернскаго сбора по 300 руб. (*Правит. Вѣстн.* №№ 10 и 27).

— *Олонецкія Губернскія Вѣдомости* (№ 98), по поводу преобразования Петрозаводскаго Маріинскаго женскаго училища 1-го разряда въ женскую гимназію, дѣлаютъ краткій очеркъ женскаго образованія въ Олонецкой губерніи. По словамъ мѣстной газеты, въ 1870 г. въ учебныхъ заведеніяхъ Олонецкой губерніи обучалось 975 дѣвочекъ; изъ нихъ въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія

151 и въ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, 824; въ одномъ Петрозаводскѣ обучалось 294 дѣвочки, а именно: въ женской гимназіи 109, въ дѣтскомъ пріютѣ 58, въ послѣобѣденныхъ классахъ при уѣздномъ училищѣ 33 и въ заводской школѣ 94. Эти цифры имѣютъ значеніе, если принять въ соображеніе, что на женское образованіе въ губерніи обращено вниманіе еще недавно. До 30-го августа 1861 г. въ Петрозаводскѣ не существовало женскаго училища; дѣвочки обучались кое-гдѣ, то по домамъ у частныхъ лицъ, то въ приходскомъ училищѣ вмѣстѣ съ мальчиками. Попытки частныхъ лицъ завести пансіоны не имѣли успѣха, были очень рѣдки и во всякомъ случаѣ не могли дать того образованія, какое сообщается въ правильно устроенныхъ училищахъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ Петрозаводскѣ съ 1833 по 1866 годъ существовали 7 частныхъ школъ, въ которыхъ, за исключеніемъ одной, обучали предметамъ общаго образованія, давая ему однакоже очень мало мѣста, иностраннымъ языкамъ, танцамъ и рукодѣльямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній даже пользовались отличными отзывами со стороны невзыскательнаго общества. Были еще по домамъ неизвѣстныя начальству школы, которыя иногда разгонялись даже чрезъ полицію, потому что учредители ихъ не имѣли права учить, часто были и дѣйствительно безграмотны. Первые попытки устроить въ Петрозаводскѣ женское училище принадлежатъ губернскому начальству. Онѣ начались въ 1849 году и продолжались съ 1851 до 1858 года, но не увѣнчались тогда успѣхомъ. Наконецъ въ 1861 г. было открыто перворазрядное женское училище съ 4-мя классами, изъ которыхъ первые два имѣли одноступенчатый, а послѣдніе двухъступенчатый курсъ. Средства новооткрытаго заведенія были ограничены, простираясь менѣе нежели до 1.300 руб. Съ назначеніемъ губернаторомъ Ю. К. Арсеньева, дѣла училища измѣнились. Благодаря его энергіи, училище получило даровое и болѣе удобное помѣщеніе; расходваніе и поступленіе суммъ приняло правильный порядокъ; на приглашеніе его отозвались частныя лица, притомъ и самъ онъ неоднократно оказывалъ помощь училищу, такъ что во времени его отъѣзда изъ губерніи училище имѣло въ своей кассѣ, за исключеніемъ 5.000 руб. капитала на стипендіи г. Малокрошечнаго, билетами и серіями 3.950 руб. и наличными деньгами 82 р. 6 к. Нынѣ ежегодный доходъ училища простирается до 2.130 руб. Съ преобразованіемъ же училища въ гимназію, оно получило въ пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія 584 руб. Неудобства, происшедшія отъ прежняго раздѣленія классовъ, однихъ на одноступенчатый

ныя, другіяхъ на двухгодичныя, теперь устранены. Изъ протокола педагогическаго совѣта гимназіи видно, что совѣтъ желать во всѣхъ существовавшихъ до преобразованія классахъ отдѣлить лучшихъ ученицъ отъ слабѣйшихъ и сформировать такимъ образомъ прямо 6 классовъ; но такъ какъ для этого гимназіи не имѣетъ еще достаточныхъ средствъ, то постановлено ограничиться пока раздѣленіемъ I-го класса, гдѣ, въ виду преобразованія, допущенъ былъ въ истекшемъ году усиленный приѣмъ, и въ классѣ было болѣе 40 ученицъ, изъ которыхъ большая половина должна была слушать уже второй курсъ. Изъ числа этихъ ученицъ 17 составили 1-й классъ, и 22 — второй. Затѣмъ, принимая во вниманіе съ одной стороны молодость воспитанницъ II-го и III-го классовъ, принятыхъ въ училище 8-и лѣтъ отъ роду, и неравномѣрное ихъ развитіе и подготовку, происходящія вслѣдствіе существовавшего при двухлѣтнихъ курсахъ способа передвиженія ихъ изъ одного класса въ другой безъ отдѣленія устѣвшихъ отъ слабыхъ; съ другой стороны, желая съ перваго же раза поставить успѣхи воспитанницъ гимназіи въ уровень съ требованіями, какія могутъ быть предъявлены новому заведенію, предоставленіемъ возможности лучшимъ ученицамъ основательнѣе повторить пройденное, а слабѣйшимъ догнать по возможности первыхъ, педагогическій совѣтъ постановилъ: II-й классъ переименовать въ III-й, а III-й въ V-й. Преобразование совершено 10-го декабря истекшаго года.

— Сущестующее въ городѣ Вытегрѣ, Олонеккой губерніи, второзрядное женское училище въ Бозѣ почившаго цесаревича Николая Александровича, въ періодъ времени съ 1-го сентября 1867 года по 1-е сентября 1870 года (см. *Олон. Губ. Вѣд.* № 94—96), имѣло 144 воспитанницы; къ концу же отчетнаго времени ихъ оставалось 87, въ томъ числѣ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 13, духовнаго званія 4, купцовъ 13, мѣщанъ 34, крестьянъ 13, солдатъ 8, разночинцевъ 2; по вѣроисповѣданіямъ: 83 были православнаго исповѣданія, 4 еврейскаго закона. При училищѣ состоитъ приготовительный классъ, въ который, съ начала нынѣшняго учебнаго года, по постановленію педагогическаго совѣта, ученицы принимаются въ теченіе всего августа мѣсяца, такъ какъ отъ разновременнаго поступленія ученицъ составлялось въ приготовительномъ классѣ много различныхъ по познаніямъ кружковъ, что препятствовало успѣшному обученію; въ прочіе же классы ученицы принимаются въ теченіе цѣлаго учебнаго года, если познанія ихъ равны пройденному курсу. По опредѣленію попечительнаго совѣта, съ 1-го сентября истекшаго года выведены при

училищѣ особыя уроки для обученія старшихъ ученицъ кроить и шитью необходимаго бѣлья и платья. Успѣхи ученицъ въ теченіе отчетнаго времени представляются въ слѣдующемъ видѣ: за 18^{67/68} учебный годъ хорошихъ ученицъ было 15, достаточно успѣвшихъ 28, посредственныхъ 22, слабая 1; въ 18^{68/69} году: хорошихъ 15, достаточно успѣвшихъ 23, посредственныхъ 20; въ 18^{69/70} г.: отличныхъ 2, хорошихъ 8, достаточно успѣвшихъ 29, посредственныхъ 21. Учебными пособиями училище очень бѣдно; необходимыми руководствоми и пособиями преподаватели, состоящіе учителями уѣзднаго училища, пользуются изъ бібліотеки этого послѣдняго. Фундаментальная бібліотека также не богата книгами: въ ней всего 64 названія въ 82 томахъ. Ежегодные доходы училища простираются до 1.130 руб.; кромѣ того поступаютъ, отъ разныхъ лицъ пожертвованія въ пользу училища. Расходовъ исчисляется ежегодно до 1.129 руб. Къ первому сентября 1870 г. состояло въ остаткѣ билетами 1.300 руб. и наличными деньгами 91 руб. 9 коп. Общій выводъ изъ отчета по Вытегорскому женскому училищу заключается въ слѣдующемъ: Къ концу 18^{69/70} учебнаго года число ученицъ уменьшилось до 54, а въ началѣ 18^{70/71} учебнаго года оно возрасло до 87. Доходы на содержаніе училища также постоянно уменьшаются. Первое обстоятельство произошло отъ выхода изъ училища до окончанія курса взрослыхъ дѣвицъ, родители коихъ, по бѣдности и увеличивающейся дороговизнѣ содержанія, не могли долѣе воспитывать ихъ въ училищѣ, считая обременительною для себя плату (3 руб. въ годъ) за ученіе и признавая достаточнымъ образованіемъ — умѣнье читать и писать. Такихъ дѣвицъ вышло за отчетный періодъ (1867—1870 г.) 18. Нѣкоторыя ученицы (числомъ 10) выжили по случаю выѣзда родителей въ другія мѣста и перехода въ другія учебныя заведенія. Наконецъ, до 13-и дѣвицъ вышли по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ; часто вынуждавшимъ родителей оставлять дочерей дома для работъ. Поступленію ученицъ препятствовало строгое требованіе платы за ученіе, что нынѣ нѣсколько устранено: попечительный совѣтъ предоставилъ начальницѣ брать плату только съ самыхъ достаточныхъ, а всѣхъ бѣдныхъ освободить отъ платы безъ прошеній. При этомъ отчетъ замѣчаетъ, что преподаватели училища не подавали никакого повода къ уменьшенію числа учащихся: принятыя ими на себя обязанности они исполняли усердно. Все это, взятое вмѣстѣ, произвело то, что число учащихся съ началомъ нынѣшняго учебнаго года увеличилось до небывалой цифры, и училище вызвало даже довѣріе Евреевъ,

которые прежде вовсе не обучали дочерей своихъ въ женскомъ училищѣ. Уменьшеніе доходовъ училища произошло отъ смерти одного изъ членовъ попечительнаго совѣта, вносившаго по 60 руб. ежегодно, и отъ перемѣщенія чиновниковъ 2-го округа путей сообщенія, жертвовавшихъ ежегодно по $\frac{1}{4}\%$ съ получаемыхъ ими окладовъ содержанія. Попечительный совѣтъ принимаетъ всѣ мѣры къ устраненію нуждъ училища. Одинъ изъ членовъ его И. Г. Гладинъ выписалъ уже книгъ болѣе чѣмъ на 100 руб. и заказалъ для училища новыя столы со скамьями, удовлетворяющіе требованіямъ современной педагогики, и прочую училищную мебель. Но и при усиленномъ содѣйствіи членовъ попечительнаго совѣта, училище, по словамъ отчета, для улучшенія своего, все-таки будетъ нуждаться въ поддержкѣ отъ правительства и земства.

— При Ярославской женской гимназій, вслѣдствіе постановленія попечительнаго совѣта (*Яросл. Губ. Вѣд.* № 50), предполагено открыть съ 15-го августа 1871 года пансіонъ. Постановленіе это состоялось въ виду того, что нѣкоторые изъ родителей, живущихъ въ уѣздѣ, желая воспитывать своихъ дѣтей въ женской гимназій, находятся въ затруднительномъ положеніи, на чье попеченіе оставить ихъ въ городѣ, не имѣя даже знакомыхъ лицъ, которымъ могли бы поручить ребенка. Плата за пансіонерокъ назначена: въ такомъ размѣрѣ: 200 руб. за полное содержаніе и 150 руб. за неполное; при чемъ нѣкоторые предметы, напримѣръ, носильное бѣлье и проч. должны быть даны родителями.

— *Ярославскія Губернскія Вѣдомости* (№ 4) сообщаютъ объ открытіи въ гор. Мышкинѣ женскаго училища, послѣдовавшемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 г. Потребность въ этомъ училищѣ была весьма ощутительна въ средѣ мѣстныхъ жителей, которые до того времени лишены были возможности давать своимъ дочерямъ хотя бы элементарное образованіе. Мысль объ открытіи этого училища и самое осуществленіе ея принадлежатъ мѣстному купцу А. Н. Черемухину, почетному блюстителю Мышкинскаго приходскаго училища и директору тюремнаго отдѣленія. На счетъ г. Черемухина содержится и новая женская школа. По открытіи ея, въ нее немедленно поступило болѣе 50 дѣвочекъ.

— Въ Нижегородскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ (см. *Нижегор. Епарх. Вѣд.* № 20), въ теченіе учебнаго 18⁶⁹/₇₀ г. состояло 100 воспитанницъ, изъ нихъ свѣтскаго званія 19 своекоштныхъ пансіонерокъ и 13 приходящихъ. Успѣхи ученицъ по всѣмъ изучаемымъ

ими предметамъ оказались на произведенныхъ экзаменахъ весьма удовлетворительными. Воспитанницы передавали усвоенные ими уроки сознательно и отчетливо, большею частію своими словами. Преподаваніе необязательныхъ предметовъ оказалось также удовлетворительнымъ, такъ какъ этими предметами занимались, воспитанницы или известныя своими способностями, или имѣвшія особенную склонность къ изученію свободно избраннаго ими предмета. Замѣчено, что приходящія ученицы оказали менѣе успѣховъ сравнительно съ воспитанницами, живущими въ учебномъ заведеніи. Въ отчетномъ году сформирована училищная бібліотека изъ учебныхъ руководствъ, пособій и книгъ для чтенія, и составлены каталоги; всѣхъ книгъ приобрѣтено 156.

— Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года открыто женское училище при Вугурусланской женской общинѣ, въ Самарской губерніи (см. *Самар. Епарх. Вѣд.* № 2). При открытіи училища, въ него поступило 15 ученицъ, большею частію изъ мѣщанскаго сословія, отъ 8-и до 12-и лѣтъ; сверхъ того, изъявили желаніе учиться 6 дѣвочекъ, того же возраста, изъ живущихъ въ общинѣ. Предметы преподаванія: законъ Божій, славянское и русское чтеніе, письмо, первыя дѣйствія ариметики и руководълье. Начальство Самарской духовной семинаріи снабдило вновь открытую школу всѣми необходимыми принадлежностями, отъ разнѣзныхъ буквъ до аспидныхъ досокъ со счетами и книжекъ разнаго содержанія изъ бібліотеки воскресной школы, существующей при семинаріи.

— *Саратовскія Губернскія Вѣдомости* (№ 238) сообщаютъ объ открытіи женской воскресной школы при Саратовскомъ Срѣтенскомъ училищѣ. Число посѣтившихъ школу дѣвочекъ въ одно изъ ближайшихъ къ открытію воскресеній было 54, изъ нихъ около 40 изъ учащихся въ приходскихъ училищахъ. Преподаваніе во вновь открытой школѣ одинъ изъ корреспондентовъ мѣстной газеты признаетъ чуждымъ систематичности и въ доказательство этого указываетъ на одного учителя, который, заговоривъ о добываніи соли, перешелъ къ ловлѣ зѣрей и вслѣдъ за тѣмъ къ жизни растений.

— Женскія школы въ Буинскомъ уѣздѣ, *Симбирской губерніи*, по отчету предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта (см. *Симбир. Губ. Вѣд.* № 88), находятся большею частію въ неудовлетворительномъ состояніи. Главный недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ не доводятъ учащихся дѣвочекъ до сознательнаго чтенія, ограничиваясь однимъ механизмомъ, что зависитъ отъ крайней мало-

грамотности учительницъ, преподающихъ притомъ безвозмездно. Въ виду такого печальнаго состоянія женскихъ училищъ, г. предсѣдатель счелъ возможнымъ допустить въ нѣкоторые мужскія школы и дѣвочки, что не противорѣчитъ и положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ: по статьѣ 7-й этого положенія совмѣстное обученіе дѣтей обоюго пола допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется возможности устроить для мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльныя училища. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. предсѣдатель, улучшение мужскихъ училищъ, въ которыхъ будутъ допущены къ обученію и дѣвочки, необходимо повліяетъ и на улучшение женскаго образованія. Поощреніемъ обученія руководялю посредствомъ земскихъ наградъ училищный совѣтъ надѣется мало по малу склонить крестьянъ, даже иноподцевъ, пускать въ школы дочерей своихъ.

— Въ послѣднюю сессію *Воронежскаго* губернскаго собранія поднятъ былъ вопросъ о пособіи отъ земства Николаевской женской прогимназіи. Въ сессію 1869 года ходатайство начальницы прогимназіи по этому предмету было передано изъ губернскаго земскаго собранія въ Воронежское уѣздное, которое въ просимомъ пособіи отказало. По свѣдѣніямъ о состояніи этого заведенія, въ немъ числится ученицъ всѣхъ званій 210. Средства содержанія состоятъ въ ежегодномъ отпускѣ 2.000 руб. изъ городской думы и около 1.000 руб. съ ученицъ за право ученія, тогда какъ на всѣ потребности необходимо болѣе 3.000 рублей, Губернское собраніе постановило: въ пособіе означенному заведенію отпускать по 500 руб. въ годъ.

— Въ *Черниговскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи былъ обсуждаемъ вопросъ объ увеличеніи пособія, отпускаемаго Черниговской губернской женской гимназіи. Гласный М. О. Мпелашевскій представилъ по этому поводу собранію слѣдующія данныя. Ежегодный расходъ по содержанію гимназіи простирается до 7.000 р. Директоръ заведенія несетъ труды свои безвозмездно. Одна изъ наставницъ согласилась довольствоваться половиною платой за свои занятія. Понятно, что на такого рода пожертвованія нельзя разчитывать всегда. Доходы гимназіи составляютъ около 3.000 руб., выручаемыхъ за право ученія, и 1.000 руб., нинѣ отпускаемыхъ земствомъ, всего около 4.000 руб. Недостающая сумма пополнялась случайными поступленіями, пожертвованіями, выручкой отъ спектакля, лотерей и т. п. Нѣкоторые источники доходовъ, прежде поступавшихъ въ гимназію, въ послѣднее время изсякли, вслѣдствіе измѣненій въ личномъ составѣ административныхъ вѣдомствъ. Собраніе, послѣ нѣко-

торихъ преній, постановило: внести въ смѣту на пособіе женской гимназіи 3.000 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ снести, во избѣжаніе недо-разумѣній, съ учебнымъ вѣдомствомъ по вопросу объ избраніи членовъ попечительнаго совѣта.

— Въ Черниговскомъ дѣтскомъ приютѣ призрѣвается, по свѣдѣніямъ *Правит. Вѣст.* (№ 273), болѣе 70-и дѣвочекъ. Всѣ онѣ получаютъ первоначальное образованіе и обучаются многимъ женскимъ рукодѣльямъ. Такимъ образомъ приютъ служитъ разсадникомъ грамотности и элементарныхъ познаній въ самомъ бѣдномъ классѣ населенія, доставляя ему смышленныхъ работницъ, которыя, въ свою очередь, дѣлаясь матерями семействъ, имѣютъ возможность передавать приобретенныя ими знанія своимъ дѣтямъ. Средства, которыми располагаетъ приютъ, ограничиваются четырьмя процентами съ капитала въ 17.000 р. и доходомъ отъ зданія театра, принадлежащаго приюту. Общій доходъ не превышаетъ 900—950 руб., тогда какъ на содержаніе приюта, сверхъ этой суммы, расходуется еще около 2.000 руб. Эта сумма приобрѣтается приютомъ обыкновенно отъ частныхъ жертвователей, отъ устройства лотерей и т. под.

— *Бессарабское* областное земское собраніе, въ засѣданіи 8-го декабря 1870 года, постановило: 1) Кишиневскую женскую гимназію принять въ вѣдѣніе земства и весь расходъ, необходимый на ея содержаніе, сверхъ сбора, поступающаго за ученіе, исчисленный въ 2.430 руб., вносить ежегодно въ губернскую земскую смѣту; на наступившій же 1871 годъ, принимая во вниманіе суммы, которыя должны поступить на содержаніе женской гимназіи по прежнимъ постановленіямъ дворянства и городского общества, внести въ смѣту только половину опредѣленной суммы, именно 1.715 руб.; 2) уполномочить трехъ лицъ, по избранію собранія, приобрѣсти для женской гимназіи, на счетъ земства, домъ; 3) допустить въ гимназію 10% всего количества воспитанницъ (предполагая комплектъ въ 250 дѣвицъ) безъ всякой платы и 20% за половинную плату. (*Правит. Вѣстн.* № 15).

— *Бессарабскія* Областныя Вѣдомости (№ 5) сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о двухъ женскихъ училищахъ, существующихъ въ Кишиневѣ. Одно изъ нихъ, двухклассное, открыто въ 1865 году, на сумму, отпускаемую ежегодно городомъ въ количествѣ 1.310 руб. Вскорѣ училище это переполнилось ученицами и явилась надобность въ образованіи особаго отдѣленія, для чего потребовались новыя издержки, простиравшіяся съ прежними до 1.817 руб. Къ сожалѣнію, у города не оказалось средствъ къ увеличенію прежде назначенной суммы, и

такимъ образомъ пришлось прибѣгнуть къ баламъ съ лотереями. Другое женское училище, одноклассное, основано на средства почетнаго смотрителя М. С. Геращеневскаго, который жертвуетъ ежегодно по 450 руб. на его содержаніе. Такъ какъ при училищѣ этомъ устроена женская руководѣнья и наемъ помѣщенія обходится въ 350 руб., то пожертвованныхъ денегъ оказалось мало и пришлось прибѣгнуть къ тому же способу для покрытія всѣхъ расходовъ по училищу. Мѣстное общество отнеслось съ горячимъ участіемъ къ этому полезному дѣлу и всѣми мѣрами старалось поддержать его. Благодаря этому сочувствію, бѣдныя дѣвочки имѣютъ возможность получать начальное образованіе, которое въ быту ихъ составляетъ важное подспорье и для родителей.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Дѣятельность Новгородскаго земства въ пользу народнаго образованія.—Постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній Корчевскаго, Тверской, и Псковскаго, Островскаго и Холмскаго, Псковской губерній. — Постановленія земскихъ собраній Вологодскаго губернскаго, и уѣздныхъ Сарапульскаго, Вятской, и Бугульминскаго, Самарской губерній.—Постановленіе Симбирскаго губернскаго земскаго собранія.—Стремленія инородцевъ къ образованію.—Постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній Алексинскаго, Тульской, и Козельскаго, Калужской губерній, и губернскихъ Вордѣнежскаго и Черниговскаго.—Постановленіе Ростовскаго (на Дону) уѣзднаго земскаго собранія, Екатеринославской губерній.—Дѣятельность земства Таврической губерній въ пользу народнаго образованія. — Состояніе народнаго образованія въ Симферопольскомъ уѣздѣ той же губерній.—Пожертвованія земства Херсонской губерній на народное образованіе.—Приготовленіе кандидатовъ на учительскія должности въ Виленской и Минской дирекціяхъ народныхъ училищъ.—Извлеченія изъ отчета Гродненской дирекціи за 1869 годъ.—Циркуляръ начальника Ковенской губерній.

Извлекаемъ изъ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (№ 52, 1870 г. и № 1, 1871 года) и *Правительственнаго Вѣстника* (№№ 10 и 27) слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности Новгородскаго земства въ пользу народнаго образованія.

Изъ доклада губернской земской управы Новгородскому земскому собранію видно, что управа въ 1870 году, въ исполненіе постановленія губернскаго собранія 11-го декабря, обратилась къ уѣзднымъ управамъ или училищнымъ совѣтамъ съ сообщеніемъ условий, на коихъ народныя школы въ уѣздахъ могутъ получать пособіе изъ средствъ губернскаго земства. Уѣздные училищные совѣты приглашены сосредоточить въ своемъ распоряженіи всѣ средства, отпускаемыя въ на-

стоящее время на начальныя школы въ уѣздахъ: уѣздными и губерньскимъ земскими собраніями, крестьянскими обществами, частными лицами и также правительствомъ по закону 29-го мая 1869 года, и распорядиться ими при опредѣленномъ участіи земскихъ учреждений, такъ какъ суммы, жертвуемыя послѣдними на начальныя школы, превосходятъ далеко всѣ остальные. Какъ опредѣлено губерньскимъ собраніемъ, это пособіе уѣзднымъ школамъ изъ губерньскаго сбора должно назначаться въ виду соблюденія того главнѣйшаго условія, чтобы оно могло приносить дѣйствительную пользу и быть обращаемо на школы, несомнѣнно хорошо организованныя. Поэтому предположено выдавать его только тѣмъ уѣздамъ, которые назначили по своимъ смѣтамъ извѣстную сумму денегъ на народныя школы, озаботились совмѣстно съ совѣтомъ устроить ихъ правильно и снабдили надежными учителями. Согласно назначенію губерньскаго собранія, пособіе это должно быть оказываемо въ слѣдующей формѣ: каждому уѣзду, внесшему въ свою уѣздную смѣту извѣстную сумму на народное образованіе, на постройку домовъ для школъ — 300 руб., на обзаведеніе этихъ школъ 75 руб., на книги до 50 руб., и на дополнительное содержаніе наставниковъ-наблюдателей по 120 руб. на каждого. При этомъ было указано подробно на необходимость составленія точныхъ смѣтъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ при помощи уѣздной управы по каждой начальной школѣ, дабы, во первыхъ, имѣть возможность опредѣлить, какихъ пособій она требуетъ и заслуживаетъ отъ уѣзднаго и губерньскаго земствъ, а во вторыхъ, получить увѣренность въ прочности ея существованія. Смѣты эти должны быть обсужены уѣздною управой и утверждены уѣзднымъ собраніемъ. Изъ разсмотрѣнія уѣздныхъ смѣтъ на народныя школы оказывается, что въ 1870 году было назначено по губерніи 21.929 руб. 35 коп., а на 1871 годъ — 27.309 руб. 76½ коп. Изъ доклада губерньской управы видно также, что, за соблюденіемъ уѣздами установленныхъ условій, въ смѣту губерньскихъ расходовъ на тотъ же предметъ въ 1871 году предположено внести 8.640 руб. Кромѣ того, испрашивается утвержденіе расхода на содержаніе и устройство Новгородской земской учительской школы и въ 1871 году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, всего 16.725 руб. 69¾ коп. ¹⁾ изъ особо для того назначеннаго собраніемъ источника — остатка отъ почтовой операціи. Всего же расходовъ на

¹⁾ Эта сумма значится въ докладѣ управы, помѣщенномъ въ № 52 *Новгородскихъ Губерньскихъ Вѣдомостей*; въ № 10 *Правительственнаго Вѣстника* она опредѣлена въ 15.318 руб. 22 коп.

народное образованіе изъ средствъ уѣздныхъ и губернскихъ (въ случаѣ утвержденія губернскимъ собраніемъ предложеній управы) на 1871 годъ будетъ назначено 52.675 рубъ 45³/₄ коп.

Изъ представленныхъ собранію подробныхъ докладовъ по педагогическимъ курсамъ 1870 года, имѣвшимъ въ Череповцѣ и Новгородѣ и устроеннымъ согласно съ указаніями собранія, усматривается значительное расширеніе сего дѣла сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Въ 1869 году желающихъ слушать педагогическіе курсы въ обоихъ пунктахъ было 105, въ 1870 году 160, изъ нихъ 49 человекъ содержалось или на свой счетъ, или на счетъ уѣздовъ, преимущественно Старорусскаго. Изъ уѣздовъ, не доставившихъ въ 1869 г. ни одного слушателя на курсы, а именно Устюжскаго, Кирилловскаго и Тихвинскаго, пріѣхало въ 1870 году — отъ перваго 8, втораго 7 и третьяго 9 человекъ. Нѣкоторымъ лицамъ, желавшимъ слушать курсы, приходилось отказывать, какъ за положительнымъ недостаткомъ средствъ содержать ихъ, такъ и за невозможностію для руководителя съ пользой вести дѣло при слишкомъ большомъ числѣ слушателей, тѣмъ болѣе, что и въ этомъ году, какъ въ предыдущемъ, было доставлено нѣкоторыми уѣздами нѣсколько лицъ весьма слабо подготовленныхъ, вслѣдствіе чего открывается въ будущемъ необходимость принять мѣры къ устраненію послѣдняго неудобства. Изъ слушателей получили одобрительные аттестаты 123 человекъ; не получившимъ аттестатовъ вовсе послѣдніе не выданы главнымъ образомъ потому, что они, по молодости лѣтъ и еще не установившемуся характеру, не могутъ съ успѣхомъ заниматься самостоятельнымъ веденіемъ школьнаго дѣла. Губернская управа изъ докладовъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ управъ собраніямъ и черезъ лицъ, посѣщавшихъ школы, имѣла случай убѣдиться, что педагогическіе курсы 1869 года отразились благотвительно на веденіи школьнаго дѣла. Оказалось, что большинство учителей усвоили правильные методы и приемы преподаванія и пользуются ими съ большимъ успѣхомъ. Учителя, даже престарѣлые, всю свою жизнь не знавшие лучшаго обученія грамотѣ, какъ съ помощію азовъ, вполне сознательно перешли къ усовершенствованному методу и овладѣли, каждый, конечно, по своимъ индивидуальнымъ способностямъ, правильными приемами преподаванія. Болѣе молодые учителя высказываютъ положительно и доказываютъ на дѣлѣ, что прослушавъ курсы, они несравненно съ большимъ противу прежняго успѣхомъ достигаютъ развитія при обученіи дѣтей.

Обращаясь къ Новгородской земской учительской школѣ, управа

сообщила прежде всего о принятіи школы Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подъ Его Высокое покровительство, закрѣпившее, по словамъ управы, въ самомъ основаніи святое дѣло приготовленія хорошихъ народныхъ учителей въ этой губерніи. Затѣмъ управа изложила въ докладѣ, что учениковъ въ школъ, при одноклассномъ составѣ, въ учебномъ 18⁶⁹/₇₀ году было 23; въ 1870 году съ осени, съ переводомъ приѣма 1869 года въ средней курсъ и съ поступленіемъ новаго приѣма, всѣхъ учениковъ содержится 60. Въ 1871 году предполагается принять еще 40 воспитанниковъ, что и составитъ полный комплектъ 100 человекъ, при трехклассномъ составѣ школы. Содержаніе ученика (кромя расходовъ по устройству школы и содержанія преподавателей) обошлось и будетъ обходиться въ 1871 году около 75 руб. въ годъ. Выборъ уѣздными училищными совѣтами воспитанниковъ былъ произведенъ въ 1870 году гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Всѣ они отличаются большою любовью къ своему дѣлу, чему значительно способствуетъ глубоко-добросовѣстное и неунынное стараніе начальника и наставниковъ школы. Число желающихъ поступить въ школу значительно превышаетъ число вакансій. Преподаваніе велось по программамъ, утвержденнымъ г. попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, который посѣтилъ школу въ мартѣ мѣсяцѣ, присутствовалъ на урокахъ и по внимательномъ ознакомленіи съ нею выразилъ свое полное удовольствіе. На повтореніяхъ пройденнаго учениками въ теченіе года, бывшихъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, постоянно присутствовалъ предсѣдатель или членъ губернской управы; кромѣ того ихъ удостоили своимъ посѣщеніемъ г. начальникъ губерній, преосвященный Θεоктистъ, епископъ Старорусскій, г. директоръ училищъ, инспекторъ народныхъ школъ, многіе гласные и другія лица, принадлежація къ административному и учебному вѣдомству. Успѣхи учениковъ, какъ по суммѣ пріобрѣтенныхъ познаній, такъ и по умственному развитію, оказались весьма хорошими. Въ школъ введено обученіе столярному ремеслу, съ осени 1870 года переплетному, и губернская управа предполагаетъ ввести кузнечное ремесло, какъ необходимое дополненіе къ столярному, съ цѣлію распространенія въ народѣ правильныхъ приемовъ обработки желѣза и умѣнья выдѣлывать хозяйственные орудія и несложныя машины, а также какъ занятіе, поддерживающее въ ученикахъ привычку къ труду, свойственному крестьянину. Съ 1-го декабря 1870 года совѣтомъ школы признано вполне возможнымъ и полезнымъ допустить учениковъ средняго курса къ преподаванію въ образцовомъ классѣ школы,

съ тѣмъ чтобъ урокъ каждаго ученика подвергался критическому разбору его товарищей, подъ руководствомъ начальника и наставниковъ школы. Особая комиссія, которой поручено было собраніемъ рассмотреть докладъ управы, полагала одобрить всѣ предположенія управы, за исключеніемъ расхода въ 1.289 руб. 47 коп., предназначеннаго управою на устройство кузницы для воспитанниковъ и на покупку кузнечныхъ приборовъ. По мнѣнію комиссін, кузнечное мастерство, какъ требующее слишкомъ большаго напряженія физическихъ силъ, не удобно для воспитанниковъ и съ выгодой могло бы быть замѣнено токарнымъ, для чего потребуется прибавить въ смѣту 300 руб. на приобрѣтеніе токарныхъ станковъ. Собраніе, по выслушаніи докладовъ управы и комиссін, между прочимъ, постановило: 1) дѣйствія губернской управы по устройству и завѣдыванію школой одобрить; 2) приемъ воспитанниковъ въ 1871 году произвести въ числѣ 40; 3) смѣту на расходы школы утвердить въ суммѣ, испрашиваемой управою, съ тѣмъ только измѣненіемъ, которое предположено комиссіею, всего въ размѣрѣ 14.328 руб. 75 коп.; 4) обученіе кузнечному мастерству замѣнить обученіемъ токарному, и 5) выразить начальнику школы, барону Косинскому, признательность отъ имени собранія за вполне удовлетворительное состояніе ввѣреннаго ему училища, и во вниманіе къ разстроенному его здоровью выдать ему единовременно 600 руб. на лѣченіе.

Къ докладу управы приложена, между прочимъ, таблица, показывающая: а) число школъ грамотности, б) число учащихся и учащихъ въ нихъ обоюга пола, в) отношеніе учащихся къ народонаселенію, и г) расходующія на школы суммы, по всѣмъ уѣздамъ Новгородской губерніи, съ сентября 1869 по апрѣль 1870 года. Изъ этой таблицы, между прочимъ, видно, что, за исключеніемъ городовъ, самое большое число школъ устроено въ уѣздахъ: Новгородскомъ—174 и Старорусскомъ—176; затѣмъ въ Валдайскомъ 38, Череповскомъ—33; въ остальныхъ болѣею частію отъ 22-хъ до 29-и, кромѣ Тихвинскаго, имѣющаго 10 и Устюжскаго—11. Всего школъ въ губерніи, кромѣ городскихъ, при населеніи обоюга пола въ 938.806 человекъ (населеніе городовъ въ эту цифру не входитъ)—554. Число учащихся, тоже за исключеніемъ городовъ, — мужчинъ 557, женщинъ 15; число учащихся мальчиковъ 11.494, дѣвочекъ 1.139. Суммъ, употребляемыхъ на содержаніе школъ, отъ земства 16.568 руб., отъ частныхъ лицъ 998 руб. 11¹/₂ коп., отъ крестьянскихъ обществъ 21.224 руб. 41³/₄ коп. Относительно пожертвованій на содержаніе школъ отъ частныхъ лицъ и

отъ крестьянскихъ обществъ въ докладѣ замѣчено, что 1) цифра частныхъ пожертвованій показана далеко не полная, но добыть ее покажется очень трудно; есть школы, которыя содержатся на однихъ частныхъ средствахъ, но въ отчетахъ нѣтъ точныхъ объ этомъ свѣдѣній; 2) крестьяне въ дѣйствительности больше жертвовали на школы, чѣмъ показано въ докладѣ; но какъ пожертвованія состоятъ иногда въ снабженіи училищъ квартирою съ отопленіемъ, а также пищемъ, то этого рода пожертвованія трудно опредѣлить въ числахъ. Губернское земство употребило въ 18⁶⁹/70 учебномъ году на учительскую школу 16.427 руб. 30 коп. и на прочіе предметы 6.126 руб. 7 коп.

Корчевское уѣздное, *Тверской* губерніи, земское собраніе послѣдняго созыва сдѣлало опредѣленіе о внесеніи въ смѣту на 1871 годъ 1.700 руб. на устройство въ уѣздномъ городѣ ветеринарнаго училища на 17 воспитанниковъ, и кромѣ того, въ смѣту необязательныхъ потребностей на 1871 годъ помѣстило слѣдующіе расходы: на народныя училища при 16-и волостныхъ правленіяхъ, по 200 руб. на волость, 3.200 руб.; особо на два училища по 120 руб.—240 р.; на *Корчевское* женское училище—340 руб.; на учебныя пособія для учителей 300 рублей.

Псковское уѣздное земское собраніе постановило ввести въ сельскихъ школахъ преподаваніе основныхъ началъ гигиены.

Изъ доклада *Островской* (*Псковской* губерніи) уѣзднои земской управы мѣстному земскому собранію видно, что изъ предположенныхъ къ открытію въ 1870 году 29-и сельскихъ школъ, дѣйствительно открыто только 22; остальные же не могли быть открыты по неимѣнію учителей. По свидѣтельству управы, во вновь открытыхъ школахъ нѣтъ полного комплекта учениковъ, и вообще школы посѣщаются неисправно. Обстоятельство это преимущественно происходитъ какъ отъ разбросанности селеній, такъ что гдѣ бы ни открыты школы, для большинства учениковъ она все будетъ далеко, такъ и отъ бѣдности крестьянъ, не позволяющей имъ содержать отдаваемыхъ въ ученіе дѣтей отдѣльно отъ семьи.

Холмское уѣздное собраніе постановило устроить въ 1871 году 4 земскія школы, на содержаніе которыхъ ассигновало 800 руб., по 200 рублей на каждую школу. (*Правит. Вѣстн.* №№ 29 и 33).

— *Вологодское* губернское земское собраніе, въ декабрьскую сесію 1870 года, посвятило нѣсколько засѣданій на обсужденіе мѣръ къ развитію народнаго образованія. Состоявшіяся по этому предмету заключенія собранія заключаются въ слѣдующемъ: вопросъ объ учрежденіи сѣкъ; отд. 4.

деніи учительской семинаріи въ Вологдѣ собраніе нашло недостаточно разработаннымъ управой, а потому отложило рѣшеніе его до будущей сессіи; управѣ же поручило между тѣмъ ознакомиться съ устройствомъ учительскихъ семинарій въ Ярославлѣ и Новгородѣ, командировавъ туда съ этою цѣлю одного изъ своихъ членовъ, и затѣмъ обработать составленный управою проектъ объ устройствѣ Вологодской учительской семинаріи; кромѣ того, войти съ представленіемъ о томъ, не окажется ли возможнымъ, въ случаѣ учрежденія земствомъ семинаріи, закрыть педагогическіе курсы при Вологодскомъ уѣздномъ училищѣ, а ассигнуемую на нихъ сумму 4.695 руб. въ годъ отпускать въ пособіе земской семинаріи. Такъ какъ въ Яренскомъ и Вельскомъ уѣздахъ нѣтъ ни одного образцоваго сельскаго училища, то собраніе нашло необходимымъ устроить по одному образцовому училищу: въ Яренскѣ, и въ центральномъ пунктѣ Вельскаго уѣзда, въ Верховажскомъ посадѣ. На содержаніе каждаго изъ этихъ училищъ собраніе ассигновало по 900 руб. въ годъ. Эта сумма предназначается на слѣдующіе расходы: на жалованье учителю 360 руб., законоучителю 80 рублей, учителю ремесель 72 руб., учительницѣ дѣвочекъ 100 руб., на библиотеку 40 руб. и на наемъ квартиры 98 руб. Кромѣ того, собраніе оставило въ распоряженіе управѣ 300 руб., въ видѣ запаснаго капитала для этихъ училищъ. Затѣмъ собраніе постановило: въ уѣзды Вологодскій, Грязовецкій и Тотемскій пригласить для преподаванія наукъ въ образцовыхъ училищахъ по одному хорошо образованному учителю, знакомому съ новѣйшими методами преподаванія, который бы могъ быть руководителемъ прочихъ сельскихъ учителей, какъ на учительскихъ сѣздахъ, такъ и вообще при обращеніи къ нему за совѣтами по предметамъ обученія. На проѣздъ по вызову земства въ школу и на жалованье учителю собраніе ассигновало по 300 руб., въ дополненіе къ суммѣ, назначенной уѣзднымъ собраніемъ на содержаніе учителя образцовой школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило управѣ разработать къ будущей сессіи его вопросъ объ учительскихъ сѣздахъ, и если представится возможность, созвать такой сѣздъ въ Вологдѣ лѣтомъ 1871 года.

По вопросу объ устройствѣ прогимназіи въ Устюгѣ собраніе обратило вниманіе на то, что сѣверо-восточный край Вологодской губерніи слишкомъ удаленъ отъ губернскихъ городовъ, и потому небогатые родители лишены возможности отдавать дѣтей своихъ въ гимназію. Притомъ гимназіи, имѣя опредѣленный штатъ учениковъ, не могутъ принять всѣхъ желающихъ учиться. Вслѣдствіе этого, при-

знавая учрежденіе прогимназіи въ Устюгѣ необходимымъ, собраніе постановило: ходатайствовать объ открытіи этой прогимназіи на суммы государственнаго казначейства, по недостаточности средствъ мѣстнаго земства. Для приготовленія же какъ учительницъ въ земскія школы, такъ и домашнихъ наставницъ, собраніе призвало полезнымъ учредить педагогическіе курсы при Вологодской женской гимназіи. На содержаніе этихъ курсовъ собраніе ассигновало 500 руб. въ годъ, въ дополненіе къ 2.000 руб. ежегоднаго пособия, назначеннаго гимназіи первымъ губернскимъ собраніемъ.

Разсматривая ходатайства нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраній объ отпускѣ имъ по 100 руб. пособия на устройство книжныхъ складовъ, губернское собраніе пришло къ такому заключенію, что если уѣздныя собранія нашли возможнымъ назначать изъ уѣзднаго сбора значительныя суммы на народное образованіе, то могутъ, конечно, устроить и эти недорогіе склады на счетъ того же сбора. За всѣмъ тѣмъ, собраніе разрѣшило управѣ отпустить уѣзднымъ собраніямъ на устройство этихъ складовъ заимообразно по 100 руб. Относительно же ходатайства уѣздныхъ собраній о принятіи на губернской сборъ содержанія стипендіатовъ земства въ педагогическихъ курсахъ при Вологодскомъ уѣздномъ училищѣ, въ собраніи была высказана такая мысль, что если уѣздныя собранія находятъ необходимымъ имѣть этихъ стипендіатовъ, для замѣщенія ими должностей сельскихъ учителей, то должны содержать ихъ на уѣздный сборъ. Принятіе же содержанія стипендіатовъ на губернской сборъ нисколько не можетъ облегчить тяжести налоговъ, падающихъ на жителей уѣздовъ, такъ какъ губернской сборъ получается съ нихъ же. (*Правит. Вѣстн.* № 16).

— *Сарапульское (Вятской губерніи)* уѣздное земское собраніе ассигновало изъ земскихъ суммъ на учрежденіе въ городѣ Сарапулѣ реальной прогимназіи 8.647 руб. 80 коп., съ тѣмъ, чтобъ отпускаемая на содержаніе Сарапульскаго уѣзднаго училища сумма 2.332 р. 20 к. тоже была обращена на содержаніе прогимназіи.

Глазовское земское собраніе разрѣшило открыть земское училище въ Омутинскомъ заводѣ и ремесленныя занятія при четырехъ школахъ; для болѣе же правильнаго контроля надъ этими школами учредило должность по мощника инспектора народныхъ школъ и ежегодныя съѣзды учителей; кромѣ того, на пособіе библиотекъ, состоящей при управѣ, назначило 100 руб. (*Правит. Вѣстн.* № 27).

— *Вульминское, Самарской губерніи,* уѣздное земское собраніе, въ сессію 1870 года, назначило слѣдующія суммы по народному обра-

зованію: а) на содержаніе 16-и земскихъ школъ и на учебныя пособия 18-и церковно-приходскимъ школамъ 3.950 руб.; б) на содержаніе земскихъ стипендіатовъ въ уѣздномъ училищѣ 400 руб.; в) въ пособіе двумъ городскимъ училищамъ 890 руб., а всего 5.240 руб.,— менѣе чѣмъ по смѣтѣ прошлаго года на 70 руб. Уменьшеніе послѣдовало по случаю сокращенія расхода на содержаніе стипендіатовъ. По постановленію очереднаго собранія 1865 года было назначено въ уѣздномъ училищѣ на счетъ земства 20 стипендій, въ видахъ образованія учителей для сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ окончанія стипендіатами курса въ уѣздномъ училищѣ, постепенно закрывалось число стипендій, равное числу выбывающихъ воспитанниковъ, а какъ въ 1871 году изъ числа 20-и осталось только 12 воспитанниковъ, то и сумма на этотъ предметъ уменьшилась; по остальнымъ же изъ означенныхъ статей, расходъ увеличился. При разсмотрѣніи предположеній управы о расходахъ по народному образованію были доложены собранію: а) ходатайство штатнаго смотрителя Бугульминскихъ училищъ о пособіи городскимъ школамъ, и б) докладъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства о положеніи училищъ. Смотритель Бугульминскихъ училищъ представлялъ вниманію собранія о необходимости, въ видахъ расширенія объема курса въ городскихъ женскихъ приходскихъ училищахъ, ввести въ училищахъ преподаваніе русской исторіи и географіи и назначить преподавателю этихъ предметовъ вознагражденіе въ размѣрѣ 100 руб. Собраніе, признавая полезнымъ ввести въ женскихъ училищахъ преподаваніе означенныхъ предметовъ, большинствомъ голосовъ, ассигновало на этотъ предметъ въ пособіе училищамъ 100 руб. въ годъ.

Въ докладѣ членовъ училищнаго совѣта отъ земства, приложенномъ къ постановленію собранія, объяснено, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1870 года ими были осмотрѣны всѣ 16 школъ въ уѣздѣ, содержимыя на средства земства; въ школахъ этихъ оказалось учащихся: мальчиковъ 488 и дѣвочекъ 48, а всего 536, но цифра эта не выражаетъ всего числа учащихся, такъ какъ во многихъ училищахъ не всѣ ученики постоянно посѣщаютъ школы. Успѣхи учащихся, по объясненію членовъ училищнаго совѣта, въ большинствѣ случаевъ удовлетворительны; но особенно замѣчательные успѣхи найдены въ школахъ: Верхне-Кармальной, Туарминской, Ново-Кувавской и Старо-Мертавской. Въ неудовлетворительномъ состояніи, по успѣхамъ учащихся, найдены пять школъ, но изъ нихъ три открыты только въ 1870 году; впрочемъ, изъ числа послѣднихъ трехъ школъ двѣ и

разу не посѣщались законоучителями. За исключеніемъ этихъ случаевъ, членами училищнаго совѣта вообще замѣчено, что успѣшнѣе идутъ тѣ школы, въ которыхъ должности учителей и законоучителей замѣщены мѣстными приходскими священниками. Въ заключеніе отчета, члены училищнаго совѣта объясняли земскому собранію, что вслѣдствіе постановленія очереднаго собранія прошлаго года, управа предлагала сельскимъ обществамъ принять на свои средства содержаніе помѣщенія для школъ, но нѣкоторыя общества отъ этого отказались, и потому школы переведены въ другія селенія, изъявившія готовность содержать училищныя помѣщенія, кромѣ, впрочемъ, школъ Борискинской, Махлаушевской, Туарминской, Сходневской и Старописмянской, которыя и за отказомъ обществъ отъ содержанія училищныхъ помѣщеній, остались не переведенными въ другія селенія, потому что мѣстные приходскіе священники заявили желаніе содержать, отоплять и освѣщать училища на свой счетъ. По выслушаніи доклада членовъ училищнаго совѣта, земское собраніе единогласно выразило желаніе поощрить наставниковъ школъ, найденныхъ въ хорошемъ состояніи, и опредѣлило: выразивъ наставникамъ этихъ школъ, за ихъ труды, благодарность собранія, выдать имъ въ награду по 75 руб. каждому. При этомъ собраніе ассигновало по 15 руб. на каждую изъ 16 земскихъ школъ, на выпускъ книгъ и газетъ для учителей. Послѣ этого въ собраніи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли открывать земскія школы въ татарскихъ селеніяхъ. Для разъясненія этого вопроса одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что распространеніе между Татарами русскаго языка способомъ открытія въ ихъ селеніяхъ училищъ, по мнѣнію его, невозможно, такъ какъ обученію Татаръ русской грамотности противодѣйствуютъ муллы, а потому желательнo, чтобы для муллы было обязательно знаніе русской грамоты. На это было сдѣлано возраженіе, что такое обязательство уже установлено закономъ, но не смотря на это многіе муллы, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, не только не знаютъ русской грамоты, но даже плохо понимаютъ русскій разговорный языкъ. По окончаніи преній по этому предмету, собраніе постановило: поручить управѣ собрать свѣдѣнія, не желаютъ ли нѣкоторыя татарскія селенія имѣть русскія училища, и свѣдѣнія эти представить будущему очередному собранію. По возбужденному затѣмъ вопросу: обязательно ли для земства содержаніе переданныхъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ училищъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ они закрыты, собраніе поручило

управѣ представить будущему очередному собранію докладъ о такихъ училищахъ. (*Самарск. Губ. Вѣд.* № 8).

— *Симбирское* губернское земское собраніе опредѣлило: на содержаніе въ 1871 году открытыхъ земствомъ при уѣздномъ училищѣ педагогическихъ курсовъ для приготовления учителей въ народныя школы ассигновать 3.222 руб., съ тѣмъ, чтобы на эту сумму содержалось 20 воспитанниковъ. (*Прасит. Вѣстн.* № 33).

— Какъ весьма отрадный фактъ въ дѣлѣ образованія инородцевъ Симбирской губерніи, приводимъ изъ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей* (№ 86) слѣдующій разказъ. Одинъ молодой человѣкъ изъ Чувашь, оставшись въ дѣтствѣ безъ отца и матери, попалъ въ сельскую школу, но нигдѣ не находя себѣ пріюта, чуть было не сдѣлался пастухомъ, когда нашлись добрые люди, которымъ удалось помѣстить его въ уѣздное училище. Здѣсь онъ окончилъ курсъ и поступилъ на службу. Но служба не удовлетворяла его, и онъ сталъ готовиться къ высшему образованію. Съ большими затрудненіями приготовился онъ къ V-му классу гимназій и въ три года ученія въ гимназій превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей, окончилъ курсъ съ золотою медалью и отправился въ университетъ. Вышедши изъ чувашской среды, этотъ молодой человѣкъ не прервалъ связей съ своими единоземниками и не забылъ ихъ. Учасъ въ Симбирской гимназій и самъ содержа себя частными уроками, онъ вызвалъ изъ чувашской деревни сначала одного, а потомъ двоихъ мальчиковъ, научилъ ихъ русской грамотѣ, и сталъ на свой счетъ содержать ихъ въ Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ для подготовленія ихъ учителями въ чувашскія школы. Затѣмъ, когда ему нужно было уѣхать въ университетъ, онъ не оставилъ своихъ трехъ питомцевъ на произволь судьбы и рѣшился прибѣгнуть къ общественной благотворительности. Симбирское общество сочувственно отнеслось къ этому призыву и поддержало мальчиковъ до января мѣсяца наступившаго года, съ этого же времени, по ходатайству г. директора Симбирской гимназій, Буинское земство обѣщало на содержаніе трехъ мальчиковъ пособие въ количествѣ 240 руб. Мѣстная газета замѣчаетъ, что указанный примѣръ любви къ ученю въ мѣстныхъ инородцахъ не единственный въ Симбирской гимназій: назадъ тому четыре года кончилъ здѣсь курсъ ученикъ изъ Мордвы, тоже съ золотою медалью, и отправился въ Московскій университетъ, гдѣ продолжаетъ образованіе съ блестящимъ успѣхомъ.

— Изъ свѣдѣній о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ въ

Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи за 1869/70 учебный годъ, помѣщенныхъ въ Правит. Вѣстн. (№ 24), между прочимъ, видно, что мѣстный училищный совѣтъ главную причину малаго успѣха въ дѣлѣ улучшенія начальныхъ народныхъ училищъ относить къ способу обзорѣнія училищъ, производившагося чрезъ раздѣленіе училищъ на участки. Изъ разрозненныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ членами, не было, по мнѣнію совѣта, возможности сдѣлать общую характеристику. Предсѣдатель совѣта, на которомъ преимущественно лежала обязанность объѣхать по крайней мѣрѣ большую часть училищъ, чтобы составить по возможности соображеніе о цѣломъ, не могъ исполнить этого. Съ другой стороны, объѣзды членовъ совѣта во всякомъ случаѣ не могли образовать достаточнаго надзора, хотя бы они производились по два раза въ теченіе учебнаго времени (а болѣе того объѣздовъ дѣлать невозможно, такъ какъ всѣ члены обязаны службою). Болѣе частыя посѣщенія полезны, по замѣчанію совѣта, въ особенности потому, что они возбуждаютъ дѣятельность наставника, который безъ этого, работая цѣлую зиму безъ всякаго общенія, теряетъ необходимыя для дѣла оживленность и энергію. Вслѣдствіе сего совѣтъ счелъ необходимымъ принять слѣдующія мѣры: предложить обществамъ избрать попечителей изъ лицъ, заслужившихъ общее уваженіе, расположенныхъ къ дѣлу народнаго образованія и любящихъ дѣтей; пригласить двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія пособить членамъ совѣта въ обзорѣ школъ. Мѣры эти приведены въ исполненіе: о выборѣ попечителей разосланъ циркуляръ; обязанность объѣздовъ приняли на себя два гласныхъ. Предсѣдателю не поручено никакого участва, съ тѣмъ, чтобы онъ посѣтилъ, если не всѣ, то по одному или по два училища въ каждомъ участкѣ.

— Козельское (*Калужской губерніи*) уѣздное земское собраніе, въ послѣднюю свою сессію, постановило внести въ смѣту на народное образованіе на 1871 годъ 5.000 руб. и на разѣзды членовъ училищнаго совѣта 100 руб. Сверхъ того, по тому же предмету, собраніемъ сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) Предложеніе о томъ, чтобы земской управѣ предоставлено было, помимо училищнаго совѣта, удалять неспособныхъ наставниковъ народныхъ школъ Козельскаго уѣзда — собраніемъ отвергнуто. 2) Согласно съ заключеніемъ ревизіонной комиссіи по отчету и докладу уѣздной управы о народныхъ училищахъ постановлено: во первыхъ, возобновить ходатайство управы передъ епархіальнымъ начальствомъ, а въ случаѣ нужды и передъ святѣйшимъ синодомъ, чтобы преподаваніе, закона Божія въ

сельскихъ школахъ предоставлено было не однимъ священникамъ, а всѣмъ вообще наставникамъ православнаго вѣроисповѣданія, подвергшимся испытанію въ училищномъ совѣтѣ и получившимъ отъ онаго свидѣтельство на званіе наставника; восторжъ, учредить при управѣ складъ книгъ, одобренныхъ стѣздомъ наставниковъ и рекомендуемыхъ инспекторомъ народныхъ училищъ, на что употребить 200 руб. изъ суммы, ассигнованной на народное образование; бѣдныхъ учениковъ снабжать изъ склада книгами бесплатно, а прочимъ отпускать книги, во что онѣ обойдутся управѣ, и втретьихъ, просить управу и училищный совѣтъ о приглашеніи попечителей для каждаго сельскаго училища изъ мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ. 3) Согласно постановленію стѣзда наставниковъ народныхъ школъ Козельскаго уѣзда, опредѣлено: а) выдавать пособіе изъ земскихъ суммъ въ размѣрѣ 40 копъ въ сутки тѣмъ кандидатамъ на должности наставниковъ народныхъ школъ, которые будутъ практиковаться въ Козельскомъ мужскомъ приходскомъ училищѣ; б) предоставить управѣ употребить 15 руб. на похвальные листы и книги для лучшихъ учениковъ и ученицъ народныхъ школъ, и в) больныхъ наставниковъ народныхъ школъ пользоваться бесплатно въ земской больницѣ и выдавать имъ условленное жалованье въ теченіе двухъ мѣсяцевъ болѣзни. (*Калуж. Губ. Вѣд.* № 50).

— Въ засѣданіи *Воронежскаго* губернскаго земскаго собранія 8-го февраля 1870 г. (см. *Воронеж. Губ. Вѣд.* № 2) сообщены были свѣдѣнія о состояніи народныхъ училищъ Воронежской губерніи въ 1870 году. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что число народныхъ школъ по губерніи въ истекшемъ году увеличилось противъ 1868 года съ 326 до 337, учащихся обоого пола съ 13.420 до 17.882, преподавателей съ 409 до 462, расходовъ на содержаніе училищъ съ 36.694 руб. 78 коп. до 51.630 руб. Учащихся мальчиковъ въ 1870 году было 16.695, дѣвочекъ 1.181, а такъ какъ сельскаго населенія въ губерніи числится 804.747 душъ, то учащихся причтается на это число 2,22⁰/₀. между тѣмъ какъ въ 1868 г. ихъ приходилось только 1,68⁰/₀. Наибольшее число школъ было въ Бобровскомъ уѣздѣ—47, наименьшее въ Землянскомъ—6; учащихся наибольшее число состояло въ Острогожскомъ уѣздѣ—2.444 мальч. и 244 дѣв., наименьшее число мальчиковъ въ Землянскомъ—289, наименьшее число дѣвочекъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ—14; въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ число учащихся дѣвочекъ вовсе не показано. При чтеніи этого доклада, губернское собраніе сочувственно отнеслось къ постепенному увеличенію числа школъ и учащихся въ губерніи и выразило надежду, что движеніе

это не останется и впредь при денежномъ содѣйствіи со стороны уѣздныхъ и губернскаго земствъ.

— Въ засѣданіи *Черниовскаго* губернскаго земскаго собранія, происходившемъ 29-го октября 1870 г., рассмотрѣны были вопросы, возбужденные педагогическимъ совѣтомъ земской учительской семинаріи, который просилъ указать, на какія средства должны приобрѣтаться учебники и учебныя пособія для воспитанниковъ семинаріи и пополняться постоянная библіотека сей послѣдней. Собраніе, согласно заключенію особой комиссіи, постановило: разрѣшить управѣ израсходовать изъ общихъ смѣтныхъ остатковъ 1.059 руб. 85 коп. на пополненіе учебныхъ пособій учительской семинаріи.

Затѣмъ собраніе входило въ подробное рассмотрѣніе устройства общихъ квартиръ для воспитанниковъ учительской семинаріи, вопроса, возбужденнаго также педагогическимъ совѣтомъ. Въ протоколѣ совѣта было сказано, что обязанности, возлагаемыя на директора и преподавателей 32 ст. уст. учительской семинаріи, состоятъ въ наблюденіи за частною жизнію учениковъ, и что то или другое устройство частной жизни учениковъ должно отразиться не только на нравственности учащихся, но и на ихъ учебныхъ занятіяхъ. Для того, чтобы воспитанники могли успѣшно заниматься, необходимы удобныя квартиры, но этого едва-ли возможно достигнуть на 80 руб. стипендіи; вслѣдствіе этого воспитанникамъ семинаріи пришлось бы помѣщаться въ самыхъ неудобныхъ и тѣсныхъ жилищахъ. Прямое слѣдствіе этого — огромная потеря драгоцѣннаго для занятій времени. Желая удовлетворить учебно-воспитательнымъ цѣлямъ, безъ ущерба для экономическихъ интересовъ, совѣтъ призналъ полезнымъ устроить общія квартиры для воспитанниковъ учительской семинаріи, чтобы дать имъ удобное для занятій помѣщеніе за небольшую цѣну, а равно и въ видахъ удобства наблюденія за воспитанниками со стороны директора и преподавателей, которые могутъ оказывать помощь и во время домашнихъ занятій воспитанниковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, совѣтъ призналъ удобнымъ устроить общія квартиры для воспитанниковъ учительской семинаріи, посредствомъ найма удобнаго помѣщенія, или какимъ-либо другимъ способомъ. Предсѣдатель управы въ засѣданіи собранія объявилъ, что управа имѣетъ въ виду приобрѣсти домъ за 4.500 — 6.000 руб., что вполне будетъ достаточно, какъ на покупке и совершеніе крѣпости, такъ и на необходимыя ремонтныя передѣлки. Что же касается текущихъ расходовъ (отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги), то на по-

крытие какъ можетъ быть употреблена часть стипендій учениковъ. Наконецъ, въ томъ же домѣ или во флигелѣ могутъ быть устроены квартиры для учителей семинаріи, которые на первое время будутъ имѣть общій надзоръ за воспитанниками. Собраніе постановило: внести въ смѣту 6.000 руб. на устройство общей квартиры для учениковъ учительской семинаріи, предоставивъ управѣ или нанять домъ съ этою цѣлью, или купить таковой, или же выстроить новый, смотря по тому, что по ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса она найдетъ выгоднѣе для земства.

— Ростовскимъ (на Дону) уѣзднымъ земскимъ собраніемъ (*Екатеринославской* губ.), въ послѣднюю очередную сессию, сдѣланы слѣдующія распоряженія по предмету народнаго образованія (см. *Моск. Вѣд.* № 18): утверждены предположенія уѣздной управы объ увеличеніи числа земскихъ народныхъ училищъ до двадцати, въ томъ числѣ предположено устроить два двухклассныя училища, для чего ассигновано 8.000 руб. (по 400 руб. на каждое), а также объ учрежденіи должности уѣзднаго инспектора народныхъ училищъ, съ жалованьемъ отъ земства по 1.500 руб. въ годъ, о чемъ предположено ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ. Ассигновано 4.000 руб. на содержаніе предположенной Ростовскимъ городскимъ обществомъ прогимназіи, проектъ которой представленъ въ 1868 году въ министерство народнаго просвѣщенія. Всего назначено на народное образованіе по смѣтѣ на 1871 годъ 13.150 рублей. Иногородные освобождены отъ платы за ученіе въ земскихъ училищахъ. Согласно докладу управы, поручено ей, совмѣстно съ училищнымъ совѣтомъ, установить правильный порядокъ касательно времени ученія въ земскихъ сельскихъ училищахъ, примѣняясь къ приходскимъ городскимъ училищамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ принято къ свѣдѣнію заявленіе уѣздной управы о необходимости ввести постепенно и въ скорѣйшемъ по возможности времени *обязательное* народное образованіе, какъ существующее условіе самоуправленія и успѣшнаго хода земскихъ учрежденій.

— Изъ *Таврической* губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности мѣстнаго земства въ пользу народнаго образованія, сообщаемыя *Правит. Вѣстн.* (№ 35). По смѣтамъ уѣздныхъ земскихъ собраній на этотъ предметъ назначено въ 1870 году: Бердянскимъ — 22.455 руб., Мелитопольскимъ — 8.820 руб., Днѣпровскимъ — 8.100 руб., Ялтинскимъ — 4.205 руб., Симферопольскимъ — 2.920 руб., Феодосійскимъ — 2.200 руб., Евпаторійскимъ — 1.715 руб. и Перекопскимъ —

1.340 руб.,—итого 51.755 руб. Во время введенія земскихъ учрежденій въ Таврической губ., въ 1866 году считалось въ этой губернии, кромѣ иновѣрческихъ школъ, 90 училищъ, въ которыхъ было учащихся: мальчиковъ 3.012 и дѣвочекъ—506, всего 3.518. Черезъ три года, въ 1869 году, по отчетамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ губернии существовало уже 140 школъ и учащихся въ нихъ было: мальчиковъ — 4.944 и дѣвочекъ — 1.098, а всего 6.042. Такимъ образомъ въ три года число школъ въ губернии увеличилось почти на 56%, а число учащихся почти на 72%. Увеличивая число школъ, земство Таврической губ. принимаетъ также мѣры и къ улучшенію способовъ преподаванія. Съ этою цѣлью устроенъ былъ, между прочимъ, съѣздъ учителей народныхъ школъ въ Симферополь, въ маѣ 1870 года. Всѣхъ учителей съѣхалось на съѣздъ 30. Они въ теченіе мѣсяца занимались подъ руководствомъ преподавателя приготовительнаго класса при мѣстной гимназій Деркачева, слушали и сами давали уроки по разнымъ предметамъ первоначальнаго обученія. Улучшенные способы преподаванія введены въ большей части школъ уѣздовъ: Бердянского, Днѣпровскаго, Евпаторійскаго и Ялтинскаго. Почти всѣ школы этихъ уѣздовъ снабжены въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями, за исключеніемъ предметовъ нагляднаго обученія, которые требуютъ значительныхъ затратъ. Учители въ названныхъ уѣздахъ получаютъ жалованья по 300 руб. въ годъ, при квартирѣ и отопленіи. Новые дома для школъ во многихъ мѣстахъ строятся на изживеніи самихъ обществъ, которыя, сознавая пользу ученія, выражаютъ готовность содѣйствовать его распространенію и своими средствами. Такъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ сельскія общества жертвуютъ на школы до 7.000 руб. въ годъ, въ Бердянскомъ—4.000 руб. и Феодосійскомъ 1.250 руб. Изъ губернскаго сбора на дѣло народнаго образованія израсходованы были въ Таврической губернии въ 1870 году слѣдующія суммы: на съѣздъ учителей народныхъ школъ—1.400 руб.; на пособіе женской гимназій 700 руб., мужской на прибавку жалованья учителямъ русскаго языка — 1.000 руб., на увеличеніе содержанія наставникамъ приготовительнаго класса — 670 руб. и на поддержаніе параллельныхъ классовъ — 1.500 руб. Кромѣ того выданы были единовременныя пособія: на улучшеніе Севастопольскаго уѣзднаго училища—1.000 руб., Евпаторійскаго—500 руб., а всего изъ губернскаго сбора отпущено 6.770 руб. Приложивъ эту цифру къ 51.755 рублямъ, ассигнованнымъ уѣздными собраніями на начальное образованіе, получимъ 58.525 руб., что и будетъ выражать сумму дѣйстви-

тельнаго расхода Таврическаго земства на народное образованіе въ 1870 году.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ заимствуемъ изъ *Одесскаго Вѣстника* (№ 1) еще слѣдующія данныя. Въ засѣданіи Симферопольскаго уѣзднаго земскаго собранія, происходившемъ 12-го сентября 1870 г., обсуждался между прочимъ вопросъ о состояніи сельскихъ училищъ Симферопольскаго уѣзда. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ вслѣдствіе представленнаго въ Таврическую губернскую земскую управу отчета (съ 1866 по 1869-й годъ) члена училищнаго совѣта г. Фелиберта о неудовлетворительномъ состояніи народныхъ училищъ въ Таврической губерніи¹⁾. Изложенныя въ этомъ отчетѣ свѣдѣнія подтвердились данными, доставленными народными учителями на второмъ съѣздѣ учителей Таврической губерніи, происходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1870 г. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что земство, устраивая школы, упустило изъ виду ихъ качество; въ однихъ школахъ увеличено жалованье учителямъ, но нѣтъ необходимыхъ пособій; въ другихъ, наоборотъ, есть нѣкоторыя пособія, но учителя получаютъ скудное содержаніе; въ учебникахъ нѣтъ единообразія, и дѣти одной и той же школы читаютъ по разнымъ книжкамъ, сомнительнаго притома, по мнѣнію съѣзда, достоинства. Недостатокъ однообразія книжекъ для чтенія былъ причиною, что учителя, бывшіе на первомъ съѣздѣ, мало примѣняли въ своихъ школахъ способъ нагляднаго обученія. Училищный совѣтъ, не отвергая справедливости изложенныхъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что рѣшеніе вопроса объ удовлетворительности и улучшеніи народныхъ училищъ зависитъ отъ взгляда на нихъ: если смотрѣть на нихъ, какъ на заведенія, отъ которыхъ требуется обученіе толковому чтенію, нисмы, закону Божію и четыремъ правиламъ ариметики, то они и въ настоящемъ своемъ положеніи достигаютъ цѣли, — слѣдуетъ лишь, для ихъ улучшенія, увеличить нѣсколько средства на усиленіе скуднаго жалованья наставниковъ и увеличеніе учебныхъ пособій; если же земство считаетъ необходимымъ устройство училищъ на широкую ногу, съ методомъ нагляднаго обученія, то училищный совѣтъ не беретса разсуждать о средствахъ приведенія этого намѣренія въ исполненіе.

¹⁾ Извлеченіе изъ этого отчета было сообщено нами въ февральской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за прошлый годъ (Совр. Лѣт. стр. 204—205), а свѣдѣнія по тому же предмету, на основаніи отчета Таврическаго губернскаго училищнаго совѣта, помѣщены въ іюльской книгѣ того же года (Соврем. Лѣт. стр. 142—414).

нидѣ не видя удовлетворительныхъ результатовъ этой системы и зная, что предпринятый въ этомъ родѣ опытъ при Симферопольской гимназiи вполне не удался и нынѣ замѣняется обыкновеннымъ приготовительнымъ классомъ. Выслушавъ это заявленiе, собранiе постановило: продолжать преподаванiе въ сельскихъ школахъ Симферопольскаго уѣзда по системѣ, уже принятой въ нихъ; а вопросъ о пособiи приготовительному классу при гимназiи, въ виду несостоятельности метода нагляднаго обученiя, засвидѣтельствованнаго училищнымъ совѣтомъ, оставить безъ обсужденiя. *Одесскiй Вѣстникъ* справедливо удивляется такому постановленiю, тѣмъ болѣе, что земство другихъ губерній вообще одобрительно отзывалось о методѣ нагляднаго обученiя, который между прочимъ доставилъ блистательные результаты въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губернiи, подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа.

— Въ томъ же номерѣ *Одесскаго Вѣстника* находимъ числовыя данныя о расходахъ по предмету народнаго образованiя, назначенныхъ уѣздными земскими собранiями *Херсонской* губернiи по смѣтамъ на 1871 годъ. Смѣтами этими назначено по Елисаветградскому уѣзду 20.400 руб., Херсонскому — 13.610 руб., Анапьевскому — 6.950 руб., Александрiйскому — 6.300 руб., Тираспольскому — 4.100 руб., Одесскому — 1.200 руб., итого 52.560 руб. Изъ этой суммы назначается на среднiя учебныя заведенiя, именно на содержанiе въ Елисаветградѣ земскаго реальнаго училища 1-го разряда (гимназiи) 21.000 руб., и на пособiя женской гимназiи и прогимназiи въ Херсонѣ 1.700 руб.; остальные 29.860 руб. опредѣлены на потребности сельскихъ и ремесленныхъ школъ и на стипендiатовъ въ уѣздныхъ и специальныхъ училищахъ, какъ то: фельдшерскихъ и ветеринарныхъ. Въ той же цифрѣ заключаются суммы, назначенныя на учебныя пособiя школамъ, на канцелярiи и прогоны членамъ училищныхъ совѣтовъ, а также 1.400 руб., отпускаемыхъ Тираспольскимъ уѣздомъ на приготовленiе учителей сельскихъ школъ.

По губернской смѣтѣ 1871 года, на расходы по народному образованiю изъ губернскаго земскаго сбора назначено: въ пособiе Новороссiйскому университету на содержанiе каедры сельскаго хозяйства, химической лабораторiи и фермы — 5.935 руб., на содержанiе стипендiатовъ въ университетѣ, въ училищѣ глухонѣмыхъ, въ гимназiяхъ и дѣвичьемъ институтѣ — 2.295 руб.; на устройство сельско-хозяйственнаго училища въ г. Одессѣ — 20.000 руб.; на содержанiе стипендiатовъ въ низшихъ реальныхъ заведенiяхъ — 2.000 р.; на педагогическiе для сель-

скихъ учителей курсы въ Херсонѣ и Елисаветградѣ и на учительскіе сѣзды — 5.600 руб.; на пособіе народнымъ школамъ — 6.000 руб.; на пособіе Елисаветградской ремесленной школы — 500 руб.; на содержаніе сиротскаго дома при Херсонскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ — 3.705 руб.; итого 46.035 руб. Такимъ образомъ сумма, опредѣленная собственно губерскимъ Херсонскимъ земствомъ въ 1871 году на народное образованіе, простирается всего на 18.595 руб., что составляетъ до 11% всѣхъ расходовъ обязательныхъ и необязательныхъ, предполагаемыхъ по смѣтамъ наступившаго года.

По разрядамъ заведеній, которыя пользуются содержаніемъ, пособіемъ или стипендіями, суммы, ассигнованныя различными земствами Херсонской губерніи распредѣляются такъ: на высшія учебныя заведенія (университетъ и институтъ) приходится—6.875 руб.; на среднія (гимназіи, прогимназіи и училище глухонѣмыхъ) — 24.055 руб.; на низшія (уѣздныя и ремесленныя училища, спеціальныя школы, сиротскій домъ, сельско-хозяйственное училище, педагогическіе курсы, городскіи и сельскіи народныя школы и сѣзды учителей) 67.665 руб.

— Значительное число народныхъ училищъ въ *Виленскомъ* учебномъ округѣ вызываетъ ежегодно возрастающую потребность въ народныхъ учителяхъ. Существующая въ округѣ Молодечненская учительская семинарія не можетъ вполне удовлетворить этой потребности, и потому открывающіяся учительскія вакансіи замѣщаются тамъ воспитанниками мѣстныхъ духовныхъ семинарій и вызванными изъ внутреннихъ губерній, а также воспитанниками гимназій и другими лицами, изъявляющими желаніе поступить на должности наставниковъ и удовлетворяющими требованіямъ дирекціи по этому предмету. Эти кандидаты не тотчасъ поступаютъ на учительскія мѣста: нѣкоторое время, обыкновенно мѣсяць, когда ученіе въ народныхъ школахъ еще не началось, они остаются при дирекціяхъ и здѣсь, подъ руководствомъ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, путемъ теории и на практикѣ, знакомятся съ лучшими методами и приѣмами обученія и вообще со всѣми обязанностями учительской должности. Члены дирекціи съ своей стороны, при ежедневныхъ занятіяхъ съ кандидатами, ближайшимъ образомъ удостовѣряются въ ихъ знаніяхъ и способностяхъ. Такого рода временные педагогическіе курсы, оказавшіеся, по свидѣтельству *Циркуляра по Виленскому учебному округу* (№ 1), откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, весьма полезными на практикѣ, открываются ежегодно при всѣхъ шести дирекціяхъ народныхъ училищъ, существующихъ въ округѣ. Способы подготовленія кандидатовъ въ

каждой дирекціи выработаны въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ, на основаніи общихъ для дирекцій правилъ и по указаніямъ опыта; но представляя много общаго, эти способы вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждой дирекціи имѣютъ и нѣкоторыя отличительныя черты. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о занятіяхъ кандидатовъ въ Виленской и Минской дирекціи.

Изъ донесенія директора *Виленской* дирекціи народныхъ училищъ отъ 3-го октября прошлаго года видно, что лица, явившіяся кандидатами на должности наставниковъ народныхъ училищъ, до прекращенія ученія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, были оправляемы на вакантныя наставническія мѣста послѣ необходимыхъ, хотя непродолжительныхъ со стороны г. директора указаній и наставленій. Затѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ кандидаты явились въ дирекцію къ сентябрю мѣсяцу. Явившихся къ этому сроку оказалось 18 лицъ; изъ нихъ одинъ оказался малоспособнымъ, остальные же 17, изъ коихъ 1 кандидатка-дѣвица, немедленно приступили къ занятіямъ, продолжавшимся по 1-е октября. Изъ этихъ лицъ кончили курсъ: въ духовныхъ семинаріяхъ 2, въ гимназій 2, въ народныхъ школахъ 3, въ духовномъ училищѣ 1; не кончили курса: въ духовныхъ семинаріяхъ 5, въ гимназій 1, въ Молодечневской учительской семинаріи 1 и въ духовномъ училищѣ 1, послѣ выдержавшій экзаменъ на званіе городского учителя. Кандидатка окончила курсъ въ Виленскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. Изъ всѣхъ поименованныхъ лицъ — 13 явились отчасти знакомыми съ педагогическою практикою, такъ какъ они были до того времени или наставниками народныхъ училищъ, или помощниками наставниковъ въ училищахъ Виленской и другихъ губерній.

Занятія съ кандидатами раздѣлялись на теоретическія и практическія: для теоретическихъ занятій были употреблены первая и послѣдняя недѣли сентября мѣсяца, для практическихъ — двѣ среднія недѣли. Теоретическія занятія, веденныя поочередно каждымъ инспекторомъ въ присутствіи директора, состояли вообще въ указаніи и объясненіи новѣйшихъ методовъ преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ въ народныхъ училищахъ; въ совѣтахъ, какъ распредѣлять занятія класса одновременно и какъ исполнять въ училищѣ учебную программу, чтобы учащіеся могли пройти весь курсъ въ три года; въ указаніи обстоятельствъ и условій успѣшнаго преподаванія вообще всякаго предмета и условій классной дисциплины, и наконецъ, въ объясненіяхъ изданныхъ дирекціей инструкцій, циркуляровъ и училищ-

наго письмоводства. Въ частности, инспекторами были выяснены и показаны на практикѣ главнѣйшіе существующіе методы обученія чтенію, дальнѣйшаго преподаванія русскаго и славянскаго языковъ. обученія письму и ариметикѣ, и предложены совѣты, какъ учителю пріобрѣсти любовь и уваженіе учащихъся, какъ поддерживать и возбуждать въ нихъ вниманіе на урокахъ и вообще какъ держать въ порядкѣ классъ. Директоръ училищъ, присутствуя при этихъ занятіяхъ, постоянно участвовалъ въ обсужденіи и рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросовъ и затѣмъ, при участіи инспекторовъ, время отъ времени, въ теченіе цѣлой недѣли, самъ велъ бесѣды съ кандидатами о предстоящемъ имъ поприщѣ служенія, такъ что при этомъ приходилось говорить о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и входить въ подробности. Бесѣды эти, по мѣрѣ ихъ веденія, оказывались болѣе и болѣе необходимыми и касались нравственныхъ обязанностей наставника, при чемъ подробно были объяснены инструкціи и циркуляры, съ приведеніемъ самыхъ обстоятельныхъ примѣровъ изъ практики училищъ; подробно выяснялись тѣ отношенія, въ которыхъ желательно было бы видѣть наставника съ учащимися, съ крестьянами, съ мірскими властями, съ лицами реввующими училище и наконецъ съ посторонними людьми; подробно выяснялось, какъ наставнику вести училищное хозяйство и письмоводство, въ особенности отчетность. Въ бесѣдахъ г. директоръ постоянно обращался къ мнѣніямъ и опыту самихъ кандидатовъ, сколько въ интересъ самихъ бесѣдъ, столько и изъ желанія по возможности подробно узнать каждаго кандидата въ частности. При руководствѣ кандидатовъ, имъ даваемы были на домъ работы, состоявшія въ чтеніи книгъ и руководствъ, и въ усвоеніи прочитаннаго.

Для практическихъ педагогическихъ занятій всѣ кандидаты были раздѣлены по числу инспекторовъ на три группы, и для занятій каждой изъ этихъ группъ назначено было одно изъ существующихъ въ гор. Вильнѣ приходскихъ училищъ. Кандидатка практиковалась въ одноклассной для бѣдныхъ дѣвицъ школѣ, подъ руководствомъ наставницы. Практическія занятія кандидатовъ велись такимъ образомъ. Въ первый день вся группа, присутствуя съ инспекторомъ на всѣхъ урокахъ, слушала преподаваніе мѣстнаго учителя, съ цѣлью дать возможность каждому кандидату знать, что слѣдуетъ преподавать на другой день, и приготовиться. Въ промежуткахъ между уроками кандидаты и инспекторъ въ отдѣльной комнатѣ, но не въ присутствіи учителя училища, обсуждали его преподаваніе, при чемъ

инспекторъ указывалъ, чему они должны слѣдовать или чего избѣгать, когда сами будутъ преподавать. Съ слѣдующаго дня начиналось преподаваніе самими кандидатами, по назначенію инспектора. Каждому предоставлялась полная свобода: вмѣсто штатнаго учителя онъ дѣлался полнымъ хозяиномъ на одинъ-два урока, или на цѣлый день, а иногда и на два. Въ самое преподаваніе никто не вмѣшивался, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда кандидатъ не находилъ, чтó дѣлать, или явно не соразмѣрялъ времени съ предстоящими ему задачами; тогда инспекторъ незамѣтно направлялъ его или помогалъ ему. Послѣ каждаго класса инспекторъ, въ присутствіи кандидатовъ своей группы и штатнаго учителя, дѣлалъ подробный разборъ преподаванія кандидата; при этомъ обращалось вниманіе на то, умѣетъ ли онъ держать классъ въ порядкѣ, умѣетъ ли оживить и заинтересовать учениковъ, удовлетворительны ли и необходимы ли его объясненія, вообще достигаетъ ли онъ своимъ преподаваніемъ того, что предположилъ себѣ сдѣлать въ классѣ, а если не достигаетъ, то почему? Далѣе указывалось, слѣдовалъ или не слѣдовалъ кандидатъ въ своемъ преподаваніи тѣмъ совѣтамъ, которые раньше были даны ему директоромъ и инспекторами. Указывались и недостатки; одинъ, напримѣръ, говорить очень быстро и торопливо, другой суетится много безъ цѣли, третій говорить то неправильно, то свысока. Почти общими недостатками оказались преимущественно неумѣнье соразмѣрить время, неумѣнье избѣжать объясненій совершенно излишнихъ, хотя бы и полезныхъ, неумѣнье строго прослѣдить задачу урока до конца и заняться въ то же время со всѣми; въ преподаваніи ариметики часто замѣчались отсутствіе наглядности и неумѣнье логически доводить учениковъ до рѣшенія задачъ. Недостатки эти впрочемъ замѣтно исчезали послѣ нѣсколькихъ уроковъ. Преподаваніе въ первомъ классѣ болѣе или менѣе оказалось удовлетворительнымъ къ концу недѣли; но во второмъ классѣ, гдѣ кандидатамъ пришлось заняться исторіей и географіей, нѣкоторые изъ нихъ, особенно получившіе образованіе только въ народныхъ училищахъ, оказались недостаточно свѣдущими. Практическія занятія заключились собраніемъ въ одинъ день всѣхъ кандидатовъ и инспекторовъ въ одномъ училищѣ, гдѣ подъ руководствомъ директора слушалось преподаваніе учителей старшаго и младшаго классовъ. Кромѣ того, кандидатамъ дано въ разное время 10 уроковъ пѣнія, съ подробными объясненіями по сему предмету.

По окончаніи всѣхъ описанныхъ занятій, кандидаты распредѣлены на имѣвшіяся наставническія вакансіи; изъ нихъ въ Вилейскій уѣздъ часть слш, отд. 4.

назначено 2, въ Свенцянской 5, въ Виленской 6, въ Дисненской, Лидской и Трокской по 1-му, и 1 исправляющимъ должность приходскаго учителя въ гор. Вильнѣ. Въ теченіе всего мѣсяца, означенныя лица вели себя хорошо и являлись для занятій всегда аккуратно. Изъ 800 р., отпущенныхъ въ продолженіе 1870 года г. попечителемъ округа на содержаніе кандидатовъ въ Виленской дирекціи, каждый изъ вышеупомянутыхъ кандидатовъ получалъ по 80 коп. суточныхъ, а предъ отъѣздомъ на мѣста каждому изъ нихъ выдано по 20 руб. на подъемъ и путевыя издержки.

— По донесенію директора *Минской* дирекціи народныхъ училищъ отъ 28-го ноября 1870 года, число кандидатовъ, собравшихся для педагогической подготовки въ Минскую дирекцію, было 31, изъ нихъ окончили курсъ: въ духовныхъ семинаріяхъ 3, въ прогимназіи 1; не окончили курса въ духовныхъ семинаріяхъ 10, въ гимназіяхъ 5, въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ 7, въ Молодечненской учительской семинаріи 2; получили домашнее воспитаніе 2; въ томъ же числѣ была 1 кандидатка, вдова чиновника. Сверхъ того явились еще 4 наставника народныхъ училищъ, изъявившихъ желаніе усовершенствоваться въ педагогическихъ пріемахъ, такъ что всѣхъ было 35 лицъ. Какъ для теоретическихъ, такъ и для практическихъ занятій, происходившихъ подъ руководствомъ директора и пяти инспекторовъ, время назначено было послѣобѣденное, для первыхъ въ первую половину сентября мѣсяца, для послѣднихъ—во вторую. Ежедневно также давались уроки пѣнія, всего дано было 30. Практическія занятія происходили въ двухъ приходскихъ училищахъ и въ школѣ для первоначальнаго образованія дѣвицъ. Кандидатамъ объяснены и показаны на практикѣ способы преподаванія по закону Божію, по обученію грамотѣ, по русскому чтенію, ариметикѣ и нотному пѣнію. При изложеніи способа обученія закону Божію обращено особенное вниманіе на первоначальное правильное изученіе наизусть учениками молитвъ, такъ какъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ при ревизіи училищъ, оказывалось, что если наставникомъ въ самомъ началѣ, по недостатку внимательности къ дѣлу, допускалось невѣрное чтеніе молитвы или искаженіе какого-либо слова, то въ послѣдствіи, когда даже дѣти начинаютъ читать свободно, неправильности искореваются съ большимъ трудомъ. Стоя во главѣ молящихся дѣтей, наставникъ при такомъ обученіи долженъ производить самую внимательную и возможно частую повѣрку чтенія молитвъ поочередно каждымъ ученикомъ. При объясненіи правилъ толковаго чтенія замѣчено, что немногіе изъ кандида-

товъ обладали выразительнымъ чтеніемъ, потому что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они воспитывались, не обращено было на этотъ предметъ должнаго вниманія, какъ на дѣло маловажное, и вслѣдствіе этого, отъ недостатка упражненія, остались въ языкѣ многихъ косность, монотонность и вялость. Практическая подготовка кандидатовъ, какъ это было замѣчено и въ предшествующіе годы, при которой они имѣли возможность—пріобрѣтеныя теоретическія свѣдѣнія и данныя совѣты немедленно прилагать къ дѣлу, подъ руководствомъ лицъ, которыя, на мѣстѣ первыхъ опытовъ преподаванія, указывали имъ лучшіе способы и приемы, исправляли ошибки и разъясняли встрѣчающіяся недоразумѣнія, видимо послужила въ пользу юнымъ народнымъ наставникамъ. Послѣ двухъ недѣль практическихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ занятій, почти всѣ кандидаты сдѣлались гораздо смѣлѣе, развязѣе, находчивѣе и узнали, къ чему должно стремиться въ преподаваніи и чего избѣгать. Г. директоръ выражаетъ надежду, что, при вступленіи въ должность, они не будутъ теряться и недоумѣвать какъ и за чтѣ принятыя, или дѣйствовать наобумъ подобно многимъ или самонадѣяннымъ, или неразвитымъ народнымъ учителямъ, которые, не понимая трудности первоначальнаго обученія, считаютъ эти занятія совершенно легкими и доступными для каждаго. Въ заключеніе, при отправленіи къ должностямъ, въ предотвращеніе недоразумѣній и для избѣжанія возможныхъ столкновеній, кандидатамъ были разъяснены отношенія ихъ къ мировымъ посредникамъ, къ духовенству, къ волостнымъ правленіямъ и къ обществамъ крестьянъ, при чемъ, между прочимъ, поставлено на видъ, чтобъ они, охраняя достоинство народнаго учителя, не преступали границъ своихъ обязанностей и не вмѣшивались ни въ какія крестьянскія дѣла, которыя должны вѣдаться подлежащими властями.

— Представляемъ нѣсколько извлеченій изъ отчета по управленію *Гродненскою* дирекціей народныхъ училищъ за 1869 годъ. Изъ вѣдомости, приложенной къ этому отчету, видно, что число училищъ вѣдомства дирекціи было въ отчетномъ году 493, увеличившись противъ 1868 года на 50; учащихся 18.722, въ томъ числѣ мальчиковъ 16.695 и дѣвочекъ 2.027 (въ 1868 году всего учащихся было 16.655). Большинство учащихся, а именно 13.984 мальчика и 1.629 дѣвочекъ, были православнаго исповѣданія, прочіе были римско-католики, лютеране, евреи, магометане (изъ послѣднихъ 17 мальчиковъ). Въ числѣ распоряженій относительно мѣстныхъ шеолъ уважемъ на подчиненіе училищъ въ лютеранскихъ приходахъ Высочайше утвержденнымъ

23-го марта 1863 года временнымъ правилами для народныхъ школъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ началѣ отчетнаго года дирекціей были устроены 11 существовавшихъ дотолѣ училищъ въ лютеранскихъ приходокахъ и вновь открыто 12-е, по образцу всѣхъ остальныхъ, подчиненныхъ дирекціи. До 1869 года въ этихъ училищахъ какъ законъ Божій, такъ и другіе учебные предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ; русскій же языкъ или вовсе не преподавался, или ему обучались дѣти механически плохо знающими по русски вставниками-кистерами. Съ 1869 года, съ подчиненіемъ всѣхъ этихъ училищъ правиламъ 23-го марта 1863 года, въ нихъ назначены для преподаванія общихъ предметовъ, исключая нѣмецкаго языка и лютеранскаго закона Божія, особые природные русскіе учителя. Въ одно только училище въ лютеранской колоніи Бернацкій Мостъ, Пружанскаго уѣзда, не назначенъ особый русскій учитель, такъ какъ по бѣдности колонистовъ, не было возможности дать для него отъ общества содержанія, и потому обученіе учебнымъ предметамъ на русскомъ языкѣ въ этомъ училищѣ поручено мѣстному кистеру, человѣку еще молодому и довольно хорошо знающему русскій языкъ, съ платой 60 р. отъ дирекціи. Что касается до самихъ лютеранскихъ обществъ, содержавшихъ до того времени нѣмецкія училища, то евангелическо-лютеранскіе приходы отнеслись къ преобразованію ихъ довольно сочувственно, назначивъ различныя суммы на ихъ содержаніе и всадѣ предоставивъ учителямъ квартиры съ отопленіемъ. Опытъ годичнаго существованія этихъ школъ въ вѣдѣніи дирекціи доказалъ вполне полезность и благовременность этой правительственной мѣры. Дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, въ особенности въ старшихъ отдѣленіяхъ, съ охотою занялись изученіемъ почти чуждаго имъ до того времени русскаго языка, и къ концу отчетнаго года нѣкоторые изъ нихъ уже довольно бойко читали, съ пониманіемъ прочитаннаго и порядочно писали; только у младшихъ чтеніе было нова механическое. Замѣчательно, что дѣти, пѣвшія прежде одни церковныя гимны въ киркахъ, усвоили почти безукоризненно хорошее пѣніе на три и даже четыре голоса, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсень, каковы: „Боже Царя храма“, „Коль славыя“, „Слався“, „Сѣни мои сѣни“ и др. Отчетъ замѣчаетъ по этому поводу, что такое благоприятное начало дѣятельности лютеранско-приходскихъ школъ въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ обѣщаетъ дать весьма благоприятные результаты, и въ недалекомъ будущемъ вѣроятно, совершенно прекратится недавняя отчужденность ихъ отъ

русской отечественной среды и школы. Училища снабжены отъ дирекціи безмядно портретами Высочайшихъ особъ, ландшафтами, большими счетами и всеми необходимыми русскими учебниками.

Средства содержанія для училищъ Гродненской дирекціи были слѣдующія: а) на содержаніе дирекціи и разъѣзды 6.960 руб. 40 к.; б) на содержаніе приходскихъ училищъ 9.061 руб. (три приходскія училища, отъ невозноса обществами денегъ на ихъ содержаніе, остались совершенно безъ средствъ); в) на содержаніе 9-и женскихъ при приходскихъ училищахъ смѣтъ, по 250 руб. на каждую, 2.250 руб.; г) на содержаніе 151 народнаго училища, по 200 руб. на каждое, 30.200 руб.; д) на содержаніе при дирекціи кандидатовъ въ народныя наставники и учителей цѣнія 1.300 руб., на обученіе ремесламъ 400 руб., на выдачу наставникамъ пособій по разнымъ случаямъ, заслуживающимъ уваженія, 768 руб., на усиленіе средствъ народнаго образованія 2.150 руб., на вызовъ воспитанниковъ семинарій и другихъ лицъ на должности наставниковъ народныхъ училищъ 700 р., на содержаніе женскихъ школъ при училищахъ 715 руб., на устройство школъ и обзаведеніе учебниками и мебелью 350 руб., на покупку книгъ для продажныхъ складовъ 758 руб., на разсылку учебныхъ пособій училищамъ въ лютеранскихъ приходахъ 50 рублей, итого 6.191 руб. Всего же въ теченіе отчетнаго года на содержаніе училищъ, подвѣдомыхъ дирекціи, и на управленіе изъ разныхъ источниковъ поступило 54.152 руб. 40 коп.

Для пополненія и снабженія учебными пособиями бібліотекъ штатныхъ народныхъ училищъ, женскихъ смѣтъ и школъ при приходскихъ и народныхъ училищахъ, сельскихъ училищъ, бывшихъ палаты государственныхъ имуществъ, училищъ содержимыхъ крестьянскими обществами и училищъ въ лютеранскихъ приходахъ куплено учебныхъ пособій 16.517 экземпляровъ на сумму 6.241 руб. 32 коп. Изъ числа купленныхъ книгъ, изъ прежняго запаса и изъ пожертвованныхъ Виленскимъ учебнымъ округомъ, 3.265 экземпляровъ отправлено въ бібліотеки народныхъ училищъ, по особымъ требованіямъ наставниковъ, священниковъ, водостяныхъ правленій, а также роздано въ награду ученикамъ инспекторами, при ревизіи, учебныхъ книгъ разнаго наименованія, картинъ, портретовъ Высочайшихъ особъ, счетовъ, образовъ и крестиковъ 19.385 экземпляровъ, на сумму 5.341 р. 58 к. Затѣмъ оставалось въ запасъ къ 1-му января 1870 года 8.041 экземпляръ на сумму 2.237 руб. 28 коп. Отъ продажи книгъ изъ складовъ поступило всего 491 руб. 61 коп.

Для приготовления наставниковъ въ народныя училища дирекція обращала особенное вниманіе на выборъ лицъ, искавшихъ этихъ мѣстъ; съ этою цѣлію всѣ они были вызваны въ дирекцію, въ городъ Гродну, въ августъ 1869 года. Исковшихъ наставническихъ должностей оказалось 30 человекъ, изъ нихъ 12 воспитанниковъ духовныхъ семинарій, 7 Молодечненской учительской семинаріи и 11 окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. При повѣрочномъ испытаніи 26 изъ этихъ кандидатовъ по своему развитію были признаны вполне способными къ занятію наставническихъ мѣстъ въ народныхъ училищахъ, а 4 изъ воспитанниковъ уѣздныхъ училищъ, какъ слабо подготовленные, были назначены не въ штатныя училища, лучше обеспеченныя, а въ общественныя или „сельскія школы“. Занятія кандидатовъ продолжались мѣсяць, подъ руководствомъ директора и инспекторовъ. Въ теченіе этого времени: 1) кандидаты ознакомлены съ инструкціей окружнаго начальства, данною наставникамъ къ исполненію ихъ обязанности, и съ дополнительными распоряженіями и циркулярами дирекціи, относящимися къ нѣкоторымъ, болѣе частнымъ, случаямъ ихъ педагогической и служебной дѣятельности. 2) Имъ преподааны основныя правила начальнаго обученія, какъ-то: наглядность, искусство занимать классъ и постоянно поддерживать вниманіе дѣтей, и проч., при чемъ обращено особенное вниманіе на то, что плодомъ сообщаемыхъ наставникомъ свѣдѣній должно быть истинное богопочитаніе, благонравіе, любовь къ Государю, отечеству и неустанному труду. 3) Сообщены педагогическіе приемы къ поддержанію порядка и дисциплины между учащимися и лучшіе способы исправленія нерадивыхъ, при чемъ указано на отношенія, какія должны существовать между наставниками и дѣтьми. 4) Объяснено училищное дѣлопроизводство, то-есть, веденіе дѣлъ по библиотекѣ и книжному складу, съ веденіемъ описи училищному имуществу, классныхъ журналовъ, перечневой вѣдомости объ учащихся и т. п. Наконецъ, 5) указаны правила надлежащихъ житейскихъ отношеній къ крестьянамъ, духовенству, мировому посреднику и сельскимъ властямъ, а также вмѣнено въ обязанность помогать мѣстному священнику въ увеличеніи благолѣпія церковнаго богослуженія приготовленіемъ дѣтей къ чтенію и пѣнію на клиросѣ. Для ознакомленія кандидатовъ съ дидактическими или прикладными правилами обученія, всѣ предметы, входящіе въ программу народныхъ училищъ, раздѣлены были между инспекторами, которые: 1) преподавали подробныя наставленія относительно обученія каждому изъ преподаваемыхъ въ народныхъ учи-

лицахъ предметовъ по улучшеннымъ методамъ; 2) показали образцы такого обученія на практикѣ въ мѣстныхъ приходскихъ училищахъ и примѣнили къ учительскимъ занятіямъ каждого изъ кандидатовъ порознь; 3) познакомили наставниковъ съ учебными руководствами, употребляемыми въ народныхъ училищахъ, и съ употребленіемъ ихъ, не упуская изъ виду и пособій, необходимыхъ для самихъ наставниковъ. Кромѣ этихъ занятій, кандидаты упражняемы были въ пѣніи и имѣли домашнія занятія, состоявшія въ чтеніи полезныхъ книгъ преимущественно педагогическаго содержанія и въ ознакомленіи съ нѣкоторыми учебными пособиями. По окончаніи занятій, кандидаты были снабжены отъ дирекціи книгами, денежнымъ пособіемъ и отправлены на мѣста своего назначенія. Въ послѣдующее затѣмъ время было еще 5 кандидатовъ, искавшихъ наставническихъ мѣстъ; они также были испытаны и приготовлены въ дирекціи, а двое, поступившіе на должности безъ предварительной явки въ дирекцію, по однимъ аттестатамъ и училищнымъ свидѣтельствамъ, получили необходимые наставленія отъ ревизующихъ лицъ на мѣстѣ.

Относительно учебной части отчетъ Гродненской дирекціи сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: Съ постепеннымъ умноженіемъ числа болѣе способныхъ и подготовленныхъ къ дѣлу обученія наставниковъ, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ улучшенной методы обученія и замѣтнымъ возрастаніемъ народнаго сочувствія къ школамъ, степень развитія учащихся значительно возвысилась и успѣхи ихъ сравнительно улучшились. На 493 училища (въ двухъ приходскихъ, по немѣнѣю средствъ, ученія не было) приходится: 20 весьма хорошихъ, 81 хорошихъ, 150 удовлетворительныхъ, 191 посредственныхъ и 49 слабыхъ. Вслѣдствіе большого расположенія крестьянъ къ школѣ и возвышенія со стороны дирекціи требованія отъ наставниковъ болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу, всѣ предметы народнаго обученія были преподаваны и усвоены учащимися съ большею, противъ прежняго, отчетливостію и полнотою. Такъ, въ преподаваніи закона Божія болѣе обращено было вниманіе на внутреннюю сторону его, съ цѣлію расположить учащихся къ дѣятельному христіанскому образу жизни и благонравію. Къ концу отчетнаго года, во всякомъ хорошемъ училищѣ было 15 — 20 мальчиковъ, объяснявшихъ порядокъ обѣдни, ея части и символическую сторону важнѣйшихъ ея священнодѣйствій. Училищные хоры, какъ вѣрныя средства къ увеличенію благолѣпія церковнаго богослуженія и къ возбужденію благоговѣйнаго чувства въ предстоящихъ, служили однимъ изъ предметовъ за-

ботливости дирекціи и съ каждымъ годомъ организовались все лучше и лучше. Какъ благотворно дѣйствуетъ на народъ церковное пѣніе, видно уже изъ того, что со времени введенія въ церквахъ ученическихъ хоровъ, храмы наполняются народомъ въ воскресные и праздничные дни гораздо въ большемъ числѣ противъ прежняго времени. Даже крестьяне католики не рѣдко приходятъ въ православную церковь послушать пѣвчихъ. Не менѣе важное значеніе имѣютъ въ дѣлѣ развитія въ крестьянахъ, путемъ обученія, христіанскаго чувства и привязанности къ своей православной церкви и вѣрѣ воскресныя школы для взрослыхъ (при шести училищахъ). Въ Лысковскую воскресную школу, всякій воскресный и праздничный день, собирается до 200 человекъ, разнаго пола и возраста, православныхъ и католиковъ. Преподаваніе въ воскресныхъ школахъ, не выходя изъ предѣловъ устныхъ бесѣдъ, имѣетъ предметомъ своимъ: а) ученіе вѣры и церкви православной, объясненіе повседневныхъ молитвъ, исторію праздничныхъ и другихъ святыхъ дней въ разказахъ; б) бесѣды о повиновеніи верховной власти, о Царѣ-Освободителѣ и постоянныхъ заботахъ его о благоденствіи народа; в) наставленія и вразумленія противъ существующихъ въ народѣ суевѣрій, предрассудковъ, а также противъ наиболѣе замѣчаемыхъ въ народѣ нравственныхъ недостатковъ, какъ, напримѣръ, нетрезвости.

Русская грамотность въ большинствѣ народныхъ училищъ положительно подвинулась впередъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Распространеніе звуковаго способа обученія чтенія, съ объясненіемъ всякаго прочитаннаго слова и предложенія, не только ускорило на цѣлые мѣсяцы дѣло начальнаго обученія, но и внесло съ собою въ школу живое, развивающее начало. Дитя, легко прочитывая слова и замѣчая въ то же время, что этотъ, такъ-сказать, слоговой составъ означаетъ собою извѣстный предметъ, существующій въ природѣ, на первыхъ же порахъ начинаетъ сознавать, что грамота уясняетъ и расширяетъ его дѣтскій запасъ свѣдѣній, а вслѣдствіе этого непринужденно принимается за ученіе. Старый, рутинный методъ обученія грамотѣ лучшими наставниками сознается уже анахронизмомъ и видимо исчезаетъ изъ многихъ школъ. Обученіе чтенію идетъ рядомъ съ умственнымъ развитіемъ дѣтей. Начиная такое развитіе съ самаго перваго изученія буквъ и складовъ и восходя до письменной рѣчи, ученики въ два—три года приобрѣтаютъ значительный запасъ свѣдѣній о предметахъ насущной важности, становятся любознательными и мало по малу начинаютъ дѣйствовать, при руководствѣ на-

ставника, собственными силами, какъ въ школѣ, помогая ему въ обученіи младшихъ своихъ сотоваршцей, такъ и дома, въ кругу своихъ сверстниковъ, родныхъ и сосѣдей. Многіе наставники знакомятъ учащихся съ главными событіями отечественной исторіи, съ доступными пониманію дѣтей свѣдѣніями изъ математической и физической географіи, а также отечественной географіи. Въ отчетномъ году, по заявленію ревизующихъ лицъ, 10 приходскихъ и до 20 народныхъ училищъ представили по 25% учащихся, оказавшихъ хорошіе успѣхи и въ этихъ предметахъ. Въ преподаваніи ариѳметики повсюду замѣтно распространеніе и усвоеніе новыхъ, современно-употребляемыхъ методовъ, отчего и ученики начинаютъ лучше усвоить себѣ разные способы счисленія и сознавать, что ариѳметика очень пригодная наука въ жизни трудового человѣка. Въ новомъ способѣ обученія, въ видахъ наглядности, особенно полезнымъ оказывается употребленіе прутиковъ и счетовъ, какъ самыхъ сподручныхъ средствъ при изложеніи предварительныхъ понятій о числѣ, единцѣ, десяткѣ, сотнѣ и при начальномъ объясненіи четырехъ правилъ ариѳметики. Заботясь объ умноженіи полезныхъ знаній между крестьянскимъ юношествомъ, дирекція старалась внушить наставникамъ мысль объ ознакомленіи учащихся съ нѣкоторыми геометрическими фигурами, линейными мѣрами и т. п., и успѣла снабдить всѣ училища аршинами для пріученія взмѣрять длину рускою мѣрой, а не на локти, какъ было прежде. Изъ ремеслъ въ наибольшемъ ходу токарное и переплетное. Въ нѣкоторыхъ школахъ ученики занимаются также и плетеніемъ корзинъ, стульевъ и проч., а въ одной и столярному ремеслу. Необходимѣе всего въ крестьянскомъ быту вузничное и сапожное ремесла, но обученіе имъ неудобно какъ по трудности пріискать способныхъ лицъ, такъ и по недостатку соответственныхъ помѣщеній.

Каковы бы однако ни были успѣхи народнаго образованія въ Гродненской губерніи, есть обстоятельства, не благоприятствующія желанному преуспѣванію народныхъ школъ. Отчетъ указываетъ на слѣдующія, важнѣйшія изъ нихъ: 1) Неисправное посѣщеніе учениками училищъ и разновременность поступленія ихъ. Не говори о существующемъ еще между многими крестьянами предубѣжденіи противъ грамотности, самыя условія крестьянскаго быта, часто отвлекающія мальчику отъ школы къ домашнимъ работамъ, значительная отдаленность нѣкоторыхъ деревень отъ училищныхъ пунктовъ, затрудненіе въ снабженіи дѣтей продовольствіемъ, а въ холодное время и теплою одеждой, иногда служатъ непреодолимымъ препятствіемъ

къ своевременному открытію ученія въ школахъ, аккуратному посѣщенію ихъ и ревности въ занятіяхъ. 2) Необезпеченность нѣкоторыхъ училищъ въ помѣщеніи, отопленіи и прислугѣ. Сельскія общества, принявшія на себя, при открытіи у нихъ училищъ, содержаніе и ремонтъ домовъ, не вездѣ аккуратно исполняютъ это обязательство. Нѣкоторыя училища, не смотря на старанія дирекціи, все еще находятся въ крайне плохихъ помѣщеніяхъ, другія неисправно получаютъ отопленіе и остаются безъ сторожей. 3) Недостатокъ хорошихъ наставниковъ. Не смотря на постоянное улучшеніе личнаго состава учащихъ, въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ наставническія мѣста продолжаютъ занимать лицами, не вполне удовлетворяющими требованіямъ элементарнаго обученія. Скудость матеріальнаго обезпеченія наставниковъ и отсутствіе въ будущемъ всякой перспективы для нихъ служатъ главнымъ препятствіемъ къ присканію кандидатовъ съ надлежащимъ педагогическимъ образованіемъ. Воспитанники гимназій и духовныхъ семинарій, если не поступаютъ въ высшія учебныя заведенія, большею частію предпочитаютъ званію сельскаго учителя гражданскую службу; а ежегодный выпускъ воспитанниковъ Молодечненской семинаріи, по своей незначительности (6—7 человекъ на губернію) не въ состояніи дать соотвѣтственнаго потребностямъ числа кандидатовъ. Въ виду такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ часто оказывается необходимымъ предоставлять должности народныхъ наставниковъ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ двуклассныхъ уѣздныхъ училищахъ, хотя эти лица, за не многими исключеніями, требуютъ усиленной предварительной подготовки къ элементарному обученію со стороны дирекціи. Крайняя скудость вознагражденія этихъ наставниковъ, не рѣдко ограничивающагося 15-ю руб. въ зиму, и неудобство многихъ помѣщеній, при перѣдкихъ передвиженіяхъ школъ изъ избы въ избу и другихъ лишеніяхъ, не могутъ привлечь сюда способныхъ людей. Оттого обязанность эта чаще всего выпадаетъ на долю крестьянина-самоучки или плохаго грамотника солдата, — лицъ, не имѣющихъ никакого понятія о школьныхъ методахъ и требованіяхъ начальнаго обученія. Впрочемъ, не смотря на эти и другія не благопріятствующія обстоятельства, народное образованіе, по свидѣтельству отчета, съ каждымъ годомъ растетъ и развивается. Большинство самихъ крестьянъ убѣждены уже въ томъ, что новыя условія крестьянскаго быта, тогда только могутъ принести благіе плоды, когда крестьяне запасутся полезными званіями и когда грамотность сдѣлается достоинствомъ по крайней мѣрѣ

молодаго поколѣнія. Добровольная высылка дѣтей въ училище у болѣе разсудительныхъ родителей вошла въ обычай и сдѣлалась ихъ нравственнымъ долгомъ. Общая неліцемерная радость отцовъ, при взглядѣ на успѣхи своихъ дѣтей, составляетъ обыкновенный повседневный фактъ. Слыша похвалу своимъ дѣтамъ отъ ревизующихъ лицъ, многіе изъ нихъ восторгаются до слезъ. И учащіяся дѣти, съ своей стороны, время отъ времени, доказываютъ родителямъ несомнѣнную пользу грамотности и образованія. Они вносятъ въ среду своихъ семействъ новую стихію, оживляющую весь домашній строй жизни крестьянина. Одни изъ нихъ обучаютъ младшихъ своихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ и началамъ грамоты; другіе разказываютъ старикамъ прочитанное ими изъ книгъ о Богѣ и великомъ мірѣ Божиємъ; тотъ напишетъ письмо отъ семьи къ родственнику, находящемуся въ далекой сторонѣ; другой поможетъ отцу свести счетъ во взносѣ повинностей, въ задѣльной платѣ, въ покупкѣ и продажѣ. Воспитанная въ духѣ православной вѣры, въ преданности государю и въ любви къ отечеству, учащіяся дѣти развиваютъ тѣ же религиозныя и гражданскія чувства и въ своихъ домашнихъ. Ихъ благонравіе, скромность и благоприличіе во всемъ, неразлучныя съ стремленіемъ къ лучшимъ требованіямъ и условіямъ жизни, служатъ предметомъ подражанія для однихъ и живымъ обличеніемъ для другихъ. Грубыя привычки, существующія въ крестьянскихъ массахъ, не находятъ себѣ сочувствія въ молодомъ поколѣніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, былъ обычай, что новобрачные, послѣ вѣнца, тотчасъ же должны были отправляться со всѣми свадебными гостями въ корчму. Лишь только наступило время исполнить это нѣкоторымъ изъ бывшихъ воспитанниковъ народныхъ училищъ, они воспротивились, и безобразный обычай началъ выводиться. Пьянство и праздныя сходки въ распивочныхъ, благодаря тому же вліянію школы, значительно уменьшились. Вообще, съ распространеніемъ грамотности самое препровожденіе крестьянами свободнаго времени замѣтно облагородилось и приняло нравственный отбѣнокъ. Во многихъ селеніяхъ прежнія игрища молодыхъ людей въ корчмахъ замѣнились собраніями въ домахъ лучшихъ хозяевъ, гдѣ имѣютъ мѣсто тѣ же игры и пляска, тотъ же юморъ и шутка, но въ предѣлахъ умѣренности и благоприличія. Домашніе раздоры и несогласія находятъ въ грамотномъ членѣ семейства лучшаго миротворца, а хозяйство—умнаго и расторопнаго работника. Такимъ образомъ, школа, умножая въ средѣ крестьянъ число свѣдущихъ, честныхъ и трудолюбивыхъ людей,

усердныхъ сыновъ церкви и преданныхъ слугъ Царю и отечеству, является въ глазахъ самаго народа учрежденіемъ сколько полезнымъ, столько же и необходимымъ. Оттого и самое число содержимыхъ крестьянами училищъ умножается съ каждымъ годомъ. Такъ въ 1869 году, несмотря на закрытіе нѣкоторыхъ прежнихъ приготовительныхъ школъ (общественныхъ) вслѣдствіе поступленія учившихся въ нихъ дѣтей въ сосѣднія народныя училища, общее число училищъ, сравнительно съ 1868 годомъ, увеличилось на 50; число это показываетъ только общую цифру увеличенія училищъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ; всѣхъ же вновь открытыхъ самими крестьянами училищъ въ 1869 году 70.

— Начальникъ *Ковенской* губерніи разослалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года циркуляръ къ мировымъ посредникамъ, въ которомъ, указывая на замѣченное генераль-губернаторомъ уклоненіе мировыхъ посредниковъ *Ковенской* губерніи отъ всякаго участія въ развитіи народныхъ училищъ и на сдѣланное имъ предложеніе озаботиться упроченіемъ существующихъ сельскихъ училищъ и открытіемъ такихъ вновь, гдѣ это представится возможнымъ и необходимымъ, объясняетъ, что, не смотря на означенное предложеніе генераль-губернатора, народныя училища посѣщаются въ крайне ограниченномъ числѣ и что, не смотря на окончаніе полевыхъ работъ и пастбы, число учениковъ не возрастаетъ и въ наступившее осеннее время. Ограниченность числа учащихся, отъ 5-и до 10-и мальчиковъ въ школахъ, доказываетъ, по словамъ г. губернатора, что дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей перестало быть предметомъ внимательной заботы мировыхъ посредниковъ, тогда какъ прежде они относились съ усердіемъ къ открытію народныхъ школъ въ своихъ участкахъ въ 1864—1866 годахъ, отчего въ то время было открыто до 150 народныхъ училищъ, по нынѣ существующихъ исключительно на средства крестьянскихъ обществъ. Въ виду этого, г. начальникъ *Ковенской* губерніи, напоминая мировымъ посредникамъ о ихъ прежнемъ усердіи по сему предмету и о томъ, что народныя училища не могутъ процвѣтать, если будутъ предоставлены только собственному развитію, предлагаетъ имъ безотлагательно распорядиться о сборѣ крестьянскихъ дѣтей въ училища въ возможно большемъ числѣ и неослабно содѣйствовать, какъ развитію и размноженію народныхъ училищъ, такъ и возрастанію числа учащихся въ нихъ; на будущее же время наблюдать, чтобы крестьянскія дѣти поступали въ училища, если не

къ 1-му, то никакъ не поздѣе 15-го октября, и прекращали посѣщеніе училищъ не ранѣе конца апрѣля.

Исправка. Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія* (Совр. Лѣт., стр. 72) на 1870 г. было сообщено нѣсколько свѣдѣній о ходѣ народнаго образованія въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Свѣдѣнія эти первоначально были представлены мѣстному епархіальному архіерею членами Бузулукскаго земскаго собранія отъ духовенства, по словамъ котораго, они извлечены были изъ доклада члена училищнаго совѣта г. Янишевскаго, а затѣмъ появились въ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*. Изъ означенныхъ свѣдѣній видно было, между прочимъ, что земство Бузулукскаго уѣзда обнаружило невнимательность къ мѣстнымъ церковно-приходскимъ школамъ уѣзда, которыя однако, не смотря на это неблагопріятное обстоятельство, оказываются не худшими земскихъ школъ; и что училищный совѣтъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи даже ассигнуемыхъ ежегодно собраніемъ на церковно-приходскія школы суммъ, такъ какъ управа почему-то выдала въ его распоряженіе 360 р. (и то не во время), отчисливъ въ остатки, отъ расходовъ по училищной части болѣе 1.300 руб. для сбереженія, почему училищный совѣтъ не могъ назначить вознагражденія учителямъ и снабжать сельскія школы въ достаточномъ количествѣ училищными принадлежностями, и отчего 18 изъ нихъ закрылись, а вновь открыто только 15.

По поводу вышеприведенныхъ свѣдѣній мы получили отъ г. предсѣдателя Бузулукской уѣздной земской управы заявленіе, въ которомъ онъ опровергаетъ эти свѣдѣнія, утверждая, что ихъ въ отчетѣ г. Янишевскаго, читанномъ въ собраніи, не было, и ему представляется непонятнымъ, откуда гласные отъ духовенства почерпнули эти свѣдѣнія, „такъ рѣзко противорѣчація существу дѣла“.

По заявленію г. предсѣдателя управы, въ отчетѣ Янишевскаго относительно вышеприведенныхъ пунктовъ сказано: „Церковно-приходскія школы снабжаются учебными пособіями и классными принадлежностями по мѣрѣ требованія наставниковъ; но, къ сожалѣнію, несвоевременность требованій (напримѣръ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ), а также и требованіе книгъ не по средствамъ (напримѣръ, по 15-и „экземпляровъ „Священной исторіи“ Попова) все еще продолжается... Обращаясь къ характеристикѣ училищъ, совѣтъ не можетъ не отдать преимущества предъ прочими земскимъ школамъ вообще... Церковно-

„приходскія училища, благодаря поощреніямъ отъ земства наставниковъ ихъ (въ 1869 году 48-ми лицамъ роздано 1.300 р.), нѣсколько „оживляются и мѣстами укрѣпляются, хотя препятствія къ развитію „ихъ продолжаютъ существовать, какъ и прежде: учебный годъ здѣсь „очень коротокъ, методъ большею частію буквослагательный, занятія „священниковъ прерываются исполненіемъ требъ“.

Помѣщая эту поправку, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что она не была своевременно препровождена въ редакцію *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*. Тогда истина разъяснилась бы скорѣе и мы сами не были бы введены въ заблужденіе, будучи вынуждены искать свѣдѣній о дѣятельности земства по предмету народнаго образованія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ мѣстныхъ органахъ гласности. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ еще разъ покорнѣе просить гг. предсѣдателей земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ доставлять въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* тѣ свѣдѣнія по предмету народнаго образованія, которыя подлежатъ опубликованію. Редакція приметъ съ благодарностію всѣ такого рода сообщенія.

НАЧАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ отчета инспектора народныхъ училищъ).

Убѣдившись изъ опыта, что физически невозможно въ теченіе года обозрѣть всѣ народныя училища Пермской губерніи, я рѣшилсѣ, послѣ объѣзда нѣсколькихъ уѣздовъ, представлять отдѣльные отчеты о томъ, въ какомъ положеніи найдены мною осматрѣнныя училища и въ чемъ они нуждаются для приведенія ихъ въ лучшее состояніе.

На первый разъ представляю обзоръ училищъ въ уѣздахъ: Кунгурскомъ, Ирбитскомъ, Верхотурскомъ, а также нѣкоторыхъ училищъ Красноуфимскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ, лежащихъ по совершенному мною пути.

Чтобъ убѣдиться въ невозможности объѣзда всѣхъ училищъ Пермской губерніи въ теченіе года, достаточно указать на ея разстояніа. Пермская губернія одна изъ обширнѣйшихъ въ Россіи, съ пространствомъ въ 6.046 кв. миль, отдѣльные уѣзды которой болѣе многихъ изъ внутреннихъ губерній російскихъ. Чтобы доѣхать отъ Перми до училищъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ, надо дѣлать отъ 300 до 600 верстъ. Я уже не говорю о разстояніяхъ, какія бы довелось проѣхать, взявъ самыя отдаленныя училища на сѣверной границѣ и южной, на восточной и западной губерніи. Приходится иногда дѣлать переѣзды отъ одного училища до другаго болѣе чѣмъ въ 100 верстъ ¹⁾.

Всѣхъ училищъ, перешедшихъ изъ вѣдѣнія Пермской и Екатеринбургской дирекціи къ инспектору народныхъ училищъ, — 221; къ тому же въ послѣднее время на него возложенъ главный надзоръ какъ за отдѣльными училищами для Татаръ-магометанъ, такъ и за русскими классами при мектебе и медресе. Въ большей части училищъ занятія

¹⁾ Недостаточность назначенія одного инспектора народныхъ училищъ на губернію уже обратила на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія и въ настоящее время оно озабочено мѣрами къ устраниенію этого неудобства. См. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за январь 1871 г. «Отчетъ о дѣйствіяхъ мин. народн. просв. за 1870 годъ». *Ред.*

начинаются послѣ лѣтнихъ работъ съ 1-го октября, а совершенно оканчиваются къ 1-му мая, въ нѣкоторыхъ же школахъ ученіе оканчивается какъ разъ передъ Пасхой, въ какихъ бы числахъ этотъ праздникъ ни приходился. Выключая изъ учебнаго времени зимнюю вакацію и недѣлю масленицы, находимъ, что въ большей части училищъ учебнаго времени будетъ мѣсяцевъ 6. Выкинувъ изъ этого времени осеннюю и весеннюю распутицы, должно признать самымъ удобнымъ временемъ для объѣзда училищъ инспекторомъ народныхъ училищъ зимніе мѣсяцы. На осмотръ каждаго изъ училищъ необходимо употребить по крайней мѣрѣ сутки, полагая утро для осмотра, а послѣобѣденное время для переѣзда до другаго училища. Такимъ образомъ на 220 училищъ приходится употребить 220 сутокъ, то-есть, болѣе 7-и мѣсяцевъ, разъѣзжая изо дня въ день отъ одного училища до другаго. Если бы и была физическая возможность выполнить подобную задачу, то и тогда инспектору училищъ Пермской губерніи привелось бы посѣщать училища тогда, когда уже въ нихъ прекратится ученіе. Какая же польза отъ такого посѣщенія, кромѣ непроизводительной траты прогонныхъ денегъ, и безъ того недостаточныхъ для разъѣзда по столь обширной губерніи. Правда, въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ то: заводскихъ и по уѣзднымъ городамъ, занятія начинаются и въ августѣ мѣсяцѣ, а оканчиваются въ іюнѣ; но инспекторъ училищъ, объѣзжая какой-либо уѣздъ, положимъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ однихъ училищахъ встрѣчалъ бы еще занятія (въ заводскихъ), въ другихъ же нѣтъ (сельскихъ). Слѣдовательно, если инспектору необходимо посѣтить каждое училище въ губерніи и приобрѣсти о каждомъ изъ нихъ возможно вѣрныя свѣдѣнія, то ему было бы необходимо по одному и тому же уѣзду проѣзжать по два раза, что, само собою понятно, еще болѣе увеличило бы время, потребное для объѣзда училищъ.

Взвѣсивая всѣ обстоятельства этого дѣла, я рѣшился всю зиму проводить исключительно въ разъѣздахъ, остальное же время употребить на приведеніе въ порядокъ дѣлопроизводства, на изготовленіе отвѣтовъ на полученныя ранѣе и получаемыя бумаги, и наконецъ, на наблюденіе за педагогическими курсами и на составленіе отчетовъ.

Постараюсь теперь изложить тѣ впечатлѣнія, которыя вынесены мною изъ знакомства моего съ начальными училищами, посѣщенными мною на этотъ разъ. Для порядка и раздѣльности обзорѣнія школъ, отчетъ мой будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: общаго педагогическаго и статистическаго. Въ первомъ будетъ изложено преподаваніе въ школахъ, потомъ указаны будутъ учебныя средства, какими вла-

дѣють училища, и наконецъ разсмотрѣны будутъ помѣщенія училищъ, на сколько они удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, какия должны быть въ виду при устройствѣ училищныхъ зданій; въ статистическомъ же отдѣлѣ будутъ указаны мѣстонахожденіе школъ, источники содержанія ихъ, штаты преподавателей и количество учениковъ.

I. Общее обзорѣніе училищъ Пермской губерніи.

Всѣ училища, которыя довелось мнѣ обзорѣть до настоящаго времени, а я ихъ обзорѣлъ болѣе 50, можно подраздѣлить, на основаніи относительной успѣшности обученія въ нихъ, на четыре группы: къ первой изъ нихъ должно отнести приходскія училища, находящіяся по городамъ; ко второй — заводскія училища, содержимыя на средства заводоуправляющихъ; къ третьей — бывшимъ въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ, содержимыя на счетъ общества, именно на четырехкопѣечный сборъ, и наконецъ четвертую группу составлять такъ-называемыя школы грамотности, содержимыя на жалкія средства, даваемыя обществами, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преподаваніе ведется безмездно.

Первую группу, какъ сказано, составляютъ городскія приходскія училища, а таковыя осмтрѣны мною, не считая находящихся въ Перми, въ городахъ: Кунгурѣ, Красноуфимскѣ, Екатеринбургѣ и Верхотурѣ. Во всѣхъ этихъ училищахъ принятъ новый методъ обученія грамотности, именно звуковой, имѣются подвижныя буквы и всего чаще встрѣчается „Родное Слово“ Ушинскаго. Но мнѣ кажется, мало принять новый методъ преподаванія, надо еще умѣючи примѣнить его къ дѣлу, приспособиться къ нему, что уже зависитъ исключительно отъ учителя, отъ его умѣнья и опытности. Но этого умѣнья и ловкости многимъ изъ учителей и недостаетъ, отъ чего самое преподаваніе идетъ какъ-то вяло, натапнуто; при чемъ, естественно, нельзя ожидать и того успѣха, каковой бы долженъ слѣдовать отъ примѣненія и надлежащаго выполненія ¹⁾ звуковаго метода обученія. Отъ того выходитъ на дѣлѣ, что теоретическая сторона звуковаго метода принята, а практика еще не успѣла заявить себя тѣми результатами, какихъ слѣдовало бы

¹⁾ Сущность и значеніе звуковаго метода заключается, какъ извѣстно, въ его образовательномъ характерѣ и развивающемъ вліяніи на ученика. Въ противоположность старымъ приемамъ обученія, исключительно основаннаго на памяти, новый методъ вызываетъ соображеніе и самостоятельность дитяти. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ осуществились эти основныя требованія рациональнаго метода обученія грамотнѣ.

ожидать отъ опытныхъ преподавателей. Но хорошо уже и то, что первый шагъ сдѣланъ.

Въ одномъ изъ приходскихъ посѣщенныхъ мною училищъ города Кунгура я попросилъ учителя заняться съ учениками первыми уроками обученія грамотѣ. Учитель сталъ знакомить учениковъ съ звукомъ *о*, потомъ съ *а*, далѣе съ *и*; всѣ эти буквы ученики въ то же время приучались писать на аспидныхъ доскахъ. Далѣе слѣдовало знакомство съ звукомъ *б*, приставляя который то справа, то слѣва къ написанной на доскѣ буквѣ *о*, учитель навелъ учениковъ на произношеніе слоговъ *об*, *бо*. То же самое дѣлалось и съ другими буквами *а*, *и*; такъ что, наконецъ, получались цѣлыя слова, имѣющія значеніе, напримѣръ: оба, ибо, баба, обои и т. д. Такъ какъ я былъ въ этомъ училищѣ въ январѣ мѣсяцѣ, и многіе уже знали читать, то слѣдовательно, для многихъ учениковъ все вышесказанное было уже повтореніемъ, сдѣланнымъ только ради моего желанія узнать, какъ ведется дѣло обученія грамотѣ съ начинающими. Не смотря на то, когда я спросилъ одного, другаго, что означаетъ слово „оба“, слово „баба“, то ученики стали въ тупикъ. Даже когда я обратился къ старшимъ ученикамъ, давнымъ-давно читающимъ книги, и тутъ встрѣтилось затрудненіе при объясненіи этихъ словъ; только одинъ изъ нихъ отвѣтилъ такъ: „обивать что-нибудь“. То же случилось и съ словомъ „баба“. Одно значеніе этого слова ученики объяснили, сказавъ, что такъ называется женщина въ крестьянскомъ быту, другаго же значенія слова „баба“, какъ простаго орудія для забиванія свай, никто изъ учениковъ не могъ сказать. Только послѣ ряда предложенныхъ имъ вопросовъ, они могли сдѣлать ясное опредѣленіе предмета. Изъ этого видно, что учителемъ упущенъ изъ виду одинъ изъ главныхъ педагогическихкихъ приемовъ — не оставлять не понятнымъ ни одного изъ словъ, которыя будутъ употребляться при изученіи азбуки. Мальчикъ, привыкнувъ къ этому съ первыхъ уроковъ, будетъ самъ останавливаться на томъ, чего не понимаетъ, и такимъ образомъ приучится постепенно къ сознательному, а не механическому чтенію.

Желаю прослѣдить, имѣетъ ли вліяніе таковой недостатокъ на дальнѣйшій успѣхъ самаго обученія, я сталъ обращать вниманіе при чтеніи на то, понимаютъ ли хорошо ученики значеніе каждаго попадающагося слова и сознательно ли они читаютъ. Результаты оказались неутѣшительные. Такъ, во второмъ приходскомъ училищѣ въ Кунгурѣ мальчикъ, читая изъ „Роднаго Слова“ Ушинскаго „Лисица и Заяцъ“, не могъ объяснить попавшееся слово „плотоядный“, и на вопросъ

мой, понимаетъ ли онъ, что значить слово „плотоядный“, отвѣчать ни съ того, ни съ сего: „въ немъ словъ десять“. Ученики не могли объяснить такихъ словъ, какъ „молва“, „сосѣдъ“, въ статейкѣ „Мышь и Крыса“. Неясное пониманіе отдѣльныхъ словъ вело къ неясному пониманію цѣлыхъ предложеній, отчего мальчики, прочитавъ нѣсколько строкъ о какомъ-либо предметѣ, не могли своими словами, просто и понятно передать прочитанное. Съ трудомъ они могли пересказать послѣ прочтенія статью „о ласточкѣ“ изъ „Роднаго Слова“ Ушницкаго. Этотъ недостатокъ сознательнаго чтенія, умѣнія своими словами передать прочитанное, въ сильной степени отразился на ученикахъ Верхотурскаго приходскаго училища. Здѣсь даже читаютъ не бойко, не пріучены къ остановкѣ на знакахъ препинанія; самыя слова произносятъ невѣрно, читающій не сумѣетъ поправить, когда его останавливать. Читано было „объ улицѣ“; попавшееся слово „тротуаровъ“ было прочитываемо то „тротуяровъ“, то „пропуяровъ“. Другой мальчикъ читалъ статейку „Мартишка“, и по прочтеніи совершенно не могъ своими словами передать прочитанное. Сталь я испытывать другихъ, понимаютъ ли они, о чемъ было читано, и едва добились мы, наконецъ, до отвѣта, что обезьяна—животное; но когда я спросилъ ученика, живетъ ли обезьяна въ Верхотурскихъ лѣсахъ, мальчикъ отвѣчалъ—живетъ.

Изъ всего этого видно, что многіе изъ учителей, обращая вниманіе на механическую сторону чтенія, мало заботятся о самомъ содержаніи читаемаго, пониманіе котораго, достигаемое рядомъ вопросовъ, предложенныхъ ученикамъ, имѣетъ важное значеніе при развитіи духовныхъ силъ мальчика. Упуская изъ виду эту сторону учебнаго дѣла, учителя какъ будто не замѣчаютъ того, что и механическое чтеніе идетъ неудовлетворительно. Мальчикъ, не понимая того, что онъ читаетъ, мало заботится и о томъ, какъ прочитаетъ. Что же касается до предметныхъ уроковъ, то, какъ кажется, они мало приняты въ этихъ училищахъ, хотя, какъ извѣстно, они могли бы имѣть большое вліяніе на умственное развитіе мальчиковъ, на знакомство съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ.

Славянское чтеніе страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ: читать дѣти еще могутъ, но передать прочитанное—съ трудомъ. Этого и надо было ожидать, принимая въ соображеніе чтеніе по гражданской печати. Даже такія слова, какъ „рече“ ставили читающаго въ затрудненіе.

О преподаваніи закона Божія въ приходскихъ училищахъ можно

сказать, что теоретическая часть ведется исправно: ученики читаютъ наизусть молитвы, заповѣди, разказываютъ исторію дванадцатыхъ праздниковъ, знаютъ тропари на эти дни; но общій характеръ преподаванія одинаковъ для всѣхъ предметовъ, не исключая и закона Божія, то-есть, вездѣ замѣтно, что ученикъ беретъ памятью, а разсудочная сторона остается въ сторонѣ; тогда какъ на эту послѣднюю слѣдовало бы обращать больше вниманія. Заученное наизусть, но бессознательно, скоро улетучивается; приобретенное же сознательно остается надолго. Если даже силою обстоятельствъ оно и вытѣснится, то все-таки мальчикъ сохраняетъ привычку думать, разсуждать, а такая привычка благотворно можетъ отразиться и на дѣлой жизни чловѣка.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу нѣкоторые вопросы изъ закона Божія, предложенные мною ученикамъ Красноуфимскаго училища, на которые они дѣлали или неудовлетворительные отвѣты, или вовсе не отвѣчали. Когда встрѣтился вопросъ, что такое священное писаніе и преданіе, то ученики затруднились сами отвѣчать, не могли также передать смысла херувимской пѣсни.

Вообще замѣтно, что нѣкоторые изъ преподавателей закона Божія не обратили вниманія, хотя въ общихъ чертахъ, на ознакомленіе учениковъ съ богослуженіемъ, что необходимо для каждаго христіанина, посѣщающаго церковь, а гдѣ же если не въ школѣ можно позаботиться объ этомъ.

При обученіи ариметикѣ хотя замѣтно вообще стремленіе преподавать предметъ по методѣ Грубе, однако же на дѣлѣ еще преобладаетъ прежній методъ преподаванія. Ученики теоретически передадутъ всѣ правила, относящіяся къ первымъ четыремъ дѣйствіямъ надъ простыми и именованными числами, сдѣлаютъ, пожалуй, на доскѣ предложенную учителемъ задачу; но чуть коснется вопросъ самой простой задачи, которую приходится рѣшать въ умѣ, мальчикъ теряется, молчитъ, или дѣлаетъ отвѣтъ, обличающій его въ томъ, что онъ не приученъ думать. Следовательно, ариметика, какъ наука, способствующая развивать умъ дитяти, не достигаетъ здѣсь главнаго своего назначенія.

Иногда приходилось удивляться тому, на какіе вопросы мальчикъ не отвѣчаетъ. Въ 1-мъ Кунгурскомъ приходскомъ училищѣ затруднялись отвѣчать на такіе вопросы: „если я 120 копѣекъ далъ тремъ, сколько достанется каждому изъ нихъ, раздѣляя поровну?“ Однѣ сказали: каждому достанется по 30 коп.; иные молчали, а оцупя до-

статочный промежутокъ времени, наконецъ кто-то изъ спрошенныхъ отвѣтилъ—40 коп. Вопросъ—сколько въ 55-и руб. десятковъ рублей—также ставилъ въ затрудненіе учениковъ.

Въ Екатеринбургскомъ приходскомъ училищѣ мнѣ не могли отвѣтить на вопросы: „если въ карманѣ $37\frac{1}{2}$ коп., то сколько копѣекъ недостаетъ до 100“, или „сколько копѣекъ составляетъ $\frac{1}{3}$ рубля“? То же самое повторилось въ 1-мъ Пермскомъ приходскомъ училищѣ въ присутствіи г. попечителя округа.

Ученики, рѣшая задачи на именованныя числа на доскѣ, не могли рѣшить простой умственной задачи на сложеніе. Спрошенные даже не анали тѣхъ простыхъ приемовъ, при помощи которыхъ рѣшаются такія умственные задачи. Каждый изъ отвѣчающихъ говорилъ число, вовсе не соответствующее суммѣ трехъ чиселъ, данныхъ въ задачѣ; когда же потребовалось указать самый процессъ рѣшенія такихъ умственныхъ задачъ, то на вопросъ, какъ рѣшить данную задачу въ умѣ, мальчикъ началъ такъ: 5 да 5—десять, 0 ставлю, одинъ въ умѣ; далѣе переходилъ въ десяткамъ, и не умѣя удержать въ памяти всѣхъ получаемыхъ цифръ, ученикъ путался совершенно или получалъ не соответствующую заданнымъ числамъ сумму.

Все это показываетъ, какъ трудно прививается разумное преподаваніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ мало обращается вниманія на такое преподаваніе, которое имѣло бы цѣлю не только сообщить учащемуся доступныя возрасту его свѣдѣнія, но главное потревожить ту умственную спячку, въ какую впадаютъ ученики этихъ училищъ; здѣсь все берется памятью и удерживается до того времени, пока мальчикъ въ школѣ, и то не всегда; а чуть ученикъ вышелъ изъ школы, все это, плохо приобрѣтенное, также скоро и улетаетъ, оставляя въ результатъ одну крайнюю умственную неразвитость.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ городскихъ приходскихъ училищахъ до сихъ поръ еще мало обращено вниманія на сознательность обученія. Преподающіе при обученіи мало способствуютъ своими вопросами развитію умственныхъ способностей учащихся, мало обращаютъ вниманія на объяснительное чтеніе, нѣтъ почти нигдѣ нагляднаго обученія при помощи картикъ или дѣйствительныхъ предметовъ; мало упражняются ученики въ рѣшеніи умственныхъ задачъ, которыя могли бы представлять гимнастику для разсудка.

Говоря все это, я однакожь долгомъ считаю поставить на видъ болѣе успѣшное преподаваніе нѣкоторыхъ учителей, труды, которыхъ

тѣмъ болѣе достойны вознагражденія, что они при недостаточности учебныхъ пособій все-таки достигаютъ сравнительно успѣшныхъ результатовъ. Таковы: 1) учитель 2-го приходскаго училища въ Пермь, состоящій въ XIV-мъ классѣ, *Михаилъ Киртищиковъ*; 2) учитель Красноуфимскаго приходскаго училища II-го класса, *Арсеній Овчинико*; 3) учительница Верхотурскаго женскаго училища *Марья Буткова*.

Что касается заводскихъ училищъ, то въ былое время они сохранились на счетъ заводовладѣльцевъ, которые сами или черезъ управителей и наблюдали за ними; при вольнонаемномъ трудѣ, заводовладѣльцы, въ лицѣ своихъ довѣренныхъ, меньше стали обращать вниманія на эти училища. Нѣкоторые заводы, обремененные долгами, перешли въ казенное управленіе; въ такихъ заводахъ отказано было совершенно въ средствахъ содержанія училищамъ, а только имъ предоставлено было пользоваться прежнимъ помѣщеніемъ и тѣми пособиями, какія имѣло училище. Все это имѣло неблагоприятное вліяніе на дѣло народнаго образованія; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ заводовъ училища двухклассныя спустились на степенъ одноклассныхъ, какъ видимъ это въ Суксунскомъ заводѣ, а въ иныхъ мѣстахъ даже закрылись, какъ, напримѣръ, Васильевское, находящееся въ 9-и верстахъ отъ Билимбаевского завода. Населеніе такихъ мѣстъ, привыкнувъ пользоваться даровымъ обученіемъ, не тратя на содержаніе училищъ почти ни копѣйки, видя приходящія въ упадокъ училища, не хотѣло своими средствами поддержать ихъ. Когда въ обществахъ обращались съ просьбой о поддержкѣ училища, общественники обыкновенно ссылались на свою бѣдность, указывая въ то же время на невозможность найти работы при заводахъ, которые или ограничили нинѣшніе размѣры своего производства, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе прекратили заводскія работы. А между тѣмъ въ этихъ мѣстахъ необходимо имѣть училища: здѣсь и численность населенія больше и польза грамотности лучше понята жителями. Да и какъ было не понять этой пользы обществу, когда оно видѣло изъ своихъ же семей грамотныхъ, которые занимали должности въ конторахъ при заводахъ, а иногда даже достигали положенія управителей на заводѣ?

Если не будетъ обращено вниманія на поддержку заводскихъ училищъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ коренится расколъ, тогда обученіе грамотности совершенно перейдетъ въ руки такъ-называемыхъ *мастерницъ*, дающихъ превратное воспитаніе дѣтямъ, которое мало того что не можетъ противодѣйствовать невѣжеству и пред-

разсудкамъ, а наоборотъ въ состояніи усилить то и другое. Я думаю, въ такихъ мѣстахъ всего больше нужно обратить вниманіе на училища и привести ихъ въ самое лучшее положеніе, чтобы побудить отцовъ отдавать своихъ дѣтей въ такія училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать распространенію здоровыхъ понятій и благодѣтельной грамотности въ молодомъ подростящемъ поколѣніи поселянъ.

Заводскія училища, содержимыя и по нынѣ заводоуправляющими, численностію учащихся, успѣвностію преподаванія, пособіями при обученіи, и наконецъ, самымъ помѣщеніемъ близко подходятъ къ училищамъ, отнесеннымъ къ первой группѣ; отличаются же отъ городскихъ только тѣмъ, что содержатся на средства частныхъ лицъ, которыя не такъ надежны, какъ средства общества.

Многія изъ заводскихъ училищъ страдаютъ недостатками, высказанными выше, а потому избѣгая повтореній, остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ прочими, и укажемъ на тѣ, которыя требуютъ безотлагательнаго улучшенія. Я выше сказала, что многія изъ этихъ училищъ состояли, а нѣкоторыя и теперь состоятъ изъ двухъ классовъ; въ нихъ обученіе не ограничивается однимъ умѣньемъ читать и писать, но въ краткомъ объемѣ преподаются русская грамматика, географія, исторія, 1-я и 2-я части ариметики, изъ закона Божія—Ветхій и Новый завѣтъ и православный катихизисъ. За недостаткомъ средствъ одни изъ нихъ сошли на степень одноклассныхъ училищъ, другія же и до сихъ поръ поддерживаются заводоуправляющими и остаются двухклассными. Какъ на одно изъ лучшихъ я укажу на Тагильское Павлушенское женское училище.

Въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ находятся два училища: мужское и женское Павлушинское. Павлушинское женское училище я нашла по преподаванію однимъ изъ лучшихъ училищъ, мною осматрѣнныхъ. Оно дѣлится на два отдѣленія: младшее и старшее. Во время моего посѣщенія Павлушинскаго училища, въ нижнемъ его отдѣленіи занималась г-жа Образцова, кончившая курсъ въ Тагильскомъ Анатольевскомъ высшемъ женскомъ училищѣ. Занятія шли по предмету ариметики. Учительница держалась метода Грубе. Задавались то и дѣло задачи классу, которыя дѣти рѣшали или въ умѣ, или, при встрѣченномъ затрудненіи, прибѣгали къ помощи палочекъ, кубиковъ, сдѣланныхъ изъ дерева, которые лежали подлѣ каждой ученицы. Бесѣда была оживленная. Каждый могъ замѣтить, что дѣвочки съ большою охотою занимались своимъ дѣломъ. Въ тотъ же классъ учитель-

ница познакомила дѣтей съ мѣрами длины; показывались аршинъ, полуаршинъ, футъ, сравнивалась одна величина съ другою; ученики сами измѣряли комнату. Такое наглядное знакомство съ тѣмъ, о чемъ говорилось, разнообразилось самыми простыми умственными задачами, относящимися до изучаемыхъ мѣръ длины. Всѣ отвѣты ученицъ показывали, что отвѣчающіе сознательно понимали о чемъ говорили. Бойкость отвѣтовъ на заданные вопросы, ясность ихъ, выказывали, что такое преподаваніе уже принесло свои плоды. На счетахъ ученицы тоже очень легко рѣшали несложныя задачи.

Въ высшемъ отдѣленіи занимались чтеніемъ подъ руководствомъ учительницы г-жи Подановской. Читали изъ „Роднаго Слова“ статейку о лошади; прочитанное было передано ученицами своими словами, послѣ чего давались отдѣльные вопросы для болѣе яснаго разъясненія прочитаннаго. По удовлетворительнымъ отвѣтамъ ученицъ на задаваемые имъ вопросы можно было судить, на сколько успѣшно ведутъ дѣло преподаванія учительницы. Нижне-Тагильское женское училище я нашелъ снабженнымъ всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго веденія преподаванія; притомъ самыя преподавательницы, особенно г-жа Образцова, съ такимъ умѣньемъ вели преподаваніе, такъ хорошо воспользовались новыми методами, что это училище я отношу къ числу первыхъ, изъ числа осматрѣнныхъ мною, какъ по преподаванію, такъ и по успѣхамъ ученицъ.

Далѣе обращаю вниманіе на Суксунское училище, основанное въ 1839 году и содержимое до 1865 года на счетъ заводоуправляющихъ; съ этого же года оно содержится на счетъ общества. Общество не даетъ постоянныхъ средствъ на училище, а потому все зависитъ отъ случайности: прошлаго года собиралось 100 руб., нынѣ сборъ уменьшился до 50 руб. Да и эту сумму выплачиваютъ по большей части только родители дѣтей, находящихся въ училищѣ, которые только и стараются о его поддержкѣ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, это училище имѣло 2 класса, а слѣдовательно, 2-хъ учителей и законоучителя, было нѣкогда въ цвѣтущемъ положеніи, нынѣ же оно поддерживается благодаря стараніямъ и попеченію наставника Павла Манохина, имѣющаго за усердную службу медаль, но терпящаго нынѣ большую нужду, такъ какъ онъ получаетъ слишкомъ малое вознагражденіе за трудъ. Въ Суксунскомъ училищѣ теперь обучается 67 мальчиковъ и 16 дѣвочекъ; вмѣсто прежнихъ 2-хъ классовъ, оно теперь состоитъ изъ одного. Учитель, завѣдывающій этимъ училищемъ, упомянутый Павелъ Манохинъ, служитъ съ 1845 года и самъ обу-

чался въ томъ же училищѣ; законоучитель священникъ Іоаннъ Соболевъ, кнѣзь, къ сознательнѣю, переведенъ въ другой приходъ.

Начиная со стройнаго пѣнія молитвъ цѣлымъ классомъ передъ началомъ ученія и оканчивая удовлетворительными отвѣтами учениковъ, безукорызненными порядкомъ и возможною чистотою въ классахъ, а также умѣньемъ учителя обращаться съ учениками — все обязываетъ достойно вознаградить человѣка, который, не смотря на бѣдные средства, продолжаетъ своими усиліями поддерживать заведеніе, гдѣ некогда-то онъ самъ получилъ образованіе и выработалъ такое глубокое сознаніе долга.

Изъ училищъ, которыя своимъ настоящимъ хорошимъ положеніемъ обязаны личнымъ качествамъ наставника, должно сказать объ училищѣ въ Ирбитскомъ заводѣ. Учителемъ здѣсь священникъ Александръ Хлыновъ. Всѣхъ учащихся въ этомъ училищѣ 82 человѣка, въ томъ числѣ 23 ученицы. Хотя это училище одноклассное, но вслѣдствіе особенной любви къ дѣлу и старанія наставника, знанія учениковъ высшаго отдѣленія далеко превосходятъ программу однокласснаго училища. Въ высшемъ отдѣленіи, не говоря уже о томъ, что бойко и толково читаютъ, передавая своими словами прочитанное, очень правильно пишутъ и сами въ состояніи изложить свои мысли о близкихъ, доступныхъ пониманію ихъ предметахъ. Ученики рѣшаютъ умственные задачи изъ ариметики, а также на доскѣ, и имѣютъ понятіе о географіи, и о русской исторіи. Изъ отвѣтовъ учениковъ видно, что мальчики сознательно усвоили всѣ эти знанія. Такъ какъ всѣ учащіеся раздѣляются на три отдѣленія, то это самое побудило учителя изъ своихъ же учениковъ образовать себѣ помощниковъ, которые и занимаются съ младшими отдѣленіями, когда самъ учитель занятъ старшими. Ко всему этому остается еще прибавить, что подъ руководствомъ наставника образованъ изъ учениковъ хоръ пѣвчихъ, исполняющій даже очень трудныя духовныя пѣсенъ по нотамъ.

Хотя я и не успѣлъ еще быть въ Сысвинскомъ заводѣ, но по доставленнымъ мнѣ подробнымъ свѣдѣніямъ отъ штатнаго смотрителя, все говоритъ въ пользу Сысвинскаго училища и обязываетъ меня сказать нѣсколько словъ о немъ. Это училище новое; основалось оно благодаря настойчивости и неутомимымъ заботамъ управляющаго этимъ заводомъ Александра Ивановича Семейскаго. Онъ самъ руководилъ занятіями учителей, отчего здѣсь введенъ новый методъ обученія грамотности — звуковой и обращено особенное вниманіе на сознательное усвоеніе всего, что преподается. Чтобы занятія не могли утомительно

дѣйствовать на учениковъ, они разнообразятся пѣніемъ и простѣйшими гимнастическими упражненіями, состоящими въ движеніи головы, ногъ и туловища, дѣлаемыми одновременно и по такту. Училище достаточно снабжено всѣмъ необходимымъ для разумнаго преподаванія: есть картны для нагляднаго обученія, карты, глобусъ, вѣсы и мѣры, а также книги, необходимы какъ для учителя, такъ и для учениковъ. Не смотря на то, что училище существуетъ только одинъ годъ, однако уже въ немъ обучается 97 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ, а главное, изъ числа обучающихся достаточный процентъ раскольниковъ: на столько училище въ этотъ непродолжительный срокъ сумѣло расположить въ свою пользу даже этихъ недобѣрчивыхъ людей. Мало того, основатель училища сумѣлъ обезпечить его на будущее время: онъ пользовался довѣріемъ заводскихъ рабочихъ на стѣйку, что они добровольно согласились давать въ пользу училища по 1 коп. съ заработаннаго рубля, такъ что теперь изъ этихъ копѣекъ и другихъ небольшихъ пожертвованій образовался основной капиталъ училища въ 1.000 рублей, да ежемѣсячно училище можетъ расходовать отъ 80 до 130 рублей. Далеко бы подвинулось дѣло народнаго образованія, если бы каждая мѣстность имѣла такихъ настойчивыхъ людей, столь горячо сочувствующихъ общему благу.

Упомянуты мною училища рѣзко выдѣляются изъ ряда другихъ заводскихъ училищъ. Относительно же этихъ послѣднихъ нужно сказать, что въ нихъ замѣтны тѣ же недостатки въ преподаваніи, о которыхъ я уже сказалъ прежде. Слабѣйшими по усѣбамъ учениковъ оказались: Иргинское и Нижнесергинское. Последнее состояло изъ двухъ классовъ, но я засталъ только одного учителя Михаила Дмина. Законоучителя на лицо не было; онъ, какъ передавали, уѣхалъ съ требамъ въ какую-то деревню. Въ Нижнесергинскомъ заводѣ было отдѣльное училище для дѣвицъ, но такъ какъ содержанія на него не было отпускаемо, то преподавательница и преподаватель отказались безвозвратно исполнять свои обязанности.

Въ училище я пришелъ въ 9 часовъ утра, а учителя въ немъ еще не было, да и учениковъ было мало, не смотря на то, что учителю съ вечера было сказано о намѣреніи моемъ осмотрѣть училище утромъ. Изъ закона Божія спрошенныя мною молитвы, обозначенныя въ программѣ, ученики знали не всѣ; значенія многихъ изъ двадцатыхъ праздниковъ не объяснили. Во II-мъ даже классѣ не могли разказать о воскресеніи Лазаря и не знали, въ память чего установленъ у насъ великій постъ. Читали въ I-мъ классѣ по книгѣ для чтенія Пауль-

сона не бойко, не умѣя останавливаться на знавать препинашя, тѣмъ болѣе не могли разказать съ толкомъ прочитаннаго; не могли при чтеніи объяснить, на примѣръ, выраженія: „томный жаждей“, не сумѣли опредѣлить, что такое „котелокъ“. То же встрѣчалось при рѣшеніи вопросовъ, касающихся до другихъ предметовъ. По отзывамъ волостнаго старшины и другихъ членовъ общества, настоящій учитель не пользуется хорошею репутаціей. Впрочемъ, въ недавнее время онъ прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы.

Третью группу училищъ составляютъ школы, перешедшія нынѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія отъ палаты государственныхъ имуществъ. Не надо много говорить объ этихъ училищахъ, чтобы сдѣлать ихъ характеристику. Въ большей части этихъ училищъ дѣти „сидятъ на азахъ“, и дѣйствительно сидятъ двѣ-три зимы, не умѣя какъ слѣдуетъ прочитать по книгѣ. Здѣсь ведется дѣло преподаванія такъ, какъ велось оно столѣтіе тому назадъ: молитвы, разказы изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, — все „берется на зубокъ“ учениками. Остановишь ученика, который, захлебываясь, проговорить о чемъ-либо цѣлую тираду, попросишь его разказать то же самое своими словами, онъ молчитъ, не понимая вопроса, или опять съ большею скоростію пробормочетъ то же. Другаго спросишь: „объясни, что ты понялъ изъ того, о чемъ проговорилъ твой товарищъ?“ — и спрошенный, поймавъ послѣднее слово изъ отвѣта товарища, подхватитъ это слово и такъ же бойко, какъ по книгѣ, окончатъ начатое. Здѣсь между самими преподавателями встрѣчаешь такого рода убѣжденіе, что если не по славянской азбуцѣ начать учить дѣтей, то они не въ состояніи будутъ и читать по славянски, и приходилось долго убѣждать наставниковъ, доказывая неосновательность такого предположенія. Или нѣкоторые упорно стоятъ за прежній методъ преподаванія, опасаясь, чтобы отцы, узнавъ о новизнѣ въ школѣ, не взяли своихъ дѣтей изъ школы; а бороться съ предрасудками отцовъ они не въ силахъ.

Многіе изъ преподавателей-священниковъ чистосердечно сознаются, что имъ при значительныхъ требахъ, отлучкахъ, совершенно некогда, какъ слѣдуетъ, заняться школою. Они желали бы только преподавать законъ Божій, а обученіе грамотѣ, ариметикѣ передать особому учителю, который бы постоянно находился при школѣ. На дѣлѣ-то такъ и бываетъ; многіе только числятся преподавателями, между тѣмъ какъ ихъ обязанность выполняетъ помощникъ, нанятый за 2, за 3 рубля; настоящій же наставникъ только изрѣдка посѣщаетъ школу, будучи

отриваемъ отъ этого дѣла частыми отлучками. Понятно, какую пользу можетъ принести школа этотъ вольнонаемный педагогъ, пригнѣянъ къ дѣлу тѣ приемы, какіе онъ самъ испытывалъ на себѣ когда-то. Большинство этихъ помощниковъ—изъ малограмотныхъ крестьянъ, или отставныхъ солдатъ, также дьячковъ и псаломщиковъ при церквяхъ. Подобная школа издали еще слышна своимъ гудѣньемъ,—это мальчики повторяютъ свой урокъ. Вы приходите въ школу, они хорошо помнятъ, что надо вскочить при входѣ новаго лица, прочитаютъ молитву, а когда снова опустятся на свои мѣста, опять загудятъ, затвердивъ свой урокъ, такъ что надо бываетъ нѣсколько разъ повторить, чтобы они теперь замолчали. При поверхностномъ даже взглядѣ на дѣтей можно замѣтить, какъ мало обращено вниманія на ихъ духовное развитіе. Вы видите передъ собою не дѣтей съ кроткимъ, умнымъ взглядомъ, а точно звѣрьковъ, вынужденныхъ изъ норы, съ испуганнымъ, одичалымъ лицомъ. О чистотѣ одежды, хотя и бѣдной, тутъ не можетъ быть и рѣчи; часто видишь передъ собою какихъ-то оборвышей, замаранныхъ, съ включенными волосами, почесывающихся или ковыряющихся передъ вами пальцемъ въ носу. Съ перваго взгляда видно, что передъ вами сырой, необработанный матеріалъ, къ которому не прикасались ни совѣтъ, ни доброе слово, ни ласка. Самое помѣщеніе, обстановка этихъ училищъ, о чемъ я буду говорить потомъ, вполне гармонируютъ виду и вѣншности питомцевъ. Чтобы не повторять одного и того же о каждомъ училищѣ, я приведу для образца два-три факта, и изъ этихъ примѣровъ уже можно будетъ видѣть, какъ ведется дѣло преподаванія въ большей ихъ части.

Возьмемъ Покровское училище Ирбитскаго уѣзда, гдѣ обучается 31 мальчикъ. Были спрошены молитвы. Ученики знали только „Царю небесный“, да „Символъ Вѣры“; не знали ни молитвы ангелу хранителю, ни передъ обѣдомъ, ни другихъ положенныхъ по программѣ. Развязать своими словами о томъ, что заключается въ вытвержденной молитвѣ, никто изъ учениковъ не могъ. Желая узнать, много ли времени учатся мальчики, я спросилъ одного, Ивана Воробьева; онъ отвѣчалъ: „пятью зиму“; я обратился къ другому, Сидору Воробьеву; онъ отвѣчалъ: „третью“. Оба они были изъ разныхъ семей, но прозваніе Воробьевы распространено въ этой деревнѣ. Ни тотъ, ни другой не умѣютъ читать; каждое слово, прежде чѣмъ его произнести, мальчикъ въ полголоса складываетъ, употребляя старинное произношеніе буквъ: „твердо, добро“ и т. д. Понятно, что при такомъ чтеніи не можетъ быть ни бойкости, ни навыка гдѣ слѣдуетъ остано-

ливаться, ни возможности понять прочитанное. Занятія изъ ариметики заключаются въ томъ, что учитель вызываетъ мальчика къ доскѣ и скажетъ: помножь такое-то число на такое, и если спрошенный сдѣлаеть умноженіе механически, пробормотавъ въ добавокъ правила, тѣмъ такое умноженіе, какое число называется множителемъ, множимымъ, какое число получается отъ умноженія, — то и дѣлу конецъ. Того же ученика спросить а: „6 человекъ имѣли по 15 коп., сколько было у всѣхъ?“ Ученикъ не сказалъ.

Въ Мугайскомъ училищѣ Верхотурскаго уѣзда я попросилъ учителя заняться съ учениками, желая знать, какимъ образомъ ведется обученіе. Учитель долго мялся, не зная, какъ начать свои занятія; потомъ, взявъ въ руки книгу, онъ сталъ изъ книги задавать вопросы. Занимались закономъ Божиимъ, урокъ былъ объ Авраамѣ; вопросы по книгѣ слѣдовали одинъ за другимъ въ такомъ видѣ: „...Куда переселился Авраамъ?“ „Чѣмъ Богъ наградилъ Авраама за сіе послушаніе?“ и т. д. На эти вопросы мальчики коряво отвѣчали слово въ слово по книгѣ же. Наконецъ занятія кончились; учитель сложилъ книгу. Я подошелъ къ одному изъ учениковъ, просилъ его передать своими словами то, о чемъ они сейчасъ только отвѣчали. Ни одинъ изъ нихъ ничего не могъ передать, такъ что шуму было много, а дѣла оказалось мало.

По славянски прочитавъ: „Господи воззвавъ къ Тебѣ“, ученики не могли передать своими словами прочитаннаго; даже не понимали слова „возни“. Я спросилъ, не припомнить ли они, какъ діаконъ передъ чтеніемъ Евангелія говоритъ: „вознемъ, премудрость вознемъ“ и т. д., и это дѣти не понимали. О развитіи умственныхъ способностей человѣка при такомъ преподаваніи не можетъ быть и рѣчи.

Были и такіа училища, въ которыхъ по спискамъ считалось до 25-и человекъ учащихся, а когда доводилось быть въ нихъ, то въ какой-нибудь явѣ, гдѣ не было ни классной доски, ни другихъ учебныхъ пособій, находилось два-три мальчика, не умѣвшихъ читать. Подобное я встрѣтилъ въ селѣ Поташи.

Изъ училищъ этого разряда считаю необходимымъ указать на тѣ изъ нихъ, гдѣ дѣло преподаванія ведется болѣе добросовѣстно. Эти немногія училища какъ будто заявляютъ о томъ, что при личномъ желаніи и любви къ дѣлу можно ожидать успѣха вездѣ, гдѣ только чловѣкъ захочетъ приложить свое усиліе и трудъ: 1) Костинское училище Ирбитскаго уѣзда, гдѣ преподавателемъ священникъ отецъ Южаковъ и Степанъ Вишневакій, сынъ священника; 2) Меркушин-

ское училище Верхотурскаго уѣзда, гдѣ преподавателемъ псаломщикъ Н. *Мартиновъ*, и 3) Рождественское, — преподаватель священникъ *Іоанна Будримъ*.

Навонецъ, остается перейти къ послѣдней группѣ училищъ, носящихъ названіе безмездныхъ школъ грамотности. Если возмездныя училища, только-что мною описанныя, находятся въ такомъ незавидномъ состояніи, то понятно, чего можно ожидать отъ безмездныхъ школъ грамотности.

Желая взглянуть на эти школы грамотности, я нарочно заѣзжалъ въ Шмаковское село, гдѣ таковая находится. Дѣло было утромъ; священникъ, завѣдывающій этою школою, былъ въ церкви. По окончаніи обѣдни, я съ нимъ видѣлся, при чемъ высказалъ свое желаніе взглянуть на школу. Священникъ прямо задвилъ мнѣ, что смотрѣть нечего, что школа безмездная, и онъ еще прилачиваетъ своему помощнику 3 руб. въ мѣсяцъ, такъ какъ ему самому, по причинѣ исполненія требъ, не всегда бываетъ свободное время. Ученики, по его словамъ, мало знаютъ, слѣдовательно, нечего ихъ напрасно и собирать. Я замѣтилъ священнику, что мнѣ придется съ такимъ убѣжденіемъ и уѣхать. Отвѣтомъ было: „да“. Оставалось одно — отправиться далѣе. Я проѣхалъ въ Иленскую школу. Утромъ, 3-го февраля, я пошелъ въ домъ, гдѣ помѣщается школа, но дверь была на замкѣ. Оказалось, что занятій въ этотъ день не было по случаю праздника „Анны пророчицы“. Этою школою завѣдывалъ священникъ при двухъ помощникахъ; школа содержалась на средства общества. Я попросилъ и на этотъ разъ собрать учениковъ, но учитель отговаривался невозможностію во время праздника собрать ихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые приходятъ изъ ближайшихъ деревень. Я готовъ былъ ограничиться хотя бы тѣми, которые живутъ въ селѣ, но и на этотъ разъ мнѣ предложили любезно заѣхать лучше на обратномъ пути.

Кромѣ этихъ безмездныхъ школъ грамотности были посѣщены мною еще: Коргинская и Гаевская.

Въ Коргинской школѣ было 2 учителя: законоучитель Аркадій Ареьевъ и губернской секретарь Павликъ Парышевъ (не такъ давно преподававшій). Объ этой школѣ грамотности, такъ же какъ и о другой, можно сказать, что дѣло преподаванія въ нихъ находится въ плохомъ положеніи. Учатся здѣсь по старинкѣ: „азъ, буки“ и т. д.; читаютъ чуть не по складамъ, передавать своими словами прочитаннаго не могутъ, слѣдовательно, ученики усваиваютъ только механически

чтенія; молитвы и нѣкоторыя событія изъ священной исторіи заучены ими наизусть — и только.

Но изъ этихъ школъ заслуживаетъ одна, чтобы на ней подолѣе остановиться. Въ Бынговскомъ заводѣ, закрытомъ съ 1869 года, находится школа грамотности, не отличающаяся большою численностію учениковъ (14 мальчиковъ и 4 дѣвочки), за то заслуживающая вниманія по тѣмъ успѣхамъ ихъ, какіе я нашелъ при осмотрѣ этого училища. Нужно замѣтить, что условія, въ какихъ находится эта школа, самыя неблагопріятныя. Укажу на главныя изъ нихъ, и 1) на крайнюю бѣдность большей части православныхъ Бынговскихъ поселенъ зависящую отъ недостатка работъ на заводѣ, упадка ремесель и безземельности. Бѣдность до того значительна въ нѣкоторыхъ семействахъ, что дѣти цѣлую зиму, по недостатку одежды, валяются на полатахъ или на печи, а также выпрашиваютъ милостыню, ходя по міру. 2) Недостатокъ работъ на мѣстѣ, по закрытіи завода, заставляетъ многія семьи уходить на далекіе заработки за 100 и 400 верстъ, напримѣръ, въ Верхотурскій и Челябинскій округа; туда же идутъ и дѣти и лишаются самаго первоначальнаго школьнаго ученія. При дальнихъ перекочевкахъ прививается къ дѣтямъ безнравственность, растлѣвающая ихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. 3) Обученіе дѣтей раскольниковъ находится въ рукахъ такъ-называемыхъ *мастеровъ* и *мастерицъ*; такіе учителя и учительницы, частію по грубому невѣжеству и фанатизму, а частію изъ своихъ выгодъ, стараются возбудить и поселить недовѣріе къ школѣ, особенно когда замѣляютъ въ ней обученіе чтенію по гражданской печати и при помощи подвижныхъ буквъ. Обучившійся грамотѣ въ школѣ никакъ не можетъ выказать своего превосходства, благодаря невѣжественной средѣ, привыкнувшей къ извѣстнымъ приемамъ чтенія, особой интонаціи и переливаньямъ голоса чтецовъ, приобрѣвшихъ эти тонкости отъ мастеровъ и мастерицъ. Эти послѣдніе обращаютъ только вниманіе на скорѣйшую выучку псалтыря и каноновъ, что даетъ ихъ ученику тотчасъ же возможность съ помощію такой не мудрой науки зарабатывать себѣ копѣйку, читая каноны на могилахъ и псалтырь по покойникамъ. Такіе маленькіе грамотѣи, какъ передавалъ мнѣ священникъ, стоя у могилъ съ писанными канониками въ виду большой толпы народа, въ глазахъ печальныхъ родственниковъ, являются угѣшителями и богомольцами, достойными уваженія и хорошей мзды. 4) Даже и остальное населеніе, исключая раскольниковъ, слишкомъ равнодушно относится къ школѣ, вслѣдствіе непониманія истинной пользы

ученія, а быть-можетъ, и того взгляда на школу, который перешелъ отъ раскольниковъ, такъ что учителю приводится много употребить убѣждений, просьбъ, чтобы побудить родителей отдавать своихъ дѣтей въ школу, а потомъ надо много умѣнья удерживать ихъ въ школѣ. Отъ личной охоты ученика зависитъ ходить въ школу или нѣтъ; родители, съ своей стороны, не принимаютъ совершенно никакихъ мѣръ, чтобы побудить мальчиковъ къ исправному посѣщенію школы.

Не смотря на всѣ эти неблагоприятныя условія, въ Бингемской школѣ преподаваніе идетъ очень хорошо. Мальчики знаютъ молитвы, два-надесятые праздники, разказывали событія изъ библейской исторіи, и все это передавалось сознательно. Мальчики бойко читаютъ гражданскую печать и передаютъ своими словами прочитанное. Меня удивило даже, когда я между толстыми книгами на славянскомъ языкѣ замѣтилъ тоненькую (какое-то путешествіе). Я развернулъ книгу, открылась та страница, гдѣ описывался слонъ. Я велѣлъ прочитать мальчику; онъ не только прочиталъ, но и сумѣлъ понятно разказывать прочитанное. Нѣкоторые читали по славянски съ переводомъ на русскій языкъ. У особаго стола сидѣли мальчики и дѣвочки, начинающіе только читать; передъ ними лежала куча наклеенныхъ на картонъ буквъ. Когда я, взявъ изъ кучи одну гласную букву, показывалъ дѣтямъ, они тотчасъ же произносили соответствующій звукъ; потомъ бралась согласная буква и дѣлалось то же. Далѣе, положили вмѣстѣ эти буквы, согласную по лѣвую сторону гласной, дѣти и это выговаривали. Я перемѣнялъ мѣста буквъ, прибавлялъ новыя, произносилъ громко и ясно цѣлыя слова, заставляя дѣтей составлять ихъ изъ буквъ, все это составлялось учениками бойко, и, какъ видно, доставляло имъ не малое удовольствіе. Такихъ результатовъ учитель достигъ съ помощію звуковаго метода, употребляемаго имъ при обученіи грамотности. Умственные задачи дѣти рѣшали скоро.

Принимая во вниманіе тѣ препятствія, съ которыми долженъ былъ бороться учитель, для привлеченія учениковъ въ школу, а потомъ при обученіи дѣтей по новымъ методамъ, ясно видно, сколько трудовъ и усилій стоило наставнику достигнуть тѣхъ результатовъ, какіе показало дѣло.

Перехожу теперь къ *учебнымъ пособиямъ* при училищакъ.

Всѣ училища имѣютъ кой-какія учебныя пособія, разумеется, одни изъ нихъ болѣе снабжены, другія менѣе.

Городскія и нѣкоторыя изъ заводскихъ училищъ имѣютъ болѣе учебныхъ пособій и книгъ, необходимыхъ для чтенія самого учителя;

остальныя же училища, какъ то: бывшія въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ и школы грамотности на этотъ счетъ мало обеспечены. Къ тому же книги, находящіяся въ училищахъ, собраны безъ всякой системы, попадались въ училища въ разное время, при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, а потому многія изъ нихъ представляютъ такой хламъ, который не можетъ приносить совершенно никакой пользы учащимся.

Въ Ницинскомъ училищѣ я замѣтилъ, что всѣ почти ученики читаютъ по „Начаткамъ“. Я просилъ наставника дать ученикамъ какую-либо книгу для легкаго чтенія. Ни „Роднаго Слова“ Ушинскаго, ни „Первой учебной книжки“ Паульсона въ школѣ не оказалось. Наставникъ, здѣшній священникъ, сталъ рыться въ шкапчикѣ, потомъ обратился ко мнѣ, сказавъ: „ученики читаютъ книги по возрасту“. Я просилъ дать таковую. Тогда онъ вынулъ: „Сельскій домашній лечебникъ или врачебныя наставленія для государственныхъ крестьянъ“, 1846 года.

Вообще, сколько приходилось замѣтить, на этотъ предметъ мало обращалось вниманія, такъ что правильно устроенныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при училищахъ почти нигдѣ нѣтъ. Если какое изъ училищъ и болѣе снабжено книгами, то этимъ оно было обязано какому-либо случаю: или давалъ особья для того средства попечитель училища, или онѣ прибрѣтаемы были особенными стараніями и заботами болѣе понимающихъ учителей, или въ эти училища попадались книги, по временамъ посылаемыя отъ министерства народнаго просвѣщенія. Осматривая библіотеки училищъ, видишь, что въ нихъ не было введено строгаго порядка. Нѣтъ правильно веденныхъ записей приѣма и расходванія книгъ, столь необходимыхъ при передачѣ библіотекъ отъ одного учителя къ другому, а также при повѣркѣ библіотекъ. Для каждаго почти училища есть особья, хотя и небольшія, суммы на покупку книгъ, но правильнаго расходванія этихъ суммъ по училищамъ не встрѣтишь. Особенно этимъ безпорядкомъ отличаются сельскія училища. Въ каждомъ изъ нихъ почти найдешь красненькій шкапчикъ, гдѣ хранится небогатая библіотечка училища. Вотъ въ такихъ-то маленькихъ шкапчикахъ какъ бы не быть порядку, а на дѣлѣ его рѣдко встрѣчаешь. Часто видишь въ такихъ шкапчикахъ наваленныя кучей книги, между которыми встрѣтишь и разбитыя до крайности учебники, и не разрѣзанныя книги, могущія удовлетворять необходимымъ потребностямъ чтенія. Удавалось встрѣчать такія книги не разрѣзанными, какъ „Земля, расте-

ніе и человекъ“ Бекетова, или „Руководство къ ариметикѣ по Грубе“ Паульсона.

Книги въ училищныхъ библіотекахъ много терпятъ отъ того, что онѣ безъ переплета, отчего изнашиваются въ нѣсколько разъ скорѣе, чѣмъ переплетенныя, а въ селахъ не всегда можно встрѣтить переплетчика, когда надо. Этимъ искусствомъ по большей части занимаются здѣсь странствующие Евреи, развѣзжающіе по губерніи; но такія посѣщенія бывають въ годъ разъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того рѣже. Хорошо бы было познакомить съ переплетнымъ мастерствомъ лицъ, выходящихъ изъ педагогическихъ курсовъ, и вообще поступающихъ учителями въ народныя школы. Небольшая плата на необходимыя для того принадлежности вполнѣ бы окупалась количествомъ сбереженныхъ книгъ. Или надо было бы непременно посылать переплетенныя книги, и хотя за нѣсколько болшую цѣну, тѣмъ болѣе, что частая выписка нѣкоторыхъ изъ книгъ не дешево и стоитъ.

Если въ такомъ незавидномъ положеніи находятся библіотеки при училищахъ, то съ другой стороны, въ нихъ вовсе нѣтъ предметовъ для нагляднаго обученія, каковыми могутъ быть: картины, мѣры длины, вѣса, деревянные кубики, употребляемые при первыхъ урокахъ ариметики, и т. п. Я помню, какъ въ Красноуфимскомъ приходскомъ двухклассномъ училищѣ, во второмъ его классѣ, гдѣ сообщались главнѣйшія свѣдѣнія по географіи, учитель, за неимѣніемъ глобуса, желая преподаваніе свое сдѣлать сколько возможно нагляднымъ, объясняя видъ земли, употреблялъ вмѣсто глобуса деревянный шаръ, который, вѣроятно, когда-то служилъ украшеніемъ для воротъ какой-нибудь рѣшетки.

Остается сказать о самомъ *помѣщеніи* осмотрѣнныхъ мною училищъ. Изъ городскихъ приходскихъ училищъ болшая часть не имѣетъ собственныхъ домовъ, но нанимають квартиры, что иногда можетъ представлять не малое затрудненіе при отысканіи удобнаго помѣщенія, удовлетворяющаго всѣмъ необходимымъ условіямъ, требуемымъ отъ подобнаго рода зданій. Это затрудненіе испытываетъ вновь открытое 3-е приходское училище въ городѣ Перми, которое временно, при маломъ еще числѣ учениковъ, помѣщается въ неудобной квартирѣ. Къ тому же отдающіе свои дома подъ училища, по контрактамъ на нѣсколько лѣтъ, и притомъ за хорошую плату, не особенно заботятся производить ежегодно поправки дома, отчего всѣ эти зданія не отличаются благообразіемъ и чистотою: въ нихъ можно видѣть и почернѣвшія стѣны, и обитыя печи, и оборванные обои.

Большая часть заводскихъ училищъ, посѣщенныхъ мною до настоящаго времени, имѣють удобныя помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ заводахъ, напримѣръ, Нижне-Сергинскомъ, Тагильскомъ, Нижне-Салдинскомъ—особые большіе дома предназначены подъ училища. Но и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, не обращается вниманія на ежегодную ремонтровку зданій, отчего въ нихъ и нѣтъ необходимой чистоты, да и въ зимнюю пору они холодны. Заводы Юго-Кнадорскій и Иргинскій, находящіеся въ казенномъ управленіи, ходатайствуютъ нынѣ о принятіи училищныхъ зданій и учебныхъ пособій въ распоряженіе земства, согласно указу Уральскаго горнаго правленія отъ 8-го мая 1865 г. за № 579.

Изъ зданій, отличающихся плохимъ видомъ, можно указать помѣщеніе училищъ въ Нейво-Шайтанскомъ заводѣ. Этотъ домъ еще не перешелъ въ собственность училища, хотя мировой посредникъ объ этомъ заботится. Зданіе вовсе не поправляется, отчего и приходитъ въ разрушеніе. Нѣтъ около дома ни забора, ни воротъ, вездѣ все обваливается и ладаеть.

Училища, перешедшія отъ палаты государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, тоже не имѣють собственно имъ принадлежащихъ домовъ, а помѣщаются въ домахъ священниковъ, занимая какую-нибудь одну небольшую комнату, вовсе не приспособленную для училища; въ иныхъ мѣстахъ училище помѣщается на квартирѣ въ какой-нибудь крестьянской избѣ. Всѣ подобныя зданія грязны, холодны и малы для того числа учениковъ, которос они должны вмѣщать. Такъ, въ Байкаловскомъ училищѣ, которое занимаетъ особую избу на дворѣ священника, всѣхъ учениковъ 64 человекъ (при мнѣ ихъ было только 32), и всѣ они должны помѣщаться въ избѣ, имѣющей 10 шаговъ длины и нѣсколько менѣе ширины, выключая изъ этого пространства большую русскую печь. Изба была натоплена жарко, а къ тому же въ ней было за 30 человекъ; пробыть въ ней долго не было никакой возможности. Она была низка, съ голыми, не бѣленными разщелившимися стѣнами, гдѣ размѣщены были картины Шнора, представляющія событія изъ библейской исторіи. Въ одномъ углу стоялъ красненькій шкапчикъ, встрѣчаемый въ большей части училищъ; столовъ всего было четыре, за которыми и теперь тѣсно умѣщались 32 ученика. Когда я спросилъ священника, какъ же помѣщаются на такомъ пространствѣ и за 4-мя столами всѣ 64 ученика, мнѣ сказали, что нѣкоторые стоятъ, а то еще примачиваютъ доски. И такихъ малодобныхъ помѣщеній большинство. Возьму

для примѣра еще одно. Въ Кленовское училище я пришелъ въ 10-мъ часу, учителя еще не было. Пользуясь его отсутствіемъ, я обратилъ вниманіе на удобства помѣщенія училища. Изба была длиною 12 шаговъ, шириною 8, въ одномъ углу ея помѣщалась русская печь, на которой во время моего прихода, на обрубокѣ дерева, сидѣла маленькая, худенькая старуха за прялкой, надзирающая изъ своего теплаго помѣщенія за гудящею толпою. Послѣ я узналъ, что это была жена сторожа. На печи же валялась постель старухи если только можно назвать этимъ именемъ вучу какихъ-то лохмотьевъ. Изъ-за трубы выглядывали концы нащепанной лучины; за доской, опирающеюся на бѣлый безъ дверокъ шкафчикъ, находилась домашняя утварь: два-три горшечка, нѣсколько чайныхъ чашекъ, чайникъ и деревянные ложки. Стѣны избы когда-то были побѣлены, но отъ дыма приняли пожелтѣвшій видъ. Въ одномъ мѣстѣ стѣны въ щель были воткнуты лучины, на которыхъ помѣщались линейки, употребляемыя для графленія; въ другомъ мѣстѣ стѣны торчалъ желѣзный, согнутый спиралью, подсвѣчникъ. Не крашеные грязные столы были перепачканы чернилами. Дверь открывалась прямо на улицу, и когда входили въ нее, въ избу врывался клубами холодный воздухъ. Отъ сырости и намерзлаго льду, въ зимнее время, дверь не притворялась плотно, отчего въ эти скважины несло холодомъ точно также, какъ и съ полу.

Изъ школы учащіеся должны бы брать примѣры для всѣхъ случаевъ жизни, а слѣдовательно, и примѣры опрятности и чистоты; но школы, подобныя только-что описанной, нисколько не отличаются отъ той грязной, дымной, тѣсной избы, съ которою такъ сжились крестьянскія дѣти и которымъ даже не дано возможности видѣть что-либо лучшее въ школѣ. Школа, какъ и церковь, должна самою внѣшностью поселать пріятное, благоговѣнное чувство. Не мудрено, что дѣти не чувствуютъ никакого леченія къ школѣ, да и при томъ положеніи, въ какомъ многія изъ нихъ находятся, что же можетъ ихъ привлекать туда?

И еще можно было бы представить десятки примѣровъ такихъ школъ, гдѣ встрѣчаются печи съ торчащими обитыми кирпичами, грязныя, пожелтѣвшія стѣны, задымленные потолки, еще болѣе грязныя полы, съ щелями, откуда несетъ холодомъ, разбитыя и заклеенныя бумагой стекла; но, я думаю, и представленныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ той неблагоприятной внѣшности нашихъ школъ, которая должна непремѣнно поражать всякаго новаго чело-вѣка.

Переходимъ затѣмъ къ замѣчаніямъ относительно *обученія и мнѣній учителей.*

Главный недостатокъ нашего школьнаго обученія, замѣчаемый въ большей или меньшей степени во всѣхъ почти начальныхъ училищахъ, есть тотъ, что ученьемъ не стараются развить душевныхъ способностей учениковъ, но стремятся только научить ихъ читать и писать. Не достигая и этой послѣдней цѣли, учителя большую часть своей вины силятся свалить на учащихся, выставляя на видъ нехождение въ школу, какъ главную причину неуспѣха; а нѣкоторые предлагаютъ, какъ единственное средство избавиться отъ этого, обязательное ученіе; между тѣмъ сами же оправдываютъ такое нехождение, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бѣдностію. Я же думаю, что недостатокъ нехождения отчасти поправимъ съ помощью тѣхъ же учителей, еслибы они съ должнымъ усердіемъ и охотою добросовѣстно занялись дѣломъ обученія. Доказательства тому мы видимъ и на самомъ дѣлѣ: у старательныхъ, преданныхъ своему дѣлу учителей, встрѣчаешь и менѣ жалобъ на нехождение, исключая уже крайнихъ случаевъ, каковы бѣдность, обнаруживающаяся въ недостаткѣ зимняго платья, и нездоровье; гдѣ же учитель мало обращаетъ самъ вниманія на школу, тамъ и жалобъ на нехождение больше. Иногда, спрашивая отцовъ, отчего они удерживаютъ дѣтей дома, получаешь такой отвѣтъ: да учитель самъ часто не приходитъ въ школу, а собравшія въ нее дѣти только балуются. Это же убѣждаетъ насъ въ необходимости имѣть для школы подготовленныхъ, исключительно занятыхъ ею учителей, а таковыхъ очень мало въ Пермской губерніи.

Педагогическіе курсы при Пермскомъ уѣздномъ училищѣ даютъ ежегодно небольшой контингентъ подготовленныхъ учителей; въ остальныхъ же училищахъ занимаются или окончившіе курсъ въ семинаріи, или приходскіе священники. На окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ не всегда можно разчитывать: дѣльные изъ нихъ, прослуживъ годъ, много два, получаютъ священническія мѣста, а учительское мѣсто снова остается свободнымъ, куда можетъ поступить новичекъ, не вполне знакомый съ преподаваніемъ. Къ Пермской губерніи, нуждающейся въ священникахъ, не примѣняется вполнѣ то правило, что кончившій курсъ въ семинаріи не ранѣе 30 лѣтъ можетъ быть рукоположенъ въ священники.

Священники не могутъ безъ упущенія исполнять обязанности учителя, будучи отрываемы отъ преподаванія своими главными обязанностями, о чемъ мнѣ не разъ доводилось слышать отъ самихъ свя-

щенниковъ. Тѣ изъ нихъ, которые вполне желаютъ успѣха народному образованію, постоянно обращаются съ просьбою прислать особаго учителя въ школу, оставивъ за ними только преподаваніе закона Божія. У другихъ же, не столь чистосердечныхъ, желающихъ за собою удержать жалованье учителя, да и квартирные деньги за помещеніе училища въ своемъ домѣ, мы видимъ, что школьное дѣло ведется плохо, при помощи подставныхъ, малограмотныхъ людей, отчего результатъ бываетъ самый печальный: мальчикъ, просидѣвшій въ школѣ зими 4, едва умѣетъ разбирать книгу, а о передачѣ прочитаннаго нечего и думать.

Такое веденіе дѣла народнаго образованія вмѣсто пользы приноситъ вредъ: крестьяне съ предубѣжденіемъ начинаютъ смотрѣть на грамотность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не дошли до того убѣжденія, что всякое и хорошее дѣло могутъ испортить худые исполнители; гдѣ же общества поняли, въ чемъ дѣло, тамъ высказываютъ желаніе имѣть особаго учителя. Часто крестьяне сами обращаются съ жалобой, что съ дѣтьми ихъ въ школѣ не занимаются, отчего они только тамъ балуются, а потому лучше ихъ оставлять дома, по крайности обувь будетъ цѣла.

Гдѣ же взять подготовленныхъ учителей? Такъ какъ восполнить этотъ недостатокъ можетъ учительская семинарія, на открытіе которой едва-ли можно вскорѣ разчитывать, то и надо болѣе обратить вниманія на то, что можно сдѣлать по этому предмету при настоящихъ условіяхъ.

Изъ заведеній, предназначенныхъ исключительно для подготовленія народныхъ учителей, есть въ Перми педагогическіе курсы при уѣздномъ училищѣ. Но нынѣшній выпускъ состоялъ только изъ 5 человекъ, всего же въ 2-хъ курсахъ было только 10 человекъ, хотя стипендій полагается на 30 человекъ. Нынѣ будутъ приняты мѣры для увеличенія этого числа лицъ, готовящихся въ учителя.

Далѣе, необходимо немедленно обратить вниманіе на настоящій личный составъ преподавателей и принять надлежащіе мѣры. Въ тѣ училища, гдѣ священники по обширности своего прихода никакъ не могутъ исполнять съ успѣхомъ должности учителя, необходимо послать особаго учителя, хотя изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи. При желаніи имѣть хорошихъ учителей, надо позаботиться и объ ихъ матеріальномъ обеспеченіи, а потому въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жалованье учителя не доходитъ и до 200 руб., необходимо постараться увеличить его, предложивъ земству обратить на этотъ предметъ вниманіе.

Такъ какъ нѣкоторымъ изъ учителей приходится служить въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ трудно бываетъ найти себѣ подходящій кругъ знакомства, отчего у человѣка, заброшеннаго въ такую глушь, можетъ явиться скука, апатія, бездѣтельность, то чтобы помочь такому человѣку, необходимо снабдить его книгами, которыя будили бы его умственныя силы, давали бы учителю возможность въ этой безмолвной бесѣдѣ находить удовольствіе, что можетъ спасти его отъ скуки и отъ лѣни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, и отъ другихъ какихъ-либо крайностей. А въ большей части училищъ вовсе нѣтъ книгъ для чтенія учителя, откуда бы онъ самъ могъ черпать силы и матеріалъ для своей дѣятельности. Поэтому я считаю снабженіе училища дѣльными, хорошими книгами однимъ изъ существенныхъ средствъ, способствующихъ хорошему веденію самаго преподаванія.

Какъ выше было замѣчено, въ училищахъ мнѣ часто приходилось встрѣчать различныя руководства, которыхъ придерживаются преподаватели, начиная съ простаго букваря, цѣною въ 3 коп., руководства Золотова, Главинскаго, и оканчивая Ушинскимъ. Здѣсь можно видѣть всѣ степени обученія грамотности, начиная съ „азъ“ да „буки“, и оканчивая „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго. Къ тому же, учитель, припавши одно изъ вышеупомянутыхъ руководствъ, не держится исключительно его, а иногда заимствуетъ что-либо, по его понятіямъ, пригодное изъ другаго руководства, прибавляя въ то же время нѣсколько своего матеріала изъ собственной практики, такъ что, слушая преподаваніе, трудно иногда бываетъ понять, какого метода придерживается исключительно учитель. Такое разнообразіе приемовъ, методовъ, иногда не вполне понятыхъ и не примѣненныхъ какъ слѣдуетъ на практикѣ, не можетъ не имѣть вліянія на успѣхъ преподаванія. Иногда приходится переводить учителя изъ одного училища въ другое, гдѣ совсѣмъ не такъ преподавалось, какъ будетъ преподавать вновь прибывшій, отчего происходитъ новая ломка въ школѣ, новая возня съ учениками, новыя жалобы на учителя. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ недостатковъ, необходимо принять, послѣ должнаго обсужденія, одинъ изъ болѣе пригодныхъ звуковыхъ методовъ, при которомъ съ наибольшимъ успѣхомъ можно достигать разумнаго обученія грамотности и развитія душевныхъ способностей. Но для всего этого необходимо, чтобы учителя сошлись между собою, пообсудили и пришли къ какому-либо заключенію; а малоопытные изъ нихъ и поучились бы подъ руководствомъ болѣе свѣдущихъ и болѣе опытныхъ. Этого можно достигнуть на учительскихъ сѣздахъ. На первый разъ такой сѣздъ

можетъ быть назначенъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ и пособій можно встрѣтить болѣе и скорѣе найдутся лица, хорошо знакомыя съ новыми приемами и методами обученія. А потому удобными пунктами для такихъ сѣздовъ могутъ быть уѣздные города. Предварительно надо будетъ позаботиться снабдить приходскія училища въ уѣздныхъ городахъ всякими пособиями для успѣшнаго веденія учебнаго дѣла. На сѣздѣ же опытные преподаватели, хорошо знакомые съ своимъ дѣломъ, могутъ дать нѣсколько образцовыхъ уроковъ, выяснивъ тѣ недостатки, которые мѣшаютъ успѣшному ходу преподаванія, и по возможности указавъ на средства устранить эти препятствія. Руководить сѣздомъ въ губернскомъ городѣ могъ бы инспекторъ народныхъ училищъ.

Если осуществятся учительскіе сѣзды, то надо будетъ позаботиться найти источникъ для путевыхъ издержекъ учителей. При ограниченномъ окладѣ жалованья народнаго учителя немисливо, чтобъ издержки на переѣздъ до города, гдѣ будетъ сѣздъ, падали на учителей; а потому, вѣроятно, эти издержки приметъ на себя земство.

Повѣрить, на сколько каждый изъ бывшихъ на сѣздѣ примѣнено на дѣлѣ все то, что выработано было на немъ, могутъ какъ инспекторъ, смотрители, такъ и члены отъ земства въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ. Понятно, что много бы пользы могли принести начальнымъ училищамъ подобныя объѣзды, если бы они производились не для одной только формальности, но когда бы при такихъ сѣздахъ авались практическіе совѣты, наставленія учителямъ, сообщались тѣ приемы, при которыхъ въ меньшій періодъ времени можно было бы надѣяться получить большіе результаты. И дѣйствительно, при объѣздѣ училищъ доводится въ нѣкоторыхъ изъ нихъ самому заниматься съ дѣтьми, чтобы собственнымъ примѣромъ показать учителю, какъ олно вести преподаваніе. Но по цѣлой губерніи взять на себя подобный трудъ, исполняя его изо дня въ день большую часть года, подвергая себя всѣмъ трудностямъ дороги, дѣло не исполнимое. Совсѣмъ иные бы результаты получились, если бы въ каждомъ уѣздѣ раздѣлялъ подобный трудъ смотритель, которому на меньшемъ пространствѣ гораздо легче выволнить такую задачу, чѣмъ одному по цѣлой губерніи; а если бы еще къ этому же прибавить труды и усилія по каждому уѣзду двухъ членовъ отъ земства, тогда, пожалуй, общими силами этотъ вопросъ могъ бы подвинуться далеко впередъ. Но можно ли разчитывать на такое дружное веденіе дѣла?

Смотрители и до сихъ поръ объѣзжали училища, подавали вѣдомости, но дѣло начальнаго образованія, какъ видно, мало подвину-

лось впередъ. Для того, чтобы объѣхать съ пользою, положимъ, хотя начальныя училища одного уѣзда, надо самому хорошо быть знакому съ методами начального обученія, умѣть, гдѣ слѣдуетъ, указать недостатки, показать путь избавиться ихъ, а для этого надо много имѣть свободнаго времени, а еще болѣе доброй воли и любви въ дѣлу.

Будь раздѣлена Пермская губернія на двѣ инспекціи, тогда, мнѣ кажется, гораздо бы лучше передать и уѣздныя училища въ вѣдѣніе инспектора, но за то увеличивъ разѣздныя смотрителямъ, хотя на счетъ земства, въ то же время подчинить ихъ вполнѣ инспекторамъ народныхъ училищъ, которымъ бы они давали постоянные отчеты въ своихъ осмотрахъ училищъ. Тогда бы и смотрители, разчитывая, что ихъ дѣятельность можетъ быть повѣрена, серіознѣе бы обратили свое вниманіе на положеніе начальныхъ училищъ. Штатные смотрители были бы непосредственными помощниками инспектора народныхъ училищъ въ дѣлѣ народнаго образованія, тогда какъ теперь ихъ двойственное подчиненіе, отчасти инспектору по народнымъ училищамъ, а главнымъ образомъ директору по уѣздному училищу, представляеть много невыгодъ. Какъ члены отъ министерства народнаго просвѣщенія въ училищныхъ совѣтахъ, штатные смотрители должны находиться въ близкихъ отношеніяхъ къ инспектору народныхъ училищъ, какъ члену отъ того же министерства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ.

Необходимость снабженія училищъ научными пособиями уже высказана была въ проектѣ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, а потому объ этомъ предметѣ говорить много нечего. Надо только ждать, чтобы и земство удѣлило средства для покупки необходимыхъ книгъ какъ для учителей, такъ и для учениковъ. Да еще надо обратить вниманіе на правильное веденіе библиотечнаго дѣла. Необходимо завести при каждомъ училищѣ особыя книги, куда бы вносились получаемыя училищемъ книги, а также показывалось и ихъ расходowanіе. Теперь же нѣтъ такихъ записныхъ книгъ и нѣтъ правильной передачи учебныхъ пособій отъ одного учителя другому.

Третья сторона, находящаяся въ незавидномъ состояннн, это недостатокъ удобныхъ помѣщеній для училищъ, а также недостатокъ, происходящій отъ несоблюденія нѣкоторыхъ гигиеническихъ условій въ этихъ помѣщеніяхъ, какъ то: 1) недостатокъ чистаго воздуха, что зависитъ отъ несоразмѣрности классной комнаты съ численностію учащихся; 2) ветхость половъ, рамъ и самихъ печей, отчего въ училищахъ бываетъ холодно; 3) недостатокъ чистоты и опрятности, что

можетъ быть дурнымъ примѣромъ для учениковъ; 4) дурное устройство столовъ и скамей, а также и освѣщенія комнаты, что можетъ имѣть пагубное вліяніе на здоровье учениковъ.

Всѣ подобныя недостатки школъ, по возможности, могли бы быть устранены въ каждомъ уѣздѣ лицами, выбранными отъ земства, на обязанности которыхъ лежитъ объѣздъ и осмотръ училищъ. Въ этомъ отношеніи всего болѣе страдаютъ училища, содержимыя на четырехкопѣечный сборъ съ крестьянъ, который, съ введеніемъ земскихъ учреждений въ губерніи, долженъ прекратиться, и земство въ свою очередь должно поддержать эти школы, изыскавъ въ тому средства. Приятно надѣяться, что выборныя лица отъ земства, находящіяся въ числѣ лицъ, составляющихъ училищный совѣтъ, усердно займутся устройствомъ школъ ихъ уѣзда, но съ другой стороны, закрадывается сомнѣніе, будетъ ли какая-нибудь возможность этимъ лицамъ, за своими главными обязанностями и занятіями, дающими имъ матеріальное обезпеченіе, удѣлять еще время на осмотръ училищъ. Да кромѣ того, на столько ли свѣдуши и подготовлены эти лица, чтобы вліять на самое улучшеніе преподаванія и всего строя училищной обстановки, сообразно современнымъ потребностямъ? Будемъ ожидать, что покажетъ сама дѣйствительность.

Не мало пользы могли бы принести хорошему устройству школъ почетныя попечители, выбираемые изъ мѣстныхъ обывателей. Отраднo бы было видѣть въ подобныхъ лицахъ безкорыстное служеніе такому дѣлу, какъ народное образованіе; но дѣйствительность говорить не то: были случаи, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызывались лица принять на себя званіе попечителей, но какъ только узнавали, что съ этою обязанностию не соединено никакихъ особенныхъ преимуществъ, хотя бы, напримѣръ, ношеніе мундира, тотчасъ же брали назадъ свое согласіе. А вѣдь такія лица, будучи во главѣ общества, могли бы принести и матеріальную пользу училищу, а также своими совѣтами и внушеніями, при постоянныхъ сношеніяхъ съ отцами семействъ, могли бы постоянно устранять такіе недостатки, какъ нехожденіе въ классъ, поступленіе въ школу не съ начала года, да и самыя преподаватели исполняли бы свое дѣло усерднѣе, видя постоянное наблюденіе за собою. Поэтому думаю, что въ настоящую пору, когда еще не устроено дѣло народнаго образованія, когда сама грамотность и здравыя понятія въ этой средѣ еще роскошь, не бесполезно было бы дать какія-либо права и преимущества лицамъ, взявшимъ на себя обязанность попечителей училищъ.

II. Статистическое обозрѣніе школъ Пермской губерніи.

А. Въ Перми.

1) *Пермское 1-е* приходское училище, одноклассное, съ женскимъ при немъ отдѣленіемъ, основано въ 1809 году. Помѣщается въ собственномъ домѣ, требующемъ нынѣ поправокъ. Содержаніе получаетъ отъ мѣстнаго общества въ количествѣ 941 руб.; изъ нихъ 100 руб. отчисляется на женское отдѣленіе. Учителей два: законоучитель, священникъ Поздняковъ и состоящій въ XIV-мъ классѣ учитель Черепановъ, обучающій чтенію, письму и ариметикѣ. Учениковъ 87. Женское отдѣленіе состоитъ изъ одного класса, помѣщается въ особой комнатѣ; въ немъ учителей два: коллежскій регистраторъ Оранскій, обучающій чтенію, письму и ариметикѣ, и законоучитель тотъ же. Надзирательница за двѣицами Аполинарія Шипулина обучаетъ двѣицъ рукодѣлію. Всѣхъ ученицъ 45.

2) *Пермское 2-е* приходское училище, одноклассное. Основано въ 1861 году. Помѣщается въ наемномъ домѣ. Содержанія получаетъ 660 руб. въ годъ отъ мѣстнаго общества. Учителей два: законоучитель, священникъ Будринъ и состоящій въ XIV-мъ классѣ учитель Киришичиковъ. Учениковъ 75.

3) *Пермское 3-е* приходское училище, одноклассное. Основано въ 1870 году. Помѣщается въ наемномъ домѣ, мало удобномъ. Содержаніе получаетъ отъ мѣстнаго общества въ количествѣ 681 руб. Учителей два: законоучитель, священникъ Оглоблинъ, и учитель Куклинъ. Учениковъ 35.

Б. Въ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ.

4) *Кунгурское 1-е* приходское, одноклассное, въ городѣ Кунгурѣ. Основано въ 1836 году. Помѣщается въ домѣ уѣзднаго училища, пожертвованномъ почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ. Содержится на счетъ доходовъ городского общества. Учителей два: законоучитель Поповъ (нынѣ перемѣщенъ въ село Алмазское) и учитель Соколовъ, обучаетъ чтенію, письму и ариметикѣ. Учениковъ 84.

5) *Кунгурское 2-е* приходское, одноклассное, въ Кунгурѣ же. Основано въ 1863 году. Своего помѣщенія не имѣетъ, а помѣщается въ одной комнатѣ городского общественнаго дома. Содержится отъ города. Учителей два: законоучитель, священникъ Задоринъ и учитель Сергѣй Елтышевъ. Учениковъ 56.

6) *Кунгурское 3-е приходское*, одноклассное, тамъ же. Основано въ 1866 году. Собственнаго помѣщенія не имѣеть, а помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ Кунгурскому городскому банку *Оумныхъ*. Содержится на счетъ городского банка. На содержаніе отпускается 450 р. Учителей два: законоучитель уѣзднаго училища, священникъ В. Коноховъ и учитель Михаилъ Тарасовъ. Учениковъ 41.

7) *Красноуфимское*, двухклассное, приходское, въ городѣ Красноуфимскѣ. Основано въ 1844 году. Собственнаго своего помѣщенія не имѣеть, а помѣщается въ нанимаемомъ отъ общества домѣ. На содержаніе получаетъ отъ городского общества 571 руб. и отъ почетнаго блюстителя 50 руб. Учителей три: 1) законоучитель, священникъ Первушинъ, 2) учитель II-го класса Арсеній Овчинниковъ, 3) учитель I-го класса Ал. Левинъ. Учениковъ 45.

8) *Кыновское* двухклассное приходское училище, съ женскимъ отдѣленіемъ (Кунгурскаго уѣзда), въ Кыновскомъ горномъ заводѣ, принадлежащемъ гр. Строганову. Основано въ 1860 году, помѣщается въ домѣ владѣльца, помѣщеніе не совсѣмъ удобное. Содержится на счетъ заводоуправленія гр. Строганова. Учителей три: должность законоучителя вакантная, учителя мужскаго училища, въ I-мъ классѣ Федоръ Калининъ, во II-мъ классѣ Павелъ Глазуновъ; надзирательница. Учащихся въ обоихъ классахъ 45 мальчиковъ и дѣвочекъ 31.

9) *Суксунское* одноклассное приходское (Красноуфимскаго уѣзда), въ Суксунскомъ горномъ заводѣ. Основано въ 1839 году. Училище помѣщается бесплатно въ заводскомъ домѣ, удобно, но становится ветхимъ и требуетъ исправленія. Содержится на счетъ добровольныхъ пожертвованій въ количествѣ 50 руб. Учителей два: законоучитель Андрей Поповъ и учитель Павелъ Манохинъ. Учащихся мальчиковъ 67 и дѣвочекъ 16.

10) *Сыльвинское* одноклассное приходское, съ отдѣленіемъ для дѣвиць (Красноуфимскаго уѣзда), въ Сыльвинскомъ горномъ заводѣ. Основано въ 1869 году. Помѣщается въ наемномъ домѣ. Содержится на счетъ частныхъ лицъ, работающихъ на заводѣ. Учителей два: законоучитель, священникъ Лавровъ, и учитель, окончившій курсъ въ Уральскомъ горномъ училищѣ Василій Алексѣевъ. Учащихся: мальчиковъ 97 и дѣвочекъ 35.

11) *Нижнесергинское* двухклассное приходское (Красноуфимскаго уѣзда), въ Нижнесергинскомъ горномъ заводѣ. Основано въ 1852 г. Помѣщеніе удобно, но колодно. Принадлежитъ заводовладѣльцу. Содержится на счетъ пожертвованій родителей учащихся. Учителей три:

1) въ I-мъ классѣ — вакансія, 2) законоучитель Петръ Задоринъ, 3) учитель Алекс. Коровинъ. Учащихся въ обоихъ классахъ 54.

12) *Иргинское* одноклассное приходское, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ (Красноуфимскаго уѣзда), въ Иргинскомъ заводѣ. Основано въ 1853 году, помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ заводу, а теперь переданномъ земству. Содержалось на счетъ заводууправленія, а теперь въ содержаніи отказано. Учителей два: законоучитель, священникъ Луканинъ, и учитель Павелъ Недуговъ. Учащихся мальчиковъ 21 и дѣвочекъ 8.

13) *Кунгурское* двухклассное приходское женское училище, въ городѣ Кунгурѣ. Основано въ 1863 году. Помѣщается бесплатно въ домѣ, принадлежащемъ уѣздному училищу. Получаетъ изъ городскихъ доходовъ 900 руб. и отъ почетнаго попечителя 50 руб. Учителей три: 1) законоучитель, священникъ Павелъ Поповъ, 2) учитель I-го класса Лавр. Грачевъ, 3) учительница II-го класса Елисавета Визгина, и надзирательница Е. Соколова, обучающая дѣвочекъ рукодѣлю. Ученицъ 100 въ обоихъ классахъ.

14) *Нижнесергинское* женское училище. Закрыто по неимѣнію средствъ.

15) *Кыласовское* одноклассное (Кунгурскаго уѣзда), въ селѣ Кыласовѣ. Открыто въ 1864 году. Помѣщается бесплатно въ домѣ бывшей сельской расправы. Содержится на счетъ четырехкопѣчнаго сбора съ крестьянъ въ количествѣ 264 руб. Учителей два: законоучитель, священникъ Нечаевъ и учитель, окончившій курсъ въ Пермской духовной семинаріи Кузнецовъ (нынѣ не преподаетъ). Учениковъ 40.

16) *Рождественское* одноклассное, въ селѣ Рождественскомъ, открыто въ 1815 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ, весьма неудобномъ. Содержится на четырехкопѣчный общественный сборъ, въ количествѣ 219 руб. Наставникъ — священникъ Будринъ. Учениковъ 40.

17) *Сажинское* смѣшанное одноклассное, въ селѣ Сажинѣ, открыто въ 1861 году, помѣщается въ общественномъ домѣ бывшей сельской расправы. Содержится на общественный сборъ въ количествѣ 219 р. Учитель священникъ Архангельскій. Учащихся 13 мальчиковъ и 3 дѣвочки.

18) *Березовское* одноклассное, въ селѣ Березовскомъ, открыто въ 1843 году. Помѣщается въ общественномъ весьма неудобномъ домѣ бывшей сельской расправы. Содержится на общественный сборъ въ

количество 189 руб. Учителей два: законоучитель, священник. Архангельскій, и учитель Косминъ (нынѣ не преподаетъ). Учениковъ 30.

19) *Филипповское* одноклассное, въ селѣ Филипповѣ. Основано въ 1861 году. Помѣщается въ церковномъ домѣ, требующемъ исправленія. Содержится на общественный сборъ въ количество 219 руб. Учителей два: законоучитель, священник. Удинцевъ, и учитель Покровскій (переведенъ). Учащихся 33.

20) *Спасобардинское* одноклассное смѣшанное въ селѣ Спасобардинскомъ. Открыто въ 1845 году, помѣщается въ наемной квартирѣ. Содержится на общественный сборъ въ количество 219 руб. Одноклассное. Учитель священник. Бердниковъ. Учащихся 29 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

21) *Златоустовское* одноклассное, въ селѣ Златоустовѣ, основано въ 1839 году, помѣщается въ церковномъ домѣ, съ платою по 10 р. въ годъ. Содержится грязно. Содержится на счетъ четырехквѣтнаго сбора въ количество 294 руб. Учителей два: законоучитель, священник. Колокольниковъ, и учитель, дьяконъ И. Порошинъ. Учениковъ 30.

22) *Ачитское* одноклассное, въ селѣ Ачитѣ. Основано въ 1845 г. Помѣщается въ наемномъ домѣ. Содержится на общественный сборъ въ количество 219 руб. Учитель Александръ Соколовъ (нынѣ переведенъ). Учениковъ 34.

23) *Кленовское* одноклассное, въ селѣ Кленовскомъ. Открыто въ 1860 году, помѣщается на квартирѣ; помѣщеніе неудобное. Содержится на общественный сборъ въ количество 219 руб. Наставникъ священник. Лаврентій Грамолинъ (переведенъ). Учениковъ (?).

24) *Поташинское* одноклассное, въ селѣ Поташинскомъ. Открыто въ 1845 году. Помѣщается бесплатно въ комнатѣ при волостномъ правленіи. Содержится на общественный сборъ въ количество 189 р. Наставникъ священник. Василій Филатовъ (нынѣ переведенъ въ село Далматовское). Учениковъ во время осмотра было только 2.

25) *Ачитское* одноклассное женское, въ селѣ Ачитѣ. Открыто въ 1845 году. Помѣщается въ особой комнатѣ при мужскомъ училищѣ. Содержится на общественный сборъ въ количество 223 руб. Учителей два — законоучитель и наставница Евгения Каргополова. Ученицъ 14.

В. Въ Ирбитскомъ уездѣ.

26) *Ирбитское* мужское приходское одноклассное, въ гор. Ирбити. Основано въ 1834 году. Помѣщается въ домѣ уезднаго училища.

Получаетъ отъ городского общества 821 руб. Учителей три: законоучитель свящ. Виоградовъ, губернский секретарь Михайловъ преподаетъ въ I-мъ отдѣленіи и губернский же секретарь Бобылевъ во II-мъ отдѣленіи. Учащихся въ январѣ было 74, а къ 1-му мая 77.

27) *Ирбитское* женское одноклассное; въ гор. Ирбити. Основано въ 1859 г. Помѣщается въ наемномъ каменномъ домѣ. Отпускается на содержаніе изъ городской думы 1.330 руб. Учителей три: законоучитель, свящ. Шишевъ, а остальные предметы преподаютъ учителя уѣзднаго училища. Ученицъ 62.

28) *Ирбитское* одноклассное приходское училище, съ отдѣленіемъ для дѣвицъ, въ Ирбитскомъ заводѣ. Помѣщается въ домѣ священника. Содержится на счетъ заводовладѣльца (260 руб.) По многочисленности, учащихся, училище это раздѣляется на 3 отдѣленія. Наставникъ свящ. Александръ Хлыновъ. Учащихся мальчиковъ 59, дѣвочекъ 23, всего 82.

29) *Байкаловское* одноклассное, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ, въ селѣ Байкаловскомъ. Основано въ 1843 году. Помѣщается въ домѣ наставника безмездно. Помѣщеніе тѣсное, неудобное. Содержится на четырехкопѣечный сборъ съ крестьянъ въ количествѣ 248 руб. 14 к. Преподаватель свящ. Оглобинъ, надзирательница (жена священника) обучаетъ рукодѣлію. Учащихся мальчиковъ 64 и дѣвочекъ 16.

30) *Бѣлослудское* одноклассное, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ, въ селѣ Бѣлослудскомъ. Основано въ 1843 году. Зданіе не совсѣмъ удобно: холодно зимой и на концѣ селенія. Содержится на общественный сборъ съ крестьянъ въ количествѣ 217 руб. 14 коп. Наставникъ Иллѣодоръ Грамолинъ. Учащихся мальчиковъ 59, дѣвочекъ 11.

31) *Ницинское* одноклассное въ селѣ Нициномъ, открыто въ 1840 году. Помѣщеніе общественное, удобное, но требуетъ поправки. Содержится на общественный сборъ съ крестьянъ, въ количествѣ 218 руб. 14 коп. Учителей два: законоучитель, свящ. Удинцевъ, и учитель, уволенный отъ обязательной службы горнымъ заводамъ, урядникъ 1-й статьи, Николай Кунгуровъ. Учениковъ 28.

32) *Покровское* одноклассное, въ селѣ Покровскомъ, открыто въ 1843 году. Помѣщается въ наемной квартирѣ. Содержится на счетъ четырехкопѣчнаго сбора съ крестьянъ (248 руб. 14 коп.). Наставникъ священникъ о. Кыштымовъ. Учениковъ 31.

33) *Шогринское* одноклассное, въ селѣ Шогринскомъ, открыто въ 1859 году. Зданіе принадлежитъ церкви, тѣсно, съ дурными полами,

и по случаю постройки колокольни должно быть сломано. Содержится на общественный сборъ въ количествѣ 248 руб. 14 коп. Наставникъ свящ. Хлѣбинъ. Учениковъ 36.

34) *Костинское* одноклассное, въ селѣ Костинскомъ, открыто въ 1848 году. Помѣщеніе общественное, но неудобно по ветхости и тѣснотѣ. Содержится отъ общества (248 руб. 14 коп.). Учителей два: законоучитель, свящ. Южиковъ, и учитель, канцелярскій служитель Вишневскій (нынѣ перемѣщенъ въ гражданскую службу). Учениковъ 45.

35) *Киринская* одноклассная школа грамотности, въ селѣ Киринскомъ, открыта въ 1841 году. Помѣщается въ наемномъ отъ общества домѣ. Содержится на средства общества, учитель получаетъ по 6 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ. Учителей два: законоучитель Аркадій Арсеньевъ и учитель, губернский секретарь Павлинъ Парышевъ. Учащихся 27 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ.

36) *Иленская* одноклассная, въ селѣ Иленскомъ, открыта въ 1864 году. Помѣщеніе не совсѣмъ удобно: одна комната при волостномъ управленіи не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ. Содержится на средства общества. Наставникъ свящ. Михайлъ Козеловскій. Учениковъ 29.

37) *Шмаковская* одноклассная, въ селѣ Шмаковскомъ, открыта въ 1861 году. Помѣщается въ крестьянской избѣ. Безъ опредѣленнаго содержанія. Наставникъ свящ. Николай Рученовичъ. Учениковъ 12.

38) *Гаевская* одноклассная смѣшанная, въ селѣ Гаевскомъ, открыта въ 1861 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ, построенномъ для сельской расправы; съ разбитыми окнами, со щелями въ полу. Безъ опредѣленнаго содержанія. Учитель—крестьянинъ, изъ духовнаго званія, Николай Петровскій. По временамъ бываетъ законоучитель Ирбитскаго мужскаго училища свящ. Виноградовъ. Учащихся мальчиковъ 24, дѣвочекъ 8.

Г. Въ Верхотурскомъ уездѣ.

39) *Верхотурское* одноклассное приходское училище въ городѣ Верхотурѣ. Открыто въ 1835 году. Помѣщается въ собственномъ, удобномъ домѣ. Содержится на счетъ городского общества (553 р.). Учителей два: законоучитель, свящ. Слоцовъ, и учитель Матвѣевъ. Учащихся 30.

40) *Верхотурское* же, одноклассное женское, открыто въ 1863 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ. Содержится отъ городского

общества (150 руб.) Учителей два: законоучитель, свящ. Удинцевъ, и надзирательница, губериск. секрет. Марса Вунькова. Учащихся дѣвочекъ 40.

41) *Алапаевское* одноклассное приходское, въ Алапаевскомъ заводѣ, открыто въ 1822 году. Помѣщеніе получаетъ отъ волостнаго правленія, Содержится на счетъ заводовладѣльца (160 р.). Учителей четыре: 1) законоучитель, свящ. Пономаревъ, 2) діаконъ Никольскій, 3) діаконъ Размахиннъ и 4) псаломщикъ Ив. Ивановъ. Учащихся 60.

42) *Алапаевское* одноклассное женское, тамъ же, открыто въ 1864 году. Помѣщеніе наемное, не вполне удобное. Содержится заводовладѣльцемъ (211 руб.). Учителей три: 1) законоучитель, свящ. Дубровскій, 2) псаломщикъ Ив. Горскій и 3) Алексій Удинцевъ. Надзирательница Маргарита Ивановна Плотникова. Учащихся 30 дѣвочекъ.

43) *Меркушинское* одноклассное приходское, въ селѣ Меркушинскомъ, открыто въ 1843 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ, неудобномъ, требующемъ поправокъ. Содержится на четырехкопѣечный сборъ съ крестьянъ, въ количествѣ 218 руб. 14 коп. Учитель, псаломщикъ Николай Мартыновъ. Учащихся одна дѣвочка и 43 мальчика.

44) *Мугайское* одноклассное, въ селѣ Мугайскомъ, открыто въ 1845 году. Помѣщается въ домѣ законоучителя, помѣщеніе неудобно. Содержится крестьянами (248 руб. 14 коп.). Учитель законоучитель, свящ. Удинцевъ, который содержитъ на свой счетъ себѣ помощника. Учащихся 18.

45) *Арамашевское* одноклассное, въ селѣ Арамашевскомъ, открыто въ 1860 году. Училище занимаетъ домъ, принадлежащій священнику Капустину; помѣщеніе мало-удобно. Содержится крестьянами (248 р. 14 коп.). Наставникъ, свящ. Іоаннъ Капустинъ. Учащихся 39 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

46) *Мурзинское* одноклассное, въ селѣ Мурзинскомъ, открыто въ 1838 году. Помѣщается на квартирѣ. Содержится на четырехкопѣечный сборъ съ крестьянъ, въ количествѣ 248 руб. 14 коп. Наставникъ, діаконъ Никаноръ Суворовъ. Учащихся мальчиковъ 15 и 2 дѣвочки.

47) *Краснопольское* одноклассное, въ селѣ Краснопольскомъ, открыто въ 1842 году. Помѣщается при квартирѣ священника Дягилева. Содержится крестьянами (248 руб. 14 коп.). Наставникъ, свящ. Петръ Дягилевъ. Учащихся 11.

48) *Нейво-Шайтанское* одноклассное, въ селѣ Нейво-Шайтанскомъ, открыто въ 1869 году. Помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ заводовладѣльцамъ; зданіе ветхо. Школа получаетъ отъ крестьянъ часть слпц, отд. 4.

стьянъ 60 руб. и отъ заводовладѣльца 57 руб. 10 коп., всего 117 руб. 10 коп. Учитель; псаломщикъ Дмитрій Пономаревъ. Учащихся 41.

49) *Кушвинское* одноклассное (церковно-приходское), въ Кушвинскомъ заводѣ, открыто въ 1868 году. Помѣщеніе собственное, довольно удобное. Содержится на счетъ 20-копѣчнаго сбора съ души. Законоучитель, священникъ Рычковъ, и учитель, мастеровой Пляньковъ. Учащихся 20 мальчиковъ.

Д. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ.

50) *Екатеринбургское* одноклассное приходское училище въ городѣ Екатеринбургѣ, открыто въ 1840 году. Помѣщается въ домѣ уѣзднаго училища. Содержаніе получаетъ изъ городской думы, въ количествѣ 841 руб. Учителей три: законоучитель, священникъ Дергачевъ, учитель, состоящій въ XIV-мъ классѣ, Поповъ, исправляющій должность учителя Зубрицкій. Учащихся 122 мальчика.

51) *Билимбаевское* двухклассное, въ Билимбаевскомъ заводѣ. Открыто въ 1820 году. Помѣщеніе удобное, въ 2-хъ большихъ комнатахъ каменнаго дома. Содержится на счетъ графини Строгоновой. Учителей три: законоучитель и учителя Захаръ Кольцевъ и Николай Мелехинъ. Учащихся 92 мальчика и 27 дѣвочекъ.

52) *Невьянское* двухклассное, въ Невьянскомъ заводѣ. Открыто въ 1828 году. Помѣщеніе занимаетъ въ домѣ, принадлежащемъ заводовладѣльцу; удобно. Содержится на счетъ заводовладѣльцевъ Яковлевыхъ. Учителей три: законоучитель, священникъ Серебренниковъ, священникъ Горбуновъ и священникъ Шишовъ. Учащихся 53.

53) *Ревдинское* одноклассное, въ Ревдинскомъ заводѣ. Открыто въ 1827 году. Помѣщается въ домѣ владѣльца. Содержится на счетъ заводовладѣльцевъ. Учителей два: законоучитель священникъ Кузнецовъ и учитель Уховъ. Учащихся 50.

54) *Нижнесалдинское* одноклассное съ двумя отдѣленіями, въ Нижнесалдинскомъ заводѣ. Открыто въ 1865 году. Помѣщеніе удобно, въ домѣ владѣльца. Содержится на счетъ заводовладѣльца. Учителей два: законоучитель, священникъ Богомоловъ и исправляющій должность учителя Степанъ Истоминъ. Учащихся въ обоихъ отдѣленіяхъ 151 мальчикъ.

55) *Павлушинское* одноклассное женское училище съ двумя отдѣленіями, въ заводѣ Нижнетагильскомъ. Открыто въ 1865 году. Помѣщается въ домѣ заводовладѣльца; зданіе удобно. Содержится на счетъ заводовладѣльца. Непосредственно училищемъ завѣдываетъ

г-жа Васильева; законоучителемъ свящ. Павелъ Чирковъ, учитель ариѳметики Пыревъ, наставница русскаго языка старшаго отдѣленія Ольга Подановская, младшаго — дѣвица Евл. Образцова. Учащихся 90 дѣвочекъ.

56) *Нижнетагильское* одноклассное, съ двумя отдѣленіями, мужское, тамъ же. Основано въ 1836 году, Помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ владѣльцу, очень удобномъ. Содержится заводовладѣльцемъ Павл. Павл. Демидовымъ. Учителей штатныхъ пять и одинъ помощникъ: 1) законоучитель, свящ. Хлоповъ, 2) учитель русскаго языка въ старшемъ отдѣленіи П. Шестаковъ, 3) то же въ младшемъ — П. Луденко, 4) учитель ариѳметики въ старшемъ отдѣленіи Губбъ Турьгинъ, 5) то же — въ младшемъ — П. Пыревъ, помощникъ Алексѣй Осиповъ. Учащихся въ старшемъ отдѣленіи 63, въ младшемъ — 122 мальчика, всего 185 учениковъ.

57) *Черемисское* одноклассное, въ селѣ Черемисскомъ, открыто въ 1843 году. Училище помѣщается въ одной комнатѣ, въ домѣ священника. Содержится на счетъ четырехкопѣчнаго сбора съ крестьянъ, въ количествѣ 248 руб. 14 коп. Наставникъ Матвѣй Вас. Цервушинъ. Учащихся 47 мальчиковъ.

58) *Грбовское* одноклассное, въ селѣ Грбовскомъ, открыто въ 1843 году, потомъ закрылось, снова открыто въ 1869 году. Помѣщается на квартирѣ: одна комната съ небольшою передней. Содержится крестьянами (248 руб. 14 коп.). Временно занимаетъ мѣстный крестьянинъ съ 19-го августа 1869 года. Учениковъ 40 мальчиковъ.

59) *Бытовская* одноклассная школа грамотности, въ Бытовскомъ заводѣ, основана въ 1849 году. Помѣщается въ квартирѣ учителя; помѣщеніе мало-удобно. Содержится отъ Невьянскаго заводууправленія и частными пожертвованіями. Наставникъ, свящ. Николай Варушкинъ. Учащихся 14 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

Итого въ 3-хъ училищахъ города Перми 197 мальчиковъ и 45 дѣвочекъ; въ 22-хъ школахъ Кунгурскаго и Красноуфимскаго уѣздовъ 761 мальчикъ и 209 дѣвочекъ; въ 13-и школахъ Ирбитскаго уѣзда 489 мальчиковъ и 126 дѣвочекъ; въ 11-и училищахъ Верхотурскаго уѣзда 217 мальчиковъ и 75 дѣвочекъ, и въ 10-и школахъ Екатеринбургскаго уѣзда 159 мальчиковъ и 121 дѣвочка; а всего въ обозрѣнныхъ 59-и школахъ учащихся 2.339, въ томъ числѣ мальчиковъ 1.823 и дѣвочекъ 516.

Инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи **Парамоновъ**.

О НѢКОТОРЫХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Тульское городское мужское училище, состоящее изъ двухъ отдѣленій — младшаго и старшаго, въ настоящее время помѣщается въ наемномъ, деревянномъ ветхомъ домѣ, старшее отдѣленіе — совмѣстно съ Тульскимъ уѣзднымъ училищемъ, а младшее — во флигелѣ, состоящемъ изъ передней и одной классной комнаты. Тѣснота помѣщенія, духота, грязь, скудость окладовъ учителей, недостатокъ матеріальныхъ средствъ для содержанія училища, вслѣдствіе совершеннаго равнодушія городского общества къ дѣлу народнаго образованія, составляетъ, такъ-сказать, отличительную черту Тульскаго городского училища. Не смотря на то, что г. Тула имѣетъ около 60.000 населенія, городскимъ обществомъ отпускается на содержаніе училища 102 руб. 50 коп. и купеческимъ — 100 руб., такъ что если бы Тульскимъ земскимъ собраніемъ не было ассигновано въ пособіе 300 руб., то существованіе училища было бы невозможно. Вся ассигнуемая на содержаніе училища сумма, въ количествѣ 502 руб. 50 коп., расходуется слѣдующимъ образомъ: 360 руб. на жалованье законоучителю и 2-мъ учителямъ наукъ, 60 р. сторожу, а остальные за тѣмъ 82 р. 50 к. употребляются на отопленіе, поддержаніе чистоты и прочіе расходы, такъ что, въ случаѣ перемѣщенія уѣзднаго училища въ другой домъ, что должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени, городское приходское училище должно будетъ или совсѣмъ, или же на нѣкоторое время закрыться, впредь до изысканія денежныхъ средствъ для найма дома подъ его помѣщеніе.

Въ учебномъ отношеніи это училище такъже не вполне удовлетворительно. Малоуспѣшность учениковъ въ младшемъ отдѣленіи столько же зависѣла отъ незнакомства учителя съ новыми методами преподаванія, сколько и отъ недостатка однообразныхъ учебниковъ (въ цѣломъ классѣ не было 5-и человекъ, у которыхъ были бы одинаковыя книги).

Для устраненія сихъ недостатковъ сдѣланы слѣдующія распоряженія :

Учителю указаны учебныя пособія и объяснены тѣ приемы, какіе слѣдуетъ употреблять при первоначальномъ обученіи чтенію и счету, и потому можно надѣяться, что при усердіи и добросовѣстности учителя г. Гастева, въ концу учебнаго года успѣхи дѣтей будутъ вполне удовлетворительны. Недостатокъ одинаковыхъ учебниковъ былъ также немедленно восполненъ, что дало учителю возможность слѣдить за правильнымъ, бѣглымъ и сознательнымъ чтеніемъ всего класса. Закону Божію въ этомъ отдѣленіи почему-то не обучались, но въ настоящее время вмѣнено учителю въ обязанность выучить дѣтей самымъ употребительнымъ молитвамъ, подъ руководствомъ законоучителя. Обученіе счету также велось по рутинному способу. Еще достойно замѣчанія и то, что изъ 50-и человѣкъ, обучающихся въ этомъ отдѣленіи, не было и 15-и, которые бы начали обучаться въ училищѣ съ азбуки, всѣ же прочіе начинаютъ обучаться читать и отчасти писать или у такъ-называемыхъ *мастеровъ*, или у *мастерицъ*.

Во 2-мъ отдѣленіи обученіе толковому чтенію, письму подъ диктовку и счету также не вполне удовлетворительно, вслѣдствіе того, что при Тульскомъ городскомъ училищѣ, кромѣ задачника Воленса, нѣтъ никакихъ учебныхъ пособій, изъ которыхъ бы учителя могли сколько-нибудь ознакомиться съ новыми методами преподаванія.

Женское городское Тульское училище содержится на счетъ 840 руб., отпускаемыхъ Тульскимъ уѣзднымъ земствомъ, и состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій. Успѣхи ученицъ по закону Божію въ старшемъ отдѣленіи весьма удовлетворительны. Обученіе же русской грамматикѣ и счету ведется по совершенно избитымъ и рутиннымъ способамъ и вполне неудовлетворительно. Обѣ наставницы домашняго воспитанія и весьма мало подготовлены къ дѣлу обученія дѣтей; особенно замѣтенъ недостатокъ педагогическаго такта въ томъ, что при спрашиваніи уроковъ все ихъ вниманіе сосредоточивается только на одной ученицѣ отвѣчающей, овладѣть же вниманіемъ всего класса и заставить дѣтей заниматься дѣломъ — наставницы не въ состояніи, а потому дѣти во время урока зѣваютъ, шалютъ и дѣлаютъ разнаго рода беспорядки, мѣшающіе услѣшному преподаванію ¹⁾. При училищѣ, кромѣ вазанія

¹⁾ При посѣщеніи моемъ училища въ первый разъ, ученицы старшаго отдѣленія шли подъ надзоромъ особой портнихи; въ младшемъ отдѣленіи учительница русскаго языка шла бѣлье, а одна изъ ученицъ, стоя предъ нею, разбирала склады, остальные же предавались совершенному бездѣйствію; въ среднемъ отдѣленіи занимался законоучитель.

чулокъ, выпиванія въ пальцахъ, съ ноября мѣсяца прошлаго года открытъ еще классъ швейнаго мастерства и приглашена портниха, обучающая старшихъ дѣвочекъ шить платья изъ собственного матеріала и собственно только для самихъ себя. О состояніи учебнаго дѣла въ этомъ училищѣ лично сообщено было мною г. председателю уѣздной земской управы, нинѣ избранному въ председатели Тульского уѣзднаго училищнаго совѣта.

Шитловское училище (Каширскаго уѣзда) существуетъ съ 1868 г., помѣщается въ собственномъ, просторномъ, свѣтломъ и тепломъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выстроенномъ заботами и стараніемъ приходскаго попечительства, которому оно и обязано своимъ существованіемъ. Здѣсь же находится и квартира учителя Н. Глаголева, окончившаго курсъ въ Тульской духовной семинаріи. Въ судьбѣ училища постоянно принимали самое живое участіе Дарья Михайловна Гоголь и священникъ Гастевъ, что весьма благотворно вліяло и на усійхи учащихъ и даже на ихъ родителей. Училище это въ 1871 г. предназначено къ преобразованію въ двухклассное отъ министерства народнаго просвѣщенія. Изъ 56-и учащихся, значащихся по списку, я засталъ, при посѣщеніи моемъ училища 17-го декабря, 46 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, остальные не явились въ классъ, по заявленію учителя, вслѣдствіе вьюги и выпавшаго въ большомъ количествѣ снѣга; 12 старшихъ мальчиковъ читали весьма внятно, бѣгло и выразительно, прочитанное могли разказать и объяснить, писали на доскѣ подъ диктовку довольно правильно. Изъ закона Божія знаютъ всѣ повседневныя молитвы, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ; объясняютъ символъ вѣры и десять заповѣдей, разказываютъ изъ священной исторіи о рождествѣ Христовомъ, о введеніи во храмъ пресвятыя Богородицы, о поклоненіи пастырей и проч. По ариметикѣ рѣшали довольно сложныя задачи на всѣ 4 дѣйствія. Въ классѣ замѣтенъ большой порядокъ, дѣти во время урока держали себя весьма прилично, отвѣчали свободно, развязно, смотрѣли весело, и ходятъ въ училище, какъ сами дѣти мнѣ объ этомъ заявляли, весьма охотно.

Ясенковское сельское училище (Крапивненскаго уѣзда), помѣщающееся при Ясенковскомъ сельскомъ волостномъ правленіи, находится въ состояніи совершенно неудовлетворительномъ. Помѣщеніе крайне тѣсно, грязь и зловоніе нестерпимы. Изъ 28-и учениковъ, значащихся по списку, только 20 присутствовало въ классѣ при моемъ посѣщеніи 24-го ноября; изъ обучающихся вторую зиму трое только и то кое-какъ могли прочитать по книгѣ, безъ малѣйшаго пониманія прочи-

таннаго, выучили наизусть безсознательно не болѣе 3-хъ молитвъ; остальные же затѣмъ 17 человекъ выучили только отъ 5-и до 7-и буквъ. Когда я вошелъ въ училище, то дѣти сидѣли по своимъ мѣстамъ и весьма смирно, но безъ всякаго занятія, и ни у кого изъ нихъ не было книгъ, учитель же ихъ находился въ это время въ комнатѣ волостнаго правленія, смежной съ классомъ. Въ училищѣ, кромѣ 10-и экземпляровъ священной исторіи Базарова, высланныхъ въ нынѣшнемъ учебномъ году Крапивенскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, букваря и какой-то безъименной ариметикѣ, никакихъ другихъ учебныхъ пособій не имѣется. Учитель этого училища, получающій отъ сельскаго общества 106 рублей въ годъ за обученіе ихъ дѣтей, семинаристъ, онъ же и писарь волостнаго правленія, человекъ совершенно неспособный и ни мало не интересующійся учебнымъ дѣломъ. Подобный учитель не только не въ состояніи развить дѣтей, но можетъ только повредить ихъ физическому здоровью, держа ихъ по нѣскольکو часовъ въ день въ душмой, зловонной и грязной комнатѣ. Не смотря на то, что дѣти ничего не отвѣчали, онъ былъ невозмутимо спокоенъ и держалъ себя съ полнымъ сознаниемъ своего собственнаго достоинства.

Инспекторъ народныхъ училищъ Тульской губерніи **Жонопацкій**.

ИНОСТРАННАЯ УЧЕБНАЯ ХРОНИКА.

И Т А Л І Я.

Въ истекшемъ году обнаруженъ былъ итальянскимъ правительствомъ новый проектъ закона объ обязательномъ народномъ образованіи, выработанный особою комиссіей, подъ предсѣдательствомъ Баргони (Bargoni). Приводимъ въ переводѣ текстъ этого закона.

§ 1. Элементарное обученіе дается бесплатно во всѣхъ общинахъ, которыя обязаны заботиться о семъ, согласно съ потребностями своихъ жителей.

§ 2. При опредѣленіи этихъ потребностей, вмѣстѣ съ которыми общины обязаны заботиться и о военномъ образованіи народа, могутъ быть приняты въ соображеніе школы, основанныя правительствомъ, частными обществами или учрежденныя на частныя пожертвованія для общественной пользы, если эти школы будутъ найдены провинціальнымъ школьнымъ совѣтомъ пригодными. Также могутъ быть приняты во вниманіе и школы, основанныя частными лицами, если онѣ, по представленію провинціального школьнаго совѣта, одобрены министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 3. Родители и тѣ лица, которыя законно ихъ замѣняютъ, обязаны дать элементарное обученіе своимъ дѣтямъ обоюго пола, а если они не посылаютъ ихъ въ общественную школу, то должны доказать завѣдывающему общиной синдикку, что ихъ дѣти получаютъ достаточное обученіе въ другомъ мѣстѣ.

§ 4. Всѣ дѣти, достигшія 6-лѣтняго возраста, не подлежащія изыятію по предыдущей статьѣ, обязаны посѣщать общинную школу во все теченіе элементарнаго курса и имѣютъ право оставить ее только послѣ удовлетворительнаго окончательнаго экзамена, производимаго общиннымъ и школьнымъ начальствомъ.

Время ученія, въ которое школы каждой общины должны быть открытыми, а также росписаніе предметовъ по классамъ устанавливается

провинціалнымъ школьнымъ совѣтомъ, по предложенію муниципальнаго собранія.

§ 5. Въ каждой общинѣ, въ которой согласно съ симъ закономъ, смотря по населенію, находится достаточное число школъ, по крайней мѣрѣ низшихъ, расположенныхъ въ мѣстахъ удобныхъ для посѣщенія (въ чемъ школьный провинціальный совѣтъ обязанъ удостовѣриться), примѣняются постановленія настоящаго закона.

§ 6. Въ каждой общинѣ синдикъ обязанъ особымъ объявленіемъ, за мѣсяць до начала новаго учебнаго года, извѣстить жителей объ открытіи школъ и напомнить родителямъ и лицамъ, исполняющимъ ихъ обязанности, предписанія сего закона и соотвѣтствующія наказанія за ихъ неисполненіе. Синдикъ долженъ увѣщевать въ особенности тѣхъ лицъ, которые не исполнили своей обязанности въ продолженіе перваго мѣсяца новаго учебнаго года.

§ 7. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ имена лицъ, не исполняющихъ своей обязанности дать дѣтямъ начальное обученіе, должны быть записаны синдикомъ и вывѣшены на дверяхъ муниципальнаго дома для всеобщаго свѣдѣнія.

§ 8. По истеченіи мѣсяца послѣ опубликованія этихъ именъ, синдикъ долженъ обратиться къ подлежащему судебному начальству, чтобы всѣ, не исполнившіе вышесказанной обязанности, были подвергнуты, вслѣдствіе этого нарушенія закона, денежному штрафу, согласно съ статьями 63-й и 67-й уложенія уголовнаго законодательства 20-го ноября 1859 года.

§ 9. Предыдущія постановленія относятся ко всѣмъ лицамъ, какимъ бы то ни было образомъ имѣющимъ въ своемъ вѣдѣніи дѣтей въ возрастѣ, закономъ предписанномъ для посѣщенія элементарныхъ школъ, то-есть, имѣющимъ дѣтей или на службѣ въ своемъ домѣ, или дѣтей, родители или опекуны которыхъ обыкновенно не живутъ въ общинѣ. Нижеслѣдующія лица подлежатъ ответственности на равнѣ съ родителями по предшествовавшей статьѣ, а именно: хозяева лавокъ, заводовъ, торговыхъ мѣстъ, если эти лица прямымъ или косвеннымъ образомъ мѣшаютъ, затрудняютъ или причиняютъ ущербъ дѣтямъ при посѣщеніи ими начальныхъ школъ.

§ 10. Хозяева механическихъ и промышленныхъ заведеній, которые употребляютъ на работу дѣтей отъ 6-и до 12-лѣтняго возраста, должны черезъ синдика представлять провинціальному школьному совѣту списокъ всѣхъ дѣтей, которыя у нихъ служатъ, и обязаны давать имъ элементарное образованіе согласно съ симъ закономъ, по-

силамъ ихъ въ общественную элементарную школу, или давая имъ это образованіе у себя въ заведеніи.

Это постановленіе не относится къ тѣмъ заведеніямъ, въ которыхъ работаютъ только въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ годъ.

§ 11. Обученіе обязательно въ тюрьмахъ подсудимыхъ, въ острогахъ, въ смиренныхъ домахъ, и въ арестантскихъ, съ допущеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя требуются особенностями этихъ учрежденій. Чиновники, заведывающіе этими заведеніями, обязаны ежегодно представлять министерству особое донесеніе, въ которомъ должны быть упомянуты имена тѣхъ арестантовъ, которые наиболее отличались способностями и успѣхами въ продолженіе учебнаго курса.

§ 12. Элементарное обученіе обязательно для всѣхъ солдатъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ войскъ, которые при вступленіи въ военную службу не умѣли читать и писать.

Это обученіе должно преподаваться въ особыхъ школахъ, принадлежащихъ разнымъ армейскимъ частямъ; дидактическіе приемы обученія и его средства будутъ установлены особымъ уставомъ, сообразно лѣтамъ и военному положенію учащихся.

Въ этомъ уставѣ должны быть опредѣлены и дисциплинарныя взысканія, которымъ подвергаются неприлежные солдаты.

§ 13. Въ видахъ достаточнаго снабженія военныхъ командъ преподавателями, принадлежащими къ военному сословію, ежегодно должно быть допускаемо извѣстное число капраловъ или унтеръ-офицеровъ изъ разныхъ армейскихъ корпусовъ къ посвѣщенію нормальныхъ или учительскихъ школъ, по окончаніи курса которыхъ учащіеся подвергаются особому испытанію и получаютъ аттестатъ элементарнаго учителя.

§ 14. Элементарное обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей и взрослыхъ, не старше 40 лѣтъ, которые находятся въ благотворительныхъ домахъ, за исключеніемъ находящихся въ богадѣльняхъ немощныхъ и инвалидовъ.

§ 15. Упомянутыя въ предыдущей статьѣ учрежденія должны содержать школы на свой счетъ, или съ согласія провинціального собранія, пользоваться общинными школами, однако же съ ограниченіемъ числа посылаемыхъ въ нихъ дѣтей.

Въ случаѣ если означенныя учрежденія не располагаютъ достаточнымъ капиталомъ для содержанія особой школы, то провинція или община, пользующіяся этими благотворительными заведеніями или по закону обязавшіяся имъ содѣйствовать, должны на свой счетъ за

ботиться объ обученіи дѣтей, которыя находятся въ силѣ заведеній.

§ 16. При богоугодныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлю главнымъ образомъ воспитаніе дѣтей обоюго пола старшаго и младшаго возрастовъ, могутъ быть учреждены, по предложенію провинціального школьнаго совѣта и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, школы для образованія элементарныхъ учителей и учительницъ низшей степени; преподаватели таковыхъ школъ содержатся на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, остальные же издержки покрываются согласно предыдущему параграфу.

§ 17. Отцы семействъ, подвергшіеся штрафу, согласно ст. 3-й закона, за несоблюденіе обязанности дать своимъ дѣтямъ элементарное обученіе лишаются права участвовать въ политическихъ и административныхъ выборахъ въ продолженіе по меньшей мѣрѣ одного года.

§ 18. По истеченіи года со дня обнародованія сего закона, ни одинъ гражданинъ, не умѣющій читать и писать, не можетъ быть опредѣленъ на какое бы то ни было мѣсто, на которомъ жалованье получается отъ казны, провинціи или отъ общины.

§ 19. Субсидіи и деньги, выдающіяся благотворительными обществами на обзаведеніе молодымъ людямъ, должны быть выдаваемы только тѣмъ изъ нихъ, которые умѣютъ читать и писать. И вообще всѣ вспомогательныя, или другія ссудныя деньги, назначаемыя благотворительными обществами и тому подобными учрежденіями, если это не противорѣчитъ духу ихъ и основанію, должны быть выдаваемы преимущественно лицамъ, умѣющимъ писать и читать.

§ 20. Штрафныя деньги, которыя платятся въ силу сего закона, должны быть употребляемы для цѣлей народнаго образованія въ той общинѣ, въ которой онѣ взимаются.

§ 21. По истеченіи пяти лѣтъ со дня обнародованія настоящаго закона, должна быть составлена роспись всѣхъ общинъ, не имѣющихъ еще того количества школъ, которое провинціальный школьный совѣтъ признаетъ нужнымъ для мѣстнаго населенія.

Провинціальное собраніе должно заботиться о томъ, чтобы въ теченіе одного года всѣ подвѣдомыя ему общины открыли нужное число школъ, возлагая на жителей новые налоги для покрытія требуемыхъ расходовъ.

§ 22. Если же въ какой либо годъ и до истеченія упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ пяти лѣтъ получается доказательства совершенной невозможности для общины содержать требуемое симъ зако-

номъ число школъ, даже послѣ того какъ община наложила на своихъ жителей максимумъ закономъ допущенныхъ прямыхъ налоговъ, то провинція обязана принять на себя половину школьныхъ издержекъ, исчисленныхъ на тотъ годъ, послѣ чего эта община, съ согласія провинціального совѣта, королевскимъ декретомъ будетъ соединена съ другою.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшая грамота.

	СТРАН.
На имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена государственнаго совѣта Павла Муханова.	3

Высочайшія повелѣнія.

1. 17-го октября 1870 года. Обь отдѣленіи для преподаванія русскаго языка въ Сѣдлецкой мужской гимназіи четырехъ уроковъ, а въ Бѣльской трехъ уроковъ изъ числа назначенныхъ на языкъ польскій	4
2. 26-го ноября 1870 года. Обь освобожденіи учителей начальныхъ училищъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей	—
3. 30-го декабря 1870 года. О назначеніи для Академіи Наукъ на лѣтнія вакаціи двухъ съ половиною мѣсяцевъ	5
4. 30-го декабря 1870 года. Обь избраніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича въ почетные члены Московскаго университета.	—
5. 7-го декабря 1870 года. О содержаніи воспитанниковъ въ пансіонѣ Тульской гимназіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Томашевскимъ	51

6. 7-го декабря 1870 года. Объ учрежденіи стипендій Ѳ. Ѳ. Воропанова при одной изъ гимназій города Харькова	52
7. 7-го декабря 1870 года. О содержаніи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ одного полнаго пансіонера и двухъ или болѣе полупансіонеровъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовою майора Арапетова, урожденною Лазаревскою	—
8. 7-го декабря 1870 года. Объ учрежденіи стипендій акцизныхъ чиновниковъ Тверской губерніи при Тверской гимназій	54
9. 30-го декабря 1870 года. Объ учрежденіи стипендій Теодора и Евдокии Самофодовыхъ при Саратовскомъ городскомъ Александровскомъ училищѣ	—
10. 30-го декабря 1870 года. Объ учрежденіи стипендій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ротштейна при Казанскомъ университетѣ и 1-й гимназій	55
11. 30-го декабря 1870 года. Объ учрежденіи стипендій статскаго совѣтника Имшенника при Казанской 2-й гимназій	56
12. 30-го декабря 1870 года. О дозволеніи поставить въ залѣ Казанской 1-й гимназій портреты нѣкоторыхъ бывшихъ ученивъ этой гимназій	57
13. 1-го января 1871 года. О дозволеніи учредителю начальной бесплатной школы для бѣдныхъ дѣтей въ Лѣсномъ институтѣ и двумъ членамъ-сотрудникамъ носить мундиръ VIII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	—
14. 11-го января 1871 года. О расходѣ на содержаніе 9-и новыхъ прогимназій	58
15. 22-го января 1871 года. Объ увеличеніи числа почетныхъ наградъ для министерства народнаго просвѣщенія	59
16. 3-го февраля 1871 года. О привоеніи Курской женской гимназій именованія „Маріинской“	61
17. 4-го февраля 1871 года. Объ учрежденіи при Новороссійскомъ университетѣ, сверхъ 4-хъ лаборантовъ, еще одного сверхштатнаго	—

Высочайше приказы.

7-го декабря 1870 года (№ 18)	6
25-го декабря 1870 года (№ 19)	—
30-го декабря 1870 года (№ 20)	7
30-го декабря 1870 года (№ 21)	62

1-го января 1871 года (№ 1)	7
1-го января 1871 года (№ 2)	62
3-го февраля 1871 года (№ 3).	—
10-го февраля 1871 года (№ 4)	63

Высочайшія награды.

18-го декабря 1870 года.	63
25-го декабря 1870 года.	8
1-го января 1871 года	9

Министерскія распоряженія.

1. 14-го ноября 1870 года. Предложеніе г. попечителю Одесскаго учебнаго округа	15
2. 21-го ноября 1870 года. Предложеніе г. попечителю Киевскаго учебнаго округа	—
3. 12-го декабря 1870 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ	—
4. 19-го декабря 1870 года. Правила для назначенія стипендій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильи Емельяновича Ходовскаго, учреждаемыхъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	16
5. 19-го декабря 1870 года. Правила для замѣщенія стипендіи имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ	17
6. 22-го декабря 1870 года. Правила о хозяйственномъ комитетѣ Императорской публичной бібліотеки	18
7. 23-го декабря 1870 года. Правила для занятій въ Императорской публичной бібліотекѣ и для ея обзавѣнія	19
8. 23-го декабря 1870 года. Правила о совѣтѣ Императорской публичной бібліотеки	23
9. 2-ю января 1871 г. О расходахъ по Маньковскому электролѣчебному заведенію, состоящему при Харьковскомъ университетѣ	24
10. 6-ю января 1871 года. Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ	25
11. 16-ю января 1871 года. Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ	26
12. 22-го января 1871 года. Правила объ учрежденіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендіи штабъ-лѣкаря Александра Васильевича Лебедева	64

13. 13-го февраля 1871 года. Объ испрошеніи предварительнаго согласія попечителя учебнаго округа при доставленіи отзывовъ о немѣнннхъ препятствіяхъ къ награжденію лицъ по другимъ вѣдомствамъ	65
14. 13-го февраля 1871 года. О присылкѣ на конкурсъ въ Академію Художествъ лучшихъ ученическихъ работъ по рисованію.	66
15. 13-го февраля 1871 года. Относительно употребленія и исчисленія специальныхъ доходовъ гимназій и прогимназій	—
16. 19-го февраля 1871 года. О точнѣйшемъ соблюденіи § 49 уст. гимн. и прог. относительно комплекта учениковъ въ каждомъ классѣ	69

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го декабря 1870 года (№ 18)	27
16-го января 1871 года (№ 1).	70
30-го января 1871 года (№ 2).	72

ПОСТАНОВЛЕНІЯ СОВѢТА МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Засѣданіе 15-го октября 1870 года	30
---	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ элементарный, состоящій изъ трехъ частей“. В. С. Игнатовича	45
О книгѣ: „Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу“, Резенера и Волкова	—
О книгѣ: „Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ“. (Приложеніе къ „Руководству для обученія грамотѣ“). Резенера и Волкова.	—
О книгѣ: „Руководство къ физикѣ въ объемѣ курса женскихъ учебныхъ заведеній“, В. Полкотыцкаго	45
О книгѣ: „Русская хрестоматія“, Ѳ. Вуслаева	46
Объ учебныхъ атласахъ: а) для низшихъ классовъ гимназій и б) для полнаго гимназическаго курса. А. Ильина.	—
О книгѣ: „Руководство къ всеобщей географіи“, А. Сергѣева.	—
О книгѣ: „Географическіе очерки Россіи“, А. Сергѣева	—

О книгѣ: „Россія. Учебникъ географіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній“	46
О книгѣ: „Краткій очеркъ минералогіи“, А. Матушевскаго	47
О книгѣ: „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“, Надеждина	—
О книгѣ: „Краткій французскій синтаксисъ для употребленія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. И. Свѣшниковъ	—
О книгѣ: „Опытъ учебника русскаго синтаксиса“, В. Кеневича	—
О книгѣ: „Планиметрія по системѣ Лежандра“, составилъ К. Гехель, перевелъ В. Шиховъ	—
О книгѣ: „Стереометрія по Лежандру“, К. Гехеля, перевелъ В. Шиховъ	—
О картахъ: „Европы и Азіатской Россіи или Сибири“, Н. Зуева	74
О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ“. В. Воленса	—
О книгѣ: „Искусство и жизнь“, Николая Соловьева	—
О книгѣ: „Русская кристоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“, Льва Поливанова	—
О книгѣ: „Рѣчь Марка Туллія Цицерона въ защиту Селеста Россія Америнскаго“, переводъ И. Ростовцева	—
О книгѣ: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ“. Съ объясненіями Августа Гофмана	75 ✓
О книгѣ: „Приготовительный курсъ всеобщей географіи“, М. Ф. Заменгофа	—
О книгѣ: „Руководство къ изученію французскаго языка, для всѣхъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія“, В. А. Сильмана	—

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ“, протоіерея Соколова	48
О книгѣ: „Собесѣдованія о молитвѣ Господней“. В. Орлова	75
Объ авторѣ книги: „Иркутскъ и Иркутская губернія съ очеркомъ прочихъ губерній и областей Сибири“	76 ✓

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	ОТДѢЛЪ
Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи. <i>М. Погодина</i>	1
Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника времени Св. Стефана Великопермскаго. <i>П. Д. Шестакова</i>	29
Фридрихъ - Цезарь Лагарпъ, воспитатель императора Александра I. <i>М. И. Сухомлинова</i>	47 и 155
Сатиры Персія. Сатира вторая. <i>Н. М. Благовѣщенская</i>	76
Успѣхи науки о развитіи животныхъ. (За вторую половину 1869 и первую половину 1870 годовъ). <i>И. И. Мечникова</i>	—
Солнечное затмѣніе ¹⁰ / ₂₂ декабря 1870 года	138
Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений	145 и 317
Нѣкоторые общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. <i>И. Боудуэна-де-Куртменэ</i>	316

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Идея воспитывающаго обученія въ примѣненіи къ народной школѣ. <i>С. И. Миромольскаго</i>	1
Значеніе воспитателя въ гимназій и его задача. <i>Н. Глауловскаго</i>	26
Замѣтка о программѣ русской словестности. <i>Смирновскаго</i>	79

Наша учебная литература.

Разказы о Петрѣ Великомъ. <i>В. Новаковскаго</i>	45
Очерки и картины изъ всеобщей исторіи. <i>К. Бирнацкаго</i>	47
Исторія Израіля отъ сотворенія міра до возвращенія Израільтянъ изъ Вавилонскаго плѣненія. П. Бера. Перевелъ <i>А. Сомоновичъ</i>	50
Краткая библейская исторія. Текстъ еврейскій П. Бера. Перевелъ <i>Бернардъ Сегалъ</i>	—
Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. <i>Н. Надеждина</i>	52
Россія. Учебникъ географіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, составленный по новѣйшимъ свѣдѣніямъ.	53
Географическіе очерки Россіи. <i>А. Сертвега</i>	54
Учебникъ сравнительной географіи для старшихъ классовъ	

среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Россійская Имперія	56
Учебная книга сравнительной географіи. Азія, Африка, Америка и Австралія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. <i>К. Смирнова</i>	58
Учебная книга сравнительной географіи. Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. <i>К. Смирнова</i>	61
Учебная книга сравнительной географіи. <i>К. Смирнова</i>	64
Учебникъ сравнительной географіи для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Вильгельма Пютца, перевелъ съ нѣмец. М. М. Бульмерингъ	65
Руководство ко всеобщей географіи. В. Пютца, перевелъ съ нѣмец. И. Лукомскій	69
Руководство ко всеобщей географіи. Вѣтъ-европейскія страны. <i>А. Сертвеа</i>	71
Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. <i>К. Смирнова</i>	73

Наша педагогическая литература.

Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей. Сост. Лядовъ. <i>С. И. Миропольскаго</i>	92
Воспитаніе и начальное обученіе, руководство для сельскихъ учителей и матерей. Составилъ Шарловскій	102 ✓
Руководство къ начальному обученію для учителей народныхъ школъ. Кіевъ. 1869. <i>С. И. Миропольскаго</i>	— ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Обозрѣніе дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія за 1870 годъ	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ	27 и 184
Отчетъ о педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ лѣтомъ 1870 года при Гостинопольскомъ училищѣ (Новоладожскаго уѣзда) <i>Н. Добромыслова</i>	102
Отчетъ о педагогическихъ курсахъ, бывшихъ въ Гдовѣ лѣтомъ 1870 года <i>С. Иванова</i>	114

О происхождении остатковъ отъ суммъ, назначенныхъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ въ 1866—1869 годахъ	159
Свѣдѣнія объ учрежденіи Николаевской Царскосельской гимназій. <i>И. И. Пискарева</i>	162
Донесеніе попечителя Казанскаго учебнаго округа <i>Ш. Д. Шестакова</i> г. министру народнаго просвѣщенія отъ 27-го января, за № 31, относительно самоубійства готовившагося къ поступленію во 2-ю Казанскую гимназію <i>Платона Демерта</i>	168
Народныя училища въ Пермской губерніи. Инспектора народныхъ училищъ г. <i>Парамонова</i>	269
О нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ въ Тульской губерніи. Инспектора народныхъ училищъ г. <i>Молодцова</i>	306
Иностранная учебная хроника (Австрія и Италія)	124 и 308

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

~~27 Aug 68~~	
REC'D LD	REC. CIR. NOV 4 '76
AUG 14 1963	
FEB 10 1967 5 9	
IN STACKS	
JAN 27 1967	
MAR 16 67-11 AM	
REC'D LD	
March 16, 1973	
April 16, 1973	

LD 21A-50m-11, '62
(D3279s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

10 07403

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045460164

854546

W451

T4

V1153

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

